

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Материалы
VIII Международной научной конференции

*Челябинск
20–22 апреля 2016 года*

ТОМ 1

Челябинск
2016

УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2
С 48

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета*

Редакционная коллегия

доктор филологических наук, профессор Л. А. Нефедова (отв. ред.)
кандидат филологических наук О. Р. Абдрахманова
кандидат филологических наук, доцент Т. А. Волкова
кандидат филологических наук Д. А. Миронова
кандидат филологических наук С. С. Краева
преподаватель кафедры теории и практики перевода М. Д. Балаев
преподаватель кафедры теории и практики перевода М. Ю. Дмитриева
преподаватель кафедры теории и практики перевода Е. С. Краснопеева

С48 Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VIII Междунар. науч. конф., Челябинск, 20–22 апреля 2016 г. / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Т. 1. – Челябинск : Энциклопедия, 2016. – 563 с.
ISBN 978-5-91274-293-4

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в VIII международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В сборнике освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

**УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2**

Сборник издается в авторской редакции

ISBN 978-5-91274-293-4

© Коллектив авторов, текст, 2016
© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2016

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

N. F. German

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk (Russia)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ И ПРЕДРАССУДКОВ

CULTURAL IDENTITY AS THE BASIS FOR STEREOTYPING, PREJUDICE, DISCRIMINATION AND RACISM

Благодаря культурной идентичности человек устанавливает границы и выделяет отличия вместо того, чтобы концентрировать внимание на общих чертах. Идентичность играет важную роль во взаимосвязи человека и культуры. Эта связь имеет очень личный и эмоциональный характер. Всё, что угрожает этой связи, например, представители иного этноса и/или религии, могут стать объектом предубеждений, дискриминации и расизма.

Due to cultural identity people try to establish boundaries and stress differences rather than trying to make an emphasis on what they have in common. Identity plays a great role in connecting people to their culture. This link is very personal and emotional. Anything that threatens that connection, such as out-group members, can become a target of prejudice, discrimination and racism.

Ключевые слова: культурная идентичность, стереотипизация, предраассудки, расизм.

Keywords: cultural identity, stereotyping, prejudice, discrimination, racism.

The problem of reaching mutual understanding (in various cultural contexts) is usually regarded by scientists as the problem of cultural identity of the participants. Different works devoted to the study of the phenomenon of *cultural identity* make it possible to define it as an identity set on “the basis of recognition and acceptance by the subject of cognition and communication appropriate cultural norms and models of behaviour, values and language, on the basis of self-identification with certain values and norms historically accepted in culture and acquired by the subject in the processes of socialisation and enculturation” [3. P. 146].

E. Eisenberg talks about identity as of a “perennial quest for a single, literal, fundamental truth, whether it be found in nationalism, capitalism, or religious fundamentalism” [4. P. 536], producing certainties which are essentially divisive and potentially destructive; which result in the establishment of boundaries, of the stress on difference rather than an emphasis on what we have in common, seeing ourselves “as a living expression of an interconnected universe” [Ibid.].

This human tendency to establish boundaries and stress differences can become the basis not only for stereotyping but also for prejudice, discrimination and racism. Stereotypes are used

as a shortcut to make a generalisation of the characteristics of a social group.

Stereotyping is not inherently bad or harmful. In our complex world, stereotyping is necessary and helpful to simplify and organise the environment. N.J. Adler claims that “stereotypes become counterproductive when we place people in the wrong groups, when we incorrectly describe the group norm, when we evaluate the group rather than simply describing it, when we confuse the stereotype with the description of a particular individual, and when we fail to modify the stereotype based on our actual observations and experience” [1. P. 79]. Stereotypes stress that all members of a group have exactly the same traits. It can be illustrated by various jokes about Englishmen, Estonians, Russians, Germans or Jews.

Stereotypes can keep us from being a successful communicator because they are oversimplified, exaggerated, and overgeneralised.

Prejudice expresses unfavourable attitude toward a social group and its members. *Prejudice* emphasises unfair, irrational and adverse feelings based on “preconceived judgements, and an attitude of hostility directed against an individual or a group without any grounds” [9. P. 32].

Prejudice therefore involves “the affect or emotion one person feels when thinking about or interacting with members of other groups” [12. P. 7].

Prejudice may be directed at people of a particular social class, sex, sexual orientation, age, political affiliation, race, or ethnicity. The negative feelings and attitudes held by those who hold a prejudicial perspective are often exhibited through the use of group labels, hostile humor, or speech that alleges the superiority of one group over another. Thus, hostility toward others is an integral part of any prejudice.

The reasons for prejudice can vary from person to person or group to group. Prejudice may be derived from individual emotional reactions to a larger group. One’s negative experience with a particular member of that group may foster the belief that all members of the group are alike. Social media, education context and perception (cultural and individual) also play an important role in forming people’s attitudes and opinions.

Prejudice can be expressed in a variety of ways, at times subtle and indirect, but on other occasions overt and direct. G. Allport’s research [2], followed by the works of many other scholars, revealed five escalating *levels of prejudice*: antilocution, avoidance, discrimination, physical attacks, and extermination.

Antilocution involves talking about a member of the target group in negative and stereotypical terms. Antilocution can be expressed in the form of ethnic jokes like: “Russians can’t live without vodka, corruption and a desire to conquer the world”, or “Putin wants to restore the Soviet Union.” “Estonian people are too slow and boring.” We can see antilocution in such statements as “I never help homeless. They will only waste money on dope or alcohol.” Or “Merkel as the first Fuhrer—woman dreams about restoration of Nazi Germany. She invites millions of migrants to provoke serious protest.”

People can act out prejudice through *avoidance*, withdrawing from contact with the disliked group (of other gender, religion, or people with some diseases). This can be a common occurrence in multinational societies when a group of people decides to exclude another group from certain activities or attempt to ostracise them socially. Some parents do not approve of their offspring marrying anyone of a different ethnicity, believe, education or age. Some corporations hire women but do not promote any of them to supervisory positions. A lot of Americans support H. Clinton as she is very energetic, loves USA and hates Russia, but she is still a woman to be a president.

It is much spoken about disabled people and the necessity of their social equality, but the reality is rather cruel.

When *discrimination* is the expression of prejudice, the prejudiced person or group will attempt to exclude all members of the discriminated group in question from access to certain types of employment, political rights, educational and recreational opportunities, churches, hospitals, or other social institutions. Women are not allowed to pray together with men in Arab countries.

If discrimination replaces communication, we see “overt and covert expressions of anger and hate that restrict one group’s opportunity or access to opportunities that rightly belong to everyone” [10. P. 236]. Discrimination may be based on “race (racism), gender (sexism), or any of the other identities. It may range from subtle, nonverbal behaviour such as lack of eye contact or exclusion from a conversation, to verbal insults and exclusion from jobs or other economic opportunities, to physical violence and systematic exclusion” [7. P. 284].

The fourth level of prejudice involves *physical attacks*, which often escalate in hostility and intensity if left unchecked. It can vary from the burning or ruining churches, to the writing of anti-Semitic or anti-Arab slogans, to attacks on gays, black or other stigmatised groups. At New Year celebration, December, 2015, in the city of Cologne, Germany, 90 German women were sexually humiliated by recently arrived refugees and migrants between 18-35 years old mainly from the Arab and North African region. As migrants later explained, those women looked and behaved too provoking.

The most alarming form of prejudice is *extermination*. This expression of prejudice leads to acts of physical violence with the objective of removing or eliminating all or major segments of the target group community. Human history has a lot of examples of lynching, massacres, and genocide. In cases such as Hitler’s “master plan”, the religious and tribal conflicts in Iraq and Afghanistan, the Serbian “ethnic cleaning,” and “antiterrorist cleaning” in Ukraine we see attempts to destroy an entire ethnic group.

This last form of prejudice sometimes is defined as *racial*. Racism occurs when people believe their race is inherently superior to another race. The idea of superiority allows one group of people to mistreat another group on the basis of race, colour, national origin, ancestry, religion, or sexual preference. Racism can be found in multiple life domains, including education, employment,

health care, housing, legal, leisure, commerce, finance, media, law enforcement, interpersonal relationships, etc.

According to B. Leone's, *racism* is the belief in the inherent superiority of a particular race. Racism denies the basic equality of humankind and correlates ability with physical composition. Thus, it assumes that "success or failure in any societal endeavor will depend upon genetic endowment rather than environment and access to opportunity" [6. P. 1].

Scholars [5, 6, 7, 8, 11] define several *types of racism*: blatant, subtle, aversive, and symbolic. *Blatant racism* is defined as the expression of overt disdain for people of another race. *Subtle racism* is understood as the expression of ideas of racial preference that are hidden behind more socially acceptable ideals, such as economic or political arguments. *Aversive racism* refers to unconscious racism in individuals who claim to have very liberal ideals but who will act in a prejudiced manner if given the opportunity. *Symbolic racism* refers to contexts in which individuals of the majority culture use their values to judge and discriminate against others of different races.

Sh. Harrell and G. Sloan-Pena state that in the psychological context, racism and discrimination can be subjectively experienced as stress. Sources of racism-related stress can be personal, vicarious, collective, or transgenerational [5. P. 412]. *Personal* racism-related stress includes those experiences in which the individual is directly involved. These can be episodic events (being denied a job, being the victim of a hate crime), chronic conditions of living (toxic pollution reflecting environmental racism), or everyday racism experiences (being addressed with a racial epithet). *Vicarious* racism-related stress involves witnessing, observing, or hearing about others' experiences with racism and discrimination. *Collective* racism-related stress is the awareness of power asymmetries and systematic outcome disparities (health, employment) in which members of one's racial/ethnic group have less access to resources or more negative outcomes. *Transgenerational* racism-related stress includes the knowledge and ongoing vestiges of historical traumas (slavery, colonialism, internment, genocide) that have been passed down through generations [Ibid.]. Exposure to racism is related to a number of individual and contextual variables. These include specific racial or ethnic group membership, geographic location, gender, age, social class, sexual orientation, skin colour, accent, generational status, and racial composition of the setting.

A great deal of prejudice is built into the major institutions of a society, as these organisations produce norms, rules, regulations, and laws that give rise to societal prejudice and help maintain the power of the dominant groups over subordinate.

Without doubt false stereotypes and prejudice is a major deterrent to successful intercultural interaction. If it is so, why do people hold on them?

J. Martin and T. Nakayama [7. P. 207–208] refer to psychologist Richard Brislin (1999) who suggests that just as stereotyping arises from normal cognitive functioning, holding prejudices may serve understandable functions:

1. *The utilitarian function*. People hold certain prejudices because they can lead to rewards. For example, if your friends hold prejudices toward certain groups, it will be easier for you simply to share those attitudes, rather than risk rejection by contradicting their attitudes.

2. *The ego-defensive function*. People hold certain prejudices because they don't want to believe unpleasant things about themselves. It is easier for people to stereotype women as unfit for jobs than to confront their own lack of skill or qualifications for a job.

3. *The value-expressive function*. People hold certain prejudices because they serve to reinforce aspects of life that are highly valued. Religious attitudes often function in this way. Some people are prejudiced against certain religious groups because they see themselves as holding beliefs in the one true God, and part of their doctrine is the belief that others are wrong.

4. *The knowledge function*. People hold certain prejudices because such attitudes allow them to organise and structure their world in a way that makes sense to them. For example, if people believe that members of a certain group are flaky and irresponsible, then they don't have to think very much when meeting someone from that group in a work situation. This causes subconscious reaction.

Prejudice, discrimination and racism remain major obstacles to successful intercultural communication. Avoiding these practices is not an easy task because like most aspects of cultural perception, prejudices are learned early and are reinforced through repeated exposure. Research has revealed that two techniques are often successful in dispelling prejudicial views: personal contact and education [8. P. 40-41]. S. Oskamp holds the view that "the greater the frequency of positive contacts between in-group and out-group individuals, the lower the level of perceived prejudice". The contact needs to meet

certain conditions to be successful, the most important being “equal status between groups” and cooperation “toward common goals” [Ibid. P. 9].

As for educational programs, psychologists have used two types of them to reduce prejudice. The first type centers on what are called *multicultural education curricula*, which Stephan and Stephan describe as “usually [consisting] of materials on the history and cultural practices of a wide array of racial and ethnic groups” [11. P. 40]. These materials are often presented from the point of view of the minority groups rather than from the perception of the dominant culture. The second type program, *cultural diversity training*, is used mainly in business and organisational settings and consists of programs designed “to teach managers and employees to value group differences, increase understanding between groups, and help individuals recognise that their own behaviour is affected by their background” [Ibid.] Regardless of the program selected, the explicit goals are to reduce prejudice through intergroup contact and dialogue.

As we can see, our cultural identity explains the fact that we always try to establish boundaries and stress differences rather than trying to make an emphasis on what we have in common. Identity plays a great role in connecting us to our culture. This link is very personal and emotional because it creates the bond that binds all the individuals and culture together. Anything that threatens that connection and core cultural or individual values can become a target of prejudice, discrimination and racism.

References

1. Adler, N. J. International Dimensions of Organisational Behaviour, 5th ed. / N. J. Adler. – Eagan, MN : Thomson/South Western, 2008.
2. Allport, A.G. The Nature of Prejudice / A. G. Allport. – Cambridge, MA : Addison-Wesley, 1954.
3. German, N. F. Communication, Culture and Identity in the Context of Globalisation and Multiculturalism: monograph / N. F. German. – Челябинск : Энциклопедия, 2014. – 300 с.
4. Eisenberg, E.M. Building a Mystery: Towards a New Theory of Communication and Identity / E. M. Eisenberg. // Journal of Communication, September, 2001, – P. 534–552.
5. Harrell, S. P., Sloan-Pena, G. Racism and Discrimination / S. P. Harrell, G. Sloan-Pena. // Yo Jackson (Ed.), Encyclopedia of Multicultural Psychology. – Sage Publications, Inc., 2006. – P. 408-414.
6. Leone, B. Racism: Opposing Viewpoints / B. Leone. – Minneapolis, MN : Greenhaven Press, 1978.
7. Martin, J., Nakayama, T. Intercultural Communication in Context, 5th Ed. / J. Martin, T. Nakayama. – McGraw-Hill, The McGraw-Hill Companies, Inc., NY, 2010.
8. Oskamp, S. Multiple Paths to Reducing Prejudice and Discrimination / S. Oskamp. // S. Oskamp, (Ed.), Reducing Prejudice and Discrimination. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2000, – P. 40-41
9. Patel, F., Li, M., Sooknanan, P. Intercultural Communication: Building a Global Community / F. Patel, M. Li, P. Sooknanan. – Thousand Oaks, Ca : Sage, 2011.
10. Samovar, L., Porter, R., McDaniel, E., Roy, C. Communication between Cultures, 8th Ed. – Wadsworth, Cengage Learning, 2012.
11. Stephan, W., Stephan, C. An Integrated Threat Theory of Prejudice / W. Stephan, C. Stephan // S. Oskamp, (Ed.) Reducing Prejudice and Discrimination. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2000.
12. Whitley, B. and Kite, M. The Psychology of Prejudice and Discrimination / B. Whitley, M. Kite. – Belmont, CA: Wadsworth / Thomson Learning, 2006.

I. Ustinova*Southeast Missouri State University
(Cape Girardeau, Missouri, United States)***ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЯЗЫКЕ****LINGUISTIC IMAGE OF RUSSIAN CULTURAL IDENTITY**

Статья кратко освещает взгляды на русский культурный мир и национальную идентичность существующие в литературе, философии и фольклоре. В ней привносится вклад в изучение языковых образов и ценностных ориентаций в результате исследования культурных посылов, которые предлагают и навязывают реклама и телевизионные ролики. Автор сопоставляет видео- и аудио-послания с четырьмя параметрами культурной вариативности и предлагает провести корреляцию между существующими стереотипами и культурными посланиями сегодняшнего дня. Убедительный аргумент сделан в поддержку того мнения, что реклама может служить проводником социальных перемен.

The paper summarizes the views about the Russian cultural world and national identity that exist in literature, philosophy, and folklore. It also contributes to the study of linguistic images and value appeals while investigating the cultural messages that are offered and promoted by Russian advertisements and TV commercials. The author fits these vocal and visual messages within four dimensions of cultural variability and suggests correlation between the existing stereotypes and modern cultural messages. Convincing argument is made that advertisements can serve as agents of social change.

Ключевые слова: идентичность, культурная вариативность, языковой образ, реклама и видео ролики

Keywords: identity, cultural variability, linguistic image, advertisement.

The features of Russian cultural identity, typical for the pre-revolutionary period of the 19th and 20th centuries were summarized in the works of many authors, based on the opinions of famous philosophers and writers, and the analysis of folklore tales and proverbs [6, 7, 9].

The affinity for the group had deep roots in Russian culture. 'Sobornost', or communal spirit and togetherness, was a "Russian idea", claimed Nikolai Berdiaev, a Russian philosopher. The giant of Russian literature Lev Tolstoy agreed with this opinion, stating that the "delightful life of common toil" had profound meaning for Russians. The "collectivist" emotions were well expressed in some Russian proverbs such as, *Together in the 'mir' [village commune, or world, or peace] we will move even mountains (Всем миром мы горы свернем); At home, even the walls help (Дома и стены помогают)*. The foundation of the Russian worldview of the past was faith in God and Russian Orthodox religion. The Russian philosopher Vladimir Soloviev stated that the historic mission of Russia was in the unbreakable bond with Christ. Faith in a mighty, all-powerful but kind Tsar, often called Tsar-father (*Царь-батюшка*), was also a dominant feature of

Russian mentality. It was considered that the Tsars inherited their power according to God's will: *The whole power is from God, and the Tsar is God's agent on Earth (Власть от Бога, а Царь – наместник Бога на земле)*. Russians traditionally relied on the will of those who were superior to them; thus, the Russian poet Nikolai Nekrasov testified: *The landlord comes and judges us (Вон приедет барин, барин нас рассудит)*.

Human feelings meant a lot for Russians. According to the philosopher Ivan Ilyin, Russian idea was the idea of heart. When Russians opened their souls to someone, it was a sign of acceptance and sharing. People who did not share the depth of the feelings seemed to be cold and distant. Consider the sayings such as *The soul is the most precious of all (Душа всего дороже); Have no shame, have no soul (Стыда нет, и совести нет)*. Russians demanded and expected moral responses, such as kindness, loyalty, and sincerity from their group. Such sayings as, *Praise your kindness not your silver (Не хвались серебром, хвались добром), Truth is more valid than gold (Правда дороже золота)*, stressed these ethical values. Russians were very deeply ashamed of dishonesty or betrayal and they often expressed their desire for

consensus: *Stay together and you will be all right* (*Держись дружно, не будет грузно*).

Russians were irrational and non-pragmatic, expressive and emotionally alive. They gave in to impulses and showed feelings easily. According to an old Russian proverb: *Less money, less trouble* (*Меньше денег, меньше хлопот*). The success ethic in the public arena was alien to Russians who believed that it might be morally wrong to get ahead, particularly at the expense of others. Compare the sayings *Do not become wealthy, then you will not be in Hell* (*В аду не быть, богатства не нажить*), and *It's better to be poor then become rich in sin* (*Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом*) with the opinion of a contemporary Russian female writer Viktoria Tokareva, who states that it is a shame to be unlucky in America, but it is a shame to be lucky in Russia.

As for the representation of gender, two types of female behavior, patriarchal and matriarchal, can be found in Russian folk tales [1. P. 80-84]. The patriarchal stereotype, depicted in the legends and tales such as *Folk myths about Ilia Muromets* (*Былины об Илье Муромце*), *Morozko* (*Морозко*), *Kroshechka-Khavroshechka* (*Крошечка-Хаврошечка*), is the combination of skills, behavior and psychological traits that presumes the domination of men and dependence, passiveness of women. Qualities, ascribed to women in the patriarchal frame are patience, care, mildness, and making sacrifices: "A woman is bound to the home and is expected to be modest and demure, obedient to the male head of the household" [4. P. 72]. These women's occupations and skills are connected with housekeeping and taking care of the husband and children, as the stories rarely feature single mothers or childless couples. The matriarchal stereotype is in many senses opposite to patriarchal and presents "the ideals of women's courage and independence and active participation" in all aspects of social life [3. P. 147]. In tales such as *Maria Morevna* (*Марья Мареvна*) and *Vasilisa Premudraya* (*Василиса Премудрая*) women carry out the duties related to the housekeeping, and share with men the sphere of worldly activities, being emotionally and materially independent of men. This strong woman's image can be found in Russian poetry too: the Russian woman manages "to stop a galloping horse and enter a house in flames" (*коня на скаку остановит, в горящую избу войдет*), according to Nikolai Nekrasov. It is worth mentioning, that in both stereotypes women heroines are usually physically attractive, even beautiful. The emphasis on the attractive appearance is important, because

the imagery of extraordinary beauty of Russian women is preserved nowadays.

I would like to compare these cultural representations of Russians of the past with what is called four important dimensions of cultural variability: individualism-collectivism (IC), uncertainty avoidance (UA), power distance (PD), and masculinity-femininity (MF). These dimensioned were isolated by Hofstede, and on their bases William Gudykunst generates the axioms regarding cross-cultural variability [2. P. 43-46].

In Western individualistic cultures people look after themselves and their families, rely on personal judgments, and apply the same standards to everybody. In the way people view themselves, an independent self-construal predominates in highly individualistic cultures, and members of these cultures tend to use person-based information to predict others' behavior; they monitor their self-presentations and emphasize positive feelings about themselves, including pride. In collectivistic cultures the group goals take precedence over individual's goals, and collective judgments and interdependent self-construal are valued. Members of collectivistic cultures meet the need for group inclusion, see themselves as part of social relations, and feel secure in their social identities. As people of these cultures belong to in-groups, they apply different value standards to themselves and members of out-groups. They monitor their behavior constantly, which results in emerging the feeling of shame very often.

Taking into consideration what was said about such group markers of Russians, as the communal spirit, avoidance of success in public life, expectation of loyalty from the group, and feeling of shame in case of betrayal, the Russian culture could be described as a highly collectivistic culture.

Cultures differ in *Power Distance* (PD) or the degree to which prestige and wealth are distributed in a society. Based on the levels of PD, three cultural patterns exist: authoritarian (high PD), authority-centered and democratic (low PD). Cultures with high PD have power concentrated in the hands of a small group; individuals accept power as a part of the society, hierarchical relationships and considerable dependence of subordinates on bosses. According to what was said about the faith in the Tsar who concentrated all power in his hands and reliance on the decision of superiors in Russians' mentality, we can determine the Russian culture of the past as authoritarian with a high PD.

In highly masculine cultures, the boundaries between the role of men and women in the society

are very rigid and such features as power, ambition and assertiveness are valued. The masculinity of a culture is correlated with the segregation of women in education and absence of equal job opportunities. People from cultures high on femininity value quality of life, fluid sex roles, service, affection and interdependence. Russian culture has a mixture of gender orientation traits; even Russian female stereotype in folklore is twofold. On the one hand, emotions, affections, interdependence are greatly valued, but on the other hand, Russians respect power most of all, and segregate in jobs on the basis of gender.

Uncertainty Avoidance (UA) variable is a landmark of low or high tolerance for risk, uncertainty and ambiguity. Members of cultures with high level in UA have lower tolerance for ambiguity, greater need for formal rules and absolute truth, richer emotional expression than people from low UA cultures. Members of high UA cultures have more desire for consensus, predictability of situation, fear of failure and avoidance of risk taking; they also tend to be more aware of the violation of their expectations by strangers. It is interesting to mention that high UA cultures correlate with 'absolute' religions, such as Catholicism, Russian Orthodoxy, while low UA cultures correlate with more 'flexible' religions such as Protestantism and Buddhism. As the Russian Orthodox religion played a great role in defining the values for Russians and the main characters of Tolstoy and Dostoevsky always had doubts about the purpose of life and searched for the absolute and eternal truth, Russian culture can be considered a High UA culture.

My application of four cultural dimensions to Russian culture of the past reveals that it could be described as Collectivistic with a strong sense of belonging to a group; having a High power distance and tendency to be submissive to authorities; both Feminine and Masculine and high in Uncertainty Avoidance, indifferent to public success, wealth and with non-risky behavior. However, cultures are not static; they change with time and the culture of the ancestors would be different from the culture of the "millennium" generation. Advertisements in modern cultures express the value orientation of the society through their linguistic verbal appeals and visual images. Thus, I was looking for correlations of the existing stereotypes with the cultural messages and images reflected in modern, 21st century Russian TV commercial and advertisements. To complete this task, I analyzed 350 advertisements where women and young people appear as dominant figures and

actual users of different products. The linguistic, sound and visual messages, targeting this audience were mostly expressed in slogans and attention getters and they were grouped into four broad categories in order to see how they match with the Russian cultural dimensions of the past.

Category One. Value first all your individual needs and have a high self-esteem; get as much material goods as you can, even at the cost of others.

Consider a few commercials that can serve as illustrations to this message. In an ad for a Western-type male magazine *GQ*, a macho man looks like he can overcome all difficulties to get what he wants, claiming: *I want everything!* According to the commercial, everything that he wants now: women, cars, fashion clothes, could be found in the new issue of the magazine *GQ*. Women in the Russian ads are often depicted like top models: their faces are stunningly beautiful and bodies are perfect and thin; their postures and movements are often sexually provocative. The promoted products are designated especially for beautiful, self-assured women whose images are reflected in ads: thus, in a commercial for deodorant *Javaille* a young woman says that this deodorant is *This is for you!* (Это для тебя!) and the ending line repeats the same idea: *This is you and only you!* (Это ты и только ты!). The commercial for *Poly Brilliance* portrays a woman with abundant red hair who sends a message that *brilliant shades of color are eternally beautiful like diamond* (бриллиантовые оттенки вечно прекрасные, как бриллианты) and the song in English "*Forever diamond*" sounds at the background of the entire commercial.

Category Two. Be free, independent, relax and enjoy life.

In the ad for *Samsung Digital*, a young female influencer, a renowned Russian gymnast Alina Kabaeva, with her eyes open wide to people around her, dances in the street. She sends the message to teenagers to enjoy life: *Life is good where we are*. Allusions, attributed to the Western culture are found in the so-called "*Sex Object*" commercials; thus, in the ad for the lipstick *Bourgeois Paris* a young woman moves like a cat on the roof of the building, wearing an exotic dress with a tail and says: Я гуляю сама по себе (I walk by myself) – a paraphrase of the title of Rudyard Kipling's story "The Cat that Walked by Himself" (In Russian translation of the title, the cat is female, she-cat: "Кошка которая гуляла сама по себе"). The soundtracks of English or American songs in the background with words corresponding to the

verbal or visual messages are the typical features of these commercials.

Category Three. Be risky, expect the unexpected and live on the edge.

In the ad for chocolate *Shock* a teenage girl experiences shock at the sight of centaur in the stable, instead of a horse. But the slogan: *Shock – this is our way* (Шок – это по нашему!) demonstrates that young people should accept extraordinary situations and not be scared of anything under any circumstances. In the ad for *Pepsi*, the slogan is: *Get as much as you can from life* (Бери от жизни все!). The message for the chocolate *Финт – Trick*, states: *For those who have a really stern temper!* (Для тех, кто вправду крут!).

Category Four. Be a devoted housewife and be equal to male partners in social status.

In folklore and literature, most of Russian women cultural patterns belong to either “Good mother, caring wife and housewife” or “Independent, successful and strong person.” These two patterns match the way a Russian woman is presented in ads: 27% ads in my data depict her as “Mother and Housewife,” and 16% as “Business woman and Celebrity”. Women in “Mother and Housewife” ads are caring mothers, who feed their kids or change their pampers; loving wives who cure their sick husbands; good cooks, who prepare food for the whole family and friends, or thrifty housekeepers, who wash the dishes, do the laundry, at the same time think about the family budget. Allusions, associations or some background information, reflected in some commercials can often be traced to the language of Russian folklore. Consider a typical commercial for the vegetable oil *Злато* where a woman plays the role of a caring mother, wife and housewife who gets up early in the morning to prepare breakfast for the family while they are sleeping. The employed language is Russian, and the lines spoken by an adman have a reference to the Russian folk tale *Курочка-Ряба* (Kurochka Ryaba – Speckled Hen) with the lines well-known to Russians of all ages: *Снесла Курочка яичко не простое, а золотое* (The hen laid an egg, not ordinary, but golden). This line is paraphrased in the commercial several times: *Potato was ordinary and became golden* (Была картошечка простая – стала золотая); *Fish was ordinary and became golden* (Была рыбка простая – стала золотая).

The image of a Russian woman as a “Beauty” was represented in 23% of ads. In contrast to Russian literature, where a woman is rarely presented as a seductive person with a strong sex appeal, the image of “Sex Object” is widely

exploited in ads, where 13% of ads show a woman as a sexy person. The similar images of women exist in ads all over the world. But certain dynamics of gender representation in Russian TV ads is obvious: during the last ten years there is a remarkable increase in the proportion of ads for “Business Woman” and “Celebrity”; this serves as a reflection of the appearance of a new type of a career woman in Russia. Other ads send a message that thanks to the advertised product a woman can be more attractive to men and be successful in career: the slogan of a deodorant *Secret* is: *True Secret of women’s victories!* (Верный Secret женских побед)! In the ad for *Head and Shoulders* Russian businesswoman sells a product and the closing line of an ad states: *Nothing will stop your success!* (Ничто не помешает вашему успеху!).

My observations reflect that the consumer and ‘mass’ culture of Russia in the 21st century confront the national culture identity of the past. Stunning contradictions are observed between the values of collectivism, friendship, indifference to public success and wealth that were considered important for Russians, and those linguistic and visual images that are sent by advertisements targeted at multiplicity of identities of youngsters and women. Based on my study, current advertisements display more individualistic, risk-taking, independent and feminine value orientations. The social and cultural world that Russian ads and TV commercials construct is the world where individualism, high self-esteem, success in the public arena, need to challenge authority, openness to changes, fun in life are the most important values. These changes are so dubious that they can be overcome without changes in identity and national values. Professor Ter-Minasova states that language guards and shields the audience against “alien” values that intrude into domains and should be a shield to protect national identity [8. P. 59], but this is not always possible because cultures are subject to change with the radical shifts in political and economic arenas.

I do not make profound conclusions about the veracity of the current Russian cultural representation patterns to life; this is a task for further investigations in sociological, anthropological, cultural research, but I can state that TV advertising, as a relatively new type of discourse in Russian mass media after perestroika, offers the invaluable insight into modern Russian language, culture and its changes and the convincing argument is made that advertisements can serve as agents of social transformation.

References

1. Gerasimova, K., Troyan N. and Zdravomyslova E. Gender Stereotypes in Pre-school Children's Literature // Women's Voices in Russia Today (Eds.), Rotkirch, A. and Haavio-Mannila E. Aldershot : Dartmouth Publishing Company. 1996. – P. 71–87.
2. Gudykunst, W. Anxiety Uncertainty Management (AUM) // Wiserman, R. (Eds). Intercultural Communication Theory. Thousand Oaks, London: SAGE Publications. 1995. – P. 8–56.
3. Hubbs, J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 1988.
4. Kollmann, E. Women's Honor in Early Modern Russia // Clements, B. E. Engel, B. A., Worobec, C. D.: Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation. Berkley: University of California Press. 1991.
5. Richmond, Y. From Nyet to Da. Understanding the Russians. Intercultural Press, Inc. 1995.
6. Ries, N. Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca and London: Cornell University Press. 1999.
7. Ter-Minasova, S. War and Peace of Languages and Cultures? // Intercultural Communication Studies, Vol. XIII: 2 – 2008. P. 52–60.
8. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through their Key Words. New York, Oxford: Oxford University Press. 1997.

Е. Н. Азначеева

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФОРУМОВ И ИНТЕРВЬЮ
В СФЕРЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА)¹**

**LINGUISTIC REPRESENTATION OF PROFESSIONAL ASSESSMENT
(BASED ON THE INTERVIEWS AND FORUMS IN THE FIELD
OF MUSICAL PERFORMING ART)**

В статье проводится сопоставление оценочных высказываний, касающихся исполнительского мастерства музыкантов классического направления различными группами оценивающих субъектов. Выявляются оценочные признаки, критерии оценок и реализующие их языковые средства, используемые профессионалами и любителями.

The article deals with a comparison of evaluative statements concerning the performance skills of classical musicians given by different subjects of assessment. The types and criteria of the evaluation and their implementation through linguistic means used by professionals and amateurs are revealed.

Ключевые слова: *оценочные высказывания, малая социальная группа, субъект оценки, стереотипизация, оценочный признак, социокультурный тип*

Keywords: *evaluative statements, small social group, subject of assessment, stereotyping, estimated sign, socio-cultural type.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00455.

Важнейшим компонентом картины мира личности является её нормативно-ценностная система, включающая как индивидуальные, так и групповые ценности. Лингвокогнитив-

ное описание ценностно-нормативной системы различных этно-, социокультурных и профессиональных сообществ позволяет получить новые данные о социально-культурных аспек-

тах идентичности языковой личности, составить представление о языковой картине мира индивида, входящего в то или иное профессиональное или социокультурное сообщество.

Среди групповых объединений различаются микрогрупповые (семья, близкое окружение) и макрогрупповые, куда, прежде всего, относятся социально-профессиональные группы, «значительно различающиеся характером и особенностями своей ведущей деятельности» [6. С. 253]. Наряду с ними выделяются малые социальные группы, к которым можно отнести объединения людей по интересам, в том числе такие, как интернет-сообщество меломанов – любителей классической музыки. Это самостоятельная неформальная группа, дистанционная по способу взаимодействия, с общей системой ценностей, имеющая целью удовлетворение эстетических и коммуникативных потребностей и с ориентацией на высокостатусную социальную группу профессиональных музыкантов.

Как большим, так и малым социальным группам присуща специфическая социокультурная картина мира и ценностно-нормативная система. Социокультурная картина мира, по определению А. Я. Флиера, представляет собой «комплексное и системное представление об основных структурных, динамических и функциональных параметрах наблюдаемой социальной реальности и культурных формах, в которых она воплощается» [9. С. 104]. Динамика социокультурной реальности проявляет себя в формах социокультурной интеграции, социокультурной дифференциации, социокультурной устойчивости, социокультурной изменчивости и культурной стандартизации [9. С. 110]. Процессы интеграции и культурной стандартизации малой социальной группы меломанов определяются условиями этнической, социокультурной и коммуникативной реальности, общими ценностными ориентациями, моделями восприятия и оценивания явлений музыкального искусства. Противоположная тенденция внутригрупповой дифференциации является стимулом к изменчивости и развитию.

Несмотря на то, что оценка достаточно хорошо исследована как языковая категория, реализующаяся, главным образом, в лексико-семантической системе, она остается малоизученной как фактор, формирующий ценностную картину мира. Сопоставительное изучение ценностных картин мира различных этно- и социокультурных сообществ представляется важной задачей, решению которой с когнитивных и культурологических позиций посвящены ис-

следования Н.Ф.Алефиренко [1], В.И.Карасика [5] и других ученых. Разработка ценностных доминант аксиологического пространства сетевых сообществ способствует изучению аксиосферы культуры общества в целом и выявлению языковых особенностей реализации оценочных суждений.

В данной статье проводится сопоставление оценочных суждений об исполнительском искусстве музыкантов двумя подгруппами носителей эстетических ценностей в области классической музыки – любителей и профессионалов. Материалом послужили оценочные высказывания любителей на интернет-форуме «Классика», а также в блогах и интервью профессиональных музыкантов [10; 11]. Профессиональные исполнители выступают в двух ипостасях – как музыканты и как слушатели, оценивающие игру других музыкантов, а также свою собственную. Несмотря на заметные стилистические и жанровые различия, проанализированные материалы позволяют выявить как общие особенности при оценке профессиональных качеств музыкантов, так и отличия, обусловленные различной степенью вовлеченности в процесс творчества и уровнем квалификации.

Оценка достаточно хорошо изучена с позиций логики и лингвистики. Классификационными критериями оценки являются следующие: наличие / отсутствие в семантике оценочного высказывания дескриптивных компонентов (общие/частные оценки), структура оценочного высказывания (абсолютные/сравнительные оценки), аксиологическая интерпретация (положительная/отрицательная оценка), основание оценки (критерии и аргументация) [2;3;9].

Высший уровень ценностной структуры образует сфера общеоценочных значений (хороший-плохой), выражающих «чистую» оценку, без указания на дескриптивные свойства предмета [2. С. 71]. Второй уровень ценностной структуры составляет сфера частнооценочных значений, для которых важное значение имеет основание оценки, определяемое индивидуальными предпочтениями и социальными стереотипами носителей языка. Н. Д. Арутюнова выделяет несколько категорий частных оценок, которые образуют три группы: сенсорные оценки, то есть оценки связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим; сублимированные оценки, к ним относятся эстетические и этические оценки; рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью, практическими инте-

ресами и повседневным опытом человека [3. С. 181]. Однако в большинстве случаев оценка является комплексной. Так, в нашем материале эстетический объект оценивания обуславливает доминантность эстетической оценки, которая может выражаться либо совместно с другими, либо через другие типы оценок.

Выявление групповых культурноспецифических ценностей на основе интерпретации оценочных высказываний, наряду с семантическим анализом эмотивно-оценочной лексики, включает определение интенций оценочных высказываний, оценочных признаков, критериев оценки, стереотипных представлений, а также основных социокультурных типов музыкантов, моделируемых на основе присущих им творческих и поведенческих особенностей, характеризующих их исполнительскую деятельность.

Степень субъективности / объективности оценки определяется как лежащим в ее основании оценочным признаком, так и его эксплицитной выраженностью или имплицитностью. Сенсорные (гедонистические) оценки, основанием которых выступают собственные ощущения и эмоции, являются субъективными и зачастую отличаются эллиптичностью. Однако в высказываниях на форуме встречаются также развернутые описания собственных эмоциональных впечатлений и ощущений, вызванных музыкой.

Из оценочных интенций, выделяемых Т.А.Трипольской [7], для нашего материала наибольший интерес представляет соотношение интенций выражения эмотивной оценки и выражения эмоционального состояния. Помимо них, Т.А. Трипольская выделяет также интенцию воздействия на поведение, эмоциональное состояние и ценностную парадигму адресата и интенцию создания особого типа коммуникации, например неформального общения. При выражении положительной оценки для высказываний любителей особенно характерна интенция выражения эмоционального состояния: высокая оценка исполнения передается посредством выражения собственных эмоциональных состояний и даже физиологических ощущений: *Может я человек слишком эмоциональный, но у меня горело солнечное сплетение все второе отделение, где ББ играл Брамса и бисы* [10].¹

В подгруппе профессионалов такая эмоционально-аффективная реакция встречается реже, однако в высказываниях на форуме эмоции также порой зашкаливают: *Ребята, я*

¹ Здесь и далее орфографические и пунктуационные особенности в примерах сохранены.

композитор, меня игрой на рояле купить — все равно что Смерть убивать... А тут я просто взмыл!!! или наоборот, из снежного тумана выехал, весь покрытый изморосью, холодный паровоз смерти и кочегар бросил меня в его топку, и я сгорел в нем при 0 шкалы Кельвина. Ощущение фантастическое [10].

В целом эмоциональная оценка в группе любителей отличается большим, по сравнению с профессионалами, диапазоном — от восторженной до уничижительной, в качестве средств выражения используются интенсифицирующие прилагательные и гиперболически-метафорическая образность: *Da техника zverskaya!!!Komputer))prosto!* [10].

Степень объективности оценки возрастает, когда в качестве основания выступают профессиональные и социальные стандарты, моральные и социальные нормы, эстетические образцы. Однако и в этих случаях эмоциональная оценка превалирует над собственно-рациональной, что связано как с объектом оценивания, так и с условиями неформального общения.

Оценочные высказывания профессионалов в большинстве случаев основываются не только на эмоционально-аффективном уровне восприятия. Эстетическая оценка профессионалов обычно базируется на нормативной, выражающей оценку соответствия - несоответствия некоторым представлениям об исполнении конкретного произведения (звучания, темпов, ритмов, стиля) по признаку правильно - неправильно. Одним из наиболее распространенных видов в обеих подгруппах является также телеологическая оценка, свидетельствующая об удачном или неудачном, с точки зрения говорящего, исполнении: *Да, Лист, я бы сказала, совсем не получился* [10].

В ряде случаев в профессиональном дискурсе эстетическая оценка сочетается с этической, когда она отражает восприятие в надсознательной ценностно-смысловой сфере, где происходит порождение индивидуально-личностных и общечеловеческих смыслов. Надсознательная сфера связана с нравственностью человека, к ней, согласно Н. Ф. Алефиренко, «относится широкий комплекс категорий совести, моральных черт и норм поведения, контролирующих действия конкретного человека и предписывающих ему моральные образцы подражания и деятельности» [1. С. 3]. Особое значение профессионалами придается таким нравственным категориям, как честность и правда. Ср.: *Я всего лишь требую правды передачи ФОРМЫ, тогда как общий крик такой «НЕПРАВДЫ!»*

НЕПРАВДЫ!» [11]. Нередко авторы поднимаются до философских обобщений, в которых отражается холистическое мировосприятие, ощущение целостности мира и взаимосвязанности всех аспектов бытия: *Но нужно понять, что легато - взаимосвязь. Взаимосвязь элементов единого мира. Я бы сказал настоящему легато учит отказ от эго - желания себя показать* [11].

Характерно, что в среде любителей требованием верности трактовки и стилевой адекватности придается меньше значения. Более того, в некоторых случаях оценивающий субъект прямо заявляет о том, что приоритетным для него являются общее эмоциональное впечатление и темперамент исполнителя, а не правдивость интерпретации: *Совершенно согласна, что Березовский играет Березовского. Так это же самое замечательное!... самое ценное это человеческая личность, ее своеобразие и неожиданность открытия каких-то невиданных и не слышанных ранее нюансов и т.д.* [10]. В таких случаях имеет место только эмоционально-аффективное осмысление художественного явления, выражающееся в категориях «нравится / не нравится», которое, по мнению Н. Ф. Алефиренко, осуществляется на уровне подознания [1. С. 11].

Другими особенностями оценочных суждений в группе любителей является преобладание сравнительной оценки над абсолютной и связанная с этим стереотипизация. Так, не только при оценивании участников музыкальных конкурсов, что вполне естественно, но и в других случаях предлагается и осуществляется ранжирование молодых исполнителей, при этом они сравниваются между собой, а также с известными музыкантами. Стереотипизация находит свое выражение в выработке типовых стандартов для оценки исполнителей, поскольку не до конца установившаяся система эстетических ценностей нуждается в четких критериях. Наиболее частотными признаками, на основании которых оцениваются исполнители любителями, являются следующие: эмоциональный – равнодушный, самобытный – подражатель, универсальный – ограниченный, гениальный – посредственный, новаторский – традиционный, зрелый – неопытный. Наиболее значимой для любителей является оппозиция гений – рядовой музыкант, при этом первый член оппозиции воспринимается как норма. В результате любителями выделяются следующие социокультурные подтипы, релевантные для данной референтной группы как

олицетворение тех или иных умений и качеств: виртуоз (в негативном варианте «спортсмен»), «шоумен», обыватель (рядовой исполнитель), подражатель, мастер, обладатель харизмы, гений, «классик», новатор.

В подгруппе профессионалов наиболее частотным является противопоставление эмоциональный – интеллектуальный. Помимо этого, выделяется оппозиция: музыкант – инструменталист, под последним понимается человек, виртуозно владеющий инструментом, но исполнение которого не обязательно отличается глубоким проникновением в музыку, и наоборот, музыкальность и одухотворенность не всегда предполагают мастерское владение техникой. Ср. самооценочное высказывание Б. Березовского: *Музыкант я замечательный, могу представить, как играю концерт Брамса [не на фортепьяно, а на скрипке – Е.А.], но техники нет... Руки плохие* [11].

Профессиональные музыканты несколько чаще используют абсолютную оценку, а при сравнительной оценке в качестве эталона выступает соответствие собственным представлениям об идеальном исполнении конкретных произведений. При сравнении анализ отличается большей дифференцированностью и полипараметризацией: сопоставляются не только разные исполнители между собой, но дается детальный сравнительный анализ отдельных аспектов в рамках исполнения одного музыкального произведения конкретным музыкантом. В среде профессионалов выделяется социокультурный подтип «интеллектуал» (академический традиционалист), противопоставляемый «романтику».

Следующая особенность в группе любителей – более частое употребление речевых штампов: *Зал просто трепетал вместе с солистом; Но мне кажется, что никакие занятия не помогут человеку, у которого вместо сердца и души кусок льда...* [10]. Для профессионалов более характерно использование прецедентных феноменов: *А теперь я знаю..., что такое «злое отречение», что такое «скорбное бесчувствие». В. – это абсолютный темпераментный ноль, холодное сердце Демона, летающего «над грешною Землей», ледяное сердце, «Мефистофель за роялем»* [11].

Несмотря на различия в критериях оценки и оценочных предпочтениях, оценочные высказывания членов обеих групп имеют много общего. Это объясняется как объектом оценки – эстетических явлений в сфере музыкального искусства, так и социокультурными фактора-

ми – принадлежностью к носителям элитарной культуры. Различия определяются уровнем квалификации, что выражается в большей аргументированности оценки в высказываниях профессионалов. Любительские оценки отличаются большей стандартизацией, что, по-видимому, объясняется тем, что эстетическая система ценностей этой подгруппы слушателей недостаточно сформирована и находится в процессе становления.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
4. Ивин, А.А. Логика. / А. А. Ивин. – М.: ФАИР - ПРЕСС, 1999. – 320 с.

5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.

6. Ольшанский, Д. Основы политической психологии: Учебное пособие для вузов. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Olsch/index.php

7. Трипольская, Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. / Т. А. Трипольская. – Новосибирск, 1999. – 166 с.

8. Флиер, А.Я. наброски к построению социокультурной картины мира в границах культурологии / А. Я. Флиер // Обсерватория культуры. 2012. № 4. – С. 104–113.

9. Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность: In memoriam Е.М. Вольф: / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – Москва: [б. и.], 1996. – 168 с.

10. URL: <http://www.classicalforum.ru/index.php?topic=4216.0>

11. URL: <http://www.forumklassika.ru/blog.php?b=3639&page=20>

С. А. Андросова, Ю. Г. Синельников, И. И. Синельникова

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ КОЛОРАТИВНЫХ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ФРАНЦУЗСКОГО АРГО

PECULIARITIES OF THE SYMBOLIZATION IN THE STRUCTURE OF THE COLORIFIC CHARACTEROLOGICAL PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE FRENCH ARGOT

В статье рассматривается специфика языковой символизации в характерологическом арготическом фразеологическом фонде французского языка через колоративный культурный код. Выявляются основные цветообозначения, которые входят в компонентный состав арготических фразеологизмов, передающих характеристику человека, и устанавливаются их основные символические значения. Отдельное внимание акцентируется на рассмотрении интенсифицирующего признака у колоронимов, входящих в компонентный состав анализируемых фразеологизмов.

The article deals with the peculiarities of the language symbolization in the French characterological argotic phraseological fund through the colorative cultural code. The main colour namings which can be found in the component structure of the argotic phraseological units used for the transmission of person's characteristic are determined and their main symbolic meanings are revealed. A particular attention is paid to the analysis of the intensifying feature of the colour namings which form the component structure of the phraseological units under study.

Ключевые слова: символ, арготизм, характеристика человека, французский язык, культурный код, интенсификатор.

Keywords: symbol, argot, person's characteristic, French language, cultural code, intensifier.

Одним из мощных средств передачи эмоциональной и экспрессивной характеристики человека выступают арготизмы в силу специфики арготизма. Арготизмы, передающие характеристику человека, или характерологические арготизмы, представляющие собой богатый материал для исследования многих актуальных и дискуссионных проблем фразеологии, связанных с фразеологической структурой и семантикой.

Важным компонентом фразеологического значения является внутренняя форма, т.е. префразеологический аспект, или логико-семантический аспект ситуации, на базе которого возникает фразеологическая единица [6. С. 86]. Внутренняя форма – основной источник культурной информации. Она выступает выразителем двух базовых признаков: мотивационного и коннотативного. Важные для лингвокультурной общности экстралингвистические феномены получают отражение в языке, приобретая определённую символическую форму. Символы, входящие в компонентную структуру фразеологизмов, обеспечивают дополнительную мотивацию их внутренней формы [8. С. 61].

Символические реалии раскрываются через фразеологизмы, т.е. компоненты фразеологизмов. Фразеологизмы обладают определённой национально-культурной маркированностью и стереотипными коннотациями. В антропоцентрических фразеологизмах выделяют, как правило, символические образы следующих культурных кодов: 1) антропоморфного; 2) объектного; 3) анимического; 4) биоморфного; 5) мифологического; 6) темпорального; 7) колоративного; 8) квантитативного; 9) пространственного; 10) терминологического [3. С. 23]. При этом, в образовании французских характерологических фразеологизмов активно участвуют, как отмечает В.И. Нукалова, следующие категории единиц, ставших именами-символами: онимы (топонимы и антропонимы), названия растительного и животного мира, единицы фетишного культурного кода (наименования неодушевлённых предметов), гастрономического культурного кода (включающего единицы со значением продуктов питания, приготовленных из них блюд, предметов кухонной утвари), анимического культурного

кода (репрезентирующего образы природных явлений), соматического культурного кода (содержащего наименования внешних частей тела и внутренних органов) и единицы, этимологически отразившие различные культурно-исторические факты и явления [7. С. 330-334]. В ходе исследования характерологических арготизмов фразеологических единиц французского языка было установлено, что для фразеологического арготического вокабуляра значимым является и колоративный культурный код, включающий образы, связанные с символикой цвета.

Колоративный культурный код изучается в работах О. В. Праченко, Е. Ю. Бережных, Е. А. Власовой, С. Л. Кирьянова и др.

Колоризм, входящий в компонентный состав арготического фразеологизма, чаще всего представлен прилагательным. Цветообозначение-прилагательное может выступать носителем различных символических значений и используется в основном как самостоятельный компонент. Функция символа состоит в смене значения языковой сущности на символическую функцию, которая заключается в замещении наименования жизненного явления, понятия, предмета условным его обозначением [4]. При этом носителем символического значения выступает не сама реальность, а её имя [9. С. 243]. Для того, чтобы одно явление стало символом другого явления, необходимо наличие тонких и опосредованных ассоциативных связей между словесными знаками и теми явлениями и понятиями, которые можно считать символическими [1. С. 7]. Образы, символы являются специфическими для каждой культуры, выполняющая функцию её смысловой репрезентации.

В характерологической арготической фразеологии колоризм «синий (голубой) цвет» – «bleu» передаёт сразу три различные символические значения: а) символ эмоционально-психологического состояния удивления: «en être (или demeurer, rester) (tout) bleu», «en bâiller (tout bleu)» – «быть очень удивлённым, разинуть рот (от удивления)», б) символ обмана: «n'y voir que du bleu» – «быть обманутым», в) символ служения в полиции: «hirondelles bleues» (букв. «голубые ласточки») – «жандармы». Как видно из примеров, в основе символического значения, приписываемого тому или

иному цветообозначению, могут лежать реалии настоящей действительности, близкие и известные арготирующим. Так, в арго колороним «синий (голубой) цвет» – «bleu» является символом служения в полиции, так как у жандармов головные уборы голубого цвета.

«*En rentrant, elle a dit à Larry: – Voilà! Tout est arrangé. Larry en était bleu*» [11]. – «Вернувшись, она сказала Ларри: – Ну вот! Всё улажено! Ларри был ошеломлён».

«*Celui-ci, debout, correct, sourire commercial et tout, n'y voyait que du bleu*» [12]. – «Том стоял, был прилично одет, с улыбкой коммерсанта на лице и так далее, он был облапошен».

В арготической фразеологии колороним «жёлтый цвет» – «jaune» выступает носителем символа «богатство»: «cracher jaune» – «быть при деньгах; бросаться деньгами». А «золотистый цвет» – «doré» – символом везения: «être doré» – «быть везучим».

Колороним «чёрный цвет» – «noir» является в арго символом угнетённого психоэмоционального состояния: «broyer (или faire) du noir» – «предаваться мрачным мыслям, быть в мрачном настроении, хандрить».

«*Eh oui, difficile de faire une croix sur le beau Brad, et Jennifer broie du noir...*» [13]. – «Конечно же трудно поставить крест на красавчике Брэде, и Дженнифер впадает в уныние...»

Цветообозначение «белый цвет» – «blanc» выступает символом: а) бедности: «être à blanc» – «быть без денег», б) любезности: «faire du blanc» – «любезничать, заискивать перед женщиной».

В структуре характерологических арготических фразеологизмов колороним-прилагательное может использоваться в сочетании с существительным в роли его эпитета («hirondelles bleues» (букв. «голубые ласточки») – «жандармы»), а также являться неотъемлемой частью фразеолексы-термина («avoir de la matière grise» (букв. «иметь серое вещество») – «быть умным»).

Цветообозначение, входящее в компонентный состав арготического фразеологизма, может быть представлено и именем существительным, т.е. опосредованно, через артефакт, который вызывает ассоциации, связанные с тем или иным цветом.

Так, например, в арготической фразеологической единице «nager dans l'encre» (букв. «плавать в чернилах») – «ничего не понимать» артефакт «чернила» – «encre» олицетворяет собой «чёрный цвет», который служит символом всего непонятного. Чёрный цвет пере-

даётся в арго также с помощью артефакта «sac à charbon» «мешок с углём»: «sac à charbon» – «священник».

Белый цвет в арго также передаётся часто с помощью таких артефактных наименований, как «lavabo» – «умывальник», «pied de lavabo» – «ножка умывальника», «peau de fesse» – «кожа ягодиц», «pot de crème fraîche» – «горшок сметаны», «petit suisse» – «сливочный сырок»: «être bronzé comme un cachet d'aspirine (или un lavabo, un pied de lavabo, la peau de fesse, un pot de crème fraîche, un petit suisse)» – «иметь очень светлую, белую кожу».

Сама лексическая единица «couleur» – «цвет» у французов выступает символом честности, откровенности и входит в состав следующей характерологической арготической фразеологической единицы: «annoncer la couleur» (букв. «объявлять цвет») – «говорить всё откровенно, прямо; открывать душу».

В структуре французских характерологических арготических единиц колоративные фразеолексы могут играть роль интенсификаторов, чаще всего внешних. Под внешними интенсификаторами понимаются дополнительные элементы, которые присоединяются чаще всего к опорному компоненту фразеологизма с целью усиления его значения [2. С. 104].

Прилагательные-колоронимы выступают в роли интенсификаторов, с которыми характерологические арготические фразеологические единицы зафиксированы в лексикографических источниках: «avoir les foies» – «бояться, трусить, дрейфить» → «avoir les foies blancs (или verts, tricolores)» (букв. «иметь белые (или зелёные, трёхцветные) печёнки») – «очень бояться»; «être dans une dèche» – «сидеть без денег» → «être dans une dèche noire» (букв. «быть в чёрной нищете») – «нищенствовать». Использование белого цвета по отношению к печёнке во фразеологизме связано со старинным поверьем, что кровь по телу разносит печёнка, которая белеет, если организм находится в состоянии страха. «*Ce n'est pas une raison, dira-t-il, parce que Jean est dans une dèche noire, pour m'inviter noblement à bouffer des patates bouillies*» [10]. – «Это не резон, скажет он, если Жан и обнищал, гордо приглашать меня в гости и кормить одной варёной картошкой».

Колоронимы используются в арго и в качестве внутренних интенсификаторов характерологических арготических фразеологических единиц. К фразеологизмам с внутренними интенсификаторами относятся единицы, у которых опорный компонент передаёт то значение,

которое имеет фразеологизм в целом, а другие компоненты служат лишь для усиления значения этого опорного компонента. Такие интенсификаторы являются внутренними, т.к. они представляют собой обязательные компоненты фразеологизмов, без которых характерологические арготические фразеологизмы перестают существовать [2. С. 111]. Например, в арготическом фразеологизме «faire chou blanc» – «потерпеть фиаско, остаться ни с чем, опростоволоситься» опорный компонент «chou» имеет арготическое значение «провал, неудача» (предположительно по созвучию с глаголом «échouer» «потерпеть неудачу, провалиться» [5. С. 72]), соответственно цветообозначение «blanc» – «белый» служит в данном случае лишь для интенсификации значения.

Таким образом, несмотря на общность черт во внутренней форме фразеологизмов письменно-литературного языка и сниженного языкового регистра, арготические фразеологизмы характерологического типа имеют свои специфические черты. Для арготических фразеологизмов характерно наличие в их структуре как цветообозначений с общепринятыми символическими значениями, так и особых символических реалий, через которые передаются культурные традиции носителей французского арго.

В исследованном колоративном субкоде представлены в основном синий, жёлтый, белый и чёрный цвета. Как правило, колоронимы входят в состав характерологических арготических фразеологических единиц как символы различных психоэмоциональных состояний человека. В арго цветообозначение может нести от одного до трёх различных символических смыслов, некоторые из которых связаны с реалиями повседневной действительности, близкими и известными арготирующим. Различные колоронимы могут выступать в роли внешних интенсификаторов опорных компонентов характерологических арготических фразеологических единиц французского языка.

Список литературы

1. Авалиани, Ю. Ю. К сопоставительной стилистике ФЕ (на материале образно-симво-

лических заголовков художественных произведений) / Ю. Ю. Авалиани // Вопросы фразеологии романских и германских языков. – Самарканд, 1981. – С. 4–12.

2. Андросова, С. А. Объективация характеристики человека во французской арготической фразеологии : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Андросова. – Воронеж, 2011. – 220 с.

3. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Г. А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – 45 с.

4. Вакуров, В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц / В. Н. Вакуров. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 175 с.

5. Енов, Л. И. Денотативно-коннотативная соотносённость арготических фразеологизмов: дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Енов. – Челябинск, 2004. – 140 с.

6. Кириллова, Н. Н. О деноте фразеологической семантики / Н. Н. Кириллова // Вопросы языкознания. – М., 1986. – № 1. – С. 82–90.

7. Нукалова, В. И. Национально-культурный аспект именных фразеологизмов со значением оценки человека во французском языке / В. И. Нукалова // Актуальные проблемы романистики : материалы международной конференции (Воронеж, 20-22 мая 2009 г.). – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – С. 329–334.

8. Степанова, О. В. Культурологический аспект фразеологии французского арго : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Степанова. – М., 2002. – 174 с.

9. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура)

10. Bazin, H. La mort du petit cheval / H. Bazin. – Paris: Le Livre de Poche. – № 112. – 320 p.

11. Marceau, F. Les belles natures / F. Marceau. – Paris: Gallimard, 1957. – 278 p.

12. Viard, H. La Bande à Bonape / H. Viard. – Paris: Gallimard, Série noire, Livre de poche, 1969. – 189 p.

13. Voici : magazine. – 2005. – № 927.

О. О. Антипова*Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)***АНТРОПОМОРФНЫЕ ЗООМЕТАФОРЫ
С ИНВЕКТИВНОЙ ИНТЕНЦИЕЙ****METAPHORS WITH THE NAMES OF ANIMALS
AS A COMPONENT AND THE INTENTION OF INSULT**

Рассматриваются антропоморфные зоометафоры с инвективной интенцией, уделяется внимание рассмотрению инвективного потенциала данного типа метафор с точки зрения их структурных и стилистических особенностей относительно национальной языковой картины мира.

Anthropomorphic metaphors with the names of animals as a component and with the intention of insult are investigated. The invective potential of the metaphors within the framework of linguistic semantics and with respect to national linguistic world-image is analyzed.

Ключевые слова: зоо-метафора, инвективная лексика, инвективная интенция, языковая картина мира.

Keywords: metaphors with the names of animals as a component, invective vocabulary, intention of insult, linguistic world-image.

Инвективная лексика как объект исследования находится в поле зрения отечественных и зарубежных лингвистов в течение длительного времени. Являясь языковой универсалией, лексическая инвективность представляет собой многогранный и многоаспектный материал для междисциплинарного изучения. Исследованием инвективной лексики занимаются ученые в рамках лингвокультурологии, социолингвистики, этнолингвистики, юрислингвистики и т.п.

Заинтересованность в данной области знания привела к появлению лингвистической инвектологии – науки, определяющей место инвектив в языке и их прагматическую специфику, что, учитывая антропоориентированность современной лингвистики в целом, способствует рассмотрению инвектив в рамках данной парадигмы.

Несмотря на активно ведущиеся работы в данном направлении, существует определенная рассогласованность в том, что именно необходимо считать инвективной лексической единицей, и это напрямую связано с объемом содержания объекта исследования. В данной работе используется определение инвективы, сформулированное В. И. Жельвисом, как лексика, употребление которой содержит намерение инвектора оскорбить или унижить адресата речи – инвектума [4]. Необходимо отметить,

что являясь лексическими единицами, инвективы могут отбираться посредством:

1) стилистических помет в лексикографических источниках (бран., презрит., неодобр. и проч.),

2) наличия семантического признака (пометы нет, но в семантике единицы присутствует негативная оценка признака/деятельности инвектума).

Исследование инвективной лексики в настоящее время может также считаться приоритетным, поскольку общая тенденция глобализации неизменно ведет к появлению противодействующих тенденций, таких как интерес к национальной специфике, тесно переплетающийся с вопросом степени национальной идентичности культур. Изучение инвективной лексики позволяет получить доступ к структуре оценочных параметров культуры, поскольку в данной лексике содержатся семантические компоненты, номинирующие наиболее порицаемые на национальном уровне антропные характеристики.

Одна из объемных групп инвективной лексики в современном русском языке представлена зооморфной метафорой, содержащей негативную оценку инвектума. В данном типе метафор проецируются признаки из ментального пространства (термин принадлежит Ж. Фоконье) «животное» на пространство «человек». Учитывая тот факт, что первое из назван-

ных ментальных пространств обладает целым комплексом признаков, легко проецируемых на пространство «человек», данный тип зооинвектив является высокопродуктивным во многих языках.

Инвективы, основанные на зоометафоре, представляют собой активную модель словообразования лексических единиц с точки зрения их выразительного потенциала и способны передавать отрицательную оценку различных характеристик человека (внешнего и внутреннего мира), присущих определенной национально-специфичной языковой картине мира. Так, например, для передачи значения «девушка легкого поведения» в русской языковой картине мира используется зоо-образ *бабочка* (*ночная бабочка*), в английской – *кошка* (*alleycat* – *досл. уличная кошка*), а в немецкой – *заяц* (*Betthase* – *досл. кровать+заяц*). Очевидно, что в процессе становления лексико-семантической структуры слова, в связи с десемантизацией компонента прямого номинирования развивается новый лексико-семантический вариант (в дальнейшем изложении ЛСВ). Таким образом, анализ эмотивной инвективной лексики становится одним из эффективных способов получения достоверной национально- и культурно-специфичной информации. Ввиду того, что коннотативный компонент значения преобладает в ЛСВ зоонимов, используемых с инвективной интенцией, можно получить представление о системе ценностей/антиценностей носителей исследуемого языка, проанализировав группу инвективных единиц.

Национальное сознание использует для создания инвективной единицы не любой зоо-образ, а образ, обладающий несколькими характеристиками, причём большая часть из них имеет отрицательную коннотацию. Практически каждый зоо-образ в русской языковой картине мира может являться примером аксиологической амбивалентности (термин принадлежит Кузнецовой Н. В. [5]), при этом в момент коммуникации носитель языка, выступающий в роли инвектора, актуализирует одну из характеристик зоо-образа, а реципиент (инвектант – в случае присутствия инвективной интенции) расшифровывает коммуникативное намерение говорящего, опираясь на имеющийся лингво-культурологический языковой опыт.

Очевидно, что данный аспект знаний особенно важен при подготовке языковых специалистов разного профиля, поскольку недостаточная осведомленность о сложной оформленности всех ЛСВ одного зоо-образа может в

лучшем случае привести к коммуникативной неудаче на уровне межличностного общения, в худшем – к формированию искаженных смыслов у больших масс людей на уровне СМИ и политического общения. Так, например, зоо-образ *бабочка*, имеющий ЛСВ с отрицательной коннотацией «девушка легкого поведения/проститутка» в русской языковой картине мира, приобретает для реципиента с нетождественным лингво-культурологическим запасом знаний отличное от изначального значение. Недостаточное внимание к данному типу лексики может быть еще опаснее ввиду того, что, как правило, зоо-образы, используемые для инвективных метафор, пересекаются в различных культурах, но актуализирующийся инвективный признак разнится. В английской языковой картине мира зоо-образ *бабочка* также используется с инвективной интенцией и имеет словарную стилистическую помету *disapproving*, однако, актуализируемым признаком в данном случае является «несерьезное отношение к вещам, заинтересованность в праздном стиле жизни» (что более тождественно значению зоо-метафоры *светская львица* в русской языковой картине мира, ср. *socialanimal* в английском языке). Во французском языке в зоо-образе «бабочка» также отсутствует значение «женщина легкого поведения», но присутствует значение «непостоянство», коррелируя с положительными характеристиками «яркий, разносторонний человек». Наглядные примеры дают серьезный повод задуматься о том, что выбор зоо-образа, используемого с доминирующей целью выражения личного отношения к объекту, не может производиться без внимания к компонентам значения, находящимся на периферии семантической структуры слова.

В качестве примера можно также рассмотреть инвективы *козёл* в русском языке и *goat* в английском. Выбранный зоо-образ имеет параллельные значения в случае номинации человека – кто-то, на кого несправедливо перекладывает вину за происходящее, при этом существует небольшое различие в одном из ЛСВ, проявляющееся в национальном компоненте значения. В русском языке – человек, вызывающий неприязнь, раздражение, в английском – распушенный, развратный человек (что, скорее, соответствует русскому *кобель*). Пример из практики политического общения красноречиво свидетельствует о важности прагматического аспекта при переводе инвективных зоо-метафор и инвектив в целом. На одной из встреч В. В. Путина и Т. Блэра президент Российской

Федерации процитировал фразу чеченских террористов «Аллах над нами, козлы под нами», однако фраза (с переводом «козлы→goats») не произвела эффекта, аналогичного тому, который создается у носителей русского языка, а премьер-министр и иностранные журналисты были озадачены дословным переводом (пример заимствован у М. Д. Бузаджи, [2]).

Представляет интерес также эволюция значений инвективной единицы, поскольку, с одной стороны, использование зоо-метафоры может реализовывать инвективную интенцию, только опираясь на современный багаж лингво-культурологических знаний носителя языка, с другой – рассмотрение развития значения в синхронии и диахронии может позволить произвести лингвистическое прогнозирование в отношении отдельно взятых единиц. Поскольку значение инвективных единиц является нестабильным и варьируется с течением времени, можно наблюдать примеры, в которых слово, считающееся нейтральным в настоящее время, имело выраженный инвективный компонент в прошлом и наоборот: *pirru* (не является инвективой в настоящее время, но имело данный компонент значения в 19 в.).

С целью выявления инвективного компонента значения у метафоры представляется целесообразным пользоваться не только данными лексикографических, но и публицистических источников, а также языковыми корпусами, быстро реагирующими на появление новых компонентов значения, актуализирующихся в современных контекстах. Если со временем один из компонентов значения выходит из функционирования в пределах зоо-образа, то это свидетельствует либо о снижении релевантности данного параметра для носителей культуры, либо о замещении данного зоо-образа другим, более подходящим для реализации инвективного значения.

Помимо того, что степень инвективности метафоры может значительно варьироваться с течением времени, нельзя не учитывать и того, что эффект, производимый инвектором на инвектума, также может значительно различаться в зависимости от типа воспринимающей аудитории. Считается, что в тех социальных подгруппах, где резкая и вульгарная инвектива более распространена как прием, она производит, как правило, меньшее впечатление. С другой стороны, в окружении, где вульгарные инвективы редки, и предпочитают более утонченные вербальные средства, обращение к грубой бессмысленной брани может не привести к же-

лаемому эффекту. В то же время даже намек на любой болезненно переживаемый реальный недостаток (происхождение, сексуальные отклонения, физические недостатки и т. д.) способен вызвать очень резкую реакцию [4]. Также стоит учитывать, что инвективные единицы могут производить различный эффект на инвектума в зависимости от гендерного статуса. Одно и то же инвективное обращение/комментарий имеют различный инвективный потенциал в зависимости от того, является ли инвектор мужчиной, а инвектум женщиной, и наоборот. «В разных контекстах и ситуациях, по отношению к разным лицам и в употреблении разных лиц одно и то же слово на шкале инвективности достаточно легко меняет своё место» [3].

Резюмируя, можно отметить, что инвективная лексика как объект изучения является достойным для исследования материалом с точки зрения структуры, семантики, функций, а также прагматического потенциала. Не менее важным представляется экстра-лингвистический аспект, способствующий исключению недоразумений в процессе речевой коммуникации представителей разных этнокультур.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исследований; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Бузаджи, М. Д. Норма ненормативного: ругаемся адекватно / М. Д. Бузаджи // Мосты. – 2006. – №1 (9). – С. 43–55.
3. Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика – 2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8–40.
4. Жельвис, В. И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика / В. И. Жельвис // Этнопсихоллингвистика. – М., 1988. – С. 108.
5. Кузнецова, Н. В. К вопросу о лингвистическом прогнозировании и лингвистических перспективах новой лексики в современном английском языке / Н. В. Кузнецова // Вест. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (2). – С. 378–382.
6. Partridge, E. The Routledge Dictionary of Historical Slang / E. Partridge. – Taylor & Francis e-Library, 2006. – 6031 P. – URL : <http://pdfbookdl.com/encyclopedia-dictionary/69236-eric-partridge-the-routledge-dictionary-of.html>.

Н. Ю. Арзамасцева

Курский государственный университет
(Курск, Россия)**ДОМИНАНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)****DOMINANT FEATURES OF THE LANGUAGE MODERN GERMAN YOUTH
(EXPERIMENTAL RESEARCH)**

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых положений, полученных в результате проведенного экспериментального исследования. Практическая часть исследования позволила установить содержательные (семантические) особенности представленных субъективных дефиниций и выделить специфику их языковой репрезентации.

This article considers some of the provisions we received as a result of the pilot study. The practical part of the study allowed to establish meaningful (semantic) features presented subjective definitions and identify the specifics of their language representation.

Ключевые слова: фразеологическая единица, методика субъективных дефиниций, субъективная дефиниция, психолингвистическое исследование.

Keywords: phraseological unit, the method of subjective definitions, subjective definition, psycholinguistic research.

Представляется важным отметить, что методика субъективных дефиниций дает возможность детально проанализировать доминантные особенности языка информантов, которые помогают увидеть черты, характерные для фразеологических единиц (далее – ФЕ) при функционировании в индивидуальном лексиконе. В исследовании принимали участие 184 человека (студенты из университетов Германии и Австрии). Испытуемым было предложено ответить на вопрос: «Что, по Вашему мнению, означают указанные ниже выражения?»

Анализ представленных информантами субъективных дефиниций позволил выделить ряд языковых особенностей молодых немецкоязычных людей.

I. Давая определения ФЕ, информанты чаще других используют следующие группы лексических единиц.

1) «Современная» лексика: *auf dem Laufenden sein* – *aktuelles wissen* (знать актуальное); *besonderen Wert auf etwas legen* – *Qualität* (качество), *etwas eine hohe Priorität zuweisen* (придавать чему-либо высокую степень приоритетности), *fokussieren* (фокусировать); *arbeiten auf Teufel komm' raus* – *Zeitdruck* (нехватка времени); *unter dem Pantoffel stehen* – *ein Mann lässt sich von seiner Partnerin dominieren* (партнёрша доминирует над мужчиной).

Так, мы полагаем, что вышеуказанные дефиниции могут служить примерами «современной» лексики (*aktuell* (актуальный), *Qualität* (качество), *Priorität* (приоритет), *fokussieren* (фокусировать), *Zeitdruck* (нехватка времени), *dominieren* (доминировать)), то есть той лексики, которая является наиболее актуальной, часто используемой на сегодняшний день во многих сферах жизни человека. Подтверждают нашу мысль и дефиниции *Partner* (партнёр), *Partnerschaft* (партнёрство), в большом количестве полученные на стимул *jmd. sitzt jmdm. an der Seite*, вместо, например, *Freund* (друг) или *Kollege* (коллега). Интересно также, что стимул *unter dem Pantoffel stehen* большинство респондентов дефиницировали лексемой *Partnerin* (партнёрша), а не, например, *Freundin* (подруга), *Kollegin* (коллега), *Frau* (женщина), *Ehefrau* (супруга): *ein Mann lässt sich von seiner Partnerin dominieren* (партнёрша доминирует над мужчиной), *von der Ehepartnerin beherrscht sein* (быть под властью супруги), *Partnerin* (партнёрша).

Эмпирические данные показывают, что в данный момент наблюдается тенденция к использованию «модной» лексики, к замене «старой» лексемы на «новую» (*wichtig* (важный) – *aktuell* (актуальный); *Freund* (друг), *Kollege* (коллега) – *Partner* (партнёр); *Freundin* (под-

руга), Kollegin (коллега), Frau (женщина) – Partnerin (партнёрша) и т.д).

2) Заимствованная лексика, преимущественно англицизмы: *arbeiten auf Teufel komm' raus* – *Work-a-holic*; *in Kontakt bleiben* – *Handy*, *Mails benutzen*; *etwas in den Griff bekommen* – *managen*; *durch die Finger sehen* – *cool sein*; *sein Herz an jmdn. verloren haben* – *Black-out*; *auf dem Laufenden sein* – *die neuesten News verfolgen*, *up to date*, *clever*; *in jmdn. verknallt sein* – *Teenager sind immer in solcher Zustand*.

3) Цепочки синонимичных дефиниций: *auf grossem Fusse leben* – *viel Geld* (много денег), *Reichtum* (богатство), *Money*, *Euro*; *im Sinn haben* – *planen*, *vorhaben*, *beabsichtigen* (планировать); *in Not geraten* – *schwer*, *hard*, *difficult* (трудно), *ohne Ausweg* (безвыходно), *eine schwere Lage* (тяжелое положение); *auf der faulen Haut liegen* – *nichts machen* (ничего не делать), *faulenzten* (лениться), *nichts tun* (ничего не делать), *Faulpelz sein* (быть лентяем);

4) Дефиниции-фразеологизмы: *jmdm. sitzt der Schalk im Nacken* – *wissen wie der Hase läuft* (знать толк в чем-либо); *sein Herz an j-n verloren haben* – *über beide Ohren* (но ушу); *jmdm. zu tief in die Augen gesehen haben* – *Schwein haben* (к-л везёт); *auf grossem Fusse leben* – *Geld wie Heu* (денег куры не клюют); *j-m die Karte in die Hand spielen* – *einen Tipp geben* (дать совет); *aus der Haut fahren* – *sich die Haare raufen* (рвать на себе волосы).

5) Профессиональная лексика: *etw. durch die Blume sagen* – *euphemisieren*, *etw. nicht offen*, *sondern z.B. durch Sprichwörter oder über Beisp. anderer sagen*; *einen Narren an jmdm. gefressen haben* – *völlig perplex sein* (negative *Konnotation*); *mit etwas nicht hinter dem Berge halten* – *Manifestationen von Gefühlen in der Mimik/ Gestik und Körpersprache*.

II. В дефинициях представлены разнообразные коммуникативные типы предложений.

1) Восклицательные конструкции: *aus der Luft greifen* – *wie wahr! passiert oft*; *in Not geraten* – *wie Schade!*; *jmdm. in die Nase fahren* – *sich sehr (!!!) ärgern*, *wütend sein*.

2) Вопросительные конструкции: *auf grossem Fusse leben* – *ist er den so happy oder naiv?*; *jmdn. um die Ecke bringen* – *so böse?*; *auf der Bärenhaut liegen* – *gibt's solche Leute?*

3) Риторические вопросы: *etwas durch die Blume sagen* – *was Schlechtes nett verpacken, macht man oft, oder?*; *das Blaue vom Himmel herunterlügen* – *wofür?*; *aus der Haut fahren* – *kann es etw. bringen?*; *jmdm. auf der Nase herumtanzen* – *ist es doch nicht besser als auf dem Kopf?*

III. Наблюдается наличие в дефиниции нетипичной для ФЕ-стимула грамматической конструкции.

1) Формы повелительного наклонения: *sich etwas zu Herzen nehmen* – *Bleib ruhig. Komm runter. Reg dich nicht auf. Reiss dich zusammen. Bleib hart, keine Panik; Wollen wir leben* – *Nie aufgeben!*

2) Формы сослагательного наклонения: *auf grossem Fusse leben* – *schön wär's viel Geld ausgeben*; *jmdm. zu tief in die Augen gesehen haben* – *... ich würde gern*.

IV. Проявляются особенности в организации морфологической и синтаксической структуры дефиниции.

1) Подбор другого ФЕ, сходного с указанным (который, вероятно, неизвестен ии.) по формальным признакам: *auf der Nase liegen* – *kenne besser "auf die Nase fallen"* – *scheitern*; *nicht alle Daten im Speicher haben* – *meinst du vielleicht "einen Dachschaden haben"*? *Wenn ja, dann: dumm sein*.

V. Наличие смысловых (семантических) особенностей у субъективных дефиниций.

1) Оценочность, субъективизм: *jmdm. etwas auf den Kopf zusagen* – *offen sein, das ist normal*; *jmdm. auf die Zehen treten* – *passiert öfter*; *arbeiten auf Teufel komm' raus* – *shessig*; *jmdm. sitzt der Schalk im Nacken* – *ist ganz normal*; *nicht alle im Koffer haben* – *gibt es viele*; *etwas durch die Blume sagen* – *das ist oft so*.

2) Риторические рассуждения: *in Kontakt bleiben* – *oft eine hohle Phrase*; *arbeiten auf Teufel komm' raus* – *machen viele, aber*

3) Наличие имплицитной составляющей: *jmdm. etwas (glatt) ins Gesicht sagen* – *kann man nicht immer* (возможно, но не всегда); *in j-n verknallt sein* – *Gefühl kann trügen* (может обмануть, а может и не обмануть); *auf grossem Fusse leben* – *kann sich nicht jeder erlauben* (может позволить, но не каждый); *auf der Nase liegen* – *Das kann jedem passieren* (Может произойти, а может не произойти); *mit etw. nicht hinter dem Berge halten* – *nicht immer gut* (может быть хорошо, но не всегда).

4) Авторское «Я»: *sich etwas zu Herzen nehmen* – *trifft nicht auf mich zu*; *auf grossem Fusse leben* – *freit mich, wär ich auch gern*; *sein Herz an jmdn. verloren haben* – *schön, wie bei mir*; *aus der Luft greifen* – *passiert mir oft*.

Кроме того, полученный эмпирический материал демонстрирует тот факт, что ФЕ как стимулы характеризуются высокой побудительной силой, провоцирующей информантов подходить к выполнению задания с большим

интересом и ответственностью. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства:

- развернутые дефиниции, в большом количестве полученные на превалирующую часть стимулов: *auf grossem Fusse leben – reich sein... es passiert eben, nur weil man aus gutem Hause ist hat das nichts zu bedeuten; besonderen Wert auf etwas legen – achten, besonders schätzen, es kann Ausbildung, Geld oder so was sein;*

- многочисленные уточнения (речевой педантизм): *in j-n verknallt sein – Verliebtheitsphase (nicht Liebe!); auf der Nase liegen – hingefallen sein (privat, im Job ...); mit jmdm. auf du und du stehen – sich (sehr) gut kennen; in den roten Zahlen sein – in einer schweren Lage sein (gar nicht viel Geld);*

- мотивированный (выраженный в словесной форме, объясняющий причину) отказ от реагирования: *jmdn. um die Ecke bringen – keine Assoziation vorhanden; jmdn. durch den Dreck ziehen – kenne ich nicht gut; das Blaue vom Himmel herunterlügen – kenne ich nicht gut; auf der Bärenhaut liegen – ich kannte diese Redewendung vorher nicht; in der Klemme sein – versteh ich nicht ganz gut;*

- языковая характеристика ФЕ вместо дефиниции: *durch die Finger sehen – Finger würde ich nicht sagen, verstehe aber was gemeint ist; einen Narren an jmdm. gefressen haben – scheint mir veraltet zu sein! aber Liebe ist immer aktuell;*

- стиль предложенной немецкоязычными информантами дефиниции зачастую зависит от того, к какому стилю относится исходный стимул, «стиль порождает стиль»: *in jmdn. verknallt sein (быть влюбленным в к-л.) – j-n abblitzen lassen (отшутить к-л.), j-n abservieren (отделаться от к-л.), das Herz brechen (разбить сердце) (разговорный стиль).*

Считаем важным отметить, что часто можно встретить дефиниции, характеризующиеся «смешанными» признаками, т.е. в рамках одной дефиниции может быть отмечено сразу несколько перечисленных выше языковых особенностей субъективных дефиниций ФЕ.

Примерами этого явления могут послужить дефиниции *einen Narren an jmdm. gefressen haben – für mich ist es alte Phrase, die keiner mehr verwendet, ich würde vermutlich sagen: altmodische Sprache* (языковая характеристика ФЕ вместо дефиниции + профессиональная лексика + форма сослагательного наклонения + развернутая дефиниция).

Таким образом, проведенное психолингвистическое исследование языка молодых людей показало, что на дефиницирование ФЕ носителями языка оказывают влияние признаки как семантически связанные с исходной ФЕ, так и формальные (фонетические, морфологические, синтаксические). Однако уменьшается опора на структурные (формальные) элементы и увеличивается восприятие фразеологизма как целостного образования с опорой на индивидуальный когнитивно-аффективно-перцептивный опыт.

Специфика ФЕ как единиц языка оказывает влияние на типы субъективных дефиниций: их содержание, лексическое оформление (превалирование «современной», «модной» лексики, заимствований, «денглиш-форм», синонимичных цепочек, дефиниций-фразеологизмов, профессионально маркированной лексики и полное отсутствие архаичных лексем, поэтической, книжной лексики), синтаксическую структуру, коммуникативный тип и т.п. Более подробный анализ данной языковой репрезентации представлен [1. С. 85-91].

Список литературы

1. Арзамасцева, Н.Ю. Фразеологические единицы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. / Н.Ю. Арзамасцева. – Курск, 2014. – 211 с.
2. Redewendungen, Wörterbuch der deutschen Idiomatik, Band 11. Duden. 3., neu bearb. A. 2008. – 955 s.

Е. Н. Бекасова*Оренбургский государственный педагогический университет
(Оренбург, Россия)***T. Grigorjanová***Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave
(Трнава, Словацкая Республика)***СЛОВО КАК «ДОМИНАТНАЯ СВЯТЫНЯ»****WORD AS «DOMINAT SHRINE»**

В статье рассматривается отношение Н. В. Гоголя к слову. На основании его творчества, писем, дневниковых записей определяется его особое отношение к слову, к русскому слову, которое приводит Н. В. Гоголя к пониманию дуализма слова, «двух его одежд», одна из которых – Слово Божие – становится главной в его жизни, что позволяет в определённой степени раскрыть закономерность молчаливого конца великого писателя – в соединении со «Словом, которое и есть Бог».

The article focuses on Nikolay V. Gogol's relation to the word. Basing on his works, letters, and diary entries, the authors analyze Gogol's special relation to the word, and to the Russian word in particular, that leads Nikolay Gogol to understanding the dualism of a word, "two of his clothes", one of which, God's Word, takes central position in his life. This helps, to a certain extent, explain the silent end of the great writer in connection with "In a word, which also there is God".

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, концепт «слово», мировоззрение писателя.

Keywords: Nikolay Gogol, concept "word", outlook of the writer.

Человек живёт в мире слов, и богатство слов созидает мир человека. Значит, слово – это источник жизни. Подтверждение этому мы находим в повествовании святого апостола и евангелиста Иоанна: «В начале было Слово...». Именно с этих слов «сложил письмена Константин Философ и начал писать слова евангелия: "Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог"» [13. С. 87], – и с этого началось просвещение славянских народов.

В настоящее время исследователи всё чаще сходятся на мысли, что культура как материальная и духовная ценность народа вербализуется в языке. Язык является её кодовым организатором, транслируясь в знаковом воплощении – в словах. По мнению Д. С. Лихачёва, национальный язык в потенции как бы «заместитель» русской культуры, а Михаил Пришвин идёт дальше, утверждая, что «жизнь происходит от слова». Такого мнения придерживался состоявший в активной переписке с Н. В. Гоголем известный филолог-славист И. И. Срезневский: «Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова» [14. С. 103]. В «Материалах для слова-

ря древнерусского языка» И. И. Срезневского отмечается 27 основных значений слова, зафиксированных в памятниках письменности: слово, дар слова; выражение, возможность выразить; речь, слова; значение, смысл; письменная речь, письмо, грамота; поучение; слово как литературное произведение; поучение; беседа; спор; совет; поручение; причина, повод; попрек; показание, свидетельство; ответ; согласие, разрешение; удостоверение, правое слово; обещание; определение, постановление; выражение воли, приказ; закон, заповедь; учение; одно из наименований Сына Божия; грамматический термин; буква; название буквы «с». В современном академическом «Словаре русского языка XI–XVII вв.» таких значений 28, среди которых зафиксированы такие, как имя, название; пророчество, предсказание; манера выражаться, слог, стиль; хула, брань; слух, молва; слава; утверждение, мнение; Божественный Логос, в религиозном учении христианства теолого-философский термин, означающий совершенное откровение существа Божия, предвечный образ Божий; Слово Божие; вторая ипостась Троицы, воплощенная в Христе; словесно выраженная воля Бога, которая является законом; основание для ка-

ких-либо мнений, рассуждений; довод; разум, рассудок, позволяющий человеку (в отличие от животного) словесно оформлять свои мысли; отчёт, расчёт; то, что написано; образованность, ученость, книжность; уговор, договор; обвинение; свидетельское показание; наборный шрифт, литера.

Для Н. В. Гоголя слово является одним из важнейших составляющих его мировоззрения. В предисловии к «Материалам для словаря русского языка» (1848–1851 гг.) Н. В. Гоголь объясняет «побудительную причину» своего «языкознательного дела» – «ничего более, <как> любовь, просто одна любовь к русскому слову, которая жила во мне от младенчества и заставляла меня останавливаться над внутренним его существом и выраженьем» [5. С. 271–272].

Слово для Н.В. Гоголя не столько *язык, речь, манера выражаться, слог, стиль*, сколько всё то лучшее, что скрывается в них. И это при самой высокой оценке русского языка, из которого исключается «тот язык, который изворачивается теперь в житейском обиходе, и не книжный язык, и не язык, образовавшийся во время всяких злоупотреблений наших» [4. С. 138]. «Истинно русский язык, который незримо носится по всей Русской земле» [Там же], «сам необыкновенный язык наш есть ещё тайна. В нём все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твёрдых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны – выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, не доступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанью непонятливейшего человека» [1. С. 184].

Эта двойственная природа русского литературного языка отмечена многими современными исследователями как «сожительство», «культурные преемства и наследия», «радиация», «прививка» (Н. С. Трубецкой), «двумерность» (Б.О. Унбегаун), «симбиоз, сращение, органическое слияние, смешение» (В. В. Виноградов), «амальгама» (Г. О. Винокур), «сплав» (Б. А. Успенский), «трансплантация, импортирование, инкрустирование» (В. В. Колесов, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский).

По Н. В. Гоголю, эти два языка определяют «две одежды слова»: «один слишком воз-

вышенный, гармоничный», «другой, простой, предающийся естественному ходу мыслей» [1. С. 305].

Первая ипостась русского языка – Слово Божие. Именно в этом заключается «высокое достоинство русской породы», которая «способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово Евангельское. Семена Небесного Сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. <...> четвёртые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва – русская восприимчивая природа. Хорошо взлелеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере» [1. С. 446–447].

Слово второй составляющей русского языка, которое также отражает характер русского народа, Н. В. Гоголь описывает в своих «Мёртвых душах»: «Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; лёгким щёголем блеснёт и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает своё, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» [6. С. 102].

Высшим показателем Слова для Н. В. Гоголя становится язык Пушкина, где «слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт» [7. С. 264]. Именно Слову Пушкина наряду со Словом Евангелия Н. В. Гоголь отводит роль «доминантной святыни», «упрочного и владычного языка для всех родных нам племён» [12. С. 96].

Сам Н. В. Гоголь истово относился к своим словам, считая, что «всякий писатель должен оставить после себя какую-нибудь благую мысль в наследство читателям». Завещая «лучшее из всего, что произвело перо моё», «лучшее своё сокровище, как знак небесной милости ко мне Бога», то, что можно выслушать сердцем, то, что «не сочинял, не выдумалось, выпелось само собой из души, которую воспитал Сам Бог испытанием и горем, а звуки взялись из сокровенных сил нашей русской породы», Н. В. Гоголь приходит к парадоксу: это не может явиться на свет, так как значимое по смерти не имеет смысла при жизни [2. С. 11].

Поиски сокровенного Слова приводят Н. В. Гоголя к выбору между его собственным талантом, ниспосланным ему, по его глубокому убеждению Богом, и Словом Божиим. Отсюда явно прослеживающееся с 1947 г. жела-

ние «помолчать, покуда слова мои не придут в такую ясность, что и ребёнку стали бы понятны», поэтому «ещё следует жечь, что следует жечь, никому ни говорить ни слова о внутреннем себе и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого ответа моим друзьям насчёт сочинений моих» [10. С. 357]. В этом и заключается, как он сам пишет в письме к С. Т. Аксакову, «история моего мистицизма» [Там же].

Боязнь толкователей слов, стремление к «безмолвной молитве», «слову благодному» закономерно приводит к Слову Евангелия, откуда надо черпать и мудрость, и правду: «у Бога всё под рукой: и разум и слово с Ним. А человеку нужно за словом ходить в карман, а разуму доискиваться» [8. С. 470]. В письме графине А. М. Вильегорской (1849 г.) Н. В. Гоголь, рассуждая о том, что русским легче сделаться и языком, и познанием России, но труднее – душой, призывает обратиться к слову Евангелия – источнику и средству, «без которого русский не станет русским в значенье высшем этого слова» [3. С. 447].

К этому источнику припадает Н. В. Гоголь в конце своей жизни, стараясь «принять сердцем семя Святого слова», употребляя «дар слова на прославление Бога Слова и Его Матери» [9. С. 345], призывая всех черпать мудрость евангельскую и обрести благодную мысль. В этом и закономерность его молчаливого конца – соединенья со Словом, которое и есть Бог: «и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно вначале было у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков ... И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины...» (Иоанн, 1, 2–14).

Список литературы

1. Гоголь, Н. В. В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 6. – М. : Русская книга, 1994. – С. 147–185.
2. Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 7. – М. : Русская книга, 1994. – С. 7–328.
3. Гоголь, Н. В. Графине А. М. Вильегорской / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах: Т. 9. – М. : Русская книга, 1994. – С. 446–449.
4. Гоголь, Н. В. Занимающему важное место / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 6. – М. : Русская книга, 1994. – С. 129–145.
5. Гоголь, Н. В. Материалы для словаря русского языка / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 8. – М. : Русская книга, 1994. – С. 271–320.
6. Гоголь, Н. В. Мёртвые души / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 5. – М. : Русская книга, 1994. – 608 с.
7. Гоголь, Н. В. Несколько слов о Пушкине / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 7. – М. : Русская книга, 1994. – С. 260–265.
8. Гоголь, Н. В. П.А. Плетнёву / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 9. – М. : Русская книга, 1994. – С. 470–471.
9. Гоголь, Н. В. Размышление о божественной литургии / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 6. – М. : Русская книга, 1994. – С. 329–392.
10. Гоголь, Н. В. С.Т. Аксакову / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений: в девяти томах : Т. 9. – М. : Русская книга, 1994. – С. 355–357.
11. Данилевский, Г. П. Знакомство с Гоголем / Г. П. Данилевский // Сочинения. – СПб., 1901. – Т. 14. – С. 84–102.
12. Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы, – М. : Наука, 1981. – С. 71–92.
13. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий / И. И. Срезневский – СПб. : тип. В.С. Балашева, 1887. – VI, 164, 7 с.

Я. Л. Березовская

Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)СИСТЕМА КИТАЙСКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИSYSTEM OF CHINESE NAME AND SURNAMES
IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

В статье анализируются проблемы понимания системы китайских имен и фамилий носителями русского языка. Изучены особенности восприятия китайских фамилий, имен в социально-бытовых и профессионально ориентированных ситуациях общения. Мы пришли к выводу, что использование формул обращения в различных ситуациях общения определяется национально-культурной спецификой. Незнание речевых формул обращения приводит к коммуникативным неудачам.

In the article the comprehensional problems of system of Chinese names and surnames by native Russian speakers are analysed. The specialities of perception of Chinese last names are learnt, and the formulas of social vocatives in everyday and professional communications are also shown. We made a conclusion, that using the formulas of vocatives in different communicative situations depends on ethnico-cultural specificity. Ignorance of formulas of vocatives leads to communicative failures.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, формулы обращения, национально-культурная специфика, языковое сознание, коммуникативная неудача.

Keywords: Russian as a foreign language, formulas of vocatives, ethnico-cultural specificity, linguistic consciousness, communicative failure.

В современной лингвистике актуальным является вопрос изучения национально-культурной специфики этикетных формул обращения. Владение правилами обращения позволит установить контакт с предполагаемым собеседником, избежать коммуникативных неудач. Выбор формул речевого обращения обусловлен национально-культурными особенностями речевого этикета и отражает языковую картину мира народа [1. С. 521].

Обычно к китайцу не обращаются только по фамилии, например *Дэн*. С фамилией обязательно должны использоваться связующие слова: титул (*президент, граф*) или обращение (*господин, товарищ*). Для официально-деловой сферы характерно указание на социальный статус собеседника. Используют следующую формулу обращения: фамилия + социальный статус, должность (王总 : фамилия + директор). В подобных ситуациях на первом месте используется фамилия, а потом указывается должность. Данное употребление не характерно для русской языковой картины мира.

Если не известно ни имени ни титула человека, то лучше обращаться к нему, используя лексему *господин (госпожа)*. Только близкие

друзья или родственники обычно обращаются к китайцу по имени: например к *Ян Каю* обращаются просто как *Кай*.

В китайском обращении фамилия состоит из одного, реже двух иероглифов (слогов). За фамилией следует двусложное (реже – односложное) имя. Например: *Дэн Сяопин*: *Дэн* – фамилия, *Сяопин* – имя. Всего насчитывается около трех тысяч китайских фамилий. Из них наиболее употребительными являются следующие десять: *Li, Wang, Zhang, Liu, Chen, Yang, Zhao, Huang, Zhou, Wu*. Гораздо реже встречаются двусложные фамилии типа *Sima* и *Ouyang*. Общепринятой нормой следует считать обращение к собеседнику или коллеге только по фамилии с прибавлением к ней того или иного слова-обращения: *Liu laoshi, Wang xiaojie, Li daifu* и т.д.

В традиционной китайской семье было принято, что дочь носила фамилию матери, и лишь сын наследовал фамилию отца. Сейчас практически во всем Китае и сыновья, и дочери носят фамилию отца. А китайские женщины, выходя замуж, как правило, сохраняют свои девичьи фамилии и не принимают фамилию мужа [7. С.129].

Имена у китайцев отличаются от европейских прежде всего тем, что они чрезвычайно

редко повторяются между собой. Готовых списков имен в Китае не существует. Имя ребёнку придумывают его родители, исходя при этом из различных семейных традиций. Часть китайских имён можно достаточно легко разделить на мужские и женские. *Ай* обозначает «любовь» (обычно женское имя), а *Лян* обозначает «культурный» (обычно мужское имя). Однако справедливо и то, что много имен не содержит очевидных указаний на то, кому же может принадлежать такое имя – мужчине или женщине.

В 2014-2015 гг. среди студентов, изучающих китайский язык в Южно-Уральском государственном университете и Челябинском государственном университете, был проведён опрос с целью выявления знаний системы китайских имен и фамилий. Всего в опросе приняло участие 46 учащихся в возрасте от 17 до 20 лет. 21 человек изучают китайский язык 3 недели, 25 человек 1 год.

В ходе анкетирования реципиентам необходимо было написать женские и мужские китайские имена. В результате опроса были отмечены следующие женские имена: 丁云, 云, 妹, 小王, 小李, 张东, *Xiaoli, Jia, Zhuan, Fang, Zhao, Lin, Sang Ziwei, Mali, Xue, Джун, Чинжи, Ганг, Бэй, Джинг, Генгис, Да, Джанджи, Дуи, Кан, Ксу, Пейжи, Джи, Лиу, Мей, Динь Дон, Лю Ян, Аи Туа, Сясюэ, Чжао, Шу, Мали, Фанбин, Цзидань, Чжи, Тин, Нали;* мужские имена: 麦克, 张东, 一, 谢飞, *Fang, Dong, Huanming, Чан, Цзы, Фэнь, Даянь, Ся, Цуань, Жу, Аи, Бию, Зэнзэн, Ки, Лан, Лиу, Чэньси, Ню, Джао, Либо, Тао, Хуаи, Чанмин, Пеиг, Сао, Ван, Боси, Дэй, Мин, Джибо, Лунг, Тон, Тьен, Фан, Хэ, Ичжао, Юань.*

Несмотря на первоначальную простоту вопроса, некоторые студенты написали китайскую фамилию *Чанчунь* в качестве имени. Нарушение норм употребления имен и фамилий ведет к коммуникативным неудачам.

Не возникло трудностей при соотнесении полного и краткого варианта имен. Для китайской системы обращений характерно употребление уменьшительно-ласкательных имен с использованием приемы редупликации: *Лю Фанбин – Бинбин, Кан Дань – Даньдань, И То – Тото, Юй Линь – Линьлинь, Ху Юэ – Сиаюэ.* Чтобы показать уважение к человеку перед именем могут использовать прилагательное *большой, великий 大 (da): Чжао – Да Чжао.* При неблагозвучности фамилии и имени сокращения не используют, употребляя и фамилию и имя: *Цзинь Чжи.* В китайской культуре распространенное явление – смена фамилии и имени.

Родители могут поменять имя своего ребенка, если оно не благозвучно или имеет отрицательную семантику, так как это, по представлениям китайцев, сильно влияет на судьбу человека.

В одном из заданий необходимо было смоделировать ситуацию, вставив в контекст соответствующее обращение: *Вставьте пропущенное слово. Как необходимо обратиться к человеку в данной ситуации? (补全对话, 注意场景中的人物).* Реципиентам были предложены типичные ситуации общения: в ресторане, в университете и пр.

Ситуация 1. В классе. Студент опоздал на урок.

Студент: Здравствуйте, ... ! Извините, пожалуйста, за опоздание.

Преподаватель: Здравствуйте, ... ! Входите.

Наиболее частые формулы, которые встречаются в анкетах – *учитель (laoshi – 34), ученик, студент (xue sheng – 32),* что связано с особенностями обращения к преподавателю по должности в китайской культуре. Отметим другие ответы реципиентов (орфография сохранена): *taqia hao, laoshi hao, wo neng bu neng chulai bangongshi, nin hao, учитель Ван, могу я войти.*

Для русских непривычно, когда они слышат обращение китайских студентов: *«Преподаватель!».* В русской культуре принято обращаться к преподавателю по имени и отчеству, что не характерно для китайского речевого этикета.

В профессионально-педагогической сфере нормативным является следующее обращение к учителю или преподавателю: *王老师 (Wang lao shi).* Сначала употребляют фамилию (например, *Ван*), потом используют лексему *учитель (laoshi).* Характерно, что к другим сотрудникам учебного заведения (*секретарю, специалисту по учебно-методической работе* и т.д.) обращаются, используя ту же лексему – *учитель (laoshi).*

Обращение к специалисту какой-либо другой области может быть сходным с лексемой *учитель* (в широком смысле слова), *мастер.* Например, к водителю обращаются как *师傅 (shi fu).* Сочетание указанных иероглифов имеет два сходных в данном контексте значения: *мастер и учитель.*

Ситуация 2. Секретарь показывает документы директору компании.

Секретарь: ..., можно войти?

Директор: Да, заходите, пожалуйста.

Наиболее частыми реакциями явились следующие ответы опрашиваемых: *директор, keyi jin lai ta (2), qing wen (2), xiao zhang, извините за беспокойство, извините.*

Ситуация 3. Вы пришли в ресторан, чтобы пообедать. Как официант обратится к Вам?

Официант: Здравствуйте, ... Вот меню. Что Вы хотите заказать?

Клиент: Здравствуйте. Кофе, пожалуйста.

Респонденты отметили такие формулы обращения, как *xian sheng xiao jie* *господин, царь*. Обращение к официанту женского пола в Китае имеет коннотативную окраску – *красавица* 美女 (*mei nv*). Подобное обращение не характерно для русского коммуникативного сознания, более того, может быть воспринято негативно как нарушение норм речевого этикета. Встречаются модели обращения, характерные и для русского коммуникативного сознания – *девушка*. К официанту мужского пола обращаются, используя обозначение профессиональной принадлежности – *официант* 服务员 (*fu wu yuan*).

Также одной из самых распространённых ошибок было то, что вместо употребления формул обращения в анкетах студентов начинался непосредственно диалог двух людей в той или иной ситуации. Опоздавший студент и преподаватель могли вести себя так, будто они старые знакомые.

В следующем вопросе реципиентам в свободной форме необходимо было написать, какие формулы обращения к незнакомым людям приняты в Китае: *Напишите, как принято обращаться к незнакомым людям в Китае* (请分别写出应该怎样和陌生人交谈 (在俄罗斯和在中国)).

- к однокурсникам: *ni hao* (24), *ni* (8), *tong xue* (4), *hello* (1), *привет* (1);

- к коллегам по работе: *nin hao* (24), *nin* (7), *ni hao* (2), *gong you* (1), *здравствуйте* (1);

- к преподавателю: *laoshi hao* (18), *laoshi* (11), *xian sheng* (2), *здравствуйте* (1), *доброе утро* (1);

- врачу: *dai fu* (24), *ni hao* (7), *dai fu ni hao*, *sheng* (1), *nin hao* (1), *помогите мне* (1), *здравствуйте* (1);

- к директору: *nin hao* (20), *xiao zhang* (5), *jingli* (2), *nin* (2), *xiao zhang nin hao* (1), *sheng* (1), *ni hao* (1), *здравствуйте* (1).

Ответы на данный вопрос свидетельствуют о том, что реципиенты не различают формулы обращения и приветствия. Отметим, что в медицинской сфере к врачу обращаются, используя лексему *врач* 医生 (*yi sheng*). В официальной обстановке можно встретить употребление лексемы *господин*.

Еще один показательный пример обращения к незнакомым людям в Китае: *Здравствуйте. Ты кушаешь?/Привет! Ты обедаешь?* Данные

примеры обусловлены особенностями национально-культурной специфики речевого этикета в китайской культуре, когда человек должен был обязательно поинтересоваться у знакомого, не голоден ли он.

Многочисленные ошибки и вопросы реципиентов показывают, что область китайских имен и фамилий сложна для носителей русского языка. В результате исследования мы выявили следующие особенности употребления китайских формул обращения: основная речевая формула обращения *фамилия + указание на социальный статус*; использование приема редупликации; смешение формул обращения и приветствия.

Список литературы

1. Березовская, Я. Л. Формулы обращений в китайском речевом этикете / Я. Л. Березовская // Наука ЮУрГУ: материалы 66-й научной конференции. Секция социально-гуманитарных наук. – Челябинск, ЮУрГУ. – С. 521–524.
2. Вэнь Цюфан. Правила использования китайских обращений с точки зрения социолингвистики / Цюфан Вэнь // Журнал Нанкинского педагогического университета. 1987. – № 4. – С. 73–76.
3. Курилова, К.А. Обращения в современном китайском языке (к вопросу о речевом этикете китайцев): дис. ... канд. филол. наук / К. А. Курилова. – Владивосток, 1997. – 279 с.
4. Ли Цзиньцюань. Межличностные отношения и обращения / Цзиньцюань Ли // Научный вестник Нанкинского университета. 1990. – № 5, 6. – С. 54–59.
5. Пензева, Е. А. К вопросу о родственных обращениях в русском и китайском языках / Е. А. Пензева // Современные проблемы науки и образования. – № 3. – 2009. – С. 126–127. – URL: http://www.science-education.ru/download/2009/03/2009_03_099.pdf
6. Сорокин, Ю. А. Типы китайской символики в языке и культуре / Ю. А. Сорокин // Этно-психолингвистика. – М.: Наука, 1989. – С. 63–71.
7. Старновская Е. К вопросу об особенностях знакомства в Китае / Е. Старновская // Современные проблемы науки и образования. – № 3. – 2009. – С. 127. – URL: http://www.science-education.ru/download/2009/03/2009_03_099.pdf
8. Словарь китайских обращений / Под ред. Цай Сицинь. Пекин, 1994. – 515 с.

Л. И. БогдановаМГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)**КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЯЗЫКОВОМ ОТРАЖЕНИИ****CULTURAL VALUES IN LANGUAGE REFLEXION**

В статье рассматривается, каким образом в языке отражаются культурные ценности: в значении пословиц и поговорок, во фразеологизмах, в семантике слов с субъективным компонентом значения. Особое внимание уделяется изучению конфликта ценностей в условиях контакта культур. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне. Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта люди разных культур могут по-разному воспринимать и оценивать одни и те же факты, что подтверждает тезис о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют её языком и её схемами восприятия.

The article focuses on the representation of cultural values in language: in meanings of proverbs and folk sayings, in idioms, and in the semantics of words with a subjective meaning compound. Special attention is paid to the conflict of values in contacting cultures. Evaluation may change depending on the point of view that a particular value represents: a view from the inside or a view from the outside. The structure of views on the same event may not coincide in different cultural communities. Even having similar experience, people of different cultures may perceive and evaluate the same facts differently, and this confirms the idea that the language of culture and schemes of culture perception are governed by fundamental culture codes.

Ключевые слова: культурные ценности, оценка, наивная этика, конфликт ценностей, контакт культур, код культуры

Keywords: cultural values, evaluation, naive ethics, values conflict, culture contact, culture code.

Значения слов языка, создающие языковую картину мира, составляют интерпретацию действительности в её измерениях – физических, психологических, социальных, духовных, ценностных [2. С. 32]. Ценностный аспект, один из наиболее значимых в современной науке, широко представлен в исследованиях разных направлений: в области лингвокультурологии (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, М. Л. Ковшова, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.), этнопсихолингвистики (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева и др.), когнитивной семантики (Ю. Д. Апресян, Е. Бартминский, А. Вежбицкая, Е. В. Урысон и др.), в работах исследовательской группы «Логический анализ языка» (под рук. Н. Д. Арутюновой) и др. Учёными получены важные результаты в сфере изучения русской ментальности и национальной системы ценностей. Однако в этой области остаются проблемы, требующие более детального рассмотрения. Одна из них связана с изучением универсального и специфического в системах ценностей, отражаемых

разными языками, в условиях межкультурной коммуникации, что и будет рассмотрено в настоящей работе.

Известно, что ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций, что и обеспечивает трансляцию ценностей от поколения к поколению. Значения слов, отражая общественные ценности, содержат, как известно, не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой», о которой, в частности, писал Ю. Д. Апресян [1. С. 351]. Так, например, слова типа *доносчик*, *ябеда*, *фискал*, *стукач* не только сообщают о том, что реально делают люди, получившие такую номинацию в языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна, в некоторых культурах стран Западной Европы передача информации о каких-либо нарушениях в полицию и другие

контролирующие органы расценивается как правильный поступок, оценивается положительно, поэтому нет оснований ожидать точного отражения в других языках этого постулата русской наивно-языковой этики.

На основе анализа семантики слов с отрицательным оценочным компонентом значения Ю. Д. Апресян формулирует ряд правил, составляющих своеобразный моральный кодекс. Приведём некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домога́ться, льсти́ть, сули́ть*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслуши́вать, подсматрива́ть, любопытствова́ть*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помы́кать, насме́хаться, глуми́ться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*унижа́ться, пресмы́каться, уго́дничать, по-добостра́стный*) [1. С. 351]. Исходя из этих правил, можно декодировать русские культурные ценности. Некоторые из них (внутренний мир, человеческое достоинство, доброта, уважение к людям) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство (*privacy*). Исследователям предстоит выяснить, ранжирование ценностей в разных культурах, степень их внутренней значимости, содержание в них специфического национально-культурного компонента.

К настоящему моменту ещё недостаточно изучен и феномен культурных ценностей в его практической реализации – в преподавании иностранных языков

В аксиологическом аспекте важным представляется учёт несовпадения значений слов, обозначающих культурные понятия в разных языках. «Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках. <...> Сравнивая детально разные языки, мы разбиваем иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, иллюзию, будто бы существуют неизблемые понятия, которые одинаковы для всех времён и для всех народов» [15. С. 69, 316].

Национальные ценности и их ранжирование особенно ярко проявляются при контакте культур. При этом представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке заметны сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов.

Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне. Рассмотрим несколько примеров.

Отрицательно оцениваются, в частности, японцами, герои некоторых русских сказок, напр., Иванушка-дурачок, Емеля и другие персонажи, воспринимаемые русскими как положительные. Причина несовпадения оценок состоит в том, что в характере одних и тех же героев представители разных культур выделяют различные доминантные черты: японцы обращают внимание на глупость, лень, бездействие, а русские – на доброту, простодушие, бескорыстие.

Иностранцам трудно понять смысл русской сказки «Морозко». Отрицательную оценку вызывает у многих из них тот факт, что в сказке одна девушка говорит неправду, обманывает старика и получает богатство, а другая говорит правду, что ей холодно, и за это её наказывают. Фильм «Морозко», показанный в США (в переводе), оказался в числе 100 худших фильмов, американцы оценили его как «ужасный, отвратительный фильм» [см. об этом подробнее: 10. С. 29–30]. Русские ценности, такие, как *терпение, смирение, кротость, скромность*, остались вне поля зрения американцев, однако в славянском мире эти качества являются любимыми, в частности, фильм «Морозко» много лет с успехом идёт в Чехии в канун новогодних праздников.

Национальные ценности хорошо высвечиваются при сопоставлении одного и того же сюжета. Так, в частности, в немецком аналоге сказки «Морозко» («Метелица») находим другие ценности: на первый план выходит труд как мерило ценностей. «Хорошая девочка в немецком варианте трудолюбива и чистоплотна, она проходит испытание трудом (в русском варианте – испытание холодом на терпение и скромность). А плохая девочка – лентяйка и грязнуля, ничего не может и не хочет делать, за что и наказывается» [10. С. 30].

Приведём пример из педагогической практики. Учитель предложил киргизским школьникам прочитать по ролям басню «Волк и ягнёнок», но никто не захотел читать роль *ягнёнка*. Именно «*волк* вызывал у школьников исключительно позитивные ассоциации – добрый, грозный, сильный, храбрый, красивый, лукавый...» [5. С. 88]. В русском сознании слабый и беззащитный (в данном случае представлен как *ягнёнок*), несправедливо гонимый и обижаемый, вызывает жалость и симпатию, волк

же, напротив, ассоциативно связан с агрессией, злобой, жестокостью (*набросился как волк, злой как волк, волчара* и др.). Как видим, изучение ассоциативного потенциала слов также выводит на осознание культурных ценностей [3. С. 55–58].

Другой пример слов с ассоциативным компонентом значения – *берёза* (*берёзка*). В сознании русского человека берёза символически связана с большой ценностью – обозначает родину (а также стройную женскую фигуру, нежность); у норвежцев – символ стойкости; у немцев – символ весны; у англичан – не связывается ни с какими символическими значениями. Сходную с *берёзой* символическую роль в японской культуре играет *сакура*, в китайской – *слива мэй*.

В русских сказках *красота* как ценность предстаёт менее значимой, чем ум, хороший характер и просто удача. Данные языка также подтверждают эту идею: *С лица воду не пить, Не родись красивой, а родись счастливой* и др. Как показали специальные исследования, в китайской языковой картине мира также при восприятии *красоты* происходит сдвиг от эстетики к этике, поскольку *те́й* ‘красота’ и *хао* ‘добродетель’ синонимичны не только в лексическом, но и в психологическом плане. В китайской картине мира человек, с одной стороны, не может оставаться только наблюдателем, поклонником или обладателем эстетической ценности – совершенной красоты. Красота становится частью добродетели. Но, с другой стороны, эстетическое наслаждение не может быть только для души. По словам Тань Аошуан, «оно непременно вызывает утилитарную, гедонистическую или эмотивную оценку – эстет и аскет редко уживаются в одном человеке» [13. С. 187–188]. Именно поэтому в буквальном переводе «красивым» может быть имя, если оно доброе, намерения, если они хорошие, но «красивой» может оказаться и пища, если она вкусная, и работа, если она выгодная. В русской картине мира «красота» лишена утилитарности, но она не столь однозначно связана с нравственной основой, т. е. красота может быть как божественной, так и дьявольской.

Образ *болота* для русского человека связан с гниением, неприятным запахом, с такой антиценностью, как застой: *Одна книжная мудрость что смрадное болото; там ум как стоячая вода; из этого болота черпается только мёртвая вода...* (И. А. Гончаров) [16]. «Русский ассоциативный словарь» [11] на слово *болотный* даёт такие реакции: *тина, тварь,*

жаба, лягушка, вода, жижа, трава, грязь, тряси́на, гадю́ка, кикимора, кочка, ведьма, вонючая, выдра, гадость, зара́за, комары, ры́ска, сырость... Известно, что финский учёный Л. Хакулинен сравнивал финский язык с *болотом*, в котором, подобно попавшим в болото сучьям деревьев, веками сохраняются древние заимствования, т. е. болото для финнов не место тления, а место сохранения, «хорошее» место, с которым можно сравнивать родной язык. Примечательно, что Финляндия, по-фински *Suomi*, в сознании финнов может связываться с *болотом*, так как *suo* – ‘болото’, а *ma* – ‘земля, страна’, правда, как отмечает Ф. Папп, эта версия считается ошибочной [12. С. 128].

Основное различие в ценностных приоритетах русской и западных культур заключается в том, что в западных (особенно протестантских) культурах в центр ценностных иерархий ставится личность, а в русской культуре таким центром являются человеческие отношения, дружба, общение. Именно *общение* признаётся многими исследователями (Анна Вежицкая, Анна Зализняк, К. О. Касьянова, Т. В. Ларина и др.) одной из важнейших русских ценностей. Как указывают исследователи, в английском языке нет слов, полностью эквивалентных русским *общаться, общение, общительный, общительность*. Семантика глаголов, приводимых в словарях в качестве английских эквивалентов русского глагола *общаться* (*associate, communicate, socialize, contact, mix* и др.), не передаёт специфики значения русского *общения*. Ср. *Пообщался с друзьями* может быть переведено как *I had a great time with my friends* (букв. Я имел прекрасное время с друзьями); *Я люблю общаться* – *I like meeting people* (Я люблю встречаться с людьми) [6. С. 82–84].

Общение непосредственно связано и с другими русскими ценностями, важными для людей, живущих в тесном коллективе. Это, прежде всего, *правда* и *искренность*, на специфическую «русскость» которых неоднократно указывали исследователи. Русский «разговор по душам» характеризуется *искренностью, теплотой, сердечностью, прямоотой, эмоциональностью*. Быть эмоциональным в сознании русских совсем неплохо, поскольку это качество сближается с искренностью, прямоотой, открытым проявлением чувств. Однако в представлении англичан *эмоциональность* – отрицательное качество. Примечательно в этом плане, что русское *влюбиться* в английском языке передаётся как *fall in love* (букв. упасть в любовь). Ср. по-русски можно *впасть в депрес-*

сию, *впасть в отчаяние*, но нельзя **впасть в любовь*. В английском языке *любовь* как сфера эмоционального располагается «внизу» вместе с несчастьем, болезнью и смертью и передаётся метафорой *внизу, вниз – down*. По-русски *любовь* – высокое чувство: *летать на крыльях любви, окрылён любовью, возвышенная любовь*.

В рамках русской культуры *прямота* ценится высоко [см. подробнее 4. С. 206–208]. В толковых словарях *прямой* толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’ [9]. Однако с позиций иной культуры это качество далеко не всегда привлекательно. Так, напр., английский журналист был удивлен прямыми и честными ответами российского футболиста: «Этот Аршавин – неисправимый русский!» («Советский спорт», 2009, 20. 05).

Такое русское качество, как *удаль* (ср. *русская удаль*), определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное качество: ср. *удаль молодецкая; мал, да удал*. Однако, как отмечал Н. С. Трубецкой, «удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам: целый ряд черт, которые русский народ в себе особенно ценит, не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике. Наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но, тем не менее, совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком» [14. С. 102].

В современном мире одной из самых больших ценностей становится *успех*. Добиться успеха иногда означает стать звездой. Рассмотрим изменения, произошедшие в значении слова *звезда*. Словари отмечают метафорический перенос следующим образом: звезда первой величины – ярчайшая звезда (на небосклоне) – (перен.) о выдающемся деятеле искусства, науки [9]. Предполагается, что звезда должна быть выдающейся личностью, обладать ярким талантом: *Майя Плисецкая – звезда балета, Пласидо Доминго – звезда оперной сцены* и т. п. В современных СМИ звездой может называться скандальная медийная личность, слово *звезда* используется как самоназвание (*Я звезда, Звезда в шоке* – Сергей Зверев). Названия известных телепроектов «Танцы со звёздами», «Цирк со звездами» и даже «Фабрика звёзд» (предполагается возможность массового производства, тиражирования звёзд) говорят о де-

вальвации семантического наполнения слова *звезда*: звездой можно стать, заработав известность любой ценой, наличие таланта необязательно. Происходит своего рода ценностное «усреднение» таланта. Однако в современном языке существуют и «противовесы», слова с отрицательной оценкой пустой звёздности, необоснованной известности, нескромного поведения известных людей: *звёздная болезнь, зазвездиться* (жарг.), *звездун* (прост.), *звездюлька* (разг.), *звезданутый* (жарг.). Ср. оценочный характер употребления этих слов в интернет-общении: *Кто самый звезданутый из звёзд? – Панин* [<http://otvet.mail.ru>]; *Рыбак зазвездился? Жёлтая пресса пишет, что Рыбак зазвездился и не хочет спеть с Биланом из-за маленького гонорара. Так ли это?* [<http://otvet.mail.ru>]; *Фанклубы разных звездюлек – это не идиотизм???* [<http://otvet.mail.ru>]; *Тихонов – это АКТЁР, а современные звездюльки – это самодеятельность* (форум). Далеко не все лексические единицы данного ряда представлены в словарях. Но для некоторых из них существуют определения, предваряемые стилистическими пометами, которые однозначно указывают на оценку данных явлений. Ср.: *Звёздная болезнь* – Публ. Неодобр. ‘Высокомерное, чванливое поведение лица, пользующегося популярностью, известностью’ [7]. *Звездюлька* – разг. пренебр. О новоиспечённой звезде, популярной личности [Викисловарь]; *Звездун* – прост., пренебр. или ирон.: о популярном эстрадном певце, актёре [Викисловарь]. *Зазвездиться* – жарг. ‘Став известным, популярным, зазнаться’ [8]. *Зазвездившийся* – ‘заболевший звёздной болезнью, загордившийся, зазнавшийся’ [dic.academic.ru]. Как показывает материал, часть общества продолжает следовать тем нравственным императивам, которые закреплены в значениях многих русских слов: «нехорошо преувеличивать свои достоинства, противопоставляя себя другим» (*кичиться, чваниться, хвалиться, хвастаться, рисоваться, зазнаваться* и др.), «нехорошо быть незаслуженно известным»: ср. *Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех* (Б. Пастернак). Однако стремление стать успешным любой ценой остаётся ведущей тенденцией современности, поэтому *скромность* как ценность отступает на задний план.

В заключение следует отметить, что разностороннее изучение русских культурных ценностей в межкультурном аспекте связано с рядом проблем. «Наиболее значимыми из них следует считать отбор критериев выявления ценностей, упорядочивание способов их лек-

сикографического представления и описания в учебных целях» [4. С. 209].

В перспективе считаем важным изучение динамических процессов в системе ценностей, поскольку язык, являясь «проводником» в мир оценок и ценностей, фиксирует изменения в ценностном универсуме и способе мировосприятия. Частотность употребления тех или иных слов, изменение значений, появление новых лексических единиц – всё это может быть «симптомами» изменения оценочных знаков тех или иных ценностных установок.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры. – 1995. – 766 с.
2. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. / Ежи Бартминьский, перевод с польского. Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик. – 2005 – 527 с.
3. Богданова, Л. И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий / Л. И. Богданова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 248 с.
4. Богданова, Л. И. Русские культурные ценности в аспекте преподавания русского языка как неродного / Л. И. Богданова // Русский язык как неродной: новое в теории и методике. Материалы IV междунар. науч.-метод. конф. Москва – Чебоксары. – 2015. – С. 204–209.
5. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык. – 1980. – 246 с.
6. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление русских и английских лингвокультурных традиций. / Т. В. Ларина. – М.: Языки славян. культ. – 2009 – 507 с.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп. – 2007.
8. Никитина, Т. Г. Молодёжный сленг: толковый словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Т. Г. Никитина. – М.: Астрель, 2009.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник. – 2000.
10. Павловская, А. В. Русский мир. Характер, быт и нравы: в 2 т. / А. В. Павловская. – М.: Слово. – 2009. – Том 1
11. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь: от стимула – к реакции. – М.: Изд. ИРЯ РАН – 1998.
12. Сабитова, З. К. Лингвокультурология / З. К. Сабитова. – М.: Флинта: Наука. – 2015. – 528 с.
13. Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык. Культура. Ментальность. / Тань Аошуан. – М.: Языки славян. культ. – 2004. – 240 с.
14. Трубецкой, Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) / Н. С. Трубецкой // Исход к Востоку. – София. – 1921.
15. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука. – 1974. – 428 с.
16. Национальный корпус русского языка. – URL : www.ruscorpora.ru

И. С. Бороздина

*Курский государственный университет
(Курск, Россия)*

Е. В. Идельсон

*Государственный колледж г. Сиэтла
(Сиэтл, США)*

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» / «SPACE» В БИЛИНГВАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

THE CONCEPT “SPACE” / “ПРОСТРАНСТВО” IN THE BILINGUAL MIND

Статья посвящена изучению содержания концепта «пространство» / «space» в речемыслительной деятельности различных групп естественных билингвов, а также анализу особенно-

стей вербализации данного концепта на Я2 (английском языке). Кроме того, полученные экспериментальные данные сравниваются с результатами аналогичных экспериментов, проведенных с монолингвами.

The paper studies the content of the concept «space»/«пространство» as represented in the mind and speech of various groups of heritage bilinguals, and the peculiarities of the language representation of the analyzed concept in L2 (English). Besides, the results of the experiments with bilinguals are compared to those conducted with monolinguals.

Ключевые слова: концепт «space»/«пространство», билингвизм, языковая интерференция.

Keywords: concept «space»/«пространство», bilingualism, language interference.

Несмотря на то, что категория «пространство» уже долгие годы находится в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов, особенно представителей когнитивного направления, существует еще целый ряд вопросов, связанных с изучением ментальной и языковой репрезентации пространственных концептов, которые требуют дальнейшего рассмотрения. Одним из таких вопросов является необходимость изучения содержания и функционирования самого концепта «пространство» и его английского соответствия (концепта «space») в речемыслительной деятельности носителей двух языков. В частности, требуется установить, существует ли влияние первого/родного языка (Я1) и связанных с ним культурных представлений на функционирование исследуемого концепта и способы его языковой репрезентации на втором/иностранном языке (Я2). Кроме того, важно понять, имеются ли отличия в содержании концепта «пространство» / «space» в сознании билингвов и монолингвов, а также определить, чем подобные отличия обусловлены.

В качестве информантов в данном исследовании выступают естественные билингвы, проживающие в США, чьим Я1 является русский язык (группа 1) или вьетнамский язык (группа 2), а Я2 – английский, который был усвоен испытуемыми в возрасте до 10 лет, а также русскоязычные и англоязычные монолингвы.

Как отмечает А. А. Залевская, для изучения отдельных проблем двуязычия требуется использование современных подходов к теории овладения вторым языком, к изучению «механизмов взаимодействия двух и более языков в индивидуальном сознании» [3. С. 128]. В данном случае для нас особенно важно изучение того, как в сознании носителей двух языков осуществляется взаимодействие и взаимовлияние ментальных структур, коррелирующих с исследуемым концептом, какое значение здесь

имеют те знания и опыт, которые были приобретены индивидом в связи с родным/первым языком, и какие репрезентации они получают во втором/иностранном языке.

Существующие исследовательские данные наглядно демонстрируют взаимосвязь и взаимное влияние Я1 и Я2, как на уровне когниции, так и на уровне языковой репрезентации. Причём даже для определенной группы билингвов (которых существует большое количество в зависимости от целого ряда параметров) взаимное влияние Я1 и Я2 может существенно варьироваться: так, например, на лексико-семантическом уровне возможно более яркое проявление влияния Я2, в то время как на лексико-грамматическом чаще проявляется интерференция со стороны Я1. О таком двунаправленном влиянии двух языков в речи билингвов отмечается в книге [6], в которой авторы ссылаются на опыт анализа различных групп англо-испаноговорящих индивидов.

Среди современных лингвистов достаточно широко распространено мнение о том, что пространственные концепты лежат в основе лексических значений, включая даже абстрактные значения (см., например, [7]). В этой связи можно предположить, что пространственные представления, сформированные в связи с первым/родным языком, могут оказывать существенное влияние на содержание и функционирование концептов, репрезентируемых на втором/иностранном языке. Такое значительное влияние пространственных представлений человека на характер восприятия окружающей действительности и мира абстракций, а в последствии и на содержание языковых форм заставляет задуматься о том, что пространственные представления, сформировавшиеся у индивида в связи с Я1, могут также проявляться и в содержании пространственных концептов, вербализуемых средствами Я2.

Важно подчеркнуть, что, как показывают предыдущие экспериментальные исследования концептов «пространство» и «space», осуществленные с участием русскоязычных и англоязычных монолингвов, содержание указанных концептов у представителей различных лингвокультур характеризуется, с одной стороны, общностью представлений, но, с другой стороны, содержание исследуемого концепта у носителей определенного языка характеризуется рядом специфических черт [1; 2].

Среди причин, оказывающих влияние на представления индивида о пространстве, важную роль играет общекультурный опыт, связанный с освоением географического пространства, на котором проживает данный социум. Так, например, в ассоциативных экспериментах и экспериментах с применением методики субъективных дефиниций русскоязычные монолингвы часто ассоциируют пространство с такими понятиями, как *космос, поле, большой, простор, воздух* и т.д., что вполне объяснимо, учитывая особенности территории, географии и исторических фактов России [1]. В то же время англоязычные монолингвы (жители США) в качестве ассоциативных реакций и субъективных дефиниций часто предлагают такие формулировки, как *свобода* и *окружающий мир*.

Результаты эксперимента с применением методики субъективных дефиниций показали, что у монолингвальных представителей русскоязычного лингвокультурного сообщества более сильно, по сравнению с англоязычными монолингвами, выражены эгоцентрические представления о пространстве, т.е. достаточно большой процент субъективных дефиниций слова-стимула *пространство* можно свести к такому определению, как *все вокруг меня* [1]. В то время как у англоязычных монолингвов такое определение встречается значительно реже. Возможно, такое эгоцентрическое восприятие пространства представителями русскоязычной культуры имеет глубокие исторические корни. Интересно, например, подчеркнуть, что подобное эгоцентрическое представление о пространстве и окружающем мире встречается в одном из произведений Л.Н. Толстого («Отрочество»), который писал:

«Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании.

Без сомнения, я и прежде знал все это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал» [5. С. 163].

Анализ результатов аналогичных экспериментов, проведенных с русско-англоязычными естественными билингвами (жители США), для которых русский язык является Я1, продемонстрировали наличие влияния Я1 и представлений, связанных с лингвокультурой Я1, на содержание концепта «space», что, в целом, говорит в пользу гипотезы о единстве концептуальной базы билингвов. Так, русско-англоговорящие билингвы в своих ассоциациях и субъективных дефинициях концепта «space» продемонстрировали отличия от соответствующих реакций, представленных англоговорящими монолингвами, что было показано при помощи подробного статистического анализа [4]. В полученных реакциях наблюдались ассоциации и дефиниции, типичные для русскоговорящих монолингвов, реагировавших на слово «пространство».

Что касается лексического уровня, то здесь заметно влияние Я2 на Я1, которое в отношении концепта «пространство» у русско-англоговорящих билингвов проявляется в том, что английская лексема *space* часто используется в речи билингвов на русском языке вместо слова *пространство*.

Еще более интересные данные о содержании концепта «пространство» / «space» можно получить при анализе данных, полученных от таких групп билингвов, которые владеют не просто разнотерминовыми языками, принадлежащими к одной языковой семье, как, например, русский и английский, и которые имеют не столь разнящиеся культурные традиции и представления, а при изучении речевой деятельности билингвов, владеющих языками из разных языковых семей и коррелирующих с более отличающимися культурами.

Так, в результате свободного ассоциативного эксперимента [4], где в качестве слова-стимула выступала английская лексема *space*, от вьетнамо-англоговорящих билингвов были получены ассоциации, отличающиеся от тех, которые присутствовали у англоговорящих монолингвов, как, например, *ocean (океан), chasm (бездна), depth (глубина), emptiness (пустота)* и т.п. Подобного рода реакции свидетельствуют о том, что на уровне ментальной репрезентации такой объективной реальности, как пространство, у билингвов присутствуют представления, сформированные в связи с лингвокультурой Я1. Жизнь, культура и гео-

графическое положение Вьетнама тесно связаны с водной стихией и водными ресурсами, а главными символами вьетнамской культуры являются проживающие или произрастающие в воде драконы, черепахи и лотосы, что и получило свое отражение в представленных информантами реакциях.

Кроме того, интересные данные были получены и относительно того, как вьетнамо-англоговорящие билингвы представляют пространственное перемещение. В данном случае, в отличие от англоговорящих монолингвов, у вьетнамо-англоговорящих билингвов четко прослеживается представление о цикличности и непрерывности пространственного движения (например, такие реакции, как *cycle/цикл, flow/поток, transition/переход*).

Для того чтобы понять, каким образом лингвокультурный опыт, приобретенный с Я1 (вьетнамским языком), влияет на содержание концепта «space» у вьетнамо-англоговорящих билингвов, необходимо рассмотреть основные культурные представления, связанные с этим концептом, существующие во вьетнамоговорящем сообществе.

Несмотря на то, что представления о пространстве варьируются от культуры к культуре, для носителей вьетнамского языка пространство также является одним из «вечных» и фундаментальных понятий, которое в результате познания и преобразования человеком находит свое отражение в вербальной и невербальной форме.

Проникший во Вьетнам из Индии буддизм, конфуцианство и даосизм из Китая и Индии оказали воздействие на пространственные представления вьетнамцев. Так, одной из причин того, что в реакциях вьетнамо-англоговорящих билингвов часто встречаются такие реакции, как *chasm* (бездна), *depth* (глубина), *emptiness* (пустота), является то, что пустота в пространстве, как онтологический принцип реальности в буддийской философии, означает, во-первых, то, что все предметы не являются каким-либо веществом и не обладают каким-либо атрибутом из-за общего принципа взаимозависимости и взаимообусловленности. Во-вторых, на духовном уровне пустота в пространстве означает, что духовное достижение мудреца состоит в полной духовной свободе. В-третьих, на лингвистическом уровне пустота означает, что все слова ничего не означают, но они искусственно созданы без фиксированного соответствия к ультимативной реальности. Кроме того, сама мудрость означает пустоту [8].

Некоторые представления вьетнамцев о пространстве на языковом уровне проявляются даже во вьетнамской каллиграфии, адаптированной от китайской манеры письма. Принятые в ней только светлые и темные штрихи, а также использующиеся черные и белые цвета призваны отображать пространство в абстрактной и одновременно в конкретной манере [8].

Важно подчеркнуть, что в представлениях вьетнамо-англоговорящих билингвов о пространстве отражаются и традиционные религиозные верования, принятые во вьетнамской культуре. Вьетнамский даосизм происходит из учения Лао-цзы, которое основано главным образом на участии человека в универсальном порядке. Этот порядок, который считается само собой разумеющимся, зависит от равновесия двух элементов – «инь» (негативное) и «янь» (позитивное), которые представляют собой постоянную двойственность природы: покой и движение, жидкое и твердое, свет и тьма, сосредоточение и развертывание, материальное и духовное. Материальный мир, включая пространство и все его структурные элементы, проникнут этими двумя принципами [9].

Наличие достаточного количества реакций, связанных с важностью понятия цикличности для пространства, которые были получены от вьетнамо-англоговорящих билингвов на слово-стимул *space*, как представляется, можно объяснить тем, что основной характеристикой даосизма является циклическая природа его непрерывной смены движения, которая состоит в том, что все события в природе, те, которые происходят в физическом мире, как и в жизни человека, показывают модель цикличности прихода и ухода, расширения и сжатия. Эта идея была, очевидно, взята из движения солнца, луны и смены времен года, а затем была принята как правило жизни, отразившееся и в языке [9]. Кроме того, согласно буддийской теории, все равны в способности достижения просветления и на пути к освобождению от страданий в реальной жизни; проходя круг жизни – цикл от рождения до смерти в страданиях, испытывая перерождение, освобождение, чувства страсти, альтруизма, великодушия, милосердия, терпимости. При этом важна не только внешняя форма, но и духовное начало объекта, а пространство видится как движущаяся сущность, изменяющаяся от имеющей границы до бесконечности [8].

Как показало проведенное экспериментальное исследование, для вьетнамо-англоговорящих билингвов в отношении концепта «space»

сохранило важность и представление о трансформации всего сущего, что также нашло отражение в ассоциативных реакциях и субъективных дефинициях (например, *transition from one state to another/переход из одного состояния в другое, endless cycle of suffering and rebirth/бесконечный цикл страдания и перерождения, flow of harmony of opposites/поток гармонии противоположностей*). Вследствие того, что вьетнамское конфуцианство исходит из учения о космологии, согласно которому в начале не было Бога, но, скорее, был эфир, который был погружен в так называемые молекулы «хи», несущие в себе творческую и движущую силу «лай», силу гравитации. Эфир, который был инертным в начале, трансформировался под действием этой силы, в результате чего была создана материя. Живые существа, в свою очередь, были созданы из материи, полученной таким образом. Согласно Конфуцию, мир испытывает периодические изменения [9]. Вероятно, именно подобного рода представления и верования, заложенные во вьетнамской лингвокультуре, повлияли на содержание концепта, репрезентированного английской лексемой *space*, в речемыслительной деятельности вьетнамо-англоговорящих билингвов.

Таким образом, можно заключить, что содержание концепта «пространство» / «space» в сознании билингва несколько отличается от содержания соответствующих концептов у монолингвов. При этом наблюдаются различия во взаимном влиянии Я1 и Я2 и культурных представлениях с ними связанных: на концептуальном уровне содержание исследуемых концептов как бы пополняется за счет знаний и опыта, приобретенных с опытом владения Я1 и связанной с ним культурой, на лексическом же уровне вербализация данных концептов билингвами часто находится под влиянием лексики из Я2 (*space*), которую билингвы используют даже в своей речи на первом/родном языке. При этом влияние культуры, связанной с Я1, проявляется тем больше, чем более существенны отличия, как между Я1 и Я2, так и между родной культурой и культурой второго языка.

рах / И. С. Бороздина // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. ГОУ ВПО «Курский государственный университет», 2010. – № 2 (8) URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/008-01.pdf>

2. Бороздина, И. С. Пространство как основная категория бытия в языковом отражении / И. С. Бороздина // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», 2012. – 2 (12). – URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-001.pdf>

3. Залевская, А. А. Актуальные проблемы двуязычия: обзор / А. А. Залевская // Вестник ТвГУ. Серия Филология. Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. – № 13. – С. 125–144. – URL: [http://eprints.tversu.ru/1022/8F_17\(2008\).pdf](http://eprints.tversu.ru/1022/8F_17(2008).pdf)

4. Идельсон, Е. В. Репрезентация концепта «space» в сознании билингва: статистический анализ экспериментальных данных / Е. В. Идельсон // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина, № 3 (Том 1), серия филология, 2015. – С. 246–252.

5. Толстой, Л. Н. Избранные произведения / Л. Н. Толстой / Сост., предисл. и пояснит., статьи К. Н. Ломунова. – Переизд. – М.: Дет. лит., 1986. – 766 с.

6. Austin, J., Blume, M., Sanchez, L. Bilingualism in the Spanish-Speaking World. Linguistic and Cognitive Perspectives / J. Austin, M. Blume, L. Sanchez. Cambridge University Press. UK: Cambridge, 2015. – 234 p.

7. Chilton, P.A. Language, Space and Mind: the Conceptual Geometry of Linguistic Meaning / P.A. Chilton. Cambridge University Press. 2014. – 334 p.

8. Hoang, T.T. Vietnamese Buddhism in Intercultural Communication: The Aspect of Buddhist Philosophy / T.T. Hoang. Institute of Philosophy–Vietnam Academy of Social Sciences. – URL: <http://www.crvp.org/seminar/05-seminar/hoang.htm>

9. Kim, N. Common Vietnamese Beliefs. / N. Kim. – URL: <http://www.vietspring.org/religion/beliefs.html>

Список литературы

1. Бороздина, И. С. Концепты «пространство/space» в англо- и русскоязычной культу-

Л. В. Вдовиченко*Сургутский государственный университет
(Сургут, Россия)***ИДЕОЛОГЕМА «ORDER» В СОВРЕМЕННОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА****IDEOLOGEME «ORDER» IN MODERN
AMERICAN LINGUISTIC WORLD-IMAGE**

В статье обсуждается современная американская языковая картина мира. Рассматривается вопрос об идеологеме как лингвокогнитивном феномене. Приводятся примеры употребления идеологемы «order» как средства идеологической репрезентации.

The paper studies the topic of modern American linguistic world-image. It also considers the problem of ideologeme as a linguo-cognitive phenomena. The author suggests some examples of the use of «order» ideologeme as a means of ideologic representation.

Ключевые слова: американская языковая картина мира, идеологема.

Keywords: American linguistic world-image, ideologeme.

Представление о мире складывается у человека в процессе его взаимодействия с окружающей действительностью и вербализуется с использованием языковых средств. В связи с этим многие исследователи используют термин «языковая картина мира» (Ю. Д. Апресян, Г. Гачев, Н. В. Дмитрюк, Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, М. М. Маковский, С. Е. Никитина, В. И. Постовалова, Н. Е. Сулименко и др.). Картина мира изображается как некий глобальный образ, представляющий собой совокупность способов миропонимания и ценностных представлений. В формировании картины мира участвуют все стороны психической деятельности человека. Картина мира есть способ структурирования информации об объективной действительности, способ познания мира, поскольку человек воспринимает окружающий мир как «картину», в которой все предметы и явления взаимосвязаны и взаимообусловлены. Основой ментального образа мира является обиходно-бытовая модель, или наивная картина мира (Ю. В. Апресян, С. А. Кошарная, В. И. Постовалова, Н. Е. Сулименко и др.), которая включает равно как традиционные представления и культурные доминанты того или иного этноса, так и новые образы и представления.

В современной лингвистике под картиной мира понимается «целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека и возникает у человека в ходе всех его контактов с миром и представлений о мире» [2. С. 120]. Такая карти-

на мира может быть различной у представителей разных эпох, социальных, национальных, возрастных групп, может трансформироваться в ходе приобретения новых знаний о мире. Современная лингвистика также признает тот факт, что каждый язык отражает свою собственную картину мира, которая отражается в языке. Поэтому в лингвистике принято говорить о языковой картине мира. В словах языка каждого народа отражается, как был увиден и осмыслен мир.

Относительно термина «идеологема» в настоящее время существует несколько подходов к его изучению как лингвокогнитивного феномена. Традиционный подход определяют как лингвистический, в его рамках разграничивают узкий (лексикологический) и широкий (семиотический) подходы. В последние годы активно разрабатывается «когнитивно ориентированный» подход [Малышева, 2009; Нахимова, 2011]. При когнитивном подходе «идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию» [3. С. 194].

В более узком смысле под идеологемой понимают слово, устойчивое словосочетание,

фразеологизм, имеющий определенную идеологическую нагрузку, окраску, своего рода вербальный стереотип. Знаки оценки слов, относящихся к семантическому полю идеологем, расставляются, как правило, в соответствии с государственными идеологическими установками, так как идеология является «особым способом создания общества, который предполагает неравные структуру власти и общественный строй» [4. С. 18].

Ряд проведенных исследований позволяет утверждать, что в языке именно идеологема является наиболее распространенным средством идеологической репрезентации и выражает политические настроения и политические надежды, а также амбиции отдельного человека и общества в целом.

В своем понимании термина «идеологема» мы будем опираться на положения когнитивно ориентированного подхода (Н. И. Клушина, А. А. Мирошниченко, Е. Г. Малышева, Е. А. Нахимова и др.). Принципиальным для нас является тезис о том, что идеологема является особой единицей когнитивного уровня, репрезентирующей специфический взгляд на соответствующую реалию.

XXI век принес не только экономический кризис, но и определенные изменения в политической жизни, политических взглядах и пристрастиях американцев, а значит, и в их языковой картине: «*We are just now stuck between eras. The old order – the Reagan-age institutions built on the premise that do no wrong and the government no right – is dying. A new order, in which Wall Street plays a diminished role, is emerging*». (Мы сейчас зажаты между двумя эрами. Старый порядок – система Рейгановского правления, построенная на принципах, не делающих ничего плохого, и на государстве, не делающем ничего хорошего, – умирает. Зарождается новый порядок, в котором Уолл стрит играет слабую роль) [Newsweek, 02.10.2008].

Барак Обама, нынешний президент США, 15-ый от Демократической партии, олицетворяет, по мнению американских СМИ, новый порядок. «*Obama is trying to emerge in the role as Restorer of Order – the deal-doer and peacemaker, the one who can bring hope by listening to everyone and working with anyone*». (Обама старается вести себя как реставратор Порядка – деятель и миротворец, способный вселить надежду, прислушиваясь к каждому и работая с любым) [Newsweek, 30.09.2008].

Но наряду с лестными отзывами американский политический дискурс фиксирует изряд-

ное количество критических замечаний. «*For a guy whose campaign was renowned for order, Obama's Cabinet appointments have been a tad messy. But let's face it: he's the most powerful man in the world*». (Для человека, чья кампания была известна стремлением к порядку, назначения в кабинете Обамы кажутся слегка непоследовательными. Но давайте смотреть правде в лицо: он – самый могущественный человек в мире) [Time, 19.03.2009].

В начале 1990-х годов США выступили активным претендентом на глобальное лидерство, американцы поверили во всепобеждающую мощь своей идеологии. «США вполне естественно, возомнили себя вождем прогрессивного человечества, призванным руководить миром в его движении к свободе и процветанию. Один за другим стали выходить за океаном труды, обосновывающие право США на гегемонию. В них утверждалось, что Соединенные Штаты как «инициаторы и лидеры» набирающего обороты процесса глобализации являются его гарантом. На Америку ложится бремя законодателя, арбитра и шерифа, который ведет за собой, подтягивает отстающих, наказывает смутьянов» [1. С. 18]. Таким образом, в американской языковой картине идеологема «order» отражается как средство выражения ценности «порядок» как «соблюдение законности и правопорядка в различных странах мира». «*Russia's political "stability" hasn't produced a society based on any conventional sense of law and order*». (В результате российской политической «стабильности» не появилось общество, основанное на каком бы то ни было общепринятом понимании закона и порядка) [Andrew Nagorski. Newsweek, 09.02.2009].

Современная американская картина мира отражает заинтересованность американцев в существующем международном порядке, равно как и в новом международном порядке, перед выбором которого оказалось все международное сообщество. «*Last year President of Iran Mahmoud Ahmadinejad spoke at one of his press-conferences about new order which will be created by new world powers. America alone became really unable to secure world order; even in Bagdad we can't establish any order*» (В прошлом году на одной из своих пресс-конференций президент Ирана Махмуд Ахмадинежад говорил о новом порядке, который будет создан новыми мировыми державами. Америке в одиночку стало трудно обеспечивать мировой порядок; даже в Багдаде мы не можем установить поряд-

док) [David Ignatius. New World Disorder. The Washington Post, 04.05.2007].

По мнению многих политологов, после того, как пал режим Саддама Хусейна, в международных отношениях наступила эра однополюсности, под которой понималось безраздельное господство США. «Вашингтон пытался создать на планете “Pax Americana”. Мощь у Америки, мол, невероятная, никто с ней сравниться не может; поэтому США позволяют себе нападать на неугодных, а всем остальным приходится или заискивающе подкакивать гегемону, или трусливо помалкивать. И данная тенденция, чем дальше, тем больше будет закрепляться. Эти выводы, однако, оказались неверными» [1. С. 18]. Реалии современной международной политики таковы, что экономика США оказалась в глубоком кризисе. В американском обществе появилась новая ценность – поиск своего места и осознание своей роли в новом мировом порядке, что нашло свое отражение в языковой картине. Лексема «order» получила мощную идеологическую направленность, в результате чего в политических текстах появилась идеологема «order». «Obama promises the world a renewed America. With a steel never so pronounced in his campaign, he challenged America's adversaries – and, recently, some of its oldest friends – who have spied an America diminished by economic distress and war, and heralded a new world order in which America would give up much of its power”» (Обама обещает миру обновленную Америку. С твердостью, никогда не декларированной в период его кампании, он бросил вызов противникам Америки – и, до недавнего времени, некоторым ее старым друзьям – которые обнаружили, что Америка подорвана экономическим бедственным положением и войной, и объявил новый мировой порядок, в котором Америка уступит большую часть своей власти) (The New York Times, 20.01.2009).

В 2014г. вышла в свет книга Генри Киссинджера «Мировой порядок» («The World Order»). Имя Генри Киссинджера говорит само за себя. Киссинджер, занимая пост Госсекретаря США, работал с такими американскими президентами, как Ричард Никсон и Джеральд Форд. Киссинджер, служивший не только двум вышеназванным президентам, но и практически всем лидерам последнего времени в качестве советника по национальной безопасности, проливает свет на многие сложные темы. В их числе ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта»), украинский кризис, Сирия, отноше-

ния с Ираном. Рана Миттер, британский историк, профессор истории и политики современного Китая в Институте китаеведения при Оксфордском университете, анализируя книгу, отмечает: «*Kissinger was a key shaper of a world order that remained stable for a quarter century or more until our own post-cold war era. This urgently written book is a fine account of world order in the longue duree, and also a memorandum to future generations of policymakers that the next half-century will be no easier to manage than the most recent one*» (URL: <http://www.theguardian.com/books/2014/oct/01/world-order-by-henry-kissinger-review-account>). (Киссинджер был ключевой фигурой мирового порядка, который оставался стабильным в течение четверти века или более до начала эры пост-холодной войны. Эта вовремя написанная книга представляет собой прекрасное описание мирового порядка на протяжении длительного времени, а также послание будущим поколениям тех, кто будет определять политический курс, о том, что следующие полвека не будут легче).

Представляется, что в книге Генри Киссинджера «Мировой порядок» нашли зеркальное отражение ценности и нормы современной Америки. Автор пишет: «*The concept of order that has underpinned the modern era is in crisis*». (Концепт «порядок», лежащий в основе современного миропорядка, находится в кризисе). Месседж, или идейный посыл Киссинджера достаточно прост и понятен: «*The world is drifting, unattended, and America, an indispensable part of any new order, has yet to answer even basic questions, like “What do we seek to prevent?” and “What do we seek to achieve?”*» (URL: <http://www.wsj.com/articles/henry-kissinger-on-the-assembly-of-a-new-world-order-1409328075>).

Чтобы играть ответственную роль в эволюции мирового порядка XXI века, Соединенные Штаты должны быть готовы дать ответ на ряд вопросов. «Чего мы стремимся не допустить? Чего мы стремимся достичь?».

Естественно, новый порядок не может быть создан усилиями одной страны. Глобальная система должна получить широкую международную поддержку. При изучении уроков трудных десятилетий необходимо видеть и признавать исключительную роль Америки. США в этом вопросе могут быть только лидером, подводит итог Киссинджер.

Как показывает анализ, идеологема «order», актуализированная в языковой картине мира, напрямую зависит от политических и идеологических представлений носителей языка.

Список литературы

1. Бажанов, Е. Несостоявшаяся «Рах Americana» / Е. Бажанов // Эхо планеты. – 2009. – № 45. – С. 18.
2. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
3. Нахимова, Е. А. Прецедентные онымы в современной российской массовой

- коммуникации : теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. – 276 с.
4. Wodak, R. Disorders of Discourse / R. Wodak. – London and New York : Longman, 1996. – 200 p.

Т. А. Воронцова

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

КОМПЛИМЕНТ В РОССИЙСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

A COMPLIMENT IN RUSSIAN COMMUNICATIVE CULTURE

В отличие от других жанров речевого этикета, комплимент представляет собой факультативный элемент фатической коммуникации. Значимость категории искренности для русского языкового сознания способствует тому, что в современной российской коммуникативной культуре формируется особый стиль комплимента, который обусловлен стремлением адресанта вызвать доверие собеседника к содержанию высказывания. Маркерами данного стиля являются языковые средства, свойственные спонтанной разговорной речи.

Unlike other genres of speech etiquette, the compliment represents a facultative element of phatic communication. The importance of the category of sincerity for the Russian language consciousness determines the fact that in modern communicative culture there is a special style of compliment which is caused by an aspiration of the sender to evoke trust of the interlocutor to the contents of a statement made. Markers of this style are various language means peculiar to spontaneous informal conversation.

Ключевые слова: комплимент, речевой жанр, речевой этикет, разговорный стиль.

Keywords: compliment, speech genre, speech etiquette, colloquial style.

Речевой этикет в сознании носителей русского языка ассоциируется в основном с ситуациями, в которых употребление определенных речевых стереотипов (формул речевого этикета) является, с одной стороны, обязательным, с другой вполне достаточным для воплощения коммуникативных интенций адресанта. Однако далеко не во всех случаях этикетное взаимодействие представляет собой обмен устойчивыми речевыми формулами, которые частично или полностью десемантизированы [3]. В ряде этикетных ситуаций адресант должен с той или иной степенью эксплицитности выразить положительное отношение к адресату. Эмпатическая составляющая данных ситуаций пред-

полагает творческий подход к выбору языковых средств, поскольку речевые стереотипы не способны выполнять функцию эмоционального воздействия. К числу таких этикетных жанров относится прежде всего комплимент.

В большинстве лингвистических работ, посвященных изучению комплимента, исследователи видят одну из ключевых проблем в разграничении комплимента и похвалы [5, 8, 10 и др.]. При этом комплимент и похвала обычно рассматриваются либо как речевые жанры [2, 10], либо как речевые акты [8], либо как речевые тактики [4, 5, 6]. При этом практически все исследователи отмечают, что разграничить похвалу и комплимент достаточно сложно. По мне-

нию М. Ю. Федосюка, «комплимент можно с большей или меньшей степенью объективности отличить от похвалы лишь с учетом характера ситуации общения, личностей коммуникативов, их пола и отношений между ними» [10. С. 113].

Нецелесообразность противопоставления похвалы и комплимента становится очевидной, если обратиться к понятию речевого жанра. В современной российской лингвистике при всем многообразии подходов к понятию *речевой жанр* за точку отсчета чаще всего берется концепция М. М. Бахтина. Как известно, М. М. Бахтин определяет речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1. С. 255]. По М. М. Бахтину, такое высказывание характеризуется предполагаемой сменой субъектов речи, т.е. смысловой завершенностью [1. С. 268–269]. Исходя из этого, основным критерием самостоятельности речевого жанра можно считать наличие стратегической установки – цели высказывания, распознавание которой позволяет собеседнику соответствующим образом отреагировать на высказывание.

Как показывает речевая практика, похвала может использоваться для достижения различных коммуникативных целей. Например: *Ты же умный человек. Ты понимаешь, что это невозможно.* В данном случае коммуникативная цель высказывания – отказ, а функция похвалы – смягчить отказ. Такого рода примеры свидетельствуют о том, что похвала не всегда отражает иллюкативную цель говорящего. В связи с этим представляется более логичным рассматривать похвалу не как отдельный речевой жанр, а как речевую тактику, которая может быть использована в разных речевых жанрах и разных типах дискурса. В свою очередь, комплимент – это высказывание, где похвала является основной и единственной речевой тактикой, призванной реализовать стратегическую коммуникативную цель, которая заключается в выражении позитивного отношения к собеседнику.

Жанровая самостоятельность комплимента проявляется в том, что диалог «комплимент – ответ на комплимент» может представлять собой самостоятельный, вполне законченный коммуникативный акт. В структуре развернутого коммуникативного акта комплимент обычно выступает как метатекстовая ремарка, не имеющая прямого отношения к теме общения. Наличие или отсутствие комплиментарного высказывания никак не влияет на содержа-

тельную сторону общения. Например, комплимент иностранному деловому партнеру: *«Вы хорошо говорите по-русски»* – не привносит в процесс деловой коммуникации ничего нового и преследует только одну цель – сделать приятное собеседнику.

Специфика комплимента в системе этикетных речевых жанров обусловлена, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, в русской этикетной традиции комплимент практически не имеет специальных речевых средств (устойчивых формул), которые бы маркировали данный речевой жанр (за исключением разве что высказывания: *Хорошо выглядишь!*). Во-вторых, в отличие от других этикетных жанров, комплимент не привязан к определенной ситуации: время и место высказывания определяет сам говорящий.

Этикетная сущность комплимента предполагает определенную условность содержания, поэтому в идеале предполагается, что высказанная положительная оценка не должна верифицироваться адресатом.

С позиции адресанта, комплимент – это эмотивная коммуникация, которая предполагает **сознательную, контролируруемую демонстрацию эмоций**, в отличие от эмоциональной коммуникации – спонтанного, естественного проявления эмоций в речи [7. С. 53]. Комплименты представляют собой тип высказываний, которые Т. В. Ларина определяет как фатические эмотивы: эмоциональная оценка в них «нацелена на то, чтобы сделать приятное собеседнику» [7. С. 154]. Применительно к комплименту собеседник распознает эту интенцию только в том случае, если он имеет представление о правилах и формах этикетного речевого поведения.

Однако в русской коммуникативной культуре комплимент как этикетный жанр осмысливается далеко не так однозначно. И. А. Стернин, анализируя русское коммуникативное поведение, обращает внимание на то, что «многие нормы культуры речи и культуры поведения осознаются русским сознанием как искусственные, надуманные, противостоящие искренности как важнейшему национальному качеству поведения» [9. С. 365]. Это замечание в полной мере относится и к жанру комплимента. Как пишет М. Ю. Федосюк, «...проинформировать адресата с помощью жанровой формы высказывания о том, что в его адрес высказана не похвала, а именно комплимент – это значит сообщить ему о возможной неискренности оценки» [10. С. 113]. В сознании носителя русской комму-

никативной культуры всегда существует определенное опасение, что комплиментарное высказывание может быть воспринято собеседником как лесть. В связи с этим в российской коммуникативной культуре формируется особый стиль комплимента, который обусловлен стремлением адресанта вызвать доверие собеседника к содержанию высказывания.

В русской речевой коммуникации можно выделить ряд способов речевой реализации комплимента, которые, с точки зрения говорящего, позволяют адресату квалифицировать его высказывание как искреннее. Одним из таких способов является оформление комплимента как высказывания с субъективной модальностью. Например: *Мне нравится, как вы поете*. Субъективный характер оценки также может передаваться как обозначение эмоций говорящего: *я восхищаюсь Вами...; я в восторге...* и т.п.

Другим не менее распространенным способом демонстрации искренности является «переформатирование» комплимента из эмоционального в эмоциональное высказывание. В этом случае комплимент приобретает форму спонтанного высказывания, вербализующего положительные эмоции адресанта. Маркерами таких высказываний служат прежде всего различные языковые эмоционально-оценочные средства и структурно-синтаксические особенности, свойственные спонтанной разговорной речи. Разговорный стиль по определению предполагает неподготовленность высказывания, которое, в свою очередь, в русском языковом сознании ассоциируется с искренностью: сказал не раздумывая, значит, от души. Кроме того, разговорный стиль в сознании носителей языка связан с бытовой, неформальной коммуникацией, которая абсолютно лишена какого-либо пафоса. Разговорная стилистика придает комплиментарному высказыванию шутливо-ироничную тональность, особенно в том случае, если статус адресанта и адресата предполагает высокий уровень коммуникативной компетентности. В этом случае комплимент реализуется как коммуникативная игра, которая сохраняет исходную целеустановку – положительное воздействие на собеседника, но при этом данная целеустановка воплощается в речевых формах, не характерных для этикетных жанров.

Одним из наиболее ярких маркеров комплиментарных высказываний такого рода является выражение положительной оценки при помощи междометий. Например: *Мария Игоревна, ну просто ах!* (комплимент по поводу внеш-

ности).

В комплиментарных высказываниях активно используется большой арсенал специфических оценочных средств, свойственных исключительно разговорной речи. Это могут быть наречные образования (*Даша, ты супер!*); оценочные прилагательные (*Обалденная прическа!*), лексика с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Как у вас фэнишуйненько!*); неполноструктурные предложения с положительной эмоционально-экспрессивной коннотацией: *Отлично выглядишь!*

Также в качестве комплимента широко используются цитаты, источником которых в большинстве случаев являются «массовые» тексты: реклама, популярные песни, крылатые выражения и т.п. Ср.: *Маи, ну «нельзя быть красивой такой»*; *«Ах, какая женщина!»* (цитаты из популярных песен). Выбор источников цитирования обусловлен тем, что прецедентные тексты должны быть легко узнаваемы адресатом. Такая узнаваемость обеспечивает однозначное толкование высказывания адресатом и способствует достижению нужного перлокутивного эффекта. Особый интерес в этом смысле представляют комплименты в виде прецедентных имен собственных: *Шумахер!* (комплимент водителю), *Шварценеггер!* (комплимент сильному или мускулистому мужчине) и т.п. Успешность воздействия таких комплиментов возможна при наличии двух условий: 1) адресат имеет представление об объекте сравнения; 2) положительно оценивает объект сравнения. В противном случае комплимент обречен на коммуникативную неудачу.

Ср.: *Надя, ты так похожа на Патрисию Каас! – На эту уродину?!!!*.

Положительная оценка может быть выражена в комплиментарном высказывании имплицитно. Например, комплимент может быть оформлен как риторический вопрос: *Ну и как после Вас выступить?* (комплимент по поводу научного доклада).

Важно отметить, что разговорная речевая организация комплимента в современной российской коммуникации характерна не только для бытового общения, как это может показаться на первый взгляд, но и для деловой или профессиональной коммуникации. Разговорный стиль комплимента при официальном общении сигнализирует о намеренном сокращении коммуникативной дистанции. Однако это нарушение дискурсивных параметров компенсируется положительной эмоциональностью и экспрессивностью высказывания, свидетель-

ствующих об искренности адресанта. За счет этого переход с официального речевого регистра на разговорный не воспринимается собеседником как фамильярность и даже может выполнять контактоустанавливающую функцию.

Таким образом, в современной российской коммуникации речевое воплощение комплимента ориентировано на такие средства и приемы, которые позволяют адресату квалифицировать высказывание как искреннее. Это позволяет говорящему оказать положительное воздействие на собеседника, т.е. реализовать основную целеустановку комплиментарного высказывания.

Список литературы

1. Бахтин, М. М., Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
2. Волюнкина С. В. Речевые жанры похвалы и комплимента в бытовой сфере общения и коммуникативной среде телевизионного ток-шоу: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Волюнкина. Красноярск, 2009. – 25 с.
3. Воронцова Т. А. Речевой этикет и проблемы коммуникации / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Серия Филологические науки. 2003, Вып. 2. С. 115–122.
4. Галимова З. Ф. Тактики комплимента и похвалы в конструировании «положительного

образа» женщины-собеседницы (на материале ток-шоу): автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. Ф. Галимова. Ижевск, 2009. – 22 с.

5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.

6. Коробова Н. В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи (на материале британского ареала): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Коробова. Нижний Новгород, 2007. – 16 с.

7. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. / Т. В. Ларина. М.: . Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.

8. Серебрякова Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук / Р. В. Серебрякова. Воронеж, 2002. – 202 с.

9. Стернин И. А. Можно ли культурно формировать культуру в современной России? / И. А. Стернин // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 361–373.

10. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 24–28.

С. Р. Габдуллина

*РАНХиГС при Президенте РФ
(Москва, Россия)*

К ИСТОКАМ КОСМОПОЛИТИЗМА М. ЦВЕТАЕВОЙ. «ЕВРОПЕЙСКОЕ» И «НЕМЕЦКОЕ» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

ON THE ORIGIN OF THE COSMOPOLITISM IN MARINA TSVETAIEVA'S POETRY. EUROPEAN AND GERMAN ACCENTS IN THE EARLY POEMS'

В статье обсуждается проблема влияния культурного контекста на стихотворное творчество, а также вопрос интертекстуальности стихотворного текста. На материале ранних стихотворений Марины Цветаевой (до ее эмиграции в Германию в 1922 г.) рассматривается понятие «поэта-космополита» как особой культурной и культурологической личности.

The paper studies the topic of the influence of the cultural context on the poetry as well as the issue of a cross textual nature of a poetic text. It also considers the influence of life events on the linguistic picture of the world created by a poet made up of such elements as foreign language inclusions, cross cultural concepts and allusions, etc.

Ключевые слова: диалог культур, космополитизм, культурный контекст, интертекстуальность.

Keywords: *dialogue of cultures, cosmopolite, cultural context, cross-textual studies.*

Среди процессов, активизировавшихся в конце XX века, культурологи, социологи называют интеграцию всех сфер человеческого существования, глобализацию стиля жизни, ориентированность человеческого сознания на диалог. Может быть, поэтому в культурологии, лингвистике, литературоведении все чаще появляются исследования в области компаративистики [4, 5, С. 7–13]. Повышенный интерес вызывают проблемы диалога культур и более того, национальных менталитетов, интерпретации национальным сознанием иной культуры, соотношения понятий "свое-чужое".

Очевидно, с этой точки зрения русская культура (и литература как ее часть) – один из наиболее интересных объектов исследования, поскольку она характеризуется открытостью, ориентированностью на активное взаимодействие с миром и европейским, и восточным.

Одной из причин, провоцирующих обращение к миру культуры, может выступать, например, ситуация рубежа веков, совпадающая обычно с культурным переломом. Это ситуация, когда происходит переосмысление многих ценностей, делаются попытки подвести итоги, определить место своей национальной культуры и своей культурной эпохи в ряду других культур, других эпох.

Марина Цветаева была человеком уникальной глубины и оригинальности мировосприятия, олицетворяя собой в XX веке ренессансный тип художника, обладающего универсализмом и всеохватностью творческого диапазона, способностью плодотворно переосмысливать и включать в свой художественный мир наследие самых различных культур. «По сравнению с ней я – телка», – сказала Анна Ахматова, имея в виду невероятную образованность М. Цветаевой. Обилие образов, наполненных национально-культурной информацией, принадлежащих различным «культурным семьям», элитарным культурам (термин Н. И. Толстого) [6, С. 20], других народов и стран – неотъемлемая составляющая цветаевского идиолекта: Шекспир и Библия, Марк Твен и Эдмон Ростан, Пушкин и Достоевский, испанские замки и Лорелея, Геракл и Ахилл – далеко не полный список «источников», порождающих интертекстуальность поэзии М. Цветаевой.

Мир европейской культуры «высвечивается» у ранней Цветаевой и через упоминания отдельных реалий, что вместе составляет некий текст. Под текстом мы подразумеваем объединенную смысловой связью последовательность любых знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Люксембургский сад, пастушки, аббаты и органы, испанские девы, «пышность замков, разгульность охоты», шарманщик – то, о чем Цветаева говорила не отстраненно и описательно, а как о неотъемлемой части своего бытия. Немецкий, французский, английский, славянский миры, таким образом, органично входят в художественный мир поэта, что позволяет создать своего рода «метаобраз мира». Поэтому культурологический подход к творчеству Марины Цветаевой является, на наш взгляд, наиболее продуктивным.

«Душа, родившаяся где-то» – так названо исследование Лины Кертман, посвященное детальному сопоставлению Марины Цветаевой и образа Кристины, женщины из норвежского средневековья, героини книги Сигрид Унсет [3]. «Душа, родившаяся где-то» – так можно определить и феномен Марины Цветаевой как творческой личности, человека, открытого к диалогу с фактами культур разных стран, знакомившегося с ними не только сидя в стенах дома, но и в дороге, в пути (ср.: путь, дорога как способы познания мира в русской литературе → образы странников и мотив странничества как философско-гносеологический).

Для Цветаевой вполне могло бы подойти определение «космополита» (от греческого *kosmopolites* – гражданин мира). С самого раннего детства она повидала мир: училась в католических пансионах Западной Европы, непродолжительное время – в Сорбонне, ездила в Италию и Швейцарию вслед за больной матерью, внимательно присматривалась к национальным культурным укладам самых разных стран и имела затем возможность сопоставлять их национальную самобытность.

Духовное освоение мира европейской культуры было начато еще задолго до отъезда из России. Ранняя поэзия Марины Цветаевой – самое яркое тому подтверждение. Причем необходимо отметить, что уже с самых первых сти-

хов поэт как бы подчеркивает универсальность культурных реалий, под его пером перерастающих границы национального и становящихся доступными носителям разных национальных культур. И читатель должен не только суметь втянуться в игру с историческими, культурными и мифологическими контекстами, но и а priori обладать таким же широким спектром знаний в области культурных знаков, реалий, кодов народных и книжных культур других стран, каким обладала Цветаева.

Тем более чувствуется это отсутствие границ между мирами, если мы знаем о своеобразнейшем цветаевском даре «ныряния с головой», страсти подробно и самобытно углубляться в свои любимые миры – людей, явлений искусства, культуры, быть с ними «на ты». «Это сердце – мое! Эти строки – мои! / Ты живешь, ты во мне, Марселина! / Уж испуганный стих не молчит в забыты, / И слезами растаяла льдина. / Мы вдвоем отдались, мы страдали вдвоем, / Мы, любя, полюбили на муку! / Та же скорбь нас пронзила и тем же копьём, / И на лбу утомленно-горячем своем / Я прохладную чувствую руку. / <...>» (стихотворение 1904 года) [9. С. 98].

Поэзия французской поэтессы Марселины Деборд-Вальмоор (1786-1859) воспринята Цветаевой как зеркало (ср. название: «В зеркале книги М. Д. –В.»). Четырежды за одну строфу повторенное личное местоимение «мы» в своем инвариантном значении «Я + Ты» (= мы с тобой), экспрессивные по семантике образы – пронзенного копьём существа и холодной руки на горячем лбу (ср.: антитеза «холод – жар» повторена также в образе растаявшего от горячих слез льда) – ощущение пространства другого поэта частью своего, – все это подтверждения того, что для Цветаевой как для поэта нет таких границ между культурными пространствами, которые нужно пересекать.

Это проявляется и в том, с какой легкостью и непринужденностью вплетаются в ее стихи иноязычные элементы: «Держала мама наши руки, / К нам заглянув на дно души. / О, этот час, канун разлуки, / О предзакатный час в Ouchy» (Ушй – предместье Лозанны, где сестры Цветаевы учились в пансионе в 1903-1904 годах); «Мы уезжаем. Боже, как всегда / Отъезд сердцам желанен и несносен <...>; Последний миг... – “Nun, kann es losgehn, Herr?” / Погибло все. Нет, больше жить не надо!» («Отъезд»); «Тишь и зной, везде синеют сливы, / Усыпительно жужжанье мух, / Мы в траве уселись, молчаливы, / Мама Lichtenstein читает вслух».

(«Как мы читали “Lichtenstein”»); «Herr Володя, глядите в тетрадь!» / – «Ты опять не читаешь, обманщик? / Погоди, не посмеет играть / Nimmer mehr этот гадкий шарманщик!» <...> Fräulein Else сегодня грустна <...> / Fräulein плачет: волнует игра! / – «Не грусти, lieber Junge, – пора / Нам гулять по Тверскому бульвару» («Шарманка весной»); «Die stille Strasse: юная листва / Светло шумит, склоняясь над забором / <...> Мы на пути не раз еще вздохнем / О ней, затерянной в Москве бескрайной. И чье название нам осталось тайной» («Die stille Strasse», нем. “тихая улица”) [9].

«Драгоценное существование слова, как источника сверкания, будило в нас такой отзвук, который уже в 6-7 лет был мукой и счастьем владычества.<...> Немецкие слова die Öde, die Wüste, unheimlich, Sonderbar, Wundervoll, die Höhe, die Tiefe, der Glockenklang, Weihnachten (глушь, пустыня, таинственно-жутко, чудесно, высота, глубина, звук колокола, Рождество), и сколько их еще было с французскими splendeur, éclat, ténèbres, naufrage, majestueux, jadis, le rêve (великолепие, блеск, мгла, кораблекрушение, торжественный, когда-то, сновидение), и все, чем переполнена первая же книга, дарили двойной смысл тому, что старшие звали «изучением языка». На этом языке (сколько их впереди еще было! Родители знали французский, немецкий, английский, итальянский) мы отплывали от учивших нас, как на корабле, и каждое из этих слов было – талисман. <...> А русские слова? Не ими ли пылало сердце в сказке о Василисе Премудрой, о бесстрашных витязях, о каких-то тридесятих царствах?...» [7. С. 57–58].

Стоит оценить тонкость отношения уже взрослой Цветаевой к неродному, немецкому, языку, умение проникнуть в его музыку и к его потаенным смыслам, копившимся веками. Так, о желании перечитывать книгу Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса» она напишет: «Хочу непременно по-немецки, на франц <узском> эта вещь просто не мыслится» [9. С. 34].

Способами неосознанного спонтанного «вливания» в другие культурные пространства и последующего «слияния» с ними выступают также книги и музыка. «Детство наше полно музыкой. У себя на антресолях мы засыпали под мамину игру <...>, блестящую и полную музыкальной страсти. Всю классику мы, выросши, узнавали, как “мамино” – «это мама играла...» [7. С. 6]. Знаковыми в поэзии ранней Цветаевой становятся имена Бетховена, Моцарта, Гайдна, Шумана, Шопена, Грига,

встречающиеся в стихах. Бетховен – имя, которое следует назвать первым. Его на невидимом цветаевском пьедестале можно вознести на самую высокую ступень. Музыка Бетховена звучала в ушах Цветаевой с колыбели, его образ витал в Трехпрудном, юная Марина играла его сонаты. С любимым композитором она соотносила и тех, кем восхищалась. «Незнакомкой с челом Бетховена» в 1914-1915-е годы называла она С. Парнок. Любуясь внешним воплощением силы характера подруги, живописует: «Извилины неярких губ / Капризна и слаба, / Но ослепителен уступ / Бетховенского лба».

Рассмотрению с разных сторон взаимоотношений М. Цветаевой со стихией звука, ее восприятия соприродного поэзии искусства – музыки, осмыслению музыкальной символики поэтического языка посвящена книга Е. Айзенштейн «Построен на созвучьях мир...» [1].

Увлекательно таинствен мир читательских пристрастий Марины Цветаевой, он полон странных загадок, парадоксов, противоречий. Мамины рассказы о короле Лире, о старых замках на утесах, где пела Лорелея, весь Теодор Гофман и герои Андерсена и Гауфа, греческие мифы и «Божественная комедия» Данте в иллюстрациях Гюстава Доре – вот те «неизменившиеся друзья» («в потертом красном переплете» (ср. осязаемость эпитета), к которым бежала Цветаева.

Однако интересно отметить, что из всей полифонии культур в творчестве М. Цветаевой «немецкая» составляющая представляется более полнокровной, ставшей для поэта вторым «своим» по языку миром. «Во мне много душ. Но главная моя душа – германская. Во мне много рек, но главная моя река – Рейн...» [9. С. 549]. Берлин, Германия – первое пристанище М. Цветаевой после ее отъезда из России в мае 1922 года.

По цветаевской же терминологии, она – «из племени пешеходов». Плавная осанка и легкая походка – что-то неотъемлемое от ее красоты, неизменно ценимое всеми любующимися ею. «Остер, как мои лета, / Мой шаг молодой и четкий. / И вся моя правота/ Вот в этой моей походке». Не случайно при взгляде на идущую

Марину (как в Москве начала 20-х годов, так и позже в Чехии) образ странницы возникал в сознании многих людей. «Куда бы ни шла эта женщина, она кажется странницей, путешественницей, <...> не то монастырская послушница, не то только что мобилизованная сестра милосердия», – вспоминал П. Антокольский [Цит. по: 2. С. 56].

Исключительно высокий образовательный и культурный уровень М. И. Цветаевой как языковой личности, таким образом, – та уникальная ее черта, которая подготовила «поле» для “чужого”, осознаваемого как потенциально “свое”.

Список литературы

1. Айзенштейн, Елена. Построен на созвучьях мир... Звуковая стихия М. Цветаевой. – СПб. : Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 2000. – 288 с.
2. Каган, Ю. М. Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели. – М.: Отечество, 1992. – 240 с.
3. Кертман, Л. Л. Душа, родившаяся где-то. Марина Цветаева и Кристина, дочь Лавранса. – М.: Возвращение, 2000. – 176 с.
4. Мир славянских, германских и романских культур: их взаимосвязи и взаимодействие в языке и литературе: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. – Пермь, 2000. – 280 с.
5. Мурзин, Л. Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1996. С. 7–13.
6. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. – М. : Изд-во Индрик, 1995. – 512 с.
7. Цветаева, А. Воспоминания. – М.: Советский писатель. – 1983. – 768 с.
8. Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т.1. Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1995. – 640 с.
9. Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т.6. Письма. М.: Эллис Лак, 1995. – 800 с.

Е. Э. Гампер

*Магнитогорский государственный технический университет
(Магнитогорск, Россия)***ПОЛИТИЧЕСКАЯ «НЕКОРРЕКТНОСТЬ»
В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ)****POLITICAL "INCORRECTNESS"
IN ENGLISH ADVERTISING DISCOURSE**

В данной статье рассматривается проблема некорректных рекламных текстов. Приводятся четыре группы текстов, согласно некоторым направлениям политической корректности: пол, раса, социальная и религиозная составляющая. Исследуются лингвокультурологические особенности неэтичной рекламы.

The article touches upon the issue of the problem of unethical advertisement. Four groups of advertising texts according to some directions of political correctness are observed. Four types of directions are: gender, race, social and religious component. The linguocultural features of unethical advertisement are observed.

Ключевые слова: политическая корректность, рекламный текст, гендерные стереотипы, расовая дискриминация.

Keywords: political correctness, advertisement, gender stereotypes, racial discrimination.

Социальные, культурные, политические и прочие факторы окружающей действительности неизбежно влекут за собой лингвистические изменения. Язык чутко реагирует на происходящее в обществе. Язык неразрывно связан с восприятием человека окружающего его мира. Неразрывную связь языка с культурой и менталитетом говорящего на нем человека отмечают многие ученые. С.Г. Тер-Минасова называет язык «зеркалом культуры», в котором «отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [2. С. 14]. Ярким примером такой связи могут служить изменения понятийной картины мира носителей английского языка, произошедшие под влиянием мощного культурного, социального и языкового феномена, получившего название политического корректности [1. С. 49]. По мнению проф. С. Г. Тер-Минасовой, «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тем, которые задевают чувства и достоинство индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в

отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [2. С. 216].

Основной целью политкорректности является уважение чувства и достоинства людей не только в общественной сфере, но и в языковой. Рекламные сообщения в журналах, являясь неотъемлемой частью жизни современного человека, также должны представлять собой исключительно политкорректный текст, опираясь на образы и настроения современного общества. Однако, нередко авторы рекламных объявлений, пытаясь привлечь внимание потребителей, используют запрещенные темы, психолингвистические приемы, оскорбительные стереотипы, делающие рекламный текст некорректным и неэтичным.

В рамках данного исследования были проанализированы 4 группы рекламных текстов, в которых отсутствовала политическая корректность. Эти тексты были сгруппированы по следующим направлениям: раса, гендер, социальная и религиозная составляющие. Следует отметить, что в изученных для данного исследования рекламных сообщениях текстовый ряд значительно уступал визуальному. Мы полагаем, связано это с тем, что необходимый прагматический эффект легче достигается с помощью изображения, нежели текста. Однако, в

статье мы постарались привести примеры, в которых текст выступает наравне с картинкой, а языковая игра и лингвостилистические эффекты позволяют достичь необходимого прагматического эффекта.

Объектом исследования послужили рекламные тексты разных периодов времени: 1970-х, 1980-х и 1990-х и 2000-х годов. В данной статье предпринята попытка продемонстрировать наиболее некорректные рекламные тексты, носящие порой оскорбительный характер. Выбранный нами значительный временной отрезок объясняется тем, что явление политической корректности зародилось в 80-90-е годы 20-го века, а реклама появилась задолго до этого, и отражала те общественные настроения и стереотипы, которые существовали в то время.

Значительная часть рекламных текстов содержится в глянцевах журналах. Являясь одной из составляющих СМИ, наряду с телевидением, прессой и радио, глянцевые журналы зачастую формируют стереотипные представления о положении женщины и мужчины в обществе, карьерном росте, роли в семье и партнерско-интимных отношениях. Как женские, так и мужские глянцевые журналы диктуют своим читателям, что надевать, что пить, как развлекаться. Более того, в них содержатся призывы относиться к противоположному полу определенным образом. Нередко, не самым этичным. В изученных журналах была обнаружена большая часть рекламных текстов, касающихся гендерной дискриминации. Следует отметить, что рекламные тексты с наиболее неэтичным содержанием присутствовали в журналах 1970-х годов, когда роль женщины сводилась лишь к роли домохозяйки, матери и любовницы. Реклама того времени поражает оскорбительным содержанием:

Cigarettes are like women. The best ones are thin and rich. – Сигареты как женщины. Лучшие из них худые (тонкие) и богатые (дорогие).

Следующая реклама мужской обуви носит унижительный характер. На фото изображена женщина, лежащая на полу рядом с мужским ботинком.

Keep her where she belongs... – Держи ее там, где ей место.

You can't set her free. But you can help her feel less anxious. Serax. – Ты не сможешь ее освободить, но можешь помочь ей избавиться от тревоги. Успокоительное Serax.

Фото изображает домохозяйку, окруженную швабрами, щетками, утюгом, нервно кусаю-

щую ногти. Как мы понимаем, от уборки девушку никто не освободит, но переживать она станет гораздо меньше по этому поводу.

Следующий рекламный текст возмутителен своим призывом к домашнему насилию. Здесь обыгрывается многозначность слова **to beat** – **бить, выигрывать**. Реклама предлагает повеселиться в боулинге, обыграв (побив) свою жену, а затем отметить это в компании друзей:

Have some fun. Beat your wife tonight. Then celebrate with some good food and drink with your friends. At your nearby BPA Fun Center.

Современная реклама не менее оскорбительна для женщин:

Cheat on your girlfriend, not on your workout. Reebok. – Изменяй подружке, но не тренировку. Reebok.

Компания IBM намекает на разные интеллектуальные способности представителей обоих полов. На странице журнала изображены мужчина и женщина в аэропорту. Мужчина сидит перед ноутбуком, а женщина разгадывает кроссворд. Рядом с мужчиной надпись «*Just learned: discounted cash flow techniques with 40 other analysis (Только что узнал: методы дисконтированных денежных потоков с 40 новыми способами анализа)*». Рядом с женщиной надпись «*Just learned: a five-letter word for "belly button" (Только что узнала: слово обозначающее «пупок» из 5 букв)*». Данный рекламный текст показывает, что мужчина использует новейшие технологии для получения выгоды в финансовых делах, а женщине только и остается, что разгадывать кроссворды в журналах. Слово «пупок» лишь добавляет иронии к сообщению.

Стереотипный образ женщины, используемый в рекламе, демонстрирует капризную особу, озабоченную лишь чувствами и шопингом:

Only two phrases can change a woman's mood... 1) I love you and 2) 50% off – Только две фразы способны поднять настроение женщины: 1) Я люблю тебя 2) скидка 50%.

Следующим направлением явления политкорректности являются расовые различия. Политкорректная реклама, нацеленная на создание антирасистских настроений превалирует над остальными. Яркие визуальные образы, сопровождающиеся убедительными лозунгами, делают такие сообщения сильными и запоминающимися.

Реклама, направленная на унижение человека по цвету кожи, была особенно популярна в Америке в 30-50-е гг. 20 века. Зачастую рекла-

мируемыми товарами являлись средства для стирки, мытья посуды, бытовая техника, которая использовалась темнокожими слугами и т.д. Темнокожие дети изображались замарашками или обжорами по сравнению с их белокожими ровесниками. Так, в одной из винтажных реклам 30-х годов белый мальчик спрашивает темнокожего: *Why doesn't your Mamma wash you with Fairy soap?* – Почему твоя мама не моет тебя мылом Fairy?

Постепенно расистский вектор рекламы сошел на нет, и появилась реклама, призывающая презирать расистов. Но идеи превосходства одной расы над другой существуют в обществе до сих пор, и современная реклама намеренно или нет, использует цвет кожи человека для рекламы своих продуктов. В следующей рекламе известная темнокожая модель Наоми Кемпбелл сравнивается с молочным шоколадом:

Move over Naomi. There is a new diva in town. Milk chocolate Bliss. – Наоми в прошлом. В городе новая дива. Молочный шоколад Bliss.

Следующая реклама вызвала неодобрение среди представителей мужского пола, носящих усы и бороды:

Look like you give a damn. Re-civilize yourself. Nivea

На развороте журнала размещена фотография гладковыбритого мужчины с короткой стрижкой, отбрасывающего заросшую голову негра с усами, бородой и прической в стиле «афро». Лозунг рекламной кампании Nivea звучит как «Выгляди так, словно тебе не наплевать. Вернись к цивилизации» (Look Like You Give A Damn. Re-Civilize Yourself). В данном тексте обыгрывается стереотип о том, что все афро-американцы нецивилизованные дикари.

Следующие два примера представляют собой рекламу компьютерной техники. Как и в приведенной выше гендерной рекламе IBM, эти рекламные компании также дают понять, что их продукты не только гендерноориентированны, но и под силу лишь представителям белой расы.

PlayStation Portable. White is coming. – Проставка PlayStation. Теперь в белом цвете (Белые наступают).

В данной рекламе мы видим семантическое обыгрывание слова white – белый цвет продукта и белый цвет кожи. Именно поэтому слоган «White is coming – Белые наступают» звучит расистски. Текст сопровождается изображением злобного вида белой женщины, держащую за горло темнокожую соперницу.

Следующее сообщение заставляет нас вспомнить времена рабства и плантаций. На фото изображен белый мужчина в офисной одежде, окруженный темнокожими атлетами, склонившимися перед ним в позе бегунов.

Multiply computing performance and maximize the power of your employees. – Преумножь вычислительную силу компьютера и увеличь производительность своих работников. Если бы среди атлетов был бы хоть один белый человек, слоган не был бы столь оскорбителен.

Одной из наименее распространенных групп некорректной рекламы является реклама, оскорбляющая чувства верующих. Большая часть журнальных страниц, как правило, отдается изображениям провокационного характера, с участием священников, монахинь и даже святых. Например:

We believe in Salvation. Ice cream is our religion. Antonio Federici.

Реклама изображает двух священников, приготовившихся к поцелую. Слоган «We believe in Salvation» обыгрывает фразу «Мы верим в спасение души» (We believe in Salvation) – добавив всего одну букву, «спасение души» (salvation) превратилось в «слюноотделение» (salivation).

В следующей рекламе, английская языковая школа призывает потенциальных студентов выучить язык рок-богов. В рекламе используются изображения Элвиса Пресли, Джона Леннона, Кейта Ричардса. Все они изображены святыми с нимбами над головами.

Rock is our religion. Speak the language of Gods. – Рок наша религия. Говори на языке богов.

Второй наименее распространенной группой неэтичных рекламных текстов стала группа текстов, осуждающих нетрадиционную сексуальную ориентацию. В условиях повсеместной политкорректности чаще встречается реклама, которая призывает не дискриминировать людей по этому признаку, однако нам удалось обнаружить два некорректных рекламных объявления, хотя и не в журналах.

Первое рекламное сообщение было размещено на лондонских автобусах, но за свое содержание было запрещено судом:

Not-gay! Ex-gay, post-gay and proud. Get over it! – Не гей. Бывший гей, пост-гей и признаю это! Проехали!

В данном сообщении обыгрывается выражение *out and proud*, обозначающее «рассказать всем о своей ориентации», а также популярный политкорректный слоган *Some people are gay. Get over it.*

Следующее рекламное сообщение едва ли можно назвать оскорбительным, скорее ироничным, однако и оно намекает на неполноценность «таких» людей:

Apparently this comes in half pints, too, if you're that way inclined – Вообще-то можете себе взять и полпинты, если вы из «таких».

На фото изображен соведущий программы Top Gear Джеймс Мэй с пренебрежительным выражением лица, держащий пивной бокал объемом полпинты. Выражение **that way inclined** является эвфемизмом слова gay.

Практические полное отсутствие рекламы, пропагандирующей осуждение нетрадиционной ориентации, говорит об усилении роли политкорректности в этом направлении.

Весьма актуальной проблемой современной рекламы является ее влияние на духовное развитие личности и общества, значение для формирования ценностных ориентаций людей в стремительно глобализирующемся обществе.

Лингвокультурологический анализ рекламы разных временных периодов позволил нам сделать вывод о том, что политическая и социальная ситуации в обществе чрезвычайно влияют на язык рекламы и на характер рекламных сообщений. Появление политкорректности позволило рекламе быть более этичной, однако это не остановило создание некорректных объявлений, что говорит о присутствующей в обществе нетерпимости.

Список литературы

1. Герасименко, Д. В. Политическая корректность и стратегия вежливости / Д. В. Герасименко // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МаКС Пресс, 2011. – вып. 42. – С. 49–54.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. – 2000. – 624 с.

И. В. Гвоздева

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМУЛ ОБРАЩЕНИЙ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF ADDRESS FORMS IN CHINESE AND RUSSIAN COMMUNICATIVE CULTURES

В статье приводится сопоставительный анализ использования формул обращения в китайской и русской коммуникативных культурах. Подробно рассматриваются формулы обращений на всех уровнях коммуникации в соответствии с типом изучаемых культур. Рассматривается проблема выбора формы обращения в межкультурной коммуникации в контексте категории вежливости исследуемых культур.

The paper deals with a comparative analysis of the use of form of titles in Chinese and Russian cultures. It gives the detailed review of the title forms in all communication levels in accordance with types of culture. The problem of title form choice is put in context of Chinese and Russian politeness category.

Ключевые слова: обращение, формулы обращения, функции обращения, вежливость, межкультурная коммуникация.

Keywords: address, form of address, functions of address politeness, cross-cultural communication.

Обращение – коммуникативная единица, служащая для привлечения внимания собеседника, для вовлечения его в коммуникативный

акт, для экспликации эмоционального отношения к нему говорящего, и передающая информацию о характере взаимоотношений между

коммуникантами и обстановке, в которой происходит коммуникация.

Как любая коммуникативная единица, обращение выполняет в языке определенные функции, среди которых наиболее важными нам представляются следующие:

Апеллятивная функция. Прежде всего обращение служит для привлечения внимания, вовлечения адресата в коммуникативный акт.

Номинативная функция. Используя номинативные формы обращений, коммуникант называет адресата либо по имени, либо употребляет другие, уместные для конкретной ситуации формулы обращений.

Экспрессивно-оценочная функция. Обращения являются экспликатом отношения говорящего к адресату, его оценки и детерминируют социально-статусные роли коммуникантов.

Формулы обращения тесно связаны с этикетом и системой вежливости конкретной лингвокультуры и имеют свою национально-культурную специфику. По мнению Т. В. Лариной, «обращения являются интересным объектом исследования, так как содержат существенную информацию о коммуникативных нормах и традициях, о характере социально-статусных отношений в рассматриваемой коммуникативной культуре, о системе вежливости». [1. С. 364]. Изучение формы обращения и особенности их употребления в конкретной коммуникативной культуре дает много информации о типе культуры, характере социальных отношений и системе вежливости в данной культуре.

Обращение – коммуникативная единица, непосредственно касающаяся Лица адресата, поэтому от правильного выбора формы обращения зависит успех коммуникативного акта в целом. При межкультурной коммуникации выбору формы обращения необходимо уделять особое внимание, поскольку в качестве коммуникантов выступают представители разных культур, формы обращения которых могут сильно отличаться друг от друга. Неправильно выбранная формула обращения может отрицательно повлиять на успех межкультурного коммуникативного акта.

Рассмотрим основные формы обращения, принятые в китайской и русской лингвокультурах, и ситуации, в которых уместно употребление тех или иных форм.

В китайской лингвокультуре независимо от степени формальности общения выбору формулы обращения придается очень большое значение. С помощью обращений реализуются

стратегии и тактики положительной вежливости, эксплицируется эмоциональное отношение к адресату, детерминируются социальные роли. На каждом социальном уровне действуют непреложные правила использования определенных форм обращения. [3. С. 291].

Так, на уровне семейных и родственных отношений действует следующее правило: младшие по возрасту не могут обращаться к старшим по имени. В качестве формулы обращения используются только термины родства: 哥 (старший брат), 姐 (старшая сестра), 姑姑 (тетя – сестра отца), 大爷 (дядя – старший брат отца), 叔叔 (дядя – младший брат отца), 阿姨 (тетя по материнской линии), 舅舅 (дядя со стороны матери). Если родственников с одинаковой степенью родства несколько, то обращаются к ним по порядку: 大哥 (самый старший брат), 二哥 (второй старший брат), 三哥 (третий старший брат), 大姐 (самая старшая сестра), 二姐 (вторая старшая сестра), 三姐 (третья старшая сестра), 二姨 (вторая тетя по материнской линии), 三姨 (третья тетя по материнской линии) и т.д. Старшие обращаются к младшим по имени.

Данное правило незыблемо как один из столпов китайской культуры, основой которой является строгая иерархия отношений и демонстрация уважения к старшим. В китайской культуре вертикальный тип коммуникаций прослеживается во всех сферах общественной жизни. В качестве иллюстрации хотелось бы привести пример из личного опыта: когда моему мужу, носителю китайского языка было примерно четыре года, он обратился к своему брату, старше него на два года, по имени. За этим незамедлительно последовало такое сильное физическое наказание, что больше никогда в жизни он не смел произнести имя своего брата.

В русской лингвокультуре, когда коммуникация происходит в пределах одного поколения, термины родства не используются, а обращаются просто по имени. Если коммуниканты принадлежат к разным поколениям, то старшие обращаются к младшим по имени, а при обращении младших к старшим используется форма: *Термин родства + Уменьшительная форма имени*.

В китайской коммуникативной культуре употребление терминов родства в качестве обращения выходит далеко за пределы сферы семейной коммуникации. Так, при обращении к незнакомым людям одного поколения с говорящим широко используются такие термины родства как 大哥 (старший брат), 小姐, 大姐 (при

обращении к молодой девушке). При обращении к людям старшего поколения используются такие термины родства как 阿姨 тетя по линии матери, 叔叔 дядя по линии отца, 奶奶 бабушка по линии отца, 爷爷 дедушка по линии матери. При обращении к незнакомому адресату возможно также использование нулевой формулы обращения: 请问 (скажите, пожалуйста), 劳驾 (будьте добры). При обращении к знакомому адресату в неформальной обстановке также применяются термины родства. Формула обращения в данном случае следующая: Фамилия + термин родства. Например, 赵哥 (Брат Чжао), 董阿姨 (Тетя Дун). При обращении к знакомому адресату, младшему по возрасту, используется либо имя, либо термин родства 弟弟 (младший брат), 妹妹 (младшая сестра).

Необходимо подчеркнуть, что в неформальной обстановке крайне невежливым является обращение без употребления терминов родства к адресату, старшему по возрасту.

В китайском официально деловом речевом этикете используются апеллятивы: *профессия/должность*. Например, 厂长, 校长, 老师, 教授, 司机, 服务员. В официально-деловой сфере коммуникации обращение с использованием имени адресата недопустимо. Возможно использование формулы: *Фамилия + должность*. Например, 马经理 (директор Ма), 王校长 (ректор Ван), 张师傅 (мастер Чжан).

Кроме того, в китайской лингвокультуре экспликаторм вежливости является использование при обращении слова 老 lao «пожилой, старый». Например 老师傅 laoshifu (старый мастер), 老中医 laozhongyi (старый доктор). В сфере внутрикорпоративной коммуникации при обращении к сотрудникам старше сорока лет используется формула обращения: 老 + *фамилия*. К молодым сотрудникам обращаются 小 + *фамилия*. Это можно объяснить тем, что в Китае с древних времен существовал культ почитания старших. 敬老尊贤 почитать стариков, следовать за мудрыми – вот одна из главных категорий ценностей китайского социума [2. С. 156]. Отсюда неоспоримым уважением пользуются пожилые и люди, обладающие знанием. Поэтому слово 老 lao (пожилой) обладает положительной вежливой коннотацией.

В русской официально-деловой коммуникативной культуре наиболее частотной является формула обращения *имя+отчество*. В последнее время в некоторых компаниях стало возможным употребление номинативного обращения по имени, что связано, прежде всего, с влиянием западной англоязычной культуры,

имеющей индивидуалистический характер.

В формальной среде и в русской, и в китайской культурах возможно употребление формулы *Господин/Госпожа + Фамилия*, в китайском языке: *Фамилия + 先生/女士*. В то же время в из обихода обеих культур практически исчезла такая форма обращения, как *Товарищ* 同事.

При обращении к коллективному адресату и в китайской, и в русской культурах используются апеллятивы: *Уважаемые коллеги, уважаемые родители, дорогие друзья* и т.п. В китайской культуре наиболее частотны: 尊敬的同事们, 同学们, 朋友们!

К группе хорошо знакомых людей обращаются: 大家, 朋友们. К государственным служащим, прибывшим с визитом, обращаются: 领导们.

Для китайской письменной официально-деловой коммуникации характерно использование в качестве обращения полного названия организации. Например, 中国天津轻工业品进出口公司: [4. С. 138].

В китайской культуре, в отличие от русской почти не используется формула *Дорогой / дорогие ...*

Местоименные формы обращения в китайской и русской культуре совпадают. В обеих культурах присутствуют две формы: ты, Вы – 你, 您. Это также свидетельствует о культурах с высоким уровнем социальной дистанции.

Таким образом, в системе вежливости китайской и русской лингвокультур относительно использования формул обращения можно выделить следующие основные особенности:

В китайском языке количество формул обращения на всех уровнях коммуникации значительно больше, чем в русском языке, причем употребление их строго детерминировано.

На любом уровне коммуникации в китайском языке при выборе формул обращения прослеживается четкая иерархия социально-статусных отношений. С помощью обращений эксплицируется асимметричность, вертикальный характер коммуникации в китайской лингвокультуре.

В китайской культуре употребление терминов родства в качестве обращений выходит далеко за пределы сферы семейно-родственных отношений, термины родства используются в качестве обращений во всех сферах неофициального общения: при обращении к родственникам, при обращении к знакомому адресату, при обращении к незнакомому адресату. В русском языке сфера употребления терминов родства значительно уже.

На официальном уровне коммуникации в выборе формул обращений в китайском язы-

ке также наблюдает более широкий спектр, по сравнению с русским. Номинативные обращения по профессии и должности свидетельствуют о важности социально-статусной иерархии для представителей китайской культуры.

Анализ формул обращения в китайском и русском речевом этикете позволяет сделать вывод, что для обеих культур характерен вертикальный тип социально-статусных отношений. Однако в китайской коммуникативной культуре асимметричность отношений проявляется более отчетливо, причем во всех без исключения социальных сферах. Несмотря на то, что обе культуры принадлежат к коллективистскому типу, в формулы обращения в них существенно отличаются. В китайской лингвокультуре набор обращений значительно шире, а к выбору формул обращения выдвигаются гораздо более серьезные требования, чем в русской. Различия в формах обращения, принятых в каждой культуре порождает мно-

жество проблем при межкультурной коммуникации носителей обеих культур. Поэтому при коммуникации с носителями китайской культуры необходимо с большим вниманием относиться к выбору формулы обращения.

Список литературы

1. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
2. 王绍军. 商务谈判. – 北京大学出版社, 2009年. – 237页.
3. 汤秀莲. 国际商务谈判. – 北京: 清华大学出版社, 2009. – 357页.
4. 外经贸应用文/王第主编. – 北京: 中国对外经济贸易出版社, 2006. – 185 页.

Е. А. Гейм

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ С АНИМАЛИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS WITH AN ANIMALISTIC COMPONENT IN THE ITALIAN LANGUAGE: LINGUA-CULTURAL ASPECT

В статье рассматриваются особенности употребления названий животных во фразеологических выражениях итальянского языка, которые являются отражением культуры и менталитета народа.

The article deals with the peculiarities of use of animal names in the phraseological locutions in Italian language which are reflection of national culture and mentality.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизмы, анималистический компонент, языковая картина мира.

Keywords: *linguo- culturology, phraseological locutions, animalistic component, language worldview.*

В рамках лингвокультурологии изучается взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании; этот процесс отражается как целостная структура единиц в

единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания.

Главной задачей лингвокультурологии как науки является изучение и описание взаимо-

отношений языка и культуры, языка и этноса, языка и менталитета народа как «народного духа» [1. С. 137]. Благодаря такому изучению можно увидеть материальную и ментальную этническую самобытность.

Наибольшим лингвокультурологическим потенциалом обладает фразеологическая система того или иного языкового этноса, поскольку «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [2. С. 233].

Во фразеологизмах, пословицах и поговорках могут быть представлены культурные, социальные, исторические, топонимические и другие характеристики социума. За фразеологизмами и паремиями стоит опыт целых поколений, они хранят знание о мире и о человеке в этом мире, являются отражением культуры народа. С древних времен пословицы и поговорки являлись некой традицией народа, его свидетельствами. Они восходят к древним формам народного творчества, являются кладом народной мудрости.

Зачастую фразеологические единицы выступают как самостоятельные законченные изречения, принимающие форму пословиц и поговорок. Пословицы и поговорки – некие фольклорные тексты, состоящие из одного высказывания. Пословица – это краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм. Поговорка же, в свою очередь, является кратким устойчивым выражением, преимущественным образным не составляющим, в отличие от пословицы, законченного высказывания. Они являются ценным свидетельством когнитивно-культурной деятельности человека, нашедшей свое выражение в том числе и в языке. Связь культурологической информации, содержащейся в пословицах того или иного языка, с жизнью языкового социума проявляется прежде всего в выборе разных эталонов и стереотипов, которые фигурируют в пословицах с аналогичным содержанием.

Пословица – не простое изречение. Она выражает мнение народа, в ней заключены народная оценка жизни, морали, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей. Такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. В посло-

вицах, как и в людях, их создавших, столько же чувств, сколько их в народе. Поговорки, в отличие от пословиц, не содержат морали, а являются реакцией на ту или иную ситуацию или жизненное явление.

Фразеологические единицы, пословицы и поговорки в итальянском языке, как и в любом другом языке, возникли в отдалённой древности и с той поры сопутствуют итальянскому народу на всём протяжении его истории. Особые свойства устойчивых выражений, как по форме, так и по содержанию сделали фразеологические единицы, пословицы и поговорки столь стойкими и необходимыми в жизни итальянцев.

В настоящее время существует различное количество классификаций итальянских пословиц и поговорок. К примеру, тосканский поэт-сатирик Джузеппе Джустини в своей работе «*Dizionario dei proverbi italiani*» привел полное систематизирование паремий согласно различным аспектам: от любви, ненависти, дружбы до таких тем, как семья, бедность, богатство, судьба, брак и так далее [4. С. 8].

Другой итальянский ученый деятель Карло Лапуччи в своей работе под таким же названием «*Dizionario dei proverbi italiani*» распределил пословицы и поговорки согласно одному характерному слову и упорядочил их в алфавитном порядке [5. С. 8].

Среди итальянских пословиц и поговорок можно выделить в отдельную группу те, которые имеют в своем составе анималистический компонент. Анализ отдельных групп пословиц и поговорок, связанных с миром диких животных, позволяет выделить те, которые проецируют поведение, поступки, характеристики человека на мир зверей. Издавна люди обращались к символике, чтобы перенести насущные проблемы своей жизни на мир зверей, олицетворяя в них себе подобных. Животные могут символизировать инстинктивную жизнь, плодородие, изобилие, эмоциональные порывы. Многие животные имеют хоть какое-то сходство с человеком. Вследствие этого, для эмоционально-оценочной характеристики человека в разговорной речи употребляются сравнения и метафоры, основанные на установлении подобия между представителями разных классов (человек – животное) и приносящие таким образом в высказывание элемент образности.

Например, символом хорошего зрения в итальянском языке являются глаза рыси – *l'occhio di lince*, этот же фразеологизм означает «быть прозорливым человеком» (*aver l'occhio di lince*).

Про человека, у которого отличное здоровье, итальянцы скажут «здоров как рыба» (*sano come il pesce*); это выражение уходит корнями в античные времена, когда считалось, что рыбы никогда не болеют. Но современные исследования показывают, что и рыбы подвержены различным заболеваниям, в том числе связанным с экологическими проблемами. Вряд ли в античности люди могли столкнуться с вымиранием рыб вследствие загрязнения окружающей среды, в том числе и водоемов.

Широко используется в итальянской фразеологии и образ волка, который является опасным зверем и символической фигурой злодеяния из-за своих агрессивных инстинктов. Среди итальянского населения волк также известен как огромная опасность. Сверкающие глаза в ночи, привычки одиночки, или же набег на стадо, душераздирающий продолжительный вой: все это создает дьявольский образ волка. *Quando piove il lupo gode*. (досл. когда идет дождь, волк радуется) – когда холодно, дует ветер, идет проливной дождь, гремит гром и сверкают молнии – это означает, что пришло время волков. Согласно античным слухам, волки специально выжидают такой погоды, чтобы выйти прогуляться. Такому животному сложно противостоять своим инстинктам. *Chi nasce lupo non muore agnello* – кто рождается волком, не умирает ягненком (ср. горбатого могила исправит); так говорят о человеке, который не хочет избавиться от своих вредных привычек, если у человека есть какой-то порок, то это не изменится до самой смерти. Такое же значение имеет и другая поговорка – *Il lupo perde il pelo ma non il vizio* (досл. Волк теряет шерсть, но не порок). Следует отметить, что волку противопоставлен ягненок (овца), смиренное и кроткое животное, образ которого положителен во многих выражениях, например: *Ogni pecora ama il suo agnello* – каждая овца любит своего ягненка.

Еще один образ волка можно увидеть в поговорке *lupo in veste d'agnello* – волк в обличье ягненка (ср. волк в овечьей шкуре) – лицемерный человек; люди прикидываются добрыми и хорошими, чтобы запутать доверчивых и использовать эту их слабость в своих целях. Такой человек представляет опасность для остальных. В этом выражении образу волка также противопоставляется образ ягненка.

Известен волк также и своим хорошим аппетитом, что находит отражение в таких фразеологизмах как, например, *Lupo affamato mangia rap tuffato* (досл. Голодный волк съест и за-

плесневелый хлеб) – если ты очень голоден, то любая еда покажется тебе вкусной; *aver fame da lupo* – иметь волчий аппетит.

Другое животное – бык – считается символом непобедимой силы, жертвенности, самоотречения; он связан также с сельскохозяйственными культами, в рамках которых олицетворяет мужское, оплодотворяющее начало. *Dai buoi vecchi i giovani imparano ad arare*. (У старых быков молодые учатся орошать, вспахивать землю.) В данном выражении мы видим четкую проекцию человека на быка: молодые, неопытные учатся работать, перенимают опыт у более пожилых людей. *Il bue non vuol sapere ne' di musica ne' di lettere*. (Старому быку нет дела ни до музыки, ни до письма) Это выражение объясняется фигурально: грубый, медлительный, бесчувственный человек, полностью посвященный своему делу, не обращает внимания на более красивые вещи, «поэзию жизни».

Упомянутые нами представители мира диких зверей не только отражают человеческую натуру, поступки индивида, но главным образом отражают в той или иной мере культуру итальянского общества. Например, волк является неотъемлемым символом Италии – всем известная Капитолийская волчица, которая, по приданию, выкормила основателей Рима Ромула и Рема.

Кроме того, названия животных встречаются во многих пословицах назидательного и нравоучительного характера: *Meglio un giorno da leone che cento da pecora* – Лучше прожить один день львом, чем сто овцой; *Meglio un uovo oggi che una gallina domani* – Лучше синица в руках, чем журавль в небе (досл. Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра); *Tanto va la gatta al lardo che ci lascia lo zampino* – Не все коту масленица (досл. Сколько бы ни ходила кошка за салом, все равно лапку там оставит); *Tanto va la capra al cavolo, che ci lascia il pelo* – Сколько бы коза ни ходила за капустой, там ей и конец (досл. Сколько бы коза ни ходила за капустой, оставит там шерсть).

На основе образов животных образуются фразеологизмы, которые в разных культурах могут совпадать, полностью или частично, а могут и расходиться. Например, общим в русских и итальянских устойчивых выражениях будет опасный зверь – это тот человек, которому не стоит доверять, или овца и ягненок как символ смирения. Различия: итальянцы здорового человека сравнивают с рыбой (*sano come un pesce*), а русские – с быком (здоров как бык). Такие расхождения связаны прежде все-

го с культурными традициями народов. Фразеологизмы с анималистическим компонентом в итальянском и русском языках показывают нам, что в них отражены не только объективные черты какого-либо животного, его внешнего вида, но и то, как символ этого животного используется в разных языках, какие ассоциации связаны с этим животным у итальянцев и у русских.

Как отмечает Т. З. Черданцева, символика животных зависит от той роли, которую они играют в человеческом обществе, а также от тех присущих животным качеств и свойств, которые известны человеку. Кроме того, фразеология, связанная с животными, зависит от природных условий и прежде всего от распространения тех или иных животных в зоне распространения того или иного языка, а также от торговых и других связей данного народа. [З. С. 191]. В качестве примера мы можем привести итальянское выражение *Bue vecchio, solco diritto* – Старый конь борозды не портит (*досл.* Старый бык – прямая борозда). В качестве рабочего скота у итальянцев преимущественно использовались быки, а у русских – лошади, отсюда разные названия животных для выражения одного и того же символа выносливости: у старого быка достаточно опыта и сил, чтобы вспахать землю. Другими словами: опытный, знающий человек выполнит работу безупречно, по всем правилам.

Таким образом, наиболее яркими способами проявления культуры и лингвистических особенностей народа, общества в языке являются устойчивые выражения, в нашем случае связанные с миром диких животных. Пословицы и поговорки высмеивают, либо подчеркивают сильные стороны человека, индивида, тем самым делают акцент на схожесть мира животных с миром человека, позволяя описать весьма значимый для человека фрагмент языковой картины мира, связанный с животными, играющими немаловажную роль в повседневной жизни.

Список литературы

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 398 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва, 1996. – 288 с.
3. Черданцева Т. З. Итальянская фразеология и итальянцы / Т. З. Черданцева. – Москва, 2000. – 304 с.
4. Giusti G. Dizionario dei proverbi italiani. – http://www.labirintoermetico.com/03Fiabe/Giusti_G_Dizionario_dei_Proverbi_Italiani.pdf
5. Lapucci C. Dizionario dei proverbi italiani / Carlo Lapucci. – Mondadori, 2007. – 1854 p.

О. И. Гладких

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

О ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТАХ КАНАДСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

ON THE VALUE DOMINANTS OF THE CANADIAN LINGUOCULTURE

В статье на основе анализа лексикографического материала рассмотрены некоторые лексико-семантические единицы канадского варианта английского языка, образующие наиболее многочисленные тематические группы. Дается характеристика семантических трансформаций данных локально маркированных единиц по сравнению с общеанглийскими. Делается вывод о принадлежности таких значимых смыслов канадского английского к ценностным (культурным) доминантам канадской лингвокультуры.

On the basis of the analysis of lexicographic material the article considers some lexico-semantic units of the Canadian variety of the English language that constitute the most numerous thematic groups. The paper provides characteristics of semantic transformations of these locally-marked units in comparison

with those of General English. It is inferred that such meaningful senses of Canadian English belong to the value (cultural) dominants of the Canadian linguoculture.

Ключевые слова: канадский английский, канадская лингвокультура, ценностные доминанты, культурные доминанты, спорт, лесозаготовительные работы.

Keywords: Canadian English, Canadian linguoculture, value dominants, cultural dominants, sport, logging.

Культура каждой отдельной нации совмещает в себе как более или менее универсальные, так и специфические, характерные только для данной национальной общности, черты. С этой точки зрения для современной лингвистики, и, в первую очередь, для ее лингвокультурологического направления, является **актуальным** изучение таких культурных различий и их отражения посредством языка. При этом особый интерес для лингвиста представляет исследование специфики национальных вариантов одного и того же полинационального языка, которая и обусловлена культурными различиями их носителей.

Канадский английский как национальный вариант негетерогенного английского языка изучался с позиции его лексико-семантических особенностей [2, 11], специфики его региональных вариантов [8, 9], этапов развития лексикографической традиции [4, 11], социолингвистической ситуации в Канаде [1]. Однако до сих пор не осуществлялись попытки выделения и описания ключевых понятий канадской нации в лингвокультурном аспекте.

Итак, **цель** данной статьи – выявление ценностных доминант канадской национальной культуры.

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

1. Путем сплошной выборки из *Oxford Canadian Dictionary of Current English* [13] отобраны лексические единицы, составляющие наиболее крупные по количеству тематические группы;

2. Проанализированы экстралингвистические причины номинативной плотности этих тематических групп;

3. На основе данного анализа выявлены ценностные доминанты канадской лингвокультуры.

Таким образом, **объектом** настоящего исследования является канадский вариант английского языка, репрезентирующий канадскую национальную культуру. **Предметом** – ценностные доминанты канадской лингвокультуры.

В современной лингвистике принято говорить о типологии картины мира, в которой

традиционно дифференцируют научную, наивную, языковую, национальную и др. ее разновидности. Наряду с ними В. И. Карасик различает и ценностную картину мира, в которой «... существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, **ценностные доминанты**, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [6. С. 167].

Рассмотрим некоторые ключевые смыслы, которые, на наш взгляд, можно отнести к ценностным доминантам канадской лингвокультуры.

В ходе ранее проведенного нами лексикографического исследования [12] было установлено, что англоязычным нациям свойственно особое отношение к спорту. Однако среди наций-носителей английского языка канадцев отличает, пожалуй, наибольшая любовь к спорту. Данные выборки свидетельствуют о том, что наибольшее количество национально маркированных значений, представленных в *Oxford Canadian Dictionary of Current English*, относится к спортивным реалиям.

Интересно, что общеанглийские значения многих полисемантов в этом словарном издании принадлежат самым разным тематическим группам, в то время как одно из их значений, локально маркированное как употребляемое в Канаде, характеризует сферу спорта. Например, слово *homebrew* наряду с общеанглийским лексико-семантическим вариантом (далее – ЛСВ) «алкогольный напиток (например, пиво) домашнего изготовления» включает в свою семантическую структуру также и канадское «человек, особенно участник спортивных соревнований, который является уроженцем страны или местности, где проводится соревнование». Другой пример – *rouge*¹ со значением «красный порошок или крем, используемый для подкрашивания щек», функционирующим как общеанглийское, и омонимичными ему *ист.* «житель Квебека – сторонник либеральной партии» и *спорт.* «одно очко, засчитываемое команде, если команде противника, владеющей мячом, не удастся пересечь линию

конечной зоны», которое закреплено за канадским вариантом.

Активный образ жизни и забота о здоровье подрастающего поколения составляют приоритет государственной политики Канады. Подтверждением этому служит множество лексических единиц для обозначения спортивных соревнований или секций для детей и подростков. Среди них – *juvenile*¹ (3), *midget*¹ (2), *minor*¹ (4), *mosquito* (2), *novice* (3), *pewee*¹ (1), *scrub*³ (3b), *tyke/tike* (3) (цифра в скобках соответствует порядковому значению ЛСВ в словарной статье). Так, многозначное прилагательное *minor*¹ помимо трех общеанглийских значений объединяет в себе и канадское «обозначающий организованный командный вид спорта для детей»; лексема *mosquito* кроме общеанглийского значения, обозначающего насекомое, – канадское «начальный уровень спортивных соревнований для маленьких детей», а полисемант *pewee*¹ – общеанглийский ЛСВ «очень маленький человек или вещь» и канадский «уровень любительского спорта, обычно включающий детей в возрасте 12–13 лет». Еще более сложный дивергент образует полисемант *tyke/tike* со следующими ЛСВ: 1. «собака, особенно дворняга» (общеанглийское значение); 2.а «неуклюжий, грубый или эксцентричный человек» (британское); 2.б «маленький ребенок» (общеанглийское), которые противопоставлены ЛСВ «начальный уровень спортивных соревнований для маленьких детей», функционирующему в канадском английском.

Неслучайно, по данным на 3 ноября 2015 года Канада занимает второе после России место в рейтинге Sportcal Global Sports Nations Index 2015. Данный рейтинг учитывает все проведенные и запланированные спортивные соревнования за 14-летний период – семь предыдущих и семь последующих лет (на этот раз с 2009 по 2022 годы) [14]. Но даже в 2013 году, когда Канада занимала лишь четвертую строку в таблице, у нее насчитывалось наибольшее количество таких соревнований – 43 – по сравнению с лидерами рейтинга Китаем, Россией и Великобританией, у которых было зафиксировано 37, 34 и 30 спортивных мероприятий соответственно [7]. Кроме того, как и Великобритания, Канада неизменно входит в шестерку лучших по данному показателю стран [14].

Но не все виды спорта пользуются одинаковой популярностью в Канаде. Наибольшее пристрастие канадцы питают, конечно, к хоккею, который признан национальным видом

спорта. Североамериканская Национальная хоккейная лига была основана в 1917 г., а ее главная награда – Кубок Стэнли – был учрежден канадским генерал-губернатором лордом Стэнли еще в 1892 г. [3].

Массовое увлечение хоккеем в Канаде привело к появлению новых ЛСВ у общеанглийских спортивных терминов, которые в результате детерминологизации стали употребляться для обозначения повседневных понятий. Например, благодаря расширению значения общеанглийское слово *ruck* «шайба» в Канаде стало также обозначать «что-либо, по форме напоминающее шайбу». Еще один пример подобной детерминологизации – хоккейный термин *stickhandle*, у которого специализированное общеанглийское значение «умело контролировать шайбу при помощи клюшки» перешло в «умело маневрировать» в канадском английском.

По мнению В. И. Карасика, «... ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке. Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта...» [6. С. 167]. Таким образом, номинативная плотность концепта «спорт» в канадском английском позволяет рассматривать спорт (или, по крайней мере, хоккей) как ценностную доминанту канадской лингвокультуры.

Не все исследователи считают ценностный компонент обязательной составляющей структуры концепта [10. С. 25]. Но логичной представляется точка зрения С. Г. Воркачева, который отмечает, что «... любой концепт как отражение факта культуры в общественном сознании уже «по умолчанию» представляет собой определенную ценность – иначе бы он не стал «сгустком смысла», зафиксированным в коллективной памяти, как не нашли бы своего имени в языке малозначимые смыслы» [5. С. 224]. Поэтому для наименования таких значимых культурных смыслов представляется целесообразным использовать термин «культурные доминанты», который В. И. Карасик употребляет как синонимичный термину «ценностные доминанты» [6].

Еще одна область, имеющая первостепенную важность для канадской нации, – лесозаготовительные работы. Канада богата лесами, и лесозаготовка получила широкое распространение еще в начале XIX века. Единицы для обо-

значения данной сферы деятельности не очень многочисленны, но они заметно выделяются на фоне других национальных вариантов английского языка. К таким канадизмам относятся:

- *drive*¹ (11) – «транспортировка бревен путем их сплавления по воде»;
- *landing* (3) – «место, где складывают бревна перед транспортировкой»;
- *limit*¹ (1с) – «участок земли, поросший лесом, на котором отдельный человек или компания имеет право заниматься вырубкой леса»;
- *shanty*¹ (3) – «лагерь лесозаготовителей»;
- *show*² (8) – «работа по заготовке леса»;
- *trunk road* (2) – «подъездная дорога, особенно та, которую используют для транспортировки леса».

Данные единицы также играют важную роль в экономике Канады, поэтому их можно назвать культурными доминантами канадской нации.

Подводя **итог** вышесказанному, следует отметить, что семантика некоторых лексических единиц канадского английского обусловлена географическим положением Канады и отражает образ жизни в суровых климатических условиях. Это прослеживается в популярных видах спорта, предметах одежды, отраслях промышленности и транспортных средствах. Такие канадизмы характеризуются национально-культурной спецификой, причем многие из них благодаря своей номинативной плотности (за счет процессов терминологизации и детерминологизации, метафоризации и метонимизации общеанглийских единиц) выступают в качестве культурно значимых смыслов, а значит могут рассматриваться как ценностные (культурные) доминанты канадской лингвокультуры. К таким доминантам ценностной картины мира канадцев относятся, прежде всего, спорт и лесозаготовительные работы.

Список литературы

1. Ахонина, В. С. Англо-французское двуязычие в современной Канаде / В. С. Ахонина // США. Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 12. – С. 111–120.
2. Быховец, Н. Н. Лексические особенности английского языка Канады / Н. Н. Быховец. – К. : Наукова думка, 1988. – 152 с.
3. Виды спорта, полюбившиеся жителям Канады // CanadianWeb. – URL: <http://canadianweb.org/culture/sport/>
4. Гордієнко, О. В. Генеза канадської англословної лексикографії в етнолінгвістичному аспекті : автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. В. Гордієнко. – Одеса, 2010. – 22 с.
5. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология: вектор развития / С. Г. Воркачев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь, 2011. – Том 24(63) №2. – Часть 3. – С. 223–228.
6. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – С.166–205.
7. Латыпов, Ф. Россия догоняет Китай. – URL: <http://www.championat.com/business/article-181287-rejting-sportivnykh-nacij-2013-goda.html>
8. Люшинська, Г. В. Семантичні особливості регіоналізмів східного ареалу канадського варіанта англійської мови / Г. В. Люшинська // Вісник Запорізького держ. університету. Серія «Філологічні науки». – 2011. – №1. – С. 122–128.
9. Люшинська, Г. В. Семантичні особливості регіональної лексики канадського варіанта англійської мови / Г. В. Люшинська // Вісник запорізького національного університету. – Запоріжжя, 2009. – С. 102–106.
10. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика: учеб. издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ «Восток – Запад», 2007. – 226 с.
11. Попова, Л. Г. Лексика английского языка в Канаде : учеб. пособие / Л. Г. Попова. – М. : Высшая школа, 1978. – 116 с.
12. Сахнова, О. І. Семантична дивергенція в національних варіантах англійської мови : дис. ... канд. філол. наук / О. І. Сахнова. – Донецьк, 2014. – 216 с.
13. Oxford Canadian Dictionary of Current English / K. Barber, H. Fitzgerald, T. Howell, R. Pontisso. – Oxford University Press. – Printed in Canada, 2005. – 998 p.
14. Russia is still the leading Global Sports Nation for 2015, while Australia and Qatar make significant moves in the top 20. – URL: http://www.sportcal.com/news/release_article.aspx?articleid=108055&pageno=1

К. О. ГордееваЧелябинский государственный университет,
Челябинск (Россия)**ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ-КОМПОЗИТОВ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ****SPECIAL ASPECTS OF COLOUR NAMINGS COMPOUNDS
IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE**

Цвет не является универсальным для всех. Каждый человек воспринимает цвет индивидуально. Кроме того, ученые утверждают, что глаз человека способен отличить от пятисот до двух с половиной миллионов оттенков, при этом каждый из них, в большинстве случаев, получает номинацию. Однако, профессионалы, занимающиеся данным вопросом, создают специальные классификации, оттеночные палитры, таблицы цветов. Таким образом, используя ряд определенных методов, они категоризируют многообразие цветов. Однако возможность категоризации цвета до сих пор остается глобальной проблемой цветовой картины мира.

The article describes the derivation process of modern German color namings and the subsequent semantic changes. It also analyses the nature of derivation mechanisms in the modern German language.

Ключевые слова: цветообозначения, словообразование, термины-композицы, базовые цвета, цветовосприятие, классификация цветообразований, сопоставительный характер словообразований.

Keywords: colour namings, word derivation, composites, basic colour, colour perception, colour namings classification, contrastive-comparative character of colour namings.

Цвет притягивает внимание человека еще с раннего возраста и остается для него одним из главных явлений выражения и восприятия действительности на протяжении всей жизни. Известно, что первыми учеными, заинтересовавшимися особенностями цвета, были практики и теоретики естественных наук. Но с развитием общества и появлением большого количества новых цветов, ученые-лингвисты также начали изучать проблематику цвета, но уже со стороны языковой составляющей. Поскольку цвет – явление динамичное, важность данной тематики не потеряет своей значимости и в дальнейшем.

Те сферы, в которых цвет является одной из непосредственных составляющих (мода, дизайн одежды и интерьера, автопромышленность) развиваются стремительными темпами, дизайнеры постоянно создают все новые и новые цвета, для которых необходимо подбирать обозначения. Лингвистика проявляет особый интерес к языковой форме выражения цвета и процессу цветоименования. В частности, сфера моды испытывает постоянную потребность в уникальных обозначениях для ультрасовременных цветов, что способствует

созданию нового пласта лексики, функционирующего по всем законам языка. Однако, что касается немецкого, то здесь исследования в области цветоименования не так многочисленны и многообразны.

Хотя все еще ведутся споры о природе цвета, его объективного существования и неразрывной связи со световой волной, бесспорным фактом является то, что человек живет в мире красок и цветов. С одной стороны, человек действительно воспринимает световой поток как отраженный от поверхностей предметов, и то, что он видит в результате преломления через хрусталик на сетчатку глаза, он и называет цветом. Но, с другой стороны, человек воспринимает цвет как один из многочисленных физических признаков объектов окружающего мира наряду с такими характеристиками, как форма, размер, текстура и другие качества.

Цвет не является универсальным для всех. Каждый человек воспринимает цвет индивидуально. Кроме того, ученые утверждают, что глаз человека способен отличить от пятисот до двух с половиной миллионов оттенков, при этом каждый из них, в большинстве случаев, получает номинацию. Однако, профессиона-

лы, занимающиеся данным вопросом, создают специальные классификации, оттеночные палитры, таблицы цветов. Таким образом, используя ряд определенных методов, они категоризируют многообразие цветов. Однако возможность категоризации цвета до сих пор остается глобальной проблемой цветовой картины мира.

Так, физиологи говорят, что существует шесть первичных цветоименований, с помощью которых мы можем описать наш опыт цветовосприятия. Если предельно минимизировать количество имен цвета, окажется, что мы можем описать все известные цвета, используя только шесть терминов и их различные комбинации. Это красный, желтый, зеленый и синий – четыре элементарных цвета, а так же черный и белый – две крайние точки шкалы монохромных оттенков. Все другие имена цвета могут быть описаны путем соотнесения с этими шестью или их комбинациями [1. С. 268].

Ряд лингвистов подразделяют цветообозначения на две группы – основные (или абсолютные) и оттеночные. В ряде толковых словарей русского языка оттенок определяется также как добавочный цвет, примешивающийся к основному и проявляющийся на его фоне.

Оттеночные цветообозначения различаются по способу передачи оттенков. Например, согласно исследованию А.А. Брагиной, выделяют группу цветообозначений, которые передают оттенки цвета аналитически, среди существуют цветочные прилагательные: а) вторичной номинации (сиреневый, молочный); б) без ясно прослеживающейся этимологии (бурый, алый); в) с ограниченной сочетаемостью (белокурый, карий); г) заимствованные (индиго); д) неологизмы и архаизмы (смарагдовый, кубовый); е) терминологические (кобальт, ультрамарин); ж) окказионализмы (лаймово-зеленый, желто-охровый) [2. С. 94].

Исходя из выше изложенного, можно утверждать, что помимо хроматических и ахроматических цветов, существует многообразие оттенков.

В лингвистике, которая интересует нас в первую очередь, существует несколько подходов к описанию семантики цветообозначений. Цветообозначения определяются как отдельные лексемы, словосочетания, идиоматические выражения, обозначающие цвета или их оттенки. Цветообозначения представляют собой лингвокультурологические феномены. Прежде всего, утверждается, что цвет ассоциируется с предметами и явлениями [Там же.

С. 275]. Именно эта связь послужила основой теорий происхождения цветочных концептов, в том числе и цветообозначений. Сюда относится теория А. Вежбицкой, которая выделяет ряд базовых прототипических референтов, существующих в мозгу говорящего, когда он называет тот или иной цвет [2. С. 274]. Так же А. Вежбицкая утверждает, что универсальной чертой всех языков мира служит описание цветочного восприятия на определенной ступени развития в терминах имен референтов важных для определенной среды обитания человека, таких, как минералы характерного вида, животные или растения [Там же]. Цветочные концепты связаны в первую очередь с определенными универсальными элементами человеческого опыта. Эти универсальные элементы можно грубо обозначить как день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо, земля. То есть принцип использования типичных черт пейзажа как референциальной рамки при описании категорий зрительного восприятия является человеческой универсалией. Другой человеческой универсалией называется сравнение, а более точно – универсальное понятие подобия в передаче зрительных ощущений. Цветочные ощущения возникают в мозгу, а не в окружающем мире, и их природа в существенной степени определяется человеческой биологией.

М. Пломинская использует в своей работе «Farben und Sprache» предложенное авторами немецкого словообразования описание значений немецких прилагательных. Здесь согласно семантической структуре выделяют две группы цветообозначений-прилагательных: абстрактные (blau, rot) и неабстрактные, включающее в себя ограниченные в употреблении (blond, brünett), метонимические (türkis, lavandel), модификативные (blaugrün), приумножающие (hochblau), сравнительные (alabasterweiß), причинные (schamrot), временные (dämmerblau), инструментальные (drogerieblond), вещественные (предметные) (barytgelb), указывающие цель (lackrot) Семантическое описание концентрируется прежде всего на цветообозначениях, выраженных именем прилагательным, из-за их преимущества перед существительными, глагольными и наречными цветообозначениями. Последние, являясь производными от цветообозначений-прилагательных, идентичны им в своем значении (rot – röten – erröten). Во внимание берутся только собственные изначальные значения цветообозначений-прилагательных как определение свойства цветочного изображения [4. С. 105].

В основе компаративных цветообозначений-прилагательных лежит прямая мотивированность к прототипическим цветовым референтам (rubinrot, smaragdgrün). К ним так же относятся лексемы, возникшие на основе метонимии, то есть сходстве с цветовым референтом, которые можно перефразировать: баклажанный – цвета баклажана. Некоторые цветообозначения могут иметь невыраженное сравнение [3. С. 109]. Они образуют переходную группу между сравнительными и модификативными (aquamarinblau: blau wie Aquamarin (vergleichend); hellblau (modifikativ)).¹ У некоторых сравнительных цветообозначений-прилагательных семантическая интерпретация затруднена, так как связь с объектом сравнения размыта (королевский синий – голубой как одеяние французского короля Людовика XIV) [4. С. 109-110].

Модификативные цветообозначения-прилагательные обозначают модификацию цветового тона в отношении светлоты, насыщенности, чистоты, тона и ослаблении. В немецком языке модификативность оттенков прежде всего может быть представлена словосложением с использованием прилагательных (hell, schmutzig-), причастий (leuchtend-, glühend-) и суффикса (-lich). К обозначающим высокую степень светлоты относятся такие цветообозначения-прилагательные как fahlblau, -rot, grellgelb, leuch-, zartblau. А к обозначающим низкую степень светлоты – dunkelbraun, -schwarz, tief-, schwarzblau и другие. Насыщенность в каждом языке может быть отмечена при помощи прилагательного, выраженного в качестве определяющего слова, в немецком – это «rein-» и «schmutzig-» (schmutzigweiß, reinblau). Также существительное «Ruß» выполняет данную функцию (rußbraun). Оттеночные значения цветов могут быть выражены при помощи словосложения одного цветообозначения-прилагательного как основного слова и другого цветообозначения-прилагательного как определяющего слова (bläulichrot, blaugrau). Модификативность также может проявляться в ослаблении цветового значения. В немецком языке для этого используют цветообозначения-прилагательные с добавлением суффикса -lich (bläulich).

Приумножающие или усиливающие цветообозначения-прилагательные в немецком языке представлены словосложением из цве-

тообозначения-прилагательного в качестве основного слова и обозначающим степень интенсивности определяющим словом, которым может быть существительное, обозначающее какого-либо цветового референта (blutrot, feuerrot, goldgelb). Также им может быть интенсифицирующее прилагательное или причастие (fahlweiß, blendendweiß) и конфикс knall- (knallrot). Усиливающие прилагательные могут быть перефразированы при помощи слов «очень», «сильно», «интенсивно». При некоторых образованиях сложных слов усиливающих цветообозначений-прилагательных сравнение, использованное носителями языка, еще может быть достаточно осознанным (bischofslila – intensiv lila)², но в таком случае, лексемы представляют собой переходную форму между сравнительными и усиливающими. Однозначные усиливающие цветообозначения-прилагательные напротив часто не имеют различимой связи значений между первым и вторым элементом: молненно-голубой не означает голубой как молния³ [Там же. С. 121-122].

Каузальные цветообозначения-прилагательные несут в своем значении причину, из-за которой им было дано такое имя (schamrot). Они могут быть переформулированы с помощью фразы «от, из-за чего-либо»: смущенно-красный – красный от смущения [Там же. С. 123].

Временные (темпоральные) цветообозначения-прилагательные обозначают период времени, которому присущ данный цветовой тон (regengrün, sommergrün). Они могут быть перефразированы с помощью темпоральных предлогов «в», «во время», «в течение»: летне-зеленый⁴ – зеленый как листва в течение лета. Семантическое отношение может быть определено благодаря контексту и общенаучным знаниям [Там же. С. 123-124].

Вещественные (связанные с тем или иным предметом) цветообозначения-прилагательные употребляются только в определенном контексте и относятся только к одному предмету (regengrau, puterrot, blond). Например, прилагательное «блонд» употребляется только для описания цвета волос [Там же. С. 124-125].

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что процесс появления цветообозначений в языке носит характер сопоставления (сравнения) с цветовыми оттенками явлений и предметов, которые уже известны носителям язы-

¹ Аквамариново-голубой: голубой как аквамарин (сравнительное); светло-голубой (модификативное) (нем.)

² Лиловый как одеяние епископа – интенсивный лиловый (нем.)

³ Дословно от blitzblau (нем.)

⁴ Дословно от sommergrün (нем.)

ка – универсальные элементы человеческого опыта – так называемое универсальное понятие подобия в передаче зрительных ощущений. Другими словами, значение цветообозначений возникает в силу их соотнесения с человеческим опытом, причем этот опыт носит перцептивно-когнитивно-аффективный характер.

Список литературы

1. Алымова, Е.Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: дисс....канд. фил.наук / Е.Н. Алымова. – Санкт-Петербург. – 2007. – С. 268-280

2. Брагина, А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний / А.А. Брагина // Лексикология и лексикография. – Москва. – 1972. – С. 73-104.

3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание/ А. Вежбицкая. – Москва. – 1996. – С. 231-291.

4. Жаркынбекова, Ш.К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание/Ш.К. Жаркынбекова//Вестник Московского университета. – 2003. – № 1. – С. 109-115

5. Płomińska, M. Farben und Sprache: deutsche und polnische Farbbezeichnungen aus kontrastiver Sicht. – Frankfurt am Main. – Lang. – 2003. – S. 208

Ю. Г. Горпенникова

*Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИЗВИНЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ¹

THE CULTURAL VARIATION OF THE APOLOGY IN THE GERMAN CONVERSATION

Целью данной статьи является освещение культурной вариативности извинения в немецком речевом общении. В статье дается определение понятия извинения. В статье освещаются сферы употребления извинения, приводятся примеры использования извинения в повседневной жизни, разъясняется специфика употребления извинения различными слоями в немецкой культуре.

The article aims at learning the culture variation of the apology in the German conversation. The definitions of the apology are examined there. The research covers the usage fields of the apology. The examples of usage of the apology in the daily life are brought in the article. The specificity of the usage of the apology in the different society ranks in the German culture is explained there.

Ключевые слова: культурная вариативность, извинение, речевое взаимодействие, коммуникативное поведение, лингвокультура.

Keywords: culture variation, apology, communication's interaction, community behavior, linguoculture.

¹ Статья публикуется при поддержке Гранта РГНФ 16-34-00014a1 «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа».

Изучение языка отражает системы культурных ценностей, указывает на рост внимания отечественных и зарубежных ученых к вопросам, связанным с влиянием на межкультурную коммуникацию культурно ориентированных факторов.

Многочисленные сопоставительные исследования свидетельствуют о том, что, принося

извинения, представители разных культур далеко не всегда ведут себя одинаково и этот речевой акт имеет ряд культурно-специфических особенностей (Holmes, 1990; Olshtine, 1989; Ратмайр, 2003).

Исследования культурной вариативности и ее аспектов получили достаточное освещение в ряде смежных областей знания, таких,

как социология, история, лингвистика, лингвокультурология, межкультурная прагматика, культурантропология, этнопсихология в трудах современных зарубежных и отечественных ученых (Верещагин, Костомаров, 1999; Воробьев, 1997; Кабакчи, 1993; Карасик, 2002; Кубрякова, 1994; Леонтьев, 1999; Прохоров, 1998; Сафонова, 1996; Сорокин, 1990; Стернин, 2002; Тарасов, 2000; Тер-Минасова, 2000; Уфимцева, 2000; Фурманова, 1994; Харченко, 2000; Brislin, 1993; Clyne, 1994; Gudykunst, Ting, Toomey, 1992; Hall, 1990, 1992; Kohls, 1994; Kim, Scollon & Scollon, 2000; 2001; Kramsch, 1998; Triandis, 1994, 1995; Weaver, 1998; Wierzbicka, 1992, 1997 и многие другие). Все ученые занимаются уже на протяжении не сколько десятилетий сопоставлением культур. Каждая культура привязана к определенному коммуникативному стилю. Данный коммуникативный стиль зависит от социальной организации и ее ценностей.

В исследованиях, связанных с изучением немецкого коммуникативного поведения, выделяют следующие характерные признаки – ориентация на содержание, ориентация на себя (4. С. 19). Одним из таких характерных признаков коммуникативного поведения немцев является подчеркнуто вежливое и достаточно частое принесение извинений.

Извинение представляет собой культурно и социально детерминированный коммуникативный феномен, имеющий в разных социокультурных контекстах существенные различия, как с точки зрения условий его осуществления, так и с точки зрения языковых стратегий его реализации.

Извинение как важная составляющая речевого взаимодействия партнеров по коммуникации играет важную роль в повседневных ситуациях межличностного общения. Использование формул извинения является одним из способов сохранения / восстановления гармоничных отношений между коммуникантами, что, в свою очередь, способствует бесконфликтному и эффективному общению между ними.

Социолог Э. Гоффман в своей книге называет такие вербальные действия как приветствия, благодарность, поздравления, комплименты, извинения «почтительными или церемонными действиями». Под словом «почтение» он подразумевает такие действия, через которые символически передаётся уважение одного человека к другому (3. С. 55, 66). Ритуальный характер проявления почтительности выражается в том, что потенциальный адресат должен быть более

или менее защищён жёсткими почтительности, например: «*Du hast ja wunderbar gekocht!*» – «*War gar nicht viel Arbeit*»; «*Entschuldige bitte*» – «*Keine Ursache*» («Ты превосходно приготовил!» – «Это было не сложно»; «Извини, пожалуйста» – «Не за что»).

Правильная мера использования почтительности культурноспецифична. Кто-то, делая слишком много комплиментов или слишком часто извиняясь, может казаться неискренним или странным. Р. Ратмайр приводит два примера для сравнения: характеристика личности в немецком с помощью метафоры «*der entschuldigt sich ja noch dafür, daß er überhaupt auf der Welt ist*» (Он извиняется за то, что вообще родился) (3. С. 272).

Извинения – это корректирующие действия, функция которых состоит в изменении смысла, который в ином случае может быть присуждён действию (3. С. 272). Цель извинения – превратить что-то обидное в то, что будет признано.

Наш интерес к данной форме коммуникативного поведения объясняется ее распространенностью и значимостью в немецкой культуре. В обычной жизни люди извиняются гораздо чаще, чем просят об одолжении, выражают неодобрение, приглашают кого-то для совместной деятельности. Существуют исследования социологов и культурологов, в которых выявлено, что потребность в извинении у представителей немецкоязычной культуры при возникновении угрозы социальному имиджу, нарушения личного пространства значительно выше, чем у других народов, например, у русских. Это связано с тем, что горизонтальная дистанция между коммуникантами в немецкой культуре длиннее, чем в русской, именно поэтому извиняться приходится и при нахождении на более значительном расстоянии, чем это ожидается в других культурах. При сокращении этой дистанции немцы начинают извиняться со значительно более удаленной точки. В Германии нормы вежливости часто базируются на равноправных отношениях между коммуникантами.

В период с 1940 по 1950 частота употребления извинений сильно возросла. 1950 год отличается самыми большими показателями. На наш взгляд, результаты окончания Второй мировой войны явились причиной такого частого использования немецкими писателями в художественных произведениях феномена извинение. Немцы как жители проигравшей в войне страны чувствовали свою вину за сложившуюся в мире сложную обстановку и чаще стали использовать

в своей речи слова извинения. В период с 1950 по 1980 частота использования данных слов постепенно снижается, что также, очевидно, связано с различными историческими и культурными событиями на мировой арене.

В 1990 году немного возросли показатели частоты, на которые в значительной степени повлияли объединение Германии и роль объединенной Германии на современной карте мира. Частота употребления лексемы «*Verzeihung*» снизилась, что объясняется заменой данной лексемы другими возможными языковыми средствами. Важную роль играет понятие норм вежливости, которые определяют, в каких случаях следует или не следует просить извинения. Так, входя в кабинет своего коллеги по служебному делу, прежде чем сформулировать цель вашего визита, разговор в Германии принято начинать с извинения. «*Извините за беспокойство*» – «*Entschuldigen Sie bitte die Störung*». Практически любое обращение к незнакомому человеку на улице также начинается с извинения. Простой вопрос о времени в Германии начинается с обязательного извинения. «*Entschuldigung, wie spät ist es?*» – «*Простите, который сейчас час?*» [4. С. 334].

В немецкой лингвокультуре в речевом акте «извинение» всегда содержится сожаление и попытка исправить дело. Используя РА «извинение», говорящий старается сохранить свое лицо, поскольку как отмечают П. Браун, С. Левинсон, извинения являются признанием ошибки, неблагоприятного поведения наносит ущерб его репутации (6. С. 19). Извинения охватывают рутинные формальные выражения, которые эксплицитно выражают иллокутивную силу извинения. В немецком языке в каждом извинении имеется сожаление, а также готовность исправить ошибку показывает культурную специфику: в немецком языке это обязательно. В немецком языке ответной реакцией на извинение порой является игнорирование извинения и желание больше не возвращаться к этой теме.

В повседневном речевом общении можно встретить заимствованное из французского языка *pardon*. Французское слово *pardon* было заимствовано в немецкий язык еще в XVI веке и считается устаревшим, в разговорной речи мы можем редко его услышать. В неофициальном общении «*pardon*» звучит несколько шутливо.

В немецком языке часто приносят извинения для проявления сожаления и раскаяния. В данном случае говорящий пытается донести информацию о том, что он испытывает чувство вины из-за совершенного действия

или действия, которое он намерен совершить («*Es tut mir wirklich leid, ich weiß nicht, was da in mich gefahren ist*»). Иногда представители немецкой культуры приносят свои извинения для установления контакта или при обращении с просьбой («*Entschuldigung, könnten Sie mir helfen?*»). Следует отметить также, что немецкие школьники приносят извинения учителю за свои языковые ошибки, когда им делают замечания («*Entschuldigung, könnten Sie das noch einmal wiederholen*») [5. С. 46].

Образованные люди старшего возраста в своей речи употребляют лексемы «*Verzeihung, verzeihen*» («*Verzeihen Sie bitte!*»). «*Verzeihung, verzeihen*» употребляются также при просьбе простить за серьезный проступок, ошибку.

Выражение «*Wie kann ich das nur gutmachen?*» – *Как же мне поправить дело/загладить свою вину?*» используется в том случае, когда говорящий признает свою вину и при этом демонстрирует активное желание исправить сделанную ошибку. Данное выражение употребляется в большей части в неофициальном общении, в том случае, когда социальный статус адресата не ниже статуса адресанта.

Официальная формула извинения лишена эмоциональности (*sich entschuldigen, bitten um Entschuldigung/ Verzeihung*). Данная форма немецкого извинения более употребительна в письменной речи среди деловых партнеров («*Ich möchte mich bei Ihnen entschuldigen!*») «–*Я должен извиниться перед Вами!*»). «*Verzeihen*» также является официальной формой извинения и употребляется чаще всего в устной речи («*Verzeihen Sie mein Versehen /meinen Fehler!*») «– *Простите мое упущение/ мою ошибку!*»)

Необходимо также отметить стремление представителей немецкой культуры к установлению контакта с собеседником. Установление контакта с собеседником, поддержание с ним общения предполагает в немецком языке выбор форм с «*du*» или «*Sie*». Общение на «*Вы*» – «*Sie*» свидетельствует о вежливости и употребляется при обращении: к незнакомому, малознакомому адресату; в официальной обстановке общения; при подчеркнута вежливом, сдержанном отношении к адресату; к равному и старшему (по возрасту, положению) адресату. Общение на «*ты*» – «*du*» употребляется при обращении: к хорошо знакомому адресату; в неофициальной обстановке общения; при дружеском, фамильярном отношении к адресату; к равному и младшему (по возрасту, положению) адресату.

Соблюдая правила вежливого общения, необходимо знать не только формы извинения, но и как правильно реагировать, отвечать на извинения со стороны собеседника. Ответные реплики зависят от вида извинения, конкретной ситуации, связаны с выполнением условий успешности. Так, например, извинения, касающиеся языкового выражения, не обуславливают никаких специфических последующих реплик адресата, тогда как извинения за ущерб, как правило, вызывают в ответ согласие принять извинение, минимизацию ущерба или отказ.

Согласие принять извинение: наиболее употребительной ответной репликой здесь является выражения «*Ich verzeihe Ihnen!*».

Минимизация ущерба: между согласием принять извинение и минимизацией существует переходная зона, и многие языковые выражения используются в обеих функциях. В повседневном общении в немецкоязычной культуре этикет требует минимизации неправильного поведения – в особенности при извинении по незначительным поводам. J. Rehbein называет этот феномен «сведение к пустяку» (*Bagatellisierung*) и приводит следующие немецкие примеры: *Das war ja nicht so gemeint!* (Да ничего страшного); *Ist ja Unfug* (Какая ерунда); *War ja nur ein Ausrutscher von dir* (Это же ты нечаянно). (Приводится по: 2. С. 45).

Отклонение извинения: для личных отношений между говорящим и адресатом отказ принять извинение означает, что адресат всё ещё сердится или обижен. (*Was Franz sagt, klingt verständlich. Nein, ich kann Verrat nicht entschuldigen. «Ich habe keine Berichte geschrieben», sagte Lisa* [7]).

Поучение: такая ответная реплика содержит принятие извинения, но дополняется при этом поучительной фразой по отношению к виновному или же объяснением его неправильно поведения. (*Ein Kind. Wir verzeihen dir gar nicht. Du sollst deinen Willen haben* [7]).

Таким образом, извинение обладает культурно-специфичными особенностями. Одна и та же форма извинения может быть по-разному воспринята в разных культурах. Поэтому правила речевого этикета разных культур также влияют на успешность речевого акта извинения. Очевидно, что реплики, следующие за извинением, как правило, содержат слова извинения и модальные глаголы. На содержание ответных реплик влияют произнесённые виновником слова извинения. Отказ принять извинение может вызвать повторное извинение причинившего ущерб.

Список литературы

1. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл. – 2009. – 319 с.
2. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: автореф. диссер. ... д-ра филол. наук / Л. В. Куликова. – Волгоград, 2006. – 45 с.
3. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры/ Пер. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры. – 2003. – 272 с.
4. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. – М. – 2000. – 624 с.
5. Формановская Н. И., Соколова Х. Р. Речевого этикет. Русско-немецкие соответствия: Справочник. – 2 – изд., исп. и доп. – М.: Высш. шк. – 1992. – 95 с.
6. Brown, P., Levinson, S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 2 verb. Auflage. – 1987. – 345 p.
7. DWDS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dwds.de>

О. В. Григорьева

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЛЕСНОЙ
И ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)****LINGUOCULTURAL CONCEPTS OF COLOR TERMS
IN THE INDIVIDUAL AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD**

В статье рассматриваются основные ресурсы пополнения терминологии языка профессиональной коммуникации лесной и деревообрабатывающей промышленности на материале русского и итальянского языков.

The paper studies basic sources of term formation in special languages of wood and woodworking industry in Russian and Italian languages, taking account of the elements that play a role in building of terminology system: the participants of communication, the circumstances of their work, extralinguistic factors.

Ключевые слова: язык профессиональной коммуникации, формирование специальной лексики, терминообразование, профессиональный язык лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Keywords: special language, term formation, wood and woodworking industry.

Широкое распространение антропоцентрического подхода в лингвистике привело к возрастанию интереса лингвистов к использованию различными специалистами языка при решении своих профессиональных задач. Уже не требует доказательств то, что «язык как продукт человеческого сознания не может быть рассмотрен вне человека, вне его взаимодействия с окружающим миром» [1. С. 3]. Тяжелые условия труда, глубокие корни и одновременно достаточно интенсивное развитие отрасли делают лесную и деревообрабатывающую промышленность перспективным полем изучения терминологии.

Лексика профессионального языка работников лесной и деревообрабатывающей промышленности по своему составу является разнородной и состоит как из слов исконно русских (плаха, пропил, хлыст) или итальянских (*fascia* (пласть пиломатериала), *azzurramento* (синева древесины)), так и заимствованных (фаут, шпунтовать, *pallet* (поддон), *impreg* (импрег)), старых (жердь, тесать, тесина) и новых (*laminazione* – ламинирование). Это обусловлено длительным характером формирования терминологической базы лесной и деревообрабатывающей промышленности, экстралингвистическими факторами и неоднородностью источников и способов ее пополнения.

Одним из традиционных ресурсов является использование слов общелитературного языка. Отсюда консубстанциональные термины (*operatore* (оператор), *frassino* – ясень, *pioppo* – тополь). Другой способ перехода слов общелитературного языка в термины – семантическое преобразование. Поскольку формирование терминологической системы языка лесной и деревообрабатывающей промышленности происходило в XVIII веке на базе существовавшей издревле терминологии лесопильного промысла, одним из наиболее продуктивных механизмов являлась метафоризация. Как для русских, так и для итальянских специалистов лесной промышленности при выборе основания для метафорического наименования очевидна ориентация на человека и то, что его окружает. Мы выделили следующие области в качестве источников метафор: названия частей тела человека и обозначения его физических и психических качеств (*fascia* – пласть (букв. лицо), *ferita da resinazione* – карпа (букв. рана)); животный мир (*spina di pesce* – укладка паркета «ёлочкой» (букв. рыба кость), *nido di nodi* групповые сучки (букв. гнездо сучков)); природные явления (*raggio del legno* – сердцевинный луч древесины; рябь шпона); элементы гардероба (*tasca di resina* – смоляной кармашек, *rigatino* – рисунок древесины, напомина-

ющий полосатую ткань (букв. полосатая материя), *fiammato* – определенный рисунок древесины, возникающий при тангенциальном распиле (букв. ткань «с подпалинами»), *pannello rivestito* – многослойный щит (букв. одетый), *nodo a spillo* – здоровый сучок, диаметром не больше 5 мм (букв. сучок с булавку), *scarpa* – кронштейн для перпендикулярного соединения бруса (досл. башмак); в итальянском языке – музыкальные инструменты (*giunto a becco di flauto*); в русском языке – семья (пасынок – порок древесины в виде крупного сучка или отставшей в росте второй вершины, пронизывающий сортимент под очень острым углом к его продольной оси на значительном протяжении), цвет (краснуха – начальная стадия внутренней гнили красного цвета; синева – серая окраска заболони с синеватыми или зеленоватыми оттенками; бельник/беляк – окоренное бревно белого цвета).

С развитием производства и установлением международных экономических контактов в профессиональном языке лесной и деревообрабатывающей промышленности появились заимствованные наименования. Источником пополнения лексики русского профессионального языка стал главным образом немецкий язык.

Общеизвестен факт, что в петровскую эпоху большое количество немецких специалистов приезжало в Россию для обучения и внедрения новых технологий, в том числе и в области плотницкого ремесла и кораблестроения. Именно в этот период в русском языке появилось много немецких слов – наименований плотницкого инструмента. В эту группу заимствований входят названия различных видов стамесок: майзель (нем. *Meißel*); названия рубанков: грунтубель (нем. *Grundhobel*), шерхебель (нем. *Scharhobel*) и другого ручного инструмента: зензубель (нем. *Simshobel*).

Заимствования в итальянском языке профессиональной коммуникации лесной промышленности объясняется тесными связями с другими европейскими странами.

Как в русском, так и в итальянском профессиональном языке лесной и деревообрабатывающей промышленности отмечено большое количество заимствований из английского языка.

Россия закупала лесопильное оборудование у зарубежных партнеров, обладающих более современными средствами производства. В результате в русском языке появились следующие названия станков: эджер (англ. *edger*) – многопильный обрезающий станок, триммер

(англ. *trimmer*) – многопильный торцовочный агрегат с самостоятельным управлением пил, слешер (англ. *slasher*) – многопильный торцовочный станок со стационарной установкой пил. В итальянском языке, в связи с высоким уровнем развития станкостроения, необходимости в таких заимствованиях не возникло, и используются исконно итальянские названия: *bordatrice*, *trancatrice*.

Напротив, в области производства древесностружечных плит в итальянском языке преобладают заимствования. Наряду с заимствованными терминами, имеющими аналог в итальянском языке (*cips* (англ. *chips*) – *particelle* – древесная стружка) используются термины, которые пришли как готовые языковые единицы вместе с понятиями и реалиями, наименованиями которых они являются (*flake*, *strand*, *wafer*, *sliver* – разновидности стружек как сырья для изготовления древесных композиционных материалов). В русском языке названий для данных понятий нет. Встречаются только описательные ненормированные названия (*strand* – плоская стружка / щепы / крупноразмерная узкая и длинная стружка; *wafer* – «вафельная» стружка: частицы приблизительно квадратной формы). Объясняется это тем, что последний нормативный документ, регламентирующий названия в этой области относится к 1972 году (ГОСТ 18110-72 Плиты древесностружечные. Технология. Термины и определения).

Исследователи выделяют два основных способа заимствований: прямое заимствование, при котором иноязычное слово принимается полностью, и косвенное, когда иноязычный образец переводится по частям средствами своего языка (калькирование).

Калькирование является довольно распространенным способом пополнения специальной лексики. Прямыми заимствованиями в итальянском и русском профессиональных языках лесной и деревообрабатывающей промышленности являются:

из французского языка: *fresa* – фреза (фр. *fraise* «земляника», подобное метафорическое наименование появилось в технике, учитывая перенос по внешнему сходству: первые фрезы напоминали землянику по форме), *carter* – картер (фр. *carter*), *autoclave* автоклав (фр. *autoclave*), фаут (фр. *faute*), шагрень (фр. *chagrin*), фаска (фр. *facette* – досл. грань);

из немецкого языка: нагель (нем. *Nagel*), фальц (нем. *Falz* – паз, сгиб), шпindel (нем. *Spindel* досл. веретено), штабель (нем. *Stapel*), стамеска (нем. *Stemmeisen*, *stemmen* – долбить,

Eisen – железо), шлифовать (schleifen досл. точить, полировать), рейсмус (состоит из двух слов reißen – чертить и Maß – мера);

из итальянского языка в русском: слега (slega);

из польского языка: гонт (gont);

из латинского языка: cambio – камбий (лат. cambium обмен), difetto – дефект (лат. defectus недостаток, недочет), adesione – адгезия (лат. adhaesio) adsorbimento – адсорбция (absorbēre), scalpello (стамеска);

из английского языка: pallet – профессионализм палета (англ. pallet) compreg – компрег (англ. compregnated wood); бимсы (англ. beams); ванчѐс (англ. wainscot) – брус с тремя отесанными сторонами; диленс (англ. deal ends) – пиломатериал досковых размеров в поперечном сечении, по длине 2,4 м и короче; кант (англ. cant) – четырехгранный брус; стрипсы (англ. strips) – пиломатериал толщиной менее 51 мм, шириной менее 100 мм; стрингеры (англ. stringers) – продольные балки; скентлинги (англ. scantling) – чистообрезной пиломатериал хвойных или лиственных пород; тимбер (англ. timber) – пиломатериал; флоринг (англ. flooring) – половая доска и др.

Появление данных прямых заимствований часто обусловлено отсутствием аналогов и лексически компактных единиц. Так, термин *гонт* имел лишь описательный дефинитивный оборот – «деревянный кровельный материал в виде дощечек клиновидного сечения». Вполне объясним тот факт, что иноязычные заимствования являются более употребляемыми из-за компактности их звуковой и морфологической формы. Следовательно, их использование удобнее и предпочтительнее.

Нередко от заимствованных специальных наименований посредством присоединения к иноязычной основе русского аффикса образуют новые понятия. В данном случае мы имеем дело с гибридными терминами или гибридотерминами, как их называет С. В. Гринев. [2. С. 63].

Заимствованные термины рейсмус, фреза, цикля, чокер дали русскому профессиональному языку лесной и деревообрабатывающей промышленности ряд производных – рейсмусовый (станок), рейсмусовать, рейсмусование; фрезерный (станок), фрезеровать, фрезерование, фрезеровщик; циклевать, циклевание; чокаровка, чокерный (крюк).

Многие специальные наименования, называющие способы и виды работ, образованы при помощи заимствованного немецкого корня и русских глагольных суффиксов -ова, -ева,

которые отражают все основные виды технологических операций: рейсмусовать (reißen), рифлевать (riffeln), фуговать (fugen), шлифовать (schleifen), шпунтовать (spunden), циклевать (ziehklingen).

Общеизвестно, что подязыки науки, техники и различных производств во многом пополняются за счет интернациональной лексики. Не является исключением и профессиональный язык лесной и деревообрабатывающей промышленности, который имеет в своем составе такие интернационализмы, как: aspirazione – аспирация (обработка воздухом), adesione – адгезия, adsorbimento – адсорбция, collasso – коллапс (дефект сушки древесины, представляет собой довольно резкое сжатие (сморщивание) волокон древесины), и т.д.

Между тем, следует отметить, что введение новых интернационализмов не всегда является целесообразным. Мы полностью разделяем точку зрения В. П. Даниленко и других терминоведов и считаем, что «это лишь один из источников формирования терминологии и его использование должно быть обоснованным» [3. С. 168]. Не следует искать иноязычное слово и вводить его в употребление, если в родном языке существует привычное и мотивированное наименование с тем же значением, компактное по своей форме. Показательны в этом смысле следующие примеры исконных и заимствованных наименований, которые сосуществуют на данный момент в профессиональном языке лесной и деревообрабатывающей промышленности: интернационализм pallet имеет аналоги в итальянском языке paletta, pedana, pancale, bancale. В русском языке профессиональной коммуникации *палета* используется в устной речи, контрактах и объявлениях, хотя ГОСТ отмечает этот термин как недопустимый и рекомендует к употреблению слово из литературного русского языка – поддон. Другие примеры: choker – gancio scorrevole (скользящий чокерный крюк); cips – particelle (древесная стружка); коммон – рядовой сорт пиломатериала; тимбер – пиломатериал; флоринг – половая доска.

Следует отметить, что употребление исконных и заимствованных наименований носит ситуативный характер. Подобное явление ведет к появлению синонимии специальных наименований в исследуемом языке. Иногда сосуществование термина при наличии семантического дуплета в родном языке противоречит таким критериям, как нормативность, упорядоченность, стандартизированность терминологии.

Еще один источник пополнения специальных наименований языка лесной и деревообрабатывающей промышленности – это привлечение лексических единиц из других областей науки, техники, производства.

Нами отмечены заимствования из:

- математики (taglio radiale – радиальный распил, taglio tangenziale – тангенциальный распил),
- механики (circolazione inversa – реверс циркуляции),
- физики (anisotropo – анизотропный, essiccazione di convenzione – конвекционная сушка),
- биологии (midollo doppio – двойная сердцевина),
- медицины (cancro – рак (углубление или вздутие, возникающее на поверхности растущего дерева в результате деятельности грибов или бактерий); ferita – рана),
- орнитологии и зоологии (occhio di Pernice глазок (букв. глаз куропатки)) и др.

Значительно влияние общетехнической лексики на язык профессиональной коммуникации лесной и деревообрабатывающей промышленности. Это неслучайно, так как рабочие применяют на производстве различные станки и механизированное оборудование. Можно отметить такие межотраслевые заимствования, как affilatura – заточка (операция, обеспечивающая получение инструмента с оптимальной геометрией режущей части); essiccazione – сушка (процесс удаления влаги из древесины путем испарения); fresatura – фрезерование (механическая обработка древесины, при которой происходит резание вращающимися фрезами).

Термины, относящиеся к названиям узлов и деталей лесопильного и деревообрабатывающего оборудования, полностью представлены заимствованиями из общетехнической лексики: corpo – корпус, motore – двигатель, riduttore – редуктор, rullo di pressione – прижимной ролик, sega – пила, telaio – рама, постав, постель, volantino – маховичок, catena a cingoli – гусеничная цепь и т.д.

Интересным источником пополнения языка профессиональной коммуникации лесной и деревообрабатывающей промышленности являются диалекты. Использование диалектных по происхождению слов в этой области обусловлено тем, что эти термины восходят к промысловым профессиональным наименованиям, которые часто были связаны с определенными территориальными ограничениями.

В качестве примера можно привести диалектальный по своему происхождению термин canastro («Tipo di legno di reazione che si forma nella porzione inferiore della sezione trasversale dei rami e nei fusti inclinati delle conifere. Anatomicamente è caratterizzato da una sezione trasversale arrotondata delle tracheidi, dalla presenza di fessurazioni elicoidali e da una maggior deposizione di lignina a carico della parete cellulare delle stesse» [4. С. 160–161]. (крень – изменение строения древесины хвойных пород в сжатой зоне ствола и сучьев, проявляющееся в виде кажущегося резкого утолщения поздней древесины годичных слоев).

Этот термин-слово короче соответствующего ему словосочетания общеупотребительного итальянского языка *legno di compressione*, благодаря чему прочно вошел в терминосистему профессионального языка лесной и деревообрабатывающей промышленности Италии.

Как правило, термины-диалектизмы, встречающиеся в современном профессиональном языке лесной и деревообрабатывающей промышленности, представляют собой явление реликтовое и не являются постоянно действующим источником формирования терминологии.

Еще одним необычным ресурсом, свойственным изучаемой терминосистеме, являются просторечия.

Просторечие нельзя считать постоянным и активным источником пополнения терминологической лексики. Многочисленность данной группы специальной лексики в профессиональном языке лесной и деревообрабатывающей промышленности объясняется, как и в случае с использованием диалектизмов, давним временем формирования исследуемой терминосистемы, тяжелыми условиями труда и особенностями языковой личности.

К терминам – просторечным по происхождению словам относятся: *пролыска* (грубая окорка с удалением коры полосами по всей длине), *гребешок* (участок необработанной поверхности сортимента в виде узкой полосы, выступающей над обработанной поверхностью, возникающий в результате дефекта режущей кромки инструмента), *хлыст* (очищенный от сучьев ствол поваленного дерева без отделенных от него прикорневой части и вершины).

Интересно отметить, что отдельные элементы этого пласта лексики проникают в общерусскую разговорную речь: широко употребляются такие специальные наименования на основе просторечия как: *горбыль* (боковая часть бревна, имеющая одну пропиленную, а другую

непропиленную или частично пропиленную поверхность, с нормируемой толщиной и шириной такого конца), *пиловочник* (бревно для выработки пиломатериалов общего назначения) и др.

Таким образом, можно отметить взаимное проникновение лексических единиц общелитературного языка, просторечий, диалектов, терминологий смежных отраслей.

Особенностью формирования лексики языков профессиональной коммуникации является то, что в отличие от слов общелитературного языка, термины используются и создаются в рамках достаточно узкой, профессионально-ориентированной группы. В гораздо меньшей степени это стихийный процесс, поскольку наименования понятий возникают вследствие необходимости в процессе производственной деятельности и часто обусловлены появлением нового оборудования, технологического процесса. Следовательно, легче отследить время появления терминологических единиц, их авторов, причины возникновения.

Выявленные отличия от характерных для других языков профессиональной коммуникации источников пополнения лексики обуслов-

лены спецификой языковой личности работников лесной и деревообрабатывающей промышленности. В связи с чем, нам представляются интересными исследования языковой картины мира данных специалистов, дискурсивных особенностей текстов профессиональной коммуникации в этой области.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ) : дис. ... докт. филол. наук / Е. И. Голованова. – Челябинск, 2004. – 367 с.
2. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Московский Лицей, 1993. – 309 с.
3. Даниленко, В. П. Русская терминология : Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Изд-во «Наука», 1977. – 247 с.
4. Zanuttini, R. Xiloglos: glossario multilingue dei termini usati in tecnologia del legno : Contributi scientifico-pratici per una migliore conoscenza ed utilizzazione del legno / R. Zanuttini, G. Castro, S. Berti. Firenze, 1998. -URL : <http://www.populus.it/>

Ю. Н. Грицкевич, С. В. Лукьянова, Л. М. Попкова
Псковский государственный университет
(Псков, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ИНОСТРАНЦА В ЕЕ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ РЕГИОНА

LINGUISTIC WORLDVIEW OF A FOREIGNER AS DETERMINED BY REGIONAL CULTURAL BACKGROUND

Статья посвящена осмыслению проблем преподавания русского языка как иностранного в их связи с формированием иноязычной социокультурной компетенции, предполагающей комплекс знаний не только о языке, но и о ценностях, верованиях, поведенческих образцах, традициях, достижениях культуры. Теоретические положения иллюстрируются примерами из учебно-методического пособия, созданного исключительно на региональном псковском материале, так как в нем отражаются особенности национальной картины мира. Такой материал помогает изменить сложившиеся в сознании иностранных граждан стереотипы в оценке русской культуры.

The article considers issues of teaching Russian as a foreign language as related to developing the social and cultural competence in a foreign language, involving both language-related knowledge and a body of knowledge referring to values, beliefs, behavioral patterns, traditions, and cultural achievements. Theoretical concepts are illustrated by the examples from a training manual based exclusively on the Pskov regional material as it reflects the national worldview peculiarities. This material helps to eliminate existing stereotypes that influence the way foreigners evaluate Russian culture.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, языковая картина мира.

Keywords: Russian as a foreign language, linguistic worldview.

Специалисты, разрабатывая актуальные направления методики преподавания русского языка как иностранного, в последнее время все чаще вводят и понятие дискурса в методические разработки. При этом в дискурсе выделяют следующие важные для преподавания русского языка как иностранного современные черты: «дискурс есть социальный феномен, в основе которого лежат этические ценности; дискурс представляет собой особый, ограниченный фрагмент ментального мира, его определяет личность говорящего, речевая ситуация, особенности социальной группы, национальная культура; дискурс рассматривается как взаимодействие (интеракция) между говорящим и слушающим, то есть как диалог, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания» [2. С. 69-70]. Запросы современного образовательного сообщества требуют новых форм и подходов в работе с иностранными студентами [3].

Преподавание русского языка как иностранного самым непосредственным образом связано с вопросами национально-культурной специфики речевого общения, формирования национально-культурной и языковой картин мира, а также вопросами включения в образовательный процесс тех лексических единиц и тех материалов, которые репрезентируют русскую ментальность. Общеизвестно, что язык участвует в формировании способа мышления и восприятия окружающей действительности. В процессе изучения иностранного языка мы начинаем постигать иную национальную картину мира, другую систему ценностей. Языковой материал, возможно, как никакой другой, в ходе его изучения способствует установлению равноправного и уважительного диалога культур и в то же время создает у студентов отношение к языку как национально-культурной ценности. На недостаточность и актуальность исследований презентации языка в образовательном процессе как национально-культурной ценности в последнее время указывается все чаще: подход к преподаванию русского языка как национально-культурной ценности не только позволяет эффективно формировать социокультурную и межкультурную компетенции у иностранных обучающихся, но и является действенной формой воспитательной

работы. Включение иностранцев в культурное пространство региона с помощью языкового материала создает такую организованную преподавателем, но в целом естественную педагогическую ситуацию, когда иностранные обучающиеся поставлены перед необходимостью осваивать формы и способы вербального и невербального русского коммуникативного поведения, поведенческие стратегии межличностного взаимодействия, постепенно постигать русскую национальную картину мира.

В процессе изучения иностранного языка языковая личность должна овладеть языковой картиной мира другого народа, т. е. у обучающегося появляются черты вторичной языковой личности, способной понять дух, суть культуры народа, с которым может осуществляться межкультурная коммуникация [4]. Формирование черт вторичной языковой личности у иностранного обучающегося предполагает применение новых методологических разработок, в том числе культурологических образовательных концепций. Проблема культурологического подхода в преподавании русского языка, значимость разработок методических систем, направленных на постепенное вхождение обучающегося в инокультуру с помощью языкового материала, имеющего ценностно-смысловой характер, становится все более актуальной.

При отборе языкового материала и создании адаптированных текстов необходимо учитывать содержательную, культурологическую и познавательную ценность вводимого материала. Привлечение регионального материала обусловлено целым рядом факторов, в том числе и возможностью одновременного с изучением русского языка знакомства с историей и историческими объектами, культурой как отдельно взятого региона, так и страны изучаемого языка в целом. Наличие уникальных культурно-исторических объектов в Псковском регионе дает возможность создавать и реализовывать уникальные культурно-образовательные программы по русскому языку для иностранных граждан. В рамках таких программ отраженная в системе заданий по русскому языку культурно-значимая информация может стать организующим началом цикла занятий по русскому языку как иностранному, а также основой куль-

турно-образовательных программ-экскурсий. Образовательные и культурные международные контакты – один из наиболее эффективных способов продвижения знаний об истории и культуре страны изучаемого языка: знакомство с историей и историческими объектами, культурой, литературой отдельно взятого региона – сильнейший побудительный мотив к изучению русского языка, русской литературы и культуры.

В настоящее время международный культурно-образовательный туризм представляет собой одну из наиболее быстро развивающихся отраслей сферы образовательных услуг. Изучение русского языка как иностранного во многом мотивировано не только познавательными установками иностранных граждан к изучению другого языка, не только практическими установками, обуславливающими профессиональный, карьерный рост человека, но и стремлением иностранных граждан постичь русскую культуру, менталитет русского народа, что способствует вхождению в культуру изучаемого языка и преодолению культурного барьера в общении.

Исследователями предлагается «особое внимание уделять формированию иноязычной социокультурной компетенции, которая предполагает формирование комплекса знаний о ценностях, верованиях, поведенческих образцах, обычаях, традициях, языке, достижениях культуры, свойственных определенному обществу и характеризующих его, а также социокультурных навыков, умений и способностей» [1. С. 8]. Если между членами одной культурной и языковой общности легко происходит декодирование языковых знаков, имеющих и функцию знаков культуры, то в условиях межкультурной коммуникации не всегда знание языка позволяет иностранцам адекватно воспринимать информацию, что может быть одной из причин межкультурных конфликтов в различных сферах коммуникации.

В процессе работы с материалом, содержащим языковые знаки, выполняющие функции знаков культуры, происходит аккультурация иностранных обучающихся, включение их в новый культурный фон. Привлечение регионального материала при обучении русскому языку как иностранному закономерно: в таком материале отражаются особенности национальной картины мира, и, что очень важно, воспроизводятся значимые концепты, национальные образы и символы. Очевидно, что освоение системы значений и системы смыслов,

познание места, роли этих значений и смыслов в русской культуре без постижения важнейших культурно значимых духовных ценностей, важнейших культурных кодов будет препятствовать глубокому освоению русского языка как иностранного.

Региональный материал помогает изменить сложившиеся в сознании иностранных граждан стереотипы в оценке русской культуры, способствует скорейшей аккультурации иностранных обучающихся. Иностранец в ходе работы с таким материалом сталкивается с проблемой наложения двух культурно-ценностных систем – родной страны и страны изучаемого языка, чтобы научиться декодировать концептуально значимые образы и весь текст в целом. Как у носителя иного языка и иной культуры в сознании иностранца уже сформирована иная шкала ценностей, иные ассоциативные связи и иная символика. Национальные стереотипы предопределяют часто отличное от устоявшегося в стране изучаемого языка отношение к тем или иным событиям, явлениям и объектам действительности. В основе образных ассоциаций лежат национально-культурные архетипы, такие ассоциации отражают национальные особенности мышления, результаты мыслительного освоения народом окружающего мира. Изучение лексических единиц с так называемой культурной коннотацией оказывается наиболее сложным для иностранца, но является обязательным для полноценной коммуникации на изучаемом иностранном языке.

Изложенные теоретические позиции нашли практическое воплощение в созданном учебно-методическом пособии «Добро пожаловать в Псков!», имеющем широкую адресацию. Особое геополитическое положение Псковской области, наличие уникальных исторических объектов позволили создать тексты, освещающие прошлое и настоящее Земли Псковской в истории России.

Эти тексты посвящены Псковскому Кремлю, Псково-Печерскому Свято-Успенскому монастырю, Изборской крепости, Собору Спаса Преображения, Мирожскому монастырю, памятникам княгине Ольге, Александру Невскому и др. В них воплощается история древнего Пскова.

В текстах, описывающих Мемориал «Память», Стелу «Псков – город воинской славы», памятник десантникам 6 роты Псковской дивизии, предстает Псков – город воинской славы. Дополняют картину тексты, посвященные областным центрам: Новоржеву, Гдову, Пор-

хову, Себежу, Острову, Пушкинским Горам.

Так, Псковскому Кремлю посвящен текст «Псковский Кремль – сердце города»:

Рассказывать о Псковском Кремле очень сложно, потому что из этой древней крепости вырос целый город. Именно на этом месте началась история Пскова около 2000 лет назад.

Кремль представляет собой непреступную крепость площадью 3 гектара, защищенную высокими каменными стенами, рвами и сторожевыми башнями. Он стоит на большой скале между двух рек. Маленькая река Пскова впадает в большую реку Великую. Они защищали город и его жителей.

Существует красивая легенда о том, почему именно на этом месте решили строить крепость. Однажды княгиня Ольга, жена князя Игоря, плыла в лодке по реке. Погода была плохая. На небе висели темные тучи. И вдруг с неба засияли три ярких солнечных луча и пересеклись на этой скале. Ольга была удивлена и приказала в этом месте построить Храм. Так началось строительство Троицкого собора. Место действительно уникальное, потому что купола Троицкого собора видны издалека со всех сторон при подъезде к городу.

Современный Троицкий собор – это уже четвертая церковь. Первый деревянный храм, возведенный по указу княгини Ольги, сгорел в начале 12-го века. Два последующих собора, построенных уже в камне, тоже были уничтожены временем. Строительство ныне существующего собора завершилось в 1699 году. Величественное здание высотой 72 метра возводили московские зодчие более 15 лет. Кроме великолепной архитектуры собор примечателен своим интерьером. Здесь расположен деревянный позолоченный иконостас XVIII в. Неподалеку расположена колокольня собора – самая высокая постройка Кремля. Она была возведена в XVIII в. на фундаменте старинной башни.

Кремль окружен кольцом каменных стен. В среднем они имеют высоту 12 метров и толщину 4 метра. Башни кремля служили основными оборонительными сооружениями. К сожалению, в 2010 году две из них были уничтожены страшным пожаром, но сейчас они полностью восстановлены. Внутри башен туристам попасть нельзя, как и подняться на стены.

Лучшим временем для визита является вечер, потому что можно услышать красивый колокольный звон.

Каждый из созданных текстов имеет английский аналог. Для текста «Псковский Кремль – сердце города» перевод выглядит следующим образом:

Pskov Kremlin – the heart of the city

It is very difficult to talk about the Pskov Kremlin because the whole city grew out of this ancient fortress. Right at this spot began the history of Pskov about 2000 years ago.

The Kremlin is the impregnable fortress with area of 3 hectares protected by high stone walls, moats and watchtowers. It is located on a large rock between the two rivers. The little river called Pskova flows into the big river called Velikaja. They protected the city and its citizens.

There is a beautiful legend about the reason why this place was chosen to build a fortress at. Once upon a time Princess Olga, the wife of Prince Igor, was floating in a boat. Suddenly three sun rays started shining brightly from the heavens and crossed on this rock. Olga was astounded and ordered to build a temple on this place. Thus began the construction of the Trinity Cathedral. The place is really unique, because the domes of the Trinity Cathedral can be seen from afar from every side when one approaches the city.

The modern Trinity Cathedral is already the fourth church built on this place. The first wooden construction built by order of Princess Olga, burned down in the early 12th century. Two subsequent Cathedrals, built already in stone, were destroyed by time. The construction of now existing Cathedral was completed in 1699. The Moscow architects were erecting this magnificent building for more than 15 years. Its height is 72 meters. Besides the grand architecture the cathedral is remarkable for its interior. There is a gilded wooden iconostasis of the XVIII century. The bell tower, which is the tallest building of the Kremlin, is located nearby. It was built in the XVIII century on the foundations of an ancient tower.

The Kremlin is surrounded by a ring of stone walls. On average, they have a height of 12 meters and a thickness of 4 m. The Kremlin towers served as major defensive fortifications. Unfortunately, in 2010, two of them were destroyed by a terrible fire, but now they are completely restored. Tourists are not allowed inside the towers as well as they are forbidden to climb the walls.

The evening is the best time to visit, because then you can hear the beautiful sound of church bells ringing.

Наличие переводного текста расширяет возможности работы с ним, позволяя адресовать

этот текст обучающимся разного уровня подготовки.

Каждый из созданных текстов сопровождается заданиями. Это могут быть задания:

- фонетического характера (*слушай и повторай и др.*);
- лексического характера (*в тексте есть незнакомые слова, найдите их значения в словаре; найдите и соедините синонимы; найди и соедини антонимы – слова, противоположные по смыслу и др.*);
- морфологического характера (*образуй по образцу формы множественного числа существительных; поставь глагол в нужную форму по образцу; рядом с глаголами совершенного вида (СВ) напиши глаголы несовершенного вида (НСВ) из текста и др.*);
- синтаксического характера (*составь словосочетания по образцу, поставь словосочетание в следующие предложения, восстанови предложения и др.*).

Все они способствуют осмыслению содержательной стороны текста, позволяя ответить на вопросы собственно текстового характера. Предлагаются читателям и задания, раскрывающие национально-культурную специфику речевого общения и поведения.

Так, приведенный текст «Псковский Кремль – сердце города» содержит не только вопросы, направленные на работу с его содержанием (*посмотрите на картинку и подчеркните слова, которые могут к ней относиться; прочитайте текст и найдите ответы на вопросы; отгадайте загадки и выберите правильный ответ*), с его грамматическими особенностями (*выпишите из текста все глаголы в прошедшем времени; используйте выписанные глаголы и перескажите легенду из текста*), но и вопросы, помогающие читателю освоить поведенческие образцы, свойственные русской культуре (*найдите в тексте ответ на вопрос, что запрещено делать туристам; посмотрев на картинки, составьте предложения по образцу, ответьте на вопрос, что еще нельзя делать в Троицком Соборе*).

Все тексты и задания учебно-методического пособия «Добро пожаловать в Псков!» сопровождаются яркими фотографиями, раскрывающими неповторимый облик древнего города, рисунками и т. д., что должно сделать это пособие еще более привлекательным.

Таким образом, работа с региональным материалом с точки зрения его лингвокультурной, коммуникативной значимости позволяет выявить возможности использования такого материала как средства постижения русской языковой картины мира иностранными гражданами, вовлечения их в духовно-культурную среду страны изучаемого языка и региона, где реализуется образовательная программа по русскому языку как иностранному. Образовательная, языковая и культурная среда страны изучаемого языка должны привлекаться на занятиях по русскому языку как иностранному как цельная и единая система.

Список литературы

1. Александрова, Д. С. К вопросу о формировании иноязычной социокультурной компетенции студентов лингвистического факультета посредством изучения искусства страны изучаемого языка / Д. С. Александрова // Вопросы методики преподавания в вузе. 1(15) 2012., СПб., 2012. – С. 8.
2. Балыхина, Т. М. Методические рекомендации по разработке программ повышения квалификации с учетом образовательной и языковой среды стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья / Т. М. Балыхина. – М., 2013. – С. 69-70.
3. Нахабина, М. М. Описание содержания обучения РКИ с учетом когнитивно-прагматических целей / М. М. Нахабина, Н. И. Соболева, В. А. Степаненко. – М., 2008.
4. Халеева, И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / И. И. Халеева // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – М., 1995.

Ю. Д. Добашина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДМЕТА ПОХВАЛЫ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ
(на материалах телешоу «The Voice UK» и «Голос»)**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF SUBJECT OF PRAISE IN ENGLISH
AND RUSSIAN COMMUNICATIVE BEHAVIOR**

Статья посвящена изучению предмета похвалы в английском и русском коммуникативном поведении на материале телевизионного шоу 'The Voice UK' и его русскоязычного аналога – «Голос». В статье раскрывается понятие речевого акта, анализируются различные подходы к классификации «похвалы» как самостоятельного речевого акта. Лингвистические средства реализации речевого акта «похвала» описываются в соответствии с прагматическими задачами и особенностями английского и русского коммуникативного поведения.

This article analyses the thing praised in the 'praise' speech act in English and Russian communication behavior on the material of 'The Voice UK' and 'Golos' talent shows. The article defines the notion of a speech act, analyses approaches to the classification of 'praise' as a separate speech act. Characteristic linguistic properties are described in accordance with English and Russian communicative behavior peculiarities and pragmatics.

Ключевые слова: прагматика, речевой акт, английское коммуникативное поведение, русское коммуникативное поведение.

Keywords: pragmatics, speech act, English communicative behavior, Russian communicative behavior.

Одним из центральных понятий лингвистической прагматики является речевой акт. Впервые понятие речевого акта ввел представитель английской лингвистической философии Джон Остин, чьи идеи позже были переработаны его учеником, Дж. Сёрлем. По Дж. Остину, выполнить речевой акт значит: снабдить высказывание смыслом и референцией, при этом осуществив речение (англ. Locution); придать речению целенаправленность (англ. Illocution); воздействовать на сознание или поведение адресата (англ. Perlocution). Классификация речевых актов основывается на иллокутивной цели, психологическом состоянии говорящего, направлении отношений между пропозициональным содержанием речевого акта и положением дел в мире, отношении к интересам говорящего и адресата и др. [3. С. 412–413].

Следуя классификации иллокутивных актов Дж. Остина, похвалу можно отнести к классу бегахитивов, актов, выражающих реакцию на поведение, поступки человека [5. С. 132].

Существуют и другие мнения по поводу того, к какому классу относится похвала. Н.

Д. Арутюнова, например, относит комплимент и похвалу к фатическому речевому акту, цель которого – общение, а не информация [1. С. 34]. Н. А. Трофимова относит похвалу к группе инфлуктивов – речевых актов, выражающих эмоционально-оценочное отношение и эмоциональное воздействие, которые служат для говорящего своеобразными регуляторами исполнения адресатом своих социальных и межличностных ролей [8. С. 22].

Прагматика речевого акта похвалы проявляется в увеличении ценности, возвышении достоинства адресата [8. С. 183].

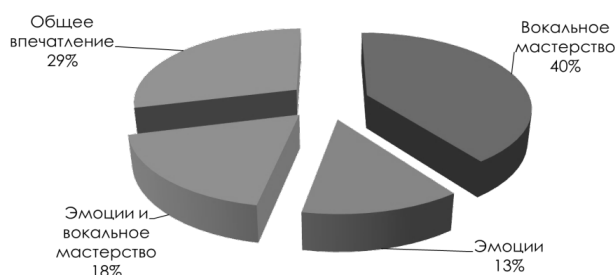
Следует отметить, что большинство социолингвистических и психолингвистических исследований, особенно зарубежных, посвящено комплименту, а не похвале (Р. К. Херберт, С. Стрейт, Н. Вольфсон, Р. В. Серебрякова). Здесь же следует сказать о том, что в работах зарубежных исследователей комплимент и похвала не дифференцируются, любое высказывание похвалы интерпретируется как комплимент. Некоторые лингвисты настаивают на дифференцировании комплимента и похвалы (О. Б. Горобец, О. С. Иссерс).

Анализ теоретического материала позволил прийти к выводу, что между похвалой и комплиментом нет четкой грани. В определённых коммуникативных ситуациях похвала может приобретать черты комплимента.

Безусловно, национальная специфика менталитета той или иной лингвокультурной общности оказывает влияние на коммуникативное поведение народа и, в том числе, определяет особенности построения речевых актов и их прагматических интенций. Исследованию английского коммуникативного поведения посвящены работы А. Вежбицкой, Т. В. Лариной, И. А. Стернина, М. А. Стерниной и др. В изучении русского коммуникативного поведения известны имена Р. А. Ермаковой, И. П. Лысаковой, Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина и др.

Рассмотрим речевой акт похвалы с точки зрения предмета похвалы. Материалом исследования послужили четыре сезона телевизионного шоу 'The Voice UK', выходящего на телеканале BBC One в 2012 – 2013 гг., и его русскоязычного аналога – телевизионного шоу «Голос», выходящего в эфир в те же годы на «Первом» канале. По предмету похвалы (т.е. тому признаку или объекту, в адрес которого высказывается похвала), выделяется несколько основных тематик: вокальные данные, эмоции, эмоции и вокальные данные, а также общее впечатление.

Диаграмма 1. Предметы похвалы в английском языке

На диаграмме 1 можно увидеть, что *вокальное мастерство* участников выступает объектом похвалы наиболее часто, что, учитывая формат шоу, было вполне ожидаемо. Такой результат подтверждает тезис о том, что похвала, оценивающая способности и профессионализм человека, занимает одну из главенствующих позиций в английской коммуникативной культуре [7. С. 77–78]. Предметом похвалы в категории «вокальное мастерство» чаще выступал голос. Также отмечались такие характеристики, как темп, диапазон, тональность, особые техники исполнения и другие музыкальные характеристики:

Your rate is mad clean, your tone is there, and your range is there.

You have a wonderful voice.

Такой тип, как *обобщающая похвала* встречается довольно часто и составляет 29% от общего количества. Примерами могут послужить как привычные фразы: *Well done; I really enjoyed that*; так и *I know that you're one of a kind*.

Похвала, характеризующая исключительно *эмоциональный аспект выступления* и внутренние моральные качества встречается наиболее редко (13%):

The emotion that you sang with is exactly the same emotion as I strived for myself to trying to get.

Чаше (18%) данный тип похвалы употребляется в качестве характеристики, дополняющей оценку профессионализма участников:

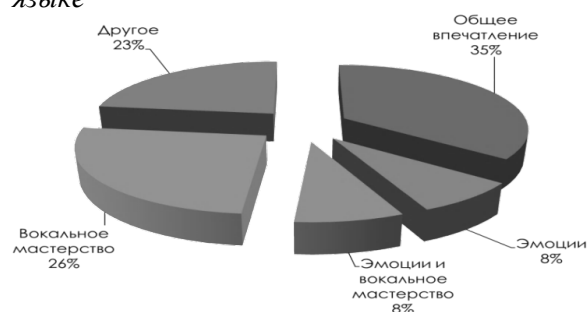
I can say by the tears on your face, what emotions you put into the performance and that's why I turned around. You got the high notes and I heard that you got a powerful voice.

Такой результат во многом объясняется форматом шоу, а также стремлением англичан уважать личную независимость собеседника, продиктованную английскими коммуникативными нормами. Именно поэтому при выражении похвалы предпочтение отдается оценке умений и конкретных действий, совершив которые адресат может проявить себя с положительной стороны.

Таким образом, было установлено, что в английской коммуникативной культуре преобладает рациональная похвала.

Практический материал на русском языке анализируется на основании тех же предметов похвалы, что были выделены в английском языке. Однако выделяется и дополнительная категория – «другое».

Диаграмма 2. Предметы похвалы в русском языке

На диаграмме 2 можно увидеть, что *общее впечатление* от выступления участников выступает объектом похвалы наиболее часто (35%) и, несмотря на формат шоу, ставит на

второе место *вокальное мастерство* участников (26%). Таким образом, можно заметить, что в русском языке положительная оценка способностей и профессионализма человека также имеет большое значение, но встречается реже, чем в английском языке. Для русского коммуниканта первостепенен общий эффект, произведенный выступлением:

Нет, ну это было великолепно, что говорить об этом.

Божественно. Просто божественно.

В категории «вокальные данные» чаще всего хвалятся голос, также отмечаются особые техники исполнения и разнообразные музыкальные характеристики:

Ещё маленький комплимент: просто в 20 лет, мне кажется, так здорово очень редко кто поёт. Именно сформировавшимся голосом, а кантилена, а фразы, все эти музыкальные дела.

При анализе материала на русском языке возникла необходимость создания дополнительной категории, так как, в отличие от англоязычного материала, значительное количество примеров (26%) нельзя было отнести ни к одной из четырех категорий. Однако ввиду того, что в качестве предмета похвалы в категории «другое» выступали разнородные понятия, создать для них отдельные категории не представилось целесообразным. Так, в рамках категории «другое» в 23% случаев хвалятся внешние данные участника, в 19% выбор песни, одинаково часто (8%) отмечается знание иностранного языка и умелое владение инструментом.

Вы блещите ярче, чем Ваш браслет, такая красивая.

Вы знаете, хочется подчеркнуть выбор песни, потому что музыка действительно магическая.

Кроме того, в качестве предмета похвалы выступают отдельные черты личности: загадочность, смелость, жизнерадостность. Иногда судьи воздерживались от комментария, утверждая, что слова излишни.

Надо обладать большой смелостью, чтобы эту вещь взять. Потому что там серьёзная эмоциональная подкорка, так что молодец.

Так, всё. У нас no words, no comments.

Такой результат свидетельствует, что даже в условиях ситуативных ограничений русскоговорящие коммуниканты склонны давать оценку понятиям, на первый взгляд не относящимся к тематике разговора. Также можно говорить о коммуникативной активности, лёгкости уста-

новления контакта с незнакомыми людьми и неяркой зоне приватности [4. С. 214].

Похвала, характеризующая исключительно *эмоциональную* составляющую выступления, а также *эмоциональную составляющую и вокальное мастерство* встречается одинаково редко (8%):

Классно очень! Вот это да, друзья. Вот это энергетика с первого звука. Тебе нужно жечь, как ты это делаешь превосходно.

Все на месте, эмоционально. А главное, что не орала там, где не надо орать. Не молчала там, где не надо молчать. Мне понравилось, что внимательно все ноты в нижнем регистре смотрела, внимательно тренировала. Чтобы не дай Бог не проскочить по соседям. Молодец, просто молодец.

В рамках категорий, характеризующих эмоциональный аспект выступления, часто встречается понятие «душа», которое, являясь трудно объяснимым человеку из другой лингвокультуры, считается «культурно нагруженной» единицей, специфичной для русского коммуникативного пространства [2. С. 67]. Такой результат подкрепляет тезис о том, что душевность – это уникальное стремление и способность русской души к установлению личных отношений на любом уровне социальных отношений [6. С. 59]. Учитывая, что данное понятие не один раз фигурировало в качестве предмета похвалы, душевность можно считать одной из ключевых установок русского сознания.

Показала, что за душой что-то имеется серьёзное, спасибо. Спасибо тебе большое, больше нечего говорить.

Итак, перечень предметов похвалы разнообразен. Необходимо отметить, что проявления оценочности в коммуникативном сознании англичан и русских различаются. Для англичан профессиональные навыки важны в большей степени, нежели для русских, которые склонны оценивать общее впечатление, произведенное на них. Русские склонны хвалить за отвлеченные от тематики выступления мелочи, а также выдающиеся внешние данные, что совсем не характерно для британских коммуникантов.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова // Наука – 1988. – С. 34
2. Куликова, Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л. В. Куликова //

Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Монография – Красноярск, 2006. – С. 67

3. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. Ярцевой В. Н. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – С. 412–413

4. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Монография / О. А. Леонтович – Волгоград: Перемена, 2002. 435 с. / Рецензия: Карасик В. И. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: РЖ РАН ИНИОН. – М., 2003, № 3. – С. 214

5. Остин, Дж. ИЗБРАННОЕ: пер с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. / Дж. Остин. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 132

6. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские. Коммуникативное поведение. / Ю. Е. Прохоров // М.: Флинта, Наука, 2006. – С. 59

7. Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. // Воронежский государственный университет Межрегиональный Центр коммуникативных исследований. – Воронеж, 2003. – С. 77–78

8. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография / Н. А. Трофимова // – СПб. : Изд-во ВВМ, 2008 – С. 22–183

К. А. Добрикова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ АККУЛЬТУРАЦИИ. СОПУТСТВУЮЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ШОКА

ACCULTURATION AND ITS MAIN FACTORS. CULTURE SHOCK AS THE ACCOMPANYING PHENOMENON

В статье содержится исследование актуального явления аккультурации. В начале статьи определяется понятие, рассматривается его структура. Затем приводится анализ ведущих аккультурационных стратегий. В статье также приводится информация о сопутствующем явлении культурного шока. Стадии культурного шока анализируются и подкрепляются примерами. Статья также рассматривает явления аккультурационных факторов и аккультурационного потенциала.

The current article contains the research of acculturation as the topical phenomenon. First, the structure of the notion is presented. Then the basic strategies of acculturation are analyzed. The article also contains information about the corresponding phenomenon of culture shock. The stages of culture shock are studied with a complete description and exemplification. The article gives information about forces of acculturation and the potential of acculturation.

Ключевые слова: аккультурация, ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация, аккультурационный потенциал, культурный шок.

Keywords: acculturation, assimilation, integration, separation, marginalization, acculturation potential, culture shock.

The current article contains the research of acculturation as the topical phenomenon. First, the structure of the notion is presented. Then the basic strategies of acculturation are analyzed. The article also contains information about the

corresponding phenomenon of culture shock. The stages of culture shock are studied with a complete description and exemplification. The article gives information about forces of acculturation and the potential of acculturation.

It goes without saying, that it is through communication that we adapt to and relate to our environment, and acquire membership and a sense of belonging in the various social groups upon which we depend. The study of acculturation began at the beginning of the 20th century by American cultural anthropologists: W. Berry, R. Redfield, R. Lynton, M. Herskovits, and was later continued by Y.Y. Kim, B.D. Ruben and other scholars. It was first regarded as a result of an extended contact of different cultures on a group level, which influenced original cultural models of both groups. Later the group approach changed into the individual one. Acculturation is understood as a process and result of mutual influence of different cultures, in which representatives of a recipient culture adopt norms, values, traditions of a host (donor) culture. There are the following forms of acculturation: assimilation, separation, marginalization, integration [1. P. 697–712]. They mean the following:

- **assimilation** – full adoption of norms and values of a host culture along with the rejection of traditions of donor culture;
- **separation** – rejection of norms and values of a host culture, retaining own national identity;
- **marginalization** – loss of own national identity and absence of identity within a host culture;
- **integration** – identification with both donor and host cultures.

Ultimately, it is not only the immigrant (or a culture recipient) but also the host sociocultural system (or the donor culture) that undergoes changes as a result of the intercultural contact. Professor Young Yun Kim states that the impact of immigrant cultures on the host culture is relatively insignificant compared to the influence of the host culture on the individual immigrant [2. P. 375–400]. Among factors influencing the immigrant are the size of the host society and its dominant power in controlling its resources. Acculturation occurs through the identification and the internalization of the significant symbols of the host society. The process of acculturation can often be frustrating and painful. Therefore, a number of communicative problems arise: an immigrant's native language, nonverbal communication (differences in the use and organization of space, interpersonal distance, facial expressions, eye contact), etc. According to Professor Kim, acculturation is an interactive and continuous process that maintains the communication of an immigrant with the new sociocultural environment.

Communication variables in acculturation

mean a lot. Here the factors of communication perspective are to be considered. Here the basic element of a human communication system is viewed as the person who is actively being, seeking, and desiring communication with the environment. We know that a person interacts with the environment through personal communication and social communication. Personal (or intrapersonal) communication conveys the mental processes by which one organizes himself underneath and along with one's sociocultural context, developing ways of seeing, hearing, understanding, and responding to the environment. One of the most important variables of personal communication in acculturation is the **complexity of an immigrant's cognitive structure** when perceiving the host environment. Closely related to the cognitive complexity is an immigrant's knowledge of patterns and rules of the host communication system (especially the knowledge of the host language). Another variable of personal communication in acculturation is an **immigrant's self-image** in relation to the immigrant's images of others. Feelings of alienation, low self-esteem, and other similar psychological «problems» of immigrants tend to be associated with the greater perceptual distance between oneself and members of the host society. Also an **immigrant's acculturation motivation** has been observed to be functional in facilitating the acculturation process. Acculturation motivation refers to an immigrant's willingness to learn about, participate in, and be oriented toward the host sociocultural system. Through social communication, individuals regulate feelings, thoughts, and actions of one another. Social communication can be interpersonal communication or mass communication. Interpersonal communication occurs through interpersonal relationships, which in turn represent the purpose, function, and product of an individual's interpersonal communication. Mass communication is a more generalized process of social communication, in which individuals interact with their sociocultural environment, without involvement in interpersonal relations with specific individuals. An individual's communication experiences through mass media can be included in this category. An immigrant's interpersonal communication can be observed through the degree of his or her participation in interpersonal relationships with members of the host society. An immigrant with a predominantly ethnic interpersonal network can be considered less acculturated and less competent in the host communication system than an immigrant

whose associates are primarily members of the host society. The acculturation function of mass communication is limited in relation to that of interpersonal communication. Still through mass communication, an immigrant learns more about various elements of the host sociocultural system. In transmitting messages that reflect the aspirations, myths, work and play, and specific issues and events of the host society, the media sources explicitly and implicitly convey societal values, norms of behavior.

One more factor which is to be considered is the acculturation potential. The acculturative function of mass communication should be particularly significant during the initial phase. Acculturation patterns are not universal but vary according to their acculturation potential predetermined by their donor characteristics. The following characteristics are considered important for a greater acculturation potential:

- **the similarity of the original culture with the host culture** is perhaps one of the most important factors of acculturation potential. An immigrant from Canada to the United States, for example, will have a greater acculturation potential than a Vietnamese immigrant from Southeast Asia.

- **Age and education** mean a lot. The younger a person is, the greater acculturation potential he possesses. Representatives of global professions also acculturate better.

- On the psychological level, **an immigrant's personality factors**, such as gregariousness, tolerance for ambiguity, risk-taking, cognitive flexibility, open-mindedness, and other related characteristics, are likely to increase acculturation potential.

- **Familiarity with the host culture** prior to immigration through previous travelling experience, interpersonal contacts, and through mass media may also increase the immigrant's acculturation potential.

To summarize, the acculturation process recognizes the dynamic interaction of personal communication, social communication, and communicative environment. Personal communication can be analyzed in terms of cognitive complexity, knowledge of the host communicative patterns, rules, self-image, and motivation for acculturation. Social communication is carried out through interpersonal communication and mass communication. Interpersonal communication is viewed in the nature and pattern of an immigrant's interpersonal networks and specific verbal and nonverbal communicative behaviors. Participation in the host mass communication system,

particularly the information-oriented contents of mass media, is a useful indicator of acculturation. The acculturation potential of an immigrant prior to immigration may contribute to his or her acculturation in the host society.

All of the acculturative forces: personal and social communication, communicative environment, acculturation potential — interactively influence the course of change in the immigrant's acculturation process. Adaptation is the most important result and the prevailing aim of the process of acculturation. Two types of adaptation are to be considered in the intercultural field of study: psychological and sociocultural. There is also economic adaptation, but it is a separate type.

In 1960 K. Oberg used the term «culture shock» to refer to the state of acute anxiety caused by unfamiliar social norms and social signals [3. P. 177–182].

Culture shock is based on the anxiety that results from losing all familiar signs and symbols of social intercourse. When an individual enters a strange culture, all or most of his familiar contextual elements disappear. This is accompanied with a feeling of frustration and anxiety. People react to the frustration in the same psychological manner. First, they reject the environment which causes the discomfort. Another phase of culture shock is regression. The home environment suddenly assumes a tremendous importance. At this stage everything becomes irrationally glorified. All difficulties and problems are forgotten and only pleasant native things come to mind. It usually takes a trip home to bring an individual back to reality.

Some of the symptoms of culture shock are: excessive concern over cleanliness and the feeling that what is new and strange is «dirty». This could be in relation to drinking water, taking food, dishes, and bedding; fear of physical contact with attendants or servants; a feeling of helplessness and a desire to communicate with long-term residents of one's own nationality; irritation over delays and other minor frustrations out of proportion to their causes; delay and outright refusal to learn the language of the host country; excessive fear of being cheated, robbed, or injured; great concern over one's physical state; and, finally, the terrible longing for being back home, being in familiar surroundings, visiting one's relatives.

There are the following stages of culture shock:

- **The honeymoon stage.** During the first few weeks most individuals are fascinated by the new. They stay in hotels and associate the host culture

with nationals who speak the language they know, are polite and gracious. The honeymoon stage may last from a few days or weeks to six months depending on the circumstances.

– Then the second stage begins, characterized by a hostile and aggressive attitude towards the host country. This hostility evidently grows out of the genuine difficulty, which visitors experience in the process of acculturation. There is service trouble, school trouble, language trouble, house trouble, transportation trouble, shopping trouble, and the fact that people in the host country are largely indifferent to all these troubles. Natives may assist you but they just don't understand your great concern over these difficulties. Therefore, they seem tough and unsympathetic to you and your worries. The result is, «I just don't like them». You become aggressive, prefer to stay with your fellow countrymen and criticize the host country, its norms, values, people. The second stage of culture shock bears the name of **rejection stage**.

– Then comes **adaptation**. At this stage culture shock is lessened as the visitor succeeds in getting some knowledge of the language and begins to get around by himself. This is the beginning of his adjustment to the new cultural environment.

– At the final stage of **adjustment** the visitor accepts the customs of the country as a different way of living, acquiring tolerance and cultural ambiguity. He can operate within the new context without any disturbing feeling of anxiety although

there are moments of strain. This strain disappears when a newcomer acquires a near native-speaking competence and integrates into the host socio-cultural context.

The individual may understand what natives are saying, but he will not always be sure what they mean. With a complete adjustment you do not only accept the host cultural patterns but actually begin to enjoy them. When you go back home you may generally miss the country and the people whom you have become accustomed to. You may feel again some tension, frustration and disappointment. The well-known cultural norms start irritating you. This means you experience **reverse culture shock**.

Список литературы

1. Berry, J. W. Acculturation: Living successfully in two cultures / J. W. Berry // International Journal of Intercultural Relations. – 2005. – P. 697–712. URL: <http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic551691.files/Berry.pdf>. 2016.01.009.
2. Kim, Y.Y. Adapting to a New Culture: An Integrative Communication Theory / Y.Y. Kim // In Theorizing about Intercultural Communication. – 2006. – P. 375–400.
3. Oberg, K. Adjustment to new cultural environments / K. Oberg // Practical Anthropology 7. – 2006. – P. 177–182.

А. А. Елистратов

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ СПОРТИВНОГО ЖАРГОНА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

ON GEOGRAPHIC VARIATIONS OF SPORTS SLANG (APPLIED TO ENGLISH AND RUSSIAN MATERIALS)

В статье рассматривается географическая вариативность русского и английского спортивных жаргонов, которая явилась основанием для их контрастивного исследования. Автор проводит сопоставительный анализ жаргонизмов на основе их закреплённости за различными локусами англоязычного и русскоязычного мира – от целых стран до конкретных учебных заведений. В ходе анализа привлекается фактический материал из общих и специальных словарей лексического просторечия и из некоторых других источников.

The paper deals with geographic variations of English and Russian sports slangs, which form a fundament for their contrastive research. The author analyzes slang words and phrases according to their attachment to some locus in the English- and Russian-speaking worlds, from entire countries to

particular educational institutions. The analysis is based upon vast factual materials from dictionaries of common and special slang, as well as from some other sources.

Ключевые слова: *спортивный жаргон, географическая (локально-территориальная) вариативность, контрастивный анализ.*

Keywords: *sports slang, geographic (local and territorial) variations, contrastive analysis.*

В этой небольшой заметке изучается географическая (ареальная и локально-территориальная) вариативность спортивного жаргона в двух языках – русском и английском.

Анализ статей в словарях субстандартной (жаргонной, арготической, просторечной) лексики показывает наличие локально-территориальных помет с указанием на место фиксации и / или бытования вокабулы. Это способствует выявлению локальной закреплённости того или иного социолекта (уже – социолектизма) и более точной словарной паспортизации языковой единицы. Географические пометы в разноязычных словарях субстандартной лексики являются социолингвистической переменной, что открывает возможности для сопоставительного изучения специфики географического распределения и существования субстандартных слов и выражений.

Цель данной статьи – выявить общие и различительные признаки в географической вариативности спортивного жаргона (сленга)¹. Достижение этой цели предполагает выполнение следующих задач: 1) осуществить выборку локально окрашенных спортивных жаргонизмов из словарей субстандартной лексики и иных источников; 2) распределить выявленные английские и русские жаргонизмы по локусу их бытования и / или фиксации; 3) провести сопоставление жаргонизмов на предмет их общих и отличительных географических черт.

Материалом исследования послужили общие и специализированные словари жаргона (сленга), литературные и публицистические источники, содержащие географические пометы и отсылки к спортивным жаргонизмам. Русский языковой материал для этой статьи извлечен методом сплошной выборки из нашего

словаря спортивного жаргона, из ряда других словарей, мемуаров, публицистических заметок и интервью. Аналогичная выборка английских спортивных сленгизмов проведена на базе общих словарей английского сленга с учетом специализированных лексикографических помет, позволяющих считать географический сленгизм маркером речевого поведения представителей спорта и «околоспорта». Чтобы не перегружать работу избыточной информацией, приведенные в качестве иллюстраций словарные дефиниции по возможности подверглись сокращениям в соответствии с задачами исследования и сохраняют только самые существенные детали, а именно – указание на локус, спортивный статус носителей, временные рамки жаргонизмов. Географические маркеры выделены полужирным шрифтом.

Ссылки на словари приводятся без указания страниц, так как словарные статьи выстроены в алфавитном порядке.

Английский материал ограничен рамками британского и американского вариантов английского полинационального языка как наиболее распространенных и престижных форм его существования.

В американском варианте английского полинационального языка установлена следующая географическая вариативность спортивного жаргона:

- на территории всей страны (США): **air hog**. In the language of hang gliding, the flier in a group who stays in the air longest **US**, 1992 [17];

- на территории географических регионов: **Japanese liner**. *Baseball*. See “Texas leaguer;” used in **Pacific Coast** leagues [15];

- на территории крупных административно-территориальных единиц (штатов): **boogie-board**. a surfboard (**California**) [18];

Monkeyfishing, catching fish by first charging water with an electric current, then netting the stunned or panicked fish. **Florida**. *Sports*. *United States*. It is possible this term is specific to **Florida** [13];

kahuna n. [**Hawaiian** ‘priest or wise man’]. *Surfing*, an expert surfer. – often constr. with **big** [15];

¹ В данной работе «сленг» и «жаргон» употребляются в качестве аналогичных и потому взаимозаменяемых феноменов, особых, социально ограниченных форм существования языка. Такое понимание сленга и жаргона отражено, например, в следующем определении: «Термин “сленг” значит то же, что и термин “жаргон”, но употребляется преимущественно по отношению к англоязычным сообществам» [4. С. 621].

- на территории отдельных городов: **PCH** *nickname* the Pacific Coast Highway, US route 1 in **Los Angeles US**, 1947 [17].

В случае некоторых американских спортивных сленгизмов наблюдается более широкая география. По ряду внеязыковых причин отдельные единицы сленга встречаются на территории других государств, не обязательно англоязычных. Такое географическое распространение можно выразить условной формулой «**США плюс (+)**», означающей, что сленгизм имеет хождение в границах США и какого-то другого государства. Выявлены следующие географические ареалы распространения спортивных сленгизмов, описываемые этой формулой:

- **USA + Australia**: **wahine**. A girl surfer: **Aus.** surfers': since ca. 1962. The word is also **Hawaiian** [16];

- **USA + Canada**: **goon** v. to act like a goon; to attack (someone) with undue or unprovoked violence. **Canada. Sports. United States** [13];

- **USA + Dominican Republic**: **buscon** n. In the Dominican Republic, a facilitator for legal or bureaucratic matters, such as a job recruiter for organizations in the United States or a baseball scout. Also **buscone**. **Dominican Republic. Spanish. Sports. United States** [13];

- **USA + England**: **dexter** (On the, belonging to the) right: facetiously coll. ex heraldry. From ca. 1870; in C.20, rare in **England**, very gen. in **US**, esp. in sport (e.g. baseball) [16].

Кроме того, в словарных материалах обнаружена еще одна географическая помета к спортивным сленгизмам – **North America**. По всей вероятности речь идет об американо-канадском ареале существования сленгизма: **chippy** adj. irritable, temperamental, or fractious. *Colloquial. Sports*. In recent decades in **North America** it has become most commonly, though not exclusively, used in connection to sports play, especially hockey, where it is perhaps reinforced by the idea of rough play causing the ice to chip [13].

В британском варианте полинационального английского языка обнаружена следующая географическая вариативность спортивного сленга:

- на территории всей страны (Соединенного Королевства): **handbags at ten paces** n. A verbal spat, usually between athletes on the field of play. *Sports. United Kingdom* [13];

- на территории географических регионов: **Bank of England Team**. Aston Villa Football Club: **Northern** sporting: from mid-Dec. 1935 [16];

- на территории крупных административно-территориальных единиц Соединенного Ко-

ролевства: **Arbroath!** A **Scottish** sporting c.p. to anyone boasting [16];

- на территории города: **the Lawn**, the lawn at **Ascot**: sporting coll.: from ca. 1860 [16];

stone-waller. A certainty: **Glasgow** sporting: – 1934 [16];

stiff 'un. A horse that is losing: **Glasgow** sporting: – 1934 [16];

quickie, -ee, -ey, -y. The act of backing a horse after the result of a race is known: **Glasgow** sporting: -1934 [16];

Corner. Also, Tattenham Corner on the Derby course at **Epsom**: sporting, from ca. 1870 [16];

bottle it vb *British* a later synonym for the more widespread expression *bottle out*, recorded among **London** football hooligans in the late 1980s [19];

get a twitch on vb *British* to become agitated and/or furious. An item of **London** working-class slang heard among, e.g., football supporters from the 1990s [19];

Спортивный сленг, согласно социолексикографическим данным, проявляет географическую вариативность уже в пределах самого Лондона:

shack-per-swaw. Everyone for himself: **London's East End** and gen. London sporting: – 1864; + by 1930. A corruption of Fr. *chacun pour soi* [16];

claret, n. Blood: From ca. 1770, mostly in boxing 'circles' (e.g. in Moore's *Tom Crib's Memorial*, 1819). Ex the colour. The term is still, 1970s, current, 'especially common in **South London**' [16];

nice one Cyril! That's neat or brilliant or most effectual: very popular c.p. of mid-1970s. <...> it was taken up as a **Tottenham** Hotspur Football Club supporters' chant in honour of *Cyril Knowles*, a leading player, 1972-3 [16];

mugs' alley. That bar along the edge of a rink along which learner-skaters feel their way: ice and roller skaters', esp. at **Wembley**: since ca. 1930 [16].

Спортивные сленгизмы отмечены и на территории отдельных учебных заведений: **flying man**. In **Eton** football: a skilful skirmisher: -1864; ob. by 1930 [16];

barter. A half-volley at cricket: **Winchester College**, from ca. 1835 [16];

club. A heavy cricket bat or lawn-tennis racket: **Cranbrook School**: C.20 [16];

gutter. A football scrum: **Tonbridge School**: late C.19-early 20 [16];

tab-socking, n. A boxing contest against Cambridge University ('the *Cantabs*'): **Oxford University** boxers': ca. 1895-1914 [16];

rougher. A rough time; a severe tackle at Rugby football: **Scottish Public Schools'**: from ca. 1910 [16];

slogger. Gen. in pi. A trial or 2nd division rowing-race: **Cambridge**: ca. 1852-80 [16].

Как и в отмеченном выше случае спортивного сленга в США, отдельные единицы британского спортивного сленга встречаются за пределами Великобритании на территории других стран. В данном случае можно применить формулу «*Великобритания плюс (+)*» для раскрытия географии сленгизма, бытующего одновременно в Соединенном Королевстве и в другой стране. Пример такой формулы в виде *Великобритания + Индия + Ирландия* обнаруживаем в описании географии сленгизма **lung-opener**: a sporting event that begins a series of contests or a season. **India. Ireland. Sports. United Kingdom** [13]. Также см. пример выше: – **USA + England: dexter**.

В русском языке спортивные жаргонизмы обнаруживают следующие разновидности географической вариативности:

- на территории всей страны: **метан**, -а, м. Сил. сп. Метандростенолон (анаболический стероид): конец 1960-х+ [6];

- на территории географических регионов: **резчик**, -а, м. Волейб. Нападающий волейбольных команд **советского Дальнего Востока** (возможно, в/к КВЖД (Харбин): 1920-е < за практику «подрезания» мячей [6];

- на территории крупных административно-территориальных единиц (областей, краев, республик): **греть воздух**. В речи спортсменов: *напрасно расходовать силы, неправильно выполняя то или иное упражнение*. Хотя этот жаргонизм зафиксирован в «Региональном словаре русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл)» [8], его привязка только к указанной территории вызывает сомнения, потому что он встречался нам на некоторых спортивных интернет-форумах в речи людей, живущих в Москве.

В **Краснодарском крае** – **семён** (турист.). Восклицание, используемое для переключки в лесу, чтобы не потерять друг друга [9];

- на территории города: **Брехаловка**, -и, ж. Футб. Фан&бол. Ирон. В **Ростове** – место сбора и общения местных футбольных болельщиков: возм. до 1990-х [6];

Выручалкин, -а, м. Футб. Фан&бол. Шутл.-уваж. Прозвище Л. Бурчалкина, нападающего ф/к «Зенит» (**Ленинград**), сборной СССР: конец 1950-х – 1960-е [6];

ВНК – прозвище Владислава Радимова, по-

лузащитника ф/к «Зенит» (**Санкт-Петербург**) в 2003-2008 гг. < аббр. **Влад** – наш капитан: «Конечно, мыслит уже как тренер и КДК дебилами уже не назовет, но по части открытости, эмоциональности, юмора это все тот же, настоящий Радимов. Тот, который в 2003-м, перейдя из «Крыльев», стремительно влюбил в себя родной Питер и побудил болельщиков присвоить ему титул ВНК – «Влад – Наш Капитан»» [11. С. 1].

Девичка, -и, ж. Коньк. Разг. В дореволюционной **Москве** – Девичье поле, где находился стадион Общества физического воспитания с ледовым катком: 1900-е – 1920-е [6];

деревянный малыш. Пр/трамп. Ласк. Небольшой деревянный трамплин в спортивной школе молодежи в **Кавголово** (Ленинградская область): 1950-е – первая половина 1960-х [6];

Максимка – прозвище Давида Ражо, нападающего ф/к «Рубин» (**Казань**) в 2000 – 2001 гг. < за темный цвет кожи [5. С. 46];

Папа Карло. Карл Гаудин, защитник х/к Торпедо (Прогресс) г. **Глазов**, 1956-1963 гг. [2. С. 115];

циклон, -а, м. Футб. **Орджоникидзе**. Рослый, крупный атлет: 1950-е [6];

Цыпочка – Центральный Парк Культуры и Отдыха им. С. М. Кирова (**Ленинград**), где находился открытый каток для тренировок фигуристов [3. С. 176].

В эту же социолингвогеографическую категорию входят исторически русскоязычные города, находившиеся на территории Советского Союза, но сейчас входящие в состав других государств: **Чуб** – прозвище А. Ф. Чубарова, администратора ф/к «Динамо» (**Киев**) с 1989 г. [1];

полянка. Футб. Фан&бол. **Одесса**. Футбольный матч между двумя стихийно созданными командами, проходящий на пустыре: 1940-е – 1950-е [6];

гольман. Наименование футбольного вратаря в **Одессе** [7. С. 121];

Хмель. Прозвище Виталия Хмельницкого, нападающего ф/к «Шахтер» (**Донецк**), 1962-1964 гг. [1];

Дед – прозвище Людаса Румбутиса, защитника ф/к «Динамо» (**Минск**):

«-Кто для вас – режимщик номер два?

– Людас Румбутис. В минском «Динамо» его звали Дед.

– Был старше всех?

– Выглядел как дед!» [10];

Белка – прозвище Александра Воронова, защитника ф/к «Локомотив» (**Тбилиси**) в 1936-1940 гг. [12. С. 9].

Таким образом, английский спортивный сленг и русский спортивный жаргон обнаруживают следующие общие виды географической вариативности:

- территориальный (на территории всей страны),
- региональный (на территории географического региона),
- административно-территориальный,
- городской.

Английский (американский и британский) спортивный сленг по сравнению с русским спортивным жаргоном демонстрирует значительную географическую вариативность. С одной стороны, он расширяет свое присутствие, выходя за границы Великобритании и США, с другой – его ареал сужается до отдельного учебного заведения. Широкая географическая вариативность английского спортивного сленга объясняется относительно долгой и развитой историей спорта в англосаксонских странах, глубокими социолексикографическими традициями, агрессивной военной и культурной экспансией этих государств, наличием особых закрытых учебных заведений, популярностью спортивных зрелищ и др.

Список литературы

1. Алиева называли Шляпой, Шеву – Копилкой. Прозвища спортсменов. – URL: www.dynamomania.com/news/74350-alieva-nazyivali-shlyapoy-shevu-kopilkoj-prozvischasportsmenov.
2. Ахтариев, Ж. Ф. Горячий лёд / Ж. Ф. Ахтариев, В. Ю. Перешейн. – Глазов: Звезда, 2010. – 239 с.
3. Бестемьянова, Н. Ф. Пара, в которой трое / Н. Ф. Бестемьянова, А. Букин, И. Бобрин. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 444 с.
4. Большая универсальная энциклопедия. В 20 томах. Т. 6. ДЕН – ЗАС. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 797 с.
5. Гаврилов, С. «Рубин» – чемпион! / С. Гаврилов. – М.: Эксмо, 2010. – 512 с.
6. Елистратов, А. А. Толковый словарь русского спортивного жаргона / А. А. Елистратов. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2011. – 217 с.
7. Зильберт, Б. А. Спортивный жаргон (на материале современного русского языка) / Б. А. Зильберт // Новое в лексике русского языка. – Куйбышев, 1983. – С. 116–130.
8. Липатов, А. Т. Региональный словарь русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл) / А. Т. Липатов, С. А. Журавлев. – М.: ООО «Издательство ЭЛ-ПИС», 2009. – 288 с.
9. Мальцева, Р. И. Словарь молодёжного жаргона / Р. И. Мальцева. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1998. – 180 с.
10. Сергей Алейников: Батюшка из Лече. – URL: www.sport-express.ru/fridays/reviews/920902.
11. Спорт-Экспресс. – № 164. – 29 июля 2015 г. – С. 1.
12. Торадзе, Г. Футбол на всю жизнь / Г. Торадзе. – Тбилиси: Международный просветительский союз «Русский клуб», 2007. – 128 с.
13. Barrett, G. The Official Dictionary of Unofficial English. A Crunk Omnibus for Thrillionaires and Bampots for the Ecozoic Age / G. Barrett. – NY: McGraw-Hill, 2006. – XXXV, 412 p.
14. Lighter, J. E. Historical Dictionary of American Slang. Vol. 1. A-G / J. E. Lighter. – NY: Random House, 1994. – LVIII, 1007 p.
15. Lighter, J. E. Historical Dictionary of American Slang. Vol. 2. H-O / J. E. Lighter. – NY: Random House, 1994. – 736 p.
16. Partridge, E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. Eighth edition. / E. Partridge. – London: Routledge & Kegan Paul, 1982. – XXIX, 1400 p.
17. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English. Edited by Tom Dalzell. – New York & London: Routledge Taylor and Francis Group, 2009. – X, 1105 p.
18. Spears, R. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions / R. Spears. – NY: NTC Publishing Group, 2000. – 560 p.
19. Thorne, T. Dictionary of Contemporary Slang / T. Thorne. – London: A&C Black Publishers Ltd., 2007. – 513 p.

А. Г. Еренская

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКАTHE CATEGORY OF TIME IN PHRASEOLOGICAL UNITS
OF THE ENGLISH LANGUAGE

Настоящее исследование посвящено изучению лингвокультурного аспекта фразеологических единиц, выражающих категорию времени в английской культуре. В статье анализируются фразеологические единицы английского языка, которые отражают подкатегорию «всегда» – «никогда»; перечисляются характерные черты, присущие категории времени в представлении носителей английского языка.

The present study is devoted to the study of the linguistic and cultural aspect of phraseological units, expressing the category of time in the English culture. The author of the article analyzes phraseological units of the English language, which reflect a subcategory of “always” – “never”. The author also lists the characteristics of the category of time as viewed by native English speakers.

Ключевые слова: категория времени, время, фразеологические единицы, фразеология, идиомы, всегда, никогда.

Keywords: category of time, time, phraseological units, phraseology, idioms, always, never.

Категория времени как объект научного исследования вызывает интерес ученых различных наук – философии, истории, физики, культурологии, лингвистики и др. Такое пристальное внимание к данной категории связано с тем, что понятие «время» фундаментально и представляет собой форму существования материи, с помощью которой человек постигает мир.

Время часто определяют как четвертое измерение, ставя его в один ряд с трехмерным пространством, включающее в себя три однородных измерения – высоту, ширину и длину. Понимание трёхмерного пространства человеком, как считается, развивается ещё в младенчестве, и тесно связано с координацией движений человека. Следовательно, можно предположить, что понимание категории времени как четвертого измерения также возникает в раннем возрасте и оформляется в «наивной» картине мира, так как не существует единой объективной научной теории о времени. «Наивное» представление о времени, в свою очередь, отражается во фразеологическом фонде языка.

Как основное условие всякого конечного существования, время не допускает ни эмпирического объяснения происхождения, ни рационального определения его сущности. В первом

отношении можно принять как очевидную аксиому следующее: несомненно, что форма времени существует с самого начала сознания; поэтому психологическое исследование времени имеет дело только с представлением времени и оценкой его. Что касается рациональных определений времени, то они сводятся к более или менее замаскированным тавтологиям. Например, время определяется временем, т.е. время есть порядок явлений в их последовательности [3].

В философии существуют различные подходы к описанию и осмыслению категории времени. Категорию времени рассматривали такие философы и ученые, как Сократ, Гераклит, Аристотель, Платон, Аврелий Августин, Исаак Ньютон, Иммануил Кант и т.д.

Аристотель считается первым теоретиком, осмыслившим и разрабатывавшим категорию времени. Им была предпринята попытка соотношения понятия времени с понятиями существования и движения. Концепция Аристотеля характеризуется как реляционная (время задано через последовательность событий, связь предыдущего и последующего) и динамическая (поскольку прошлые и будущие события не существуют, а происходит непрерывное становление). И. Кант считал, что понятие времени дается человеку от природы с рождения.

Это внутреннее чувство, позволяющее формировать и развивать сознание.

Большинство философов рассматривают время как субъективный феномен и сходятся во мнении о том, что, сущность времени можно раскрыть лишь в отношении его к человеку, и поэтому время является формой «интуиции», соответствующей нашему внутреннему чувству.

В рамках лингвистики ученые рассматривают глагольное выражение времени. Время – это грамматическая категория, значения которой характеризуют временную отнесенность ситуации, описываемой предложением. Грамматическая категория времени (*tense*) в лингвистике, как правило, соотносится с общенаучным понятием времени (*time*), в котором дихотомически представлены прошлое, настоящее и будущее. К данному типу языков с трехчленным грамматическим противопоставлением «прошлое – настоящее – будущее» относится значительная часть языков, в том числе германские, романские и славянские языки.

Согласно А. Вежбицкой, концепт «время» в силу своей абстрактности калейдоскопичен и многогранен. В поле «времени» можно выделить такие семантические группы, как «сейчас», «после», «до», «долго», «недолго», «некоторое время» и т.д. [1. С. 118]. Объединив их в оппозиции, рассмотрим фразеологические единицы английского языка, которые отражают следующие подкатегории:

- 1) сейчас – потом;
- 2) до – после;
- 3) долго – некоторое время;
- 4) давно – недавно;
- 5) всегда – никогда;
- 6) в прошлом – в будущем;
- 7) рано – поздно;
- 8) быстро – медленно;
- 9) срочно – несрочно.

Выбор фразеологизмов в качестве материала для практического исследования обусловлен тем, что они несут в себе совокупный исторический, общественный опыт, содержат структуры обыденного, житейского сознания, отражают национально-культурологическую специфику языка.

В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание». Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпири-

ческий, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры [2. С. 214].

В рамках категории времени, рассмотрим фразеологическую подкатегорию, отражающую понятие «всегда» – «никогда». Примеры были извлечены из фразеологических онлайн-словарей (<http://www.usingenglish.com>, <http://study-english.info>), а также печатных фразеологических словарей и справочников (Англо-русский фразеологический словарь под ред. Кунина А.В., Англо-русский фразеологический словарь под ред. Литвинова П.П., Chambers Guide to Idioms, Everyday Idioms by Kirkpatrick B. и др.).

Абстрактное понятие «всегда» обладает оттенком преувеличения и, как правило, несет отрицательную коннотацию:

- *at all hours* – в любое время дня и ночи, круглые сутки

He keeps calling me at all hours (of the day and night). – Он продолжает звонить мне в любое время (дня и ночи). Фразеологизм *at all hours* передает оттенок раздражения от чрезмерной назойливости звонящего.

- *at all times* – всегда

When you're at the airport, you should make sure you have your luggage with you at all times. – Прибыв в аэропорт, нужно постоянно следить, чтобы ваш багаж все время был с вами.

- *to happen at every turn* – случаться очень часто или непрерывно

Although the government has had a coherent economic plan, the parliament has set out to block it at every turn. – Хотя у правительства имеется четкая экономическая программа, парламент постоянно чинит препятствия.

- *round the clock* – круглосуточно, всегда

The bridge was guarded round the clock. – Мост круглосуточно охранялся. Фразеологизм *round the clock* используется для передачи значения безопасности и надежности в описываемой ситуации.

Фразеологизмы, отражающие понятие «никогда», имеют отрицательную оценочность. Для подтверждения маловероятности события они часто представляют собой описание нереальных понятий или ситуаций:

- *to happen when pigs fly* – случаться, когда рак на горе свистнет

He will pay his debt when pigs fly. – Он вряд ли вернет свой долг. Одна из самых красочных английских идиом *when pigs fly* аналогична

русскому «когда рак на горе свистнет», т.е. никогда.

- *not to happen until hell freezes over* – никогда не случаться

He will marry her when hell freezes over. – Он никогда на ней не женится. Словосочетание *when hell freezes over* (дословно, «когда в аду станет холодно») подчеркивает несбыточность мечты девушки.

- *not for a moment* – ни за что на свете, никогда в жизни

I did not for a moment believe what the man was saying. – Я ни на секунду не поверил тому, что говорит этот человек.

- *once in a blue moon* – очень редко или никогда

My brother lives in Australia, so I only see him once in a blue moon. – Мой брат живет в Австралии, так что я очень редко его вижу/практически его не вижу. Образность высказыванию придает фразеологизм, использующий в своей семантике понятие *blue moon* (луна достаточно редко приобретает голубой оттенок – один раз в месяц во время полнолуния). Фразеологизм сходен с русским выражением «когда рак на горе свистнет», т.е. очень редко или никогда, поскольку рак не обладает способностью свистеть.

Подводя итоги, категория времени – одна из самых основных категорий в любом языке, так как она относится к тем реалиям, которые с давних пор определяли смысловое поле человеческого мировосприятия. Время – это форма координации сменяющихся объектов и их состояний. Время представляет собой единство прошлого, настоящего, будущего и характеризуется способностью длиться, меняться и локализоваться относительно происходящих событий. Время понимается человеком скорее интуитивно, нежели разумом.

Фразеологические единицы возникают для того, чтобы описывать мир, интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Фразеологические единицы, отражающие в своей семантике категорию времени, хранят культурную информацию и передают от поколения к поколению национально-культурные установки и стереотипы. Проанализировав фразеологические единицы английского языка, входящие в подкатегорию «всегда» – «никогда», можно сделать вывод, что в языковой картине мира категория времени обладает большим потенциалом. Английской культуре зачастую присуще отрицательное отношение к понятию «всегда», т.к. оно связывается с постоянным, настойчивым или чрезмерным воздействием на говорящего. В этом случае «всегда» приобретает негативный оттенок «постоянно», «вечно». Кроме того, понятие «всегда» может восприниматься носителем языка положительно из-за такой характеристики, как безопасность, надежность, легкость доступности в любое время. Фразеологизмы со значением «никогда» имеют негативную окраску и связаны с образом нереальности или несбыточности описываемого события.

Список литературы

1. Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Время, в философии. Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – URL: <http://www.vehi.net>.

Р. Г. Жамсаранова

Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ЭТНОНИМНО-ГЕНОНИМНЫХ НАЗВАНИЯХ

CONCEPTUAL METAPHOR IN NOMADIC TRIBAL PROPER NAMES

Статья посвящена описанию системного ряда ономаконцептов номадной концептосферы, семантическое значение которых обнаруживает наличие концептуальной метафоры. Этно-

нимы и генонимы (родовые названия) со временем десемантизируются, что приводит к возникновению легенд, мифов и преданий об историческом предке рода или племени. Они в когнитивно-концептуальной парадигме анализа обнаруживают естественную связь с этнической картиной мира и кочевой культурой.

The abstract deals with the description of the system of onomac concepts of nomadic conceptual sphere. Conceptual metaphor is revealed in the semantics of the onomac concepts. Ethnonimic and tribal proper names have been lost the initial semantics. This historical phenomena leads to the origin of different myths, legends and sacred texts about the historical ancestor of the tribe. The proper names in the conceptual paradigm of analysis demonstrate the natural connection with the ethnic picture of life and nomadic culture as well.

Ключевые слова: ономаконцепт, номадная концептосфера, этнонимы и генонимы монголов, Средневековье, концептуальная метафора.

Keywords: onomac concept, nomadic conceptual sphere, ethnonims and tribal proper names of Mongols, Middle Ages, conceptual metaphor.

Общеизвестно, что национальная специфика мышления и национальная культура находят отражение в этническом языке посредством формирования языковой картины мира. Языковая картина мира открывает доступ к познанию особенностей национального мировидения, аккумулирует его культурное наследие. Реконструкция языковой картины мира и ее познание возможно изучением ее логико-структурных единиц (эпистем/логоэпистем) – концептов. Содержание концепта как единицы языковой картины мира всегда национально специфично. Не исключено, что посредством концептологии возможно изучить семантический потенциал и этнонимно-генонимных названий (далее – ЭГИ), представляющих собой наиболее информативный класс имен собственных в ономастике.

Происходящая качественная трансформация семантических связей в этнониме, обусловленная функционированием в качестве родо-племенного названия в определенно-исторический период истории народа, со временем приобретает все более образно-метафорический характер. Исторически, как правило, происходит десемантизация этнонимного имени собственного, что приводит к возникновению (возможно, уже на другой языковой почве, в другом языковом сознании) народно-этимологической интерпретации семантики онима, что и наблюдается в некоторых работах, посвященных этнонимике.

Языковая интерпретация семантики этнонима или экзонима осложнена фактом диахронного прошлого онима, предполагающего семантическую опустошенность этнонима для синхронного сознания, обусловленную и опос-

редованную временем и историей. С исчезновением в истории этнической общности становится заведомо неудачной попытка объяснения семантики этнонима, опираясь на данные известного исследователя языка, без учета таких ключевых факторов как «возраст» названия, территорию и морфологическую структуру ономастической единицы.

Наиболее продуктивным и максимально активизирующим (насколько это возможно на современном этапе исследования этнонимии кочевых сообществ) исследование ЭГИ представляется реконструирование семантики этнонима в аспекте современных когнитивных исследований. Существование концепта в диахронном коллективном сознании однозначно позволяет воспринимать этот тип концепта как концепта *ограниченного сознанием*. Объективно этот концепт имел локализованное распространение, знаковость имени, набор конкретных мотивировочных признаков только в сознании людей давно ушедших эпох. Полагаем, что в качестве одного из типов лингвоконцептов возможно представить и т.н. *ономаконцепт*, природа которого связана и обусловлена концептуально-когнитивным потенциалом ЭГИ.

При использовании методов концептуальной лингвистики в целях интерпретации этнонимно-экзонимных имен чрезвычайно важным представляется место метафоры в содержательно-понятийном поле семантики концепта репрезентирующего оним. Помимо денотативного смысла *ономаконцепта*, являющегося центральным ценностным компонентом в концептосфере номадной картины мира, выделяются образно-перцептивный /образно-метафорический и понятийный (фактуальный)

компоненты. Фактуальный компонент вербализуется посредством имен собственных, объединенных апеллятивным набором, представляющих ценностное / центральное ядро семантико-смыслового поля ономаконцептов: «лес- земля – море»; «птица – волк / собака – бык – медведь»; «хан / царь – человек / муж – предок / шаман».

Образные компоненты ономаконцептов представлены в виде культурно-смысловых констант, природа которых сродни архетипам и обусловлена мифологизмом анималистско-тотемистских воззрений номада, переданы посредством описания сопутствующих коннотирующих фактов историко-этнографического характера и подтверждены фактами экстралингвистической интерпретации.

Для семантического поля этнонимного имени может быть характерно то, что оним наделяется коннотациями тогда, когда переносит деонимизацию (полную или частичную), обретая тем самым сигнификат. По-другому, в процессе деонимизации нарушаются контекстуальные типы связей одного типа, трансформируясь и структурно, и содержательно – в качественно другой тип связей.

Сигнификативный и денотативный признаки, заложенные в семантике ЭГИ, хранят и обнаруживают отражаемые в человеческом сознании коннотирующие свойства онима. Особенно очевидно проявляется эта способность составляющих компонентов семантического поля ЭГИ при интерпретации онимов, обнаруживающих лексико-семантические корреляты с нарицательной лексикой, имеющей метафорическую природу, т.е. мотивированных сознанием, в нашем случае, номадным.

Подобное явление обнаружилось при анализе ЭГИ, репрезентированных ономаконцептами *птица-волк/собака-бык/олень/медведь*, представляющих собой в системе ЭГИ отточенные имена собственные. Поэтому пример показывает, что можно вести речь об идеальном подходе к трактовке значения онима как языкового знака, где значение рассматривается как «чистое порождение сознания». Отсюда логично будет обозначить наше восприятие коннотативного смысла онима как компонента значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для нее функции наименования. Естественно полагать, что внутренняя форма онима обусловлена метафоризацией и переосмыслением.

Метафора представляет собой один из способов семантической деривации, состоящий

в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [2. С. 300]. Метафора связана своими корнями, прежде всего, не с языком, а с мышлением человека. «Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, т.е. сферой слов: сами процессы мышления метафоричны. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что понятийная система человека структурируется и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможными именно потому, что они существуют в понятийной системе человека» [4. С. 6].

Таким образом, природа метафоры позволяет утверждать о присущих ей когнитивных функциях. Репрезентируя мир в диахронном сознании посредством метафоризации, образных понятий человек избирал и языковые метафоры, которые, в свою очередь, оказались способны не только к трансляции ментальности, но и к созданию семантического континуума. Для порождения качественно нового семантического поля в ониме, метафора естественным образом использует нарицательную лексику, однако проявляя при этом когнитивные интенции номинанта – коллективного номадного сознания, обнаруживающего известный традиционализм мышления.

В исследованиях, посвященных реконструкции мифопоэтической картины мира на материале древнегерманских героических песен, легенд и сказаний, выделяют метафорическую модель концепта человек в мифопоэтике Средневековья. «В основе когнитивного механизма моделирования метафорических образов мужских персонажей древнегерманского героического эпоса лежат, главным образом, зоонимические метафоры: человек – Löwe (лев), человек – Wildebeest (вепрь), человек – Wilder Bär (дикий медведь), человек – Falke (сокол), человек – Adler (орел)» [3. С. 13]. В. И. Четверик пишет, что концептуальные признаки, составляющие структуру метафорической модели актуализируют, главным образом, истинно мужские качества персонажей – «невиданная сила, выносливость, ловкость, зоркость, смелость, отвага и красота».

В качестве основы моделирования метафорических образов персонажей древнегерманских эпосов исследователем выделены среди других типов когнитивных метафор зооморфная, орнитоморфная, натурморфная и др. Как видно, источником когнитивных метафор, об-

разующих метафорические образы мужских персонажей, является, помимо других, прежде всего, мир фауны. Выделенные метафорические концептуальные признаки древнегерманских героических песен, в центре которых находится образ мужчины, как центрального звена мифопоэтической картины мира, подчеркивают «маскулинность», т.е. мужское начало и мужскую обусловленность эпохи Средневековья [3. С. 13–17].

Подобный тип когнитивно-концептуальной метафоры, как зооморфная и орнитоморфная метафоры, выделен нами в результате анализа номадной концептосферы, формируя и фиксируя в семантическом поле ономаконцепта метафорически обусловленный мужской образ человека-номада. Причем, в отличие от древнегерманских эпонимов, где метафорическое имя обнаруживает такие функции онима как оптатив и дезидератив, что присуще имени собственному, семантика номадных этнонимно-генонимных имен соотносится с прямым значением апеллиатива, легшего в основу имени собственного, обнаруживая, таким образом, метонимические связи в семантике онима.

Любопытна мысль о том, что метафоричность человеческого мышления генерирует образование «понятийной», т.е. концептуальной метафоры. «Переносное значение слова ... направлено на [данное] понятие, а прямое значение единицы, которая является метафорой, извлекается из другой сферы. Причем, чем больше разрыв между сферами, к которым относятся первичное и переносное значения лексической единицы, тем большей образной силой обладает метафора» [Там же]. По-видимому, для познания процесса когниции посредством т.н. концептуальных метафор возникает необходимость рассмотрения разных понятийных сфер прямого и переносного значений апеллиатива.

При анализе монгольских ЭГИ обнаружилось, что использование языковой метафоры в качестве переосмысленного в сознании номада апеллиатива представляет собой только поверхностный, первичный слой в семантическом поле ономаконцепта. Оказалось, что объяснить отапельлятивное значение древнего онима с опорой на переносное значение слова, хоть и обладающего когнитивно-концептуальным потенциалом, недостаточно.

Одной из причин «недостаточности» метафорического переноса значения на имя собственное, служит, на наш взгляд, то, что «когнитивная семантика рассматривает метафору как средство упорядочивания знаний и опыта человека в его понятийной (ментальной) системе. Понятийная система при этом состоит из многих подсистем, каждая из которых представляет собой некоторый сегмент знаний, отражающий «кусочек» окружающей человека реальной и ирреальной действительности. Именно из таких фрагментов и складывается целостная мозаика всего багажа знаний и опыта человека» [1. С. 238–244].

Исходя из этого мнения, возможно предположить, что изученный семантический потенциал ЭГИ обнаруживает некий синкретизм метафоризации и метонимизации отапельлятивных значений, трактуемых нами как собственно этимон онима, опосредуя тем самым специфичность ЭГИ номадной концептосферы. Очевидна востребованность при анализе такого древнего онима как этноним или геноним использования концептуальной метафоры, обнаруживающей сложную природу в смысле синкретизма языковой метафоры как метода презентации действительности в сознании номада и метонимии, также обусловленной особым типом восприятия мира, преломленным в языке.

Список литературы

1. Керимов, Р. Д. К проблеме изучения концептуальных метафор в политической речи современной ФРГ // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 13–15 июня 2007 г. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – Ч. 1. – С. 238–244.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
3. Чечетка, В. И. Концепт «человек» в мифопоэтической картине мира (на материале древнегерманских героических песен, легенд, сказаний). – Автореф. на соиск. ученой степ. канд. филол. н. – Воронеж, 2005. – 22 с.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago, 1980, pp. 3–7.

С. Р. Зайнуллина

Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Россия)**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ)****TRADITIONAL FORMULA AS A MEAN OF REPRESENTATION
OF OLD RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD
(ON MATERIAL OF "TALE OF BYGONE YEARS"
IN LAURENTIAN CHRONICLE)**

В статье рассматривается возможность изучения древнерусской языковой картины мира путем анализа традиционных устойчивых сочетаний, типичных для текстов того времени. На примере агиографических фрагментов «Повести временных лет» продемонстрирована способность атрибутивных формул репрезентировать ценностные ориентиры древнерусского человека.

The article describes the possibility of studying the Old Russian language worldview by analyzing the traditional established collocations, typical for the texts of that time. On example of hagiographic fragments of «Tale of Bygone Years» demonstrated the ability of attribute formulas to represent value systems of ancient man.

Ключевые слова: оценка, летопись, агиографический, традиционная формула, атрибутивная формула.

Keywords: estimation, chronicle, hagiographic, the traditional formula, the attributive formula.

В отечественной лингвистике особое внимание уделяется вопросам изучения языковой картины мира (как индивидуальной, так и общенациональной), поднимаются вопросы, связанные с ментальностью, с соотношением языка и мышления. Язык предстает как своеобразное средство доступа к человеческому сознанию, при помощи которого человек мыслит и, главное, излагает свои мысли. Однако большая часть подобных работ направлена на синхронное изучение языка, на работу с современной исследователю языковой личностью или же с языковой общностью.

Изучение данной проблемы с позиций диахронии зачастую производится по тем же принципам, между тем исследование средневековой русской ментальности требует принципиально иных методов и подходов. Ключевую роль здесь играет темпоральный фактор: мы не можем наблюдать средневекового русича в процессе речевого общения, о его жизни мы можем судить только по сохранившимся текстам. Конечно, некоторые составляющие жизни народа возможно реконструировать, изучая памятники живописи, зодчества, ремесел, проводя археологические раскопки и т.д., но если

мы хотим понять, каким был внутренний мир древнего человека, его образ мышления, мировоззрение, культурные установки и прочее, то нам необходимо обратиться именно к тексту: в этом отношении памятники письменности представляют собой наиболее достоверный источник. При этом недостаточно просто иметь доступ к этому источнику – нужно также уметь работать с ним, извлекать из него необходимую информацию.

Учёными (Д. С. Лихачёвым, Л. Леви-Брюллем, К. Г. Юнгом и др.) неоднократно поднимался вопрос о несоответствии двух диахронических типов человеческого сознания – современного и средневекового. Кроме того, «не только наш образ мира принципиально отличается от образа мира летописца, но и способы его описания» [1. С. 10]. В связи с этим встаёт проблема понимания нами, современными читателями, произведений, написанных на древнерусском языке.

Работая с летописным текстом, мы не можем быть полностью уверены, что воспринимаем именно ту информацию, которую хотел донести до потомков летописец, что форма по-прежнему способна передавать изначально

присущее ей содержание. Для того чтобы максимально приблизиться к истинному смыслу древнего текста, недостаточно соотнести каждое отдельно взятое слово с его словарным значением, пусть и в точности ему соответствующим, необходим подробный лингвистический анализ контекста, условий употребления языковой единицы. Только в этом случае мы сможем говорить об уровнях понимания. Содержание текста, к осмыслению которого мы стремимся, находится в прямой зависимости от ценностных ориентиров и прагматических установок создателя этого текста.

Авторская интенция реализуется в тексте при помощи системы оценок (о роли категории оценки в становлении системы оригинальных литературных произведений см. работы Н. С. Ковалева, М. В. Пименовой и др. [3, 7]). В основе той или иной оценочной системы лежит ряд оппозиций, например, *Бог – дьявол, благо (добро) – зло, истина – ложь*, ориентированных на присущий данной системе абсолют, идеал. В христианском вероучении высшее начало, совершенство – Бог; преобладающий тип оценивания в памятниках древнерусской литературы – теистический, т.е. исходящий от божественного субъекта. Безусловно, помимо христианской (книжной) в тексте летописи присутствуют и другие ценностные системы (по Н. С. Ковалеву – мифопоэтическая и обыденная), но христианская оценка в связи с авторской установкой так или иначе выходит на первый план.

Человек видит мир сквозь призму родного языка, в котором, в свою очередь, «находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующихся этим языком» [10. С. 12]. Традиционные формулы в пространстве древнерусского текста являются ярким средством репрезентации картины мира данного исторического периода, отражая одно из основных качеств средневековой культуры в целом – ее клишированность, стереотипность. Как отмечает известный специалист в области древнерусской литературы академик А. С. Орлов, «в средние века русской письменности внешность ее произведений была менее богата, мы имели меньше материала для выражения и поэтому дорожили им – отсюда повторение и некоторое однообразие схем и формул. <...> Пользование стереотипным шаблоном <...> есть общее свойство средних веков» [5. С. 50].

Нельзя не отметить, что, являясь частью древнего нашего языка, традиционные фор-

мулы одновременно являлись частью произведений, принципиально отличающихся от современных. В «Поэтике древнерусской литературы» Д. С. Лихачев рассуждает о специфике литературы Древней Руси и пишет об этикетности как о неотъемлемом ее качестве. Сквозь призму этикетности академик смотрит не только на древнерусскую литературу, не только на древнерусское искусство, но и на жизнь русского Средневековья в целом: «Литературный этикет вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т.д.» [4. С. 75].

Из сказанного следует, что каждый древнерусский текст содержит формулы. Здесь можно привести высказывание З. К. Тарланова: «Хотя о формульности, этикетности, условностях говорят главным образом применительно к книжному типу древнерусского литературного языка, они не были чужды и для повседневного-делового языка» – «этикетность присуща была всем памятникам письменности, коль скоро она проявлялась как важнейший мировоззренческий признак» [9. С. 25]. В этом смысле древнерусская литература очевидно противопоставлена современной художественной литературе с ее стремлением к новизне и выражению индивидуального стиля автора.

Одним из самых ярких и самобытных произведений литературы Древней Руси является «Повесть временных лет» (далее ПВЛ). Данное произведение представляет собой свод: судя по всему, ее создатель мастерски работал с богатым арсеналом источников (византийские хроники, Священное Писание, исторические документы и др.), что не могло не отразиться на языковой организации памятника, в котором «соединены сугубо информативные фрагменты и повествования, обладающие несомненными литературными достоинствами» [6. С. 6].

Наиболее ярко представление древнерусского человека о мире репрезентировано в агнографических фрагментах ПВЛ, таких, как рассказ о житии и преставлении Феодосия Печерского, рассказ о его братии. К агнографическим фрагментам следует отнести также княжеские некрологи. В качестве главного предмета изображения в агнографических летописных фрагментах выступают деяния святого или его жизненный путь в целом, здесь используются определенные мотивы: учительства (наставничества), пророчества, исцеления, юродства

и др. Исходя из сказанного, представляется оправданным стремление создателя подобного текста так или иначе репрезентировать в тексте категорию оценки. Наиболее распространенными средствами языковой репрезентации данной категории являются атрибутивные именные формулы.

Атрибутивная формула представляет собой устойчивое сочетание прилагательного и существительного, способное в тексте представлять объект таким, каким он должен являться. Данные традиционные сочетания позволяют читателю понять, каким мыслил древнерусский человек тот или иной предмет своего повествования. Определение в таком случае обычно представляет собой слово с максимально общей оценочной семантикой. Чаще всего это действительно слова со значением обобщенно-положительной оценки. Одной из таких формул является, например, формула *великий князь*¹:

- *престависА великий князь русьский Ярослав* (ЛЛ, 54 об.),

- *престависА великий князь Всеволодъ снъ Ярославъ внукъ Володимерь* (ЛЛ, 72 л.).

Интересен тот факт, что *великий* является постоянным атрибутом князя, в то время как другие определения при данном имени появляются факультативно и не так частотны. Наиболее часто данная формула функционировала в княжеских некрологах, являясь частью идеализированного портрета умершего.

Не только прилагательное *великий* могло входить в состав устойчивого атрибутивного сочетания. Существовали и другие типичные именно для агиографических фрагментов ПВЛ прилагательные, образующие формулы. Приведем примеры:

- *еякоже Соломонъ реч оумершю мужю праведну не погыбають оупованье сего бо в намАть держать Русьстии людье поминающе стое кричньи и прославляют Ба въ млтвахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ поюще Гсви* (ЛЛ, 45 л.),

- *и идоша братья ко Антонью и рѣша иче братья оумножаются а хотѣли быхомъ поставити манастирь Антонию же радъ бывъ [рече] блгснъ Бъ в всемъ и млтва стья Бца и суицхъ ищъ иже в Стѣи Горѣ да будетъ с вами* (ЛЛ, 53 об.),

- *сдумавше послаша брата два глице сице егоже изволить Бъ и твоя чстная млтва егоже тобѣ любо того нарци* (ЛЛ, 63 л.).

¹ Здесь и далее примеры из древнерусских текстов даются в упрощенном графическом виде.

Традиционные формулы, приведенные выше, могут восприниматься современным читателем как плеонастические, избыточные с точки зрения смысла, что не вполне справедливо. Дело в том, что обилие оценочных единиц в ранних древнерусских текстах представляется вполне оправданным и даже необходимым. Создание ПВЛ не без оснований можно связывать с начальным этапом в истории христианизации Руси. Кроме того, признано, что «и воинская повесть, и летопись, относимые чаще всего к памятникам мирской литературы, изображают и истолковывают события с религиозной точки зрения» [8]. Следовательно, в утверждении посредством Слова новой, христианской веры создатель летописного текста видел одну из своих ключевых задач.

Большая часть подобных атрибутивных формул является средством экспликации положительной оценки, однако в агиографических фрагментах ПВЛ также есть случаи, когда создатель текста посчитал необходимым обратить внимание читателя на резко негативные явления в жизни человека. Так, например, Феодосий Печерский, обращаясь к своей братии, говорит: *паче же имѣти въ оустѣхъ Плтрь Двдѣ подобаетъ черноризцемъ симъ бо прогонити бѣсовское оуныньи* (ЛЛ, 62 л.). В данном случае использование атрибутивной формулы акцентирует внимание читателя на том, что уныние представляет собой тяжкий грех и нужно стараться всячески его избегать.

Исследование древнерусской языковой картины мира на материале агиографических фрагментов ПВЛ, на наш взгляд, является особенно показательным. Эти части текста, в отличие от воинских или деловых его частей, направлены, прежде всего, на воздействие, которое в летописи обычно достигается косвенным путем: через описание жизненного пути праведника. Эти тексты, как правило, отличаются высокой степенью художественной занимательности и обладают значительной литературной ценностью, т.к. подходят под определение «поэзии идеального преображения жизни», которая, по мнению И. П. Еремина, только и представляет «собственно литературу как искусство» [2. С. 78].

Список литературы

1. Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.) : курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов / И. Н. Данилевский. – М., 1999. – 399 с.

2. Еремин, И. П. Литература древней Руси / И. П. Еремин. – М., 1966. – 266 с.
3. Ковалев, Н. С. Древнерусский литературный текст: проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки / Н. С. Ковалев. – Волгоград, 1997. – 260 с.
4. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Л., 1967. – 327 с.
5. Орлов, А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А. С. Орлов. – М., 1902. – 50 с.
6. Пауткин, А. А. Беседы с летописцем: поэтика раннего русского летописания / А. А. Пауткин. – М., 2002. – 286 с.
7. Пименова, М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте / М. В. Пименова. – Санкт-Петербург, Владимир, 2007. – 415 с.
8. Ранчин, А. М. Своеобразие древнерусской литературы / А. М. Ранчин. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42393.php>.
9. Тарланов, З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии / З. К. Тарланов. – Петрозаводск, 1999. – 208 с.
10. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира : Материалы к словарю. – М., 2002. – 224 с.

Я. В. Зубенко

*Костанайский государственный педагогический институт
(Костанай, Казахстан)*

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КОГНИТИВНОЙ БАЗЫ

CASE NAME AS AN ELEMENT OF COGNITIVE BASE

Данная статья посвящена раскрытию понятия «прецедентное имя», структуре прецедентного имени и его дифференциальным признакам. В исследовании представлены дифференциальные признаки прецедентного имени, которые активизируются несколькими способами, а именно через прецедентную ситуацию, посредством черт характера и характеристику предмета.

This article is focused on the term of “precedent name”, the structure of precedent name and its distinctive features. The research presents the distinctive features of precedent name, which will be activated in several ways, namely through precedential case, aspect of personality and characteristics of the object.

Ключевые слова: *прецедентное имя, прецедентные феномены, когнитивная база, прецедентный текст, прецедентная ситуация.*

Keywords: *precedent names, precedent phenomena, cognitive base, precedent text, precedent case.*

Прецедентным именем лингвисты называют собственное (индивидуальное) имя и связывают его, во-первых, с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным. Многие исследователи в своих работах отмечают способность имен собственных функционировать в тексте как особый знак. Следует отметить, что прецедентные имена встречаются в ряде прецедентных феноменов. От остальных прецедентных понятий имена отличаются своей структурой, которую В.В. Красных называет «инвариантом восприятия»,

состоящей из ядра и периферии. В ядро, в свою очередь, входят дифференциальные признаки прецедентных имен, а периферия включает в себя атрибуты.

Атрибутами В.В. Красных называет «элементы, тесно связанные с означаемым прецедентным именем, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например: маленький рост Наполеона, бакенбарды Пушкина» [3. С. 83]. В качестве атрибутов могут выступать особенности внешности или характерные детали одежды, которые при-

надлежат денотату и по которым можно узнать денотат. Подобное узнавание или идентификация называется именованием по атрибуту. Под дифференциальными признаками понимается система «определенных характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных» [1. С. 82-84]. На сегодняшний день не представляется возможным назвать все составляющие элементы и дифференциальные признаки того или иного прецедентного имени. И.В. Захаренко утверждает, что «дифференциальные признаки прецедентного имени могут включать характеристику предмета: (а) по чертам характера или (б) по внешности» [4. С. 89]. Так, называя, кого-либо *Робин Гудом*, автор характеризует описываемого как человека смелого, готового прийти на помощь, однако не всегда добивающегося своей цели законным путем.

«Неизвестный благотворитель, который себя называет Робин Гудом, выиграл в казино и раздал нуждающимся уже около миллиона долларов» (URL: <http://ru.tsn.ua/tsikavinki/sovremennyy-robin-gud-iz-las-vegasa-cherez-internet-razdal-million-dollarov.html>).

Таким образом, посредством прецедентной ситуации или через характеристику предмета или человека по его описанию и внешним данным могут актуализироваться дифференциальные признаки прецедентного имени. Существует несколько подходов в изучении данного вопроса. Так, Д.Б. Гудков в своих работах опирается на «значение» прецедентного имени и говорит о «национально-детерминированном минимизированном представлении» [3. С. 55].

Прецедентное имя следует рассматривать на разных уровнях, учитывая, что, во-первых, оно является единицей когнитивного уровня, вследствие вхождения его инварианта в когнитивную базу, во-вторых, прецедентные имена относятся к вербальным феноменам. Такие исследователи как Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, В.В. Красных и И.В. Захаренко замечают по этому поводу: «именно по этой причине в коммуникации из выделенных и рассмотренных нами феноменов реально „участвуют“ только вербальные – прецедентное имя и прецедентное высказывание, через которые актуализируются вербализируемые прецедентные феномен, что, собственно и позволяет нам ставить вопрос о функционировании прецедентных имен и прецедентных высказываний как символов в определенных «коммуникативных условиях» [1. С. 86]. Прецедентные имена могут функционировать как имена-символы, В. В. Красных утверждает, что «прецедентные имена выпол-

няют функцию символа в том случае, когда необходима апелляция к прецедентному тексту и/или прецедентной ситуации (вернее – к инвариантам их восприятия)» [5. С. 84].

Вследствие того, что по своему определению прецедентное имя всегда связано либо с прецедентной ситуацией, либо с прецедентным текстом, следовательно, инвариант восприятия прецедентного имени формируется в тесной взаимосвязи с именем-символом. В свою очередь, прецедентное имя является единицей когнитивной базы, в связи с чем, Г.Г. Сергеева в своей монографии подчеркивает, что «динамика когнитивной базы может включать следующие процессы: 1) имя утрачивает прецедентность и выходит из когнитивной базы; 2) имя из ядерной части когнитивной базы перемещается на периферию (либо наоборот); 3) в той или иной степени трансформируется представление, стоящее за прецедентным именем» [10. С. 11].

Помимо рассмотрения инварианта восприятия, исследователи уделяют внимание «общему контексту национально-культурного сознания», так И.В. Привалова справедливо замечает, что «вокруг прецедентного имени организован определенный сегмент национально-культурного пространства, в который входят сопутствующие ему кванты знаний, объективированные различными языковыми единицами» [9. С. 241]. Например, имя «*Крузенштерн*» актуализирует знание таких реалий как «*барк «Крузенштерн»*», «*первая русская кругосветная экспедиция*», «*корабли «Надежда» и «Нева»* и т.д.

Практически любая категория имен собственных может стать прецедентной, что доказывают современные исследователи, выделяя следующую группу онимов: 1) антропонимы; 2) топонимы; 3) названия художественных или иных произведений, созданных интеллектуальным трудом человека; 4) хрононимы; 5) названия объектов бизнеса; 6) названия кораблей; 7) клички животных [8. С. 85-99]. Согласно И.В. Захаренко для коммуникации не важны дифференциальные признаки прецедентного имени, они просто игнорируются. Однако, связь прецедентного имени с прецедентным текстом может сохраняться, «указывая на принадлежность данного имени определенному прецедентному тексту» [4. С. 91]. Например: *Шерлок Холмс – знаменитый сыщик, литературный персонаж; Роман Абрамович – миллиардер, предприниматель, владелец футбольного клуба «Челси»; Гамлет – датский принц, герой трагедии Уильяма Шекспира.*

И.В. Захаренко останавливается более подробно на возникновении имени-символа и его функционировании в речи, автор выделяет несколько схем: 1) текст, прецедентное имя, имя-символ, инвариант восприятия прецедентного имени; 2) текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация, имя-символ, инвариант восприятия прецедентного имени; 3) ситуация, прецедентное имя, прецедентная ситуация, имя-символ, инвариант восприятия прецедентного имени; 4) ситуация, прецедентное имя, прецедентная ситуация, имя-символ, инвариант восприятия прецедентного имени, полисемичное имя [4. С. 91-94].

Таким образом, дифференциальные признаки прецедентного имени могут актуализироваться несколькими способами, а именно через прецедентную ситуацию, посредством черт характера и характеристику предмета. В случае, когда кого-то называют *Гераклом*, то собеседники понимают, что этот мифологический герой отличался выносливостью, храбростью и мужеством (происходит актуализация ограниченного набора дифференциальных признаков, а возможно и только одного из них – силы). Кроме того, прецедентное имя, взятое из прецедентного текста, может быть не одним дифференциальным признаком, а несколькими и включать при этом как ситуацию, так и характеристику, т.е. быть полисемичным.

Так, в определенных контекстах прецедентное имя *Остап Бендер* актуализирует прецедентную ситуацию «увода» денег при помощи «четыреста сравнительно честных способов», однако поведением «великого комбинатора» *Остапа Бендера* управляет всего лишь жажда деятельности. Для него богатство, как конечный результат, не имеет значения. Само прецедентное имя может характеризовать человека, с одной стороны, как энергичного, предприимчивого и изобретательного, с другой стороны, как проходимца и мошенника. Приведем пример из прессы: «*Внуки Остапа Бендера: «дедушка» отдыхает*» (заголовок статьи о мошенничестве современной молодежи) (URL: <http://informburo.kz/stati/vnuki-ostapa-bendera-dedushka-otdyhaet-7068.html>)

В качестве имен-символов, связанных с хранящимся в когнитивной базе инвариантом восприятия прецедентной ситуации, И.В. Захаренко называет такие имена как *Ромео* и *Джюльетта*, *Отелло* и *Дездемона*, *Иуда* и др. Автор также выделяет в особую категорию имена, известные любому современному человеку, вне зависимости от лингвокультурного сообще-

ства, например, имя *Иуда* является символом предательства [4. С. 93]. Для подтверждения данного утверждения приведем следующие примеры: «*Отелло на каждый день, или жизнь с ревнивцем*» (цитата из статьи о вопросах психологической помощи) (URL: <http://www.akimov-sn.ru/stati/otello-na-kazhdyy-den/>); «*Подмосковные «Ромео и Джульетта» устроили резню*» (название статьи о криминальном происшествии в Подмосковье) (URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2699581>).

Имена-символы могут не иметь конкретного прецедентного текста или определенной прецедентной ситуации, а быть связанными с инвариантом восприятия прецедентного имени. Например, имена таких исторических фигур как *Наполеон* или *Петр I* обладают дифференциальными признаками. Приведем следующий пример: «*Что такое комплекс «Наполеона?»*» (цитата из статьи о психологических проблемах современного общества) (URL: <http://brjunetka.ru/chto-takoe-kompleks-napoleona/>).

Вопрос о типах функционирования прецедентных имен также рассматривался С.Д. Кацнельсоном (экстенциональный тип), А.В. Суперанской (коннотативный и денотативный типы), Д.Б. Гудковым (интенциональный и экстенциональный типы) и др. Рассмотрим более подробно интенциональный и экстенциональный типы. Так, Е.А. Флейшер отмечает, что прецедентные имена при «экстенциональном функционировании сближаются с обычными именами собственными, в то время, как интенциональное употребление подразумевает ряд характерных особенностей». Однако, «несмотря на два основных способа функционирования, прецедентное имя остается прецедентным в любом варианте употребления» [11. С. 23].

Интенциональное функционирование прецедентных имен имеет следующие особенности: 1) происходит актуализация не только ситуации/текста, но и национального представления, стоящего за этим именем; 2) прецедентное имя может употребляться как отдельно, так и вместе с названием связанного с ним прецедентного феномена. Караулов замечает, что «степень метафоричности падает, когда имя употреблено вместе с заглавием, и возрастает при самостоятельном употреблении того или другого» [6. С. 225]; 3) характерна особая синтаксическая позиция; 4) грамматическая категория рода и семантическая соотнесенность с полом для прецедентных имен не обязательны [7. С. 57].

Ряд исследователей соотносит типы функционирования прецедентных имен, а именно ин-

тенсиональный и экстенсиональный, с метафорическим употреблением имени собственного, указывая на то, что метафорический перенос чаще является основой для формирования прецедентных имен. С одной стороны, являясь прецедентными единицами, прецедентные имена формируют структуру когнитивной базы, с другой стороны, им необходимо определение их места в когнитивном пространстве языка. Следует отметить, что имена собственные являются источником прецедентных имен. Что касается значений имен собственных и прецедентных имен, то они представляют одну и ту же структуру. Прецедентные имена, в свою очередь, не образуют отдельный класс между нарицательными и собственными именами, они формируют дополнительную категорию имен собственных.

Список литературы

1. Багаева, Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82-103.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 149 с.
3. В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82-103.
4. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82-103.
5. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М. : ГНОЗИС, 2002. – 284 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
7. Красных, В. В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) / В. В. Красных // Теоретические проблемы психоллингвистики : науч. журн. – М. : Институт языкознания РАН : Парадигма, 2008. – № 7. – С. 53-58.
8. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : Монография / Елена Анатольевна Нахимова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. – 276 с.
9. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак : лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / Ирина Владимировна Привалова. – Москва, 2005. – 472 с.
10. Сергеева, Г. Г. Прецедентные имена и понимание их в молодежной среде : дис. ... канд. филол. наук / Галина Георгиевна Сергеева. – Москва, 2005. – 206 с.
11. Флейшер, Е. А. Основы прецедентности имени собственного : автор. дис. ... канд. филол. наук / Екатерина Андреевна Флейшер. – Санкт Петербург, 2014. – 24 с.

Д. Н. Иванова

*Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

Л. Е. Яровая

*Донской государственный технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

LEXICAL WORD BUILDING PECULARITIES IN MODERN ENGLISH

В статье рассматриваются новые лексические единицы в современном английском языке, за которыми закреплена определенная региональная и национальная специфика. Такие слова,

как правило, характеризуются как сленгизмы. Также акцент сделан на эмоциональной окраске данных неологизмов.

The paper deals with new words which fix some certain regional and national specific features. Such words are mostly characterized as slangisms. An emphasis is placed on emotional colour of these lexical units.

Ключевые слова: коннотация новизны, сленгизм, индивидуализация, идентификация, социокультурный код.

Keywords: novel connotation, slangism, individualization, identification, sociocultural code.

Появление новых слов в любом языке продиктовано, в первую очередь, прагматическими потребностями. Когда мы хотим что-то сообщить, то мы выбираем из лексического репертуара то, что лучше всего смогло бы отразить наши чувства и мысли. Если же такого слова нет, а потребность существует, то человек может выступить «творцом» нового слова. Общеизвестно, что английский язык сегодня переживает своего рода «неологический бум». Справедливости ради надо заметить, что подобный бум ощущается не только в английском языке, но и во многих других языках мира. Однако английский язык в этом рейтинге, безусловно, занимает лидирующие позиции. Так в английском языке, по подсчетам Р. Маккрама за год в среднем появляется 800 новых слов [2]. Этот факт объясняет практическую потребность в проведении такого рода исследований, которое мы проводим в данной работе. Основная наша задача – не просто фиксация нового слова, но и его научное исследование с учетом прагматических характеристик. Все слова, которые вошли в содержание нашей работы, характеризует «коннотация новизны», так как коллективное языковое сознание воспринимает их как нечто новое. Однако все они, в свою очередь, прошли две обязательных стадии, а именно стадию социализации (принятия их в обществе) и лексикализации (закрепление в языковой системе).

В лексическом фонде различных языков существует тенденция закреплять за конкретными лексическими единицами определенную национальную и региональную специфику. Эта тенденция восходит к существовавшей еще в древней культуре оппозиции «свой – чужой». Этот архетип переходил из одной эпохи в другие, выполняя различные функции: от консолидации страны (племени, региона и т. д.) до разделения на два враждебных лагеря под условными названиями «свои» и «чужие». Лексические единицы, которые фиксировали этот

устоявшийся образ, несут в себе информацию обо всем многообразии исторических событий, о взглядах и оценках носителей языка. Следовательно, интерпретация подобных культурно-маркированных лексем делает их ценными фактами языка. Мы разделяем мнение Ю. А. Бельчикова, считающего, что подобные слова являются «носителями не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации... они вместе с тем аккумулируют социально-историческую информацию, экспрессивно-эмоциональную и оценочную» [1].

Объектом исследования в работе выступают лексические новообразования в современном английском языке, которые ассоциируются у носителей языка с определенной географией и культурой. Даже поверхностный взгляд на этот пласт лексики позволяет сделать вывод, что данные слова, как правило, маркируются как сленгизмы. Основная их функция в речи – выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других. Кроме того, употребление их в речи несет в себе мощный заряд воздействия на участников коммуникации в зависимости от речевой ситуации.

Мы условно разделили эти лексические единицы на две большие категории:

1. Новые лексемы, которые ассоциируются у носителей языка с определенным регионом.
2. Лексические новообразования в английском языке, отражающие национальную специфику и колорит.

В нашей работе мы решили привести примеры из британского сленга, которые обозначают жителей Туманного Альбиона. Но данный тренд очень ярко выражен и в других англоязычных странах. Так, в американском сленге нам удалось найти подобные лексические новообразования, которые обозначают жителей каждого из пятидесяти штатов США. Все эти слова ассоциируются у американцев с набором определенных культурных характеристик, но

в британском сленге таких примеров тоже немало.

К примеру, слово *Scousers*, которое обозначает жителей Ливерпуля, стало часто употребляемым только в последние десятилетия. Оно ассоциируется с теми, кто гордится своей страной и ее историей, легендарной группой Beatles и футбольными клубами. Также это слово несет сему значения людей, которые способны выжить в любой ситуации и имеют репутацию «непотопляемого» народа.

Scousers are also believed to be natural comedians who are proud of their city ... and very community-minded. (Innovations Advanced, 2007 [3])

В целом этим словом можно назвать любого ливерпульца, и это не будет обидным для того, кого называли, так как оно не несет какой-либо отрицательной окраски. Более того, население гордится тем, что ассоциируются у жителей других регионов именно с этим словом речевых характеристик. Мы также хотели бы отметить, что это слово означает и носителя одноименного диалекта (*Scouser*), смеси шотландского, ирландского и валлийского языков. Не стоит удивляться, что этот диалект не совсем понятен для остальных жителей туманного Альбиона. При взгляде на карту такое отличие сразу становится понятным: Ливерпуль находится возле приграничной зоны Уэльса, недалеко от Ирландии, и всегда считался крупным портовым городом, в который прибывали моряки со всего мира. Моряки тоже поучаствовали в создании местного диалекта, в частности, внося колорит в произношение и словарный состав. Справедливости ради отметим, что похлебку, которую варили жители доков в Ливерпуле, часто используют для образного сравнения при описании особенностей местного диалекта. Ведь и в русском языке про человека с плохой дикцией могут сказать: «У него словно каша во рту».

Следующий пример – *Geordie* – также не имеет негативной коннотации и при произношении вызовет как минимум улыбку почти у всех британцев. Однажды знаменитый футболист Пол Гайскон произнес фразу *Proud to be Geordie!* выразив в ней всю гордость и радость жителей региона, которых окрестили этим словом.

Geordie называют жителя Ньюкасла-на-Тайне. Город расположен на северо-востоке Англии в зоне, которая граничит с Шотландией. Сегодня слово ассоциируется с расширенной географией и может употребляться для обозначения жителей всей северо-восточной Англии.

Geordie также имеют репутацию самых преданных футбольных болельщиков, причем не так давно эта репутация стала официальной: были проведены примерные подсчеты затрат разных болельщиков на любимую команду и после статистической обработки признали, что фанаты клуба *Newcastle United* официально лидируют в этих затратах.

Кроме того, город имеет репутацию веселого города, который умеет развлекаться и отдыхать (*party city*). Но такое мнение отражает нынешнюю ситуацию, а история и развитие города и его экономическое благополучие неразрывно связаны с развитием шахт. Именно шахтер признан основной культовой фигурой данного региона и прямым носителем главных культурных специфических особенностей и характеристик. Для подтверждения – отрывок из книги известного лингвиста Wales K.: *...the miner and the keelman had become icons of the region "Geordie" was a label that affectionately and proudly reflected this* [4].

Версий происхождения этого слова немало и трудно назвать ту, которая наиболее соответствует действительности. Впрочем, учитывая исторический контекст, мы пришли к выводу, что все существующие на сегодняшний день версии носят гипотетический характер. Поэтому наиболее жизнеспособной нам представляется версия, что данная лексическая единица восходит к имени собственному, весьма популярному в данном регионе во времена расцвета шахтерского ремесла.

Что касается оценочных свойств этой лексемы, то мы уже упоминали о позитивных эмоциях, которые вызывает употребление этого слова у большинства жителей Британских островов и у всех без исключения жителей Ньюкасла. Но у населения приграничной Шотландии данное слово ассоциируется с негативным для них стереотипом жителя Ньюкасла. Это легко объяснить многовековым соперничеством северо-восточных районов Англии и Шотландии за инвестиции Лондона, которые делают регионы финансово привлекательными. На сегодняшний день эта конкуренция в контексте возможного приобретения Шотландией независимости достигла кульминационной точки.

Жителей еще одного английского города Бирмингема называют *Brummy* (*Brummie*). В первую очередь для остальной части туманного Альбиона *Brummies* ассоциируются с носителями самого неблагозвучного диалекта. Если бы на территории Соединенного Королевства проводили конкурс на самый непривлекатель-

ный диалект, то все жители, скорее всего, проголосовали бы за *Brummy*. Однако справедливости ради мы попытались выяснить для себя, в чем заключаются фонетические, грамматические и лексические особенности этого диалекта. Поверхностный анализ позволил нам прийти к выводу, что только фонетическая сторона речи отличается особой монотонностью и неблагозвучностью. В грамматической и лексической областях данный диалект, безусловно, находится ближе к нормативному английскому языку, чем остальные.

Еще один сленгизм, употребляемый в отношении жителей Манчестера *Mancs*, относится к лексике сниженного регистра и имеет устойчивую ассоциацию у носителей английского языка с другим значением этого слова *dirty*. Однако для большинства британцев – *Mancs* – *Just friendly people you might meet on a train or plane somewhere or, of course, in Manchester* [5].

А вот про кокни многие из нас знают. Кокни (англ. *cockney*) — это слово представляет собой название пренебрежительного характера, относящееся к жителю Лондона. Кокни — это человек из Лондона, который родился в районе слышимости звона колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу (а их звон слышен на расстоянии около пяти миль от церкви). До середины XX века кокни имели свои традиции, носили отличительные черные костюмы, украшенные блестящей вышивкой, и отличались от других жителей Лондона манерой разговора. Привлекают внимание их праздничные наряды, в которые и сегодня одеты некоторые кокни — шляпы с красочными перьями, платья и костюмы, расшитые блестящими пуговицами; и за все это их называют «жемчужными королями и королевами» (*Pearly Kings and Queens*). Традиция связана с лондонскими уличными торговцами, которые имели обычай эксцентрично одеваться и украшать одежду перламутровыми пуговицами, что стало для них своеобразным способом отличать в толпе «своих». В конце XIX века один кокни, сирота Генри Крофт пошёл ещё дальше и полностью, с головы до ног, украсил свой костюм перламутровыми пуговицами. Это помогло ему стать местной знаменитостью и дало возможность успешно собирать пожертвования для сирот и нуждающихся. «Жемчужные короли и королевы» и сегодня связаны с благотворительностью.

Кокни — также один из самых известных типов лондонского акцента — просторечия. На кокни говорят в основном люди, которые вышли из низших слоев населения Лондона. В

других городах кокни не встречается. А потому, человеку, не знакомому с диалектом кокни, очень трудно понять даже самое простое предложение.

Существует мнение, что слово «кокни» (*cockney*) происходит от словосочетания «*cock's egg*», что переводится как «петушиное яйцо». Это название родилось потому, что жители сельской местности считали, что людям в городе практически нечем питаться, в изобилии можно было найти лишь куриные яйца. Так это название прикрепило к жителям Лондонских трущоб Ист-Энда.

В 1912 году известный ирландский драматург Бернард Шоу пишет пьесу «Пигмалион», в сюжете которой обыгрываются особенности языка англичан из разных слоёв общества. Пьеса рассказывает историю лондонского профессора фонетики Генри Хиггинса, который заключает пари, согласно условиям которого он должен обучить Элизу Дулиттл, цветочницу из Ист-Энда, правильному произношению. Во время чтения очень интересно наблюдать за тем, как неотёсанная девушка-кокни превращается в удивительно прекрасную леди. Известно, что по мотивам пьесы было снято несколько фильмов и написан один из самых знаменитых мюзиклов «*My Fair Lady*». Благодаря истории Элизы Дулиттл и профессора Хиггинса лондонский кокни получил известность во всём мире.

Для диалекта кокни характерно особое произношение, неправильность речи, а также рифмованные сленговые выражения.

Что примечательно, явление кокни не только не угасло, но и стало распространяться по миру. К примеру, сокращение *ain't* встречается в песнях, а в 1981 году даже вышла книга под названием «*Ain't I a Woman?*» за авторством Белл Хукс (она же Глория Джинн Уоткинс).

- *Mo Slater has stolen a baby's cot and is now selling it like the heartless criminal she is. Egads! You nasty evil cockney!*

- *Oh, go smell the coffee, BBC.* [5, by StormSworder, August 11, 2006]

Ещё один интересный феномен, рождённый кокни — так называемый «мокни» (*Mockney*, от англ. *to mock* «высмеивать», «издеваться» + *cockney*). Этим словом называют искусственный акцент, который подражает манере речи кокни, а также тех, кто говорит на этом акценте.

Типичный мокни — это представитель высшего среднего класса, который по каким-то причинам имитирует кокни. Люди используют мокни, чтобы стать «ближе к народу», убедить

собеседника, что они родились в небогатой семье и добились всего сами, с помощью своих талантов, а не благодаря связям, образованию или принадлежности к высшему классу. Некоторые англоязычные актёры, чтобы быть смешнее, используют в своей речи мокни. Д. Албарну из брит-поп группы Blur приписывают «шарм простого, пацанского мокни». Мика Джаггера считают первым из современных знаменитостей, кто преувеличивал собственный акцент, чтобы стать популярнее. Знаменитый английский шеф-повар Джейми Оливер также пытается подражать акценту кокни [6].

That Beamish lad thinks he's so eastend; what a mockney! [5, by Bob March 27, 2003]

Данные примеры обладают яркой эмоциональной окрашенностью и эксплицируют общественное мнение. Мы считаем, что фиксируемые в языке новые семантические формы собирают воедино все, что происходит сегодня в культуре и придают всему этому смысл, задавая возможный вектор развития. И наконец, данное направление исследования заставляет задуматься о возможностях подхода к языку как универ-

сальному социокультурному коду, который актуализирует связь индивида и изменяющегося социального мира в опосредованной форме.

Список литературы

1. Бельчиков Ю.А. Русский язык XX век / Ю.А. Бельчиков – М., 2003.
2. Robert McCrum, William Cran, & Robert MacNeil. The Story of English / Robert McCrum, William Cran, & Robert MacNeil / New York: Penguin, 1992: 1.
3. Dellar Hugh, Walkley Andrew. Innovations Advanced / H. Dellar, A. Walkley / Thomson, 2007.
4. Northern English: A Social and Cultural History / Katie Wales. Cambridge University Press, 2006. – 257 p.
5. Словарь Urban Dictionary. – URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения – 10.01.16)
6. Википедия – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BA%D0%BD%D0%B8> (дата обращения – 17.01.16)

А. В. Кавунова, А. М. Плотникова
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

ИНОСТРАННЫЙ АКЦЕНТ КАК ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ¹

FOREIGN ACCENT AS THE OBJECT OF METALINGUISTIC REFLECTION IN FICTION

В статье рассматриваются метаязыковые высказывания, в которых отражена рефлексия авторов над речью героев художественных текстов. Основное внимание уделено фонетической стороне речи, в частности, иностранному акценту и способам его отражения в художественных текстах. На основе наблюдений за использованием в художественной литературе слово-сочетаний, включающих слово «акцент», создается метаязыковой портрет данного явления.

The article is devoted to the research on metalinguistic expressions showing the author's reflection on characters' speech in fiction. The attention is paid most to the phonetics of their speech, foreign accent and the ways of its depiction in particular. The metalinguistic portrait of the "accent" is created due to the results of research on collocations having the word "accent" in them.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, художественный текст, стилизация.

Keywords: metalinguistic reflection, fiction, stylization.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

Речь на иностранном языке и особенно её фонетические особенности становятся объектом метаязыковой рефлексии в художественных текстах. «Чужой» язык предстаёт незнакомым, непонятым, загадочным и потому осмысливается писателями при помощи различных метафор, например: «У чужого народа язык узловатый, занозистый»; «Люди говорили на непонятном – как кипящая в чайнике вода – языке» (Д. Гуцко).

В данной статье основным объектом анализа являются метаязыковые характеристики акцента в художественных текстах. По словам Е. Протасовой, рассматривающей феномен многоязычия в русских текстах, «звуки чужой речи незримо или осознанно присутствуют в жизни русскоязычных и осмысливаются ими. Чувствительность, иногда даже болезненная, к качеству произносимого показывает, что внешняя сторона не безразлична пользователям языка» [5. С. 284].

Источником материала послужил Национальный корпус русского языка [4], а также некоторые контексты из современной художественной литературы. Отбор материал производился по ключевому слову *акцент*, словам *произношение*, *выговор*, *артикуляция*, а также частично привлекались контексты с глаголами характеризованной речевой деятельности, указывающими на особенности произношения (*шепелявить*, *картавить*, *грассировать* и т.д.).

Примечательно, что толкование слова «акцент» не совпадает в разных словарях. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова определяет акцент как «невольное искажение звуков какого-либо языка лицом, для которого этот язык не является родным» [2. С. 34], в то время как другие словари уходят от негативно-оценочной интерпретации акцента как искажения, например:

Акцент. Своеобразное произношение, свойственное говорящему не на своём родном языке и заключающееся в произвольном искажении звуков чужого языка и характерного для него рисунка под влиянием родного языка говорящего [3. С. 26].

Квалифицируя речь человека как речь на неродном языке и размышляя об особенностях этой речи, говорящий или пишущий, безусловно, проявляет метаязыковую рефлексия. При этом оцениванию может подвергаться как исключительно внешняя, звуковая сторона речи, так и её содержательная сторона, в последнем случае носитель акцента предстаёт человеком иной культуры, например: «Говорил по-русски

он не совсем правильно, но исключительно выразительно. Акцент грузинский был довольно сильный, из-за него немного смещался смысл. И даже расширялся. Почему так происходило, Нора никогда не могла понять, но всегда радовалась, чувствуя, что дело не только в языке, но во всем строе мыслей человека другой земли и культуры» (Л. Улицкая).

Сочетаемость слова «акцент» позволяет сделать некоторые наблюдения относительно того, какие особенности иностранной речи на русском языке чаще всего замечаются и фиксируются. Поиск в Национальном корпусе русского языка по биграммам (прилагательное + слово *акцент*) показывает, что акцент рассматривается по силе проявления (сильный – слабый), по воздействию на слушателя (приятный – ужасный), по признаку этнической принадлежности говорящего. Относительно последнего параметра отметим, что в корпусе наблюдается следующее распределение по степени частотности: *грузинский* (64 контекста), *немецкий* (48), *украинский* (48), *кавказский* (49), *польский* (35), *еврейский* (30), *восточный* (18), *английский* (17), *французский* (15).

Относительно словосочетания «кавказский акцент» следует сделать важное уточнение социолингвистического характера, сославшись на исследование Ф.О. Байрамовой: «Современная геополитическая ситуация обусловила формирование лингвистического феномена, который, исходя из представлений обыденного языкового сознания носителей русского языка, именуется «кавказским акцентом». Специфика данного явления состоит в том, что как такового «кавказского акцента» в реальности не существует (кавказские языки разнородны по своим характеристикам). Связано это с тем, что носители русского языка, как правило, не различают между собой на слух армянский, азербайджанский, грузинский и другие акценты Кавказа, которые сливаются в обобщенный образ «кавказского» акцента. Таким образом, «кавказский акцент» – это бытовое именование смеси ярких акцентных особенностей (прежде всего фонетических), присущих речи носителей различных языков Кавказского и Закавказского регионов» [1. С. 3].

Описывая акцент, автор может имитировать речь героя, при этом объектом стилизации становятся и фонетические, и грамматические, и интонационные особенности речи: «*Мартин Кроненгер говорил по-русски с тягучим западным акцентом: мы понимайт... вы понимайт... это есть хорошая идея... ми будем сотрудни-*

чайт... и т.д., одет был с иголки, благоухал дорогими ароматами, приезжал на саабе» (А. Волос). Для достижения эффекта достоверности писатели используют разнообразные приёмы стилизации, в первую очередь, связанные с фонетической стороной речи. Один из авторов сообщества начинающих писателей обращается к аудитории с вопросом: «Я столкнулся с необходимостью передать грузинский акцент в прямой речи персонажа и понял, что ничего не получается. Коверканье отдельных гласных делает диалог нечитаемым и убивает смысл. Наверное, перебарщиваю с коверканьем. Замена женского рода на мужской делает персонажа неграмотным, а он у меня министр иностранных дел (не Шеварнадзе – другой)». Читатели этого блога, выступая как носители обыденного метаязыкового сознания, предлагают набор фонетических признаков имитации грузинского акцента, при этом они опираются на жизненный опыт или представления, полученные из литературы и кино. Для таких наивных лингвистов характерна установка на конкретные проявления метаязыковой рефлексии (указание на произношение отдельных слов, например, «Вспомните «Мимино»: «Слюшай, дарагой...» и будет читабельно»), а не на системные свойства грузинского акцента.

Акцент рассматривается как некое украшение речи, которое может зависеть от эмоционального состояния (например, усиливаться при волнении или исчезать). В некоторых случаях писатель, упомянув наличие акцента, не прибегает к постоянной имитации, например: «– Заходы, заходы, будь дарагым гостэм, – и, взяв под локоток, подвел к креслу возле своего стола. – Садысь, садысь, сталинградец, потолкуем. Куришь? Говорил он с акцентом, но небольшим (в дальнейшем читатель пусть сам расцвечивает его речь, я не буду). Сталин сел за стол, выдвинул ящик, взял оттуда коробку своей знаменитой «Герцеговины флор», вскрыл ее и протянул мне» (В. Некрасов).

В других случаях акцент становится основной речевой характеристикой героя. Так, в романе М. Гиголашвили «Захват Москвитии» главным героем является немецкий студент-лингвист Манфред Боммель, приехавший в Москву для углубленного изучения русского языка. Именно русский язык становится сюжетным центром романа, а герой романа отправляется в увлекательное лингвистическое путешествие, совершает, выражаясь словами самого героя, «лингвотур». В речи героя частотны самые разнообразные типы ошибок,

связанные с интерференцией языков на уровне семантики и грамматики, например: «Я делал курс японского, шведского», «Я спросил корпектного попутчика». Допускаемые ошибки обычно не исправляются, и эта особенность, вероятно, может быть отнесена не только к тексту романа, но и в целом к межкультурной коммуникации, когда незначительное непонимание легко снимается в ходе диалога и не требует коррекции.

Ошибка, допускаемая персонажем и обусловленная влиянием другого языка, интерпретируется авторами как нарушение известных правил, например, как синтаксическая ошибка, связанная с правилами согласования: «Говорила она по-русски с сильным акцентом и всегда путалась с согласованием родов. «Она такой красивый девушка», – описывала она дочку кого-то из своих знакомых» (Б. Левин). Именно неверная родовая принадлежность существительного в подчинительных словосочетаниях или предикативных конструкциях чаще всего является маркером речи иностранца, поскольку такого рода ошибки в целом несвойственны говорящим на родном языке.

Оценочная интерпретация акцента зависит от многих факторов, в том числе социально-политических, идеологических. Известно, что в литературе советского периода иностранец зачастую представал в образе человека ограниченного и заботящегося лишь о наживе, и речь такого персонажа в тексте изобилвала не только разного рода ошибками, но и была откровенно уродливой. Например, в «Сказах о немцах» П. Бажова русская речь немецких капиталистов, владеющих уральскими заводами, намеренно искажена: «Такой глупый мальчишка завод не пускайть!». В современных художественных и публицистических текстах также встречаются приёмы макаронической речи, приписываемой иностранцам, или намеренного пародийного усиления акцента с целью создания комических образов персонажей.

Акцент, наряду с невербальным поведением, становится знаком узнавания своего или чужого, например: «По особому рычащему произношению английского, по манере хлопать друга по плечу, по хозяйской размашистости движений и по свободе обращения с бутылками я сразу понял, что это американцы» (Е. Евтушенко).

Оценивание акцента обусловлено и звучанием другого языка, которому русские субъективно приписывают какие-то положительные свойства. Так, польский акцент характеризу-

ются, по данным корпуса, преимущественно положительно: *распевный, патетический, мягкий, изящный, звенящий, чистый*.

Положительные характеристики зачастую связаны с французским акцентом, например: *«До сих пор слышу звонкий девичий голос с милым французским акцентом, старательно выговаривающий: Ты жива ещё, моя старушка? Жив и йя. Привьет тебе, привьет!..»* (Ю. Друнина).

Характеристика акцента даётся в текстах через звуковые образы, например, немецкий акцент сравнивается с рассыпанным горохом: *«Никакой шум и драки у меня не буль, господин капитэн. – затараторила она вдруг, точно горох просыпали, с крепким немецким акцентом, хотя и бойко по-русски, – и никакой, никакой шкандаля, а они пришлошь пьян, и это я все расскажит, господин капитэн, а я не виноват...»* (Ф. Достоевский). Возможны тактильные образы, например, *шершавый эстонский акцент*.

Акцент характеризуется и по особенностям эмоционального воздействия: *«Смешной бакинский акцент. Впрочем, смешной как всякий чужой акцент»* (Д. Гуцко). Как пишет в стихотворении «Русский язык» Б. Слуцкий, «все акценты хотят оценки», и это связано с тем, что язык как социальный феномен находится в центре внимания не только лингвистов, но и всех его носителей языка.

Наиболее частотными являются нормативные оценки акцента. На основе имеющих у большинства носителей русского языка представлений о нормативной русской речи, нор-

мативном произношении возникают и представления об отклонениях, которые чаще всего описываются при помощи фразеологизма «ломаный язык» или других метафор повреждения (ломать язык, говорить ломано, коверкать язык). Метафоры, восходящие к представлению о языке как механизме, который может быть поврежден, сопровождают разнообразные имитации акцентов.

В целом иностранный акцент выступает как важный метаязыковой элемент художественного произведения, выполняющий экспрессивную функцию и демонстрирующий креативный потенциал языковой системы.

Список литературы

1. Байрамова Ф. О. Исследование акцента в интерферированной русской речи (на материале русской речи азербайджанцев): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000. – 1636 с.
3. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. проф. В. В. Морковкина, М., 2016. – 1456 с.
4. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. Протасова Е. Многоязычие в русских текстах // Вариативность в языке и коммуникации. Сборник статей. М.: Издательский центр РГГУ, 2012. С. 259–284.

А. О. Кагилева

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ПРИЧИНЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ

SEMANTIC CHANGES. FORMATION EUPHEMISMS REASONS

В статье раскрываются причины семантических изменений, а также их влияние на образование эвфемизмов. Также рассматриваются и анализируются эвфемизмы, относящиеся к экономическому дискурсу, образованные путём метафоризации значения.

The article discloses the reasons for semantic changes and their influence on euphemisms formation. Euphemisms of economic discourse formed by meaning metaphorization are provided and analyzed in the article.

Ключевые слова: семантические изменения, эвфемизм, метафора, метонимия, метафоризация.

Keywords: semantic changes, euphemism, metaphor, metonymy, metaphorization.

Вопрос эвфемизации неразрывно связан с вопросом полисемии в языке. Полисемия, в свою очередь, вытекает из семантических изменений, происходящих в том или ином языке. Семантические изменения, как и любые другие изменения, закономерны и необходимы, поскольку являются показателем роста и развития.

Причинами изменений выступают экстралингвистические факторы. Экономика, история, общество, технологии – все это привносит изменения в язык, в частности, приводит к повторному использованию того или иного значения слова.

По мнению Л. Блумфилда, «Семантическое изменение — это сложный процесс. Он связан с предпочтением одних форм и отказом от других, и его кульминационной точкой является распространение предпочитаемой формы в такие сферы практического применения, которые до того принадлежали форме, попавшей в немилость» [1. С. 467].

З.А. Харитончик в своей работе выделяет особые социальные группы в качестве причин изменения семантики [3. С. 44]. Так, одно и то же слово в разных социальных, профессиональных, культурных группах может иметь различные значения.

Так, выражение *at liberty* (свободный) приобрело значение «безработный», когда стало использоваться в тех или иных профессиональных группах. Глагол *rationalize* также приобрел особое значение, когда его стали использовать при упоминании об увольнении сотрудников.

Отдельное внимание З. А. Харитончик уделяет психологическим факторам, оказывающим серьезное влияние на изменения в семантике слова. К ним относятся страхи и запреты, «чувство деликатности, когда речь идет о неприятных темах, <...>, стремление соблюдать приличия при разговоре о явлениях, относящихся к сексуальной сфере жизни, определенные части и функции человеческого организма, а также различного рода изменения в эмоциональной оценке предметов и явлений» [3. С. 45]. Всё это относится к причинам появле-

ния и использования эвфемистичной лексики в языке.

Кроме экстралингвистических причин изменения семантики слова существуют внутрилингвистические факторы. Сюда, как правило, относят словосочетания, в которых один из элементов воспринимается и используется в качестве целого выражения.

К примеру, в экономическом дискурсе вместо выражения *reduction in force* (сокращение штата), которое, в свою очередь, также является эвфемизмом, чаще используют аббревиатуру *RIF*.

Семантические изменения являются закономерными. В случае таких изменений речь всегда идет о наличии ассоциативных связей. Именно ассоциативные связи являются определяющими для семантических изменений в ходе истории.

Так, в зависимости от того, что лежит в основе той или иной ассоциативной связи, З. А. Харитончик выделяют метонимию, метафору и их варианты – синекдоху и функциональный перенос [3. С. 46].

При метонимии происходит перенос имени того или иного предмета или явления на другой предмет или явление, в основе лежат действительные связи между соответствующими предметами или явлениями.

Глагол *to carpet* (вызывать для выговора или замечания) выступает одним из ярких примеров эвфемизма, образованного путем метонимизации значения.

Синекдоху принято выделять в качестве разновидности метонимии, когда происходит перенос имени с части обозначаемого на целое.

Метафора также относится к типу семантических изменений, который позволяет образовывать вторичные значения слов.

«Метафора представляет собой перенос наименования того или иного предмета или явления на другой предмет или явление на основании их сходства, причем уподобление одного предмета другому может осуществляться вследствие общности самых различных признаков: формы, цвета, внешнего вида, положе-

ния в пространстве, вызываемого ощущения, впечатления, оценки и т.д.» [3. С. 48].

О функциональном переносе речь идет в том случае, если перенос имени предопределяет функциональная общность двух предметов или явлений.

Образование эвфемизмов с помощью метафорического переноса является самым продуктивным способом. В. П. Москвин отмечает, что одним из успешных приёмов двусмысленности речи является метафоризация [2. С. 67].

Проводя компонентный анализ эвфемизмов, относящихся к экономическому дискурсу, мы выделили ряд классов и дифференциальных сем. Для анализа использовались контексты из статей газеты The Economist (25-31 July, 2015).

В текстах экономической тематики читателям предлагается немалое количество метафор, в том числе эвфемизмов, образованных данным способом. Это обусловлено многогранностью и сложностью темы и наличием ряда вопросов, о которых говорить и писать, не вуалируя действительность, достаточно сложно. Среди таких вопросов выделяют вопросы, связанные с экономическим кризисом, увольнение сотрудников, финансовые операции, проводимые нечестным путем, и ряд других вопросов.

В предложении “*Many other unicorns have money that could help cushion them (У других стартапов есть денежные средства, которые могли бы стать последним резервом в случае возникновения убытков)*” (The Economist, “To fly, to fall, to fly again”, p. 17):

КЛС¹ – предотвращение / смягчение

ДС² 1 объект – человек, организация

ДС 2 действие – защита

ДС 3 действие – замедление

ДС 4 результат – сокращение негативных последствий

КК³ – положительный

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что, несмотря на положительный коннотативный компонент лексемы *cushion*, использование данной лексемы указывает на то, что стартапы неизбежно в сложившейся ситуации понесут убытки. В связи с этим мы можем говорить, что в предложенном контексте *cushion* выступает в роли эвфемистической единицы.

Выражение *cushion the blow* при подстановке в рассматриваемый контекст подтверждает

вывод об убытках и лишь о возможности смягчить удар от них, но не избежать.

Метафоризация, в свою очередь, проявляется в переносе своего рода амортизационных свойств подушки на сумму денег, которая позволит избежать немедленного разорения, смягчить удар.

But in recent years defence budgets around the world have flattened or fallen (Но в последнее время по всему миру наблюдается сокращение или даже разорение военного бюджета разных стран) (The Economist, “When the sanctions come off”, p. 50):

КЛС – выравнивание

ДС 1 действие – отрицательное воздействие

ДС 2 цель – частичное или полное устранение объекта

ДС 3 результат – сокращение / уменьшение

ДС 4 результат – отсутствие объекта

КК – отрицательный

Разбор лексемы *flatten*, выделение ряда дифференциальных сем и сопоставление с действием лексемы *ruin* в том же контексте позволяет отнести единицу к классу эвфемизмов, а также определить способ образования рассматриваемой единицы. Ассоциативные связи привели к семантическому изменению и использованию слова в новом значении.

It will be harder for the bosses at Toshiba to excuse the systematic padding of profits over such a long period. (Снустя столь длительный срок руководству корпорации Toshiba будет гораздо сложнее найти оправдание систематическому завышению прибыли) (The Economist, “A Load of Tosh”, p. 51):

КЛС – защита

ДС 1 характер – ненужный, необязательный

ДС 2 характер – нечестный

ДС 3 действие – чрезмерное увеличение

КК – отрицательный

Сопоставление с лексемой *overstate* позволяет выделить такие общие дифференциальные семы как нечестность, преувеличение, что подтверждает отнесенность единицы *padding* к классу эвфемизмов.

In 2008, according to the panel, he heard that the firm was heading for a loss of ¥18.4 billion, and called the figure “so embarrassing that we cannot announce it”. His underlings allegedly doctored the number into a profit of ¥500m. (По словам экспертов в 2008 году он слышал о том, что компании грозят убытки на сумму 18,4 миллиарда йен, и сообщил, что цифра настолько велика, что он не будет ее обнародовать. Как утверждают, мелкие чиновники

¹ Категориально-лексическая сема

² Дифференциальная сема

³ Коннотативный компонент

фальсифицировали эту цифру, превратив ее в доход в 500 миллионов йен) (The Economist, "A Load of Tosh", p. 51).

Компонентный анализ эвфемизма *to doctor* в представленном выше контексте позволяет выделить следующее:

КЛС – подмена

ДС 1 характер – нечестный

ДС 2 цель – обмануть

ДС 3 действие – изменить, поменять что-либо

ДС 4 результат – получение преимущества

КК – отрицательный

Сопоставление с глаголом *to falsify* подчеркивает наличие общих сем: подменить, обмануть с целью получить выгоды.

Семантические изменения предполагают изменения на лексическом уровне, при этом не касаются грамматической структуры, они считаются важными факторами появления у слова нового значения или изменения значения на

эвфемистичное. Экстралингвистические факторы при такого рода изменениях превалируют над внутрилингвистическими, тем не менее, внутрилингвистические факторы также имеют место быть в случае семантических изменений. Все изменения являются исторически обусловленными. Различные ситуации общения и группы людей, в которых употребляются слова, обогащают семантическую структуру всего слова, а также отдельных его значений.

Список литературы

1. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
2. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2002. – № 3. – С. 58-70.
3. Харитончик, З. А. Лексикология английского языка / З. А. Харитончик. – Мн.: «Вышэйшая школа», 1992. – 204 с.

Л. Ф. Килина

Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Россия)

НЕКРОЛОГИ РУССКИМ КНЯЗЬЯМ КАК КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

BITUARY OF RUSSIAN KNYAZ AS A CULTURAL AND LINGUISTIC PHENOMENON (IN THE "TALE OF BYGONE YEARS" MATERIAL)

В статье дается общая характеристика структуры и композиции фрагментов «Повести временных лет», содержащих сообщение о смерти русского князя, тексты нескольких некрологов сопоставляются с точки зрения формы и содержания. Также рассматриваются содержательные и языковые особенности разных частей княжеского некролога, определяются принципы, которыми руководствовался автор при создании похвальной характеристики князя, анализируются языковые средства и приемы, за счет которых происходит усложнение традиционного сообщения о смерти.

The article gives a general description of the structure and composition of fragments of "Tale of Bygone Years", containing a message about the death of a Russian knyazh, the texts of several obituaries are compared in terms of form and content. It also discusses content and linguistic characteristics of different parts of the knyazh's obituary, sets out the principles that guided the author to create a praiseworthy characteristics of the knyazh, analyzes linguistic means and techniques which make a complication of a traditional message of death.

Ключевые слова: летопись, летописец, некролог, сообщение, князь, похвала.

Keywords: chronicle, chronicler, obituary, message, knyazh, praise.

В средневековом русском христианском сознании смерть воспринималась не как окончательная гибель, а как переход из мирской жизни в жизнь вечную, удостоиться которой, однако, мог далеко не каждый. Возможность перемещения души к Богу после физической смерти определялась нравственным обликом человека: заслужить ее мог только тот, кто в земном своем существовании придерживался Божественных заповедей, был причастен к церкви. Неслучайно древнерусские летописцы, транслируя эту идею в своих произведениях, уделяли большое внимание составлению сообщений о смерти русских князей. Некрологи создавались с целью восхваления князя, преисполненного различных христианских добродетелей, а также с целью утверждения в древнерусском сознании образа нового просветленного правителя.

Нами были проанализированы некрологи Ольге, Владимиру, Ярополку, Изяславу, Ярославу, Всеволоду, Борису и Глебу, а также так называемый антинекролог Святополку Окаянному в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам (далее ЛС и ИС).

Первая структурно-композиционная часть некролога – сообщение о смерти и погребении. Летописец старался достаточно конкретно и реалистично представить обстоятельства произошедшего, что связано с существовавшей тогда тенденцией к отказу от официальности. Кроме даты смерти и имени умершего здесь часто присутствовала дополнительная информация: «...имена живых и уже почивших родственников покойного, имена присутствующих на похоронах, описание погребальной церемонии, выбор места погребения» [1. С. 82–83].

Сообщение о смерти князя не отличалось разнообразием лексики и обилием стилистических приемов, т.к. появилось из обычной погодной записи, цель которой состояла лишь в фиксации исторического факта. Обычно эта часть некролога характеризуется предельной документальностью, в первую очередь за счет использования стандартных речевых формул (*преставися князь, умре князь* и т.д.), иногда сюда включаются языковые единицы, свидетельствующие об отступлении от шаблона: *ярославѹ же прнспѣ конѣцѣ жнѣтъ н предасть дшю свою мѣа фебравѣ въ ѿв сѹботѹ а нѣ поста въ стго фѣдора днѣ* (ИС, 60.2). Усложнение погодной записи о дате смерти может происходить также за счет включения в нее похвального элемента, например, эпита-

та *вѣлкын: Прѣставнѣ вѣлкын князь рѹсьскын ярославѣ, прѣставнѣ вѣлкын князь всеволодѣ* и т.д.

Иногда дата смерти просто отсутствует по тем или иным причинам. Так, в сообщении о смерти Ярополка приведена дата, когда князь был пронзен саблей (*кнѣзю же ярополкѹ лежащѹ на санкаѣ а шнѣ с конѣ саблею прободѣ на мѣа нонѣ въ ѿв* (ИС, 76.2)), и дата, когда его похоронили (*мѣа декабра въ ѿв днѣ* (ЛС, 69.1)). О точной дате смерти князя читателю остается лишь догадываться. Абсолютно никаких сведений не приводится относительно дат смертей Святополка, Глеба и Ольги, причем сообщение о смерти княгини как будто совсем не имеет начала: *по трѣ днѣхъ оумре шльга* (ЛС, 20.2).

Стремление к чрезмерной конкретизации и приведению точных фактов прослеживается в той структурной части, где описываются обстоятельства смерти князя, именно «последние дни и часы жизни князя летописец описывает подробно, придавая иногда значение всякой мелочи» [2. С. 25]. В ряде примеров приводится дополнительная информация о количестве прожитых лет или о том, сколько лет правил умерший: *жнѣ же всѣхъ лѣтъ ярославѣ ѿ н ѿ* (ЛС, 55.1), [Всеволод] *кнажнѣ лѣтѣ ѿ кыевѣ а в перѣславѣ лѣто а в черниговѣ лѣто* (ЛС, 72.2). В этой же части находим указание на причину смерти князя (болезнь или убийство): [Владимир] *самѣ бо болаше вѣлмн в нѣнже болѣстн н скончѣсѣ* (ЛС, 44.2), *гльбѹ же оубѣннѹ бѣвшю* (ЛС, 47.1), *оубѣннѣ бѣ князь нзаславѣ* (ЛС, 67.2). В некоторых случаях летописец дает информацию о месте смерти князя: [Владимир] *оумре же на берестовѣмѣ* (ЛС, 44.2). Однако, как правило, эта информация бывает неточной и пространной, к примеру, автор пишет о том, что Глеб был повержен *на брѣзѣ межн двѣма колодама* (ЛС, 47.1), но читателю все же остается непонятным, где именно он был убит.

Подготовка к погребению князя часто подразумевает собой скрытие факта смерти и доставку в родной город тела покойного, которого будет оплакивать собравшийся народ (в проанализированных нами характеристиках князя умирали вне дома). Покойного Глеба, напри-

мер, просто отвезли к могиле брата: **ПОСЕМЬ ЖЕ ВЗЕМШЕ ВЕЗОША Н ПОЛОЖИША Н ОУ БРАТА СВОЕГО БОРИСА** (ЛС, 47.1). Более подробно рассказывается о том, как довели тело князя Изяслава: **Н ВЗЕМШЕ ТѢЛО ЕГО ПРИВЕЗОША Н В ЛОДЬИ Н ПОСТАВИША ПРОТИВУ ГОРОДЦЮ НЗНАЕ ПРОТИВУ КМУ ВСЬ ГОРОДЪ КЪИЕВЪ Н ВЪЗЛОЖИШЕ ТѢЛО ЕГО НА САНИ ПОВЕЗОША Н СЪ ПЪМН ПОПОВЕ Н ЧЕРНОРИЗЦЮ ПОНЕСОША Н В ГРА** (ЛС, 67.2). В следующих фрагментах уже присутствует собственно мотив скрытия. Самая немногословная информация об этом представлена в сообщении о смерти Всеволода: **СПРАТАСТА ТѢЛО ЕГО** (ЛС, 72.2). Соединение описания обрядов «прятания» и доставки тела в город представлено во фрагментах, посвященных Ярославу и Владимиру: **ВСЕВОЛОДЪ ЖЕ СПРАТА ТѢЛО ШЦА СВОЕГО [Ярослава] ВЪЗЛОЖИШЕ НА САНИ ВЕЗОША Н КЪИЕВУ** (ЛС, 54.2), **НОЧЮ ЖЕ МЕЖУ КЛѢТМН ПРОИМАВШЕ ПОМОСТЬ ШЕРТѢВШЕ В КОВЕРЪ Н ОУЖИ СЪВѣСНША НА ЗЕМЛЮ ВЪЗЛОЖИШЕ Н НА САНИ ВЕЗЪШЕ** (ЛС, 44.2).

Хоронили князя чаще всего в церкви, иногда построенной им самим при жизни. Примером может послужить описание похорон Всеволода, в котором сказано, в какой именно церкви он был погребен: **ПОЛОЖЕНЪ БЫ ОУ ГРОБѢ ОУ ВЕЛНЦѢН ЦРКВѢН СЪЗНА СОФЬЯ** (ИС, 79.2). Усложнение структуры сообщения происходило при помощи еще большей его конкретизации, например, летописец упоминал, что князя клали в **РАКУ/КОРСТУ МРАМОРАНУ**, «обычай ставить умерших в церкви в раке пришел на Русь вместе с христианством, тогда как ранее тело хоронили в костре» [3. С. 35–36]. Подобное описание погребения видим в некрологе Ярославу, Изяславу, а также Ярополку: **ПРОВОДИША Н ДОСТА ДМИТРЕА СПРАТАВШЕ ТѢЛО ЕГО С ЧЕСТЬЮ ПОЛОЖИША Н В РАЦѢ МРАМОРАНѢ В ЦРКВѢН СТА АПЛА ПЕТРА ЮЖЕ САМЪ НАЧАЛЪ ЗДАТИ** (ЛС, 69.1).

Самым загадочным остается сообщение о смерти Ольги, не указывается ни точная дата смерти княгини, ни место погребения, очевидно, эти данные просто не сохранились: **НЕСОША Н ПОГРЕБОША Н НА МѢСТѢ** (ЛС, 20.2). Зато именно в этом некрологе есть

указание на то, что князя мог хоронить избранный человек, в данном случае личный священник – **ПРЕЗВУТЕРЪ: БѢ БО НМУЩИ ПРЕЗВУТЕРЪ СЕН ПОХОРОНИ БАЖНЮЮ ШЛЫГУ** (ЛС, 20.2). Оригинальность некролога еще и в том, что только в нем обнаруживаем завещание относительно похорон: **НБО ЗАПОВѢДАЛА ШЛЫГА НЕ ТВОРИТЕ ТРЫЗНЫ НА СЕБОЮ** (ЛС, 20.2).

Большую роль в некрологической характеристике играет традиционный мотив плача, возникающий сразу после сообщения о смерти и погребении. Когда умершего привозили в город, то собирался народ и с песнями оплакивал любимого князя, при этом автор предпочитает перечислить всех скорбящих, прощающихся с князем. Это простые люди, духовенство (митрополиты, черноризцы, пресвитеры, епископы, игумены, попы), а также бояре и дружина: **Н СОБРАШАСЯ КППИ Н НГУМЕНИ Н ЧЕРНОРИЗЦЮ Н ПОПОВЕ Н БОЛАРЕ Н ПРОСѢИ ЛЮДЕ ВЗЕМШЕ ТѢЛО ЕГО СО ШЕЗЫНЫМН ПЪМН** (ЛС, 72.2). Часто летописец дополнительно подчеркивает скорбь родных людей, например: **Н ПЛАКАСА ПО НЕИ СѢН ЕА Н ВНУЦН ЕА Н ЛЮДЕ ВСИ ПЛАЧУЕМЪ ВЕЛНОМЪ** (ЛС, 20.2).

Доминирующий официальный характер летописи не исключал передачу живых человеческих чувств. По мнению М.А. Окулик, отказ от трафаретности, официального изображения человека восходит к древнерусскому красноречию, характерной чертой которого является то, что «древнерусские авторы стремятся посвоему осмыслить факты действительности, выйти за пределы традиционной тематики, стать ближе к современности, к истории своего народа» [4]. Личностное, эмоциональное начало в традиционном представлении плача обнаруживаем во фрагменте, посвященном Изяславу. Здесь сначала приводится стандартный мотив плача (**Н НЕ БѢ АЗѢ СЛЫШАТИ ПѢНЬА БО ПЛАЧУИ ВЕЛНЦѢ ВОПЛИ ПЛАКА БО СА ПО НЕМЪ ВСЬ ГРА КНЕВЪ**), а затем плач отдельного человека – сына Ярополка – в виде прямой речи: **ЯРОПОЛКЪ ЖЕ НДАШЕ ПО НЕМЪ ПЛАЧАСА С ДРУЖНОЮ СВОЮЮ ШЦЕ МОН УТО ЕСИ ПОЖИЛЪ БЕС ПЕЧАЛИ НА СВѢТѢ СЕМЬ МНОГЫ НАПАСТИ ПРИИМЪ Ѡ ЛЮДИИ Н Ѡ БРАТА СВОЕА СЕ ЖЕ ПОГЫБЕ НЕ Ѡ БРАТА НО ЗА БРАТА СВОЕГО ПОЛОЖИ ГЛАВУ СВОЮ** (ЛС, 67.2).

Вторая структурно-композиционная часть

некролога, которую мы условно обозначили «похвала», обладает более широким спектром лексических и стилистических средств. Это объясняется тем, что похвала является главной частью традиционного сообщения о смерти, а потому для максимального воздействия на читателя применяются разнообразные языковые приемы. Так, чтобы передать отношение к князю и его деяниям, автор использует оценочные языковые единицы (например, Ярополк **тнхъ, кроткъ, смѣренъ, братолюбнъ** и **нищелюбець**, Владимир – **застѣпникъ** и **кормитель**, Всеволод **бѣлюбнъ**), хвалебные эпитеты (**блжнѣнъ кнѣзь, велнкѣнъ кнѣзь, бл҃говѣрнѣнъ**), устойчивые формулы (**цртѣо нѣное, положитѣ дшю свою, положн главу свою, пребѣватн в любн, пребѣватн в бѣѣ** и т.д.), христианские термины (**грѣхъ, прѣднкъ, вѣнецъ**), антитезы (**прѣднѣнъ – нѣвѣрнѣнъ, грѣхъ – бл҃гѣ, мнро жнвѣще – нѣнавндо жнвѣще** и др.), сравнения (**яко свѣтнѣ ѡзарѣща, акн дѣньнѣ прѣдъ слнцѣмъ**). Приемы, основанные на дублировании слов и смысла (лексический повтор, плеоназм, анафора), служат усилению, акцентированию внимания читателя на чем-то важном: **прославляющама прославлѣю, протнвннкъ н сѣпостатъ дѣяволъ, радѣнтасѣ борнсе н глѣбе ... радѣнтасѣ лѣкаваго змнѣ поправша ... радѣетсѣ црѣкѣы свѣтозарное слнцѣ** и т.д.

Основная цель похвалы в некрологе – оценить и описать князя с положительной стороны, выделить все его достоинства, возвеличить до уровня святого. На изображение личности князя в древнерусской литературе вообще и в летописи в частности влияло христианское мировоззрение, поэтому в характеристике князя совмещались светский и церковный идеалы: «В произведениях светской литературы к дружинным добродетелям князя, рисуящим его добрым воином и добрым главой дружины, тщивым на пиры, щедрым и храбрым, присоединяются духовные добродетели аскетического характера: нищелюбие, смирение, постничество и благочестие» [2. С. 7].

В похвальной части некролога чаще всего перечисляются именно христианские добродетели князя, такие как почитание церковнослужителей, боголюбие, отказ от порочной жизни, смирение, помощь ни-

щим и т.д., например: **такъ бо баше блжнѣнъ кнѣзь ярополкъ кроткъ смѣренъ бѣлюбнъ и нищелюбець дѣсѣтннѣ даѣѣ ѡ вснхъ скотъ свонъ стѣн бѣн н ѡ жнѣта на всѣ лѣта н молаше бѣѣ всегда** (ИС, 76.2-77.1). Иногда к личностным качествам добавляются достоинства внешности: **бѣ же нзаславъ мужъ в зоромъ красенъ тѣломъ велнкомъ нзлюбнъ нравомъ крнѣды нѣнавндо любѣ правдѣ клѣкъ же в немъ нѣ бѣ нн лѣстн но простъ оумомъ нѣ воздаѣѣ зла за зло** (ИС, 75.1).

Особенностью средневекового сознания можно также считать отсутствие барьеров между собственно эстетическим и неэстетическим. Эстетическое, в свою очередь, было неотделимо от этического, прекрасным был божий мир во всех его проявлениях: «Отсюда возникает тенденция украсить и упорядочить все стороны повседневной жизни, речь, произведения прикладного искусства, архитектуры и т.д. Этот присущий средневековой культуре принцип эстетизации настолько универсален, что проявляется даже в таком официальном по своему статусу виде текста, каким выступает летопись, главная функция которой – быть прежде всего формой исторической памяти, своеобразным юридическим документом» [5. С. 6]. Указанный принцип проявляется в похвале княгине Ольге. Здесь также описываются качества княгини, провозглашается ее святость, но осуществляется это за счет противопоставления язычникам и ряда метафорических сравнений княгини с эстетически совершенными объектами материального мира (заря, солнце, свет, луна, жемчуг) [6. С. 163]: **сн бѣи прѣдътекущнѣ кртѣанѣстѣн зѣмлн акн дѣньнѣ прѣдъ слнцѣмъ н акн зора прѣдъ свѣтомъ сн бо съѣаше акн лѣна в нощн тако н сн в нѣвѣрнѣхъ ѡлѣцѣхъ свѣтащѣсѣ акн бнсеръ в калѣ** (ЛС, 20.2).

Существуют и иные приемы написания похвальной характеристики, выполняющие ту же функцию – восхваление и доказательство святости князя. Так, иногда летописец подробнейшим образом описывает благодеяния, совершенные князем при жизни, словно напоминая читателю, чем князь заслужил почитание. Например, княгиня Ольга, крестившись, показала пример всему русскому народу: **сн бо ѡмѣсѣ кѣпѣлю стѣю н свѣтѣсѣ**

грѣховною ѡдѣжею бѣтхѣа⁹
ѹлѣка аама нъ новѣн аама⁹
ѡблѣчѣа еже естъ хъ (ЛС, 20.2).

В структурах некоторых некрологов четко выделяется элемент, который мы обозначили как «ссылка на авторитет» (речь идет о цитатах, подтверждающих правоту летописца). Цитирование и использование прецедентных имен обусловлены стремлением автора доказать истинность своих суждений: ѡ сѧковѣ бо дѣдъ глѣше в памѣ прѣднкъ бѹдетъ ѡ слѹха зѧ не оѹбонтѣа готово срѣе его оѹповати гѧ оѹтверднѣа срѣе его н не подвнжетѣа. В похвале Ольге приведены три цитаты (две Соломона и одна Давида), каждая из которых выполняет свою функцию. Суждения авторитетных лиц о праведниках проецируются на образ княгини Ольги, тем самым она возносится до уровня святого.

Самая необычная некрологическая характеристика посвящена Ярославу Мудрому. Здесь нет ни похвалы, ни осуждения, зато представлена речь умирающего князя, а именно завет своим сыновьям любить друг друга и не ссориться: снѣе мон нмѣнте в собеѣ лѹбовѣ понеже вѣи есте брѧа еднного ѡѣа н мѣре да аще бѹдете в лѹбви мѣю собою бѣ бѹдетъ в васъ н покорнѣти вѣи протнѣнѣи подъ вѣи н бѹдете мнрн жнѹще аще лн бѹдете нѣнавѣдно жнѹще в распрахъ н которающеа то погнѣнѣте самѣ зѣмлю ѡѣѣ сѡнхъ н дѣдъ сѡнхъ нже налѣзоша трѹдомъ сѡнмъ велнкымъ н прѣбѣванѣе мнрн послѹшающе брѧ брата (ЛС, 54.2-55.1).

Выше были рассмотрены примеры традиционной и усложненной похвалы умершему князю. Однако не всегда летописец возвеличивает правителя, бывает и так, что вместо привычной похвалы сразу после сообщения о смерти приводятся высказывания, осуждающие князя. Примером тому может послужить знаменитый антинекролог Святополку Окаянному, который стоит особняком, т.к. антинекрологи не свойственны русской летописной традиции. И если в некролог большинства князей начинается «вплетаться» похвальное слово практически с самого начала, после сообщения о смерти, то характеристика Святополка выстроена иначе, уже в самом сообщении о смерти автор дает негативную оценку личности князя: нгоже

по правдѣ ѧко не праведнѹ сѹдѹ нашедшю на нѣ по ѡшѣствнн сѣго свѣта прнѧша мѹкы ѡканѧнаго. Летописец доносит до читателя мысль о том, что человек, совершающий грех осознанно, не сможет спастись от страшной кары.

Таким образом, в литературный стереотип изображения человека, несмотря на всю его официальность и монументальность, просачивались факты реальной жизни, рисующие читателю конкретные характеры. Часто древнерусские авторы сознательно отклонялись от устоявшегося канона, т.к. то отдавали предпочтение личному вкусу, то испытывали на себе воздействие народного творчества: «Именно на этой грани официального и неофициального рождались все отступления от господствующего трафарета, возникало то качественно новое, что, постепенно накапливаясь, двигало литературное развитие к новым методам изображения действительности» [2. С. 22]. В связи со всем этим происходило расшатывание стереотипа в изображении личности, в описаниях о кончине князя проникало все больше реалистических черт.

Список литературы

1. Жданова, Т. В. Особенности и характер сообщений о смерти иноземных правителей на страницах русских летописей / Т. В. Жданова, Ю. В. Селезнев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики : электронный научный журнал. – 2011. – №1 (43). – С. 75–88. – URL: <http://www.drevnyaya.ru/vyp/v2011.php>.
2. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев // Избранные работы: В 3 т. Т.3. – Л. : Художественная литература, 1987. – 520 с.
3. Львов, А. С. Лексика «Повести временных лет» / А. С. Львов. – М. : Наука, 1975. – 368 с.
4. Окулик, М. А. Риторика в эпоху Средневековья (IV – V вв. н.э. – XV – XVI вв. н.э.) / М. А. Окулик // Материалы выступления на практическом занятии по курсу «Психология общения и ораторское искусство». – Донецк : ДонНТУ, 2011. – URL: <http://masters.donntu.org/2011/fimm/okulik/library/article10.htm>.
5. Пауткин, А. А. Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания / А. А. Пауткин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 286 с.
6. Пименова, М. В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте / М. В. Пименова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 415 с.

Б. М. Кондорский

НПФ «Синбиас»

(Донецк, Украина)

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТОРА
В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА (В ПЕРИОД ДРЕВНОСТИ)****THE ROLE OF SOCIAL AND HISTORICAL FACTORS IN THE
DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE (IN THE ANCIENT PERIOD)**

Каждому этапу исторического развития соответствует определенный тип сознания и социального пространства. Рассматривая связь с социальным пространством, автор исходит из наличия у языка двух составляющих – языка-системы (langue) и языка-речи (parole). Язык-речь, в форме языковой деятельности (language), является органической частью социального пространства, и его структура определяется характером типа исторического сознания. Характер подобного рода зависимости рассмотрен в период ранней древности на примере Египта и в период поздней древности на примере Греции и Рима.

Each stage of historical development corresponds to a certain type of consciousness and social space. The author considers the relationship of social space and language, which has two components of the language system (langue) and speech-language (parole). Language-speech, in the form of linguistic activity (language), is an organic part of the social space and its structure is determined by the nature of the type of historical consciousness. The nature of this kind of dependence is considered in early antiquity on the example of Egypt and in the period of late antiquity on the example of Greece and Rome.

Ключевые слова: язык-система, язык-речь, речевая деятельность, развитие языка, социальное пространство, древний Египет, древняя Греция, древний Рим.

Keywords: language-system, language-speech, speech activity, language development, social space, ancient Egypt, ancient Greece, ancient Rome.

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Революции, в первую очередь, происходили в «голове». Один тип исторического сознания сменялся другим. На смену старому архетипу социальной организации приходил принципиально новый. Именно революции формировали потенциал последующего развития.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени [13. С. 17].

Архаические революции, которые имели место в первой половине I тыс. до н.э., разделили два периода, два этапа исторического развития – раннюю и позднюю древность и соответствующие им социумы – СРД (социумы ранней древности) и СПД (социумы поздней древности). К СРД, имеющих неолитический архетип, в первую очередь следует отнести египетскую, месопотамскую, индскую цивилизации. Отсут-

ствие в СРД личности как источника воли, способствовало формированию системы, в рамках которой источником воли являлись божества. В Египте конкретным источником считался фараон, выступавший не столько в качестве божества, сколько в качестве медиатора, транслятора божественной воли [13. С. 18].

Основу социума составляет социальное пространство, формируемое посредством общения. На каждом этапе исторического развития социальное пространство имело свою специфику. В СРД социальное пространство находилось в синкретическом единстве с хозяйственной сферой. Государство воспринималось как большая семья. Правитель заботится о народе как о детях, народ любит правителя как отца. Каждое хозяйство, каждый ном, так же как и весь Египет, воспринимались как Дом. У египтян не было понятия государства, было понятие Дом [24. С. 94, 95].

Все царские подданные, начиная с вельмож и заканчивая земледельцами, воспринимались как тело (hmtw) фараона (причем в буквальном смысле этого слова). Любой вид принадлежно-

сти – недвижимого имущества, скота, слуг, зависимых родственников – обозначался как *dt* (от плоти) [23. С. 32, 33], т.е. считался частью тела (опять же в буквальном смысле этого слова).

Царь выступал как податель благ на земле [3. С. 39]. Все, что не делалось в государстве, во всех сферах деятельности сводилось к особе фараона [24. С. 147]. Вместо производства, на основе определенных экономических законов, имел место процесс творения вещественных благ фараоном с помощью божественной силы. При этом совершение ритуала (как благо) и «творение» вещей (как благо) воспринимались как явления одного порядка. Совершение ритуала жрецами принципиально не отличалось от реальной производственной деятельности. В свою очередь, производство носило ритуальный, сакральный характер.

Социальное пространство носит функциональный характер и должно быть заполнено определенными видами деятельности [34. С. 330], включая речевую. В Египте, так же как и других СРД, основу социального пространства составляли «города» как ритуальные центры. В этот период не было города как такового. Любые поселения, любого размера и назначения, назывались одним и тем же словом. Регулярные ритуальные службы в храмах поддерживали сакральную составляющую социального пространства, формировали своеобразное сакральное «поле». В СРД поддержание социального пространства носило циклический характер в виде регулярно проводившихся празднеств и ритуалов, основным из которых был праздник Нового года. Здесь мы имеем дело с идеей периодического восстановления мирового порядка [37. С. 93].

Как мы видим, мировосприятие египтян кардинально отличалось от такового у современного человека. Различия должны были касаться и языка. «Сама структура архаического языка отражает архаичность мышления, а в языке архаического человека могут отражаться категории, представляющиеся нам неважными, а зато не отражаются многие категории, без которых в наше время мы не можем составить высказывания, например, нет категории времени и т.п.» [8. С. 22].

Рассматривая связь языка с социальным пространством, мы исходим из наличия у языка двух составляющих, каждая из которых имеет свои закономерности – языка-системы (*langue*) и языка-речи (*parole*). Т.е. в данном случае снимается противопоставление языка и речи. Характер языка-речи зависит (опре-

деляется) типом исторического сознания. В свою очередь, речевая деятельность (*langage*), как конкретное явление, является органическим элементом социального пространства, по существу его основой.

Здесь язык-речь нужно понимать в самом широком смысле. В первобытный период такие явления как ритуал, празднество, игра, судебный процесс, война, торговля принадлежали к явлениям одного порядка и изначально находились в синкретическом единстве. Все они базировались на тех же принципах, что и язык-речь в узком смысле этого слова. Т.е. можно было говорить о языке ритуала, празднества, игры и даже войны. Война в древности носила ритуальный характер [36. С. 51]. В свою очередь, все вышеперечисленные явления и институты имели архетип игры [32]. Таким образом, мы имеем категорию «деятельности» и ее архетип, общий для всех видов деятельности, включая речевую.

Для того, чтобы понять специфику древнеегипетского языка, интересным представляется сравнить одно и то же высказывание. Египетская версия: «Человек убил кролика» выглядела бы так: «Давание человеческое (= совершаемое человеком) зайца на бок». Для древних египтян «убить» означало «положить на бок» [33. С. 38].

В свою очередь, первобытный человек выразился бы еще оригинальнее: «Человек, он, один, стоя, нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего» [19. С. 115]. Мышление первобытного человека в донеолитический период отражало окружающую действительность в дейктической речи, позволявшей ему воспринимать мир в конкретной ситуации [26. С. 28]. Все дейктическое поле речи воспринималось как участки пространства, соотнесенные с местом, где располагался субъект речи. Дейктические слова были словами пространственной ориентации [26. С. 214].

Как уже говорилось выше, в СРД не было понятия личности в понимании, близком к современному. Мышление древнего египтянина не было способно абстрагировать все возможные проявления и качества одного человека до понятия «личность». В речи того времени человек выступал не как обладатель предмета, его хозяина, а только как определение, некое уточнение к предметам и явлениям окружающего мира. Человек являлся только характеристикой предмета. Как только он передавал свою вещь другому, он переставал быть даже ее определением [33. С. 40]. Здесь нужно иметь

в виду, что в СРД человек слабо различал субъект и объект, слово и вещь.

В классический, среднеегипетский период большинство египетских слов внешне не отличались от корней. Соответственно, части речи различались по лексическому, а не по грамматическому аспекту слов. Отсутствовало четкое различие между прилагательным и глаголом. У глагола отсутствовала категория времени. Все это говорит о достаточно примитивном состоянии языка [16. С. 115, 120, 122].

При переходе от Среднего царства к Новому, произошли качественные изменения в сознании египтян. Восприятие многих социальных категорий стало более близким к современному. Все это сказалось на характере языка. Если в среднеегипетском языке преобладали элементы синтеза, то в новоегипетском – анализа [16. С. 223; 30. С. 25].

Первичность исторического сознания предполагала вторичность Мира, который человек строил, создавал в соответствии с архетипом данного этапа исторического развития. В первой половине 4-го тыс. до н.э. в долине Нила формируется европеоидное протоегипетское население, являвшееся потомками афразийских мигрантов, в течение длительного времени оседавших здесь и смешивавшихся с местными аборигенами [7]. Параллельно шел процесс формирования языка-речи в виде языковой картины. Следует отметить, что языковая картина не отображает, а изображает данный Мир, его фрагменты в соответствии с данным типом сознания.

Для понимания структуры египетского мышления и построения его картины мира, следует рассмотреть использование в египетском языке предлогов (до 400), которые играли исключительно важную роль в превращении набора слов в законченные синтагмы [33. С. 41]. Все многочисленные египетские предлоги описывали пространственные отношения, даже когда речь шла об отношениях во времени [25. С. 130]. «Быть в качестве» кого-то или чего-то, воспринималось как пребывание в этом ком-то или чем-то. Как можно находится внутри какого-то помещения, так можно пребывать внутри (функции) писца, номарха, отца, сына – даже «меня», «тебя» и т.д. Человек, занимающий какую-то должность или выполнявший какую-то «функцию» пребывал в ней, словно в некоем помещении, заполняя ее, как жидкость заполняет сосуд [33. С. 43].

В СПД революционные изменения в сознании, в первую очередь были связаны с принци-

пиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социальное объединение, находящееся под покровительством богов, получало от них Силу через своего правителя, то в СПД источником Силы является уже сам народ. Народ заключает договор с богами, на основании которого получает от них Силу в «постоянное пользование». В свою очередь, народ обязуется чтить богов, регулярно проводить в их честь жертвоприношения и использовать полученную Силу во благо народа [13. С. 20].

Во всех основных СПД формирование нового Мира было связано с приходом пастушеских племен в определенные регионы – дорических на Пелопоннес с севера Балкан, иранских племен в Переднюю Азию и арийских в Северную Индию с Причерноморья. Рим также был основан пастухами.

На территории Греции сначала появились ахейские племена, которые создали крито-микенскую цивилизацию в XVI-XI вв. до н.э. В основе управления этих государств лежала организация хозяйственной деятельности. Появление письменности (линейное письмо Б) было связано, в первую очередь, с потребностями хозяйственного учета (так же как и в Египте). Царь выступал в качестве верховного организатора производства [11. С. 144]. Т.е. данную цивилизацию, так же как и другие государственные объединения бронзового века, следует отнести к СРД. Крито-микенские государства погибли вследствие внутренних причин. Дорийцы появились только через столетие после этого [2. С. 60]. Выражаясь биологическим языком, данные образования следует отнести к инвазивным ветвям, которые не имели дальнейшего развития. Это же касается и крито-микенского языка, который исчез вместе с погибшей цивилизацией.

Процессы социального развития, предшествующие появлению классической Греции, начинались как бы «с чистого листа». После так называемых «темных веков», в X-IX вв. в различных районах Греческого мира сложился некий общий стереотип художественного мышления, объединивший всех греков в рамках единой культурной общности и сформировавший единую греческую народность с единым психологическим складом [1. С. 85]. Начинается строительство нового Мира, который принципиально отличается от крито-микенского. Еще в XI в. происходит решительный разрыв с традициями микенской эпохи [2. С. 69].

В VIII-VI вв. до н.э. в процессе архаической революции происходит исторический перево-

рот, который коснулся абсолютно всех сфер человеческой деятельности [31. С. 92-100]. Это изменения в технологиях, связанные с принципиально новыми методами обработки железа, производстве керамических изделий, строительстве общественных зданий. Это развитие новых видов деятельности – торговли, мореплавания, судостроения, что практически полностью отсутствовало в доархаический (гомеровский) период.

Это касается и языка-речи. Происходят существенные изменения и в его мифологической составляющей. Если в СРД боги «жили» в храмах [9. С. 35], то в СПД они «удаляются» на Олимп. В соответствии с новой структурой социальной деятельности происходят изменения в функциях богов. Если раньше, например, Посейдон был олицетворением плодородной земли, пропитанной влагой, то впоследствии он становится главным морским богом [22. С. 323].

После архаической революции формируются социальные структуры полисного типа (Мир-полис). Здесь полис выступает как форма социальной и политической организации античного общества. Для Аристотеля полис представлял собой наивысшую форму всех возможных типов человеческих сообществ целью которого является благо, т.е. создание условий для существования полита [17. С. 6]. Именно относительно небольшие размеры полиса позволяли достаточно эффективно поддерживать его социальное пространство.

В СПД происходит отделение хозяйственной сферы, которая свертывается в Греции и Риме до уровня ойкоса и фамилии. В античный период мы имеем, помимо хозяйственно-социального уровня (на уровне семьи), социально-политический – уровень гражданской деятельности. Соответственно, два уровня речевой деятельности, которые, в первую очередь, различались характером последствий этой деятельности. В Греции и Риме морально-этическая и политическая сферы находились еще в синкретическом единстве. Только в Новое время происходит их разделение, когда политик руководствуется в своей деятельности только законами политической системы. В Риме политика еще оценивали по его моральным качествам.

В Афинах политико-речевая (в широком смысле этого слова) деятельность находилась под жестким контролем в рамках системы, похожей на тоталитарные режимы XX века. Достигновения того или иного должностного лица практически не принимались во внимание при наказании за допущенные ошибки. При остра-

кизме человека обычно наказывали не за его преступления против государства, а за его положение, авторитет, влияние – опасное для народа [10].

Суд по политическим делам велся не на основе законов, а по велению гражданской совести, «демократической» целесообразности. Общественный резонанс, который создавался при этом, был заведомо губителен для обвиняемого. Часто репрессиям подвергались друзья обвиняемого, родственники и даже дети. К этому следует добавить шпионманию в форме лаконофильства и мидизма, а также гипертрофированное доноительство (сикофанство) [18]. В этом случае необходимо иметь в виду, что если в тоталитарных режимах единственным источником политической воли был вождь, то в Афинах (также как и других СПД) – народ (гражданская община).

Социумы нового типа, появившиеся после революций в рамках определенного этапа исторического развития, проходили три основных периода развития – архаический, классический и инерционный. В неолитический период инерционной фазе соответствовал бронзовый век. Античные полисы в своем развитии также проходили вышеуказанные стадии. Это же касается и языка. То есть можно говорить о соответствующих стадиях развития как греческого, так и латинского языка. Если в СРД источником языка были боги [15. С. 18], то в СПД язык находился во владении народа, являлся его органической собственностью. В III-II вв. до н. э. – периода глубоких сдвигов в области хозяйства и социальных отношений, параллельно с переходом римского социума в классический период, то же самое происходит и с латинским языком [28. С. 181].

Формально каждый полисный народ имел свой язык. Наличие на относительно небольшой территории острова Крит более десяти полисов, предопределило существенные расхождения в говорах различных местностей [29. С. 9; 21. С. 45]. По мере усиления интеграционных процессов в классический период в культурной, торговой, политической сферах, по всей Греции распространяется единый язык, в основе которого лежала речь Аттики [29. С. 14; 21. С. 61].

Все объекты культуры, которые появляются в античных полисах в классический период: храмы, театры, агора, гимнасий, даже общественные бани, являлись местом общения, служили средством поддержания социального пространства, его организации. В этот период полис можно рассматривать как целостный

«живой организм», функционирующий на основе единого языка-речь, включающего сферы культуры, торговли, земледелия, политики и имеющий структуру естественного, органического текста. В этом случае можно говорить о пространстве полиса как потенциальном тексте, его вместилище. Вместе с тем, реализованное (актуализированное через вещи) пространство в этой концепции должно пониматься как сам текст [27. С. 280].

Однако накапливающиеся противоречия, кризисные явления, процессы отчуждения в конце V начале IV веков, приводят к тому, что от полиса остается одна лишь «оболочка». Именно в этот период вышеуказанные сферы превращаются во вторичные моделирующие системы по терминологии Ю. Лотмана [20. С. 16]. Все уже носит не «живой», а модельный характер. По существу, модельный характер принимает и сама гражданская община.

Процессы отчуждения, характерные для всех компонентов социального пространства в инерционный период, коснулись и стандартизированного литературного языка. В Риме происходит его разрыв с разговорной речью империи. Происходит «омертвление» латинского литературного языка. Он перестает быть понятным народу [35. С. 22]. Следует учесть, что в этот период происходит депопуляция его органического носителя. В Риме наблюдается отрицательный прирост населения. Пополнение же идет за счет людей из провинции [5. С. 203].

Литературные языки бронзового века (соответствовавшего инерционному периоду) также практически не развивались. Литературный (письменный) аккадский язык с III тыс. до н. э. в течение более двух тысячелетий оставался неизменным [4. С. 9]. Язык может развиваться только в рамках своего народа. Не смотря на то, что на тюркский язык перешло много народов самого различного расового происхождения, тюркские наречия, известные с XII в., до сих пор сохраняют свои существенные черты и незначительно изменились [21. С. 36]. «Сопоставление латинской социальной терминологии в источниках раннего средневековья с терминологией народных языков в англосаксонских и скандинавских памятниках той же эпохи обнаруживает бедность, неконкретность и застылость первой по сравнению с богатством, гибкостью и отзывчивостью к оттенкам второй» [6. С. 74].

В заключение, следует остановиться на специфике развития языка-системы. Доминирующая схема эволюции языков: язык – диалек-

ты – язык – диалекты и т.д. носит примитивный характер и не отражает реалий. Автором была предпринята попытка, на основе закономерностей биологической эволюции, осмыслить этот многогранный процесс [14]. Здесь язык выступает в качестве архетипа, праформы и имеет только системную составляющую.

Выше уже говорилось о миграциях дорических, иранских, арийских племен. При этом миграции носили характер «просачивания» и продолжались в течение длительного времени. В частности, до сих пор исследователи не могут найти внятных следов миграции дорических греков с Северных Балкан на Пелопоннес [2. С. 76]. Если же взять такую языковую суперсемью как сино-кавказская, то география миграций ее носителей простирается от Атлантического (баскские языки) до Тихого океана (сино-тибетские языки) и даже до Северной Америки (языки на-дене). Подобного рода миграции характерны и для ностратической суперсемьи.

Все это происходило на просторах Евразийской ойкумены, основу которой составляли потоки информации технологических новшеств, появлявшихся в ее центре (Передней Азии) [12. С. 54]. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что языковая эволюция (на уровне языка-системы) происходила в процессе миграций подобного рода. Любое стационарное существование человеческих сообществ консервировало этот процесс. Соответственно, географическая изоляция замедляла как социальное, так и языковое развитие. В качестве примера можно привести Австралию, Тропическую Африку, Америку.

Список литературы

1. Андреев, Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период) / Ю. В. Андреев. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. – 448 с.
2. Андреев, Ю. В. Гомеровское общество / Ю. В. Андреев. – СПб.: Нестор – История, 2004. – 496 с.
3. Берлев, О. Д. Общественные отношения Египта в эпоху Среднего царства / О. Д. Берлев. – М.: Наука, 1978. – 364 с.
4. Гранде, Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков / Б. М. Гранде. – М.: Восточная литература, 1998. – 439 с.
5. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л.: Наука, 1990. – 280 с.
6. Гуревич, А. Я. Язык исторического источника и социальная действительность: билингвизм в средневековой Европе / А. Я. Гу-

ревич // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С. 73–75.

7. Древний Египет. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Древний_Египет

8. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – М. : Наука, 1990. – 247 с.

9. Ермолин, Е. А. Миф и культура / Е. А. Ермолин. – Ярославль: Александр Рутман, 2002. – 122 с.

10. Зберовский, А. В. Становление демократической политической культуры в Элладе VIII-V веков до н. э.: Политическая мысль и политический человек доплатоновского периода / А. В. Зберовский. – Красноярск: Изд. Красн.ГАУ, 2008. – 310 с.

11. История Европы. Т.1. – М. : Наука, 1988. – 704 с.

12. Кондорский, Б. М. Концепция «ойкумены» и законы биологического пространства / Б. М. Кондорский // Природа и общество: Общее и особенное. Социоестественная история. Вып. XXXV. – М. : ИД Энергия, 2011. – С. 53–57.

13. Кондорский, Б. М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) / Б. М. Кондорский // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2. – М. : ИВ РАН, 2013. – С. 16–28.

14. Кондорский, Б. М. Некоторые философские, социально-исторические и сравнительно биологические аспекты основных категорий языка (взгляд со стороны) / Б. М. Кондорский // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. VII Междунар. науч. конф. (Челябинск, 21–23 мая 2014 г.) – Челябинск, 2014. – С. 466–470.

15. Коростовцев, М. А. Писцы древнего Египта / М. А. Коростовцев. – М., 1962. – 174 с.

16. Коростовцев, М. А. Введение в египетскую филологию / М. А. Коростовцев. – М. : Восточная литература, 1963. – 167 с.

17. Кошеленко, Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке / Г. А. Кошеленко. – М. : Наука, 1979. – 296 с.

18. Кудрявцева, Т. В. Народный суд в демократических Афинах / Т. В. Кудрявцева. – СПб. : Алетей, 2008. – 464 с.

19. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика – Пресс, 1994. – 608 с.

20. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.

21. Мейе, А. Сравнительный метод в историческом языкознании / А. Мейе. – М. : УРСС, 2004. – 104 с.

22. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2 / Главн. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская Энциклопедия, 1992. – 720 с.

23. Перепелкин, Ю. М. Хозяйство староегипетских вельмож / Ю. М. Перепелкин. – М. : Наука, 1988. – 302 с.

24. Перепелкин, Ю. М. История Древнего Египта / Ю. М. Перепелкин. – СПб. : Летний сад, 2000. – 560 с.

25. Петровский, Н. С. Сочетание слов в египетском языке / Н. С. Петровский. – М. : Наука, 1970. – 315 с.

26. Селицкая, И. А. Теория познания: мышление и речь первобытного человека / И. А. Селицкая. – СПб. : Ювента, 1998. – 242 с.

27. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука. 1983. – С. 227–284.

28. Тронский, И. М. Очерки из истории латинского языка / И. М. Тронский. – М-Л: Изд. АН СССР, 1953. – 272 с.

29. Тронский, И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе / И. М. Тронский. – Л. : Наука, 1973. – 207 с.

30. Тураев, Б. А. Египетская литература / Б. А. Тураев. – СПб. : Журнал «Нева»; Летний сад, 2000. – 336 с.

31. Фролов, Э. Д. Рождение греческого полиса / Э. Д. Фролов. – Л. : Изд. ЛГУ, 1988. – 232 с.

32. Хейзинга, Й. Homo Ludens: статьи по истории культуры / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс – Традиция. 1997. – 416 с.

33. Чегодаев, М. Древний Египет: язык и культура / М. Чегодаев // Древний Восток: общность и своеобразие культурных традиций. – М. : ИВ РАН, 2001. – С. 33–51.

34. Чернявская, О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций / О. С. Чернявская // Вестник Нижегородского университета. Социология. Психология. Философия. – 2008. – № 5. – С. 329–335.

35. Шишмарев, В. Ф. Избранные статьи: История итальянской литературы / В. Ф. Шишмарев. – Л. : Наука, 1972. – 363 с.

36. Элиаде, М. Космос и история: Избранные работы / М. Элиаде. – М. : Прогресс, 1987. – 312 с.

37. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – СПб. : Алетей, 1998. – 258 с.

А. Р. Копачева*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КАРТИНЕ МИРА ФРАНЦУЗСКОГО СИМВОЛИЗМА****LINGUO-STYLISTIC DEVICES AS A MEANS OF REALIZATION
OF THE AUTHOR'S LANGUAGE PERSONALITY
IN THE ARTISTIC WORLDVIEW OF FRENCH SYMBOLISM**

Данная статья посвящена рассмотрению лингвостилистических приемов, способствующих репрезентации языковой личности автора в художественной картине мира французского символизма.

The article is dedicated to the examination of linguo-stylistic devices which represent the author's language personality in the artistic worldview of French symbolism.

Ключевые слова: языковая личность автора, символизм, художественная картина мира, средства художественной выразительности.

Keywords: author's language personality, symbolism, artistic worldview, linguo-stylistic devices.

Исследование авторской языковой личности является одной из актуальных и дискуссионных проблем современного языкознания, что обусловлено интересом к изучению способности автора участвовать в репрезентации языковой, национальной или художественной картины мира.

В настоящее время однозначного определения понятия «языковой личности» не существует, в связи с чем возникает необходимость комплексного подхода к ее анализу, выявлению на базе дискурса ее психологических черт, философско-мировоззренческих предпосылок, этно-национальных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков [2. С. 40-51, 222-234].

В антропологистике считается, что одним из проявлений свойств языковой личности автора может являться художественный текст, отражающий художественную картину мира писателя [1. С. 64-72].

Художественный текст как продукт речевого сознания языковой личности традиционно рассматривается с точки зрения психолингвистики (П. Ганнушкин, В. Белянин), психиатрии и психопатологии (К. Леонгард, Ц. Ломброзо, А. Ухтомский, Э. Кречмер) и др. Литературоведческий анализ текста способствует выявлению его связи с эпохой, национальной культурой, литературным процессом.

Современная филология, объединяющая в себе многие дисциплины, при описании автор-

ской языковой личности, занимается выявлением особенностей функционирования языка, экстралингвистических факторов, влияющих на построение художественного текста, специфики языковой картины мира и словаря того или иного автора, проводит детальный анализ языковых средств в формировании авторской оценки (Ю.Д. Апресян, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, В.Б. Кашкин, Л.П. Крысин, А.Н. Леонтьев, Н.В. Уфимцева и др.).

В данной статье мы хотели бы остановиться на рассмотрении некоторых стилистических приемов и средств художественной изобразительности, которые, на наш взгляд, способствуют репрезентации авторской языковой личности в художественной картине мира французского символизма.

Мир каждого поэта-символиста достаточно самобытен и уникален, в нем действуют свои правила, однако мы выявили общее, характерное для символизма в целом употребление разнообразных языковых средств, обладающих экспрессивной коннотацией.

Символ в одинаковой степени находит свое отражение в творчестве П. Верлена, Ш. Бодлера, С. Малларме, он тесно связан с эмоциональным и оценочным компонентами семантики и выражает в основном мрачную атмосферу философии символизма: абстрактные образы, идеи одиночества, душевной опустошенности, смерти, передаваемые с помощью неявных,

имплицитных ассоциаций, о смысле которых можно догадаться лишь исходя из всей совокупности мировоззрения поэта.

В качестве материала исследования мы взяли стихотворения, в которых авторы размышляют о судьбе и предназначении поэта. Следует отметить, что, несмотря на схожесть идей, символисты используют отличающиеся друг от друга образы, эксплицирующие посредством стилистических приемов.

В стихотворении «Adieu» («Прощание») мы встречаем (см. ниже).

Mais pourquoi m'avoir fait cet **agneau sans laine**
Et pourquoi m'avoir fait ce **coeur outragé** ?
J'étais né pour plaire à **toute âme un peu fière**,

Sorte d'**homme en rêve et capable du mieux**,

Parfois tout **sourire** et parfois tout **prière**,
Et toujours **des cieux attendris dans les yeux**
Toujours **la bonté des caresses sincères**

En dépit de tout et quoi qu'il y parût,
Toujours **la pudeur des hontes nécessaires**
Dans **l'argent brutal** et les **stupeurs du rut**

Toujours le pardon, toujours le sacrifice !
J'étais, je suis né pour plaire aux **nobles âmes**

Pour les consoler un peu d'**un monde impur**
Cimier d'or chanteur et **tunique de flames**

Moi **le Chevalier** qui **saigne sur azur** –

Moi qui dois mourir d'une **mort douce et chaste**

Dont **le cygne** et **l'aigle** encor seront jaloux,

Dans l'honneur vainqueur malgré ce vous néfaste,
Dans la gloire aussi des **Illustres Époux** !

[URL: <http://www.poetica.fr/poeme-480/paul-verlaine>]

Таким образом, для поэтических текстов Поля Верлена характерными являются эпитеты, олицетворение, цветовые образы, метафоры с положительной и отрицательной коннотацией, антитеза, параллелизм, аллюзии.

Поэт представляет себя Рыцарем в золотых доспехах и тунике из огня, приносящим себя в жертву идеалу. В его глазах отражаются небеса, он мечтателен и чист душой и не был рожден для этого порочного мира. Только нежная и целомудренная смерть может приблизить его

к совершенству, ибо на земле нет добродетели, способной его оценить.

Своеобразным признаком поэтического символизма является синестезия, разрушающая языковые и образные связи восприятия и увеличивающая поэтическую информацию за счет развития коннотативных значений.

В творчестве Ш. Бодлера звук, ритм, гармония и смысл находятся в постоянном взаимодействии, сочетая в себе дух и плоть, горечь одиночества и торжество идеала.

Красочные эпитеты, метафоры и сравнения

- метафора (агнец без шерсти)
- олицетворение (оскорбленное сердце)
- эпитет (поэт был рожден, чтобы нравиться всякой, немного гордой душе)
- эпитет (мечтательный человек, способный на лучшее)
- антитеза (иногда улыбка, иногда молитва)
- эпитет, олицетворение (нежные небеса в глазах)
- эпитет, олицетворение (доброта искренних ласк)
- эпитет (пристойность необходимой стыдливости)
- эпитет, олицетворение (грубое серебро и сексуальное оцепенение)
- параллелизм (всегда извинение, всегда жертва)
- поэт использует анафору, применяя более «сильный», по сравнению с «немного гордой душой», эпитет (добродетельные души)
- эпитет (нечистый мир)
- метафора, аллюзия (Рыцарь в золотых доспехах и тунике из огня)
- цветовая метафора (истекает кровью на лазурь)
- олицетворение, эпитет (нежная и целомудренная смерть)
- метафора (которой позавидуют лебедь и орел), излюбленный символистами образ гордой смерти благородных и красивых птиц.
- аллюзия (Знаменитые Супруги)

противопоставляют возвышенное, прекрасное, вдохновенное одиночеству, пустоте и издевательствам толпы в стихотворении «L'Albatros» («Альбатрос»).

Размышление автора о роли поэта представлено в образе альбатроса, чьи исполинские белоснежные крылья в лазурном небе над морской бездной олицетворяют прекрасный, вдохновенный полёт творческой личности, но одновременно мешают быть понятым на земле.

Образ большой красивой белой птицы мы

Prennent des albatros, vastes oiseaux des mers ,	– эпитет (огромные морские птицы)
Qui suivent, indolents compagnons de voyage,	– эпитеты (безучастные спутники)
Le navire glissant sur les gouffres amers .	– эпитет (горькие бездны)
A peine les ont-ils déposés sur les planches,	– инверсия (кинут их на палубу)
Que ces rois de l'azur, maladroits et honteux ,	– эпитет, метафора, антитеза (царь высоты голубой, неловкий и опозоренный)
Laissent piteusement leurs grandes ailes blanches	– метафора, сравнение (влачит огромные белые крылья как весла за собой)
Comme des avirons trainer à coté d'eux.	
Ce voyageur aile, comme il est gauche et veule!	– антитеза (лишь недавно прекрасный, стал бессильным, нелепым, смешным)
Lui, naguère si beau, qu'il est comique et laid!	
Le Poète est semblable au prince des nuées	– метафора (принц облаков)
Ses ailes de géant l'empêchent de marcher	– эпитет, метафора (исполиньские крылья мешают тебе идти)
[URL: http://poesie.webnet.fr/lesgrandsclassiques/poemes/charles_baudelaire/l_albatros.html]	

можем встретить и у С. Малларме. В стихотворении «Лебедь» белизна крыльев умирающего на снегу лебедя символизирует не только победу смерти над жизнью, но также представляется аллюзией к творчеству поэта.

Усилия не успевшего вовремя улететь лебедя, ломающего лед, представляют собой надежду поэта порвать с реальным миром, чтобы достичь поэтического идеала.

Le viègre, le vivace et le bel aujourd'hui

Va-t-il nous déchirer avec **un coup d'aile ivre**
Ce **lac dur oublié** que hante sous le givre.

Le transparent glacier des vols qui n'ont pas fui!

Pour n'avoir pas chanté la région ou vivre.

Quand du **stérile hiver** a resplendi l'ennui.

Tout son col secourra cette **blanche agonie**.
Fantôme qu'a ce lieu son pur éclat assigne.

Все стихотворение пронизано страданием, построено на метафорах, передающих возвышенность, внеземную и вневременную красоту, пустоту, незаполненность, одиночество. Но эта обречённость одновременно является светлым, несущим освобождение от всего земного и пошлого поиском символизирующей силы за пределами реальности.

Характерные для символизма образы, свя-

– метафора (белоснежный, живой и прекрасный). Автор использует слова, символизирующие чистоту, белизну, боязнь белого листа для поэта.

– эпитет (взмах пьянящего крыла)

– эпитет (забытое озеро), символизирующий отсутствие поэтического вдохновения.

– метафора (прозрачный лед полетов, которые не были совершенных), стихи, которые не были рождены.

– поэт как лебедь, ищет идеал, которого хочет достичь и не чувствует себя способным жить на земле.

– олицетворение (стерильная зима) оставляет его без вдохновения, неподвижность лебедя выражает невозможность творчества.

– эпитет (белая агония)

– метафора (призрак), еще живой, но которого уже коснулась смерть.

[URL: http://poesie.webnet.fr/lesgrandsclassiques/poemes/stephane_mallarme]

занные с темой Смерти и Рока, символика древних легенд и суеверий, аллюзии к архетипическим символам ощущаются везде и во всём. Лепестки увядшего цветка, белый звон погребального колокола, долгие рыдания осенних скрипок, белизна крыльев умирающих птиц, потухающий свет свечи или последние искры догорающего камина у П. Верлена, Ш. Бодлера и С. Малларме становятся символами человеческой обречённости.

Используемые каждым автором эпитеты, метафоры, сравнения и аллюзии вызывают богатый ряд ассоциаций, метафорически оживляют восприятие, способствуют повышению эмоциональной выразительности произведений и

актуализации языковой личности поэта, владеющей характерными приёмами использования образных средств.

Список литературы

1. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
2. Караулов, Ю.Н. Из опыта реконструкции языковой личности / Ю.Н. Караулов // Литература. Язык. Культура. М., 1986. С. 40-51, 222-234.

М. О. Короткова

*Институт иностранной филологии
Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)*

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАНАДЕ В АСПЕКТЕ БИЛИНГВИЗМА

THE LINGUISTIC SITUATION IN CANADA IN THE ASPECT OF BILINGUALISM

В статье предлагаются основные классификации билингвизма, а также анализируются особенности данного явления в Канаде. Рассматриваются вопросы статуса официальных языков, приводится характеристика языковой ситуации в аспекте билингвизма, а также изучаются особенности языковой политики Канады, направленной на распространение и развитие двуязычия в современном государстве.

The present research is directed to analyze the essential classifications of bilingualism, as well as particularities of this phenomenon in Canada. The author observes the questions of the official languages status, gives characteristics of linguistic situation in terms of bilingualism and studies peculiarities of the Canadian language politics, which is directed to extension and development of bilingualism in the modern country.

Ключевые слова: билингвизм, Канада, языковая ситуация, языковая политика.

Keywords: bilingualism, Canada, linguistic situation, language politics.

В условиях всемирной глобализации и возрастающей тенденции к созданию единого информационно-культурного пространства ни одна из стран мира не остается обособленной. Можно с уверенностью заявить, что этот многоуровневый процесс затрагивает все сферы жизни современного общества, в том числе и функционирующий в нем язык.

В рамках социолингвистического направления изучается зависимость языка от соци-

альных условий его функционирования. Как отмечает В.Ю. Михальченко, «если ранее эта зависимость во всех сферах проявлялась преимущественно в пределах одного государства, то в течение нескольких последних десятилетий, в связи с процессами глобализации, она стала проявляться на уровне мирового лингвистического процесса. Социальная обусловленность этого процесса выражается в действии двух противоположных тенденций: возрастание

роли мировых языков в жизни разных языковых общностей и изменение функционирования ряда языков народов мира». Автор полагает, что две вышеупомянутые тенденции отображают ключевые направления развития современного мирового языкового пространства [7].

В современном мире языком международного общения является английский язык, вторую по значимости позицию занимает не менее распространенный французский язык. Ему принадлежит статус официального языка в 29 странах мира, а если учесть страны и регионы, в которых французский язык не является государственным, количество франкофонного населения достигнет 200 миллионов человек (URL: <http://www.francophonie.org/220-millions-de-francophones-dans.html>).

В настоящий момент французский язык представляет собой систему территориально и социально обусловленных форм языка, представленных национальными и локальными вариантами, диалектами, креольскими языками, распространенных в разных частях земного шара. Значительный интерес для исследователей представляют национальные варианты французского языка, вследствие социально-исторических условий и территориальных особенностей находящиеся в непосредственном контакте с другими языками.

Следует отметить, что все национальные варианты французского языка испытывают нормализующее воздействие центрального варианта или французского языка Франции, ограничивающее их дифференциацию, а также способствующее сохранению общих черт французского языка в мире. Согласно мнению В. Т. Клокова, «особенностью французского, бельгийского и швейцарского вариантов французского языка является то, что они отражают такие культуры, которые, имея единый романский источник, стали развиваться самостоятельно и в то же время в рамках единой европейской культуры и единого франкоязычного мира» [5. С. 13]. Что касается французского языка, развивающегося в отдалении от исторической родины, автор отмечает, что «французская культура на новой территории и на протяжении многих веков видоизменялась специфическим образом, в то время как в Европе она также не оставалась неизменной и развивалась по собственному пути» [5. С. 14]. С этой точки зрения особого внимания заслуживает уникальная языковая ситуация Канады.

Официальными языками Канады являются языки бывших иммигрантов – английский

и французский. Согласно переписи населения 2011 года, 17,5% населения Канады владеют двумя языками – французским и английским, 66% жителей страны используют английский язык в повседневном общении, 21% – французский. Из 33 476 688 канадцев для 18 858 975 английский является родным языком, для 7 054 970 – французский (URL: bit.ly/1VPJn5u). В современной Канаде французский язык испытывает сильное влияние национального варианта английского языка, которое значительно усилилось в условиях глобализации. Вследствие непрерывного контактирования двух языков в стране установилась ситуация двуязычия и диглоссии английского и французского языков.

Несмотря на то, что французский язык распространен во всех канадских провинциях, его распределение в каждой из них не является равномерным. Так, к 2011 году количество франкоязычного населения в Квебеке составило 4 047 175 по сравнению с 975 000 в 2008 году и 980 000 в 2001. Наибольшее количество франкофонов сосредоточено в трех пограничных провинциях: Квебек, Онтарио и Нью-Брансуик. Так, из 7 815 955 жителей Квебека 4 047 175 владеют исключительно французским языком, а 3 328 725 являются англо-французскими билингвами, для 12 722 065 жителей Онтарио данные показатели составляют 42 980 и 1 395 805 соответственно, доля франкофонов провинции Нью-Брансуик составляет 66 380 из 739 900 жителей, а количество англо-французских билингвов достигает 245 885 человек (URL: bit.ly/1AShGQ6).

Количество жителей, владеющих двумя официальными языками, составляет 5 795 575 человек, при этом наиболее высокие показатели обнаруживаются в провинциях Квебек (40,8%), единственной официально двуязычной провинции Нью-Брансуик (34,2%), на Острове Принца Эдуарда (12,0%) и в Онтарио (11,7%) (URL: <http://www.axl.cefcan.ulaval.ca/amnord/cnddemo.htm>). Среди особенностей билингвизма в Канаде следует подчеркнуть его одностороннюю направленность: в англоязычных провинциях наблюдается незначительный процент билингвизма среди населения, на всей территории страны двуязычие прослеживается в первую очередь среди франкофонов. Таким образом, можно сделать вывод, что билингвизм является важным компонентом языковой ситуации Канады.

Следует отметить, что данное явление широко распространено в разных странах мира и на протяжении длительного времени привлекает внимание лингвистов.

Понятие «билингвизм» или «двуязычие» (от фр. *bilinguisme*, англ. *bilingualism*) является важной составляющей понятийного аппарата, как социолингвистики, так и ряда других общественно-гуманитарных наук. Однако следует отметить, что ученые подходят к трактовке данного понятия и классификации его видов по-разному. В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой приводится следующее определение билингвизма: «Одинаково совершенное владение двумя языками; владение двумя языками, применяемыми в разных условиях общения, напр. родным диалектом и литературным языком (фр. *diglossie*)» [1. С. 120]. У. Вайнрайх трактует данное явление в рамках теории языковых контактов и определяет его как «практику попеременного пользования двумя языками» [3. С. 22].

Ученые, исследующие данное явление в рамках социолингвистического подхода, рассматривают его в качестве компонента социально-коммуникативной системы и в непосредственной связи с языковым (речевым) коллективом. Так, А. Д. Швейцер определяет билингвизм как «существование двух языков в рамках одного языкового (речевого) коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта» [8. С. 111]. Ученый также подчеркивает, что билингвизм общества складывается из индивидуального билингвизма его членов. Следовательно, при отсутствии индивидуального билингвизма в многоязычном государстве можно говорить о сосуществовании на его территории нескольких одноязычных коллективов с собственной социально-коммуникативной системой.

В. И. Беликов и Л. П. Крысин предлагают следующую классификацию билингвизма:

- субординативный билингвизм, при котором второй язык воспринимается исключительно посредством сопоставления с родным языком. Вследствие различий между семантическими структурами языков в речи говорящих возникают ошибки, вызванные, к примеру, соотношением понятий второго языка с лексическими единицами родного;

- координативный (чистый) билингвизм предполагает отсутствие непосредственной связи между языками. В данном случае наблюдается четкое разграничение понятий, грамматические структуры обоих языков отличаются независимостью;

- смешанный билингвизм в идеале подразумевает практически полное взаимопроникно-

вание языков, порождающее единый механизм речепроизводства [2. С. 37].

Напротив, А. С. Герд среди основных типов билингвизма выделяет следующие:

- билингвизм от рождения, приобретаемый в семье от родителей или близких родственников, говорящих на двух языках;

- территориальный билингвизм, возникающий у народов, проживающих на близко расположенных территориях;

- прагматически вынужденный или социально обусловленный билингвизм, встречающийся среди иммигрантов, а также в литературных и научных кругах [4. С. 83].

Возникновение и распространение билингвизма в Канаде – длительный процесс, непосредственно связанный с формированием национальной идентичности и культуры. С момента своего основания французская Канада или Новая Франция представляла собой сообщество с уникальной культурой, собственными традициями, а французский язык, на котором говорило население, отличался целостностью и был близок к литературному стандарту.

История англо-французского конфликта на территории Канады берет начало с момента завоевания Новой Франции британскими колонизаторами. Подписание в 1763 году Парижского договора означало присоединение Великобританией Канады и части Луизианы, что повлекло за собой тотальное доминирование английского языка, английской культуры, принуждавшее франко-канадцев к неизбежной ассимиляции. На протяжении длительного времени французский язык использовался исключительно в бытовом общении, постепенно отдаляясь от литературной нормы и приобретая черты просторечия. Установилась ситуация диглоссии, в которой английскому языку была предназначена роль единственного официального языка, использующегося в образовании и во всех государственных учреждениях, французскому языку отводилось место просторечия, в рабочей среде Монреале он получил название «жуаль» (от неправильного произношения слова «cheval» – лошадь). Тем не менее, сложившаяся ситуация способствовала укреплению национального самосознания и ревностному отношению франкоканадцев к родному языку.

Обретение Канадой независимости и приход к власти Квебекской партии вызвало новую волну национального подъема. В 1774 году был принят Квебекский Акт, обеспечивший право населению Квебека изъясняться на род-

ном языке, а также урегулировавший другие конфликтные вопросы из сферы государственного управления, экономики и гражданско-правовых отношений.

Постепенно французский язык восстановил свои права и занял более прочную позицию в государстве. В 1867 году Актом о Британской Северной Америке было разрешено использование французского языка наравне с английским в парламенте и федеральных судах, в 1934 году указом парламента было создано федеральное Бюро переводов. К 1959 году дебаты в Палате Общин также стали проводиться на двух языках. Французский язык проник и в другие сферы жизни. Так, в 1927 году появились первые двуязычные надписи на почтовых марках, а к 1936 году – на банкнотах.

Со второй половины XIX века канадское правительство прилагает значительные усилия для решения вопросов, связанных со статусом английского и французского языков, а также языковыми правами граждан. Развитие и распространение двуязычия является приоритетным направлением внутренней политики государства, об этом свидетельствует и наличие значительного количества учреждений, деятельность которых связана с урегулированием межъязыкового конфликта. Так, в 1963-1970 годах была создана Королевская комиссия по билингвизму и бикультурализму, важным результатом работы которой стал первый Закон об официальных языках, принятый парламентом в 1969 году, который закрепил за французским и английским языками равный статус официальных языков органов власти федерального значения. Кроме того Закон направлен на развитие и поддержку англофонных и франкофонных сообществ в миноритарной ситуации, а также на обеспечение равенства двух языков в канадском обществе. Контроль исполнения вышеуказанных постановлений, а также соблюдение языковых прав граждан выполняет Комиссариат по официальным языкам Канады.

Касаясь вопроса билингвизма в Канаде, основное внимание уделяется проблеме англо-французского билингвизма, однако не следует забывать о том, что в государстве функционирует значительное количество языков автохтонного населения, которым также оказывается поддержка со стороны правительства и местной администрации. Согласно данным 2006 года, 3,7% населения Канады составляют коренные жители. Конституцией Канады признаны 3 категории автохтонного населения: американские индейцы (59,5%), метисы

(33,2%) и инуиты (4,3%) (URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amnord/cnddemo.htm>). Среди более 50 языков коренных народов или «Языков Первых Наций» наибольшей демографической мощностью и стабильностью обладают языки кри (из 77 970 зарегистрированных носителей 46 760 используют его в повседневном общении), инуктитут (31 925 и 25 040 соответственно) и оджибве (24 025 и 11 005). Существование большинства языков коренного населения находятся под угрозой исчезновения, поскольку количество носителей в некоторых случаях составляет лишь несколько десятков человек, кроме того у некоторых народов прервалась традиция передачи языка от старших поколений к младшим [6. С. 25].

Как отмечают многие исследователи, среди молодых поколений коренного населения наблюдается высокий уровень билингвизма, а в ряде случаев и предпочтение английского или французского языков родному языку, в особенности, в городских условиях [6. С. 32]. Таким образом, можно отметить возрастающую тенденцию к лингвистической ассимиляции коренных народов, что связано с невысоким престижем языков коренного населения в обществе, а также снижением интереса к родному языку самих носителей.

Кроме того, Канада является одной из стран, наиболее благоприятных для иммиграции, что способствует распространению других языков и диалектов на ее территории. Число так называемых аллофонов в настоящее время достигло более 5 миллионов человек. Федеральная перепись населения продемонстрировала, что третьим по распространению родным языком для жителей Канады является китайский язык, второе место занимает итальянский, третье – немецкий, на четвертом расположен панджаби.

Таким образом, современная Канада представляет собой мультикультурную многонациональную страну, в которой билингвизм является важным компонентом языковой ситуации. В сложившихся условиях языковая политика государства направлена на обеспечение языковых прав и равенства граждан любой расовой и национальной принадлежности, что гармонизирует ситуацию внутри страны и способствует укреплению национальной идентичности.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Совет. энциклопедия, 1966. – 598 с.

2. Беликов В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин // РГГУ. – Москва, 2001. – 439 с.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. – Киев, 1979. – 264 с.
4. Герд А. С. Билингвизм и бикультура / А. С. Герд // Русский язык : история, диалекты, современность. – Вып. 6. – Москва, 2005. – С. 83–90.
5. Клоков, В. Т. Территориальные варианты французского языка: конспект лекций / В. Т. Клоков // Издательство Саратовского университета. – 2003. – 110 с.
6. Кожемякина В. А. Коренные народы Канады: этноязыковые и культурно-языковые проблемы / В. А. Кожемякина // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков, 2009. т.Dsg/ 1. – С. 18–37.
- Михальченко, В. Ю. Национальные языки в эпоху глобализации: языки России и Монголии / В. Ю. Михальченко // Вопросы филологии. – 2010. – № 1 (34). – URL: http://journal.mosinyaz.com/page_39_34/.
7. Швейцер, А. Д. Введение в социоллингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М.: Высш. шк., 1978. – 216 с.

Н. Н. Кошкарлова

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

«РАЗГОВОРЫ В ЗЕРКАЛЕ» СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ОБСУЖДЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ В ОДНОИМЕННОЙ КНИГЕ

CONVERSATIONS IN THE MIRROR” OF SOCIAL AND CULTURAL AND IDENTITY: STRATEGIES AND TACTICS OF THE UP-TO-DATE PROBLEMS’ DISCUSSION IN THE BOOK OF THE SAME NAME

Статья посвящена описанию стратегий и тактик обсуждения проблем современности в книге «Разговоры в Зеркале». Несмотря на присутствие в книге четких аксиологических оценок и приоритетов, акцент в настоящем исследовании сделан на жанровом наполнении и лингвопрагматических особенностях произведения. На последние не могут не влиять страна происхождения и национальность героев книги.

The paper is devoted to the description of strategies and tactics of the modern problem’ discussions in the book “Conversations in the Mirror”. In spite of a strong axiological component of the book the genre aspect and linguo-pragmatic characteristics are emphasized in the present research. The latter can’t but be influenced by the nationality and the country where the book’s characters come from.

Ключевые слова: «Разговоры в Зеркале», аксиология, жанры, лингвопрагматика, Израиль.

Keywords: “Conversations in the Mirror”, axiology, genres, linguo-pragmatics, Israel.

Целью настоящего исследования является анализ книги «Разговоры в Зеркале» с точки зрения теории речевых жанров и лингвопрагматических особенностей указанного произведения. Книга «Разговоры в Зеркале» представляет собой фиксацию бесед, проведенных в течение почти двадцати лет главным редактором русскоязычного израильского журнала «Зеркало»

Ириной Врубель-Голубкиной. Однако с точки зрения жанрового наполнения книга представляет собой весьма неоднородное произведение.

Так, помимо указанных выше бесед (которые с точки зрения теории речевых жанров представляют собой разновидность интервью) в книгу включены также монологи представителей русского авангарда; свидетельства

тех, кто принимал участие во Втором русском авангарде; записи дискуссий, проходивших во время редакционных «круглых столов». Характерной особенностью, объединяющей все представленные в книге жанровые формы, является то, что авторы и (или) участники интервью, монологов, «круглых столов» излагают собственную точку зрения на события, свидетелями которых они были и являются. Таким образом, мы с полным основанием можем считать, что все представленные в анализируемой книге жанры являются разновидностью дискурсивной практики, под которой М. Фуко понимает «исторические правила для реализации функций высказывания в данном социальном и лингвистическом пространстве» [9. С. 117].

О. С. Иссерс синтез всех особенностей данного термина определяет следующим образом: «дискурсивная практика – это динамичная организация тех коммуникативных систем внутри социума, которая отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а также формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [5. С. 58]. К числу основных характеристик такого социолингвистического и когнитивного феномена, как *новая дискурсивная практика*, О. С. Иссерс относит следующие параметры:

- 1) новый коммуникативный канал или носитель информации;
- 2) изменение установки или модальности;
- 3) интеркодность – совокупность единиц разных семиотических систем в определённом типе дискурса [5. С. 50–51].

На наш взгляд, в список релевантных параметров новой дискурсивной практики следует добавить такие характеристики:

- 1) изменение целевой аудитории речевого произведения, созданного в рамках того или иного типа дискурса;
- 2) расширение жанровых рамок существующих форм за счёт изменения прагматической цели создания текста;
- 3) сочетание в рамках новых дискурсивных практик элементов массовой и межличностной коммуникации;
- 4) интеграция при реализации новых дискурсивных практик компонентов межкультурной и межнациональной коммуникации;
- 5) сравнительный анализ культур и мировых цивилизаций через призму дихотомии «Восток-Запад».

Последний аспект реализации новой дискурсивной практики находит в анализируемой

книге текстовое представление через обсуждение взаимоотношений русских и западных художников, отличий русской культуры от культуры Запада (например, в поэзии, где в отличие от Запада был не модернизм, а авангардизм), возникновение новых идей на Западе и существование маленькой группы диссидентов на Востоке. Приведем конкретные примеры репрезентации указанных тем в анализируемой книге:

В беседе с писателем Н. И. Харджиевым Ирина Врубель-Голубкина задает такой вопрос: *Были ли какой-то комплекс неполноценности у русских художников по отношению к западным?*

В ходе интервью с поэтом Геннадием Айги интервьюер утверждает следующее: *В русской культуре, в отличие от Запада, не было модернизма, а был авангардизм.*

В разделе «Группы в полном воздухе» опубликованы свидетельства пяти людей (писателя Габриэля Мокеда, офицера израильской полиции Мордехая Лейбовича, участника правозащитного движения в СССР Эдуарда Кузнецова, поэта и художника Михаила Гробмана, жителя Израиля Давида Накаба), которые предваряют рассуждения Ирины Врубель-Голубкиной о противопоставлении Востока и Запада: *...на Западе все-таки возникли идеи, которые изменили человеческие отношения, привели к отмиранию старых обрядов – привели в действие иные поведенческие и эстетические стили. <...> На Востоке, несмотря на подавляющую оппортунистическую студенческую массу, тем не менее возникла маленькая группа диссидентов и художников.*

Как видно из приведенного списка собеседников, все они сейчас живут в Израиле и имеют еврейские корни. В связи с этим одним из ключевых концептов обсуждаемой книги является оппозиция «свой-чужие». Будучи архетипическим смыслом человеческой культуры, данная оппозиция принимает на себя роль прагматической доминанты, реализуемой при обсуждении принадлежности героев книги к миру «своих» или «чужих»: *Кого ты называешь своими? (беседа с поэтом Валентином Хромовым) Илья, чей ты художник? Кому ты адресуешь свое искусство? (беседа с художником Ильей Кабаковым). Как ты себя определяешь в смысле литературной географии? Ведь у каждого из нас есть своя принадлежность. С кем ты, в конце концов? (беседа с прозаиком Леонидом Гиршовичем).*

Не вызывает сомнения тот факт, что в книге, автором которой является главный редак-

тор русскоязычного журнала, издающегося в Израиле, одним из экспонентов диады «свой-чужой» является так называемый «еврейский вопрос», который в данном случае обсуждается не через призму бытовых отношений, притяжения или ненависти к этому народу, а с более глобальных позиций – литературы, поэзии, искусства: *Давай поговорим о еврействе как части Европы и о том, почему существует ненависть к нему* (беседа с математиком Михаилом Деза). *Еврейский музей в Нью-Йорке попытался взять на себя задачу представить еврейское российское искусство и даже классифицировать его. Но концепция выставки выражена неотчетливо, набор имен случаен и акценты не соответствуют истинному положению в русско-еврейском искусстве. Каково ваше мнение по этому поводу?* (беседа с директором института искусств Еврейского университета Зивой Амишай-Майзельс). *Процент евреев в художественно-литературной среде был тогда очень велик?* (беседа с Н. И. Харджиевым).

С лингвистической точки зрения приведенные примеры интересны также использованием местоимения «ты» в беседе с гостями, что придает интервью характер интимизации и доверительности. Последняя характеристика на уровне текста проявляется также в арсенале обсуждаемых тем: почти у каждого собеседника Ирина Врубель-Голубкина пытается выяснить истоки, корни происхождения, так как именно под влиянием семьи и в детстве происходит моральное и часто профессиональное становление личности: *Сева, какую культуру ты получил из семьи? Что на тебя повлияло?* (беседа с поэтом Всеволодом Некрасовым) *На каком языке ты написал первые стихи?* (беседа с поэтом Геннадием Айги) *Эрик, как ты начинал?* (беседа с художником Эриком Булатовым).

Своеобразным контрапунктом обсуждению истоков становления того или иного художника или поэта является «вплетение» в ткань беседы прецедентных имен и феноменов, из которых из беседы в беседу упоминаются два: Анна Ахматова и Иосиф Бродский. По справедливому замечанию Е. А. Нахимовой, прецедентные имена со сферой-источником «литература» «играют важную роль в смысловой и эстетической организации содержания» [6. С. 234]. Данное утверждение в полной мере находит свое подтверждение в анализируемой книге: упоминание имен великих поэтов является манифестацией идеологических и эстетических взглядов собеседников. Каждый из них имеет свое отно-

шение к упомянутым выше именам, высоко оценивает одного и критикует другого: *Ты общался с Бродским? – Он мне был интересен как человек? – А как поэт? – И как поэт, разумеется. Впрочем, мы мало говорили о литературе* (беседа с Сашей Соколовым). *А Бродский? – Всеми вредит желание славы, успеха, чтобы о тебе говорили. Поэт малых форм* (беседа со Станиславом Красовицким). *А тебе не кажется, что вся советская поэзия развивалась от акмеизма, она была романтична и статична, и это всучивалось одному поколению за другим, и Ахматова по своей природе – одна из зачинателей этой поэзии? – Да, возникает культ античности – поэзия на котурнах, ощущение собственной значимости. А это не свойственно Цветаевой, Маяковскому, Есенину, как христианским мученикам* (беседа с Геннадием Айги).

В целом необходимо отметить, что при знакомстве с анализируемой книгой у читателя может возникнуть противоречивое чувство: с одной стороны, свидетельства современников таких великих поэтов, как Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Иосиф Бродский, важны и интересны тем, кто интересуется русской литературой и поэзией в плане понимания этапов и вех их становления. Но с другой стороны, иногда эти воспоминания носят оттенок уничижения памяти и достоинства тех великих имен, некоторые из которых были упомянуты выше. При этом необходимо отметить, что от взгляда ученого-лингвиста аксиологические оценки и суждения не могут скрыться за теми речевыми приемами и средствами, которые используются в обсуждаемой книге. Но именно последние должны стать предметом лингвистического анализа, свободного от идеологических и эстетических штампов и клише.

Однако ценностная составляющая, как показывает анализ речевого материала, не может остаться за рамками лингвокультурологического подхода, признанного основным в настоящем исследовании. По справедливому замечанию Л. В. Вдовиченко, ценности и антиценности изучаются в рамках нового направления лингвокультурологии – аксиологической лингвистики [3. С. 12]. Приведем несколько трактовок анализируемого понятия. «Современный философский словарь» (2004) трактует ценность как «сложившуюся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемую людьми форму их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать

будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое» [8].

В социологии среди множества определенных ценностей выделяется следующее: «ценности – это приобретённое, усвоенное из опыта обобщённое и стабильное понятие о том, что является желательным; это тенденция выбора и критерий постановки целей и результатов действия» [2. С. 234]. Междисциплинарный подход требует обращения к психологическому направлению изучения ценностей, в рамках которого последние определяются как «значимость для людей тех или иных материальных, духовных или природных объектов, явлений» [1. С. 152].

В филологическом плане нам импонирует определение ценностей, данное Я. В. Зубковой в работе, посвящённой изучению академического дискурса: «Ценности – это неимманентные сущности, лежащие в основе коммуникативного поведения индивида; они являются продуктом жизнедеятельности человека, зависят от определённых внешних условий и функционируют с разной степенью интенсивности в различных социальных и исторических общностях» [4. С. 135]. Ценности кооперативного взаимодействия – это прежде всего «терпимость, толерантность, отсутствие проявлений ксенофобии, этнофобии, речевой агрессии, стремление к межнациональному диалогу, взаимопониманию, равенству» [7. С. 18].

Трудно согласиться с мыслью, что все из представленных в анализируемой книге жанровых форм характеризуются перечисленными выше параметрами. Полагаем, что порой воспоминания героев книги отличаются отсутствием терпимости, толерантности и стремления к диалогу сквозь национальности и предпочтения. Но как уже указывалось выше, подобные аксиологические оценки и представления не могут

влиять на общее восприятие книги «Разговоры в Зеркале» и ее исследования с точки зрения теории речевых жанров и лингвопрагматики.

Список литературы

1. Акмеологический словарь / Под общ. ред. А. А. Деркача. – М. : Изд-во РАГС, 2004. – 161 с.
2. Асп, Эрки. Введение в социологию / Эрки Асп. – СПб, Алетейя, 1998. – 245 с.
3. Вдовиченко, Л. В. «Порядок» и «беспорядок» как ценность и антиценность в политическом дискурсе России и США / Л. В. Вдовиченко // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 3 (33). – С. 57–61.
4. Зубкова, Я. В. Ценности академического дискурса / Я. В. Зубкова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж : ВГУ, 2009. – Вып. 7. – С. 135–141.
5. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия / О. С. Иссерс // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – С. 37–61.
6. Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – 276 с.
7. Руженцева, Н. Б. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – 292 с.
8. Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н. профессора В. Е. Кемерова. – М. : Академ. проект, 2004. – 864 с.
9. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

С. С. Краева

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ВЛИЯНИЕ БЕНЕФАКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ НА ВЫБОР СРЕДСТВ ОБЪЕКТИВАЦИИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА БЛАГОДАРНОСТЬ

DEPENDENCE OF GRATITUDE AS A SPEECH GENRE ON THE BENEFICIAL ACTION

В статье рассматривается взаимозависимость стимула и реакции в коммуникативной ситуации реализации речевого жанра благодарность. Проводится анализ выбора средств вербализации благодарности в ответ на услугу, информацию и подарок.

This article deals with the interdependence of stimulus and reaction in the gratitude as speech genre. The choice of means for verbalization of gratitude in response to a favor, information or a gift is analyzed.

Ключевые слова: речевой жанр благодарность, бенефактивное действие, услуга, информация, подарок.

Keywords: speech genre gratitude, beneficial action, favour, information, gift.

Создание речи – процесс, зависящий от лингвистических и экстралингвистических факторов. Эти факторы могут быть объективными (национальная норма и узус) и субъективными (мотив, речевая среда). Под влиянием формантов речевой среды формируется коммуникативная интенция говорящего [1. С. 13]. Актуальная научная точка зрения по проблеме прагматики благодарности сводится к тезису о контекстной обусловленности как формы, так и структуры высказывания с семантикой благодарности, зависящей от имплицитно содержащейся в высказывании ситуативно заданной интенции возмещения долга (Eisenstein, Bodman, 1986; Held, 1995; Kremos, 1955; Wandruszka, 1957). Прямую зависимость структуры высказывания от предмета благодарности постулирует Ф. Коулмас [5]. То есть, чем весомее каузатор, тем выше степень вежливости реакции на него в виде благодарности. Вместе с тем, выражение благодарности регулируется правилами хорошего тона, соблюдение которых соотносится с ожидаемым поведением человека в обществе в определенных ситуациях при наличии определенных условий. Д. Вундерлих в своем труде «Лингвистическая прагматика» (1972) рассматривает речевые действия как основную лингвопрагматическую единицу и говорит о взаимосвязи каждого отдельного речевого действия с другим: если речевое действие одного типа систематически является условием или следствием актуализации речевого действия другого типа, то мы можем говорить о конвенционализации последовательности речевых действий [6. С. 25].

На основании анализа моделей речевого взаимодействия и высказываний, вербализующих речевой жанр благодарности (далее – РЖБ), можно говорить о реализации говорящим макроинтенции и микроинтенции при выражении благодарности. Макроинтенцией, или примарной прагматической целью благодарности, как реактивного речевого действия, является подача сигнала о том, что фразы или действия собеседника поняты, оценены и приняты говорящим. Микроинтенция, или второстепенная прагматическая цель, при выражении благо-

дарности заключается в подчеркивании значимости для говорящего бенефактивного действия, которое имело место быть, либо значимости и ценности партнера по коммуникации, как источника благодеяния. Такая трактовка прагматики благодарности характерна для модели М. Я. Гловинской *X благодарит Y–a за P*, которая подразумевает следующую последовательность действий: 1) X знает, что Y сделал P, хорошее для X; 2) X хочет показать, что он ценит это; 3) X понимает, что если он не покажет, что ценит P Y–a, Y–у будет неприятно; 4) X произносит словесную формулу, принятую для этого; 5) X говорит это, чтобы Y знал, что X оценил P Y–a [2. С. 209].

Рассматривая влияние бенефактивного действия на выбор средств объективации РЖБ и, как следствие, степени вежливости высказывания с семантикой благодарности, важно отметить, что бенефактивное действие, или стимул, выступает облигаторным условием актуализации РЖБ. Оно реализуется посредством речевого или физического действия, а также комбинацией этих действий. В ходе исследования функционирования РЖБ в диалогическом дискурсе были выявлены стимулы благодарности, которые реализуются по инициативе участников коммуникации на основании оценки обстоятельств и условий коммуникативной ситуации. Факторами реализации стимула могут выступать моральные принципы (чувство долга, помощь ближнему), предварительная просьба со стороны нуждающегося в услуге (о помощи, содействии в решении проблемы), личная инициатива коммуниканта (захотел поздравить, высказать комплимент). Стимулы РЖБ можно условно разделить на две группы: 1) оказание помощи (*помощь, услуга, информация, сервис, совет, уход*); 2) проявление внимания (*внимание, забота, комплимент, похвала, подарок, пожелание, поздравление, моральная поддержка, предложение, приглашение, приветствие, извинение*).

Для иллюстрации взаимозависимости бенефактивного действия и выражения благодарности обратимся к примерам речевого взаимодействия из социальных сетей и художествен-

ной литературы. Коммуникация в дискурсе социальных сетей предполагает, что конкретное письменное сообщение в режиме «здесь и сейчас» служит стимулом для дистантного опосредованного общения и реализации речевых действий коммуникантов в письменной форме. То есть, письменные высказывания, могут быть приравнены к устным, поскольку используемые для их построения лексические средства максимально приближены к тем, которые имеют место в устной коммуникации лицом к лицу. Об этом пишет Е. С. Смольянинова, которая квалифицирует новую форму существования языка – концептуально устного, но реализующегося в письменной форме, – как признак виртуальной коммуникации [3. С. 101]. Аналогичного подхода к трактовке реплики-стимула мы придерживаемся при анализе функционирования РЖБ в текстах художественных произведений, опираясь на мнение М. Ю. Федосюка, согласно которому жанровые особенности разговорной речи получают в художественных текстах «достаточно адекватное отражение» [4. С. 80].

Услуга как стимул благодарности представляет собой полезное и благоприятное для адресата действие. Не следует путать оказание услуги с сервисом, ср.: услуга оператора мобильной связи – предоставление мобильной связи, сервис оператора мобильной связи – поддержка клиентов по всем вопросам, связанным с деятельностью компании и функционированием мобильной связи. Также под услугой понимается одолжение, помощь по дружбе, которая не в тягость человеку ее оказывающему. Разница между помощью и услугой заключается в том, что помощь отличается важностью, срочностью и как стимул обладает для говорящего большей ценностью и значимостью, чем услуга. Пример незначительной услуги – оказание медицинской помощи при порезе: *«I'll be fine,» Bosch said. "Thanks for fixing me up." "Don't mention it."* (M. Connelly)

Со стороны коммуниканта, выражающего благодарность, наблюдается два сигнала, он уверяет собеседника, что с ним все будет в порядке, и вместе с тем, упоминает причину своей благодарности в высказывании, вербализующем РЖБ. С другой стороны, адресат благодарности реагирует клишированной фразой *Don't mention it* (ср. в русском *не стоит, не за что, проехали*), отклоняющей благодарность. В совокупности реплики коммуникантов свидетельствуют о минимизации значимости неэффективного поступка в данной ситуации в

целом, однако в частности главный герой может быть охарактеризован как человек склонный к повышенной вежливости.

Пример услуги в социальной сети: А: *@B @B Great morning Please Take a Listen to what I did on #FreeMeekMill -They Don't Love Me ! <https://m.soundcloud.com/> ...*

В: *@A good morning. Sure thing i'll check it out.*

А: *@B thanks darling appreciate the love if you like Let me know*

В данном случае пользователь делится с двумя знакомыми (контакты в соцсети) ссылкой на скопированную им мелодию с просьбой ее прослушать. Один из контактов реагирует на просьбу обещанием ее выполнить, то есть оказать услугу инициатору диалога. На это следует благодарность пользователя, включающая ласковое обращение, указание на положительную оценку данного поступка (обещание и последующее выполнение) и новую просьбу, дающую повод для продолжения общения в ближайшем будущем.

В русском языке также наблюдается тенденция обращаться к собеседнику при выражении благодарности, особенно за значительную услугу:

– *Поехали, – ответил Журковский. – На одну ночь, – сказал Греч. – Завтра мы что-нибудь придумаем. Спасибо тебе, Толя. – А, ерунда, – махнул рукой Журковский. – Ерунда... (А. Белозеров)*

Для вербализации РЖБ может использоваться клише, а важность услуги подчеркивается не только обращением, но и эксплицитным предложением возместить ее материально, а также восклицательной интонацией: *Гринева часто ловил на себе Людошкины неравнодушные взгляды, и, конечно, она приобиделась, узнав, для чего ему так срочно требуется ее платье. Но ему сейчас было не до Людошкиных обид. – Спасибо! – сказал Гринева, перекидывая платье и дубленку через руку и держа в другой руке высокие сапоги. – С меня шампанское, Люда! (А. Берсенева)*

Информация как стимул проявляется в сообщении необходимых, полезных или запрашиваемых собеседником сведений, как, например, в диалоге детектива и свидетеля: *«You and Arthur had the same parents, right» «Of course.» "Okay, Sheila, thank you. We're going to go. We'll call you as soon as we know something for sure." He stood up and so did Edgar. (M. Connelly)*

В социальной сети цель стимула «информация» – наладить контакт, заинтересовать потенциальных клиентов или привлечь старых.

Имеет место передача данных, когда сама компания размещает какую-либо запись на своей персональной странице, клиент интересуется деятельностью компании или выражает свое мнение о ней.

А (ресторанный блоггер): @Б When is your estimated opening?!

Б (шеф-повар): @А watch for us later October after thanksgiving the oysters start to be shucked

А: @Б Sounds delicious, thanks!

Однако в случае реализации стимула «информация» коммуникация не влияет на взаимоотношения клиента и компании, в той мере, в которой на них может повлиять отказ обслужить клиента или решить его проблему, то есть, в случае неадекватной реализации стимула «сервис».

РЖБ может быть реализован в диалоге как тактика дистанцирования и сохранения лица: ...*Километра полтора. Вот прямо пойдете и упретесь в станцию. Может, на последнюю электричку еще успеете*, – добавил он с некоторым злорадством. – **Благодарю вас, но в Москву я не поеду**, – сообщила она из-за машины (Т. Устинова), или как клишированная формальная благодарность из вежливости: *Мужик густо откашлялся. – Седьмой двор справа. – В глазах у бабы кричало любопытство; муж ее смотрел спокойно и чуть угрюмо и больше ничего не сказал. – Благодарю*, – сказал Виктор, поворачивая коня. (С. Бабаян)

Подарок – данный стимул реализуется при получении говорящим какой-либо вещи в качестве дара, как правило, по значимому для коммуникантов поводу (первое свидание, день рождения, новый год). Интересно, что в зависимости от взаимоотношений коммуникантов, подарок может быть желанным или нежеланным. При этом в обоих случаях высказывание, вербализующее РЖБ будет лаконичным, а описание коммуникативной ситуации (в авторской речи) подробным. На нежеланный подарок могут иметься указания в авторской речи или в прямой речи говорящего (ср.: – *Рома, это еще зачем?* – **укоризненно произнесла Аля. – Я не хочу принимать от тебя подарки!**). Соответственно благодарность за нежеланный подарок будет выражаться сдержанно или отражать пренебрежительное отношение говорящего к бенефактивному действию:

– *А это тебе, Алечка, к празднику. <...> – Что ж, спасибо, – пожав плечами, сказала она. – У тебя хороший вкус.* (А. Берсенева)

Тем не менее, в данном примере наблюдается попытка компенсировать невежливое по-

ведение путем высказывания комплимента в адрес собеседника. В случае выражения благодарности за желанный подарок в авторской речи будет содержаться описание реакции и чувств говорящего (*Большие чайные розы стояли в какой-то необычной, золотой с чернью, вазе. Она наклонилась над букетом, закрыла глаза. Голову ей кружил томительный запах, и она точно знала, кто принес цветы.*), а в высказывании с семантикой благодарности – указание на сам стимул (подарок) или коммуниканта, от которого этот стимул исходит, и его положительная оценка:

– *Спасибо за цветы*, – сказала она. – **И ваза очень красивая.** (А. Берсенева)

При прагмалингвистическом анализе РЖБ следует принимать во внимание ряд аспектов: конвенциональность или степень соответствия традициям поведенческих и речевых моделей, автоматизм, уместность, интенциональность, степень вежливости формулировок, которая устанавливается по ситуативным, структурным и формальным факторам, что позволяет описать высказывания с семантикой благодарности на содержательно-структурном и стилистически-формальном уровнях. Значимость стимула устанавливается из ситуативного или речевого контекста – авторской речи, просьбы об услуге, эмоциональной оценки бенефактивного действия. При выражении благодарности за ценное бенефактивное действие говорящий обязательно использует в высказывании обращение, положительную оценку собеседника или самого бенефактивного действия. Важная информация, как правило, инициирует клишированную благодарность. Бенефактивное действие, ценность которого для адресата низка, может вызвать, наряду с реализацией РЖБ, равнодушную или даже пренебрежительную реакцию.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 13–23.
2. Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 158–226.
3. Смольянинова, Е. С. Нормы речевого этикета в виртуальной коммуникации жанров чата и форума / Е. С. Смольянинова // Вестник

Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – №2. – С. 101–103.

4. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

5. Coulmas, F. Poison to Your Soul. Thanks

and Apologies Contrastively Viewed / F. Coulmas // Conversational Routine. – The Hague : Mouton, 1981. – P. 69–91.

6. Wunderlich, D. Linguistische Pragmatik / D. Wunderlich. – Frankfurt/M. : Athenäum, 1972. – 413 S.

С. Крылова

Латвийский университет

(Рига, Латвия),

НИУ «Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СЕКТА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ СМИ РОССИИ И ЛАТВИИ 1990-2000г.)

CONCEPT “SECTS” IN THE POST-SOVIET JOURNALISM (ON THE EXAMPLE OF CENTRAL RUSSIAN AND LATVIAN MEDIA 1990-2000)

В статье представлены результаты анализа центральных СМИ России и Латвии. Выделены и описаны сходства и различия в использовании понятия «секта», изложены результаты исследования связанной с изучаемым понятием частотной лексики в текстах публицистических статей России и Латвии 1991-2000 годов. А также раскрываются социокультурные особенности соответствующего периода времени, которые влияют на номинативный аспект рассматриваемого понятия.

The article presents the results of the analysis of the central mass media of Russia and Latvia. Identified and described the similarities and differences in the use of the concept of «sect». The results of research related to the concepts being studied frequency vocabulary in the texts of journalistic articles Russia and Latvia 1991-2000 period. Also disclosed sociocultural characteristics of the relevant period of time, which affect the nominative aspect of the concept.

Ключевые слова: секта, идеологема, публицистика, понятие, СМИ.

Keywords: sekt, ideologema, publicism, concept, media.

Особый интерес к понятию «секта», а также феномене, стоящем за этим названием вспыхнул с особой силой в начале 1990-х годов. Причиной тому послужил ряд исторических событий, которые последовали за выходом Латвии из Советского союза. Это привело к социальным и личностным потрясениям. Утрата прочной идеологической основы привела к разрушению скрепляющих нравственных ценностей и неопределенности в отношении будущего. Такого рода процессы в сознании русскоязычного населения можно было наблюдать как в России, так и в Латвии. Именно в это время русскоязычное население столкнулось с ино-

странными проповедниками на территории своих стран. Данные факторы послужили причиной формирования нового понимания слова «секта».

Целью нашего исследования было выявление и сравнение особенностей употребления идеологически сложного понятия «секта» в двух социолингвистических вариантах русского языка – в языке России и в русском языке Латвии.

Переходя к социолингвистическому аспекту анализа языковых единиц, отметим обусловленность развития и анализа языка культурой общества, которое является его носителем.

Анализ в социолингвистике помогает обнаружить характер связи языка и социума, в котором осуществляется коммуникация на нем. Также при анализе языка в диахронии существенную роль играет анализ языковых единиц с позиции социолингвистики, в которой отражено взаимовлияние языка и определенных слоев общества. Язык СМИ зачастую также отражает социальные особенности в позиции авторов материала, как носителей языка, которые принадлежат к различным слоям общества. Примером тому может служить увеличение числа средств языка (включение в публицистический текст разговорных, жаргонных слов и выражений; в молодежных газетах поощряется сознательное обыгрывание слова, сленг, намеренные переделки слов и окказиональные неологизмы в средствах массовой информации 90-х годов. В социолингвистическом анализе языка присутствует такой феномен, как идеология, которая является политическим термином, частью какой-либо идеологии, элементом идеологической системы.

В плане социолингвистического анализа, ученых интересует времена тоталитарного режима. В данное время, особенно в советский период, мышление и восприятие окружающего мира было строго подчинено общей идеологии общества. Именно в это время появляется существенное количество идеологов, связанных с существующим строем.

По мнению лингвиста А. М. Селищева, за каждым словом стоит система мировоззрения конкретной эпохи, общие мысли, в которые включено субъективное понимание индивида с уже его системой мышления и установками. Человек с самых ранних лет воспринимает слова вместе с вызванными в нем ассоциациями. Значение отдельного слова или выражения раскрывается в контекстах его употребления. И значения, которые приобретает слово в различных коммуникативных ситуациях, могут быть и противоположными. «Нужно взаимное прояснение, сопоставление отдельного слова со всем целостным документом...» [3].

Вначале приведем короткую историческую справку, которая и послужит исходным материалом дальнейших сопоставлений. В истории языка имеют место два возможных варианта происхождения слова *секта*. Первый вариант приводит нас к латинскому слову *sequor (sequi)* – «идти за», «следовать» [4]. Вторая версия восходит к латинскому *secare* «отсекать», «отделять» [там же]. В наши дни обе эти версии имеют свое признание в научных кругах [1].

В статье ««Секта» как слово и термин» А. М. Прилуцкий, А. К. Погасий обозначают негативное влияние, которое оказала атеистическая и антирелигиозная пропаганда на понимание слова «секта» на языковое сознание носителей русского языка в Советском союзе. Также отмечается, что последствия этого «еще продолжают действовать в современном российском обществе на уровне сформировавшихся стереотипов» [2].

В нашем исследовании методом сплошной выборки были проанализированы статьи, в заголовке или подзаголовке которых упоминалось слово *секта*. Было отобрано: за период 1991-2000 – 17 статей (Россия): «Комсомольская правда», «Труд», «Известия» и 23 статьи (Латвия): «Вести», «Час», «МК-Латвия».

Выбор этого временного отрезка обусловлен культурными событиями на постсоветском пространстве. С распадом Советского союза у жителей постсоветского пространства пошатнулись базовые жизненные опоры. Именно в этот период в страны хлынуло большое количество нетрадиционных религиозных течений.

Рассмотрев отражение понятия «секта» в печатных статьях, мы пришли к следующим выводам:

СМИ склонны экстраполировать признаки рассматриваемого понятия на различного рода группы, которые кажутся непонятными. Для усиления шокирующего эффекта новостного публицистического текста часто глаголы: *сжигает, нападает, калечит, зомбирует, вымогает* – часто используются в сочетании с лексемой *секта*, даже в тех случаях, когда речь идет о маленькой группе затворников, которые непонятным образом (чуждым русскому человеку) совершают поклонения Господу. Таким образом, в языковом сознании человека закрепляется ассоциативная связь, которая в дальнейшем экстраполируется на разного рода сомнительные группы. Поскольку первоначально под словом *секта* понималась закрытая, тайная организация. Так и сейчас, если люди не понимают, что из себя представляет организация, они склонны сразу навешивать на группу ярлык *секта*. Также в России чаще идеология *секта* используется как своего рода опознавательный ярлык, приковывающий внимание читателей.

Сравнивая признаки понятия «секта» в России и в Латвии, мы приходим к выводу, что в Латвийских СМИ того периода чаще были использованы различные синонимы слова *секта* как учения (9 раз). В то время как в России мно-

го раз повторялось слово *секта*, а приведенные синонимы были использованы реже (4 раза).

Здесь важно отметить, что в России еще в 1990-х годах особенно ощущалось влияние идеологем на умы людей. Так в средствах массовой информации идеологемы часто использовались для манипуляции сознанием масс. В связи с этим определим роль слова *секта* как идеологемы. В русскоязычной прессе Латвии при использовании слова *секта* в заглавии статьи, в тексте само слово встречается реже или заменяется более нейтральными синонимами. Однако при анализе секты как учения в Латвии встречается гораздо больше экспрессивных синонимичных лексем. Это может свидетельствовать о факторе узнаваемости и актуализации определенного понимания, не требующего синонимов и пояснения.

Основные признаки понятия «секта» в России имеют религиозный оттенок (*вносящая раскол, отколовшаяся, ересь*), в то время как в Латвии понимание слова *секта* имеет психологический оттенок (*манипулирует, подавляет, вынуждает*).

В СМИ метрополии высокая частотность использования признака *тоталитарная*, что свидетельствует о влиянии христианской (в частности – православной) направленности ученых, занимающихся проблемой сект в Российской Федерации. А в Латвии частотен термин *деструктивная*. На это различие повлияло, в том числе, вхождение Латвии в Европейский Союз и обретение европейских ценностей. Данное различие также обусловлено воздействием идеологической составляющей публицистики Латвии и России.

Хотя в российских СМИ и заметно использование термина *деструктивная*, но его сочетанием выступает слово *секта* (*деструктивная секта*), в то время, как в Латвии используется словосочетание *деструктивный культ*. Подобным образом обстоит дело и с признаком *тоталитарная*. Частота его употребления в Латвийских СМИ близка к числу упоминаний данной лексики в России, однако на латвийских новостных порталах категоричность этого слова смягчается термином *культ* (*тоталитарный культ*).

В тексте публицистических статей Латвии с годами реже встречается слово *секта*, которое

заменяется синонимами *группа, культ, община*. Иногда в заголовке статей может быть использовано слово *секта*, но в самом тексте оно почти не встречается. Это можно объяснить особенностями коммуникации: в Латвии люди опасаются ставить точный «диагноз» явлению, чтобы не задеть чьих-либо чувств.

Номинация слова *секта* наиболее близка к признакам данного понятия в языковом сознании жителей Латвии в психологических науках. В языковом сознании жителей метрополии большую значимость имеют признаки имеющие место в религиоведении,

Сема «учение» в период с 1991-2000 год передавалась преимущественно посредством экспрессивных суждений *бред, ахинея, бредни*. Нейтральный же оттенок уходит на периферию, уступая новым оттенкам значения, незафиксированным в словарях (финансы, психология).

Слово *секта* зачастую используется в качестве идеологемы для манипуляции сознанием масс. В данном случае идеологами выступают авторы статей в средствах массовой информации. При частотном повторении лексики в определенном контексте, с определенным набором признаков – в языковом сознании человека слово запечатлевается вместе с набором ассоциаций. Именно эти ассоциации актуализировались в сознании носителя русского языка того времени.

Список литературы

1. Конь, Р. М. Введение в сектоведение Нижегородская Духовная семинария / Р. М. Конь. – Нижний Новгород, 2008. – 496 с.
2. Прилуцкий, А. М., Погасий А. К. «Секта» как слово и термин / А. М. Прилуцкий, А. К. Погасий. – URL: <http://www.stepantsov.info/wp/?p=12685> (дата обращения: 18.12.2015).
3. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи / А. М. Селищев. – М., 1928.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. М.: «Прогресс», 1986. – URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vasmer.php?id=593&vol=3> (дата обращения: 18.012.2015).

Н. Ю. КузнецоваЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ХАРАКТЕРИСТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИЯМ
НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ СКАЗОК****CHARACTERISTICS OF NAMING PERSONS BY PROFESSION
ON THE MATERIAL OF GERMAN FAIRY TALES**

В статье рассматриваются особенности бытовых и волшебных сказок, обсуждается проблема функционирования наименований лиц по профессии и их классификация на материале текстов немецких сказок Я. и В. Гримм. Кроме того, предпринимается попытка выявления коннотативных особенностей, характеризующих наименования профессиональных деятелей в сказках.

The article considers peculiarities of domestic and fairy tales, discusses the problem of functioning of naming persons by profession and their classification on the material of German fairy tales by J. and W. Grimm. In addition, an attempt to identify the connotative features characterizing the names of professional figures in fairy tales has been taken.

Ключевые слова: сказка, профессиональный деятель, наименование лиц по профессии, классификация профессий, коннотация.

Keywords: fairy tale, professional worker, naming persons by profession, classification of professions, connotation.

Сказки являются уникальным источником познаний об истории, быте, культуре и мировоззрении народа. Возникнув в незапамятные времена, сказки впитали в себя специфический национальный характер. Они отражают особенности территории и климат, быт и уклад жизни народа, его трудовые навыки. Народная, или фольклорная, сказка представляет собой рассказ, передаваемый из уст в уста от одного поколения другому. Этим народная сказка отличается от искусственной, или литературной сказки, которая создается определенным автором, зафиксирована в письменной форме и не подвергается более изменениям.

В филологической науке было предпринято множество попыток классифицировать фольклорные сказки. Традиционно принято выделять три основных вида фольклорных сказок: волшебные (иногда их называют мифическими, фантастическими, чудесными), бытовые и сказки о животных.

Поскольку предметом нашего исследования являются наименования лиц по профессиям, то релевантными для нас остаются два вида сказок – волшебные и бытовые. Под волшебными сказками мы, вслед за В. Я. Проппом, будем понимать тот тип сказок, который «начинается с нанесения какого-либо ущерба или вреда (по-

хищение, изгнание и др.) или с желания иметь что-либо и развивается через отправку героя из дома, на встречу с дарителем, который дарит ему волшебное средство или помощника, при помощи которого предмет поисков найдется. В дальнейшем сказка дает поединок с противником, возвращение и погоню» [6].

В основе бытовых сказок лежат события реальной жизни, которые отражают действительность и уклад жизни народа. Этот факт является отличительной характерной чертой бытовых сказок. Действия, в отличие от волшебной сказки, разворачиваются не в волшебном тридевятом царстве, а в обычном городе или деревне. Здесь существует обыкновенный земной мир, и реалистично передаются особенности быта. В бытовых сказках отсутствуют явления чудес и фантастические персонажи. Героями обычно выступают простые люди: работники и бедные крестьяне, солдаты, ремесленники и прочие представители различных профессий. Герои бытовых сказок действуют в привычных для них жизненных ситуациях: служба, строительство, ремесленничество, земледелие и т.д. Антагонистами главных героев выступают не фантастические силы, а знатные люди: священники, купцы, помещики. В основе развития сюжета бытовой сказки лежит бытовой

конфликт, который возникает между богатыми и бедными, слабыми и сильными. В бытовой сказке порядочность, честность, благородство противопоставляется таким качествам личности как злоба, жадность, зависть. Именно эти отрицательные качества подвергаются у простого народа неприятию и осуждению. Благодаря уму, находчивости, хитрости и упорству главного героя ему удается выйти победителем в этом конфликте, и в конце сказки он получает вознаграждение.

Одной из задач бытовой сказки является высмеивание пороков и недостатков персонажей-антагонистов, в ней содержится элемент социальной и нравственной критики. Описание персонажей, которые презирают труд и не умеют или не любят работать, незаслуженно обладают богатствами, сопровождаются ярко выраженной негативной коннотацией.

Так как профессиональная деятельность сопровождает человечество почти на всех этапах его развития, наименования лиц по профессиям занимает значительное место и в тексте сказки. В Большой советской энциклопедии профессию определяют как «род трудовой деятельности (занятий) человека, владеющего комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретённых в результате специальной подготовки, опыта работы» [1].

Е.И. Голованова рассматривает «профессию» как «род деятельности, требующий специальной подготовки, являющийся основным источником доходов и осознаваемый человеком как его главное занятие» [2. С. 23]. Носитель определенных умений и специальной подготовки представляет собой личность, обладающую профессиональными знаниями – профессионального деятеля. В каждом языке существует специфический набор средств для оформления информации о профессиональном деятеле, а также присутствует множество особенностей, позволяющих судить о различном отношении к представителям той или иной профессии, о разной степени значимости составляющих той или иной профессиональной деятельности, о языковых предпочтениях при репрезентации лиц по профессии. Все это подтверждает известную мысль В. фон Гумбольдта о том, что разные языки отражают не разные миры, а разное видение мира [4. С. 370]. «В связи с этим, понимание представителей других культур возможно через осмысление зафиксированных в языке особенностей их мышления и мировосприятия» [3. С. 20].

По мнению Е. И. Головановой, «сфера профессиональной деятельности так или иначе представлена во всех жанрах этнокультуры – в песнях, преданиях и легендах, в обрядовых и необрядовых играх, в малых устнопоэтических формах – пословицах, загадках, приметах, присловьях» [2. С. 229]. Часто употребляются наименования лиц по профессии и в сказках.

Категория профессионального деятеля выступает составной частью культуры этноса, отражает особенности конкретной культуры и определяет ее специфику. Всего в ходе исследования немецких бытовых и волшебных сказок, представленных в собрании сказок братьев Я. и В. Гримм [7], были выявлены такие профессии (или виды профессиональной деятельности), как *Fleischer* (мясник), *Soldat* (солдат), *Spielmann/ Musikant* (музыкант), *Holzhacker* (лесоруб/дровосек), *Schneider* (портной), *Richter* (судья), *Jäger* (охотник), *Räuber* (разбойник), *Spinnerin* (пряжа), *Schreiner* (столяр), *Müller/Müllerbursch* (мельник), *Dieb* (вор), *Schuster* (сапожник), *Hirt* (пастух), *König* (король), *Königstochter / Prinzessin* (королева/принцесса), *Königssohn* (королевич), *Küster/ Pfarrer* (пономарь/поп), *Seiler* (канатчик), *Magd /Dienstmädchen* (горничная / служанка), *Bauer / Bauersfrau* (крестьянин /крестьянка), *Kaufmann* (купец), *Fischer* (рыбак), *Lehrer* (учитель), *Handwerksbursche* (подмастерье), *Hexe/ Zauberin* (ведьма/колдунья), *Diener/Bediente* (слуга), *Scharfrichter* (палач) др.

Рассмотрев классификацию профессий Е.А. Климова и Дж. Холланда [5], мы предлагаем распределить выше указанные виды профессиональной деятельности в следующие категории профессий:

1. управленческие профессии
2. рабочие и ремесленные профессии
3. прислуга
4. торговые профессии
5. творческие профессии
6. гуманитарные профессии
7. маргинальные профессии
8. прочие

К **управленческим** профессиям относятся лица, стоящие во главе государства, а также лица, имеющие отношение к отправлению правосудия: *König* (король), *Königin* (королева), *Königssohn* (королевич), *Königstochter/ Prinzessin* (королева/принцесса), *Richter* (судья), *Scharfrichter* (палач).

В группе **рабочих и ремесленных** профессий мы рассматриваем профессиональных деятелей, владеющих определенным ремес-

лом или занимающихся производством какого-либо продукта. Сюда можно отнести такие профессии, как: Spinnerin (пряжа), Fischer (рыбак), Seiler (канатчик), Schneider (портной), Holzhacker (лесоруб/дровосек), Müller (мельник), Handwerksbursche (подмастерье), Schreiner (столяр), Schuster (сапожник).

К группе **прислуги** предлагается отнести профессиональных деятелей, которые являются наемными работниками и находятся в подчинении вышестоящей личности, которой они оказывают услуги разнообразного характера: Diener (слуга), Magd/Dienstmädchen (служанка/горничная), Fuhrmann (извозчик), Bote (гонец), Knecht (работник/батрак), Hirt (пастух), Wache (стража), Köchin (кухарка).

К группе **торговых** профессий относятся лица, занимающиеся продажей произведенных товаров: Fleischer (мясник), Kaufmann (купец).

В рамках группы **гуманитарных** профессий рассматриваются профессиональные деятели, которые обладают знаниями о человеке. Для работы в этой области обычно необходимо обучение в определенных социальных учреждениях. К таким профессиям относятся Lehrer (учитель), Doktor (доктор), Sterngucker (звездочет), Pfarrer (священник).

К группе **творческих** профессий относятся лица, создающие духовные или материальные ценности. В немецких сказках эту группу представляет Spielmann/Musikant (музыкант).

К представителям **маргинальных** профессий относятся лица, находящиеся на границе различных социальных групп, не занимающихся какой-либо традиционной профессией. Источником существования и обогащения этих лиц являются занятия, как правило, неодобряемые прочими представителями доминирующей культуры, например, воровство, колдовство, разбой и т.п. К этой группе относятся Нехе/Zauberin (ведьма/колдунья), Räuber (разбойник), Dieb (вор).

Группа **прочих** профессий включает такие профессии, как: Bauer/Bauersfrau (крестьянин / крестьянка), Soldat (солдат), Jäger (охотник).

Коннотативно – стилистический и количественный анализ наименований лиц по профессиям в немецких сказках было показано, что наиболее часто, а именно в 20% сказок, фигурируют профессии König (король), Schneider

(портной) и Нехе/Zauberin (ведьма/колдунья). Профессия König (король), относящаяся к группе управленческих профессий, сопровождается в 20% случаев позитивной коннотацией, а в остальных – нейтральной. Профессия Schneider (портной), относящаяся к группе ремесленных профессий, всегда сопровождается неоднозначной коннотацией. А образ ведьмы и ее деятельность получила у народа-носителя языка исключительно отрицательную оценку.

Таким образом, профессиональный деятель в сказках является важной составляющей национальной картины мира, он концентрирует в себе результаты мышления всего народа в ценностно-ориентированном аспекте и в большинстве случаев сопровождается эмоционально – экспрессивной и оценочной коннотацией.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия URL: <http://slovar.cc/enc/bse/2033487.html> (дата обращения: 17. 11. 2013).
2. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля : Формирование. Развитие. Статус в языке / Е.И. Голованова. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 304 с.
3. Голованова, Е. И. Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии в русском и польском языках / Е. И. Голованова // Научный диалог. – 2012. – № 12 : Филология. – С. 8-20.
4. Гумбольдт, В. фон, Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги и Г. В. Рамишвили ; пер. с нем. яз. / Сост. М. И. Левина и др. – Москва : Прогресс, 1985. – 449 с.
5. Классификации профессий // Центр профессиональной ориентации. URL: http://resurs-yar.ru/shkolnikam_i_abiturientam/vyberi_svoe_professionalnoe_buduwee/malaya_enciklopediya/mnogogrannyj_mir_professij_klassifikacii_professij/ (дата обращения 08.05.2015).
6. Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. Изд-во ЛГУ, 1984. – 335 с.
7. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Düsseldorf / Grimm Brüder. Köln, 1962. – Verlag Gustav Schickendanz. – 320 S.

С. Л. Кушнерук*Челябинский государственный педагогический университет
(Челябинск, Россия)***ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ В ЛИНГВИСТИКЕ:
ТЕКСТОВЫЙ МИР В КРУГУ СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ****MENTAL SPACES, TEXT WORLDS AND OTHER REPRESENTATIONAL
STRUCTURES IN COGNITIVE LINGUISTICS**

В статье обсуждаются проблемы исследования ментальных пространств в современной когнитивной лингвистике, а также перспективы развития когнитивно-дискурсивного миромоделирования как самостоятельного направления, анализирующего дискурс в терминах ментальных конструкторов. Понятие текстового мира как ментальной репрезентации, возникающей в сознании интерпретатора в процессах понимания, рассматривается в кругу смежных понятий. Отстаивается идея о том, что дискурс, увиденный в ракурсе миромоделирования, представляет возможность обнаружения закономерностей конструирования прагматически-ориентированных ментальных репрезентаций в целях регулирования социальных процессов.

The article focuses on contemporary studies of mental spaces in Cognitive Linguistics. It considers the possibility of integrating the existing methods into the united Cognitive-discourse World-modelling Theory as an independent theory concerned with the problems of discourse meaning construction in terms of complex mental representations. It is argued that discourse analysis in world-modelling perspective gives insights into construction of pragmatically-oriented mental representations as means of social regulation.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивное миромоделирование, ментальные структуры, дискурсивный мир, текстовый мир, ментальное пространство.

Keywords: cognitive-discourse world-modelling, mental structures, discourse world, text world, mental space.

Классический для традиционного языкознания вопрос о соотношении языка и мышления преломляется в свете когнитивных идей об особой роли человеческого сознания в понимании мира, стимулируя интерес лингвистов к изучению ментальных пространств, или ментальных миров (П. Верт, Д. Гевинс, Р. Джэкендофф, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, Е. Семино, Н. Тинчева, Ж. Фоконье и др.). Исследователи ментальных миров обращаются к сложной полифонии знаний, накопленных гуманитарными дисциплинами. Действительность проецируется в семантику языка, значение языкового знака считается артефактом сознания, отражающим не реальность, а концептуальную структуру, возникающую у человека. Зарубежных и отечественных ученых объединяет тенденция к обнаружению связей между идеальными структурами мысли и материальными структурами языка, которые их объективируют. Понятие ментального мира проистекает из представлений о том, что реальность не дается человеку объективно, но конструируется сознанием, которое создает сложные менталь-

ные репрезентации, отражающие тот или иной фрагмент мира действительного.

Идеи, сформулированные в 70-е гг. XX века экспериментальной психолингвистикой, а затем получившие развитие в *конструктивной теории понимания* (М. Ф. Гаррет, Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Фодор), оказываются значимыми для исследования ментальных миров в когнитивистике. Согласно названной концепции, понимание осуществляется в два этапа. Сначала восприятие высказывания создает пропозициональную репрезентацию, близкую к поверхностной форме предложения. Вторая стадия использует пропозициональные репрезентации в качестве основы для построения ментальной модели, «структура которой аналогична положению дел, описываемому дискурсом» [1. С. 235].

Особенно убедительно для когнитивистов звучат два момента, которые подхватываются и далее развиваются в целях лингвистического анализа. Это положение о том, что конструктивный процесс в целом базируется на информации, извлекаемой из контекста, и имплицитных умозаключениях, основанных на знаниях

о мире, а также взгляд на высказывание как на «ключ» к построению ментальной модели (Ф. Джонсон-Лэрд). Именно эти допущения, а также применение логико-философского понятия «возможный мир» к исследованию языковых явлений создают основу для целого ряда работ, которые в настоящее время формируют область лингвистического миромоделирования как когнитивного направления анализа дискурса. Его методология находится на стадии становления и кристаллизуется в рассуждениях ученых, обращающихся к вопросам конструирования ментальных репрезентаций в процессах порождения, восприятия и переработки информации [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14].

Понятие ментального пространства в первую очередь ассоциируется с теорией Ж. Фоكونье, согласно которому язык не передает значение, а направляет его построение: языковые выражения играют роль инструкций, по которым реципиент конструирует смысл. Ментальные пространства – это «небольшие концептуальные образования, создаваемые, когда мы думаем или говорим в целях понимания и выполнения действия» [6]. Признавая высокий объяснительный потенциал теории Ж. Фокона, нельзя не отметить, что автор радикальным образом не отходит от традиции приводить в качестве примеров отдельно взятые предложения, неудовлетворительные для описания дискурса, под которым понимается форма использования языка в реальном времени, отражающая определенный тип социальной активности человека, создаваемая в целях конструирования особого мира с помощью детального языкового описания и являющаяся частью процесса коммуникации, характеризуемого участниками, условиями ее осуществления и целями [2. С. 525].

Радикальный сдвиг в научной парадигме, связанный с отходом от объективистских принципов, признание субъективного фактора в познавательной деятельности человека, роли креативных способностей сознания, стремление к учету многообразных контекстуальных факторов дают импульс многочисленным исследованиям ментальных миров, объективируемых в дискурсе. Попытки описать мир дискурса или его фрагментов по языковым данным обуславливает появление плеяды смежных терминов, включающих представления о ментальных репрезентациях разного типа. Теоретико-методологический аппарат когнитивной лингвистики пополняется терминами «возможный мир» (А. П. Бабушкин), «текстовый мир», «дискур-

сивный мир» (П. Верт, Е. Семино, Д. Гевинс, Н. Тинчева), «контекстуальный фрейм» (К. Эммотт), «текстуальный мир» (Р. де Богранд), «ментальный мир» (Ю. С. Степанов), «мир дискурса» (Е. С. Кубрякова, Г. Н. Манаенко), «мир текста» (А. А. Залевская, Г. Н. Манаенко), «спроецированный мир» (Р. Джакендофф), «текстовое пространство» (Л. Н. Лунькова), «пространство текста» (Ю. М. Лотман). Приведенные термины не являются совпадающими, они существенно отличаются по содержанию в зависимости от индивидуальных установок исследователей. Вместе с тем их объединяет представление о том, что в процессе понимания дискурса человек создает некую ментальную модель, т. е. некоторое знание в памяти, структура которого соответствует структуре репрезентируемой ситуации, и от которой зависит его интерпретация.

Наиболее последовательной выглядит теория текстовых миров, предлагающая исследовательский инструментарий для изучения дискурса в перспективе объективируемых ментальных репрезентаций. Основные идеи сводятся к тому, что в процессе совместной языковой деятельности продуцент и реципиент выстраивают *миры*, – осознаваемые ментальные образования, воспроизводящие реальность человеческого представления через образы предметов и явлений при порождении и понимании речи. «Мир» иерархичен по структуре. Его высший уровень представлен дискурсивным миром, в котором есть участники, «различные аспекты перцепции ими непосредственной ситуации и общие предпосылки» [3. С. 23]. Участники далее создают «мир второго уровня» – текстовый. Оба являются ментальными конструктами, поскольку формируют концептуальные репрезентации отдельных сторон действительности. Если *дискурсивный мир* – это контекст ситуации вокруг речевого события, то *текстовый мир* мыслится как концептуальный сценарий, представляющий существующее положение дел [14].

П. Верт утверждает, что информация, представленная в текстовом мире, конфигурируется на основе четырех ключевых параметров: место, время, действующие лица и объекты, которые называются конструктивными элементами текстуального уровня. Отклонение от любого из базовых параметров ведет к созданию производного текстового мира, или субмира (*subworld*). Принципиально важно, что текстовый мир, объединяющий значительно больше смыслов, чем выражено поверхност-

ными структурами, заполняется фреймами, – когнитивными структурами, организованными в соответствии с действующими в конкретном лингвокультурном сообществе правилами поведения. Подчеркивается, что в действие приводятся только те фреймы, которые имеют непосредственное отношение к предъявляемому содержанию. Процесс, посредством которого сортируются и «запускаются» необходимые области знания, обозначается *принципом текстовой обусловленности* [14. С. 22].

Стремление к детализации представлений о ментальных конструктах, объективируемых в процессах развертывания дискурса, предопределяет дальнейшее развитие когнитивно-дискурсивного миромоделирования. В исследовательском поле появляется проблематика, которую можно охарактеризовать как свойство дискурса порождать ментальные миры в сознании дискурсантов с целью установки ценностных ориентиров и регуляции поведения. В большинстве публикаций ментальные миры, воплощенные языковыми формами, рассматриваются как модели дискурсивного понимания, которые претерпевают постоянные изменения в ходе коммуникации. В фокусе внимания, например, оказываются рекламный [8], юридический [9], политический [13] дискурсы. Данный факт свидетельствует в пользу расширения предметной сферы лингвистических исследований в рамках когнитивно-дискурсивного миромоделирования, исследовательский инструментарий которого преимущественно заимствуется из теории текстовых миров и оказывается подходящим не только для изучения нарратива, но открывает возможности изучения ментальных конструктов, которые объективируются в дискурсе как форме использования языка в повседневной коммуникации.

Стержнем, вокруг которого создается некоторое единство научных взглядов, становится проблема соотношения языковых единиц и ментальных структур, отвечающих за организацию человеческого опыта, что согласуется с холистическим взглядом на природу сложнейшего коммуникативного явления, которым является дискурс. Представляется, что интеграция отдельных идей, звучащих в работах современных ученых, может оказаться плодотворной для изучения и системного описания широкого круга прагматически-ориентированных ментальных конструктов как репрезентационных структур дискурса, активируемых в практиках общественного взаимодействия в целях эффективного регулирования социальных процессов.

Список литературы

1. Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234–257.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М., 2004. – 560 с.
3. Лозинская, Е. В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: аналитический обзор / Е. В. Лозинская. – М., 2007. – 160 с.
4. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – СПб.: «Симпозиум», 2007. – 502 с.
5. Emmott, K. Frames of reference: contextual monitoring and the interpretation of narrative discourse // *Advances in Written Text Analysis* / Malcolm Coulthard (ed.). – New York: Routledge, 1994. – pp. 157–166
6. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 240 p.
7. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. – Edinburgh University Press, 2007. – 193 p.
8. Hidalgo Downing, L. Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction / L. Hidalgo Downing. – Stamford, CA: Ablex Publishing Corporation. – 2000. – 225 p.
9. Matczak, M. Legal Text as a Description of a Possible World. Preliminary Discussion of a Model of Legal Interpretation // *SSRN ELECTRONIC JOURNAL*. – May. – 2013. – URL: <http://www.researchgate.net/publication/236669126>.
10. Pitkanen, K. K. The Role of Concept-Derivable Knowledge in Constructing Space-Related Textual Meaning // *GAGL*. – 2001. – Vol. 44. – pp. 148–158.
11. Semino, E. Language and World Creation in Poems and Other Texts / E. Semino. – Longman: London and New York, 1997. – 273 p.
12. Stockwell, P. Cognitive Poetics: An Introduction / P. Stockwell. – London: Routledge, 2002. – 193 p.
13. Tinceva, N. Contexts, Discourse Worlds, Text Worlds // *On Man and Language*. Sofia: St. Kliment Ohridski Press, 2007. URL: <http://papers.ssrn.com/>.
14. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. – London: Longman, 1999. – 390 p.

О. В. Ланская
МБОУ СОШ № 14
(Липецк, Россия)

КОНЦЕПТ «ДОМ» В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ОТЕЦ СЕРГИЙ»

THE CONCEPT OF "HOME" IN THE STORY LN TOLSTOY, "FATHER SERGIUS"

В статье на материале повести Л.Н. Толстого рассматривается концепт «дом», анализируются ключевые слова вера, келья, цель, гора, дверь, номинации со значениями «пространство», «граница» и др., восходящие к противопоставлениям «плоть – душа», «любовь – страдание», с помощью которых раскрываются воззрения великого русского писателя на такие понятия, как «жизнь» и «смерть», воссоздаётся языковая картина мира второй половины XIX – начала XX века.

In the article on the material of the novel LN Tolstoy considered the concept of "home", analyzes the keywords belief cell, the goal, the mountain, the door, the category with the values of "space", "border", etc., Rising to the opposition of "flesh – the soul", "love – suffering", with through which reveals views of the great Russian writer on such concepts as "life" and "death", recreated the linguistic picture of the world of the second half of XIX – early XX century.

Ключевые слова: ключевое слово, словосочетание, пространство, лексико-тематическая группа.

Keywords: keyword phrase, space, lexical-thematic groups.

Дом – одно из основных понятий в творчестве Л.Н. Толстого. Формирование человека, по мнению писателя, начинается с семьи, в доме родителей. Дом – контаминация смыслов, соединение таких понятий, как «род», «семья», «место проживания» и «общество». Данные понятия свидетельствуют о том, что в сознании русского человека слово *дом* восходит к противопоставлению «свой – чужой», но при этом являет собой единство личного и общественного.

С описания дома, пробуждения сознания ребенка, размышлений о любви, добре, справедливости, вере в повести «Детство» начинается творческий путь Толстого. Размышления эти нашли отражение и в одном из последних произведений великого русского писателя – повести «Отец Сергей», впервые опубликованной в издании «Посмертные художественные произведения Л.Н. Толстого» под редакцией В.Г. Черткова в 1911 г.

Слово *дом*, репрезентирующее ядро концепта «дом» в повести «Отец Сергей», так же, как и в повести «Детство», употреблено в значении «здание» и «семья»: «Он (Касатский. – О.Л.) повернулся и пошел к дому. В доме он встретил мать» [5. С. 348]; «Как ни жаль было матери отдавать сына из дома, она не решилась

не исполнить воли покойного мужа, который в случае своей смерти завещал не держать сына дома, а отдать в корпус, и отдала его в корпус» [5. С. 342]. Данная лексическая единица связана с представлением героя – князя Степана Касатского о мире. Уход его из дома в двенадцать лет был определен смертью отца, а также тем, что мать решила выполнить волю умершего мужа.

Синонимами слова *дом* в тексте являются номинации *школа, приют, часть, гостиница, корпус*: «<...> старшие, мальчик и девочка, были в школе» [5. С. 377]; «<...> его задержали в губернском городе, в приюте, в котором он ночевал с странниками, и как беспаспортного взяли в часть» [5. С. 384].

Воспитание в доме родителей определило характер героя, выработало в нем стремление добиваться поставленной цели, что зафиксировано в тексте с помощью ключевого слова *цель* в значении «конечное желанье, стремление, намеренье, чего кто силится достигнуть» [3. Т. IV. С. 578]: «Кроме общего призвания жизни, которое состояло в служении царю и отечеству, у него всегда была поставлена какая-нибудь цель, и, как бы ничтожна она ни была, он отдавался ей весь и жил только для нее до тех пор, пока не достигнет ее» [5. С. 344]. Данная

лексическая единица в тексте имеет синоним *мысль*: «Так, по выходе в офицеры, он задался целью наивозможнейшего совершенства в знании службы <...> Потом, почувствовав раз в светском разговоре свой недостаток общего образования, задался мыслью пополнить его и засел за книги, и добился того, чего хотел» [5. С. 344–345].

Искренняя любовь к Мэри Коротковой, затем ее признание в том, что она была любовницей царя, полностью изменили жизнь князя Касатского. Оскорбленное чувство гордости, разочарование в девушке, которую он боготворил, отчаяние в связи с этим привели его к решению уйти в монастырь. Причины такого решения определены были тем воспитанием, которое он получил в доме родителей, что зафиксировано в словосочетании *привело к вере детской*, стремлением всегда и во всем быть лучшим: «Разочарование в Мэри (невесте), которую он представлял себе таким ангелом, и оскорбление было так сильно, что *привело* его к отчаянию, а отчаяние куда? – к богу, к *вере детской*, которая никогда не нарушалась в нем» [5. С. 348].

Ключевое слово *вера*, стоящее в сильной позиции по отношению к слову *детской*, связано, по Н.М. Шанскому, с латинским *venus* – «любовь» и готским *wēns* – «надежда». Первоначальное значение данной лексической единицы, по словам ученого, – «истина, правда > клятва, присяга» (в верности, истинности), затем – «вера, уверенность» [7. С. 74]. По М. Фасмеру, слово *вера* связано с древнеисландским *vár* «обет, торжественное обещание», древневерхненемецким *wâr* «правдивый, верный» латинским *vērus* «истинный, правдивый», готским *tuzwēljan* «сомневаться», *unwēljan* «досадовать» [6. Т. I. С. 292–293]. То есть данная лексическая единица связана с такими важными для русского человека понятиями нравственности, как «надежда», «любовь», «правда», «истина», «верность», «обет». Перечисленные понятия свидетельствуют о том, что со словом *вера* для князя Касатского начинается новый этап в его жизни, преодоление гордыни, превращения светского человека в человека, поистине близкого к Богу.

В лексико-тематическую группу «дом» входят слова *монастырь*, *пустынь*, *келья*, *келейка* и *пещера*: «В Тамбинской *пустыни* настоятель <...> поместил его в *келье* Иллариона»; «*Келья* была *пещера*, выкопанная в горе» [5. С. 354]. Слово *келья* происходит от латинского *cella* «комната, чулан» [6. Т. II. С. 222]. По В.И.

Далю, *келья* – это «комната инока, покойчик монаха», а также «одинокій, удаленный покойчик» [3. Т. II. С. 105]. Слово *келья* толкуется так же, как «одинакая избенка нетяглаго крестьянина», «однодѣмокъ, одиночная изба» [3. Т. II. С. 105]. Номинация же *пещера* «родственно *печь*, т. е. первоначально «подобная печи»» [6. Т. III. С. 256]. По В.И. Далю, данная лексическая единица толкуется как «полость, пустота въ толще земли; <...> подземные вертепы; иногда рытые переходы, высеченныя въ скалахъ жилища, кладбища» [3. Т. III. С. 109].

Номинация *келья* имеет в тексте синонимы *горница*, *горенка*, *комната*, *каморочка*, *чулан*: «Она (Маковкина. – О.Л.) прошла через сени в *горницу*»; «Она стояла *посреди комнаты*» [5. С. 359]; «Узенькая, аршина в три *горенка*, длинной аршина четыре, была чиста, как стеклышко»; «И он, сняв лампочку, зажег свечу и, низко поклонившись ей, вышел в *каморочку*» [5. С. 360]; «Все это время он стоял в своем *чулане* и молился» [5. С. 362]. Слова *горница* и *горенка* связаны со словом *гора*. Номинация *горница*, по В.И. Далю, в тексте толкуется как «покой, комната» [3. Т. I. С. 376]; *горенка* – «сельникъ особнякомъ» [3. Т. I. С. 376]. Важно отметить, что в Словаре В.И. Даля при описании данных лексических единиц употреблена помета у *крестьян*, то есть слова *горница* и *горенка* обозначают часть крестьянской избы, и то, что автор использует эти слова свидетельствует о том, что жилище героя напоминает дом землепашца, простого человека. Сама *пещера* – жилище патриархального человека, близкого к природе.

Жилище отца Сергей автор описывает дважды. Притом во второй раз комнатку монаха видит Маковкина, «разводная жена, красавица, богачка и чудачка» [5. С. 355].

Пространство кельи структурируется в тексте через противопоставление «жизнь затворника – смерть», к которому восходят словосочетания *в задней пещере*, *у двери наружной*, в слове *в ближней*. Структурируется пространство кельи и с помощью слов *матрац*, *стол*, *полка*, *иконы*, *книги*, *подстилочка*, *кадушка*, *койка*, *кровать*, *скамья*, *аналойчик*, *печка* которые свидетельствуют об аскетическом образе жизни героя, его духовных поисках, соединении бытового и сакрального: «В *задней пещере* был похоронен Илларион, в *ближней* была ниша для спанья, с соломенным *матрацем*, *стол* и *полка* с *иконами* и *книгами*. У *двери наружной*, которая запиралась, была *полка*» [5. С. 354]; «Он перекрестился и лег на свою *подстилочку* на узенькой скамье, положив под го-

лову летнюю ряску» [5. С. 357]; «<...> он отошел к углу, перед которым стоял *аналойчик*» [5. С. 358]; «Она встала, снесла чулки *к печке*» [5. С. 362]. Номинации *столлик, подстилочка, каморочка, лампочка, лампадка, лавочка, коврик, аналойчик, узенький, ряска, стеклышко, горенка* с уменьшительной ласкательными суффиксами, суффиксами субъективной оценки, свидетельствуют об отношении автора к описываемому им пространству, структурируемому через вещи. «При их посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии» [2. С. 98]: сочувствие, жалость, сострадание, участие. Суффиксы субъективной оценки выявляют и отношение героя к миру, который его окружает. Он мучается и страдает, но в то же время пространство, которое его окружает, не вызывает в нем отторжения.

Символично расположение кельи – в лесу, в горе: «Так они доехали *до леса*, где стояла келья» [5. С. 356]. *Лес* в тексте воспринимается как пространство затворничества, в котором человек оказывается отторженным от пространства суеты. *Гора*, «локус, соединяющий небо, землю и «тот свет»» [4. 110], обозначает отречение от мирской суеты, от жизни в свете, место приобщения к духовным ценностям.

Границы дома-кельи фиксируются в тексте с помощью слов *угол, дверь (к двери), полка, пол (по полу), крыша, перегородка, окно (от окна, под окном), стекло (к стеклу, в стекле), полосушка, сенцы, стена*: «Он <...> прижал уже оголившийся лоб к сырой, холодной *полосушке*. (*В полу* дуло)»; «Те же капли *с крыши* падали в кадушку, поставленную *под угол*»; «Он приложил лицо *к стеклу*» [5. С. 358]; «Она *от окна* переходила *к двери*» [5. С. 359]; «– Во имя отца и сына и святого духа, – послышалось *из-за перегородки*» [5. С. 364].

Пространство, в котором поселился Касатский, деформировано. Если вначале говорится, что Касатский жил в пещере, то затем это пространство начинает дробиться: двойные двери, чулан, перегородка, стекло, окно, крючок. Все это свидетельствует о духовном неблагополучии героя, о том, что гордыня и тщеславие для него главное.

Ключевым при определении границ кельи является слово *дверь*. В славянской мифологии *дверь* – «часть жилища, связанная с символикой **границы** и с семантикой входа и выхода» [1. С. 126]. Дверь, с одной стороны, обеспечивает связь с внешним миром; с другой – имеет защитную функцию. *Дверь* в тексте воспринимается как граница между жизнью в

миру и жизнью в монастыре, как граница между соблазном и стремлением стать поистине святым человеком, борьбой с гордыней. Так, в главе V описано, как у двери Маковина просит отца Сергей пустить ее в келью. Дверь для Касатского – это преграда между желанием, похотью и стремлением стать праведником. Душевное состояние героя около двери передается с помощью глаголов с семами ‘физическое состояние человека’, ‘сильное переживание’, ‘страдание’, ‘страстное желание’: «Руки его *дрожали*, и он никак *не мог поднять* натянутый дверью крючок»; «Он *натянул* дверь к себе, *поднял* крючок и, не рассчитав толчок, *сунул* дверь внаружу так, что *толкнул* ее (Маковину. – *О.Л.*)» [5. С. 359]. У двери Касатский изувечил себе руку: «– Сейчас я приду к вам, – проговорил он и, отворив свою *дверь*, не глядя на нее, прошел мимо нее *в дверь* в сени, где он рубил дрова...» [5. С. 363]. Дверь – это преграда между прошлым героя и его настоящим: «<...> он тихо прошел в чулан и запер за собой *дверь*» [5. С. 363].

Дверь же в доме Прасковьи Михайловны – знак величайшего терпения. Так, во время разговора героини с Касатским ее дважды прерывают. Сначала дочь: «Прасковья Михайловна вздрогнула, встала и, быстро ступая в своих стоптанных башмаках, вышла *в дверь* и тотчас вернулась с двухлетним мальчиком на руках» [5. С. 380]. Затем откликается Прасковья Михайловна на сердитый голос зятя.

Со словами *дом* и *дверь* связано в тексте представление Степана Касатского о вере: «Да есть ли он (Всевышний. – *О.Л.*)? Что, как я стучусь у запертого снаружи *дома*... Замок на *двери*, и я мог бы видеть его. Замок этот – соловьи, жуки, природа» [5. С. 373].

Спасение героя после грехопадения начинается со сна-воспоминания о доме детства, о девочке, которую дети во время игр обижали, о ее безрадостной жизни, когда она стала взрослой: «И вот видит он (Касатский. – *О.Л.*) себя почти ребенком, *в доме* матери в деревне» [5. С. 375].

В тексте описан еще один дом – Прасковьи Михайловны, родственницы героя. Автор вновь использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «*Квартирка* была маленькая. Сначала была отведена *комнатка крошечная*. Почти *чуланчик*, для нее, но потом и этот *чуланчик* она отдала дочери» [5. С. 378]; «Когда Прасковья Михайловна вернулась, Сергей сидел в своей *каморке* и ждал ее» [XII, с. 379]; «Она держала маленькую руку на *комодце*» [5. С. 380]. Пространство дома Праско-

выи Михайловны структурируется с помощью слов *лавка, кухня, постель, люлька, чулан*, что свидетельствует бедности хозяев.

Итак, концепт «дом» репрезентируется в тексте с помощью номинаций *дом, дверь, вера, келья*, пещера и др. со значениями «жилище», «учреждение», «граница», «состояние души человека». Данная единица ментальности позволяет выявить смыслы, восходящие к теме и идее произведения, показать особенности языковой картины мира *второй* половины XIX – начала XX в. в творчестве Толстого, великого русского писателя.

Список литературы

1. Виноградова, Л. Н. Дверь / Л. Н. Виноградова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 126 – 128.

2. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2006

4. Левкиевская, Е. Е. Гора / Е. Е. Левкиевская // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 110 – 111.

5. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. XII / Л.Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1982.

6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – 4-е изд., стер. / М. Фасмер. – М. : Астрель : АСТ, 2004.

7. Шанский, Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. / Н. М. Шанский – М., «Просвещение», 1975. – 543 с.

Т. В. Ларина

*Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)*

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК РЕГУЛЯТОР КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

POLITENESS AS A GUIDE TO COMMUNICATIVE BEHAVIOUR

Статья посвящена категории вежливости, которая рассматривается как универсальная и в то же время культурно-специфичная коммуникативная категория, представляющая собой систему стратегий, направленных на бесконфликтное и гармоничное общение. Отмечается необходимость различать вежливость на семантическом и прагматическом уровне с учетом коммуникативного, в том числе социокультурного контекста. На материале результатов сопоставительного исследования английского и русского языков показано, что особенности коммуникативного поведения народа предопределяются типом культуры, социокультурными отношениями и ценностями, которые определяют понимание вежливости, что в свою очередь сказывается на выборе стратегий поведения и стиле коммуникации.

The present paper examines politeness as a universal and at the same time culture specific system of communicative strategies which function to minimize the possibility of conflict and maximize harmonious interaction. It stresses the importance of distinguishing between semantic and pragmatic politeness taking into account the context of interaction including sociocultural context. Drawing on the results of comparative study of English and Russian, the author demonstrates how the communicative behavior of a people is predetermined by their culture, sociocultural organization of the society and values which impact their understanding of politeness and shape their communicative styles.

Ключевые слова: категория вежливости, межкультурная коммуникация, коммуникативные ценности, этнокультурный стиль коммуникации.

Keywords: politeness, intercultural communication, communicative values, communicative ethnostyle.

Интерес к вежливости как объекту научных исследований появился относительно недавно. Традиционно вежливость связывали с этикетом и культурой речи, однако в последние десятилетия, а точнее, с выходом хрестоматийной монографии П. Браун и С. Левинсона [12], она выделилась в отдельную научную проблему, к которой проявляют интерес многие гуманитарные науки – социалингвистика, психалингвистика, лингвопрагматика, культурология, теория коммуникации, межкультурная коммуникация и др.

В настоящее время можно констатировать, что теория вежливости стала одним из актуальных направлений лингвистических исследований, развившимся на стыке социалингвистики, лингвопрагматики и дискурс-анализа. Об этом свидетельствует большое количество публикаций по данной теме [16, 17, 18, 21, 23, 25 и многие др.], создание международного научного сообщества по вежливости (*Linguistic Politeness Research Group*), выход журнала *Journal of Politeness Research*, проведение регулярных научных конференций. В последнее время данная проблема завоевывает все большее внимание и российских исследователей [например, 1, 2, 3, 4, 6, 10 и др.].

Такой интерес вполне обоснован, поскольку вежливость – это не только этическая, но и важная коммуникативная категория, которая является влиятельным регулятором речевого поведения, системообразующим стержнем, который определяет поведение представителей различных лингвокультур и позволяет проследить его логику. Актуальность и необходимость ее изучения во многом объясняются усилением агрессии в обществе и необходимостью поиска антиконфликтных стратегий, а также интересом к межкультурной коммуникации и задачей достижения понимания в межкультурном взаимодействии.

Хотя понятие *вежливость* существует в каждой лингвокультуре, его содержание далеко не всегда совпадает. Носители разных языков обычно определяют вежливость как уважение и внимание к другим людям. Однако, несмотря на кажущуюся универсальность, данные понятия могут иметь разное содержание. В одних культурах внимание к другим связано с близостью, теплотой отношений, в то время как в других – с сохранением дистанции, уважением личного пространства и сдержанностью.

О различиях в понимании вежливости свидетельствуют и результаты дефиниционного и семантического анализа лексем *вежливость*

и *вежливый* в разных языках. Так, например, по данным словарей в русском языке *вежливый* – это «соблюдающий правила приличия; учтивый» (СРЯ), в английском *polite* – *showing consideration for others in manners, speech, etc.* (CED), т.е. демонстрирующий свое уважение к другим манерами и речью. В китайском языке вежливость (*limao*) – это проявление скромности, уважения и почитания в речи и поступках, выражение степени почтения [25. Р.16].

Интересны и этимологические различия. Так, по данным этимологического словаря русского языка (ЭСРЯ) слово *вежливость* происходит от *ведать, знать*, в древнерусском языке *вежливый* означало «опытный, сведущий». Английское слово *polite*, по мнению исследователей, восходит к латинскому причастию прошедшего времени *politus* (в английском языке *polished* – полированный) [25. Р. 32], т.е. в его семантике присутствует сема деятельности. Китайский иероглиф *limao* состоит из *li* (что означает церемония, вежливость, этикет) и *tao* (внешняя сторона, проявление). Не случайно поэтому, что и (не)вежливое поведение понимается в разных культурах по-разному и имеет различные формы проявления. Так, в русской культуре главным образом важно знать и соблюдать правила вежливости, в английской этого недостаточно, необходимо продемонстрировать вежливое отношение к другим, т.е. регулярно совершать целенаправленные коммуникативные действия. В результате у представителей двух культур формируется стереотипное представление друг о друге, препятствующее пониманию и эффективному общению. Русские воспринимают англичан как очень вежливых, но при этом холодных, неискренних и даже лицемерных (см., например, [5, 9]). Англичане считают русских невежливыми и даже грубыми [13, 17, 22, 24]. По их мнению, они мало улыбаются, редко говорят *спасибо* и *пожалуйста*, чрезмерно прямолинейны, слишком эмоциональны и т.д.

Когда речь идет не о бытовом, а о научном определении вежливости, то вежливость можно определить, как универсальную коммуникативную категорию, представляющую собой сложную систему культурно-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера [6. С. 169].

Выбор коммуникативных стратегий, как известно, определяется ситуативным контекстом. Когда речь идет о межкультурной коммуникации, контекстом выступает также культура,

важнейшими компонентами которой являются социальная организация общества (горизонтальная и вертикальная дистанция) и базирующиеся на них культурные, в первую очередь коммуникативные, ценности. Поскольку и социальные параметры, определяющие культуру, и соответствующие им ценности вариативны, то вполне логично, что и понимание вежливости в разных культурах имеет свою специфику. В результате, то, что вежливо в одной культуре, может быть невежливо в другой и наоборот (см., например, [11]).

Так, в культурах со значительной горизонтальной дистанцией (это, в первую очередь, англосаксонские страны) вежливость проявляется прежде всего в сохранении дистанции и уважении зоны личной неприкосновенности (для которой в английском языке существует специальное слово *privacy*), в недопустимости оказания прямого коммуникативного воздействия на собеседника, в сдержанности и хороших манерах [6, 15, 27, 28]. В культурах, где эта дистанция значительно меньше (Россия, Греция, Израиль), вежливость больше ассоциируется с близостью, взаимностью, сопричастностью, искренностью и теплотой отношений [6, 23, 25].

В зависимости от вертикальной дистанции вежливость может проявляться как в демонстрации статусных различий (в культурах с выраженной вертикальной дистанцией), так и в демонстрации равенства (в тех культурах, где вертикальная дистанция незначительна). Так, например, если в английских университетах вполне допустимо обращаться по имени к пожилому профессору, то в корейской культуре по имени нельзя назвать не только учителя, но даже старшего брата.

Таким образом, можно заключить, что вежливость – это соблюдение оптимального баланса между дистантностью и близостью, между формальностью и фамильярностью, который определяется не только ситуативным, но и социо-культурным контекстом.

Вежливость, как и невежливость, являются категориями прагматическими, и степень (не) вежливости можно определить только в контексте и с учетом того, как та или иная фраза оценивается адресатом. В процессе коммуникации далеко не всегда самые безупречно построенные этикетные фразы воспринимаются как вежливые, если они употреблены неуместно:

(1) *Извини, пожалуйста, за беспокойство, не могла бы ты быть так любезна и погладить мне брюки* (просьба мужа).

Так же и использование грубой и даже ненормативной лексики не обязательно воспринимается как невежливость, если их прагматика не оскорбление, а свидетельство близких отношений (см. [8]):

(2) *Здорово, Вовка, сволочь, как я рад тебя видеть!* (приветствие друга).

В связи с этим важно различать семантическую и прагматическую вежливость или, в терминах Дж. Лича, абсолютную (*absolute*) и относительную (*relative*) вежливость [17, 19]. Абсолютная вежливость определяется на уровне семантики, то есть без учета контекста. Относительная вежливость определяется на уровне прагматики, с учетом конкретного ситуативного контекста (как в примерах 1 и 2), а если речь идет о межкультурной коммуникации, то и социокультурного контекста. По этой причине абсолютную и относительную вежливость целесообразно определять, как семантическую и прагматическую вежливость соответственно.

Как абсолютная, так и относительная вежливость имеют свою шкалу, что позволяет говорить о разных уровнях вежливости – высоком, нейтральном и низком и, соответственно, выделять, формальную, нейтральную и неформальную вежливость. Точкой отсчета может служить средний уровень вежливости, характерный для нейтрального стиля речи (общение людей в семье, на работе, в магазине, в транспорте и т.д.). Для каждого уровня вежливости характерны определенные языковые средства, которые говорящий выбирает для реализации своих коммуникативных намерений в конкретном ситуативном контексте. Если фраза соответствует данному контексту и коммуникативным ожиданиям партнера, она будет воспринята как вежливая, независимо от того, как она построена. Например:

(3) *Здравствуйте, Татьяна Викторовна!*

(4) *Здравствуй, Таня!*

(5) *Привет, Тань!*

Все три формулы приветствия будут вежливыми, если первая употреблена в формальном контексте общения, вторая – в нейтральном, третья – в неформальном.

При этом важно иметь в виду, что в разных культурах данные уровни вежливости могут не совпадать, что сказывается на этнокультурных стилях коммуникации. Если сравнивать английский и русский стили, то легко заметить, что английский стиль тяготеет к формальной вежливости, русский – к нейтральной. Так, в русском контексте вряд ли можно найти коммуникативную ситуацию для фразы, приводи-

мой в брошюре 'How to be British' (Как быть британцем) [14]:

(6) *Excuse me, Sir, I'm terribly sorry to bother you, but I wonder if you would mind helping me a moment, as long as it's no trouble, of course.*

Наиболее близким прагматическим соответствием могло бы быть:

(7) *Простите за беспокойство, не могли бы вы мне помочь, если это Вас не затруднит.*

В то же время, когда речь идет о вертикальных отношениях, то здесь, напротив, для русского языка характерна большая формальность, по сравнению с английским, что хорошо видно в использовании формул обращений. Ср. обращения к преподавателю:

(8) *Здравствуйте, Анна Петровна.*

(9) *Hi, Ann.*

Объяснить это можно, опять-таки, через особенности культуры, культурные ценности и понимание вежливости.

Для индивидуалистической английской культуры, как уже отмечалось, характерна незначительная вертикальная дистанция. В результате английская вежливость предписывает демонстрировать равенство отношений (пример 9), а не статус, что приводит к формированию такой черты английского стиля коммуникации, как эгалитарность. К. Фокс называет ее «вежливым эгалитаризмом» (*polite egalitarianism*), который скрывает реальное социальное неравенство [15. Р. 97-98]. В то же время значительная горизонтальная дистанция между собеседниками формирует такую коммуникативную ценность, как личное пространство (*privacy*), демонстрация уважения к которому (при этом независимо от статусных различий) является основой английской вежливости (пример 6).

Для соблюдения коммуникативной неприкосновенности на вербальном уровне в английской коммуникативной культуре существует хорошо разработанная система стратегий дистанцирования, или стратегий негативной вежливости (*Negative politeness* в терминах Браун и Левинсона), среди которых – не говорите прямо, задавайте вопросы, сомневайтесь в возможности и желании адресата совершать действие, будьте пессимистом, предоставляйте выбор и др. (подробно см. [12, 6]). В результате коммуникативное намерение собеседника часто выражается имплицитно, что затрудняет понимание в межкультурном общении:

(10.1) *Would you like to write this exercise* (букв.: Хотели ли бы вы написать это упражнение?) (преподаватель – студенту).

(11.1) *Would you mind moving up your car? It is parked illegally* (автоинспектор – водителю, нарушившему правила парковки).

(12.1) *I am just wondering if you would like to come for dinner on Sunday. If you have other plans, please, don't worry.* (букв.: Я просто интересуюсь, хотела ли бы ты прийти в воскресенье на обед. Если у тебя другие планы, пожалуйста, не беспокойся) (приглашение друга).

В более контактной русской культуре данные стратегии менее востребованы и используются с меньшей регулярностью. Прагматическими соответствиями приведенных выше примеров скорее всего будут более прямые побуждения:

(10.2) *Напишите, пожалуйста, это упражнение.*

(11.2) *Переставьте, пожалуйста, вашу машину.*

(12.2) *Приходи в воскресенье на обед, если сможешь.*

Вежливость проявляется не только в дистанцировании, но и в сближении. В этом случае вступает в действие так называемая позитивная вежливость (*Positive politeness*). Данный тип вежливости предписывает использовать следующие стратегии: проявлять внимание к собеседнику, демонстрировать подчеркнутый интерес к нему и даже преувеличивать этот интерес, демонстрировать оптимизм, обращаться по имени, использовать маркеры внутригрупповой принадлежности (диалект, сленг и даже ненормативную лексику) и др.

Знание данных стратегий позволяет понять, почему вежливые и сдержанные англичане допускают неформальность в общении, что уже отмечалось выше, и в фатической коммуникации оказываются более экспрессивными, чем русские, которые имеют репутацию эмоционального народа. Как видим, регулятором их поведения снова выступает вежливость. Реализуя стратегию 'Exaggerate' (преувеличивайте), англичане щедро одаривают друг друга коммуникативными подарками в виде комплиментов, похвалы и других знаков внимания, прибегают к завышенной оценке, широко используя для этого разнообразные суперлативные лексемы:

(13) *That's brilliant. I'm delighted you're coming. That's fantastic.* (ответ подруге на принятие приглашения пойти на концерт) (букв.: Великолепно. Я в восторге, что ты придешь. Фантастично).

(14) *Your daughter is a genius. She's absolutely fantastic* (учитель – родителям уче-

ницы) (букв.: Ваша дочь – гений. Она абсолютно фантастична).

Для русской культуры, в которой важными коммуникативными ценностями являются правда и искренность [26], подобное демонстративное поведение менее характерно. Русские предпочитают эмоциональную, но не эмотивную коммуникацию, не любят преувеличений и с недоверием относятся к комплиментам (подробно см. [6, 7]).

Существует широко распространенное мнение, что, если негативная вежливость в большей степени характерна для индивидуалистических культур, что вполне логично, так как она нацелена на дистанцирование, то позитивная вежливость (или вежливость сближения) – для коллективистских, поскольку в них в большей степени ценится близость отношений. Однако, как показывают проведенные исследования, оба типа вежливости в большей степени характерны для английской культуры, чем для русской [6]. Можно предположить, что из-за более значительной дистанции общения представителям английской культуры требуется больше коммуникативных усилий как для того, чтобы эту дистанцию поддерживать, так и для того, чтобы ее сокращать.

Доминантными чертами английского стиля коммуникации, которые формируются в результате регулярного использования стратегий двух типов вежливости являются, с одной стороны, *коммуникативная неприкосновенность*, с другой – *коммуникативная аттрактивность*, или *демонстративная приветливость*, и в обоих случаях – *ориентированность на форму*, а не содержание. Доминантными чертами русского стиля коммуникации являются *большая прямолинейность*, *эмоциональность*, *ориентированность на содержание*, а не на форму, т.е. *большая коммуникативная контактность и естественность*.

Обобщая сказанное, отметим следующее. Тип культуры формирует представление о вежливости в сознании людей, что в дальнейшем регулирует их поведение и сказывается на выборе и предпочтении коммуникативных стратегий и тактик и, соответственно, на выборе языковых средств, используемых для их реализации. В результате в однотипных ситуациях общения они могут совершать разные коммуникативные действия, что диктуется их представлением о (не)вежливом поведении, и по-разному выражать свои коммуникативные намерения. Таким образом, вежливость – это соблюдение норм общения путем использо-

вания коммуникативных стратегий, которые отражают социально-культурные ценности и соответствуют коммуникативным ожиданиям партнера [6. С. 166]. Данная коммуникативная категория регулирует поведение людей и формирует этнокультурный стиль коммуникации. Следовательно, говорить о вежливых и невежливых народах неправомерно и не вполне корректно, поскольку каждый народ вежлив по своему. Именно поэтому изучение категории вежливости в ситуации расширения межкультурного общения представляется актуальным объектом исследования как в теоретическом, так и дидактическом аспектах. Понимание того, что является вежливым в изучаемой культуре и при помощи каких стратегий она передается, дает возможность действовать в этой культуре осознанно, адекватно понимать коммуникативные намерения собеседника, давать им объяснение, а также уметь адаптировать собственное поведение к инокультурному стилю коммуникации, что является высшим уровнем межкультурной коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Алпатов, В.М. Категории вежливости в современном японском языке / В. М. Алпатов. – М.: УРС, 2011.
2. Газизов, Р.А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ) / Р.А. Газизов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – 340 с.
3. Карабань, Н.А. Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Карабань. – Волгоград, 2006.
4. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002.
5. Кобозева, И.М. Немец, англичан, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И.М. Кобозева // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. – 1995 – №3. – С. 102 – 116.
6. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009.
7. Ларина, Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте / Т.В. Ларина // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2015. – №1. – С. 144 – 163.
8. Ларина, Т.В. Сквернословие в речи носителей английского языка: функциональ-

- но-прагматический аспект / Т.В. Ларина, В.И. Озюменко, А.А. Горностаева // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 2.
9. Павловская, А.В. Англия и англичане. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Триада Лтд., 2004.
10. Савойская, Н. П. Лингвокультурологические особенности концепта «вежливость»: на материале казахского, русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Н. П. Савойская. – Тюмень, 2005.
11. Besemeres, M. Translating Lives: Living with Two Languages and Cultures / M. Besemeres, A. Wierzbicka (eds.). – Australia: UQP, 2007.
12. Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
13. Clarkson, J. As Russians say, manners maketh the British late / J. Clarkson // The Sunday Times, 3 March 2013. Retrieved from: <http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/comment/columns/jeremyclarkson/article1223369.ece>
14. Ford, M. The How to Be British Collection / M. Ford, P. Legon. – Brighton: Lee Gone Publications, 2003.
15. Fox, K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – London: Hodder, 2005.
16. Holmes J. Women, Men, and Politeness / J. Holmes. – L.: Longman, 1995.
17. Leech, G. N. Principles of Pragmatics. – London, New York: Longman, 1983.
18. Leech, G. The Pragmatics of Politeness Oxford Studies in Sociolinguistics / G. Leech. – Oxford: OUP, 2014.
19. Leech, G. Politeness: West and East. / G. Leech, T., Larina // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2014. – № 4. – P. 9 – 34.
20. Locher, M.A. Power and Politeness in Action. Disagreements in oral communication / M.A. Locher. – Berlin . N.Y.: Mouton de Gruyter, 2004.
21. Mills, S. Gender and Politeness / S. Mills. – Cambridge: CUP, 2003.
22. Richmond, Y. From Nyet to Da. Understanding the New Russia / Y. Richmond. – 4-th ed. – London: Intercultural Press, 2009.
23. Sifianou, M. Politeness Phenomena in England and Greece /M. Sifianou. – Oxford: Clarendon, 1992.
24. Thomas, J. Cross-cultural pragmatic failure / J. Thomas // Applied Linguistics. –1983. – № 4 (2). – P. 91-112.
25. Watts, R. Politeness / R. Watts. – Cambridge: CUP, 2003.
26. Wierzbicka, A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and its Applications / A. Wierzbicka // Ethos. – 2002. – № 3.4. – P. 401– 432.
27. Wierzbicka, A. Anglo scripts against ‘putting pressure’ on other people and their linguistic manifestations / A. Wierzbicka // C. Goddard (ed.). Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 31–63.
28. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction / A. Wierzbicka – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991/2003.

Сокращения

- СРЯ – Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под. Ред. Н.Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М.: Рус. Яз., 1981. Фасмер
- ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. Т. 1.
- CED – Collins English Dictionary, 2000.

Л. П. Лобанова*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)***ЯЗЫКОВОЙ ПРИЕМ В ЭНЕРГЕЙТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА Л. ВАЙСГЕРБЕРА****LINGUISTIC GRASP IN L. WEISGERBER'S ENERGETIC EXPOSITION
OF THE LINGUISTIC WORLD PICTURE**

Согласно Л. Вайсгерберу, язык следует изучать с учетом того, что он содержит в себе как статическую картину мира (Weltansicht) в качестве системы языковых содержаний, так и динамическую (Weltbild) в качестве процесса языкового освоения мира, или ословливания мира (Worten der Welt). При описании этой динамической, или энергейтической, картины мира Вайсгербер прибегает к лингвистическому методу, который обозначает терминологически языковым приемом (sprachlicher Zugriff). В статье представлена краткая характеристика основных языковых приемов в теории языка Вайсгербера.

According to L. Weisgerber language is to be studied as implying both a static picture of the world (Weltansicht), or world view, as a system of linguistic content, and a dynamic one (Weltbild) as a process of linguistic world-grasping, or wording the world (Worten der Welt). In describing this dynamic, or energetic, picture of the world, Weisgerber applies linguistic techniques using the term "linguistic grasp" (sprachlicher Zugriff). This paper represents briefly the main forms of linguistic grasp in Weisgerber's theory of language.

Ключевые слова: языковая картина мира, мировидение, энергейя, ословливание мира, языковой прием.

Keywords: linguistic picture of the world, world view, Weltbild, Weltansicht, energieia, wording the world, linguistic grasp.

Исходя из мысли В. фон Гумбольдта о языке как картине мира и языке как методе, которым он созидает эту картину мира, Л. Вайсгербер предлагает двоякое описание языковой картины мира – статическое и энергейтическое (см. подробнее: [4]). Если единицей описания статической языковой картины мира является методически языковое содержание, то единицей описания энергейтической языковой картины мира является методически языковой прием (о понимании языкового приема см. подробнее: [5]). Характер направленности языковых приемов как методический подход к энергейтическому изучению языка Вайсгербер обосновал в работе «Направленность языковых приемов» [7]. Основными формами направленности языковых приемов являются следующие: 1) направленность по связанности с вещью; 2) знаковая направленность; 3) полевая направленность; 4) лексико-сословная направленность; 5) языковой прием управляемых слов и 6) синтаксическая направленность языковых приемов. Здесь мы представим краткую характеристику каждой из этих форм.

1. *Направленность языкового приема по связанности с вещью.* Определение по связанности с вещью предстает при энергейтическом подходе как направленность языкового приема под тем же углом зрения, что сводится при наивном взгляде к идее обозначения вещей и никак не затрагивает языковые содержания и языковые приемы. Вайсгербер, однако, обращает внимание на то, что такой взгляд оставил свои следы и в науке о языке, хотя «давно доказано, что языковое звучание вообще никакой непосредственной связи с вещью не имеет и что вещи становятся ощутимыми (greifbar) только посредством языковых содержаний: стоящий передо мною *стол* я вовсе не могу ухватить этим обозначением непосредственно, но лишь после того, как я опознал и признал это стоящее передо мною как *стол*, а эта умственная идентификация происходит через языковой прием *стол*» [10. С. 20]. Он подчеркивает при этом, что направленность по связанности с вещью может существовать только при близком совпадении языкового приема и «вещи», что имеет место, по сути, только применительно к

именам собственным, которые не входят в лексический состав языка в собственном смысле (хотя, заметим, это можно отнести, во-первых, к звукоподражательным словам, например: русск. *кукареку*, нем. *kikeriki*, фр. *cocorico*, ит. *chicchirichì* или исп. *quiquiriquí*, а во-вторых, к словам, обозначающим понятия единственные в своем роде, вопрос о которых Вайсгербер оставляет открытым). В любом случае, заключает Вайсгербер, «соотнесенность с вещью остается, конечно, важной для всех средств языка, но она недостаточна для объяснения направленности» [10. С. 20].

2. *Знаковая направленность языкового приема*. Если при статическом рассмотрении языка чувственные знаки являются носителями языковых содержаний, то при энергетическом рассмотрении они становятся как бы прокладчиками путей для языковых приемов: прием обретает свое направление под влиянием определенности, обусловленной звуковым знаком. «Полагаемый языковой знак, – поясняет Вайсгербер, – является ведь неперменным условием для языкового приема, и то, что охватывается исходя из него, определяет во взаимодействии направление приема» [10. С. 20]. Он убежден, что изначально так и было, чем объясняется принцип построения алфавитных словарей, где под «черным» словом даются все его употребления в виде «значений» в попытке охватить таким образом некое единство, нечто, связанное направлением, но одновременно подчеркивает, что «такая параллельность, которая оставляла бы за звучанием слова постоянную гарантию приема, относится разве что к первому дню творения языка. Во второй день это уже нарушено, поскольку языковая общность нацелена не на возможно большее число исконных творений, а на возможно более всестороннее обобщение в контексте [всего] существующего. Поэтому наши языки имеют мало примеров, в которых единство звукового знака могло бы считаться силой, направляющей прием (*звенеть* о цепях и шпорах, стекле и льде может служить наглядной иллюстрацией такого собрания под одним и тем же знаком, хотя это и подчиняется, возможно, уже другой определенности). Скорее, требуется прогностическая осторожность применительно к этой форме. Исходя из направленности, напротив, развязываются многие клубки значений, связанные со звучанием» [10. С. 20–21]. Однако все же можно привести примеры, которые могут быть свидетельством высокой продуктивности языкового приема знаковой направлен-

ности, когда знак становится символом: слово *Stab*, в частности, являет собою такой пример жизненной силы и способности порождения (см. подробно: [3]). Очень иллюстративен тот факт, что, попав на почву русского языка, этот прием (*штаб*) стал неузнаваемым для языковой общности и потерял в результате силу порождения, так что продуктивность его практически равняется нулю.

3. *Полевая направленность языковых приемов*. Определенность в языковом поле, куда входят не только лексические, но и синтаксические приемы, указывает на «тот вид направленности, из которого вырастают самые своеобразные и все же самые весомые по своим результатам языковые приемы». Значение теории языкового поля Вайсгербер видит в том, что она «освобождает языковые содержания от слишком тесной соотнесенности с вещами и звучаниями и переносит чеканку подходящих содержаний во внутриязыковую сферу, в закономерности содержательных структур» [10. С. 21]. Это обстоятельство приобретает особый вес в энергетическом изучении языка, поскольку «направленность такого приема не является изначально зависимой от наперед данного положения вещей, размышлений, намерений и даже вовсе не является привязанной к отдельному приему, но возникает как своего рода функция взаимодействия нескольких языковых подходов» [10. С. 21].

Важность этого положения Вайсгербер объясняет двумя обстоятельствами. С одной стороны, постоянно возникает вопрос, почему обнаружить языковые содержания и что-либо сказать о них бывает так трудно, что на первый взгляд представляется невозможным, чтобы в сознании играли осмысленную роль духовные величины, для которых не видно никакого осознанного подхода ни в сознании отдельного человека, ни в общественном сознании. Однако, с другой стороны, Вайсгербер указывает как на норму на тот факт, что отдельный человек непрерывно реализует языковые приемы, не умея объяснить ни [их] причины, ни происхождение, ни цели, и что эти приемы обладают к тому же в языковой общности значимостью, не предполагающей вопроса об их происхождении и даже вообще об их существовании: никто не может, например, в достаточной полноте объяснить *радость* и *печаль*, *красоту* и *доброту* и т.п. Направленность реализованных в словах языковых приемов зависит от суждения носителей языка, от своего рода шкалы, по которой «языковая общность считает такое положение

вещей примечательным для себя» [7. С. 284]. Многие конкурирующие наименования лошади, в частности, показывают исключительную важность того, что в словарном составе языка «некая сфера жизни может быть переработана с различных точек зрения» [1. С. 94]: так, языковые приемы в словах *Roß* «конь», *Mähre* «кляча», *Klepper* «старая кляча» направляются оценочной точкой зрения, а в словах *Schimmel* «белый конь», *Rappe* «вороной конь», *Fuchs* «конь рыжей масти» цветовыми характеристиками.

4. *Лексико-сословная направленность языковых приемов.* Характер суждений представителей языковой общности особенно ясно выражен в лексических сословиях (см. подробнее: [2. С. 122–125]) в направленности языкового приема, что видно в словообразовательных моделях, где из «содержания основного слова и особой функции способа словопроизводства проистекает четко очерченный смысл данного производного слова: *backen* (печь) – *Bäcker* (пекарь), *reiten* (скакать верхом) – *Reiter* (верховой), *dichten* (сочинять) – *Dichter* (сочинитель) и т.д.» [1. С. 95]. Слово *Bäcker*, например, «ведет содержание основного слова *backen* дальше в духе лексического сословия *nomina agentis*» [7. С. 286], в чем и явлена направленность реализованного в нем языкового приема, а в лексическом сословии диминутивов с преимущественным использованием словообразовательных суффиксов – *lein* и – *chen* его направленность видна в том, что именные понятия переводятся в «значимый способ рассмотрения под уменьшением» [12. С. 46]. Вайсгербер подчеркивает, что особое значение имеет в связи с этим полевая направленность корневых слов: поскольку в языке производные слова составляют, по данным Вайсгербера, более 9/10 словарного состава, то полевая направленность корневых слов продолжает действовать в содержательной определенности производных. Но чтобы увидеть в производных словах языковой прием и определить его направленность, их следует рассматривать в лексических сословиях.

5. *Языковой прием управляемых слов.* Управляемые слова, под которыми Вайсгербер понимает «словарный состав, зависящий в своем содержании от предначертанного направления» [10. С. 23], имеют своими источниками, очень разными по своему действию, заимствованный состав слов и терминологические системы. Назначение заимствований, приходящих в язык в определенных звуковых формах, состоит, соб-

ственно, в том, чтобы принять в язык их значение, или, говоря иначе, заимствование должно как бы повторить содержание иноязычного слова в другом языке. Это означает, с теоретической точки зрения, что направленность заимствования определена языковым приемом, созданным в другом языке. Вайсгербер приводит в качестве примера двн. *tiufal* и нвн. *Gewissen*, которые должны были укоренить содержание лат. *diabolus* и лат. *conscientia* в немецком языке. К этому можно добавить, что такого рода заимствование языкового приема давало умножение словарного состава немецкого языка, в том числе, трудами средневековых мистиков (в особенности в части немецких абстрактных слов), которые вынуждены были прибегать к изобретению по латинскому образцу, т.е. с использованием латинского языкового приема создавать подлинно немецкие слова, чтобы их тексты на немецком языке были понятны народу. Такие слова воспринимались поначалу как слова образованного языка, а впоследствии в большинстве своем вошли в общеупотребительный язык, например: *begreifen*, *bilden*, *einleuchten*, *Eindruck*, *Einfluß*, *Empfänglichkeit*, *Erleuchtung*, *Geistigkeit*, *Vereinigung* и многие другие. В особенности много абстрактных существительных было образовано с помощью суффиксов –*unge* (лат. –(at)io) и –*heit* (лат. –tas), которые принадлежат к самым продуктивным языковым приемам в современном немецком языке. Наиболее интересным представляется использование комбинаций нескольких заимствованных языковых приемов с направленностью корневого слова и лексического сословия в его содержательной, а не формальной части, поскольку эти суффиксы существовали уже в общегерманский период: двн. *kristânheit* < лат. *christianitas*; свн. *wol-ansprech-unge* < лат. *benedictio*; свн. *got-form-ikeit* < лат. *dei-form-itas*; свн. *în-blas-unge* < лат. *in-spiratio*; свн. *wesen-heit* < лат. *ent-itas* и т.п. (примеры см.: [6. С. 59–79]).

Что касается управляемых слов, имеющих свое происхождение в терминосистемах, то здесь можно лишь коротко отметить, что их направленность определена дефиницией, данной в соответствующем языке специальности, и сохраняется при переходе слов с терминологическим или общенаучным значением в общелитературный язык. Однако Вайсгербер пишет по поводу этой «управляемости»: «С каким совершенством внедряется такое управление – это опять-таки вопрос особый. Наблюдение за такими словами показывает, что предметно-специализированной направленности не про-

сто обрести адекватную значимость в общепотребительном языке. Для действительной значимости таких выражений в общепотребительном языке нужно иметь в виду еще и другие условия» [10. С. 24].

6. *Направленность синтаксических приемов.* Как синтаксические языковые приемы следует понимать, в первую очередь, стратегические принципы грамматической категоризации, в частности части речи, поскольку Вайсгербер исходит вслед за Гумбольдтом из того, что существительные, глаголы и прилагательные представляют собой как бы образцы для чеканки мира (предметного, движущегося и действующего, чувственно-разнообразного) в языке в процессе его «ословливания». Вайсгербер, как и Гумбольдт, рассматривает эти три «картины мира» не как слепки с действительности, не как копии, а как некие идеи, образцы того, как каждый язык по-своему отчеканивает мир с помощью частей речи. В силу этого он видел проблему изучения частей речи главным образом в описании того, «в каких крупных направлениях они продвигают вперед языковое понимание и формирование мира» [8. С. 301]. Методическая задача заключается, следовательно, в выявлении того, каким образом и в каких направлениях части речи становятся путями подступа к миру, приемами его освоения. Вайсгербер посвятил книгу «Сдвиги в языковой оценке людей и вещей» [11] языковому приему «аккузативации человека» в современном мире и «инструментализации вещи»; в отдельной работе «Мир в “пассиве”» [9] предложил анализ пассива как диатезы, формирующей «мир в пассиве», а также иллюстрировал свою мысль многими примерами, один из которых, касающийся адъективной и глагольной интерпретации зрительных восприятий в нововерхненемецком языке, мы приведем. Здесь вся *сфера цвета* представлена сплошь и рядом прилагательными, т.е. мир цвета немецкий язык осваивает с помощью адъективной направленности приема: этот мир является адъективным миром, включая оттенки и яркость тонов. Немногочисленные существительные и глаголы используются в этой сфере как прием подразделения, членения этой сферы. В отличие от этого, *сфера блеска* формируется преимущественно глагольной лексикой. Если в сфере цвета о вещах говорят, что они *красные, синие, желтые* и т.п., то в сфере блеска о вещах говорят, что они *блестят, светятся, искрятся, сверкают* и, соответственно этому, что они *блестящие, светящиеся, искря-*

щиеся, сверкающие. Это позволяет говорить о глагольной направленности приема при освоении этих явлений посредством зрительного восприятия. Вайсгербер объясняет это тем, что зрительное восприятие никак не располагает поставить цвет в какую бы то ни было активную взаимосвязь с предметом какого-то цвета: он просто является носителем цвета (Farbträger) в отличие от «передатчика блеска» (Glanzsender). «Эта картина, – пишет Вайсгербер, – представляется совершенно твердо обоснованной: здесь – носители цвета, на которых цвета видны как “свойства”, там – передатчики блеска, которые *излучают* свое сияние. Так можно охарактеризовать в простейшей форме картину мира нововерхненемецкого языка в этих полях. Немногие отклонения лишь подтверждают, в принципе, эту картину» [8. С. 304]. Вместе с тем, Вайсгербер приводит из истории немецкого языка доказательства того, что такой способ освоения этих зрительных восприятий не является универсальным или единственно естественным.

Переход к энергетическому способу рассмотрения также неизбежно связан с вопросом о том, какую работу производит структурная схема предложения как языковой прием и в чем заключается ее результат, или, говоря словами Вайсгербера: «*Какие силы мысленного оформления мира заключены в структурных образцах предложений?* Ибо “преобразование мира в собственность духа” не останавливается перед этими формациями, а совершается в них, видимо, с особой силой запечатления» [8. С. 378]. Этот вопрос представляет чрезвычайный интерес, но здесь невозможно ограничиться лишь краткой иллюстрацией рассуждений Вайсгербера, поскольку для подробного описания всех его сложных оснований и обоснований необходимо рассмотрение синтаксических воззрений Х. Бринкмана, Х. Глинца и Э. Драха, на которых он в значительной части опирается в своей теории содержательного синтаксиса.

Список литературы

1. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и комм. О. А. Радченко. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 229 с.
2. Лобанова, Л. П. Концепция языковой картины мира Л. Вайсгербера в статическом и энергетическом описании. – М. : Ленанд, УРСС, 2015. – 216 с.

3. Лобанова, Л. П. Лексические заимствования в языковой картине мира // Филологические науки. – 2008. – № 1. – С. 68–77.
4. Лобанова, Л. П. Методика изучения языковой картины мира Л. Вайсгербера // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2014. – № 7 (336). – С. 176–180.
5. Лобанова, Л. П. Энергетическое описание языковой культуры мира // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2014. – № 3. – С. 97–104.
6. Heusinger, K. von, Heusinger, S. von. Aus der lateinischen Fachsprache zur deutschen Mystik. Der lange Weg der Suffixe *-ung* und *-heit* // Wissenschaftssprache und Umgangssprache im Kontakt. Hrsg. von Jürg Niederhauser und Kirsten Adamzik. – Frankfurt am Main: P. Lang 1999. – S. 59 – 79.
7. Weisgerber, L. Die Gerichtetheit der Sprachzugriffe // Konkrete Vernunft. Festschrift für Erich Rothacker. Hrsg. von Gerhard Funke. – Bonn: H. Bouvier, 1958. – S. 281–287.
8. Weisgerber, L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 455 S.
9. Weisgerber, L. Die Welt im «Passiv» // Die Wissenschaft von deutscher Sprache und Dichtung. Methoden, Probleme, Aufgaben. Festschrift für Fr. Maurer zum 65. Geburtstag. Hrsg. von S. Gutenbrunner, H. Moser, W. Rehm, H. Rupp. – Stuttgart: Klett, 1963. – S. 25–59.
10. Weisgerber, L. Grundformen sprachlicher Weltgestaltung. – Köln/Opladen: Westdeutscher Verlag, 1963. – 56 S.
11. Weisgerber, L. Verschiebungen in der sprachlichen Einschätzung von Menschen und Sachen. – Köln und Opladen: Westdeutscher Verlag, 1958. – 174 S.
12. Weisgerber, L. Vierstufige Wortbildungslehre // Wortbildung. Hrsg. von Leonhard Lipka und Hartmut Günther. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. – S. 36–54.

Т. В. Лукоянова

*Астраханский государственный медицинский университет
Астрахань (Россия)*

ЭПОНИМИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ВАРИАТИВНОСТИ В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ «ХИРУРГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ»

EPONIMY AS A FORM OF VARIATION IN THE SUBJECT AREA OF MEDICINE «SURGICAL INSTRUMENTS»

В статье рассматривается эпонимия как одна из форм вариативности в предметной области медицины «хирургический инструментарий». В работе представлена классификация вариантов. С помощью словообразовательного, этимологического и морфологического анализа исследуются немецкие термины-эпонимы предметной области медицины «хирургический инструментарий». В работе описаны значение и функции эпонимов.

The article deals with the eponymy as a form of variation in the subject area of medicine «surgical instruments». The paper presents classification of variants. German eponym-terms in the subject area of medicine «surgical instruments» are studied by means of word-building, etymological and morphological analysis. The role and functions of eponyms are described in the paper.

Ключевые слова: варианты, медицинская терминология, эпонимы, терминологическое словосочетание, термины-коды.

Keywords: variants, medical terminology, eponyms, terminological word-combination, terms-codes.

При помощи словообразовательного, этимологического и морфологического анализа в статье проводится анализ эпонимов предметной области медицины «хирургический инструментарий» в немецком языке.

В современной парадигме терминологи (Л. М. Алексеева, С. В. Гринев, В. М. Лейчик, С. И. Маджаева, Ю. В. Сложеникина, С. Д. Шелов) признают процесс вариантности и считают его активно действующим процессом, который свидетельствует о развивающемся характере языка науки. Развитие медицины и медицинского инструментария обуславливает изменения, происходящие в медицинской терминологии предметной области медицины «хирургический инструментарий» как в русском, так и в немецком языках. «...Способность специального слова изменять объем своего значения позволяет дефиниции развиваться и подниматься до высоты современного научного осмысления того или иного концепта» [7. С. 80]. Появление новых терминов, переосмысление старых, а также приобретение старыми терминами более точных, а иногда и новых значений является условиями вариативности.

Вслед за С. И. Маджаевой под вариантами термина мы понимаем «изменение термина, содержание которого остается неизменным при некоторых изменениях формальных средств выражения» [4. С. 117].

Согласно структуре вариантных форм, разработанной В.М. Лейчиком, эпонимы относятся к межструктурному типу [6. С. 121]:

терминологическое словосочетание или композит – эпоним (*Hegar-Stift – Uterus-Dilatator; die Perforationszange – das Blot's Perforatorium; der Knochenlöffel – der Volkmann's Schaber; feinere Präparierschere – die Schere nach Reynolds; der Dormia' Extraktorm – der Extraktor für die Entfernung der Harnleitersteine; der Matye's Nadelhalter – der Nadelhalter mit gebogenen Griffen*).

Эпоним – термин, который образуется в результате слияния имени собственного, а также имени нарицательного в обозначении научного понятия [1. С. 183]. Вслед за Ю. В. Сложеникиной и С. Маджаевой мы считаем эпонимы частично мотивированными терминами, поскольку в их составе есть компонент, имеющий неклассификационный признак терминируемого инструментария – лицо, имеющее отношение к его созданию или модификации. Однако если эпоним используется специалистом, то данный термин вызывает у него ряд ассоциаций. Хирург знает отличие зажима Гепфнера

от зажима Люэра. Говоря о зажиме Гепфнера (*die Höpfner' Klemme*) хирург понимает, что речь идет о кровоостанавливающем зажиме с широкими эластичными губками, имеющими на рабочей поверхности продольные канавки, препятствующие сползанию инструмента даже при незначительном сдавливании тканей [10. С. 295]; а зажим Люэра – это зажим с кремальерой, предназначенный для удерживания и оттягивания значительных по толщине участков тканей без их травматизации, отличающийся тем, что при фиксировании зажима концы рабочих губок не соприкасаются [9. С. 73]. Различие между этими хирургическими зажимами позволяет сделать именно ономастический компонент. Кроме того, через ассоциации косвенно выражается мотивированность термина. Данный факт позволяет отнести эпонимы к ассоциативным терминам, выполняющие «парольную» функцию. Е. М. Какзанова называет эпонимы именами-уникумами, так как они обозначают уникальные явления и, благодаря именам собственным, отождествляют их индивидуальность [2. С. 24]. Нужно отметить, что основной причиной появления эпонимов в терминологии раздела «хирургический инструментарий», также как и в других терминотомиях (Е. М. Какзанова, С. И. Маджаева, Ю. В. Сложеникина) является «номинативный «кризис», возникающий при описании сложных, неоднозначных объектов.

Ю. В. Сложеникина отмечает ряд недостатков у эпонимов. Они могут иметь орфографические/орфоэпические варианты (зажим Гепфнера – зажим Хепфнера); среди эпонимов есть ряд омонимичных терминов [6. С. 181]. Так в терминологии предметной области медицины «хирургический инструментарий» есть эпоним *gewinkelte Schere nach Potts de Martell* (угловые ножницы по POTTS-DE MARTEL). Однако ножницы такой же формы также называют *Schere nach Diethrich*, *Schere nach Potts-Smith* или *Schere nach De Bakey*. Кроме того термины-эпонимы могут быть громоздкими (*atraumatische Pinzette nach De Bakey mit Skizze des Profils*) и не всегда благозвучными (*Harnblasen-Verweilkatheter nach Pezzer – kame-тер Пеццера; Pomerantsev-Folley's Katheter – катетер Померанцева-Фолея*).

Несмотря на недостатки, эпонимия в медицинской терминологии до сих пор остается распространенным явлением (Е. М. Какзанова, Г. Ф. Курышко, Ю. В. Сложеникина), и точка зрения С. Д. Носова, который предлагал заменить ряд эпонимов на неэпонимические тер-

мины, не нашла одобрения [5. С. 33]. В нашем случае анализ немецкой терминологии предметной области медицины «хирургический инструментарий» (1197 терминов) показал наличие 197 эпонимов (16,5%).

Нужно заметить, что эпонимы, представленные в немецкой терминологии предметной области медицины «хирургический инструментарий» отличаются краткой формой, кроме того в профессиональном дискурсе эпонимы подвергаются ряду изменений. Так термин *die Unterbindungsnadel nach Payr* на профессиональном жаргоне называют *Payr-Sonde*. Чаще всего эпоним сокращают до фамилии ученого: *die Unterbindungsnadel nach Deschamps* на профессиональном жаргоне называют просто *Deschamps*. Однако заменить эпонимы на не-эпонимические термины не всегда возможно. Трудно себе представить, что в операционной, когда счет времени идет на секунды, хирург вместо (ножниц) Рихтера будет просить дать ему ножницы, изогнутые по ребру, или вместо (зажима) Кохера – 1х2 зубный зажимный инструмент. Следовательно, у эпонимов можно выделить и ряд положительных факторов – удобство в практической работе, обозначение авторских прав и национального приоритета.

Эпонимы имеют энциклопедическое значение. Фамилия, играющая важную роль в термине-эпониме, – это своего рода живая история, позволяющая представить исторические события и историю науки [2. С. 24]. Такие термины становятся своеобразными именными памятниками, поскольку они увековечивают имя мастера или ученого, который изобрел, а иногда и модифицировал инструментарий. Например, зажим Люэра (*die Luer' Klemme*) носит имя немецкого мастера по изготовлению инструментов 19 века. Крючок Фрича для отодвигания краев передней брюшной стенки (*Bauchdeckenhaken nach Fritsch*) носит имя немецкого гинеколога и акушера Генриха Фритча, модифицирующего данный инструмент. Щипцы акушерские Чемберлена (*die Chamberlan' Zange*) были изобретены братьями Питером Чемберленом старшим и Питером Чемберленом младшим, сыновьями хирурга Гильома Чемберлена, в конце XVI столетия и представляют собой инструмент для извлечения головки плода. Однако свое изобретение братья держали в секрете, и это изобретение было достоянием только этой семьи. Спустя 125 лет, в 1723 году, щипцы были вторично изобретены и обнародованы Пальфином в Парижской медицинской академии (щипцы

акушерские Пальфина – *die Palfyn' Zange*), поэтому изобретателем щипцов считается хирург Пальфин. Щипцы акушерские Лазаревича (*die Lasarjewitsch' Zange*) также называют русскими щипцами (*russische Zange*), они имеют перекрещивающиеся (параллельные) ложки только с головной кривизной и подвижным замком. И.П. Лазаревич создал оригинальный тип русских щипцов, основными чертами которых являются простота устройства, отсутствие тазовой кривизны, подвижность ветвей замка.

Необходимо отметить, что эпонимы немецкой терминологии предметной области медицины «хирургический инструментарий» образуются по следующим моделям:

1. Прилагательное + фамилия ученого + апостроф + существительное (*gebogene Levkovitsch' Zange*)

2. Прилагательное + фамилия ученого + существительное: через дефис (*Anatomische Cushing-Pinzette*)

3. Фамилия ученого + апостроф (s) + существительное (*die Payr' Darmquetsche; Pezzer's Katheter*)

4. фамилия ученого + существительное: через дефис или без него (*Liston – Zange; Liston Zange*)

5. Прилагательное + существительное + предлог + фамилия ученого (*eine kniegebogene Pinzette nach Troeltsch*)

6. Существительное + фамилия ученого в родительном падеже (*Klemme Mikulitschs*)

7. Существительное + предлог + фамилия ученого (*Bajonettpinzette nach Gruenwald*)

8. Существительное + предлог + частица дворянского рода + фамилия ученого (*Schere nach Potts de Martell*)

9. Прилагательное + существительное + предлог + частица дворянского рода + фамилия ученого (*gewinkelte Schere nach Potts de Martell*)

10. Существительное + предлог + две фамилии двух ученых: через союз *oder* (*Scheren nach Mayo oder Lexer*)

11. Существительное + предлог + две фамилии двух ученых: через дефис или без него (*Pinzette nach Adson-Brown; Schere nach Potts Smith*).

12. Две фамилии двух ученых: через дефис + апостроф (s) + существительное (*Pomerantsev-Folley's Katheter*)

13. Прилагательное (прилагательное) + существительное + предлог + частица дворянского рода + фамилия ученого + предлог + существительное + существительное в родительном

падеже (*Atraumatische Pinzette nach De Bakey mit Skizze des Profils; Atraumatische gerade Pinzette nach De Bakey mit Skizze des Profils*)

Наиболее продуктивной является модель «*фамилия ученого + апостроф (s) + существительное*». Нами было выявлено 79 терминов такой модели, что составляет 40% от общего числа проанализированных эпонимов. Необходимо также отметить наличие в терминологии предметной области медицины «хирургический инструментарий» эпонимированных терминов – *Pezzerscher Katheter, Thierschsches Messer, Blelocksche Klemme, Nelatonscher Katheter*. Кроме того мы выяснили, что термины с несколькими именами собственными говорят не о сотрудничестве ученых, а указывают на последующее развитие инструментария, преемственность теоретической мысли или изобретения инструментария, сделанное одновременно независимо друг от друга несколькими учеными, часто даже разных национальностей. Например, термин *die Simpson-Fenomenov' Zange* (щипцы акушерские Симпсона-Феноменова) носит имя двух ученых, поскольку Н. Н. Феноменов внес принципиальные изменения в одну из самых распространенных моделей щипцов — в английские щипцы Симпсона. Благодаря его изменениям замка ветви щипцов стали более подвижными.

Таким образом, эпонимы функционируют в терминологии предметной области медицины «хирургический инструментарий» в немецком языке как межструктурные варианты медицинских терминов. Нужно отметить, что эпонимы немецкой терминологии предметной области медицины «хирургический инструментарий», обладая краткостью, вариантностью форм, точностью значения и интернациональным характером занимают прочное место в медицинской терминологии. В эпонимах сохранена память об ученых. Распространение эпонимов в медицине указывает на антропоцентричность медицинского знания [3. С. 193]. Как отмечает А. В. Суперанская, эпонимы тесно связаны с развитием науки и с культурной историей общества [8. С. 34]. Часто люди забывают, а иногда не знают, кто был человек, имя которого носит термин. Эпонимы активизируют когнитивные процессы. Они способствуют желанию получить информацию о том или ином ученом и указывают на сферу деятельности ученого. Так как желание получить информацию является мотивированным, эпоним хорошо запоминается. Следовательно, эпонимы влияют на познание мира в свете истории

науки, а значит, относятся к именам когнитивных категорий.

Список литературы

1. Какзанова, Е. М. Многофамильные термины-эпонимы в астрономической науке / Е. М. Какзанова // Современные технологии обучения иностранным языкам. Междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск 20 января 2015 года): сб. науч. тр. / отв.ред. Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – С. 182–187.
2. Какзанова, Е. М. Номенклатура и термины-эпонимы: обзор мнений / Е. М. Какзанова // Вестн. Московского гос. лингвистич. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 5. – С. 21–25
3. Какзанова, Е. М. Искусство памяти: термины-эпонимы / Е. М. Какзанова // Воспитание национально-культурного сознания молодежи. Сб. науч. ст. межрегион. науч.-метод. конф. 24 ноября 2010 года. – СПб.: Об-во «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. – С. 192–197.
4. Маджаева, С. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины сахарный диабет и СПИД) / С. Маджаева. – Астрахань: АГМА, 2012. – 277 с.
5. Носов, С. Д. О рационализации медицинской клинической терминологии / С. Д. Носов // Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. – М.: Совет. энциклопедия, 1981. – С. 32–35.
6. Сложеникина, Ю. В. Терминологическая вариантность: Семантика, форма, функция / Ю. В. Сложеникина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 288 с.
7. Сложеникина, Ю. В. Основы терминологии: лингвистические аспекты теории термина / Ю. В. Сложеникина. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 120 с.
8. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.
9. Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3-х томах. / Гл. ред. Б. В. Петровский. – М.: Совет. энциклопедия, 1983. – Т. 2. – 383 с.
10. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / Гл. ред. Б. В. Петровский. – М.: Совет. энциклопедия, 1984 г. – Т. 3. – 512 с.

Н. В. Лучкина, Д. А. Малинина

Ростовский государственный медицинский университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В РУССКОЙ ПРОЗЕ

FEATURES OF THE DESCRIPTION OF THE SUBJECT WORLD IN THE RUSSIAN PROSE

В статье анализируются особенности описания предметного мира в русской прозе. Предметы в пространстве художественного текста вступают зачастую в непростые отношения со своими владельцами. Традиция «вневещного» измерения материальных объектов восходит к классической литературе. Предметы, представляя собой невербальное поле национальной культуры, по-разному проявляют себя в отношении своих владельцев. В повествовании возникает магия, приносимая словами-вещами.

The article analyzes the features of the objective world description in Russian prose. The objects in the space of the literary text often have an uneasy relationship with their owners. Traditional measurement of material objects dates back to classical literature. The items representing the non-verbal field of the national culture appear differently in relation to their owners. The words-things bring magic in the narration.

Ключевые слова: предметный мир, русская проза, «магические» слова-вещи.

Keywords: objective world, Russian prose, “magic” words-things.

Предметный мир в художественных произведениях соотносится с предметами материальной культуры в реальной действительности, что зачастую делает литературу красноречивым документом описываемой эпохи.

Действительно, при чтении художественной литературы прошлое обретает для нас материальность и яркую образность благодаря описанию пространства, в котором разворачивается сюжет; одежды героев; тех предметов, о которых упоминает автор. Читателю запомнятся и зябнущая дверь из повести Гоголя «Старосветские помещики», и фрак брусничного цвета с искрой Чичикова из поэмы «Мертвые души», и шкаф из чеховского «Вишневого сада», к которому обращена речь Гаева...

В предисловии к книге «Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого» А. П. Чудаков сетовал, что предметный мир русской классической литературы почти совсем не изучен литературоведами [15. С. 5]. Сейчас эта сфера исследований весьма актуальна.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей описания предметного мира в русской прозе. Причина обращения к художественному слову при исследовании предметного мира русских заключается в том, что богатый культурологический потенциал рус-

ской литературы позволяет рассматривать ее как «хранительницу высших смыслов отечественной культуры» [2. С. 13], а описываемый предметный мир как невербальное проявление последней.

Большей частью в статье идет речь о современных художественных произведениях, так как перед нами стоит цель показать, что внимание к проявлению метафизической сущности реальных предметов русской литературой не утрачено. В связи с последним обстоятельством стоит задуматься о разграничении таких понятий, как *предмет* и *вещь*. Так, по наблюдению М. Эпштейна, «язык лучше, чем любое теоретическое рассуждение, показывает разницу между принадлежностью одного и того же явления к миру объектов и к миру субъектов. Вещь выступает не как объект какого-либо воздействия, но как принадлежность субъекта, «своя» для кого-либо» [9. С. 346]. Важным является замечание М. Эпштейна о возможности трансформации предмета в вещь: «Предмет превращается в вещь лишь по мере своего духовного освоения, подобно тому, как индивидуальность превращается в личность в ходе своего самосознания, самоопределения, напряженного саморазвития» [9. С. 346]. Яркой иллюстрацией такого духовного освоения

вещи может служить кресло в доме детства Михаила Пришвина. В своем автобиографическом романе «Кашеева цепь» он пишет: *«В нашем доме сохранилось старинное, сделанное еще крепостными руками огромное кресло Курым. Никто не знал, что это значит, слово «Курым», и откуда оно взялось, но если скажешь: «Курым», то каждый почему-то ищет глазами кресло. Говорят, будто в этом кресле я родился и за то получил с малолетства прозвище «Курымушка».*

Говорили, что мальчиком я был очень похож на кресло, но чем же именно похож, об этом никто верно не знал» [8. С. 16].

Нельзя думать, что такое одушевляющее отношение к вещам осталось в далеком прошлом. Все, что человеку дорого, удостаивается его внимания и порой особой, часто необъяснимой номинации. Так, в романе А. Тарновицкого «Станцую, красивая? (Один день Анны Денисовны)» отец героини любил давать человеческие имена неодушевленным предметам. Жилая комната получила у него имя *Люся*, а голландская печь звалась *Гертрудой Ивановной* [11]. Любопытно, что комната утратила свое женское имя, как только в нее вселился муж героини. Из *Люси* она стала просто *жилплощадью*. Взаимоотношения между людьми повлияли на отношение к жилому пространству. Интересны рассуждения в романе о разной оценке людьми того, что называют домом и жилплощадью, хотя речь идет об одном и том же: *«В доме растят детей — на жилплощади сживают со свету стариков. Дом соединяет людей в семью — жилплощадь делает их врагами»* [11].

Мы можем говорить об антропоцентризации мира, в котором вещи почти уравниваются в правах со своими владельцами, вступая с ними зачастую в непростые отношения. И эти отношения могут быть окрашены как в позитивные, так и негативные тона. Вокруг человека возникает некий «малый мир», в котором принадлежащие ему вещи ведут с ним своеобразный диалог. «Человеческое» в вещи, по мнению В. Н. Топорова, обнаруживается благодаря «той ауре духовности и душевности, которыми человек добровольно и свободно делится с вещью, как бы умаляясь и снисходя к ней. Условия соглашения определяются самим актом передачи «человеческого»: вещь выигрывает в том отношении, что «заражается» человеческим, приобретая новое «вневещное» измерение помимо исходного фонового «вещного»; человек выигрывает в том, что распространяет «человеческое» и вне себя, с тем чтобы и вещь

могла теперь свидетельствовать о нем и с большим правом включиться в процессы формирования ноосферы» [13. С. 92].

В монографии Н. Л. Чулкиной «Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание» говорится о попытке классифицировать «слова-вещи». Большой хаотичный список слов и словосочетаний был разделен на функциональные слова-вещи, при которых могут быть предикаты, обозначающие действия или операции, производимые с помощью этих вещей, и «магические» слова-вещи, которые могут выступать как культурные знаки. Ссылаясь на исследования Ж. Бодрийяра, Н. Л. Чулкина пишет о назначении «магических» вещей «украшать» нашу повседневную жизнь, «выражать в себе свидетельство, память, ностальгию, бегство от действительности» [16. С. 204].

Возьмем на себя смелость раскавычить слово «магическое», так как на страницах русской прозы мы можем наблюдать действительно магическое вплетение жизни вещей в человеческую жизнь, их влияние на человека, его самочувствие, на отношение к окружающему пространству — на мировосприятие в целом. Абсолютно справедливы, на наш взгляд, слова Ю. Мамлеева, обратившего внимание на феномен повседневного русского бытия, в котором содержится некий странный или ирреальный элемент. По его мнению, «даже самое простое русское бытие включает в себе метафизику» [6].

Каждый предмет, попадая в зону жизни своего владельца, проживает свою особую жизнь, в которой бывают разного рода периоды: радость обладания может смениться привыканием, равнодушием, охлаждением, неприязнью и отторжением. Вот как о судьбе абажура пишет Т. Н. Толстая в повести «Невидимая дева»: *«Продираемся сквозь толпу назад, папа с абажуром, еще темным, молчаливым, но уже принятым в семью: теперь он наш, он свой, мы его полюбим. И он замер, ждет: куда-то его несут? Он еще не знает, что пройдет время — и он, некогда любимый, будет осмеян, низвергнут, сорван, сослан, а на его место с ликованием взлетит новая фаворитка: модная белая пятилопастная раскоряка. А потом, обиженный, изуродованный, преданный, он переживет последнее глумление: послужит кринолином в детском спектакле и навсегда канет в помоечное небытие»* [12].

В современной литературе метафизическая сущность предмета может выноситься автором

на первый план, как, например, у В. Маканина в повести «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» [5]. Образ Стола становится символом той эпохи, когда какая-либо комиссия или группа «товарищей» разбирала проступок виновного, а порой и невинного человека, сидевшего перед нею в качестве обвиняемого. Нам не известен автор декораций «лобного» места, однако его атрибутика была очень продуманной. Стол с графином на нем зачастую повергал людей в мистический ужас, проводя четкую границу между обвинителями и обвиняемыми. Так и герой повести В. Маканина, заходя испытывая волнение перед предстоящей расправой, хочет встретиться со Столом наедине, чтобы понять: что же он скрывает, отчего человек испытывает ужас, сидя по ту сторону Стола, где обычно находится обвиняемый? Навязчивая мысль не дает покоя герою повести: он хочет побыть за этим столом, когда там никого нет, посидеть за ним спокойно и свободно, *«подготовиться психологически (и как бы лишить стол его метафизической силы)»*, побыть с ним *«запросто»*, *«один на один...»*. Безымянный герой В. Маканина, который не знает за собой никакой реальной вины, умирает, встретившись со Столом. С одной стороны, у него случился вполне реальный инфаркт, с другой – его смерть можно рассматривать как расплату за покушение на ту тайную власть над человеком, которой обладает Графин в центре Стола. Образ «судного стола» в повести В. Маканина позволяет составить мнение об одной из важных сторон советской действительности и лучше понять психологический портрет той эпохи.

Взаимоотношение человека с окружающими его предметами многое может рассказать о нем. Та или иная вещь домашнего обихода может выйти из подчинения человеку, как, например, в рассказе Нины Садур «Стул» [10]. Однажды героиня обнаруживает, что не может найти места для стула в большой квартире. Он всюду служит ей помехой. Хозяйка ограничивает свое пребывание одной комнатой: остальные три пугают ее своей безжизненностью. Связь человека с окружающими его вещами начинает распадаться в момент переживания им психологического или психического неблагополучия. Вещи начинают жить жизнью, независимой от своих хозяев, вступая с ними в конфликт, а порой и принося несчастья.

Так, в рассказе С. Василенко «Синяя кофта Нины» [1] речь идет о старой-престарой кофте Нины Садур, жизнь которой наладилась, как только ей случайно удалось избавиться от этой

кофты. Невольно вспомнится *красная свитка* Гоголя, но, судя по упоминанию имен реально существующих людей, С. Василенко описывает события, действительно имевшие место. Зло входило в жизнь людей, к которым попадала эта магическая вещь. Проанализировав факты, автор рассказа пытается найти следы этой страшной кофты, но они затерялись со временем.

С негативным воздействием предметов на человека, вызывающим с его стороны враждебное отношение, мы сталкиваемся в романе М. Кучерской «Тетя Мотя» [3]. Его героиня, далекая от кулинарного искусства, в качестве свадебного подарка получает кухонную утварь: миксер, электрическую мясорубку, несколько разнокалиберных сковородок, мисок, кастрюль, сверкающие инструменты неизвестного назначения. На коробке с незнакомыми ей предметами она читает: Ghidini – и воспринимает это на эмоциональном уровне как имя своего врага, бога, которому надо было поклониться.

Порой предметы вторгаются в жизнь человека, делая свое пребывание в его жизни не болезненным или трагичным, но весьма ощутимым. Вспомним замечательный рассказ М. А. Осоргина «По поводу белой коробочки»: *«Одно время меня стала упорно преследовать белая коробочка от какого-то лекарства, коробочка белого некрашеного дерева с отлично пригнанной выдвигающей заслонкой. Было достаточно сесть за стол с добрыми намерениями (я пером спасаю человечество), как сейчас же мысль отвлекала коробочка, не нашедшая ни места, ни применения. Выбросить такую коробочку выше моих сил. Тут и любовь к деревянным предметам, особенно некрашеным, и сознание того, что коробочка есть продукт труда, и вообще жадность человека к вещам, во мне развитая до болезненности, так что я утопаю в бумажках, мундштуках, ножничках, пепельницах, скрепках для бумаги, острых и тупых карандашах...»* [14] – перечисление незначительных предметов занимает полстраницы. Кстати, подобные художественные тексты дают читателю наилучшее представление о повседневной жизни людей предшествующих поколений. И, несмотря на то, что человеческая жизнь меняется повсеместно и с большой скоростью, эта особая внимательность к вещам, способность вступать с ними в особые отношения сохраняется. Интересен в этом отношении рассказ О. Николаевой «Человек в интерьере. Кабинет писателя» [7], из которого мы узнаем и историю письменного стола, и ковра, и настольной лампы, и пианино, и книжных полок, и дивана... Все вещи

настолько тесно вплетены в жизнь хозяйки кабинета, что порой приобретают символическое значение. Так, например, золотой самовар символизирует мечту хозяйки о нормальной жизни. *«Когда можно поехать на дачу. Растопить его шишками и сучками и потом долго-долго, почеховски нудно пить чай, отгонять от варенья мух и лениво поправлять на плече шаль, постепенно обрастая детьми, внуками, всякими там невестками, снохами, зятьями и кумовьями»* [7. С. 341]. Но дачи у хозяйки кабинета нет, поэтому невостребованный самовар пребывает в ее кабинете *«как вещь в себе»*.

Вещи активно вторгаются в жизнь человека, влияют на его настроение, заставляют придумывать ритуальные способы общения с ними. Так, с появлением в кабинете ковра у хозяйки началась новая жизнь. Вот как она говорит об этом: *«Я положила себе за правило: что бы ни было, я должна каждое утро вычистить весь ковер жесткой маленькой щеткой. Если я почему-либо это не сделала, значит, что-то со мной не так. И наоборот: если с жизнью что-то не так, то есть «все погибло» и «все пропало», прежде всего надо вычистить ковер жесткой маленькой щеткой»* [7. С. 335]. На наш взгляд, слова писательницы, обеспокоенной будущностью своих вещей, как нельзя лучше показывают глубину отношений хозяина с его вещами и доказывают, что наш «вещный микрокосм» составляет сложную систему, понятную порой извне не до конца, многое скрывающую от посторонних глаз. Кабинет говорит языком вещей, его составляющих. *«Кое о чем он говорит прямым текстом, кое о чем – проговаривается, но о большем – умалчивает, скрывает»* [7. С. 350]. Безусловно, со временем обстановка в кабинете изменится. Но в словах писательницы сквозит сожаление не о физическом исчезновении ее вещей – это понятно, что они исчезнут, а о том большем, что они аккумулировали и что было важным для нее – это то, что и называется духовным освоением вещного мира.

Это метафизическое существование окружающих нас предметов в условиях городской жизни способны ясно ощущать только тонко чувствующие люди, проникающие порой в тайну инобытия. Немало таких людей среди мастеров художественного слова. Причем, по словам Ю. Мамлеева, именно в литературе и поэзии «присутствует тайная мощь пророчества, видение всего потока и сути жизни», и «образ бывает нередко глубже самой мысли или, во всяком случае, не уступает самым глобальным интеллектуальным прозрениям» [6].

В повседневности метафизическое взаимодействие человека и вещи в жизнь друг друга яснее проявляется там, где внимание человека не рассеивается, – в провинции. Ю. Мамлеев считал, что образованность только затемняет видение глубины бытия, а в провинции этот «второй план» русской жизни проявляется более отчетливо [6]. Условия провинциальной русской жизни иногда заставляют думать, что жители глубинки как бы выпадают из исторического контекста с его социальными, политическими коллизиями и люди оказываются один на один со своим бытием.

Н. Л. Чулкина в своей монографии говорит о том, что между двумя группами слов-вещей, условно названными ею «функциональными» и «магическими» происходит постоянное взаимодействие, однако наиболее значимыми являются те из них, «которые особым образом «переживаются» людьми, наделяются ими некоторыми духовно-ценностными «качествами» и поэтому могут быть описаны с помощью оценочных предикатов» [16. С. 205]. Анализ художественной прозы показывает, что речь может идти об образах, служащих пониманию концептосферы повседневной жизни как всего народа (образ Стола в повести В. Маканина), так и об индивидуальной концептосфере повседневности того или иного человека (образ коробочки в рассказе М. Осоргина).

В статье Н. В. Лучкиной «Исследование особенностей дискурса предметного мира русских» говорится о том, что литературоведы называют роман французского писателя Ж. Перекка «Вещи» первым произведением, «в котором с помощью художественного слова обращено внимание людей на то, что вещи могут вытеснять человека на периферию бытия, занимая в его жизни центральное место. Вряд ли в истории русской литературы могло появиться подобное произведение» [4. С. 515]. Отношения русских людей с окружающими их предметами часто более сложны и драматичны. Может быть, корни этого следует искать в национальном менталитете, который формируется не без влияния фольклора: сказок, былин, мифов.

Итак, художественная литература, не являясь зеркальным отображением нашей жизни, зачастую позволяет судить о той или иной эпохе лучше, чем труды по истории, так как ей свойственно внимание к мельчайшим деталям повседневной жизни человека и, кроме того, она обладает возможностью давать читателю представление о невидимом – мыслях и чувствах героев, о его взаимоотношениях

с окружающими материальными объектами. Этот таинственный второй план русского бытия (вторая реальность), по словам Ю. Мамлеева, проявляется во всей нашей жизни, вплетаясь в ее «повседневность» и внешне уживаясь с неизбежной дозой «рационализма». Нашей литературе удастся отображать многие аспекты скрыто-потаенных отношений человека и окружающих его вещей. Это было свойственно классической литературе – не утрачена эта особенность и современной прозой.

Список литературы

1. Василенко, С. В. Синяя кофта Нины / С. В. Василенко // «Новый Мир», 2011, №7. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/7/va6-pr.html.
2. Кантор, В. К. Русская классика, или Бытие России / В. К. Кантор. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив; Университет. книга, 2014. – 600 с.
3. Кучерская, М. А. Тетя Мотя. 2012 / М. А. Кучерская // Электронная библиотека «Book-online.com.ua» – URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7453>.
4. Лучкина, Н. В. Исследование особенностей дискурса предметного мира русских / Н. В. Лучкина // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. №6 (717), 2015. С. 377–388.
5. Маканин, В. С. Стол, покрытый сукном и с графином посередине / В. С. Маканин // Электронная библиотека «ЛитМир» – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=18527>.
6. Мамлеев, Ю. В. Россия Вечная / Ю. В. Мамлеев // Электронная библиотека «ЛитМир» – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=103146>.
7. Николаева, О. А. Человек в интерьере. Кабинет писателя / О. А. Николаева. Любовные доказательства. – М.: Вече. Грифъ. Лепта Книга. 2012. С.331–350.
8. Пришвин, М.М. Кашеева цепь / М.М. Пришвин. – М., 1960. – 528 с.
9. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия // Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003, с. 346–350. – URL: <http://ec-dejavu.ru/r/Realogy.html>.
10. Садур, Н. Н. Стул / Н. Н. Садур // Мужской журнал для чтения «Медведь» – URL: http://www.medved-magazine.ru/articles/article_970.html.
11. Тарновицкий, А. В. Станцуем, красивая? (Один день Анны Денисовны) / А. В. Тарновицкий // Электронная библиотека «RuLit». – URL: <http://www.rulit.me/books/stancuem-krasivaya-odin-den-anny-denisovny-read-352042-1.html>.
12. Толстая, Т. Н. Невидимая дева / Т. Н. Толстая // Электронная библиотека «ЛитМир» – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=225821&p=20>.
13. Топоров, В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе / В. Н. Топоров // Aequinox. М., 1993. С. 70–94 – URL: <http://ecdejavu.ru/v/Vesh.html>.
14. Осоргин, М. А. По поводу белой коробки (Как бы предисловие) / М. А. Осоргин // Рассказы – URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=215733>.
15. Чудаков, А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого / А.П. Чудаков. – М.: Современный писатель, 1992. – 320 с.
16. Чулкина, Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание / Н. Л. Чулкина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

А. И. Лызлов

Смоленский государственный университет
(Смоленск, Россия)

ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ ПОСПЕШНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

ON NEGATIVE EVALUATION OF HASTY ACTIONS IN ENGLISH PROVERBS AND SAYINGS

Данная статья посвящена проблеме взаимодействия двух семантических категорий: оценки и темпоральности в рамках пословичных единиц. Некоторые из них представляют собой слож-

ные предложения с придаточными времени, отрицание в которых реализуется в рамках главного предложения. Исследуемые пословицы построены на основании различного рода ментальных моделей – сценариев, направленных на выражение негативной оценки слишком поспешным действиям человека.

The given article touches upon the problem of interrelation of two semantic categories of evaluative and temporal character within the sphere of proverbial texts. Some of them represent complex sentences, characterized by subordinate clauses of time, having negation mainly in the principal clause. The given proverbs are built according to several mental models – scripts, aimed to give a negative evaluation of both too hasty human activities.

Ключевые слова: пословица, оценка, темпоральность, сценарий.

Keywords: proverb, evaluation, temporal modus, script.

Как известно, многие пословицы и поговорки (паремии) способны выражать оценочные значения. Исследователи оценки ([2. С. 895]; [3. С. 280]; [4. С. 230] и др.) отмечают, что оценочная шкала имеет следующую номенклатуру: *хорошо – безразлично – плохо*. Оговоримся, что в данной статье не рассматривается тематика безразличного, поскольку исследуются паремии, имеющие оценочные значения. Изучая явления и взаимоотношения темпоральной тематики, получившие отражение в английских паремических текстах, можно получить шкалу, описывающую своевременность/несвоевременность действий: *слишком рано – вовремя – слишком поздно*. При сопоставлении категорий оценки и темпоральности, которые объективируются в паремических высказываниях английского языка, обнаруживается следующая закономерность: *слишком рано* = плохо; *вовремя* = хорошо; *слишком поздно* = плохо.

Феномен времени выступает в паремиях как объективная ценность. Об этом повествует паремия: **there is no time like present** (EPSRE) (букв.: «нет лучшего времени, чем настоящее время») (ср. русск.: «лови момент»). Данная единица приучает человека все делать вовремя. Своевременность выполнения действий является аксиологически значимой сущностью. В нашей статье мы сконцентрируем внимание на изучении значений паремических высказываний, отражающих позиции «слишком рано». Исследуемые паремии имеют дидактический характер, они предостерегают нас как от чрезмерно поспешных, так и неоправданно запоздалых поступков. Часто они оформляются как отрицательные высказывания, объективируя семантику запрета.

Рассматриваемые в работе паремические высказывания английского языка, построены как сложносочиненные предложения, назна-

чение которых выражать ценность времени. В большинстве случаев это единицы, в которых представлены придаточные времени, например: **cast not out the foul water till you bring in the clean** (EPSRE). Однако же встречаются паремии с другими типами подчинительной связи, к примеру, придаточные дополнительные: **what is bred in the bone will not go out of the flesh** (CAM) (букв.: «что в костях, то и во плоти») (ср. русск.: «горбатого могила исправит»).

В данной статье рассматриваются преимущественно образные паремические тексты. Образный компонент в семантике паремии – продукт метафорического переосмысления элементов реальности на основании анализа их признаков составляющей [7. С. 314]. План содержания рассматриваемых высказываний строится вокруг когнитивной оси «образ – сценарий». Под сценарием понимается некое стереотипизированное представление, модель, фрейм-структуру, штамп сознания ([1. С. 271]; [5. С. 375]; [6. С. 371] и мн. др.). Паремические высказывания английского языка являются выразителями данных стереотипизированных моделей сознания – сценариев. Отношение между сценарием и паремией строится по принципу «общее – частное». Иными словами, один и тот же сценарий может быть представлен в английской паремиологии несколькими пословичными высказываниями.

Еще пророк Екклесиаст учил тому, что не следует торопить события: **there is a time for all things** (CAM) (букв.: «всему свое время»). Английские паремии, осуждающие поспешность и/или несвоевременность некоторых поступков являются выразителями сценария «не делай X прежде, чем не сделано Y». При этом действие X отражается в главном предложении, действие Y – в придаточном предложении в рамках рассматриваемых паремиче-

ских единиц. Данный сценарий реализуется в паремиях посредством нескольких образных тематических сфер (концептосфер). Выделим наиболее значительные из них: «Животные» и «Природа», «Артефакты», «Статус человека». В паремиях, где фигурируют образы заявленной тематики, высказывается предостережение от стремления совершать поступки-следствия, до того, как совершены действия-причины.

«Животные».

В английских образных паремиях, порицающих чрезмерную поспешность, несвоевременность поступков, в рамках тематики животного мира используется прием остражнения. Невозможно сосчитать цыплят до того, как они вылупятся – точное число выживших до срока не известно: **don't count your chicken before they are hatched** (EPRD) (ср. русск.: «цыплят по осени читают»). Продолжая рассматривать тематику домашней птицы нужно отметить, что для повадок курицы не характерно кудахтать до того, как она снесет яйцо. Для этих птиц характерно обратное: **don't cackle till your egg is laid** (EPSRE). Не представляется возможным продать шкуру медведя, пока еще живущего: **don't sell the bear's skin before you have caught it** (EPSRE) (ср. русск.: «не дели шкуру неубитого медведя»).

В представленных ниже паремических единицах обыгрывается сюжет приема пищи. Едва ли можно найти человека, который желает съесть телянку, когда он еще находится в утробе своей матери коровы: **don't eat the calf when it is in the cow's belly** (EPSRE) (букв.: «не ешь телянку, который еще не родился»). Глупо мечтать о рыбном блюде, пока рыба еще не выловлена: **never fry a fish till it is caught** (EPSRE) (букв.: «не жарь рыбу, пока она не поймана»).

«Природа».

Окружающий мир является потенциальным источником опасности для человека. В ряде паремий, выражающих оценку, присутствует семантика предостережения от опасностей мира природы, враждебного миру человека. Некоторые паремии являют собой предостережения от опрометчивых действий, используя при этом тематику окружающей природы. Опасными бывают водные преграды, особенно, если человек не умеет их преодолевать: **don't go near the water until you learn how to swim** (LONG) (букв.: «не подходи близко к воде, пока не научишься плавать») (ср. русск.: «не зная бродя, не лезь в воду»). С древних времен опасность ассоциировалась с образом леса. Преждевременная радость порицается в

единицах, где человек забывает об опасностях и предается радости: **don't halloo till you are out of the wood** (EPRD) (букв.: «не насвистывай, пока не выбрался из лесу»); **don't whistle until you are out of the wood** (EPRD) (букв.: «не улюлюкай, пока не выбрался из лесу»). Несколько позже дальняя дорога стала образом потенциальных опасностей угроз. Нельзя расслабляться, пока сложный путь не завершен: **a traveler should not laugh till he gets to the end of his journey** (LONG) (букв.: «путнику не следует смеяться, пока его путешествие не подошло к концу») (ср. русск.: «Не скажи «гоп», пока не перепрыгнешь»).

«Артефакты».

С развитием человеческого общества не только мир природы, но и творения человеческих рук послужили объектом образного паремического переосмысления. Прием остражнения можно наблюдать в предлагаемых ниже паремических высказываниях. Порицание поспешных, несвоевременных действий может обыгрываться при помощи образов искусственных преград, которые торопливый человек пытается преодолеть, еще не достигнув их. Например: **never jump your fences till you meet them** (EPSRE) (букв.: «никогда не перепрыгивай заборы прежде, чем достичь их») (ср. русск.: «всему свой черёд»); **don't cross bridges before you come to them** (EPSRE) (букв.: «не пересекай мосты прежде, чем дойдешь до них») (ср. русск.: «всё в свой срок: придёт»). Тематика войны или охоты задействована в семантике паремии, когда описывается неверная последовательность использования лука и стрел: **draw not your bow till your arrow is fixed** (LONG) (букв.: «не натягивай лука, пока не приладил стрелу») (ср. русск.: «прежде соберись, а потом дерись»). Порицание людей, живущих в долг, находим в пословичном выражении: **never spend your money before you have it** (EPSRE) (букв.: «не трать деньги прежде, чем заработал»).

«Статус человека».

Группа паремий под названием «Статус человека» объединяет такие концептуальные явления как «Неприятность» («Лихо»), «Хвастовство» и «Смерть», «Плачь» и «Травма». Несомненно, мудрой является стратегия поведения, стремящаяся к недопущению конфликтов, которые можно избежать. Об этом повествует хорошо известное паремическое высказывание, построенное с помощью приема повтора: **don't trouble trouble until trouble troubles you** (EPSRE) (ср. русск.: «не буди лихо, пока оно

тихо»). Хвастать своими успехами, ведя борьбу с сильным противником, значит обресть себя на большой позор в случае поражения. Пословица: **don't boast until you see your enemy dead** (EPSRE) (букв.: «не хвастайся, пока не увидишь врага мертвым») (ср. русск.: «не говори «гоп», пока не перепрыгнешь») учит избегать необоснованного бахвальства. Люди нищие духом, готовые сдаться при первой же возможности, порицаются в паремии: **don't cry before you are hurt** (EPSRE) (букв.: «не плачь прежде, чем тебя ударили») (ср. русск.: «не реви раньше смерти»).

В качестве вывода хотелось бы отметить, что паремии, сочетающие в плане содержания отрицание и оценку, достаточно частотны. Они могут быть синтаксически оформлены как сложноподчиненные предложения, характеризующиеся отрицанием в главном предложении и распространенные преимущественно придаточным времени. Паремические высказывания английского языка являются выразителями моделей сознания – сценариев. Отношение между сценарием и паремией строится по принципу «общее – частное». Один и тот же сценарий может быть представлен в английской паремиологии несколькими пословичными высказываниями. Рассматриваемые паремические единицы реализуют сценарий: «не делай X прежде, чем не сделано Y», который описывает различного рода ситуации, осуждающие поспешность и/или несвоевременность поступков человека. Как показало исследование, семантика описываемых паремических текстов имеет преимущественно образный характер. В некоторых из них используется прием остраниения. Паремии первого сценария объективируют значения, группирующиеся по следующим номинациям: животные, природа, артефакты, статус человека.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: моногр. / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Из-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русск. культ., 1998. – 895 с.
3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин; ред. Э. Г. Храстецкий. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Минский М. Структуры для предоставления знаний / М. Минский. – М.: Изд-во «Энергия», 1977. – 237 с.
7. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 (6) с.

Источники языкового материала:

1. CAM: Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, Cambridge, 1998. – 590 p.
2. ERPД: Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
3. EPSRE: Модестов, В. С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия / В. С. Модестов. – М.: Рус. Яз., 2003. – 467 с.
4. LONG: Longman Dictionary of English Idioms. – London: Longman Group Ltd., 1979. – 790 p.

С. И. Маджаева*Астраханский государственный медицинский университет
(Астрахань, Россия)***ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ «ВРАЧ-ПАЦИЕНТ»****PECULIARITIES OF COMMUNICATION “DOCTOR-PATIENT”**

В статье анализируются скрипты бесед врача и пациента, выявляются особенности коммуникации, причины непонимания, изменения ситуации общения, факторы нежелания лечиться, назначения взаимодействия врача и пациента.

Scripts of communication between doctor and patient are analyzed in the article. The author points out the peculiarities of communication, the reasons of misunderstanding, factors of patient's unwillingness to be treated, the purpose of interaction “doctor-patient”.

Ключевые слова: врач, пациент, общение, коммуникация, медицинский термин, медицинский дискурс.

Keywords: doctor, patient, interaction, communication, medical term, medical discourse.

В общении с пациентом врач выступает как личность с объёмным коммуникативным полем речи, в то время как пациент – личность со сфокусированным полем речи; он ориентируется на слова врача, то есть проявляется статусное неравноправие, которое ведёт к девиантности в медицинском дискурсе. Вербальное поведение пациента основывается на заболевании. Высказывания пациента иллюстрируют его жалобы. Коммуникативная зависимость пациента от врача объясняется его исключённостью из области медицинских знаний и отсутствием возможности влиять на принятие врачебных решений. Врач – «носитель профессиональной культуры». С этой точки зрения, рассматривая общение профессионала и непрофессионала («врач-пациент»), можно говорить о возможности конфликтов непонимания, вызванных различием в содержании образов профессионального и обыденного языкового сознания.

Методом сплошной выборки из протоколов бесед врача с пациентами нами был получен массив высказываний, анализ которых позволил выявить зоны несовпадения содержания рассматриваемых образов языкового сознания. Ключевыми понятиями для нашего исследования являются понятия заболевания обмена веществ – *сахарный диабет* и инфекционного заболевания – *СПИД*. Термины *сахарный диабет*, *СПИД* в сознании пациента ассоциируются с такими понятиями, как *страх*, *боль*, *жадность к себе*. Из бесед с заведующей отделением эндокринологии областной больницы № 3 Астраханской области Н. В. Казачковой было

выявлено, что определённый процент больных сахарным диабетом занимает позицию отдалённого признания заболевания и часто находит себе знакомого медицинского работника (врача или медсестру), который на основе их близких взаимоотношений как бы представляет интересы больного в диалоге с лечащим врачом. В процессе общения с лечащим врачом позиция больного переходит в позицию стороннего наблюдателя, то есть: *«Вы, доктор, рассказывайте всё о моём заболевании моему представителю, а он (она) потом мне всё объяснит в более простой форме, может даже принять и решение за меня»*. Данная позиция обусловлена нежеланием пациента нести ответственность за свои действия. Кроме того, пациент не доверяет врачу и часто не понимает его слова.

Опасность непонимания в общении врача и пациента элиминируется тем, что врач должен учитывать когнитивную базу пациента, его интеллектуальный уровень. Профессионал (врач) имеет возможность скорректировать образ мира собеседника-непрофессионала (пациента), создавая «единое или сходное понимание реальности» [2. С. 7] на основе своих знаний, представлений о болезни.

Протоколы бесед выявили, что нежелание лечиться обусловлено следующими факторами: 1) пациенты имеют неприятный опыт общения с медицинским персоналом (ирония в голосе, нетактичность, взгляд свысока); 2) врач не поясняет результаты анализа – просто говорит «нормально»: это непонятно па-

циенту (дефицит времени, в результате чего пациент остаётся недоинформированным); 3) врач не даёт полной информации о течении болезни; 4) пациент практически не участвует в принятии решения о назначении терапии: у пациента больше страхов, чем надежд: «Я не только пациент, я с этим живу», «За нас принимает решение врач»; 5) использует незнакомую терминологию. Вследствие ущербности дискурсивной компетенции врача пациент остаётся недоволен лечением. Напомним, что врачу необходимо учитывать психику пациента, его права и достоинство. И если в профессиональной компетенции врача эти знания отсутствуют, то дискурс такого врача не может быть успешен, так же как и сама деятельность этого врача.

Как правило, каждому участнику беседы присуща своя особая картина мира. Понятия *говорящий* и *слушающий* характеризуют прототипическую интеракцию, сущность которой состоит в том, что только один участник может говорить, а другой обязан воспринимать. Врач говорит – пациент слушает. Любая попытка задавать много вопросов считается отклонением от нормы. Часто пациент не понимает, что говорит врач. Например, врач-андролог объясняет пациенту-водителю, у которого сахарный диабет: «Процесс сперматогенеза детерминирован...», естественно, пациент не понимает значения термина «сперматогенез». На наш взгляд, врач должен использовать специальную терминологию как средство воздействия на пациента, аргументации.

Нужные слова, сказанные в нужный момент, могут дать значительные позитивные результаты. Неверные слова, сказанные не вовремя, могут принести вред. Слово врача, призванное оказывать психотерапевтическое воздействие, довольно часто становится психотравмирующим. Например, при сахарном диабете нередко приходится сталкиваться с убеждением больного в плохом состоянии его сосудов, в отсутствии объективных признаков их поражения, вплоть до того, что он связывает с этим боли в разных частях тела, обусловленные, например, остеохондрозом или носящие психогенный характер. Причина может заключаться в информации, полученной от врача, который стремится предупредить о возможных сосудистых осложнениях диабета, но при этом не адаптирует эту информацию и не контролирует, как больной её воспринял.

Пациент: *Ну, тогда давайте направление на УЗИ.*

Врач: *Зачем?*

Пациент: *Посмотреть щитовидку, может, она увеличена.*

Врач: *С чего Вы взяли, что она увеличена?*

Пациент: *Ну, Вы же сказали, что у диабетиков щитовидка увеличивается.*

В вышеприведённом примере возникла не только информационная лакуна, но и появилась коммуникативная помеха вследствие неосторожно сказанного врачом слова. Медик не учёл тип пациента (мнительный).

Ситуация непонимания предполагает инициативное ведение беседы двумя участниками – участником, адекватно понимающим все производимые речевые сообщения, и участником, не понимающим все эти сообщения или часть из них, в связи с чем ему отводится «зависимая реактивная роль слушающего» [1. С. 114]. Говорящий и слушающий в процессе общения выбирают из языковой системы на основе своей индивидуальной картины мира те или иные средства для выражения различных смыслов. Врачу необходимо подобрать специальную лексику, чтобы убедить пациента в соответствующем лечении.

Медицинский термин может эксплицировать и негативную информацию. В процессе общения врача и пациента происходит обмен фрагментами вербального и невербального опыта, являющимися лакунизированными для одного из участников диалога.

Врач: *Вам нужно принимать инсулин.*

Пациент: *Я чувствую себя хорошо, ничего у меня не болит. Не надо сажать меня на иглу.*

Вследствие сохранения повышенного сахара на протяжении месяца врач советует инсулин, так как повышенный уровень глюкозы в крови и моче приводит к осложнениям. Больной ассоциирует термин *инсулин* с наркотиком, неудобствами, так как постоянно придётся носить с собой шприц.

Участнику коммуникации присуща своя особая картина мира. Лакунарная напряжённость, свидетельствующая о непонимании, неприятии, несогласии, недостаточной смысловой прозрачности, квалифицируется нами как лакуна. Соблюдение правил коммуникации общения диabetолога с пациентом приводит к исчезновению лакуны, а следовательно, снижению уровня глюкозы, осложнений диабета. Правильно поняв рекомендации врача (вербально оформленные), больной уделяет внимание диете, режиму, вопросам профилактики. А это ведёт к снижению количества дней временной нетрудоспособности, то есть является

экономически эффективным компонентом. Слово врача, его поведение влияют на экономику страны, то есть дискурсивное поведение врача является и «экономической категорией».

Больной сахарным диабетом после выписки из стационара идёт в аптеку за лекарством, которое ему выписал врач.

Пациент: *Мне нужно вот это лекарство... Оно у Вас есть?*

Фармацевт: *Да. Какая дозировка?*

Пациент: *Дозировка?*

Фармацевт: *У Вас не указана дозировка, 850 или 1000?*

Пациент: *Я не знаю (начинает нервничать).*

Фармацевт: *Нужно знать дозировку. Я могу дать лекарство, но надо проконсультироваться у врача.*

Данная ситуация характеризует врача как неисполнительного, необязательного, указывает на ненадлежащее исполнение им своих обязанностей, что привело к ухудшению эмоционального состояния больного, а значит, лечение, которое было проведено в стационаре, не будет иметь действия. Такое дискурсивное поведение врача неэффективно и отрицательно для больных, для социума.

Невербальная коммуникация играет важную роль в лечении. Пациент, входя в кабинет врача, желает, чтобы на него обратили внимание. Но врач кивает головой, глазами показывает на стул и продолжает писать. И только через несколько минут начинает вести протокольную беседу. Ничего не сказав, врач уже настраивает пациента на негатив, указывает на подчинённость отношений (доминирование – зависимость), а также динамику их отношений. Это ещё раз указывает на один из системообразующих признаков девиантного медицинского дискурса – асимметричность общения. Данный признак является результатом наделения врача коммуникативной властью, харизматической властью (его личностные характеристики), эскулаповой властью (специальные теоретические знания, практические навыки и умения, дискурсивная компетенция).

Ситуация общения может измениться из-за эмоционального состояния больного, то есть дискурсивные действия пациента обусловлены определённой психоэмоциональной установкой. Своё коммуникативное поведение некоторые больные организуют, исходя из собственных представлений о природе заболеваний, методах лечения. Они постоянно акцентируют факт наличия у них тяжёлых соматических заболеваний, повествуют о своих бесконечных

страданиях. Такие пациенты, как правило, редко довольны лечением, не комплаентны к назначаемой терапии. Следовательно, врачу необходимо строить беседу с учётом психоэмоциональных особенностей, тщательно планировать стратегию и тактику коммуникации, выбирать речевые средства и формы. Прежде всего, важную роль играют психологические методы речевого воздействия (ободрение, похвала, эмпатия, суггестия) с целью улучшения эмоционального климата общения.

Итак, в процессе общения для выражения различных смыслов и обеспечения понимания участники выбирают из всей языковой системы на основе своей индивидуальной картины мира те или иные вербальные и невербальные средства. Обмен фрагментами вербального и невербального опыта может быть лакунизированным для одного из участников диалога. При этом то, КАК говорит врач, КАК он ведёт себя, становится порой важнее самого содержания сообщения. Следовательно, невербальная коммуникация играет особую роль в дальнейшем лечении.

Исходя из вышеизложенного можно сделать выводы, что врач, владея медицинской терминологией, может вызвать такое заболевание как ятрогения. Неосторожно сказанное слово, неправильно употребленный термин изменяет поведение пациента. Применительно к девиантному медицинскому дискурсу были определены следующие коммуникативные помехи: неадекватность дискурсивной компетенции его участников, эмоциогенность общения, установка пациентов на некооперативное коммуникативное поведение. Дискурс должен быть рассчитан на клиента, иначе его можно отнести к девиантному и считать отклонением, нарушением стиля профессиональной деятельности. Назначение взаимодействия врача и пациента состоит в том, чтобы сделать возможным процессы приобретения, хранения, преобразования, порождения, применение пациентом знаний о своем заболевании, о мерах профилактики. И в этом значительную роль играют вербальные и невербальные структуры, наиболее существенные те, которые репрезентируют структуры сознания с помощью языковых знаков – терминов, выполняющих следующие функции: отражение действительности и хранения знания, получение нового знания, передача специальной информации. Специальные лексические единицы помогают постичь пациенту степень заболевания, достичь консенсуса в лечении.

Для врача термин является инструментом профессиональной коммуникации, средством актуализации медицинских знаний в процессе деятельности. Для пациента термины имеют иной смысл. Он понимает их с позиций субъективных ощущений, термины воспроизводят в сознании пациента представление о заболевании со всеми его симптомами и осложнениями. Познавательная деятельность пациента находится в зависимости от его опыта, длительности заболевания, а это обуславливает разное восприятие и объяснение им термина.

Список литературы

1. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий : варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 171 с.
2. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 7–22.

М. В. Малащенко, О. В. Косоногова
Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУР В XX-XI ВВ.

INTERACTION AND INTERPENETRATION OF LANGUAGE CULTURES IN THE 20th-21st CENTURIES

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия и взаимопроникновения англо-саксонской и российской лингвокультур. Авторы анализируют истоки становления доминантных лингвокультур. Особое внимание уделяется характеристике идеократической системы XX века, которая возникла в России. Рассматриваются такие семантические процессы, как актуализация и идеологизация значений, появление прагмем с социо-политическим значением, изменение прагматики нейтральных слов, терминосистемы общественных наук. Анализируется косвенное влияние тоталитарного языка на британскую лингвокультуру. Определяются идеи зарождения корпоративной лингвокультуры, появление языка «nicespeak». Отдельное внимание уделяется существенному прямому воздействию англо-американской лингвокультуры на российскую лингвокультуру. Исследование проводится в парадигмах лингвопрагматики.

The article deals with interaction and interpenetration of the Anglo-Saxon and Russian linguistic cultures. The authors analyze the origin of dominant linguistic cultures. Particular emphasis is placed on the characteristics of ideocratic system in the Russian society of the XXth century. Such semantic processes as actualization and adding ideological connotations, changing pragmatics of neutral words, the use of pragmatic units with social and politic meaning and terminology of social science are considered. We analyze the indirect effects of totalitarian language on the British linguistic culture. The ideas if the origin of corporate linguistic culture and the emergence of “nicespeak” are considered. Special attention is paid to a significant direct impact of the Anglo-Saxon linguistic culture on the Russian linguistic culture. The research is conducted within the framework of linguistic pragmatics.

Ключевые слова: лингвопрагматика, лингвокультура, взаимодействие, взаимопроникновение, тоталитарный язык, корпоративная лингвокультура.

Keywords: linguistic pragmatics, linguistic culture, interaction, interpenetration, totalitarian language, corporate linguistic culture.

В последние десятилетия в ведущих языках мира происходят существенные изменения, что обусловлено социально-политическими переменами более или менее радикального свойства. А, как известно, язык точнее и быстрее всего реагирует на социально-политические флуктуации и индицирует всё то, что происходит в обществе, наиболее явственно. Как с точки зрения практического наблюдения, так и с точки зрения теоретических изысканий, существенный интерес представляет феномен взаимодействия и взаимопроникновения лингвокультур. Исследовать это явление наилучшим образом позволяет применение лингвопрагматической парадигмы, в частности, когнитивно-ориентированное изучение культурно-специфических единиц коммуникации [2. С. 3–10].

Взаимопроникновение лингвокультур и культурное заимствование способствуют определённой модификации социальных стандартов пользования языком. Однако взаимопроникновение перестаёт быть взаимным, как только одна из лингвокультур начинает претендовать на доминирование. Историческими основаниями доминирования являются такие факторы, как завоевание земель, политизация режима или экономическая экспансия. Первый этап перемен в эту сторону характеризуется изменением лингвокультуры того социума, который становится наиболее активной частью общества. На втором этапе с разной степенью насильственного воздействия происходит проникновение этой сформированной лингвокультуры в те слои, которые находятся под гнётом её влияния. Третий этап отличается тем, что доминирующая лингвокультура перестаёт быть культурным заимствованием, отчасти меняя общую лингвокультуру страны или части общества, которые находятся под её непосредственным воздействием.

Как видим, это процесс сложный, не всегда безболезненный, но определённо способствующий тому, что мировосприятие нации или её части некоторым образом модифицируется. По большей части наши рассуждения будут касаться взаимодействия таких лингвокультур, как англо-саксонская (а, точнее, англо-американская) и российская. В XX–XI веках эти лингвокультуры имели и продолжают иметь опыт взаимодействия, взаимопроникновения и доминирования [1. С. 119].

В настоящей работе нас интересуют два равно интересных явления. Первое – это идеократизация лингвокультуры тоталитарного

политического режима России в XX веке. Идеократические языковые тенденции проникли в англо-саксонскую культуру дважды: после октябрьской революции в виде советизмов и второй раз в виде изобретённого языка, «новояза», который некоторое время существовал в англоментальном пространстве Британии середины XX века. Блистательно это вторжение было высмеяно Дж. Оруэллом в его *Newspeak*. Второе – это корпоративная лингвокультура периода расширения влияния транснациональных корпораций, которая существует в современном языке в виде языкового пласта менеджмента и маркетинга под маркой так называемого *Nicespeak* [4]. Это явление непосредственно проникло в российскую лингвокультуру и стало здесь культурным заимствованием.

Идеократическая система породила целый ряд семантических процессов, таких, как актуализация и идеологизация значений. Язык социума изменился разительно. Во-первых, появилось множество прагмем с идеологическим (социальным) созначением, что, главным образом, было представлено предметно-оценочными словами типа *сговор*. Напомним, что прагмемы являются наиболее удобным и ёмким средством выражения, поскольку это слова, «оценивающие собственную предметность и опредмечивающие собственную оценочность» [3. С. 20]. Во-вторых, подверглись идеологическим наслоениям самые обычные слова. Типичным представителем этого процесса стало одно из самых частотных в идеократической лингвокультуре слово *товарищ*, которое за один лишь век трижды поменяло своё прагматическое звучание. В этом контексте можно рассматривать и динамику прагматики слов *быт*, *карьера*, *бизнес*, *мещанин* и под.

Тоталитарное мышление идеологов, представителей академических, писательских кругов и, как результат, большинства слоёв населения, привнесло в семантику многих изначально нейтральных слов оценочный элемент, который зачастую искажал прежний смысл слова. Ещё одним признаком этого мышления стало неизбежное двоемыслие, выборочное использование слов по принципу «свой-чужой», где, например, всё своё – нравственность, а всё чужое – их нравы. Кстати, и в современном языке существует это явление. К примеру, своих называют «повстанцами/rebels», чужих – «сепаратистами». В идеократическую эпоху обобщённо-метафорическое значение приобрели слова, обозначающие трудовую сферу и

элементы труда. Так появились названия известных литературных произведений «Цемент» или «Котлован». Прагматическому использованию подвергались даже типичные погодные явления, такие, как *ветер, оттепель* и под. Недаром проникновение идеологемы «ветер перемен» в 80-е годы прошлого века стало настолько явным, что породило и ныне популярную песню The Wind of Change. Слушая её, только невежественный человек не поймёт, что в ней воспевается слом «тоталитарного режима».

Интересны наблюдения над тем, какими терминами обозначалась человеческая личность в сфере общественных наук и юриспруденции. В тоталитарную эпоху были в ходу термины, которые терминами в прямом смысле этого слова и назвать нельзя. Ведь нормативным признаком термина является его эмотивная нейтральность и узнаваемость всеми специалистами в отрасли науки, какой бы лингвокультуре они ни принадлежали. Таких «псевдотерминов» была масса. Они передавали стёртые размытые понятия, которые допускали вольное толкование. В разряд терминов перешли многие слова, относящие человека к группе, политической ориентации. Примерами являются слова *меньшевик, троцкист* и под. Многим использованным в качестве терминов словам было отказано в правильном толковании, иногда толкование было невозможно в принципе. К примеру, широко употребляемое в описании судебных дел слово «припешник» изначально означало «пекарь» и происходило от слова *припеть* (*испечь*), затем расширилось до понятия «слуга, помощник» а в тоталитарную эпоху сузилось до «пособник, помощник в дурном деле». Слово «подкулачник» вообще невозможно было подвергнуть словарному определению. Антигуманизм режима проявлялся и в том, что репрессивное воздействие на человека обозначалось словами, изначально применяемыми к неодушевлённым предметам. Это такие слова, как *разгрузка, очистка, зачистка*. В итоге такое словоупотребление привело к проникновению этой идеи в англо-саксонскую культуру, что мы наблюдаем в названии так называемой «профессии» в бандитском мире – «чистильщик», а фраза «Подчисти за нами» – очередное тому подтверждение. В качестве универсального обозначения человека стало употребляться неодушевлённое существительное «элемент». Кстати, нелишне упомянуть, что и современный «человеческий ресурс», проникший в российскую лингвокультуру из англо-американской, и «офисный планктон» являются

не менее оскорбительными.

Любой «новояз», в нашем понимании язык времени или тренда, чувствует себя недостаточно уверенно, зыбко на лингвокультурной почве и поэтому стремится к тому, чтобы не быть очень понятным, отчётливым. Яркой приметой новояза является аббревиация. Уже прошло время *Моссельпрома* и *управдома*, но настало время заимствования англо-американских порождений: акронимов и символизмов смс-переписки (*TGIFT – Thanks God, it's Friday today, LOL – Lots of love, XXX – Hugs and Kisses*) и аббревиатур техник и технологий (*sms, GPRS* и под.). Стало типичным и предикативное использование аббревиатур, например, *пиариться*, и нехарактерное адвербиальное использование имени, например, *to write nicespeak*.

Лингвокультурным проникновением в российский социум, который в момент перехода от тоталитарного режима с удовольствием и облегчением отреагировал на западное воздействие, стали элементы англо-американской корпоративной лексики. Характерной чертой явления, которое иронически называется носителями языка *the tyranny of nicespeak* (в нашей версии – тирания любезностей – М.М.), является предписывание речевых стандартов, нивелирующих референтную соотнесённость. За пеленой общих этикетных фраз трудно распознать то, о чём фактически идёт речь. Согласно этим речевым стандартам либо выражается эмпатия, простая вежливость по отношению к основному «элементу» общества потребления, клиенту, либо бюрократизируется документооборот и публичный дискурс в целом.

Постиндустриальное общество диктует свои законы. Прибавочная стоимость всё менее соотносится с реальным качеством продукта или услуги; по большей части прибыль корпорации соотносится с впечатлением или «брендингом». Лингвокультура «брендинга», с помощью которой компании выигрывают битву в конкурентной борьбе, возникла благодаря существенному влиянию на общество таких её адептов и создателей, как очень авторитетные в англо-американском мире бизнес-консультанты и теоретики маркетинга и менеджмента Дейл Карнеги, Стивен Коуи, Том Питерс и другие. Указанные авторы превратили язык в элемент бренда, когда каждая компания демонстрирует свою надёжность, конкурентоспособность и тому подобные качества в основном с помощью выработанного её спичрайтерами речевых клише.

Произошло ненасильственное восстание «белых воротничков», и эта революция привела к

изменению сознания целых пластов населения, затронув даже свободомыслящую в прошлом и свободную от бюрократизмов университетскую среду. Были введены корпоративно-торгово-дистрибьюторские канцеляризмы типа *mission (statement), vision, quality assurance, предоставление образовательных услуг, эффективный контракт* и под. Кстати, *эффективный контракт* вызывает неизбежное недоумение в университетских кругах, так как до сих пор невозможно выявить существенные различия между прежним Трудовым договором и нынешним Эффективным контрактом, где так и не прописаны параметры, традиционно указываемые в Эффективном контракте, порождении англо-американской реальности. Проникновение англо-американской лингвокультуры отмечается и в таких речевых клише, как *Хорошего дня, Доброй ночи, Мы работаем на вас*, и в обращении к россиянину любого возраста по имени, и в обозначении популярных профессий.

Вслед за политкорректностью, которая является порождением политики мультикультурализма, тирания любезностей начинает восприниматься как определённая точка напряжения в западном, в частности, в американском обществе. Даже на государственном уровне была подмечена опасность злоупотребления завуалированной речью. В 2010 году президент США подписал The Plain Writing Act (Н. R. 946), согласно которому все новые или существенно пересмотренные бумаги, предназначенные для публичного документооборота, должны быть составлены на простом (plain) английском языке и отражать фактическое, а

не завуалированное канцеляризмами и клишированной любезностью, состояние дел.

На наш взгляд, это именно то, что могла бы позаимствовать российская лингвокультура, где засилье бюрократизмов столь явственно в последние десятилетия. Как видим, в современном мире, который всё быстрее лишается границ и подвергается глобализации, «локальные» и «региональные», как принято говорить в последнее время (опять же в результате заимствования), лингвокультуры всё более подвергаются воздействию доминантных. Задача культурных носителей языка, таким образом, – отслеживать, анализировать и по возможности минимизировать избыточное вмешательство англо-американской лингвокультуры ради сохранения чистоты собственной лингвокультуры.

Список литературы

1. Малащенко, М. В. Взаимопроникновение лингвокультур vs культурное заимствование / М. В. Малащенко // Когнитивная парадигма языкового сознания в современной лингвистике: Материалы междунар. науч. конф. 13–14 октября 2011 года. – Майкоп, 2011. – С. 119.
2. Малащенко, М. В. Имя в парадигмах лингвопрагматики: Монография / М. В. Малащенко. – Ростов-на-Дону. – 312 с.
3. Эпштейн, М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 20.
4. Cameron, D. The Tyranny of Nicespeak / Deborah Cameron // New Statesman. – 2001. – Vol. 130. – 25 p.

М. М. Манатина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

PECULIARITIES OF SPANISH IN LATIN AMERICA

Испанский язык латиноамериканских стран функционирует как совокупность различных национальных вариантов. В данной статье рассмотрены проблемы становления и особенности функционирования испанского языка в странах Латинской Америки.

Spanish in Latin America represents synergy of its different national versions. This article describes the problems of formation and the peculiarities of the Spanish language in Latin America.

Ключевые слова: *испанский язык, диалект, субстрат, туземные языки, национальный вариант.*

Key words: *Spanish, dialect, substrate, native languages, national version.*

Испанский язык, зародившийся в средневековом королевстве Кастилия, относится к романской группе (иберо-романская подгруппа) индоевропейской семьи и является одним из самых распространенных романских языков. Число говорящих на испанском языке в мире – более 400 млн. человек, и только 10% испаноговорящих проживает в самой Испании.

Испанский язык – язык, на котором говорит большинство жителей Испании, включая каталонцев, басков и галисийцев (которые обычно двуязычны). Испанским языком пользуются также в Мексике и во всей Центральной и Южной Америке, за исключением Бразилии, Гвiany и Суринама. Испанский является официальным языком экваториальной Гвинеи, на нем говорят также в Западной Сахаре и Марокко. Кроме того, на испанском языке говорит часть населения Филиппин и США. Распространенный в восточном Средиземноморье ладинский или сефардский язык представляет собой не что иное, как архаичный испанский [2].

Когда Колумб достиг Америки в 1492 году, испанский, как таковой, был уже консолидирован на полуострове: объединение Кастилии и Арагона при правлении католических монархов также включает в себя слияние различных романских диалектов полуострова. Такое объединение было сделано по наиболее распространенному варианту и величайшей литературной традиции – кастильскому диалекту, который с этого момента становится общим языком испанцев. Появление в этом же году первой грамматики кастильского языка (*Gramática Castellana*) Антонио де Небрихи заложило твердую основу современного литературного испанского языка.

В январе 1492 года пал последний оплот мусульманского сопротивления – Гранада, что означало конец Реконкисты, длившейся почти восемь веков, и вместе с тем завершение сложного процесса укрепления материальной базы испанской монархии. Начинается завоевание и колонизация «Нового Света» испанскими конкистадорами и распространение испанского языка.

Заокеанская экспансия Испании была той точкой отсчета, которая расширила границы

романского мира и способствовала появлению американских разновидностей испанской речи, оформление которых приобрело относительно четкие контуры два столетия спустя после распространения в Америке испанского языка. Собственно испанский язык метрополии взаимодействует с латиноамериканскими вариантами языка в рамках единой функциональной парадигмы. Развивающийся как письменно-литературный язык в разных этнокультурных коммуникативных общностях, испанский язык становится непосредственным полем для кросс-культурных контактов и взаимодействий двух цивилизаций – европейской и американской. Совокупность исторических, социальных и культурных факторов составляет социокультурную парадигму испано-американских и испано-европейской коммуникативных общностей [4. С. 59].

Прибыв на американский континент, испанцы столкнулись с огромным количеством местных языков; Рафаэль Лапеса насчитывает до 170 семей индейских языков. Самыми развитыми в культурном плане племенами были майя, инки, ацтеки, гуарани, арауканы и некоторые другие. При рассмотрении процесса формирования испанского языка на американском континенте необходимо учитывать, что завоеватели Нового Света были выходцами из разных испанских провинций, а не только из Андалусии, как принято считать. Исходя из этого, лингвисты придерживаются различных точек зрения. Противники так называемого «андалусизма», в том числе Педро Энрикес Уренья, полагают, что развитие испанского языка на территории Америки шло параллельно его развитию в самой Испании [8].

Напротив, сторонники «андалусизма», среди которых Лапеса, проведя более тщательные исследования, утверждают, что андалузский диалект сыграл решающую роль в формировании испанского языка Латинской Америки. В первые годы колонизации 60% завоевателей, прибывших на американский континент в период с 1493 по 1508 гг., были андалузского происхождения, а в период с 1508 по 1518 гг. две трети женщин, приехавших в Америку,

были из Севильи. Кроме того, колонизаторы из других провинций, перед тем как отправиться за океан, некоторое время жили в Севилье и в Кадисе – городах, являвшихся в XVI и XVII веках центрами всей испанской торговли и отношений с другими странами [9. С. 563-570].

Бертиль Мальмберг, Педро Энрикес Уренья [8] и Х.П. Рона [10] выделяют несколько лингвистических зон на американском континенте в зависимости от географических, исторических и социальных условий развития. Согласно классификации Мальмберга [7. С. 129-164], необходимо рассматривать два основных типа языковых зон, которые, в свою очередь, могут подразделяться на регионы.

1. Зоны, в которых экономическое и культурное развитие местных племен оставалось на очень низком уровне.

Зона Карибского бассейна. Черты испанской речи здесь близки тем, что характеризуют андалузский диалект испанского языка, но они также переплетаются с элементами йоруба – языка африканцев, привезенных сюда для работы на рудниках. Кубинские негры продолжали говорить на своем родном языке.

Колумбия. Колумбия стала важнейшим культурным центром эпохи колонизации, эту страну даже называли «Южноамериканскими Афинами». Языковой нормой здесь признавалась исконно испанская норма, а черты, заимствованные из индейских языков, считались присущими представителям низшей социальной категории.

2. Зоны, в которых индейские племена были многочисленными и играли важную роль в социальной жизни страны.

Парагвай. В этом регионе индейская кровь являлась признаком знатности, родовитости; тем не менее, индейское население смешалось с европейцами. В итоге народ Парагвая стал говорить на двух языках – испанском и гуарани (языке местного населения). Испанский язык с индейским произношением стал лингвистической нормой страны.

Чили. Хотя культура этого региона отличалась от прочих и уступала им в развитии, его колонизация проходила очень тяжело в силу высокого уровня самосознания местного народа и сильного сопротивления, которое они оказали завоевателям. Современный средний класс Чили состоит в основном из метисов, которые продолжают говорить на разговорном языке простых иммигрантов, прибывших на эти земли.

Перу и Боливия. Местное население Перу и Боливии было очень многочисленным и высоко-

коразвитым, вследствие чего продолжало говорить на своем исконном языке. Внутри этого региона можно выделить две зоны, имеющие особые характерные черты:

а) Лима, столица Перу, где языковая норма максимально близка к кастильской норме испанского языка. Индейские говоры и так называемый вульгарный испанский свидетельствуют о принадлежности к низшему слою населения и не влияют на общепринятую норму языка.

б) Перуанские Анды, где сохраняется язык кечуа, в том числе в учебных заведениях и в церкви. Испанский язык, заимствовавший многочисленные элементы местного языка, считается иностранным.

Мексика. Сначала испанский язык в Мексике имел примерно тот же статус, что и в Парагвае, но его развитие здесь пошло иным путем, поскольку эта страна является наиболее развитой из всех и открытой для зарубежных контактов. Местное население многочисленно и глубоко чтит свои традиции, заложенные двумя великими местными культурами – ацтеками и майя, и столь высокое их развитие способствовало смешению коренного населения с иммигрантами. Мексика была одной из важнейших территорий Испании в колониальную эпоху. Образованные мексиканцы усвоили испанский язык благодаря Правительству, Церкви, работе учебных заведений. Поскольку контакты между Мексикой и метрополией были продолжительными и проходили без затруднений, то здесь сохранилась исконно испанская норма языка, хотя произношение приближено к нормам, характерным для индейских языков. Что касается лексики, то, например, среди топонимов и антропонимов прижилось множество слов, заимствованных из одного из индейских языков – науатль (náhuatl): Tlaltelolco, Quetzalcóatl и др.

Аргентина. Развитие испанского языка в этом регионе, включающем также и Уругвай, в силу особенностей состава населения было несколько иным, нежели в других испаноязычных странах. Коренное население Аргентины было бедным и поэтому деления на социальные слои как такового не существовало. В XIX веке поэты и писатели были вынуждены покинуть родину, и когда к власти пришел диктатор Хуан Мануэль де Росас, языковой нормой была признана народная речь, включающая яркие черты языка гаучо и ставшая своеобразным символом нации. Кроме того, нельзя забывать и о влиянии языков европейских им-

мигрантов (итальянцев, французов, португальцев и др.) в основном представителей низших социальных слоев.

Национальный вариант испанского языка Аргентины отличается обилием вульгаризмов, причем случаи их употребления не единичны как в других странах, а повсеместны, даже в литературе. Аргентина – единственная страна, где *voseo* является языковой нормой.

Важно отметить, что испанский язык, обслуживающий культуру нескольких наций, согласно Г.В. Степанову, не имеет единого стандарта. Национальная языковая норма собственно Испании не является в настоящее время единственной нормой для всех стран, говорящих на испанском языке. По мнению некоторых исследователей, нельзя сравнивать отдельные разновидности языка на основе некоего наднационального стандарта. У американской разновидности испанского языка за четыре с лишним столетия сложилась своя история, в странах Латинской Америки возникла своя языковая традиция, своя языковая политика, свое эстетическое понимание норм общенародной речи. Латиноамериканская разновидность испанского языка, в силу целого ряда обстоятельств, культурного, исторического, политического и географического порядка, сама превратилась в особую норму (исторически – в норму второго порядка), которая находит свое отражение в устной речи образованных латиноамериканцев и в литературе латиноамериканских стран [5. С. 8].

Итак, испанский язык латиноамериканского континента обслуживает представителей различных стран и культур, вполне естественно, имеет ряд характерных особенностей на фонетическом, морфосинтаксическом и лексико-семантическом уровнях.

Фонетические особенности

Наиболее типичными фонетическими явлениями в области согласных являются следующие:

Seseo: замена межзубного звука [θ] на [s]. Дифференциация этих звуков характерна для Испании, где различается *caza* [kaθa] – охота и *casa* [kasa] – дом. В испанском языке Латинской Америки /z/, /c/ перед гласными e/i и /s/ не дифференцируются, произносятся как звук [s]: [se-resa] вместо *cereza* (черешня), [Saragosa] вместо *Zaragoza* (Саpaгoca), [sona] вместо *zona* (зона) и т.д. *Seseo* характерно также для центральной части Андалусии и Канарских островов.

Yeísmo: произношение звука /l/ и полугласного /y/ как [y], а в Аргентине – как [ž]. В соот-

ветствии с этим слово *cabello* (волос) произносится в большинстве испаноговорящих стран – как [kabeyo], в Аргентине – как [kabežo]. Такое явление как *yeísmo* распространено и в самой Испании.

Придыхание фонемы /s/ в конце слога и в конце слова произносится как звук [h]: например, вместо *después* – [dehpueh]; *castaña* [cahta-ña]; *las casas* – [lah_casah] и т.д. Это наблюдается также в южных областях Испании.

Часто опускается конечное /r/: *hablar* (hablá); взаимная путаница звуков /l/ и /r/: *algo* (argo), *puerta* (puelta).

Из менее типичных явлений, имеющих то или иное распространение не только в латиноамериканских странах, но и в самой Испании, отмечается упрощение некоторых групп согласных: *ct > t*: *indireto* вместо *indirecto*; *ct > it*: *perfeito* вместо *perfecto*; *cc > c*: *transación* вместо *transacción* и др.

Выпадение /d/ в интервокальной позиции и в конце слова: *estao* вместо *estado*; *cansao* вместо *cansado*; *abogao* вместо *abogado*; *uste* вместо *usted* и т.д.

Следует отметить, что произношение латиноамериканской речи более мягкое, мелодичное, в отличие от энергичного и напряженного кастильского, т.е. нормативного испанского произношения; ритм речи в Латинской Америке более медленный и вялый [3. С. 43-44].

Морфосинтаксические особенности

Своеобразие латиноамериканской речи проявляется как в морфологии, так и в синтаксисе. Типичными явлениями в области грамматики являются следующие.

Voseo: использование местоимения *vos* (2 л. мн. ч.) вместо *tú* (2 л. ед. ч.). Этот архаизм полуострова сохранился в Аргентине, Парагвае и Уругвае. С местоименной формой *vos* употребляются соответствующие глагольные формы множественного числа, однако выпадение гласной *i* обуславливает отсутствие дифтонга и появление ударной гласной: *vos hablás*, *vos comés*, *vos vivís*. В возвратных глаголах форма *vos* используется с возвратным местоимением *te*: *vos te levántas*, *vos te ponés*, *vos te dormís*. Вместо 2 лица множественного числа *vosotros* используется *ustedes*.

Обращает на себя внимание тот факт, согласно Н. М. Фирсовой, что весьма часто в эмоциональной речи интеллигенции при адресации к детям наблюдается переход с форм *tú* или *vos* на *usted* (с соответствующей заменой глагольных форм). При этом местоименные формы обычно опускаются.

При выражении особой нежности и ласки к маленьким детям в речи очень часто используется форма 3-го лица повелительного наклонения, коррелирующая как известно с *usted*:

Venga acá, mi pollito; Siéntese aquí, mi amorcito; Páseme la cucharra, mi corazoncito; Cuénteme, mi alhajita.

Эта же форма звучит при раздражении, гневе или когда детям отдается какое-либо приказание:

– ¡Salga a abrir la puerta! ¡Cállese, niño!
¡Vaya a ver, quien viene! ¡Váyase comiendo!
¡Duérmase!

В этих случаях смена форм способствует изменению регистра коммуникации [5. С. 80-81].

Для многих стран Латинской Америки характерно отсутствие Pretérito Perfecto Compuesto. В то время как в Испании дифференцируются: *Hoy he comido. Ayer comí*. В латиноамериканском варианте в обоих случаях используется Pretérito Perfecto Simple (завершенное прошедшее время): *Hoy comí. Ayer comí*.

Использование глагольной формы на *-ra* Imperfecto de Subjuntivo в значении Pluscuamperfecto de Indicativo: *Cuando volví a casa, todos ya se marcharan* (вместо *se habían marchado*).

В некоторых выражениях латиноамериканцы предпочитают множественное число: *¿Qué horas son?* вместо *¿Qué hora es?*; *Hace tiempos que...* вместо *Hace tiempo que...*

Вместо форм Futuro Simple часто употребляется аналитическая конструкция *ir a + Infinitivo*: *voy a comprar este libro* вместо *compraré este libro*; *vamos a ir al cine* вместо *iremos al cine*.

Лексико-семантические особенности

Лексический корпус каждого варианта испанского языка представляет собой совокупность общеиспанских слов и устойчивых оборотов, составляющих подавляющее большинство словарного запаса любой испаноговорящей нации. Однако существуют и большие различия в значении лексических единиц. Так, например, испанское слово *coche* (автомобиль) в Центральной Америке имеет синоним *carro*, в Аргентине – *auto*; *autobús* (автобус) – в Аргентине *colectivo*, в Мексике – *camión*, в Боливии и Перу – *autocar*, в Уругвае – *ómnibus*, на Кубе – *guagua*; *ordenador* (компьютер), в странах Латинской Америки – *computadora*, или даже *computador*, от английского *computer*.

Лексическое своеобразие латиноамериканских национальных вариантов создается главным образом благодаря трём процессам:

– включению в словарь индихенизмов, т.е. слов и выражений, заимствованных из ин-

дейских языков. Например, *guagua* (из кечуа – *wáwa*) -грудной ребенок (Чили) и т.д. (Не путать с кубинским словом *guagua* - автобус). Такую же роль в испанском языке Кубы и некоторых других стран играют африканизмы, заимствования из африканских наречий. Например, *congo* (старинный танец), *mandunga* (дьявол, злой дух), *bilongo* (колдовство) и т.п.

– переосмыслению исконно испанских слов. Так, например, *pava* в Колумбии не только «индейка», но и «хитрец»; *piña* (шишка; ананас) было преобразовано в Мексике в «магазин пистолета»; *bodega* (винный склад) означает на Кубе «лавка»; *tumbar* (валить; косить) стало означать «рубить», «резать тростник»; *vega* (долина) – «табачная плантация» и т.д.

– созданию новых слов по испанским словообразовательным моделям из собственно испанских аффиксов или основ индейского или африканского происхождения. Из собственно испанских формантов образовались такие слова, как *bachero* (от *bacha* – рытвина, канава) – дорожный рабочий; *alfabetizador* (от *alfabetizar* – обучать грамоте) – учитель-доброволец в период борьбы с неграмотностью; *coquera* (от *coco* из аймара – кокосовая пальма и орех) – продавец кокосовых орехов и т.д.

Наибольшие расхождения между лексикой национальных вариантов наблюдаются на диалектных уровнях, наименьшие – на уровне письменной литературной нормы [1. С. 72-73].

Таким образом, в заключение можно сделать вывод, что испанский язык стран Латинской Америки с национальными вариантами на столь обширной территории и с лингвистическими субстратами настолько разными имеет свои индивидуальные особенности и представляет интерес для дальнейшего изучения. Однако, несмотря на существенные различия, испанский язык все же остается единым языком, сохранению которого способствуют такие культурные институты, как Испанская Королевская Академия (RAE), Ассоциация Академий (ASALE) и Институт Сервантеса.

Список литературы

1. Виноградов, В. С. Лексикология испанского языка / В. С. Виноградов. – М. : Высшая школа, 2003. – 246 с.
2. Испанский язык. – URL : www.krugosvet.ru
3. Мамонтов С.П. Испанский язык. Историко-лингвистический очерк. / С. П. Мамонтов. – М., 1966. – 45 с.

4. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова. – М.: Издательство ИКАР, 1997.

5. Степанов, Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки / Г. В. Степанов – М., 1963. – 201 с.

6. Фирсова, Н. М. Испанский речевой этикет / Н. М. Фирсова. – М., 2001. – 183 с.

7. Malmberg, Bertil. La América hispanohablante. Unidad y diferenciación del castellano / B. Malmberg. Ed. Istmo. – Madrid, 1970, (Traduc-

ción: Javier López Facal y Kristina Lindström). – 317 p.

8. Henríquez Ureña, Pedro. Observaciones sobre el español de América / P. Henríquez Ureña // Revista de Filología Española. – 1921, 8. – p. 357-390.

9. Lapesa, Rafael. Historia de la lengua española / R. Lapesa. – Gredos, 9ª ed., Madrid, 1981. – p. 649

10. Rona, José Pedro: El problema de la división del español americano en zonas dialectales / J. P. Rona. – PFLE, I. – Madrid, 1964. – p. 215–226.

М. Ф. Масгутова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ «ДРУЖБА» В КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

THE CONCEPTUAL NOTION “FREUNDSCHAFT” IN THE COMMUNICATIVE PARADIGM (BY THE EXAMPLE OF THE GERMAN LANGUAGE)

Данная статья посвящена рассмотрению языковых особенностей концептуального представления «дружба» в номинативной системе немецкого языка. Исследуемое концептуальное представление характеризуется разноуровневыми средствами языковой объективации в немецком языке.

The article is dedicated to the research of the language peculiarities of the conceptual notion “Freundschaft” in the nominative system of the German language. This conceptual notion is represented by various lexical units such as derivatives, synonyms, terms, predicative forms.

Ключевые слова: концептуальное представление, лексема, лексический репрезентант.

Keywords: conceptual notion, lexical unit, lexical representative.

Дружба – важная составляющая жизни каждого представителя лингвосообщества. Концептуальное представление «дружба» имеет достаточно широкий репертуар разноуровневых средств языковой объективации в немецком языке. Анализ лексических репрезентантов концептуального представления «дружба» в немецком языке позволяет выявить лингвокультурные аспекты его интерпретации.

Материалом анализа стали синонимические ряды с доминантой «дружба», дериваты лексемы «дружба», сочетания с компонентом, име-

ющим отношение к исследуемому материалу.

Лексический пласт рассматриваемого концептуального представления содержит единицы, связанные синонимическими отношениями. Согласно нашей картотеке лексикографических данных, лексема “Freund” входит в большой синонимический ряд. Все синонимы занимают разное положение в номинативном поле рассматриваемых понятий “Freund” и “Freundschaft”. Концептуальное представление «дружба» включает как составляющую понятие «друг».

Синонимический ряд с доминантой «дружба» можно распределить на микрогруппы, согласно основному значению, по разным основаниям. Центральным компонентом в нем является ядерный член, занимающий центрированное положение, в семантике которого основной признак стал определяющим и неотъемлемым. Периферийные члены, занимающие соответственно периферийное положение

в номинативном поле понятий “Freund” и “Freundschaft”, содержат вторичные, маркированные значения. Результаты анализа синонимического ряда лексемы «Freund» в немецком языке представлены в таблице ниже:

Говоря о структурных особенностях немецкого языка, отметим, что немецкий язык отличается наличием развитого композитообразования: в его словарном составе и в речи на-

Таблица 1.

Синонимический ряд лексемы “Freund”

Положение в номинативном поле	«Друг-товарищ»	«Друг-советник»	«Друг-член семьи»	«Друг-сторонник»
Центрированное положение	Kamerad	Berater	Familienangehörige	Gefolge
Периферийное положение	Anhänger, Begleiter, Begleitperson, Busenfreund, Beteiligter, Betreuer, Mitschule, Landesmann, Gefährte, Geleit, Geschäftspartner, Gesell, Kollege, Jugendfreund, Genosse, Kommilitone, Mitkämpfer, Parteifreund, Spezi, Getreuer, Spielfreund, Vaterfigur, Vertrauter zweites Ich, Garant, Bekannter, Landsmann, Mitschüler, Reisebegleiter, Schulfreund, Schulkamerad, Wegbegleiter, Weggefährte.	Anreger, Assistent, Befreier, Beistand, Berater, Bundesgenosse Consultant, Erlöser, Erretter, Faktorum, Förderer, Gehilfe, Gönner, Helfer, Hilfskraft, Kumpan, Bewacher, Bewachung, Verbündeter, Sympathisant.	Bruder, Ehepartner, Ehegatte, Kind, Kommilitone, Geliebter, Gespiele, Herzenbrüder, Intimus, Liebster, Liebling, Liebhaber, Schatz, Hausfreund, Verhältnis, Vertrauter, Gespiele.	Gefolgsmann, Mitsreiter, Auserwählter, Bundesgenosse, Fan, Gesinnungs-genosse, Gesinnungs-freund.

Дериваты лексемы «друг» в немецком языке:

1. Существительные: Freundschaft, Freundlichkeit, Freundchen, Freundin, Freundschafter;
2. Прилагательные: freundlich, freundschaftlich, befreundet, freundlos;
3. Глаголы: befreunden, anfreunden.

блюдается количественное и качественное изобилие номинативных единиц, образованных путем сложения двух или более корней, основ, грамматически оформленных слов, то есть сложных слов или композитов. К характерным особенностям композитов немецкого языка ученые относят их высокую частотность, разнообразный морфологический состав, разнообразие структурных моделей и семантических отношений внутри них и др.

Богатые возможности немецкого композитообразования в полной мере проявляются в словообразовательной зоне лексемы «**друг/Freund**». Лексема широко реализует свою способность выступать в качестве компонента сложного слова. В нашей картотеке представлены 2 предикативных употребления, 9 адъективных употребления и 91 субстативное употребление.

Ряд композитов возник в результате сложения основ, корней или слов без помощи какого-либо соединительного элемента и могут быть обозначены полносложными: Freundgespräch, freundgesinnt, freundselig, Freundstück, Freundwillig, Freundherberg, Freundhold, Freundlächelnd, freundsam, Freundrecht, Freundlein и др.

Другую часть употреблений с элементом лексемы «друг/Freund» составляют неполносложные композиты, сращения и сдвиги. К неполносложным, представляющим собой соединения посредством элемента “-s-”, относятся такие лексемы, как freundesarm, Freundesbach, Freundesblick, Freundesbrust, Freundesbündnis, Freundesdienst, Freundesgabe, Freundesgeberde, Freundeshand, Freundeshilfe, Freundeskreis, Freundeslachen, Freundesland, Freundespflicht, Freundesruf, Freundesstück, Freundesumgang, Freundeswohnung.

Компонент “**Freund**” входит в состав многочисленных сложных существительных с пространственным определителем и/или опорным словом: freundbrüderlich, freunddienstlich, Freundeleben, Freundlichsein, Freundvetterlich.

Сложные слова, представленные в картотеке, характеризуются исключительно подчинительной связью. Исследуемый компонент функционирует в качестве ономаσιологического базиса или признака: Parteifreund, Ex-Freund, Schulfreund, Jugendfreund, Duzfreund, Menschenfreund, Studienfreund, Tierfreund, Kunstfreund, Fußballfreund, Duz-Freund, Künstlerfreund, Sportsfreund, Naturfreund, Kanzlerfreund, Exfreund, Männerfreund, Michael Freund, Busenfreund, Geschäftsfreund,

Volksfreund, Kinderfreund, Schröder-Freund, Hundefreund, Gartenfreund, Hausfreund, Sportfreund, Malerfreund, Musikfreund, Ex-Freund, CDU-Parteifreund, Bush-Freund, Steffen Freund, Stedefreund, Brieffreund, Katzenfreund, Theaterfreund, Opernfreund, Weinfreund, Kanzler-Freund, Gutfreund, Jazzfreund, CSU-Parteifreund, Jagdfreund, Ex-Parteifreund, Literaturfreund, Blumenfreund, Bierfreund, Kindheitsfreund, Vogelfreund, Karnevalsfreund, Verein der Freunde, Freunde und Feinde, Festigung der Freundschaft, Brücke der Freundschaft.

Единица «дружба/Freundschaft» в качестве компонента сложного слова использована 4 адъективными сочетаниями и 34 субстативными выражениями. Среди них необходимо выделить:

– полносложные композиты без соединительного компонента: freundschaftpflegend, freundschafthaltend;

– неполносложные композиты с соединительным компонентом:

Freundschaftsausdruck,	Freundschaftsband,
Freundschaftsbeweis,	Freundschaftsblick,
Freundschaftsbezeugung,	Freundschaftsflamme,
Freundschaftsbund,	Freundschaftsbündis,
Freundschaftsdienst,	Freundschaftsdrang,
Freundschaftsweisung,	Freundschaftsfest,
Freundschaftsgabe,	Freundschaftsglut,
Freundschaftshand,	Freundschaftskus,
Freundschaftsleistung,	Freundschaftslied,
Freundschaftsmahl,	Freundschaftspfand,
Freundschaftspflicht,	Freundschaftsprobe,
Freundschaftsschluss,	Freundschaftssiegel,
Freundschaftssohne,	Freundschaftsstörer,
Freundschaftsstück,	Freundschaftsverhältnis,
Freundschaftsversicherung,	Freundschaftsvoll,
Freundschaftswink,	Freundschaftszeichen,
Freundschaftszoll.	

В немецком языке выделяются такие адъективные выражения, как dick, gut, fest, falsch, eng, wahr, gemeinsam, fein, gutherzig, ehrlich, echt, langwierig, offen, hilfsbereit, dauerhaft, innig, treu, ergeben, sicher, verlässlich, aufrichtig, offenherzig, dankbar, geduldig, tolerant, unentbehrlich, vertrauenswürdig, bewährt, intim, klug, liebe, teuer, vertraut, wohlmeinend, berechnend, laue, schlecht, treulos, undankbar, verräterisch, alt, persönlich, einflussreich [1. S. 189].

Все адъективные сочетания можно разделить на несколько категорий, согласно тем функциям и признакам, которые они имеют по отношению к понятию «друг»:

Признак времени и продолжительности отношений: dauerhaft, langwierig, alt, langlebig,

zahlreich, gleichaltrigen, damals, ehemals, lebenslang;

Личностные качества друга: gutherzig, ehrlich, langwierig, offen, hilfsbereit, treu, ergeben, sicher, verlässlich, aufrichtig, offenherzig, dankbar, geduldig, tolerant, bewährt, unentbehrlich, vertrauenswürdig, klug, wohlmeinend;

• **Степень близости отношения:** intim, eng, unzertrennlich, dick, vertraut, innig;

Личная оценка отношений с другом: echt, wahr, unentbehrlich, fest, vertrauenswürdig, best, teuer, gut, persönlich, liebe, sicher, ungewöhnlich, unverbrüchlich;

• **Негативная оценка:** falsch, schlecht, undankbar, treulos, berechnend, verräterisch.

Особого внимания заслуживает функционирование сочетаемости понятий «дружба» и «друг» в составе предикатов. Все варианты предикатов имеют стилистическую или оценочную маркированность и выполняют определенную функцию, согласно своему значению.

Глаголы в сочетании с лексемами “Freundschaft” и “Freund” в немецком языке, согласно национальному корпусу немецкого языка, насчитывающему 17000 речевых отрезков с лексемой “Freund” и 8000 с лексемой “Freundschaft”:

• **Глаголы, указывающие на возникновение дружбы** – schließen, wiederaufleben, beginnen, stiften, anknüpfen, gewinnen, anbieten, bauen, aufbauen, entstehen, erwerben;

• **Глаголы, указывающие на разрыв дружеских отношений** – aufkündigen, abbrechen, zerbrechen, verlieren;

• **Глаголы, указывающие на развитие дружеских отношений** – erhalten, unterhalten, pflegen, befestigen, treffen, bekräftigen, einrenken, vertiefen, entwickeln, aufwärmen, hegen, bekunden, bewahren.

Как видно из примеров, лексемы «дружба» и «друг» отличаются широкой предикативной сочетаемостью, в каждом случае приобретая разные оттенки значений.

Следующим языковым явлением, на котором мы хотели бы заострить внимание, говоря о номинативной системе английского и немецкого языков, являются фразеологические единицы. Согласно результатам анализа словарей идиом в немецком языке, нами были выявлены фразеологические единицы с предметным, процессуальным и призначным значением, в которых вербализуется исследуемое концептуальное представление «дружба».

В немецком языке лексема “Freundschaft” и ее дериваты образуют следующие фразеологические единицы:

С предметным значением:

unter **Freunden** – среди друзей;

Freund und Feind – и друг и недруг;

Freund Hein – смерть;

mein lieber **Freund** und Kupferstecher – мой любезный друг;

ein **Freund** auf Leben und Tod – друг на всю жизнь.

С процессуальным значением:

in aller **Freundschaft** etwas raten – говорить откровенно с кем-либо, говорить что-либо по дружбе;

die **Freundschaft** kündigen – разорвать дружеские отношения;

die **Freundschaft** schließen – подружиться;

mit jdm. in **Freundschaft** leben – жить в мире и согласии;

die **Freundlichkeit** besitzen – обходиться с кем-либо вежливо, дружить;

einen grossen **Freundeskreis** haben/besitzen – иметь большой круг друзей;

die **Freundeshand** reichen – предложить дружбу;

Freunde fürs Leben sein – быть закадычным другом;

wieder gut **Freund** werden – помириться;

bei/von **Freund** und Feind geachtet sein – быть под пристальным надзором;

mit jm./miteinander auf **freundschaftlichem** Fuss stehen – иметь дружеские, доверительные отношения с кем-либо;

die Bande der **Freundschaft** knüpfen – состоять в большом кругу друзей.

С призначным значением:

ganz spezieller **Freund** – самый близкий, закадычный друг;

dicke **Freunde** – закадычные друзья.

Таким образом, анализ номинативной системы немецкого языка показал, что лексема “Freund” характеризуется разнообразной семантической структурой, обширными синтагматическими и парадигматическими связями на уровне семантики и словообразования. Результаты исследования позволяют заключить, что концептуальное представление «дружба» является сложным структурно-смысловым и лексически вербализованным образованием.

Список литературы

1. Duden Deutsches Wörterbuch. – Mannheim / Wien / Zürich : Dudenverlag, 1989. – 1816 s.

Т. М. Матвеева

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**МЕТАФОРА КАК ОДИН ИЗ АНАЛОГОВО-КОГНИТИВНЫХ
МЕХАНИЗМОВ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д
ЕГУСТАТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)¹****THE METAPHOR AS ONE OF THE ANALOGOUS
AND COGNITIVE MECHANISMS OF THE LINGUISTIC CREATIVITY
(IN THE MATERIAL OF THE GERMANY LANGUAGE)**

Рассматривается специфика представления профессионального знания специалистом. В центре внимания находится специальный язык профессиональных дегустаторов, выявляются механизмы представления неявного знания.

The article is devoted to the peculiarities of categorization and conceptualization of a professional wine taster. The author deals with the linguistic creativity.

Ключевые слова: профессиональный дегустатор, профессиональная когнитивная и коммуникация, лингвокреативная деятельность.

Keywords: the professional wine taster, the professional cognition and communication, the linguistic creativity.

¹ (Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00455, проект «Аналогово-когнитивные процессы лингвокреативной деятельности личности»)

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется постоянным поиском новых решений центральных проблем организации языка и его функционирования в контексте постоянно пополняющихся знаний о его ментальной основе, о языке как когнитивной способности, о специфике человеческого мозга и познавательных процессов, об отличительных особенностях языковой картины мира и языкового сознания.

Для настоящего исследования интерес представляют особенности профессиональной когнитивной и коммуникации дегустаторов.

Дегустатор оценивает качество вина на вкус, а также с помощью обоняния и зрения. Он должен обладать хорошей органолептической чувствительностью, сенсорной памятью, профессиональными знаниями технолога-винодела, соответствующей физической и моральной подготовкой, высоким уровнем лингвистической компетентности.

Рассмотрим когнитивные механизмы обработки профессиональной информации дегустатором. Наибольший интерес для нас представляет вербализация перцептивного знания дегустатором-профессионалом, которое мы квалифицировали как неявное знание. Под по-

следним понимается вид знания, которое не может быть легко передано другим участникам коммуникации, полностью или частично не поддается экспликации. Явное и неявное знание – категориальная оппозиция, часто встречающаяся в научных трудах по философии науки.

Явное знание выражается вербально и в логически эксплицируемых формах, имеющих, как правило, объективный, нейтральный характер. Иными словами, явное знание не отражает особенностей субъективного восприятия. Это информация, которая воспринимается и осознается одинаково всеми субъектами, знакомыми с конвенциональными условиями ее образования и преобразования. Средствами трансляции явного знания являются стандартные и воспроизводимые каналы информации: печатные издания, таблицы, диаграммы, компьютерные программы и т. п. В отличие от явного, неявное знание не может быть полностью вербализовано, не допускает полной экстернизации и может быть неосознанным. Неявное знание используется человеком не только в практике повседневной жизни, где оно выступает в виде навыков, умений, профессиональных автоматизмов, но и в научно-исследова-

тельской деятельности. Неявное знание имеет личностный характер, зависит от эмоций, страстей, предпочтений субъекта [2. С. 25–52].

В своих ранних работах мы высказывали мысль о том, что перцептивная информация представляет собой нежесткую систему со слабыми связями [3, 4]. Непосредственность и конкретность восприятия, по-видимому, отличают перцептивную информацию от результатов рационального отражения мира. Перцепция характеризуется, во-первых, слабой категоризованностью, что проявляется в том, что в основе вербализации данного вида знания непонятные и неизвестные закономерности, т.е. такие представления, которые не отнесены нашим сознанием к той или иной категории, и выступают как нераспознанные. Человек описывает множество ощущений, совершая одни и те же когнитивные операции, такие как номинация по образцу, аналогия и т.п. Следовательно, информация об исследуемом фрагменте действительности реконструируется путем сравнения с освоенным ранее знанием. Человек, характеризуя запах объекта, постоянно делает отсылку к предшествующему опыту, то есть осмысление новой действительности происходит за счет обращения к уже освоенному ранее, к уподоблению категории опорного знания.

Одной из функций, которую знание может выполнять, является роль опоры в процессе осмысления новых впечатлений. Общеизвестно, что воспринимаемая новая информация интегрируется с ранее известными фактами. Для осмысления и передачи впечатления от окружающего мира, то есть нового знания, человеку необходимо сравнить его с чем-то хорошо известным, опереться на уже освоенное. Такое знание В.Б. Гольдберг называет «опорным». Опорное знание – это как бы «намеки» на известную информацию, которая помогает осмыслить нечто новое [1. С. 151–173].

В качестве опорного привлекаются разные типы коллективного знания: универсальное, культурно обусловленное или более узкое – социально ограниченное, известное какой-либо социальной группе. Реже в качестве опорного знания привлекается индивидуальное знание. Таким образом, опорное знание представляет собой знание об окружающем мире, освоенное данной культурой, или субъективное знание, имеющееся у отдельного индивида.

Представляется, что процесс активизации фрагмента фонового знания проходит несколько стадий: 1) выбор точки отсчета; 2) формирование когнитивной опоры.

На первой стадии продуцент, а вслед за ним и реципиент, соотносят новое знание с когнитивной точкой референции (точкой отсчета), то есть осуществляется поиск ориентира, на фоне которого предполагается осмыслить новый объект познания.

Материал исследования позволил представить концептосферы (совокупность взаимосвязанных концептов), наиболее значимые для профессиональных дегустаторов в качестве точек опоры. В основе метафоры лежит операция сравнения, а результатом является нахождение аналогий между предметами и явлениями. Другими словами происходит освоение новой действительности в рамках существующего опыта, как языкового, так и внеязыкового. Отражение в языке образного переосмысления действительности осуществляется и развивается как процесс тесного взаимодействия языка и чувственно-конкретного мышления, причем определяющей в этом единстве выступает когнитивная операция установления ассоциативной связи двух образов, обладающих тождественными свойствами.

Наиболее многочисленной сферой метафорического представления профессионального знания выступает сфера «Человек». Вино персонифицируется, и продукту приписываются характеристики человеческого организма, ср.: *Merlot hat bei voller Reife einen wohl geformten Körper...* – *Зрелое «Мерло» обладает хорошо скроенным телом...* (Здесь и далее перевод наш –Т.М.) Для человека помимо физической жизни свойственна психическая. Человеческая психика проявляет себя в характере, темпераменте и эмоциях.

Вино может быть укомплектованным, уравновешенным или, наоборот, неуравновешенным (если одна из субстанций явно преобладает над другими). При минимальном количестве сложных эфиров и кислот вино считается нервным, при достаточном количестве – угловатым, а при их избытке – щедрым или благородным, ср.: *majestätische Weine (королевские вина), die Adel und Größe ausstrahlen (излучать благородство и величие)*. Вино, в котором слишком мало сложных эфиров и кислот, признается лишенным нервов. Там где есть тело, должна быть и душа; лишь тогда вино будет живым, ср.: *mit seinem harmonischen Charakter bietet der Bardolino ein unbeschwertes Trinkvergnügen...* – *Своим гармоничным характером «Бардолино» доставит бесспорно удовольствие...* У каждого вина есть не только свое тело, но и свой темперамент, сугубо индивидуальная харак-

теристика вина; от него зависит его ценность и «личные качества», на основании которых напиток относится к разряду вин превосходных или заурядных, породистых или обычных, ср.: *Guter Riesling strahlt Adel aus ... – Хоросиний «Рислинг» излучает благородство...*

В этнокультурном пространстве точками отсчета выступают образы ритуалов, мифологические образы, артефакты, освоенные определенной культурой, прецедентные имена, тексты, феномены. В качестве примера приведем наиболее яркие употребления:

«Frühburgunder „C“ 2008» zeigt seinen hochmittelalterlichen Charakter des Fürsten Parzivals ... – «Frühburgunder „C“ 2008» демонстрирует характер рыцаря Парсифаля... (прим.: главный герой рыцарского романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль», отправившийся на поиски Святого Грааля – Т. М.)

«Der Mineral» ist sehr barock und verspielt, wie eine Sonate von Bach. – «Der Mineral» очень причудливо и игриво, словно соната Баха (прим.: И.С. Бах – великий немецкий композитор – Т. М.).

В общественно-социальном пространстве ориентирами являются образы представителей возрастных, социальных слоев, участников социальных противостояний: *Deutzenhof Chardonnay ist für ältere Weingenießer mit Stil und Manier ... – Deutzenhof Chardonnay – вино для зрелых ценителей, обладающих стилем и манерами...*

Выделенные точки опоры или кванты знаний, привлекаемые в качестве ориентиров на первой стадии активизации фрагмента фонового знания, еще не показывают, как осмысливается объект познания окончательно. На второй стадии актуализированный квант фонового знания начинает выполнять функцию когнитивной опоры. Функционирование когнитивной опоры при вербализации перцептивного знания наталкивается на определенные трудности, что объясняется, по-видимому, малой вероятностью построения фреймовой категориальной структуры, так как объекты, входящие в состав признаков категорий, настолько многочисленны, что говорить о конечном числе не представляется возможным. Это под-

тверждает мысль о меньшей степени выделенности и актуальности перцептивных категорий в процессе познания по сравнению с рационально-логическими. Наиболее вероятной моделью функционирования когнитивной опоры при вербализации перцептивного знания, по нашему мнению, выступает аналогия как один из универсальных механизмов категоризации.

Таким образом, результатом первой стадии активизации фрагмента фонового знания, стоящего за репрезентирующей его языковой единицей, является выбор точки отсчета. Результат второй стадии – формирование и функционирование когнитивной опоры. Изучение когнитивных механизмов категоризации и концептуализации выступает перспективой дальнейшего развития плодотворной идеи современной парадигмы языкознания об ориентирующей функции языка.

Список литературы

1. Гольдберг, В. Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира / В. Б. Гольдберг // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев ; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008 – с. 151–173.
2. Касавин, И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И.Т. Касавин. – СПб.: РХГИ, 1998. – 408 с.
3. Матвеева, Т. М. Перцептивная категория вкуса: содержание и структура: монография / Т. М. Матвеева. – Челябинск: Изд-во Энциклопедия, 2012. – 180 с.
4. Матвеева, Т. М. Перцептивные категории в профессиональном познании: монография / Т. М. Матвеева. – Челябинск: Изд-во Энциклопедия, 2013. – 156 с.
5. Henn, C. 111 deutsche Weine, die man getrunken haben muss / C.Henn. – Goch: Emons, 2011, – 272 S.

Т. А. Мацура*Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
(Челябинск, Россия)***ТИПЫ ОШИБОК ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ В ВУЗЕ****TYPES OF MISTAKES OF FOREIGN STUDENTS IN THE PROCESS
OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE PROCESS
OF STUDYING AT HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

В статье приводятся типы ошибок, допускаемые иностранными студентами при межкультурной коммуникации на русском языке, предлагаются пути устранения ошибок

The paper considers mistakes, which are made by foreign students during the cross-cultural communication in Russian. The ways of error elimination are suggested.

Ключевые слова: *речевые ошибки, коммуникативно значимые ошибки, коммуникативно незначимые ошибки, интерференция, межъязыковая интерференция, транспозиция.*

Keywords: *faults of speech, communication significant mistakes, communication insignificant mistakes, interference, cross-language interference, transposition.*

Сегодня, ввиду сложившейся экономической и политической ситуации, большое количество внимания уделяется обучению иностранных граждан русскому языку. Обучение иностранцев осуществляется не только в высших и средних учебных заведениях страны, но и начинается уже практиковаться на уровне школ и детских садов. Люди приезжают в Россию по разным причинам: кто-то получить образование и уехать преподавать дальше в свое стране, кто-то приезжает работать, кто-то приезжает за русским мужем или женой, у кого-то свои личные мотивы. Так или иначе, попадая в другую страну, требуется знание языка, пусть даже минимальное. Для обучения русскому языку как иностранному существуют специальные курсы, которые предлагают изучения языка с самого начала, с так называемого, согласно «Государственному стандарту по русскому языку как иностранному» [3], элементарного уровня и заканчивая 4 сертификационным уровнем владения языком или уровнем носителя языка. На сегодняшний день в вузах нашей страны обучаются иностранные студенты практически из всех стран мира. Так, например, только в ЮУрГУ (НИУ) по данным за 2014-2015 учебный год образование на русском языке получали граждане более чем из 30 стран мира.

В настоящее время существует довольно значительное количество методик изучения иностранного языка. Большинство студентов начинают постигать все тонкости русского

языка на подготовительном отделении. Преподавание на таких факультетах строится по схеме начиная с элементарных элементов и постепенно переходя к более трудным. Таких программ существует несколько типов и, в основном, обучение на них рассчитано на один учебный год.

Начиная практиковаться в умении по любому предмету, неизбежно возникают погрешности в исполнении. Такая же ситуация наблюдается и изучение иностранного языка. Однако при обучении в классе куратор может своевременно исправить допущенную студентом ошибку, что, однако, практически невозможно при самостоятельном изучении языка. В то же время большое значение при общении студентов между собой на начальном этапе обучения приобретают чистота речи говорящего. В это случае значимыми являются количество ошибок, допускаемых при коммуникации, и качество ошибок. Это могут быть коммуникативно значимые или коммуникативно незначимые ошибки. Учет этих особенностей имеет особое значение при общении студентов из разных стран, например из Ирака и Китая, когда отсутствует язык посредник, например английский. На сегодняшний день существует большое количество исследований по данному вопросу. Научным разработками в данной области РКИ занимались Н. П. Канонькина, М. С. Соловейчик, Т. А. Ладыженская, Н. Е. Сулименко, М. Р. Львова, Н. А. Чистовская,

М. Т. Баранова и многие другие. Согласно специалистам в области русского языка, на сегодняшний день можно выделить несколько возможных причин возникновения ошибок в речи студентов-инофонов: «лингвистические причины, экстралингвистические причины, а точнее, неправильные методические действия, совокупность лингвометодических причин». В лингвистической и педагогической научной литературе все ошибки делятся на межъязыковые и на внутриязыковые [7].

Таким образом, можно выделить следующие типы ошибок:

- орфографическая ошибка – это ошибки в написании слов (буквенное, неверная постановка дефиса, слитное и раздельное написание)

По-якутсуи (по-якутски), мяцяца (месяца), често (честно), вернуюсь (вернусь), брют (блюд), нармально (нормально), новерное (наверное);

- пунктуационная ошибка – ошибки в расстановке в тексте знаков препинания

Я не знаю (,) как улучшить устную речь. Очень жаль, что у меня времени не хватает (:) два месяца остается.

- грамматическая ошибка – ошибки в образовании и употреблении формы слова, то есть сочетаемости в грамматических формах

Грамматические ошибки делятся на:

1. ошибки в образовании слова, форм слова

Он сейчас живу в якутске. Преподаватель, который преподаёт Ксению физик. Мне была весело.

2. ошибки в управлении – выбор неверной формы управляемого слова (существительного, местоимения), не соответствующей синтаксической норме

Спасибо за вас помощь. Спасибо вас помагите мне учиться русскому языку. Хорошая на-строение.

3. нарушение связи между подлежащим и сказуемым

Вы помогла мне. Моя громматика стало хорошо.

4. ошибки в построении предложений с причастными и деепричастными оборотами

Девочку догнали, пытавиуюся убежать.

5. ошибки в построении предложений с однородными членами

Каждый день я много читать говорить слушать и писать.

6. ошибки в построении сложных предложений

Но я знаю, я по русский очень плохо.

7. неверная передача косвенной речи

Она сказала о себе, что я устала и хочу отдохнуть.

8. неоправданная парцелляция

У вас ответственное отношение к студентам. (,) М(м)ы все вас обожаем вас. [2].

- речевая ошибка – употребление не соответствующих смыслу слов или формы слова.

Можно выделить следующие речевые ошибки:

1. которые возникают при незнании или непонимании значения слова и употребление его в неверном значении

Он обратно начал говорить.

2. плеоназм и тавтология

Для стран народной демократии характерна многопартийная система.

3. неверный выбор слова, что ведет к нарушению сочетаемости слов

Крепко люблю.

4. неверное употребление местоимений, вызывающее двусмысленность

Брат с другом ушел в поход. Он там простудился.

5. использование при общении диалектных или просторечных слов

Мы живем в одном общеге.

6. неправильное употребление видо-временных форм глагола

Поздно напишу вам [2].

стилистическая ошибка – это нарушения стилистической нормы и связаны с употреблением слов, грамматических форм и синтаксических конструкций без учета их стилистической окраски [1. С. 293]

Употребление в официальном стиле слова «общага», местоимения «ты» вместо «Вы».

- логическая ошибка – ошибки в построении текста. Наиболее распространенная ошибка – это отсутствие причинно-следственной связи

Мои родители живут в Ираке. Папа тренер футбольной команды. Хорошая погода на улице. Снова светит солнце.

- фактическая ошибка – это неправильная передача исходного содержания текста, нарушение правил деления текста на абзацы [5].

Также, согласно некоторым исследователям, все ошибки можно разделить на коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые ошибки. Появление коммуникативно значимых ошибок «приводит к нарушению смысла отдельно взятой фразы, диалогического единства, разговора в целом, а, следовательно, процесс коммуникации становится затруднительным или невозможным» [4. С. 80]. Это ошибки в согласовании и координации; нару-

шения в выборе формы слова или порядка расположения частей предложения и другие.

Коммуникативно незначимые ошибки «не влияют на процесс коммуникации, они являются нарушением тех или иных языковых норм». К ним относятся нарушения в области грамматики, фонетики, лексики; оговорки и опiski [4. С. 80].

Значение при анализе типов ошибок, имеют пути их возникновения. Одной из важных причин являются интерференции родного языка, то есть «взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им» [1. С. 87]. При интерференции основная причина появления ошибок – это несформированность навыка употребления какой-либо формы языка. На сегодня при обучении иностранному языку отмечены явления, которые связаны с использованием уже имеющегося лингвистического опыта, то есть применение родного языка в ходе освоения иностранного. В методике РКИ принято разделять положительный эффект от переноса подобного опыта, который называется транспозиция, и негативный эффект – межъязыковая интерференция [6. С. 83].

Вместе с тем, большое значение приобретает грамотно построенная система упражнений, направленная на устранение причин появления неточностей в речи иностранного студента. Так как большинство ошибок студенты допускают, когда самостоятельно строят речь, например, при ответе у доски или в межкультурной коммуникации, преподавателю в этом случае важно, по возможности максимально, отмечать те ошибки, которые совершает человек. Также важно понимать причины возникновения тех или иных оговорок. Для устранения той или иной причины на каждом этапе обучения разработаны целые комплексы разнообразных заданий. Цель учителя заключается в том, что бы выделить ошибку в речи обучаемого и целена-

правленно подобрать упражнения для устранения погрешности.

На основе вышесказанного, можно сказать, что сегодня оценке ошибок, допускаемых студентами-инофонами, по-прежнему придается большое значение для управления процессом обучения русскому языку как иностранному. Методика коррекции ошибок формируется на выполнении различных языковых упражнений, которые подбираются в зависимости от возникших трудностей.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Вятютнев, М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного / М. Н. Вятютнев. – М. : Русский язык, 1984.
3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Т. Е. Владимирова и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М. – СПб. : «Златоуст», 2001. – 28 с.
4. Жендаренко, Е. В. Типичные ошибки, выявленные при тестировании по русскому языку как иностранному / Е. В. Жендаренко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения культурологии. – 2013. – № 29. – С. 80-84.
5. Зимаков, Е. В. Виды ошибок / Е.В. Зимаков. – URL: http://zimakov.ucoz.ru/index/vid_oshibok/0-134.
6. Панова, Р. С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев / Р. С. Панова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 33 – 2009. – № 22 (160). – С. 83-86.
7. Стурикова, М. В. Классификация ошибок в речи инофона / М. В. Стурикова. – URL: <http://pedmir.ru/viewdoc.php?id=86552>.

О. В. Мерзликина*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
(Киев, Украина)***ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ИСПАНСКОЙ ИНВЕКТИВЫ****GENDER ASYMMETRY OF SPANISH INVECTIVE**

Статья посвящена анализу гендерных асимметрий испанской инвективы. В данной статье анализируются различные виды гендерных асимметрий, такие как, несовпадение смыслового объема, отсутствие одного из гендерных контрагентов, наличие гендерного контрагента при различной семантике инвективы в соответствии с гендерным адресатом, внутриязыковая асимметрия, основанная на словообразовательных особенностях испанского языка.

The article deals with the gender asymmetries of the Spanish invective. Are analysed the different types of gender asymmetries, such as, variation of the semantic content, the absence of one of the gender equivalent, the presence of gender equivalent with different semantic invective in accordance with the gender addressee, intralingual asymmetry based on the features of the Spanish word formation.

Ключевые слова: инвектива, гендерная асимметрия, гендерный стереотип.

Keywords: invective, gender asymmetry, gender stereotype.

Изучение роли языковых знаков в процессе формирования и передачи мировоззрения людей, их культурных ценностей является одной из актуальных проблем когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Исследование инвективы в данном случае представляется одним из интереснейших материалов, отражающим особенности национального мировосприятия, зафиксированного языковыми средствами.

В данной работе под инвективными лексическими единицами понимается «совокупность лексических средств конкретного языка (слов, лексико-синтаксических моделей и выражений), способных выступать в речи в инвективной функции, то есть в функции оскорбления, обиды, девалоризации личных качеств и стереотипов поведения собеседника или другого адресата инвективы, ситуации в целом и т.д.» [6. С. 6].

Следует отметить, что многие лексические единицы с инвективной семантикой «подверглись процессу дисемантизации и перешли в разговорный язык как обычные слова-паразиты или междометные выражения, которые воспринимаются как своего рода знаки проявления эмоционального состояния говорящего» [7. С. 116]. Так, например, нередко можно услышать «¡Mariconazo, cuánto tiempo!» или «gilipollas» в качестве приветствия [13. С. 8], а такие «женские» инвективы, как, например, «puta», «zorra» также встречаются в разгово-

ной практике в качестве маркера близости и доверия [13. С. 8]. В данной статье мы не будем рассматривать контекстуальную реализацию инвективной лексики, а рассмотрим только языковые особенности и типы гендерных асимметрий, встречающихся в испанской инвективе. Отбор инвективных лексических единиц проводился методом сплошной выборки из следующих источников: Carbonell Basset D. Gran diccionario de argot El Sohez [10], Celdrán P. Inventario general de insultos [11], Diccionario de la lengua española (DRAE) [12].

Язык отражает социальные и культурные ценности народа, категоризирует мир маскулинный и фемининный. В языке каждому из полов приписывается набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании [5. С. 67]. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «специфические коннотации неспецифических концептов – это источник знания о наивной картине мира, запечатленной в языке, помогающий открыть “стереотипы” языкового и более широкого культурного сознания» [1. С. 350]. Стереотипы определяют культурные ожидания: отклонение от стереотипа воспринимается как отклонение от нормы или стандарта, а все что не соответствует норме или стандарту может стать предметом инвективы. Важное значение в данном случае имеет также тот факт, что «разные фрагменты социального поведения мужчин и

женщин имеют неодинаковую общественную значимость, а чем более значимы сферы поведения, тем более они регламентированы, тем сильнее контроль за соблюдением стандартов» [2. С. 8]. По отношению к инвективе можно утверждать, что ее предметом становятся именно наиболее значимые и регламентированные сферы социального поведения, качества и атрибуты представителей полов.

Таким образом, в центре гендерных исследований находятся социальные и культурные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, к их поведению в соответствии с половой принадлежностью, стереотипные представления о мужских и женских качествах. Определяя культурные ожидания, гендерные стереотипы являются источником суждений и оценок. По мнению А. Ю. Позолотина, «инвективы в своей семантике отражают ценностные представления носителей языка, в центре которых находится человек со всеми возможными достоинствами и недостатками. Для семантики инвектив характерна направленность на пороки людей. Выделяются объективные недостатки, присущие человеку в силу особенностей его внутреннего мира и субъективные недостатки, такие как принадлежность к определенной социальной группе, полу, возрастной группе, нации или расе» [8. С. 223].

Гендерные стереотипы обычно изучаются с точки зрения маскулинности и фемининности, с точки зрения распределения социальных ролей – семейных и профессиональных – и с точки зрения специфики труда. Данные стереотипы представляют собой устойчивую структуру, связанную с определенной оценкой воспринимаемого гендерного явления, в нашем случае отрицательного, как основы для создания инвективного лексического инвентаря. Так, например, один из видов «гендерных стереотипов закрепляет семейные и профессиональные роли в соответствии с полом. Половые роли как существующие в обществе стереотипы полоролевого поведения бытуют в виде представлений и ожиданий, которым каждый человек должен соответствовать, чтобы быть понятым и принятым» [4]. Очевидно, что мужчинам и женщинам приписываются разные социальные роли. Маскулинность обычно связана с публичной сферой, с участием мужчины в общественной жизни, фемининность сводится к сфере приватной. О подчиненном статусе женщины в патриархальной культуре символизирует метафора зависимого, подчиненно-

го положения женщины в социуме, что находит свое выражение в гендерной асимметрии, представленной категориальными контрагентами *gobernante/gobernanta*, где *el gobernante* – *persona que dirige el país* и *la gobernanta* – *mujer muy mandona*, имплицитными различными аспекты социальной роли женщины: доминирование мужчин в обществе, недопущение женщины к власти и т.д. Следовательно, базовые гендерные категории маскулинности и фемининности являются метафорами, имеющими в своей основе социальный опыт человека. В гендерной метафоре каждому из полов приписывается набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании [9]. Тем не менее, в некоторых случаях существует определенная амбивалентность гендерных стереотипов, как, например, в случае с инвективами *maruja* и *maría (ama de casa de bajo nivel cultural)*: несмотря на то, что в соответствии с гендерными стереотипами, женщина должна посвятить себя дому и семье, вместе с тем чрезмерное увлечение семьей, отсутствие других интересов, низкий уровень образования также осуждается обществом, что находит свое выражение в данных инвективах.

Источником инвективы являются не только метафоры, но и типичные примеры, образцы маскулинности и фемининности. «Поскольку гендерные знания структурированы в форме полярных оппозиций, нетипичное женское воспринимается как типично мужское, а нетипичное мужское воспринимается как типично женское» [3. С. 188], что и служит основой для создания инвективы. Лингвистической иллюстрацией типичных примеров инвективы являются идиоматические характеристики одного пола через другой. Так, когда о женщине говорят *bigotuda*, а о мужчине *muñeco*, то констатируют, что ее или его внешность, поведение и т.д. не типичны для представителей данного пола.

Исследуя гендерную асимметрию испанской инвективной лексики, можно выделить, в первую очередь, несоответствие между родом инвективы и полом оскорбляемого, то есть случаи, когда имеет место языковая гендерная асимметрия. Существуют лексические единицы женского рода, применяемые по отношению к мужчинам в качестве инвективы (*rata* – *tacaño*; *baldragas* – *hombre flojo, sin energía*; *granuja* – *muchacho vagabundo, pillo*; *tontarra* – *estúpido, insustancial*; *calavera* – *hombre de muy escaso juicio y asiento*) и лексические единицы мужско-

го рода, являющиеся оскорбительными по отношению к женщинам (*pendejo, pendón – mujer cuyo comportamiento es considerado indecoroso, prostituta; callo – mujer muy fea, etc.*). Из приведенных выше примеров видно, что асимметрия в данном случае обусловлена системно-языковыми характеристиками, то есть отсутствием гендерного контрагента в мужском или женском роде в случае с *rata, baldragas, callo, calavera* или же морфологическими особенностями словообразования в случае с *tontarra*, где женский род инвективы обусловлен деривационными процессами в языке: рассматриваемая инвектива образована с помощью баскского суффикса *-arra* (*tontarra – ‘tonto’*).

Следующий вид гендерной асимметрии испанской инвективы характеризуется отсутствием одного из категориальных контрагентов, к которому можно отнести лексические единицы, являющиеся оскорбительными либо только по отношению к мужчинам, либо только по отношению к женщинам, когда «имеется категория с “мужской” референцией при отсутствии параллельной ей “женской” и наоборот» [3. С. 217]: *recoversa, pepona, pelandusca, etc.* только для женской инвективы и только для мужской: *carcamal, matón, gañán, cernícalo, tocino, etc.* В приведенных выше примерах имеет место отсутствие гендерного контрагента.

Несовпадение смыслового объема категориальных контрагентов довольно часто встречается в испанской инвективе. Так, инвективой для женщины являются следующие лексические единицы: *zorra, lagarta, fulana, loba, leona*, гендерные контрагенты которых не выступают в роли оскорблений по отношению к мужчинам. В свою очередь, *señorito, fino, chulo, moro, mocosito, miñeco, carnicero, judío* являются оскорбительными только для мужчин и не имеют гендерных инвективных контрагентов. Такие несовпадения, как правило, основываются на гендерных стереотипах. Так, например, *fulana (prostituta, ramera)* является женской инвективой, в то время как *fulano (para aludir a alguien cuyo nombre se ignora o no se quiere expresar)* является оскорбительным только лишь при упоминании мужчины, участвующим в диалоге с целью показать презрительное отношение к нему. Данная семантическая альтернатива имплицитно присутствовала в арабском слове *fulán (cualquier cosa o persona)*, от которого и происходит *fulano*. Очевидно, такое расхождение значения обусловлено крайне негативным отношением общества к женщинам легкого поведения, чье имя даже считалось невозмож-

ным произнести. В мужской инвективе *miñeco (mozuelo afeminado e insustancial, hombre de poco carácter)* имеет место демаскулинизация, имплицитный смысл которой основывается на гендерном стереотипе негативной оценочной характеристики нерешительного мужчины, не умеющего брать на себя ответственность или же уделяющего повышенное внимание к своей внешности, присущее женщинам и не являющееся характерным для мужчин.

Такое несовпадение может встречаться и в тех случаях, когда «мужское категориальное имя обозначает лиц определенной профессии или социального статуса, а женское – подчиненную, производную от мужской» [3. С. 220]. Эта разница, в основном, имеет пейоративную окраску при наименовании женщин. В гендерно маркированных агентивах *sargento – sargenta, verdulero – verdulera, gobernante – gobernanta* имена женского рода имеют уничижительный или оскорбительный характер, между тем, как имена мужского рода обозначают профессию. В рамки данного вида асимметрии также попадают следующие примеры: *sargento (militar del cuerpo de suboficiales) / sargenta (mujer corpulenta, hombruna, mujer autoritaria), verdulero (hombre que vende verduras) / verdulera (mujer que se mete donde no le importa, gritona, vulgar), gobernante (persona que dirige el país) / gobernanta (mujer muy mandona)*. Приведенные примеры достаточно показательно иллюстрируют коннотативную ценностную асимметрию, при которой только лексические единицы мужского рода являются приемлемыми для обоих родов, а функционирование имен женского рода ограничено инвективой.

Ценностная асимметрия подобного рода выражается в преобладании имен женского рода с пейоративным значением перед именами мужского рода, которые подверглись дивергенции – наименования мужского рода сохранило свое первоначальное значение, между тем как наименования женского рода во многих случаях обросло сексуальными коннотациями. Различия в оценках социального поведения полов встречаем в следующих примерах: *aventurero* означает *valiente*, в то время как *aventurera – prostituta, cualquier – un fulanita, persona indeterminada o imaginaria / cualquiera – prostituta, fulano – persona indeterminada o imaginaria / fulana – prostituta*. Данные асимметрии определяются, как уже упоминалось выше, разной общественной значимостью социального поведения мужчин и женщин, основанной на стереотипах.

Несовпадение смыслового объема также встречается и в тех случаях, когда инвектива может использоваться как по отношению к мужчинам, так и по отношению к женщинам, имея при этом разное значение. Такая асимметрия может возникать на основе переноса различных релевантных признаков денотата. При этом, такой перенос осуществляется, как правило, в соответствии с гендерными стереотипами определенного общества. Рассмотрим несколько примеров. В испанском языке имеется инвектива *conejo (dientes largos) / coneja (que pare mucho)*. Данная зооморфная инвектива создается на основе метафорического переноса релевантных качеств животного *conejo*. Однако релевантным качеством для основы создания «мужской» инвективы служит внешняя характеристика животного ‘*dientes largos*’, в свою очередь «женская» – *que pare mucho* – детерминирована ее физиологическими и социальными функциями в обществе. Инвектива *buscón* по отношению к мужчинам означает ‘*la manera de vivir sin trabajar, cometiendo pequeños robos, y trampeando con malicia y socaliña*’, тогда как ее гендерный контрагент *buscona* – ‘*ramera o mujer pública*’. Аналогичную асимметрию встречаем и в следующих случаях: *pendejo (cobarde o tonto) / pendeja (mujer de vida disoluta)*, *gamberro (holgazán) / gamberra (mujer desvergonzada, prostituta)*, *gorrón (que no paga nunca, que vive y se divierte a costa ajena) / gorróna (prostituta)*, *perro (vago) / perra (prostituta)*, *guarro (sucio) / guarra (prostituta)*, *golfo (holgazán) / golfa (prostituta)*.

Гендерная асимметрия испанской инвективы прослеживается также в некоторых случаях, когда лексические единицы обоих родов соответствуют одному и тому же дефекту по отношению к одному и тому же полу, например: *chochón/chochona – la mujer sucia y descuida, sargento/sargenta – la mujer autoritaria, zorrón/zorróna, putón/putona, penco/penca, percio/percia – la prostituta, soplapijos/soplapijas – tonto, maricón/maricona, mariposo/mariposa – el homosexual*. Если проанализировать, например, образование инвективы *penco/penca – mujer despreciable, de ninguna estima social, que ha caído demasiado bajo; puta vieja* (voz derivada del verbo ‘*pencar*’: *azotar el verdugo a un geo*), где женщина легкого поведения сравнивается с преступником, то становится очевидным, что в данном случае также имеет место гендерный стереотип социального поведения женщины, осуждаемого обществом, и что не является релевантным для стереотипа мужского поведения.

В испанской инвективе можно выделить еще один тип гендерной асимметрии. Речь идет о наличии гендерных контрагентов обоих родов, но в качестве инвективы, как правило, используется лексическая единица либо только мужского, либо только женского рода. Инвектива в данном случае приобретает разное значение в соответствии с тем, кому она адресована – мужчине или женщине. Различие значений мужской и женской инвективы демонстрируют следующие примеры: так, *loro* может быть инвективой по отношению к двум полам. По отношению к мужчинам данная инвектива означает ‘*hombre que habla sin entender lo que dice*’, тогда как по отношению к женщине приобретает значение ‘*mujer fea*’. Среди аналогичных примеров можем отметить: *pendón – hombre de vida disoluta* для мужчины и *prostituta* для женщины, *sota – persona distante y poco afable* для мужчины и *prostituta* для женщины. В приведенных выше примерах гендерная асимметрия также обязана существованию стереотипов в обществе. Так, инвектива *sota* происходит от латинского *subitus* – ‘*debajo*’, на основе чего и создается образная основа рассматриваемой инвективной лексемы. В приведенном примере обращает внимание тот факт, что такое «низкое» положение в обществе мужчины и женщины воспринимается социумом по-разному: для мужчины за данным стереотипом стоит идеал вежливого, коммуникабельного человека, который характеризует его как имеющего доминантное положение в профессиональной и социальной жизни, в то время как за «женской» инвективой скрывается стереотип женщины как верной жены. Однако такая асимметрия не является распространенной среди испанской инвективы.

Подводя итог нашему краткому анализу гендерной асимметрии испанской инвективы, следует отметить, что в последнее время под влиянием изменения социальной роли женщины в обществе, феминистских течений как в обществе, так и в языке, постепенно изменяется и сама инвективная лексика. Так, например, гендерный контрагент инвективы *verdulera* может употребляться и в мужском роде *verdulero* в значении ‘*persona basta y ordinaria*’, также исследователями языка отмечается использование женской инвективы *cabrona*, производного от *cabrón*, особенно часто встречающееся в языке молодежи. А такие «женские» инвективы, как *sargenta* и *gobernanta* теряют свою былую актуальность в связи с развитием и феминизацией общества, повышением роли женщины в нем.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания/ Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – С. 348–388.
2. Байбурин, А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения/ А. К. Байбурин // Этнические стереотипы поведения (под ред. Байбурина А. К.). – Ленинград, 1985. – С. 7–21.
3. Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дисс. ... докт. филол. наук/ Е. С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с.
4. Кабалеvская, А. И. Представления о гендерных стереотипах в современной социальной психологии/ А. И. Кабалеvская // Психологические исследования. – 2012. – № 2 (22). – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/657-kabalevskaya22.html>
5. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты/ А. В. Кирилина. – М., 1999. – 189 с.
6. Кулаков, А. Е. Лингвокультурный и коммуникативный аспекты инвективного лексического инвентаря (на материале территориальных вариантов французского языка Франции, Канады и Африки): автореф. дис. ... канд. филол. наук/ А. Е. Кулаков. – Саратов, 2011. – 23 с.
7. Мерзликина, О. В. Структурно-семантическая характеристика испанского молодежного жаргона/ О. В. Мерзликина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – Вып. 89. – 2014. – № 7. – С. 113–118.
8. Позолотин, А. Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен: На материале немецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук / А. Ю. Позолотин. – Волгоград, 2005. – 248 с.
9. Словарь гендерных терминов. – URL: <http://www.owl.ru/gender/024.htm>
10. Carbonell Basset, D. Gran diccionario de argot El Sohez/ D. Carbonell Basset – Barcelona, 2000. – 776 p.
11. Celdrán, P. Inventario general de insultos. – Madrid, 1995. – 311 p.
12. Diccionario de la lengua española (DRAE). – URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>
13. Santos Carretero C. Insultos y expresiones malsonantes en la clase de ELE/ C. Santos Carretero // redELE. Revista electrónica de didáctica del español lengua extranjera. – URL: http://www.todoele.net/teoriabib/Teoria_maint.asp?TeoriaPage=9&IdTeoria=953

А.А. Миронова

Челябинский государственный педагогический университет
(Челябинск, Россия)ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПИСЦА
В ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ЛЕТОПИСЯХ XIX ВЕКАTHE LINGUISTIC PERSON OF THE SCRIBE
IN PAROCHIAL CHRONICLES OF XIX CENTURY

В статье рассматривается языковая личность летописца на материале оригинальных текстов церковно-приходских летописей, созданных на Южном Урале в XIX веке. Анализируется, как в зависимости от автора свода варьируется тематика записей, их содержание, отбор лексических и стилистических средств, способ описания окружающего мира, оформление при стандартизированной, регламентированной структурно-тематической организации жанра летописи.

The article deals with the linguistic person of the chronicler on the material of the original texts of parish chronicles, created in the Southern Urals in XIX century. We analyze how, depending on the set of themes of the author varied records, their content, the selection of lexical and stylistic means, a way

of describing the world, with the design of a standardized, regulated the structural and thematic organization of the chronicles of the genre.

Ключевые слова: церковно-приходское летописание в России, языковая личность, объективное и субъективное в тексте

Keywords: Parochial chronicles in Russia, linguistic person, objective and subjective in the text.

Памятники письменности являются богатейшим источником для изучения языка. Введение в научный оборот новых источников позволяет расширить круг исследуемых текстов XIX в. Так, в 2009–2015 гг. были опубликованы две церковно-приходских летописи, созданных во второй половине XIX века: «Приходская летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Параскевиевской церкви Кундравинской станицы, заведенная в 1865 году до января 1876 года» и «Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода (1882 –1897). Одним из аспектов изучения провинциальных оригинальных текстов одной локальности выступает рассмотрение их не только с позиции анализа языковых средств, свойственных самостоятельному жанру церковно-приходской летописи, но и реконструкция речевого портрета отдельного человека в сопоставлении с типичными языковыми особенностями горнозаводской зоны Южного Урала и с речевым портретом другого писца. Вслед за Ю. Карауловым, мы глубоко убеждены, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [2. С. 27].

Именно летопись, в которой делались регулярные записи о происходящем вокруг, дает возможность проследить соотношение стандарта и «вольности», объективного и субъективного при описании событий в динамике и статике.

Записи делались в книге, в основном, одним почерком, поэтому летописный свод может быть объектом исследования как языковых особенностей отдельного человека, так и языковых черт данной территории.

Правила ведения летописей были утверждены программой «О церковно-приходских летописях», рекомендациями епископа Оренбургской епархии. Регламентировалось содержание и оформление текста. В любом случае, летопись должна была состоять из ретроспективной и повременной части. В конце года после подведения различных итогов следовала стандартная формула «Лѣтопись за ... годъ вели...» с указанием должности, фамилии,

имени члена причта, написанная каждым собственноручно и содержащая личную подпись.

Сравнение почерка в двух летописях говорит о хорошей профессиональной выучке, позволяет идентифицировать записи каждого писца, выявить особенности начерков, орфографических навыков, степени отражения местных языковых черт. При этом летописи составлялись по заданному формуляру. Какие-то фрагменты текста являются копией документов, журнальных статей. В отдельных фрагментах мы видим выражение оценки, мнения летописца.

Достаточно точно можно определить авторство текстов. Как отмечается в «Кундравинской летописи», «за событіями и явленіями въ приходѣ Кундравинскомъ, помѣщенными въ сей лѣтописи, съ 1865 года по 1-е Іюня 1874 года наблюдалъ и содержаніе лѣтописи излагалъ – Кундравинскаго прихода Параскевѣевской церкви, нынѣ переведенный ко Христорождественскому Собору въ городъ Челябинскъ, Священникъ Левъ Емельяновъ» [3. С. 178]. Хотя сравнение личной подписи Льва Емельянова в конце каждого года, данного сообщения с большей частью текста, позволяет с высокой долей уверенности утверждать, что все-таки сами сообщения в этот период фиксировались дяконом Афанасием Бурдуковым. Начерк Льва Емельянова характеризуется жирными начальными буквами в каждом слове с натеканием чернил, что отсутствует при ведении регулярных записей. После перевода священника в Челябинск летопись собственноручно вел Евгений Шмотин. Оба являлись просто писцами. В тексте летописи нет проверочных записей с их именами, как, например, в итоговой погодной формуле «скрѣпилъ», «провѣрилъ» Петр Сементовский.

В самой летописи есть данные об авторах, при этом все они были из семей священнослужителей. Сообщается, где они учились, чем отличились на поприще службы, чем и за что награждены. Так, «Священникъ» Левъ Васильевъ Емельяновъ, Оренбургской Епархіи, Карагайской станицы умершаго Священника Василіа Емельянова сынъ, 41 годъ... [3. С. 22]

обратил в христианскую веру много язычников (из чуваш, магометан).

Интересна фигура сына священника Михаила диакона Афанасия Бурдукова, которому в 1865 г. было 27 лет. Еще в 1857 г. он был уволен из епархиального ведомства в гражданское, а в 1861 г. снова принят в епархиальное ведомство. В феврале 1874 г. подал прошение о сложении сана, в 1875 г. после «безъ успѣшности увѣщаній» уволен из духовного звания с правом поступить на государственную службу раньше установленного законом шестилетнего срока. После этого он очень успешно занимался учительской деятельностью, о чем в летописи есть много записей.

«Кундравинская летопись» украшена изумительными рисунками, выполненными дяконом Афанасием Бурдуковым. Наличие великолепных рисунков делает текст летописи настоящим произведением искусства. Для дякона иллюстрации к записям на различные темы – это один из способов отражения собственного взгляда на мир: постройки, церковную жизнь, школу, природу, погоду, на которых он, как автор, ставит свою подпись. С его уходом из церкви в тексте летописи больше не используются рисунки.

Центром мира для писца и его паствы является приход. Именно это диктует способ подачи материала, тематический отбор записей, жанр, выбор лексики. Подробные описания жизни кундравинцев на протяжении нескольких лет позволяют судить о стиле и образе жизни людей в этот период, отражают модель мира. Перед нами по-новому раскрывается роль церкви и священника в станице. Священнослужители занимались просвещением, образованием, организацией досуга, формировали нравственные устои, следили за статистикой (демография, ценообразование, количество школ, учащихся и учащихся, торговля, болезни, эпидемии). Эмоционально и подробно описывается новая выборная система благочинного, способы зарабатывания церковью денег (выигрышные билеты, вклады под проценты, кружки для пожертвований), система начисления пенсии священникам, заработная плата учителей и учительниц. Автор достаточно эмоционально оценивает некоторые события, происходящие в приходе: ... *было приобрѣтено достойное по цѣнности и поводу къ приобрѣтенію вниманіѣ сребропозлащенное Евангеліе чеканной артистической работы* [3. С. 92]; ... *потолковали между собой, посудили-*

порядили и рукой было махнули... [3. С. 162]; *Пожаръ этотъ былъ при сильномъ вѣтрѣ и, къ счастью, вѣтеръ дулъ на озеро...* [3. С. 193].

Можно говорить о графических предпочтениях писца, вместо буквы «я» писец достаточно часто использует «z» (*обучалsz, Нозбѣра*), есть особенный начерк буквы «т», «ѣ» в основном употребляется в печатном варианте XIX в., встречается как написания с буквой «ферт», так и с «фитой» (*Феодор, каФедра – Февраль, Филиппъ*), вместо начального «И» может применяться «Н», по написанию ничем не отличающиеся друг от друга; автор четко разграничивает прописную и строчную буквы. Отсутствует «э» (*епидеѣя, экстракт*). Редко встречаются случаи отражения особенностей устной речи. Многие слова написаны слитно, порой в одно слово сливается до 5 единиц. Кроме этого, для первого писца характерны шрифтовые выделения (курсив, жирный, крупнее / мельче), красные строки и первые буквы, оформленные при помощи рисунков, что напоминает древние летописные своды.

Евгений Феодоров Шмотин, сын священника, 30 лет переведен в Кундравы в 1874 г. Последние записи в «Кундравинской летописи» сделаны уже его рукой. Со сменой летописца меняется не только оформление текста, но и способ подачи сообщений, выбор языковых средств, синтаксических конструкций.

«Летопись Оренбургской епархіи Троицкого уѣзда Миасского завода» в 3-х частях, или «Летопись Миасского завода...» велась священниками Петропавловской церкви, фиксировавшими важные события из жизни прихода и завода: открытие школ, типолитографии, фотографического салона, столовой для бедных, редкие астрономические явления, необычные роды, тематику бесед с прихожанами, религиозные споры с сектантами и др.

Записи велись с 1882 по 1897 гг., последняя страница третьей части оборвана, логически не завершена итогами года. В связи с отсутствием сведений о продолжении летописи, мы не можем утверждать до какого времени точно делались регулярные записи в приходе. На протяжении многих лет информацию в «Летописи Миасского завода...» записывали разные люди, при этом каждый раз при смене летописца непременно указывались фамилия, имя и отчество нового. Скорее всего, большую часть летописи вел священник Николай Сементовский. Текст написан крупным размашистым писарским почерком, на бумаге без водяных знаков. Для Николая Сементовского

характерно минимальное использование шрифтовых выделений.

Как и для летописных сводов Древней Руси, для церковно-приходских летописей существенным является свойство отражать состояние картины мира носителей языка, их этнического самосознания. Церковь в маленьких уральских приходах была единственным хранилищем документов, административно-информационным, культурным центром, местом коллективного общения, просвещения.

Повествовательный стиль изложения, предполагающий констатацию фактов, сопровождается оценками, попутными замечаниями типа: *Въ вечеръ 6 числа, при ясном небѣ, видимо было необыкновенное падение звѣздъ съ неба, смутившее простой народъ* (ноябрь 1886 г.), *фанатичная австрійка... голословно заявила*. Сухое перечисление тематики бесед священников с прихожанами открывает перед нами жизнь простых людей: много рассказывается о проблеме пьянства и связанных с этим реформах, пользе чая и вреде табака, о современной моде, отношениях мужа и жены и др.

Ценностная картина мира летописца формировалась до момента создания текста и определялась смысловыми доминантами *вечное – временное*.

Основными типами церковно-приходского летописного текста XIX века, как и древних летописных сводов, являются сообщение и повествование. Чаще используются функционально-смысловые подтипы речи: сообщение с элементами описания, сообщение с элементами повествования, повествование с элементами описания. Детализация (достоверность и объективность информации), конкретизация (темпоральные и локальные указатели), передача динамики события актуализируют ценностные ориентиры: переживание момента времени, сопереживание состоянию участников события, оценка этнического пространства. Параметры темпорально-локальных ситуаций характеризуют особенности структуры языковой личности летописцев. Актуализация в записях повествования (последовательность действий, целостность представления о событии, детализированность информации о событии, наличие оценки участников события или писца) и описания-характеристики (перечисление качеств предмета речи, элементы наглядности) отражают тенденцию к объективности в изложении фактов.

Повествованию о пожарах, о несчастных случаях свойственны информативность, со-

бытийность, оценочность. Варьирование признаков рационального и эмоционального отношения к предмету повествования приводит к усложнению жанрово-стилевых форм микротекстов: признаки рассказа, характеристики исторического лица, рассуждения о пороках, бедах и т.д. Так, повествование о награждении Малышева, о покушении на царя, о смерти царя, о кадровых изменениях дает представление об историческом лице.

Сообщения с элементами характеристики человека представлены в традиционных некрологах, например, некролог о смерти 29 октября 1896 г. Преосвященнейшего Николая, Епископа Оренбургского и Уральского [1. С. 295–298]. Используемый прием перечисления выражается в максимально полном обозначении качеств, свойств лица. Рассказывается о его жизни, учебе, семье, работе в разных странах и городах. Так, в Китае он принимал участие в переводах церковных книг на китайский язык, организовал хор певчих при миссии, изучал архивные материалы. В 1888 г. получил степень магистра богословия. В Оренбург был назначен в 1895 г. Подробно описывается обычный день преосвященного, потом его болезнь – ... *окончить свой земной подвигъ на 48 году жизни ... Первая архіерейская могила въ Оренбургѣ!* [1. С. 298]. Последняя фраза, выделенная курсивом, выражает личное отношение к произошедшему писца. Такая детализированная информация в некрологе основывается на желании летописца описать характер известного человека, вызвать чувство личного горя, переживания от утраты.

Повествование о миссионерских беседах с раскольниками представляет собой увлекательный подробный рассказ о встречах, спорах. В записи от 1 октября 1874 г. подробно рассказывается о *последнемъ актѣ трагическаго происшествія, бывшаго въ пос. Устиновкомъ на 1-е Юля...* – нападении бешеного волка в доме казака Домнина и Кривошекова на людей – *всѣ укушенные померли ... Никто изъ покойныхъ разумно не лечился* [3. С. 282–283]. В этих записях прослеживается желание вовлечь читателя, сделать его причастным, похристиански сочувствующим и более опытным – эти записи не только фиксируют факты, но и выстраивают их в систему координат.

Функционально-смысловые типы речи в тексте летописей представляют собой разновидности микротекстов с фактообразующей и событийной семантикой. Одним из самых показательных языковых средств, отражающих картину мира летописца, является подбор лек-

сики, самих слов, имеющих стилистическую маркированность. Одну и ту же мысль можно изложить совершенно по-разному, не выходя за рамки составления записи в летописном своде, что каждый летописец и использует по-своему.

«Летопись Миасского завода...» рассматривает и описывает почти все события разных семантических кругов в соотношении их с заводом, его присутствием в жизни прихожан, его требованиями. Миасский завод – средоточие и двигатель жизни уезда, его посещают самые видные лица губернии и даже государства, он снабжает жителей средствами, а церковь – возможностями. Благодаря заводу, общий культурный уровень населения продолжает поступательно повышаться, что сказывается и на организации для населения мероприятий (открытие школ, библиотек, народных читален и др.).

«Кундравинская летопись», в свою очередь, отличается большим сосредоточением описываемого на религиозных событиях и вопросах.

Количество записей, соотносящихся по лексическому составу именно к группе слов религиозной семантики, оказывается тут на первом месте по сумме употреблений. Описывается все: крестные ходы, убранство церквей, состав причта, перемены состава, особенности служб, указы Духовной Консистории, предписания по форме одежды и возможности носить священно- и церковнослужителям наградные знаки, необыкновенные происшествия, случившиеся на территории церкви или с её отдельными объектами, как, например, падение колокольни: *Сегодня, въ исходе 2-^{го} часа по полудни произошло въ Кундравинскомъ приходе страшное, потрясшее до глубины души событіе, а имянно: во время пролома стень, на которыхъ держалась колокольня, пала она вся со всеми колоколами внутрь придельнаго храма, завалила придельный иконостасъ и повредила настоящий храмъ такъ, что невозможно отпирать никакихъ служб. Сторожа церковные и все рабочіе спаслись* [3. С. 122]. Редкие природные явления включаются в текст не так часто, как в «Летописи Миасского завода...», в виду того, что временной отрезок, охватываемый «Кундравинской летописью» несколько меньше, а местность, где находится приход, отличается ландшафтом: тут преобладают леса и степи, тогда как Петропавловская церковь высится среди холмов и гор: *погода ненастная, ведренная, жаркая, холодная.*

«Кундравинская летопись» в гораздо большей степени, нежели «Летопись Миасского завода...», ориентирована на религиозное отражение мира, событий в нем. Обе эти летописи велись в близлежащих приходах, однако, они серьезно отличаются соотношением жизни прихода, общества с религиозным началом.

В зависимости от личности писца применяется табличная или текстовая форма для статистических данных (реестр цен на продукты, движение народонаселения, церковных сумм, списки раскольников, табели экзаменов учащихся школ), рубрикация, выделения в текстах, игра шрифтов. В церковно-приходских летописях информация сочетается с выражением индивидуальных представлений о событиях, прямых оценок происходящего, участников, комментариев, пояснений. Мгновенное и вечность бытия, ретроспективное и настоящее время, ограниченное и бесконечное пространство соединяются и преломляются через личное отношение летописца. Временные и пространственные координаты определяются не столько церковью, сколько личностью священника, законами жизни «в заводе» или в казачьем приходе.

Наблюдения над языком записей, сделанных одним писцом, и сопоставление с записями других писцов в таком же жанре и той же местности, доказывают, что писцами были местные жители, в их записях достаточно явно отражаются местные языковые особенности, с другой стороны, письменная речь священников, не профессиональных писцов-канцеляристов, характеризуется определенной стабильностью фонетических, грамматических и лексических навыков.

Сам выбор языковых средств, лексики, преобладающих и типических конструкций демонстрирует живое отношение человека-писца к событиям в окружающем мире, вовлеченность и соотношение происходящего в большой исторический процесс.

Лексико-семантические средства обусловлены временем и сознательно продуманным их применением, которое передает авторское восприятие мира. Выбор способов описания обычных и необычных событий в религиозной и бытовой жизни прихожан зависит от языковой личности писца. Наличие или отсутствие проявления языковой личности летописца демонстрирует допустимость «вольностей» и характер выражения мнения пишущего.

Список литературы

1. Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897) : в 3 т. Т.3 // науч. ред. А. А. Миронова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009–2011.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ/URSS, 2007. – 262 с.

3. Церковная летопись Кундравинской Параскевиевской церкви (1865– 1875) / сост. А. А. Миронова, И. А. Чуносова ; науч. ред. А. А. Миронова. – Челябинск : Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2014. – 320 с.

Е. В. Михайлова

УО «Белорусская государственная академия музыки»
(Минск, Республика Беларусь)

**ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
А. А. БЛОКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
В ВОКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ СЮИТЕ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА**

**THE REFLECTION OF THE PECULIARITIES OF A. A. BLOCK'S
LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN HIS POEMS USED
IN D. D. SHOSTAKOVICH'S VOCAL-INSTRUMENTAL SUITE**

Статья посвящена отражению особенностей языковой картины мира А. А. Блока в стихотворениях, использованных в вокально-инструментальной сюите для сопрано, скрипки, виолончели и фортепиано Д. Д. Шостаковича. В выбранных Д. Д. Шостаковичем семи стихотворениях А. А. Блока выражены следующие особенности языковой картины мира поэта: реализация концептов «любовь», «тоска», «тревога», «музыка» и др.; воплощение различных по интенсивности эмоций и чувств и др. Проанализированное музыкально-поэтическое произведение демонстрирует тесную связь и взаимообогащение двух прекрасных искусств, а также способность одного из них выявлять скрытые возможности другого – так, благодаря изобразительным и выразительным средствам музыки в семи стихотворениях А. А. Блока ярко реализуются характерные черты идиостилия этого неповторимого русского поэта.

The paper is devoted to peculiarities of A. Block's lexicon reflecting the surrounding world in poems set to music by D. Shostakovich in his vocal-instrumental suite for soprano, violin, violoncello and piano. 7 verses of A. Block selected by the composer convey the following aspects of lingual-poetical pattern of the world: realization of the concepts of love, sorrow, disturbance, music; expression of emotions and sentiments varying in intensity, etc. The analyzed musical-poetical composition vividly demonstrates close relationship and intercomplementation of 2 fine arts, and the capacity of one part to reveal the implicit potential of the other: e. g. the depictive and expressive images of music make excellent background setting off characteristic idiosyncratic features of the unique Russian poet.

Ключевые слова: языковая картина мира, А. А. Блок, стихотворение, вокально-инструментальная сюита, Д. Д. Шостакович.

Keywords: lingual pattern of the world, A. Block, poem, vocal-instrumental suite, D. Shostakovich.

Языковая картина мира А. А. Блока сложна и своеобразна. События, происходящие в окружающем мире, нашли отражение в его

поэтических произведениях. Его поэзия имеет автобиографический характер: «Только о себе самом – его стихи. Свои недоумения, свои

страсти и пристрастия он облакает в ризы ясновидящей символики» [6. С. 235]. В его поэтическом языке имеются метафоры; метонимии, часто связанные с образом человека; сравнения; символы и т.д. Язык поэта отличается музыкальностью благодаря ассонансам и аллитерациям. Концептосфера А. А. Блока очень богата, в ней присутствуют как эмоциональные, так и художественные концепты и т.д. В его поэтических произведениях много слов из семантических полей 'музыка', 'эмоции', 'чувства' и др. В центре поэтического мира А. А. Блока – воплощение женского образа, сначала прекрасного, затем двойственного и временами страшного, а в конце его творческого пути соотносящегося с образом России, также претерпевающего изменения (В. М. Жирмунский писал о трансформации образа России в творчестве поэта: «Россия для него – возлюбленная, и, как меняются черты возлюбленной в его поэзии – от образа Прекрасной Дамы до образа Музы последних стихов, – так и ощущение Родины находит себе выражение в меняющихся символах романтической любви» [4. С. 301]). В связи с женским образом находятся следующие особенности художественного мира поэта: внимание к внутреннему миру человека, передача характерных черт символистской эстетики и поэтики, реализация общеславянских представлений о жизни и др. Всепроницающим, организующим образом поэтического мира А. А. Блока является образ музыки, выступающий и средством общения, и способом выражения мыслей, эмоций и чувств, и одной из ипостасей женского образа, и т.д.

Д. Д. Шостакович выбрал следующие стихотворения А. А. Блока для своей вокально-инструментальной сюиты: «Песня Офелии», «Гамаюн, птица вещая (Картина В. Васнецова)», «Мы были вместе...», «Город спит», «Буря», «Тайные знаки», «Музыка» [11].

Актуальность темы данной работы определяется отсутствием анализа музыкально-поэтического произведения – вокально-инструментальной сюиты Д. Д. Шостаковича на стихи А. А. Блока – с филологической точки зрения. Имеются только работы музыковедов о данном произведении (Н. Арутюновой, Т. Курышевой, Е. Мнацкановой и др.) – исследование в основном его музыкальной стороны. Цель настоящей статьи – комплексный филологический анализ текстов вокального цикла Д. Д. Шостаковича с позиции отражения в них особенностей языковой картины мира А. А. Блока. Для достижения данной цели необходи-

мо решить следующие задачи: исследовать содержание поэтических текстов, проанализировать их с концептуальной и лингвистической точек зрения.

Рассматриваемый вокальный цикл создавался в то время (1948–1968 гг.), когда «...развитие скрипичного стиля Шостаковича шло параллельно в трех областях – скрипичной, камерной и симфонической (квартеты № 4–11, вокальный цикл на стихи Блока, симфонии № 10–13)...» [10. С. 9]. Цикл был написан в 1967 г., в поздний период творчества композитора. Многогранность таланта Д. Д. Шостаковича проявилась в разных аспектах его вокально-инструментальной сюиты.

Отобранные Д. Д. Шостаковичем стихотворения А. А. Блока созвучны его музыке; и поэтическая, и музыкальная стороны цикла имеют оттенок трагизма: «Внутреннее *со-звучие*, сродство между поэзией и музыкой и создает неповторимую образно-эмоциональную атмосферу “Семи романсов” Блока–Шостаковича. Беспокойный дух, чуткая совесть, ощущение обреченности, связанное с тревожным ожиданием катастроф, окрашивают и поэзию Блока, и музыку Шостаковича трагическими тонами» [1. С. 77]. Н. Арутюнова условно выделяет в поэтической основе цикла несколько групп *сквозных поэтических мотивов* [1. С. 78]; образы *ночи, мглы* [1. С. 78]; «...многомерный образно-смысловой комплекс *огня*» [1. С. 78]; поэтические мотивы *отражений* [1. С. 78–79]; мотив *страдания и сострадания* [1. С. 79], объединяющих все поэтические тексты в единое целое. А. А. Блок и Д. Д. Шостакович «...связаны тесным внутренним единством при внешнем полном и резком различии. И первое, что роднит их обоих, связывая также с извечной традицией русской поэзии – глубина измерения образа, в основе которого всегда бьется и трепещет главенствующий “тон”, живой пульс, та тревога и беспокойство художника, без которых нет жизни искусства. Эта высокая тревога рождает высокую трагедийность образов Блока...» [7. С. 75]. Эти образы реализуются с большой силой эмоционального воздействия благодаря тому, что поэтическое слово, положенное на музыку, получает значительные возможности для передачи содержания: важнейшей чертой «...музыкального языка цикла является известная отвлеченность от жанровых содержательно-ассоциативных моделей. Отсутствие конкретных жанровых ассоциаций способствует тому, что смысл звучащего слова не уплощается, не сводится к единице значе-

ния, а, напротив, открывает свою многомерность, обнаруживает перспективу близких ему смыслов, просвечивающих сквозь это слово» [1. С. 80]. Семь романсов на стихи А. А. Блока «...объединены в краткое и строгое музыкальное повествование, тема которого – художник в своей связи с миром: с природой, городом, с людьми, со временем» [7. С. 69]. Рассмотрим содержательную сторону цикла, обратим особое внимание на позицию лирического героя.

В первом стихотворении цикла «Песня Офелии» [11. С. 3–4] воплощается тема вокальной музыки; песня грустна, потому что друг, который, разлучаясь с девой милой, клялся любить и хранить данную клятву, не вернется, возможно, его нет в живых. С помощью образа Офелии, которая почти «...во всех стихах появляется безумной...» [7. С. 71], реализуются следующие мотивы лирики А. А. Блока: «...тема раннего одиночества, ранней смерти, ранней неразделенной любви, трагизм одинокой гибели, одиночество чистой и возвышенной любви в равнодушном и преступном мире, любовь, связанная с ранней смертью» [7. С. 71]. Е. Мнацканова считает, что Офелия в цикле – «...самостоятельное выражение поэзии высокой и отвлеченной» [7. С. 78]. Второе стихотворение «Гамаюн, птица вещая (Картина В. Васнецова)» [11. С. 5–10] было создано под впечатлением картины В. М. Васнецова, на которой художник нарисовал Гамаюна – «...по древнерусским поверьям, сказочную птицу-вещунью с человеческим лицом» [9. С. 524]. Здесь вновь передается тема вокальной музыки, поскольку свои предзнаменования птица выражает в форме песни: «На гла_дях бес_ко_неч_ных вод, за_ка_том в пур_пур о_бле_чен_ных, о_на ве_ща_ет и по_ет, не в си_лах крыл под_нять смя_тен_ных...» [11. С. 5–6]. Атмосфера в данном стихотворении очень тревожная; Гамаюн пророчит грядущие беды: иго злых татар, ряд кровавых казней, землетрясение, голод, пожар и т.д. Гамаюн испытывает любовь к людям, однако не может не предсказывать правду. В третьем стихотворении цикла «Мы были вместе...» [11. С. 11–14], в музыкальную палитру цикла включается инструментальная музыка, имеющая связь с пением: скрипка не просто играет, она поет; так А. А. Блок передал красоту звучания инструмента и радость от общения с прекрасным женским образом. Эти звуки глубоко воздействуют на внутренний мир его лирического героя: «Сквозь ти_хо_е жур_чань_е струй, сквозь тай_ну жен_ствен_ной у_лыб_ки к ус_там про_сил_ся по_це_луй,

про_си_лись в серд_це зву_ки скрип_ки...» [11. С. 13–14]. Т. Курышева пишет о музыке данной части цикла: «Тягостное напряжение сменяется безмятежным покоем, растворением в счастье. Миниатюрная поэтическая зарисовка воплотилась в музыке как песнь любви, выразить которую слова бессильны, а способна лишь мелодия» [5. С. 220]. В четвертом стихотворении цикла Д. Д. Шостаковича «Город спит» [11. С. 15–17], воплощается тема тоски, уныния; реализуется не звуковая атмосфера, а, скорее, живописная: во мгле спит город, чуть мерцают фонари, а далеко за Невую видны отблески зари, и в этом отражении и отблесках огня (образах, очень важных для идиостиля А. А. Блока) лирический герой ощущает пробуждение тоскливых для него дней. Пятое стихотворение «Буря» [11. С. 18–32], выделяется на фоне всех остальных описанием ужасной ночи и стихийных явлений природы, значительных для поэтического мира А. А. Блока; многие из этих явлений имеют своеобразное музыкальное проявление (рев и бушевание злой бури, несущиеся тучи, льющий дождь, вой и бушевание ветра). Лирическому герою жаль тех, кто в такую ночь лишен крова, и он сам бросается в объятья сырого холода, чтобы разделить участь страдальцев (А. А. Блок взял в качестве эпиграфа к своему стихотворению «О, как безумно за окном...» слова Лира из трагедии В. Шекспира «Король Лир» «Вы, бедные, нагие несчастливцы» [Цит. по: 2. С. 58]). В шестом стихотворении вокального цикла Д. Д. Шостаковича «Тайные знаки» [11. С. 33–37], рассказ поэта в образной форме об особенностях своего художественного мира реализуется благодаря не слуховым, а зрительным ощущениям, окрашенным в тревожные тона: на непробудной стене разгораются тайные знаки: это золотые и красные маки, тяготеющие во сне над лирическим героем стихотворения. Сон для него – словно ночные пещеры; на заре голубые химеры отражаются в зеркале ярких небес. Он стремится укрыться в прошлом, закрывает глаза от страха; золотая девичья коса на листах холодеющей книги – это воспоминание о былом счастье, испытанном им. Во сне лирический герой видит свой предначертанный конец, впереди – война и пожар (такое видение соответствует предсказаниям Гамаюна). Последнее стихотворение «Музыка» [11. С. 38–47], создает кольцевую композицию цикла: он начался со стихотворения, названного песней, а заканчивается описанием музыки. Действие в нем происходит ночью, как и в стихот-

ворениях «Город спит» и «Буря», но это другая ночь: сначала должна уснуть тревога, а город – скрыться во мгле; только после этого можно ощутить музыку, которой у бога очень много. Лирический герой вновь обрел счастье, поэтому он способен услышать такую музыку; для него уже не страшна буря жизни, и человеческие слезы не волнуют его: «Что бу_ря жиз_ни, ес_ли ро_зы тво_и цве_тут мне и го_рят! Что че_ло_ве_че_ски_е сле_зы, ко_гда ру_мя_нит_ся за_кат!» [11. С. 41–42]. Образ владычицы вселенной – женский образ и одновременно образ музыки – полностью захватил лирического героя, всю свою страсть он отдает ему: «При_ми, вла_ды_чи_ца все_лен_ной, сквозь кровь, сквозь му_ки, сквозь гро_ба пос_лед_ней стра_сти ку_бок пен_ный от не_до_стой_но_го ра_ба» [11. С. 43–44].

В цикле представлена вся вселенная А. А. Блока: 1) Офелия – женский образ, страдающий от невозможности общения с милым для нее человеком, возможно, лирическим героем; 2) Гамаюн – сказочная птица, отчасти передающая позицию лирического героя (самого поэта); 3) женский образ и образ лирического героя, показанные вместе; 4) город – окружающий лирического героя мир; 5) ночь и буря – природная стихия; 6) тайные знаки – инобытие, другой «возможный» мир; 7) внутренний мир лирического героя и музыка. Не случайно, что многим стихотворениям цикла композитор сам дал названия («Буря» у Д. Д. Шостаковича – «О, как безумно за окном...» у А. А. Блока [2. С. 58–59]; «Тайные знаки» у Д. Д. Шостаковича – «Разгораются тайные знаки...» у А. А. Блока [2. С. 174]; «Музыка» у Д. Д. Шостаковича – «В ночь, когда уснет тревога...» у А. А. Блока [2. С. 43]), некоторые названия он сократил («Мы были вместе...» у Д. Д. Шостаковича – «Мы были вместе, помню я...» у А. А. Блока [2. С. 53]; «Город спит» у Д. Д. Шостаковича – «Город спит, окутан мглой...» у А. А. Блока [2. С. 58]), так он выделил самое важное в стихотворениях и сосредоточил на нем внимание слушателя.

Звуковая палитра рассмотренных стихотворений богата: песня Офелии; говорливый вал; песня Гамаюна; пение скрипки; тихое журчание струй; рев, бушевание бури; вой, бушевание ветра; музыка у бога, звуки на земле и др. В колористическом плане цикл не менее разнообразен: мгла, серебро, пурпур, кровь, мерцание фонарей, отблески зари, отблески огня, мрак, золотые и красные маки, голубые химеры, яркие небеса, золотая девичья коса, черный сон, цветение и го-

рение роз, румянящийся закат и др. Это помогло автору передать как жизненные ситуации, так и проявления «возможных» миров.

Концептосфера А. А. Блока реализуется в вокальном цикле следующим образом: представлены концепты «любовь», «правда», «город», «тоска», «буря», «ночь», «сон», «тревога», «музыка» и др. Наиболее широкую объективацию получили в данном музыкально-поэтическом произведении концепты «любовь», «тоска», «тревога», имеющие связь с проявлением эмоций и чувств – важнейшим средством передачи авторского отношения к описываемому факту, событию и т.д., а также концепт «музыка», являющийся организующим началом цикла. Это положение подтверждается тем, что в перечисленных произведениях чаще всего употребляются слова из следующих семантических полей: 'эмоции', 'чувства' (*сердитый, слеза, смятенный, злой, ужас, любовь, волноваться, улыбка, сердце, тоскливый, замирая, ужасна, жаль, сожаленье, страдалец, изнывая, страх, тревога, мука, страсть*); 'ночь' (*мгла, закат, ночь, спать, мерцать, фонарь, отблеск, заря, мрак, непробудный, сон, уснуть, ночной*); 'музыка' (*песня, петь, звучать, скрипка, звук, музыка*) и др. Самую масштабную реализацию имеют семантические поля 'эмоции', 'чувства'; при этом большая часть слов имеет отрицательную эмоциональную окраску, проявляющуюся с разной силой.

Эмоциональная картина цикла воплощается при помощи разнообразных по интенсивности состояний: грусть, радость, гнев, горе, смятение, злость, ужас, наслаждение, волнение, тоска, жалость, страдание, страх, тревога, мучение и др. Очевидно, что в рассмотренных поэтических текстах преобладают отрицательные эмоции.

В стилистическом плане в данных поэтических текстах употребляется лексика с пометой *книжное* (либо слова, имеющие одинаковый корень с теми, которые обладают такой характеристикой): *вещать* [8. С. 78], *объят* (*объять* [8. С. 442]); *высокое*: *игло* [8. С. 235], *лик* [8. С. 326], *вещий* [8. С. 78], *кров* [8. С. 307], *тяготеть* [8. С. 819], *предначертанный* (*предначертать* [8. С. 580]), *владычица* (*владычествовать* [8. С. 86]); *устаревшее*: *объят* (*объять* [8. С. 442]), *лик* [8. С. 326], *уста* [8. С. 840]. Наличие таких лексических единиц создает атмосферу торжественности, необычности, таинственности происходящего, и поэтому ощущение тревожности, что соответствует общему настроению музыкально-поэтического произведения.

В стихотворениях А. А. Блока, использованных Д. Д. Шостаковичем для музыкального произведения, имеются тропы: метафоры («Ночь вол_но_ва_лась, скрип_ка пе_ла...» [11. С. 11–12] и др.), метонимии («Пред_веч_ным у_жа_сом объ_ят, прек_рас_ный лик го_рит лю_бовь_ю...» [11. С. 8–9] и др.), эпитеты («У_кры_ва_юсь в ноч_ны_е пе_ще_ры и не пом_ню су_ро_вых чу_дес. На за_ре – го_лу_бы_е хи_ме_ры смот_рят в зер_ка_ле яр_ких не_бес» [11. С. 34–35] и др.) и др. Приведенные примеры демонстрируют чувство волнения, относящееся как к положительным, так и к отрицательным эмоциям.

Таким образом, Д. Д. Шостакович правильно и удачно выбрал для своей вокально-инструментальной сюиты для сопрано, скрипки, виолончели и фортепиано проанализированные стихотворения А. А. Блока. В них отражены следующие особенности языковой картины мира поэта: реализация концептов «любовь», «тоска», «тревога», «музыка» и др.; воплощение различных по интенсивности эмоций и чувств и др. Превалирует в цикле проявление чувства тревоги, что соответствует сущности его поэтического мира: по мнению Л. К. Долгополова, А. А. Блок «...обозначил своим именем один из самых драматических периодов русской истории, он отдал людям, России все, что имел, чем оарила его природа – свой поэтический гений, свою судьбу. И стал самым трагическим русским поэтом...» [3. С. 204].

Каждый романс рассмотренного цикла – «...что-то неизмеримо большее, чем музыкальная пьеса в привычном для нас жанре: стоит лишь погрузиться в мир этой музыки, и мы оказываемся в каких-то новых измерениях, постигая образы в новых, не совсем привычных для нас гранях» [7. С. 78]. Музыка и поэзия в данном цикле неотделимы друг от друга, семь стихотворений А. А. Блока в нем «...перестают быть разрозненными поэтическими миниатюрами. Их выбор и расположение обусловлены логикой авторской мысли, которая преобразует их, обнаруживает как бы второй план поэтического содержания, выявляемый музыкой. Единство драматургического развития, целостность музыкально-поэтической концепции опираются на многоплановые связи между романсами. ... Все это позволяет воспринимать блоковский цикл как своеобразную камерную лирико-драматическую симфонию...» [5. С. 228]. Помимо возможности более глубокого прочтения стихов А. А. Блока благодаря возможностям музыки, содружество музыки и поэзии

рождает новый жанр камерной музыки: «...это не “вокальный цикл” в обычном понимании слов, скорее это новый тип камерного вокально-инструментального ансамбля...» [7. С. 83]. Проанализированное музыкально-поэтическое произведение демонстрирует тесную связь и взаимообогащение двух прекрасных искусств, а также способность одного из них выявлять скрытые возможности другого – так, благодаря изобразительным и выразительным средствам музыки в семи стихотворениях А. А. Блока ярко реализуются характерные черты идиостилия этого неповторимого русского поэта.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. «Семь романсов на слова А. Блока» ор. 127 Д. Шостаковича (к вопросу о поэтическом и музыкальном единстве цикла) / Н. Арутюнова // К 90-летию Д. Д. Шостаковича: Материалы научно-теоретической конференции (г. Минск, 21–23 ноября 1996 г.). – Минск: Белорусская академия музыки, 1997. – С. 77–83.
2. Блок, А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. В 2 т. / А. А. Блок. – Т. 1. 1898•1907. – Л.: Худ. лит., Ленинградское отделение, 1972. – 560 с.
3. Долгополов, Л. К. Александр Блок. Личность и творчество / Л. К. Долгополов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. – 224 с.
4. Жирмунский, В. М. Поэтика русской поэзии / В. М. Жирмунский. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 496 с.
5. Курышева, Т. Блоковский цикл Шостаковича / Т. Курышева // Блок и музыка. Сборник статей / Сост. М. Элик; Под общ. ред. Г. А. Орлова. – Л.-М.: Совеевский композитор, 1972. – С. 214–228.
6. Маковский, С. К. На Парнасе Серебряного века / С. К. Маковский; Предисл. В. Нехотина. – М.: XXI век – Согласие, 2000. – 560 с.
7. Мнацаканова, Е. О цикле Шостаковича «Семь романсов на стихи Александра Блока» / Е. Мнацаканова // Музыка и современность: сборник статей; Редкол.: В. Д. Конен [и др.], сост. Т. А. Лебедева. – Вып. 7. – М.: Музыка, 1971. – С. 69–87.
8. Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. Орлов, В. Примечания / В. Орлов // Блок, А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. В 2 т. / А. А. Блок. – Т. 1. 1898•1907; Вступ. ст., сост.,

подгот. текста и примеч. В. Орлова. – Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1972. – С. 519–542.

10. Ширинский, А. А. Скрипичные произведения Д. Шостаковича: Проблемы интерпретации / А. А. Ширинский. – М.: Музыка, 1988. – 110 с.

11. Шостакович, Д. Д. Семь стихотворений А. Блока. Вокально-инструментальная сюита для сопрано, скрипки, виолончели и фортепиано / Д. Д. Шостакович. – М.: Советский композитор, 1969. – 48 с.

Н. В. Монгилева

*Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова
(Костанай, Казахстан)*

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ «РАССКАЖИТЕ О СВОЕЙ СЕМЬЕ»

COGNITIVE ANALYSIS OF ORAL EXPRESSIONS ON THE THEME «TELL ABOUT YOUR FAMILY»

В статье рассматриваются когнитивные механизмы формирования концепта на материале устных высказываний о семье. Автором определяются особенности универсального предметного кода, который используют респонденты. Индивидуальное знание «моя семья» представлено в виде концепта-фрейма «место, где мы (они и я) живем» и концептов-сценариев «мы делаем, когда все дома». Делается вывод о метафорической концептуализации семейной группы в терминах пространства.

The article deals with the cognitive mechanisms of the concept formation and uses for this purpose the material of oral telling about the family. The author defines the features of the universal object code, which is used by the respondents. Individual knowledge of «my family» is presented in the form of the concept-frame «the place where we (they and I) live» and in the form of the concept-scripts «we do when all are in the house». The conclusion is made about the metaphorical conceptualization of the family group in terms of space.

Ключевые слова: концепт семья, универсальный предметный код, фрейм.

Keywords: concept “family”, universal subject code, frame.

Исследование свободного, спонтанного говорения на какую-либо тему представляет интерес для когнитивного анализа. Обнаруживая закономерности формирования спонтанного дискурса, можно наблюдать способы развертывания высказывания по определенной когнитивной схеме, что позволяет делать выводы об особенностях мыслительного пространства вокруг концепта «моя семья» в структуре «живого» знания/переживания в терминах А. Залевской [1. С. 8–19]. Когнитивный анализ в данном исследовании направлен на изучение результатов субъективного познания, смыслов, формируемых говорящим.

Целью исследования является анализ речевых устных высказываний о семье для опреде-

ления когнитивной схемы, по которой развертывается дискурс «моя семья», а также других аспектов концепта «моя семья» в языковом сознании респондентов.

Стимулом для порождения высказывания стала просьба «Расскажите о своей семье», намеренно не содержащая других лексем и косвенных вопросов. Если респондент уточнял, что именно рассказать, ему предлагалось говорить то, что он сам посчитает нужным. Высказывание записывалось на диктофон, после осуществлялось транскрибирование с применением элементов методики фиксации устного дискурса, изложенной в монографии М. П. Макарова [7. С. 75–77].

Было собрано 46 аудиозаписей высказыва-

ний. Из них дети и подростки до 14, молодые люди и взрослые до 40, люди зрелого возраста до 70. Наибольшее количество записей пришлось на возраст 19-25 лет. И именно в данных высказываниях наблюдались схожие моменты развертывания смысла в противоположность высказываниям о семье взрослых и зрелых респондентов.

Теоретической основой для проведения анализа речевых отрезков была использована теория А. А. Леонтьева о модели механизма порождения речевого высказывания, теория Н. И. Жинкина об универсальных кодах внутренней речи, а также теория о индивидуальном «живом» знании А. Залевской. В обобщении результатов исследования использовался терминологический аппарат когнитивной лингвистики, в частности теория фрейма как модели обыденного знания об основных концептах [2. С. 101–105].

По модели А. А. Леонтьева процесс порождения речевого высказывания включает пять последовательных, взаимосвязанных этапов (или «фаз»): мотив, замысел, внутреннее программирование высказывания, этап лексико-грамматического развертывания высказывания и этап его реализации «во внешнем плане» (во внешней речи) [5. С. 346]. Наибольший интерес составили второй и третий этапы данной модели.

Исходным моментом («источком») высказывания является мотив, который порождает речевую интенцию (намерение), понимаемую как направленность сознания, воли, чувства индивида на предмет речевой деятельности. На этом этапе, по словам А. А. Леонтьева, появляется лишь «образ результата» без четкого смыслового содержания. После мотив вызывает к жизни замысел, который в свою очередь трансформируется в обобщенную смысловую схему высказывания. На данной фазе порождения речи, что и о чем сказать осознается говорящим «глобально», в т. н. симультанном, нерасчлененном виде. Данная схема становится основой для внутреннего программирования речи при порождении высказывания. Это программирование заключается в двух взаимосвязанных процессах оперирования с единицами внутреннего (субъективного) кода. Сюда относятся: а) приписывание этим единицам определенной смысловой нагрузки; б) построение функциональной иерархии этих единиц как формирование синтаксической организации будущего высказывания [6. С. 183].

Составление смысловой программы на этапе внутреннего программирования осуществляет-

ся на основе особого, весьма специфического кода внутренней речи – универсального предметного кода, вывод, сделанный Н. И. Жинкиным в результате серии экспериментов [3]. Акцентируя внимание на проблеме языка и мышления в момент реализации языковой системы, Н. И. Жинкин определяет некоторый стык между языком и речью, центральное звено переработки словесных сообщений. Этим звеном является внутренняя речь, которая состоит из кодовых переходов [3]. Предметно-схемный код характеризуется следующим. Он непроизносим, в нем отсутствуют материальные признаки слов натурального языка. В нем нет последовательности знаков, но есть изображения (поэтому код предметен), которые могут образовывать цепь или группировку. Обозначаемое в этом коде является и знаком одновременно. Вместе с тем изобразительные компоненты этого кода (представления) схематичны. Такое единство, сведенное к схеме, не произносимо, но оно восстанавливается в словах натурального языка. Согласно Н. И. Жинкину, этот код имеет также в своей основе образ, которому приписывается некоторая смысловая характеристика. Эта смысловая характеристика и есть предикат к данному элементу.

Просьба рассказать о своей семье представляла собой некоторую мыслительную задачу для респондента, так как концепт «моя семья» включает много компонентов и аспектов, касается частной жизни человека, поэтому имеет яркую личностную окраску. Неудивительно, что во время сбора материала было много отказов от участия в исследовании.

Но решить мыслительную задачу – это значит найти контролируемый выход из ситуации, в определенном отношении. Н. И. Жинкин говорит по этому поводу, что мысль в ее содержательном составе всегда пробивается в язык, перестраивает его и побуждает к развитию. Представление, возникшее в предметно-изобразительном коде, может стать предметом бесконечного числа высказываний [4].

Анализ дискурса высказываний о семье и был направлен на то, как респонденты решили данную задачу, и на то, что в структурах фраз в описании семьи стало приоритетным. При этом основой анализа стали ряд схем универсальных предметных кодов, сделанных Н. И. Жинкиным, и которые, по его словам, универсальны для человеческого мышления в целом [4].

Одной из реакций на стимул «расскажите о своей семье» стали высказывания, имеющие целью идентифицировать объект «моя семья», ре-

спондент номинировал элементов, относящиеся к этому объекту < *моя семья состоит из четырех человек мама, папа и моя сестра* >.

Смысловая схема высказываний такого типа является актуализацией схемы, которую Н. Жинкин изображает как Nomen__Object, в нашем случае N__Ob1, Ob2 После вводно-обобщающих конструкций < *моя семья состоит из...* >, < *моя семья – это...* >, < *у меня есть ...* > реципиент в начале высказывания перечислял людей, к которым применимы лексемы с семьей «член семьи» в значении. Интересно, что в корпусе материала представлены только «мама», «папа», (а не мать и отец), «брат» и «сестра», редко «бабушка\ дедушка», тогда как словарь дает гораздо больше лексем в значении родственников.

Обнаруживается закономерность в перечислении родственников: респонденты чаще начинают с мамы (16 случаев), а не с папы. Лексема родители (7 случаев) употребляется, как перифраза, и только дважды самостоятельно. Необходимо отметить, что авторы высказываний всегда ставили себя на последнее место, как добавление «и я». Бабушки и дедушки упоминаются в конце (4 случая) и в качестве добавления < *ещё есть* >. Также, перечисляя членов семьи, реципиенты с юмористическими интонациями называют домашних животных (3 случая).

Данная схема Nomen – Object имеет в своей основе представление о месте проживания; семьей респонденты, как правило, называли только тех, с кем живут вместе, в том числе и животных. Место проживания не указывается прямо в перечислении членов семьи, но присутствует в уточнениях < *у меня еще есть старшая сестра, но она с нами не живет* >, < *также у нас есть кот, его зовут Кузя* >, в высказывании ребенка < *еще к нам приходит бабушка* >.

Следующую схему, обнаруживаемую в высказываниях о семье, можно условно обозначить как Object – Adjectiv. После некоторого момента hesitation, обусловленную поиском нового предметно-схемного кода, говорящий описывал членов семьи, характеризовал их. При этом сохранялась последовательность упоминания родственников, заданная в первой схеме. Характеристикой каждого члена семьи в подавляющем большинстве явилась профессия, род деятельности < *он\она работает...* >, реже предпочтения в деятельности < *она\он любит...* >, даже в отношении бабушек\ дедушек < *раньше она работала....* >.

Следующая схема развертывания высказывания о семье, это представляет собой мысль о том, что объединяет членов семьи в одно целое. Нередко в высказывании нет перечисления родственников, а сразу реципиент говорит о них в общем. В этом типе высказываний много синтаксических конструкций «мы + вместе+глагол»: < *мы... вместе....делаем, также мы любим* >, < *люблю, когда приходят...* >. То есть как основной характеристикой членов семьи была деятельность, также и объединяющим фактором семейной группы стала совместная деятельность < *отмечаем праздники,... принимаем решения, ...вместе ходим гулять* >. В данных фразах отсутствует местоимение «я», даже если речь идет о семье их 2 человек (мама и реципиент), употребляется конструкция «мы с мамой» < *у меня есть мама... мы с ней часто проводим время вместе... любим болтать... и смотреть кино* >. В описании схем универсального предметного кода Н. И. Жинкин дает схему Ob. – Fn (объект-функция), означающую восприятие любого объекта с учетом его основных функций, а явления с учетом его специфических проявлений. На основе этого осуществляется анализ свойств и качеств объекта. Такой анализ в сознании респондентов выразился во фразах типа < *мы делаем вместе* >, в сопровождении с < *наша семья очень дружная* >. Также этой схеме соответствуют высказывания типа < *мы похожи между собой* >.

Интересно преобладание множественных форм местоимений (мы, у нас, мы с папой, мы с ней) над формами единственного числа (я, у меня). Даже в перечислении родственников «Я» стоит на последнем месте < *папа, мама и я* >. Но если в развертывании высказывания реципиент употребляет выражение < *я единственный ребенок в семье* >, далее дискурс становится эгоцентричным: < *для меня мои родители стараются делать всё ...потому что я единственный ребёнок все мои мечты стараются исполнить.... конечно же я жду когда я закончу университет..... начну работать.... я буду им обязательно помогать, чтобы восполнить всё то, то они в меня вложили.... я очень хочу, чтобы они мной гордились* >

Интересно также употребление временных форм. Высказывание строится в плане настоящего времени, конструкции прошедшего времени употребляются по отношению к бабушке \ дедушке < *раньше она работала* >. Конструкции будущего времени появляются редко и только по отношению к детям \ бра-

тням\ сестрам. <я очень хочу закончить учебу и ... помочь своим родителям ... помочь своему братишке ... чтобы он.... отучился поступил ... работал ... чтобы... чтобы у него хорошо все сложилось>. Единственное исключение во фразе о бабушке <надеюсь, мы ее скоро увидим>.

Третий тип развертывания смыслового содержания «семья» проходил по конструкции «семья – это». Данная схема несколько похожа на первую Nomen – Object. Но если в первой знак «семья» переосмыслялся через объекты, которые респондент относил к данной категории, то в этом типе, объект «семья» наоборот описывался как нечто целое. Необходимо отметить, что речь не идет об одном и том же знаке. Первая схема реализовывалась с рядом конструкций «моя семья – это», «семья у меня состоит» и т.д. Высказывания типа «семья – это» (никогда «моя семья») содержали скорее описание семьи как явления, имели большую долю обобщения. Данный процесс нельзя назвать семантизацией, так как это было не описание значения слова, а скорее мнение респондента о семье, рассуждение о данном понятии (концепте). Этот тип высказывания схематизируется как Object – Nomen.

В данных фразах четко выражено образное переосмысление данного понятия в пространственной метафоре с использованием лексических единиц с семой «положение в пространстве»: <семья- – это **место**, где....>, <....это **опора**...>, <...люди, которые тебя **окружают**...>, <в нашей семье **собрались** представители разных профессий>, <человек **выходит из семьи**>, <каждый из нас уехал учиться.... но стали только **ближе**>, <семья – это **куда ты приходишь** вечером домой>. Сема «положение в пространстве» присутствует в описании членов семьи: <мама для меня самый дорогой и **близкий** человек>, <я не **пошла по их стопам**>, <у нас очень **узкий круг общения**>. Содержание «положение в пространстве» акцентируется лексическими единицами с семой «сохранение существующего положения», «возвращение прежнего положения»: <это **поддержка**>, <если что-нибудь случится.....помогут тебе помогут **стать на ноги**>, <она всегда **поддержит**>.

Метонимическое осмысление «моя семья» нередко проходит через понятийную сферу «дом\место проживания». Это выражается в уточняющих оборотах <еще с нами живет...>, <он, правда, сейчас не живет с нами, ...уехал учиться> и т.д. В высказываниях о семье лек-

сема «дом» выступает в роли абсолютного синонима «семья»: <у нас все в доме любят нашу маленькую девочку>, <а мужчины у нас в доме все высокие>.

Таким образом, мыслительный компонент «моя семья» представлен в сознании реципиентов 19 – 26 лет как многокомпонентное образование, ядерными частями которого являются члены семьи, объединенными общим местом проживания и совместной деятельностью (временпровождением). Высказывание «расскажите о своей семье» формируется по схеме N-O, в которой место проживания является критерием в категоризации объекта как члена семейной группы, поэтому в нее могут быть включены животные и исключены члены семьи, не проживающие в данный момент с говорящим. В схеме O-Ad ведущим оказывается вид деятельности человека. Как специфика функционирования объекта «моя семья» в схеме Ob – Fп респондентами указывается совместная деятельность. Метафорическая концептуализация семейной группы происходит в терминах пространства, метонимическая с использованием элементов концепта «дом». Индивидуальное знание «моя семья» представлено в виде концепта-фрейма «место, где мы (они и я) живем» и концептов-сценариев «мы делаем, когда все дома».

Список литературы

1. Залевская, А. А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» / А. А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – М., 2013. – № 1 (17). – С. 8–19
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. : Курс лекций / Н. Н. Болдырев – 4-е издание. – Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
3. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 26–38
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М., 1982. – 156 с.
5. Ковшиков В. К., Глухов В. П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. Учебник для педагогических и гуманитарных вузов / В. П. Глухов. – М. : Изд-во АСТ, М., 2009. – 346 с.
6. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М., 1969. – 308 с.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003, – 280 с.

И. К. Мухина

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)***ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДЕНОТАТИВНОЙ СФЕРЫ «НАЦИИ»
В ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ¹****LEXICAL STRUCTURE OF THE DENOTATIVNY SPHERE «NATION»
IN IDEOGRAPHIC DICTIONARIES**

В статье рассмотрена структура и количественный состав денотативно-идеографической группы «Нации» в идеографическом словаре синонимов русского языка и универсальном идеографическом словаре. Выявлено, что основные проблемы формирования ее лексического состава связаны с соблюдением этических норм при составлении словаря, существованием лексических лакун, а также с выбором функционально-стилистических и эмоционально-оценочных помет.

In article the structure and quantitative structure of denotativno ideographic group "Nation" in the ideographic dictionary of synonyms of Russian and the universal ideographic dictionary is considered. It is revealed that the main problems of formation of its lexical structure are connected with observance of ethical standards by drawing up the dictionary, existence of lexical lacunas, and also with a choice functional and stylistic and emotional and estimated a dung.

Ключевые слова: идеографический словарь, денотативно-идеографическая группа.

Key words: ideographic dictionary, denotativno-ideographic group.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»). The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0006. Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006.

Актуальной задачей современной лингвистики является реконструкция отдельных участков картины мира, отображающей закономерности и особенности когнитивных процессов концептуализации и категоризации мира. Объектом исследования при этом могут выступать составляющие лексико-семантического пространства различных семантических классов слов как совокупность лексем или лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), «структурно организованных в различные по рангу лексико-семантические множества слов» на основе сходства их семантики, т.е. наличия общих семантических признаков в семной структуре слова, а также деривационных, морфологических и синтагматических характеристик [1. С. 12].

Наименования различных наций находят отражение в лексикографических источниках: толковом идеографическом словаре синонимов [2] и универсальном идеографическом словаре (в печати).

В идеографическом словаре синонимов денотативно-идеографическая группа (далее

– ДИГ) «Нации» состоит из двух подгрупп: «Общие понятия» и «Названия наций, народов». В подгруппу «Общие понятия» входят 36 синонимических рядов: 4 основных синонимических ряда (с доминантами *абориген, иностранец, нация, эмигрант*), семантически и словообразовательно соотносимых с 32 близкородственными синонимическими рядами (далее – СР) и 6 синонимическими рядами, антонимически связанными с основным и близкородственными рядами.

В денотативно-идеографическую подгруппу «Названия наций, народов» входят 36 основных синонимических рядов, 98 близкородственных синонимических рядов (далее – БСР), объединяющих преимущественно обозначения представителей данного народа женского пола и относительные прилагательные, образованные от названий различных народов, а также 5 СР, антонимически связанных с основными и близкородственными СР.

В универсальном идеографическом словаре денотативно-идеографическая группа «На-

ции» также состоит из двух подгрупп: «Общие понятие» и «Племена, нации и народы».

Основные трудности, возникающие при описании межчастеречной денотативно-идеографической группы «Нации» в идеографических словарях, связаны с формированием словника данной денотативно-идеографической группы, поскольку, как справедливо отмечает А. Д. Васильев, рассматривая особую роль этнонима и автоэтнонима, «этноним <...> можно рассматривать в качестве сжатого, свёрнутого текста, представляющего собой более или менее многочисленный набор стереотипизированных характеристик устойчивых национально-ментальных свойств, реально присущих или намеренно приписываемых каждому представителю того или иного народа» [3. С. 445].

В соответствии с концепцией словаря синонимов и общей логикой формирования и описания СР, входящих в ДИГ «Нации», в словарь не были включены 40 синонимических рядов, обозначающих нации и народы, но включающих в себя номинации, представленные однокоренными словами, например, Абхазцы, абхазы; Абхазец, абхаз; Австриец, *презрит.*, *устар.* или *разг.-сниж.* австрияк; Арийцы, арии; Баски, *устар.* басконцы; Баск, *устар.* басконец; Башкиры, *разг.*, *устар.* башкирцы; Башкир, *разг.*, *устар.* башкирец; Вьетнамцы, *спец.* вьет; Вьетнамец, *спец.* вьет; Гаитяне, *спец.* гаитийцы и др.

По этическим соображениям в состав денотативно-идеографической подгруппы «Названия наций, народов» не были включены синонимические ряды с доминантами АРМЯНИН (6 лексем), АРМЯНКА (2 лексемы), АЗЕРБАЙДЖАНЕЦ (6 лексем), *жарг.* ГАСТАРБАЙТЕР («Мужчина, уроженец Средней Азии», 17 лексем), КАВКАЗЕЦ («Мужчина, уроженец или житель Кавказа», 25 лексем), ЛАТИНО-АМЕРИКАНЕЦ (3 лексемы), МЕКСИКАНЕЦ (2 лексемы), МОНГОЛОИД («Представитель монголоидной расы», 8 лексем), ТАТАРИН (2 лексемы), ЯПОНЕЦ (4 лексемы), содержащие в основном грубые, пренебрежительные и т.п. разговорно-сниженные и жаргонные номинации представителей различных национальностей и рас, хотя подобные номинации встречаются в современной речевой практике.

В целом вопрос о включении в словарь ЛСВ с различными пометами решался по-разному. С одной стороны, в состав описанных в словаре СР не вошли отдельные грубые, пренебрежительные и т.п. разговорно-сниженные и жаргонные номинации, например, *разг.*, *шутл. или жарг.*,

шутл., ирон. финик («То же, что финн; из-за фонетического сходства слов»), *жарг.* ниггер («То же, что негр; от лат. *niger* в знач. «темный, черный»), *груб., разг.-сниж.* черномазый («Человек с чёрной или с очень тёмной кожей (о представителе негроидной расы)'). Не были включены также жаргонные номинации *френч* («То же, что француз»), *дойч* («То же, что немец»), *русиш* («То же, что русский»), поскольку в Национальном корпусе русского языка не были найдены примеры употребления данных лексем.

С другой стороны, некоторые грубые, презрительные разговорно-сниженные и жаргонные номинации были включены в число членов СР, поскольку найденные иллюстрации их употребления не содержали бранных или презрительных коннотаций или такие коннотации были оправданы в литературно-художественном контексте. В число таких лексем входят, например: **ЖИДЫ**, *ед. жид. Разг.-сниж. Груб.* В кругах антисемитов – евреи; первонач. не имело презрит. или бран. оттенка. *Без всякой видимой причины Яков мало-помалу проникался ненавистью и презрением к жидам, а особенно к Ротшильду... (Ч.). Ненависть к отечественному крепостному праву, даже в сознании борца за свободу, илиссельбургского арестанта, крестьянина Олейничука, выразилась как ненависть к ляхам и жидам. И даже гениальный Достоевский увидел жиду ростовщика там, где должен был различить безжалостные глаза русского подрядчика, крепостника и заводчика (В. Гроссман).*

Некоторые разговорно-сниженные и жаргонные наименования на основании частотности употребления в художественных и публицистических текстах были включены в состав синонимических рядов, например, в состав синонимического ряда *американцы, разг., пренебр. янки, разг.-сниж., ирон. американцы, жарг., пренебр. гринго, жарг. штатники* добавлена номинация *америкосы: АМЕРИК'ОСЫ*, *ед. америк'ос. Жарг.* То же, что американцы. *Америкосы решили завалить Россию дешевым лицензионным видео (газ.). ...истинным и самым главным «терми» навсегда остается Арнольд Шварценеггер. У замечательных писателей Белоброва-Попова есть фантастический роман про робота-президента, а у америкосов – вполне реальный робот-губернатор (газ.). Не нравится – становитесь сильнее, конкурируйте с Америкой, а не обвиняйте «этих америкосов» во всех грехах (газ.).*

В состав ДИГ «Нации» в словаре синонимов не были включены несколько рядов, на-

личествуемых в других словарях синонимов, поскольку углублённый анализ семантики составляющих его лексем показал, что они не являются синонимами; это такие СР, как ИРАН-ЦЫ, *персы*, *персияне* и КЕЛЬТЫ, *галлы*.

Так, *иранцы* (ед. *иранец*) – это «основное мусульманское население Ирана (Исламской Республики Иран, до 1935 г. официально называвшегося Персией, государства в юго-западной Азии, омываемого на юге и юго-западе Оманским и Персидским заливами, на севере – Каспийским морем; официальный язык – персидский (фарси), иранской группы индоевропейской семьи языков); представители этого населения; жители этой страны», а лексема *персы* (ед. *перс*) обозначает «народ, основное население центральной и восточной части Ирана (до 1935 г. Персии); представителей этого народа; жителей этой страны». Как видим, эти лексемы номинируют различные группы населения Ирана, характеризующиеся разной территориальной закреплённостью: так, *персы* составляют лишь население центральной и восточной части Ирана. Как видим, данные лексемы вступают в родовидовые отношения.

В состав синонимических рядов не были включены номинации (обычно имеющие функционально-стилистические пометы), на которые не были найдены контексты употребления, например, **ДУШМАНЫ**. Разг.-сниж. То же, что афганцы; **ДУХИ**. Жарг. То же, что афганцы; **ФРИЦЫ**. Разг.-сниж. То же, что немцы; **ФАШИСТЫ**. Разг.-сниж. То же, что немцы; **ПАНЫ**. Разг. То же, что поляки.

Интересно, что эти номинации в своих основных значениях широко распространены в русском языке, но трудности вызывает разграничение контекстов их употребления в значении, связанном с обозначением представителей определённых наций, и в основном значении, например, **ДУШМАНЫ**. Разг.-сниж. Члены вооружённой террористической национальной – обычно мусульманской – группировки; противники, враги; **ДУХ**. Разг. То же, что душманы.

Одной из проблем при формировании состава денотативно-идеографической группы «Нации» является существование логических лакун в её составе. Заголовочным словом отдельных словарных статей в составе СР выступала лексема во множественном числе. К сожалению, данный принцип формирования наполнения синонимических рядов привел к некоторому обеднению их лексического состава, поскольку в том случае, если СР, который

составляют лексемы в единственном числе – наименования представителя описываемого народа или расы мужского пола, количественно превышал состав СР, который составляют лексемы во множественном числе – номинации представителей описываемого народа или расы в целом, в таком случае лексемы в единственном числе, не соотносящиеся с номинациями во множественном числе, не были включены в состав как основного СР, так и близкородственных СР, что, несомненно, в какой-то мере семантически обеднял и состав СР, и представленный в словаре языковой материал, позволяющий сделать выводы об участке языковой картины мира, соотносящемся с данными наименованиями народов.

Ср., например, состав следующих СР: ТУРКИ, *устар.* османы («Народ, составляющий основное население Турции; представители этого народа, жители этой страны») и ТУРОК, *устар.* осман, *разг.* турка («Мужчина, представитель народа, составляющего основное население Турции»);

ПОЛЯКИ, *устар.* ляхи («Народ, принадлежащий к группе западных славян и составляющий основное население Польши; представители этого народа; жители этой страны») и ПОЛЯК, *устар.* лях, *разг.* пан («То же, что поляк»), *разг., ирон.* пшек («То же, что поляк; из-за характерной особенности фонетики польского языка») («Мужчина, представитель народа, принадлежащего к группе западных славян и составляющего основное население Польши»);

ИТАЛЬЯНЦЫ, *разг.-сниж., ирон.* макаронники («Народ романской этноязыковой группы, составляющий коренное население Италии; представители этого народа; жители этой страны») и ИТАЛЬЯНЕЦ, *разг.-сниж., насмешл., уничиж.* итальяшка, *разг.-сниж.* макаронник («Мужчина, представитель народа романской этноязыковой группы, составляющий основное население Италии (Итальянской Республики)»).

Как видим, лексемы *разг. турка*, *разг. пан*, *разг., ирон. пшек*, *разг.-сниж., насмешл., уничиж. итальяшка* в соответствии с выбранным к описанию общим подходом были вообще исключены из состава словаря синонимов, то есть не вошли ни в состав основных синонимических рядов, обозначающих названия народов и рас, ни в состав близкородственных им синонимических рядов.

В результате подобных причин некоторые синонимические ряды, образуемые только лек-

семами в единственном числе, обозначающими представителей конкретных народов, также не вошли в состав словаря, см., например, СР с доминантой ЛИТОВЕЦ: *литовец* («Мужчина, представитель народа балтийской этноязыковой группы, составляющего основное население Литвы»), *жарг. лабус* («Литовец (иногда о представителе любой другой прибалтийской национальности); от распространённой в Прибалтике фамилии, перешедшей в нариц.»). *Наташка за какого-то лабуса замуж вышла, в Прибалтике теперь жить будет* (разг. инт.). Таким образом, лексема *жарг. лабус* не вошла в словарь синонимов, так как не соотносится с номинацией во множественном числе.

В то же время в составе данной денотативно-идеографической подгруппы представлены синонимы – обобщённые наименования представителей каких-либо народов или наций, не соотносящиеся с номинациями в ед.ч., см. например, собирательные наименования типа *еврейство, собир.* «То же, что евреи».

Несколько синонимических рядов объединяют номинации представителей основных рас, это синонимические ряды с доминантами ЕВРОПЕОИДЫ, НЕГРЫ. В составе основных рас человечества в словаре синонимов отсутствуют номинации представителей монголоидной расы, поскольку они, формируют синонимический ряд только в форме единственного числа (СР с доминантой МОНГОЛОИД), в состав которого входят (кроме лексемы-доминанты *монголоид*) только презрительные, бранные и уничижительные номинации.

Можно отметить, что лексические обозначения представителей основных рас отличаются в разных языках. Так, О. А. Леонтович пишет: «Для американцев <...> центральным является понятие расовой идентичности. Статистические данные о населении США в первую очередь строятся вокруг расовой принадлежно-

сти. Основными расами считаются: *Caucasian, Black, Asian, Hispanic, Native American*. Уже сама по себе разница критериев становится предпосылкой непонимания между русскими и американцами. Для россиян слово *Caucasian* ассоциируется с кавказцами, а слова *Hispanic* и *Native American* не имеют эквивалентов в русском языке» [4. С. 155].

В словаре синонимов присутствуют также прямые номинации по цвету кожи (см., например, СР с доминантой НЕГРЫ, а также СР ИНДЕЙЦЫ, *краснокожие*).

Итак, проблемы формирования состава денотативно-идеографической группы «Нации» связаны с соблюдением этических норм, существованием лексических лакун, выбором доминанты СР, грамматической формы его членов, функционально-стилистических и эмоционально-оценочных помет.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. От редактора. Изучение лексики в пространственном измерении (вместо введения) / Л. Г. Бабенко // Русская глагольная лексика : денотативное пространство : Монография / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 7–21.
2. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.
3. Васильев, А. Д. Игры в слова : манипулятивные манипуляции в текстах СМИ / А. Д. Васильев. – СПб. : Златоуст, 2013. – 660 с.
4. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие / О. Леонтович. – М. : Гнозис, 2007. – 367 с.

Л. А. Нефёдова, Н. М. Глушкова
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

РОЛЬ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹

THE ROLE OF NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION IN LANGUAGE PERSONALITY IDENTIFICATION

В статье рассматриваются основные способы невербального общения, которые являются дополнительными средствами коммуникации. Анализируется специфика англоязычной и испаноязычной лингвокультур сквозь призму лингвокультурного типажа «друг», доказываемая, что, в зависимости от лингвокультуры, схожие невербальные элементы имеют различное коммуникативное значение.

The article illustrates the main means of non-verbal communication, which are used as additional means of communication. It presents the analysis of specific features of English-speaking and Spanish-speaking linguo-cultures in the light of linguo-cultural type "a friend". The article demonstrates that similar non-verbal elements can have different communicative meaning depending on the linguo-culture.

Ключевые слова: невербальные средства, паравербальная коммуникация, тактильное поведение, лингвокультурный типаж.

Keywords: non-verbal means of communication, paraverbal communication, tactile behaviour, linguo-cultural type.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности», №15-04-00455.

В настоящее время в обществе возрастает интерес к явлениям, рассматриваемым с позиции «человек в языке», когда на первый план выдвигаются индивидуальные характеристики говорящего субъекта, определяется его языковая идентичность. Для выявления идентичности говорящего необходимо исследовать как ежедневный опыт человека, так и простейшие схемы, которые ложатся в основу освоения ментальных пространств, наблюдаемых и абстрактных явлений и состояний, «а также» основные модели его коммуникативного поведения, зависящие от социума, в котором оно происходит, определить когнитивную базу языковой личности.

Следовательно, человек всегда находится в некоем физическом пространстве, но все материальное, что его окружает, проходит через призму восприятия, которое также индивидуально и неповторимо поскольку, что физические способности воспринимать окружающее, а также знания, оценки происходящего, взгляды и точки зрения никогда не бывают одинаковыми у двух разных людей, в разных лингвокультурах. В связи с этим представляется очень интересным рассмотреть роль невер-

бальных средств, характеризующих языковую личность.

Невербальные средства коммуникации, их сочетание с вербальными средствами, соотношение и особенности употребления являются постоянным и актуальным источником материала для лингвистического исследования. В ходе невербального общения информация успешно передается благодаря многообразию несловесных знаков (позы, жесты, мимика, интонации, взгляды, пространственное расположение и т.д.). К основным категориям невербальных средств общения, прежде всего, относят совокупность телодвижений, жестов и поз, применяющихся для дополнения выразительных средств коммуникации. К невербальным средствам общения также относят тактильное поведение (разнообразные типы прикосновений), сенсорику (восприятие органами чувств), паравербальную коммуникацию (высота, громкость голоса, тембр, паузы в речи, кашель, смех, вздох) и другие виды. При недостаточности вербальных средств для передачи полной информации они способны дополнять, замещать и предвосхищать речь, а также одним из главных их назначений яв-

ляется выражение эмоционального состояния говорящего [2].

Исследуя невербальное поведение в рамках лингвокультурного типажа мы, прежде всего, останавливаемся на значимости невербального средства выражения для соответствующей культуры [1. С. 190]. В данной статье мы рассмотрим актуальные для английского и испанского языков особенности невербального поведения, его соотношение с вербальной составляющей на примере лингвокультурного типажа «друг» в двух литературных произведениях.

В англоязычном романе Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме» главный герой – маленький ребенок – активно задействует в начале дружеских отношений оба типа средств. К наиболее часто используемым невербальным средствам мы относим, во-первых, бессознательное копирование позы, положения, мимики собеседника: *“He sat down on the ground on his side of the fence and crossed his legs like the little boy and wished that he had brought some chocolate with him or perhaps a pastry that they could share”* («Бруно сел на землю по свою сторону ограды, скрестил ноги, подражая новому знакомому, и пожалел, что не захватил с собой шоколадки или булки, которые можно было бы съесть на двоих»). В отрывке автор также указывает на традицию совместного принятия пищи как символ объединения людей, налаживания отношений между ними.

Интересную особенность, с которой начинается лингвокультурный типаж «друг» с точки зрения англоговорящего автора, – это формирование отношения к человеку отчасти через восприятие его имени. Важную роль здесь играет фонетическая сторона вербальной коммуникации. При знакомстве с человеком звук его имени автоматически рождает набор ассоциаций и впечатлений, влияющий на дальнейшее восприятие собеседника. Метафоры, приведенные автором для передачи этих ассоциаций, имеют положительный оттенок и приближены к природным явлениям. Непривычное для слуха имя напоминает знакомые и понятные обоим говорящим звуки природы и тем самым облегчает процесс коммуникации между ними

“‘Shmuel,’ said the little boy as if it was the most natural thing in the world. ‘What did you say your name was?’

‘Bruno,’ said Bruno.

‘I’ve never heard of that name,’ said Shmuel.

‘And I’ve never heard of your name,’ said Bruno. ‘Shmuel.’ He thought about it. ‘Shmuel,’

he repeated. ‘I like the way it sounds when I say it. Shmuel. It sounds like the wind blowing.’

‘Bruno,’ said Shmuel, nodding his head happily. ‘Yes, I think I like your name too. It sounds like someone who’s rubbing their arms to keep warm.’”

(«– Шмуэль, – повторил мальчик таким тоном, словно в его имени не было ничего необычного. – А как, ты сказал, тебя зовут?

– Бруно.

– Никогда не слыхал такого имени, – признался мальчик.

– И я тоже никогда не слыхал имени Шмуэль, – подхватил Бруно. – Шмуэль, – повторил он. – Мне нравится, какой получается звук, когда его произносишь. Будто ветерок подул.

– Бруно, – радостно закивал мальчик. – Мне тоже нравится твое имя. Будто кто-то растирает ладонями руки, чтобы согреться»).

К актуальным для этого автора средствам невербального общения при описании лингвокультурного типажа мы относим и непосредственно молчание между собеседниками. Оно выражается в достаточно ограниченных формах (пауза в разговоре, нежелание заканчивать предложение, размышление над ответом), но функции его могут быть различны: от выражения сочувствия, согласия, уважения собеседнику до высказывания собственного мнения либо, наоборот, избегания неудобной темы (*“Both boys stayed very quiet for a few minutes, neither one wanting to say anything he might regret”* – «Несколько минут мальчики сидели не шевелясь и молчали. Каждый опасался ляпнуть что-нибудь, о чем бы потом пожалел»). Англоязычный автор не раз использует устойчивые выражения, относящиеся к концепту «молчание» для сокрытия неприятной правды, для сохранения дружеских отношений как тактику обоим мальчикам (*“Shmuel blinked and opened his mouth to say something but then thought better of it”* – «Шмуэль заморгал, хотел что-то сказать, но передумал»). Это позволяет нам предположить, что данному авторскому англоязычному типуажу «друг» в данном случае больше свойственно утаивание отрицательных моментов в беседе, чем прямолинейная откровенность в общении.

К значимым невербальным средствам мы относим также элемент непосредственного физического контакта, относящийся к концепту «прикосновение», «рукопожатие». Этап налаживания дружбы между мальчиками отмечается сначала невербальным одобрением («smiled», «nodded», «Bruno knew that he was

forgiven»), а затем – лишь через большой промежуток времени – первым рукопожатием через разделяющий их забор:

“... and then Shmuel did something that he had never done before. He lifted the bottom of the fence up like he did whenever Bruno brought him food, but this time he reached his hand out and held it there, waiting until Bruno did the same, and then the two boys shook hands and smiled at each other. It was the first time they had ever touched.”

(«А потом Шмуэль сделал кое-что, чего никогда прежде не делал. Он приподнял проволоку снизу — он и раньше ее приподнимал, чтобы взять у Бруно еду, — но на этот раз он просунул в образовавшуюся щель руку и не убирал ее, пока Бруно не протянул свою. Оба улыбались, когда их ладони сплелись в рукопожатии. Вот так они впервые дотронулись друг до друга»).

При сопоставлении англоязычного и испаноязычного языкового материала мы также отмечаем частое употребление испанскими авторами элементов невербальной коммуникации, присущих общению как лучших друзей, так и просто приятелей и коллег по службе. Ряд примеров предоставляет нам роман Карлоса Руиса Сафона «Игра ангела», в котором невербальная коммуникация воплощается в дружеском и профессиональном взаимодействии главных героев – начинающего писателя Давида Мартина и его начальника дона Басилио.

“Me disponía a salir al vuelo cuando don Basilio se levantó, rodeó el escritorio y me colocó una manaza del tamaño y peso de un yunque sobre el hombro. Sólo entonces, al verle de cerca, me di cuenta de que le sonreían los ojos” («Я собрался уходить, когда дон Басилио поднялся на ноги, обошел стол и положил мне на плечо ручищу размером и весом с добрую наковальню. И лишь теперь, очутившись с ним лицом к лицу, я заметил, что его глаза улыбаются»).

Параллельные синтаксические конструкции, использованные автором, последовательно описывают пример невербального общения в исследуемой лингвокультуре. Диалог двух коллег, пусть даже пребывающих в хороших отношениях, сопровождается одновременно физическим контактом (активное похлопывание по плечу выражается метафорой – *“me colocó una manaza del tamaño <...> sobre el hombre”*), маленькой дистанцией между говорящими (*“al verle de cerca”*), невербальным знаком одобрения через выражение глаз (*“le sonreían los ojos”*). Примечательно, что из всего многообразия средств вербальной коммуни-

кации именно через описание глаз и их выражения передается наиболее верная информация об отношении говорящего к собеседнику.

Мы можем отметить, что автор может не прибегать к вербальным средствам в тех случаях, когда отношение между героями, их реакцию и эмоциональное состояние можно передать описанием их невербального поведения.

“Cogí las páginas y se las entregué, sin atreverme a sostener su Mirada” («Я собрал кипу напечатанных страничек и вручил ему, не осмеливаясь посмотреть в лицо») – герой не осмеливается поднять взгляд, т.к. в данной ситуации имеет дело не только с хорошим приятелем, но и с непосредственным начальником, от которого зависит судьба его произведения.

“Sus ojos patinaron arriba y abajo sobre el texto, sin traicionar expresión alguna” («Его взгляд скользил по тексту сверху вниз, не выдавая никаких эмоций»). Автор вновь с помощью олицетворения глаз собеседника (глаза, которые не выдают эмоций *“Sus ojos ... sin traicionar expresión alguna”*) подчеркивает неподвижность выражения лица персонажа, т.к. это тоже является воздействием на собеседника – удержание его в состоянии неведения, неопределенности относительно возможного исхода дела. Немигающий взгляд, устремленный прямо на собеседника, в свою очередь, служит самым сильным привлечением внимания и свидетельствует о важности слов, которые последуют за взглядом.

“Don Basilio me miró de reojo y me escudé en una sonrisa que no dejó un solo diente a cubierto. Sin decir más, se levantó y partió con mi relato en las manos” («Дон Басилио глянул на меня исподлобья и расплылся в широкой улыбке, обнажив все тридцать два зуба. Не прибавив ни слова, он встал и вышел, не выпуская из рук моего рассказа»). В данном эпизоде мы в очередной раз наблюдаем, как автор пренебрегает вербальными средствами (*“Sin decir más...”*) и выражает многообразие испытываемых эмоций с помощью невербальной коммуникации: свое одобрение через гиперболу широкой улыбки (*“una sonrisa que no dejó un solo diente a cubierto”*), недоверчивость и удивление – взглядом исподлобья (*“me miró de reojo”*).

В этот значительный момент в писательской карьере главного героя автору удастся передать все испытываемые эмоции исключительно описанием невербального общения персонажей, в основном, с помощью эпитетов: все еще недоверчивое отношение к таланту моло-

дого человека – через холодный взгляд (*“me miraba fríamente”*), максимальное нервное состояние героя – с помощью описания физических ощущений (пересохло во рту – *“Quise tragar saliva, pero tenía la boca seca”*), быстрых, порывистых движений (*“me di la vuelta rumbo a la puerta tan rápido como pude”*).

Особенное значение придается формальным, ритуальным, но от этого не потерявшим своего глубинного значения жестам, вроде рукопожатия: *“El subdirector asintió y me tendió la mano. La estreché”*. С этого момента начинающий автор негласно делает шаг по карьерной лестнице, т.к. рукопожатие является невербальным символом заключения договора между участниками беседы.

Проанализированные выше проявления невербальной коммуникации в лингвокультурном типаже «друг» является, без сомнения, лишь малой частью материала для сопоставления и сравнения английского и испанского языков.

В отношении обеих лингвокультур можно отметить следующее:

1. Активное задействование невербальных средств, в основном, в описании самых важных этапов коммуникации между героями.

По-видимому, это можно объяснить тем, что в литературе (изначально вербальное средство передачи знаний) невозможно и не имеет смысла передавать всю сопровождающую человека невербальную информацию. Прежде всего, в процессе завязывания дружбы используется копирование позы и мимики собеседника (*“...crossed his legs like the little boy...”*). Большое впечатление производят паралингвистические невербальные проявления, в частности, звуковые ассоциации имени (метафоры: *“It sounds like the wind blowing”*, *«It sounds like someone who’s rubbing their arms to keep warm»*). В критической ситуации между участниками общения невербальный диалог успешно реализуется посредством мимики и жестов (*“smiled”, “nodded” “Bruno knew that he was forgiven”; “escudé en una sonrisa que no dejó un solo diente a cubierto. Sin decir más...”*).

2. Особую важность представляют ритуальные, закреплённые традицией элементы невербального общения (рукопожатие, прикосновение, похлопывание по плечу) (*“he reached his hand out and held it there, waiting until Bruno did the same, and then the two boys shook hands and smiled at each other. It was the first time they had ever touched”, “asintió y me tendió la mano. La estreché”*, метафора крепкого похлопыва-

ния *“me colocó una manaza del tamaño <...> sobre el hombre”*).

Для авторского изложения англоязычных писателей наиболее характерны следующие черты:

1. невербальные средства направлены на сокрытие отрицательных эмоций общающихся (слова, относящиеся к концепту «молчание» и передающие экстралингвистические невербальные средства, такие как пауза, прерывание речи *“stayed very quiet for a few minutes”, “opened his mouth to say something but then thought better of it”*).

В дальнейшем с помощью автора читатель узнает множество деталей, которые остаются незаметными для собеседников в этой стратегии общения, избегающей прямолинейного выражения мыслей.

2. Частое использование невербальных средств передает относительность вербальных символов и легкость понимания невербальных сигналов в случае искренней и крепкой дружбы (гиперболы, сравнения *“Bruno knew that he was forgiven”*).

Для испаноязычных авторов характерна следующая особенность:

1. использование элементов невербальной характеристики отношений для всех уровней: от коллег и приятелей до лучших друзей. В изученном материале невербальный аспект часто выражается в виде метафор и олицетворений выражения глаз собеседников (*“Sus ojos patinaron <...>, sin traicionar expresión alguna”, “sin atreverme a sostener su Mirada”, “me miró de reojo”*), метафор, гипербол и сравнений, относящихся к паралингвистическим проявлениям как элементу невербального общения (*“la voz de cristal, transparente y tan frágil”, “su voz me envolviese para siempre”*).

Важность невербального поведения особенно подчеркивается тем, что действующие лица зачастую выражают свое отношение, эмоции, реакции на происходящее без помощи слов, и собеседник полностью понимает их, т.е. коммуникация считается состоявшейся. В силу того, что испаноязычным авторам свойственно употребление невербальных средств в описании не только близких друзей, мы можем сделать еще один вывод: эти средства в рамках одной культуры равно понятны как близко знакомым собеседникам, так и окружающему обществу. Следовательно, представителю испаноязычной культуры свойственна большая открытость и непосредственность в проявлении эмоций, пусть даже невербально.

Таким образом, можно говорить о том, что каждый человек живет в своем собственном пространстве, которое существует благодаря языку и отражается в речи. При общении возникает взаимодействие этих пространств, которые при определенных условиях могут частично совпадать, результатом чего является успешное общение между индивидами, в противном случае общение может не состояться, быть неуспешным или даже конфликтным. В ходе сопоставления языкового материала двух сравниваемых языков мы еще раз убеждаемся в необходимости изучения особенностей вербальной и невербальной коммуникации разных культур. В зависимости от лингвокультуры

схожие элементы имеют различное коммуникативное значение, особенности употребления и сферу применения и представляют собой богатый материал для дальнейшего лингвистического исследования.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковые ключи: монография / И. В. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
2. Лабунская, В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание / В. А. Лабунская. – Ростов-на-Дону : “Феникс”, 1999. – 608 с.

А. И. Носкова

Казанский федеральный университет
(Казань, Россия)

ВЕНЕСУАЛИЗМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ ВЕНЕСУЭЛЬСКОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

VENESUALISMS AS MANIFESTATION OF NATIONAL AND CULTURAL SEMANTICS OF THE VENEZUELAN SPANISH

В статье рассматривается понятие «венесуализм» как лингвокультурологический компонент венесуэльской языковой картины мира. Дается историческая справка лексикографической систематизации венесуализмов (конец XVI века – настоящее время). Также приводятся систематизированные по семантическим группам примеры венесуализмов, отобранные методом сплошной выборки из «Diccionario de venezolanismos» и несущие в себе национально-культурный компонент.

In the article the concept “venesualizm” is analyzed as a linguistic and culturological component of the Venezuelan language world picture. Historical information of lexicographic systematization of venesualizm is given (the end of the XVI century – the present). The examples of venesualizms with a national and cultural component, systematized on semantic groups and selected by method of continuous selection of “Diccionario de venezolanismos” are also given.

Ключевые слова: венесуализм, испанистика, национальный вариант, Венесуэла.

Keywords: venesualizm, Spanish studies, national variant, Venezuela.

В последние годы в отечественной и зарубежной лингвистике все больше внимания уделяется исследованиям в области национально-культурной специфики коммуникации, при этом делается акцент на ее проявлении при сопоставлении разных языков. Однако при изучении полинациональных языков (в частности, испанского) не менее важным представляется

постижение национального своеобразия носителей разных национальных вариантов одного и того же языка – «межвариантной национально-культурной специфики» [1. С. 41].

Национальное своеобразие вербальной коммуникации в испанском языке находит выражение в наличии специфических признаков, которые отражают как лингвистические (в

первую очередь лексико-семантические), так и экстралингвистические (социальные, культурно-исторические, этнические) факты.

Национально-культурные признаки у лингвистических единиц проявляются с разной степенью частотности и интенсивности. На формирование национальных признаков влияет в первую очередь своеобразный способ восприятия и моделирования «картины мира» носителями разных национальных вариантов испанского языка. Именно поэтому лексические единицы, как наиболее связанные с внеязыковой реальностью, ярче и чаще других лингвистических единиц передают эти признаки. В данном случае правомерно говорить о «национально-культурной семантике» [1. С. 42].

В словарном составе венесуэльского варианта испанского языка яркой национально-культурной спецификой маркированы венесуализмы – лексические единицы, отличные от общеиспанского языка. Понятие «венесуализм» тесно связано с национальной самобытностью и характеризует особую манеру венесуэльцев называть вещи и смотреть на окружающий мир. Исходя из этого, венесуализмы представляют собой лексические единицы, заполняющие лакуны общеиспанского языка, являясь, таким образом, обозначениями экстралингвистической действительности.

Данный термин характеризуется проблематичным характером своего определения. Так, по мнению венесуэльского ученого Тулио Чиосоне, критерием для выделения венесуализмов должен быть контраст не только с испанской нормой, но и с другими национальными вариантами испанского языка: «Para la formación de un diccionario de venezolanismos es necesario realizar un estudio de las palabras que en otros países son consideradas como propias, o sea, los argentinismos, chilenismos, uruguayismos, etc.» (Для создания словаря венесуализмов необходимо провести тщательное изучение слов других стран, например, «аргентинизмов», «чилинизмов», «уругванизмов» и т.п.)¹ [2. С. 52]. По словам Э. Кольменарес, венесуализмами следует считать как лексические единицы, неизвестные в испанском языке в целом, так и лексические единицы, обладающие иным, отличным от пиренейского испанского языка, значением [3].

Интересно, что наличие венесуализмов признавалось уже в начале XIX века, хотя самого понятия еще не существовало. Так, Кольменарес, ссылаясь на Рафаэля Диего Мерида

[Mérida, 1825], пишет о слове *ño*, которое может быть рассмотрено как первый документально засвидетельствованный венесуализм: «*Ño* es voz provincial deducida de *señor*; la introdujeron y usaban de ella en Caracas los que se llamaban mantuanos, que eran las primeras familias, de quienes se generalizó. El objeto fue no dar el dictado de *Señor* a ningún blanco del estado llano considerado como plebe» (*Ño* – провинциальное слово, образованное от *señor*; оно было введено в речь Каракаса местными аристократами – бледнолицыми креолами, которые считали белых плебеями и не желали называть их сеньорами) [3. С. 72].

Большую роль в сборе и документировании венесуализмов сыграли монахи – составители средневековых хроник. Так, первые работы относятся уже к концу XVI века: «*Recopilación historial de Venezuela*» (1581) Педро де Аргуадо и «*Elegias de Varones Ilustres de Indias*» (1577-1587) Хуана де Кастельянос. Особого внимания заслуживает труд францисканца Педро Симона «*Vocabulario*» (1627), который представляет собой первый словарь венесуализмов, включающий около ста пятидесяти лексических единиц. Более детальные и обширные работы, касающиеся венесуализмов, принадлежат грамматике и поэту А. Бельо: «*Alocución a la Poesía*» (1823) и «*Silva a la Agricultura de la Zona Tórrida*» (1826) [4].

Первая серьезная попытка обобщить всю венесуэльскую лексику была предпринята в конце XIX века: речь идет о небольшом по объему труде Хосе Д. Медрано «*Apuntaciones para la crítica sobre el lenguaje maracaibero*» (1883), насчитывающем чуть более 200 словарных единиц и описывающем грамматические особенности лексики штата Сулии. Примеры, которые приводит Медрано, не всегда типичны только для Маракайбо (столица штата Сулия): они характерны и для других штатов страны. Автору-составителю, скорее, хотелось показать своеобразие использования того или иного слова внутри фразы, что обеспечило большое количество примеров, приведенных в словаре. Словарь Медрано послужил отправным пунктом для написания других, более обширных и фундаментальных работ. Среди них «*El castellano en Venezuela*» (1897) Хулио Калканьо и «*Libro raro*» (1912) Гонсало Пикона Фебреса. Оба труда посвящены особенностям венесуэльской речи конца XIX – начала XX веков.

Появление этих работ обусловило дальнейшее изучение венесуэльской лексики в двух направлениях. Первое занималось выборкой

¹ Здесь и далее перевод наш – А. Носковой.

слов, характерных для конкретной зоны страны, второе специализировалось на общей лексике.

Наиболее фундаментальным трудом является словарь «Diccionario de venezolanismos» (1997), который был создан с опорой на все вышеперечисленные работы. История создания этого словаря началась в 1948, когда Анхель Росенблат решил обобщить все существующие на тот момент работы и разработать «Diccionario histórico de Venezuela». Сбор материала представлял собой рукописную запись словарных единиц с примерами их использования на небольших картонных карточках. В течение тридцати лет сотрудники, студенты и друзья Института Филологии им. Андреса Бельо продолжали поиск материала литературных, исторических и фольклорных произведениях, а также из ежедневной прессы.

В 1975 году Совет научного и гуманитарного развития Центрального университета Венесуэлы выделил субсидию, позволившую создать коллектив исследователей, который под руководством Марии Хосефины Техера принялся за написание первых статей «Diccionario de venezolanismos».

С 1981 года «Diccionario de venezolanismos» начал получать финансовую поддержку от Венесуэльской академии языка, что позволило издать первый том словаря, содержащий около 1900 словарных единиц.

Как говорят сами авторы этого труда, словарь носит описательный характер и не претендует на статус некой образцовой формы языка. Однако появление такого словаря явно доказывает самостоятельность национального языка Венесуэлы, у которого появилась необходимость разработать свои собственные методы кодирования и декодирования информации, отличные от других испаноязычных стран.

Анализ лексических единиц, представленных в «Diccionario de venezolanismos», позволил выделить несколько семантических групп, лексические единицы которых содержат в себе национально-культурную коннотацию: 1) национальные предметы быта (78 лек. ед.); 2) национальные блюда и напитки (100 и 49 лек. ед.); 3) национальные предметы одежды (59 лек. ед.); 4) традиционные формы трудовой деятельности (64 лек. ед.); 5) учреждения и предметы мебели (25 и 9 лек. ед.); 6) национальная культура (84 лек. ед.); 7) денежные единицы и единицы измерения (28 и 24 лек. ед.); 8) фауна (165 лек. ед.); 9) флора (220 лек. ед.); 10) политические термины и реалии (32 лек. ед.);

11) свойства человека и его характер (172 лек. ед.); 12) внешний вид человека (119 лек. ед.); 13) части человеческого тела (65 лек. ед.); 14) спиртные напитки и наркотики (56 лек. ед.); 15) эвфемизмы (16 лек. ед.); 16) магия и суеверия (17 лек. ед.); 17) родственные отношения (15 лек. ед.); 18) номинальные формы обращения (30 лек. ед.); 19) междометия (27 лек. ед.). Семантическая структура этих лексических единиц включает в себя национально-культурный компонент, который отражает различные черты национальной культуры венесуэльского национального варианта испанского языка.

Выделенные нами венесуализмы, в своем большинстве, представляют собой индихенизмы, претерпевшие графические, а иногда и фонетические изменения. Наиболее многочисленными по количественному составу являются семантические группы «флора» (15%) и «фауна» (11%), что объясняется богатой природой Венесуэлы и наличием разнообразных представителей животного и растительного мира, неизвестных в континентальной Испании. Для семантической группы «флора», в первую очередь, характерны названия разнообразных местных пальм (*cumare / cumari, chaguaramo, macana, piritu, sagú, seje, yagua*), лиан (*cajúa, chipororo / chiporro, mapuey, secua*) и тропических деревьев (*araguaney, araguato, balata, tacamahaca / tacamajaca, tacariguao, yagrumo, yaya*). Семантическая группа «фауна» демонстрирует большое количество названий моллюсков (*botuto, chipichipe / chipichipi, guacuco, quigua*), насекомых (*bachaco, bubute, cocuyo, jején, yare, zamurita*) и рыб (*laulao / laulau, macabí, mataguaro, payara, tajalí, yaque*).

Семантическая группа «национальные предметы быта» (5%) – одна из наиболее обширных. В ней представлены лексические единицы, в определенной степени отражающие национальную картину мира венесуэльцев: их повседневный уклад жизни, предметы быта и т.п.

Наиболее часто встречаются лексические единицы, являющиеся обозначением такого предмета как корзина: *agaje, balai, canasto, cataure / catauro, chirare, escusa, guapa, guayare, jaba, joro, macuto, mamure, manare, mapire / mapiri, mara, oroto, petaca, tature*. Все эти корзины плетеные из ивы, лианы или пальмовых веток, отличаются по форме (квадратные, овальные, круглые, прямоугольные, конические, цилиндрические), наличием или отсутствием крышки и ручек; они используются для различных целей: от сбора и хранения продуктов питания (фруктов, овощей, кофе, зерновых

культур) до переноса различных вещей (туш животных, инструментов, маленьких детей).

Следующей часто встречающейся лексической единицей является название емкости или сосуда: *barbacoa, bote, camaza / camasa, camuro / camure, casimba / cacimba, cuca, chirigua, chorote, fondo, imbaque, mata, matero, matón, moya, moyón, múcara/múcura, paila, peco, pimpina, postrera, pote, tarro, taturó, tiesto, toporo, totuma*. Емкости имеют различные формы и размеры и сделаны в основном из обожженной глины или какого-нибудь плода (бутылочной тыквы, кокоса, калембаса), разрезанного горизонтально пополам; реже – из других материалов: металла, пластика, воловьей шкуры, виноградной лозы и веточек. Используются емкости для хранения различных продуктов питания (соли, табака, зерна), чаще всего – жидкостей (воды, молока) или для других домашних целей: вымачивания кожи животных, сбраживания молока для изготовления сыра или ферментации гуарапо и чичи.

Близки по значению к предыдущей группе слов и лексические единицы, называющие кухонную утварь и столовые приборы: *budare / budale, cacho, carebe, carebero, greca, jícara, lonchera, paila, pichagua, pocillo, sereta*. Отметим, что в большинстве случаев данные предметы изготовлены из природного материала: стаканы из рога быка или скорлупы какого-нибудь плода, тарелки из дерева или глины.

Отдельную группу составляют слова, называющие инструменты: *chamba, chicora / chicura, fajina, macana, macuare, mandador, manigueta*. Перечисленные инструменты применяются для обработки земли, очистки и помола зерна, побелки домов, охоты (капкан) или защиты (дубинка, кнут).

В семантической группе «**национальная культура**» (6%) можно выделить несколько подгрупп.

Первая отражает понятие «национальные танцы»: *bamba, bote, cambado, carrizo, chorote, guachafa, guachalaca, joropo, mochilera, pava, pilón, yapuripo*. Все это названия народных танцев, типичных для различных районов Венесуэлы. Танцы *carrizo, pilón* и *yapuripo* имеют индейское происхождение.

Вторая подгруппа включает в себя понятие «национальные песни»: *aguinaldo, bambuco, corrido, chipola, fulia / folia, gaita, galerón, golpe, joropo, merengue, salve*. Большинство музыкальных композиций является фольклорными и исполняются в различных районах Венесуэлы во время праздников и фестивалей,

например: праздник Майских крестов, день св. Лусии, св. Бенито и Пресвятой Девы Чикинкира, фестиваль Тамунанге и др.

Следующая подгруппа объединяет понятие «музыкальный инструмент»: *bandola, cacho, carángano, cuatro, charrasca, maraca, marimbola, quitiplás, requinto, sinfonía, tiple, tres*. Для данной подгруппы характерны названия различных видов барабанов, ввезенные в Венесуэлу африканскими рабами: *curbeta / curbata, miña, pujao, tambora, tamunango*. Также широко представлены названия музыкальных инструментов индейского происхождения: *carrizo, marimba, tucologó, yapuripo*.

Далее следует семантическая группа «персонажи, герои и мифические существа». Здесь широко представлены названия персонажей, связанных с теми или иными национальными праздниками (как правило, речь идет о переодетых в тематические костюмы людях): *bolero, burriquita, carite, chiriguare, iguana, tucuso*. Понятие «мифические существа» располагает синонимичным рядом слов для называния дьявола: *cachudo / cachúo, guardajumo, marrunga, rabudo*. Также представлены слова, называющие духов воды: *encanto momó / momoe / momoy / momú / mumú*.

Заключительная подгруппа включает в себя понятие «игра». В основном представлены детские игры: *baba, cacuro, candelita, fardo, guataco, pescado, pico-pico, sún-sún / súnsún*.

В семантической группе «**единицы измерения**» (2%) интересно выделить различные меры веса, названия которых варьируются в зависимости от региона и предмета купли-продажи (древесина, зерно, табак, клубневые и т.д.): *botalón, bulto, cabuya / cabulla, canasto, cestón, cuenta, guacal, madeja, mara, olla, palo, vara*.

В семантической группе «**внешний вид человека**» (8%) выделим несколько подгрупп.

Первая и наиболее многочисленная включает в себя понятие «человек с каким-либо физическим дефектом»: *cambeto, cazcorvo, choreto, chulenco, gocho, lunanco, macaco, manclenco, maneto, mapleto, marruñeco, mocho, ñeco, ñoco, pachareco, patuleco, ruleco, vireto, zalenco*.

Следующая подгруппа объединяет в себе лексические единицы, выражающие понятие «человек с сильно выступающей частью тела»: *barrilete, bembón, bocón, cachubón, maratón, orejón, volado, zalenco*.

И, наконец, заключительная подгруппа включает понятие «внешний вид, характерный для темнокожих»: *chicharrón, mojino, niche, pasudo, pegón, pisillo, trigueño*.

Интересна семантическая группа «**спиртные напитки и наркотики**» (4%). Там широко представлен синонимический ряд со значением «излишнее употребление алкогольных напитков», лексические единицы которого образованы при помощи суффикса *-azo*: *chinchorrazo, guatazo, guarapazo, lamparazo, langanazo, macanazo, matracao, pepazo, taparazo, taquichazo, tarrayazo, trancazo*.

Следующая подгруппа объединяет в себе слова с семантикой «маришуана или сигарета с маришуаной»: *bate, cacho, chuchó, hallaca / hayaca, macolla / macoya, mafafa, manteca, maraña, maría, matraca, monte, mota, vaina*. Все слова являются стилистически маркированными (жаргон наркоманов).

Национально-культурная специфика вышеприведенных венесуализмов обусловлена явлениями и представлениями, типичными для жителей Венесуэлы (включая индейские племена). Таким образом, можно утверждать, что венесуализмы несут в себе национально-культурный компонент и служат своеобразным от-

ражением истории, традиций, культуры и образа жизни населения Венесуэлы.

Список литературы

1. Фирсова Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. Учебное пособие / Н. М. Фирсова. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 352 с.
2. Chiossone T. El lenguaje erudito, popular y folklórico de los Andes venezolanos / T. Chiossone. – Caracas: Biblioteca de Autores y Temas Tachirenses, 1977. – 299 p.
3. Colmenares del Valle E. La codificación del venezolanismo / E. Colmenares del Valle // Estudios lingüísticos y filológicos en homenaje a María Teresa Rojas. – Caracas: Universidad Simón Bolívar, 1989. – P. 69–91.
4. Носкова А. И. Лексическое своеобразие венесуэльского национального варианта испанского языка / А. И. Носкова, Е. А. Плеухова // Филология и культура. Philology and culture. – № 2 (36). – Казань, 2014. – С. 45–50.

Н. В. Обвинцева

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОТНОШЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛА НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “RELATION” IN THE RUSSIAN LANGUAGE BASED ON THE NATIONAL RUSSIAN LANGUAGE CORPUS

Данная статья освещает результаты анализа репрезентации концепта «отношение» в русском языке на основе случаев употребления основной называющей его лексики отношение. Анализ выявляет две основные группы понятия данного концепта, с основой на факт, что само отношение может отражать объективно существующую возможность связей и их действительное наличие, а также субъективную сторону отражения действительности. В каждой группе представлены уточняющие признаки, описаны основания их выделения и порядок определения в примерах. В статье представлено количественное сравнение проявления, как общих групп значений, так и уточняющих признаков в каждой из них.

The article represents the results of the analysis of the concept «relation» in the Russian language on the basis of the usage of its basic lexeme *отношение (otnosheniye)*, which names the concept itself. The analysis reveals two basic groups of the concept taking into consideration the fact that any relation reflects either objectively existing possibility of connections and bonds or subjective aspect of reality. Each group has its own detailed features. The author describes the technique of their defining and revealing in the examples. The article gives quantitative comparison of either the both groups or their detailed features.

Ключевые слова: концепт, отношение, национальный корпус, корпусная лингвистика.

Keywords: concept, relation, national corpus, corpus linguistics.

Отношение – это одна из древнейших категорий, выделенных Аристотелем, который не мыслил самостоятельного бытия отношения без вещей [1. С. 66–72]. Отношение рассматривается во всех сферах человеческой деятельности и в силу своей всеобщности как категория приобретает предметно-содержательный характер только применительно к какой-либо определенной системе: формальной (в логике и математике), материальной, социальной, духовной. Категория отношения является универсальной для любого языка, она рассматривается, и как общенаучная и философская категория, так и в качестве частнонаучной категории [3. С. 93–96] (логика, математика, психология).

Н. Н. Болдырев называет категорию концептуальным объединением объектов [2. С. 56]. Концептуализацию можно рассматривать как образование определенных представлений о мире в виде фиксированных в сознании единиц знания. Основная часть концептов закрепляется в языке при помощи слов [2. С. 37–38]. Значение слова – это общее представление о содержании выражаемого концепта. [2. С. 86]

Таким образом, понимание и представление носителями языка концепта «отношение» происходит в соответствии с семантикой, заложенной в основной лексеме, отражающей категорию. В русском языке таковой является лексема *отношение*.

Словарь под редакцией А. П. Евгеньевой определяет «отношение» наиболее полно: «1) тот или иной характер поведения, обращения кого-либо с кем, чем-либо; 2) связь между кем-, чем-либо, образующаяся из общения на какой-либо почве; 3) причастность к чему-либо, связь с кем-, чем-либо, касательство; 4) взаимная связь, зависимость разных величин, предметов, явлений, соотношение между чем-либо» [8. С. 694.].

В других толковых словарях лексему *отношение* определяют в большей степени как взаимную связь предметов, действий, явлений и как связь между людьми, как характер поведения кого-нибудь с кем-нибудь и взгляд на что-нибудь, при этом затрагивается более частное отношение в математике.

В научной литературе понятие «отношение» рассматривается с математической, логиче-

ской, философской и социологической точек зрения.

В современном логическом словаре понятие «отношение» рассматривается как «абстрактная взаимосвязь между объектами» [4. С. 354]. В философском словаре «Всякое познание достигается тем, что мы отыскиваем отношения, в которых находятся предметы», и каждый предмет, который мы узнаем, представляется нам частью той системы отношений, в которую он входит (URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/razumovsky_otnoshenie.htm).

Таким образом, можно сказать, что толковые словари русского языка и научные словари раскрывают самое общее понятие отношения – взаимосвязь. В то время как концепт отношение охватывает различные признаки и свойства объектов в их взаимозависимости друг от друга, и взаимосвязи.

Чтобы раскрыть данный концепт полнее, необходимо проанализировать употребление лексемы *отношение* в контекстах.

Для данного анализа выбран Национальный корпус русского языка [5] как источник, наиболее широко и разносторонне представляющий случаи употребления слов в языке.

Анализ произведен на материале 900 случаев употребления лексемы *отношение* в различных смысловых проявлениях.

Количество проанализированных случаев употребления обусловлено тем, что данный объем материала полно демонстрирует все уточняющие признаки и может считаться достаточным для объективного анализа репрезентации концепта «отношение» на данном материале.

Все примеры употребления разделены на группы по семантическому признаку. Этот признак вычленялся автором статьи с опорой на выделяемые значения лексемы в словарях, а также с основой на логические связи между случаями употребления данной лексемы.

Например, признак *отношения* в употреблении «**Отношение** к еде и обращение с едой – достижение культуры, и отчётливее всего это понимаешь в Средиземноморье, особенно во Франции» (Рецепты национальных кухонь: Франция (2000-2005)) [5] определяется как «Субъективная сторона отражения действительности, результат взаимодействия человека

со средой» с уточняющим признаком «Мнение, взгляд на..., набор ценностей и убеждений, связанных с определенным предметом».

Другой случай употребления «**Отношение** его ко всем этим кругам, в которые он, ненасытно любопытный, нырял со своим “Это очень интересно”, было зыбкое: иной раз не разобрать, то ли он преклоняется, то ли издевается» (А. В. Амфитеатров. Чудодей (1932)) [3] имеет такое же общее определение с уточняющим признаком «Характер обращения с..., действие по глг. *отнестись* в знач. «обходиться».

Под общее определение «Объективное выражение взаимосвязи нескольких объектов, результат точного научного (математического и т.д.) или социального определения» подходит высказывание «При этом банк остался консервативным в плане обеспечения этих рисков резервами – их **отношение** под обесценение кредитного портфеля к неработающим кредитам увеличилось до 1,6%» (Марина Максимова. Сбербанку вернули очень много денег (2011.03.23)) [5], с уточняющим признаком «Математическое отношение (доля, пропорция)».

И пример объективного выражения взаимосвязи с другим признаком «механика» следующий: «Коробка передач ручная, передаточное отношение «заточено» в основном для штурма грязи и бездорожья» (Владимир Гаврилов. Горячо любимое старое (2010.03.16)) [5].

Тот факт, что отношение отражает как объективно существующую возможность связи и взаимодействия вещей, так и их действительное наличие, был взят за основу при выделении общего значения. В соответствии с ним в процессе анализа выделены две основные группы значения концепта:

1. Субъективная сторона отражения действительности, результат взаимодействия человека со средой [7. С. 298 – 300].

2. Объективное выражение взаимосвязи нескольких объектов, результат точного научного (математического и т.д.) или социального определения.

Первая группа отражает концепт отношения с психологической точки зрения, и ее название отражает первую часть определения лексемы *отношение* в словаре.

Название второй группы выведено логическим сопоставлением ее с первой группой и добавлением основных объединяющих признаков группы.

В первой группе выделяются следующие дополнительные признаки:

– Отношение к чему-либо: мнение, взгляд на... Набор ценностей и убеждений, связанных с определенным предметом.

– Отношение к чему/кому-либо – характер обращения с ним, поведение, действие по глг. *отнестись* в знач. обходиться.

– Отношение к чему/кому-либо: эмоции, испытываемые к объекту;

– Отношение к чему/кому-либо: мнение + эмоции, испытываемые к объекту.

– Отношение к чему/кому-либо: мнение + обращение с объектом.

– Отношение к чему/кому-либо: эмоции + обращение с объектом.

– Отношение к чему/кому-либо: мнение + эмоции + обращение с объектом.

Во второй группе дополнительные признаки представлены в меньшем количестве:

– Математическое отношение (доля, пропорция).

– Механика.

1. - Документ (Официальная бумага, документ URL: <http://www.ozhegovwords.com/word/22642>).

- Связь:

а) касаться чего-либо (иметь отношение к чему-либо), причастность, касательство, участие в чём;

б) родственные – семейные отношения;

Если во второй группе все дополнительные признаки лежат на поверхности в процессе употребления и легко дифференцируются, то выделение дополнительных признаков в первой группе требует достаточного контекста, общего понимания ситуации и более высокого уровня абстрагирования.

Так, не всегда является возможным понять, является ли данное «отношение» проявлением только на эмоциональном уровне, или в него входят поведение и определенный набор ценностных установок по отношению к объекту. Можно предположить, что по отношению к каждому объекту в сознании существуют определенные ценностные установки, выражающиеся в мнении человека. Выделяя в концепте «отношение» такие дополнительные признаки, мы руководствовались более абстрактным восприятием.

Рассмотрим примеры:

1. «Положительное эмоциональное **отношение** к этим же вещам создаётся или поддерживается в данном случае благодаря приобретению их высокостатусными группами, что придаёт им большую престижную значимость (Лариса Шпаковская. Старые вещи. Ценность:

между государством и обществом (2004)) [5].

В данном примере указано конкретно: эмоциональное отношение, что не подразумевает ценностных установок, а также какого-либо проявления поведенческих реакций.

2. Е. Воронова: Это влияние массовой культуры, формирующей пренебрежительное отношение к традициям, к ценностям прошлого... (Народный костюм: архаика или современность? // «Народное творчество», 2004) [5].

Пример демонстрирует проявление дополнительного значения в меньшей конкретике. Не совсем ясно, входит ли в значение только ценностная установка, либо она представлена во взаимосвязи с поведенческими реакциями. В таком случае мы относили пример употребления к дополнительному значению «Отношение к чему/кому-либо: мнение + обращение с объектом», т.к. при более широком контексте может возникнуть признак обращения с объектом, поведение.

3. Но есть одно свойство, замечательным образом отличающее отношение к науке в Белоруссии и официальных властей, и простых граждан (Владимир Губарев. Белорусские встречи // «Наука и жизнь», 2009) [5].

В данном случае присутствует возможность проявления всех трех составляющих: эмоциональной, поведенческой и ценностной в контексте употребления, таким образом, данный случай относится к «Отношение к чему/кому-либо: мнение + эмоции + обращение с объектом».

Общий анализ всего материала показывает, что группа «субъективная сторона отражения действительности, результат взаимодействия человека со средой» является наиболее многочисленной и распространенной в употреблении.

Такие дополнительные признаки второй группы, как математическое отношение (доля, пропорция), механика, документ являются

наименее распространенными в силу своей специфики употребления в более конкретных ситуациях.

Анализ показывает, насколько разнообразно представлен концепт «отношение» в случаях употребления в русском национальном корпусе основной называющей его лексемы *отношение*. Осознание всех дополнительных признаков ее употребления приближает нас к пониманию данного концепта в языке и сознании человека.

Список литературы

1. Аристотель. Категории: Сочинения в 4-х т. / Аристотель; под ред. З. Н. Микеладзе // Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – Т.2. – С. 66–72.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
3. Бучило, Н. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие / Н.Ф. Бучило, И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2010. – С. 432.
4. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1971. – 658 с.
5. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 475 с.
7. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин.. – М.: АСТ, Харвест, 1998. – 800 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, ин-т рус. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., Т.2. 1981-1984. – С. 694.

И. Ю. Пашкеева*Казанский научный исследовательский технологический университет
(Казань, Россия)***ОБРАЗНОСТЬ ИНДЕЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
НА ПРИМЕРЕ ЭПОСА «ВАЛЛАМОЛУМ»****IMAGERY OF THE INDIAN SENTENCE ON THE MATERIAL
OF "WALLAM OLUM"**

В статье рассматриваются особенности индейского предложения на материале героического эпоса североамериканского племени делаваров «Валламолум» («Красная зарубка»). Отмечается, что для грамматики индейских языков характерно использование инкорпоративных комплексов, в которых могут объединяться предлоги, существительные, прилагательные и глаголы. В исследуемом тексте наиболее распространены глагольные конструкции с нестабильными формами, что позволяет отнести такие предложения к ранней ступени глагольного типа. Определено, что инкорпорация как особый вид синтаксической связи отражает образное мировосприятие индейцев. Рамочная конструкция предложений служит основой для передачи мыслеобраза, составленного из элементов конструкции, представляющих фрагмент образа.

The article highlights the peculiar features of Indian sentence on the basis of the heroic historical narrative of the Delaware North-American tribe «Walam-Olum» («Red record»). It is noted that grammar of Indian languages is characterized by using incorporative complexes, where propositions, nouns, adjectives and verbs can be combined. The most widely used constructions in the text are verbal constructions with unstable forms, thus such sentences tend to belong to the earliest period of verbal sentence type. It is identified that incorporation being a special kind of syntactic connection reflects the imaginative perception of the world by the Indians. Frame sentence construction serves as the basis for transmitting a thought- image, combined by construction elements which are fragments of this image.

Ключевые слова: образ, образность, инкорпоративный комплекс, индейские языки, устное сознание.

Keywords: image, imagery, incorporative complex, Indian languages, oral consciousness.

Индейское устное народное творчество чрезвычайно богато. Оно представлено в мифах, легендах, песнях и речах вождей. Не случаен глубокий и живой интерес к жизни индейцев, который выразился, в частности, в серии произведений Ф. Купера, особенно в его романе «Последний из могикиан» (1826), и, конечно, в появлении эпической поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайявате» (1855), блестяще переведенной И. А. Буниным.

Однако и сегодня быт, фольклор, верования индейских племен являются предметом этнографических, культурологических исследований. А поскольку практическая и мыслительная деятельность общества находит свое отражение в языке, то научные изыскания в области индейской лингвистики также приобретают значимый характер.

Актуальность изучения особенностей индейских языков обусловлена, прежде всего, процессом активной интеграции общества и

повышением роли межнационального общения, а также возрастающим интересом к самобытным культурам, к которым, несомненно, относится культура североамериканских индейцев. Такое стремление современного человека вызвано необходимостью обратиться к своим корням, истокам, чтобы обрести в них силу и опору в бурном течении жизни и осознать красоту и богатство божественного дара – языка.

Материалом исследования послужил древний эпос «Валламолум», оригинальный текст и его перевод представлен в книге А.В.Вашенко «Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев» (1989).

«Валламолум» (Walam Olum на делаварском языке «Красная зарубка» или «Красный перечень») – художественное произведение североамериканского племени ленни-ленапе («настоящие люди»), или делаваров, получивших такое название по имени колонизатора лорда

де ла Уарра [5. С. 137]. Делавары создали замечательное пиктографическое письмо, которым в 17 веке запечатлели исторические предания и мифы.

Цель работы – определить характерные особенности индейского предложения, его тип (именной, глагольный); показать способность грамматической структуры индейских языков, а именно структуры предложения, служить источником образности.

Практическое значение работы состоит в том, что результаты исследования могут быть полезны при изучении уникальной индейской культуры, чтобы через нее разбудить интерес читателей к изучению и более внимательному отношению к родному языку.

Апробация работы: результаты исследования были впервые представлены на научно-практической студенческой конференции в Бурятском государственном университете (БГУ) в 1998 году, в курсе лекций по стилистике в «Центре межкультурных коммуникаций» Казанского научного исследовательского технологического университета (2011).

Вначале было слово... Первые люди пытались выразить то, что они видели, чувствовали, представляли, при помощи звуков, слов. Именно поэтому мы ощущаем такую силу в древних словах, сохранившихся до наших дней. Например, *спасибо* первоначально означало «Спаси, Бог», *любовь* – «Люди Богу верят». Более того, наши прародители мыслили себя частью всего, воспринимали предметы и явления окружающего мира как взаимосвязанные друг с другом [3. С. 54].

Уникальность каждого народа выражается, прежде всего, в особом способе духовного освоения действительности его представителями. Особенность мировосприятия индейцев заключается в том, что они воспринимают предметы и явления окружающего мира как относящиеся как «всеобщее – единичное». Такое образное, метафоричное видение мира должно неизбежно отражаться в языке. А поскольку язык – это система взаимосвязанных элементов, образующих различные уровни, то попытаемся определить влияние образного, целостного восприятия мира на одном из основных уровней языка – грамматическом.

Ключевыми понятиями нашего исследования являются образ и образность. Согласно философской энциклопедии, «образ – одно из основных понятий теории познания, характеризующее результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта. Это явление,

возникающее как результат запечатления одного объекта в другом» [6].

Под образностью мы понимаем способность вызывать в сознании человека образы, представления, ассоциации, служащие для понимания связи между предметами и явлениями окружающего мира, видеть общее в конкретном.

Как указывалось выше, индейское общество относится к устному типу мировосприятия. Особенность устного сознания заключается, прежде всего, в целостном восприятии окружающего мира, своеобразной перманентной медитации, когда все элементы мира доступны одновременно и в равной степени. «В отличие от современных европейцев с их индивидуальным сознанием, которые знают, читают, слышат о чем-то, представителям дописанных культур доступно непосредственное знание в полном объеме», отмечает В.Р. Ястржембский [7. С. 23].

В речевой деятельности индейцев целостность познания мира отражается в «замкнутой» грамматической структуре, в инкорпорации – способе выражения синтаксической связи в предложении, который представляет собой объединение в одно целое главного члена словосочетания с относящимися к нему зависимыми членами, в результате чего образуется инкорпоративный комплекс, состоящий из одного слова. Главный компонент, как правило, находится в конце такого морфологического единства и является ведущим, стержневым компонентом этого комплекса. Зависимые члены предшествуют главному, включаясь в его форму, как правило, в виде корня или основы, а иногда и в виде полных слов.

Инкорпорация встречается в полисинтетических языках (например, в чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, абхазо-адыгейских, индейских), в которых предложение стремится превратиться в одно слово. Например, в чукотском языке *га-нэран-тор-мэлгар-ма* означает «с двумя новыми ружьями», *мыт-винвы-эквэт-ыркын* – «тайно отправляемся», *мыт-купрэ-гынрит-ыр-кын* – «сети охраняем», *мыт-тур-купрэ-гынрит-ыркын* – «новые сети охраняем» [1. С. 166].

В индейских названиях встречаем подобные примеры: *Namikong* – «место, отличное для бобров», где: *па* – отличный, очень хороший, *amik* – бобер, *ing* – место; *Neezhodascepe* – «река близнецов», где: *neezh* – два, *oda* – сердце, *scepe* – река [8. С. 7].

Нередко случается, что одно и то же слово-предложение может интерпретироваться

по-разному. Это объясняется устным способом заимствования, а также интерференцией одного индейского языка на другой. Так, Outakouminan имеет два перевода:

1) «голубичное поле женщины из Оттавы», где: Outa – Оттава, kou – женщина, skwo, minan – голубика;

2) «это короткий путь», где: ou = ow – этот, takou – короткий, minan = форма слова mikana «тропа, путь» [8. С. 7].

В предложении не все члены составляют единое целое. Обычно инкорпорируются предлог и существительное. В эпосе «Валламолум» мы обнаружили следующие примеры:

Kiwis wunand wishimanitoak

Воистину в согласии с духами были (Песнь I, 17);

Wtenkhili sakimaner ayamek wemilluk

После Дрозда был вождь рыба, истреблял всех (Песнь IV, 15).

Предлог может стоять и после существительного:

Pehellawtenk lennapi tulapewini psakwiken woliwikgun wittantall

После потопа ленни-ленапы, люди Черепахи, согласно жили, совместно жили (Песнь III, 1) [2. С. 1–242].

В следующих глагольных инкорпоративных комплексах выделяется основной смысловой компонент hilla «недуги». Дополнительные компоненты (о значениях которых нам неизвестно), стоящие в препозиции к основному, несколько изменяют значение всего комплекса:

Showihilla akhowemi

И ослабили все змеи (Песнь IV, 7);

Nitatoner wemipalliton maskansini nihillanep

Поднял всех на войну, убил Мощного Камня (Песнь IV, 43) [2. С. 1–242].

Обращают на себя внимание формы глаголов nitatoner и nihillanep. Вероятно, окончание – пер (- mer), которое имеется у некоторых глаголов, например, sakimanep «был, стал вождь» от sakim (sachem) «вождь», pallitoner «воевал» от palliton «война», есть показатель прошедшего времени.

Следует отметить однокоренные слова, являющиеся разными частями речи:

Maskanako shingalusit nijini essopak shawelendamer eken shingalon

Великий змей врагом людей стал: ненавидел их в лютой злобе (Песнь II, 2) [2. С. 139].

В первой части предложения принадлежность слова shingalusit к именам существительным мы определили по его положению в «рамочной» конструкции, заканчивающейся гла-

голом essopak. Слово shingalon, однокоренное shingalusit, завершает вторую часть предложения. Поскольку на первом месте стоит глагол shawelendamer (мы уже знаем это глагольное окончание), то можно предположить, что слово shingalon отражает характер действия, выраженного глаголом, и, следовательно, является наречием, которое можно перевести «вражески, люто».

В следующих предложениях интересны существительные jinwis «юноша» и gaho «мать»:

Wtenk manito jinwis lennowak mukom

После создал юношу, человека деда (Песнь I, 11).

Вероятно, manito – форма глагола maniton «творить, создавать».

Milap netami gaho owin gaho

Даровал первую мать, все существам мать (Песнь I, 12).

Nijini netami lennowaki nigoha okwewi nantinewak

Юноши, первые люди, за первыми матерями, женами шли следом (Песнь I, 13) [2. С. 1–242].

Полагаем, что префикс ni указывает на множественное число существительного. Вероятность наличия системы падежей в индейских языках, как нам представляется, невелика, поскольку значение слова зачастую определяется в контексте, а иногда по его положению в предложении.

Говоря об индейском предложении, следует попытаться определить, к какому этапу оно относится. Согласно А. Потевне, существует два этапа в развитии предложения – именной и глагольной, что соответствует двум типам мышления – образному и бёзобразному. Разделение на именную и глагольную этапы А. Потевня связывает с тем, что – имя или глагол – преимущественно выражают основную отличительную черту предложения – предикативность, т.е. отнесенность содержания предложения к объективной действительности. На стадии образного мышления, когда между предметами объективного мира еще нет тесных и четких отношений, имя отличается высокой предикативностью. На именной стадии развития предложения гораздо чаще были распространены предложения, соответствующие современному «Он рыбак», в котором существительное «рыбак» является частью составного именного сказуемого, содержащего признаки существительного и глагола. Для этого же этапа характерно употребление существительного в функции определения (рус. *рубаханень*, англ. *stone wall*). На глагольной стадии

развития предложения человек начинает расчленять предметы и явления объективной реальности на признаки и качества [4. С. 96].

В «Валламолуме» подобные предложения и словосочетания встречаются редко. В основном, это глагольные конструкции с нечетко выраженной глагольной частью:

Wullamo maskanakoanup lennowak makowini essopak

Давным-давно Великий Змей пришел, человеки злыми существами были (Песнь II,1) [2. С. 1–242].

Так, в конструкции maskanakoanup соединены три слова, принадлежащих к разным частям речи: mask «великий, большой» – прилагательное, anako «змей» – существительное, up – глагольное окончание.

Довольно часто встречаются предложения с однородными членами:

Namesik milap, tulpewik milap, awesik milap, cholensak milap

Рыб даровал, черепах даровал, зверей даровал, птиц даровал (Песнь I, 13) [2. С. 1–242].

Недостаточное синтаксическое различие и даже «безразличие» глаголов служебных и знаменательных и такое господство в предложении начал согласования, при котором члены предложения слишком однородны – все это характерно для ранней ступени глагольного этапа развития предложения [4. С. 131]. К этому же типу, по нашему мнению, относится и индейское предложение в исследуемом материале. На этом этапе развития человек начинает расчленять предметы и явления на признаки и качества, но все еще воспринимает их как существующие, равноправные.

В результате проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы. Истоки образности языка кроются в мифологическом, устном сознании, свойственном индейским племенам. Образное восприятие мира находит отражение в языке, причем на всех его уровнях, в том числе на синтаксическом. Эта характерная черта мифического мировосприятия на уровне синтаксиса в тексте «Валламолум» выражается в консолидации элементов словосочетаний и слов-предложений. Таким образом, подтверждено, что для индейской грамматики характер-

ны рамочные конструкции – инкорпоративные комплексы, типичные для полисинтетических языков. Каждый из элементов замкнутой грамматической структуры представляет собой фрагмент образа, а их совокупность (инкорпорация) образует целостный образ в «синтаксической рамке». Мы также определили, что индейские предложения относятся к ранней ступени глагольного типа предложения, в котором формы глаголов еще недостаточно стабильны.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1956. Том 39, 2-е изд. – 664 с.
2. Ващенко, А. В. Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев / А. В. Ващенко. – М. : Наука, 1989. – 242 с.
3. Пашкеева, И. Ю. Сложные слова в англоязычных художественных текстах и их перевод на русский язык: монография / И. Ю. Пашкеева. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. – 175 с.
4. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике, Т 1-2 / А. А. Потебня // цит. по: Ф. М. Березин. История лингвистических учений. – М., 1975. – С. 94–96.
5. Скрзеникова, В. А. Этнотопонимы индейского происхождения в США / В. А. Скрзеникова // Этническая топонимика. – М., 1987. – С. 135–145.
6. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. – М. : Советская энциклопедия, 1960–1970. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4605/%D0%9E%D0%91%D0%A0%D0%90%D0%97.
7. Ястржембский, В. Р. Три темы современной американистики: открытие Нового Света, оппозиция «устное / «письменное», «открытие» Старого Света/ В.Р. Ястржембский // Лингвистическое открытие Америки. – М, 1993. – С. 5–23.
8. Peters, Bernard C. The Original Meaning of Placenames along Michigan's Lake Superior Shoreline between Sault Ste. Marie and Grand Marais / Bernard C. Peters // Michigan Academician. – 1994. – Vol. XXVI – P. 1–17.

Н. П. Пешкова

Башкирский государственный университет
(Уфа, Россия)**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ)****SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF COMPREHENSION
IN MULTI-ETHNIC ENVIRONMENT
(INVESTIGATION BASED ON DIFFERENT TEXT-TYPES)**

В статье обсуждаются некоторые результаты исследования социокультурных аспектов понимания, протекающего в условиях полиэтнической среды, с привлечением экспериментальных материалов по восприятию текстов различных типов, таких как тексты Библии, научная и научно-популярная литература, тексты социальной направленности. Рассматривается проблема общих культурных и социальных ценностей, присущих носителям различных языков и культур современного общества, как механизма достижения понимания и сближения различных социумов.

The paper discusses some results of the study on social cultural aspects of understanding under the conditions of the poly-ethnic environment based on the experimental data of different text-types comprehension, such as the Bible texts, scientific and popular science literature, texts with social content. The author considers the problem of basic cultural and social values typical to bearers of different languages and cultures in the modern society as a mechanism to achieve mutual understanding and unity of different social groups.

Ключевые слова: понимание, социокультурные аспекты, полиэтническая среда, тип текста, базовые культурные ценности, социальные ценности, психолингвистический эксперимент.

Keywords: understanding/comprehension, social cultural aspects, poly-ethnic environment, text-type, basic cultural values, social values, psycholinguistic experiment.

Мы полагаем, что в условиях существования современного полиэтнического общества тезис о понимании как важнейшем факторе и инструменте достижения успешного межкультурного взаимодействия, столь необходимого для повседневной жизни и делового сотрудничества различных этнических, национальных и социальных групп, является более чем очевидным. В связи с этим возрастает интерес различных гуманитарных наук, философии, социологии, языкознания, к исследованию разнообразных проблем, связанных с пониманием, и в том числе к вопросам его социально-культурных аспектов.

В начале двадцать первого века в целом ряде философских работ отмечалось, что в современном мире под влиянием процессов ускорения глобализации проблема понимания приобретает особое звучание. Становится непреложным тот факт, что общественное и культурное развитие полиэтнической среды обусловлено развитием разнообразных культур, «инновационный потенциал которых может быть

востребован в любой момент как способный противостоять разрушительным тенденциям». При этом диалог, основанный на понимании, является наиболее приемлемым инструментом достижения культурного и этнического равновесия [4. С. 28].

Нужно отметить, что в это же время в различных областях языкознания, психолингвистике, социолингвистике, когнитивной теории языка, достаточно активно разрабатывается проблематика понимания, строятся психолингвистические и когнитивные модели понимания письменного и устного текста, исследуются процедуры интерпретации его содержания и смысла.

Нельзя не сказать несколько слов о философских основах истории вопроса. Как известно, понимание получило категориальный статус в философской концепции Ф. Шлейермахера, в соответствии с которой оно представлялось процессом раскрытия смысла, заданного автором текста. Процесс понимания трактовался в данной концепции как экспликация того, что

уже изначально предзадано, имплицитно заложено в тексте [1. С. 767].

В. Дильтей, один из создателей методологии герменевтики, оказавший влияние на гештальт-психологию, толкует понимание как постижение душевно-духовной целостности и интуитивное проникновение одной жизни в другую [1. С. 768].

М. Вебер, создатель «понимающей социологии», утверждал, что любое социальное действие содержит в себе смысл, соотносимый со смыслом действий других людей [3. С. 25]. Здесь речь идет уже не просто о реконструкции адресатом замысла автора, но о продуцировании смысла и нового знания в процессах понимания. В этом мы усматриваем одну из философских предпосылок разработки современных моделей понимания в русле *теории смысла текста* [7].

Еще одной важной философской основой, сохраняющей актуальность для современных моделей понимания, нам представляется трактовка понимания в его непосредственном соотношении с человеческими ценностями.

А.В. Костина отмечает, что современная эпистемология определяет понимание как способность субъекта понимать текст культуры, выражать собственное к нему отношение через поведенческую активность, т.е. «действовать в соответствии с социокультурным контекстом» [4. С. 28-29]. Главной задачей коммуникантов становится не распознавание «смысловых коннотаций», а их формирование в соответствии с конкретной ситуацией. Совершенно очевидно, что система ценностей, носителями которой являются участники коммуникативных процессов, выдвигается на первый план.

В соответствии с новой философией, «ведущим вектором современного взаимодействия становится ориентация на установление понимания, которое выступает выражением психологической, теоретической, философской, идеологической и т. п. открытости мышления» [4. С. 30]. Подобная трактовка обусловлена новой социокультурной реальностью, связанной с особенностями экономического, информационного, культурного обмена между этническими и социальными группами, сосуществующими в полиэтническом пространстве. В ходе такого обмена представители разных этнокультурных групп осваивают и ценности другого мира, стоящего за поверхностной формой, потребляемого продукта. Участники подобных процессов вступают в отношения диалога с представителями другой культуры и сталкива-

ются с необходимостью формирования «процедур» понимания.

В условиях «цивилизационного слома», когда происходит распад социальных и культурных систем, ведущий зачастую к кризису и потере национальной, культурной, религиозной идентичности, для осуществления даже обычных коммуникативных процессов опора на общие ценности жизненно необходима.

Невозможно не согласиться и с тем, что при сосуществовании множества языков и культур одной из самых важных проблем является формирование в сознании молодого поколения некой общей системы ценностных смыслов. Однако, как полагают исследователи, работающие в условиях поликультурной среды, нет необходимости изобретать их заново. Любой этнос располагает системой ценностных смыслов, фиксирующих предшествующий опыт своего исторического прошлого и отождествляемых с общечеловеческими ценностями, необходимыми для ориентации в полиэтническом культурном и бытовом пространстве [2].

Как нам представляется, подобную систему общих для различных этнокультурных социумов ценностей можно рассматривать в качестве инструмента достижения между ними понимания и эффективного сотрудничества. Поскольку именно такие ценности обращаются к общезначимому и общепринятому в социальном, культурном и этическом смыслах, а, значит, объединяют людей, создавая общее коммуникативное социокультурное пространство.

Выявление и исследование этих ценностных смыслов в русле проблемы *понимания* представляет интерес для всех гуманитарных наук. Однако существует проблема поиска эффективной процедуры их экспликации. По мнению психологов, в случае прямой вербальной регистрации ответов респондентов возникает опасность неадекватной репрезентации собственных ценностей, присущих сознанию личности, из-за «речевых табу и другого рода преград» [5].

Это объясняет некоторые ограничения, присущие лингвистическому и социологическому эксперименту, связанные с тем, что они, как правило, предлагают прямые вопросы и регистрирует прямые ответы, отражающие, в основном, подвижные, быстро меняющиеся инструментальные ценности, лежащие на поверхности сознания. Кроме того, представители молодого поколения при ответах на прямой вопрос стремятся, как показывает практика, выглядеть лучше, «круто», «более современ-

но» и т.п. Иными словами, существует риск получить лишь декларируемые, а не реальные ценности, разделяемые участниками эксперимента.

Психолингвистические методы в форме свободного ассоциативного эксперимента или метода «встречного текста», как мы уже отмечали, представляют более эффективный инструмент проникновения в языковое сознание и позволяют затронуть не только то, что лежит на его поверхности, но и глубинные пласты сознания личности [8].

Данные наших психолингвистических экспериментов, проводимых в русле психолингвистики текста и «теории смысла» А.И. Новикова [6] с целью изучения, как общих и частных особенностей понимания, так и специфики языкового сознания студенческой молодежи полиэтнического региона нашей республики, позволяют утверждать следующее. Вербализованные реакции «встречного текста», регистрируемые самим испытуемым, помимо опосредованных данных о механизмах понимания, дают также обширную информацию и об авторе «встречного текста», о его национально-культурной принадлежности, ценностных ориентирах и др.

Мы отмечали ранее, что важным фактором в исследованиях такого рода является тип предъявляемого испытуемым текста. Он может во многом провоцировать разного рода проявление национально-культурной специфики языкового сознания реципиентов, как это было в случае использования библейских текстов и мифов, или наоборот нейтрализовать подобные проявления (в случае с научным, научно-популярным текстом) [8].

Представляет большой интерес и тип реакций, продуцируемых испытуемыми. С точки зрения отражения национально-культурной специфики сознания, ценностных идеалов и базовых ценностей, наиболее интересны такие реакции, как «ассоциация», «мнение», «оценка» и «интертекст». Именно в них больше всего было обращений испытуемых к содержанию Библии и Корана, к популярным произведениям русской классики и т.п. Такие виды реакций, как «генерализация», «перевод», «визуализация», также в определенной степени содержали полезную информацию, иногда не столь явно, как это было в реакциях названных выше, а имплицитно [8. С. 91].

Лингвистический анализ вербальных реакций дает информацию о социальном статусе и профессиональной принадлежности испытуе-

мых, использующих молодежный (студенческий) жаргон, профессионализмы и т.п.

Экспериментальный материал, безусловно, отражает особенности полиэтнического социума Республики Башкортостан, обусловленные сосуществованием на протяжении нескольких веков духовных ценностей Христианства и Ислама. Однако этнокультурная уникальность республики связана и со взаимодействием более ста тридцати языков и культур, протекающем на фоне двух противоположных тенденций: общей тенденции глобализации и частной тенденции этнического возрождения коренных народов республики.

Как отмечают этнографы, многоязычное население Башкортостана во многом привержено своему родному языку, но в то же время для всех без исключения национальностей республики характерен рост абсолютной и относительной численности людей, владеющих русским языком [12]. Считается, что общность языка не всегда свидетельствует об общности культуры, но именно эта общность «служит и еще долго будет служить важнейшим фактором к установлению культурного взаимопонимания» [10. С. 261]. О чем в полной мере и свидетельствуют наши исследования.

Следует отметить еще одну особенность, отчетливо присутствующую в наших экспериментальных данных. По словам Е.Ф. Тарасова, ориентация индивида в поликультурном пространстве имеет «социальный аспект», связанный со знакомством и овладением «чужими матрицами социального поведения» и «чужими схемами социального взаимодействия» [11. С. 4]. Осуществляя экспериментальные исследования на протяжении пятнадцати последних лет, мы можем наблюдать определенную динамику в формировании системы ценностных смыслов, присущую студенческой молодежи нашего региона [9].

Наши данные, безусловно, регистрируют наличие некоторого инвариантного набора общечеловеческих ценностей, присущих языковому сознанию испытуемых, независимо от их этнической принадлежности, лежащих в основании так называемой «пирамиды ценностей», о чем мы упоминали [8]. Тем не менее, в вербальных реакциях испытуемых последних лет, полученных на стимулы в форме различных типов текстов, прослеживаются различные варианты репрезентации содержания этих ценностей, определяемые не только индивидуальными особенностями испытуемых и их этнокультур-

ной принадлежностью, но и временной локализацией.

Так, например, последние материалы экспериментов, связанных с изучением восприятия текста социальной направленности студенческой аудиторией, позволили выявить особые группы испытуемых, разделяющих определенные общие социальные ценности, безотносительно их национальной, религиозной и культурной принадлежности и явно отражающие влияние тенденций глобализации последних лет [8]. Безусловно, не обошлось здесь и без влияния смысловых направляющих самого текста, имеющего, как упоминалось, содержание социальной направленности, понимаемое и интерпретируемое в русле универсальных тенденций.

В основных выводах нашей последней экспериментальной работы мы неизбежно приходим к мысли о том, что социально-культурные ценности как составляющие общечеловеческих ценностей характеризуются общим *пониманием* и представляют собой эффективный инструмент объединения полиэтнического социума. Думается, что именно их можно рассматривать как механизм, снимающий межэтнические и межкультурные противоречия и способствующий дальнейшему формированию общей картины мира и общих ценностей, сближающих этносы, но не уничтожающих их идентичность.

Список литературы

1. Абушенко, В. Л. Понимание / В. Л. Абушенко // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 767–769.
2. Воронина, Н. И. Финно-угорский регион как полиэтническое общество / Н. И. Воронина // Регионоведение. – 2012. – № 3. – С. 187–188.
3. Воскобойников, А. Э. Монолог о Диалоге и Понимании / А. Э. Воскобойников // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 22–27.
4. Костина, А. В. Массовая культура: аспекты понимания / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 28–35.
5. Леонтьев, Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании / Д. А. Леонтьев // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.
6. Новиков, А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания / А. И. Новиков // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64–76.
7. Новиков, А. И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. / А. И. Новиков. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
8. Пешкова, Н. П. Региональные особенности языкового сознания российской молодежи / Н. П. Пешкова // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 2 (16) – С. 8–19.
9. Пешкова, Н. П. Социальный контекст общечеловеческих ценностей в языковом сознании молодежи полиэтнического региона / Н. П. Пешкова // Вопросы психолингвистики. – № 2 (24). – 2015. – С. 98–106.
10. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: «Прогресс», 1993. – 656 с.
11. Тарасов, Е. Ф. Предисловие / Е. Ф. Тарасов // Жизнь языка в культуре и социуме-3: материалы 3-ей международной научной конференции. – М.: Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 2012. – С. 3–4.
12. Фатхутдинова, А. И. Этноязыковое развитие Республики Башкортостан: 1979–2010 гг.: автореф. дис. ... канд. историч. наук / А. И. Фатхутдинова. – Казань, 2011. – 33 с.

С. А. Питина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ТОПОНИМЫ В
СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

COMPARATIVE APPROACH TO ENGLISH AND RUSSIAN PLACE NAMES

Статья посвящена рассмотрению особенностей английских и русских топонимов в аспекте лингвокультурологического подхода. Выявлены универсальные особенности и национально-культурные закономерности топонимических систем двух языков, показано влияние англоязычной микротопонимики на отечественную систему эргонимов.

The paper views peculiarities of English and Russian place names from linguistic and cultural approaches. Universal and unique characteristics of the compared toponymic systems are revealed, English microtoponymy influence on Russian commercial names is stated.

Ключевые слова: топонимическая система, микротопонимы, урбанонимы, годонимы, эргонимы.

Keywords: system of place names, microtoponyms, urban names, street names, commercial names.

Топонимы как открытая и весьма динамичная лексическая система являются довольно ярким и разноплановым материалом для контрастивной лингвокультурологии. Топонимическая лексика активно изучается на кафедре теоретического и прикладного языкознания ЧелГУ на материале одного или нескольких языков по данным словарей, карт и атласов (Давлеткулова Л. Н., Питина С.А.), по материалам интернет-сайтов, художественных произведений (Урванцев Г.В.).

Топонимическая лексика включает в себя макро- и микротопонимы. Если первая, устойчивая, редко меняющаяся в английском и подвергающаяся изменениям в результате смены общественного строя в русском языке, группа слов исследована достаточно подробно, то микротопонимы редко становятся объектом лингвистического анализа. Это можно объяснить как структурной и семантической неоднородностью микротопонимических групп, так и открытостью таких лексических образований.

Микротопонимия – особая ономастическая лексика, выделяемая на основании величины именуемого объекта и наличия в его семантике локативного компонента значения; при этом степень известности объекта варьируется от интернациональной до индивидуальной, что определяет принадлежность микротопонима к ядру или периферии ономастического поля [1]. Микротопонимы как номинации городских объектов образуют значительную составляю-

щую урбанонимическую лексику. Урбанонимы – искусственно созданные наименования городских объектов, которые образуют социально и исторически обусловленную, зачастую уникальную для каждого топонимического объекта часть лексики, что обуславливает актуальность их изучения для получения объективного представления о конкретной лингвокультуре [2. С. 86].

В урбанонимической микротопонимике процессы номинации сочетают тенденции как локальных, так и глобальных лингвокультурных и социолингвистических процессов. Основными группами урбанонимов являются годонимы, эргонимы и народные топонимы. В данной работе будут рассмотрены особенности годонимов на примере названий улиц городов Челябинска и Лас Вегаса, выбор которых обусловлен результатами многолетних наблюдений автора, и эргонимов Челябинска для выявления языковой интерференции в урбанонимах. О народных топонимах см. подробнее в [3].

Годонимическая лексика двух неблизкородственных языков отражает общие когнитивные процессы при номинации городских объектов: сохранение исторической памяти (вторичная мотивация) и использование первичной мотивации при фиксации городского объекта.

В Челябинске много улиц названо в честь революционеров, героев войн, писателей, ученых, исторических событий. Одинаковые названия улиц, отражающие революционную

и военную символику (*Коммунистическая, Коммуны, Победы, Героев Танкограда*), имена государственных деятелей и революционеров (*Ленина, Калинина, Свердлова*) можно встретить в любом городе России.

Американские «исторические» годонимы включают в себя имена президентов, общественных деятелей и даже малоизвестных личностей. В центре Лас Вегаса улицы по вертикали названы в честь пионеров-основателей Невады: Кларка, Фремонта, Карсона..., а горизонтально расположенные улицы просто перечисляются: *First Street, Second, Third*.... В Лас Вегасе увековечены имена местных и национальных знаменитостей: *Joe W. Brown Drive, Frank Sinatra Drive, Dean Martin Drive, Wynn Road, Elvis Presley Street*, уменьшительное имя в годониме *Bugsy Siegal Court*.

Промышленные названия характерны как для русских, так и американских годонимов, только в американских отражены названия местных компаний: *Henderson, Basic*, тогда как в русских тип производства или гипероним *промышленность*: *Ферросплавная, Автозаводцев, Индустриальная, Кожзаводская*.

Местные месторождения полезных ископаемых *Lead, Silver, Perlite* логично представлены в названиях американских улиц, однако метафоричные звездные наименования, возникшие в Лас Вегасе в период промышленного подъёма и интенсивного жилищного строительства, являются более привлекательными: *Polaris, Procyon, Regulus, Capella, Sirius, Rigel, Pollux, Aldebaran*. Если в американском городе улицы *Nike Street, Adidas Lane* расположены неподалёку, то в Челябинске их существование маловероятно.

Универсальными в рассматриваемых языках являются конкретизирующие, ориентирующие и географические годонимы. Одинаковые по смыслу *Главная улица* и *Main Street* отличаются неприметностью и удалённостью от центра челябинской улицы и прямым указанием на центральное место расположения в Лас Вегасе. Антонимичные прилагательные *upper/lower, old/new, major/minor* в американских годонимах и аналогичные прилагательные *Низинная, Низкая* улицы, *Новый* переулок в русских. Вместо ориентирующего уточнения «высокий» в Челябинске существуют *Нагорная, Горная 1-я и Горная 2-я улицы*. В Челябинске преобладают названия русских городов, бывших республик Советского Союза: *Белорусская, Эстонская*, в Лас Вегасе названия штатов, океанов: *Atlantic, Pacific*.

Другой универсальной особенностью является годонимическая креативность. Улицы получают название без реально существующих доказательств их правомерности. *Переулок Акаций* в Челябинске не может похвастаться ни одним растущим на его территории деревом или кустом, а в городе пальм и кактусов Лас Вегасе можно встретить необъяснимые дубовые, сосновые и даже березовые квалификаторы в годонимах.

Следует отметить, что официально существующих нелепо звучащих американских годонимов гораздо больше, чем аналогичных русских. Улица Веселого января (*Jolly January Street*), Звездных войн, (*Star Wars*), Скромного дерева (*Shy Tree*), Здоровой липы (*Solid Lime*), Идеальной петрушки (*Perfect Parsley Street*), Возможности (*Ability Point*) Ценности (*Value Ridge*), Уважения (*Respectful Ridge*), Позитива (*Positive Point*), Одиночества (*Solitude*), Здоровья (*Wholesome Terrace*), Надежды (*Hopeful Ridge Court*), Разума (*Intellectual*), Волшебства (*Magical*), Оптимизма (*Optimistic*), Дружбы (*Friendly*), Родственных душ (*Kindred Point*) и даже Зубной пасты (*Toothpaste Street*) *Nike Street, Adidas Lane* Данный факт можно объяснить сближением народной и официальной микротопонимики в английском языке и доминированием официальной номинации в отечественной урбанонимической политике, хотя в последнее время наблюдается увеличение образных годонимов на карте Челябинска. Следует также указать на концентрацию необычных годонимов в одной и той же части американского города.

В отечественных годонимах нередко повторы названий (автор живёт на одной из трех *Западных* улиц в Челябинске), использование нумерации для дифференциации улиц с одинаковым названием (в Челябинске зарегистрировано шесть *Свинцовых* и восемь *Фабрично-заводских* переулков!). Повторяющихся годонимов в Лас Вегасе нами не обнаружено.

Годонимы как устойчивый пласт урбанонимов отражают в целом универсальные тенденции развития урбанонимической лексики, сохраняя при этом уникальные особенности номинации в рассматриваемых неблизкородственных языках, реализуя явление глокализации (объединения общего и частного).

Докажем, что глокализация характерна и для эргонимов. Эргонимы – названия коммерческих объектов – более многочисленная и менее устойчивая группа урбанонимов, отражающая качество городской среды и языковую моду в

номинации коммерческих названий. Коммерческие названия отражают качественные изменения в языковом сознании у представителей отечественной лингвокультуры, заключающихся в проявлении индивидуализации мышления, лингвокреативности, вариативности и языковой игры.

Эргонимы (от греч. *'ergon* – работа и *'onyma* – имя) – особая группа имен собственных, коммерческих названий, обозначающих организации, общества, клубы..., по мнению А.В. Суперанской, делятся на реально существующие названия предприятий или производимой ими продукции и символические, содержащие не прямое указание на их деятельность [4. С. 151].

Челябинские эргонимы отражают общие тенденции развития отечественной эргонимики, для которой характерны:

1. Гиперболизация, проявляющаяся в стремлении увеличить значимость организации (вспомним обилие всевозможных миров, планет и галерей в названиях небольших магазинов и фирм);

2. Конкретизация, заключающаяся в использовании антропонимов в коммерческих названиях;

3. Гибридизация, реализующаяся в оригинальном употреблении смешанных по происхождению и структуре эргонимов;

4. Сокращения и блендинг;

5. Частично ассимилированное и неассимилированное заимствование и варваризмы.

Анализ локальных эргонимов показал заметное влияние английского языка на русские коммерческие названия, а в названиях туристических фирм и образовательных центров наблюдается доминирование английских эргонимов.

В коммерческой образовательной деятельности подавляющее большинство эргонимов зарегистрированы по-английски. 20 процентов из них содержат прямое указание на объект деятельности: изучение английского языка: *English: Planet English, World of English, Royal English, English Club, English Accent, Study English, My English, English Geek*. Композиты-неологизмы, созданные местными учредителями, включают *Englishland, Englishup, FasTrackEnglish*. Образовательные эргонимы конкретизируют предлагаемый учащимся вариант английского языка или образовательные программы и учебники: *Oxford School, Cambridge School, Oxbridge, Liverpool, UK Club, British Club*. Привлекательными могут быть прецедентные имена: *Camelot, Big Ben,*

Robin Good Consulting и более престижные для отечественного потребителя образовательных услуг существительные академия, земля, мир, чем класс и школа: *Royal Academy, Language Academy, Studyland, World, Globus*. Прагмоориентированными считаем эргонимы *IQ, Intelligence, Smart, Progress, I like, Enjoy, Lingvostars, Lingvomaster*.

Эргоним *IQ007* – результат местного словотворчества, бленд, объединяющий аббревиатуру и конец прецедентного имени. Примерами ложной номинации можно считать название сети образовательных языковых центров *DIY* (буквально сделай сам, своими руками) и *Native Language* (родной язык).

Образовательные эргонимы существуют в Челябинске в основном на языке оригинала, хотя в ряде случаев являются результатом языковой игры.

Аналогичная тенденция прослеживается в местных названиях туристических фирм, большинство из которых заимствовано из английского языка или является гибридными русско-английскими эргонимами. Если в первой группе коммерческих названий ядерными компонентами словосочетаний служат образовательные термины, то во второй группе доминируют существительные путешествие, тур: *travel and tour*. Для привлекательности зависимые компоненты содержат слова звезда, мечта, счастливый, легкий, золотой и т.д.: *Star travel, Dream travel, Exotic travel, Easy travel, Lucky travel, Golden travel, Fiesta travel, Millennium travel, Coral travel, All travels, Your travel, Vita travel, Sky travel, Love travel, More travel, Owl tour, Lucky tour, Afrotravel, ParkCity travel, Patriot tour, Paradise tour, Fresh tour, Favorite tour, Family tour, Royal tour, Exotic tour, Discount tour, VIP tour*.

Нередко имя владельца фирмы указывается в её названии: *Olga travel, Victoria travel, Marina-club*.

Неоднозначно интерпретируется транслитерированное название *CHEmodan* (чемодан или бленд Челябинск плюс чемодан), странно воспринимаются эргонимы *Room travel, Like travel*. Подчеркнем, что лишь один туристический эргоним зарегистрирован по-английски как *Ural-resort*, являясь названием фирмы, которая занимается продажей туров по Уралу.

Гибридными являются эргонимы *Мамрешка travel, МноGO туров, Русь-travel*. Ряд исследуемых эргонимов транслитерирован из английского языка: *Даймонд тур, Бэст тур, Бриз-трэвел, Дримтур, Алпин-драйв, Ривертур*.

Челябинские образовательные и туристические эргонимы зачастую копируют английские названия, хотя в ряде случаев творчески используют словообразовательный потенциал английского языка.

Рассмотрев лишь две группы урбанонимов, годонимы и эргонимы, подчеркнём их зависимость от лингвокультурной ситуации в целом.

Список литературы

1. Правдикова, А. В. Микротопонимия как отражение картины мира: на материале английской литературы XIX-XX вв. : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Правдикова. – Волгоград, 2009. – 187 с.

2. Питина, С. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на примере названий казино Лас Вегаса) / С. А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – №4 (295). – Вып. 75. – С. 86–90.

Питина, С. А. Топонимы и народные топонимы Челябинской области / С. А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – № 26 (355). – С. 92–95.

3. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М., 1973. – 367 с.

Д. Н. Полякова

Нижегородский государственный университет
(Нижегород, Россия)

РОЗОВЫЙ ЦВЕТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ «РОЗОВЫЕ ОЧКИ»

PINK COLOUR IN MODERN EUROPEAN CULTURE: A NEW VIEW SEEN THROUGH “PINK GLASSES”

В данной статье рассматриваются некоторые изменения в коннотативных значениях колоронимов, репрезентирующих розовый цвет в русском, английском и других европейских языках, на примере устойчивых фразеологических единиц с колоронимами, полученных из различных лексикографических источников. Автором выявляются новые коннотативные значения колоронимов, связанные с современными лингвокультурными реалиями.

The paper studies changes in connotations of color names representing pink color in Russian, English and other European languages. The author uses the material of set expressions with color names to determine new connotative meanings of coloronyms associated with modern social and cultural phenomena.

Ключевые слова: лингвокультура, колороним, лингвоцветовая картина мира, розовый цвет.

Keywords: language culture, color name (coloronym), linguistic and color world-image, pink color.

Глобализация и влияние западной цивилизации на мировом уровне на фоне активной деятельности средств массовой информации, коммерциализации общества, агрессивной пропаганды, упадка традиционных ценностей неизбежно приводят к социальным, экономическим и политическим изменениям, переменам в повседневной жизни людей, сдвигам в восприятии и отношениях.

Как процесс всемирной интеграции и унификации, прежде всего, в области экономики и политики, глобализация затрагивает и другие важные сферы – культуру, образование, искусство. Это объективный процесс, имеющий системный характер, то есть охватывающий все сферы жизни общества. В результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Про-

исходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов [1].

Воспринимая мир через ощущения, пользуясь привычными для нас методами анализа получаемых извне сигналов, мы базируем наши реакции на наборе сформировавшихся культурных кодов. Теперь же, в эпоху активного взаимодействия культур и, если не сказать больше, намеренного воздействия западной культуры, происходит попытка смены этих культурных кодов.

В данной статье речь пойдет о довольно узком аспекте восприятия действительности – цветового. Цвет играет настолько важную роль в культуре, что неизбежно становится инструментом социального воздействия. В рамках различных лингвокультур цветовосприятие и цветообозначение не универсальны. В. А. Корнилов утверждает, что семантическое поле цветообозначений есть в абсолютном большинстве языков мира, однако при изучении самих цветов говорить об универсальности вряд ли возможно. Несовпадение цветообозначений в языках мира тем, что такие различия обусловлены неодинаковым выбором так называемых точек референции, каковыми можно считать выбираемые коллективным языковым сознанием наиболее типичные образцы цвета [2. С. 169].

Результаты тождественного чувственного восприятия по-разному категоризируются разными языковыми сознаниями, что приводит к различиям в восприятии и лексиколизации цвета. Совокупность значений колоронимов отражает особенности культурно-этнического восприятия, своеобразного цветового менталитета. В связи с этим исследователи говорят о наличии единой лингвоцветовой картины мира, характерной для определенного этноса. В рамках взаимодействия культур важно знать и понимать специфические особенности восприятия цвета как одного из ключевых элементов национальных картин мира.

Мы рассмотрим, каким образом отдельные цвета, в частности, розовый, воспринимаются в западноевропейской (британской, американской) и русской культурах, на примере устойчивых фразеологических единиц с колоронимами, репрезентирующими данный цвет, полученных из различных лексикографических источников, справочников и Интернет-ресурсов.

В целом следует сказать, что традиционно розовый цвет воспринимается положительно как в русской, так и западноевропейской куль-

туре. Так, в русском фольклоре розовый цвет связывался с зарей, которая в народных сказках представлялась в виде прекрасной женщины, красавицы, богини Зари или Зори.

В английском языке розовый цвет, представленный колоронимами *rosy* и *pink*, традиционно является символом здоровья, молодости и хорошего настроения: *rosy* – букв. «розовый», 1. светящийся здоровьем, со здоровым румянцем, 2. веселый, бодрый, оптимистичный; *in the pink* – букв. «в розовом состоянии» 1. в прекрасном состоянии (о здоровье), здоров как бык, 2. в прекрасных условиях; в отличном состоянии; *pink around (or about) the gills* – букв. «с розовыми жабрами», здоровый, имеющий здоровый вид; *to be tickled pink* – букв. «быть веселым до розового состояния», быть в восторге, безумно радоваться.

Вместе с тем как в британской и американской, так и в русской лингвокультурах розовый цвет стал символом наивности, детской непосредственности и излишней оптимистичности: *видеть все в розовом цвете (свете); смотреть на мир сквозь розовые очки* ср. с англ. *to see (or look at) things through rose-coloured spectacles* – букв. «смотреть на вещи через розовые очки».

В английском языке отмечено несколько специфических коннотаций колоронима *pink*. Например, розовый цвет связан с «женскими» профессиями и женской сферой деятельности: *pink collar* (букв. «розовый воротничок») – экон. разг. работница сферы обслуживания, секретарша, машинистка; *pink ink* (букв. «розовые чернила») – лит. жарг. любовные романы; считается, что именно женщины являются поклонницами данного литературного жанра; *Code Pink* (букв. «розовый код») – обществ. название женского общественного антиглобалистского и антивоенного объединения в США, основанного в 2002 г. Акции группы направлены на борьбу с американским милитаризмом в глобальном масштабе, на поддержание мероприятий в области здравоохранения, образования, экологии.

Уникальной для англо-американской лингвокультуры стала связь розового цвета с женским и детским здоровьем. Данная ассоциация стала очень распространенной в современном западноевропейском и международном обществе. Так, создана отличительная «розовая» символика для обозначения деятельности в поддержку матерей и новорожденных детей деятельности и по борьбе против рака молочной железы. Например, *розовые ленты* (англ. *pink ribbon*) являются символом, который ис-

пользуется коммерческими и общественными организациями, общественными деятелями, частными лицами, поддерживающими движение по борьбе с раком груди. Цветные ленты стали использоваться в качестве символа какого-либо противостояния еще с начала XX в. (см. цветная лента). Впервые розовая лента была использована «Организацией борьбы с раком молочной железы имени Сьюзан Г. Комен» в 1990 г. Члены данной организации раздавали козырьки от солнца розового цвета во время «Пробега за исцеление» (англ. The Race for the Cure) в г. Нью-Йорк пациентам, исцелившимся от рака молочной железы. В 1991 г. каждый участник Нью-Йоркского пробега получил розовую ленту. Данный символ используется в различных мероприятиях, акций и организациях, в том числе организации *Pink Ribbon International*, инициировавшей премию *Розовой Ленты*.

Кроме того, розовая лента – это символ американской некоммерческой организации March of Dimes Foundation, деятельность которой направлена на поддержку матерей и новорожденных детей, борьбу против преждевременных родов, спасение новорожденных и поиск лечения врожденных дефектов.

Еще один символ движения – *розовый хиджаб*. Символ используется в ходе международной акции «День розового хиджаба» (англ. *Pink Hijab Day*), направленной на повышения осведомленности населения о раке молочной железы, раке кишечника и раке шейки матки. Акция проводится представителями мусульманских сообществ в США, Австралии, Болгарии, Канаде, Южной Африке и в других странах в рамках «Месяца национального самосознания в сфере борьбы против рака груди» (англ. National Breast Cancer Awareness Month, NBCAM). В этот день участники акции надевают розовые хиджабы (женщины) и скупфы (мужчины) в знак поддержки движения.

Существует целый период в году (в октябре), когда проводятся мероприятия и кампании при поддержке общественных и благотворительных организаций в рамках «Месяца национального самосознания в сфере борьбы против рака груди». Эти ежегодные мероприятия получили название *pinktober* (букв. «розовый октябрь», «розтябрь»). Кампания стартует каждый год с 1985 г. с целью повышения осведомленности населения о проблеме рака молочной железы, сбора средств на исследования причин заболевания, его профилактики, диагностики и лечения. В рамках кампании ор-

ганизуются спортивные мероприятия, концерты, флеш-мобы, цветовая подцветка крупных общественных зданий, покраска архитектурных объектов в розовый цвет и другие акции. Лексема *pinktober* является блендом колоронима *pink*, обозначающего розовый цвет, с названием месяца October (октябрь).

Колороним *pink* имеет еще одно новое коннотативное значение в современных европейских языках, основанное на ассоциации с представителями сексуальных меньшинств. Так, одним из символов ЛГБТ-сообщества и движения в поддержку прав человека в их отношении стал *розовый треугольник* (англ. *pink triangle*, нем. *rosa Winkel*). Данный символ возник в Германии в период Третьего рейха, где в концлагерях использовалась нашивка в виде розового равностороннего треугольника с вершиной, обращенной вниз, для обозначения мужчин гомосексуальной ориентации. Согласно Уголовному кодексу нацистской Германии, заключению подлежали все мужчины, которые были заподозрены в гомосексуальных отношениях. С начала 1970-х годов американские и немецкие организации по защите прав человека в отношении представителей ЛГБТ-сообщества стали популяризировать розовый треугольник как символ движения. В настоящее время данный символ широко используется для маркировки принадлежности к ЛГБТ-сообществу: его изображение помещается на запонки, серьги, значки, брелоки, плакаты и т.п., он является основой символа Международного дня борьбы с гомофобией, других организаций, мероприятий и памятников ЛГБТ-сообщества.

Таким образом, сам розовый цвет начал ассоциироваться с гомосексуальностью. На основе данного ассоциативного значения появились новые понятия, например, англ. *pink economy* – экон. жарг. нелегальная экономика; совокупность услуг, компаний, СМИ (печатных изданий и телевизионных каналов) и развлекательных клубов, созданных для обслуживания представителей сексуальных меньшинств. Данное выражение было заимствовано в русский язык в виде кальки «розовая» экономика.

В обиход вошли «розовые» деньги: *pink money*, также *pink dollar* (в США), *pink pound* (в Великобритании) (букв. «розовые деньги/розовый доллар/фунт») – экон. разг. покупательская способность ЛГБТ-сообщества, в частности, в связи с поддержкой ЛГБТ-сообщества тех или иных политических сил; денежные средства, которыми расплачиваются представители ЛГБТ-сообщества. Изначально выра-

жение использовалось как жаргонизм для обозначения пограничного, маргинального рынка товаров и услуг, однако с середины 1990-х – начала 2000-х гг., когда в странах Европы и в США стала развиваться новая волна борьбы за права гомосексуалистов, термин стал использоваться более широко в отношении процветающей индустрии по обслуживанию интересов ЛГБТ-сообщества. Данный рынок включает в себя специальные магазины, развлекательные клубы, рестораны, такси, свадебные салоны, СМИ, строительные и сантехнические службы и т.д. В 2001 году несколько предприятий в Великобритании производило специальные наклейки розового цвета, которые прикреплялись на монеты достоинством 1 фунт. Многие из данных монет по-прежнему находятся в обращении.

Влияние ЛГБТ-сообщества распространяется благодаря «розовым» СМИ: *Pink News* (букв. «розовые новости») – журн. название электронного новостного издания для гомосексуалистов в Великобритании. Выпускается с 2005 г. В газете освещаются темы, интересующие читателей из ЛГБТ-сообщества, включая жизненные истории, сообщения об изменениях в правах гомосексуалистов в других странах, интервью с политиками Великобритании, кампаний, проводимых в интересах сообщества, финансовые, религиозные новости, новости здравоохранения и т.п.; *Pink TV* (букв. «розовое телевидение») – телев. название европейского спутникового телевизионного канала для гомосексуалистов. Канал был основан в октябре 2004 г. во Франции. Он является платным, вещает круглосуточно, в его программу включены специализированные реалити- и ток-шоу, фильмы и передачи для взрослых.

Современные ассоциативные значения колоронимов, репрезентирующего розовый цвет в европейских языках, связаны, с одной стороны, с женским здоровьем, а с другой стороны, с гомосексуальностью. Иногда данные значения объединяются в одной многозначной и образной идиоме, например, *pinkwashing*, также *pinkwashing* (букв. «розовое приукрашивание»). Одно из значений этой лексемы связано с использованием общественной поддержки борьбы с раком груди для продвижения продукции, которая может вызывать рак груди, например, сигарет, продуктов, содержащий сахар, лаурилсульфат натрия, ароматизаторы, гормональные дезинтеграторы и т.п. Термин появился в 1980-х гг. и образован от глагола *pinkwash*, от которого образован целый ряд слов и выражений

с общей семантикой: *pinkwasher* (лицо, занимающееся продвижением продукции под прикрытием борьбы с раком груди), *pinkwashed consumer* (обманутый потребитель). Термин является блендом колоронима *pink*, обозначающего розовый цвет, который традиционно ассоциируется с раком молочной железы (см. розовая лента), с фразеологической единицей *whitewashing* – попытки обелить, скрыть недостатки, оправдать плохое. Второе значение лексемы *pinkwashing* – делов. разг. совокупность маркетинговых и политических мер, направленных для продвижения продукта или коммерческой компании через апеллирование к гей-сообществу. В этом значении данное значение выражения известно с 2010 года, когда оно стало использоваться в контексте израильско-палестинского конфликта. Данный прием, по убеждению активистов, выступающих против оккупации Израилем части Палестины, стал частью маркетинговой стратегии Израиля по «обелению» страны в глазах международного сообщества попыткой отвлечь внимание от нарушения прав человека. В ноябре 2011 г. в газете *New York Times* была опубликована статья, автор которой, Сара Шульман, определила термин *pinkwashing* как («the co-opting of white gay people by anti-immigrant and anti-Muslim political forces in Western Europe and Israel»), т.е. «кооперацию антимигрантских и антимусульманских политических сил в Западной Европе и Израиле с сообществом белых геев» (перевод наш – Д.Н.).

Таким образом, на современном этапе развития западных лингвокультур наметилось активное изменение в коннотативных значениях колоронимов, репрезентирующих розовый цвет. Новые образы, символы и основанные на них устойчивые фразеологических сочетания «кочуют» из культуры в культуру, из языка в язык, заимствуются в виде калек. Глобализационные процессы, деятельность СМИ, активная пропаганда и межкультурные контакты может привести не только к улучшению взаимопонимания, уважения и терпимости между представителями различных наций, но и к «размыванию» традиционных культурных кодов, к изменениям в восприятии окружающей действительности, в социальных отношениях и языковом мышлении.

Список литературы

1. Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверените-

та. Век глобализации. Вып № 1 / 2008. – URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129828/>

2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов:

науч. изд. / О. А. Копачев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. 349 с.

Т. А. Протасов

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

МНОГОМИРИЕ «ЧЕЛОВЕКА В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ» (*MAN IN THE HIGH CASTLE*) ФИЛИППА К. ДИКА

MAN IN THE HIGH CASTLE) ФИЛИППА К. ДИКА THE MULTIVERSE OF “THE MAN IN THE HIGH CASTLE” BY PHILIP KINDRED DICK

В данной статье мы попытаемся рассмотреть систему многомирия, представленную в романе Филиппа К. Дика «The Man in the High Castle», используя для этого теорию возможных миров М.-Л. Райан и теорию текстовых миров П. Верта и Дж. Гэвинз.

The following article focuses on observing and systematizing the multiverse of Philip K. Dick's novel «The Man in the High Castle», relying primarily on M.-L. Ryan's possible-worlds theory and P. Werth and J. Gavins' text worlds theory.

Ключевые слова: текстовые миры, возможные миры, фантастика, Филип К. Дик.

Keywords: text worlds, possible worlds, science fiction, Philip K. Dick.

Понятие «многомирие» уже само по себе звучит фантастично. В голове рисуются параллельные миры и вселенные, множество планет и другие атрибуты научной фантастики. Но на самом деле «многомирие» может относиться к художественным текстам любых жанров – все зависит от того, что мы понимаем под «миром».

Помимо общего значения «мир – вселенная, система мироздания как целое» [3. С. 95], существует также понятие «ментальный мир», обозначающее представление о реальном мире в сознании человека [3. С. 137]. Аналогичное представление создает и читатель художественного текста, потому что текст содержит описания мест, пространств, а также персонажей, которые читатель потом воссоздает в своем сознании во время чтения.

Многомирие в таком случае мы представляем просто как совокупность таких миров. Чтобы на наглядном примере пронаблюдать существование нескольких миров в рамках одного текста, в качестве материала для исследования мы взяли произведение научно-фантастиче-

ского жанра. Особенностью этого жанра как раз и является описание фантастических и необыкновенных миров, значительно отличающихся от реального [10. С. 104], что несколько облегчает нашу задачу.

Анализ будет проводиться на примере романа американского фантаста Филиппа Киндред Дика «Человек в высоком замке» (*The Man in the High Castle*). В нем рассказывается альтернативная история Второй мировой войны, в которой победили страны Оси, а Америка оказалась поделена между Германией и Японией. Повествование ведется уже в 1962 г. в мире книги, через 15 лет после войны, и описывает преимущественно бытовую жизнь персонажей в непривычном (преимущественно для читателя) мире [4].

Важное место в сюжете романа занимает книга одного из персонажей произведения – Готорна Абендсена – «Когда наестся саранча» («*The Grasshopper Lies Heavy*»), где описывается альтернативная история по отношению уже к миру самого произведения, согласно которой во Второй мировой победили союзники, но и

эта версия отличается от реальной, в частности, тем, что решающую роль в войне играет не СССР, а Британия, и она потом становится одной из мировых сверхдержав, соперничая с США.

Соответственно, мы получаем три версии событий Второй мировой войны: (а) реальную версию, (b) основную сюжетную версию романа «Человек в высоком замке», и (с) версию книги «Когда наестся саранча». Каждая из них описывает отличный от другого мир, но что это дает читателю? Что ему делать с тремя мирами (включая его собственный, в котором он живет)?

Попробуем проанализировать эти миры, используя теорию текстовых миров Пола Верта (Paul Werth) и Джоанны Гэвинз (Joanna Gavins) [7; 11] и теорию возможных миров Мэри-Лор Райан (Marie-Laure Ryan) [9].

Согласно Верту и Гэвинз, в тексте можно выделить три типа миров: (1) мир дискурса (discourse world); (2) собственно текстовый мир (text world); (3) под-миры (sub-worlds по Верту), или же миры-переключатели (switch-worlds по Гэвинз).

Мир уровня (1) – это контекст речевой ситуации, включающий говорящего (в нашем случае автора произведения), сам речевой акт (текст) и слушателя (читателя) [11. С. 83]. Проще будет охарактеризовать этот мир как реальный мир, в котором существуем мы с вами. Особенностями этого мира является то, что читатель знает о существовании автора и о выдуманном характере описанных в тексте событий.

Уровень (2) обозначает уже саму речевую ситуацию, происходящую в контексте мира (1) [11. С. 86], т.е. сам текст и описанный в нем мир, включая различные локации, персонажей, время и пр., что одним словом можно охарактеризовать как дейксис. Дейксис, как объясняет Юрий Дереникович Апресян, представляет собой позицию, которую говорящий (автор или рассказчик) занимает в пространстве и времени, а также его отношение к происходящему [2. С. 274]. Дейктические категории выступают строительными элементами текстового мира. Их выделяют различное количество, но мы придерживаемся пяти основных категорий, выделенных Дэном МакИнтайром (Dan McIntyre): место, время персонажей, их социальные роли, а также эмпатия (сопереживание читателя персонажам произведения) [цит. по: 1. С. 107].

Если мир (2) читатель создает в своем сознании при прочтении текста, то мир (3) созда-

ется уже участниками дискурса внутри текста, которые могут принимать виды флэшбэков (ретроспекций), проспекций, воспоминаний, мечтаний и т.д., что Кэтрин Эммотт называла «сменой контекста повествования» [5. С. 141]. К участникам такого дискурса Верт относит, помимо персонажей произведения, также автора, поскольку зачастую автор инициирует подобную смену контекста [11. С. 83].

Теория Райан немного отличается от приведенной выше. «Реальность», согласно этой теории, представляет собой сумму всего воображаемого и включает «действительный» мир как основу системы и «возможные» миры как его варианты развития «действительного» мира. Причем оба типа миров – и «действительные», и «возможные» – могут быть «реальными» (т.е. собственно миром, в котором мы живем) или «текстовыми» [8. С. 446; 9. С. 1]. Соответственно, это дает нам комбинацию из четырех типов миров: «действительный реальный», «возможный реальный», «действительный текстовый» и «возможный текстовый».

Теперь посмотрим, как эти две теории ложатся на исследуемый текст.

Если мы попытаемся представить мир романа Дика в классификации миров Верта и Гэвинз, мы получим следующее:

Мир (1), как было сказано, соответствует реальному миру читателя. Тут важно заметить, что в этом мире читатель знает (после ознакомления с романом) обо всех версиях (а), (b) и (с), но единственно верной он будет считать версию (а) – ту, где союзники победили при помощи СССР.

Мир (2) составляет сюжетную канву романа, поэтому остановимся на нем поподробнее. Согласно версии (b), США были оккупированы Германией и Японией в результате Второй мировой войны, и те образовали свои государства на захваченной территории: **Тихоокеанские Штаты Америки** (Pacific States of America, PSA) под управлением Японии, включающей большинство западных штатов (под контролем Японии также теперь находятся Океания, Новая Зеландия, Австралия и Гавайи); **Штаты Скалистых Гор** (часть юго-западных штатов) сохранили независимость, но не обладают реальной силой; и восточное побережье находится теперь под властью нацистской Германии.

Это образует новую систему локативов, которую читатель теперь должен учитывать при создании текстового мира романа в своей голове.

Помимо локативов, дейксис данного текстового мира также содержит упоминания персо-

нажей – Нобусуке Тагоми, Фрэнк Фринк, Роберт Чилдэн, Кройц фон Мээр и др., – каждый из которых обладает своим социальным дейсисом. Так, в мире романа японцы и немцы как оккупанты обладают более высоким положением в обществе (Тагоми и фон Мээр), в то время как обычные рабочие американцы (Фринк) получают низко оплачиваемые работы и находятся под экономическим и политическим давлением. Но есть и те, кто приспособился под новые условия и новых хозяев (Чилдэн).

Также на период повествования романа наблюдается ухудшение отношений между Германией и Японией, что также играет роль в создании системы социальных связей в мире романа.

Время событий романа совпадает со временем его написания – 1962 годом, однако технологическое развитие вымышленного мира в этот период отличается от состояния реального мира (мира дискурса) в 1962 г. Среди подобных отличий можно упомянуть технологии межконтинентального ракетного транспорта и освоение космоса (Германия к 1962 г. уже запустила свои корабли к Луне, Марсу и Венере), однако развитие телевизионных технологий еще только началось, и они считаются редкостью.

Мир книги Абендсена с описанной в ней версией (с) можно охарактеризовать как мир (3) на том основании, что он создан персонажем в рамках мира (2). Версия, описанная в нем, существует и в мире (2), но считается там вымышленной, неверной [4. С. 37]. Единственный мир где подобная версия правдива – это мир (3).

Как мы видим, можно установить четкую связь каждой из версий (а), (b) и (с) с мирами (1), (2) и (3) на основании того, какая версия в каком мире является единственно верной.

Таблица 1.

Соответствие текстовых миров описанным версиям

Типы миров по Верту и Гэвинз	Версии событий Второй мировой
Мир дискурса	Реальная версия
Текстовый мир	Версия «Человека в высоком замке»
Подмир/мир-переключатель	Версия «Когда наестся саранча»

Помимо этого, мы можем проследить следующую систему многомирия:

– Есть мир (1), мир читателя и автора, в котором существуют все три перечисленные версии исхода Второй мировой войны, но верна

только (а); мир (1) включает в себя миры (2) и (3) как соответственно мир книги и мир рассказа внутри рассказа;

– Мир (2) существует внутри мира (1), но версия (а) в нем не существует – персонажи книги о ней не знают и ни разу ее не упоминают. Зато в нем существуют версии (b) и (с), причем версия (b) считается единственно верной в рамках этого мира.

– Мир (3) находится внутри мира (2) (который находится внутри мира (1)). В нем не существует версий (а) и (b), и единственная в этом мире версия (с) предстает и единственно верной.

Получается строгая иерархия миров: от мира (1) с большим количеством существующих версий (пусть и верна лишь одна из них) до мира (3) с единственной описанной в нем версией. Такая строгая иерархия не говорит о большей или меньшей реальности каждой версии (на каждом уровне верна своя версия), а лишь о количестве возможных версий.

Подробнее о возможных мирах идет речь в классификации Райан, которую мы теперь попытаемся применить к уже рассмотренным мирам романа.

Как уже не раз говорилось, мир (1) представляет собой реальный мир, причем, поскольку описанные в нем события свершились, мы можем его также охарактеризовать как «реальный действительный» мир, а не «реальный возможный».

Сложнее с мирами (2) и (3): они оба находятся в рамках текста, причем мир (2) считается верным в рамках романа (поэтому мы определим его как «текстовый действительный мир»), а мир (3) – нет (следовательно, он будет «текстовым возможным» миром). В то же время, как было сказано выше, все три версии существуют и в реальном мире (1), следовательно, все три мира, их содержащие, тоже могут быть охарактеризованы как «реальные». Разница между ними лишь в том, что лишь один из миров будет «действительным» (напомним, это основа для системы многомирия), а остальные будут «возможными» по отношению к нему.

Это создает любопытную классификацию миров, которую можно пронаблюдать в Таблице 2 ниже. И если система текстовых миров понятна: есть «действительный текстовый» мир (1) и его возможный вариант «возможный текстовый» мир (2), то система «реальных» миров получается более сложной – у нас имеются уже два «возможных реальных» мира, миры (2) и (3).

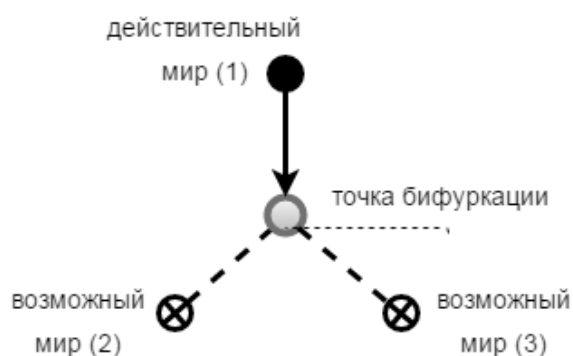
Таблица 2.

Классификация миров

№	Классификация Верта и Гэвинз	Классификация Райан			
		Реальные миры		Текстовые миры	
		действительный	возможный	действительный	возможный
(1)	Мир дискурса	+			
(2)	Текстовый мир		+	+	
(3)	Под-мир		+		+

Систему «реальных» («действительного» и «возможных») миров романа можно также представить в виде фрактальной схемы (см. Схема 1):

Схема 1. Многомирие «Человека в высоком замке»

Точка бифуркации (расхождения) «действительного» и «возможных» миров – это покушение на президента США Франклина Рузвельта. В мире (1) его не произошло, а вот в мирах (2) и (3) оно было. Удавшись в мире (2), оно привело к описанным в этом мире событиям, а в мире (3) Рузвельт выжил и добился иного хода событий.

В то же время, при всей своей фантастичности миры (3) и (2) обладают рядом сходств с миром (1). Во всех трех мирах происходит становление и соперничество двух сверхдержав после их победы в войне, причем в независимости от того, реальный ли это мир (1), где наблюдалось противостояние США и СССР в годы Холодной войны, или же мир (2), где за мировое лидерство борются Германия и Япония, или же мир (3), где соперничают США и Великобритания. Победившая сторона оккупирует проигравших (в мире (1) такая участь по-

стигла Японию и Германию; последняя была также разделена на ГДР и ФРГ). В мирах (1) и (2) проводятся суды над военнопленными, ответственными за военные преступления (в мире (1) это Нюрнбергский процесс), только проводят их разные стороны и над разными людьми.

Такая трактовка событий войны, сочиненная Диком на пике американской послевоенной эйфории и уверенности в своих силах [6. С. 189], вероятно, должна была заставить читателя задуматься над своим отношением к проигравшим и победителям.

Таким образом, мы получили две системы многомирия, и вместе с ними – две точки зрения на произведение в целом. Система Верта и Гэвинз создает строго иерархическую систему, где читатель, хоть и погружается в миры текста и персонажей, всегда остается в своем мире, в более выгодной позиции, поскольку он знает больше персонажей, может сравнить описанное со своим опытом.

Система Райан более гибкая, она дает различную трактовку одним и тем же мирам. Более того, она позволяет рассматривать текстовые миры произведения как «возможные реальные» миры, что позволяет читателю критически взглянуть на реальный мир вокруг себя.

Список литературы

1. Андреева, К. А. Введение в когнитивную поэтику: учебное пособие / К. А. Андреева. – Тюмень : Вектор Бук. – 2009. – 160 с.
2. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – 1997. – № 35. – С. 272–298.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры». – 1997. – 824 с.
4. Dick P. K. The Man in the High Castle / P. K. Dick. – New York : Berkley Publishing Corporation. – 1982. – 138 p.
5. Emmott C. Narrative comprehension: A discourse perspective / C. Emmott. – Oxford : Oxford University Press. – 1997. – 323 p.
6. Freedman C. Critical Theory and Science Fiction / C. Freedman. – Middletown, CT, USA : Wesleyan University Press. – 2000. – 231 p.
7. Gavins J. Text world theory: an introduction / J. Gavins. – Edinburgh : Edinburgh University Press. – 2007. – 224 p.
8. Herman D., Jahn M., Ryan M.-L. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / D. Herman,

M. Jahn, M.-L. Ryan // ed. by D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. – London : Routledge. – 2005. – 718 p.

9. Ryan M.-L. Possible worlds, artificial intelligence, and narrative theory / M.-L. Ryan. – Bloomington : Indiana University Press. – 1991. – 291 p.

10. Stockwell P. The Poetics of Science Fiction / P. Stockwell. – Longman. – 2000. – 223 p.

11. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth // ed. by M. Short. – New York : Pearson Education Inc. – 1999. – 390 p.

Н. В. Пушкарева

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПУНКТУАЦИИ

THE PICTURE OF THE WORLD VIA PUNCTUATION PRISM

В статье рассматривается взаимосвязь пунктуационной разметки текста и картины мира, отражаемой в художественной прозе. Анализируется взаимодействие монтажного принципа организации текста и авторской пунктуации, применяемых для создания многоуровневого текстового смысла. Отмечается, что нетипичная авторская пунктуация становится для автора способом руководства читателем в процессе интерпретации текста и декодирования информации. Статья иллюстрируется примерами из прозы А. Белого и М. А. Булгакова.

Correlations between text punctuation and the world picture reflected in prose are being observed in the article. Interaction of montage principle of text organization and author's punctuation used for making different levels of text sense are being analyzed. It is showed that atypical punctuation works as the method for leading the reader in the process of text interpretation and information decoding. Illustrations are taken from A. Bely and M. Bulgakov prose.

Ключевые слова: текст, картина мира, проза, пунктуация, монтаж.

Keywords: text, world picture, prose, punctuation, montage.

Знакомство читателя с новым письменным текстом начинается с визуальной оценки. Пространство страницы может быть заполнено сплошным текстом, не разделенным на абзацы, и наоборот, может заполняться абзацами разного размера. Если движение взгляда по строчкам ничем не задерживается, то извлечение информации происходит достаточно легко. Иное дело, если в тексте применяются различные шрифты, вертикальный пробел, отличающееся от традиционного размещение строк, а пунктуационные знаки оказываются расставленными не так, как требуют нормы. Все это обманывает ожидания читателя, привыкшего к тому, что предложение — явление линейное, разворачивающееся слева направо, а знаки препинания ставятся в нем согласно правилам и выполняют хорошо известные грамотному человеку функции.

В языковой практике носители языка сталкиваются с пунктуацией как с системой знаков для «членения и графической организации письменного (печатного) текста», производимых согласно своду правил, «кодифицирующие нормы пунктуационного оформления письменного текста, исторически сложившиеся для конкретного языка» [9. С. 406]. Однако в литературных произведениях знаки препинания становятся порой действенным средством создания авторского текста. Нестандартная пунктуационная разметка замедляет процесс чтения, заставляя читателя обращать внимание на те отрезки предложения, которые автор считает необходимым выделить. Внешний вид оказывается фактором, влияющим на скорость чтения и полноту восприятия текста, влияние это разнопланово и связано с различными об-

стоятельствами создания текста и его прагматической направленностью. Поскольку язык отражает историко-культурные процессы, протекающие в обществе, а автор, создавая художественное произведение, привносит в него свое видение окружающей действительности, литературные тексты становятся источником сведений о том, как воспринимали мир писатели определенных эпох.

В процессе наблюдения над грамматическими особенностями художественного текста было установлено, что в синтаксисе писателя, который видит мир «в четком соотношении причинно-следственных связей», будет преобладать «развернутая структура сложноподчиненного предложения, при соответствующем использовании системы подчинительных союзов»; если же писатель видит мир в «первозданной фрагментарности», то его фраза «будет более простой и свободной, в значительной мере паратактической, менее подчиненной логическим связям» [1. С. 56]. Таким образом, речь идет об основаниях складывания различных синтаксических типов прозы, развитие и распространение которых зависит от авторского мировосприятия и мировоззрения.

На разных исторических этапах развития общества и языка в литературе преобладают синтагматическая (классическая) проза, актуализирующая, орнаментальная, новая проза во всех ее проявлениях. Внешний вид текстов различных синтаксических типов является источником дополнительной, невербализованной информации о том, как воспринимают мир их авторы. Синтагматическая проза демонстрирует логические отношения между высказываниями, эксплицирует переживания и состояния персонажей. Ей свойственны четко выраженные гипотаксические отношения; пунктуационные знаки в синтагматической прозе расставляются по грамматическому принципу. Мир, изображенный в классической литературе такими языковыми средствами, оказывается пусть не гармоничным, но объяснимым, с видимыми иерархическими связями.

Для других синтаксических типов прозы характерны расчлененность высказывания, наличие конструкций экспрессивного синтаксиса, синтаксическая неопределенность, неясность иерархических отношений между частями сложного предложения. Эти тенденции в настоящее время усиливаются [3, 5, 11, 14], и, как следствие их проявления, в прозе возникает нетипичная пунктуация. Чтение прозы подобного типа требует от читателя активного участия в

интерпретации и декодировании информации, на присутствие которой указывают знаки препинания, расставляемые по набирающему силу новому принципу – интонационному [2. С. 14].

Складывание и активизация новых типов прозы относятся к началу XX века. Научно-технический прогресс, возникновение новых философских систем, распространение образования привели к новому пониманию мироустройства и места человека в мире, а также к формированию круга людей с общей когнитивной базой, воспринимающих мир по-новому. Перед писателями встала задача расширения сферы эмоционально-эстетической восприимчивости в русле общего движения к обновлению художественной выразительности [8]. Новатором, создающим для нового мира новый язык, выступил Андрей Белый, подчинивший язык своих произведений организующему ритму.

Идея написания ритмизованного текста реализована Андреем Белым в виде особой пунктуационной системы романа «Петербург» (1913). Важной графической чертой в романе становится разбивка текста на различные по размеру отрезки, расположенные в виде знакомой нам по стихотворениям футуристов лесенки. С этим приемом сочетается обозначение знаками препинания границ своеобразных «кадров». Например:

Успокоить себя, что в с е э т о будет не скоро, через десять медлительных оборотов времени, и потрясающе обмануться, потому что — — не повторяемый, никогда не услышанный,

притягательный звук, все-таки...- грянет!!!... [6. С. 328]

Развернуть отрывок в обыкновенный абзац без потери знаков препинания не удастся: постановка рядом двух тире или точек с запятой в «линейном» пространстве невозможно. Автор оставляет читателю единственно возможный путь для чтения и постижения смысла: постепенно, «спускаясь по лесенке», двигаться к кульминации высказывания. Таким способом выдвигается на первый план тема размышлений одного из персонажей — ожидание взрыва бомбы, которую он привел в действие

Пунктуационная разметка в соединении с монтажным принципом по-новому расчленяют предложения, заставляя читателя анализировать и интерпретировать высказывания, помещенные в пунктуационные и пространственные границы, самостоятельно оценивать значимость отрезков, в том числе и с точки зрения имплицитной экспрессивности. Кроме

того, уменьшение количества слов и увеличение количества тире по мере приближения к концу отрывка придает повествованию ускорение, а заключенный в рамки тире отрезок *не повторяемый, никогда не услышанный, притягательный звук, все-таки...* создает впечатление о негативных эмоциях, переживаемых персонажем. Весь отрывок сводится к экспрессивному финалу, выраженному одним словом и комбинацией знаков: — *грянет!!...*

Примечательно, что непривычное представление текста на страницах, и текстовая разметка, передающая особый ритм повествования, способствовали созданию тревожного впечатления от текста и оказывали на читателя сильное воздействие — об этом вспоминал П. Г. Антокольский, современник писателя, прочитавший роман в 1916 году [4. С. 331]. Мир, в котором действуют персонажи романа «Петербург», утратил гармонию и логику, его пронизывает тревога, не покидавшая русское общество после революции 1905 года. Для передачи этих состояний в произведении не всегда используются слова — пунктуационная разметка, расчленяющая высказывания, становится действенным способом передачи впечатления от восприятия окружающей действительности персонажами.

Смысловый потенциал знаков препинания при передаче имплицитной информации раскрывается в романе «Петербург» в любопытном примере:

И на бритом, багровом лице проиграло:

— «?»

— «!!»

— «!?!»

Помешанный! [6. С. 370]

Особенности употребления знаков, а также лексическое содержание первого абзаца позволяют заключить, что в пунктуационных репликах описана мимика персонажа, сопровождающая его эмоции, а последний абзац представляет собой вывод наблюдателя о состоянии персонажа. Сделать более точное заключение, опираясь только на комбинацию знаков препинания, невозможно. Мысли и мимика второго участника сцены все же получают лексическое выражение, последним абзацем оказывается его вывод: *Помешанный!* Именно эта реплика помогает читателю соотнести предыдущие три имплицитных компонента с эксплицитным смыслом. Отрывок не только демонстрирует возможности пунктуации, но и иллюстрирует мысль Н. Л. Шубиной о том, что «пунктуационные знаки могут в какой-то мере «поглотить и уничтожить выражение» [12. С. 30].

Способы пространственного расположения текста на странице в сочетании с пунктуационными знаками, представленные в произведениях Андрея Белого, были восприняты писателями XX века и стали важным средством построения текста. Так, в прозе М. А. Булгакова часто встречается монтажный принцип, расположение коротких абзацев лесенкой, используется большое количество восклицательных знаков. Например, вертикальный пробел возникает в рассказе «Красная корона» (1922):

Что может случиться за один час? Придут обратно. И я стал ждать у палатки с красным крестом.

(Пробел)

Через час я увидел его. Так же рысью он возвращался. А эскадрона не было [7. С. 288].

Два абзаца, разделенные вертикальным пробелом, соединены по монтажному принципу. Связь между двумя названными фактами не показана, обозначены только начало и конец эпизода. Монтажное построение заставляет читателя самостоятельно выявлять все смысловые пласты, скрытые в отрывке, и использовать свое знание истории и жизненный опыт для восстановления хода событий. Лаконичность расчлененных высказываний, максимальная приближенность их к разговорной речи создают впечатление речи человека, не находящего слов для рассказа о чем-то страшном и непоправимом, то есть вносят в отрывок представления об эмоциональном состоянии персонажа-рассказчика.

В сравнительно небольшом рассказе «Красная корона» на четыре страницы приходится пять вертикальных пробелов. Каждое появление пробела переключает повествование из одной временной сферы в другую: из нынешней жизни персонажа в его воспоминания. Происходит нечто вроде смены кадров в кинофильме, когда после завершения сцены на экране возникает новый эпизод.

Прерывистость повествования привносит в текст экспрессию, что позволяет добиться максимального воздействия на читателя. Картина мира становится осколочной, не все ее фрагменты названы, но читатель в состоянии составить представление о них, а также о том, в каком состоянии находится персонаж. Минималистическое лексическое наполнение отрывков компенсируется фактической информацией, извлекаемой читателем из своего тезауруса, и тем эмоциональным впечатлением, которое формируется в читательском сознании при анализе разделенного вертикальным пробелом отрывка.

Пунктуация становится важным способом организации текста в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» (1923), где встречается деление текста на неравномерно расположенные на странице короткие абзацы, состоящие из одного слова, и построение абзацев лесенкой:

— Да что Вы, Алексей Васильевич!.. Ведь это такие мерзавцы! Это же совершенно дикие звери. Ладно. Немцы им покажут.

Немцы!!¹

Немцы!!²

И повсюду:

Немцы!!!³

Немцы!!!⁴ [7. С. 73]

Здесь четыре абзаца-повтора сопровождаются восклицательными знаками, причем повтор № 3 содержит три знака (*Немцы!!!*). Этот абзац расположен под правым краем предыдущего абзаца, таким образом, высказывание выделяется как крик на фоне восклицаний. Повторы напоминают возгласы в толпе или реплики во время театрализованного действия. Минимум языковых средств в сочетании с пунктуацией и монтажным принципом организации текста создают впечатление о речевой активности напуганной, растерянной и озлобленной толпы. Экспрессивность, создаваемая повтором и визуальным оформлением, нарастает к третьему повтору, а затем, если оценивать пунктуационные сигналы, немного спадает. Эту информацию читатель извлекает самостоятельно, заполняя смысловые лакуны своими знаниями и опираясь на свой жизненный опыт. Отметим, что роль читателя такого текста значительно меняется по сравнению с ролью читателя классической прозы: он уже не просто пассивный потребитель информации, но аналитик и интерпретатор, который извлекает сведения, следуя указаниям автора.

В образцах прозы с нетипичной пунктуационной разметкой и монтажным принципом построения наглядно проявляется описанный Ю.М. Лотманом парадокс художественного текста, информативность которого, по сравнению с нехудожественным, «выше, и он всегда меньше по объему эквивалентного ему нехудожественного текста». Информационная составляющая художественного текста обогащается имплицитными сведениями, который читатель в состоянии извлечь из имеющихся слов и знаков [10. С. 327].

Мир, в котором происходят все эти события, утратил гармоничность и логику, в нем не просматриваются привычные связи, зато ощущается эмоциональный накал; эмоции и состоя-

ния персонажей порой оказываются важнее сюжета, содержанием текста становится не событие, а впечатление, оставляемое им. Воздействие на читателя становится важной особенностью текста.

Рассмотренные тенденции, широко представленные в прозе XX века, наблюдаются и в современной прозе, они заслуживают отдельного полноценного исследования. Нарастание в письменной речи тенденции к расстановке знаков препинания не по грамматическому, а по интонационному принципу свидетельствует о расширении влияния разговорности на все сферы языковой деятельности. Новые принципы постановки пунктуационных знаков позволяют, с одной стороны, сократить объем текста, а с другой стороны, не приводят к потере информации, порой даже увеличивая ее объем. Пунктуация в современной языковой практике становится «средством воздействия на читателя» и служит для передачи дополнительного смысла [13. С. 11–12]. Подобное явление характерно, прежде всего, для художественной прозы и связано с возникающими перед авторами новыми задачами в процессе отражения картины мира. Новые принципы использования пунктуации для построения текста с несколькими смысловыми уровнями предоставили в распоряжение литераторов полномасштабное и впечатляющее решение этой задачи. Пунктуационные знаки, расчленяющие высказывание, приобретают функцию векторов, направляющих читательское внимание по тому пути, которых наметил автор.

Таким образом, различные синтаксические типы прозы, пунктуационно оформленные по разным принципам, демонстрируют читателю разные представления автора о картине мира, в котором существуют персонажи. Если в классической прозе отражается логически объяснимая и иерархизированная картина мира, то в других синтаксических типах прозы с начала XX века и по сей день представлена калейдоскопическая, не имеющая явных доминант, расколота картина мира. При ее создании важна передача интонационных особенностей и визуальных эффектов, и пунктуация со всеми ее возможностями становится в этом случае универсальным средством. Пунктуация используется также для руководства читателем, которому предоставляется право и обязанность интерпретировать текст самостоятельно. Современный читатель уже готов к решениям таких задач и успешно с ними справляется.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Формы и градации охвата действительности структурой предложения как проблема стиля (На материале немецкой прозы) / Адмони В. Г., Сильман Т. И. // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. – М.–Л., 1964. – С. 54–65.
2. Акимова Г. Н. Современные тенденции в русском синтаксисе и пунктуации / Акимова Г. Н. // Проблемы филологических исследований. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – С. 38–39.
3. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Акимова Г. Н. – М., 1990. – 166 с.
4. Антокольский П. Г. «Петербург» Андрея Белого. Послесловие / Антокольский П. Г. // Андрей Белый. Петербург. – М., 1979. – С. 328–343.
5. Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы / Арутюнова Н. Д. // Общее и романское языкознание. Сборник статей. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – С. 189–199.
6. Белый А. Петербург. / Белый А. – М., 1981. – 701 с.
7. Булгаков М. А. Избранные произведения. В 2 т. Т.1. – Киев, 1989. – 766 с.
8. Долгополов К. Л., А. Белый как художественная личность и явление эпохи / Долгополов Л. К. // Долгополов Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург». – Л., 1988. – С. 29–79.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 685 с.
10. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Лотман Ю. М. // Лотман Ю. М. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). – СПб., 1998. – С. 288–372.
11. Маркова Т. Н. О некоторых аспектах динамики речевых форм в художественной прозе конца XX века / Маркова Т. Н. // Вестник Омского государственного университета. – 2002. – № 8. – С. 126–129.
12. Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. / Шубина Н. Л. – СПб., 1999. – 298 с.
13. Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка. / Шубина Н. Л. – М., 2006. – 256 с.
14. Шубина Н. Л. Организация информативно-смыслового поля текста посредством кодовых систем / Шубина Н. Л. // Университетский научный журнал. – 2012. – № 2. – С. 165–179.

Э. М. Рянская

Нижегородский государственный университет
(Нижегород, Россия)

ПОТЕНЦИАЛ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ВЫРАЖЕНИИ АСПЕКТУАЛЬНО-ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ

THE POTENTIAL OF THE PARTS OF SPEECH IN THE EXPRESSION OF ASPECTUAL-TIME VALUES

В статье рассматривается проблема выражения аспектуально-временных значений средствами, выходящими за рамки глагольных лексем. На материале французского и русского языков иллюстрируются возможности языковой репрезентации некоторых универсальных свойств времени, проявляющихся в аспектуально-временных ситуациях.

The article studies the problem of expressing aspectual-temporal values by means that are beyond verbal lexemes. The possibilities of language representation of some universal properties of time, appearing in the aspectual-temporal situations are illustrated with examples from French and Russian languages.

Ключевые слова: идея времени, полисемия, аспектуально-темпоральные оттенки.

Keywords: idea of time, polysemy, aspectual-temporal shades.

Идея времени, рассматриваемого в широком смысле, находит свое отражение в категориях темпоральности и аспектуальности, отличие между которыми основывается на вычленении разных представлений о временном характере процесса. Темпоральность отражает степень реализации действия во времени, в то время как аспектуальность связана с репрезентацией стадии совершения действия или его временной протяженности (временем, необходимым для его реализации). Следует добавить, что в современной лингвистике широко известна «модель временных отношений» Г. Рейхенбаха, которая послужила основой для объединения темпоральности, таксиса, аспектуальности, временной локализованности действий в понятие «временные отношения». А.В. Бондарко включает в функциональную сферу, связанную с идеей времени, категорию «временного порядка», которая трактуется как представление «времени в событиях» на временной оси, включая обозначения моментов времени и интервалов (на другой день, через пять минут и т.п. [1. С. 167–198].

Достижения современной когнитивной лингвистики позволяют рассмотреть новые аспекты феномена языковой репрезентации времени. Когнитивные механизмы формирования временных смыслов обуславливают использование различных языковых средств концептуализации времени, среди которых прямая номинация временной характеристики и развитие полисемии [4. С. 6]. Полисемия является одним из средств концептуализации опыта и принадлежит к наиболее антропоцентричным категориям лексической системы наряду с синонимией и антонимией [6. С. 99]. Анна А. Зализняк, подчеркивая значительные достижения когнитивной лингвистики в исследовании феномена языковой многозначности, выделяет ряд принципов когнитивного подхода к данному явлению: наличие многозначности у всех языковых единиц; отсутствие для многозначной единицы единого ядерного (инвариантного) значения; возможность представления в форме схематического образа значения языкового выражения; отсутствие принципиальной разницы между описанием полнзначных слов, служебных слов и морфем [3. С. 19]. Следовательно, мы можем говорить о равноправном потенциале различных частей речи к реализации того или иного временного признака. Потенциальность выводится из значений слова и имеет эксплицитно или имплицитно выраженный характер. Исходя из того, что поле

темпоральности пересекается с периферийной зоной аспектуальности [8. С. 10], способность выражать аспектуально-темпоральные оттенки может быть присуща языковой единице, обладающей характеристикой многозначности.

События, связанные с явлениями времени, означают то, что в языке классифицируется прежде всего как глагол [6. С. 35]. Однако исследования, посвященные различным аспектам категории времени, свидетельствуют о том, что некоторые категории единиц языка опосредованно или условно, за счет отдельных смысловых компонентов могут передавать временные или аспектуальные оттенки значений. Более того, в некоторых миноритарных языках, как отмечает Т. Б. Радбиль, проявляется монистический взгляд на природу, породивший один класс слов для обозначения всех видов явлений. Так, о «доме» можно сказать: «дом имеет место», «домит», «давно существующий дом», «временный дом», «будущий дом», «то, что начало быть домом» и т.п. [6. С. 35]. Совмещение значения объекта и аспектуально-временных оттенков возможно благодаря наличию определенных морфем.

В русском языке, согласно исследованиям Л. Н. Михеевой, разнообразные оттенки темпоральности реализуются средствами всех содержательных уровней языковой системы [5. С. 41–42]. Ставя задачи изучения лексических единиц, содержащих временной компонент семантики, автор указывает на ряд универсальных черт времени, проявляющихся в языке: однонаправленность от прошлого к будущему, временной порядок, причинно-следственные связи (*вчера, сегодня, завтра; молодой, зрелый, старый*), течение времени с точкой отсчета (*тогда, сейчас, потом*), ритм или скорость (*медленно, долго, скоро*) и т.д. [Михеева С. 28]. Подчеркивается, что подобные свойства событий и процессов характеризуются как качественное время [5. С. 24; 6. С. 183].

С позиций субъективного восприятия время представляется в виде ситуаций темпорального, аспектуального или аспектуально-темпорального содержания. Наши исследования показывают, что репрезентация указанных ситуаций зависит от имеющихся языковых ресурсов. Как известно, префиксация является эффективным способом расширения диапазона значений глагола, и это средство активно используется в русском языке для выражения временных и аспектуальных значений. Богатство приставок позволяет детализировать, например, результативность действия (специаль-

но-результативные оттенки), но для реализации таких аспектуальных значений, как «курсивность», «прогрессия», «перспективность» возникает необходимость в поиске других средств. С точки зрения префиксации французский язык исторически претерпел некоторые изменения. Унаследовав из латинского языка данный способ, старофранцузский язык демонстрирует ряд производных вариантов глаголов с фазисным значением. В дальнейшем многие из подобных глаголов утратили аспектуальное значение или его компонент. С развитием аналитических тенденций носителями аспектуальных значений становятся лексические компоненты в составе глагольных перифраз, т.е. репрезентация выходит за пределы глагола. Так, специально-результативные и специально-длительные значения, которые в русском языке передаются префиксацией, во французском языке уточняются при помощи различных языковых единиц: глаголу *расхаживать* соответствуют в зависимости от контекста *se promener de long en large* или *faire les cent pas*.

Наглядным примером «человеческого измерения» ситуации совершаемости действия является языковое обозначение интратерминальной фазы. Поскольку в русском языке недостаточно специальных языковых средств выражения «курсивности», то событие может представляться как наблюдаемое:

Вчера в лесу на солнечной просеке между стеной берез высоких и молодых было очень тихо от угрева. И очень странно было чувствовать себя в неподвижности, а они все на глазах у тебя движутся и растут (Пришвин).

Во французском языке ключевым для данной аспектуальной ситуации является представление, связанное с элементом перифразы *être en train de* + инфинитив – *train* (ход). Перифразу сформировала основная семантическая доминанта «в ходе чего-либо». Языковыми разновидностями общего образа «нахождения в состоянии занятости чем-либо» являются инфинитивные конструкции с *être en cours de...*, *être occupé de...*. Конструкции с глаголом *passer* содержат различные указатели временного объема серединной фазы действия, от неограниченного (*son temps, sa vie*) до менее протяженного (*les jours, les heures*) [7. С. 118–121].

В «прогрессии» понятия постепенности и поступательности связаны с несколькими признаками интенсивности. Речь может идти о темпе, равномерности, об увеличении, усилении изменения, происходящего в процессе или событии. В рассматриваемых языках в описа-

нии подобных аспектуальных ситуаций участвуют наречия или словосочетания, уточняющие характер совершаемости действия: фр. *peu à peu, pas à pas, de plus en plus*; рус. *постепенно, понемногу, полегоньку, шаг за шагом, малопомалу, все пуще и пуще, все более и более, от часа к часу*, и т.п.:

Peu à peu la brume de mer montait (Daudet).

С каждым годом нарастало и укреплялось во мне то же самое сознание о моем смешном виде во всех отношениях (Достоевский).

Наречия могут использоваться в качестве указателей продолжения процесса: *все (еще)* и *encore, toujours*:

А дождь все сыпал и лил, каким-то образом проник сквозь мой непромокаемый плащ (Чувилхин).

Et Boule de Suif pleurait toujours; (Maupassant).

Одним из интересных наблюдений относительно особенностей восприятия времени является пример описания временной ситуации с помощью показателей жизни – *пора* и *время*. Согласно точке зрения Т.Б. Радбиля, понятие «пора» определяется как отражающее активное, цикличное время, при этом русское слово *пора* означает поворотную точку в судьбе, в то время как в английском языке это некий пункт в развитии событий, точка во времени. Таким образом, для русского языка ключевой является качественная спецификация времени, а для западных языков – количественная [6. С. 184–185]. Однако эта идея требует, на наш взгляд, уточнения. Обратимся к аспектуальной категории перспективности, в частности, к ситуации «неизбежности», в языковой объективации которой участвуют, в том числе, лексемы *пора* и *время*. По определению В. И. Даля существительное *пора* означает «время, час, доба, година; срочное время, срок; удобное к чему-либо время», а в функции наречия – «пришло время, настал срок, по времени или по обстоятельствам» [2. С. 507]. Р.В. Федорова выделяет несколько компонентов описываемой аспектуальной ситуации, соответствующих определенным этапам наименьшей удаленности от момента вступления в действие [8. С. 21–22]. В русском, английском и французском языках рус. *пора, время*, англ. *time*, фр. *temps* (наряду с рус. *момент* и фр. *moment*), выступающие в функции существительного или наречия, указывают на минимальный временной отрезок, необходимый для совершения действия:

Рус. ... *время давно перевалило за полночь, и Бушув, забравшийся в контору, и топор, не без умысла зажатый у него под мышкой, – все*

говорило: что-то случилось, **пора** действовать (Тендряков).

Англ. **Time** to dress for dinner, old man, – he said, with exaggerated carelessness (Henry).

Фр. *Le comte tira une montre fort élégante, à laquelle il regarda l'heure: – Il est **temps** que j'aille au club, dit-il (Dumas).*

Как правило, речь идет о ситуации, сложившейся независимо от воли и желания субъекта действия.

Для выражения пограничного состояния вступления в действие в русском, английском и французском языках используются существительные рус. *грань, точка*, англ. *brink, point*, фр. *point* – пространственные ориентиры, обозначающие предел, за которым начинается новая ситуация: рус. *Он находится на **границе** провала*; англ. *He is just on the **point** of going*; фр. *il était sur le **point** de sortir*. Таким образом, точечное представление может соответствовать аспектуально-временной ситуации.

В выражении аспектуальных и временных значений участвуют также союзы и предлоги. Так, в русском языке имеется большое количество производных предлогов, сохраняющих лексико-смысловую связь с составными компонентами: *близко к* (завершению), *в направлении* (осуществления), *далеко от* (завершения), *на пути к* (возникновению, проведению), *в начале* (проведения), *в конце* (распределения средств), *в пределах* (процесса), *по окончании* (строительства), *во время* (брожения, расчесывания), *начиная с* (распределения), *от* (растягивания) *до* (сжатия), *от* (подготовки) *до момента* (завершения), *в границах* (осуществления), *в пределах* (проведения, осуществления), *в течение* (планирования), *в процессе* (очистки), *с момента* (открытия) и т.д. Очевидно, что аспектуальное или временное значение реализуется при условии сочетания с существительным, обозначающим действие или процесс:

*Иногда я бываю так **близко к разгадке**...* (Пелевин)

*– Ваше имя, – сказала она, отшатываясь, и так хрипло, что было **близко к вскрику** (Грин).*

*Но даже им подчас кажется: определяя центр жизненного пути, их надули, проведя «среднюю» линию возмутительно **близко к его началу** («Известия»).*

Итак, изучая возможности языкового выражения аспектуально-временных значений, мы приходим к выводу о достаточно широком потенциале частей речи к участию в качестве лексических указателей степени реализации действия во времени и этапа совершаемости действия или его временной протяженности. Основные значения существительных, наречий, предлогов взаимодействуют с понятийными сферами – аспектуальной, темпоральной, параметрической, качественной, количественной, реляционной, оценочной и другими, добавляя признаки времени. Лексические показатели аспектуальности играют свою роль в выражении таких признаков, как перспективность, начинательность, финальность, интрактерминальность, множественность, моментальность, дуративность.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. – СПб: СПбГУ, 1996. – 219 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. – М.: Эксмо, 2002. – 736 с.
3. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. – М., 2004. – № 2. – С. 20–45.
4. Маховикова Д. В. Лексические средства концептуализации времени в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Маховикова. – Тамбов, 2012. – 24 с.
5. Михеева Л. Н. Время как лингвокультурологическая категория / Л. Н. Михеева. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 96 с.
6. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 328 с.
7. Рянская Э. М. Способы действия в когнитивном аспекте / Э. М. Рянская. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 191 с.
8. Федорова Р. В. Языковая объективация категории перспективности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. В. Федорова. – Москва, 2014. – 24 с.

А. Г.-Б. Салахова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ¹****RATIONALIZATION OF IRRATIONAL IN THE COGNITIVE PROCESS OF CONFESSIONAL LINGUISTIC PERSONALITY**

В статье представлен теоретический обзор философских воззрений на проблему соотношения рационального и иррационального познания. Личность в процессе познания окружающего мира создает индивидуальную картину мира, отражающую иррациональное в сложной системе научного знания. Конфессиональная языковая личность, представляющая собой многомерную и многоуровневую функциональную систему логико-лингвистических форм, структурирующих и детерминирующих внутреннюю и внешнюю деятельность индивида, в процессе иррационального познания интериоризует картину мира и актуализирует ее в лингвокреативной деятельности. Иррациональность религиозного познания отражается в религиозной картине мира и существует в современном религиозном обществе в виде ведущих религиозно-культурных концептов. Лингвистическими маркерами лингвокреативной деятельности конфессиональной языковой личности служат индивидуально-авторские метафоры, религиозные метафоры-клише и метафоры, отражающие национально-культурную специфику религиозного общества.

The article presents a theoretical overview of philosophical researches to the problem of rational and irrational ways of cognition. In an individual world view linguistic personality reflects the irrational in a complex system of scientific knowledge. Confessional linguistic personality internalizes in the process of irrational cognition the world view and realizes it in creative communicative practice. The irrationality of religious cognition is reflected in the religious world view and exists in religious society as leading religious and cultural concepts. Linguistic markers of such activities of confessional linguistic personality are individual authorial metaphors, religious metaphorical clichés and metaphors reflecting cultural identity.

Ключевые слова: иррациональное познание, конфессиональная языковая личность, картина мира, концепт, метафора.

Keywords: irrational cognition, confessional linguistic personality, world view, concept, metaphor.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, № 15-04-00455.

В последнее время проблема соотношения рационального и иррационального в современной науке вызывает все больший интерес среди ученых-философов. Восходящий еще к трудам Сократа и элеатов и обозначивший путь развития науки на несколько веков вперед рационализм предопределил фундаментальные методологические принципы, лежащие в основе процесса познания и оценки истинности знания. Единственным и решающим источником истинного знания считался разум, мышление, интеллект и проводимая им дедукция. Чувственное восприятие и индукция, основывающаяся на эмпирическом опыте, не могли выступать в качестве критериев истинного знания. Именно рационализм определил

понятие науки как того, что может быть представлено, изображено с помощью математического и естественнонаучного языка, и провозгласил науками математику и естествознание. В. М. Пивоев в своей монографии «Философия надежды, или Мифология» предлагает разграничение понятий рациональное и иррациональное по девяти критериям [8. С. 6]. Так, для рационального характерна линейность, однозначная причинность, проверяемость, осознаваемость, дискретность и прерывность. Иррациональное характеризуется синхронностью, нелинейностью, многозначной причинностью, непроверяемостью, интуитивностью, непрерывностью и континуальностью. Рациональное связано с количественными и про-

странственными характеристиками объекта, а также с функциями левого полушария головного мозга и «дневного» сознания, в то время как иррациональное отражает качественные и временные характеристики объекта и связано с функциями правого полушария головного мозга и «ночного» сознания. Таким образом, материально-техническая сфера деятельности человека осмысливается посредством рационального, а духовно-гуманитарная сфера – через иррациональное.

Иррациональное в философии исследуется в рамках «модели интуитивного мышления» (Г. У. Лихошерстных), «феноменологической модели творческого процесса» (В. А. Коваленко), «суммы трансценденталий» (М. Д. Купарашвили), «иррациональных миров» (В. П. Гоч). Л. В. Сухинина в своем диссертационном исследовании определяет иррациональное как взаимосвязь составляющих его элементов: интуиции, озарения, созерцания, трансцендентности. «Онтологическим основанием системности иррационального выступает мир отношения познавательной деятельности человека к познанию мира (субъект – объектные отношения). Для гносеологического обоснования системности иррационального в познании вводится особый категориальный аппарат – субъективная природа познавательной деятельности (иррациональные элементы), иррациональное бытие («иррациональные миры»), интуитивно-логическое мышление (интуиционистская логика), трансцендентное бытие (субъективно-объективная познавательная реальность)» [9. С. 15]. Таким образом, создаваемая личностью в процессе познания окружающего мира индивидуальная картина мира представляет собой не что иное, как иррациональное в сложной системе научного знания.

Рассмотрим иррациональное в структуре конфессиональной языковой личности. Под конфессиональной языковой личностью мы понимаем многомерную и многоуровневую функциональную систему логико-лингвистических форм, структурирующих и детерминирующих внутреннюю и внешнюю деятельность индивида. Структура конфессиональной языковой личности представляет собой 3D модель, позволяющую характеризовать языковую личность в когнитивном, прагматическом и языковом измерениях.

Когнитивное измерение языковой личности включает в себя модель мира, формирующуюся у человека в процессе социально-культурного развития, а также психологические

характеристики личности, в первую очередь человеческое сознание во всех формах его проявления. Таким образом, когнитивное измерение позволяет проанализировать как рациональное, так и иррациональное в структуре конфессиональной языковой личности. Вслед за Р. М. Скорняковой, под языковой картиной мира мы понимаем «динамическую функциональную систему, способную к саморазвитию и самоорганизации» [9. С. 7]. Языковая картина мира конфессиональной языковой личности соответствует религиозной картине мира, сочетающей в себе две концепции мироздания и мироустройства: теоцентрическую и антропоцентрическую. Исходя из классического противопоставления научной и наивной картины мира, следует заметить, что религиозная картина мира находится в промежутке между двумя названными типами картины мира. Религиозная картина мира научна, что доказывает наличие теологии как отдельной науки и ряда богословских наук (догматики, герменевтики, апологетики и др.). Теология как наука основывается не на истинности и доказуемости (рациональном), а на вере (иррациональном), чем сродни ряду гуманитарных наук, и в первую очередь философии. Теология (от греч. *theologia*, *theos* – Бог и *logos* – слово, учение, наука) – это учение о Божестве и вере; наука, занимающаяся систематическим изложением и истолкованием какого-либо религиозного учения, догматов какой-либо религии (ср.: [5], [6]). Как любая наука теология располагает рядом частнонаучных методов. К ним относятся, например, апофатический и катафатический методы познания Бога. Апофатический метод (от греч. *apophasis* – отрицание) заключается в постулате непостижимости Бога, невозможности определения его как предмета интеллектуального анализа, подобно предметам и объектам сотворенного мира. Это объясняется «принципиальной неполнотой мысли, неспособностью мысли охватить Бога» [2. С. 520]. Катафатический метод (от греч. *kathaphasis* – утверждение) позволяет говорить о Боге и его существовании, давать его характеристики, определять его действия. Основным теологическим постулатом является формула «Бог непостижим по сущности, но познаваем в Своих энергиях (действиях) в мире» [Там же], отражающая оба метода богословской науки. Некоторые ученые отмечают, что различие между классической наукой и богословием определяется ключевым концептом. В то время как наука основывается на понятиях «знание» и «ис-

тина», религия опирается на «веру» как меру истинности – ложности в научных исследованиях и доказательствах.

Иррациональность религиозного познания отражена в религиозной картине мира, содержащейся в прецедентных текстах, в первую очередь в Священном Писании и Священном Предании, и существует в современном религиозном обществе в виде ведущих религиозно-культурных концептов. К ведущим концептам относятся концепты «вера», «Бог», «грех», «человек». Как замечает Е.Б. Казнина, макро-концепты «Бог» и «человек», признаваемые автором дискурсами, находятся в диалогическом взаимодействии, опосредованном концептом «вера» [4. С. 213]. Ученый отмечает, что концепт «вера» – это «главный и единственный признак, который конституирует христианский тип личности и христианскую церковь как сообщество верующих и прообраз Царства Божьего на земле, в котором происходит воссоединение людей с Богом и друг с другом» [Там же]. В религиозной картине мира вера понимается как состояние доверительного отношения к Богу, это не акт принятия чего-либо в качестве истины, что отличает профессиональную (в частности христианскую) картину мира от светской. Бог не может выступать предметом или объектом веры, он – лишь условие доверия верующего как сущностное проявление его жизни.

Концепт «Бог» является ключевым культурным концептом религиозного общества. Бог в христианстве – это Высшее Существо, Создатель, дающий знания, любящий Отец, пастырь, призывающий к вере [1. С. 38–39]. В религиозной картине мира внутри различных христианских деноминаций наблюдается различие в языковых картинах мира. Так, Т.Ю. Передриенко указывает, что для английского религиозного общества Бог в первую очередь создатель, творец и защитник, в то время как для православных христиан Бог – правитель мира и даритель [7. С. 6–7].

В зависимости от ключевого концепта «Бог» определяется и концепт «человек» в религиозной концептосфере. Человек считается главным творением Бога, «образом и подобием Божьим», садовником в мире, созданном Богом. Основной функцией человека признается служение Богу, аскетизм, сострадание и постижение воли Божьей.

Несмотря на то, что институт церкви представляет собой «общество с жесткой структурой, немыслимое не только без сохранения и

соблюдения определенных традиций, но и без собственных, признаваемых всеми авторитетов» [3. С. 142], каждая языковая личность трансформирует религиозное вероучение через призму своего собственного мышления, что находит вербальное отражение в продуцируемых ею текстах. В процессе конфессиолизации в сознании каждого индивида формируется религиозная картина мира, а также иерархия базовых религиозных концептов и их наполняемость. В связи с этим возможно рассмотрение иррационального познания, являющегося неотъемлемой частью когнитивного измерения, на трех уровнях идентификации личности в социуме. Первый уровень предусматривает самоопределение личности, осознание своей уникальности, непохожести на других. На этом уровне отражаются индивидуальные когнитивные характеристики личности: индивидуальная картина мира, особенности мировосприятия, индивидуальное сознание личности. Второй уровень соответствует социальной группе, с которой идентифицирует себя личность. Это может быть возрастная, половая, профессиональная, либо религиозная группа. На данном уровне когнитивного измерения мы имеем дело с профессиональной, научной картиной мира. Третий уровень когнитивного измерения отражает, на наш взгляд, культурную идентификацию личности и, тем самым, включает в себя так называемую национальную картину мира.

Рассмотрим три уровня когнитивного измерения профессиональной языковой личности на примере немецкоязычных христианских католических и протестантских проповедников. Поскольку цель проповеди заключается в приобщении слушающих к вере, раскрытии религиозного вероучения и призыве к добродетели, иррациональное познание проповедника, работающего над текстом проповеди, определено каноническими воззрениями конкретного вероучения, содержащимися в прецедентных текстах. К таким прецедентным текстам в христианской конфессии относятся Священное Писание (Библия), Священное Предание, (патристика), Символ веры и катехизис, богослужebные книги и сборники молитв, толкования, проповеди Отцов церкви и выдающихся проповедников. Они составляют профессиональный (социальный) уровень когнитивного измерения языковой личности и изучаются на богословских факультетах или в учебных заведениях теологической направленности. Таким образом, содержание и структура знания на

конфессиональном уровне языковой личности будет одинакова у всех проповедников в рамках одной конфессии или деноминации.

Наиболее интересен индивидуальный уровень когнитивного измерения конфессиональной языковой личности, поскольку здесь мы имеем дело с лингвокреативной деятельностью конкретной языковой личности. Здесь отражаются личные культурные концепты и ценности, через призму которых языковая личность в проповеди как тексте второго порядка интерпретирует религиозное вероучение. Лингвистическими маркерами лингвокреативной деятельности конфессиональной личности могут служить индивидуально-авторские метафоры. Так, в своей проповеди профессор Патриция Адам (лютеранка) проводит аналогию «Бог» – «менеджер»: *«Er (Jesus) hat sich – geleitet von dem göttlichen Geist, dem Top-Manager der Weltgeschichte – Mitarbeiter gesucht / Он (Иисус) – ведомый Божественным духом, топ-менеджером мировой истории – искал сотрудников»* [10]. В данном случае автор использует окказиональную метафору, раскрываемую посредством других лексических единиц. Бог, точнее его дух, сравнивается не с творцом, как это принято в рамках религиозной коммуникации, а с топ-менеджером, наделенным полномочиями принимать важные решения и координировать работу сотрудников. Таким образом, автор производит метафорический перенос с топ-менеджера как человека с конкретными и ясными задачами на Бога как абстрактную фигуру. Этот перенос произведен на основе признака трудовой деятельности, понятной каждому члену социального общества. Данный метафорический перенос подкрепляется лексическими единицами «Mitarbeiter», «Stellvertreter» (представитель, заместитель), «suchen» и «leiten», также относящимися к лексическому полю «работа». Определяя Бога как топ-менеджера, а апостолов как сотрудников, П. Адам называет Иисуса менеджером среднего звена: *«Denn genau so geht der Top-Manager des neuen Testaments – Gott – vor, ausgeführt durch seinen „Middle Manager“ Jesus / Поскольку так же действует топ-менеджер Нового Завета – Бог – через посредника менеджера среднего звена Иисуса»* [10]. В данном примере метафора раскрывается дальше и выстраивается своеобразная иерархия социальных отношений: топ-менеджер (Бог), определяющий стратегию развития и руководящий социумом – менеджер среднего звена (Иисус), организующий непосредственное руководство со-

циальным обществом, ведущий эффективную коммуникацию внутри коллектива – сотрудники (апостолы), исполняющие работу. Проводя параллели между сферой работы/ социальных отношений и сферой религии, проповедница заключает, что Библия представляет собой первое руководство практического менеджмента организации: *«Management ist also keine neue Erfindung, sondern schon aus der Bibel abzuleitende „best practice“ zur Entwicklung von Menschen / Итак, менеджмент – это не новое изобретение, а лучшая практика развития людей, исходящая еще из Библии»* [10].

Национально-культурный уровень когнитивного измерения конфессиональной языковой личности иллюстрирует проповедь Ральфа Рукерта «Иисус и футбол» / «Jesus & Fußball» [11], в которой автор последовательно проводит аналогию между футболом и христианской верой. Говоря о хорошем тренере, проповедник сравнивает Иисуса с тренером: *«Und genau das macht Jesus / И именно это делает Иисус»* [11]. Двенадцать апостолов автор называет двенадцатью игроками (12 Mitspieler). Иисус требует от них «обязательного командного духа» (unbedingten Teamgeist), сам же он «своих противников просто выводит из игры» (trixt seine Gegner einfach aus), «но сам тоже может играть против правил» (kann aber auch selbst foulern). Все ученики и последователи Христа представляют собой молодые кадры для футбольной команды: *«So sind schließlich auch wir Nachwuchsspieler in dieser Mannschaft geworden / Таким образом, и мы стали подрастающим поколением в этой команде»*, задача которой заключается в следующем: *«Die Mannschaft soll die Saison überdauern und aufsteigen / Команда должна выстоять в сезоне и подняться»* [11]. Метафорический перенос из сферы футбола в сферу религии имеет культурную обусловленность, поскольку футбол в Германии – это наиболее популярный вид спорта и национальная гордость немцев. Поэтому сравнение Иисуса Христа с футболистом, а его последователей с подрастающим поколением игроков отражает результат иррационального познания окружающего мира, встроено в когнитивную карту среднестатистического немца и имеет большой прагматический эффект.

Итак, иррациональное в когнитивной структуре конфессиональной языковой личности отражается посредством метафоризации в коммуникативной деятельности личности. Религиозная картина мира интериоризуется языковой личностью в процессе социализации

и инкультурации и актуализируется в ее речи через аналогию. Лингвокреативная деятельность конфессиональной языковой личности характеризует особенности ее субъективного иррационального познания и вербализуется развернутыми индивидуально-авторскими метафорами, определяющими как индивидуальные, так и национально-культурные особенности религиозного мировосприятия.

Список литературы

1. Аникушина М. В. Концепт «GOD» как базовое понятие современной христианской англоязычной проповеди // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 70. Москва, 2008. С. 36–39.
2. Богословие // Православная Энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2012 г. 751 с.
3. Ивин А. А. Теория аргументации: учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. 416 с.
4. Казнина Е. Б. Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 249 с.

5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

6. Малый энциклопедический словарь. Т.1: А — Гебгард. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1899. 1242 стб.: ил., карт.

7. Передриенко Т. Ю. Концепты «Бог» и «Дьявол» в английской и русской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 194 с.

8. Пивоев В. М. Философия надежды, или Мифология: монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 108 с.

9. Скорнякова Р. М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Москва, 2010. 49 с.

10. Adam, P. Gott als Manager. Predigt über Lukas 6,12-16. Hannover, 2005. URL: <http://www.predigtpreis.de/predigt Datenbank/predigt/article/predigt-ueber-lukas-612-16.html> (дата обращения: 10 декабря 2014).

11. Ruckert, R. Predigt collage Jesus & Fußball. Rodemann, 2002. URL: <http://www.predigtpreis.de/predigt Datenbank/predigt/article/predigt collage-jesus-fussball.html> (дата обращения: 10 декабря 2014).

А. М. Северын

*Ягеллонский университет
(Краков, Польша)*

КОГДА КАЖДОЕ СЛОВО ИМЕЕТ ОСОБЕННЫЙ СМЫСЛ. КАК ПЕРЕВЕСТИ ЯЗЫК ИВАНА ВЫРЫПАЕВА?

WHEN EVERY SINGLE WORD MAKES SENSE. HOW TO TRANSLATE IVAN VYRYPAEV?

Главной целью этой статьи является анализ языковых особенностей, которые известный современный русский драматург и кинорежиссер, Иван Александрович Вырыпаев, употребляет в своих произведениях. В статье рассматриваются переводческие проблемы, связанные с этими особенностями языка. Небольшое исследование опирается на самый известный фильм Вырыпаева под названием «Кислород», выпущенный в свет в 2009 году. Введение кратко представляет профиль Вырыпаева и главные принципы его эстетики. Аналитическая часть статьи представляет собой сравнение отрывков английского перевода (с обратным переводом) с исходным текстом на русском языке.

The main aim of this paper is to analyse the language features which a famous contemporary Russian playwright and film director Ivan Vyrypaev uses in his works and to recognize translation problems connected to them. This short case study is based on a composition from Vyrypaev's best-know film entitled "Oxygen" released in 2009. Introduction to the work briefly presents director's profile and his

main principles. The analytic part consists of comparing the excerpts from the English translation (with their back translations) to the source text provided in Russian.

Ключевые слова: *Вырыпаев, Кислород, интертекстуальность, черты языка, перевод.*

Keywords: *Vyrypaev, Oxygen, intertextuality, language features, translation.*

Поскольку до сих пор почти не существует научных трудов и статей, касающихся языка, употребляемого Иваном Александровичем Вырыпаевым, а в особенности работ, посвящённых проблематике перевода языка фильмов драматурга, настоящая статья не опирается ни на какие научные источники, а лишь на произведение Вырыпаева и некоторые интернет-ресурсы. Статья является авторской попыткой выделить, охарактеризовать и описать те аспекты языка Вырыпаева, которые осложняют переводческую работу. Из-за ограничений в объёме текста, анализу подвергается лишь одна из композиций, составляющих фильм «Кислород». Анализ проводится с целью доказать различия между русской речью и её английским переводом. Учитываются те различия, которые на самом деле являются переводческими ошибками и не возникают из-за пространственных ограничений, вызванных субтитрованием. Анализ представляет собой часть исследования в рамках диссертации автора.

Исследование стоит начать с определения, чем отличается язык Вырыпаева. Драматург сам отвечает на этот вопрос в одной из своих пьес: «Наступит такое время, когда люди поймут, что в текстах самое главное – это верно расположенные буквы. Это время придет. Оно вернется, оно уже было. Наступит такое время, когда умрут сюжеты и затихнут голоса рассказчиков. И одни только буквы будут владеть вниманием читающего. Ведь читающий читает лишь для того, чтобы распознать знакомые знаки. Это время вернется. Это наступит» [2. С. 37].

В современном театре и кино царствуют закрученные интриги и динамично развивающиеся сюжеты, происходящие «возле» героев. Зрители сосредотачиваются на том, что видят, часто одновременно прекращая ощущать действия с помощью своих собственных эмоций. Вот поэтому представители направления Новой русской драмы – к ним причисляется, между прочим, Вырыпаев – решили, что существующие русские пьесы, хотя очень хорошие, все-таки удалены от реальных человеческих чувств, проблем или мечтаний. «Новые русские драматурги» попытались в своих пьесах сделать особый акцент на внутренний мир чело-

века и его субъективное сознание, шокировать и возбудить у зрителей ряд крайних эмоций. В их произведениях ничто не является однозначно черным или белым. Фон для действий появляется редко, а если есть, – его составляет, например, либо скамейка, либо белое полотно: места действий зрители узнают из произносимого текста. Благодаря такому решению, они заставляют зрителей больше концентрироваться на тексте, а меньше – на оформлении сцены.

Новаторская пьеса «Кислород», написанная Вырыпаевым в 2002 году, привлекла внимание не только русских, но и западноевропейских критиков, была признана одной из самых лучших и наиболее потрясающих пьес начала XXI века. «Кислород» затрагивает тему Десятословия: текст разделяется на десять композиций, а каждая из которых является авторским комментарием Вырыпаева к одной из заповедей, одновременно представляя заповедь блаженства на фоне современных молодых людей, их чувств и пороков.

В 2009 году Вырыпаев решает поставить полнометражный фильм на основе своей пьесы. Экранизация делает возможными эксперименты со звуком и формой, которые драматург с удовольствием употребляет: фильм получается в форме набора хип-хоп видеоклипов, похожих на те, которые можно увидеть в телеканале MTV. Их всего в «Кислороде» одиннадцать (десять плюс бонусная композиция Gayatri Mantra). Из-за своей необычной формы фильм может на первый взгляд казаться режиссёрским экспериментом без одного конкретного сюжета, но он представляет собой интересную и остроумную игру со зрителем.

«Кислород» был переведён на несколько языков, в том числе на английский. Что интересно, хотя текст в фильме не меняется по отношению к пьесе (кроме нескольких сокращений), к фильму попытались сделать новый английский перевод¹. В «Кислороде» два ге-

¹ Пьесу перевела в 2006 году Саша Дагдейл, британский поэт и переводчик, а фильм – Яна Росс, театральная режиссер. Субтитры создал Джон Фридман, театральный критик и переводчик. Предметом анализа в настоящей статье являются субтитры Росс и Фридмана.

роя: Саша и Санёк, одновременно являющиеся рассказчиками истории и её единственными субъективными комментаторами. Они говорят, смотря прямо в камеру, на зрителей фильма.

Выбранная для анализа композиция «Саша любит Сашу» касается седьмой заповеди («не прелюбодействуй»). В истории рассказывается о молодом мужчине из провинциального городка Серпухова, который сравнивает женщин с кислородом: они ему необходимы для того, чтобы дышать. В один день он встречается девушку из большого города и, решая, что она «сплошной кислород», безумно влюбляется в неё и впоследствии убивает лопатой свою жену, чтобы быть вместе с любимой, которая, кстати, не имеет понятия, что он сделал.

Практическая часть статьи содержит анализ отрывков текста композиции. Каждый из них иллюстрирует отдельную переводческую проблему. Для прозрачности примеры представлены в виде таблиц. В каждой из них приводится русский текст, английская версия и её обратный перевод на русский. Сокращения, употребляемые в первой колонке, означают, соответственно: *Р* – текст на русском, *АП* – английский перевод, а *ОП* – обратный перевод на русский. Изменения в переводе выделяются жирным шрифтом.

На основе выбранной композиции можно выделить некоторые аспекты языка Вырыпаева, которые являются переводческими трудностями и из-за которых в английском переводе фильма возникли ошибки. Последовательно, это интертекстуальность, повторяемость, детальность описаний и рациональность предложений.

1. Интертекстуальность

Как было упомянуто выше, текст «Кислорода» опирается на Десятословие, что обуславливает интертекстуальную связь произведения Вырыпаева с Библией. Композиция «Саша любит Сашу» начинается со ссылки на седьмую заповедь в Евангелии от Матфея: «Вы слышали, что сказано древним: “не прелюбодействуй”? А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем...» (Мф. 5:27-28) [1].

Кроме двух небольших изменений (Вырыпаев пропускает слово *древним* и вместо фразы *а Я говорю вам* употребляет союз *и*), отрывок от Матфея цитируется в фильме точно. Нижеследующая таблица представляет этот отрывок текста на русском и английском (вместе с обратным переводом английской версии на русский язык).

Р	Вы слышали, что сказано: «не прелюбодействуй»? И что: «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».
АП	Have you heard this?: ‘Thou shalt not commit adultery’; and ‘Whosoever lusteth after a wife hath committed adultery in his heart.’
ОП	Вы слышали, что сказано: «не прелюбодействуй»? И что: «всякий, кто смотрит на жену с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём».

В этом случае, кажется, всё ясно: переводчик должен взять какой-либо вариант Библии на английском и найти соответствующую строку, которую он использует в переводе. Тут получилось по-другому: переводчик попытался сам перевести фразу, из-за чего в английском тексте появилась языковая ошибка на уровне эквивалента.

Точным эквивалентом русского существительного *женщина* является *woman*, а не *wife* (*жена*). Из исходного текста не вытекает, что чтобы прелюбодействовать, надо смотреть с вожделением на чью-то жену, достаточно смотреть с вожделением на любую женщину, несмотря на то, что она замужем, или нет. Возможно, что переводчик перепутал седьмую заповедь с десятой, которая начинается словами «не желай жены ближнего твоего» (Втор. 5:21) [1], из-за чего получился такой гибрид. Если посмотреть английские версии Библии, как минимум пять из них употребляет правильный эквивалент, существительное *woman*. Ошибка появляется также в следующем предложении, которое является комментарием Вырыпаева к седьмой заповеди.

Р	Представьте, какое огромное сердце должно быть у мужчины, чтобы в нем могли поместиться все женщины , на которых он смотрит с вожделением?
АП	Imagine how big a man’s heart must be to embrace all the wives he has lusted after.
ОП	Представьте, какое огромное сердце должно быть у мужчины, чтобы в нем могли поместиться все жены , которых он вожделеет.

2. Повторяемость

Так как композиции в «Кислороде» напоминают по форме хип-хоп видеоклипы, можно в них чётко выделить части, типичные для музыкальных произведений: несколько куплетов

и припев, который повторяется после каждого куплета. Он не меняется в оригинальном тексте, но в английском переводе присутствуют два разных перевода этой части, которые отличаются друг от друга употреблением эквивалентов русского глагола *смотреть*.

Р	И вот если сказано: не смотри с вожделением, то это означает, не возжелай в сердце своем. А тот, кто смотрит на женщину с похотью, у того сердце закрыто на амбарный замок.
АП (I)	It is said, 'Thou shalt not look at a woman with lust.' This means: Do not commit adultery in your heart. Those gazing at women with lust have their hearts locked with a padlock.
ОП (I)	Сказано: не смотри на женщину с вожделением. Это означает, не возжелай в сердце своем. Тот, кто вглядывается в женщину с похотью, у того сердце закрыто на амбарный замок.
АП (II)	It is said, 'Thou shalt not look at a woman with lust.' This means do not commit adultery in your heart. Those looking at women with lust have their hearts locked with a padlock.
ОП (II)	Сказано: не смотри на женщину с вожделением. Это означает, не возжелай в сердце своем. Тот, кто смотрит на женщины с похотью, у того сердце закрыто на амбарный замок.

В первом случае переводчик употребил английский глагол *to gaze*, который немного меняет семантическое значение предложения: *to gaze* значит «смотреть на кого-то или что-то в течение длительного времени, особенно в удивлении или в восхищении, или потому что вы думаете о чём-то другом» (URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/gaze>). Этот глагол можно перевести на русский, скорее всего, как *вглядываться*. Он, особенно в сочетании с предыдущим предложением, достаточно может подсказать зрителю, какие мысли появляются у такого мужчины, предполагает некоторые интенсивные эмоции. Если к этой языковой конструкции добавить еще *с похотью*, получается тавтология. Кроме того, перевод теряет регулярность, которую вводят повторяющиеся в обоих русских предложениях слова *смотреть* и *сердце*.

Во второй версии *смотреть* переводится глаголом *to look*, который является точным эквивалентом русского глагола. Тут получается и рифма, и регулярность, присутствующие в

исходном тексте. Из-за того, что в английском переводе появляются два разных варианта перевода одного предложения, зритель может подумать, что русский текст тоже отличается в том же месте и не увидит так характерной для произведения Вырыпаева точной регулярности.

3. Детальность описаний

В «Кислороде» часто появляются описания мест или ситуаций. Драматург подаёт их очень детально, обращая внимание на все аспекты данной характеристики. В первом куплете композиции зритель в самых общих чертах узнаёт, при каких обстоятельствах Санёк впервые увидел Сашу. Вот как этот отрывок представляется в исходном и переведённом тексте.

Р	И вот, мой знакомый Санек из маленького провинциального городка, возжелал в сердце своем девушку Сашу из большого города, увидев ее на парапете памятника одному писателю .
АП	My small-town friend Sasha committed adultery in his heart with the city girl Sasha, whom he first saw by a statue on the square .
ОП	Мой знакомый Санек из маленького городка возжелал в сердце своем девушку Сашу из большого города, которую он впервые увидел недалеко от памятника на площади .

В исходном тексте говорится о том, что Санек увидел Сашу на парапете памятника. Перевод обобщает описание места их встречи и содержит лишь информацию о том, что это было где-то возле какого-то памятника. Обобщение не является результатом отсутствия эквивалента слова *paranet* в английском – фразу можно перевести как *(pedestal) parapet*. Тут можно считать опущение и обобщение информации о том, что это был просто памятник *одному писателю*, переводческим решением. Возможно, переводчик признал, что информация не является нужной в тексте, так как, смотря фильм, зритель может увидеть место встречи Санька и Саши на экране. Проблема в том, что если зритель не очень разбирается в русской культуре и литературе, он не заметит, кому посвящен тот памятник, который можно увидеть в композиции.

Что важно, информация про встречу и памятник ещё появляется в произведении. В следующем, втором куплете информация повторяется, дополняясь упоминанием, что Саша

ходила по парапету босиком – этот фрагмент в английском переводе тоже последовательно обобщается:

Р	И когда, он увидел Сашу, ходившую по парапету босиком , то с ним случилось кислородное отравление.
АП	When he saw Sasha barefoot , he experienced an oxygen overdose.
ОП	Когда он увидел босоногую Сашу, с ним случилось кислородное отравление.

Стоит также отметить, почему пропущенное упоминание писателя, которому был посвящён памятник, имеет значение. В фильме эта тайна не раскрывается, но тут опять выступает интертекстуальная связь: в этом случае с одноимённой пьесой драматурга. В пьесе в финальной части четвертой композиции оказывается, что это был памятник Грибоедову, а в шестой Вырыпаев даже приводит фамилию его жены. Если посмотреть биографию писателя, можно предложить, что памятник имеет символическое значение для истории Саши и Санька: он является символом настоящей любви: супружество Грибоедовых считали очень счастливым, а после смерти писателя молодая вдова уже никогда не вышла замуж.

Даже если вся эта дополнительная информация из четвертой и шестой композиции не появляется в фильме, стоит точно перевести отрывок, говорящий про памятник и парапет, так как всё равно Вырыпаев употребляет тот же самый текст, что в пьесе. Он устанавливает своеобразную связь между фильмом и пьесой. Без сомнений, памятник Грибоедову является интересной отправной точкой для дальнейших исследований, связанных с фильмом и заслуживает внимания, например, исследователей культуры.

Кроме того, в английском переводе появляется определяющее место действий выражение *on the square* (рус. *на площади*), которое не присутствует в исходном тексте. Неизвестно, откуда оно взялось. Можно предположить, что из-за того, что видно на экране в тот же момент: действительно, видимый в фильме памятник находится в центре площади, однако, в тексте об этом не говорится – а переводчик должен, прежде всего, соблюдать верность исходному тексту, поскольку перевод является титрами, а не аудиодескрипцией.

4. Рациональность предложений

Одним из самых характерных признаков языка Вырыпаева является то, что его герои разговаривают не только друг с другом, но также, прямо или косвенно, с читателями/зри-

телями произведений. Во произведениях драматурга герои, рассказывая истории, проговаривают жизненную правду, которая заставляет реципиентов думать о жизни. В «Кислороде» таких обращений к зрителям очень много и они представляют собой большой спектр разных тем. В композиции «Саша любит Сашу» третий куплет начинается с описания, чем характеризуется Саша, женщина-кислород. Там можно найти такой совет, высказанный прямо к зрителям, во втором лице единственного числа.

Р	Если нет у тебя денег на дорогие духи , то на детское мыло и на шампунь из крапивы , всегда можно насобирать.
АП	If you don't have money for perfume , you can always afford soap and organic shampoo .
ОП	Если у тебя нет денег на духи , ты всегда можешь позволить себе мыло и органический шампунь .

Как можно заметить, английский перевод в трёх местах отличается от исходного текста. Русский текст говорит про *дорогие духи*, что подчёркивает, что существуют так дорогие, как и дешёвые духи. В следующем предложении говорящий подает информацию о том, что в случае, когда нет денег на эти духи, можно купить два базовых косметических средства для соблюдения гигиены: во-первых, *детское мыло* и, во-вторых, *шампунь из крапивы*. Эти продукты являются самыми дешёвыми, которые можно найти в аптеках.

В переводе *дорогие духи* обобщаются и заменяются на *духи*, *детское мыло* – на *мыло*, зато *шампунь из крапивы* заменяется *органическим шампунем*. В результате получается совсем другая, противоречащая как себе, так и исходному тексту информация: *органический шампунь* (англ. *organic shampoo*) – это такой, который состоит из натуральных ингредиентов, но необязательно отличается низкой ценой. Органические шампуни нередко очень дорогие, намного дороже обыкновенной аптечной косметики. Аналогичная ситуация с духами и мылом: есть разные виды этих продуктов, дороже и дешевле. Читая предложение на английском, можно сделать неправильный вывод, что у кого-то может не быть денег даже на дешёвые духи, но одновременно он может позволить себе дорогой, органический шампунь, что является явным абсурдом.

Вышеуказанная ошибка опять является результатом несоблюдения переводчиком верности исходному тексту. Шампунь из крапивы легко перевести как *nettle shampoo*. Чтобы не

оставить место для споров, всегда можно дополнить эту фразу прилагательным *shear*, которое является настолько коротким, что поместится в строке субтитров.

Язык, употребляемый Вырыпаевым, представляет собой очень интересный предмет исследования как в рамках языкознания и литературоведения, так и в рамках теоретического и практического переводоведения. Даже в кинопроизведениях драматурга язык является основным средством для представления истории и он намного важнее, чем форма фильма или его съёмки, из-за чего является настоящим переводческим вызовом: Вырыпаев остроумно употребляет цитаты, ссылается на другие тексты, точно повторяет некоторые фрагменты и приводит очень детальные описания, которые неоднократно потом расширяет дополнительной информацией. Некоторые из таких отношений тяжело определить на первый взгляд, поэтому переводчик, работающий с текстами Вырыпаева, должен обладать дополнительными знаниями в сфере русской культуры и литературы, врожденной грамотностью и чувством языка.

Настоящая статья не исчерпывает исследования языка Вырыпаева, как в целом, так в одном избранном кинопроизведении. Было бы

целесообразно провести дальнейшие исследования, касающиеся пьес и фильмов Вырыпаева, делая упор на разные аспекты языка: например, только на интертекстуальность. Автор статьи надеется, что его диссертация поможет повысить уровень знаний в этой области.

Список литературы

1. Библия. Синодальный перевод. – URL: <http://predanie.ru/bez-avtora/book/216380-novyy-zavet-sinodalnyy-perevod/>
2. Вырыпаев, И. А. Текст № 7. Наступит такое время... / И. А. Вырыпаев // 13 текстов, написанных осенью. – М.: Время 2005. – 240 с.
3. Вырыпаев, И. А. Текст № 11. Кислород / И. А. Вырыпаев // 13 текстов, написанных осенью. – М.: Время 2005. – 240 с.
4. Кислород [Кинофильм] / реж. И. А. Вырыпаев. – М.: Кинокомпания «Монолит», 2009.
5. Свинцова, И. Ю. Творчество Ивана Вырыпаева: язык, приемы, эстетика / И. Ю. Свинцова // Сборник докладов международной научно-практической конференции *Киностудия «Мосфильм»: от создания до наших дней. Кино как многофункциональное средство общения*. – Сеул: Ханкук университет иностранных языков, 2014. – С. 247–256.

С. В. Серебрякова, А. А. Серебряков
Северо-Кавказский федеральный университет
(Ставрополь, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В СФЕРЕ НОМИНАЦИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

PECULIARITIES OF LEXICAL-SEMANTIC COMPATIBILITY OF NOMINATIONS IN GERMAN AND RUSSIAN

В статье рассматривается корреляция понятий значения слова и его дистрибутивных свойств, отмечается семантическая мотивированность сочетаемостных характеристик слова. Акцент сделан на лексической сочетаемости, понимаемой как совокупность лексических валентностей слова, отличающейся своеобразием и индивидуальностью по сравнению с грамматической сочетаемостью. Дистрибутивные свойства, посредством которых реализуются лексические значения, характеризуются определенной спецификой своей структурной организации в сфере номинации немецкого и русского языков. При достаточно высокой межъязыковой семантической общности лексическая сочетаемость в русском языке обладает преимущественно раздельнооформленным характером, в то время как для немецкого языка характерны как раздельнооформленность, так и цельнооформленность, причем в речи предпочтение отдается последней.

The article studies the correlation of such notions as the meaning of the word and its distribution features, semantic motivation of compatibility features is described. The focus is on lexical compatibility regarded as a set of lexical valencies of a word which as compared to grammatical compatibility is various and individual by nature. Distribution feature realizing lexical meanings are characterized by specific structural organization of nomination in the German and Russian languages. In spite of a big number of general interlanguage semantic features lexical compatibility in Russian reveals remote presentation; while in German both remote and integral presentations occur, with preference to the latter in oral speech.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, дистрибутивные свойства, лексическое значение, словосочетание, номинация, мотивированность.

Keywords: lexical compatibility, distribution features, lexical meaning, word-combination, nomination, motivational character.

Проблемы сочетаемости языковой единицы, ее конвенциональных употреблений и семантических правил, обуславливающих разные типы сочетаемости, лексико-семантической типологии не утрачивают своей актуальности и остаются дискуссионной в современной лингвистике. В широком плане сочетаемость единиц можно определить как их свойство вступать во взаимные связи с единицами, как правило, собственного уровня для выполнения определенных номинативных и коммуникативных задач. Постепенно утверждается семантическая трактовка данной универсальной категории: «сочетаемостные характеристики не существуют сами по себе: они (по крайней мере, большинство из них) мотивированы содержательными, т.е. семантическими свойствами» [8. С. 12], иными словами, констатируется наличие той или иной корреляции между содержанием и соответствующим выражением [9. С. 40]. По Н. Ф. Алефиренко, «значение знака как элемента языковой системы представляет собой обобщенную совокупность употреблений слова», при этом важно отметить, что ситуативно привязанная речь способна видоизменять системное значение различными смысловыми и ассоциативными приращениями [1. С. 67].

Системный характер основных элементов языкового строя считается одним из универсальных признаков, характеризующих сущность человеческого языка. Вместе с тем, констатируется факт, что языковые универсалии неоднородны, получают неодинаковую реализацию в разных языках. Это в полной мере относится и к структурно-семантическим отношениям слов: они по-разному манифестируются в разных языках, что подтверждается исследованиями разноязычного материала, воссоздающего соответствующий фрагмент языковой картины мира. Являясь основной

единицей языка, слово взаимодействует с лексической системой, не утрачивая, однако, своей самостоятельности: «каждое слово в языке характеризуется определенным набором семантических отношений, в которые оно может вступать с другими словами» [5. С. 136], иными словами его значение зависит не только от соответствующего понятия, общекатегориального значения, контекстов употребления, но и от связей с другими словами.

Сочетаемость как языковая категория свойственна элементам всех без исключения уровней языка, но наибольшее распространение имеет межэлементная сочетаемость одноуровневых единиц при образовании единиц более высокого уровня, к которой относится и такой системообразующий феномен, как лексическая сочетаемость. Дистрибутивные свойства слова зарождаются в акте номинации, отражая логико-предметные (логико-понятийные) связи и отношения обозначаемых объектов. Взаимодействие факторов сочетаемости слов отражается и в структуре словосочетаний, которые образуются в соответствии с коммуникативным заданием в процессе лексико-грамматического моделирования предложения, правильная организация которого предопределяется также законами семантической комбинаторики.

Лексическая сочетаемость, традиционно определяемая как «совокупность лексических валентностей слова» [6. С. 48], более своеобразна, и индивидуальна, и этноспецифична для слова, чем, например, грамматическая сочетаемость: ей свойственна в большей степени неустойчивость системы, неотчетливость проявления узуса и уязвимость норм.

Сочетаемость как одно из универсальных свойств лексических единиц, отражая синтагматические отношения между ними, определяется, как уже указывалось выше, грамматиче-

скими, лексическими и семантическими факторами, наличием в слове «функционально-семантической идеи» [7. С. 21], ограничивающей произвольность его переносных употреблений. При интерпретации характера лексической сочетаемости мы исходим из того, что словосочетание есть продукт семантического расширения слова, отражающего познавательный опыт человека / социума. Внутренняя организация, взаимосвязь элементов семантической структуры слова обуславливает ту или иную синтаксическую и лексическую сочетаемость, а лексическое значение, в свою очередь, является на синтагматической оси, т. е. в конкретных синтаксических и лексических связях. При этом слово как номинативная единица характеризуется целым комплексом отношений: к другим знакам (парадигматика и синтагматика), к выражаемому образу (понятие о денотате), к самим денотатам, к эмоциональным состояниям, внеязыковым реалиям и другим прагматическим моментам.

Развертывание семантики слова происходит, таким образом, в синтагмах, при этом лексическая сочетаемость является одновременно и формой выражения нового смысла, и непереносным системным условием манифестации лексического значения. Наши представления о значении лексической единицы формируются, обогащаются, изменяются, прежде всего, посредством тех единиц, которые сочетаются с ней или образуют ее контекст (окружение). Если вообразить себе лингвистическую ситуацию, где имеются только лексические единицы, сочетающиеся с неизвестной нам единицей, которую нужно определить, то любой носитель немецкого языка без труда справится с подобной задачей. Например, в сочетаниях с неизвестным членом *steiles* – , *flaches* – , *abschüssiges* – , *felsiges* – , *sandiges* – , *gegenüberliegendes* – , *fernes* – , *unbewohntes* – , *unbekanntes* – , *heimisches* – , *fremdes* – , – *des Flusses*, – *des Meeres*, – *des Sees*, – *des Ozeans*, – *hang*, – *land*, – *länge*, – *staat*, – *strasse*, – *wall*, – *erreichen*, – *betreten*, *vom* – *abstossen* и т. д. легко восстанавливается вместо тире опущенная лексическая единица (*das*) *Ufer* именно потому, что на различные аспекты ее значения указывают сочетающиеся с ней слова.

Характер семантических свойств слова, обнаруживаемых в его дистрибуции, может быть разнообразным. С одной стороны, в сходстве дистрибуции слов может проявляться сходство обозначаемых этими словами реалий по их функциям, смежности, назначению, устрой-

ству и т.д., а с другой стороны, посредством дистрибуции могут реализоваться и такие внутрilingвистические свойства значения, как полисемия, синонимия, антонимия, гипонимия, которые, хотя и обусловлены экстралингвистически, относятся, в первую очередь, к лингвистическим явлениям.

Дистрибутивные свойства, в которых реализуются лексические значения, характеризуются определенной спецификой своей структурной организации в сфере номинации различных языков. Универсальные подчинительные связи организуют при этом структуру как словосочетаний (свободных и устойчивых), так и сложных слов. Наши наблюдения показывают, что реализация закона языковой экономии обладает специфическими особенностями в немецком и русском языках. Отмечаемая в обоих языках тенденция к аналитизму отличается как универсальными, так и индивидуальными направлениями развития. Так, если в русском языке словарная недостаточность восполняется, как отмечает А. А. Буров, прежде всего за счет расчлененных наименований, соотносящихся своей семантикой с лексической номинацией, а структурой – с синтактикой [3. С. 20–21], то в немецком языке отмечается, прежде всего, высокая активность в номинативной функции субстантивного словообразования, являющегося продуктивным, фактически не имеющим границ способом номинации. Композиты как более экономное средство языкового выражения активно конкурируют в отличие от русского языка со словосочетаниями как раздельнооформленными наименованиями, сохраняя при этом в качестве важнейшей синтаксическую функцию, которая подчинена словообразовательной. Э. Бенвенист пишет, что «именное словосложение – это микросинтаксис. Каждый тип сложных имен следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного высказывания» [2. С. 241]. Таким образом, признается синтаксичность композитов, что свидетельствует об изоморфности семантической и структурной организации многих типов словосочетаний и композитов, прежде всего полносинтаксических.

Лексико-грамматические связи в сфере номинации реализуются в немецком и русском языках элементарными (словами), цельнооформленными (композитами и дериватами) и раздельнооформленными, расчлененными (словосочетаниями) знаками. Учитывая необычайно большую распространенность композитов в немецком языке, рассмотрим, по каким пара-

метрам соотносимы в структурно-семантическом плане сложные слова и словосочетания в русском и немецком языках. Принимая за аксиому наличие (разграничение) в немецком языке полносинтаксических, полусинтаксических и асинтаксических композитов [4. С. 29–32], можно утверждать, что композиты двух первых групп выполняют синтаксическую функцию и, тем самым, соотносимы со словосочетанием, однако в речи им отдается предпочтение вследствие присущей им структурно-семантической компрессии. Характер экономии, осуществляемой при помощи композитов, находится в непосредственной зависимости от характера их синтаксичности.

Далее, если в русском языке полисемия и омонимия слов снимается преимущественно посредством словосочетания как минимального контекста, то в немецком языке важная роль принадлежит – наряду с двучленными синтагмами – композитным конструкциям. Так, например, в немецком языке слово *Buch* (книга) представлено в качестве определяемого компонента многочисленными вариантами, указывающими только на тематику и содержание: *Abenteuer-, Adress-, Anekdoten-, Antikriegs-, Bilder-, Erbauungs-, Fach-, Gebet-, Gesang-, Geschichts-, Gesetz-, Haushalts-, Jugend-, Kinder-, Kommers-, Kurs-, Lieder-, Märchen-, Mess-, Nadel-, Pilz-, Predigt-, Strafgesetz-, Telefon-, Text-, Tier-, Traum-, Wörterbuch-*; и соответственно в русском языке *книга / сборник: приключений, адресов, анекдотов, антивоенная, иллюстрированная, назидательная, по специальности, молитвенник, псалмов, историческая, кодекс, записи домашних расходов, для юношества, детская, студенческих застольных песен, железнодорожный справочник, песенник, сказок, требник, игольница, о грибах, проповедей, уголовный кодекс, телефонная, текстов, о животных, снов, словарь*). В немецком языке многие из обозначенных семантических связей могут быть реализованы и подчинительными словосочетаниями (в основном, правда, по модели *Buch + Gen.* – *книга + Род. п.*), но предпочтение в речевом употреблении отдается сложным словам. Кроме того, в авторитетном Толковом словаре немецкого языка (*Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache 1967-78, 1. Band*) приводятся еще 49 субстантивных сложных слов, содержащих указание на вид деятельности, особые способы использования и переосмысление. Кроме того, в словарь включены 50 композитов с лексемой *Buch-* в качестве определяю-

щего компонента. Своим появлением в речи композиты временно виртуализуют лексико-семантическую структуру многозначного слова таким образом, что эта структура предстает в виде своего факультативного варианта. Уже эти примеры демонстрируют, что реализация семантических связей в сфере номинации осуществляется в немецком языке как в словосочетаниях, так и в сложных словах, потенциальные возможности моделирования которых практически не имеют ограничений.

В русском языке атрибутивные отношения выражаются не только сочетаниями с прилагательными / причастиями, но и генитивными конструкциями, которые в немецком языке, как и в большинстве аналитических языков, обнаруживают тенденцию к свертыванию в единый композит, хотя здесь существует целый ряд ограничений как семантического, так и формального плана, или в другие типы сочетаний. Использование в процессе номинации композитов служит, с одной стороны, устранению синтаксической неоднозначности, а с другой стороны, семантической специализации содержания (см. примеры с *Buch*). Однако, при выборе номинативной формы (композита или словосочетания) важную роль играет в немецком языке тип номинации, так как цельнооформленность обладает типизирующим началом. Это касается прежде всего композитов с первым адъективным членом (*Altpapier* ≠ *altes Papier*). Следует отметить, что при необходимости установить атрибутивное отношение к определяющему конституенту употребляется (как и в русском языке) обычно не композит, а словосочетание. Таким образом, можно сделать вывод, что при моделировании как сложных слов, так и словосочетаний как номинативных знаков действуют одни и те же законы семантико-синтаксического согласования слов. Как известно, номинативная и морфологическая функции способствуют восполнению языковой недостаточности, которая присуща каждому языку. Тенденция к уменьшению объема предложения и универсальный закон экономии языковых средств проявляются с большей отчетливостью в немецком языке, что находит выражение в массовом образовании композитов.

В общем и целом, можно заключить, что при достаточно высокой межязыковой семантической общности лексическая сочетаемость в сфере номинации русского языка обладает преимущественно раздельнооформленным характером, в чем можно усмотреть уникаль-

ную способность богатого флексиями русского языка к синтаксическим трансформациям, в то время как для немецкого языка характерны как раздельнооформленность, так и цельнооформленность, причем в речи предпочтение отдается последней.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики : Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Изд. 4-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.
3. Буров, А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке : автореф. дис. ... докт. филол. наук / А. А. Буров. – Ставрополь, 2000. – 47 с.

4. Вашунин, В. С. Субстантивные сложные слова в немецком языке / В. С. Вашунин. – М. : Наука, 1990. – 159 с.

5. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиторас УРСС, 2000. – 352 с.

6. Котелова, Н. З. Значение слова и его сочетаемость / Н. З. Котелова. – Л. : Наука, 1975. – 164 с.

7. Луценко, Н. А. Введение в лингвистику слова / Н. А. Луценко. – Горловка : Изд-во ГТПИИЯ, 2003. – 144 с.

8. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Азбуковник, 2010. – 448 с.

9. Тер-Минасова, С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах / С. Г. Тер-Минасова. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 152 с.

И. В. Сибиряков

*Челябинский государственный университет физической культуры
(Челябинск, Россия)*

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

THE PHENOMENOLOGICAL ESSENCE OF LANGUAGE GAME

Феноменологический подход к сущности языковой игры позволяет точно определить уровень чувственного познания, на котором наблюдается формирование собственно языка в научном смысле этого слова. Кроме того, выделяются различные грани знака и значения лексических единиц.

The phenomenological approach to the essence of language game allows defining the precise level of sense knowledge, at which one can see the formation of language itself in the scientific meaning of this word. Besides, the paper deals with different sides of sign and meanings of lexical units.

Ключевые слова: языковая игра, феномен, представление, знак, значение.

Keywords: language game, phenomenon, notion, sign, meaning.

Игра является междисциплинарным феноменом. Нет, пожалуй, ни одной области знания, которая бы не занималась исследованием проблемы игры. Широко известны, например, труды французского учёного Р. Кайуа по социологии игры в контексте культуры, английского психолога С. Миллера по психологии игры, философский анализ феномена игры отечественным учёным Л. Ретюнских, и, наконец, знаменитое исследование по культуре игры нидерландского учёного Й. Хёйзинги.

Этот список можно было бы значительно расширить, чтобы проиллюстрировать интерес к проблеме игры в различных областях научного знания. Кроме того, соответствующими специалистами немало написано о спортивных играх, политических играх, педагогических играх, экономических играх, ролевых играх в творчестве великих актёров и т. д. Однако охватить в рамках небольшой статьи все грани и характеристики игры в рамках небольшой статьи не представляется возможным. Именно

поэтому целесообразно остановиться исключительно на одном аспекте этого феномена: на *языковой игре*.

Как известно, идею языковой игры впервые сформулировал Людвиг фон Витгенштейн: «“Языковой игрой” я буду называть... единое целое: язык и действия, с которыми он переплетён» [1. С. 227]. Язык, как известно, есть знаковая система. Так, например, Ф. де Соссюр, работы которого в значительной степени определили развитие языкознания в XX столетии, категорично утверждал: «Язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное – это система знаков» [7. С. 22]. Теперь остаётся только выявить, где и на каком уровне человеческого познания начинается формироваться и функционировать система знаков, являющаяся, в конечном счёте, репрезентацией языка.

Здесь целесообразно обратиться к определению понятия феномен: «**ФЕНОМЕН** (от греч. *phainómenon* – являющееся), – как сформулировано в «Философском энциклопедическом словаре», – *явление*, данное нам в опыте чувственного познания, в отличие от ноумена, постигаемое разумом и составляющего основу, сущность феномена» [9. С. 478].

В философии принято выделять два уровня познания: чувственный и рациональный. Чувственному уровню познания соответствуют ощущения, восприятия и представления; рациональному уровню познания – понятия, суждения и умозаключения. Следовательно, если феномен есть «*явление*, данное нам в опыте чувственного познания», то его необходимо искать именно на чувственном уровне. С этой целью обратимся к определению понятия ощущение: «**ОЩУЩЕНИЕ**, – указано в “Философском энциклопедическом словаре», – в обычном употреблении то же, что и чувство, в физиологии и психологии – результат возбуждения нервных центров коры головного мозга» [9. С. 328]. А вот что пишет о функции ощущения в процессе познания выдающийся американский психолог Роберт Л. Солсо: «Наши знания изначально имеют чувственную природу... Термин *ощущение* относится к первоначальному опыту, возникающему в результате элементарных видов стимуляции» [6. С. 55]. Говоря обыкновенным языком, *ощущение* есть реакция живого организма на внешние раздражители. Следовательно, ощущение является феноменом, поскольку даётся нам «в опыте чувственного познания».

Феномен в форме ощущения в философии обычно называется интуицией. Принято вы-

делять два типа интуиции: чувственную интуицию (непосредственное знание) и интеллектуальную интуицию (рациональное знание). Чувственная интуиция как простейшее, изначальное знание возникает в результате непосредственного усмотрения истины: нет, например, необходимости доказывать, что стена белая, а уют – горячий и т. д. Это относится и к такому уровню чувственного познания как *восприятие*. В самом общем смысле *восприятие* есть совокупность, сумма ощущений. И поскольку *восприятие* как сумма ощущений дано нам «в опыте чувственного познания», то оно также является феноменом.

Поскольку на чувственном уровне познания ощущение и восприятие даны нам в форме непосредственного усмотрения истины, то такое знание ничем не опосредуется. Говоря другими словами, непосредственное усмотрение истины не имеет характера знаковой репрезентации интуитивного знания. Есть все основания предполагать, что более или менее высокоразвитые животные также обладают способностью непосредственного усмотрения истины, то есть чувственной интуицией. Более того, у большинства животных ощущения и восприятия развиты намного лучше, чем у человека. Достаточно указать на тот факт, что животные заранее ощущают приближение землетрясений, стихийных бедствий; они видят и слышат намного лучше, чем люди.

Однако люди отличаются от самых высокоразвитых животных наличием *знаков*. Под *знаком* в самом широком смысле следует понимать любое искусственное образование, не встречающееся в природе в естественном виде. Так, например, философ Марков Б. В. предлагает следующее определение знака: «В качестве знаков выступают не только специальные слова и высказывания, но, вообще говоря, любые предметы, созданные человеком или втянутые в круг его интересов и наделённые тем или иным значением, выражающие те или иные отношения, несущие ту или иную информацию» [4. С. 9]. Существует, конечно, и более узкое определение знака, получившее широкое распространение в языкознании: «**ЗНАК** – материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель др. предмета, свойства или отношения» [9. С. 166].

Именно с помощью знаков и их значений человек опредмечивает окружающий мир, передаёт реципиентам громадный поток информации. Вся без исключения деятельность

человека носит знаковый характер. Конечно же, животные также могут передавать информацию себе подобным, но способ передачи информации у них совершенно другой. На необходимость различения знаков у человека и звуков у животных указывал ещё в XVI в. английский философ Томас Гоббс: «Знаки же, которые два животных одного и того же вида подают друг другу посредством голоса... не установлены ими *произвольно* [курсив наш – И. С.], – чувства насильственно вызывают такие звуки в силу необходимости, обусловленной природой данных животных... И всё же эти звуки... *установлены не преднамеренно* [курсив наш – И. С.], а с естественной необходимостью возникают под влиянием страха, радости, влечений каждого отдельного животного» [3. С. 232–233]. И далее философ делает очень важное для данного контекста умозаключение: «В силу этого животные лишены... разума (intellectus), ибо разумение есть некое воображение, основывающееся на установленном *значении* [курсив наш – И. С.] слов» [3. С. 233]. Из сказанного отчётливо видно, что *разумение*, свойственное человеку, Томас Гоббс теснейшим образом увязывает со *значением* знаков (слов). Знаки же, которые производят животные, английский философ называет сигналами, которые являются всего лишь биологической реакцией их организма на раздражители, поступающие из внешнего мира. Животные, таким образом, знаками не владеют, а, следовательно, и значением.

Итак, только тогда материальный предмет (и слово в том числе) становится знаком, когда приобретает значение. На этот факт неоднократно указывал Л. С. Выготский: «Смыслообразование есть главная *функция* [курсив наш – И. С.] знака, – утверждал учёный в работе “Проблема сознания”. – Значение есть всюду, где есть знак» [2. С. 162]. Следовательно, поскольку знак есть «чувственно воспринимаемый предмет», как было сказано выше, то есть «явление, данное нам в опыте чувственного познания», то знак также является феноменом. Однако возникает вполне справедливый вопрос: на каком этапе чувственного познания знак приобретает значение?

Выше были проанализированы такие феномены чувственного познания как ощущение и восприятие, но осталась ещё такая форма как *представление*. «Философский энциклопедический словарь» даёт следующее определение представления: «В узком смысле представление есть появляющийся в сознании образ ранее

воспринятого предмета или процесса внешнего мира, после того, как представляемое объективно уже не присутствует» [9. С. 363]. Проще говоря, *представление* – это образ, созданный продуктивным воображением; *форма чувств, отражённая в виде наглядно-образного знания*. А вот как в логике анализируются функции представления: «Следы сохраняемых памятью пережитых ощущений и восприятий могут оживляться, актуализироваться. Представление в простейшем случае и есть актуализация прошлых ощущений и восприятий. Представить, например, родной дом означает оживить хранящееся в памяти восприятие соответствующего дома. Актуализация прошлого опыта является лишь одним из моментов представления. Этот момент можно назвать репродуктивным, – считает профессор К. Н. Суханов. – Другим моментом является продуктивный, состоящий в активной произвольной интеграции прошлого чувственного опыта (ощущений, восприятий) в новые, не встречавшиеся в прошлом опыте комплексы. На этом пути рождаются образы воображения, творческой фантазии» [8. С. 9]. Можно утверждать, что именно здесь, когда на основе ранее воспринятых ощущений и восприятий «рождаются образы воображения, творческой фантазии», формируются знаки и их значения. Всё зависит от интенциональной направленности «образов воображения, творческой фантазии», если, конечно, под интенцией понимать когнитивное намерение познающего субъекта. И как же тут не вспомнить Л. Витгенштейна, который категорично утверждал: «Для *большого* класса случаев... где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова – его употребление в языке» [2. С. 250]. Такое понимание значения неразрывно связано с приведенным выше определением Л. Витгенштейна понятия «языковой игры» как языка и действий, с которыми язык переплетён. Следовательно, формирование *значения* есть важнейший элемент «языковой игры».

Анализ показывает, что значение знака (слова) не однородно и зависит от интенции (когнитивного намерения) познающего субъекта. Отсюда следует, что значение знака (слова) – собирательно. Так, например, поскольку знак, в большинстве случаев, представляет собой материальный, чувственно воспринимаемый предмет, и познающий субъект воспринимает (переживает) знак эмоционально, экспрессивно, то такую характеристику знака часто называют *эмотивным* значением. В языке эмотив-

ная характеристика знака наиболее ярко выражается с помощью прилагательных.

Язык как знаковая система служит общению между людьми, следовательно, выделяется **коммуникативная** характеристика знака. Если же использовать метафору, то можно представить коммуникативную характеристику знака в виде «моста», связывающего сознания вступающих в многообразные отношения людей. Это, пожалуй, наиболее важнейшее, основополагающее значение знака.

С помощью знака человек из всего многообразия окружающего мира выделяет, указывает, концентрирует внимание на конкретные вещи, события, процессы. Так формируется указательная, то есть **индикативная** характеристика знака. В языке индикативное значение знака обычно бывает представлено с помощью указательных местоимений.

Параллельно с индикативной, формируется **номинативная** характеристика (значение) знака. С помощью номинативного значения человек опредмечивает окружающий мир, членит этот мир на всевозможные составляющие элементы. Именно благодаря номинативному значению человек и ориентируется в окружающем его мире.

Важнейшей характеристикой знака является и его смыслообразующая функция (значение). Смыслообразование зависит от контекста (от ситуации, условий), в котором знак употребляется. Под смыслом, таким образом, следует понимать когнитивное содержание знака (слова).

Значение слова, следовательно, не статично, а динамично, функционально. Отсюда можно вывести определение этого понятия: **Значение есть совокупность конституирующих характеристик (компонент), определяющих функциональную направленность знака.**

Конечно же, в контексте данной статьи исследованы далеко не все характеристики (компоненты) значения. Можно также указать на **синтагматическое** значение знака, **парадигматическое** значение знака и ряд других. Всё зависит от интенциональной направленности сознания познающего субъекта. «Но если принять, что под языком в широком смысле слова понимается любая знаковая система, то и **игра** в широком смысле **есть функциональная ре-**

презентация знаковой деятельности сознания, – пишет Д. И. Сибирияков. – Понимаемая таким образом *игра* легко может быть спроецирована на любую форму общественного сознания: математику, музыку, политику, спорт, физику, информатику, экономику, педагогику и т. д. *Игра*, таким образом, **является универсальным инструментом когниции**» [5. С. 130].

Список литературы

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн; пер. с нем. Козловой М. С. // Языки как образ мира; сост. К. Королёва. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 220 – 546.
2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – 1982. – 488 с.
3. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. / Томас Гоббс ; пер. с лат. и англ. ; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов ; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 622 с.
4. Марков, Б. В. Знаки бытия / Б. В. Марков. – СПб. : Наука, 2001. – 566 с.
5. Сибирияков, Д. И. Игра в когнитивной деятельности сознания / Д. И. Сибирияков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 128–130.
6. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Роберт Л. Солсо. – 2-е изд. – М. : “Тривола”, М. : “Либерия”, 2002. – 600 с.
7. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр ; ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
8. Суханов, К. Н. Логика : Учеб. пособие / К. Н. Суханов; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2004. – 171 с.
9. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблёва, В. А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М. : 2009. – 570 с.

Т. А. Сироткина

*Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут, Россия)***ЭРГОНИМИЯ В КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА****ERGONOMY IN THE CULTURAL AND LINGUISTIC
SPACE OF THE CITY**

Статья посвящена описанию принципов номинации городских объектов. Рассматривается динамика названий кафе, ателье, детских садов, а также изменения в области эргонимической терминологии. Делается вывод о разнообразии концептуальных областей, представленных в эргонимии, стабильности основных принципов эргонимической номинации и динамичности групп именовании, выполняющих рекламную функцию.

This article deals with the principles of nomination of city objects. The dynamics of names of cafes, studios, kindergartens, as well as changes in ergonomic terminology are examined. It is concluded about the diversity of conceptual areas in ergonomics, the stability of basic principles of ergonomic nomination and dynamism of nomination groups that perform the advertising function.

Ключевые слова: лингвокультурное пространство, онимы, эргонимы, эргонимикон.

Keywords: linguistic and cultural space, onyms, ergonyms, ergonymikon.

Эргонимия (совокупность названий предприятий и организаций) является, безусловно, одним из самых подвижных и развивающихся разрядов ономастической лексики. Эргонимы, по наблюдениям исследователей, с одной стороны – являются «результатом деятельности индивидуального языкового сознания», с другой – «ориентированы на массовое прочтение и предполагают активизацию культурных смыслов, актуальных для значительного числа адресатов наименований» [5. С. 627].

Особенно интересно исследование изменения эргонимии отдельно взятого города, поскольку «город как материализовано-вещественный объект, как территория, текст, социокультурное пространство и как образ представляет собой феномен духовной жизни человека, концентрирующий в себе ценности, идеалы различных социумов на всех этапах материальной и социокультурной деятельности. Выражение этих ценностей и идеалов носит семиотический характер и отражено в его языке» [8. С. 246].

Целью настоящей статьи является сопоставление двух пластов пермского эргонимикона – 1) эргонимов, представленных в «Списках Пермской городской телефонной сети» 1979 и 1987 года; 2) эргонимов, нашедших отражение в справочнике «Пермь. Желтые страницы» 2014 года. Конкретными задачами послужили: 1) рассмотрение статичности и подвижности

разных типов названий; 2) выявление основных концептуальных областей, средством вербализации которых служат эргонимы.

Обращаясь к последней из названных задач, мы учитываем опыт лингвистов, описывающих русские и иноязычные названия торговых марок. Так, например, К.А. Дзюба полагает, что «в качестве концептуальной основы наименований парфюмерных торговых марок выступают две концептуальные области – «Человек» и «Товар» [4. С. 259]. В эргонимическом пространстве конкретного региона вербализацию получает, по нашему наблюдению, большее количество различных концептуальных областей. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Исследуя динамику **названий кафе**, необходимо отметить, что при своём количественном различии (в списке 1979 года представлено 33 названия, в списке 2014 года – 589) основные принципы номинации остаются неизменными. Один из них – топонимический – отражается в первом из них эргонимами «Волга», «Россия», «Парма», во втором можно выделить несколько групп названий, следуя принципу «от микро к макро»: 1) эргонимы, связанные с названиями пермских улиц и микрорайонов (На Бирской, На Камской, Трактир на Покровской, Тихий Компрос, Столовая-кафе на Парковом, Трактир Разгуляй); 2) наименования, имеющие в основе топонимы Пермь и Кама (Пермская кухня, Пер-

мяночка, Прикамье); 3) эргонимы, привязанные к Уралу (Урал, Уралочка, Уральские посикуны, Уральские самоцветы); 4) наименования, связанные с общероссийской топонимикой и топонимикой соседних стран (Арбат, Дерибасовская, Баку, Сочи, Иссык-куль, Каспий, Ялта, Рига, Маленький Ташкент); 5) эргонимы, мотивированные макротопонимами (Атлантида, Африка). Таким образом, вербализацию в пермском ономастическом пространстве получает концептуальная область «Место».

Самую многочисленную группу названий кафе образуют на протяжении рассматриваемого периода эргонимы, отражающие специфику предприятия. В списке 1979 года она представлена такими наименованиями, как Пельменная, Уральские пельмени, Шанежная, Закусочная, Блинная, в списке 2014 года – эргонимами Шашлык-башлык, Чайхана, Чудо-блинчик, Шаурма, Цыпята по-английски, Хит-дог, Хачапурная, Суши сан, Сити-пицца, Пицца хот, Пиццерия на Пермской ярмарке, Пельмешки да вареники, Пахлава, Пельменная, Пельмешки без спешки, Оладушка-душка, К теще на блины, Закусочная, Дока-пицца, Домашняя кухня. Данные наименования служат средством вербализации концептуальной области «Еда».

Остается на протяжении времени в пермском ономастическом пространстве и группа названий, образованных от фитонимов: в 1979 году она была представлена наименованиями Рябинушка, Сосны, Ива, в 2012 – эргонимами Березка, Вишенка, Гранат, Елочка, Калина-малина, Кедр, Лилия, Манго, Мандарин, Подсолнух, Пять перцев, Тополя, Цуккини. Являясь средством вербализации концептуальной области «Растения», данные названия не связаны со спецификой предприятия, выполняют не собственно номинативную, а в большей степени эстетическую функцию.

Группа отзоонимных имен представлена только в последнем из исследуемых списков: Барракуда, Батерфляй, Белая сова, Пингвин, Хорошая собака, Чайка. Посредством имен этой группы вербализуется концептуальная область «Животные».

Пополняется с течением времени группа наименований, включающих этнонимы или от-этнонимные прилагательные. Если в 1979 году она представлена лишь эргонимом Русская тройка, то в 2014 – целым рядом имен: Японаматрена, Японская lavka, Узбекская кухня, Узбечка, Украинская кухня, Славянка, Русская кухня. Являясь средством вербализации концептуальной области «Этнос», они отражают

одну из важных категорий языкового сознания любого народа – категорию этничности.

Наблюдается тенденция персонализации наименований, выражающаяся в том, что в последнем списке появляется большая группа от-антропонимных эргонимов (Алёнушка, Алина, Антошка, Аэлита, В гостях у Марфы, Виктория, Глория, Илона, Людмила, Максим, Натали, Светлана, Софья, Татьяна). Данные они-мы служат средством вербализации концептуальной области «Человек».

Такой вид эргонимов, как **названия ателье**, в целом также претерпел с течением времени определенные изменения. Так, в списке 1979 года 50% всех наименований данной группы было представлено следующим виде: «Ателье по пошиву мужской и женской верхней одежды». В списке 2012 года «неономастических» названий (Ателье, Швейная мастерская) осталось всего 10%. Еще 6% дополняются персональными данными индивидуальных предпринимателей, открывших данное ателье (Ушахина И.А., Чунихина В.С., Половодова Н.Н., Рахимзянова В.З., Кожин В.П., Кожин Тимофей Викторович, Лабутина Наталия Валентиновна, Ивукова О.В., Хабибулина С.Г., Авторское ателье Ольги Ереминой).

Значительно пополнилась группа отыменных названий ателье: в 1979 году она представлена именами Людмила и Светлана, в 2014 – эргонимами Юлиана, Элен, Элла, Татьяна, Фрау Ирона, Салон Екатерины, Светлана, Ниана, Любава, Людмила, Ирина, Виола, Галина, Виктория, Анастасия, Ирэн. Как мы видим по данной и предыдущей группам, в пермском эргонимическом пространстве актуализируется концептуальная область «Человек».

Не увеличилась с течением времени группа названий, отражающая возраст потребителей (в 1979 году – Дюймовочка, Октябренок, Юность, в 2014 – Дюймовочка, Юность). То же касается отфитонимных и отзоонимных названий (1979 – Ромашка, Кипарис, Чайка, 2014 – Ромашка, Лилия, Ирбис, Белка). Вместе с тем расширился состав имен, отражающих специфику данного вида эргонимов: в первом списке он представлен названием Иголочка, Силуэт, в последнем – наименованиями Ажур, Атлас, Вышивка, Зигзаг, Золотое руно, Иголочка, Клепка, Креп де Шин, Меховое ателье, Мода, Модница, Модистка, Фасон, Утюгофф и Строчкина, Ткани, Нить успеха, Силуэт, Силуэт плюс, Модный дуэт, являющихся средством вербализации концептуальной области «Мода».

Наиболее стабильной в плане номинации остается группа эргонимов, включающая названия **детских садов**. Учитывая то, что большая часть объектов данного вида имеет не названия, а лишь номера, другую часть их во всех рассматриваемых списках образуют группы имен, восходящих к: 1) названиям растений (1987 – Елочка, Берёзка, Ромашка, Василек, Одуванчик, Колокольчик, Красная рябина, Рябинка, Вишенка, 2012 – Берёзка, Елочка, Колокольчик, Ромашка, Тополёк, Вишенка, Незабудка, Кленок, Рябинка, Ландыш, Тыква – концептуальная область «Растения»); 2) названиям животных, птиц и насекомых (1987 – Мотылёк, Ласточка, Светлячок, Снегирёк, Чайка, Петушок, 2012 – Журавушка, Петушок, Светлячок, Жаворонок, Ласточка, Белочка, Журавлик, Аистёнок – концептуальная область «Животные»); 3) названиям сказок и именам сказочных героев (1987 – Теремок, Серебряное копытце, Аленький цветочек, Золотая рыбка, Буратино, Снегурочка, Дюймовочка, Алёнушка, Чебурашка, Колобок, Семицветик, Золотой ключик, Красная шапочка, 2012 – Теремок, Красная шапочка, Оляпка, Аленький цветочек, Алёнушка, Золотой ключик, Золотой петушок, Золушка, Чебурашка, Золотая рыбка, Домовёнок, Конек-горбунок, Колобок, Петушок – золотой гребешок, Лесовичок, Серебряное копытце – концептуальная область «Сказки»).

Важный вопрос – соотношение тенденций развития языка в целом и пласта эргонимической лексики. По наблюдениям лингвистов, для языка и речевой культуры первых десятилетий XXI века характерны следующие тенденции: отказ от канцеляризмов, развитие творческого начала, жаргонизация и вульгаризация речи, расшатывание языковых и этических норм, активное использование стилистически сниженных элементов, интенсивный процесс заимствования слов, демократизация языка [1. С. 30]. В современной номинации городских объектов наблюдаются те же самые тенденции. Так, креативность находит свое место в оригинальных названиях, привлекающих внимание реципиента («Японаматрена», «Утюгофф и Строчкина»), а также в названиях, построенных на игре слов («Креп де Шин»).

Рост личностного начала проявляется в уменьшении количества цифровых номинаций, увеличении антропонимных эргонимов (Фрау Ирона, Салон Екатерины). Что касается заимствованной лексики, то можно выделить следующие группы появившихся названий: варваризмы в оригинальной графике (аптеки

Zeta, Vita-max), иноязычные слова, записанные кириллицей (магазин Прада), иноязычные элементы в составе сложных слов (аптека Альфа-Ленд). Стремление к агглютинации обнаруживается в таких наименованиях, как НикаФарм.

Другой актуальный вопрос – отражение региональных особенностей в эргонимии. Как известно, языковая ситуация оказывает воздействие на процессы формирования эргонимического пространства, которое, в свою очередь, является отражением этнической и культурной составляющей социума [2. С. 23]. Соответственно, региональная эргонимия Урала «формирует своеобразное ономастическое пространство, ... отражающее процессы взаимопроникновения разных этнических культур» [3. С. 90]. Не является исключением и пермская эргонимия, в составе которой имеются названия, отражающие:

- пеструю этническую карту региона (Чайхана, Хачапурная);
- региональный топонимический пласт (отель Прикамье, гостиницы Алмаз Урала и т.д.);
- урбонимическую составляющую Перми (столовая-кафе На Парковом).

Немаловажное место в структуре эргонима, как известно, играет термин [6. С. 78] или квалификатор – «термин, уточняющий профиль, класс обслуживания, ассортимент, функциональные либо стилевые признаки коммерческого предприятия» [7. С. 83]. Изменения в сфере эргонимической квалификации отражают социальные изменения в российском обществе, а также имеют региональную специфику. Так, преобладающие в советский период квалификаторы *гостиница* и *общежитие* постепенно сменились целой системой наименований предприятий гостиничного бизнеса: *гостиница* (Авиадвигатель, Алмаз Урала, Визит, Виктория, Волна), *частная гостиница* (Мираж), *домашняя гостиница* (У Ольги), *гостиничный комплекс* (Жемчужина), *отель* (Президент, Спорт, Прикамье), *vip-отель* (Ева), *hotel* (Эдем). При этом такой, например, квалификатор, как *гостевой дом*, широко распространённый на юге России, в Прикамье встречается лишь в единичных случаях.

Таким образом, анализ пермского эргонимикона позволяет выявить следующие основные тенденции развития городских названий: 1. Названия, отражающие специфику объекта номинации, были, остаются и, очевидно, будут оставаться одной из основных групп эргонимов (Блинная, Пельменная – названия кафе; Иголочка, Силуэт – названия ателье). Пред-

ставляющие различные концептуальные области («Еда», «Мода» и др.), они наилучшим образом выполняют основную функцию любого вида онимов – функцию номинации. 2. Активно функционируют в городском ономастическом пространстве эргонимы, перешедшие в состав эргонимикона из других разрядов ономастической лексики (Парма, Сочи, Светлана, Анастасия, Золушка, Чебурашка). В отличие от предыдущей группы названий, данные онимы не указывают на специфику предприятия, однако в ряде случаев лучше отвечают эстетическим требованиям потребителя, являются более звучными, вызывают положительные ассоциации. 3. В городском эргонимиконе можно выявить более статичные (названия детских садов) и более подвижные (названия кафе) группы наименований. Динамичность последних обусловлена не только стремительным возрастанием количества объектов, но и стремлением их хозяев привлечь красивым названием большее количество посетителей. Не последнюю роль в этом процессе играет актуализация концептуальной области «Человек», получающей вербализацию в отантропонимных эргонимах.

Список литературы

1. Воронина, Л. В. Слвоеменные тенденции в наименовании городских объектов (на примере урбонимов г. Рязани) / Л. В. Воронина // Проблемы общей и региональной ономастики : Мат-лы IX Междунар. науч. конф. – Майкоп : АГУ, 2014. – С. 69–72.
2. Голомидова, М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга / М. В. Голомидова // Известия

Уральского университета. Гуманитарные науки. Вып. 4. – 2001. – № 2. – С. 19–25.

3. Гузикова, В. В. Отражение региональных особенностей в эргонимах города Екатеринбурга / В. В. Гузикова // Проблемы общей и региональной ономастики : Мат-лы IX Междунар. науч. конф.-и. – Майкоп : АГУ, 2014. – С. 90–94.

4. Дзюба, К. А. Вербализация концептуальной области «Человек» посредством наименований англоязычных парфюмерных торговых марок / К. А. Дзюба // Когнитивные исследования языка. Вып. XI : Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике. – М. : Ин-т яз-я РАН; Тамбов: Изд. Дом ТГУ им Г.Р. Державина, 2012. – С. 258–261.

5. Кадоло, Т. А. Полилог культур в наименованиях городских торговых объектов (на материале эмпоронимов города Абакана) / Т. А. Кадоло // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира : Человек. Сознание. Коммуникация : Мат-лы V Междунар. конф. – Варшава, 2012.

6. Романова, Т. П. Самарские рекламные эргонимы // Ономастика Поволжья. – М., 2004. – С. 73–83.

7. Сизых, М. М. Семантическое развитие лексемы ДОМ в современной эргонимии (на материале эргонимии г. Иркутска) // Вопросы языка в современных исследованиях: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие. – М., Ярославль : Ремдер, 2013. – С. 82–86.

8. Яковлева, Е. А. Город как текст : эргонимы Уфы в динамике развития / Е. А. Яковлева, А. М. Емельянова // Ономастика Поволжья: мат-лы XIII междунар. науч. конф. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 246–250.

Н. С. Соловьева

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)*

ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

EUPHEMISMS AS A MEANS OF COMMERCIAL CORRECTNESS IN ENGLISH AND RUSSIAN

В статье рассматриваются английские и русские эвфемизмы как средство выражения коммерческой корректности. Обозначаются основные сферы употребления коммерчески корректных эвфемизмов в английском и русском языках.

The paper deals with English and Russian euphemisms as a means of commercial correctness and defines the main spheres of the commercial euphemistic field.

Ключевые слова: эвфемизм, коммерческая корректность, заимствования, девальвация эвфемизма, профессиональный жаргон.

Keywords: euphemism, commercial correctness, borrowing, euphemism devaluation, professional slang.

Вопросы, связанные с сущностью и функцией эвфемизмов привлекали внимание исследователей с древних времен, однако, как лингвистическое явление эвфемия начала изучаться только с XIX, причем в основном западными языковедами Англии, США и Польши. Отечественное языкознание обратило свое внимание на проблемы эвфемии значительно позднее, в советский период. Причем тема эвфемии исследовалась в советском языкознании в основном в историческом аспекте, в частности, в работах Л. А. Булаховского, Б. А. Ларина и А. А. Реформатского в связи с древним табу, и анализировалась преимущественно на индоевропейском, славяно-балтийском или общеславянском материале [6. С. 3].

Только в последние десятилетия в отечественном языкознании интерес к эвфемии усилился, и лингвисты начали рассматривать эвфемизмы под другим углом зрения. Так, в рамках функционально-семантического подхода были разработаны тематические классификации эвфемизмов (А. М. Кацев, Л. П. Крысин, Б. А. Ларин, В. П. Москвин) и выделены способы наименования эвфемистических номинаций (А. М. Кацев, В. П. Москвин, Е. И. Шейгал). Изучение эвфемизмов в аспекте функциональной стилистики позволило выявить специфические текстовые функции эвфемизмов различных функциональных разновидностей (И. Р. Гальперин, В. П. Москвин, Е. П. Сеничкина). Вышел в свет словарь эвфемизмов под редакцией Е. П. Сеничкиной. Новые направления в лингвистике – лингвистическая гендерология (Г. А. Вильданова), когнитивная лингвистика (Н. Н. Болдырев), дискурсивные исследования (Е. И. Шейгал) – также включили эвфемизмы в поле исследования.

Интерес отечественных языковедов к эвфемии связан не только со сменой научной парадигмы в языкознании, и, как следствие, развитием новых направлений в современной лингвистике. В большей степени повышенное внимание к эвфемизмам объясняется, прежде всего, социально-культурным и языковым фоном, возникшем в постсоветской России. Так,

с середины 90-х годов эвфемизация наряду с противоположным явлением, огрублением речи, являются устойчивыми тенденциями в современном русском языке [2]. (Огрубление речи – тема отдельного исследования и в данной статье не рассматривается).

Расширение сферы употребления эвфемизмов в русской речи во многом связано с социально-экономическими явлениями, протекающими в российском обществе и мировыми глобальными процессами, оказывающими сильное влияние на современную Россию. Как известно, употребление эвфемизмов в большинстве случаев продиктовано нормативно-ценностными представлениями общества, уровнем развития этикета и социокультурными речевыми нормами. Более того, эвфемизмы, находясь в постоянном развитии, чутко реагируют на изменения в области нравственных оценок тех или иных явлений общественной жизни, и, отражаясь в общественном сознании, способствуют распространению в обществе новых идей, влияя на образ мышления и восприятие действительности. Таким образом, изменения в общественно-социальной и культурной жизни общества находят отражение в системе эвфемизмов.

Одной из сфер подвергающейся активной эвфемизации в российском обществе является сфера взаимоотношений между производителями товаров и услуг и потребителями. Отечественные маркетологи, работающие на рынке товаров и услуг, при продвижении товаров все чаще принимают во внимание такое понятие как «коммерческая корректность».

Коммерческая корректность, определяющая отношения между потребителями и производителями товаров и услуг, является центральным понятием идеологии Запада. Согласно ей человек, рассматривается как потенциальный клиент, покупатель, пассажир, абонент, которого надо привлечь, побудить сделать заказ или купить то, что нужно компании, магазину, или организации [7]. Такая забота о клиенте напрямую отражается в английских эвфемизмах, (некоторые из которых имеют региональ-

ные варианты), употребляемых с целью повышения привлекательности товаров и услуг, а также вуалирования всех неприятных ассоциаций, которые могут возникнуть у потенциальных покупателей.

Уважительное отношение к потребителю в англоязычном обществе приводит к тому, что коммерчески корректные эвфемизмы встречаются практически во всех сферах товаров и услуг. Однако по данным исследователей максимального развития коммерческая корректность достигла в сфере недвижимости. Отмечается, не только большое количество эвфемизмов в речи риэлторов, но и то, что эти эвфемизмы очень подвижны и быстро девальвируются [8. С. 266], что в свою очередь, свидетельствуют о важности этой сферы в англоязычном обществе.

Эвфемизмы из профессионального жаргона риэлторов призваны приукрасить любой объект недвижимости, начиная от самого дешевого жилья и заканчивая элитными особняками: *convenient – so small that you can conveniently reach every cupboard in the kitchen without taking a step in any direction, quaint – claustrophobically small, gracious/elegant – old large and expensive, historic – very old, ideal for modernization – in desperate need of repair, sought after – highly priced, prestigious – high in cost, period – old in style and disrepair* и др.

Коммерческая корректность широко распространена при обозначении пассажиров всех видов транспорта, особенно это касается пассажиров, путешествующих самым низким классом. Так, пассажиры разных видов транспорта делятся на *first class* и *business (club) class*. Третьего класса уже не существует. Иногда пассажиров бывшего третьего класса называют *standard class*. Авиакомпании в заботе о потребителях, покупающих самые дешевые билеты, называют их *tourist class* или *economy class*, а покупатели самых дорогих билетов, помимо *club class* и *first class*, называются также *executive class*. Однако в самолете, чтобы не задеть чувств пассажиров, летящих не первым классом, и не потерять клиентов, на салоне первого класса пишут: *first cabin customers*.

Коммерческая корректность в англоязычном обществе распространяется и на само понятие «потребитель». Так, считается, что лексическая единица *customer* понижает статус человека, поэтому маркетологи повсеместно заменяют ее на *client*. Пассажиры железных дорог Великобритании, напротив, с 1990 г. называются *customers* вместо употребляемого ранее *passengers* [8. С. 263].

Характеристики товаров и услуг, чаще всего подвергающихся эвфемизации касаются, как правило, размера товара, его стоимости, «возраста» и материала, из которого он сделан. В зависимости от того, что представляет собой товар или услуга все эти характеристики могут рассматриваться как благоприятные, так и неблагоприятные для продвижения товара на рынке.

К примеру, упаковки маленького, среднего и большого размера обозначаются как *regular* или *standard*, а для очень больших упаковок используются: *family*, *super* или *jumbo*. Нередко использует эвфемистичное *economy*, которое употребляется для обозначения размера, а не стоимости товара [7]. Производители стараются избегать прилагательного *small* для обозначения упаковки самого маленького размера, т.к. с точки зрения маркетологов *small* подразумевает низкую цену, а значит подчеркивает дешевизну товара [8. С. 264].

Американцы славятся своей любовью к автомобилям больших размеров, поэтому автомобили маленьких размеров для придания им привлекательности в глазах покупателя называются *compact* или *subcompact*.

Дорогостоящие вещи, как и слишком дешевые отпугивают потенциальных потребителей, поэтому слова *expensive* и *cheap* не приемлемы на рынке, в следствии этого, дешевые товары обозначаются эвфемизмами: *inexpensive*, *budget*, *economy*, *low-cost*, *amazing value*, *modestly priced*, а дорогие – эвфемизмом: *exclusive*. Дорогие, но подержанные товары, например, автомобили, обозначаются как *classic*.

Продажа неновых товаров также требует особых маркетинговых ходов. Термин *second-hand* вызывает в современном англоязычном обществе негативные коннотации и поэтому больше не употребляется как эвфемизм. Вместо него используются единицы: *nearly new*, *previously owned* и американское *pre-owned*. Единица *used* постепенно выходит из употребления [8. С. 265].

Сложная система обозначения неновых, но ценных товаров разработана продавцами антиквара. Так, эвфемизм *commercial* применяется к дешевому и неприглядному товару. Привлекательная для неопытного покупателя и не имеющая ценности вещь обозначается как *pretty*, в то время как в отношении ценной, но неприглядной вещи употребляется эвфемизм *academically interesting*.

Примеры, иллюстрирующие коммерческую корректность в англоязычном обществе мож-

но продолжать. Русский язык уступает английскому по числу коммерчески корректных эвфемизмов, т.к. коммерческая корректность отсутствовала в советском обществе с его вечным дефицитом на товары и услуги. Однако корректное отношение к потребителю постепенно развивается в российском обществе, и, как следствие, увеличивается количество эвфемизмов, правда, большинство из них пока еще остаются вне поля зрения лексикографов и употребляются, главным образом, в рекламе.

Итак, речь русских риэлторов бедна на эвфемизмы [4] т.к. в России услуги риэлторов стали доступны лишь в 1990-х годах, в то время как в США профессия риэлтора была известна уже в XIX веке. Продажа антиквариата, вообще, является малодоступной и закрытой сферой, знакомой узкому кругу специалистов, однако, для ненового товара в русском языке употребляется широко известный эвфемизм: *бывший в употреблении* и его производные *бэушный*, *б/у*, а также заимствованное из английского *секонд-хенд* [5. С. 72].

Российские авиакомпании придерживаются международных стандартов, поэтому деление клиентов на классы совпадает с классификацией, принятой в англоязычном обществе. А вот пассажиров других видов транспорта, в особенности тех, которые путешествуют с наименьшим комфортом, коммерческая корректность пока не коснулась.

Принятый в англоговорящем мире маркетинговый ход для обозначения размера упаковки, никак не ассоциируется в сознании россиян с престижем. Однако следует отметить, что русский язык ничуть не отстает в коммерческой корректности от английского в том, что касается обозначения цены. Так, в рекламе недорогие товары и низкие цены часто обозначаются, как: *выгодные цены, доступные цены, умеренные цены, разумные цены, привлекательные цены и демократичные цены*. Нередко употребляется выражение: *цены вас приятно удивят*. Также широкое распространение получает эвфемизм *бюджетный*, являющийся калькой с английского, который по мнению исследователей точнее всего вуалирует понятие «дешевый» и поэтому активно используется в русском языке [3. С. 63]: *бюджетная сумка, бюджетный ремонт, бюджетный отпуск*. В свете последних экономических событий появился ряд новых эвфемизмов: *докризисные цены, антикризисные цены и старые цены*.

Для обозначения дорогостоящих вещей в русском языке употребляются эвфемизмы

премиум и люкс: марка премиум класса, люкс-бренды, премиум коллекция. Эпитеты *эксклюзивный* и *элитный* постепенно выходят из употребления [1. С. 55].

Наибольшего развития коммерческая корректность в российском обществе достигла при продвижении товаров для обладательниц больших размеров. В этой сфере русские эвфемизмы не уступают в количестве английским.

Для того чтобы привлечь, а вернее, не оттолкнуть покупательниц больших размеров, англоязычными маркетологами изобретаются привлекательные эпитеты: *BIB (Big Is Beautiful), Renoir Collection, for the older woman, the mature figure*. В русском языке используются следующие эвфемизмы, некоторые из которых заимствованы: *для женщин с пышными формами, вещи «размера плюс», королевские формы, одежда расширенного размера, ряда, красивые размеры, одежда big-size*.

В заключении можно отметить, что хотя коммерческая корректность находится в российском обществе на стадии формирования, коммерчески-корректные эвфемизмы уже находят свое отражение в языке. Ряд русских эвфемизмов из области коммерческой корректности представляют собой кальки с английского, поскольку само понятие коммерческой корректности является заимствованным, однако, наряду с заимствованиями русский язык активно развивает свою систему эвфемизмов. Наибольшую номинативную плотность в русском языке имеют эвфемизмы, употребляемые для обозначения больших женских размеров и ценовой категории товара.

Список литературы

1. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D / М. Кронгауз. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 480 с.
2. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. – Берлин., 1994. – № 1-1. – С. 28–49. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>.
3. Левонтина И.Б. Русский со словарем / И. Б. Левонтина. – М. : Издательский цент «Азбуковник», 2010. – 335 с.
4. Риэлтерский сленг. – URL: http://arenda911.ucoz.ru/publ/rieltorskij_sleng/1-1-0-4.
5. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М.: Флинта, 2008. – 464 с.
6. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс / Е. П. Сеничкина. – М. : Эв-

фемизмы русского языка : Спецкурс: учеб. пособие / Е. П. Сеничкина. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2012. – 120 с.

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Политическая коррект-

ность, или языковой такт / С. Г. Тер-Минасова. – URL: http://polbu.ru/terminasova_language/ch29_all.html

1. Auto J. Dictionary of Euphemisms / J. Auto. – London: Bloomsbury, 2000. – 332 p.

М. В. Сомова

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
(Рязань, Россия)*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РУССКОЙ ПРИРОДЫ В СКАЗКАХ А.С. ПУШКИНА

THE REPRESENTATION OF RUSSIAN NATURE IN A.S. PUSHKINS FAIRYTALES

Статья посвящена сравнению поэтического языка А. С. Пушкина-сказочника с поэтикой русской народной (волшебной) сказки. Автор приходит к выводу, что в сказках А. С. Пушкина присутствует развёрнутое описание природы, основная функция пейзажа описательная, пейзаж антропоморфичен. Основными средствами представления природы являются предложно-падежные сочетания, постоянные эпитеты. В синтаксисе употребительны двусоставные конструкции. Язык сказок А. С. Пушкина более демократичен, чем язык фольклорной сказки.

The article is devoted to the comparison of poetic language of Pushkin-storyteller with Russian folk poetry (fairy) tale. The author concludes that Pushkin tales present you a comprehensive description of the nature, the main function of a landscape narrative, landscape antropomorfichen. The main means of submission-possessive particle nature are combinations, the permanent epithets. Common syntax dvusostavnye design. The language of Pushkin's fairy tales are more democratic than the language of folk tales.

Ключевые слова: устная народная сказка, поэтическая сказка, А. С. Пушкин, природа, лексико-грамматическая система языка.

Keywords: oral folktale, poetic tale, A. S. Pushkin, nature, Lexico-grammatical language system.

В поэтическом наследии А. С. Пушкина сказки занимают особое место. М. Горький, говоря о сказках А. С. Пушкина, справедливо отмечал, что поэт «был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая <...>. Украсил народную песню и сказку блеском своего таланта» [4. С. 98].

А. С. Пушкин написал свои сказки в 30-е годы XIX века (с 1830 по 1834). Их можно назвать своеобразным итогом стремления поэта «постигнуть образ мыслей и чувствований народа, особенности его характера, изучить богатства народного языка» [5. С. 438]. Однако лишь Н. В. Гоголь и Н. И. Гнедич были восхищены ими. Н.В. Гоголь назвал их «совершенно русскими» [5. С. 439], а Н. И. Гнедич сравнил их автора с «Баяном», «небом родным вдохно-

венным» [6. С. 439]. В большинстве же своём современники А. С. Пушкина оценили сказки невысоко. Е. А. Баратынский и Н. Полевой видели в них «подражание» народному образцу и результат желания поэта обратиться к старине [1. С. 78]. В. Г. Белинский считал, что поэтические сказки были «неудачными опытами подделаться под русскую народность» [2. С. 82]. И. С. Тургенев вообще назвал сказки «самым слабым созданием поэта» [5. С. 439]. Тем не менее, сказки А. С. Пушкина вот уже почти 200 лет вызывают восхищение читателей, опровергая мнение современников поэта.

Как все произведения великого поэта сказки вызывают неизменный интерес исследователей. П. В. Анненков, Ю. М. Соколов, Р. Волков, М. К. Азадовский, С. Я. Маршак, М. А. Шнеерсон, А. А. Ахматова, Е. А. Василевская,

А. В. Крутова, Н. М. Никольский и многие другие литературоведы и филологи всесторонне и глубоко проанализировали фольклорные и литературные истоки пушкинских сказок и особенности их поэтики, то есть проблему стиля, «корнями своими уходящего в глубь национального русского народного творчества» [9. С. 126].

Читая сказки А. С. Пушкина, ощущаешь неразрывную связь их с русским устным народным творчеством, его поэтикой и языком. Цель нашей статьи – рассмотреть, проанализировать и сопоставить представление природы в сказках А. С. Пушкина с точки зрения лексико-грамматической системы русского языка с представлением природы в народных сказках. Материалом для анализа послужили 6 сказок А. С. Пушкина, баллада «Жених», вошедшая в раздел «Сказки» трёхтомного сочинения А. С. Пушкина 1985 года [7], и народные сказки из сборника «Русские народные сказки», составленного В. П. Аникиным, 1990 года издания [8].

В русских народных сказках, а именно на них, как свидетельствуют исследователи, опирался, создавая свои произведения, А. С. Пушкин, природа не играет самостоятельной роли. Ей отведена роль места действия, которое описывается сжато, кратко, лаконично [10. С. 131], часто одной словоформой: *в лесу, на море, в поле* – или в сочетании с постоянным эпитетом, выраженным именем прилагательным в полной или краткой форме: *в темном лесу, на синем море, в чисто поле*. В сказках нашего поэта природа представлена также: *Балда, с попом понапрасну не споря, Пошел, сел у самого моря* («Сказка о попе и о работнике его Балде»); *Мать и сын теперь на воле; Видят холм в широком поле; Море синее кругом, Дуб зелёный над холмом* («Сказка о царя Салтане»); *Жил старик со своею старухой У самого синего моря* («Сказка о рыбаке и рыбке»).

Однако, хотелось бы отметить тот факт, что, по определению В. В. Виноградова, «открывая шлюзы литературы для простонародного языка, для просторечия и устной словесности, А. С. Пушкин корректировал их формы языковыми навыками дворянского быта, стилистическими оценками культурного и воспитанного человека из «хорошего общества» [3. С. 14]. В контексте нашего исследования это значит, что язык его сказок менее архаичен и традиционен по сравнению с языком устного народного творчества. Сравните: *синее (сине) море* (народная сказка) – *в бездну вод* («Сказка о царя Салтане»); *темный лес* (народная сказка) –

ближний лесок («Сказка о попе и о работнике его Балде») – *в глушь лесную* («Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях»). В народных сказках подобные вольности в описании места действия невозможны, тогда как в литературной сказке поэт позволяет себе употребить оборот свойственный высокому романтическому стилю (*в бездну вод*), существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*лесок*) и такой приём, как инверсия (*в глушь лесную*).

Наиболее ярко природа представлена в волшебных фольклорных сказках. В них она не только место действия, но и почти полноправный, хотя часто и периферийный персонаж. Наиболее часто в фольклорных сказках встречается приём олицетворения, когда природа словно оживает: *Только пошло время за полночь, сырая земля заколебалась, воды в реке взволновались, буйные ветры завывли* (народная сказка). Сказки А. С. Пушкина тоже волшебные, и в них пейзаж антропоморфичен, т.е. наделён человеческими свойствами, очеловечен, как в фольклорной и древнерусской литературной традициях: *Море вздуется бурливо, Закипит, подымет вой, Хлынет на берег пустой, Расплеснётся в скором беге...* («Сказка о царе Салтане»); *Свет наш солнышко! ты ходишь Круглый год по небу, сводишь Зиму с теплою весной, Всех нас видишь под собой* («Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях») (Сравните: *«Но вот заря свет запалила, туман поля покрыл; уснул щекот соловьиный, говор галок пробудился»* в «Слове о полку Игореве»).

Представители живой природы – *медведь, заяц, конь, волк, щука* – помощники героя в народной сказке. И в сказках А.С. Пушкина наблюдается та же картина, сравните: *Тут говорит Ивану-царевичу серый волк человеческим голосом: «Садись на меня верхом, я живо тебя доведу»* (народная сказка) – *Как взмолилась золотая рыбка! Голосом молвит человечьим: «Отпусти ты, старче, меня в море! Дорогой за себя дам выкуп: Откуплюсь, чем только пожелаешь»* («Сказка о рыбаке и рыбке»).

В сказках А.С. Пушкина природа может предостерегать героя о недопустимости совершаемых действий (как это представлено в эпизодах возвращения старика к рыбке с бесконечными просьбами от возгордившейся старухи): 1) *Вот пошёл он к синему морю; Видит, – море слегка разыгралось;* 2) *Пошёл старик к синему морю; (Не спокойно синее море);*

3) *Старичок отправился к морю,/(Почернело синее море);* 4) *Вот идёт он к синему морю,/ Видит, на море чёрная буря:/Так и вздулись сердитые волны,/Так и ходят, так воем и воют* («Сказка о рыбаке и рыбке»). Для передачи гнева моря поэт использует приём градации: *море слегка разыгралось, не спокойно, почернело*, наконец, *на море чёрная буря*.

А.С. Пушкин скуп в изображении пейзажа как места действия. Помимо постоянных эпитетов, свойственных фольклорной сказке, поэт почти не использует изобразительно-выразительных средств. Его предложения лаконичны: *...Зашла я в лес дремучий,/ И было поздно; чуть луна/Светила из-за туч;/С тропинки сбилась я: в глуши/Не слышно было ни души./И сосны лишь да ели/Вершинами шумели* («Жених») – двусоставные предложения скорее повествовательного нежели описательного характера более свойственные разговорной речи. Стилистические фигуры – анафора и параллелизм частей, – свойственные народной поэзии и способствующие созданию единого поэтического образа места действия абсолютно естественны в сказовой манере поэта: *В синем небе звёзды блещут,/ В синем море волны хлещут,/Туча по небу идёт,/Бочка по морю плывет* («Сказка о царе Салтане»), а любимый А.С. Пушкиным асиндетон придает этому описанию динамичность и насыщенность.

В фольклорных сказках герой может попросить совета или помощи у представителей фауны, тогда как неживая природа (*месяц/луна, ветер, солнце, волна*) редко являются его собеседниками (в сборнике В.П. Аникина таких сказок нами не отмечено). В сказках А.С. Пушкина особую роль играет такая фигура речи, как обращение: *Ты, волна моя, волна!/Ты гульлива и вольна;/Плещешь ты, куда захочешь,/ Ты морские камни точишь,/Топишь берег ты земли,/Подымаешь корабли –/Не губи ты нашу душу:/Выплесни ты нас на сушу!* («Сказка о царе Салтане»). Если в описании природы как места действия поэт скуп, то здесь он, кажется, использует всё своё красноречие для того, чтобы умиловить «собеседника» своего героя, выказать ему особое уважение, добиться исполнения просьбы. Лексический повтор, асиндетон, глаголы в форме императива, восклицательные и побудительные предложения – всё направлено на то, чтобы разжалобить силы природы, убедить их смириться, откликнуться на вопли смертного. Нам представляется, что подобная традиция, сохранившаяся до наших дней, идёт из дохристианской мифоло-

гии, когда человек обожествлял силы природы: *Свет наш солнышко! ты ходишь/Круглый год по небу, сводишь/Зиму с теплою весной,/Всех нас видишь под собой – Месяц, месяц, мой дружок,/Позолоченный рожок!/Ты встаёшь во тьме глубокой,/Круглолицый, светлокий,/И, обычай твой любя,/Звёзды смотрят на тебя – Ветер, ветер! Ты могуч,/Ты гоняешь стаи туч,/Ты волнуешь сине море,/Гордо веешь на просторе./Не боишься никого,/Кроме бога одного* («Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях») – царевич Елисей не просто обращается к силам природы, природным явлениям, но взывает к их могуществу, для чего подробно перечисляет те качества, которыми наделяет их народнопоэтическая традиция.

Существенным отличием сказок А. С. Пушкина от народных является тот факт, что в поэтике его произведений отсутствует описание природы и природных явлений как враждебных человеку. Если в фольклорной традиции особенности изображения пейзажа связаны с тем, на сколько описываемое место привычно и знакомо [10. С. 132], то в сказках А. С. Пушкина мест, пугающих человека своей таинственностью, подстерегающими опасностями, неизвестностью, нет. *Чистое поле* и *дремучий лес* суть привычное окружение сказочного персонажа в народных сказках, в них нет тайны для героя, следовательно, нет и опасности, а вот *сине море, взморье, открытое море* пугают его своей неизвестностью и непредсказуемостью. В сказках же А. С. Пушкина такого противопоставления мы не встречаем. И *поле*, и *лес*, и *море* лишь место действия, сами по себе они не имеют ни положительного значения, ни отрицательного. Герой сказки сам выстраивает отношения с природой: сумеет понравиться, и «гульливая волна» выполнит любую просьбу, «ветер», гоняющий «стаи туч», волнующий «сине море», подскажет, где искать любимую. Если же герой нарушает её гармонию, то природа сердится: *Вот пошёл он к синему морю;/ Видит, – море слегка разыгралось.../(Не спокойно синее море)/(Почернело синее море)/ Видит, на море чёрная буря:/Так и вздулись сердитые волны,/Так и ходят, так воем и воют* («Сказка о рыбаке и рыбке») – в этом случае, пожалуй, нельзя даже говорить о прилагательных-эпитетах, потому что в данном контексте слова-определения употреблены в своих прямых значениях, если рассматривать море как живое существо.

Особо следует сказать о средствах представления природы в сказках А.С. Пушкина.

Как уже упоминалось, поэт использует обычно существительные в предложно-падежных формах. Эффект устного сказового повествования достигается «ударным предлогом»: *И послушалась волна/Тут же на' берег она/Бочку вынесла легонько/И отхлынула тихонько* («Сказка о царе Салтане») – *Море вздуется бурливо,/Закипит, поднимет вой,/Хлынет на' берег пустой,/Разольётся в шумном беге,/И останутся на' бреге,/В чешуе, как жар горя,/Тридцать три богатыря...* (там же) – *Ждут, бывало, с юга, глядь, –/ Ан с востока лезет рать./Справят здесь, – лихие гости/Идут от' моря...* («Сказка о золотом петушке»).

Для придания особой выразительности описанию разбушевавшейся стихии А.С. Пушкин употребляет «словечки», интенсифицирующие «полноту, предельность проявления признака» [6. С. 131], действия: *Так и вздулись сердитые волны,/Так и ходят, так воем и воют* («Сказка о рыбаке и рыбке») – оборот *воем воют* является разговорной конструкцией, или, как отмечал сам поэт, особенностью «национально-бытовой русской речи» [3. С. 27].

Добиваясь эффекта звукового присутствия, поэт использует аллитерацию, описывая шаловливость и резвость волны (см. выше) или пустоту и уединённость пещеры, ставшей склепом: *братья в гроб хрустальный/Труп царевны молодой/Положили – и толпой/Понесли в пустую гору,/И в полуночную пору/Гроб её к шести столбам <...> привинтили* («Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях»).

Рисую пейзаж, поэт никогда не употребляет безличные предложения, весьма популярные в художественных произведениях, предпочитая только двусоставные предикативные конструкции, в которых живость в представлении природы достигается с помощью простых глагольных сказуемых и асиндетона (см. выше).

Таким образом, мы отмечаем, что в сказках А. С. Пушкина присутствует более развёрнутое описание природы, пейзажа, чем в фольклорных сказках, однако основной функцией пейзажа остается описание места действия. Не менее значимая роль пейзажа заключается в его антропоморфичности, то есть включении его в повествование как самостоятельного персонажа. Наконец, часто он созвучен мыслям и

чувствам героев, то есть выполняет ту функцию, которая отводится ему в художественных произведениях. Природа представлена предложно-падежными словоформами, при которых может быть, но не является обязательным эпитет. На синтаксическом уровне поэт пользуется простыми двусоставными предложениями. Особо следует подчеркнуть, что безличные конструкции при создании пейзажа в языке сказок А. С. Пушкина не употребляются вовсе, хотя в литературных произведениях это одна из самых распространённых конструкций при представлении природы.

Список литературы

1. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма / Е. А. Баратынский. – М., Гослитиздат, 1957. – 619 с.
2. Белинский В. Г. Избранные сочинения. Т. II. / В. Г. Белинский. – М., 1962. – 347 с.
3. Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М., ACADEMIA, 1935. – 432 с.
4. Горький М. История русской литературы / М. Горький. – М., ГИХЛ, 1939. – 396 с.
5. Колесническая И. М. Сказки / И. М. Колесническая // Пушкин: Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография. – М.; Л.: Наука, 1966. – 663 с.
6. Лекант П. А. Субъективная аналитическая категория интенсификации в русском языке / П. А. Лекант // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. – М., МГОУ, 2011. – С. 130–137
7. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. I. / А. С. Пушкин – М., «Художественная литература», 1985. – 735 с.
8. Русские народные сказки / Сост. и вступ. В. П. Аникин. – М.: 1990. – 348 с.
9. Соколов Ю. М. Пушкин и народное творчество / Ю. М. Соколов // «Литературный критик». – 1937. – № 1. – С. 121–150.
10. Сомова М. В. Природа и средства её изображения в русских народных сказках / М. В. Сомова // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Проппа. – Петрозаводск, 2015. – С. 130–133

Ю. В. СорокинаЧелябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)**ДИСКУРСИВНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ЛЕКЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ****DISCOURSE AUTHENTICITY OF THE ACADEMIC
LECTURE EN ENGLISH**

В данной статье рассматриваются основные характеристики дискурсивной аутентичности академической лекции. Лекция является дидактической категорией, объединяющей в себе характеристики различных типов дискурсов. Академическая лекция может считаться учебным текстом, обладающим определенными характеристиками дискурсивной аутентичности. Также в статье перечисляются основные типы аутентичности учебного текста и их роль в создании лекции для изучающих английский язык.

The article deals with the main discourse authenticity characteristics of the academic lecture. Lecture can be considered as didactic category comprising characteristics of different discourses. Academic lecture is a learner text having its discourse authenticity characteristics. The given article outlines the basic types of learner text authenticity and their part in writing a lecture for the second language learners.

Ключевые слова: аутентичность, лекция, аутентичный текст, учебный текст, дискурс.

Keywords: authenticity, lecture, authentic text, learner text, discourse.

В лингвистике традиционно принято считать лекцию одной из форм педагогического дискурса. Лекция играет важную роль в системе педагогического взаимодействия и обладает определенными дискурсивными характеристиками, отличающими ее от других форм общения преподавателя и студентов, и представляет собой дискурсивное образование, т.е. отдельный тип дискурса.

Определения понятия «лекция» указывают на следующие ее особенности: лекция представляет собой разновидность монологической речи, реализуется в устной и письменной форме и направлена на передачу научной информации. Лекция рассматривается не только как форма обучения, но и как многомерная дидактическая категория, определяемая через ряд понятий: «дидактическая модель», «метод обучения», «технология образования», «управление учением», «учебное взаимодействие», «организация обучения». При любом рассмотрении подчеркивается значимость лекции, её эффективности для системы высшего образования, результатов учебного процесса.

Дискурсивно данный вид коммуникации представляет собой комплексное явление, в котором сосредоточены характеристики различных видов дискурсов: от индивидуально-бытового и бытийного, до академического

монологического институционального, что обусловлено условиями протекания анализируемого вида взаимодействия (большая продолжительность, строгая заданность темы и необходимость максимального контакта коммуникантов с целью эффективной передачи информации слушателям и усвоения знаний реципиентами).

Дискурсивная аутентичность лекции на английском языке предполагает связь текста с аутентичной прагматической ситуацией, определяющей ее связность, выбор языковых средств для решения задачи общения, структурные особенности, возможности интерпретации. Характеристиками дискурсивного аутентичного текста являются: естественность лексического наполнения; естественность грамматических форм; ситуативная адекватность используемых выразительных средств; логическая целостность; тематическое единство.

Рассмотрим характеристики дискурсивного аутентичного текста и остановимся на структурной аутентичности, лексико-фразеологической аутентичности, грамматической аутентичности и функциональной.

Понятие структурной аутентичности связано с особенностями построения текста, его логикой, содержательной и формальной целостностью. В аутентичном тексте предложе-

ния тесно связаны и взаимно дополняют друг друга, устанавливая между собой логические отношения, обеспечивающие коммуникативную целостность текста. Если мы проанализируем тексты лекций на английском языке, то убедимся в наличии огромного числа коннекторов и элементов противительной, причинно-следственной и других логических связей (*so, because, then, but, meanwhile* и т.п.).

В достижении аутентичности высказывания важную роль играет отбор лексики и фразеологии. Аутентичный текст обладает более разнообразной лексической наполненностью и включает типичные для разговорной речи слова и выражения, идиомы, большое количество эмоционально-оценочных прилагательных. Фразеологические обороты тоже обладают национальной спецификой и придают экспрессивность и идиоматичность языку и очень часто их понимание доставляет определенные трудности для изучающих иностранный язык. Отсутствие фразеологических единиц обедняет текст, лишает его выразительности. Широкое использование фразовых глаголов в английском языке должно быть продемонстрировано в полном объеме в речи. Аутентичная речь невозможна без их использования.

Грамматическая аутентичность связана с использованием в речи свойственных для данного языка грамматических структур. Грамматика языка непрерывно развивается и современные пособия должны отражать эти тенденции.

Также нужно сказать о функциональной аутентичности, то есть естественность отбора лингвистических средств, овладение умением выбора оптимального средства выражения мысли в конкретной ситуации. Неверное, неуместное использование некоторых слов и выражений делает речь на иностранном языке неаутентичной.

Для научно-популярного аутентичного текста характерна строгая логичность, развернутость, наличие терминов и имен собственных.

М. Брин выделяет 4 типа аутентичности: 1. аутентичность текстов, используемых в процессе обучения; 2. аутентичность восприятия текстов; 3. аутентичность учебных заданий; 4. аутентичность ситуации на уроке [4. С. 60–70]. Аутентичность текста, по мнению ученого, является первостепенной. Аутентичность – понятие относительное, совокупность целого ряда условий, разных видов аутентичности, поэтому единого определения не существует.

Аутентичный текст может рассматриваться на трех уровнях: на лингвистическом, коммуникативном и социокультурном.

Коммуникативные признаки текста могут быть выделены следующие: коммуникативная функциональность (наличие коммуникативной функции); семантичность (семантическая целостность); ситуационная обусловленность; интенциональность (намерение сказать что-либо с определенной целью); правильная оформленность; соблюдение грамматических норм.

Р. А. Богранд и В. Дресслер выделяют следующие признаки: – когезия, т.е. связи между предложениями; – когерентность, т.е. логикосмысловые связи между частями текста (цель, причина); – интенциональность, т.е. стратегия текста; – приемлемость, определяемая тем, насколько важен текст адресату; – информативность; – ситуативность; – межтекстуальные связи [1. С. 233–269]. Утверждая, что понятия когезии и когерентности являются ключевыми, авторы понимают под ними целостность текста, где связность является условием целостности. Связность присуща языку и определяется на нескольких предложениях; целостность определяется на тексте как коммуникативном единстве и не соотносима непосредственно с категориями и единицами лингвистики речи [2. С. 46–47].

В настоящее время в отношении понятия аутентичного текста ученые придерживаются определения Д. Косте, который понимает его как комплекс письменных и устных сообщений, созданных носителями языка для носителей языка [5]. Но это определение также уточняется и таким образом, под аутентичным текстом понимается любой звучащий или графический текст, который не был составлен в учебных целях, а для того чтобы передать информацию, т.е. выполнить коммуникативную функцию.

Лекция является жанром педагогического дискурса и может считаться учебным текстом. Под учебным текстом понимается текст, который используется в учебных целях, но исследователи также разграничивают тексты, составленные и тексты адаптированные, т.е. обработанные специально в учебных целях. Таким образом, аутентичные тексты не входят в категорию учебных текстов и приобретают двойное значение, с одной стороны – это тексты продуцируемые в естественной ситуации общения, с другой стороны – неадаптированный текст, используемый в учебном процессе. Так и лекция объединяет в себе элементы составления (создания) и адаптации.

По мнению С. К. Фоломкиной, под учебным текстом следует понимать любой текст, ис-

пользуемый в учебном процессе, независимо от того, является ли он оригинальным или составленным авторами учебных материалов [3]. В зависимости от уровня подготовленности аудитории, текст лекции должен быть адаптирован в соответствии с ним. При обработке учебного текста, он должен сохранять все присущие ему характеристики: смысловую завершенность, структурную, коммуникативную и смысловую целостность, связность, композиционную реализацию, жанровую специфику, коммуникативную целенаправленность. Нарушение этих характеристик может привести к нарушению естественной речи, что может привести к утрачиванию текстом коммуникативной функции.

Некоторые ученые считают более целесообразным применение одностороннего подхода, согласно которому аутентичным признается естественное речевое поведение в естественных условиях.

Одним из различий между аутентичным речевым произведением и учебной моделью состоит в подходе к его содержанию. Перед автором аутентичного текста лекции стоит задача донести до слушателя мысли, эмоции, информацию.

Изменение и упрощение оригинального текста, составление новых не исключает сохранения аутентичных свойств текста. Упрощение языка в зависимости от уровня реципиента является частью естественной коммуникации. «Простое» не означает «неаутентичное».

Для обозначения учебных текстов зарубежные ученые выделяют следующие термины: полуаутентичные тексты, отредактированные аутентичные тексты, приспособленные аутентичные тексты, тексты, приближенные к аутентичным, похожие на аутентичные, учебно-аутентичные тексты, подражание аутентичным текстам.

Пригодность текста часто рассматривается с двух точек зрения: языковой (насыщенность языковыми активизируемыми единицами) и со стороны внеязыкового содержания. Перечень критериев отбора содержания культурного компонента следующий: культурно-страноведческая ценность; типичность; ориентация на современность; общеизвестность фоновых страноведческих знаний в среде носителей языка; привлечение родной культуры; тематический критерий; критерий функциональность.

Д. Косте выделяет мотивацию, возможность использования данного материала в педагогических целях, адекватность языковой подго-

товки студентов, интеграцию в их коммуникативное поле и его расширение [5]. Объединив функциональный тематико-ситуативный подход и понятийный подход, можно сформулировать следующие требования к аутентичным учебным текстам:

1) функциональность, что предполагает соотнесенность текста с определенной сферой общения, для которой он является репрезентативным;

2) ситуативность, которая обозначает корреляцию текста с конкретной ситуацией общения, имитируемой в процессе обучения;

3) тематичность, что говорит об адекватности текста содержательным аспектам программы;

4) жанрово-стилистическое разнообразие, состоящее в необходимости использования различных функциональных стилей;

5) отражение современного состояния языка, означающее необходимость использования аутентичной лексики и грамматики, функционирующих в условиях реальной коммуникации.

Аутентичность лекции как учебного текста может быть оценена следующими критериями оценки учебных материалов: универсальность, презентация материалов, содержания материалов, возрастные критерии, оценка целевой аудитории. Также могут быть оценены: тема; объект изучения; языковой уровень; когнитивный уровень; методика; оформление.

Выделяют три группы требований к аутентичному тексту: лингвистические (тексты, языковой уровень), коммуникативные (темы, когнитивный уровень) и методические (методика, оформление). С лингвистической точки зрения к тексту предъявляются следующие требования: смысловая и лексико-грамматическая связность; тематическая целостность; наличие авторского коммуникативного намерения; соответствие выбранному жанру. К коммуникативным свойствам текста также предъявляется ряд требований. Сфера коммуникации, ситуация, тема общения, связь с этнокультурным контекстом играют важную роль. Чтобы текст влиял на коммуникативные процессы, необходимо, чтобы он: – сообщал новую информацию; – предлагал свежие идеи; – помогал понять, что думают люди, принадлежащие другой культуре; – стимулировать к дальнейшему чтению по данной теме.

Учебный текст в учебном процессе выполняет следующие функции:

1) интеллектуальную (ориентированность на реальность);

2) экспрессивную (ориентированность на эмоции);

3) конативную (ориентированность на реципиента);

4) фатическую (ориентированность на контакт).

С методической точки зрения текст должен: соответствовать методике и заданиям; соотноситься с языковым уровнем учащихся; обладать вспомогательными средствами; быть привлекательно оформленным.

Учебный текст должен отвечать лингводидактическим критериям, таким как, доступность, обучающая ценность, информативность, когнитивная ценность, прагматическая направленность, дискурсивный потенциал, личностно-ориентированная направленность, новизна, согласованность с системой изучаемого материала, наличие в тексте изучаемых на данном этапе грамматических категорий, наличие в тексте текстообразующих особенностей изучаемых синтаксических понятий. Также, учебный текст должен соответствовать коммуникативно-обучающим задачам: возбуждать интерес, способствовать формированию мотивации для последующего изучения языка, создавать культурологический фон, содействовать пси-

хическому, интеллектуальному и нравственному становлению личности обучаемого.

Итак, аутентичная лекция должна являться образцом речевой коммуникации и использования конкретного языкового материала в речи, стать основой, на которой строится обучение английскому языку.

Список литературы

1. Богранд, де Р. А., Дресслер, В. У. Введение в лингвистику текста: Учеб. Пособие. / де Р. А., Богранд, В. У. Дресслер. – М., 1981. – 181 с.
2. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
3. Фоломкина, С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе : Пособие для ВУЗов / С. К. Фоломкина – М.: Высшая школа, 2005. – 255 с.
4. Breen, M. Authenticity in the language classroom / M. Breen // Applied Linguistics. 1985 – Vol. 6 (1). – P. 60–70.
5. Coste, D. Curriculum et Pluralite / D. Coste // Etudes de Linguistique Appliquee, Revue de Didactologie des Langues. – Didier Erudition, 1995. P. 68-84.

Е. И. Сычева

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИИ В. ПОЗНЕРА «ПРОЩАНИЕ С ИЛЛЮЗИЯМИ»)

LINGUAL AND ETHNICAL IDENTITY OF A BILINGUAL (BASED ON V. POZNER'S AUTOBIOGRAPHY "PARTING WITH ILLUSIONS")

В статье исследуются высказывания со значением этнической самоидентификации. В. Познер оценивается как уникальная культурно-языковая личность. На основе исследуемых высказываний выделяются три наиболее яркие этнические составляющие личности Познера: русский, американец и француз, и сделан вывод об идентичности автора.

The author of the article analyses expressions with the meaning of ethnic self-identification. V. Pozner is seen as a unique cultural and linguistic personality. Basing on V. Pozner's sayings, three crucial constituents of his ethnical identity are outlined: Russian, American and French, and the conclusion is made concerning V. Pozner's identity.

Ключевые слова: языковая самоидентификация, этническая идентичность, билингв, автобиография, В. Познер.

Keywords: *lingual self-identification, ethnical identity, bilingual, autobiography, V. Pozner.*

Концепт личности, понимание собственного «я», осознание своей национальной и культурной идентичности являются одним из основополагающих аспектов любого мыслящего человека. Поэтому неудивителен тот факт, что тема характеристики автором самого себя становится центральной во многих биографических и автобиографических произведениях.

Как отмечает О. А. Леонтович, «культурно-языковая личность <...> представляет собой единство коллективного и индивидуального» [4. С. 101]. Индивидуальные, неповторимые черты оказываются тесно сплетены с характеристиками, накладываемыми окружающим нас обществом. Несовпадение самоидентификации и этнической идентичности, также как столкновение разных культур в рамках одной личности могут привести к дисгармонии, конфликту, барьерам на пути внешней и внутренней адаптации.

В автобиографии «Прощание с иллюзиями» Владимир Познер даёт этому состоянию номинацию «внутренний раздрай». «Мне явно было неуютно с самим собой» [6. С. 256], – думал В. Познер в ситуациях, касающихся вопроса об его принадлежности к какой-либо национальности. Причины этого очевидны: В. Познер свободно владеет тремя языками, он родился в семье русского и гражданки Франции, учился и работал в разных странах, постоянно переезжая как из-за личных, так и политических причин. Поэтому вопрос языковой и этнической идентичности автора становится сюжетообразующим для его автобиографии. Как отмечал литературный критик Константин Мильчин: «Познер – вечный апатрид, постоянно отвечающий на вопрос: «кто ты?» и «чьих ты будешь» [5].

В качестве материала статьи выбран автобиографический текст известного журналиста В. Познера, в котором содержатся высказывания со значением самоидентификации, например, высказывания, построенные по модели: местоимение «Я» и этноним: «Я – отчасти еврей, отчасти француз, отчасти немец» [6. С. 271]. Обращение к автобиографическому произведению неизбежно требует описания некоторых фактов биографии автора, отраженных в тексте.

Поскольку тема национальной идентичности автора является одной из обсуждаемых в

этой книге, рассмотрим интересующие нас высказывания, сгруппировав их по тематическому принципу.

Русский. Повествование в книге «Прощание с иллюзиями» ведется в двух измерениях – описание событий в жизни сопровождается собственными комментариями автора, которые были написаны через 18 лет после издания автобиографии на английском языке. Получилось «эдакое хождение взад-вперед во времени» [6. С. 7]. Это приводит к тому, что во многом ощущения автора амбивалентны. Он приводит много ситуаций, в которых факт принадлежности к русскому народу вызывала у него восторг: «Я страшно гордился своим русским именем», [6. С. 64] – вспоминает В. Познер свои ощущения в возрасте 10 лет. Возможно, этот «патриотизм» был связан с политическими тенденциями – в то время американцы относились к СССР как нельзя лучше, считая, что «именно Красная Армия и русский народ переломили Гитлеру хребет» [6. С. 64]. Однако через год политическая ситуация изменилась – отношение к Советскому Союзу стало резко негативным. В. Познер вспоминает: «К 1947 году в школе имени Стайвесанта меня уже били за мои просоветские высказывания» [6. С. 67]. Примечателен тот факт, что метаязыковая рефлексия В. Познера распространяется на все известные ему языки: «Два или три раза я бился конечно же на стороне русских, при этом во всю глотку матерился (английский язык весьма экспрессивен в этом отношении), замечая, с каким удивлением смотрели на меня американские ребята» [6. С. 68].

В тексте книги содержатся и другие примеры метаязыковой рефлексии, например, связанные с коннотативными и в целом прагматическими оттенками слова «агитация», которое «в русском языке не сопряжено с какими-либо отрицательными эмоциями – в отличие от языка английского, где дела обстоят ровно наоборот» [6. С. 155].

Этническая самоидентификация становится для него источником эмоциональных переживаний. Например, вовремя одного из важных политических событий – смерти Сталина – чувства В. Познера отличались от эмоций окружающих его советских граждан, придерживавшихся другой идеологической установ-

ки. *«Несмотря на мое страстное желание слиться с новым обществом, во мне сидело что-то такое, что восставало против обо-жания и преклонения, встречаемых повсюду при имени Сталина»* [6. С. 141]. *«Несоответствие между тем, кем я был и кем хотел быть, служило источником острого дискомфорта, который я пытался скрывать не только от окружающих, но и от себя самого»* [6. С. 141]. В России В. Познер начал задумываться ещё над одним вопросом – «еврей ли я?» [6. С. 255]. При ответе на этот вопрос он всегда чувствовал себя неуютно, несмотря на то, что его позиция в этом вопросе достаточно проста: *«я никогда не чувствовал себя евреем, никогда не интересовался ни ивритом, ни еврейской культурой»* [6. С. 258].

Ощущение полного счастья, которое испытывал В. Познер в день своего приезда в Москву, сменилось ощущением потерянности и ненависти в 1977 году. Он открыто говорил о ненависти ко всему советскому, о том, что в Советском союзе он чувствовал себя чужим, и его главной мечтой было уехать обратно в Америку. Спустя 18 лет он осознает, что все это время заблуждался: *«Просто я ощущал, что по сути своей я – не русский»* [6. С. 32].

Такая противоречивость в самоопределении вполне согласуется с семантикой личного местоимения «я», которое, по мнению Э. Бенвениста, принадлежит прагматическому уровню языка, то есть каждый раз создается в речевом акте [1. С. 286]. Эта множественность «я» хорошо отображена в статье Н. А. Корепиной: *«...существует не одно единое Я, которое остается неизменным во всех жизненных обстоятельствах и особенно во всех ситуациях контактов с другими людьми, но скорее множество Я, каждое из которых является продуктом прошлого взаимодействия с другими людьми, включая, что чрезвычайно важно, прошлые диалогические, или интерлокутивные, взаимодействия»* [2. С. 107]. Для автора-билингва эта множественность Я оказывается важным фактором самоопределения.

В одном из эпизодов своей автобиографии В. Познер задумывается над вопросом – почему он так настойчиво заявляет о своей принадлежности к определенной нации? *«Я кричал об этом, но как бы ни старался, не мог заглушить твердый, ироничный внутренний голос, говоривший мне, что никакой я не русский, никакой я не советский, а так, некое недоразумение, которое придумало себе роль, ухватилось за нее и держится из последних сил»* [6. С. 72].

Как мы видим, его ответ передает всю сложность внутренней борьбы.

Американец. Итак, русским В. Познер себя не чувствовал. Представляется логичным предположение, что он мог считать себя американцем, проведя так много времени в Соединенных Штатах. Когда В. Познер начал работать в американской информационной программе – «Nightline» – многие удивлялись: *«... что это за русский, который не только говорит как американец, без тени акцента, но и рассуждает как американец?»* [6. С. 327].

Однако при описании своей учебы в американской школе «Стайвесант Хай-скул» В. Познер приходит к четкому решению: *«...я прекрасно понимал, что я – не американец»* [6. С. 48]. Это мнение, в свою очередь, базируется на отрицании наличия в собственном характере типичных черт жителя Америки, таких как удивительная открытость, чувство внутренней свободы, ответственное отношение к работе.

По мнению М. А. Лаппо, самоидентификация отражает сложные амбивалентные мыслительные процессы, происходящие в сознании личности – с одной стороны, человеку свойственно желание быть уникальным, отличаться от окружающей его толпы, с другой стороны ему необходимо чувствовать себя частью коллектива, не быть одиноким [3]. Очевидно, именно сложившаяся обстановка, антисоветские направления общества, «неуютность» дальнейшей жизни в Америке для русских привели к тому, что В. Познер продолжал придерживаться модели сознания *«я – не американец»* [6. С. 68]. Психологическую противоречивость сознания В. Познера можно проиллюстрировать тем фактом, что в последующей главе он пишет о том, что внутренне считает себя частью американского наследия и общества. *«Либо вы часть этого, либо нет. Я – часть»* [6. С. 73].

Высказывания данного типа отражают важный тип самохарактеристики через принадлежность к определенной группе. Соотнося себя с американской культурой, он утверждает: *«Я даже рискну предположить, что я чувствую и понимаю голос Америки – в смысле её песен – лучше, чем большинство американцев»* [6. С. 80].

Придя к выводу, что он не является ни американцем, ни русским, В. Познер понимает: *«На самом деле я считал себя французом»* [6. С. 50]. Здесь вновь проявляется та множественность «я», которую фиксировал Э. Бенвенист и которая связана с осознанием способа отображения себя через прошлый опыт («считал себя»).

Француз. Несмотря на то, что он родился в Париже и его матерью была француженка, он получил паспорт уже в 71 год, и этот день в своей автобиографии он называет один из самых счастливых в жизни: «*Это случилось 16 февраля 2005 года, и тот день остается одним из самых счастливых в моей жизни*» [6. С. 51], (оговоримся, что 4 ноября 2003 года – день получения американского гражданства – также «числится среди самых счастливых» [6. С. 54], в жизни В. Познера). Любое упоминание Франции вызывает у В. Познера воспоминания об Америке: «*Несмотря на то, что я осознавал себя французом, несмотря на прохладное отношение к Америке отца, я-то Америку любил*» [6. С. 55].

Кем же является В. Познер на самом деле? В конце автобиографии он делает четкий выбор: «*Я могу без внутреннего стеснения сказать, что Америка мне ближе, чем Россия, что я люблю Нью-Йорк больше, чем Москву, и чувствую себя в большей степени американцем, чем русским*» [6. С. 424]. Однако важно отметить, что к данному выбору он приходит уже в том разделе, который посвящен комментариям, отражающим его сегодняшние взгляды. Первоначально автобиография заканчивалась словами: «*Я, казалось, примирился с тем, что являюсь частью двух обществ, двух стран, ради которых я живу и работаю*» [6. С. 424].

Человек, являясь единым целым, может совмещать в себе черты разных национальностей, принадлежать к разным культурам. Оценочная составляющая разных этнических образов, примеряемых на себя В. Познером, крайне разнородна и показывает разнообразие речевых масок и дискурсивных пластов самоидентификации.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист // 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
2. Корепина, Н. А. Семантика личного местоимения первого лица / Н. А. Корепина // Вестник науки Томского государственного университета. – 2 015. – № 2. – С. 106–110.
3. Лаппо, М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы / М. А. Лаппо // Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.
4. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович // Учебное пособие. – М. : Гнозис, 2007. – 368 с.
5. Мильчин, К. Режим апатрида. – URL: http://www.gazeta.ru/culture/2012/02/14/a_4000369.shtml
6. Познер, В. В. Прощание с иллюзиями / В. В. Познер // Москва: АСТ.- 2013. – 480 с.

Е. В. Туктангулова

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
(Ижевск, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В ИДИОСТИЛЕ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО

THE LITERARY CONCEPT “LIFE” IN THE IDIOSTYLE OF N. ZABOLOTSKY

Художественный концепт «жизнь» является значимой составляющей идиостиля поэта и манифестирован ключевыми словами «день», «ночь», представленными как особые единицы авторского сознания в пространстве художественного текста. Художественный концепт «жизнь» по-разному репрезентирован в раннем и позднем творчестве поэта.

Literary concept «life» is a significant component of the idiosyle of the poet and manifest with keywords «day», «night», presented as a special unit of the author's consciousness in the space of a literary text. Literary concept «life» has different ways of the representation in the early and late works of the poet.

Ключевые слова: идиостиль, концепт, художественный концепт, ключевое слово, ассоциативно-смысловое поле, концептуальный анализ.

Keywords: *idiostyle, concept, literary concept, keyword, associative semantic field, conceptual analysis.*

Творчество Н. А. Заболоцкого остается до конца неразгаданным, поскольку являет читателю сложное, философское понимание мира – мира природы и мира человека сквозь призму природного. Идиостиль поэта, понимавшийся и оценивавшийся в разное время по-разному, от чуждости эпохе до абсолютной гармонии с ней, характеризуется органической целостностью.

Некоторые фундаментальные представления Н. А. Заболоцкого оказались весьма устойчивыми. Прежде всего, это спроецированный в мир человеческих мыслей и чувствований контекст образа природы и составляющая его сложная система художественных концептов, наиболее важным среди которых является художественный концепт ЖИЗНЬ. Он становится элементом поэтического сознания, самосознания, важной составляющей идиостиля поэта. Уже в раннем творчестве Н. А. Заболоцкого концепт ЖИЗНЬ имплицитно или эксплицитно присутствует в каждом произведении как ключевое слово, как контекстуальный синоним, как скрытая ассоциация. К примеру, в «Городских столбцах» всё устремлено в сторону твердого тела, даже абстрактные понятия, все пространства замкнуты, все счисляемо и конечно, а потому жизнь предстает подчеркнуто материальной, уплотненной до отказа, как в заключительном стихотворении цикла:

И жизнь трещала, как корыто...
(«Цирк», 1928)

Раннее творчество Заболоцкого – это пример «младенчества мира», а «Столбцы» представляют собой пространство преждевременного рождения. Это «взгляд вверх ногами», подобно взгляду эмбриона, как бы отражающему первозданность восприятия мира. Этот «перевернутый» взгляд на мир необходим Н. А. Заболоцкому, чтобы найти истоки гармонии человека и природы, а потому отражается в особой репрезентации концепта «жизнь» в раннем творчестве поэта. Репрезентантом концепта ЖИЗНЬ становится ключевое слово НОЧЬ, традиционно понимаемое как символ смерти (Смерть – сестра ночи [2. С. 202]). Однако в ранних про-

изведениях поэта мы видим иную трактовку понятия, уже ставшего символом.

Содержательной основой ключа НОЧЬ является лексема «ночь», лексикографическая интерпретация которой расходится с индивидуально-авторской. Становясь многоаспектной единицей, образно воспроизводящей действительность и способной обнаружить новые смысловые импульсы, ключевое слово НОЧЬ в индивидуально-авторском пространстве текстов «Столбцов» может определяться как *'небытие', 'первоначало', 'духовное, высшее начало'*. А, следовательно, художественный концепт ЖИЗНЬ трактуется исходя из эстетических значений его репрезентанта как нечто нереальное в перевернутом, подчеркнуто вещном мире «Столбцов». Именно этим объясняется его особое содержание, а именно, его репрезентантом является не слово, именуемое концепт, максимально точно отражающее ядро как смысловой центр, а контекстуальный синоним — *ночь*: скрытое, темное. Подлинная жизнь еще только собирается появиться на свет, её нет и не может быть в «доисторическое» время.

Н. А. Заболоцкий одним из первых поэтов XX века понял, что возможности получения первоначального знания связаны с глубоким познанием мира природы. Необходимо было вернуть в поэзию мир, вытесненный индивидуумом. Именно этим объясняется особый характер эстетического значения ключа НОЧЬ как *'духовного начала, спрятанного в темных глубинах прошлого'* («Белая ночь», 1926; «На даче», 1929), который, эволюционируя в идиостиле Н. А. Заболоцкого, обобщается до художественного концепта ЖИЗНЬ как *'высшего начала, лишённого проявления и существования в реальности'*.

Ядро ассоциативно-смыслового поля ключевого слова НОЧЬ, относящееся к предметно-понятийному слою художественного концепта ЖИЗНЬ, составляют лексема *ночь*, однокоренные лексемы *ночной, полуночный*, языковой и контекстуальный антонимы *день, утро*, семантически близкие лексемы *вечер, закат, мрак, сон*.

Периферия ассоциативно-смыслового поля ключевого слова НОЧЬ представлена двумя

пластами: ближней периферией: *спокойно, дремлет, сонный, звезда, младенец, родив, чрево, первоначальной, бытие*; дальней периферией: *лунный свет, ветер, побелел, тихо, глубокий, темный, гремела, молочные глаза, сумерки, живот, горит, блистает лунный свет, густеет*.

Семантически близкой ключевому слову НОЧЬ становится ядерная единица *утро*, раскрывающая особенности предметно-понятийного слоя и осознающаяся поэтом как предвестник мнимого светлого дня в мире «Столбцов» и того дня, который предстанет перед читателем во вставшем на ноги мире позднего творчества Н. А. Заболоцкого. Мотив ожидания рождения символически идиозначим и поддерживается периферийными единицами образного слоя, представляющими собой слова с отрицательной коннотацией: *бескровный, болтается, рай качается*.

Ядровой единицей ассоциативно-смыслового поля ключа НОЧЬ является и лексема *сон*, семантически сближающаяся с эстетическим значением ключевого слова НОЧЬ — '*небытие*'. Сон в раннем творчестве поэта — это инструмент для передачи трансформированной, противоестественной действительности, фантазмагорическая суть которой не отличается от сновидения. При этом Н. А. Заболоцкий нанизывает детали одну на другую вне логического объяснения, создавая обрывочность, характерную для сна и подчеркивающую целостность повествования.

Периферийными единицами, представляющими образный слой, подчеркиваются отрицательные коннотации. Подобным образом Н. А. Заболоцкий приравнивает сумбур дневных событий (= мёртвую жизнь) к абсурдности ирреального сна (= небытию).

Ночь, как проявление глубины познания, духовности (мрак ночной, тьма ночная), как принадлежность истинной жизни, противопоставляется в цикле ключевому слову ДЕНЬ. Прием контраста актуализирует эстетические значимости, важные для поэта. С одной стороны: *ночь глубока, темный небосклон, играет ветер, глаза горят, два огромных мира...* А с другой стороны: *светлый день, пустые облака, как пузыри, шел ветер, в бесцветной пустоте*. При этом противопоставление происходит и на уровне ближней периферии в рамках образного слоя (представлены контекстуальные антонимы *глубока – светлый, темный (небосклон) – пустые (облака), восходят – вылетали, играет (ветер) – шел (ветер), (два) огромных*

(мира) – (бесцветная) пустота (небес)). Насыщенный цвет ночи противостоит бесцветности (до пустоты), а, следовательно, незначительности дня.

Особый интерес представляют единицы дальней периферии ассоциативно-смыслового поля ключа НОЧЬ. Они оказываются важными при формировании смыслового объема художественного концепта ЖИЗНЬ в рамках ассоциативного слоя, указывая на цветовое восприятие окружающей природы: от полупрозрачности (*молочный, лунный свет, побелел*) до предельной насыщенности (*горит, тьма, густеет*) и наоборот. Эстетически значимой оказывается для Н. А. Заболоцкого «экспрессия предельности» [3. С. 452] трансформация, а точнее, взаимопротекание цвета, поскольку в этом отражается двоякая природа ночи, как, впрочем, и всего в «Столбцах», для которых характерно постоянное соотношение видимого и подлинного в реальности. Поэтому, с одной стороны, внешнее проявление и ассоциации исключительно с темным временем суток и, если мыслить глубже, традиционно со смертью, и, с другой стороны, подлинное проявление как намеков на духовность, чистоту, оторванность от земного, вещного.

О подчеркнуто живом характере ночи свидетельствует настойчиво используемый Н. А. Заболоцким прием олицетворения, который является составляющей образного слоя: *вышла ночь; приходит ночь; ночь подходит; ночь, открыв глаза; явилась ночь, ушла обратно; шла ночь без горечи и страха; ночь сидела на холме; тихо-тихо ночь ступает; ночь на воздух вылетает*. Наиболее полно это проявляется в поэме «Торжество земледелия» (1929–1930).

Позднее творчество Н. А. Заболоцкого характеризуется «похожестью на все стихи», гладкописью, но это лишь маска в функции социально-идеологической мимикрии. При всей внешней непохожести этих периодов различие их лишь в том, что «Столбцы» «обнажены», а позднее творчество характеризуется завуалированностью мысли. В этом «мост» между ними. Недаром Н. А. Заболоцкий до последних дней продолжал совершенствовать «Столбцы». Все его тексты — это результат взаимодействия индивидуального и культурного кода эпохи.

В позднем творчестве поэт изменил способ выражения мыслей, но непрерывная нить идеи постижения гармонии и смысла жизни продолжала свое развитие.

Именно со сменой языка связана особая репрезентация художественного концепта ЖИЗНЬ. Он манифестирован в позднем творчестве ключевым словом ДЕНЬ. Но если *ночь* в русской языковой картине мира ограничивается временем, «когда люди спят», то день не имеет чётких границ [1. С. 20]. Вступающие, на первый взгляд, в антонимические отношения, ключевые слова НОЧЬ и ДЕНЬ оказываются составляющими одного художественного концепта ЖИЗНЬ. И не контраст, а кажущаяся синонимия характеризует отношения художественного концепта и ключевого слова ДЕНЬ.

Ключевое слово ДЕНЬ, образно отражая действительность, обнаруживает новые смысловые импульсы в эмоционально-содержательной сфере стихотворений, реализуясь как *'разумное начало'* («Я не ищу гармонии в природе» 1947, «Весна в лесу» 1935, «Вчера, о смерти размышляя», «Творцы дорог» 1947), как *'чистота'* (в поле периферийных единиц, объединенных семантически лексемой «чистота» («Утренняя песня» 1932, «Утро» 1946), как *'новая жизнь, пробуждение'* («Начало зимы» 1935, «Слепой» 1946, «Венчание плодами» 1932–[1948], «Еще заря не встала над селом» 1946, «Урал» 1947, «Я воспитан природой суровой...» 1953).

Отмеченные эстетические значимости ключевого слова ДЕНЬ позволяют расширить смысловое содержание базового для идиостиля Н. А. Заболоцкого художественного концепта ЖИЗНЬ до *'разумного высшего начала, свойственного современному мыслящему миру'*, который в раннем творчестве определялся как *'высшее начало, лишенное места в реальности'*.

Ядро ассоциативно-смыслового поля ключевого слова ДЕНЬ составляют лексема *день*, семантически близкие лексемы *утро*, *солнце*, антоним *ночь*. Единицами ближней периферии становятся лексемы *чистый*, *ветер*, *могучий*, *светлый*, *золотое*, *пламенеет*, *ослепительный*, *ослепит*, *зимний*, *кристальный*, *прозрачно-синий*, *воздух*, *острый и блестящий*, *кристаллов*. В дальнюю периферию включаются лексемы *музыка*, *песня*, *вдохновений*, *просторных*, *чуду*, *свет*, *ликуя и звеня*, *девственный*, *школьный*.

Лексема *утро*, представляющаяся семантически сближенной с ключевым словом ДЕНЬ, становится предвестником новой жизни, актуализируя такую эстетическую значимость ключевого слова, как *'новая жизнь, пробуждение'* и отражающая предметно-понятийный слой художественного концепта ЖИЗНЬ.

Антонимичным ключевому слову ДЕНЬ становится ключевое слово НОЧЬ. Семантика первобытности, стихии, противопоставленная упорядоченности, проявлена лексически на уровне контекстуальных антонимов: *заката — зарево*, *безумная — разумного*, *любящая, буйного — мерный*, *мать — дитяти*, *полусне, бездны — солнце*, *огромный мир — высокий мир* («Я не ищу гармонии в природе» 1947). Номинативный пласт этих лексем позволяет выявить близость на основе объединения их лексемой «сутки», а результаты анализа авторской картины мира приводят к выводу о системе ключевых слов НОЧЬ—ДЕНЬ, объединенных репрезентацией одного художественного концепта ЖИЗНЬ. Такое соотношение еще больше укрепляется посредством использования лексемы *ветер*, которая традиционно осознается как многогранно символичная: от обозначения небытия, пустоты, времени до обозначения перемен и возрождения [2. С. 36].

Анализируя составляющие ближней периферии ассоциативно-смыслового поля ключевого слова ДЕНЬ, можно выделить лексемы, указывающие на цвет: с одной стороны, цвет солнца (*светлый*, *золотое*, *пламенеет*, *ослепительный*), образующий восходящую градацию — «концентрация» признака усиливается от живительного до способного погубить, с другой стороны — полная противоположность (*чистый*, *зимний*, *кристальный*, *прозрачно-синий*), пробуждающая ассоциации, скорее, не с холодом, а с усилением семантики чистоты. Такие цветовые трансформации в области периферийных единиц ключа ДЕНЬ касаются одного из его эстетических значений: *'новая жизнь, пробуждение'*. Пробуждение (или перерождение) циклично и возможно только через смерть: сначала свет до ослепления и пламени, а затем переход к кристальной чистоте новой жизни, перерождения. И это характерно для любого явления в природе. Именно поэтому и здесь можно говорить об особой репрезентации художественного концепта ЖИЗНЬ.

Таким образом, одной из важных составляющих идиостиля Н. А. Заболоцкого является особая репрезентация художественного концепта ЖИЗНЬ. Как правило, репрезентантом художественного концепта является ключевое слово, именуемое этот художественный концепт, так как только тогда, как принято считать, максимально точно отражается смысловой центр его ядра. В идиостиле Н. А. Заболоцкого иначе. В раннем творчестве ключевое слово НОЧЬ манифестирует художественный

концепт ЖИЗНЬ, поскольку лексическое проявление этого художественного концепта невозможно. Подлинная жизнь еще только собирается появиться на свет, пока её нет и не может быть. В связи с этим художественный концепт ЖИЗНЬ в раннем творчестве понимается как *'высшее начало, лишенное места в современной реальности'*. Позднее творчество Н. А. Заболоцкого проявляет систему ключевых слов НОЧЬ — ДЕНЬ, внешняя противопоставленность которых оборачивается единством, так как они являются репрезентантами одного художественного концепта ЖИЗНЬ, когда первобытная, первоначальная стихия ночи и упорядоченность и разумность дня находятся и в отношениях противопоставления, и в отношениях взаимообусловленности и движения от ночи к дню. Действительно, гармония человека

и природы, которую искал поэт на протяжении всей жизни, проявляется именно в единстве всех начал, в перетекании одного в другое, образуя единство.

Список литературы

1. Зализняк, Анна А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : Сб. ст. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
2. Копалинский, В. Словарь символов / Копалинский В. // Калининград. : Янтарный сказ, 2002. — 267 с.
3. Красильникова Е. В. Николай Заболоцкий («Столбцы») / Е. В. Красильникова // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. — М., 1995. — с. 449–480.

Т. Н. Федуленкова

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
(Владимир, Россия)*

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И ШВЕДСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

LEXICAL VARIANT AS A DYNAMIC COMPONENT IN THE STRUCTURE OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT (ON THE BASE OF ENGLISH, GERMAN AND SWEDISH PHRASEOLOGY)

Теоретической базой исследования послужила фразеологическая концепция А. В. Кунина и метод фразеологической идентификации, введенный ученым в практику исследования фразеологии английского языка. Исходя из понимания варианта как элемента структуры фразеологической единицы, автор представляет в работе результаты анализа видов лексической вариантности в наиболее распространенных современных германских языках: английском, немецком и шведском и приходит к выводу об универсальности этого явления.

The theoretical background of the research consists in the phraseological theory introduced by Alexander V. Kunin and the method of phraseological identification suggested by the linguist. The paper is based on the conception of variant as the element of the structure of the phraseological unit. The paper presents the result of the analysis of types of lexical variability in the most wide-spread modern Germanic languages, namely: English, German and Swedish. The author comes to the conclusion that lexical variability is a universal phenomenon in the languages under study.

Ключевые слова: фразеологическая единица, английский, немецкий, шведский языки, вариантность.

Keywords: phraseological units, English, German, Swedish, variability.

Отметим, прежде всего, что вариативность есть фундаментальное свойство языка, присущее всем его единицам и уровням, вне которого невозможно себе представить изменение и развитие языка [5]. Более того, вариант есть универсальная форма существования языковой единицы. Проблема варианта в работе рассматривается под особым углом, с точки зрения компонента фразеологической модели.

Представляя фразеологическую вариантность как частную проблему вариантности в языкознании, отмечаем, что для фразеологизмов, как единиц более сложных по сравнению со словом, проблема вариантности является особенно животрепещущей, поскольку с усложнением архитектоники языковой единицы возрастает многообразие видов ее варьирования. Действительно, если варьирование фонем, главным образом, проявляется в потенциальном присутствии фонологически несущественных признаков, варьирование морфем состоит в комбинаторике фонем, варьирование в лексике заключается в семантически несущественных отличиях, то в фразеологических единицах объединяются все эти виды формального и формально-смыслового варьирования, не исключая варьирования на лексическом и синтаксическом уровнях.

Следовательно, вариантность в области фразеологии – это результат проявления общих языковых закономерностей, актуальных для всех уровней языка, а именно: адаптация к определенным языковым нормам, подчеркивание аналогии, передача колорита времени, создание эффекта новизны единицы, а также стремление усилить тенденции эмоциональности и экспрессивности [2].

При решении проблемы вариантности фразеологической единицы, одной из наиболее актуальных проблем в лингвистике, в качестве отправной точки принимаем функциональную связь между сторонами единицы, т.е. ее целостность как единицы системы. Именно такой подход к объекту исследования обусловил выделение ряда критериев, на основе которых предлагается следующее определение вариантов: «Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [1].

Варианты одной и той же фразеологической единицы всегда вписываются в одну фразеологическую модель, как одномерную, так и двумерную [3], что аргументирует принадлежность этого динамического компонента к структуре ФЕ. Материал исследования позволяет выявить следующие виды лексических вариантов в каждом из сопоставляемых германских языков:

1. Лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми глагольными компонентами (см. тж. [4]):

англ. to open (incline) one's ears – прислушиваться, to bind (tie) smb hand and foot – связать кого-л. по рукам и ногам, ограничить свободу действий, to pull (snatch) smb out of the fire – спасти кого-л. от неминуемого провала, выручить кого-л. из беды, to act (play) the fool – делать глупости, to trample (tread) under foot – попираť (чьи-л. чувства, человеческое достоинство и т.п.), to put (set) one's hand to the plough – приступать к чему-л., браться за что-л., to take (lay) smth to heart – принимать что-л. близко к сердцу, to bend (bow) the knee to smb – преклонить колена перед кем-л., покориться, подчиниться кому-л., to cast (throw) in one's lot with smb – связать свою жизнь с кем-л., разделить чью-л. судьбу, to bend an ear to smb (give ear to smb, lend an ear to smb) – внимать кому-л.;

нем. die Karre in den Dreck fahren (schieben) – разг. фам. провалить дело, alles über einen Leisten schlagen (machen) – мерить всех одной меркой, стричь под одну гребенку, j-n auf den Leim locken (führen) – поймать на удочку, обмануть кого-л., etw ins rechte Licht stellen (setzen) – правильно осветить, описать что-л., sich gleich auf den Kopf stellen (setzen) – разг. сразу становиться на дыбы, легко впасть в амбицию, Kopf und Kragen aufs Spiel setzen (wagen) – рисковать головой, etw beim rechten Zipfel anfassen (anpacken) – умело взяться за что-л., unter die Räder kommen (geraten) – погибать, пропадать, разоряться, Wurzel schlagen (fassen) – пускать корни, прививаться, sich mit Händen und Füßen gegen etw sträuben (stemmen, wehren) – разг. отбиваться руками и ногами от чего-л., противиться всеми силами чему-л.;

швед. att bli (komma, vara) på efterkälken (med ngt) – отставать, отстать, оказаться в хвосте, att förbanna (förinta, utplåna) den dag han blev född – проклинать тот день, когда появился на свет, att skölja (två) sina händer – мыть руки, уходить от ответственности, att utforska (rannsaka) ngns hjärta – заглянуть к себе в душу, анализировать свои поступки, att se (beställa) om sitt

hus – устроить свои дела, привести свои дела в порядок, att lägga (breda) ut ett nät för ngns fötter – стараться поймать кого-л. в свои сети, att valla (styra) ngn med en stav av järn (järnspira) – править, держать в ежовых рукавицах, att fatta (visa) humör – разозлиться, att komma (vara) i ropet – быть модным популярным, att komma (råka) ur gängorna – выбиться из колеи, быть в плохом настроении;

(б) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми субстантивными компонентами:

англ. pride goes before a fall (destruction) – гордыня до добра не доведет, to lose the day (field) – проиграть сражение, to nail one's colours (flag) to the mast – открыто отстаивать свое мнение, не сдавать своих позиций, to cross smb's hand (palm) – «посеребрить» ручку, to split hairs (straws) – вдаваться в чрезмерные подробности, проявлять педантизм, to find favour in smb's eyes (sight) – заслужить чье-л. расположение, благосклонность, любовь, to go to heaven (kingdom-come) – отправиться на небеса;

нем. wie ein Blitz (Blitzschlag, Blitzstrahl, Donnerschlag) aus heiterem Himmel über j-n kommen – разразиться внезапно, j-m den Text (ein Kapitel, die Leviten, die Epistel) lesen – *разг.* отчитывать, журить кого-л., читать нотации, нравоучения кому-л., am Rande des Abgrundes (des Verderbens, des Unterganges, des Ruins) stehen – стоять на краю гибели, пропасти, ein Löwe auf dem Wege (den Gassen) – воображаемое препятствие, мнимая опасность, Gerstenbrote (Brote) und Fische – земные блага;

швед. att sätta foten på ngns nacke (hals) – поработать, угнетать, всецело подчинять себе кого-л., att hänga sina lyror (harpor) i pilträden – перейти от веселья к унынию, inte vara värdig att knyta upp ngns sandalremmar (skorem(mar)) – быть недостойным (развязать ремень на башмаке кого-л.), [att se] flisan (grandet) i ngns öga – замечать сучок в чужом глазу, видеть чужой недостаток, att njuta av landets rikedomar (fetma) – жить припеваючи, att sätta sin lampa (sitt ljus) under sädsmåttet (skäppan) – *книжн.* заглушать, не давать развернуться таланту;

(в) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами:

англ. to rule with a heavy (high, an iron) hand – деспотически править, держать в ежовых рукавицах, to have a good (great) mind to do smth – иметь твердое намерение сделать что-л., to have a biting (bitter, caustic, venomous) tongue – быть злым на язык, [to be] leading (shining) light – светило, знаменитость;

нем. eine kräftige (gute) Handschrift schreiben – иметь тяжелую руку, сильно бить, in guten (zuverlässigen) Händen sein – быть в надежных руках, eine lockere (lose) Hand haben – давать волю рукам, böse (schlechte) Gesellschaft verdirbt gute Sitten – дурные примеры заразителны, eine spitze (scharfe, beißende, giftige) Zunge haben – быть злым на язык, ein brennend (scheinend) Licht [sein] – знаменитость;

швед. [att få] ett ogrumlat (friskt) öga – быть целеустремленным, честным, прямолинейным, att ha skuldlösa (rena, oskyldiga) händer – быть честным, незапятнанным, [att göra ngt] med redo (bägge) händer – усиленно, непрестанно (заниматься чем-л.), Mediens och Persiens orubbliga (oryggliga) lag – вечный, незыблемый закон, brinnande (skinande) lampa – знаменитость, den ohederliga (orätttrådige) mammon – деньги, богатство, den inre (invärtes) människan – внутреннее «я», ум, душа, ngns finger är grövre (tjockare) än ngn annans länd – и мизинца не стоит, ничто в сравнении, att ha en vass (elak, bitande, giftig) tunga – быть злым на язык;

(г) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми препозитивными компонентами:

англ. to live on (off) the fat of the land – жить в роскоши, припеваючи, как сыр в масле кататься, to go beyond (over) the mark – перегнуть палку, хватить через край, to tear the mask from (off) smb – разоблачить кого-л., to cast a spell on (over) smb – очаровывать кого-л., to have a millstone about (round, around) smb's neck – испытывать тяжелую ответственность;

нем. vor (bei) j-m Gnade finden – удостоиться чьей-л. милости, угодить кому-л., Gnade vor (für) recht ergehen lassen – сменить гнев на милость, ein gutes Geschäft mit (bei) etw machen – хорошо заработать на чем-л., über Geschmack (den Geschmack) läßt sich nicht streiten – на вкус и цвет товарища нет, о вкусах не спорят, in die (zur) Grube fahren – *разг.* отправиться на тот свет;

швед. att få bukt med (på) ngn, ngt – совладать, справиться с кем-л., с чем-л., att vända den andra kinden mot (åt) ngn (till) – подставить другую щеку, att stanken från (av) ngt i näsan – вызывать отвращение, омерзение у кого-л., att kasta pärlor åt (för) svinen – метать бисер перед свиньями, ngns blod ropar från (utav) jorden – лежать на чьей-л. совести, [att bli] våt inpå (in, på) bara kroppen – промокнуть до нитки и мн. др.

Итак, структурно-семантический анализ выявляет четыре вида лексических вариантов в английском, немецком и шведском языке:

а) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми глагольными компонентами,

- б) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми субстантивными компонентами,
- в) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами,
- г) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми препозитивными компонентами.

В результате исследования фразеологии трех германских языков приходим к выводу, что:

- 1) лексический вариант как динамический компонент в структуре фразеологической единицы, не противоречит тождеству ФЕ,
- 2) лексическая вариантность – универсальное явление в германской фразеологии.

Список литературы

1. Кунин А. В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964. – 1229 с.

2. Федуленикова Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 2006 а. – 35 с.

3. Федуленикова Т. Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006 б. – 196 с.

4. Fedulenkova T. The problem of the Universal and the Unique in Phraseological Units of Some Germanic Languages // Языки в современном мире: Материалы Международной конф. – Москва: МГУ, Нац. общ. прикладной лингвистики, 2001. – С. 128–129.

5. Fedulenkova T. Lexical variability of English phraseological units with the component 'make' // Collocations and Idioms 1: The First Nordic Conference on Syntactic Freezes / Ed. Marja Nenonen / University of Joensuu, 2006. – P. 98–99.

З. З. Хабибулина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ПРОФЕССИОГРАММА КАК ЭТАЛОННАЯ МОДЕЛЬ МЕНЕДЖЕРА

PROFESSIOGRAM AS A REFERENCE MODEL OF A MANAGER

В статье автор рассматривает вопросы профессиограммы менеджера, проводит анализ психолого-педагогической литературы, формулирует понятийный аппарат интересующей проблемы, выделяет компетенции будущего менеджера.

In this article the author considers the problem of managers' professiogram, analyzes psychological and educational literature, formulates the conceptual apparatus of the problem and identifies the competence of a future manager.

Ключевые слова: управление, менеджер, профессиограмма менеджера.

Keywords: management, manager, professiogram of managers.

В современном развивающемся обществе «управление» играет важную роль в общественной, политической, экономической, социальной, педагогической и других сферах жизни. От грамотных, профессионально компетентных менеджеров зависит эффективность функционирования и развитие любой организации, а, следовательно, результативность региона и страны в целом зависит от качества

управления, осуществляемого менеджерами.

Государственным и муниципальным образованиям требуются управленческие кадры нового стиля мышления, владеющими не только требуемыми знаниями, навыками и умениями по выработке стратегии развития, но и способными реализовывать их в управленческой практике, которые разбираются в проблемах государственного и муниципального управле-

ния, а также в особенностях рыночной экономики.

Большое значение для практики управления имеет обеспечение соответствия личных и деловых качеств, способностей и возможностей человека конкретной должности, которую он занимает или предполагает занять. Это требует четкого представления уровня знаний, перечня навыков и умений, необходимых для профессионального ведения данного конкретного дела. В производственной обстановке такая задача решается с помощью квалификационного справочника или классификатора должностей, а также должностной инструкции. Данные документы содержат перечень требований к специалисту, претендующему на занятие конкретной должности. Наиболее полное описание конкретной должности менеджера и требований к человеку, который должен занимать ее, отражаются в *профессиограмме менеджера*.

Термин «профессиограмма» происходит от лат. *professio* – специальность, занятие и греч. *gramma* – запись.

Определение термина «профессиограмма» встречается в социологической, экономической, психолого-педагогической литературе. Социологи дают следующее определение этому термину: «Профессиограмма – это описание системы признаков, характеризующих ту или иную профессию и включающее в себя перечень норм и требований, предъявляемых этой профессией или специальностью к работнику» [5].

«...описание в форме таблицы или графика какого-либо вида профессиональной деятельности в конкретных производственных условиях». А. А. Грицанов, С. К. Нартова-Бочавер, А. Н. Чекин, В. Н. Чернышев, А. П. Двинин и др. в систему требований, предъявляемых работнику, включают социально-экономические, производственно-технические, санитарно-гигиенические, психологические характеристики [1, 4]. В психолого-педагогической литературе профессиограмма рассматривается как документ, результат исследования, подробное описание некой профессии через систему требований, предъявляемых ею работнику, включая качества личности, знания, умения и навыки, нужные для успешного овладения этой профессией: [2. С. 161].

Разработке методологических требований к составлению профессиограмм посвящены работы как отечественных, так и зарубежных ученых (Е. М. Ивановой, А. К. Марковой, В. Е. Гаврилова, Е. И. Гарбера, Е. А. Климова, И.

Н. Шпильрейна и др.), но, тем не менее, ощущается нехватка практических разработок для каждой отдельной профессии. Е. Романовой проведено наиболее полное и широкое исследование в направлении проекции существующих теоретических положений в сферу практического профессиографирования. При этом обобщение универсальных требований к специалистам рассматриваемой профессии следует регулярно корректировать в зависимости от изменения целей и задач организации, которое ведет к трансформации основных функций представителя данной профессии.

Ученые выделяют несколько методологических принципов разработки профессиограмм:

а) системность – в профессиограмме должны отражаться специфика и значимость конкретной должности в структуре фирмы, а также возможный профессиональный маршрут работника;

б) целостность – оценка и анализ профессионально важных качеств деятельности должны быть проведены в психофизиологическом, психическом, информационном и ментальном аспектах личности;

в) практичность – результаты тестовых исследований должны подаваться в терминах, применяемых в практическом направлении прикладной психофизиологии, а инструментальные методы должны быть максимально апробированы для использования в сфере бизнеса;

г) научность и современность – методология исследований должна быть разработана с учетом новейших научных концепций, методов и знаний;

д) эффективность – в результате должно быть предложено практическое решение проблемы работы с персоналом фирмы в условиях конкурентной рыночной борьбы.

Наличие профессиограммы позволяет определить степень соответствия личных и деловых качеств, способностей человека требованиям к профессии. При полном их соответствии самооценка человека превращается в мотиватор, повышающий интерес к делу. Несоответствие же их создает значительные трудности в освоении профессии и в работе из-за снижения мотивации.

Взяв за основу определение Е. В. Пичугиной, под профессиограммой мы понимаем описание, характеристику профессии, основной источник, регламентирующий требования к знаниям, умениям, навыкам, качествам специалиста, отражающий его полную квалификационную характеристику [3].

Исследование профессионологического, нормативного, психологического, содержательного, личностного, технологического, информационного аспектов профессиограммы показало, что профессиограмма имеет многофункциональное назначение в сфере профессионального образования. С помощью профессиограммы возможен анализ всех сторон профессиональной деятельности специалиста. Профессиограмма является идеальной моделью личности и деятельности будущего специалиста; выступает базисом формирования содержания профессионального образования, служит ориентиром в выборе методов, форм, средств обучения, обеспечивающих формирование качеств личности и профессиональной деятельности специалиста, может быть использована в качестве инструмента контроля качества подготовки выпускника.

На основе исследования сущности и структуры профессиограмм (Батышев С. Я., Беляева А. П., Зеер Э. Ф., Е. А. Климов, Сотникова С. И. и др.), учитывая особенности труда специалиста в области управления образованием, в исследовании разработана профессиограмма менеджера.

В настоящее время трудно назвать более важную и многогранную сферу деятельности, чем управление, или менеджмент, от которого в значительной мере зависят и эффективность производства, и качество обслуживания населения.

Термины «управление» и «менеджмент» часто используются как синонимы, но между ними есть различия. Так, в экономической литературе «управление» определяют как процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформировать и достичь целей организации. «Менеджмент», в свою очередь, – это совокупность принципов, методов, средств и форм управления производством, а также интеллектуальными, финансовыми и другими ресурсами [5. С. 944].

Исходя из вышеизложенного, необходимо составить профессиограмму менеджера, связанную с трансформацией его функций, обусловленной состоянием национальной экономики.

Менеджеру необходимы внятная речь, хорошая память, высокая эмоционально-волевая устойчивость, развитые коммуникативные и организаторские способности, готовность к разумному риску. Он должен быть смелым, решительным, обязательным, самокритичным,

толерантным, компетентным, иметь чувство юмора и эмпатию.

Менеджеру необходима хорошая подготовка в области экономики, права, социальной психологии, психологии труда, управления. Он должен знать трудовое законодательство, закономерности ценообразования, налогообложения, маркетинга, технику ведения коммерческих переговоров, организацию производства. Менеджер должен ориентироваться в вопросах занятости, социальной защиты граждан, безопасности труда, конфликтологии, профессионального подбора, владеть навыками общения с людьми. Желательны знания иностранного языка и умения работать на ПК.

Е. С. Романова выделяет доминирующие виды деятельности менеджера:

- работа с другими людьми в организациях для достижения организационных целей и экономического успеха;
- служение целям организации, подчинение вышестоящим инстанциям;
- изучение спроса и предложения на рынке;
- планирование деятельности организации;
- коммуникация (установление и развитие взаимодействия между персоналом, другими учреждениями и организациями);
- поиск и использование необходимых средств и ресурсов для наилучшего достижения основных целей организации;
- разработка бизнес-плана и контроль над его реализацией;
- руководство (доведение инструкций и полномочий), организация и оценка работы подчиненных;
- контроль за исполнением данного задания;
- участие в процессе приема, подбора и помощь в профессионально-квалификационном росте работников;
- проведение переговоров, бесед с клиентами;
- проведение презентаций.

Качества, обеспечивающие успешность выполнения профессиональной деятельности (профессионально важные качества): *способности*:

- высокоразвитые организаторские способности (способность руководить);
- коммуникативные способности (умение входить в контакт, налаживать взаимоотношения);
- способность управлять собой;
- высокая способность влиять на окружающих;

- способность руководить;
- способность формировать и развивать эффективные рабочие группы;
- способность решать проблемные ситуации в короткие сроки;
- хорошо развитые аналитические способности;
- высокий уровень понятийного мышления.

Личностные качества, интересы и склонности:

- умение прогнозировать, предвидеть ситуацию;
- уверенность в себе, в принимаемых решениях;
- энергичность;
- четкие личные цели (знает, чего хочет от своей работы);
- умение подчиняться требованиям, нормам организации;
- эрудированность;
- стремление к постоянному личностному росту.

Рассмотрим компетенции обучающегося согласно учебно-методическому комплексу по направлению подготовки 081100.62 «Государственное и муниципальное управление», формируемые в результате освоения дисциплины «Иностранный язык».

В результате освоения дисциплины студент должен:

Знать:

- иностранный язык в межличностном общении и профессиональной деятельности;
- основные значения изученных лексических единиц, обслуживающих ситуации иноязычного общения в социокультурной, деловой и профессиональной сферах деятельности, предусмотренной направлениями специальности;
- основные грамматические явления и структуры, используемые в устном и письменном общении;
- межкультурные различия, культурные традиции и реалии, культурное наследие своей страны и страны изучаемого языка;
- основные нормы социального поведения и речевой этикет, принятые в стране изучаемого языка;

Уметь:

- понимать информацию при чтении учебной, справочной, научной/культурологической литературы в соответствии с конкретной целью (ознакомительное, изучающее просмотровое, поисковое чтение);
- сообщать информацию на основе прочитанного текста в форме подготовленного мо-

нологического высказывания (презентации по предложенной теме); развертывать предложенный тезис в виде иллюстрации, детализации, разъяснения;

- выражать коммуникативные намерения в связи с содержанием текста / в предложенной ситуации;
- понимать монологические высказывания и различные виды диалога, как при непосредственном общении, так и в аудио/видеозаписи;
- соблюдать речевой этикет в ситуациях повседневного и делового общения (устанавливать и поддерживать контакты, завершить беседу, запрашивать и сообщать информацию, побуждать к действию, выражать согласие/несогласие с мнением собеседника, просьбу);
- письменно фиксировать информацию, получаемую при чтении текста, прослушивании аудиозаписи, просмотре видеоматериала;
- письменно реализовывать коммуникативные намерения (запрос, информирование, предложение, побуждение к действию, выражение просьбы, (не) согласие, отказ, извинение, благодарность);

Владеть:

- основами публичной речи, деловой переписки, ведения документации, приемами аннотирования, реферирования, перевода литературы по специальности;
- навыками самостоятельной работы (критическая оценка качества своих знаний, умений и достижений; организация работы по решению учебной задачи и планирование соответствующих затрат и времени; коррекция результатов решения учебной задачи);
- навыками выражения своих мыслей и мнения в межличностном и деловом общении на иностранном языке;
- навыками извлечения необходимой информации из оригинального текста на иностранном языке по проблемам экономики и бизнеса.

Данная дисциплина способствует формированию следующих компетенций, предусмотренных ООП ВПО по направлению подготовки бакалавра государственного и муниципального управления:

а) общекультурных (ОК)

- владением одним из иностранных языков как средством коммуникации в рамках сложившейся специализированной терминологии профессионального международного общения (ОК-11)
- владеет одним из иностранных языков на уровне не ниже разговорного (ОК-24).

Таким образом, мы видим, что проблема профессиональной профессиограммы менеджера интересует ученых с различных точек зрения, проблемы определения и составления профессиограммы интересуют как методистов, так и ученых-педагогов, психологов, социологов. Подобный интерес связан, как нам кажется, прежде всего, с тем, что профессиограмма позволяет с новой, современной точки зрения подойти к пониманию и определению профессии менеджера, уточнить ее роль в современном мире.

Список литературы

1. Грицанов, А. А. Социология. Энциклопедия/ Грицанов А. А., Абушенко В. Л., Евелькин Г. М., Соколова Г. Н. – 2003

2. Деркач, А. А. Акмеологический словарь/ А. А. Деркач // Изд-во РАГС, 2004 С. 161.

3. Нартова – Бочавер, С. К. Дифференциальная психология/ С. К. Нартова-Бочавер // Учебное пособие. – изд-во Флинта, 2008. С. 57.

4. Пичугина, Е. В. Управленческо-педагогическая подготовка будущих менеджеров образования: автореф. дис. ...канд. пед. наук Е. В. Пичугина. – Нижний Новгород, 2006. – 34 с.

5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М., ЭКСМО, 2008. – С. 944.

Е. В. Харченко

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
(Челябинск, Россия)*

Нин Хуай Ин

*Тяньцзиньский университет иностранных языков
(Тяньцзинь, КНР)*

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

USE OF THE FORMULAS OF SPEECH ETIQUETTE IN BUSINESS COMMUNICATIONS

В статье рассматривается проблема взаимодействия носителей разных культур. Проводится анализ использования формул речевого этикета в бизнес-коммуникации. Особое внимание уделяется ошибкам в китайско-русской деловой переписке.

In this article the problem of interaction of different cultures is analyzed. The authors analyze the use of the formulas of speech etiquette in business communications. Special attention is paid to errors in the Chinese-Russian business correspondence.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, речевой этикет, деловое общение, деловая переписка, бизнес-коммуникация.

Keywords: intercultural communication, speech etiquette, business correspondence, business communication.

Расширение межкультурных контактов, вовлечение в это процесс неподготовленных людей может привести к непониманию и конфликтам. Особый интерес в этом случае вызывает этикет, основной функцией которого в

рамках одной культуры как раз и является облегчение процесса коммуникации, поскольку предполагается, что носители одной культуры воспринимают одинаково символику этикетных формул.

Проведенный анализ многочисленных публикаций, освещающих вопросы по деловому общению, позволяет сделать вывод, что в настоящее время деловое общение становится самым массовым видом международной коммуникации, которое на международном уровне отражает сферу коммерческих, экономико-правовых и дипломатических отношений, поэтому при изучении иностранного языка в языковых вузах Китая на первый план выдвигается необходимость обучения языковым формам делового общения, повышения уровня лингвистической компетентности, что является в условиях активного развития рыночных отношений необходимым элементом профессиональной подготовки лиц, которые в соответствии со спецификой своей деятельности вынуждены общаться с иностранцами. Умение успешно вести деловые переговоры, умение правильно, точно и грамотно выразить свою мысль, умение работать с официальными бумагами – важнейшие составляющие профессиональной культуры современного делового человека.

Низкий уровень деловой речи напрямую связан с низкой эффективностью переговоров, отсутствием ответов на письменные запросы, которые часто составлены так, что их восприятие невозможно. Следует отметить, что многие экономисты как в Китае, так и во многих зарубежных странах считают, что высокий уровень владения деловой речью и развитая экономика тесно взаимосвязаны. И, естественно, низкий уровень владения деловой речью определяет соответствующий уровень развития и эффективности экономики. Американцы утверждают, что бизнес – это умение разговаривать с людьми, и с этим трудно не согласиться. Специфической особенностью делового общения является его регламентированность, т.е. подчиненность установленным правилам и ограничениям, которые определяются культурными национальными традициями и общественными нормами поведения в каждой стране и которые изучаются этикой.

В настоящее время существует много определений этикета и речевого этикета, но, на наш взгляд, более полное и точное даёт Н.И. Формановская, которая определяет речевой этикет как «социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого/ коммуникативного поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями

в официальной и неофициальной обстановке общения» [2. С. 390]. В этом определении отмечается, что одна из основных функций речевого этикета – регулятивная. Но выполнение этой функции может быть затруднено, если коммуниканты принадлежат к различным культурам, разным социальным группам, поскольку в сообществах иначе проявляются статусно-ролевые и личностные отношения. Речевые формулы используются при установлении, поддержании и размыкании контакта. Особую роль играют этикетные формулы при первой встрече, когда формируется мнение о собеседнике, выстраиваются статусные ориентиры. Именно на этом этапе ошибка в выборе этикетной формулы может серьезно повлиять на ход переговоров (особенно если недооценивается статус собеседника).

Ошибки в использовании речевых формул могут быть и у носителей одной культуры в силу незнания какой-либо информации. Так, этикет имеет свою историю, которая не всегда известна современным носителям языка и культуры. Известно, что Дмитрий Сергеевич Лихачев считал некультурными тех, кто, благодаря, произносил «большое спасибо», так как в этом случае, по мнению ученого, человек демонстрировал незнание этимологии слова «спасибо».

При межкультурной коммуникации важно учитывать, что этикетные высказывания используются, как правило, в силу привычки. Большинство людей используют целиком этикетную фразу, не задумываясь, что ее можно трактовать иначе. Однако носитель иной культуры «считывает» информацию заново, он может не знать про ритуальное значение той или иной фразы и не учитывать необходимости требуемого поведения. Нарушение ритуала может привести к непониманию или конфликту, поскольку собеседник ожидает определенную модель поведения. Например, в русской культуре этикетная фраза «как дела?» предполагает, что собеседник воспринимает это обращение не как вопрос с целью получения информации, а как знак внимания. Поэтому ситуация, когда на вопрос «как дела?» собеседник начинает долго рассказывать про свою жизнь, воспринимается как ненормативная и обыгрывается в юмористических программах. Однако бывают и конфликтные ситуации. Например, русскоязычные носители культуры на благодарность часто реагируют словами «не за что», желая подчеркнуть свою небольшую, неважную роль в решении какого-либо вопроса.

Арабы же воспринимают это почти как оскорбление, поскольку, с их точки зрения, им говорят о том, что они совершили глупость, поблагодарив человека.

При взаимодействии с помощью переводчика большинство проблем снимается благодаря дополнительным знаниям посредника, который учитывает специфику взаимодействия. Проблемы возникают, когда в коммуникацию вступают носители разных культур, овладевшие только языковым кодом, но не знающие культурных традиций. Рассмотрим бизнес-коммуникацию между носителями двух высококонтекстуальных культур (к таковым относятся культуры, в которых большая часть информации передается невербально).

В русской культуре этикетные формулы часто подчеркивают официальность взаимодействия. Их использование уместно при первом контакте. С другой стороны, русские предпочитают дружеские отношения официальным [подробнее – 1].

В русской культуре принято пытаться перейти на более близкие, доверительные отношения, которые гарантируют открытость. От отношений «партнер – партнер» к отношениям «друг – друг». Для этого используется переход с местоимения «вы» (которое обозначает двух и более собеседников, а при обращении к одному лицу подчеркивает уважение) на «ты». Официальные обращения «господин», названия должности меняются на обращения «друг, брат, командир».

В основе этикета лежат речевые формулы, использование которых зависит от ситуации. Общеизвестно, что любой речевой акт состоит из вступления, основной части и заключения. В соответствии с этим положением формулы речевого этикета делятся лингвистами на а) речевые формулы, используемые в начале общения; б) речевые формулы, применяемые в процессе общения; в) речевые формулы, которые принято использовать по окончании общения.

В рамках заданной темы мы остановимся на ошибках в использовании китайцами и русскими речевых формул, применяемых в начале общения. Следует отметить, что китайских бизнесменов, говорящих по-русски, значительно больше, чем русских, знающих китайский язык. Это связано с объективными причинами, анализ которых в данной статье не предполагается.

Официальные и неофициальные встречи во всех странах мира начинаются с привет-

ствия, поэтому начало общения предписывает использование в речи этикетных формул приветствия и обращения. В русском языке основное общеупотребительное приветствие – *здравствуйте* (неофициальное – *привет*). Кроме этого используются приветствия, указывающие на время встречи: *Доброе утро, Добрый день, добрый вечер*. Помимо упомянутых, существуют приветствия, отличающиеся модальностью: *Очень рад Вас видеть!*; *Добро пожаловать!*; *Моё почтение!* и др.

Несмотря на вариативность приветствий, китайцы предпочитают использовать общеупотребительное «Здравствуй (-те)», хотя произношение этого слова связано у них с определенными трудностями. При первой деловой встрече от китайского коллеги можно услышать «Здравствуй», «Привет», что связано с особенностями лингвокультуры. Так, в китайском языке существуют похожие по произношению и написанию слова «ты» – «你» (nǐ) и «вы» – «您» (nín). Но, кроме центральной части Китая (например, в Пекине, в Тяньцзине), на большей территории не используют «вы» – «您» (nín), поэтому пользуются приветствием «Здравствуй», хотя есть в стране и такие регионы, где всем (в том числе и маленьким детям) говорят «Здравствуйте». В деловом общении китайцы часто ошибаются и вместо «Здравствуйте» говорят «Привет», потому что в переводе на китайский язык эти слова звучат одинаково и эти знания переносятся на русский язык, так что разницы между указанными словами не наблюдается. В китайском речевом этикете также существуют приветствия «Доброе утро», «Добрый день», «Добрый вечер», но использование указанных формул не отличается частотностью.

Следующим важнейшим и необходимым элементом речевого этикета является обращение, которое используется на всём протяжении общения и служит его неотъемлемой частью. При использовании обращений как в речи китайских, так и русских бизнесменов наблюдаются многочисленные ошибки, что, на наш взгляд, объясняется национальными культурными традициями. Так, китайское имя включает в себя фамилию + имя, причем фамилия всегда стоит впереди имени. Деловое общение предполагает в обращении указывать возрастную признак человека, то есть перед фамилией используются слова «老» (lǎo) – «старый» или «小» (xiǎo) – «молодой», например, «老张» – «старый Чжан», «小刘» – «молодой Лю»; а также *принято* указывать должность или про-

фессию человека, при этом фамилия выносится на первое место: фамилия + должность, фамилия + название профессии, например, 王老師 – «учитель Ван», 李经理 – «директор Ли», 高工程师 – «инженер Гао». Такие тонкости делового этикета представляют трудности для русских, поэтому они чаще всего обращаются к китайским друзьям или старым партнерам только по фамилиям, зачастую дают им русские имена, созвучные китайским фамилиям (Ван – Ваня, Иван, Гао – Галя, Ма – Мария, Маша), поскольку китайские фамилии не вызывают у русских никакого ассоциативного ряда и запоминаются с большим трудом. Незнание речевого китайского этикета приводит к такой ошибке, как отсутствие в обращениях к китайским коллегам слов «старый» и «молодой».

На первом этапе делового общения для русского бизнесмена самый приемлемый и распространенный вариант обращения – с употреблением полного наименования по фамилии и имени, например: «Уважаемый Ван Сю Линь», так как русские не знают, какое слово указывает на фамилию, а какое – на имя. Для русских большой трудностью является определение по имени половой принадлежности китайцев, поэтому в официальных бумагах чаще всего используется обезличенное обращение «Уважаемые господа!» или приветствие «Здравствуйте». Например:

Уважаемые Господа.

Наша организация ищет поставщика оборудования, а именно станка для производства тарной дощечки. Просим учесть следующие характеристики...

Здравствуйте!

Вас беспокоят из Архангельска. Нас интересует...

Китайские бизнесмены при использовании русских обращений тоже допускают ошибки, так как эти речевые конструкции являются национальной особенностью русского народа. В русской культуре существует такое понятие, как отчество. Китайцы не знают, в каких случаях обращаться к человеку по имени-отчеству, в результате чего появляются следующие ошибки:

Уважаемый господин Андрей Бильский!

Отправляем Вам документы и фотографии оборудования...

Здравствуйте Елена Боялиева!

Ошибкой является и перенос элементов китайского речевого этикета на русский:

Здравствуйте, директор Елена.

Для китайцев также представляет трудность расшифровка аббревиатур имени и отчества и их использование в деловой речи. Чтобы не выглядеть невежливыми, китайцы пишут следующее: *Уважаемый генеральный директор В.В.Шенин!*

Очень часто допускается ошибка в использовании слова «господин», поскольку это обращение стало использоваться в России сравнительно недавно, с конца прошлого века, а в период Советского Союза наиболее частотными обращениями были «гражданин» и «товарищ», поэтому типичной является следующая конструкция:

Здравствуйте, уважаемые господа Александр и Виктор.

В целом, знание и соблюдение норм речевого этикета создают благоприятные условия для развития взаимоотношений между партнерами, способствуют эффективности, результативности делового сотрудничества. В международный бизнес активно включается все большее количество людей, не обладающих опытом международного общения и не владеющих речевым этикетом той страны, с которой сотрудничают. В результате допускаются не только этико-речевые ошибки, но и вносятся значительный элемент национальной специфики. Мы считаем, что изучение этикетных формул, их вариантов и правил использования эквивалентов в разных культурах позволит быстрее наладить контакты, избежать недоразумений и позволит эффективно провести переговоры.

Список литературы

1. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – 2-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 328 с.
2. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: Издательство «ИКАР», 2007. – 480с.

Протоиерей М. Чабашвили, З. К. Адамия
Учебный университет им. Эквтиме Такашвили
(Рустави, Грузия)

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В ГРУЗИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

THE PROBLEMS AND STATUS OF WOMEN IN GEORGIAN SOCIETY IN THE MIDDLE OF 19th CENTURY

Интерес к вопросу о положении и роли женщин в грузинском обществе возник в 80-ых годах XIX века. Эту проблему обсуждали не только выдающиеся писатели и общественные деятели (такие как: Илья Чавчавадзе, Яков Гогебашвили, Нико Николадзе и др.), но и духовенство (Епископ имеретинский Гавриил Кикодзе, протоиерей Полиевкт Карбелашвили и др.). Женский вопрос в России обсуждали с 50-ых годов XIX века. Русская интеллигенция в Европе ознакомилась с полемикой о равноправии женщин в обществе. В журнале «Современник» была опубликована статья литературного критика М. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1862).

Interest in a question of situation and role of women in the Georgian society arose in the 80th years of the 19th century. This problem was discussed not only by outstanding writers and public figures (such as: Ilya Chavchavadze, Yakov Gogebashvili, Nicko Nikoladze.), but also clergy (Bishop of Imereti Gabriel Kikodze, archpriest Poliyevkt Karbelashvili, etc.). The women's issue in Russia was discussed since 50th years of the 19th century. Russian intelligentsia in Europe studied polemic about equality of women in society. The literary critic M. Mikhaylov's article "Women, their education and significance in a family and society" (1862) was published in the magazine «Sovremennik».

Ключевые слова: общество, женщины, равноправие, грузинские общественные деятели.

Keywords: society, women, equality, Georgian public figures.

Н. Г. Чернышевский был одним из тех, кто считал, что гуманизация отношений между полами должна быть основой для проведения изменений в обществе. Он рассматривал эмансипацию как двустороннюю процедуру, которая в равной степени необходима как для женщин, так и мужчин. Особое внимание было уделено вопросам занятости и образования женщин. Весьма важна была роль женщины как матери в эмансипированном обществе [1]. Знаменитый грузинский писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе написал несколько писем о положении женщин: «Учителя-женщины» [Иверия, 1886, # 4], «Нино Багратиони (некролог)» [«Иверия», 1886, # 338], «Женское образовательное учреждение» [Иверия 1889, # 49], «Женский вопрос и женское образование» [Иверия, 1889, # 57], «Женская сельскохозяйственная школа», «Против сословного происхождения в деле образования» [Иверия, 1893, # 283].

И. Чавчавадзе хотел видеть женщину в общественной жизни, но в первую очередь женщине уделялась роль матери-воспитателя. «В

деле воспитания характера нынешняя школа не сравнится с нашей старой семьей», — отметил он [5. С. 407]. Будучи молодым поэтом, находясь в Петербурге, он писал о значимости матери в воспитании детей в христианских ценностях и морали.

«Да будет сын твой чист и прям отныне,
Да будет верен дедовской святыне,
Вложи в него любовь к добру, к народу,
Пусть славит братство, равенство, свободу»
И. Чавчавадзе перевод Н. Звягинцевой [4. С. 44].

В одном из писем, автор выражает мнение, что общественность должна видеть в женщине не только мать, сестру, жену, но прежде всего человека. И. Чавчавадзе мечтал увидеть женщину: «С одной стороны любящую мать, с другой стороны — сильную и труженицу» [5. С. 407].

Епископ Гавриил Кикодзе своими проповедями вдохновил И. Чавчавадзе написать эти письма.

Какое мнение по вопросу положения женщин было у имеретинского Епископа Гавриила Кикодзе?

Епископ Гавриил – лучший представитель прогрессивно мыслящей интеллигенции XIX века. Его красноречивые проповеди заставляли прихожан задуматься о роли женщины в семье и в обществе. Проповеди Епископа Гавриила были опубликованы несколько раз в Грузии, а также были переведены и изданы на русском и на английском языках.

Проповеди Епископа Гавриила не только о духовной жизни, они также касаются бытовых вопросов жизни христианина, человеческих отношений, использования мирских благ и социального статуса в деле спасения. Епископ проповедовал и о назначении женщины, о её роли, месте в образовании и значении в обществе.

Что же касается роли женщины в обществе, Епископ Гавриил отмечает, что женщина может морально возвысить общество, своим умным, добрым поведением, стать примером святости и мира для других и «способствовать распространению царства божьего на земле» [2. С. 137].

Хотя среди современников проповедника широко было распространено мнение, что для женщины недостаточно быть только хорошей женой, матерью, сестрой, но, по словам архипастыря, своё счастье женщина должна находить в исполнении святого долга матери, жены, воспитателя детей, управляющей своей семьей, «распространителя добрых нравов в обществе» [2. С. 137].

Действительно, женщины слабее, чем мужчины, но Бог одарил их от природы изящным чувством, нежностью, высокой нравственностью и способностью внедрять высокие идеи. Несмотря на то, что женщина имеет много качеств, данные ей свыше, чтобы положительно влиять на общество, она все-таки ждет от других толчок к действию. Гибкий, мягкий характер часто притягивает женщину к бесполезным делам. Для женщин эпохи Епископа Гавриила своего рода программой действия можно признать призыв проповедника: «Начинайте тоже думать, рассуждать о предметах, не спите, не оставайтесь невеждой вплоть до старости! Вы тоже должны приобрести твердость характера и мысли, непоколебимость нрава, чтобы и других притягивать к Доброму поведению, а не наоборот, чтобы другие притягивали тебя к греху» [2. С. 138].

Как мы видим, Епископ Гавриил придает большое значение роли женщины в изменении общества к лучшему. Кроме того, в руках женщины, заложено благополучие человека: «Достоинство, качество и счастье каждого челове-

ка зависит от женщины» [2. С. 122], особенно от матери. Мать развивает в человеке высокие и святые чувства, и от матери перенимают «мысли и веру в Бога». Поэтому фундаментом сильного общества является хорошая мать: «Если мать полна рассудком, умом, надеждой и любовью, то чадо тоже станет добрым, верующим в Бога» [2. Там же].

Для Епископа Гавриила было однозначно ясно, что домашнее (элементарное) образование недостаточно для женщины. Для развития здорового, разумного общества, воспитания полезного для Родины и подрастающего поколения необходима образцовая, образованная мать: «Образование и добрый нрав не будет развит, если женщины не образованы и не являются предводителями всего Доброго во нраве» [2. С. 117].

По словам проповедника, грузинские женщины всегда были предрасположены к получению знаний, но в то же самое время женщины думали и обогащались жизненным опытом, «они всегда думали и расширяли мысли и знания» [2. С. 133]. Но главной ценностью для женщин было и есть – хорошо воспитать детей. Так в своей проповеди о Богородице Епископ Гавриил особое внимание женщин обращает на Её преданность и самопожертвование ради своего чада: «Так должны себя вести добродетельные женщины! Они должны забыть о себе и помнить только о воспитании и счастье своих сынов» [2. С. 132].

Новое время оставило свой отпечаток на личность женщины, которая от домашнего образования перешла в общественную школу. «Меняется и по-другому выстраивается воспитание, обучение и жизнь женщин» [2. С. 120].

На самом деле причиной беспокойства не является вопрос, какое образование лучше новое или старое, домашнее, главным остается вопрос развития христианского мышления.

«Дай Бог, чтобы наши женщины никогда не теряли некоторые восхваляемые и любимые прочие качества, которые украшают женщин, живущих по древним традициям. Но пусть соединятся с новым образованием и учением. Только так они будут значимыми для христианства и общества» [2. Там же], – проповедует священнослужитель.

Новое время, европейское образование и стиль жизни дали обществу менее трудолюбивых женщин-матерей.

«Всем известно, что до начала нашего века и сегодняшнего образования, грузинские женщины одевались в собственноручно сделанные

вещи и одевали также свою семью. Это было похвально» [Там же], – отмечает священнослужитель.

Несмотря на все эти трудности, растили здоровых детей и приучали их переносить трудности, а также «защищать свою веру ценой своей жизни». Епископ Гавриил задает риторический вопрос: «Это было совсем недавно! А что будет впереди, чем будут отличаться наши женщины, воспитанные по-европейски, это один только Бог знает!» [2. С. 384].

Епископ Гавриил заметил, что жизнь потребовала включение женщины в активную деятельность. Настало время, когда наравне со своими главными обязанностями такими как воспитание детей, ухаживание за мужем и выполнение семейных обязанностей женщина должна совмещать с общественно полезной деятельностью.

Во время проповеди Епископ Гавриил говорит о равноправии мужчины и женщины: «у женщины есть такие же достоинства и ценности, как и у мужчины» [2. С. 267].

По Святому Писанию женщина – это хрупкий сосуд, поэтому ей необходимо больше внимания, любви и сострадания.

По мнению проповедника, образованное общество с большим уважением относится к женщинам, чем к мужчинам, а в необразованном обществе женщина часто «оскорблена, унижена и подавлена, что весьма прискорбно и противоречит нашей вере».

Хотя Епископ Гавриил проповедует о равных достоинствах мужчины и женщины, но категорически осуждает тех, которые ведут себя по-мужски развязно: «Вот тогда падут нравы общественности», – говорит он в проповеди.

По словам проповедника, женщина должна быть независимой, должна вести себя по собственному желанию, исходя из своего решения. «Христианство не потерпит, если женщина будет в рабской зависимости к мужчине, будь тот мужем или отцом», – заявляет священнослужитель [2. С. 129].

Епископ Гавриил заметил, что жизнь потребовала включение женщины в активную деятельность. Он без переоценки ценит роль женщины в деле облагораживании общества, что достигается хорошим воспитанием грядущего поколения.

О главной роли женщины в воспитании ребенка беседует протоиерей Полиевкт Карбелашвили.

В личном фонде св. Исповедника Полиевкта (национальный архив Грузии №1461) сохра-

нено несколько его проповедей. Мы обратили свое внимание на одну из них (дело №145), которая была произнесена 16 августа 1902 года в церкви Анчисхати в честь 240 годовщины перенесения Нерукотворной иконы Спасителя из кафедрального собора Анчи в Тбилиси.

Кажется, что проповедь должна быть посвящена истории перенесения этой иконы, но священник кратко рассказывает о Христе и царе Авгаре, как отпечаталось лик Спасителя на полотне чудесным образом, как излечился царь. Затем этот царь перенес нерукотворный образ над воротами Эдессы. Рассказывает и о том, как этот нерукотворный образ был перемещен из Константинополя в Грузию. После этой истории он уже обращает внимание в своей проповеди на человека как на образ и подобие Бога и с сожалением говорит: «Хорошо знаем, что образ Божий мы должны в течение всей жизни хранить в себе непорочно, но каждый из нас ежедневно своим непристойным поведением оскверняет наше главное украшение – Образ Божий». Священник ищет причину падения общественной морали, и он находит эту причину: «Естественно, в большинстве случаев причина этой бездуховности является неправильное воспитание наших детей».

Гомилетик с помощью перенесения внимания слушателей в прошлое оживляет образ матери – символа силы и благополучия в древней Грузии, главным достоинством и духовной силой которой является то, что «мать сама была глубоко верующей христианкой. Своё семейное счастье в этом мире она находила только лишь в жизни по учению Христа». В древние времена определителями хорошего образования матери считалось знание святого Писания, что являлось твердым основанием для нравственной жизни. Приданное замужней женщины всегда украшали акафист, молитвенник и икона Божьей Матери. Хорошее знание Священного Писания, любовь к молитвам, осознанное слушание богослужения разжигалось в сердце матери и женщины своей праведной жизнью, силою личного нравственного примера, воспитывало новое поколение для Отчизны.

Отец Полиевкт в своей проповеди главным поприщем для матери считает семью, а все остальные дела взваливает на отца семьи: «Мать своим непомерным трудом и работой, дома – являлась наилучшим учителем-воспитателем своих домочадцев, а отец вне дома, в лесу и на поле».

Главной опорой славной истории Грузии проповедник считает воспитание, основанное

на христианской нравственности. Священник в своей проповеди напоминает слушателям о плачевной реальности, рисует полный антипод образцовой матери, современную мать, которая предала почетную, важную обязанность воспитания ребенка няне, которая старается освободиться от семейных дел и найти утеху и счастье вне семьи. «Современная женщина находит удовольствие только в театре и в беспредметных беседах с соседками, не сторонится брать в долг под проценты, лишь бы получить удовольствие и не отставать от других», – с досадой отмечает автор проповеди. Если раньше ухаживание за семьей и детьми являлось для женщины удовольствием, то в настоящее время «она за них не очень-то переживает и ставит выше всего свое личное удовольствие»; если раньше мать давала детям высоко-нравственный пример, современная женщина не стесняется того, что для мужчины является постыдным. Она курит и ищет места для времяпровождения, всегда хворает, «а ребёнок всё это видит и впитывает, хранит в своём сердце».

Главной обязанностью матери священник считает христианское воспитание детей и уход за семьей. Эти взгляды о главном назначении женщины отца Полиевкта полностью совпадают с мнением святых Грузинской церкви – его современников, таких как Илья Чавчавадзе и Епископ Гавриил.

Список литературы

1. Айвазова, С. Русские женщины в лабиринте равноправия. – URL : http://owl.ru/win/books/rw/o1_2.htm
2. Гавриил Епископ имеретинский. Проповеди. Т. 1. (на грузинском языке) – 1913.
3. Гавриил Епископ имеретинский. Проповеди. Т. 2. (на грузинском языке) – 1913.
4. Чавчавадзе, И.Г. Избранные произведения / И.Г. Чавчавадзе. – В 5-и томах. Т. 1. – Тбилиси, 1985. – с. 44.
5. Чавчавадзе, И.Г. Избранные произведения / И.Г. Чавчавадзе. – В 5-и томах. Т. 1. – Тбилиси, 1987. – с. 407.

С. В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений
(Москва, Россия)

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ (НЕ)СОГЛАСИЯ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

ILLOCUTORY VERBS OF ACCEPTANCE AND REFUSAL IN JAPANESE

В статье на основе корпусных данных рассматривается группа японских глаголов с семантикой согласия / несогласия. Базируясь на общей концептуализации данной речевой ситуации, из данных сочетаемости по основным синтаксическим параметрам автор выводит их семантические профили, связанные с ограничениями на участников и характер коммуникации. Сопоставляются основные речевые стратегии коммуникантов, неодинаковые для согласия и несогласия. Полученные выводы представляют интерес для социо- и лингвокультурологических исследований, межъязыковых сравнений.

The paper uses corpus data to analyze a group of Japanese verbs of acceptance and refusal. We first conceptualize the communicative situation described by them, and then use syntactically relevant collocation data to profile each verb semantically, featuring the participants of the communication and specialities of the intercourse. A comparison of verbal strategies of the speakers reveals certain differences between acceptance and refusal. The findings presented may be of some value for linguistic and socio-cultural studies as well as for cross-language research.

Ключевые слова: речевые акты, иллокутивные глаголы, японский язык, корпусные данные, речевая стратегия.

Keywords: speech act, illocutionary verbs, Japanese language, corpus data, verbal strategy.

Речевые акты (РА) всегда осуществляются в окружении других субъектов, чьи позиции не могут не учитываться говорящим. В этом плане их изучение особенно важно в динамическом аспекте, с учётом положения в цепочке других РА. Как известно, одним из продуктивных способов исследования РА является наблюдения за иллокутивными глаголами (ИГ). То, как в них преломляется известная теория Сэпира-Уорфа о лингвоспецифическом членении реальности, приобретает особую роль как источник знаний не только о мировосприятии, но и об особенностях социальной действительности той или иной страны.

Одним из основных сценариев языкового взаимодействия является выражение согласия или несогласия с высказанным ранее. Прототипическая ситуация предполагает наличие Пропонента (П), от которого исходит Объект (не)согласия, осуществляемого Субъектом (С) согласно некоторым внешним условиям. Заполнение позиции Пропонента значимо как с точки зрения его отношений с С, так и в плане его абсолютного статуса; ограничения на С релевантны с точки зрения его возможностей повлиять на реализацию Объекта. Пропонент (но никогда не Субъект) может быть и нулевым.

Наиболее разнообразное наполнение получает категория Объекта. Прежде всего это пропозиции (Р) о событиях в будущем, настоящем или прошлом, различным образом соотносённых с участниками речевой ситуации. В поверхностной структуре предложения они оформляются субстантиватором (комплементаризатором) или свёрнуты к именам действия (разной субъектности), названиям свойств и предметов (соответствует экзистенциальной пропозиции). Очевидно, что именно характер Р является решающим в классификации РА (не)согласия. Особое значение получает модальность Р и направленность речевого действия П, иначе говоря, его иллокутивный статус.

Указанные характеристики могут быть приняты в расчёт при автоматической обработке больших объёмов текстовых примеров с использованием корпуса [4]. Для интересующего нас случая японского языка это становится возможным благодаря относительно свободному порядку слов, когда в рамках модели SOV [1] возможны как дистантная, так и контактная коллокация нужных элементов. Но первая значительно затрудняет обработку, и мы посчитали допустимым ограничиться наблюдениями за второй, ввиду отсутствия особых факторов, ей препятствующих (такие как информацион-

ная структура, достаточно свободная, пусть и не настолько, как в русском языке).

ИГ мы считаем заданными списком, составленным путём перевода соответствующих позиций из известной работы [3]. Для каждого глагола исследованы примыкающие слева позиции рематического подлежащего, прямого и косвенного дополнения, наречные модификаторы действия в типичном оформлении (в т. ч. с эвиденциализмом) и опции грамматики цитат.

Из ИГ согласия три относятся к исконно японской лексике (*ваго*), обычно характеризующейся более сложной семантической структурой с элементами полисемии – в противоположность синоиероглифической лексике, как правило, тяготеющей к терминологичности (*канго*). Первый из них – *mitomeru*, в общем соответствующий РА Признания, с его ключевой семой нежелания и даже малефактивности данного речевого действия для С. Это определяет содержание Р: факты о самом С, о внешнем мире или же состояние и будущие действия П, с которым С ранее был несогласен или неготов признаться, экзистенция предметов: 9 примеров с *hi* = (свою) неправоту, 5 *sekinin* = ответственность, 10 *kachi* = ценность, абстрактные существительные на *-ken* = право..., *-sei* (свойство), *-ryoku* (способность). Всё это подразумевает некоторый нажим в речевом действии П, преодолевающий внутреннее сопротивление С, и специфический эмоциональный фон, видимый в модификации: 12 *sotchoku* = честно (значит, есть соблазн не быть честным), *hazukashisoo-ni* = как будто стыдась. ИГ допускает скалирование (и как интенсификацию): 14 *zementeki-ni* = полностью. Речевое взаимодействие может происходить в неформальном регистре, о чём свидетельствуют коммуникативные частицы *yo*, *ne* в цитатах.

Если в случае *mitomeru* С, выражая согласие с выдвигаемой П пропозицией, преодолевает некоторые возражения и колебания, «наступает на горло собственной песне» (и действие его в данном смысле остаётся лишь речевым, но не свидетельствует о внутренней убеждённости), то значение *ваго*-ИГ *ukeireru* не ограничивается иллокутивной областью, а включает «полное принятие» как внутреннюю, оценочную позицию – в том числе в социальном плане. Отсюда – сочетание уже не с *sotchoku* = честно, оставляющим зазор между мыслями «про себя» и словами, а *sunao-ni* = покорно. Принимаемая Р представляет собой положение дел во внешнем мире: 13 *genjitsu* = реальность, 7 *jijitsu* = факт, 4 *shi* = смерть (близкого чело-

века), 3 *wakare* = *разлука*, явление реальности, требующее участия самого С: 2 *teisen* = *перемирие*.

Анализ глагола *kotaeru* усложняется из-за его полисемичной структуры, отражаемой в записи двумя альтернативными иероглифами – в зависимости от оттенка значения: 答 как «отвечать» (на вопрос) и 応 как «отвечать» (условиям, требованиям). Нас интересует второе значение, где иллокутивный компонент часто бывает сведён к минимуму в таких сочетаниях, как 時代の要求に応える *соответствовать требованиям времени*. И всё же элемент согласия, согласования силён с объектами типа *niizu* = *потребности* (15), *kitai* = *ожидания* (7). В соположении с именами речевого действия *futaku* = *поручение*, *shooshuu* = *созыв* дело именно в согласии как акцепте директива.

Образованный от единичного иероглифа ИГ *oojiru* имеет близкое значение, сходное с рус. *откликнуться*. Предполагается, что из самого факта ответа на речевое действие П вытекает содержательное согласие с Р.

Вообще говоря, вопрос об иллокутивном статусе *kotaeru* и *oojiru* остаётся открытым. Трактовать их в перлокутивном разрезе (как результат предшествующего речевого воздействия) побуждает высокая частотность в дееспричастной позиции, где «согласие» всего лишь «считывается» с неречевого поведения: такое конструктивное решение нехарактерно для эксплицитно озвучиваемого согласия. С другой стороны, само действие С в соответствии с побуждением тоже может считаться сигналом о согласии. На одну смысловую ступень дальше идёт *toriau* в сочетаниях с *keikoku* = *предупреждение*, *renraku* = *сообщение* означающий лишь акт приёма сигнала, не более. В строгом смысле он (оставляя за скобками инференции из отрицательной формы) не является ИГ.

Остальную часть ИГ согласия составляют синоиероглифические единицы высокой степени терминологичности. В случае *shoonin-suru* С задан как некая инстанция, чьё одобрение необходимо для реализации Р, инициируемой П. Причём речь идёт именно о формальном одобрении, что исключает значение мысленной моральной оценки, изначально присущее рус. *одобрять*.

Данный глагол принадлежит к группе близких по значению глаголов со одинаковым вторым элементом 認. Из них ИГ 確認 обслуживает обе стороны коммуникативного взаимодействия в ситуации уточнения, как и рус. *уточ-*

нить (вопрос – ответ). 容認 выражает отношение, означая неохотное принятие ситуации С в условиях, когда его мнение имеет малый вес. В 是認 = *признать без возражений*, *принять как есть* и 黙認 = *молчаливо признать* первый компонент представляет собой инкорпорированное обстоятельство образа действия, которое, перетягивая на себя коммуникативный упор фразы, дефокусирует фреймовую структуру события, включая ограничения на С и П.

Близкими по значению являются ещё два глагола со значением согласия как акцепта. *Shoodaku-suru* широко используется в юридической документации в сфере хозяйственного права (что подразумевает равноправие контрагентов, в отличие от *shoonin-suru*, описывающего главным образом вертикальные отношения в зоне публичного права). Р представляет собой свёртки различной субъектности – 9 *kekkon* = *брак* (П), 3 *jooto* = *передача* (имущества П), *shusseki* = *присутствие* (самого С), *shuunin* = *вступление в должность* (третьего лица). Напротив, *judaku-suru* предполагает подчинённое по статусу или – чаще – объективно безвыходное положение С. Среди объектов 13 *chooteian* = *проект посредничества*, 6 *koofuku* = *капитуляция*, 2 *shuunin* = *назначение*, *kyootei* = *соглашение*. Традиционно этот термин используется в повествовании о принятии Японией решений Потсдамской конференции 1945 г. (13 случаев).

Особенность ситуации употребления *dooi-suru* в том, что эксплицитное согласие С нужно по процедуре для реализации Р. Объектом становится медиум, содержащий Р или их сумму, в частности, норма – 9 *kiyaku* = *договорённость*, 4 *keiyaku* = *договор*, название своего действия, к которому понуждает П (*taishoku* = *уход с работы*), действие, которое, хоть и производится другим, но касается С. При этом внутреннего убеждения, единомыслия от С не требуется: например, парламент соглашается на отправку войск, опекун – на сделку. Наиболее часто встречающаяся модификация такого действия – *sumiyaka-ni* = *безотлагательно* (7 случаев). В роли П в основном участников различного рода правоотношений: 7 *soshiki* = *организация*, 5 *honjin* = *сам человек*, 4 *roodookumiai* = *профсоюз*, 3 *daijin* = *министр*, *daremo* = *все*, *sensei* = *учитель*, *juumin* = *жители*, *toojisha* = *участники происшествия*, *seifu* = *правительство*, *oya* = *родители*, *saikensha* = *кредитор* и т.п.

Принцип употребления *sandoo-suru* отличается полное внутреннее приятие Р со стороны С. Это солидаризация уже не с формальными

сентенциями, а с мнением, намерениями собеседника: 8 *keikaku* = план, 7 *kangaekata* = ход мыслей, 3 *kimochi* = настрой, 2 *tokuteki* = цели, *ito* = намерения, *kokorozashi* = желания, *shinnen* = убеждения и т.п. На этом уровне согласиться можно и с общим содержанием (31 *shushi*), «словами», не получавшими фактического подтверждения (3 *hanashi*). Такое согласие – от сердца (*kokoro-kara*), и подразумевается, что оно должно быть честным. Покуда речь идёт об эмоциональном порыве, то, судя по модификации, солидаризироваться можно безотчётно: 世俗を脱したもっとも清らかな人間たちと信じていたので、訳もなくこれに賛同した。// Я считал их кристально честными людьми, и поэтому **согласился** как-то **незаметно для самого себя** (М. Кита «Дневники Мамбо» 1986) [4]. Такая естественная реакция вполне может быть моментальной (2 *massaki* = первым делом, *sokuza-ni* = тут же, ср. *tadachi-ni* = незамедлительно для *dooi-suri*, о различии этих наречий см. [2]). Действие допускает интенсифицирующую модификацию: 2 *ooini*, *ookiku* = всецело.

Менее эмоциональна и более рассудочна реакция С в случае ***sansei-suru***. Объектом согласия (Р) становится чужое действие, в котором лично заинтересован П – в отличие от *dooi-suri*, где это неизбежное требование процедуры. Но нет здесь и солидаризации, самоидентификации с позицией П, чей запрос может быть связан с желаниями, даже прихотями: 姉たちも個室への入院に賛成し、入院費の半分を分担しようと言ってくれた // Сёстры тоже **согласились, чтобы я лежал в отдельной палате, и предложили оплатить половину суммы за лечение**. (С.Мияваки «Пейзаж убийства» 1988) [4].

В отличие от *dooi-suri*, согласие С уже не становится фильтром на пути к реализации Р, а представляет интерес в познавательном плане: 80人の教師のうち、明確に前任校長の解雇に賛成していたのは4分の1程度だった // Из 80 учителей ясно заявили о **согласии с увольнением** директора лишь где-то четверть (К. Ямасита «Современное образование в США» 2002) [4].

Если содержание Р – квалификация, тогда высказывание С означает согласие с суждением: 全員が有罪に賛成しています // Все присяжные **согласны, что он виновен**. (Ж. Верн, пер. К. Сакакибары «Сдвинуть земную ось» 1996) [4]

Объектом согласия также может быть медиум, содержащий Р: 10 *ketsugi* = резолюция, 8 *doogi* = инициатива, 5 *setsu* = версия, 4 *ron* =

теория. Частотны имена с суффиксоидом 案 = проект: *ketsugian* = проект резолюции, *hoopan* = законопроект, а вот *shushi* = общее содержание – лишь два случая, т.е. об огульном, интуитивном согласии речь не идёт. В парламентских стенограммах за разные годы множество примеров типа 本附帯決議案に賛成の方の挙手を願います // **согласных с проектом решения прошу поднять руки** [4].

В той же позиции, что и Р, может появляться П, что позволяет описывать с помощью данного ИГ результаты блокирования и размежевания в группе: あなたに賛成! // Я **согласна с Вами!** (сайт полезных советов «Яху!» 2005) [4]. Именно этот ИГ становится счётчиком для «за» в различных опросах. Кстати, и С чаще всего представляет собой статистическую общность: 29 ...*ijoo* = более (числа), 10 *kahansuu*, 6 *tasuu* = большинство, 7 *zen'in* = все.

В отличие от *dooi* – чистого иллюкутивного акта, *sansei* и *sandoo* отождествляются с длящимися психологическими состояниями и установками. Такое согласие, означающее поддержку на интеллектуальном уровне, в борьбе сил, допускает скалирование – интенсифицирующее: 13 *zementeki-ni* = всецело, 9 *mattaku* = полностью (это стандартный усилитель перформативов), 4 *ichi-to ni-to naku* = безоговорочно, 3 *sekkyokuteki-ni* = активно, и деинтенсифицирующее: 4 *kihonteki-ni* = в принципе, 2 *kojinteki-ni* = лично (ограничитель). Об определённой дистанции между умонастроением С и высказываемой им позицией (нерелевантной для *sandoo-suru*) говорят коллокации с *yorokonde* = с радостью, 2 *shikata naku* = вынужденно, *karugarushiku*, *kokoro-yoku* = с лёгкостью. Импульсивное, легкомысленное согласие порицается: いよいよこれはうかつに賛成できないということになりました // С этим уже нельзя **запросто согласиться** (парлам. стенограмма, 1981) [4]

Вводимые ИГ согласия цитаты показывают сферу возможных речевых стратегий С. Это воспроизведение Р для тех РА, где требуется солидаризация с установками П, перформативы там, где согласие носит характер санкции. Для ИГ *oojiru*, допускающего возможность двоякого толкования, появляется снимающий такую возможность комиссив (в ответ на просьбы), даже экспрессив: 少し見ませんか、と彼女が言い、千織が、ほしい、と同意した。// Она спросила: может, немножко посмотрим? И Тиори **согласилась: «Хотюю»** (Т. Асакура «Чудо четырёх дней» 2003) [4]. Дифференцированы по речеактовому статусу высказывания и его окружению эксплицитные формулы

согласия: 相田も「そうですね」と同意したのだった。// И Айда тоже сразу **согласился**: «*Ну да!*» (Н. Адзума «Фризия» 2000) [4]. При *shoonin-suri* видим конструкцию *V-u ga ii*, специализированную для эксплицитного Позволения: 天皇はこの内大臣の提案を、即座にして、「やってみるがよい」と承認した // *Хирохито сразу же одобрил предложение министра: давай, попробуй*. (К. Хандо «Высочайшее решение» 2003) [4]. Для *oojiru* это *わかりました* = *понял*, *承知しました* = *слушаюсь*, *大丈夫だよ* = *не вопрос* (в ответе на различные директивы), *そうだね* = *ну да*, *いいよ* = *хорошо*, *うん、いいね* = *ага, ладно* (на Предложение, Приглашение, Заявку), *かまいません* = *не возражаю*, *どうぞ* = *пожалуйста* (на Запрос разрешения). Пожалуй, как выполнение некоего минимального запроса (игнорировать его значило бы отклонить) трактуемы случаи «регистрирующего» ответа при *oojiru* междометиями *hai* = *ага*, *sate* = *ну*, *ooyaoya* = *ой*. С *ukeireru* это может быть даже переспрос: «俺達、正義」な事を社長に言われた浩一ですが「はい、そうですか」と受け入れられる訳はなく…// «Мы», «справедливость» – после таких слов директора не мог же Коити просто согласиться, мол «*ах вот как, ага*» (блог сайта «Яху» 2008) [4]. Стратегия аргументации возможна с *ukeireru*, в том числе с выраженным показателем придаточного причины. Для Р, бенефактивных для С (*sansei-suri* и др.) употребляема эксплицитная характеристика Р (*ii koto da* = *это дело хорошее*, *genjitsuteki dearu* = *это реально*), а также РА, составляющие следующий шаг после согласия – совет, гортатив (*zeshi soo shitara* = *так и сделал бы*, *soo shimashoo* = *так и поступим*).

Перейдём к ИГ несогласия. Наиболее широко из ваго-ИГ употребим *kotowaru*. П не вербализуется. Если Р представляет собой одинокое действие С (в своих интересах) или совместное с П: 6 *kooshoo* = *переговоры*, 5 *tsukiai* = *общение*, 4 *shigoto* = *работа*, либо вместо него фигурирует предлагаемый П предмет (выпивка, пособие и т.п.), тогда С отказывается от выполнения побуждения или отвергает предложение или услугу. Если же в этой позиции выступает жанр высказывания, к которому относится Р, то речь идёт о расхождении во мнениях (несогласии): 6 *hyooka* = *оценка*. Последнее значение получает дальнейшее распространение в превентивном РА – Оговорке, когда С заранее обозначает несогласие с ещё только прогнозируемыми возражениями П.

С данным ИГ речевые стратегии выражения несогласия в цитатах наиболее разнообразны.

Это а) эксплицитный экспрессив: *やりたくない* = *не хочу*, *気はありません* = *не собираюсь*, *嫌だ* = *не буду*, б) комитатив: *茶はいただきます* = *чай я не буду*, в) контрдиректив: *ちよつと待つて* = *подожди-ка*, г) различная аргументация – как самоочевидная, не апеллирующая к специальным рассуждениям (и без грамматического оформления причинности): *時間が無い* = *нет времени*, *用がある* = *(у меня) дела*, *自分は任ではない* = *не мой участок*, в том числе вовлекая продуктивный концепт (*mottainai* = *бережливость*). Мелко градуируется грамматика цитаты: как будто предполагающие продолжение изолированные придаточные причины, деепричастные формы типа *プライバシーにかかわるので* = *просто это затрагивает тайну личной жизни*, *時間がなくて* = *времени-то нет* звучат гораздо мягче, чем финитная форма, бесцеремонно предоставляющая адресату додумывать самому. Известный нюанс передают и «субъективные» и «объективные» запретительные формы в цитате: *責任上困る* = *я по должности это не могу допустить*, *車体番号が分からないとだめだ* = *куда же мы без номера машины*, *モウソンナコトハ聞カナクテモヨウコサイマス* // *этого спрашивать не следует* (С. Судзаки «Путч молодых офицеров», 2003) [4]. Допустима предположительная модальность, когда адресата призывают самого оценить проблематичность его просьбы, предъявляя самоочевидное суждение: *バカ息子がいるあの病院のお嬢さんでは、と断られるのを知っているの?* // *ты ведь понимаешь, что тебе откажут* – *мол, вы же та мама больного сыночка?* (Ё. Огивара «Сотаро и цветок водосбора», 2005) [4]. Непринуждённость общения допускает употребление финальных частиц (5 *yo*). Подобная тонкая нюансировка отражается в наречной модификации данного ИГ: только с ним видим 7 *itaku* = *искусно*, 5 *sugenaku* = *холодно*, 2 *sappari-to* = *легко*.

Таким образом, *kotowaru* описывает вежливый отказ с учётом всех коммуникативных правил. Те ситуации, где данный аспект выведен из фокуса, покрывает группа других ИГ несогласия. Среди них исконно японский *kobanai* в настоящее время употребляется довольно редко, в основном в книжном стиле. В повседневном обиходе он вытеснен двумя ИГ синоиероглифического происхождения. Для простого процедурного отказа используется *kyohi-suru* с Р как названием действия С (после просьбы): 13 *tooroku* = *регистрация*, 5 *uketori* = *получение*, 4 *ukeire* = *приёмка*, *shusseki* = *присутствие*, действия П (после запроса раз-

решения), обычно связанного с С: 7 *nyuukoku* = въезд, 5 *chiryoo* = лечение, 3 *shuzai* = съёмки, 2 *chakuriku* = посадка, свойства, которое хотят придать, вещи которую хотят вручить. В экзистенциальном значении как дополнение встречается П, чьё присутствие нежелательно для С: 4 *watashi* = я, *daisahsha* = третьи лица, *hansen-byoo-kanja* = больные проказой.

Возможные речевые стратегии – аргументация, подаваемая (в отличие от *kotowaru*) весьма прямо, например, потенциалисом или другими фактами, против которых трудно возразить; «откровенные» комитативы («не Р») и экспрессивы; контрдиректив принимает форму запрета. В неформальном общении это жёсткое впечатление частично сглаживается введением коммуникативной частицы *yo*. Неудивительно, что такой отказ воспринимается как не слишком красивое действие: *まるで小学校の悪ガキのように拒否する。// Отказался прямо как невоспитанный школьник* (Х. Хибино «Бангкокская ловушка» 1993) [4]. Ср. набор модифицирующих наречий: 7 *kotogotoku* = напроочь, 6 *hageshiku* = резко, 2 *kataku* = категорически (усилитель перформатива), *nibemonaku* = холодно, *kitsuku* = ехидно, *karuku* = легко. Свободный от этикетной «нагрузки», данный ИГ обслуживает и более сложные смысловые построения, когда отказ бывает *bubunteki* = частичным, *ishikiteki* = сознательным, *tetteiteki* = последовательным (примеров с *kotowaru* нет).

Более жёстким – за счёт второго элемента 絶 «перерезать», «совершенно» – становится отказ в *kyozetsu-suru*, на который приходится (но не охватывает целиком его значения) и тип ситуации, описываемый рус. *отвергать, отторжение*, см. 拒絶反応 = реакция отторжения. Часто Р связана не с текущей коммуникацией, а с постоянными мировоззренческими установками, при смазанной «предыстории» отказа, связанной с персонификацией П: 4 *kirisutokuyoo* = христианство, *boogyoku* = насилие. Впрочем, наблюдаем и Р как свои и совместные действия С (в ответ на просьбу, предложение): 9 *teiketsu* = заключение, 5 *shiharai* = платёж, 3 *torihiki* = сделка, *tooroku* = регистрация. Отказ в данном случае более обдуманый и весомый, чем при *kyohi-suru*. Из речевых стратегий преобладают эксплицитные формулы отказа *kekko*, *chigau*, в т. ч. заимствование *noo*, прямые утверждения о положении дел. Выражение настолько сильное, что модификаторов почти нет.

Ситуационно обусловлено употребление ИГ *kyakka-suru*: П подчинён С, как властной инстанции, круг речевых действий первого

ограничен различными просьбами и запросами. Так обозначается отклонение иска, ходатайства и т.п. судом. Показателен пример, где данный ИГ объединён антонимическими отношениями с *mitomeru*: *どの案を認め、どれを却下するかを決定した //...решали, какой проект принять, а какой отклонить* (Д. Морис, перевод Т. Кондо «Овальный кабинет», 1997) [4]. Модификаторы – 2 *nibemonaku* = без любезностей, 3 *kotogotoku* = полностью.

Сходное значение проявляет *shirizokeru*. Правда, в качестве дополнения мы уже не видим Р как обозначение желаемого положения дел, а в сочетании с дополнением, указывающим на П, глагол выходит за рамки иллокутивного значения и означает «прогнать» (просителя, носителя определённой установки). Данный ИГ, видимо, «запасной» для случаев, когда не выполняется требование формальности ситуации общения: *イエスは母の叱責を退け...// Иисус отверг укоры Марии* (Ю. Петерсон, перевод А. Синохары «Роса юности», 2005) [4].

Главная черта ещё одного ИГ японского происхождения *hanetsukeru* – сема образа действия «отказаться как от чего-то не стоящего, отмахнуться», исключающая перформативное употребление. Объект отказа – РА критики или требований, появляется в той же позиции прямого дополнения и П. Такое речевое действие также производится *nibemonaku* = без любезностей (4 случая).

Интеллектуальное, идейное несогласие передаёт глагол *hantai-suru*. Косвенным дополнением могут быть П (3 *seiken* = правительство), Р как желаемое состояние/ действие (17 *sensoo* = война, 10 *seisaku* = политика, 6 *min'eika* = приватизация, 5 *kekkon* = брак, 4 *kaikaku* = реформа) или выражающий его медиум (9 *hoou* = законопроект, 8 *keikaku* = план). Модификация обрисовывает решительность речевого действия: 72 *tsuyoku* = категорически (в т.ч. в перформативе), 16 *kyookoo-ni* = твёрдо, 13 *hageshiku* = резко, 6 *mooretsu-ni* = ожесточённо, 5 *tetteiteki-ni* = последовательно.

Отрицание содержания Р называет ИГ *hitei-suru*. Р представляет собой произошедшее или желаемое (П) событие, название предмета в экзистенциальном смысле: 15 *sonzai* = существование, 13 *kanoosei* = возможность, 7 *kotoba* = слова, *jijitsu* = факты, 4 *kenri* = право, ...*shugi* = принцип. Речевые стратегии при отрицании – «не Р» (в т.ч. в предположительной модальности), наводящий вопрос (с этой же презумпцией). Неформальные ситуации общения допускают коммуникативные частицы *yo*, *wa*.

ИГ возможно скалировать (интенсификация): 33 *zementeki-ni* = полностью, 32 *kanzen-ni* = всецело, как физическое действие воспринимается моментно: 13 *sokuza-ni* = тут же (невозможно для *kyakka-suru*, *hanekaesu*), приемлет качественную модификацию: 20 *tsuyoku* = решительно, 9 *teikaku-ni* = ясно.

Проведённый анализ позволяет говорить об организации семантического поля глаголов (не)согласия в японском языке на основе нескольких признаков: содержания и модальности обсуждаемой пропозиции, статусных отношений между пропонентом и субъектом согласия, степени формализованности коммуникативной ситуации. Важным отличием от аналогичного смыслового поля в русском языке является чёткое разделение иллокуции и внутреннего убеждения говорящего (*motomeru-ukeireru*, *sansei-sandoo*, *kyohi-kyozetsu*). Речевое поведение несогласного показывает гораздо большее разнообразие, особенно в аргументации, которая, в отличие от деинтенсифицирующей роли в ситуации согласия, сильно подкрепляет иллокутивную силу речения.

Список литературы

1. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкиис Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Т.5. – М., 1970. С. 33–44
2. Чиронов С. В. Фреймовый анализ иллокутивной семантики наречия (по данным корпуса японского языка) // С. В. Чиронов. Наука, образование, общество: актуальные вопросы и перспективы развития. Сб. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., ч. I 30 сентября 2015 г. – М.: АР-Консалт, 2015 С. 159–169.
3. Wierzbicka A. English speech act verbs: a semantic dictionary. Sydney, Academic Press, 1987. – 397 p.
4. 現代日本語書き言葉平均コーパス KOTONOHA (Взвешенный корпус современного литературного японского языка) [Электронный ресурс] URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения 29.12.2015).

Е. О. Шаповалова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОРСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРЕССЫ)

SPECIFICS OF USE OF AUTHOR'S TRANSFORMATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE RUSSIAN AND ITALIAN PRESS

В статье рассматривается специфика использования авторских преобразований фразеологизмов, встречающихся в российской и итальянской прессе. Сопоставляются виды используемых трансформаций, основные цели их применения и воздействие на читателя. Делаются выводы о том, являются ли фразеологические трансформации отличительной чертой публицистического стиля и почему.

The article considers specifics of use of author's transformations of phraseological units in Russian and Italian press. Types of the used transformations, main objectives of their application and impact on the reader are compared. Conclusions are drawn whether phraseological transformations are a distinctive feature of publicistic style and why.

Ключевые слова: фразеологические трансформации; публицистический стиль; фразеология; фразеологизм; стилистический эффект

Keywords: phraseological transformations; publicistic style; phraseology; phraseological unit; stylistic effect.

В настоящей статье мы попытаемся выявить специфику использования авторских преобразований во фразеологизмах (на материале итальянской и российской прессы). Основная цель данной статьи – рассмотрение возможных трансформаций во фразеологизмах и их функционирования в текстах итальянской и российской прессы. Для исследования использовались статьи из ведущих итальянских и российских газет, а именно: *La Repubblica*, *Corriere della Sera*, *Il Quotidiano*, *Коммерсант*, *Московский Комсомолец*, *Известия* и др.

Известно, что для публицистического стиля характерно наличие фразеологических оборотов, пословиц, поговорок и крылатых выражений, которые позволяют реализовывать конструктивно-стилевые особенности газетной речи, а также делают её экспрессивной и эмоционально насыщенной. Общеизвестно, что язык является открытой и динамичной системой, однако, несмотря на постоянное развитие и совершенствование языка, невозможно, чтобы каждый день появлялись новые лексические единицы. Таким образом, появляется необходимость в трансформациях уже существующих в языке лексических единиц, в первую очередь нас интересуют фразеологические единицы.

Для публицистов фразеологизмы являются настоящим богатством национального языка, безграничной возможностью речевой экспрессии. Однако фразеологизмы в первоначальной форме могут обладать уже стёртой экспрессией. Чтобы оживить поблекший образ, журналисты трансформируют устоявшиеся фразеологизмы. С целью повышения оказываемого на читателя воздействия, в газетном языке используются как изначальные варианты устойчивых сочетаний, так и их трансформации, с новым значением, структурой, с иным образом.

Вопросом трансформации фразеологизмов занимались исследователи фразеологии: В. В. Горлов, Т. С. Гусейнова, Н. М. Шанский и др. Сравнивая классификации различных авторов, можно сделать вывод, что лингвисты не имеют единой точки зрения на виды трансформаций фразеологических единиц. Однако нами было отмечено, что все авторы сходятся в том, что фразеологическая трансформация представляет собой любое окказиональное изменение в структуре или значении фразеологизма, которое позволяет сохранить узнаваемость фразеологической единицы.

Мы обобщили классификации названных выше лингвистов, выделили 4 общие группы,

которыми и будем пользоваться в исследовании:

- 1) семантические трансформации;
- 2) лексические трансформации;
- 3) синтаксические трансформации;
- 4) морфологические трансформации.

Под трансформацией фразеологической единицы (далее – ФЕ) традиционно понимается «любое (фонетическое, лексическое, синтаксическое и др.) отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе» [3. С. 142]. Трансформацией ФЕ может быть также «всякое импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [3. С. 143].

Трансформации ФЕ помогают достичь желаемого семантического и стилистического эффекта.

Особенно часто к трансформациям ФЕ прибегают в газетных статьях, чаще всего – в заголовках. Публицистический стиль чрезвычайно восприимчив ко всему новому, что появляется в языке и фиксирует все изменения. Как правило, журналисты предпочитают в заголовках своих статей вставлять именно трансформированные ФЕ.

Ниже мы рассмотрим, каким именно трансформациям подвергаются устойчивые выражения.

Среди синтаксических трансформаций встречаются редукция и добавление компонентов фразеологизма, изменение коммуникативного типа предложения, контаминация и др.

Например: «*A и Б сидели на горбе*» [Московский Комсомолец, URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/04/02/138616-a-i-b-sideli-na-gorbe.html>] – соединены два устойчивых выражения «*A и Б сидели на трубе*» и «*сидеть на горбе*», что позволяет достичь комического эффекта.

FAI vende la pelle dell'Orso? [Villa Dei Vescovi, URL: http://www.villadeivescovi.net/FAI_pubblicita.htm] (досл. *Итальянский фонд защиты окружающей среды продает шкуру медведя?*) (ФЕ: *Vendere la pelle dell'orso prima che sia morto* – продавать шкуру неубитого медведя). В данном примере появляется новая, незавершённая, открытая конструкция. Автор использует данный вид трансформации в заголовке статьи, чтобы заголовок бросился в глаза, быстрее запомнился. Более того, в самой статье речь идёт о защите окружающей среды, что создаёт противоречивый характер заголовка и привлекает внимание читателя, побуждает к прочтению самой статьи.

Лексическая трансформация выступает как форма языковой игры, создавая комический эффект. Лексическая трансформация предполагает замену одного или нескольких компонентов фразеологизма. Приведём некоторые примеры:

Occhio per occhio, dente per dente. Dente per dente, occhio vincente [Oggi Treviso, URL: <http://www.oggitreviso.it/cane-abbaia-«ammazzo-lui-anche-voi»-101341>] досл. Глаз за глаз, зуб за зуб. Зуб за зуб – выиграл глаз (ФЕ: *Occhio per occhio, dente per dente*).

Can che abbaia non dorme [Il Fatto Quotidiano, URL: <http://www.ilfattoquotidiano.it/2013/11/22/animali-non-baciare-il-can-che-dorme-regole-per-non-farsi-mordere/787417/>] досл. лающая собака не спит. (ФЕ: *Can che abbaia non morde*).

«ВВП посчитают по осени» [Коммерсант, URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2198908>] (преобразование фразеологического выражения «цыпят по осени считают»).

При морфологической трансформации могут быть изменены формы степеней сравнения прилагательных, временные формы глаголов, другие морфологические изменения.

Приведём примеры: *Bisogna aprire gli armadi con gli scheletri* [La Repubblica Firenze, URL: http://firenze.repubblica.it/cronaca/2015/04/14/news/strage_rapido_904_il_pm_chiede_l_ergastolo_per_riina-111918363/] досл. Нужно открыть шкафы со скелетами, ФЕ: *Avere uno scheletro nell'armadio*.

Non hanno fatto i conti con l'oste [La Nuova Ferrara, URL: <http://lanuovaferrara.gelocal.it/ferrara/cronaca/2015/02/28/news/le-poste-hanno-fatto-i-conti-senza-l-oste-1.10956146>] досл. не рассчитались с хозяином, ФЕ: *Fare i conti senza l'oste*, т.е. *рассчитаться без хозяина*; ср.: *без меня меня женили*.

Приведём также пример из российской прессы: *Баба с возу – коням легче* [Коммерсант, URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2703494>] (от ФЕ *Баба с возу – кобыле легче*).

Морфологические трансформации предусматривают изменение только рода или числа одного из компонентов и, таким образом, оставляют фразеологизм практически неизменным. Такие трансформации, на наш взгляд, являются нецелесообразными при преобразовании фразеологизма с целью придания дополнительной экспрессии статье.

Семантические трансформации предусматривают сохранение лексико-грамматической структуры крылатого выражения при изменении его образа. В этом случае может быть

создан фразеологический каламбур с обыгрыванием переносного значения крылатого выражения и его прямого значения (которое часто является прототипной ситуацией создания устойчивого выражения). Некоторые исследователи называют такой этимологический прототип омонимом фразеологизма.

Рассмотрим такой пример: «Зам. председателя правления... обратился со слёзной просьбой в вышестоящую контору: дайте указание..., чтобы 4 вагона водки помогли молодой базе стать на ноги... Но банк оснований для исключения не разыскал, справедливо полагая, что с помощью водки не становятся на ноги..., а скорее, валяются с ног» [Известия, URL: <http://izvestia.ru/news/272287>]. В данном случае автор использует два словосочетания – фразеологическое *стать на ноги* и свободное *не становятся на ноги* (прямое значение этого сочетания подчёркивается его антонимом – *валяются с ног*).

Рассмотренный вид авторского преобразования называется полным совмещением, целью которого является обыгрывание в контексте обоих значений устойчивого словосочетания – и переносного, и прямого.

Приведём пример из заголовка итальянской прессы: «*La mia vita a far correre il Cavallino*» [Gazzetta di Modena, URL: <http://gazzettadimodena.gelocal.it/modena/cronaca/2012/03/29/news/forghieri-la-mia-vita-a-far-correre-il-cavallino-1.3746737>]. Здесь совмещаются два семантических плана итальянского выражения «*Correre la cavallina*». Актуализируется как фразеологическое значение фразеологизма «вести беспорядочный образ жизни, веселиться», так и прямое значение фразеологизма: «существование Каваллино (журнал) – мой смысл жизни», пишет технический директор журнала о Феррари.

Таким образом, итальянская и российская периодика характеризуется многочисленными общими чертами, такими как одинаковые типы трансформаций в статьях, сфера их использования и назначение. Трансформация обеспечивает органичное включение ФЕ в контекст в соответствии с замыслом автора. По нашему мнению, использование данных приёмов является отличительной чертой публицистического стиля в целом, а также своеобразной визитной карточкой современной российской и итальянской прессы.

Итальянские и российские журналисты используют трансформации в текстах периодических изданий для того, чтобы придать этим

текстам экспрессивность и оказать определённое эмоциональное воздействие на читателя, воскресив возможно уже не очень оригинальный образ исходной ФЕ. Это придаёт статьям метафоричность, особую выразительность, необычайную яркость, неповторимое своеобразие.

Итальянские и российские трансформации имеют задачу целенаправленного воздействия на реципиента и обычно включают эмотивный, экспрессивный, оценочный и стилистический компоненты. Для итальянской и российской прессы характерны одни и те же типы трансформаций, т.е. можно говорить о единой классификации фразеологических трансформаций, присущих итальянскому и русскому языку (семантическая, синтаксическая, лексическая, морфологическая).

Таким образом, использование авторских фразеологических преобразований в языке современных итальянских и российских СМИ позволяет «дать вторую жизнь» фразеологизмам со стёртой экспрессивностью, создавать новые, запоминающиеся, яркие образы, ис-

пользовать неожиданную языковую игру на страницах печатных изданий, что не может не привлечь внимание читателей и не оказать на них желаемого воздействия.

Список литературы

1. Горлов, В. В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газеты / В. В. Горлов // Русская речь. – 2003. – 235 с.
2. Гусейнова, Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: на материале газет 1998-2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филологических наук / Т. С. Гусейнова // Махачкала. – 2000. – 23 с.
3. Елистратова, Е. Д. Трансформация фразеологических оборотов в средствах массовой информации / Е. Д. Гусейнова // М. – 2013. – 142 с.
4. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: Изд. 6 / Н. М. Шанский // М. – 2012. – 279 с.

В. Г. Шевель

*Таврическая академия
Крымский федеральный университет
(Симферополь, Россия)*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИОЛЕКТА БЬЮТИ-БЛОГЕРОВ КАЛИФОРНИИ

DETERMINATION OF LEXICAL PECULIARITIES IN THE SOCIAL DIALECT OF THE BEAUTY-BLOGGERS OF CALIFORNIA

Данная статья посвящена рассмотрению основных понятий социальной диалектологии, описанию социолекта бьюти-блогеров в рамках понятийного аппарата социолингвистики, а также определению лексических основ данного социолекта. Немаловажной целью тезисов является определение понятия «бьюти-блогеры».

The given article is devoted to the main notions of social dialectology as well as to the social dialect of beauty-bloggers and its lexical peculiarities within the limits of sociolinguistic conceptual apparatus. The matter of special concern is defining of beauty-bloggers interpretation.

Ключевые слова: социолингвистика, социальный диалект, социальная стратификация, социальная группа, «бьюти-блогеры».

Keywords: sociolinguistics, social dialect, social group, social stratification, «beauty-bloggers».

Социальная диалектология, являясь одним из актуальных и перспективных направлений современного языкознания является предметом особого интереса лингвистов. Несмотря на значительно укоренившуюся вариативность в трактовках термина социолект, А. Д. Петренко справедливо отмечает, что это языковой вариант, типичный для определенной социальной группы носителей языка. В рамках конкретной социально-речевой общности он представляет собой некодифицированную норму языкового общения, реализуемую в разнообразных коммуникативных ситуациях коллективом говорящих, объединенных совокупностью общих социальных признаков [1. С. 35–36].

В коллективной монографии «Социальные аспекты языковой вариативности», К. А. Мележик, разделяя научные взгляды А. Д. Петренко., М. Л. Бакалинского., Е. Н. Гуц., В. С. Елистратова., В. И. Карасика., Е. А. Устинович., Е. А. Ярмаховой, резюмирует, что социальный диалект, будучи ключевым понятием социолектологии, необходимо содержит понятие социального типа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данному коллективу. С другой стороны, социолект включает в себя еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированную рядом факторов, имеющих не только социальный, но и психологический, и биологический характер [2. С. 83].

Учитывая характерную специфику данной статьи, целесообразным является использование трактовки Х. Кубчак, которая приводится в работе «Was ist ein Soziolekt?», социолект – языковой вариант, несущий в себе языковые факты групповой принадлежности. Характеризуя ее языковое поведение, социальный диалект обладает присущими ему особенностями, которые находят свое отражение на всех уровнях языковой системы [5. С. 52].

Социальные диалекты являются не только «средствами коммуникации», но и выполняют функцию «средств самоидентификации» [4. С. 67].

В контексте понятия «диалект» стоит вспомнить также интердиалект, являющийся «языковой вариацией, которая используется представителями одной и той же диалектной группы в процессе коммуникации» [3. С. 263].

Начиная описание нашей социальной группы, необходимо отметить, что в определении понятия социальная группа аналогично не существует единства мнений. В качестве рабочей трактовки была выделена дефиниция С. Давы-

дова, социальная группа – это совокупность людей, имеющих общие социальные признаки, выполняющих общественно необходимую функцию в общей структуре общественного разделения труда и деятельности [2. С. 5], таким образом, данный социолект используется, как непосредственно бьюти-блогерами, так и их подписчиками (followers).

Продолжая разграничение основных понятий исследования, необходимо определить формулировку термина «бьюти-блогеры». Нами предлагается следующая: «Бьюти-блогеры» – активные пользователи интернет-пространства записывающие видео, придерживаясь выбранной специфики в области красоты, с целью последующего распространения на своем авторском бьюти канале.

Цель данной статьи заключается в определении как смысловых, так и языковых основ социолекта бьюти-блогеров, в частности первоначального направления его некоторых лексических особенностей. Достижение поставленной цели предполагало решение следующих **задач**:

- рассмотреть понятия социолект, социальная группа, «бьюти-блогеры»;
- определить наличие лексико-семантических групп.

Методика исследования. Выводы и предварительные результаты исследования были получены путем использования таких методов социолингвистического анализа: индуктивно-дедуктивного метода, метода обоснованной теории и метода индукции.

Прогрессивная тенденция к распространению данного социального диалекта обусловлена ничем иным как реалиями современного мира, а именно познанием новой информации, как результата научного поиска академического сообщества, так и развлекательного характера посредством онлайн платформ.

Социолект бьюти-блогеров Калифорнии исследуется на материале записей подготовленной речи следующих влогеров видеохостинга YouTube: Lustre Lux, Carly Cristman, Makeup By Eman, Hollyannaeree, Wendy's Lookbook, Maddi Bragg, Miss Jen Fabulous, Lindsey Hughes, Claire Marshall, Lauren Elizabeth, Makeup Geek, That's Heart, Dulce Candy, Andreas Choice, Ingrid Nilsen, Make up by Mandy24, Mel Rose, Sarah Belle, RachhLoves, ROSEBUD, Alexa Losey, MakeupByAlli, MissJessicaHarlow, SecretLifeOfaBioNerd, emilynoel83, Megan Parken, Cassandra Bankson, Carli Bybel, MyLifeAsEva, Niki and Gabi.

Результаты. В подавляющем количестве, рассматриваются видео, выдержанные в рамках определенной тематики: Tutorials (Make up tutorials, Hair tutorials), GRWM (Get ready with me), Monthly favourites and empties, также вариация Monthly hits and misses, First Impression Reviews plus Try On, Beauty Vlog, Look book, Nail art, Q and A (Questions and answers), TAG videos, Beauty bites, Black Friday haul, Greatest hits, Hauls and Reviews, Health and lifestyle, Travel, OOTW (out of this world), DIY (do it yourself), OOTD (Outfit of the Day), Day in my life, Vlogmas (Christmas vlogs), Jennglebells (Jenn's jingle bells), Tours, What's in my, Fashion+Style, Celebrity Makeup looks, Get Inspired, Pairings and Fashion Videos.

В качестве социолингвистических параметров речи бьюти-блогеров выступают локальная детерминанта (Калифорния) и вид профессиональной деятельности (блогинг). Объединенные данной стратегией и осуществляя свою деятельность в рамках определенного блогосоциума, «бьюти» видео блогеры, как и любые другие носители языка повсеместно используют терминологию присущую их роду деятельности: Vlog, TAG, FAQ (Frequently Asked Questions), Hair (nails, make-up) tutorials и т.д. Вступая в определенный диалог, в том числе виртуальный, каждый его участник преследует различные цели, но завершающей целью общения как внутри «бьюти» блогосферы, так и вне ее, является осуществление успешной двухсторонней коммуникации, используя социолингвистические языковые средства, что подразумевает получение ответной реакции, находящей отражение в новых комментариях, «лайках» и подписчиках.

На современном этапе развития языка, влияние многочисленных факторов на лексический пласт языка становится более проступающим. Языковые особенности речи бьюти-блогеров находятся в прямо пропорциональной зависимости от среды его функционирования. Традиционно, выделяют социальные, географические, экономические факторы оказывающие влияние на языковые изменения, однако невозможно сказать, что оно осуществляется однообразно, именно лексический уровень языка, на наш взгляд является наиболее подверженным трансформациям.

Начальный этап анализа фактического материала позволяет дифференцировать наиболее количественные лексико-семантические группы, которые определяют: советы по стилю, уходу за собой, обзоры косметики, уроки ма-

кияжа, описание опыта использования эстетической косметологии, дизайн маникюра, уход за волосами, советы по правильному питанию.

Как правило, информационный контент сайтов бьюти-блогеров отражает сложную и динамичную картину функционирования концепта «красота» в XXI веке, мобильность и инновационность становятся ведущими характеристиками, как в обыденной жизни, так и в языковой среде.

Возвращаясь к описанию семасиологического аспекта настоящего социолекта, необходимо отметить, что данные языковые единицы являются часто употребляемыми представителями «бьюти» блогинга Калифорнии и отражают ежедневную и естественную языковую реальность представителей данной деятельности.

Неоспоримым фактом языкового континума Калифорнии является именно социолект бьюти-блогеров, лексические группы которого включают в себя советы по стилю (*outfit, blazer, «vogue» tee, high wasted shorts, intyce boots, sunglasses, straw fedora, rocco bag, butterfly scarf, ripped jeans, print cuff, mini mac, chantal bloom, quilted bag, plaid folded boots, cropped denim, studded booties, beanie, loose sweater, tan ankle booties, model jacket, slip-ons, vintage look, wrapped-up, vest, liquid leggings, high top converse*), уходу за собой, обзоры косметики (*highlighter, undertone, shimmer pallet, affordable, wrinkle, description box, neck-lifting creams, Mac saddle, self-tanner*), уроки макияжа (*face bar, lip brush, primer, neutral shadows, liner, falsies, HD foundation, concealer, blend, to fill in eyebrows, volumize mascara, blush*), описание опыта использования эстетической косметологии (*to perform the beauty services, mesotherapy, lip fillers*), дизайн маникюра (*nail tutorial, an easy technique, straw, nail glue*), уход за волосами (*bun, undone, jaw clips, curling wand, barrel, blower, straightner, braids, baby hairs, half up twist, must try, textured curls, curling wand, textured pigtails, top knot, the section of hair, hair spray*), советы по правильному питанию («Whole Foods», *frozen veggies, generic/store brand, to buy in bulk, tap water, grocery list, calorie and nutrient dense food, nut butter, whole grain crackers, brussel sprouts, brown rice cakes, baby carrots, cale, liquid egg whites, grape tomatoes, bell pepper*).

Неопровержимый факт заключается в том, что каждое ЛСП имеет сложную внутреннюю структуру: в их составе меньшие лексико-семантические парадигмы объединяются на основании общности семантики и противопо-

ставляются по многочисленным дифференциальным признакам как лингвистического, так и экстралингвистического характера [3. С. 302].

В большинстве своем представленные ЛСП отражают и детально характеризуют тенденции и веяния современного, динамично развивающегося мира, представители «бьюти» блогосферы на данном временном этапе представляют собой идеальный языковой индикатор, посредством которого они передают вербальные сообщения своим «фолловерам».

Выводы: 21-ое столетие характеризуется значительными изменениями, как социальной сферы, так и сферы моды и эстетической космологии, что в свою очередь вызывает изменения языковые. В рамках каждой области деятельности прослеживается собственная, определенная языковая специфика.

В настоящее время, на развитие языка оказывают воздействие многочисленные факторы, в том числе внешние и внутренние. Внешние факторы языковых изменений воздействует опосредованно, путем изменения социального субстрата языка, вследствие чего происходят и языковые, внутренние же изменения обусловлены непосредственно внутриязыковыми процессами, которые определяются взаимодействием элементов языковой системы [6. С. 37]. Изучение языковой вариативности на материале различных языков, проблем взаимосвязи языковых и социальных структур, социальная дифференциация языка, а также социальная обусловленность развития языка, в том числе английского, становится все более актуальным по ряду причин [1. С. 49].

Социолект бьюти-блогеров – неоспоримый факт языкового континуума. Бьюти-блогеры, в свою очередь, являются активными участниками виртуальной массовой коммуникации. Данный коммуникативный акт не представляется возможным охарактеризовать как отличающийся особой сложностью. Как правило, в контексте видео блогосферы основное значение имеет передача информации, эффективность которой оценивается показателем ответной реакции. Рассмотрение вопросов языковой ситуации, социальной стратификации и функцио-

нирования национальных вариантов представляет значительный интерес для теоретической и прикладной лингвистики. До настоящего времени не было осуществлено попыток определения и описания полного корпуса языковых переменных (морфосинтактических, лексико-семантических и фонетических) и особенностей речевого поведения бьюти-блогеров Калифорнии. Фактически, звучащей речи членов данной социальной группы внимание не уделялось, в связи с чем представляется перспективным проведение комплексного анализа.

Список литературы

1. Петренко, А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – К. : Рідна мова. – 1998. – С. 255.
2. Петренко, А. Д. Социальные аспекты языковой вариативности: [Монография] / [А. Д. Петренко, К. А. Мележик, Д. А. Петренко, Т. В. Бридко, Д. М. Храбскова]. – Саки // Издательство ПП «Предприятие Феникс». – 2013. – С. 276.
3. Петренко, А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры / А. Д. Петренко, М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, К. А. Мележик, Т. В. Бридко, А. В. Пономарева, К. Г. Иштоян // Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – 2014. – С. 263–302.
4. Dingeldein, H. J. Dialekt als «Stigma», Dialekt als «Waffe». Zu einigen gesellschaftlichen Aspekten und zur Zukunft des Dialektsprechens / H. J. Dingeldein // Hessische Blätter für Volks- und Kulturforschung. – Marburg: Jonas Verlag. – 1977. – Bd. 32. Kulturforschung. Neue Materialien und Berichte. – S. 63-70.
5. Kubczak, H. Was ist ein Soziolekt? / H. Kubczak. – Westhofen, Germany. – 1979. – S. 5.
6. Williams, A. Dialect levelling: change and continuity in Milton, Keynes, Reading and Hull // A. Williams, P. Kerswill, P. Foulkes, G. Docherty // Urban Voices : Accent Studies in the British Isles. – London : Arnold. – 1999. – P. 141–162.

М. А. Шевчук-Черногородова*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)***ЦВЕТ В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА ФРАНЦУЗСКОГО
И РУССКОГО НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)****COLOUR IN LANGUAGE IMAGES OF THE WORLD OF THE FRENCH
AND RUSSIAN PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF PHRASEOLOGY)**

Статья посвящена исследованию эквивалентных устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения в русском и французском языках. Выделяются и описываются такие группы, как полные и частичные эквиваленты, полные и частичные аналоги, а также анализируется соответствие/несоответствие компонентов цветообозначения в микросистемах этих неблизкородственных языков. Описывается влияние экстралингвистических факторов на межъязыковую фразеологическую эквивалентность.

The article is devoted to the research of equivalent firm units with the colour component in the Russian and French languages. Such groups as full and partial equivalents, full and partial analogs have been described and the compliance/discrepancy of colour components in microsystems of these languages has been analyzed. The influence of extralinguistic factors on interlingual phraseological equivalency has been described.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, цвет, компонент, эквивалент, аналог.

Keywords: firm units, colour, component, equivalent, analog.

Исследование процесса формирования цветовых понятий и отражение этих перцептивно-когнитивных образов в языке давно привлекают внимание ученых. Наивная картина мира цвета отражается в языке как часть картины мира в целом и отлична у разных народов. Подобные различия обусловлены особенностями культуры и традиций, сложившимися в определенных исторических и географических условиях. «Статус каждого цвета в отдельности, его позитивные и негативные коннотации тесно связаны с этническим цветовым менталитетом. Цветовосприятие и цветопредставление включают все основные области жизнедеятельности этноса» [3. С. 110].

М. А. Бородин и В. Г. Гак, изучая цветообозначения французского языка, утверждают, что светоразличительная функция является первичной по отношению к цветоразличительной [1. С. 134]. Например, заимствованное из германских языков цветообозначение *blanc* очень долго выступало в значении «блестящий», когда оно относилось к описанию металлических предметов. «Наличие во всех языках названий для белого и черного цвета справедливо ставится в связь с тем, что все народы наблюдают смену дня и ночи, причем

дневной свет воспринимается как белый» [6. С. 48].

Благодаря культурному развитию человеку присуща способность видеть в любом явлении символ, а значит, цвета также обладают символической потенцией, которая может варьироваться в различных культурах.

Все это отражается в языке, в речи человека. Эти феномены зафиксированы в коллективном сознании в форме различных устойчивых сочетаний с компонентами цветообозначения, например, *черные мысли, черная меланхолия, cultiver la petite fleur bleue, humeurs noires, bile noire*.

Особенности воздействия цвета на человека, как и его символика, влияют на полисемию прилагательных-цветообозначений. Их семантика редко исчерпывается одним значением. Например, самые частотные прилагательные *белый, черный, blanc, noir* – самые многозначные. Колорит *черный* может указывать на траур, горе, плохое настроение, характеризовать незаконные, неофициальные операции, действия, запрещенные законом, в суевериях обозначать магическую силу и т.д. Для русского и французского языков характерны похожая оценочность и ментальные универсалии, воз-

никающие вследствие базовых метафор и оппозиций (верх – хорошо, низ – плохо; свет – хорошо, тьма – плохо; оппозиции: свой – чужой, внутренний – внешний, жизнь – смерть). Эти явления отражаются в семантике устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения (далее УСКЦ).

К **полным эквивалентам** относятся УСКЦ русского и французского языков с одинаковым сигнификативно-денотативным и коннотативным макрокомпонентами значения, структурно-грамматической организацией и компонентным составом. Например: **черная магия, magie noire; красное мясо, viande rouge; дать зеленый свет, donner le feu vert; черный рынок, marché noir.**

Большая часть этой группы представлена кальками, например: **ночью все кошки серы, la nuit tous les chats sont gris.** Данные межъязыковые эквиваленты этимологически восходят к французской поговорке, зафиксированной впервые в франкофонных текстах в XV веке.

Интересен факт, что этимологическим источником образования калек, во многих случаях является французский язык: **белая магия ← magie blanche; черная магия ← magie noire; черная комедия ← comédie noire; черный кодекс ← Code Noir** и т.д.

Зафиксированы и заимствования из английского языка, например: **синий чулок, bas bleu**, от английского фразеологизма **a blue stocking**. По одной из самых распространенных версий голландский адмирал Боскавен назвал «Обществом синих чулков» один из лондонских литературных салонов середины XVIII в., одной из наиболее восторженных участниц которого была его жена. А назван был он именно так, поскольку известный в то время ученый Стиллингфлит появлялся в этом салоне в синих чулках.

Межъязыковые эквиваленты **голубая кровь, sang bleu** этимологически восходят к устойчивому сочетанию из испанского языка **sangre azul**. Обычно считается, что люди аристократического происхождения обладают светлым типом кожи и их вены имеют голубоватый цвет, чего не наблюдается у людей со смуглой кожей. Однако, это связано с тем, что в начале XVIII века так себя называли аристократические семьи испанской провинции Кастилии, гордившиеся тем, что их предки не роднились с маврами и другими смуглокожими народами. Позже появилось заимствование из испанского во французском языке **sang bleu**, а затем выражение **голубая кровь** закрепилось и в русском.

Сложность представляет определение источника межъязыковых соответствий в УС **белые ночи, nuit blanche** – астрономический феномен, когда вся ночь состоит лишь из сумерек. Наиболее известным российским городом, где наблюдаются белые ночи, является Санкт-Петербург, здесь белые ночи продолжаются с 11 июня по 2 июля.

Французская единица **nuit blanche** представлена двумя значениями **бессонная ночь** и **полярный день**. Происхождение первого сочетания уходит далеко в средние века: для посвящения в рыцари воин должен был, одевшись в белые одежды, провести целую ночь, лежа на полу часовни расправив руки в форме креста. Впервые в письменных источниках оно зафиксировано в 1774 г. (*«passer une nuit blanche» в письме Mme Du Deffand, Lettre à H. Walpole, t.IV, p. 384 ds Pougens ds Littré*) [6].

Из французского пришло и закрепилось в русском языке УС **синяя птица – oiseau bleu**. Это выражение обязано своим происхождением бельгийскому писателю М. Метерлинку. В пьесе «Синяя птица» (1908) дети бедняка дровосека, пускаются на поиски «синей птицы», но возвращаются в дом без нее: самой синей из всех птиц оказывается скворец, живущий в их избушке. С тех пор **синяя птица** стала символом недостижимого счастья, несбыточной, прекрасной мечты.

По одной из версий благодаря этому произведению М. Метерлинка появились УСКЦ **rêve bleu – голубая мечта**. По другой версии – это заимствование из немецкого языка из романа немецкого писателя Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1797 – 1800): **die blaue Blume – голубой цветок**. Голубой цветок – в данном произведении символ высокой и несбыточной мечты, приснившейся юноше-поэту.

Приведем также пример эквивалентов-библейзов: **белый как снег – blanc comme un neige**. Эти выражения новозаветного происхождения несколько раз упоминаются в «Откровении Иоанна Богослова» в значении чистоты и невинности, которые сравниваются с безупречной чистотой снега. Считается, что это первые упоминания данного УС на иврите.

Число русских УСКЦ, заимствованных из французского языка достаточно велико. Некоторые появились путем калькирования исходных выражений, другие – восходят к латинским прототипам.

Отдельный интерес представляет заимствование **карт бланш** от французского **carte blanche**, в котором сохранены не только вну-

тренная форма, но и план выражения. Это устойчивая единица пришла из французского, где буквально означала «чистый лист». Термин *carte blanche* возможно имел «военные» корни и означал пустой подписанный бланк, предоставляемый победителю побежденным, в который первый мог вписать любые свои условия. Впервые во французской литературе он появился приблизительно в 1707 г. как синоним выражения *lettres de cachet*, обозначающего пустой бланк с подписью, вручаемый лицу, обладающему высоким уровнем доверия. Данное УС является единственным зафиксированным случаем интернационализации в микросистемах УСКЦ, когда оборот полностью сохраняет свою оригинальную звуковую форму.

К **частичным эквивалентам** относятся УСКЦ, имеющие отдельные различия в плане выражения при совпадении сигнификативно-денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения. При этом образность таких единиц может полностью совпадать или частично расходиться. Например: *красный, как рак, rouge comme un homard* – подчеркнуты отличные компоненты сравнения, они относятся к одному классу объектов, несут одинаковую смысловую и коннотативную нагрузку. То же можно отметить про УСКЦ *написать черным по белому, coucher noir sur blanc*.

Устойчивые сочетания *проходить красной нитью, marquer qch au fil rouge (passer comme un fil rouge)* семантически эквиваленты, однако имеют структурно-грамматические и компонентные расхождения (*проходить, marquer qch, passer comme*). Интересно их происхождение: они являются заимствованиями из немецкого языка, в то время как смысл самого выражения относит нас в Англию, где с 1776 г. приказом адмиралтейства было постановлено вплетать во все канаты государственного английского военного флота красную нить. Это был знак того, что и сам канат, и судно – государственные. Невозможно было отрезать от такого каната ни малейшего кусочка, чтобы «канатокража» не была обнаружена, отмотать или выдернуть красную нить можно было, лишь размотав весь канат. Впервые употребил это УСКЦ в переносном значении Й.-В. Гёте в романе «Избирательное сродство» (1809) [2]. Успех романа сделал популярным это выражение, оно стало устойчивым сочетанием и распространилось в другие индоевропейские языки.

В корпусах УСКЦ отражено универсальное представление о белом флаге как символе поражения и просьбы о снисхождении и поща-

де: *поднять белый флаг, arborer (hisser) le drapeaux blanc*. Различия данных коррелятов – в компонентном составе, а именно: глаголы, несущие в данных выражениях одинаковую смысловую нагрузку, отличаются своим словарным значением.

Устойчивое сочетание *шито белыми нитками* – калька с французского *cousu du fil blanc*. Различия заключены в форме числа существительного: в русском выражении – *нитками* – во множественном числе, во французском – *du fil* – в единственном. Например, в немецком языке находим эквивалент, однако в нем отличается компонент цветообозначения – *Das ist mit blauem Zwirn genäht*, дословно «шито голубыми нитками». Действительно, оба колоронима наравне закрепились в составе данных УС, поскольку именно белыми или голубыми нитками портные предварительно намечивают скроенные детали одежды для примерки.

Частичными эквивалентами являются УСКЦ *белая ворона – merle blanc*, так как во французском корреляте вместо лексемы *corbeau ворона*, употреблена лексема *merle – дрозд*. Очевидно, данное выражение заимствовано из латыни; известны слова поэта Ювенала (I – II вв. н.э.): «Раб может выйти в цари, пленники – дожждаться триумфа. Только удачник такой редкостней белой вороны...». Можно отметить, что такая замена во французском УС вполне логична, т.к. белый дрозд – явление не менее редкое, нежели белая ворона.

К группе русско-французских частичных эквивалентов относится весомое количество сравнений: *белый как полотно, blanc comme un linge*; *черный как уголек, noir comme du charbon*; *белый как снег, blanc comme un neige*.

Во французском языке зафиксирована серия УС-синонимов со значением «сильная депрессия, глубокая меланхолия»: *mélancolie noire, chagrin noir, bile noir*. В русском языке находим полный эквивалент первому выражению – *черная меланхолия*. Отметим, что само слово «меланхолия» является устаревшим названием депрессии, происхождение которой древние греки объясняли отравлением «черной желчью» (гр. *melas* черный + *cholē* желчь) [4. С. 302]. Таким образом, в русском и французском выражениях *черная меланхолия, mélancolie noire* дважды присутствует указание на черный цвет, первый раз – эксплицитно, второй раз – имплицитно, в составе компонента «меланхолия». В Древней Греции это выражение употреблялось в значении глубокой депрессии и противопоставлялось в определенной мере

выражению *золотая меланхолия*, которая, согласно Аристотелю, касалась не физического состояния обычных людей, а душевного состояния поэтов.

Таким образом, способы интернационализации УСКЦ можно представить в виде двух групп, характеризующих а) независимое развитие межъязыкового параллелизма УСКЦ и б) лингвомиграционные явления. Под лингвомиграционными явлениями понимаются заимствования в иноязычной форме (например, *карт бляши*) и заимствования в своеязычной форме (межъязыковое опрошение, кальки, библеизмы, мифологизмы, семантические заимствования) [5. С. 25].

Самостоятельное возникновение межъязыкового параллелизма УС может основываться «на одинаковом переосмыслении исходных свободных сочетаний слов и детерминируется в значительной степени действием универсалий, которые в конечном итоге составляют две главные группы: лингвистические универсалии и универсалии человеческого существования» [5. С. 34–35]. Такое переосмысление может происходить по линии отдельного или совокупного метафорического (*дать зеленый свет, donner le feu vert*) или метонимического переноса (*написать черным по белому, coucher noir sur blanc*) и образного сравнения (*черный как уголек, noir comme du charbon*).

Миграционный путь сближения УСКЦ является следствием необходимости называть предметы, явления и процессы действительности, их особенности, установленные иным лингвосоциумом. Кратчайшим путем такого заимствования является семантическое калькирование, т.к. наличие универсальных структурно-грамматических моделей и общих черт лексико-семантической системы облегчает процесс интернационализации (например, калькирование исп. *sangre azul*: *голубая кровь, sang bleu*).

Согласно Э. М. Солодухо, причины возникновения в разных языках случаев межъязыкового параллелизма могут быть следующими:

- ✓ обращение к универсальным явлениям;
- ✓ одинаковость или близость условий проживания народов;
- ✓ языковое сходство и конструктивная близость родственных языков;
- ✓ заимствование как результат культурно-исторического взаимодействия и общности языкового ареала;
- ✓ наличие черт сходства духовной жизни, инвариантность элементов соответствующих форм общественного сознания;

✓ сходство исторического опыта народов.

Таким образом, в основе механизма интернационализации лежат как мыслительные (психологические) универсалии, так и потенциальные языковые (одинаковые схемы вербального выражения в разных языках).

Полные УСКЦ-аналоги при совпадении сигнификативно-денотативного макрокомпонента значения и субъективно-оценочной коннотации могут иметь различия не только в компонентном составе и структурно-грамматической организации, но и образной основе, функционально-стилистической принадлежности, эмотивных семах и коннотации, например: *покраснеть до кончиков ушей, être rouge jusque derrière les oreilles*. Русский и французский корреляты имеют отличия в структурно-грамматической организации устойчивых сочетаний: *être rouge* – *покраснеть*.

УС *доводить до белого каления, chauffer à blanc* имеют близкое значение и созданы на одной образной основе: когда металл нагревают при ковке или плавке, он, в зависимости от температуры, светится сначала красным светом, потом желтым и, наконец, ослепительно белым. При более высокой температуре металл плавится и кипит. По аналогии с этим процессом возникли УСКЦ в значении «разозлить до предела, довести до бешенства». Русское УС самое многочисленное в компонентном плане: *гл. + пр. + прил. + суф.* Французское же выражение имеет следующую структуру: *гл. + пр. + прил.* Семантика каления заложена в самом глаголе *chauffer*, таким образом, можно обойтись без имени существительного.

Часто в таких парах компонент цветообозначения обнаруживается лишь в одном из устойчивых сочетаниях, например: *среди бела дня – en plein jour; по белу свету – de par le monde; бабы сказки – conte bleu; чернильная душа – âme de grate-papier; красное словцо – un bon mot; глуп как сивый мерин – bête comme une oie; слепая ревность – jalousie blanche* и т.д.

У **частичных УСКЦ-аналогов** наблюдаются значительные расхождения не только в компонентном составе, образной основе, структурно-грамматической организации, но и в сигнификативно-денотативном и коннотативном компонентах значения. Например:

до зеленого змия мертвецки до галлюцинаций, нервного расстройства и т.п. (напиваться, быть пьяным), до зеленых чертей до крайней степени опьянения, avoir une ivresse blanche *быть в доску пьяным;*

дела как сажка белая очень плохи, никуда не годятся, *le drapeau noir flotte sur la marmite* над кастрюлькой траурный флаг; дома жрать нечего; дела плохи; положение скверное;

сказка про белого бычка бесконечное повторение одного и того же с самого начала, возвращение к одному и тому же *c'est bonnet blanc et blanc bonnet* это одно и то же; что в лоб, что по лбу, *c'est chou vert et vert chou* (тж. *c'est jus vert ou vert jus*) что в лоб, что по лбу,;

елки зеленые! выражение досады, восхищения, недоумения; *elle est bleue, celle-là!* эка небылица!, турусы на колесах! и т.п.

Подобные расхождения могут иметь различные основания, например, легкость субстантивации французских прилагательных порождает такие расхождения как: *работать как негр* – *bosser comme un noir*.

Изучая эквиваленты и аналоги в микросистемах УСКЦ русского и французского языков, следует обратить особое внимание на. На этой основе было выявлено две группы устойчивых сочетаний:

1) УС, не имеющие компонента цветообозначения в одном из языков;

2) УС, содержащие во всех коррелятах указание на цвет.

К первой группе относятся УСКЦ, в межъязыковых соответствиях которых не фиксируются компоненты цветообозначения. Такие сочетания, например, при переводе теряют сему цвета: русский аналог УС *peindre en jaune* – *наставлиять рога* не имеет элементов, указывающих на цвет.

УСКЦ второй группы, как показывают наблюдения, можно подразделить на следующие подгруппы:

а) УС с полным соответствием семы цвета в другом языке, например: *oiseau bleu* – *синяя птица*. К этой подгруппе относятся все полные эквиваленты и некоторые частичные, а также небольшое количество УСКЦ-аналогов.

б) УС, сохраняющие в своем составе ядерную сему цвета, но имеющие другое добавочное значение, напр.: *houille bleue* – *белый*

уголь, в состав обеих единиц входят колоронимы, однако, компоненты *bleue* (дословно: синий, голубой) и *белый* неидентичны. Т. е. при толковании данных УС привлекается другой цветовой компонент, но с той же ядерной семой. Эти единицы малочисленны. Чаще фиксируются УСКЦ, не содержащие в своем составе компонентов, указывающих на цвет.

Таким образом, лексические расхождения могут быть связаны с неодинаковой продуктивностью компонентов УСКЦ, что объясняется различными факторами: инертностью языковых традиций, различной символикой компонентов, межъязыковыми различиями на уровне лексической синонимии, особым семантическим членением картины мира, экстралингвистическими факторами. Одними из самых распространенных причин структурных расхождений УСКЦ являются различные способы передачи синтаксических отношений.

Список литературы

1. Бородина М. А. К типологии историко-семантических исследований / М. А. Бородина, В. Г. Гак. – Л.: Наука, 1979. – 232 с.
2. Гете И. В. Трактат о цвете / И. В. Гете // Избранные сочинения по естествознанию. – М., 1957. – С. 300–340.
3. Жаркынбекова Ш. К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание / Ш. К. Жаркынбекова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2003. – № 1. – С. 109–116.
4. Словарь иностранных слов / [ред. И. В. Лехин] – М.: Сирин, 1996. – 608 с.
5. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп / Э. М. Солодухо. – М., 2008. – 304 с.
6. Шемякин Ф. Н. Язык и чувственное познание / Ф. Н. Шемякин // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 38–55.
7. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/nuit>

Ю. А. Южакова*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
(Рязань, Россия)*

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ТОЖДЕСТВА В СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

STYLISTIC ASPECTS OF IDENTITIES REPRESENTATION WAYS

В статье рассматриваются различные синтаксические построения, выражающие отношения тождества. Автор анализирует подходы к выделению показателей тождества, основные виды конструкций тождества, специфические стилистические средства и особенности их использования.

The article discusses the various syntactic constructions, expressing the relation of identity. The author analyzes approaches to identification of indicators of identity, the identity of the main types of structures, specific stylistic means and usage.

Ключевые слова: синтаксис, стилистическая окрашенность, категория тождества, показатели тождества.

Keywords: syntax, stylistic coloration, the category of identity, identity indicators.

Тождество – определённый тип мысли, результат сравнения, сопоставления и отождествления объекта с самим собой или различных объектов окружающей действительности. Отождествление относится к числу основных концептов языка и мысли. Как утверждает А. М. Коняшкин, «отождествление и отрицание отождествления помогают отразить и «соединить» действительность, «разделённую в процессе восприятия на составляющие её сущности» [3. С. 148].

Природу тождества как языкового явления формулирует Н. Д. Арутюнова: «Русский язык стремится тем или другим способом формально различать имена, входящие в предложения тождества, обнаружить их коммуникативное неравенство» [2. С. 318]. Речь идет о классических предложениях тождества, наиболее изученных в науке о русском языке. Однако аналогичная задача – различными коммуникативными средствами выразить одно содержание – решается в форме различных синтаксических конструкций. Конструкции тождества в русском языке отмечаются на всех уровнях: на уровне основы предложения – классические предложения тождества и тавтологические предложения, на уровне осложнения простого предложения – однородные члены, осложняющие конструкции, псевдосложное предложение, на уровне сложного предложения – сложносочинённое и сложноподчинённое предложение, сложное синтаксическое целое.

Изучение и описание конструкций тождества, их структурно-семантических особенностей является предметом детального исследования. В специальной литературе средства выражения тождества описаны, однако наметилась тенденция к смешению конструкций тождества и специальных показателей, которые используются для актуализации тождества. Так Н. Д. Арутюнова констатирует: тождество передаётся специальными синтаксическими конструкциями, и дейкисом (местоимениями *тот, тот же самый, этот*), и предикатами (*идентичный, тождественный, один и тот же*) [1. С. 293–294]. И. Б. Шатуновский называет средства выражения тождества: местоимённые (*такой же, так же, тот же*) и лексические (*одинаков, идентичен, эквивалентен, равен* и т. д.) [6. С. 77]. А. М. Коняшкин отмечает, что средствами выражения отождествления являются: конструкция тождества, включающая связки и присвязочные частицы *почти то же самое что, всё равно что, всё одно что*, «местоимённые слова» *тоже, также*, лексическая синонимия и лексический повтор [3. С. 58–62].

Г. Д. Фигуровская к конструкциям тождества относит сочетание определяемого слова и приложения, классические предложения тождества, пояснительные, конкретизирующие и уточняющие конструкции в простых предложениях и сложные предложения с анафорической и местоимённо-соотностельной связью

частей [5. С. 219]. С этим не совсем можно согласиться, так как, во-первых, названы не все конструкции тождества, во-вторых, названные конструкции по-разному выражают тождество и по-разному относятся к семантическому полю тождества: одни из них (предложения тождества) относятся к ядру, другие находятся на периферии семантического поля. Нельзя забывать о том, что «формы тождества и значение тождества асимметричны» [4. С. 5].

Н. Д. Арутюнова отмечает: «Языки обычно располагают достаточно разнообразными лексическими и синтаксическими средствами для сообщения об идентичности предмета, отражающими специфику каждой ситуации» [2. С. 300]. Именно ситуация и контекст, а также используемые лексические и грамматические средства определяют стилистическую принадлежность высказывания.

Рассмотрим основные виды конструкций тождества.

Стилистическую окрашенность классических предложений тождества в наибольшей степени определяет набор лексических средств и используемая связка. Связка *есть* нейтральна, образуемые с ее помощью предложения активно используются как в разговорной речи и отражающей обиходный стиль художественной литературе: *Свидетелем всегда **будет** ночная мгла или, как теперь, угрюмое море* (М. Горький); *Командир наш **был** любитель, это – память про него* (А. Твардовский), так и в книжной речи, преимущественно научной: *Метеориты — железные или каменные тела, падающие на Землю из межпланетного пространства* (БСЭ). С особым коммуникативным заданием используется связка *есть*, выражающая значение именного тождества и придающая книжно-архаичный оттенок высказыванию: *Кутайсов **есть** камердинер и по комнатной близости орден имеет* (Ю. Тынянов); *Французская система **есть** введение в материализм* (М. М. Сперанский). В отдельных случаях возможно употребление устаревшей формы множественного числа *суть* с особой стилистической задачей: *Для меня стало очевидным, что рождение и смерть очень близки, можно сказать – **суть** одно* (И. Любимов, ТВ-программа).

Связки тождества *тождествен, идентичен, одинаков, эквивалентен, равен* и т.п. демонстрируют принадлежность к научному стилю: *Ученый склонен предполагать, что аборигены **представляли собой** некие исполинские сверхорганизмы* (Наука и жизнь 1995). Использо-

вание словосочетания с формально главным словом – существительным с «ослабленным значением» в составе предиката *дело, вещь, штука, явление, человек, народ* и др. снижает стилистическую окраску предложения: *Бал **вещь** хорошая* (А. С. Грибоедов); *Женитьба – **шаг** серьезный* (А. П. Чехов). Тавтологические предложения обычно содержат определенные коннотации, которые создаются под влиянием межсоставного компонента, поэтому допустимы только в разговорной речи: *Вот холера так холера!* (В. Г. Распутин); *Ночь как ночь* (разг.).

В публицистическом стиле частотно использование биноминативных предложений с нулевой формой связки и фразеологических сочетаний в составе предикатов: *Двуязычие – **пробный камень** демократии* (Литературная газета 2011); *Электронная вычислительная техника – наша постоянная **зубная боль*** (Техника молодежи 1997); *«Лебединое озеро» – **визитная карточка** театра* (Огонек 1998).

Предложения тождества часто передают эмоционально-экспрессивную оценку, допускают использование усиливающих экспрессивность изобразительно-выразительных средств языка, таких как градация:

Ты, брат, – это батальон.

Полк. Дивизия... (А. Твардовский);

инверсия: *Курят, едут. Гроб – дорога* (А. Твардовский);

парцелляция: *Был у нас и командир.*

Из бойцов. Мужчина дельный (А. Твардовский);

оксюморон: *Нет, он был воином, хотя и был только поэтом. Он был полководцем* (Ю. Тынянов).

Предложения с обособленными конструкциями или выделительными оборотами чаще всего строятся по фразеомоделям разговорной речи. В данной статье мы не акцентируем внимание на особенностях синтаксического оформления данных конструкций. Приведём лишь в качестве примера использование сегментированного предложения с именительным темой: *Ах, любовь! Она ведь всем знакома, Это чувство знают даже кошки...* (С. Есенин); *Что касается Лосева, то он мог сесть пить чай с уборщицами или плясать на чьей-то свадьбе* (Д. Гранин), а также особые случаи выделения однородных членов предложения при помощи подчинительных союзов: *Но тут, в этой насыщенной «игрушечным делом» атмосфере, меня вдруг охватило какое-то щемящее чувства, не то чтобы грусть, а как бы оторопь* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Так*

уж вы мне позвольте его если не обрадовать, так хоть обнадежить, Анна Петровна (А. Н. Островский).

С целью актуализации определенного члена предложения создаются особые конструкции, по форме напоминающие сложные предложения, но семантически монопредикативные. Это псевдосложные предложения [7. С. 5–11]. Наиболее часто такие конструкции употребляются в обиходном стиле: *Тогда мы если и мечтали о чем-нибудь, то только выспаться. (Прим. В. А. Белошапковой);* и отражающем разговорную речь стиле художественной литературы: *Георгий любит меня, но ему надо еще и «прощать» меня, а я если и виновата перед кем, так перед собой, да и то виниться нет времени и охоты (В. Каверин).* Однако нами отмечены нередкие случаи использования псевдосложных предложений в публицистическом стиле, например: *...Где стараются не появляться полицейские, и если уж и заглядывают сюда, то только вчетвером, держа оружие наготове (Из газеты);* а также в научном стиле: *В сущности нервное возбуждение – это тоже простая реактивность, хотя и на очень специальном и сложном химико-физическом субстрате (Б. Ф. Поршнев).*

Одним из видов осложнения простого предложения является введение в его состав пояснения. Это обозначение одного и того же понятия другими словами. При этом не нарушается интонационная целостность основного предложения. Таким образом, предложения с пояснительными конструкциями являются формой реализации идеального тождества предмета самому себе. Специфическими стилистически окрашенными элементами таких конструкций являются специальные слова, вводящие пояснение: **именно, а именно, то есть, то бишь.** Предложения с элементом **именно** стилистически нейтральны: *В то время, именно год назад, я ещё сотрудничал по журналам (Ф.М. Достоевский);* тот же элемент в сочетании с союзом **а** чаще встречается в книжных стилях, особенно публицистическом: *Эти выводы следует расширить, а именно добавить другие возможные варианты (АиФ 2012).* Союз **то есть** также нейтральный: *Она была воспитана по-старинному, то есть окружена мамушками, нянюшками, подружками и санными девушками (А.С. Пушкин);* его вариант **то бишь** устаревший, он вносит оттенок просторечности в высказывание: *Третьего дня, то бишь на той неделе, сказываю я старосте... (И.С. Тургенев).* Пояснительные члены предложения мо-

гут присоединяться нейтральным союзом **или** (в значении «то есть»), чаще употребляемом в разговорном стиле: *Кругом всего здания идёт обширный каменный балкон, или веранда, где, в бамбуковых креслах, лениво дремлют хозяева казарм (А.И. Гончаров); Это был Александр Петрович, или попросту Саша, приехавший из Петербурга (А.П. Чехов).*

Пояснительные конструкции могут быть необходимой частью высказывания, если трактовке подлежат специальные, терминологические понятия: **Электронные лампы, или, как их правильнее называют, электровакуумные приборы,** изготавливаются разного назначения (ФЭС); или диалектные слова и выражения: *По всей ширине Лены торчали в разных направлениях огромные льдины, или, по-местному, торосья (В. Г. Короленко).*

На уровне сложносочинённого предложения отношения тождества реализуются в отождествительно-соединительных предложениях, акцентируются союзами **тоже, также,** которые всегда находятся перед словом-носителем общности содержания. Стилистически эти конструкции нейтральны, используются как в разговорном и литературно-художественном стиле, так и в публицистическом стиле. Например, *Секунду он молчал, мать смотрела на него тоже молча (А. М. Горький); Несколько мгновений оратор молчал, слушатели тоже не проронили ни слова (ТВ-программа).*

В сложносочинённых предложениях с присоединительными отношениями семантика тождества выражается сочетанием союзов **и... тоже:** *«Не к добру вроде», – подумал он, но, подумав так, не встревожился: небо – оно вон где, оно само по себе, и он сам по себе. И если не к добру, так всем, и немцам тоже (Н. Грибачёв);* или присоединительным союзом **да и:** *Вы разве забыли? Бывшая княжна Засекина, в которую мы все были влюблены, да и вы тоже (И. С. Тургенев).* Данные союзы и создаваемые с их помощью конструкции употребимы в обиходном общении.

Стилистическая окрашенность сложноподчинённых местоимённо-соотносительных предложений зависит не столько от местоимённых компонентов, сколько от необходимого по смыслу члена главного предложения и идущего далее придаточного предложения. В некоторых случаях образуются несвободные конструкции, где главное и придаточное предложение строятся симметрично (грамматический параллелизм): *Каково лето, таково и сено (Посл.); Каков поп, таков и приход*

(Посл.). По модели пословиц создаются разговорные выражения: *Когда сможешь, тогда и приходи (Разг.); Сколько хочешь, столько и возьми (Разг.)*, а также художественные тексты: *Значит, кто прямее, тот и прав (А. Н. Толстой); И кого ни встретит, Всякий долго-долго смотрит вслед (А. Т. Твардовский)*.

Таким образом, конструкции тождества разнообразны по семантике, форме выражения и реализуются во всех стилях и ситуациях общения. Для маркирования этих ситуаций существует набор специальных стилистических средств.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. – 384 с.

3. Коняшкин А. М. Биинфинитивные предложения в русском языке: дис. ... д. филол. наук. М., 2002. – 320 с.

4. Лекант П. А. К вопросу о категории тождества в русском языке // Средства номинации и предикации в русском языке: Межвуз. сб науч. тр. – М. : МПУ, 2001. – С. 3–7.

5. Фигуровская Г. Д. Семантико-синтаксические отношения в конструкциях тождества (проблема разграничения смежных отношений) // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: Межвуз. сб. науч. тр., посвященный 70-летию профессора П. А. Леканта. – М. : МАНПО, 2002. – С. 217–223.

6. Шатуновский И. Б. Семантическая структура предложения, «связка» и нереферентные слова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 76–85.

7. Южакова Ю. А. Псевдосложное предложение в современном русском языке. – Германия: Lambert, 2014. – 172 с.

А. А. Яковлев

*Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)*

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СТУДЕНТА

TOWARDS THE COMPARATIVE STUDY OF THE STUDENT'S LANGUAGE WORLDVIEW

В статье рассматриваются результаты ассоциативного эксперимента в сравнении с данными «Русского ассоциативного словаря». Показана перспективность сопоставительных исследований языковой картины мира студента по разным признакам как «внешнего», так и «внутреннего» характера: сопоставление с результатами других экспериментов или с другими группами испытуемых и сопоставление реакций одного эксперимента по различным признакам содержательного характера. Разностороннее сопоставление реакций позволяет судить о динамике в языковой картине мира студента.

The paper discusses the results of the associative experiment in their comparison with the Russian associative dictionary data. The article shows the importance of comparative studies of the student's worldview on different «internal» and «external» grounds which means comparison on the one hand with some other experiments or participants groups and on the other hand with the same experiment results based on different aspects of reaction received. Miscellaneous comparison reveals the student's worldview dynamics.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, Русский ассоциативный словарь, образ мира студента, значение, смысл.

Keywords: associative experiment, Russian associative dictionary, student's worldview, meaning, sense.

Со времени публикации «Русского ассоциативного словаря» (РАС) прошло немало времени, и логичным было бы ожидать изменения ассоциативного «облика» некоторых слов, особенно это касается тех, которые отражают изменившиеся за эти годы явления окружающего нас мира.

С другой стороны, коль скоро в РАС отражены в основном результаты ассоциативных экспериментов, проводившихся среди студентов, то новое поколение молодых людей, вполне возможно, имеет в их языковом сознании нечто отличное от их более старших товарищей.

Данное исследование проведено на теоретической базе отечественной психолингвистики с признанием того, что слово встроено в динамическую самоорганизующуюся систему ментального лексикона [2], за словом скрывается система общественных значений и личностных смыслов [4. С. 103, 449] – составляющих образа мира, который является отражённой в сознании «моделью» мира, поддающейся сознательной рефлексии [3]. Языковое сознание мы трактуем как составную часть образа мира – ту, которая закрепляется и выражается в языке как системе опор и ориентиров деятельности (не только коммуникативной) человека. В свою очередь, языковая картина мира (далее – ЯКМ) для нас – это конструкт, который отражает языковое сознание лишь частично. Мы трактуем понятие ЯКМ как входящее в более широкий теоретико-методологический контекст, как частный случай понятия «картина мира» (наряду с другими – физическая картина мира, этическая картина мира и т.п.), и соотносящееся в большей степени со знаниями и деятельностью исследователя и выбираемыми им методами исследования. Картина мира (и ЯКМ как её частный случай) является методологической схемой, позволяющей учёному выделять в объекте исследования, для психолингвиста – в сознании индивида, определённое содержание в его определённой форме, интересующей учёного именно с точки зрения выбранной им научной парадигмы и целей исследования. Эта методологическая схема служит своего рода системой координат и даёт исследователю возможность различать общее объективное содержание в индивидуальных (частных) субъективных явлениях, выраженных в речевой деятельности индивида, систематизировать и обобщать их. ЯКМ – это определённого рода комплекс способов и средств анализа и систематизации эмпирически разнородных языковых/речевых «объектов» для выявления их внутренних связей.

Результаты, например, ассоциативного эксперимента могут быть разделены на те или иные группы, исходя из тех или иных критериев, но в действительности в сознании носителя языка реакции на стимулы не распределены однозначно по группам и полям, а потому выявляемые особенности – это особенности конструкта ЯКМ, которые лишь в некоторой степени связаны с особенностями индивидуального языкового сознания (тем более что последнее принципиально динамично в отличие от ЯКМ). Наличие таких особенностей говорит о том, что они имеются в образе мира и языковом сознании задействованных в эксперименте людей и проявляются у кого-то в большей, а у кого-то в меньшей степени (или, скорее, в образе мира и сознании имеется нечто, что мы трактуем как особенности ЯКМ), но работать нам приходится всегда с тем, что мы сами видим в эмпирических данных, а не с тем, что в реальности существует в сознании носителей языка.

Проведённый нами ассоциативный эксперимент ставил перед собой целью сравнение полученных реакций с данными РАС по тем же стимулам. Стимулами были выбраны следующие слова (как это принято в психолингвистических работах, стимулы приводятся прописью, реакции строчными буквами курсивом): НАУКА, УЧЁБА, УНИВЕРСИТЕТ, СТУДЕНТ, РАБОТА, УЧИТЬСЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ЭКЗАМЕН. Выбор именно этих слов в качестве стимулов обусловлен тем, что они, как мы предполагали, занимают одно из центральных мест в сознании студента и могли претерпеть изменения за указанный период времени.

В эксперименте было задействовано 106 испытуемых (далее – Ии.), все они были студентами разных курсов института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск). Стимулы предъявлялись Ии. в указанном порядке (вперемешку со словами иного значения во избежание влияния со стороны реакций на предыдущий стимул) в устной форме с заданием записывать реакции в специальном бланке. В результате было получено 848 реакций, включая «нулевые» – прочерки в бланках.

Первоначально эксперимент имел цель сравнить полученные реакции с реакциями РАС на те же стимулы с последующим анализом их различий, сейчас мы можем несколько расширить цель и выявить в реакциях смысловой компонент, аспект отношения Ии. к скрываю-

щимся за словом-стимулом явлениям, который (аспект) выражается в реакциях.

Реакции, получаемые в ассоциативном эксперименте, в принципе могут быть разделены на любые группы и рубрики, исходя из целей и методологии исследования. Принимая во внимание выраженные выше теоретические положения и цель исследования, мы можем выделить в реакциях на каждый стимул те, которые имеют явно негативную и явно позитивную окраску. Кроме этого можно, как думается, обозначить и объединить реакции, связанные с общим для них смысловым или тематическим центром. Можно назвать такие объединения тематическими группами, и этим наше исследование отличается от многих подобных: мы объединяем реакции не по их виду (синтагматические и парадигматические) и не по типу связи со словом-стимулом (координация, субординация и т.д.; см. [1. С. 141]), а по их отнесённости к некоторой смысловой или тематической группе. Мы понимаем, что такое распределение реакций носит условный характер, и условием здесь является непротиворечивость и последовательность в применении выбранного критерия ко всем реакциям на данный стимул. В нашем случае критерием был явно положительный и явно отрицательный компонент в значении реакций, который показывает отношение Ии. к стоящему за стимулом явлению. Мы понимаем также, что такой подход даёт обобщённое представление о ментальном лексиконе и языковом сознании пред-

ставителей лингвокультуры и это обобщение не может не нивелировать или даже искажать индивидуальные особенности. Но только такое обобщение даёт возможность делать выводы о месте и роли данного слова в целом в языковом сознании «среднестатистического» представителя некоторой лингвокультуры или социальной группы вне строгой зависимости от конкретной ситуации использования этого слова. И наоборот, место и роль слова в языковом сознании, имеющийся в его значении смысловой, эмоциональный компонент определяет отношение «среднестатистического» носителя языка к ситуации использования данного слова, а через понимание этого отношения лингвист может судить об отношении к данному явлению в данной лингвокультуре в общем, не отвлекаясь на частные и субъективные характеристики значения слова.

Обратимся, однако, сначала к сравнению полученных нами реакций с данными РАС (<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>), в правом столбце нижеприведённой таблицы представлены неединичные реакции из материалов нашего эксперимента, в левом – соответствующее количество реакций из РАС или неединичные реакции оттуда; цифра в скобках означает количество повторяющихся реакций (в дальнейшем изложении отсутствие цифры означает, что такая реакция встречается лишь единожды). Электронная версия словаря позволяет определить возрастные пределы испытуемых, в нашем случае – от 17 до 25 лет.

Таблица 1.

Сравнение с данными РАС

РАС	Наш эксперимент
НАУКА	
<i>И жизнь (23); жизнь (16); скука (14); – (13); точная (12); и техника (11); физика (11); знание (9); интересная (9); советская (9); жизни (8); мука (8); о языке (8); победить (8); учёный (8).</i> Всего – 534.	<i>Учёный (9); знание (6); образование (6); знания (5); science (4) (фр. или англ.) ‘наука’; скучно (4); лингвистика (4); скука (3); учёба (3); физика (3); изучение (3); жизнь (2); учение (2); техника (2); – (2).</i>
УЧЁБА	
<i>В школе (9); институт (6); – (4); трудная (4); в институте (3); надоела (3); труд (3); в радость (2); знание (2); каторга (2); свет (2); скука (2); университет (2); учиться (2); школа (2).</i> Всего – 94.	<i>Труд (7); институт (4); университет (4); знания (3); боль (3); универ (3); сессия (2); скука (2); страдание (2); уроки (2); оценки (2); свет (2); долго (2); книги (2); студент (2); работа (2); – (2); тяжёлая (2); рутина (2).</i>
УНИВЕРСИТЕТ	
<i>МГУ (7); – (6); военный (6); здание (6); Московский (6); учёба (6); учиться (6); образование (5); школа (5); институт (4); Ломоносов (4); наш (4); педагогический (4); престиж (4).</i> Всего – 194.	<i>СФУ (13); учёба (8); пирамида* (6); здание (3); гимн (3); студент (3); белка** (2); жизнь (2); институт (2); столовая (2); дом (2); ходить (2); ВУЗ (2); 大学 (2) (яп.) ‘университет’.</i>

СТУДЕНТ	
<i>Бедный</i> (46); <i>заочник</i> (24); <i>институт</i> (20); <i>голодный</i> (17); <i>умный</i> (11); <i>отличник</i> (10); <i>университета</i> (10); <i>учащийся</i> (10); <i>медик</i> (9); <i>филолог</i> (9); <i>вечный</i> (8); <i>человек</i> (8); <i>я</i> (8); <i>весёлый</i> (7). Всего – 576.	<i>Университет</i> (7); <i>молодой</i> (4); <i>я</i> (4); <i>учёба</i> (3); <i>голодный</i> (3); <i>ученик</i> (3); <i>бедный</i> (2); <i>голод</i> (2); <i>ленивый</i> (2); <i>лентяй</i> (2); <i>молодец</i> (2); <i>сон</i> (2); <i>учёба</i> (2); <i>хитрый</i> (2).
РАБОТА	
<i>Трудная</i> (43); <i>не волк</i> (28); <i>тяжёлая</i> (27); <i>любимая</i> (20); <i>труд</i> (19); <i>интересная</i> (18); <i>забота</i> (16); <i>отдых</i> (14); <i>учёба</i> (10); <i>хорошая</i> (9); <i>лёгкая</i> (8); <i>волк</i> (7); <i>дело</i> (7). Всего – 618.	<i>Деньги</i> (15); <i>труд</i> (10); <i>зарплата</i> (8); <i>не волк</i> (6); <i>дом</i> (3); <i>жизнь</i> (2); <i>отдых</i> (2); <i>рутина</i> (2); <i>языки</i> (2); <i>travail</i> (2) (фр.) ‘работа’; <i>удовольствие</i> (2); <i>интерес</i> (2); <i>допоздна</i> (2).
УЧИТЬСЯ	
<i>Хорошо</i> (56); <i>жить</i> (33); <i>коммунизму</i> (26); <i>в школе</i> (16); <i>в институте</i> (15); <i>школа</i> (12); <i>ленился</i> (9); <i>мучиться</i> (9); <i>отлично</i> (9); <i>учиться и учиться</i> (8); <i>жизни</i> (7); <i>писать</i> (7); <i>уму-разуму</i> (7). Всего – 475.	<i>Хорошо</i> (4); <i>задания</i> (3); <i>труд</i> (2); <i>работать</i> (2); <i>книги</i> (2); <i>мучиться</i> (2); <i>жениться</i> (2); <i>нужно</i> (2); <i>усердно</i> (2); <i>узнавать</i> (2); <i>страдать</i> (2); <i>учебник</i> (2); <i>много</i> (2); <i>стараться</i> (2).
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ	
<i>Учитель</i> (8); – (7); <i>дурак</i> (4); <i>глупый</i> (3); <i>истории</i> (3); <i>языка</i> (3); <i>литературы</i> (2); <i>музыки</i> (2); <i>немецкого языка</i> (2); <i>плохой</i> (2); <i>строгий</i> (2); <i>товарищ</i> (2); <i>хороший</i> (2); <i>школа</i> (2). Всего – 98.	<i>Наставник</i> (9); <i>учитель</i> (9); <i>студент</i> (5); – (4); <i>строгий</i> (3); <i>мужчина</i> (3); <i>профессор</i> (3); <i>ум</i> (2); <i>мудрый</i> (2); <i>уважение</i> (2); <i>опыт</i> (2); <i>человек</i> (2); <i>учёный</i> (2); <i>университет</i> (2); <i>универ</i> (2); <i>очки</i> (2); <i>институт</i> (2).
ЭКЗАМЕН	
<i>Трудный</i> (48); <i>сдан</i> (18); <i>сдать</i> (16); <i>на зрелость</i> (14); <i>зачёт</i> (12); <i>сложный</i> (11); <i>сдавать</i> (9); <i>сессия</i> (8); <i>нервы</i> (6); <i>по истории</i> (6); <i>билет</i> (5); <i>вступительный</i> (5); <i>лёгкий</i> (5); <i>оценка</i> (5); <i>проверка</i> (5); <i>сдал</i> (5); <i>завал</i> (4). Всего – 418.	<i>Стресс</i> (11); <i>скоро</i> (4); <i>страх</i> (4); <i>сессия</i> (4); <i>зачётка</i> (3); <i>подготовка</i> (3); <i>сдавать</i> (3); <i>проверка</i> (3); <i>трудно</i> (2); <i>сложный</i> (2); <i>труд</i> (2); <i>тест</i> (2); <i>время</i> (2); <i>тяжёлый</i> (2); <i>оценка</i> (2); <i>жест</i> (2); <i>зачёт</i> (2); <i>нервы</i> (2).
* Крыша одного из корпусов украшена стеклянной пирамидой, так часто называют и сам корпус	
** Символ Сибирского федерального университета и название магазина в одном из корпусов	

Существенными представляются только изменения в реакциях на стимул РАБОТА, однако в реакциях на все стимулы наличествуют те или иные изменения, которые обусловлены, как можно видеть, либо социальными факторами (НАУКА, УЧИТЬСЯ), либо факторами личностными (ЭКЗАМЕН, УНИВЕРСИТЕТ). Относительно последних интересно, что они в той или иной степени проявляются в реакциях на все стимулы, например УНИВЕРСИТЕТ – *СФУ* (13); *пирамида* (6); *белка* (2); НАУКА – *скучно* (4). Именно они показывают актуальность проведения сравнительных социопсихолингвистических исследований с привлечением студентов разных вузов или разных институтов (факультетов) одного и того же вуза. Небезынтересно и сравнение ЯКМ студентов разных курсов: в реакциях на одни и те же стимулы проявляются различные личностные отношения в зависимости от значимости для них соответствующих явлений [5].

Всё это можно назвать «внешним» сравнением, т.е. реакции, полученные в одном эксперименте или от одной группы испытуемых, сравниваются

с реакциями другого эксперимента или другой группы испытуемых, отличающейся от первой по тем или иным признакам. Такое «внешнее» сравнение показывает смысловой компонент в значениях рассматриваемых слов, но, как представляется, для выявления смыслового компонента подходит и «внутреннее» сравнение – сравнение реакций, полученных в рамках одного и того же эксперимента, чему, как мы полагаем, служит распределение реакций по тематическим группам с дальнейшим количественным и «качественным» сопоставлением групп.

Формат статьи не позволяет нам детально анализировать реакции на каждый стимул, ограничимся здесь наиболее значимым для выявления личностного аспекта распределением – разграничением реакций по наличию в них положительного и отрицательного эмоционального аспекта.

Реакции, в которых в наиболее явном виде просматривается положительный или отрицательный компонент, представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 2.

Реакции с явным положительным или отрицательным компонентом

Положительные реакции	Отрицательные реакции
НАУКА	
<i>Развитие.</i>	<i>Скучно (4); скука (3); говно; скука, лингвистика.</i>
УЧЁБА	
<i>Труд (7); знания (3); свет (2); знание; жизнь; тяжело и интересно; лёгкая; развитие; мысль.</i>	<i>Боль (3); скука (2); страдание (2); тяжёлая (2); рутина (2); <i>terde</i> (фр.) ‘дерьмо’; усталость; скука; трудность; мрак; муки; всё плохо; ад; стресс; в тягость; мучение; кирдык; тягостно; уныние.</i>
УНИВЕРСИТЕТ	
<i>Богатство; развитие.</i>	<i>Достал; бесполезно; всё очень плохо; 5 кругов ада; бесполезность.</i>
СТУДЕНТ	
<i>Счастливый, умный.</i>	<i>Голодный (3); бедный (2); ленивый (2); лентяй (2); голод (2); дебил; лох; тупой; балбес; боль; бедность; лодырь; рабы; книга, злой; бездельник; лень.</i>
РАБОТА	
<i>Удовольствие (2); интерес (2); нужная; радость; интересно; любимое дело.</i>	<i>Рутинa (2); мучение; ужас; трудно найти; в тягость; плохо; боль.</i>
УЧИТЬСЯ	
<i>Труд (2); нужно (2); усердно (2); прилежно; <i>píilì xiéxí</i> (кит.) ‘усердно’; уметь; на отлично; отлично; упорно; образование; стараться; самосовершенствоваться; класс; знания; знание; развиваться; приобретать знания; новые знания; учить, понимать; прекрасно; просвещение; познание; важно; никогда не поздно.</i>	<i>Мучиться (2); страдать (2); скучно; нелегко; трудно; страдать, лень; скукота; надоело.</i>
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ	
<i>Мудрый (2); уважение (2); опыт (2); опытный; хороший; весёлый; знания; знание; мудрость; умный; мастер; молодец; красивый; квалифицированный; умница; уважаемый; прекрасный человек; соратник; золотой; гений.</i>	<i>Всех уволить к чёртовой матери; страх.</i>
ЭКЗАМЕН	
<i>Успех; сдан на отлично; на отлично; автомат; опыт; пять; я сдам тебя.</i>	<i>Стресс (11); страх (4); сложный (2); трудно (2); тяжёлый (2); жесть (2); нервы (2); тремор; ужастик; риск; грусть; боль; кошмар; волнение; пиздец!; фу; страдание; напряжение; провал; трудности; капец; жопа, мучение, боль.</i>

В таблице, как было сказано, представлены только наиболее явные примеры, но необходимо отметить, что в реакциях на все стимулы так или иначе наличествуют реакции, можно сказать, переходные – те, которые нельзя однозначно отнести к одной из выделенных групп, но которые, тем не менее, выражают эмоциональный компонент. Например: УНИВЕРСИТЕТ – *домом стал*; СТУДЕНТ – *работаю-*

щий; вечный; бедняга; молодец, всегда хочет жрать; УЧИТЬСЯ – *всегда; нелегко*.

Кроме того, выделяются специфические для некоторых стимулов группы реакций. Это, во-первых, реакции на стимул УЧЁБА, связанные с трудом, знаниями и пользой (*труд (7); свет (2); развитие* и пр.), и реакции, связанные с трудностями, негативными эмоциями (*боль (3); страдание (2); тяжёлая; усталость* и пр.).

Во-вторых, это реакции на стимул ЭКЗАМЕН, связанные с его трудностью, что не обязательно говорит о негативной коннотации в значении этих слов (*трудно* (2); *тяжёлый* (2); *сложность*; *учить* и пр.).

Весь приведённый материал показывает, что для выявления особенностей ЯКМ студента целесообразно как «внешнее» сопоставление данных ассоциативного эксперимента, так и «внутреннее» сопоставление. Важно при этом понимать, что эти типы интерпретации результатов эксперимента выявляют различные черты в ЯКМ, которые нельзя смешивать, и что эти различные черты ЯКМ являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими.

Важно также, что выявляемые особенности ЯКМ проливают свет на более общие вопросы значений слов и отношений индивидов данной лингвокультуры к стоящим за этими словами явлениям. Так, эмоциональная окрашенность значений рассмотренных нами слов обуславливает отношение индивида ко всем подобным явлениям в конкретной ситуации общения и встречи с этими явлениями. Возникает своего рода диалектика значения слова и соответствующего явления действительности: с одной стороны, типичные ситуации взаимодействия с некоторыми явлениями отражаются в значении соответствующего слова, с другой стороны, само это значение влияет на отношение индивида к тому или иному явлению и его составляющим (а значит, частично и на его деятельность в таких ситуациях). Изменение образа какого-либо явления действительности в

сознании как отражении опыта познания и общения (деятельности личности) приведёт к изменению значения слова и его связей с другими словами в языковом сознании как отражении речевого опыта индивида (речевой деятельности личности). Пониманию характера таких взаимодействий значения слова (включая сюда его эмоциональное переживание) и отношения индивида к аспекту реальности в более широком лингвистическом, социологическом и культурологическом контексте способствует разностороннее, многоплановое сопоставление результатов разных исследований.

Список литературы

1. Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.
2. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
3. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – С. 123–130.
4. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
5. Яковлев, А. А., Телешева С. В. Некоторые особенности профессиональной языковой картины мира преподавателя вуза // Вест. Челябинск. гос. ун-та. Сер. «Филология. Искусствоведение». – № 23. – 2014. – С. 107–114.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА

О. Р. Абдрахманова, А. В. Сухова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНЫХ ОНЛАЙН-СТАТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ОНЛАЙН-ПРЕССЫ)

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ONLINE TITLES IN ARTICLES (ON THE EXAMPLE OF FRENCH AND RUSSIAN PRESS)

Статья посвящена проблеме перевода заголовков новостных онлайн-статей. Рассматриваются основные трудности, с которыми может столкнуться переводчик.

The article is devoted to the peculiarities of translation of online articles titles. Moreover, the main difficulties that might face an interpreter will be considered.

Ключевые слова: перевод заголовков, трудности перевода заголовков, стилистические приемы, лексико-грамматические приемы, функции заголовков.

Keywords: translation of titles in articles, difficulties of their translation, stylistic features, lexical and grammatical methods, functions of titles in articles.

Развитие научно-технического прогресса в последние десятилетия, появление новых форм коммуникации, тем не менее, до сих пор не позволяют людям XXI века свободно общаться и понимать друг друга. Будучи сегодня многоязыковой (несмотря на, казалось бы, доминирование во всех сферах нашей жизни английского языка) современная коммуникация, осуществляемая через онлайн-прессу, как никогда делает значимой роль переводчика в достижении понимания между коммуникантами, представляющими разные культуры. Особый интерес в связи с этим представляет анализ переводов заголовков новостных онлайн-статей.

По определению Е.А. Смирновой, «перевод – это средство, позволяющее осуществлять международное общение, при этом сохраняя культурную и лингвистическую идентификацию» [4. С. 184-186].

Перед переводчиком новостных онлайн-статей встает комплекс важных задач: передать информацию в понятной для реципиента форме, ориентируясь на традиции изложения информации на языке перевода, передавая при этом содержательную сторону оригинала. В то же время, в переводе должен воссоздаваться прагматический потенциал оригинала, прояв-

ляющийся в способности текста производить на получателя коммуникативный эффект, вызывать у него определенное прагматическое отношение к сообщаемому, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации [3. с. 209].

Перевод заглавия является отдельной переводческой проблемой и от успешного ее решения зависит в значительной степени судьба текста.

Анализ научной литературы по исследуемой теме, а также авторские наблюдения за предметом исследования, дают основание сделать вывод о том, что специфические особенности заголовков онлайн-прессы, которые необходимо учитывать при переводе в первую очередь, можно, в основном, свести к следующим: стремление привлечь внимание к публикуемому материалу и изложить в краткой форме его содержание.

Заголовку присуща концентрическая подача информации, что облегчает читателю возможность выбрать из потока новостей ту статью, которая его интересует больше всего; поэтому недостаток информации в заголовке служит одной из причин сложностей перевода, так как отсутствие развернутого сообщения может

ввести читателя в заблуждение по поводу содержания статьи. При переводе недостаточно передать только тему и содержание текста, необходимо сохранить доминирующую функцию заголовка, заинтересовать, а во многих случаях и заинтриговать читателя.

Принимая основные положения, выдвинутые Е.А. Смирновой [4. С. 184-186], к трудностям перевода заголовков, мы также относим перечень следующих.

Во-первых, это – сложные и грамматически некорректные структуры заголовков. Например, оригинал далее следующего заголовка представляет собой цитату и комментарий автора данной онлайн-статьи: «*A Moscou, du wifi au cimetière: “Poutine met ses espoirs dans les zombies”*» [8]. С точки зрения грамматики французского языка, фраза не корректна: она неполная, опущено сказуемое, но в заголовках такие структуры допускаются. В переводном же заголовке цитата отсутствует, хотя так же, как и оригинал, предложение состоит из двух частей: «*Wi-Fi на кладбищах – намек Кремля о том, где место оппозиции*» [17];

Другой разновидностью трудностей, являясь, различия в синтаксической структуре заголовков в разных языках [4. С. 184-186]. Так, например, заголовок «*В Казахстане утверждены новые правила осуществления заграничреждениями контроля за детьми, усыновленными иностранцами*» [18] представляет собой сложное распространенное предложение. Перевод же его на французский язык дан в форме номинативного предложения: «*Renforcement des contrôles des adoptions d'enfants kazakhstanais par les étrangers*» [15]. Данное решение, на наш взгляд, лишний раз подтверждает данные исследователей L.-M. Но-Дас, М.-Р. Jacques, J. Rebeyrolle, утверждающих, что во французских заголовках чаще встречаются номинативные конструкции [6];

Следующим видом трудностей при переводе заголовков новостных онлайн-статей является отсутствие эквивалентных терминов /слов в языке перевода [4. С. 184-186]. В профессиональном переводе не всегда уместно судить о смысле слова по его первоначальному значению. Очень важно понимать и чувствовать разницу в смысловых структурах и в сочетаемости слов, понимать контекст и, как следствие, не допускать буквализмов и вольности перевода. При переводе заголовка: «*“Теремок” в гостях у “Солнышка”*» [22] для передачи названий была выбрана транскрипция: «*“Teremok” en visite chez “Solnychko”*» [16].

В данном контексте слова «Теремок» и «Солнышко», являясь названиями школ-студий, именами собственными, не имеют аналога во французском языке.

К по сути близкой к предыдущей группе трудностей можно отнести и следующую – культуронимы в составе заголовка (включая нераспространенные аббревиации, акронимы, имена, титулы, сокращенные фамилии, прозвища и т.д.) [4. С. 184-186]. Например, в заголовке «*Poutine vu par Glucksmann: “Lui, il aurait rasé Molenbeek”*» [14], приводится цитата французского философа и писателя-эссеиста Андре Глюксманна. В переводе его имя не упоминается: «*Публицист: Европа слишком верит в “миф о всемогущем Путине”*» [20]. [Здесь](#) он представлен, с помощью переводческой генерализации, как «публицист». Возможно, переводчик не включил его имя в заголовок, полагая, что русскоязычной публике оно не известно так широко. Кроме того, переводчик взял другую цитату Глюксманна из текста статьи, вероятно, полагая, что Моленбек – пригород Брюсселя, который на Западе теперь ассоциируют с именами нескольких террористов, не столь известен русскоговорящему читателю. На данном примере видно, что в ряде случаев, когда в оригинале имеются культуронимы, переводчики сознательно избегают переводить имена собственные, исходя из общей осведомленности читателей, переводчик как бы «подстраивается» под читателя.

Заголовки оригинальных и переводных статей, рассмотренных в рамках настоящего исследования, позволяют сделать вывод о том, что перед переводчиком могут возникнуть и другие трудности, о которых пишет А.В. Антонова [1. с. 117]. Чаще всего представленные трудности встречаются в так называемых персуазивных заголовках. Последние представляют собой суждения, умозаключения, выражающие результат осмысления явлений реальной действительности адресантом [2. С. 13]. Для данного типа справедливо высказывание С.Г. Тер-Минасовой о том, что «газета не просто сообщает информацию, а подает ее в определенном свете, с оценкой излагаемых событий» [5. С. 164-165].

Очевидно, что, с одной стороны, такие заголовки важны для привлечения внимания читателей, они оригинальны и яркие, но с другой стороны, это создает существенные трудности для переводчика. К трудностям перевода такого типа заголовков А.В. Антонова предлагает относить следующие их характеристики.

Использование в персуазивных заголовках деформированных фразеологизмов, устойчивых выражений, названий литературных произведений, песен и т.д. Обычно такие заголовки предполагают наличие у переводчика достаточных знаний в литературе, политической жизни, быте страны переводимого языка. Однако, даже их наличие не всегда решает проблему: зачастую переводчик вынужден прибегнуть при переводе к экспликации или обобщениям во избежание непонимания со стороны реципиента [1. С. 117]. Например, заголовок «Мигранты: принять нельзя депортировать» [19] представляет собой перефразированное выражение из мультипликационного фильма «В стране невыученных уроков», известный многим россиянам и русскоговорящему населению, проживающему за пределами РФ. Смысл его заключается в важном выборе, исход которого зависит от запятой. Для передачи данной уже крылатой фразы на французский язык переводчик выбрал более эксплицитную передачу информации: «*La France divisée sur le problème des migrants*» [10].

Использование таких стилистических средств как игра слов, аллюзий может также усложнить задачу переводчика [1. С. 117]. Французский исследователь M. Privat указывает, что игра слов часто встречается в публицистике. Игра слов основана на устойчивых выражениях и умелом использовании авторов, как правило, устойчивых синтаксических конструкций. Для переводчика, не принадлежащего к франкоязычной культуре, контакт с этой стороной культуры может создать двойную проблему. С одной стороны, он должен распознать и понять смысл игры слов, с другой стороны, суметь передать эту игру слов на свой язык [7]. Как, например, в заголовке «*Poutine, sauvage comme une image*» [13]. В статье с таким заголовком представлена фотография Путина, глядящего леопарда. Выражение «*sauvage comme une image*» является игрой слов, основой для которой является выражение «*sage comme une image*», что означает быть «тише воды, ниже травы». В рассматриваемом заголовке «*sage*» заменено на «*sauvage*» (досл.: «дикий»). Сложность для переводчика состоит именно в этой игре слов, непередаваемой на русский язык в той же форме и с теми же намеками. В заголовке на русском языке переводчик отказался от игры слов, передав заголовок более эксплицитным способом: «Путин использует «животную пропаганду», чтобы улучшить свой образ» [21].

В другом примере: «*Au FN, la Russie reconnaissante ?*» [9] представлена игра слов «*la Russie*» – «*la patrie*», намек на выражение, написанное на фасаде Пантеона в Париже «*Aux grands hommes, la patrie reconnaissante*» (что традиционно на русский язык переводится: «Великим людям благодарная отчизна»). Передать данный заголовок на русский язык довольно сложно, так как он содержит намек на реалию французской культуры, а перевод на русский язык рассчитан на среднего читателя, необязательно знакомого с культурой Франции. На французском языке данный заголовок одновременно выражает игру слов, иронию и оценочное отношение к описываемой в самой статье ситуации автора статьи. Представленный перевод является, на наш взгляд, несколько вольным изложением смысла статьи переводчиком: «*Libération узнала цену благодарности России французским правам за Крым*» [12].

Как видно из выше представленных примеров, переводчику удастся сохранить в переводном заголовке информационную функцию персуазивного заголовка, но не воздействующую, которая и делает его таковым.

И, наконец, еще одной из трудностей перевода персуазивного заголовка можно считать использование разговорных форм и жаргонизмов, в том числе профессиональных [1. С. 117]. В заголовке «*Les Pieds Nickelés en Crimée*» [11] использовано разговорное выражение *les pieds nickelés*. Французское выражение *avoir les pieds nickelés* переводится как «еле двигаться». Дословно данный заголовок можно было бы перевести как «С подкошенными ногами – в Крым», но на русском языке такой вариант ввел бы читателей в заблуждение, давая понять, что это – отношение к описываемой ситуации французских депутатов, приехавших в Крым. На самом же деле, заголовок отражает оценку автора статьи Орельена Верона, Президента Либеральной демократической партии Франции. Вероятно, поэтому переводчик выбрал для заголовка цитату из текста. Переводчику, на наш взгляд, тем не менее, удастся реализовать основную функцию персуазивного заголовка – формирование определенных оценочных суждений к сообщаемой информации – применив функциональный аналог – разговорное слово «*потакать*»: «*Французский политик: Ездить в Крым – значит потакать Путину*» [23].

Заголовок представляет собой один из основных компонентов, способных обеспечить успешность публикации. Для привлечения

внимания читателя авторы прибегают к различным стилистическим и лексико-грамматическим приемам, что может существенно усложнить задачу переводчика и без того непростую, ввиду расхождения в типовой структуре заголовков, неоднозначностью их смысловой интерпретации. Перевод заголовка может иметь несколько вариантов решения, но его успешность зависит от того, насколько адекватно и полноценно переводчику удалось передать смысловое, стилистическое и функциональное содержание заголовка, не нарушая норм русского либо французского языка и стилистических норм, принятых в публицистике той или иной страны. Для оптимального решения переводчику необходимым представляется понимание тех трудностей, с которыми он может столкнуться, выполняя перевод рассмотренных в настоящей работе заголовков и статей.

Список литературы

1. Антонова, А.В. Средства выражения промиссивной интенции в английском языке / под ред. А.В. Антоновой. – Оренбург, 2007. – 117 с.
2. Комаров, Е.Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и русских средств массовой информации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Комаров. – Волгоград, 2003. – 13 с.
3. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 209 с.
4. Смирнова, Е.А. Языковая специфика англоязычных заголовков и практические трудности при их переводе / Е.А. Смирнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5 (35), часть 2. – С. 184 – 186.
5. Тер-Минасова, С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. Общая и английская синтагматика составных номинативных групп [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2009. – 200 с.
6. Ho-Dac, L.-M., Jacques, M.-P., Rebeyrolle, J. (2004). Sur la fonction discursive des titres / L.-M. Ho-Dac, M.-P. Jacques, J. Rebeyrolle, // In S. Porhiel & D. Klingler (Eds). L'unité texte, Pleyben, Perspectives. – 2004. URL : http://w3.erss.univ-tlse2.fr/membres/rebeyrol/Articles/hodac_rebeyrolle_jacques_04.pdf (дата обращения: 02.01.2016).
7. Privat, M. Les jeux de mots dans la presse française et leur traduction en espagnol / M. Privat. URL : <http://cle.ens-lyon.fr/servlet/com>

univ.collaboratif.utils.LectureFichiergw?ID_FICHIER=1332154734475 (дата обращения: 02.01.2016).

8. «A Moscou, du wifi au cimetière: “Poutine met ses espoirs dans les zombies” » // Le Nouvel Observateur. URL : <http://rue89.nouvelobs.com/2016/01/05/a-moscou-wifi-cimetiere-poutine-met-espoirs-les-zombies-262701> (дата обращения: 10.01.2016).

9. «Au FN, la Russie reconnaissante ?» // Libération. URL : http://www.liberation.fr/france/2015/04/03/au-fn-la-russie-reconnaissante_1234468 (дата обращения: 10.01.2016).

10. «La France divisée sur le problème des migrants» // Русский очевидец. URL: <http://rusoch.fr/lang/fr/soc/migranty-prinyat-nelzya-deportirovat.html> (дата обращения: 25.09.2015).

11. «Les Pieds Nickelés en Crimée» // Libération. URL: http://www.liberation.fr/planete/2015/07/29/les-pieds-nickeles-en-crimee_1355876 (дата обращения: 10.01.2016).

12. «Libération узнала цену благодарности России французским правым за Крым» // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-04-03/Libration-uznala-cenu-blagodarnosti-Rossii> (дата обращения: 10.01.2016).

13. «Poutine, sauvage comme une image» // Libération. URL : http://www.liberation.fr/cahier-ete-2015/2015/08/11/poutine-sauvage-comme-une-image_1362052 (дата обращения: 10.01.2016).

14. «Poutine vu par Glucksmann: «Lui, il aurait rasé Molenbeek»» // Le Nouvel Observateur. URL : <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/20151222.OBS1798/poutine-vu-par-glucksmann-lui-il-aurait-rase-mollenbeck.html> (дата обращения: 10.01.2016).

15. «Renforcement des contrôles des adoptions d'enfants kazakhstanaï par les étrangers» // Revue de la presse kazakhstanaïse. URL : www.ambafrance-kz.org/.../rp_30_juillet_2015... (дата обращения: 15.10.2015).

16. «“Teremok” en visite chez “Solnychko”» // Перспектива. URL: <http://perspectiva.free.fr/gazeta/pers80.pdf> (дата обращения: 25.10.2015).

17. «Wi-Fi на кладбищах – намек Кремля о том, где место оппозиции» // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-01-07/NouvelObs-Wi-Fi-na-kladbishhah-> (дата обращения: 10.01.2016).

18. «В Казахстане утверждены новые правила осуществления заграничных усыновлений»

иностранцами» // Kazakhstan today. URL : https://www.kt.kz/rus/politics/v_kazahstane_utverzheni_novie_pravila_osushtestvlenija_zagranuchrezhdenijami_kontrolja_za_detjmi_usinovlennimi_inostrancami_1153608006.html (дата обращения: 15.10.2015).

19. «Мигранты: принять нельзя депортировать» // Русский очевидец. URL: <http://rusoch.fr/lang/ru/soc/migranty-prinyat-nelzya-deportirovat.html> (дата обращения: 25.09.2015).

20. «Публицист: Европа слишком верит в “миф о всемогущем Путине”» // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-01-04/Publicist-Evropa-slishkom-verit-v> (дата обращения: 10.01.2016).

21. «Путин использует «животную пропаганду», чтобы улучшить свой образ» // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-08-12/Libration-Putin-ispolzuet-zhivotnuyu-propagandu> (дата обращения: 10.01.2016).

22. «“Теремок” в гостях у “Солнышка”» // Перспектива. URL: <http://perspektiva.free.fr/gazeta/pers80.pdf> (дата обращения: 25.10.2015).

23. «Французский политик: Ездить в Крым – значит потакать Путину» // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-07-30/Francuzskij-politik-Ezdit-v-Krim> (дата обращения: 10.01.2016).

С. А. Андросова, Ю. Г. Синельников, И. И. Синельникова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ АРГОТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

WAYS TO ACHIEVE THE EQUIVALENT TRANSLATION OF THE FRENCH ARGOTIC PHRASEOLOGICAL UNITS INTO RUSSIAN

В данной статье рассматриваются французские характерологические арготические фразеологизмы тематической группы «Общий внешний облик человека» как объект межъязыкового перевода. В своём большинстве они представляют собой лакунарные единицы. Анализируются способы адекватной передачи семантики некоторых фразеологизмов на русский язык с помощью таких приёмов, как подбор лексического синонима или словосочетания и описание мотивирующей фразеологизм ситуации.

This article deals with the French characterological argotic phraseological units of the thematic group “Person’s general appearance” as the object of interlingual translation. The majority of these units are lacunary. The article reveals the ways of the equivalent transmission of the semantics of the phraseological units under study into Russian language using such types of translation as the selection of lexical synonyms and synonymous word groups, the description of the situation which motives the phraseological unit.

Ключевые слова: французское арго, фразеологизм, перевод, фразеологическая лакунарность, характеристика человека.

Keywords: the French argot, phraseological unit, translation, phraseological lacunae, characteristic of person.

Определение статуса французского арго является одной из самых сложных проблем лингвистики, так как речь идёт об очень сложном и разностороннем регистре языка. В отношении

арго лингвисты нередко используют термин «la langue verte», указывая на то, что арго представляет собой подвижную систему, которая быстро эволюционирует. Некоторые арготиз-

мы имеют тенденцию проникать в просторечный регистр, а из него в разговорный французский язык, другие арготизмы выходят из употребления. Перевод именно арготических единиц представляет собой отдельную проблему для переводчиков, особенно для тех, кто переводит с французского языка на славянские языки. Самыми важными критериями при поиске эквивалентов в переводимых языках являются семантическая общность на уровне коннотации, частота употребления и соответствие периода и среды использования переводимых арготизмов [7. С. 131].

Если раньше арготизмы выполняли в основном криптолалическую функцию, то сегодня арготические лексические и фразеологические единицы выполняют эмоционально-выразительную и экспрессивно-оценочную функцию, людическую функцию, аттрактивную функцию, репрезентативную функцию, функцию модернизации и стилизации, функцию интимизации. Мы выделяем у арготизмов, в частности у арготических фразеологизмов, ещё одну важную функцию – характерологическую, которая проявляется в том, что большинство французских арготических фразеологизмов используются для передачи характеристики человека в различных тематических сферах [1. С. 51].

Изучению особенностей перевода фразеологических единиц как в области художественного перевода, так и в лексикографической практике посвящены работы таких учёных, как Е.Ф. Арсентьева, Ш. Балли, В. В. Виноградов, А. И. Кунин, А. Г. Назарян, Ю. П. Солодуб, Э. М. Солодухо, Н. М. Шанский, В. Н. Телия и др.

Перевод характерологических арготических фразеологических единиц представляет определённую сложность ещё и потому, что этим языковым элементам присуща особая коннотация, окраска, экспрессивность и образность, которые иначе представлены в другом языке. Перевод французских арготических фразеологизмов на русский язык создает проблемы как практического характера, так и проблемы лингвистического, а следовательно, теоретического характера.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать проблему перевода французских арготических фразеологизмов на русский язык на примере тематической группы «Общий внешний облик человека». Анализ фактического материала подкрепляется цитатами из художественных произведений, что позволяет сопоставить и проанализировать употребление и перевод арготических

фразеологизмов в контексте. Рассматриваемые в статье фразеологизмы были отобраны из арготических словарей «*Dictionnaire de l'argot français et de ses origines*» (Colin, Mével, Leclère) [5] и «*Dictionnaire du français argotique & populaire*» (Caradec) [4] и классифицированы по тематическому признаку. Перевод фразеологизмов на русский язык взят из самого распространённого в России французско-русского словаря «*Новый большой французско-русский фразеологический словарь*» (под редакцией В. Г. Гака) [3].

Большинство отобранных нами арготических фразеологизмов являются безэквивалентными, лакунарными. А. У. Ахмадеева отмечает следующие основные способы адекватной передачи семантики безэквивалентного фразеологизма на другой язык: фразеологическое калькирование, описание мотивирующей фразеологизм ситуации или характеристики предмета с лингвокультурологическим комментарием, подбор лексического синонима или словосочетания. Автор также указывает на то, что выбор перевода зависит от языковой природы фразеологизма, его национально-культурной коннотации и специфики компонентного состава [2. С. 3408–3412].

В приводимых в статье примерах многие французские арготические фразеологизмы приводятся со своими буквальными значениями для того, чтобы можно было наглядно продемонстрировать сходства и различия в образах, лежащих в основе французских фразеологизмов и их русских эквивалентов.

Фразео-тематическую группу «Общий внешний облик человека» можно разделить на 3 базовые фразео-семантические группы: «Степень привлекательности», «Возраст», «Одежда».

Среди универсальных и маскулинных единиц этой группы преобладают фразеологизмы с положительной коннотацией, например: «*jeter du (или son) jus*» (букв. «бросать сок»), «*gueule d'amour*» (букв. «любовная рожа»). Для перевода первого фразеологизма на русский язык используют эпитет «шикарный» с соответствующими глаголами: «быть шикарным», «шикарно выглядеть»; существует русское устойчивое выражение, которое иногда используется в качестве аналога этого арготического фразеологизма: «выглядеть на все сто». Для второго анализируемого фразеологизма в русском языке имеется такой эквивалент, как «красавчик», «смазливый соблазнитель», в котором акцент делается именно на привлекательности лица соблазнителя.

Во французском аргю красивый мужчина часто сравнивается с мужским половым органом. Эта лексическая единица выполняет роль интенсификатора, например, в таких фразеологизмах, как: «beau comme une bite (ou un raf)» (букв. «красивый как мужской половой орган»). Для перевода этих фразеологизмов на русский язык используются прилагательные с семей «красивый» и интенсификатор-наречие: «очень, страшно, ужасно, обалденно красивый, привлекательный».

При передаче степени привлекательности женщин используются единицы двух противоположных коннотативных знаков. Базовым материалом для этого часто служат откровенно-натуралистичные образы: «faire péter les boutons de braguette» (букв. «заставлять рваться пуговицы на ширинке»). На русский язык данный фразеологизм переводится свободным словосочетанием: «быть привлекательной, соблазнительной (о женщине)». В основе некоторых фразеологизмов лежат грубые образы, заимствованные из терминологии скачек («prix de Diane» – «соблазнительная и очень красивая женщина, красотка»; «prix à réclamer» – «непривлекательная, некрасивая девушка, дурнушка» – «le prix de Diane» (букв. «приз Дианы») означает приз за 1 место в соревнованиях-бегах молодых кобыл, а лошадь, которую владелец собирается продать после скачек по заранее установленной цене, называют «cheval à réclamer»). Для перевода данных фразеологизмов на русский язык используются обычно следующие субстантивы: «красотка» и «дурнушка». Ниже приведём несколько примеров использования этих арготических фразеологизмов в литературе с нашим переводом данных художественных отрывков на русский язык. Именно контекст позволяет чаще всего подобрать наиболее подходящие русские эквиваленты для французских арготических фразеологических единиц:

– «*Quel prix de Diane, cette rousse incendiaire*» [9]. – «Какая красотка, эта рыжая поджигательница».

– «*Comparée à la même Nana que j'avais connue chez eux jusqu'à la fermeture, Lucette, la soubrette d'à présent, c'était le vrai prix à réclamer*» [6]. – «По сравнению с девчушкой Нана, с которой я встречался у них до закрытия, Люсет, нынешняя субретка, была настоящей дурнушкой».

В характерологическом фонде французского аргю отдельный блок составляют универсальные фразеологизмы, служащие для обозначения

конкретного возраста человека: «graine de bois de lit» – «новорождённый»; «livre ancien» – «кому за пятьдесят». Некоторые образы заимствованы из терминологии карточных игр: «avoir tierce, belote et dix de der» – «быть в возрасте пятидесяти лет». Весьма продуктивна арготическая лексическая единица «cigue» («sigue», «zigue») – «двадцатилетний возраст», которая в сочетании с числительными служит для образования фразеологизмов со значением того или иного возраста: «avoir un zigue» – «быть в двадцатилетнем возрасте»; «avoir deux (или quatre) cignes» – «быть в возрасте сорока (или восьмидесяти) лет» и т.д. Фразеологизмы, передающие конкретный возраст человека, переводятся на русский язык приёмом подбора лексического синонима или словосочетания, в данном случае при использовании числительных.

В ходе исследования был выявлен ряд маскулинных и фемининных фразеологизмов, которые служат для характерологической номинации пожилых людей. Среди статичных единиц особо выделяются маскулинные фразеологизмы «vieux croûton (или jeton, crabe)», «passera pas l'hiver» («P.P.H.»), для которых в русском языке можно найти эквивалент в виде существительного «старик», и фемининные фразеологизмы: «vieille peau» (букв. «старая кожа»), «peau de chien (или de chat)» (букв. «шкура собаки (или кошки)») – «старушка, старая карга». Динамичные фразеологизмы построены на образе выдержанного вина: «prendre du bouchon» (букв. «впитать пробку») – «стареть, дряхлеть», на образе приближения смерти: «sentir la fin de saison» (букв. «чувствовать конец сезона»), «sentir l'arrière-saison» или имеют в своей основе прозрачный образ: «prendre du carat» («carat» (арго) – «возраст»), «prendre un coup de vieux». Эти фразеологизмы передаются на русский язык с помощью глаголов «стареть» и «дряхлеть».

Пейоративные единицы фразео-семантической группы «Одежда» представлены в основном образными сравнениями: «ficelé (или arrangé, fichu) comme un paquet (de linge sale)» (букв. «одетый, как свёрток (грязного белья)»), «fichu comme un (или mon) sac» (букв. «одетый словно (мой) мешок»). В русском языковом сознании плохо одетого человека сравнивают чаще всего с пугалом, чучелом, поэтому для данных фразеологических единиц в русском языке имеются такие возможные варианты перевода, как «плохо одетый», «безвкусно одетый», «одетый как чучело гороховое», «одетый как пугало огородное». В следующем примере

можно пронаблюдать перевод одного из анализируемых выше фразеологизмов в художественном контексте:

«[...] [Kathe] est *ficelée comme un paquet*, mais *figurez-vous-la en toilette de dame...* Les plus jolies femmes d'ici ne supporteraient pas la comparaison» [8]. – «[...] [Кэти] *одема, как пучало огородное*, но представьте себе её в наряде светской дамы... Здешие самые красивые женщины не выдержали бы никакого сравнения».

В ходе анализа было выявлено несколько мелиоративных единиц: «jeter du suif», «être classe», которые на русский язык можно перевести как «быть элегантным, шикарным».

Исследуемую группу составляют также фразеологические единицы, которые характеризуют внешний облик человека с прямым указанием на тип его одежды: «être (или sortir) en bourgeois» (эквивалент в русском языке «быть в штатском (о полицейском)»); «se mettre en bourgeois» (букв. «одеться по-буржуазному») можно перевести на русский язык как «одеться в праздничную одежду». Фемининные единицы французского языка часто содержат натуралистичный образ, связанный с женскими половыми органами: «porter ras la touffe» (букв. 1) «носить очень близко к кусту травянистых растений», 2) «носить очень близко к волосам на лобке»). Для перевода этого арготического фразеологизма на русский язык используется приём описания: «носить слишком короткую одежду». Отдельное место во фразео-семантической группе «Одежда» занимают фразеологизмы, указывающие на отсутствие одежды на человеке: «en Saint-Jean», «à poil» (образованные от этого фразеологизма на основе верлана «à loilpé», «à oilp(é)», «à loilpuche»). Для перевода этих фразеологических единиц на русский язык используется нейтральное прилагательное «голый» и устойчивое выражение «в чём мать родила».

Таким образом, наиболее точную степень эквивалентности при переводе на русский язык французских характерологических арготических фразеологизмов позволяют достигать

такие виды перевода, как подбор лексического синонима или словосочетания и описание мотивирующей фразеологизм ситуации. При этом невозможность достижения полной эквивалентности перевода обусловлена, прежде всего, тем, что большая часть арготических фразеологических единиц французского языка являются лакунарными. Поэтому при переводе неизбежна частичная потеря нюансов коннотации, экспрессивности, образности, вызванная несоответствием системы лексических средств французского арготического традициям и нормам русского письменно-литературного языка.

Список литературы

1. Андросова, С. А. Объективация характеристики человека во французской арготической фразеологии : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Андросова. – Воронеж, 2011. – 220 с.
2. Ахмадеева, А. У. Особенности перевода безэквивалентной фразеологии на материале разноструктурных языков / А. У. Ахмадеева // Philological sciences. Fundamental research. – 2015. – № 2. – С. 3408–3412.
3. Новый большой французо-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др.; под ред. В. Г. Гака. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1625 с.
4. Caradec, F. Dictionnaire du français argotique & populaire / F. Caradec. – 2006. – 297 p.
5. Colin, J.-P. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines / J.-P. Colin, J.-P. Mével, Ch. Leclère. – P.: Larousse / VUEF, 2002. – 905 p.
6. Simonin, A. Le cave se rebiffe / A. Simonin. – Gallimard, 1954. – 188 p.
7. Szabó, D. Dictionnaire de spécialité – dictionnaire général: le problème des équivalents dans un dictionnaire d'argot bilingue / D. Szabó // Revue d'Études Françaises. – Budapest. – № 16. – P. 127–135. – URL: <http://cief.elte.hu/sites/default/files/23szabo127-135.pdf>.
8. Theuriet, A. Le refuge / A. Theuriet. – Édition Flammarion, 1927. – 72 p.
9. Trignol, F. Vaisselle de fouille / F. Trignol. – Éditions de la Seine, 1955. – 191 p.

А. Ш. Байчурина*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)***ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ
ЗАОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ****USING DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES IN TEACHING
FOREIGN LANGUAGE FOR CORRESPONDENCE STUDENTS**

В статье обсуждаются проблемы обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей заочной формы обучения. Рассматриваются преимущества использования дистанционных технологий в обучении иностранному языку.

The problems of teaching foreign language to correspondence students are discussed in this paper. The effectiveness of using distant teaching is discussed. The advantages of using the virtual learning environment Moodle are considered.

Ключевые слова: заочное обучение, дистанционное обучение, информационные технологии, иностранный язык.

Keywords: correspondence education, distant education, information technologies, foreign language.

Современное общество предъявляет высокие требования к уровню образования будущего специалиста. В настоящее время, несмотря на глубокие перемены, происходящие в России, заочное образование продолжает играть важную роль в системе высшего образования. Все большее количество людей стремится получить основное или дополнительное образование, не прерывая основную деятельность.

Однако традиционная система заочного образования постепенно устаревает и недостаточно хороша для современных условий образования. Более того, она уже не соответствует потребностям современного общества. Среди недостатков традиционной формы заочного обучения можно выделить: прерывистость обучения, отсутствие постоянной связи, проблему контроля качества обучения, затруднённый доступ к библиотечным фондам.

Современное заочное языковое образование имеет ряд взаимосвязанных характеристик, определяющих его сущность и многоплановость. Языковое образование, получаемое в том числе заочно, формирует способность личности быть социально и профессионально мобильной, способность развивать, обновлять, обогащать профессионально ориентированную компетентность с помощью информационно-коммуникативных технологий [1].

В соответствии с предъявляемыми требованиями современного общества, заочное обу-

чение должно быть эффективным и гибким и отвечать конкретным потребностям обучающихся. Учебные материалы должны соответствовать современным принципам обучения и запросам студентов с различным уровнем языковой подготовки.

Необходимо разработать пути и способы интенсификации учебного процесса на заочном отделении неязыкового вуза с учётом всех особенностей заочной формы обучения, а именно:

- 1) психологических особенностей студентов заочников;
- 2) потребности практически владеть иностранным языком для будущей профессии;
- 3) потребности в специальных средствах обучения на заочном отделении;
- 4) необходимости внедрения новых информационных технологий в процесс обучения иностранному языку;
- 5) необходимости использования подхода в обучении иностранному языку на заочном отделении;
- 6) целесообразности переноса акцента в обучении в межсессионный период на исключительно автономную познавательную-коммуникативную деятельность студентов;
- 7) необходимости разработки целостной системы обучения на заочном отделении неязыкового вуза [5. С. 136].

Решение вышеизложенных задач не представляется возможным без пересмотра старых

представлений в отношении учебных программ и методики преподавания, без широкого использования новых информационных технологий в системе заочного обучения.

Стремительное расширение возможностей современных информационных технологий в системе высшего образования привело к внедрению дистанционных технологий в преподавании иностранных языков у студентов неязыковых специальностей.

Дистанционное обучение имеет большие перспективы, т. к. позволяет использовать мировые культурные и образовательные ценности, накопленные в глобальной сети Интернет, и создает возможности для обучения под руководством лучших педагогов, на основе единого информационно-образовательного пространства [7. С. 92]

Однако не следует путать заочное и дистанционное обучение. При дистанционной форме обучения предусматривается постоянный контакт с преподавателем, с другими обучающимися, имитация всех видов очного обучения, но специфичными формами [6].

У заочной и дистанционной форм обучения есть только одна общая черта: в обоих случаях преподаватель и обучаемые большую часть времени находятся на расстоянии. Все остальное, т. е. формирование учебно-методического обеспечения, его отбор, структуризация, организация учебного процесса, даже контроль осуществляются принципиально по-разному [4].

Дистанционное обучение – взаимодействие преподавателя и студентов между собой на расстоянии, отражающее все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) и реализуемое специфичными средствами интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность [3. С. 17].

При этом использование дистанционных технологий в образовательном процессе обладает рядом существенных преимуществ:

- гибкость – студенты могут получать образование в подходящее им время и в удобном месте;
- дальное действие – обучающиеся не ограничены расстоянием и могут учиться вне зависимости от места проживания;
- экономичность – значительно сокращаются расходы на дальние поездки к месту обучения.

Дистанционное обучение – это самостоятельная форма обучения, информационные

технологии в дистанционном обучении являются ведущим средством [2].

Использование технологий дистанционного обучения играет большую роль для организации самостоятельной работы студентов заочной формы обучения, на которую отведено большее время, чем на аудиторную форму работы. Поэтому возникает необходимость изменения подхода именно к самостоятельной работе студентов-заочников в период между сессиями, установлению обратной связи между преподавателем и студентом в это время. Важно также учитывать, что большинство обучающихся проживают не в городе обучения, что не способствует регулярному посещению ими консультативных занятий в период между сессиями. Одним из способов решения этой проблемы может стать внедрение технологий дистанционного обучения в систему заочного обучения иностранному языку, а именно использование виртуальных обучающих сред в самостоятельной работе студентов в период между сессиями.

В обучении иностранному языку студентов заочной формы, обучающихся на математическом факультете Челябинского государственного университета используются дистанционные технологии на базе виртуальной обучающей среды Moodle.

Система дистанционного обучения Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) – это система управления содержанием сайта, специально разработанная для создания онлайн-курсов преподавателями. Виртуальная платформа предназначена, прежде всего, для организации взаимодействия между преподавателем и обучающимися, хотя подходит и для создания традиционных дистанционных курсов, а также поддержки очного обучения.

Процесс дистанционного обучения состоит из следующих этапов: собственно самостоятельной работы по изучению необходимой информации, выполнению проверочных заданий и других контрольных работ, необходимых для успешной сдачи экзамена на базе виртуальной обучающей среды Moodle и аудиторного обучения на сессии, в процессе которой сдаются зачеты и экзамены, требующие физического присутствия студента и преподавателя, составляются планы занятий на будущий учебный период и т.д.

Безусловно, организация и создания курса иностранного языка на базе виртуальной обучающей среды Moodle требует высоких тру-

дозатрат от преподавателя на начальном этапе, так как предъявляемый учебный материал должен быть аутентичным и доступным, содержать широкое разнообразие упражнений и тестов, обеспечивать возможность многократного повторения материала с целью прочного его запоминания и формирования необходимого умения или навыка. Но в дальнейшем использование этой системы приносит неоспоримые преимущества в педагогическом процессе.

Главное преимущество образовательной платформы Moodle состоит в том, что студенты получают доступ к учебным материалам курса для самостоятельной работы, вне зависимости от временной и пространственной удаленности, в том числе и средствам самоконтроля. Преподаватель, в свою очередь, может рационально организовать процесс обучения, используя такие возможности Moodle, как обеспечение учебными материалами, создание тестов для самоконтроля, отслеживание результатов усвоения учебного материала, информирование о предстоящих событиях, и многое другое.

Преподаватель имеет доступ к необходимой информации, возможность вести контроль времени, затрачиваемого на вопросы, видеть количество попыток, а также отслеживать те вопросы или задания, которые вызывают наибольшие трудности и т.д. Все это позволяет правильно оценить полученные знания, навыки и умения, полученные в результате проведенного обучения. Наличие подобной информации позволяет намного эффективнее организовать самостоятельную работу студентов.

К моменту сдачи контрольного теста студент должен быть ознакомлен со всеми необходимыми материалами и выполнить все упражнения для самопроверки. Когда процесс изучения материала завершен, обучающийся сдает контрольный тест и выполняет проверочные работы.

В процессе обучения студента сопровождает преподаватель, с которым можно взаимодействовать посредством консультаций по видеосвязи, а также в формате индивидуального общения с помощью чата и электронной почты.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование дистанционных технологий для обучения иностранному языку студентов заочной формы обучения предоставляет ряд существенных преимуществ перед традиционными методами и формами организации, а именно:

возможность реализации личностно-ориентированного подхода, что подразумевает учёт индивидуальных особенностей обучающихся; наличие быстрой обратной связи; неограниченное количество материалов, представленных в наглядной форме; разнообразный характер самостоятельной работы. Виртуальная образовательная платформа Moodle позволяет организовать активную самостоятельную работу студентов, оптимизировать её, разнообразить способы предъявления учебной информации, тем самым повысить интерес к обучению. Все вышеперечисленное помогает добиться более высоких результатов по иностранному языку студентам неязыковых специальностей заочной формы обучения, по сравнению с традиционной системой заочного образования.

Список литературы

1. Мекеко, Н. М. Теория и практика заочного обучения ИЯ : дисс. ... д-ра пед. наук. / Н. М. Мекеко. – Москва, 2009. – 417 с.
2. Полат, Е. С. Педагогические технологии дистанционного обучения / Е. С. Полат, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; под ред. Е. С. Полат. – М.: Академия, 2006 – 400 с.
3. Полат, Е. С. Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учебн. заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева; Под ред. Е. С. Полат // М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 416 с.
4. Полат Е. С. Методология определения эффективности дистанционной формы обучения.// Лаборатория дистанционного обучения. URL <http://distant.ioso.ru/library/publication/voprosef.htm>
5. Попова Т. П. Заочное языковое образование в условиях новой парадигмы обучения иностранным языкам // Актуальные вопросы современной науки. 2013. № 26. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zaochnoe-yazykovoe-obrazovanie-v-usloviyah-novoy-paradigmy-obucheniya-inostrannym-yazykam>.
6. Угольников, В. В. Компьютерные технологии как средство обучения ИЯ в вузе : дисс. ... канд. пед. наук / В. В. Угольников. – Москва, 2004 – 201с.
7. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика. – М.: Филоматис, 2006. – 480 с.

Н. Ф. Большакова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)

О ПЕРЕВОДЕ АТРИБУТИВНЫХ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

TRANSLATION OF MULTI-ATTRIBUTE COMBINATIONS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Статья посвящена вопросу перевода многокомпонентных атрибутивных сочетаний с английского на русский язык в научно-техническом тексте. Проанализированы способы перевода указанных сочетаний на материале специализированного руководства по техническому обслуживанию индивидуальных систем очистки сточных вод «Choosing a Wastewater Treatment System». Методом выборки было выделено 70 случаев использования устойчивого многокомпонентного атрибутивного словосочетания терминологического характера в 203 случаях их употреблений. Зафиксированные единицы были систематизированы по компонентному составу и частоте использования. Словосочетания были классифицированы по способам их перевода на русский язык и разделены на 7 групп. Было обнаружено, что с увеличением количества компонентов увеличивается число структурных моделей. Увеличение количества компонентов ведет к сокращению их числа в тексте.

The article focuses on the translation of multi-attribute combinations from English into Russian in scientific and technical texts. Ways of translating these combinations are analyzed on the material of specialized maintenance manuals «Choosing a Wastewater Treatment System». The method of sampling was used to allocate 70 sustainable multi attributive phrases in 203 cases of their use. Fixed units were systemized according to their composition and frequency of use. Phrases were classified according to translation methods and divided into 7 groups. It was found that increasing the number of components raises the number of structural models. Increasing the number of components leads to reducing their number in the text.

Ключевые слова: перевод, многокомпонентные атрибутивные сочетания, научно-технический текст, структурная модель, термин.

Keywords: translation, multi-attribute combinations, scientific and technical texts, structural model, term.

Современные исследования специалистов в области научно-технического перевода направлены на достижение адекватных переводов и способствуют ускорению обмена информацией в области новейших достижений среди представителей науки и промышленности разных стран. Одной из задач, стоящих перед исследователями, является теоретическое осмысление проблем перевода многокомпонентных атрибутивных словосочетаний в научно-технических текстах. Многокомпонентные словосочетания современного английского языка вызывают интерес целого ряда исследователей, о чем свидетельствует значительное количество работ, посвящённых анализу различных аспектов таких лексических конструкций [1, 3, 4, 5].

Атрибутивные словосочетания широко распространены в английском языке. Они часто

встречаются в общественно-политических и научно-технических текстах и представляют трудность для перевода ввиду многообразия семантических связей между членами словосочетания, а также из-за многозначности словосочетания. Отметим, что наиболее высока доля употребления субстантивных атрибутивных словосочетаний в научном стиле. Е. В. Юрьева выделяет четыре фактора, обуславливающих эту частотность:

- требование информационной компрессии;
- необходимость снятия синтаксической «громоздкости»;
- высокая потребность в словосочетаниях-терминах и клишированных словосочетаниях, не допускающих вариативности интерпретации;

- широкое использование определений в научных текстах [6].

Объектом данного исследования стал перевод специализированного научно-технического руководства по выбору систем водоотведения, освещающего аспекты проектирования, монтажа и технического обслуживания индивидуальных систем очистки сточных вод «Choosing a Wastewater Treatment System». Данный текст был опубликован в январе 2005 года научным отделом университета Род-Айленда в Кингстоне.

Оказалось, что данный текст изобилует многокомпонентными атрибутивными словосочетаниями, необходимыми для описания гидротехнических сооружений, конструкционных материалов, технологических механизмов и так далее. В связи с тем, что в русском языке не существует аналога данных словосочетаний, была поставлена задача обозначения и выявления закономерностей при переводе данных конструкций.

В ходе исследования были проанализированы существующие теоретические предпосылки, касающиеся данной темы. Было отмечено, что атрибутивная связь является наиболее тесным видом связи, при котором слова образуют комплекс, входящий в предложение как единый сложный член предложения, а также то, что в атрибутивном словосочетании только последнее слово-компонент прямо соотносено с обозначаемым предметом или явлением.

Как оказалось, с увеличением количества компонентов в составе многокомпонентных сочетаний увеличивается число структурных моделей. Увеличение количества компонентов ведет к сокращению их числа в научном тексте.

Замечено, что увеличение длины многокомпонентных словосочетаний отражает стремление к точности выражения понятия, поскольку с увеличением количества компонентов степень многозначности убывает [2].

Учитывая тот факт, что отношения между определением и определяемым в субстантивных группах могут быть весьма разнообразными, были рассмотрены различные отношения внутри английского многокомпонентного словосочетания.

В ходе исследования была составлена картотека атрибутивных многокомпонентных словосочетаний из текста «Choosing a Wastewater Treatment System» с целью выявления особенностей употребления данных словосочетаний, а также их частотности. Методом выборки

было выделено 70 случаев использования устойчивого многокомпонентного атрибутивного словосочетания терминологического характера в 203 случаях их употреблений. Зафиксированные единицы были систематизированы по компонентному составу и частоте использования.

Анализ картотеки позволил сделать следующие наблюдения. Подавляющее большинство терминологических словосочетаний в исследуемом тексте, а именно 39 словосочетаний из 70 (56%), являются трехкомпонентными, 24 (34%) – четырехкомпонентными, 6 (9%) – пятикомпонентными, а так же 1 (1%) – шестикомпонентным.

Словосочетания были классифицированы по способам их перевода на русский язык и разделены на 7 групп: последовательный перевод, предложный перевод, перевод с использованием опущения, перевод способом замещения, редуктивный способ перевода, перевод смысловых групп и развернутый перевод. Приведем примеры:

1. Последовательный способ перевода

Большинство из данных словосочетаний переводятся справа налево, где главным, то есть первым при переводе, словом является последнее в оригинале. В данном случае перевод характеризуется полным совпадением частеречного оформления. Отличие перевода состоит лишь в изменении окончаний существительных.

Onsite wastewater treatment system – Индивидуальная система очистки сточных вод. Пример сопровождается прилагательным *onsite* для определения одного из существительных в словосочетании. Если предположить, что *onsite* описывает *treatment*, то к смысловой группе *onsite treatment* (локальная очистка) добавляется еще один описательный компонент *wastewater*, который также относится к существительному *treatment* и вместе с ним составляет словосочетание, которое можно перевести как «индивидуальная очистка сточных вод» (расположенная на месте (*onsite*) очистка, которой пользуется один дом, т.е. индивидуально). В конечном итоге все вышерассмотренные компоненты второстепенны и являются описательными по отношению к главному компоненту в данной цепочке – *system*.

Wastewater treatment potential – уровень очистки сточных вод.

Данная группа является самой распространенной. Количество случаев – 27 из 70, что в процентном отношении составляет 38,6%.

2. Предложный способ перевода

Словосочетания следующей группы перешли из разряда предложных в разряд субстантивных, или премодификационных, как они названы в статье Ю.М. Скребнева, с определением или дополнением в постпозиции [4. С. 118]. При переводе на русский язык требуется восполнение недостающего предлога.

Two-compartment tank – бак с двумя отделениями;

Protective screen vault – отделение с защитной решеткой;

Long-term treatment performance – очистная производительность в течение длительного времени.

Количество многокомпонентных атрибутивных словосочетаний, переведенных с помощью предложного способа составляет 8 случаев из 70 (11,4%).

3. Перевод с опущением части высказывания

Иногда один или несколько компонентов стоит заменить более понятным для русскоязычного реципиента словом или убрать вообще.

Raised, mounded fill system – насыпная система. В данном случае (*raised* – приподнятая, *mounded* – насыпная, *fill* – наполнитель) нет необходимости переводить «приподнятая система, отсыпанная с помощью наполнителя» т.к. все это может быть заменено на одно слово, указывающее на насыпь.

Данному типу перевода также соответствует 6 случаев (8,6%).

4. Перевод с замещением

Не всегда главным компонентом словосочетания при переводе будет последний компонент в оригинале, иногда им является первый компонент. Происходит замещение ядра словосочетания.

Septic tank effluent pressure – напорный септик;

Grinder pump pressure collection – насосные станции-дробилки.

Всего 4 многокомпонентных атрибутивных словосочетаний было переведено данным способом (5,7%).

5. Редуктивный способ перевода

В случае употребления устойчивых словосочетаний представляется возможным найти в словаре более лаконичный и емкий русский эквивалент или заменить многокомпонентное словосочетание на иностранном языке простым словосочетанием на языке перевода.

Suspended growth aerobic treatment unit – аэротенк – смеситель;

Fixed-film reactor – биофильтр;

Sequencing batch reactor – аэротенк – вытеснитель.

Данный способ является одним из самых распространенных при переводе научного текста, содержащего большое количество терминов. В рассматриваемом тексте количество словосочетаний, переведенных редуктивным способом, равняется 11 (15,7%).

6. Перевод смысловых групп

Многие словосочетания следует рассматривать как единую группу словосочетаний, не переводя каждый компонент в отдельности, в связи с неделимостью двухкомпонентного словосочетания внутри многокомпонентного.

Ultraviolet light disinfection unit – блок обеззараживания УФ светом.

В рассматриваемом тексте данный способ перевода многокомпонентных словосочетаний использовался 3 раза, что составляет 4,3%.

7. Развернутый перевод

Во многих случаях переводчик прибегает к объяснению слова или словосочетания:

Backyard septic system – септическая система, расположенная на заднем дворе;

Dry-fitted rock sidewall – колодец со стенами из булыжников, собранный без связующего материала;

Traditional trench drainfield – стандартное поле фильтрации с использованием траншей;

General treatment train – принцип последовательности процессов очистки сточных вод.

Способ развернутого перевода также входит в число самых частотных. Количество применения данного способа равняется 11 случаям из 70 (15,7%).

Таким образом, английские многокомпонентные атрибутивные словосочетания были исследованы в контексте различных вариантов по типу перевода.

В заключение можно сказать, что перед переводчиком стоит сложнейшая задача передачи смысла с иностранного языка на родной, разрешить которую можно только владея высоким уровнем теоретической и практической языковой подготовки и обладая достаточными знаниями в сфере профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: «Международные отношения», 1975. – 240 с.
2. Борисова Л. И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перево-

да: Учебное пособие. – М.: МПУ, 2001. – 208 с.

3. Гак, В. Г. Повторная номинация на уровне предложения. – М., 1979. – 91 с.

4. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка. – М.: Астрель, 2003. – 222 с.

5. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. – 286 с.

6. Юрьева, Е. В. Английские субстантивно-субстантивные словосочетания в стилевой дифференциации языка: дис. ... канд. фил. Наук / Е.В. Юрьева. – М., 2009.

А. С. Бубнова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
(Нижний Новгород, Россия)*

**КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СИТУАЦИИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОЙ
И РУССКОЙ ВЕРСИЙ ФИЛЬМА Л. БЕССОНА «TAXI»)**

**CULTURAL ASPECTS OF WORKPLACE COMMUNICATION
(BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND JAPANESE TRANSLATIONS
OF L. BESSON'S FILM "TAXI")**

В данной статье на примере одного фрагмента фильма «Taxi» рассматриваются способы приведения этнокультурного компонента языка оригинала в соответствие с социальными речевыми кодами, принятыми в языке перевода. Произведенные переводческие трансформации объясняются спецификой делового общения, отличающей три культурные среды: французскую, японскую и русскую. Исследование строится на анализе перевода четырех наиболее показательных моментов: призыв к действию, выражение пренебрежительного отношения, завуалированное извинение/лесть и мотивация.

This paper tackles the familiar issue of linguistic, cultural and social adaptation in translation. The author suggests that the use of translation transformations is due to the specific workplace communication proper to the following three cultures: French, Japanese and Russian. The analysis is based upon four particular moments of one scene from the film "Taxi": call to action, expression of disdain, hidden apology/flattery and motivational methods.

Ключевые слова: переводоведение, переводческие трансформации, межличностное взаимодействие, деловое общение, социальные коды.

Keywords: translation studies, translation transformations, human relations, workplace communication, social codes.

Речь как продукт социальной жизни человека детерминирована социальными правилами, следование которым приводит к достижению того результата, к которому стремится адресант при выборе речевых ходов, ведущих к успешной реализации коммуникативных целей. Таким образом, успешность коммуникативного взаимодействия зависит от соблюдения порядка следования социальным конвенциям [3].

Ситуация общения может существенно осложниться, если в коммуникацию вступают представители разных культур, являющиеся, следовательно, приверженцами разных норм речевого поведения. В качестве примера коммуникативной ситуации подобного типа можно привести диалог между персонажами переводного фильма. Любой фильм в принципе представляет собой своеобразный ком-

муникативный акт между создателем фильмами-инициатором коммуникации (общающимся опосредованно, через героев) и зрителями-реципиентами (пассивными участниками коммуникации). Когда же этот фильм показывается иноязычной аудитории, на временные и пространственные факторы накладываются еще и лингво-социальные и этнокультурные, способные существенно затруднить процесс коммуникации и повлиять на восприятие фильма представителями другой культуры, а, следовательно, – на авторский замысел и успешность/кассовость фильма.

Следует отметить, что при выборе стратегии перевода многое определяется не только жанром фильма и замыслом создателя, но и характером самих культурно обусловленных особенностей. Как мы уже писали ранее в исследовании, посвященном работам Х. Миядзаки, всякий фильм несет в себе определенный посыл и воспроизводит культурные референции той страны, в которой он был снят. Тогда мы отметили, что, к сожалению, из-за неизбежных переводческих трансформаций определенная часть этих референций может быть и, скорее всего будет, потеряна [2]. Думается, однако, что на этот раз по ряду причин воспроизведение в переводе национальных особенностей делового общения, присутствующих в оригинале, было бы нежелательно.

Исходя из того, что перевод – это форма языкового посредничества в условиях межкультурной коммуникации, представляется логичным, что «переводчик сталкивается с двумя типами проблем и вынужден одновременно решать два типа задач – он должен переводить не только с языка на язык, но и <...> с культуры на культуру <...>. В этом случае от переводчика требуется не только умение понять то, что сказано в оригинале, но и то, что из сказанного и почему может оказаться непонятным получателю перевода, принадлежащего к другой лингвокультуре» [4. С. 47–48]. Другими словами, для реализации коммуникативных интенций создателей фильма от переводчика требуется помимо передачи смысла еще и культурное «перекодирование» исходных сообщений, т.е. приведение этнокультурного компонента языка оригинала в соответствие с социальными речевыми кодами, принятыми в языке перевода.

Например, этнокультурная разница в принципах делового общения хорошо просматривается в реализации (и переводах) монолога комиссара Жибер, адресованного своим по-

чиненным на общем собрании. Мы остановимся на четырех моментах, с нашей точки зрения, достаточно показательных: коммуникативного воздействия под влиянием раздражения, выражении пренебрежительного отношения, завуалированного извинения/лести и мотивации.

Следует отметить, что о какой бы культуре ни шла речь, особенностью делового общения является его регламентированный характер и ограниченность рамками определенной темы или круга вопросов. Однако несмотря на преимущественно практическую направленность, деловое общение нередко происходит в эмоционально-оценочном контексте. Эмоции, приносимые каждым из участников, вызваны стремлением понять, выразить отношение, степень понимания/согласия, оценку, оказать влияние на собеседника или процесс коммуникации. Интенсивность эмоций и языковые средства их выражения напрямую связаны с культурной средой, в которую помещены коммуниканты. Следовательно, при переводе фильмов, представляющих собой продукт неродственной культуры, для обеспечения адекватного зрительского восприятия фильма необходимо вносить определенные коррективы.

Речь комиссара Жибера в исследуемом отрывке в эмоционально-оценочном плане очень неоднородна: от раздражения он переходит к пренебрежению, от грубости – к лести.

В оригинале комиссар Жибер, раздраженный тем, что Эмильен его не слышит, прибегает к так называемому переходу на личности по типу *ad personam* – личностные нападки. При этом коммуникативное давление происходит путем воздействия не на ценностную сферу как в случае с оскорблением [3], а на физиологическую – комиссар называет Эмильена глухим:

«Vous entendez ou quoi ? J'ai dit dans mon bureau immédiatement. Vous êtes sourd , Emilian ?»

В русском переводе этот момент полностью сохраняется:

«Слышите меня? Я сказал – немедленно в моем кабинете. Вы что, глухой, Эмильен?»

Это позволяет говорить об определенной идентичности русской и французской культур в том, что касается отношений начальник-подчиненный. Занимающий более высокое положение может пренебрежительно и даже грубо отзываться о способностях нижестоящих, причем выражает свое мнение всегда эксплицитно. В отличие от французской и русской версий, японская в лексическом отношении отличается большей сдержанностью:

すぐここへ飛んできて！聞いているのか
(букв. «Бегом сюда! Слышите?»)

Здесь следует отметить одну чисто языковую особенность японского языка: категоричность высказываний, как правило, находит не лексическое выражение, а грамматическое. Там, где носители французского и русского языков предпочтут другое слово с резко отрицательной/оскорбительной коннотацией, носители японского языка просто изменят грамматическую форму. Поэтому грубоватое отношение останется, а перехода на личности не будет – не принято.

Следующий момент – выражение пренебрежительного отношения к третьим лицам (в данном случае – к немцам-угонщикам). Уничтожительные слова комиссара призваны, помимо прочего, вселить в подчиненных уверенность в правильности и оправданности их действий. При этом французы, следуя англо-саксонской модели выражения негативных эмоций, даже в ситуации делового общения непосредственно апеллируют к физиологической сфере, а именно – к так называемым «образам материально-телесного низа» (термин М. М. Бахтина [1]):

«*Alors, la liaison Paris-Bonn, l'amitié franco-allemande, mes fesses, d'accord ? C'est pas pour vous, Petra, que je dis ça.*»

Нельзя отрицать, что и в русском языке в условиях неформального общения подобная лексика может быть использована, но в формальной обстановке ее употребление табуировано. Это связано с принципиальным отношением русскоговорящих ко всей инвективной лексике: что бы ни лежало в основе номинации, употребление инвективов, прежде всего, дискредитирует самого говорящего, характеризуя его как человека невоспитанного и малокультурного. Поэтому в переводе выражение *mes fesses* заменено на «имел я их всех»: оно тоже далеко не вежливое, однако, поскольку производных от табуированных слов и непосредственного адресата нет, в данном случае оно воспринимается просто как выражение крайне отрицательных эмоций и не более.

Для японцев же слова, апеллирующие к «материально-телесному низу», к инвективам вообще не относятся. Услышав что-то вроде *mes fesses*, они будут крайне удивлены, но не потому что это бранное слово, а потому что не поймут, какое отношение оно имеет к происходящему. У японцев гораздо более спокойное отношение к анатомии, нежели у русских или французов, один орган не лучше и не хуже другого и оскорбить этим нельзя (как если бы в разговоре кто-то вдруг сказал «желудок» или

«желчный пузырь»). Этим и обусловлен выбор эквивалента *クソ食らえ*: максимально близко по теме к оригиналу, но анатомию не трогает.

Отказ от передачи этой культурной особенности влечет за собой дальнейшие изменения: в оригинале ругательство Жиберы может трактоваться как проявление мачизма или сексизма. Он произносит слово *fesses* в присутствии женщины, которая может увидеть в этом признаки домогательства. Поэтому комиссар Жибер вынужден тут же извиниться:

«*Alors, la liaison Paris-Bonn, l'amitié franco-allemande, mes fesses, d'accord ? C'est pas pour vous, Petra, que je dis ça.*»

В русской культуре мачизм пока остается без особого внимания, а подобного рода высказывания не будут рассматриваться как домогательства. Однако не исключено, что в чисто мужском коллективе кто-то не устоит перед возможностью пошутить на эту тему:

«*И забудьте про франко-немецкую дружбу. Имел я их всех. Не вас, Петра.*». Впрочем, французы тоже бы с удовольствием пошутили, но сдерживающим фактором является вероятность судебного иска.

В японском коллективе о подобных высказываниях и речи быть не может: гендерные отношения не подлежат публичному обсуждению. Поэтому в переводной японской версии этот момент просто проигнорирован.

Наконец, чтобы загладить вину перед Петрой за мачистские высказывания, комиссар прибегает к завуалированной похвале. Этот момент нашел отражение в обоих переводах, причем с небольшим, но существенным в этнокультурном плане нюансом:

Оригинал	Русский перевод	Японский перевод
<i>C'est pas pour vous, Petra, que je dis ça, vous êtes allemande, mais vous êtes flic, alors ça va.</i>	Имел я их всех. Не вас, Петра. Хотя вы и немка, но вы работаете в полиции, так что все в порядке.	ペトラ、君に言ったんじゃないよ。君がドイツ人だが、立派な刑事だ。

Пытаясь отвлечь внимание Петры от провокационных слов, комиссар говорит, что сказанное к ней не относится, т.к. она работает в полиции. Своими словами комиссар одновременно сглаживает отталкивающее впечатление от предыдущей реплики и льстит Петре, а вместе с ней и всем остальным: быть полицейским – значит занимать привилегированное положение.

ние. Таким образом комиссар вселяет в подчиненных еще и чувство гордости, тем самым дополнительно повышая их мотивацию.

Нетрудно заметить, что во французской и русской версиях положительным моментом, по мнению комиссара, считается уже сам факт работы в полиции, в то время как в японской говорится еще и о качестве работы: 立派な刑事 (букв.: «замечательный следователь»). Дело в том, что для японца принадлежность к какому-либо трудовому коллективу сама по себе не является ни положительным, ни отрицательным маркером, признания заслуживают лишь достижения и результаты. Следовательно, похвала или лесть обязательно должны иметь качественно-оценочную составляющую.

Наконец, последний момент, на который хотелось бы обратить внимание, – это культурно обусловленная разница в соотношении работы и личных обстоятельств. В оригинале герой открыто говорит, что для него это дело личное:

«Mon grand-père est tombé dans leur tranchée, j'en fais une question personnelle».

В переводе на русский язык это отношение сохраняется:

«Для меня это личное дело: мой дед погиб, сражаясь с ними».

И в русском, и во французском текстах упоминание о личном деле призвано придать высказываниям комиссара иллокутивную силу: поскольку он будет следить за расследованием этого преступления особо пристально, подчиненные должны приложить максимум усилий для скорейшего раскрытия дела, а недостаточное рвение будет приравняться к пренебрежительному отношению к комиссару лично, что в конечном итоге может спровоцировать межличностный конфликт.

В противоположность французской и русской версиям, в переводе на японский язык эксплицитное указание на особое отношение комиссара к расследуемому делу отсутствует, и переводчик ограничивается лишь упоминанием гибели дедушки: 私の祖父は塹壕に落ちて死んだ。

Объясняется это тем, что в японском обществе не принято смешивать работу и личные дела, и тем более этого не должны делать госслужащие, т.к. это будет означать предвзятость, избирательность и отсутствие одинаково объективного отношения.

Взятый по отдельности, каждый из рассмотренных фрагментов не вносит значимых изменений в интерпретацию всего текста, однако в совокупности они уже способны дать пред-

ставление об особенностях межличностного взаимодействия в условиях делового общения, присущего разным культурам:

<i>Французский оригинал:</i> Герой демонстрирует личную заинтересованность, речь с элементами разговорно-фамильярного и разговорно-сниженного регистра	Entendez ou quoi ? J'ai dit dans mon bureau immédiatement. Vous êtes sourd , Emilian ? <...> Mon grand-père est tombé dans leur tranchée, j'en fais une question personnelle. Alors, la liaison Paris-Bonn, l'amitié franco-allemande, mes fesses, d'accord ? C'est pas pour vous, Petra, que je dis ça, vous êtes allemande, mais vous êtes flic, alors ça va.
<i>Русский перевод:</i> Герой демонстрирует личную заинтересованность, речь с элементами разговорно-фамильярно-го регистра	Слышите меня? Я сказал, немедленно в моем кабинете. Вы что глухой, Эмильен? <...> Для меня это личное дело: мой дед погиб, сражаясь с ними. Париж-Бонн уже не города побратимы. И забудьте про франко-немецкую дружбу. Имел я их всех. Не вас, Петра. Хотя вы и немка, но вы работаете в полиции, так что все в порядке.
<i>Японский перевод:</i> Герой демонстрирует прагматизм и приверженность фактам, речь с некоторыми элементами разговорного регистра	すぐここへ飛んで来い！聞いているのか<...> 私の祖父は塹壕に落ちて死んだ。私に言わせればドイツとの友好関係などクソ食らえだ。そうだろう。ペトラ、君に言ったんじゃないよ。君がドイツ人だが、立派な刑事だ。

Как мы смогли убедиться, переводы даже очень небольшого фрагмента анализируемого фильма изобилуют смысловыми трансформациями. В данном случае они представляются не только оправданными, но и абсолютно необходимыми, поскольку напрямую связаны с особенностями делового общения и соци-

альными кодами представителей трех неродственных культур. Приверженность оригиналу была бы, вероятно, чревата негативными последствиями: смысловыми отклонениями, отрицательным восприятием реципиентов и – не исключено – коммерческим провалом произведения.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 541 с.
2. Бубнова, А. С. Некоторые переводческие трансформации во французской и русской версиях аниме-фильма Хаяо Миядзаки «Унесенные призраками»

3. (千と千尋の神隠し / Le voyage de Chihiro) / А. С. Бубнова // Вестник Челябинского государственного университета №6 (335) / Филология. Искусствоведение. Вып. 88, 2014. – С. 10–14.

4. Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Кусов. – Волгоград, 2004. – 27 с.

5. Петрова, О. В. Сырные пирожные в овощном саду, или что происходит у нас на рынке переводческих услуг / О. В. Петрова // Перевод, лингвистика и межкультурная коммуникация: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 7. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2005. – С. 47–54

Ю. Е. Валькова

Сибирский федеральный университет
Красноярск (Россия)

ОСТРАНЕНИЕ В СИТУАЦИИ ПЕРЕВОДА

ESTRANGEMENT IN TRANSLATION

В статье рассматривается прием остранения в реализации его в политическом дискурсе публицистических текстов и их переводов (на материале статей The Moscow Times, описывающих Санкт-Петербургский экономический форум). Основное внимание уделено переводу случаев остранения и современных русских реалий на английский язык.

The article focuses on estrangement in the political discourse of journalistic texts and their translation (on the basis of The Moscow Times' articles, which describe the St. Petersburg Economic Forum). Focusing on translating estrangement and modern Russian realities into English, the author draws up some recommendations.

Ключевые слова: остранение, реалии, Санкт-Петербургский экономический форум.

Keywords: estrangement, realities, St. Petersburg Economic Forum.

Прием остранения, введенный В.Б. Шкловским [5. С. 1], встречается в разных видах искусства (театр, философия, психология, разные жанры литературы для детей и взрослых, кинематограф).

Остранение – универсальный закон искусства, так как автор любого художественного произведения неизбежно отделяется, следовательно, отстраняется от пережитого опыта и накопленных впечатлений и создает свой

текст, находясь от него на некоторой дистанции, не будучи погруженным в само производство.

При переводе с одного языка на другой и при переводе из одной культурной решетки в другую необходимо распознавать остранение и учитывать замысел автора при передаче семантических и стилистических аспектов адекватно, без обесценивания приема и без добавления лишней окраски, сообщающей

отчужденность автора, рассказчика или героя в ситуации описания действительности или описания переживания этой действительности.

Неспособность перевода адекватно передать некоторые значимые для понимания текста социокультурные нюансы становится особенно очевидной при анализе инференций, то есть семантических следствий более общего характера, выводимых из описания конкретных деталей [2. С. 17].

Так, например, при переводе современных русских реалий на английский язык для тех, кто собирается жить в России и не владеет русским языком, возникают следующие переводческие задачи: осуществить перевод без обширных комментариев (что может придать тексту излишнюю отстраненность), перевод без уподобления реалиям в принимающей культуре (избегание остранения). В.В. Кабакчи говорит о необходимости создания Russian-Culture-Oriented English, разновидности английского языка для описания иноязычной культуры, языка, приспособленного к специфике данной культуры [3. С. 1]. При этом подходе при переводе должна сохраняться необходимая степень остранения без ухода в создание экзотизмов.

Посмотрим на создание незапланированных авторами-журналистами случаев остранения и нейтрализацию ими остранения в политическом дискурсе на примере одного и того же события, происходящего ежегодно и освещаемого газетой The Moscow Times, ставящей своей целью интегрировать иностранцев в пространство современной России. Для целей настоящей статьи было выбрано описание ежегодного Санкт-Петербургского экономического форума, поскольку 1) в нем принимает участие много иностранцев; 2) информация о форуме интересна иностранцам, в том числе тем, кто живет в России; 3) при описании этого события авторы статей часто прибегают к прямому цитированию, которое вызывает сложность для перевода из-за обилия реалий и часто метафорического языка цитируемых лиц; 4) среди авторов статей есть а) те, для которых родным является русский язык; б) те, для которых родным является английский язык; в) билингвы; в связи с чем выбор в пользу остранения / отказа от остранения может быть обусловлен языковой компетенцией журналиста и верным или неверным пониманием того, какие языковые средства выбирать для описания русских реалий. Кроме статей, публикуемых в газете, в анализируемой подборке представлены публи-

кации на сайте газеты, в том числе те, автор которых не указан, например [13].

При описании Санкт-Петербургского экономического форума в 2011 г. русскоязычный автор публикации использует цитату, где форум сравнивается с потемкинской деревней. Кажется, что такой прием удачен, однако в нем есть избавление от остранения, заложенного автором цитаты, так как он сам иностранец (Bill Browder, the Hermitage Capital CEO) [7. С. 1–2].

При описании форума в 2012 г. англоязычным автором [6. С. 1] вводятся хорошо знакомые русскому реципиенту описания типа «перезагрузка», «империалистичные настроения Запада», «подачки» (“reset”, “imperial” attitude, McFaul said the figure was a “pittance”) в их буквальном переводе на английский, при этом большая часть таких выражений дана в кавычках; прибегая к несобственно-прямой речи автор смешивает свое журналистское описание с той картиной, которая могла создаться у русскоязычного реципиента. На наш взгляд, лучше было бы отказаться от применения явных калек или не закавычивать их, создавая тем самым ненужное остранение. Более удачно справился с задачей перевода речи В. В. Путина на форуме следующий автор [10. С. 1]: «While it will take time to convince skeptical investors who have seen many false dawns, momentum in the right direction could bring a change in sentiment and would encourage local companies themselves to invest in boosting their own transparency». Подчеркнутые выражения в таком переводе не воспринимаются как чужеродные для англоязычного реципиента и потому не привносят лишнее остранение в перевод.

При описании форума в 2013 г. англоязычный автор вводит русские реалии в текст, закавычивая их и иногда давая пояснения, тем самым одновременно и вносится, и снимается остранение. Например: «talk about “humanizing” the legal system» (далее идет пояснение, что подразумевает эта «гуманизация»); «mega regulator» (без пояснений); «The very language of Russian politics – “clans” warring over the spoils» (дается описание деятельности кланов) [12. С. 1]. Таким образом автор блога способствует формированию Russian-Culture-Oriented English. Русскоязычный автор другой статьи [9. С. 1] также вводит в текст реалии (ruble, kopeck, New Russia), но они понятны англоязычному читателю и остранения в текст не привносят, цитирование русских участников идет как прямое, так и не прямое, при этом остранения не наблюдается. Автор цитирует

как русскоязычных участников форума, так и иностранцев, тем самым создавая многоголосную и объективную картину.

При описании форума в 2014 г. русскоязычный автор статьи, характеризуя речевое поведение президента РФ В. В. Путина, пишет: «His exploitation of the nationalist rhetoric was unmistakable in his speech on Crimea, which includes over 20 references to “Russki”, rather than the more racially inclusive “Rossiiski”» [14. С. 1]. Создается остраение (с помощью кавычек и отсутствия объяснений, чем одно русское слово фундаментально отличается от другого), которое не является необходимым для ознакомления читателя с прохождением форума, тем более остраения не было в словах В. В. Путина в восприятии русскоязычным реципиентом. При цитировании возникает двухголосие, когда к цитируемому примешивается – незаконно с точки зрения некоторой идеальной грамматической модели – голос другого с субъективной модальностью (unmistakable) [4. С. 361]. Также в статье другого русскоязычного автора, посвященной тому же информационному поводу, остраение возникает при переводе цитаты пресс-секретаря В.В. Путина Д.С. Пескова, цитата: «Инвестиционная деятельность не терпит вакуума – если кто-то уходит, то вакуум заполняется с другой стороны» [1. С. 1] переведена буквально: «Investment activity does not leave vacuum spaces. If someone leaves and the space is left empty it is immediately filled from the other side» [11. С. 1]. Буквальное воспроизведение цитаты за исключением лексической замены и нейтрализации глагола («не терпит» на «не оставляет») привносит в текст остраение. Анализ поисковых запросов «Гугла» по «vacuum spaces» продемонстрировал отсутствие выражения, употребленного в непрямом смысле, что свидетельствует о переводе с добавлением остраения, что в данном случае не является лучшей переводческой стратегией.

При описании форума в 2015 г. англоязычным автором публикации внесено остраение в перевод речи В.В. Путина: «We have stabilized the situation, absorbed the negative short-term fluctuations, and are now making our way forward confidently through this difficult patch» [8. С. 1]. В оригинале цитата звучала так: «Мы стабилизировали ситуацию, погасили негативные колебания конъюнктуры и уверенно проходим через полосу трудностей» [URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49733>]. Подчеркнутые единицы в английском переводе опущены: 1) в первом случае полностью, что создает нейтра-

лизацию и непонимания у читателя, какие колебания преодолены, что в свою очередь ведет к остраенному восприятию; 2) во втором случае лексическая замена «полосы препятствий» на более нейтральное по смыслу «patch» приводит к дистанцированию читателя от понимания сложности описываемой ситуации, смягчает изображение трудностей. Интересен пример из другой статьи 2015 г.: при цитировании речи заместителя председателя правительства РФ А. В. Дворковича фраза «мы пойдем другим путем» передана в переводе буквально, но в кавычках: «Russia has “chosen a different path”...» [13. С. 1]. Здесь перевод с добавлением кавычек и заменой грамматического времени (будущего на настоящее совершенное) может считаться удачным, так как ленинская фраза для русскоязычного читателя русской версии речи А. В. Дворковича едва ли остраеняется, но воспринимается как цитата. В англоязычном переводе сохраняется значение цитирования.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что при переводе случаев остраения в публицистическом дискурсе лучшей стратегией представляется отход от применения буквального перевода русизмов, когда это возможно, чтобы не создать в тексте перевода для публицистического жанра лишнего остраения, характерного для художественного текста. При прямом цитировании следует отказываться по возможности от буквализмов для того, чтобы не создавать у читателя текста ощущения резкости и чуждости речи, как это проявилось в некоторых приведенных выше примерах перевода с добавлением остраения.

Список литературы

1. Дмитрий Песков: отсутствие ряда американских компаний на ПМЭФ будет восполнено // Expert Online. 7 мая, 2014. – URL: <http://expert.ru/2014/05/7/dmitrij-peskov-otsutstvie-ryada-amerikanskih-kompanij-na-pmef-budet-vozpoldeno/>
2. Добровольский, Б. Д. Лексические трудности перевода в лингвокультурном аспекте (на материале Кристи Вольф «Медея» и поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. Д. Добровольский. – М. : МГУ, 2009. – 27 с.
3. Кабакчи, В. В. The rites of drinking in the USSR / В. В. Кабакчи // Информационно-публицистический образовательный портал о языке в эпоху глобализации. – URL: <http://www.vorto.ru/statyi/rites-drinking-ussr>

4. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
5. Шкловский, В. Б. Искусство как прием / В. Б. Шкловский // ОПОЯЗ. Материалы. Документы. Публикации. – URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html>
6. Amos, H. Reset With U.S. Looks Rocky at Panel Discussion. June 25, 2012 / H. Amos // The Moscow Times – URL: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/reset-with-us-looks-rocky-at-panel-discussion/460980.html>
7. Filatova, I. From Post-Soviet Shindig to Don't Miss Event / I. Filatova // The Moscow Times. No. 4659. June 16, 2011. – 16 p.
8. Hobson, R. Putin Says Russian Economy Stabilizing / R. Hobson // The Moscow Times. October 13, 2015. – URL: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/putin-says-russian-economy-stabilizing/538746.html>
9. Nechepurenko, I. Sports Events Seen as Catalyst for 'New Russia' / I. Nechepurenko // The Moscow Times. June 23, 2013. – URL: <http://www.themoscowtimes.com/article/sports-events-seen-as-catalyst-for-new-russia/482088.html>
10. Owen, D. 2013 Offers Russia Window for Reform / D. Owen // The Moscow Times. December 14, 2012. – URL: http://www.themoscowtimes.com/business/business_for_business/article/2013-offers-russia-window-for-reform/473086.html
11. Panin, A. U.S. CEOs Shun St. Petersburg Forum But Send Their Deputies / A. Panin // The Moscow Times. May 7, 2014. – URL: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/us-ceos-shun-st-petersburg-forum-but-send-their-deputies/499760.html>
12. Pryde, I. Russia's Dull Heat of the Technological Revolution / I. Pryde // The Moscow Times. June 26, 2013 – URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/russias-dull-heat-of-the-technological-revolution/498773.html>
13. Russia to Ban Genetically Modified Organisms in Food Production // The Moscow Times. September 20, 2015. – URL: <http://www.themoscowtimes.com/article/russia-to-ban-genetically-modified-organisms-in-food-production/531823.html>
14. Tsygankov, A. Putin is Not Nationalist / A. Tsygankov // The Moscow Times. No. 4659. June 24, 2014. – URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/putin-is-not-a-nationalist/502466.html>

Т. А. Волкова

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ТИПОЛОГИЯ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕЛЕЙ ПЕРЕВОДА

TRANSLATION MODELS: TYPOLOGY AND TRANSLATOR / INTERPRETER TRAINING POTENTIAL

В статье предлагается новое понимание модели перевода и основания для построения моделей. Предпринимается попытка сформулировать типологию моделей перевода на современном этапе, описать расширение функций модели перевода и тенденции в моделировании перевода, дидактический потенциал модели. Раскрываются соответствующие положения авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода, устанавливающей взаимосвязь параметров текста, дискурса, коммуникации и переводческих решений.

The paper focuses on a new understanding of a translation model and describes foundations for developing translation models. An attempt is made to classify translation models at the present stage of research and to describe an expanding scope of their application, as well as current trends in translation modeling and possible applications to translator / interpreter training. The author describes relevant concepts of the original discourse and communication translation model that links up textual, discursive and communicative parameters and translator's solutions.

Ключевые слова: модель перевода, стратегия перевода, дискурсивно-коммуникативная модель перевода, дискурсивное досье, обучение переводу.

Keywords: translation model, translation strategy, discourse and communication translation model, discursive profile, translator training, interpreter training.

В настоящей статье мы ставим перед собой две основные задачи: описать разработанную типологию моделей перевода и место в ней авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода и на основе выявленных тенденций в моделировании процесса перевода и характеристик моделей обосновать, почему модель перевода может и должна иметь прикладной и дидактический потенциал.

По мнению Ю. Н. Марчука, «модели перевода» как «результат анализа переводческой деятельности <создаются> с разных теоретических и практических позиций и с разными целями»: «обучение переводу», «связь перевода с различными уровнями языка», «отношения с экстралингвистическими факторами», «отношение перевода к передаче смысла и содержания», «автоматизация перевода» [5. С. 6]. Е. Е. Роговская отмечает следующие вариации: «перевод может сводиться к языковому перекодированию, в процессе которого переводчик сначала выступает в функции получателя исходного текста, после чего им осуществляется функция смены вербального кода с последующим вторичным отправлением переведенного текста получателю» – «лингвистические, текст-лингвистические и вычислительные модели» [6. С. 70]. Перевод можно рассматривать «как мыслительный процесс, набор определенных стратегий, осуществляемых в голове переводчика» – «игровые, когнитивные и психолингвистические модели» [Там же]. «Возможно акцентирование цели текста перевода, тех психологических причин, которые вызвали к жизни тот или иной перевод»; «перевод приравнивается к межкультурному действию, а основная цель перевода рассматривается в рамках культуры-реципиента» – «социолингвистическая модель» [Там же. С. 71]. По мнению В. Н. Комиссарова, «задачи модели <перевода> заключаются... в том, чтобы описать последовательность действий, с помощью которых можно решить данную переводческую задачу при заданных условиях процесса перевода» [4. С. 189].

Сопоставительный анализ различных подходов к моделированию процесса перевода позволяет заключить, что основные характеристики модели перевода включают условность,

прикладной характер, эвристический подход к задаче перевода, формирование стратегии перевода, дидактический потенциал. Основные подходы к моделированию перевода: лингвистические (структурные), коммуникативно-функциональные, когнитивно-деятельностные – демонстрируют сдвиг парадигмы, тенденции к междисциплинарности и интеграции в порядке «приращения». Очевидна и другая тенденция: «дробление» моделей как модулей для конструирования множества ситуаций, концепций, сценариев в практике перевода и обучении переводу¹.

В зависимости от выбранной парадигмы исследования, на наш взгляд, объект моделирования перевода может быть представлен в виде следующей базовой дихотомии (табл. 1): процесс перевода либо действия переводчика. Поскольку процесс перевода протекает с учетом тех или иных параметров, а модель перевода описывает «процесс перевода в целом или какую-либо его сторону» [4. С. 189], к возможным объектам моделирования перевода можно отнести часть процесса перевода, определяющую действия переводчика через анализ особенностей исходного текста (ср.: «модель действий переводчика над исходным текстом»; [5. С. 13–14]).

Таблица 1.
Объект и тип модели перевода

Объект модели перевода	Процесс перевода («модель переводческого процесса», «переход от текста оригинала к тексту перевода»)	Действия переводчика («механизм переводческой деятельности», «закономерности в основе действий переводчика», «описание типов мыслительных операций», «основания выбора того или иного варианта»)

¹ Ср.: “In trying to develop theoretical components for easy assimilation and use by students, I naturally turned to the idea of models, i.e. simplified representations of phenomena or ideas, constructed with the most important entities and inter-entity links which could explain their operation” [8. P. 21–22].

Тип модели перевода	Дескриптивная модель перевода (модель, отражающая процесс перевода, «принцип работы» механизма переводческой деятельности)	Интерпретативная модель перевода (модель, описывающая действия переводчика, основания для действий переводчика)

Проводя параллели между моделями перевода и моделями в лингвистике, подчеркнем, что рассмотрены модели перевода, которые можно было бы отнести к более широкой группе *объяснительных* моделей. Теоретически среди моделей, описывающих действия переводчика, возможна «прескриптивная»¹ модель перевода, однозначно диктующая переводчику те или иные действия, однако разнообразие исходных текстов и многообразие видов переводческой деятельности делает появление такой модели объяснительного типа маловероятным. Такой подтип, вероятно, более характерен для моделей *воспроизводящего* типа (машинный перевод, контролируемый язык).

Общая типология моделей перевода, таким образом, может быть сведена к дихотомии «объяснительные (гипотетические)» и «воспроизводящие». Объяснительные, в свою очередь, делятся на дескриптивные и интерпретативные (по этой логике возможны «прескриптивные» модели, если рассматривать, например, понятие нормы Г. Тури). Модели перевода могут быть преимущественно ориентированы на исходный текст (ST-oriented) либо текст перевода (TT-oriented)².

В связи с тенденцией к интеграции моделей, «приращению» параметров модель перевода на современном этапе может, вероятно, совмещать в себе разные типы. Позволим себе техническую аналогию с чертежом: один и тот же чертеж дает информацию о том, из чего состоит механизм, и о том, как он работает, может использоваться как для описания, так и для обучения (дидактический компонент модели).

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода отображает анализ особенностей исход-

ного текста, «часть процесса перевода, определяющую действия переводчика», в целом совмещает деятельностный (когнитивный), коммуникативный (коммуникативно-функциональный) и лингвистический (структурный) подходы, привлекая для анализа дополнительные «слои» дискурса и коммуникации. В предложенной типологии модель является интерпретативной.

В модели предлагаются дополнительные параметры (уровни, слои) дискурса и коммуникации. «Мыслительные операции переводчика» (в терминах В. Н. Комиссарова, [4. С. 189]), на наш взгляд, соотносятся с выявлением особенностей исходного текста, трудностей перевода и соответствующих переводческих решений. В модели предлагаются основания для действий переводчика; в качестве основания выступает *дискурсивное досье*. Модель задает принципы формирования стратегии перевода.

Подчеркнем, что предлагаемая модель не носит прескриптивный характер, не является «руководством по эксплуатации» механизма переводческой деятельности. Описывая механизм формулирования стратегии перевода, мы сознательно не приводим универсальных стратегий, понимая стратегию перевода как гибкую, вариативную, не «программную» категорию.

Модель перевода, по мнению Д. Жилья, позволяет привлечь внимание студентов к тем или иным вопросам в процессе перевода (*raising the students' awareness*), проанализировать ошибки. Д. Жилья предлагает структуру «теория – модель – концептуальная схема» (*theory – model – conceptual framework*), необходимую обучающимся для интеграции теоретических и практических знаний³. Подобного принципа придерживаются и ведущие российские переводческие школы – например, курс теории перевода и практические курсы перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород) строятся на коммуникативно-функциональном подходе к переводу, который «пронизывает» весь процесс обучения переводу.

Д. Жилья предлагает целый набор моделей устного и письменного перевода: «коммуникативная модель перевода» (*a communication model of translation*), «информационная структура информативных предложений» (*the informational structure of informative sentences*), «модель рас-

¹ В значении предложенного здесь «интерпретативного» типа моделей мы использовали этот термин перевода на одном из этапов исследования [10].

² ST (source text) – исходный текст; TT (target text) – текст перевода.

³ “...by providing <students> with an appropriate explanatory framework, theoretical concepts and models can help them prevent or do away with strategic and tactical errors in translation” [8. P. 17].

пределения усилий в устном переводе и переводе с листа» (the effort models for interpreting and sight translation), «гравитационная модель языковых ресурсов» (the gravitational model of language availability), модель «понимания технических устных и письменных текстов» (the comprehension of technical speeches and texts), «поэтапная модель перевода» (the sequential model of translation), «гипотеза канатоходца» (the tightrope hypothesis) [8. P. 160].

В концепциях российских авторов интерес представляет «эмпатическая модель в формировании стратегии перевода» [2], в основу которой положено понятие «когнитивная эмпатия» – «учебное действие», направленное на «адекватную интерпретацию коммуникативного намерения автора на основе анализа способов и средств выражения субъектности в тексте». «Модель подразумевает воссоздание замысла автора в тексте перевода на основе исчерпывающе полного осмысления всех семантических компонентов оригинала», «адекватной интерпретации коммуникативного намерения автора», «создания таких условий, при которых стратегия перевода будет изначально формироваться на основе схемы “(автор и его текст) – (переводчик и его текст)”, а не “текст – текст”» (Там же). «Психологическое “уподобление” автору значительно облегчает понимание экспрессивных компонентов текста как средств выражения авторского отношения» [2], ср.: Д. Робинсон: “pretending to be a translator” [9].

Д. Жиль приводит ряд критериев, которым должны соответствовать теоретические положения, применяемые в обучении (potential criteria and rules for theoretical components for training; [8]): отвечать потребностям обучаемых¹; быть доступными для понимания²; вводиться в обучение только после разъяснения соответствующих понятий и явлений³; к теоретическим положениям необходимо регулярно обращаться в процессе обучения⁴. Критерии применимы, на наш взгляд, и к моделям перевода – и позволяют в определенной степени

переосмыслить понятие модели. Д. Жиль также подчеркивает важность деятельностного подхода и необходимость следовать в процессе перевода определенному алгоритму⁵, возможность использовать модель перевода для выработки стратегии перевода^{6,7}, что аналогично назначению модели перевода в нашей трактовке.

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода соответствует приведенным критериям: отвечает потребностям обучающихся; достаточно проста в понимании; вводится на том этапе, когда студенты уже освоили курс теории перевода и базовую схему переводческого анализа; модель может служить для анализа результатов перевода в ходе обучения устному и письменному переводу. Модель предлагает переводчику основания для формулирования переводческих решений на основе структуры «особенности – трудности – решения», однако не ограничивает его выбор.

Д. Жиль предлагает еще одну продуктивную концепцию, которая лишь на первый взгляд оказывается применимой сугубо в учебных либо исследовательских целях: «отчет о переводческих трудностях и решениях» (Integrated Problem and Decision Report)⁸. Подобные отчеты (письменные «стратегии перевода») используются нами на занятиях по письменному переводу в Челябинском государственном университете. В учебной ситуации мы предлагаем студентам придерживаться схемы «особенности – трудности – решения» с опорой на дискурсивно-коммуникативную модель перевода. В исходном тексте переводчик выделяет

⁵ “Theoretical components should be referred to repeatedly throughout the course when discussing the students’ achievements and weaknesses” [Ibid.].

⁶ “Theoretical concepts and models can help them choose appropriate strategies and tactics when they are faced with new situations not met during the training programme, by providing them with tools for analysis of possible actions and their probable or possible consequences [Ibid. P. 17].

⁷ “In the process-oriented approach, the teacher verifies that the student has indeed followed certain principles, an approach or a process, and comments on problems which may have arisen along the student’s course of action, but does not insist that specific words or phrases are the only correct solution or the best solution to Translation problems” [Ibid. P. 15].

⁸ “Theoretical concepts and models can help them choose appropriate strategies and tactics when they are faced with new situations not met during the training programme, by providing them with tools for analysis of possible actions and their probable or possible consequences [Ibid. P. 17].

¹ “...by providing <students> with an appropriate explanatory framework, theoretical concepts and models can help them prevent or do away with strategic and tactical errors in translation” [8. P. 17].

² “Theoretical components should be designed so as to be directly relevant to the students’ needs” [8. P. 18].

³ “Theoretical components should be designed so that they are easy to grasp” [Ibid. P. 19].

⁴ “Theoretical components should preferably be taught after student sensitization” [Ibid.].

особенности на различных уровнях, определяет, какие из особенностей могут потенциально представлять трудности при переводе, предлагает соответствующие переводческие решения и группирует решения, формулируя стратегию перевода.

Мы определяем стратегию перевода как неконечную совокупность целенаправленных, профессиональных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных действий переводчика (приемов, переводческих решений). Переводческие решения принимаются в процессе переводческой деятельности в двуязычной ситуации и направлены на понимание исходного текста и гибкий вариативный поиск «наиболее точного соответствия» исходному тексту в языке перевода с учетом коммуникативного (переводческого) задания, «условий выполнения перевода», «типа текста» и «характера предполагаемого реципиента» (в терминах В. Н. Комиссарова [3] и И. С. Алексеевой [1]).

Мы в определенной степени разграничиваем традиционное понятие «прием перевода» и используемое в настоящем исследовании понятие «переводческое решение». «Прием» мы понимаем как стандартное, «теоретически возможное», нормативное действие переводчика, «переводческое решение» – действие переводчика при переводе конкретного текста под влиянием конкретных параметров. Прием перевода в контексте становится переводческим решением.

Мы опираемся на следующую рабочую типологию переводческих стратегий:

1) общая установка – «стремление переводчика как можно полнее понять переводимый текст и найти ему наиболее точное соответствие в языке перевода» [3]; «суперинтенция» [7];

2) этапы процесса перевода – «предпереводческий анализ», «аналитический вариативный поиск», «анализ результатов перевода» (в терминах И. С. Алексеевой [1]);

3) макростратегии перевода (уровень дискурса и коммуникации);

4) микростратегии перевода (уровень текста).

Общая установка определяет как процесс, так и результат перевода и (как и этапы процесса перевода) в равной степени охватывает уровень коммуникации, уровень дискурса и уровень текста. Выявление лингвистических особенностей исходного текста, особенностей соответствующего дискурса и типовых свойств, функций коммуникации и коммуни-

кативных стратегий, выраженных в исходном тексте, возможно на любом этапе процесса перевода.

В целом дискурсивно-коммуникативная модель перевода отвечает положениям коммуникативной (коммуникативно-функциональной) парадигмы перевода и «скопос-теории», поэтому переводческое задание (коммуникативное задание – И. С. Алексеева, translation brief – C. Nord, client's brief, translation task – D. Gile) не входит в модель, а находится «над» моделью и определяет все действия переводчика, оставаясь внешним по отношению к модели параметром. В этом смысле коммуникативное задание в определенной степени смыкается, но не совпадает с «общей установкой» переводчика в концепции стратегий перевода. Подчеркнем, что коммуникативное задание, цели исходного текста и текста перевода и общая установка в первую очередь должны быть приняты во внимание при определении доминант перевода.

Таким образом, модели перевода могут – и должны – иметь прикладной и дидактический потенциал. Мы отдаем себе отчет, что в работе Д. Жилия [8] описаны модели, используемые в обучении переводчика, – но, как нам представляется, в современных исследованиях возможен и необходим перенос фокуса с разграничения «модели перевода» и «модели обучения переводу», «модели перевода» и «модели переводческого анализа» на модели, непосредственно связанные с работой переводчика (practical hands-on experience [Ibid.]), формирующие стратегию перевода и позволяющие переводчику решать конкретные задачи.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Профессиональное обучение переводчика : учеб. пособие по уст. и письм. пер. для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2001. – 288 с. (Библиотека переводчика).
2. Гусев, В. В. Эмпатическая модель в формировании стратегии перевода / В. В. Гусев // Вестн. МГЛУ. Вып. 840: Перевод как когнитив. деятельность. М. : МГЛУ, 2003. С. 26–41. – URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/gusev-empstrat.pdf>.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС. 2002. – 424 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

5. Марчук, Ю. Н. Модели перевода : учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / Ю. Н. Марчук. – М. : Изд. центр «Академия», 2010. – 176 с.
6. Роговская, Е. Е. Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент текста перевода : дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Роговская. – Барнаул, 2004. – 165 с.
7. Шевченко, О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера) : дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Шевченко. – Волгоград, 2005. – 255 с.
8. Gile, D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training / D. Gile. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. – 283 p.
9. Robinson, D. Becoming a Translator: An Introduction to the Theory and Practice of Translation / D. Robinson. Second Edition. – London ; New York : Routledge, 2003. – 301 p.
10. Volkova, T. A. Translation Model, Translation Analysis, Translation Strategy: An Integrated Methodology / T. A. Volkova // Procedia – Social and Behavioral Sciences ; the XXV Annual International Academic Conference, Language and Culture, 20–22 Oct. 2014 // Vol. 154 (28 October 2014). – Netherlands, ELSEVIER, 2014. – P. 301–304.

Е. В. Гаврилова

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИЗОТОПИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ)

METHODS FOR EXAMINATION OF SYNTACTIC ISOTOPIES IN THE TRANSLATION PROCESS (BASED ON THE ANALYSIS OF MATERIALS FROM FRENCH MEDIA)

Под синтаксическими изотопиями нами понимаются структурные регулярности текста (параллелизмы, повышенная частотность определённых конструкций как внутри отдельных предложений, так и на уровне всего текста, преобладающий тип связи между высказываниями, схемы разбиения), в нашем случае – газетной публикации на французском языке, подлежащей переводу. Мы предлагаем рамочный алгоритм их выявления и интерпретации на этапе предпереводческого анализа, который призван облегчить восприятие оригинала, дать ключ к коммуникативной интенции автора, обнажить логику изложения. Ценным в представленном исследовании, но одновременно и его слабым местом мыслится его синтетичность, позволяющая от формальных показателей перейти к содержательному наполнению речи.

By syntactic isotopies, we mean structural regularities contained in a text (in our case, newspaper publications in French were studied, to be translated in Russian), such as parallelisms, repetitive structures within phrases as well as on the text level, specific text division schemes, etc. We put forward a frame algorithm to find and interpret those before actually translating, that would be of help for understanding the rationale, a clue for grasping the author's communication goals and the design of the article. We are especially proud of, but at the same time aware of the difficulties that may arise from the synthetic nature of the present paper, that is, of formal criteria blended into semantics.

Ключевые слова: практика перевода, дидактика перевода, оригинал, сопоставительный синтаксис, изотопия.

Keywords: practice of translation, translation didactics, source text, comparative syntax, isotopy.

Сегодня кажется трюизмом напоминать в профессиональной среде, что переводчик переводит не отдельные слова, а текст – единое в смысловом и формально-стилистическом отношении целое. В своё время А. Мешонник сформулировал это требование для художественной литературы [10], но оно справедливо для любого речевого произведения, в силу самой природы текста. Как известно, бытие его обусловлено связностью, которая материализуется в логических коннекторах, и целостностью, сформированной единым смысловым полем, в которое оказываются помещены автор и читатель [4, 5]. Первая, таким образом, мыслится как чисто грамматическое, синтаксическое явление; вторая – как явление лексико-грамматическое, находящее своё выражение в композиции.

Вместе с тем, как нам представляется, вопросы синтаксиса и организации текста до сих пор недостаточно учитываются переводческой наукой, оставаясь вотчиной «чистых» языковедов. За всплеском интереса к структурной лингвистике как основе машинного перевода в 50-60 гг. последовал спад, вызванный разочарованием в возможностях компьютера, а языковые программные инструменты последнего десятилетия, хотя и вошли в повседневное употребление, уже не вызывают особого энтузиазма и воспринимаются как паллиативное решение, в целом удовлетворительное, которое не стоит усилий на его дальнейшее совершенствование.

Не затрагивая здесь прикладных перспектив использования результатов структурных исследований, заметим, что они были бы весьма полезны и для традиционного перевода, полностью выполняемого человеком. Несмотря на то, что в последние годы ко всем видам перевода, в том числе письменного, нередко прилагалась интерпретационная модель, фактически отрицающая наличие каких-либо межъязыковых эквиваленций (кроме узкоспециальных терминологических) [3], думается, что такие соответствия синтаксического порядка объективно существуют в речи, а значит, могут быть использованы хотя бы как гипотеза или отправная точка. Этот принцип видится тем более справедливым, что дистрибутивные возможности любого языка всё же ограничены, по сравнению с его лексическим богатством.

Кроме того, при переводе важно не только учитывать системно соотносимые друг с другом синтаксические структуры, но и, прежде того, успешно интерпретировать синтаксис оригинала, деконструируя авторскую логику

изложения. При этом явным образом обращают на себя внимание повторяющиеся идентичные или подобные синтаксические явления. Их невозможно не заметить, поскольку они действуют и просодически, создавая определённый ритм. Как всякая регулярность, они заведомо значимы, а дешифровка их позволяет расставить смысловые, логические и стилистические акценты. Мы будем называть такое структурное единообразие *синтаксической изотопией*.

Изотопия в лингвистике – сравнительно новое понятие, введённое впервые А. Греймасом и впоследствии подхваченное коллоквиалистами [9]. Классически она определяется как избыточная совокупность семантических категорий, снимающая многосмысленность нарратива и делающая возможным его единое прочтение [7], как своего рода набор знаков, направляющих читателя по повествованию. Обычно изотопии связывают с изучением семантики текстовых категорий – несмотря на то, что уже Ф. Растье отмечает, что изотопической может быть любая речевая категория [11], а бельгийские неориторы из «Группы Мю» пишут об изотаксиях, фактах синтаксической изотопии [6].

Все перечисленные исследователи рассматривают лексико-грамматические регулярности лишь в литературном тексте, усматривая в них реализацию поэтической функции по Якобсону. Мы же предлагаем вывести изотопии из сферы художественности. Впрочем, для полноты охвата в настоящей статье они будут рассмотрены на примере текстов, сочетающих в себе функции информирования и эстетического воздействия – статьи аналитических жанров, почерпнутые из французской прессы (éditorial, chronique, billet, blog и т. п.). Чтобы обеспечить стилистическое разнообразие, нами были подобраны выдержки из СМИ широкого политического диапазона, от правящих социалистов до агрессивно оппозиционных крайне правых.

Оговоримся, что в рамках представленной работы нас интересует, в отличие от В.Г. Гака, который подробно писал о структуральном синтаксисе и его трансформациях на порождающем этапе перевода [1], не перекодирование текста с учётом синтаксических изотопий, а только их вычленение и интерпретация в ходе предпереводческого анализа оригинального текста, направленная на его углублённое понимание.

Конкретно такими элементами могут выступать:

- Параллелизмы. Это наиболее явное проявление синтаксических изотопий – каковые, однако, к ним не сводятся, так как изотопия есть в большей степени подобие, нежели повтор. Параллельные конструкции относятся к числу явлений, которые переводчик замечает, прежде всего, изучая предложенный ему текст, но они в большей степени имеют значение для стилистического уподобления перевода оригиналу, нежели чем для понимания. Что касается логического параллелизма, то он составляет очевидное удобство для переводчика, позволяя ему схематически представить себе текст.

- Повышенная встречаемость предложений одного типа. В этом случае необходимо строго различать, идёт ли речь о системном свойстве – таком, например, как преобладание подчинительных связей во французской речи, в то время как русская предпочитает сочинение [2] – или же можно говорить об индивидуальной особенности текста оригинала, которая может иметь чисто идиолектическую природу, отражая особенности авторского стиля, а может косвенно добавлять новые детали к описанию ситуации. Обилие вопросительных или восклицательных предложений, как и всякий иной маркер эмотивности, может скрывать различные, порой противоположные смыслы, поэтому переводчику непременно приходится предварительно устанавливать, подлинный ли вопрос или риторический и что именно выражает восклицание: скажем, радость или иронию. Даже если эти элементы смысла имплицитны (а значит, должны остаться потаёнными и в переводе), их осознание, возможно, способствует правильному толкованию других моментов, где будет естественно ожидать согласованности с местами, которые не являются спорными.

- Повышенная встречаемость определённых структур внутри нескольких предложений или всего текста. Для данного типа изотопий справедливо то же рассуждение, что для предыдущего. Например, для статьи или документа на французском языке, в отличие от русского, нормальным является систематическое, на протяжении целого абзаца, употребление местоимения для обозначения того или иного объекта [8]. В результате соответствующие фрагменты потребуют дополнительного внимания переводчика, чтобы точно установить соответствия имя-местоимение, особенно в случаях, когда местоимений много и/или когда род слов, которые они заменяют, различен в двух языках.

- Преобладающий тип связи предложений в тексте. Нужно установить, как минимум, цепная, линейная она или параллельная, парадигматическая. Это важнейшая изотопия, особенно для аргументативных текстов, так как она даёт информацию об общих структуре и композиции текста, независимо от того, обусловлены ли они его жанрово-стилистической принадлежностью или частным авторским замыслом. Переходит ли автор последовательно от довода к доводу, или рассуждение строится как веер аргументов? Каким утверждениям было дано толкование или обоснование, какие были проиллюстрированы фактами, какие остались автономными? Имеются ли примеры, где и в каком количестве?

- Ритмика разбиения текста, прежде всего – на абзацы и предложения, если релевантно – на разделы и главы. Значение такой просодической изотопии для уяснения стилистических особенностей оригинала очевидно. В содержательном отношении она может помочь быстро установить соотносительную значимость различных частей документа.

Недостаток этого перечня состоит в том, что он носит сугубо описательный характер. Неясно, как он может быть использован на практике, в каком порядке следует выявлять изотопии, и так далее. Попробуем ответить на эти вопросы на примере ряда публикаций во французских СМИ. Для удобства читателя их полный текст не приводится – ниже даны лишь ссылки на материалы, размещённые на сайтах периодических изданий.

(1) *Que fera l'Iran de la levée des sanctions ?* – Libération. – Par Marc Semo, publié le 17/01/2016 à 19:41. – URL: http://www.liberation.fr/planete/2016/01/17/que-fera-l-iran-de-la-levee-des-sanctions_1427063

(2) *Manager la génération Y.* – Figaro Partner. – Par Randstad, publié le 09/12/2015 à 10:00:00. – URL: http://pme.lefigaro.fr/manager/manager-la-generation-y_a-180-4757.html#xtor=AD-4

(3) *Marine Le Pen : « Un référendum pour sortir de la crise migratoire »* – L'Opinion. – Par Marine Le Pen, publié le 13 janvier 2016 à 16h28. – URL: <http://www.lopinion.fr/edition/politique/marine-pen-referendum-sortir-crise-migratoire-94568>

Прежде всего, необходимо дать общую жанровую характеристику исследуемому оригиналу. Текст (1) заявлен как *éditorial*, редакторская статья, а, следовательно, априори должен представлять из себя рассуждение, в котором существенную роль играют логические коннекторы и анафоры, такие как местоимения,

детерминативы и синонимы, как системные, так и контекстуальные. Содержательно изотопии, вероятно, будут строиться вокруг сем, заложенных в заголовке, так как в нём явным образом сформулирована проблематика публикации – отмена санкций США против Ирана. Текст (2), судя по названию и иллюстрациям, на которых в стереотипном виде представлены молодые управленцы (уверенная улыбка, элегантная в своей лёгкой небрежности одежда, нарочито непринуждённая поза, но сидя за рабочим столом), является описательным. Исходя из этого, можно предположить, что в нём преобладают парадигматические связи и разнообразные определения. Наконец, в тексте (3) мы, скорее всего, найдём изотопии, свойственные ораторской речи, иными словами – стилистические повторы, параллелизмы и подобия. Для структурного предпереводческого анализа они важны как маркеры опорных концептов. Интересно, что последние находят своё отражение в заголовке лишь в самом общем виде, как проблема мигрантов, поэтому здесь исследование изотопий может оказаться полезным и для детализации смыслов.

Попытаемся выяснить, не содержит ли каждый из данных медийных материалов текстообразующих синтаксических регулярностей, которые можно было бы обнаружить и при поверхностном чтении, даже при просмотре по диагонали. Первая статья как будто не демонстрирует их, что ожидаемо от авторского текста. Единственное, что в ней заметно – это некоторое количество цитат, поставленных в кавычки и встроенных в рассуждение (на завершающем этапе переводчик уделит особое внимание сохранению их в виде, максимально приближенном к дословному). Во втором случае бросается в глаза обилие простых двусоставных предложений, выстроенных по схеме подлежащее – сказуемое – дополнение, подлежащим в которых выступает местоимение *ils*, обозначающее социальную группу, которой посвящена публикация. Третий текст примечателен, прежде всего, тем, что он написан от первого лица, причём оратор систематически именуется в единственном числе – *je*, подчёркивая тем самым своё лидерство в партии (на поддержание этого образа работает предположенная воззванию фотография Марин Ле Пен крупным планом). Другая особенность – высокая плотность конструкций с противительным значением, а именно: сложноподчинённые предложения, соединённые союзом *mais*; союзы *mais*, *pourtant* в препозиции; такие пары кон-

некторов, как *que* + Subj. – *en revanche, c'est – mais aussi*; сложноподчинённые предложения с мнимословным *si*; ограничительный оборот *ne ... que*. Они соответствуют полемическому тону текста, но, вместе с тем, отражают и ограниченность этой полемики: она неконструктивна и строится на простом противопоставлении себя действующей власти. Одновременно с этим обращает на себя внимание и относительная, с учётом частотности подчинений в речи на французском языке, бедность синтаксических связей; нередко даже несвойственная французской речи бессоюзная.

Вернёмся к примеру (1), который не содержит явных синтаксических изотопий. Будем действовать, спускаясь от крупных структурных единиц (разбиения на абзацы) к мелким (связь слов внутри предложений). Внимание следует останавливать лишь на формальных элементах, их интерпретация, как по логическим, так и по методическим соображениям станет следующим шагом.

Мы видим, что в двух случаях переходы между абзацами оформлены по одной модели: грамматический логический коннектор в первом предложении абзаца (*aussi, donc*) отсылает к некому семантическому блоку в последнем предложении предыдущего абзаца (*pleine réintégration de l'Iran, il n'en dénonce pas moins les activités*), обеспечивая тем самым линейную логическую последовательность аргументов. Последний абзац, напротив, выглядит формально оторванным от остального текста, что обусловлено его функцией: он связан непосредственно с заголовком и призван ответить на содержащийся в нём вопрос. Это видно по тому, что именно здесь, единственный раз во всей статье, мы находим вопросительное предложение. Тем самым образуется синтаксическая изотопия высшего порядка, формирующая и организующая текст, но без полного повтора. В частности, от специального вопроса (с вопросительным словом *Que*) автор переходит к общему. Этот вопрос, хотя и не является вполне риторическим (благодаря вводной конструкции *comme le souhaitent les réformistes*, уже за счёт самой своей формы, сопоставления, отсылающей к дополнительному аргументу «за») всё же несёт в себе модальность сомнения, которая подкреплена лексическими средствами, использованными далее (*craignent, haut et fort, n'abandonnaient pas, a jusqu'ici joué l'escalade, inquiétudes* и др.). Семный же состав заглавного вопроса оказывается полностью сохранён, то есть присутствует и

семантическая изотопия (*Iran → régime iranien, levée des sanctions → cette nouvelle donne, fera → utiliser*). Любопытно, что повторов при этом не наблюдается: так, простые денотации, присутствующие в заголовке, в тексте либо заменены перифразами, либо конкретизированы. Кроме того, наблюдается смещение основных сем от существительных к прилагательным, как это характерно в целом для назывных словосочетаний во французском языке.

Ответ на вопрос образован, напротив, нарушением изотопии, синтаксическим распадением: ему соответствует очень короткое и простое, но при том абстрактное высказывание, не имеющее аналогов в тексте (*C'est maintenant le moment de vérité*), с развитием в следующем, заключительном предложении, которое интересно наличием инверсии косвенного дополнения (*A Washington, on rappelle volontiers...*), позволяющей акцентировать позицию США, вторую – и едва ли не более весомую сторону политического противостояния, которому посвящена газетная публикация.

Фактически заглавный вопрос, его развёрнутый дубль в последнем абзаце и косвенный ответ на него, данный в двух последних предложениях, составляют смысловой каркас текста, на который по мере перевода будут наращиваться необходимые детали. Таким образом, структурная организация помогла нам чётко сориентироваться в содержании материала, подлежащего переводу.

Даже на столь небольшом количестве примеров, ограниченном формате нашей статьи, ясно, что синтаксические изотопии играют немаловажную роль в восприятии текста переводчиком. Нетрудно видеть, что они не связаны жёстко с публицистическим стилем и носят общезыко́вой характер. Синтаксические изотопии облегчают чтение за счёт повторяемости структур, делают, вкуче с коннекторами, более явной логику изложения, позволяют выявить коммуникативную интенцию автора. Кроме того, они восполняют пробелы во владении синтаксическим узусом иностранного, в нашем случае французского, языка: в самом деле, если какое-то речевое явление появляется систематически, существует вероятность, что оно нормативно, а, следовательно, должно иметь системное же соответствие в языке

перевода. Целесообразно, однако, не искать синтаксические регулярности вслепую, а разработать определённый алгоритм действий на этапе предпереводческого анализа. Настоящая работа предлагает первую, пунктирную попытку такой методики, которая в настоящее время проходит апробацию среди студентов магистратуры переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – Москва: Добросвет, 2003.
2. Степанов, Ю. С. Структура французского языка / Ю. С. Степанов. – Москва: Либроком, 2013.
3. Шлепнёв, Д. Н. О некоторых традициях в переводе, об их употреблении по назначению и нет и о злоупотреблении ими / Д. Н. Шлепнёв // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». – 2015. – Вып. 17. – Т. 1.
4. Charaudeau, P., Maingueneau, D. Dictionnaire d'analyse du discours / P. Charaudeau, D. Maingueneau. – Paris: Seuil, 2004.
5. Charolles, M. Cohésion, cohérence et pertinence du discours / M. Charolles // Travaux de linguistique. – 1995. – № 29. – P. 125–151.
6. Dubois, J. Rhétorique de la poésie: lecture linéaire, lecture tabulaire / J. Dubois. – Bruxelles: Complexe, 1977.
7. Greimas, A. J., Du sens: Essais sémiotiques / A. J. Greimas. – Paris: Seuil, 1970.
8. Grévisse, M., Goosse, A. Le bon usage / M. Grévisse, A. Goosse. – 13e éd. – Paris: Duculot, 2004.
9. Kerbrat-Orecchioni, C. Problématique de l'isotopie / C. Kerbrat-Orecchioni // Linguistique et sémiologie. – 1976. – № 1. – Travaux du Centre de Recherches Linguistiques et Sémiologiques de Lyon. – P. 11–34.
10. Meschonnic, H. Poétique du traduire / H. Meschonnic. – Paris: Verdier, 2012.
11. Rastier, F. Développement du concept d'isotopie / F. Rastier. – Limoges: PULIM, 1996.

В. А. Генералов

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

«ИГРЫ РАЗУМА»: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЙ КИНОФИЛЬМОВ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

“A BEAUTIFUL MIND”: SOME PECULIARITIES OF RENDERING ENGLISH TITLES OF MOTION PICTURES AND LITERARY WRITINGS

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты перевода англоязычных названий фильмов и литературных произведений на русский язык. В статье ставится цель анализа примеров в форме исследования прецедентов. Помимо этого, в работе исследуются некоторые критерии адекватности перевода названий, а также социально-культурные следствия перевода англоязычных названий.

The present paper studies some aspects of rendering English titles of films and literary works into Russian. It aims at analysing examples in the form of a case study. Further, the paper considers some relevant criteria for validity of the translation of titles, as well as socio-cultural implications of the translation of English titles.

Ключевые слова: название; перевод; язык-источник; язык-реципиент; адекватность; здравый смысл; парадоксальный перевод.

Keywords: title; translation; source language; target language; validity; common sense; paradoxical translation.

Перевод на русский язык англоязычных названий кинофильмов и литературных произведений занимает особое место. Переводчику необходимо тщательно подходить к аспектам интерпретации названий, которые часто представлены бинарными словосочетаниями. Слишком буквальный перевод нарушает нормы русского языка, а привнесение переводчиком субъективных компонентов может вызывать немотивированные семантические искажения.

Практические вопросы перевода изучались рядом отечественных исследователей [4; 6; 7; 8].

В данной статье мы рассматриваем некоторые вопросы адекватности перевода на русский язык английских бинарных словосочетаний, представленных в названиях фильмов и литературных произведений. Нами анализируются примеры соответствия или несоответствия синтактико-семантических структур в языке-источнике (source language, английский язык) и в языке-реципиенте (target language, русский язык) путем применения метода анализа прецедентов (case study).

CASE 1: “A Beautiful Mind” («Игры разума», также «Прекрасный ум/разум», США, 2001 г.). Главный персонаж фильма – математик Джон Нэш, удостоившийся звания Нобелевского ла-

уреата за свои ранние работы. Данный человек, обладающий «блестящим умом», страдает помутнением рассудка (шизофренией), что выражается либо в мании преследования, либо в виде видений, принимаемых им за действительность. Для словосочетания ‘beautiful mind’ отсутствует словарная дефиниция, но оно часто встречается в значении ‘блестящий ум’ с ироническим подтекстом. Несмотря на критику перевода названия данного фильма как ‘игры разума’, мы считаем, что в нем отражена авторская ирония по поводу злоключений выдающегося ученого, который не избежал помещения в частную психиатрическую лечебницу. В русском языке такие понятия как ‘игры’, ‘игрища’ имеют иронический подтекст (политические игры и т. п.).

CASE 2: “A Naked Gun” («Голый пистолет», США, 1988 г.). В данном фильме реализованы различные идеи американских пародий 80-х годов, основывающихся на абсурдности происходящего. Главный персонаж фильма – Фрэнк Дребин, состоящий на службе в качестве лейтенанта полиции. Злоумышленники вынашивают заговор против британской королевы, и эксцентричный вирильный лейтенант вступает с ними в борьбу и выходит победителем. Атрибут ‘naked’ может приобретать не-

буквальное значение, например в словосочетании ‘naked sword’ он означает ‘вынутый из ножен’, соответственно ‘naked gun – ‘пистолет, вынутый из кобуры’. Однако, переводчик, вероятно, сознательно применил в русском переводе атрибут ‘голый’, что является аллюзией на человека, так как лексема ‘gun’ используется в фильме как символ и образ самоотверженного человека, *готового* спасти жизнь зарубежного монарха и стоять на страже безопасности и справедливости. Тем не менее, данный перевод представляется нам слишком буквальным. Переводчик, по-видимому, не учитывает, что для русского языка нехарактерно использование понятий, связанных с оружием, для обозначения лиц в символическом значении (например, англ. think tank – коллектив ученых, «мозговой центр»).

CASE 3: “Infinite Jest” («Бесконечная шутка», США, 1996 г.). Роман американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса повествует о событиях, происходящих в будущей мега-Америке, включающей США, Канаду и Мексику, и касающихся ряда тем: тенниса, проблем наркомании, депрессии, жестокого обращения с детьми, семейных отношений, теории кино и др. Книга, содержит почти 1100 страниц в оригинале. Название романа связано с изречением Гамлета в первой сцене пятого акта «Гамлета», в которой Гамлет держит череп придворного шута Йорика, произнося: “Alas, poor Yorick! I knew him, Horatio: *a fellow of infinite jest, of most excellent fancy*: he hath borne me on his back a thousand times; and now, how abhorred in my imagination it is!”.

Главный персонаж романа, 18-летний Гарольд Инканденза, является необычайно талантливым молодым человеком, которому трудно строить отношения со своей семьей и позиционировать себя в университетской среде и в реальной жизни. Его жизненный путь связан со многими приключениями и трудностями. Тем не менее, вопреки общему контексту книги и цитате из «Гамлета», переводчик производит, на наш взгляд, подмену понятий. Вероятно словосочетание ‘infinite jest’ следует переводить как ‘нескончаемая или неистощимая буффонада’, а не как ‘бесконечная шутка’. Шутка как эпизод не может обладать атрибутом бесконечной длительности или атрибутом бесконечной циклической повторяемости. По нашему мнению, русский перевод противоречит здравому смыслу и содержанию романа. Мы считаем, что переводчик искажил суть названия книги, связанного с эпикеей молодого челове-

ка, которая может восприниматься как фарс, комедия, но не как «шутка». Понятие ‘jest’ исторически претерпело ряд семантических изменений: боевое деяние, подвиг – рассказ о боевом подвиге – буффонада, шутовство; насмешка; шутка; острота (pejoration of meaning). Кстати отметить, название данной книги, переведенной на французский язык, звучит как “L’infinie comédie” («Бесконечная комедия»), и данный перевод представляется нам вполне адекватным (Kerline, Francis (2015). L’infinie comédie. Éditions de l’Olivier).

CASE 4: “One Flew Over The Cuckoo’s Nest” («Пролетая над гнездом кукушки», «Полет над гнездом кукушки», «Над кукушкиным гнездом», «А этот выпал из гнезда»). Разные переводы названия связаны с различными произведениями: 1) «Пролетая над гнездом кукушки» – роман Кена Кизи (1962 г.); 2) «А этот выпал из гнезда» – пьеса Дейла Вассермана по роману «Пролетая над гнездом кукушки» (1963 г.); 3) «Пролетая над гнездом кукушки» – фильм Милоша Формана (1975 г.). Сюжет романа начинается с эпизода, когда в психиатрическую клинику на принудительное лечение из тюрьмы переводят некоего бузотёра Рэндала Патрика Макмерфи, который изображает из себя психически больного с тем, чтобы избежать наказания. Клиника представляет собой цех по «изготовлению» стандартных людей с промытыми мозгами. Макмерфи не желает следовать принятым в лечебнице правилам, стремясь к веселой и свободной жизни. Стремление к свободе и уважению человеческого достоинства – лейтмотив произведения. Название книги является аллегоричным. Оно представляет собой часть рифмы детской игры-считалки: «Three geese in a flock, one flew east, one flew west, and one flew over the cuckoo’s nest» (раз, два, три, четыре, пять, гуси-лебеди летят: летят туда, летят сюда, а этот выпал из гнезда). Перевод считалки, по нашему мнению, неточный. Почему ‘flew over’ обозначает ‘выпал’, а не ‘пролетел’? Мы считаем все приведенные выше переводы названий романа, пьесы и фильма *неадекватными*. Ниже мы поясняем наши доводы:

1. В детской считалке лексема ‘the cuckoo’s nest’ используется для рифмы; 2. понятно, что автор произведения ассоциирует понятие ‘кукушкино гнездо’ с психиатрической клиникой, а понятие ‘летать’ – с идеей стремления главного героя к независимости; 3. деепричастный оборот «пролетая над гнездом кукушки» предполагает – по правилам русской грамматики – другое параллельное действие, что ставит

читателя/зрителя в тупик. Русский перевод названия пьесы «А этот выпал из гнезда» представляется нам также неадекватным, поскольку он апеллирует к судьбе главного персонажа, но при этом вуалируется авторская идея несвободы и стремления личности к независимости.

CASE 5: “Rain man” («Человек дождя, США, 1988 г.) – драма режиссёра Барри Левинсона о страдающем аутизмом саванте Рэймонде и его циничном брате Чарльзе Бэббите. В детстве Чарли обращался к Рэймонду по имени, которое звучало для последнего как ‘Rain Man’ что объясняется особенностями детского восприятия и этимологии. Но переводчик изменяет саму суть английского названия фильма (в оригинале это – имя лица, без артикля). По нашему мнению, он ошибочно употребляет словосочетание ‘человек дождя’, которое непонятно для русскоязычного зрителя. В английском языке так называемая *of*-фраза не всегда означает партитивное или притяжательное отношение (a man of his word → a man who keeps his promises; a mouse of a woman → a woman who resembles a mouse и т.п.). Возникает вопрос о том, какой может быть трансформация словосочетания ‘человек дождя’. Само словосочетание ‘rain man’ является многозначным. Для него отсутствуют какие-либо словарные дефиниции, но в различных контекстах реализуются нижеследующие значения:

1. Заклинатель дождя, человек вызывающий дождь путем магических ритуалов (a man who makes a rain, a rainmaker);
2. грустный, меланхоличный человек (a man who is as sad as someone on a rainy day);
3. мистическое существо, появление которого – согласно некоторым мифологиям – вызывает или предвещает дождь (a creature that provokes/forebodes a rain);
4. известная личность или богатый «буратино», одаривающий окружающих деньгами или щедрыми подарками в виде «манны небесной, падающей с неба» (a celebrity who rains money or liberal gifts onto his or her attendants);
5. человек, ведущий нелегальный бизнес, «темная личность» (a man who runs shady business).

Считается, что под влиянием названия фильма “Rain Man” развилось новое значение словосочетания ‘rain man’ – ‘человек, страдающий аутизмом, который смотрит на окружающий мир как бы сквозь призму дождя’ (народная этимология). По всей вероятности, некоторые значения этого словосочетания могли существовать и до появления данного фильма в прокате. Например, в 1969 г. вышел в свет американский фильм “Rain People” («Люди дождя»),

в котором рассказывается о «призрачных людях», которые исчезают в форме стекающих дождевых капель при столкновении с суровой действительностью. Мы считаем, что подмена понятий при переводе названия фильма “Rain Man” на русский язык спровоцировала неправильную интерпретацию и ложную этимологию словосочетания ‘rain man’.

Далее, интересно отметить, что в переводе названий некоторых англоязычных фильмов фигурируют клишированные словосочетания, например такие как ‘**дети солнца**’. По нашему мнению, его использование в русском переводе не всегда является оправданным, поскольку оно, во-первых, является довольно расплывчатым по смыслу, а во-вторых, понятие ‘солнце’ в данном словосочетании обладает неопределенной референтностью. Ниже мы приводим некоторые значения словосочетания ‘дети солнца’, которые определены нами по различными источникам:

1. Люди, якобы «питающиеся энергией от солнца» (people who allegedly feed on the sun’s energy);
2. индийские арии (цыгане), покинувшие в древности Индию и отправившиеся на запад «вслед за солнцем» (Indian Aryans who fled to the west after the setting sun);
3. дети, страдающие аутизмом: существует поверье о том, что они рождаются в периоды повышенной солнечной активности (children who suffer from autistic disturbance allegedly due to the influence of the sun’s increased activity);
4. фантастическое племя, живущее на засушливой планете по фильму “Solarbabies”, США, 1986 г. (an imaginary tribe that lives on an arid planet);
5. рыжие люди, «отмеченные солнцем» (red-haired people who are earmarked by the sun);
6. светлые, одухотворенные люди (people who resemble the sun in a figurative sense) по пьесе А. М. Горького «Дети солнца», 1905 г.). Данное название связано с высказыванием одного из героев пьесы (Павла Федоровича Протасова): «Люди должны быть светлыми и яркими... как солнце»

Для адекватного перевода названия кинофильма или литературного произведения переводчик должен обладать достаточными фоновыми знаниями и лингвистической культурой. Сложилась такая практика, при которой переводчики подбирают прагматические эквиваленты англоязычным названиям, основываясь на культурологических, идеологических или иных факторах. Среди работ, посвященных теме перевода названий англоязычных фильмов, можно отметить исследования

И. Милевич, ассистента кафедры славянского языкознания, директора Центра русского языка для иностранцев Даугавпилсского университета (Латвия). В своей работе «Стратегии перевода названий фильмов» она приводит сопоставительный анализ перевода англоязычных фильмов на русский и латышский языки [9].

Основываясь на результатах нашего исследования и наших оценках адекватности перевода, которые являются в определенной мере субъективными, мы можем констатировать существование *парадоксального перевода* [наш термин – В. А. Г.], когда переводчик намеренно игнорирует стандарты перевода и правила русского языка и не учитывает требований здравого смысла. Анализ перевода некоторых названий англоязычных фильмов и литературных произведений на русский язык, проведенный нами, свидетельствует о явлении преднамеренного *вуалирования* переводчиком синтактико-семантической структуры названия в языке-источнике (SL) при переводе его на язык-реципиент (TL). В целях получения определенных рекламно-прагматических выгод, переводчик идет на нарушение норм русского языка, традиций русской ментальности и социального этикета, сознательно *маскируя* в переводе синтактико-семантическую структуру оригинальных названий. Тем не менее, мы считаем, что перевод названий англоязычных является творческим процессом, и переводчик имеет право применять различные средства и приемы сообразно своим целям. При этом не всегда возможно, по нашему мнению, апеллировать к критериям «правильного перевода» в отношении названий [1; 2; 3; 5], и переводчик выступает в роли интерпретатора-посредника между зрителем/читателем и автором, полагаясь на свою творческую интуицию и собственное видение персонажей и событий. В этом случае переводное название фильма или

литературного произведения уже не является фактом перевода как такового, а представляет собой личностную интерпретацию и трактовку оригинального названия переводчиком, на котором лежит социально-культурная ответственность за результаты своего творчества.

Вопросы адекватности перевода англоязычных названий фильмов и литературных произведений на русский язык требуют дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. – М.: Международные отношения, 2008. – 184 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод // Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – С. 45–47.
3. Бреус, Е. В. Теория и практика перевода с английского на русский: учеб. пособие: Ч. 1 / Е. В. Бреус. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 104 с.
4. Влахов, С. И., Флорин, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов. – М.: Высшая школа, 1980. – 144 с.
5. Казакова, Т. А. Теория перевода (лингвистические аспекты) / Т. А. Казакова. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
6. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Познание. Коммуникация. М., 1998.
7. Кулинич, М. А. Еще раз о переводе названий // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. – Нижний Новгород, 2005. – С 15–19.
8. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: 2007. – 280 с.
9. Милевич, И. Стратегии перевода названий фильмов / И. Милевич // Русский язык за рубежом. – 2007. № 5. С. 65–71.

Н. А. Герте

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ ДЕНОТАТИВНОГО КАРТИРОВАНИЯ ПРИ РЕФЕРАТИВНОМ ПЕРЕВОДЕ

THE METHOD OF THE DENOTATIVE MAPPING AND ITS USAGE BY THE ABSTRACT TRANSLATION

Статья посвящена рассмотрению возможности применения методики денотативного картирования при реферативном переводе. Презентация материала в виде денотатной карты или денотатного графа способствует формализованному представлению основного содержания текста, что в свою очередь позволяет достигнуть семантической адекватности первичного документа и реферата как результата реферирования. В статье также приводится пример построенного денотатного графа и созданного на его основе вторичного текста.

The article touches upon the possibility of the denotative mapping method during abstract translation. The text representation in a form of a denotation map or a denotation graph encourages formal apprehension of the main content, which helps to acquire the semantic adequacy between an original document and its abstract as a result of abstracting. The article also represents the denotation graph constructed and the abstract written on its ground.

Ключевые слова: денотативное картирование, денотатный граф, денотативный анализ текста, реферативный перевод.

Keywords: denotative mapping, denotation graph, denotative text analysis, abstract translation.

Современные темпы глобализации и повышение информатизации общества приводят к необходимости обобщения знаний и результатов имеющихся научных исследований. Во многом проблему своевременного получения информации в огромном потоке решает реферативный перевод как особый вид аналитико-синтетической обработки исходного текста. Успех референтской деятельности строится на понимании сущности документа, его многоуровневой организации и его собственных категорий. Текст – это некая система, которая имеет свою структуру, состоящую из элементов разных уровней, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Полное понимание и осмысление текста является неременным условием реферирования и реферативного перевода. Одним из эффективных способов формализованного представления основного содержания первичного материала служит картирование, в частности денотативное картирование.

Картирование представляет собой особый вид презентации текста, конструирования его внутренней формы с помощью схем, карт или графиков. Исследование денотативного пространства текста (или в терминологии И. А. Зимней, предметно-денотативного уровня

содержания), начинается с определения основной темы документа и ее представления в виде денотатной карты [1. С. 170]. Обозначить центральное понятие первоисточника важно, поскольку, по словам Н.И. Жинкина, «в конечном счёте, во всяком тексте, если он относительно закончен и последователен, высказана одна основная мысль, один тезис, одно положение. Все остальное подводит к этой мысли, развивает ее, аргументирует, разрабатывает» [2. С. 250].

В процессе интерпретации документа у реципиента (переводчика-референта, говоря о реферативном переводе) создается цельный образ содержания текста. Иначе говоря, происходит переход от линейной структуры текста, или материальных знаков языка, к структуре его содержания [3. С. 65]. При денотативном картировании структура содержания текста, или предметный план текста, выражается в виде денотатного графа, который отражает базисные отношения между денотатами первоисточника.

Понятие предметности берет своё начало в трудах Дж. Милля, А. Черча и Г. Фреге, которые определяли денотат как представление об обозначаемом предмете. Однако, по мнению

Г. В. Колшанского, «нет причин ограничивать признаки денотата только конкретным предметом... и особенно важно обратить внимание на всесторонний анализ содержания высказывания, а следовательно, и на исследование характера денотата высказывания во всех его аспектах» [4. С. 104]. Научная школа Н. И. Жинкина и А. И. Новикова критерием осмысленности текста и единицами содержания, которые соответствуют конкретным и целостным представлениям об определенном смысловом блоке документа, предлагает считать денотат, то есть предмет или явление, стоящее за знаковой цепочкой. По определению А. И. Новикова, денотат есть форма представления действительности, которая существует в «интеллекте человека» [5. С. 16].

Именно А. И. Новиков предложил методику денотативного анализа текста, в основу которого ложится создание цельного образа содержания текста, который затем эксплицируется в виде денотатной карты. Более того, «была принята форма графового представления предметной структуры текстов в виде дерева, где вершинам соответствуют денотаты, выраженные в тексте, а ребрам – предметные отношения, выраженные в тексте как в явном, так и не в явном виде» [5. С. 17]. Метод денотативного анализа текста нашёл свое отражение в научных трудах учеников А. И. Новикова, среди них мы можем выделить Н. М. Нестерову, Н. П. Пешкову, Н. Л. Сунцову и многих других.

Главное преимущество денотатной карты – её иерархическая организованность, что позволяет наглядно представить предметные отношения в тексте. Наиболее крупными денотатами в такой иерархии являются денотаты, соответствующие подтемам, следующие уровни – это уже микротемы. Иерархичность и отношение соподчинения денотатов делает возможным сжатие денотатной структуры, что происходит при реферировании. Подобное сжатие может происходить на вертикальном уровне – денотаты нижнего уровня могут включаться в денотат высшего уровня. В горизонтальном направлении происходит расширение объема содержания отдельных высказываний за счет включения в них денотатов разных подтем. Очевидно, что между денотатами в графе существуют определенные отношения, которые существуют между предметами в реальной действительности. Это основные, базисные отношения – то есть те, которые детерминируют отношения между элементами внутри целого (часть-целое). Кроме того, денотатная карта

помогает усвоить основное содержание документа, а также организовать информацию с учётом иерархии базовых понятий.

Денотатный граф имеет обязательные свойства однозначности и эксплицитности. Однозначность выражается в том, что каждая вершина графа находится в окружении других, которые задают содержание графа. Эксплицитность наблюдается в соответствии вершин и ребер именам денотатов и отношений, которые не получают языкового выражения в документе. Однозначность и эксплицитность графа, а также иерархический характер его денотатов позволяет выявить преимущества формализованного метода выделения информации, что дает возможность рассмотреть соотношения между внешней линейной формой текста и внутренней организованной денотатной структурой [6].

Денотат, являясь результатом декодирования в процессе понимания и осмысления источника, представляет собой целостное представление о том, что обозначается языковым выражением в целом. Денотаты объединяются в особую структуру содержания – денотатную структуру исходного документа, которая может быть выделена с помощью денотативного анализа текста, как инструмента для изучения внутренней формы речевого сообщения [7]. Денотативный анализ по теории текста А. И. Новикова позволяет представить реферирование как поэтапный переход Т1 – ДС – Т2: сначала происходит переход от внешней языковой структуры текста к структуре его содержания, то есть его денотатной структуре, и затем переход от денотатной структуры к новой внешней форме вторичного текста. Следовательно, промежуточным звеном является денотатная структура текста, которая выступает в качестве результата понимания первичного документа и служит основой для создания вторичного материала.

Конечно, предложенная схема реферирования и реферативного перевода, в частности, отражает процесс в общем виде. В данном переходе можно «выделить» два независимых этапа, где первый (Т1 – ДС) представляет собой смысловую свертку текста, которая создается в результате его понимания. Второй этап (ДС – Т2) включает развертывание денотатной структуры в семантически адекватный первичному вторичный текст.

Подобное представление процесса реферативного перевода легло в основу практических исследований, которые заключаются в пере-

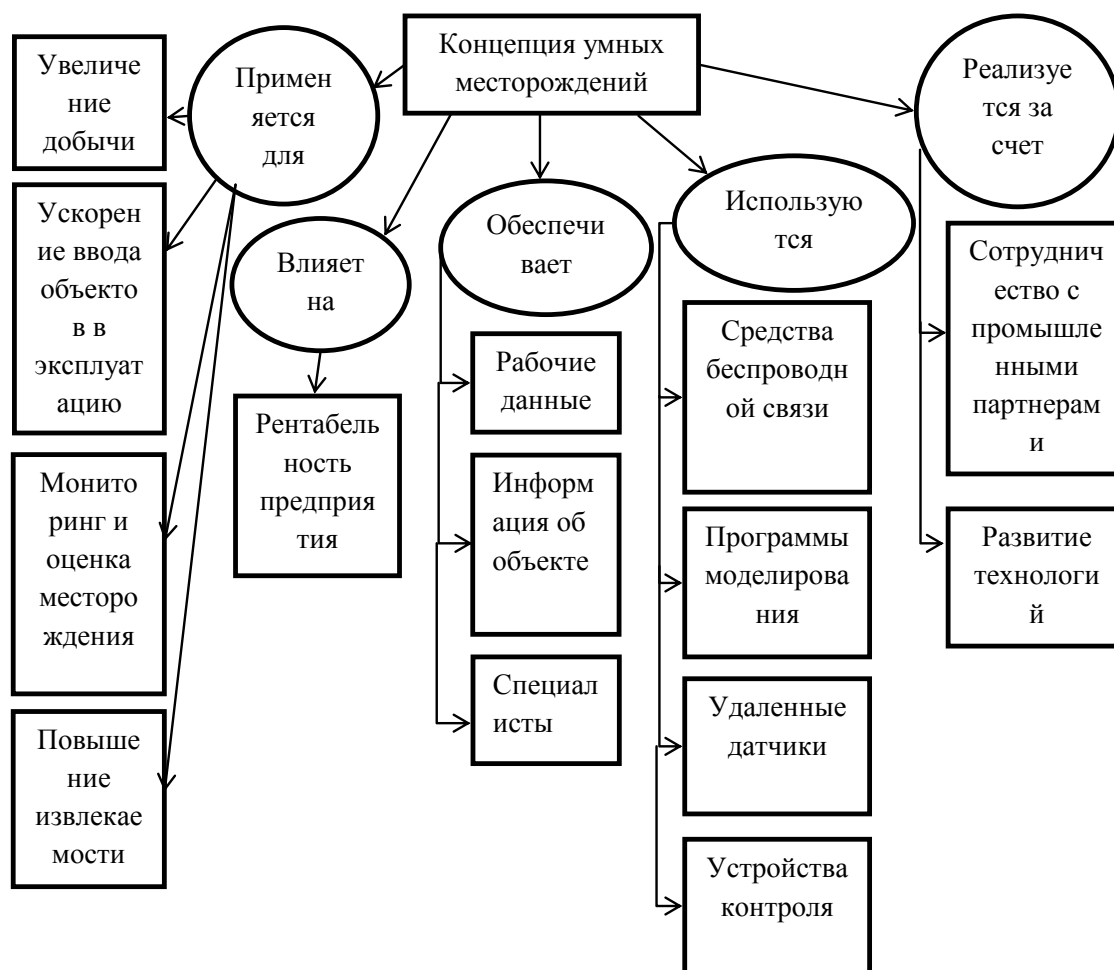

Рис.1. Денотатный граф по статье

воде иноязычных статей и написания соответствующих им рефератов. Приведем пример денотатного графа и получившегося реферата по одной из оригинальных работ *Smart Fields – Making the Most of our Assets*. Объем первоисточника составляет 8170 печатных знаков. В процессе интерпретирования исходного текста нами был построен следующий денотатный граф (см. Рис. 1). На втором этапе реферативного перевода на основе представленного денотатного графа нами был написан текст реферата, в котором также отражены все отношения между денотатами.

Концепция «умных» месторождений применяется с целью увеличения добычи самыми рентабельными путями, ускорения ввода объектов в эксплуатацию и повышения извлекаемости запасов, а также последующего мониторинга и оценки месторождения.

Концепция обеспечивает наличие трех главных составляющих, необходимых для эффективной эксплуатации любого оборудования. Это надежные рабочие данные, устройство

для превращения данных в информацию об объекте и его эксплуатации, а также высококвалифицированные специалисты.

Наблюдается положительная оценка влияния концепции на бизнес компании в различных сферах.

На умных скважинах используются средства беспроводной связи, современные программы по моделированию, удаленные датчики, а также устройства контроля и телеметрии.

Для реализации концепции были изучены и созданы новые модели сотрудничества с промышленными партнерами и исследовательскими институтами для развития необходимых технологий.

Объем получившегося вторичного текста составляет 924 печатных знака, что соответствует примерно 9% от объема первоисточника.

Итак, на примере приведенного графа мы можем заключить, что метод денотативного картирования является эффективным способом представления материала в графовом виде.

Такой подход позволяет выявить структуру оригинального текста, основные отношения между денотатами, их взаимосвязь и иерархичность. Применяя денотативный анализ текста при реферативном переводе, у референта возникает целостный образ первоисточника в виде денотатной структуры, которая эксплицируется в форме денотатной карты или денотатного графа. Такое представление позволяет рассматривать денотатную структуру как особую свертку содержания первичного текста.

Список литературы

1. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя // Серия Психологи отечества. – Москва-Воронеж, 2001. – 428 с.
2. Жинкин, Н. И. Развитие письменной речи учащихся III-VII классов / Н. И. Жинкин // Язык – речь – творчество. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 183-319.

3. Гавриленко, Н. Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации / Н. Н. Гавриленко. – М.: Научно-техническое общество имени академика С. И. Вавилова, 2009. – 178 с.

4. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский // Изд. 2. – М., 2005. – 232 с.

5. Новиков, А. И. Алгоритмическая модель смыслового преобразования текстов: автореф. дисс. ... канд. психол. наук / А. И. Новиков. – М., 1973.

6. Новиков, А. И. Структура содержания текста и возможности ее формализации (на материале научно-технических текстов): дисс. ... д-ра филол. наук / А. И. Новиков. – М., 1983. – 355 с.

7. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М., 1983. – 216 с.

В. Е. Горшкова

*Евразийский лингвистический институт
(Иркутск, Россия)*

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

LAW OF THE UNITY AND CONFLICT OF OPPOSITES IN AUDIOVISUAL TRANSLATION

Идея междисциплинарной интеграции как вектора развития современной науки показана на примере использования одного из основных законов диалектики, а именно, закона единства и борьбы противоположностей, в качестве метода теоретического осмысления аудиовизуального перевода – специфического вида / техники перевода, относительно недавно ставшего предметом исследования в переводоведении.

The idea of interdisciplinary integration as a vector of modern science development is illustrated by reference to one of the main dialectic principles, namely, the law of the unity and conflict of opposites, used as a theoretical comprehension method to study audiovisual translation as a specific type of translation becoming an object of study in translatology nowadays.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, перевод субтитрами, дублирование, единство и борьба противоположностей.

Keywords: audiovisual translation, subtitling, dubbing, principle of the unity and conflict of opposites.

Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих.

Рене Декарт

Приведённые в качестве афоризма слова великого французского мыслителя Рене Декарта удивительно созвучны развиваемой в настоящее время идее междисциплинарной интеграции, рассматриваемой в качестве основного вектора развития современной науки¹. В этой связи особое внимание заслуживает разрабатываемая Н.К. Гарбовским системологическая модель науки о переводе, нашедшая свое реальное воплощение в обосновании парадигмы «системной трансдисциплинарности» [1; 2]. Рамки данной парадигмы дают возможность исследовать факты науки о переводе в свете положений других наук, «высвечивая» новые их грани с использованием методов, до сих пор не применявшихся в приложении к переводоведению. Одним из таких методов познания полагаем диалектику, поскольку, как говорил тот же незабвенный Рене Декарт, «обычная диалектика совершенно бесполезна для того, кто хочет достичь знаний, но иногда она может быть полезна лишь для лучшего изложения другим уже известного, почему её и нужно перевести из области философии в область риторики» [<http://www.aforizm.info/author/rene-dekart/>].

В свете вышеизложенного обратимся к одному из основных законов диалектики, а именно, закону единства и борьбы противоположностей, заявленному в названии статьи в качестве предмета нашего исследования.

Как гласит «Философский энциклопедический словарь», «характеристика всякого объекта как подчинённого закону единства и борьбы противоположностей указывает на источник движения и развития не где-то вне его самого, не в сверхъестественных силах, а в самом объекте. Закон позволяет понять всякую *целостность* как сложную и расчленённую *систему*, заключающую в себе элементы или тенденции, непосредственно друг с другом несовместимые. Закон единства и борьбы противоположностей снимает притязание на окончательность со всякой ограниченной формы существования в природе и обществе, ориентирует на раскрытие преходящего характера таких форм, их переход в более высокие и развитые формы по мере исчерпания ими своих возможностей» [9. С. 183-184] (*курсив наш – В. Г.*).

Как видим, в основе закона единства и борьбы противоположностей лежат, прежде всего, такие базовые понятия как *целостность* и *си-*

стема, не просто находящиеся в неразрывном единстве, но представляющие собой взаимопроникающиеся понятия, что подразумевает возможность их употребления практически в качестве синонимов. В приложении к переводу полагаем, что аудиовизуальный перевод, как никакой другой, требует системного подхода к своей реализации, учёта всех составляющих фильма, конкретно воспринимаемого, чувственно осязаемого зрителем. Что касается собственно целостности, понимаемой в философском плане как «совокупность многообразных предметных и структурных характеристик, дающая возможность судить о целом даже при недостатке эмпирических данных, когда содержание достраивается на основе имеющегося опыта и знания» [8. С. 467], последняя обеспечивает формирование («достраивание») образа-смысла, важнейшего, на наш взгляд, понятия в приложении к АВП, адекватная передача которого необходима при переводе кинодиалога [2; 3; 4; 6].

Наиболее значимым аспектом проявления закона единства и борьбы противоположностей представляется фигурирующая в приведённом выше определении системы идея о наличии в ней элементов или тенденций, «непосредственно друг с другом несовместимых». Как этот аспект преломляется в аудиовизуальном переводе?

В основе наших размышлений лежит тот факт, что (в приложении к художественным фильмам) последний относится к специфической разновидности художественного перевода, учитывая его реализацию непосредственно в области искусства, а именно, искусства кинематографического, подчиняющегося своим собственным законам, обусловленным спецификой носителя [5]. Однако существует мнение, что «в художественном переводе не допускается ни выпусков, ни прибавок, ни изменений. Если в произведении есть недостатки – и их должно передать верно. Цель таких переводов – заменить по возможности подлинник для тех, которым он не доступен по незнанию языка, и дать им средство и возможность наслаждаться им и судить о нём» [7. С. 246].

Исследование показывает, что проявление интересующего нас закона диалектики непосредственно зависит от вида/техники аудиовизуального перевода. Так, перевод субтитрами, подвергается жёстким ограничениям временного плана, а также плана пространственного, требующего фиксированного количества знаков в предполагаемом субтитре, что, каза-

¹ См., например, тематику совсем недавней переводческой конференции Высшей школы перевода (факультета) МГУ (19-20 февраля 2016 года).

лось бы, лишь подчёркивает неразрывность философских категорий пространства и времени. Однако при использовании означенной техники перевода в противоречие вступает постулируемая художественным переводом необходимость избегать «прибавок» и «изменений»: первые оказываются практически невозможными в силу очевидной необходимости значительного сокращения вербального компонента в письменной форме, вторых, напротив, практически невозможно избежать при передаче кинодиалогов фильмов, в которых доминирует Слово. Преодоление указанных противоречий, «борьба противоположностей» снимается и приводит к «единству» благодаря стремлению переводчика адекватно передать образ-смысл кинодиалога, отталкиваясь от «объекта», а именно, фильма как семиотически осложнённого целого, служащего для него «источником» вдохновения.

В некоторое противоречие с целым при переводе субтитрами вступает также наличие многоголосия, которое снимается при дублировании как другом достаточно распространённом виде/технике аудиовизуального перевода. Так, например, при подготовке субтитров переводчик вынужденно сохраняет реплики первого плана, наиболее полно отвечающие образу-смыслу кинодиалога фильма, теряя при этом относительно малозначащий вербальный «шум», сохраняющийся в оригинальной версии (атмосфера ресторана, улицы, концертного зала).

Особое место в контексте наших размышлений занимает проблема перевода сниженной лексики [3, 5]. Общеизвестно, что слово звучащее нередко шокирует в гораздо меньшей степени, чем слово написанное. Соответственно, поскольку у зрителя есть возможность построить уровень сниженности используемого регистра «на основе имеющегося опыта и знания» (см. выше), переводчик смягчает используемые инвективы, способные вызвать неоднозначную реакцию зрителей по соображениям этическим, что опять же входит в противоречие с переводом художественным в классическом его понимании. Соответственно, чтобы добиться аутентичности воспроизведения сниженного регистра, не шокируя при этом потенциального зрителя, отдельные переводчики избирают свои собственные стратегии, нацеленные на достижение наилучшего результата. Так, швейцарская переводчица Изабель Одино рассказывает о «муках переводческих» при переводе субтитрами фильма «Проект Х»

британского режиссёра Нима Нуризаде (Великобритания, 2012 г.). Фильм изобилует разговорным языком, вернее, молодёжным сленгом. Сначала переводчица попыталась быть верной английскому языку, но при просмотре фильма с предварительным наложением текста субтитров на французском убедилась в невозможности использования этого варианта: в силу резкой сниженности текст вступал в противоречие с видеорядом и отвлекал зрителя от восприятия целого. Грубость и вульгарность используемой лексики, верлан¹, производящие впечатление относительно фамильярного регистра при устном использовании в повседневной жизни, оказались совершенно неприемлемыми в субтитрах, поскольку большинство из этих лексических единиц практически не используются в письменной форме. Учитывая эти обстоятельства, переводчица несколько облегчила сниженность означенной лексики, уменьшив ее использование количественно и сохранив лишь несколько «сигнальных» элементов, что привело к качественному улучшению восприятия фильма зрителем. Сказанное свидетельствует о тесной связи закона единства и борьбы противоположностей, вскрывающего (в терминах философии) «источник развития», с другим важным законом диалектики, отражающим механизм последнего, а именно, законом перехода количественных изменений в качественные. К такому выводу ей позволило прийти тестирование вносимых в субтитры изменений, проведённое среди подростков, которые подвергли последние достаточно жёсткому и нелицеприятному анализу: «J'ai également testé mes sous-titres sur des jeunes qui ont été sans pitié... Ce qui est très bien» [10. P.16-17].

Обратимся теперь ко второй части определения закона единства и борьбы противоположностей. Очевидно, что аудиовизуальный перевод, как и перевод как деятельность в целом, «снимает притязание на окончательность с <...> ограниченной формы существования» (см. приведённое выше определение). В этой связи любопытно сравнить время прочтения субтитров французами и швейцарцами. Данный параметр у первых значительно выше, чем у вторых. Этот факт объясняется французской (и, в целом, общеевропейской) традицией располагать на экране двустрочные субтитры с количеством знаков от 32 до 41 в строке [11], в отличие от Швейцарии, где на экране фигури-

¹ Верлан – вид условного языка, арго, в котором переставляются слоги в словах. Например, *laisse tomber* – *laisse béton*.

руют субтитры на разных языках, что с необходимостью требует лаконичного однострочного их представления на каждом из представленных языков. Как отмечают исследователи, эта тенденция в настоящее время теряет свою актуальность с расцветом информационных технологий, когда цифровая обработка сигналов (ЦОС или DSP от англ. Digital Signal Processing) позволяет вводить код, дающий доступ к версии субтитров на конкретном «официальном» языке, доминирующем в отдельном кантоне в силу специфики государственного устройства Швейцарии, без учёта языковой принадлежности зрителей [10].

Сказанное подтверждает общее ориентирование закона единства и борьбы противоположностей на «переход [форм существования] в более высокие и развитые формы по мере исчерпания ими своих возможностей».

Представляется, что проведённый анализ некоторых примеров достаточно иллюстративен и свидетельствует о продуктивности включения основных законов диалектики как метода теоретического осмысления феноменов, связанных с таким специфическим видом перевода как аудиовизуальный перевод.

Список литературы

1. Гарбовский, Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний / Н.К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2015. – № 1. – С. 3–20.
2. Горшкова, В.Е. Эстетика аудиовизуального перевода Ж.-Ф. Корню в парадигме системной трансдисциплинарности / В.Е. Горшкова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2015. – № 3. – С. 22–37.

3. Горшкова, В.Е. и др. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: коллективная монография / под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 367 с. – URL: <http://rucont.ru/efd/326468>

4. Горшкова, В.Е. Перевод кинодиалога в свете концепции Жиля Делёза / В.Е. Горшкова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2010. – № 1. – С. 16–26.

- Горшкова, В.Е. Перевод в кино: монография / В.Е. Горшкова. – Иркутск, ИГЛУ, 2006/2008. – 278 с. – URL: <http://rucont.ru/efd/199913>

- Колодина, Е.А. Образ-смысл как генератор и актуализатор смысла в пространстве кинодиалога. Глава 7 / Е.А. Колодина // Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: коллективная монография / под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – С. 247–278. – URL: <http://rucont.ru/efd/326468>.

5. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

6. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.

7. Философский энциклопедический словарь / под общ. ред. Л.Ф. Ильичёва. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

8. Boillat, A. La traduction audiovisuelle : contraintes (et) pratiques. Entretien avec Isabelle Audinot et Sylvestre Meininger / A. Boillat, L. Cordonnier // Décadrages. Cinéma à travers champs. – Lausanne: Université de Lausanne, 2013. – № 23–24. – P. 16–17.

9. Diaz Cintas, J. Pour une classification des sous-titres à l'époque du numérique / J. Diaz Cintas // La traduction audiovisuelle. Approche interdisciplinaire du sous-titrage / Eds. Jean Lavaur et Adriana Şerban. – Bruxelles : De Boeck, 2008. – P. 27–41.

И. В. Денисова, И. В. Телешева
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

THE GENDER PECULIARITIES IN LITERARY TRANSLATION

The article deals with the problem of the role of the gender aspect in literary works. The gender aspect plays an important role in creation of the artistic image and the mechanisms of its verbalization. It is vital for translator to recognize and reproduce correctly gender-oriented associations which can be an important part of literary stylistics of the original. The reproduction of the gender peculiarities

which are the basis of the literary structure of the novel is analyzed at the example of V. Woolf's novel «Orlando».

В статье рассматривается вопрос о роли гендерного аспекта в художественном произведении. Гендерный аспект играет важную роль при создании художественного образа и механизмов его вербализации. Переводчику важно распознать и правильно передать гендерно-ориентированные ассоциации, которые могут являться важной составляющей художественной стилистики оригинала. На примере романа В.Вулф «Орландо» анализируется передача гендерной специфики, являющейся основой художественной структуры романа.

Keywords: *gender, literary translation, gender marking of the language, gender stereotypes.*

Ключевые слова: *гендер, художественный перевод, гендерная маркированность языка, гендерные стереотипы.*

The problem of gender was not considered thoroughly in the theory of translation. However, the study of this urgent issue could have kept translators from the mistakes capable of destroying all their creative findings. Inattention to the problem of gender in the general theory of translation should be avoided – it especially concerns the Russian theory of translation as working with the Russian language and other synthetic languages with strongly marked gender category sometimes having the vital meaning we must take into account the gender category. Inattention to the problem of gender in literary translation can lead to the serious pragmatic mistakes.

The literary work is closely connected with the language system in which it is created. During the process of translation we can speak about the transference of the literary work not only from one language system into another, but the transference from one mental sphere into another where all poetic sources are rather different [2. C. 42]. Consequently, one of the complicated problems is the problem of translatability of one gender-marked mentality into another. In this case the translator must be the intermediary in the dialogue of cultures; he or she must translate the language of one culture with its gender orientation into another language taking into account its masculinity or femininity [5. C. 57].

Translation is a different interpretation of the original, the use of different means of artistic expressiveness, the embodiment of different translation stylistics and the different gender-marked perception of the reality [3. C. 25]. Any original work is perceived as such by the native speakers only if all the requirements are observed including the gender aspect which can have more important meaning than any other stylistic and grammatical aspects.

The most complicated issue is the gender intrigue of the literary work in which there is the multilevel

structure of gender relations initiated by the author of the original who creates the images of men and women in accordance with his or her personal conception of masculinity or femininity and social stereotypes accepted by the culture which the author belongs to or maybe in accordance with another culture which the author tries to depict in his or her work transferring the plot into another country. The translator must decipher this gender intrigue and appropriately embody the images created by the author of the original in the target language and at the same time the translator must not destroy the general structural storyline and the gender characteristics of the text [1. C. 70].

The literary works are opposed to all other speech works owing to the fact that their main characteristic is the artistic and aesthetic function. The primary purpose of each work of this type is to achieve the certain aesthetic impact and to create the artistic image.

Due to the research of the Russian scientists in the sphere of gender studies a new area of research has appeared recently – the gender aspect of translation. This area of research is aimed at analyzing the translation problems and finding the ways of their solution in relation to the influence of the gender aspect on the process and the result of translation.

The gender marking of the language plays an important role in the process of literary translation. This area of research deals with the lexical items because the gender peculiarities of the language are shown at the lexical level in the most distinct way. The translation of the gender-marked items at the lexical level is of great interest as the gender peculiarities of literary works are more vividly expressed by means of the lexical items. The translator must be very attentive while choosing the appropriate translation equivalent: contradictions in gender characteristics can turn out to be serious

mistakes when correlation with certain sex and consequently with their own distinctive features constitutes the vital element of the artistic structure of the original.

The vivid example of the primary role of the gender aspect in literary translation is V. Woolf's novel «Orlando» (1928). The gender aspect of the novel constitutes the important element of the artistic structure of the text. V. Woolf analyzes the essence of masculinity and femininity through the unusual character of the main hero. Moreover, the author planned that the main hero Orlando would have male-to-female sex-change in order to show that majority of people is androgynies by mental structure – they can combine male and female features. This fact is the serious problem for translator as he or she must give adequate translation to the gender-marked image especially at the lexical level. The manifestation of gender in this case is connected with the gender stereotypization in particular the intentional shift of gender stereotypes. Gender stereotypes are reflection of the views of society on the behavior which suits to men or women and the behavior which is expected of men or women. By means of the shift of gender stereotypes V. Woolf tried to prove that there is no clear borders between male and female qualities.

The gender-marked items at the lexical level in the novel «Orlando» can be classified according to three criteria: the description of the appearance, psychological qualities and the manner of behavior.

Let us consider the examples of these criteria:

1) V. Woolf points to the fact that the description of Orlando-the-man is associated with the female stereotype qualities. For example:

*The young man withstood her gaze **blushing only a damask rose** as became him* [6].

Он не дрогнул, только зарделся, как дамасская роза, что ему очень шло и подобало [4. C.15].

Translator E. Surits used specification while translating the participle «blushing» – «зарделся»; the women are usually described blushing and flushing red. Moreover, the comparison with the rose (which is considered to be the perfection of beauty) has the clear feminine colouring of a word (even the figurative meaning of the word «rose» is a beautiful woman or a girl). However, V. Woolf uses this feminine colouring for the description of a man.

Another example is the following:

*She was a **feather** blown on the gale* [6].

*Она была как **лестик** на ветру* [4. C.136].

Modulation used in translation helps keep the

meaning of «lightness and grace». The word «лестик» in the Russian language is of masculine gender, but the affectionate diminutive suffix gives femininity to the whole comparison.

2) *She thought, **giving her legs a kick*** [6].

*Подумала она, **взбрыкнувши ножкой*** [4. C.132].

E. Surits uses the change of the part of the speech and the change of grammatical category (in particular the category of number: «legs» – «ножкой») and the slide transformation («ножкой»). This method puts emphasis on the grace of the main hero Orlando.

V. Woolf constantly stresses such semes in the description of Orlando-the-man as shyness, timidity, sensitiveness, capriciousness, inclination to tears. These qualities are usually ascribed to women:

*His cheeks still flushed their habitual **deep rose*** [6].

*На щеках его, как всегда, играл **нежный румянец*** [4. C. 113].

*He stood there **shaken with sobs*** [6].

*Он стоял, **сотрясаемый всхлипываниями*** [4. C. 57].

However, in spite of the female manner of behavior of Orlando V. Woolf hints that the heroine possesses the male qualities:

Her clothes chosen rather at random, and sometimes worn rather shabby; love of power; she detested household matters, was up at dawn; she could drink with the best and liked games of hazard [6].

Выбирает она платья как-то наобум и носит их как-то небрежно; мужская жажда власти; она терпеть не может домашнего хозяйства, встаёт на рассвете; она не дура выпить, она обожает азартные игры [4. C. 164].

3) The shift of gender stereotypes is employed in the description of Orlando's habits and manners of behavior. Orlando, being a woman, has the habits of a man:

She could drink with the best and liked games of hazard [6].

Она не дура выпить, она обожает азартные игры [4. C.164].

And were not her clothes chosen rather at random, and sometimes worn rather shabby? [6].

И выбирает она платья как-то наобум. И носит их как-то небрежно. [4. C. 165]

We can see that the descriptions of Orlando-the-man and Orlando-the-woman do not coincide with the accepted gender stereotypes. Consequently,

the translator must interpret correctly the gender orientation of the text. The analysis of the original and the translation has shown that the translation made by E. Surits should be considered to be adequate: she reproduced the gender peculiarities which is the basis of the artistic structure of the novel; at the lexical level the gender aspect was rendered correctly and contributed to the image combining masculine and feminine features created by V. Woolf. The peculiarity of the translation of the gender aspect in this novel is that the gender aspect goes through all the text. Therefore, the complex analysis of the language representation of the gender-marked image of the main hero/heroine was conducted.

Thus, the translator must be gender correct: lexemes and even the smallest word combinations can evoke verbalized and nonverbal images in the person's mind and almost all of these images have gender associations or orientation. However, the tasks for translators are not as simple as verbalization of the gender-specified image existing in both cultures [1. С. 69]. Adequate translation of the lexemes is often impossible without taking into account their basic or connotative field the gender aspect of which can play the vital role in the creation of the artistic image. The separate lexemes in the text form the complex system where different associations are actualized or moved to the background. All these

associations create the connotative field as the integral part of the meaning of the text. It is very important for translator to understand the general character of the text and its gender marking and orientation.

Список литературы

1. Бурукина, О. А. Гендер в переводе: Проблема трансформации менталитета / О.А. Бурукина // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. – Иваново : Юнона, 2000. – С. 63–72.
2. Бурукина, О. А. Гендерный аспект перевода / О. А. Бурукина // Гендер как интрига познания. – М. : Рудомино, 2000. – С. 99–107.
3. Бурукина, О. А. Личность переводчика в контексте гендерных исследований / О. А. Бурукина // Гендер: язык, культура, коммуникация. – Москва : МГЛУ, 1999. – С. 25–26.
4. Вулф, В. Орландо: Роман / В. Вулф. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 304 с.
5. Траилина, Е. В. Переводчик и гендер: вечное противостояние / Е. В. Траилина, О.А. Бурукина // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. – Иваново : Юнона, 2000. – С. 55–63.
6. Woolf, V. Orlando / V. Woolf // URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91o/>

М. Ю. Дмитриева

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

БЕЛЬГИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЛЬГИЦИЗМОВ

BELGIAN FRENCH LANGUAGE: BELGICISMS TRANSLATION PROBLEMS

В статье дается подробный анализ языковой ситуации в Бельгии, определяется место французского языка среди других языков, действующих на территории Бельгии, указываются лексико-семантические особенности бельгийского французского языка. В статье дается определение такому понятию как «бельгизм», под которым понимается любая особенность французского языка Бельгии, отличающего его от стандартного французского языка, но в тоже время, считающаяся нормой. Автором предпринимается попытка сформулировать общие рекомендации для перевода бельгизмов.

The article gives a detailed analysis of the language situation in Belgium, on a determination of the place taken by the French language among the others spoken on the territory of the Kingdom of Belgium

and it specifies lexical-semantic features of the Belgian French language. The paper defines such concept as the belgicism, which refers to any peculiarity of the Belgian French language considered as the norm but at the same time differing from the standart French language. The attempt is made to define general recommendations to translate belgicisms.

Ключевые слова: бельгицизм, бельгийский вариант французского языка, диалектизмы, архаизмы, региональный французский язык.

Keywords: belgicism, Belgian version of French language, dialectism, archaicism, French community language.

Французский язык Бельгии – это язык развивающийся в многоязычной и многокультурной ситуации. Как отмечает Ж. Богана, «развитие языковой ситуации на территории Бельгии позволяет говорить о том, что современный «бельгийский язык» – симбиоз нескольких языков (французского, голландского, немецкого) [2. С. 25].

Для того, чтобы начать работу над переводом текстов, составленных на французском языке Бельгии, необходимо учитывать, что французский язык находится постоянно под влиянием тех или иных языков, и в зависимости от региона, он варьируется.

Следует отметить, что на французском говорят в Валлонии, в Брюссельском столичном регионе (где французский находится под влиянием брюссельского фламандского языка) и в нескольких городах Фламандии. Французский язык Валлонии делится на 4 региона, образуя тем самым, разные диалекты французского языка. Французский язык Западной Валлонии соотносится с пикардийским диалектом, Центральной Валлонии – с центрально-валлонским или валлоно-намярским диалектом, также с западно-валлонским. Восточная Валлония (Льеж) характеризуется наличием восточно-валлонского диалекта. Для Южной Валлонии (центр и юг провинции Люксембург) характерен южно-валлонский или валлоно-лотарингский и лотарингский диалекты. Во Фландрии также есть небольшое франкоязычное сообщество (Гент, Антверпен) [7. С. 53-54].

Изначально валлонский язык был родным языком, на котором говорил народ, и единственным языком, на котором говорили большинство валлонцев. В большинстве случаев, французский язык был письменным языком, им владели те, кто умел читать и писать. В XVIII в. валлонский язык уступил место французскому и вскоре был окончательно заменен. В XIX в. его запретили в образовательных учреждениях. В XX в. валлонский как язык перестает существовать. Тем не менее, этот язык оставил

след в разговорном французском Бельгии, став источником возникновения многочисленных бельгицизмов, в первую очередь, лексических [Там же. С. 54]

Немного другая ситуация сложилась с французским языком в Брюссельском столичном регионе. Здесь французский язык находится в постоянном взаимодействии с германской группой языков, а именно с нидерландским, который существует в двух формах:

- 1) субстрат (диалект южно-нидерландского, брабантского);
- 2) адстрат в литературной форме.

В данном случае важно отметить, что говорящие на нидерландском жители Брюсселя, в большинстве своем, владеют французским языком, тогда как билингвов среди франкоговорящих брюссельцев не так много. В Брюссельском столичном регионе на формирование французского языка оказывали влияние буржуазия, говорящая на настоящем французском языке, средний класс, принеший во французский язык некоторые заимствования из брюссельского фламандского языка, иммигранты из Валлонии, чей французский язык несет в себе черты языка их региона, люди, говорящие только на одном языке (их разговорный французский близок к брюссельскому фламандскому), а также рабочие мигранты (преимущественно, итальянцы, марроканцы, знающие французский язык).

В настоящее время во французском языке Брюсселя наблюдается гораздо больше американизмов, чем в валлонском французском языке. Это объясняется тем, что в Брюсселе располагаются штаб-квартиры международных или американских организаций и учреждений.

Таким образом, англицизмы и американизмы являются неотъемлемой частью лексики общественно-политической, спортивной и военной тематики.

На французский язык Антверпена, Гента и Остенде (Фландрия) оказывает влияние нидерландский язык, что отражается в особенностях

произношения, а также на уровне лексики и синтаксиса.

Отметим, что лексический состав бельгийского французского языка включает в себя слова основного словарного фонда, характерного и для французского языка Франции, а также слов, характерных только для французского языка Бельгии и называемых бельгицизмами или бельгизмами.

Дать определение бельгицизма достаточно сложно, так как под ним часто понимают как отклонение от нормы, так и особенность языка, а также ошибку. Э.А. Николаева, а вслед за ней С.Я. Алифференко, понимают под бельгицизмами «особые черты словаря или синтаксиса, специфика употребления которых в данную эпоху противопоставляет французский язык, общий для всех франкоговорящих жителей Бельгии стандартному французскому языку» [1. С. 70]. Ж. Багана и Трещева Н.В. дают следующее определение бельгицизмам: «Это слова, характеризующие административную, общественную жизнь страны, отражающие специфические черты быта бельгийцев. Сюда относятся и географические термины» [2. С. 25]. То есть, под данное описание подходят реалии бельгийской жизни, как например, *un bourgmestre* (*un maire* во французском языке).

Лингвист Ладислава Миличкова предлагает разграничивать понятие «бельгицизм» и понятие «региональный французский язык» [7. С. 57]. Пирон (Piron) понимает под бельгицизмами лишь особенности языка, которые встречаются в большинстве провинций Бельгии [Там же. С. 57].

На французский язык Бельгии влияют 2 фактора:

1) географический фактор. Некоторые бельгицизмы известны всему региону Валлонии и Брюсселя; другие известны лишь на определенных территориях.

2) социальный фактор. Бельгицизмы чаще всего встречаются в речи нижних социальных слоев.

В связи с чем выделяют следующие определения «бельгицизма»:

а) под словом «бельгицизм» понимают любую особенность разговорного французского языка Бельгии, отличающегося от французского языка Франции, но считающийся нормой.

б) бельгицизмами называются явления языка, встречаемые в диалектах Бельгии или в региональном языке. Эти явления известны во французском языке Франции, но являются архаизмами или маргинальными словами. Не-

которые выражения проникли также во французский язык Швейцарии и Канады.

с) термин «бельгицизм» подразумевает под собой лингвистические явления, где одна из линий изоглосс совпадает с границей Франции и Бельгии.

Таким образом, под «бельгицизмом» понимают «любое языковое средство фонетическое, фонологическое, синтаксическое, морфологическое или лексическое, свойственное группе людей, чьим родным языком на территории Бельгии является французский язык, но который в свою очередь отличен от французского языка Франции» [6].

Существует ряд классификаций бельгицизмов, но как правило, они имеют схожие черты. Так Ф. Массион выделял следующие типы бельгицизмов:

1) первая группа, достаточно обширная, включает в себя диалектные термины, которые остаются неизменными. Например, *une tarte al diete* (*tarte aux bettes*);

2) диалектизмы, которые постепенно ассимилировались во французском языке. Как правило, это слова, существовавшие в старо-французском языке, и не существующие в современном французском. Например, *aubette* (*kiosque à journaux*), *escabelle* (*échelle double*);

3) к третьей группе, относятся так называемые, фландрицизмы, такие как *couque* – *pain d'épices*; *panne* – *poêle à frites* [6. С. 44-50].

Другие ученые, в том числе и отечественные делят все бельгицизмы на:

1) диалектизмы.

Э.А. Николаева понимает под диалектом «разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной ...общностью» [4. С. 82].

2) заимствования, среди которых выделяют фландризмы (включая и нидерландизмы), англицизмы и другие типы;

3) лексемы-инновации, которые объединяют в себе: деривацию, лексико-семантическую дивергенцию, контаминацию;

4) фонетическое искажение;

5) ониматопея [4. С.132].

Ладислава Миличкова и Мишель Франкар строят свою классификацию, исходя из следующих факторов:

1) с точки зрения географического положения выделяют:

– непосредственно бельгицизмы или панбельгицизмы, то есть слова, распространенные

по всей территории франкоязычной Бельгии (*n-p, septante; nonante*).

– регионализмы, слова разговорного языка определенного региона (*n-p, une bonne amie – région de Bruxelles*).

– диалектизмы (*n-p, touillet en pays de Gaume – une sorte d'omlette avec de la farine et du sucre*).

2) по происхождению слов:

– архаизмы, то есть слова, которые во Франции уже устарели и вышли из употребления, тогда как в Бельгии они по-прежнему в обиходе (достаточно привести в пример обозначение приемов пищи, в Бельгии до сих пор употребляют слова *un déjeuner, un dîner et un souper* для его обозначения «завтрака», «обеда» и «ужина», тогда как во Франции эти слова приобрели уже другое значение).

– неологизмы (*une Communauté – une entité politique et administrative de l'Etat fédéral Belge*).

– заимствования. Речь идет о заимствованиях из нидерландского языка (*ket – un enfant*), диалектов (*touillet – gaume*) или других языков, особенно английского языка, испанского или немецкого.

3) уровень языка. Любое слово может встречаться чаще либо в письменной, либо в устной речи, или быть присущим языку определенной социальной группе или группе профессионалов (*n-p, группе студентов, юристов*). Приведем примеры: *koteur – celui qui habite en kot (petite chambre)* [7. С. 59]

Как мы уже поняли, наибольшую трудность при переводе представляют лексические особенности бельгийского варианта французского языка [3. С. 146].

Как отмечает И. Хавкин, «достаточного отражения в словарях бельгизмы, как любые другие регионализмы, не получили, поскольку традиционные словари строятся на базе метропольной лексики» [5].

В случае возникновения трудностей перевода того или иного бельгизма осуществляется поиск нужного русского эквивалента с помощью таких источников, как Интернет, параллельные тексты, электронные словари. То есть при работе с текстом, составленном на бельгийском варианте французского языка переводчику необходимо сделать следующие шаги:

1) найти реалии, скрывающиеся за общепонятными французскими единицами, имеющими в Бельгии другое значение;

2) определить значение незнакомого термина, словосочетания, фразы (поиск в параллельных текстах);

3) исходя из полученного значения, подобрать соответствующий эквивалент на французском языке Франции;

4) подобрать эквивалент на русском языке, учитывая смысловое окружение искомого слова и используя уже существующие словари, параллельные тексты и т.д.

Кроме того, необходимо помнить о том, что во время постоянной работы над переводом текстов, содержащих бельгизмы, некоторые высокочастотные бельгизмы, несвязанные с реалиями, начинают восприниматься переводчиком как общеупотребительные французские единицы, что может навредить впоследствии качеству перевода.

Переводчик должен также учитывать, что в разных регионах Бельгии функционируют различные бельгизмы, так как французский язык находится под влиянием различных языков. Чаще всего бельгизмы встречаются в общественно-политических, административных текстах, текстах, посвященных проблемам образования, а также в повседневной речи.

Список литературы

1. Алиференко, С.Я. Особенности бельгийского варианта французского языка / С. Я. Алиференко // Вологдинские чтения, – г. Владивосток, 2008г. – Вып. № 66 – С. 69-70
2. Багана, Ж. К вопросу о территориальной вариативности французского языка / Ж. Багана, Е.В. Трещева // Вестн. Российск. ун-та дружбы народов. – 2011. – № 2, – С. 25-26
3. Клоков, В.Т. Французский язык в Швейцарии / В.Т. Клоков: Саратов: Издат. Центр Наука, 2009. – 216с.
4. Николаева, Э.А. Первичное фразообразование в бельгийском варианте французского языка: семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Николаева. – Москва, 2006. – 306с.
5. Хавкин, И. М. Занимательный специальный перевод / И. М. Хавкин // Пособие для начинающих переводчиков с примерами типичных ошибок (на материале английского и некоторых романских языков). – URL: <https://bookmate.com/books/aqKhKXbv>.
6. Massion, F. Dictionnaire de belgicismes, / F. Massion – Frakfort-sur-le-Main : Peter Lang, 1987. – Vol.2. – 946p.
7. Milicková, L. Le parler français de Belgique – II / L. Milicková // Sborník prací Filozofické Fakulty Brněnské univerzity. – L. 18. – 1997. – P. 53-61

М. Г. Зеленцова*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Институт иностранной филологии
(Симферополь, Республика Крым)***КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА)****COGNITIVE ASPECTS OF ECONOMIC TRANSLATION
(BASED ON TEXTS IN MANAGEMENT TERMINOSYSTEM)**

В статье рассматриваются когнитивные аспекты экономического перевода в целом и в частности, на материале текстов терминосистемы менеджмента английского и русского языков. Обосновываются основные трудности когнитивного восприятия управленческих терминов и понятий, анализируются ошибки, которые может допускать переводчик в ходе переводческой деятельности.

The article considers cognitive aspects of translation in the sphere of economics as a whole and in management terminology in particular in English and Russian. Basic obstacles of management terms and notions cognitive perception are considered as well as mistakes made by translators in the course of translation activity are analyzed.

Ключевые слова: перевод, когнитивный подход, экономический текст, термин, терминосистема менеджмента.

Keywords: translation, cognitive approach, economic text, term, management terminosystem.

Экономический перевод во многом выходит за рамки непосредственно технического перевода и требует от переводчика особых знаний и понимания различий и особенностей, существующих в практике перевода специальных текстов. Перевод специальных текстов, как и любых других, требует от переводчика не только достаточно глубокого знакомства с описываемыми в тексте явлениями, наличие определенной теоретической подготовки в области лингвистики, переводоведения, стилистики, но и подготовки в области терминоведения.

Язык управленческой науки представляет собой систему сложных взаимоотношений между терминами и понятиями, относящимися к области профессиональной деятельности. В условиях всевозрастающего интереса к менеджменту как науке и практике управления возникает потребность не только в обобщении и систематизации знаний о разнообразных методах управления организациями, но и в правильном понимании терминов, значительная часть которых возникла под влиянием, в основном, англоязычной терминосферы менеджмента [4. С. 9].

Освещая состояние управленческой мысли в научном и в прикладном аспектах, англоязычные тексты терминосистемы менеджмента написаны с точки зрения именно американской

управленческой мысли, основанной на многих ценностях, характерных именно для американского общества, культуры, менеджмента. США – лидер науки управления, исследований в области бизнеса и менеджмента с точки зрения и численности исследователей, и объема затрачиваемых средств, и широты охватываемых проблем. Как справедливо подмечено в книге «Основы менеджмента»: «менеджмент – это, конечно, *самостоятельная область знаний*, требующая вдумчивого освоения. Это отдельная дисциплина, а точнее – междисциплинарная область, которую правильнее всего назвать «управленческая мысль», сочетающая в себе науку, опыт, «ноу-хау», приумножаемые управленческим искусством» [5. С. 6].

В настоящей статье делается попытка проанализировать особенности отображения в текстах терминосферы менеджмента той когнитивной информации, которая влияет на способ развертывания мысли на языке оригинала, а в последующем – на её репрезентацию в текстах перевода.

Специфическое конструирование действительности в разных культурах и, соответственно, ее языковая репрезентация порождает ряд переводческих проблем, которые объединяются в категорию когнитивных особенностей пе-

ревода. Эта проблема касается, прежде всего, своеобразного видения объекта, явления или события носителями языка-источника и его адекватной передачи в языке перевода.

Как справедливо отмечает в своей монографии И. Н. Ремхе: «Процесс понимания регулируется за счет механизмов «узнавания» в тексте информации, поступающей из текста оригинала и воспринимаемой посредством когнитивных механизмов мозга со сложной внутренней архитектурой, что позволяет проводить обработку полученных данных для последующего их перевода на другой язык» [7. С. 18]. Нельзя не согласиться с мнением М. Н. Володиной о том, что «в зависимости от ситуации реализуется различная информация, заложенная во внутреннюю форму термина, что непосредственно связано с коммуникативно-релевантным признаком соответствующего объекта. Одновременно с этим имеет место изначально разная информационная ёмкость одного и того же термина в восприятии специалиста и неспециалиста» [2. С. 117].

Терминосистема любой научной области является не просто совокупностью терминов, а сложным образованием, структурированным в соответствии с той концептосферой, которую оно отражает [4. С. 83]. В процессе перевода оригинальной англоязычной литературы на русский язык авторы вольно или невольно заимствуют концептуальную структуру менеджмента, пытаясь при этом адаптировать её к соответствующим условиям России. Сегодня никто не сомневается и в том, что языки отражают действительность по-разному, асимметрично. «Когда в переводе языки оказываются в контакте, когда при описании какого-либо фрагмента действительности значения одного языка с необходимостью определяются через значения другого, асимметрия проявляется наиболее отчетливо» [1. С. 33].

К сожалению, далеко не все переводы специальных текстов можно с уверенностью назвать адекватными, в силу недостаточного внимания переводчика к переводу каждого отдельного термина в тексте, что приводит к недостаточной точности перевода, а зачастую, к искажению смысла текста и возникновению непонимания у специалистов. Дело в том, что термины, представляющие в научном тексте собой саморегулируемый лексический аппарат, специализируются на передаче когнитивной информации. Именно когнитивный анализ языкового материала дает возможность избежать перевода типа «набор слов» и способствует

адекватному информированию. Следовательно, создание перевода предусматривает решение как языковых, так и когнитивных проблем кодировки и передачи информации в разных языках.

Стоит отметить, что терминосистема менеджмента охватывает значительное количество разнообразных терминов, характеризующих как собственно управленческие понятия, так и обще- и частноэкономические понятия и реалии. Анализ в первую очередь англоязычных, а также русскоязычных текстов (научные монографии, учебные пособия, справочники словари) позволил выделить базовые понятийные блоки терминосистемы менеджмента: «Теория», «Цели и функции», «Инструменты», «Субъекты», «Объекты», «Организационные процессы», «Организационное поведение» [4. С. 84]. Кроме того, трудно не согласиться с мнением учёных, которые считают, что моделирование процесса перевода с когнитивных позиций сможет опровергнуть точку зрения тех лингвистов, которые полагают, что описать этот процесс с помощью моделей совершенно невозможно в силу того, что процесс перевода носит творческий (эвристический) характер [10. С. 175].

Знание наиболее характерных минимальных контекстов в сфере экономики для терминологических единиц составляет одно из важнейших условий качественного выполнения перевода и существенно отличается на стадии предпереводческого анализа текста. Как справедливо отмечает А.Н. Усачева: «с точки зрения когнитивной деятельности, перевод – это дистанцированное (в пространстве и/или во времени) взаимодействие двух разных когнитивных структур адресанта и адресата через когницию переводчика. Деятельность переводчика представляет собой сопоставление когнитосфер отправителя текста и переводчика, переводчика и получателя текста, установление общих и отличающихся слотов и формирование третьих элементов – «сцепок» между когнитосферами отправителя и получателя для осуществления успешной коммуникации» [9. С. 136].

«Ресурсы любого профессионала – это знания, умения, навыки, способности и психические качества, организованные в систему. А ресурсы переводчика-профессионала – это знание языков и культур, специфические переводческие умения, а также собственные личностные характеристики и когнитивные способности. Когнитивный подход к теории пере-

вода основан на признании особой важности когнитивных элементов и новом понимании технологии перевода, на алгоритме перехода информации от адресанта к адресату через переводчика-транслятора» [9. С. 135].

Тот факт, что «современная зарубежная наука управления представлена самыми различными течениями, школами, направлениями, концепциями, которые часто несовместимы друг с другом, в которой отсутствуют внутреннее единство, логическая связь» [3. С. 14], ставит перед переводчиком трудную задачу – не стать источником ошибок, мешающих восприятию передаваемой информации. Особое внимание следует уделить адекватности, под которой понимается тождественность информации, передаваемая равноценными средствами языка-перевода.

Итак, анализ материала показал, что некоторые понятия менеджмента представляют трудность для переводчика с точки зрения правильного осознания «понятийного содержания». В теории менеджмента есть концепция «Персонал – главное достояние организации». Так, ученые считают, что «практика управления человеческими ресурсами в различных странах отражает не только многообразие национальных школ и традиций *кадрового менеджмента*, но, скорее, свидетельствует об отсутствии некоей единой концепции, так как пестрота используемых концептуальных схем нередко усугубляется их взаимной противоречивостью. Широкое разнообразие существующих подходов в *управлении персоналом*, обусловленное (в том числе и историческими) различиями в национальных, институциональных и организационных контекстах, привело к тому, что ни единого корпуса профессионального знания, ни общей профессиональной идеологии этой управленческой дисциплины до сих пор так и не сложились» [8. С. 25].

В результате в англоязычной литературе используются термины, которые на первый взгляд могут показаться синонимами: *personnel management* (кадровый менеджмент) и *human resource management* (управление человеческими ресурсами). Согласно определениям: *Personnel management* is an administrative function of “recruiting and training employees and dealing with their problems” [11. С. 307], в то время как “*Human resource management* also involves the management of people in an organization, the control of the skills, knowledge and ability of people and how they contribute to an organization” [Там же С. 195]. Главное от-

личие между ними состоит в том, что *personnel management* – это традиционный подход, а *human resource management* – «новый» подход в управлении людьми на предприятии. Однако различия можно наблюдать в масштабе, подходах и применении соответствующих мер. В русскоязычной литературе можно найти следующее объяснение: «Именно с появлением управления персоналом как специализированной штабной деятельности в системе современного менеджмента связано становление *кадрового менеджмента*, который постепенно интегрирует и трансформирует сложившиеся формы кадровой работы. Важным этапом этого процесса стали ассимиляция идей системного подхода, разработка различных моделей организации как системы – не только функционирующей, но и развивающейся, – на основе которых сформировался новый подход в кадровом менеджменте – *управление человеческими ресурсами*» [5. С. 6]. «*Управление персоналом* как вид деятельности – это управление живым трудом, людьми, наиболее сложным и перспективным, потенциально неисчерпаемым ресурсом предприятия, в решающей степени определяющим эффективность деятельности, конкурентоспособность и выживаемость организации» [6. С. 293].

Также в русскоязычной переводной литературе встречаются термины *менеджер* и *руководитель*, *штат* и *персонал*, которые считаются синонимами. Однако эти наименования имеют различное значение и назначение, и задача для переводчика выяснить, как наилучшим образом передать заложенную в них информацию. Русскоязычные термины *менеджер* и *руководитель* не тождественны с точки зрения науки менеджмент. Руководителями являются все люди, которые возглавляют тот или иной коллектив; менеджер работает на достижение конкретного экономического результата, получения прибыли и достижения эффективности производства. Однако словарь даёт такое объяснение: “manager is a person who is employed to control, organize and direct part or all of a business or organization” [11. С. 251]. Поэтому для выбора адекватного варианта перевода переводчику необходимо определить сначала его полномочия, а лишь потом подобрать соответствующий эквивалент.

С точки зрения науки менеджмент, *персонал* – это более широкое понятие «личный состав организации, работающий по найму», а *штат* – узкое понятие «постоянный состав сотрудников организации», хотя в также мож-

но встретить вариативные наименования как: *кадры, ресурсы, капитал, рабочая сила*. Такая разветвлённая система наименований понятий в сфере менеджмента связана с историей развития самого понятия *personnel*, включая различные научные школы, направления, которые имеют своё восприятие роли человека на производстве.

Стоит отметить, что «корректное воспроизведение смыслов оригинала обусловлено недопустимостью модификаций, мотивированных субъективным выбором переводчика, если нарушаются: точность сообщаемой в исходном тексте информации (произвольная интерпретация коммуникативного задания автора, смысловое искажение, неточности, неоправданное введение новой или дополнительной информации, опущение части информации); оценочность взглядов автора исходного текста; функциональная перспектива исходного текста» [1. С. 135–136].

В ходе проведённого анализа управленческих терминов и понятий можно определить основные ошибки, которые могут допускать переводчики при переводе экономических текстов одного и того же текста: 1) недостаток теоретических и концептуальных знаний и представлений о культуре ведения бизнеса в англоязычной среде; 2) различия когнитивных пространств переводчиков приводит к различным интерпретациям управленческих понятий и терминов; 3) несовпадение значений соответствующих терминов, отражающихся в когнитивной базе двух языков; 4) переводчик не может совместить когнитивные пространства оригинального текста и когнитивных пространств текста перевода; 5) недостаточное владение переводчиком языком оригинала; 6) недостаточный уровень подготовки переводчика в сфере профессиональной деятельности.

Необходимо подчеркнуть, что специфическая форма отображения действительности в разных системах и, соответственно, её языковая репрезентация порождает ряд переводческих проблем, которые объединяются в категорию когнитивных особенностей перевода. Эта проблема касается, прежде всего, своеобразного представления объектов, явлений на языке источнике и его адекватной передачи на языке перевода. В свою очередь, согласование когнитивных параметров оригинала и перевода обеспечивает их концептуальную и семантическую идентичность. Таким образом, только

при взаимодействии когнитивных пространств в переводческой практике возникает гармоничный текст перевода.

Список литературы

1. Валеева, Н. Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты: Монография / Н. Г. Валеева // РУДН. – М., 2010. – 245 с.
2. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М. Н. Володина // Изд-во МГУ. – М., 2000. – 128 с.
3. Герчикова, И. Н. Менеджмент / И. Н. Герчикова // Учебник 2-е изд., перераб. и доп. М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 1995.
4. Зеленцова, М. Г. Особенности отображения иноязычной терминологии в языках-реципиентах (на материале терминологии менеджмента русского и украинского языков) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Зеленцова // Донецк, 2006. – 192 с.
- Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури // Академия народного хозяйства при правительстве Российской Федерации. – М. : Издательство «Дело». – 1997. – 493 с. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-43/2.htm>
- Спивак, В. А. Современные бизнес-коммуникации. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с. : ил. – (Серия «Теория и практика менеджмента»)
5. Ремхе, И. Н. Переводческий процесс в аспекте когнитивного моделирования: монография / И. Н. Ремхе // М.: ФЛИНТА : Наука, 2015. – 144 с.
6. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ, 2002. – 560 с.
7. Усачева, А. Н. Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели / А. Н. Усачева // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2011. № 1 (13)
8. Цвиллинг, М. Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков // Чтение. Перевод. Устная речь. Методика и лингвистика / М. Я. Цвиллинг // Л. : Наука, 1977. – С. 172–180.
9. Oxford Dictionary of Business English for learners of English Oxford University Press. 1994.

И. Р. Зиязова

Нижевартовский государственный университет
(Нижевартовск, Россия)СУБЗНАКИ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ
ЭЛЕМЕНТЫ В СУБТИТРАХSUBSIGNS AS ADDITIONAL MEANING-MAKING ELEMENTS
IN SUBTITLING

В статье рассматривается субзнаковая сторона субтитрования. Приводится выработанная таксономия субзнаковых явлений в субтитрах, согласно которой типичными субзнаками для субтитрования являются графические и пунктуационные субзнаки. Автор анализирует функции субзнаков и их влияние на процесс смыслообразования. Постулируется, что субзнаки хотя и не имеют значения, но имеют определённые назначения, которые способствуют приращению дополнительной информации, что важно в субтитровании в связи с пространственно-временными ограничениями.

The paper studies subsigns in subtitling. A taxonomic scheme of subsign types is introduced. Graphic and punctuation subsigns are presumed to be the most important ones. The paper also analyses subsign functions and their influence upon the meaning-making process. It is stated that although subsigns do not possess meanings, they do perform particular functions that help generate additional information, which is of great importance considering temporal and special constraints of subtitling.

Ключевые слова: субтитры, семиотические явления, субзнаки, графические субзнаки, пунктуационные субзнаки, смыслообразование.

Keywords: subtitling, semiotic phenomena, subsigns, graphic subsigns, punctuation subsigns, meaning-making processes.

В переводе посредством субтитров происходит перекодирование сообщения. Сигналы кода, изначально рассчитанные на слуховое восприятие, трансформируются в зрительные сигналы. Более того, семиотической особенностью кинофильма признаётся соединение в едином текстовом пространстве компонентов, принадлежащих к разным знаковым системам. Субтитрированный кинофильм представляет собой синтез четырёх параллельных семиотических аспектов: изображение (видеоряд), невербальные звуки (звукоряд), кинодиалог и непосредственно субтитры. Согласно А. Ассис Роса (2001), субтитрование предполагает смену вида перевода (устный перевод > письменный перевод), канала восприятия (вербальный > визуальный), формы сигналов (акустические > графические) и кода (устная форма > письменная форма) [Цит. по: 5. С. 2].

Субтитрование отягощается пространственно-временными требованиями процесса перевода, что приводит к значительной компрессии переводного текста. В таком информационно концентрированном текстовом сопровождении даже невербальные элементы

– субзнаки – играют важную роль в процессе смыслопорождения. Субзнаки представляют собой семиотические формы, не обладающие непосредственной сигнификацией, элементы, которые не соотносятся «с тем или иным представлением о внешнем мире» [3. С. 27]. Данные дискретные единицы не обладают функцией значения, но наделены относительно стабильными назначениями (функциями) в субтитрированном кинотексте. Для более эксплицитного описания полезнее опереться на таксономическую спецификацию, выработанную в ходе анализа, что позволит «транспонировать информацию из текста сообщения на ИЯ в тексте на ПЯ, адаптируя его полностью для правильного восприятия реципиентом с учетом различий концептуальных картин мира и ментальных пространств коммуникантов» [4. С. 33].

Субзнаковые явления в субтитрах подразделяются нами на *графические* и *пунктуационные*. К графическим элементам относятся шрифтовое оформление (начертание шрифта, выбор кегля, выбор гарнитуры) и цветовое оформление (использование цветных шриф-

тов, заливка текста или выделение вывороткой), т.е. все механизмы, вкупе составляющие текстовый дизайн субтитров. В рамках данного исследования будут рассматриваться субзнаковые элементы регулярно используемые в субтитровании и обладающие прагматическими свойствами, существенными в ходе смыслопостроения и для последующего понимания текста. К типичным графическим субзнакам для субтитрованного кинотекста мы отнесём выделение прописными буквами и выделение курсивным начертанием.

1) *Выделение заглавными буквами.* Симультанность является важным свойством субтитров и одним из методов для обеспечения симультанного восприятия в арсенале переводчика является применение прописных букв. Выделение такого рода это субзнак-индикатор, сигнализирующий зрителю о том, что хотя в момент просмотра может не поступать никакая акустическая информация, но необходимо обратить внимание на видеоряд и соотносить субтитр с определённым зрительным кодом. Так, можно проиллюстрировать и выявить смыслодетерминирующий потенциал этого субзнака на следующем примере, где на кадре изображен небесный пейзаж и в соответствии с диегезисом кинофильма главный персонаж получает таинственные указания.

—	СПИ

В отрыве от видеоряда для реципиента это будет невозможно разобрать, на что ссылается перевод «СПИ». С другой стороны, в кинодискурсивном контексте выделенный таким образом субтитр даёт возможность быстро соотнести перевод с имеющейся надписью на экране.

Традиционно выделение субтитров прописными буквами используется для отображения визуальной лингвистической составляющей диегезиса кинофильма, т.е. надписи, вывески, письма, топонимические названия, названия в афишах и плакатах. В более редких случаях такое выделение применяется для эмоциональных реплик, обычно негативно заряженных (крик, ор и проч.).

SHUT UP!	ЗАТКНИСЬ!

2) *Выделение курсивным начертанием.* Курсивные субтитры имеют место быть при закадровой речи либо закадровом музыкальном сопровождении. К примеру, нижеприведённые субтитры взяты из кадра, где начинается отступление, и за кадром звучит голос рассказчика.

Some things, — once you've loved them,	<i>Есть то, — что однажды полюбив,</i>

Шрифт курсивного начертания сигнализирует реципиенту о том, что перевод корреспондирует с акустическими знаками звукооряда. Выше упоминалось, что специфика субтитрованного кинофильма заключается в соединении и переплетении разных семиотических систем, и в таких пунктах знакового пересечения и взаимодействия для иноязычного реципиента образуются знаки и смыслы. Н.Б. Мечковская характеризует процесс знакообразования как «кросс-семиотический» и «многоканальный» [2. С. 577]. Данный субзнак в виде курсивного шрифта выступает в качестве связующего средства между разными семиотиками конкретного фильма, выступает в качестве средства семиотической (или интерсемиотической) когезии, которая, согласно нашей гипотезе, интегрирует вербальные и невербальные знаки, формирует функционально завершённый кинотекст и обеспечивает целостность восприятия [1. С. 583]. Как отмечают Х. Диаз Синтас и А. Римейл, курсивная презентация субтитров достаточно регламентирована для использования при передаче такой закадровой речи, как вещание по радио или телевизору, речь рассказчика, внутренний монолог или мысли персонажа, фоновое музыкальное сопровождение / песни [6. С. 127].

Второй вид субзнаковых форм фиксируется на уровне *пунктуации*. Знаки препинания на-

деляются субзнаковой функцией, поскольку не репрезентируют какие-либо объекты действительности. Знаки препинания также являются собой дискретные единицы, наделённые стабильными функциями в субтитрированном кинотексте. Этот вопрос будет рассматриваться на примере пунктуационного субзнака с более отчётливыми дифференциальными признаками касательно смыслопорождения и текстоприятия. В этом отношении интерес представляет тире.

1) Индикаторы в виде тире, внесённые в текстовую ткань переводчиком, идентифицируются как механизм обозначения синхронного произношения реплик двумя персонажами.

- I wanted it to...	- Я хотела, чтобы..
- You're not listening!	- Ты меня не слушаешь!

Тире фиксирует тот факт, что первая строка субтитра артикулируется одним персонажем, а вторая – другим. При просмотре и прочтении субтитров тире для зрителя будут выступать как стимул связать две разные реплики с соответствующими говорящими.

Ещё один способ для разграничения двух реплик, принадлежащих разным персонам, является использование одного тире перед вторым высказыванием, т.е. на второй строчке субтитра.

I wanted it to...	Я хотела, чтобы..
- You're not listening!	- Ты меня не слушаешь!

Х. Диаз Синтас и А. Римейл утверждают, что данный способ начинает прочно закрепляться в общей практике субтитрирования и также обусловлен пространственными параметрами [6. С. 111].

Резюмируя, можно заключить, что, как показывают результаты исследования, наиболее значимыми субзнаками в процессе субтитрирования являются графическая маркировка (выделение прописными буквами и курсивное выделение) и определённый пунктуационный субзнак (тире). Все компоненты субтитров, включая субзнаки, воплощают те или иные информационно заряженные коды, и таким образом субзнаки приращивают либо детерминируют смыслы. Субзнаковые элементы в субтитрах коррелируют со знаками других семиотических систем кинофильма, например с аудиорядом (кинодиалогом или аккомпанирующей

музыкой) или с видеорядом (надписями письменными сообщениями). Кросс-семиотическая корреляция актуализуется за счёт кросс-семиотической когезии, средствами которой в данном исследовании и выступают субзнаки. В завершении такое кросс-семиотическое и синергетическое взаимодействие субтитров с остальными составляющими кинофильма обеспечивает симультанное восприятие зрителем, во-первых, перевода, а, во-вторых, сюжетного развёртывания кинофильма в целом.

Список литературы

1. Зиязова, И. Р. Семиотическая когезия в субтитрированном кинофильме / И. Р. Зиязова // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). Т. 2 / отв. ред. Д. А. Крячков. – М. : Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 2015. – С. 582–587.
2. Мечковская, Н. Б. Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком (по данным анализа символика креста и мотивированных им знаков) / Н. Б. Мечковская // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2004. – С. 575–588.
3. Мечковская, Н. Б. Семиотика : Язык. Природа. Культура : Курс лекций : Учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – М. : Академия, 2004. – 432 с.
4. Нефёдова, Л.А., Ремхе, И.Н. От трансформации слов к репрезентации мысли: краткий анализ становления когнитивного подхода в лингвистической теории перевода / Л.А. Нефёдова, И.Н. Ремхе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. Вып. 88. № 6 (335). Челябинск. 2014. С. 32–34.
5. Cordella, M. Discourse Analysis and the Subtitles of Documentaries : The Case of The Children of Russia / M. Cordella // Odisea, n° 7. – 2006. – P. 77–88.
6. Diaz Cintas, J. Audiovisual Translation : Subtitling / J. Diaz Cintas, A. Remael. – Manchester : St. Jerome, 2007.

Н. В. Иноземцева, И. В. Вержинская
*Оренбургский государственный университет
(Оренбург, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЖИВОТНЫЕ»

THE PECULIARITIES OF THE PHRASEOLOGISMS WITH THE COMPONENT “ANIMALS”

В статье рассматривается достаточно большой слой лексики, обладающей высокой частотностью употребления в русском и английском языках, – фразеологические единицы с компонентом «животные», выявляются их символические значения, а также национальные особенности в понимании образов животных, их культурологическое своеобразие в сопоставляемых языках.

This paper studies the group of phraseological units with the component “animals” that is one of the numerous ones in the phraseological fund of the English and Russian languages. Its symbolic meaning, its national and cultural peculiarities in the understanding of the animals image in the contrasted languages are revealed in the paper.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, сигнификативный, денотативный и коннотативный компоненты, зооним, лексико-семантическая группа.

Keywords: phraseological unit, significant, denotative, connotative components, zoonym, lexico-semantic group.

Изучение проблем, связанных с фразеологией, ведется, как зарубежными, так и отечественными учеными уже почти на протяжении века, об этом свидетельствует обширная литература, посвященная этому вопросу. Фразеологизмы с компонентом «животные» представляют собой одну из самых многочисленных групп в русском и английском языках. В такого рода устойчивых сочетаниях компонент «животные» обозначает, выделяет те или иные качества человека. В работе, представленной ниже, установлены сходства в сопоставляемых языках, тем не менее, выявлены и различия. Совпадения в языках происходит благодаря тому, что существуют различия и специфика жизни народа, географические условия, традиции, обычаи и т. д. Совершенно справедливо отметить тот факт, что фразеологизмы, как раздел языка, довольно тщательно и глубоко изучен. Однако, принимая во внимание различные многочисленные теоретические постулаты, ученые предпринимают попытки анализа и обобщения данных о некоторых особенностях фразеологических единиц, определения их роли, особенностей перевода в языках.

При рассмотрении фразеологизмов с компонентом – зоонимом очень важно обращать внимание на их семантику, поскольку именно этот аспект фразеологических единиц считается

крайне необходимым в речи. Сложная структура значения характерна для фразеологических единиц. Объем их семантики зависит от многих параметров.

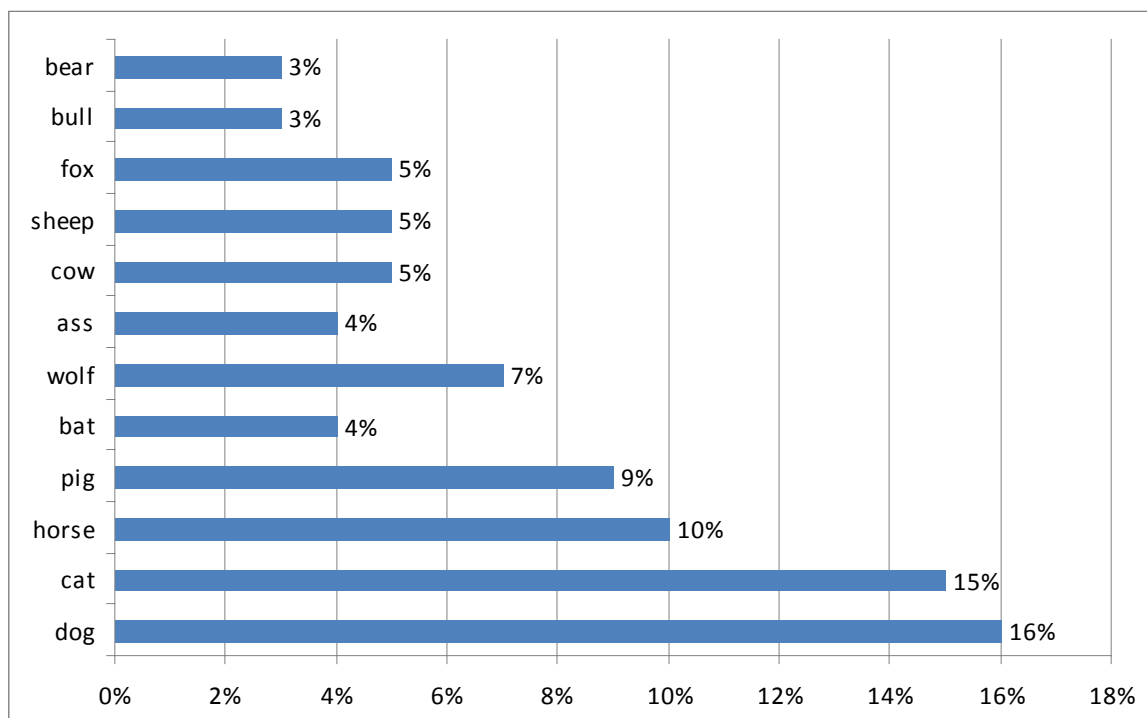
Большая часть лингвистов различают два компонента фразеологических единиц: выражение, другими словами «оболочка», и содержание, где присутствуют три компонента: сигнификативный, денотативный и коннотативный.

Как отмечал Е.А. Корман «сигнификативный компонент значения – объем информации, выражаемой фразеологизмом в отношении обозначаемого элемента внеязыковой действительности. В денотативном компоненте рассматривается предметная соотнесенность фразеологизма с лицом, действием, состоянием или ситуацией. Под коннотативным аспектом понимается стилистическая, экспрессивная, эмоциональная и оценочная окраска фразеологических единиц [5]».

В результате использования методом сплошной выборки нами было отобрано 300 фразеологизмов с компонентом «животные», в состав которых входят 36 компонентов – зоонимов. Наибольшей частотностью обладают фразеологические единицы с компонентом «a dog» – 16%, «a cat» – 15%, «a horse» – 10%, «a pig» – 9%, «a wolf» – 7%, «a sheep» – 5 %, «a cow» –

Таблица 1.

Процентное соотношение компонента «животные» во фразеологизмах

5%, «a fox» – 5%, «an ass» – 4%, «a bat» – 4%, «a bull» – 3%, «a bear» – 3%, а также 14% нашей выборки составляют фразеологизмы с другими названиями животных (см. таблица 1).

Наиболее многочисленными группами, как было отмечено выше, являются фразеологизмы с названиями таких домашних животных, как «dog» – собака и «cat» – кошка, например:

«a clever dog» – умница, ловкий малый;

«the cat shut its eyes when stealing (while it steals) cream» – людям свойственно закрывать глаза на свои грешки;

«teach the cat the way to the kirk» – пустить козла в огород;

«look like smth the cat has brought in» – неважно выглядеть.

Последние несколько тысячелетий животный мир находился в тесной связи с человеком. На сегодняшний день стал совершенно очевидным тот факт, что жизнь человека тесно соприкасается с животными, например: сельское хозяйство, промышленная и научная сферы, спорт и др.

Как отмечается, британцы, и не только они, не видят себя без домашних питомцев, например, многие из них имеют дома собаку и кошку. Данный факт свидетельствует о том, что эти животные играют важную роль в жизни англичан: собака, несомненно, защитит хозяина в трудной ситуации, а кошка поможет избежать

одинокости, ведь давно известно, что собака – верный друг человека. Таким образом, высокая активность лексики, с упоминанием животных в формировании фразеологизмов находит объяснение в отношениях человека и животных. Этим и объясняется большое количество фразеологизмов, с компонентом «животные».

Если рассматривать лексико-семантическую группу, то она является довольно обширной и насчитывает 36 единиц. Ее можно разделить на несколько подгрупп:

1 животные, которые проживают на территории Великобритании:

а) домашние животные – a calf, a cat, a cow, a dog, a goat, a horse, a kitten, a lamb, a pig, a pony, a rabbit, a sheep, a swine; – 59%.

в) животные, которые проживают в дикой природе – a bat, a bear, a deer, a fox, a tiger, a wolf; – 25%

2 экзотические животные, такие как: a camel, a crocodile, an elephant, a hyena, a leopard, a lion, a monkey – 16%

При рассмотрении фразеологизмов, нужно отметить, что очень часто людей сравнивают с животными по их поведению, внешности. Здесь хорошо просматриваются такой стилистический прием, как метафора – «перенос названия одного предмета на другой на основе какого-либо сходства». В ее основе лежит сравнение, как отмечал В.Г. Гак [3].

Перенос признаков одного предмета на другой присутствует во многих языках. Названия животных могут переноситься не только на людей, но также и на неодушевленные предметы или явления, например:

«a dog in a blanket» – пудинг с вареньем;

«the fatted calf» – обильные угощения, яства.

Однако, наиболее часто встречаются метафоры при использовании названий животных для описания человеческого характера и интеллектуальных способностей, например:

«work like a horse» – работать как лошадь;

«a guinea pig» – подопытный кролик (о человеке);

«eat like a pig» – есть как свинья, есть с жадностью, чавкая;

«have bats in one's /the belfry» – спятить, быть не в своем уме, не все дома, винтика не хватает.

При переводе и проведении анализа фразеологических единиц, нужно отметить то, что разным животным принадлежат разные качества, например:

Ass – упрямый, глупый человек;

Bull – напористый, злой человек;

Donkey – упрямый, глупый человек;

Monkey – проказливый, проворный человек;

Mouse – спокойный, бедный человек.

Также необходимо отметить, что при переносе названия животного на человека в семантической структуре происходят большие изменения и появляется переносное значение помимо прямого. Здесь можно отметить 2 признака. Во-первых, эти признаки действительно присущи тем или другим животным и переносятся на человека, например:

«work like a horse» – работать как лошадь;

«as weak as a kitten» – быть очень слабым физически;

«(as) quite/silent/still as a mouse» – быть тихим как мышь, затаившись, как мышь.

Во-вторых, также существуют признаки, которые человек сам приписывает животным, которые не всегда принадлежат им в действительности, например интеллектуальные, эмоциональные и волевые признаки. Британский вариант «ass» и «donkey» означает «глупый человек», «cat» – «толстосум и прожигатель жизни», например:

«Act/play the ass» – валять дурака, глупо себя вести;

«as stupid as a donkey» – глуп как осел;

«a fat cat» – толстосум, капиталист / знаменитость.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство животных вызывают у людей

разные ассоциации. При сравнении с определенным животным у человека складывается определенный образ. Потенциально любой фразеологизм с компонентом «животное» может характеризовать какой-либо поступок, умственные способности или другие признаки, но не все приобрели устойчивые переносные значения, что связано с культурными традициями, наличием определенных животных в разных странах, их роли в жизни человека и особенностями менталитета.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов. – М., 1953. – 37 с.
2. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А. А. Шахматов (1864-1920): [Сб. Ст.] / Под. Ред. С.П.Обнорского. – М.- Л., 1974. – 187с.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак – М., Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
4. Комиссаров, В.Н. Пособие по переводу с английского языка на русский / В.Н. Комиссаров. – М., 1978. – 189 с.
5. Корман, Е. А. Фразеологические единицы с анамалистическим компонентом в испанском языке (функционально-прагматические и когнитивные аспекты) / автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 69 с.
6. Кунин, А. В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря / А. В. Кунин. – автореф. дис. д-ра филол. наук – М., 1964.
7. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / уч. пособие, 2 издание – М, Высшая школа, 1996. – 381с.
8. Телия, В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов / В. Н. Телия. – М., 1993. – 308с.

Словари и энциклопедии

1. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М.: «Русский язык», 1984. – 944 с.
2. Румянцева, И. М. Русские и английские пословицы и поговорки / И. М. Румянцева. – М. «Диалог», 2006. – 178 с.

К. Е. Калинин*Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)***ПЕРЕВОД КАК «БРИТВА ОККАМА»****TRANSLATION AS OCKHAM'S RAZOR**

В статье автор усматривает параллель между процессом перевода и процессом познания. Взгляд на перевод с философских позиций позволяет подчеркнуть важность перехода на глубокий семантический уровень при осуществлении перевода. Это в свою очередь даёт возможность не только создать условия для беспрепятственного понимания получателем мысли оригинала, но также избежать буквализма, ведущего к появлению в переводе избыточных с точки зрения ПЯ слов.

This article treats of translation from the cognition-relevant perspective. The author asserts that an in-depth semantic analysis is crucial for bringing the message behind the source text through to the ultimate addressees, while serving as an efficient means to prevent any unwanted redundancy from making its way into the target text.

Ключевые слова: познание, интерпретация, перевод, знак, смысл.

Keywords: cognition, interpretation, translation, sign, sense.

Познание всегда увлекало любознательную часть человечества не только широтой и многообразием своего объекта, но и загадочностью самого процесса. Вопросы, относимые к сфере гносеологии, начали ставиться и обсуждаться философами практически одновременно с вопросами онтологии. В трактате «Об истолковании» Аристотель утверждал, что мышление осуществляется с помощью знаков и что произносимые слова суть условные знаки умственного опыта. Воспринявший идеи Аристотеля Блаженный Августин дополнил взгляд античного философа, сказав, что вещи изучаются посредством знаков. Он же сформулировал идею о том, что все учения рассматривают либо вещи, либо знаки. Позднее, в XIII в., ему вторил Роберт Килвордби: каждая наука изучает знаки или обозначаемые вещи [2. С. 13-20].

Философия, колыбель всех наук, обратила внимание на знаковый, то есть опосредованный характер мышления – условия для познавательной деятельности – как видим, уже давно. Отсюда и вызванный потребностью в объяснении процесса познания интерес к языку – естественно сложившейся знаковой системе, легко и непосредственно доступной для изучения. Как подчеркивал Анри Пуанкаре, вся творческая деятельность ученого по отношению к факту исчерпывается высказыванием, которым он выражает этот факт [5. С. 338].

Учёный осуществляет акт познания, формулируя информацию о факте действительности в виде высказывания на языке. Дальнейшее познание осуществляется уже путём преобразования различных высказываний о фактах в духе языковой игры Л. Витгенштейна. Чарльз Пирс, считающийся основателем лингвистической прагматики, признавал, что никогда не мог познать чего-либо, иначе как при помощи знаков [1]. Русский ученый Г.Г. Шпет считал, что познание предполагает интерпретацию как средство уразумения [4. С. 39]. Обсуждение роли знака в процессе познания приводит мыслителей к идее интерпретации, то есть фактически вывода одних высказываний из других.

Итак, между познанием и интерпретацией можно поставить знак равенства. Конкретные способы познания: научное (логическое), художественное (образное) или религиозное (мистическое) – различаются лишь принятой системой знаков, или кодом. Одно и то же явление грозы физик опишет формулой электрического разряда в газовой среде, а поэт – вдохновенными строками, ориентируясь на сложившуюся систему образов. Познание, так или иначе, происходит в рамках какой-то существующей системы: мы описываем новое, используя форму привычного. Мы сможем утверждать, что поняли, познали нечто, лишь только мы найдём для него такую интерпре-

тацию, которую сочтём убедительной, то есть убедительно описывающей это нечто в системе кодов и смыслов, которой мы привыкли оперировать. Мы всегда интерпретируем новое с позиции и в терминах этой системы, тем самым познаём.

В основе перевода, разумеется, тоже лежит интерпретация. Мы интерпретируем оригинал с позиции системы переводящего языка, находя для него на этом языке такую форму, которую мы признаём убедительно описывающей его. Если принять приведённую линию рассуждения, то следует заключить, что перевод – это и есть познание. Не случайно ставшее афоризмом мнение гласит, что перевод – самый вдумчивый вид чтения. Нет лучшего способа по-настоящему познать текст, чем перевести его, т.е. интерпретировать в системе переводящего языка, иначе говоря, найти ему убедительное соответствие в системе другого кода.

Теперь, если мы ставим знак равенства между переводом и познанием, допустим, что к описанию перевода должны быть применимы те же принципы, что были выработаны философией для познания. Например, знаменитая «брита Оккама», суть которой, напомним, такова: не следует придумывать дополнительные понятия для объяснения того, что можно объяснить простейшим способом. Или так: то, что объяснимо через меньшее, не следует выражать посредством большего. Преподавателям перевода этот принцип непременно должен показаться очень хорошо знакомым. Поразительно, насколько верно это подходит к тому, как происходит проверка и редактирование студенческих переводов (особенно, заметим, с русского на английский)! Как Уильям Оккам призывал философов не множить сущности там, где от того нет никакой пользы, так и преподаватель, добиваясь от студентов ясности формулировок, нередко отсекает лишние словесные нагромождения и демонстрирует, как просто может выглядеть мысль оригинала в представлении на другом языке.

Русский язык в сравнении с английским многословен. Это не следует считать его недостатком, просто оба языка красивы по-своему. Если красота русского языка во внимании к тонкостям выражаемых значений, в стремлении подчеркнуть эти тонкости с помощью богатейшего арсенала словоизменительных, синтаксических и иных возможностей, то красота английского – напротив, в его лапидарности, в тенденции оставлять многое на уровне импликации. Поэтому в речи на русском языке,

если судить с позиции английского, так много «лишних» слов. В самом деле: для нас совершенно естественным будет сказать, что такая-то конференция «посвящена **проблемам** глобализации экономики». А специальные рабочие группы будут «координировать в круглосуточном **режиме деятельность по проблематике** ядерных испытаний». Такое впечатление, что русский язык жить не может без каких-нибудь *проблем*. А также и *вопросов, уровней* (ср.: налоговая **нагрузка** на федеральном и региональном **уровне** – federal and regional taxes), *сфер, областей* – в общем, слов, которые семантически являются совершенно пустыми.

Практичному и экономному английскому языку все эти «сферы» абсолютно не нужны. Он словно бы ближе к глубинному семантическому слою, где, в отличие от поверхностного слоя, меньше структурных элементов, а сами они более ёмкие (см. [3]). Переход между описанием фрагмента действительности на одном языке к соответствующему описанию на другом, то есть, собственно перевод, обязательно должен осуществляться через этап погружения на глубинный семантический уровень. И затем, на стадии ревербализации на ПЯ уже сам переводящий язык должен подсказать, *что* ему нужно оставить на поверхностном уровне.

Когда переводчик глух к требованиям языка и не считает необходимым обременять себя усилиями по воссозданию смысловой картины оригинала, продукт его переводческой деятельности получается тяжёловесным с точки зрения естественности восприятия и мало-пригодным к использованию с точки зрения информационной полезности для получателя. При сопоставлении такого перевода с оригиналом на поверхностном уровне констатируется буквализм. Следующий пример взят из перевода текста к рекламному ролику компании, специализирующейся на проведении инвентаризации для корпоративных клиентов:

Одни предпочитают проводить ревизию силами своих сотрудников, не осознавая очевидные минусы использования материально-ответственных лиц: во-первых, низкая мотивация штатных сотрудников приводит к задержке проведения работ, во-вторых, отсутствие необходимой квалификации снижает коэффициент качества пересчета и, наконец, злоупотребление положением и корректировка баз данных в нужную сторону, как итог фальсификация результатов.

One prefers to carry out audit by forces of their own employees without realizing obvious minuses in use of responsible persons: first is the low motivation of regular employees leads to a work delay, secondly lack of necessary qualification is reduced by coefficient of recalculation quality and, at last, abuse of situation and correction of databases, as a result falsification of inventory results.

Коммуникативный эффект такого перевода, несмотря на попытки переводчика создать видимость грамотного, логически выстроенного текста, скорее всего, будет обратным тому, на который рассчитывал заказчик. Предполагаемая целевая аудитория едва ли захочет сотрудничать с фирмой, неспособной внятно объяснить, чем она занимается. Причина коммуникативной неудачи кроется в фундаментальном методологическом заблуждении переводчика, считающего, что в переводе достаточно заменить слова ИТ на их первые словарные соответствия в ПЯ, а смысл как-нибудь сам собой сложится в голове получателя.

Загадок полны студенческие переводы с иностранного языка. Взяв для примера такой фрагмент: *«Голдберг, молекулярный биолог растений университета штата Калифорния, Лос-Анджелес, не борется с психозом. Он выражает свое отчаяние безжалостной нужде, чтобы противостоять тому, что он видит, к примеру, фиктивные опасения по поводу рисков для здоровья генетически модифицированными зерновыми культурами. В особенности огорчающим для него является тот факт, что эти дебаты должны были закончиться еще десять лет назад, когда ученые создали поток реабилитирующего исследования доказательств»*. Здесь, как и в первом отрывке, налицо отношение переводчика к тексту как нехитрой знаковой последовательности, которую легко можно преобразовать, воспользовавшись набором элементарных соответствий. Что тут отсутствует, так это понимание: оригинал остался не понятым, не познанным переводчиком, а, следовательно, не познаваемым для получателя перевода. Совершив ряд бездумных манипуляций с исходным текстом, переводчик лишил адресата перевода возможности воспринять мысль отправителя сообщения.

Прямой путь от знаков одного языка к знакам другого, минуя смысл, не гарантирует удовлетворительного результата. Различные переводческие трансформации не равноценны математическим действиям, когда при операциях с переменными происходит преобразо-

вание исходного выражения. Такие операции не требуют осознания какого-либо фрагмента внематематической действительности. В переводе же выведение «правой стороны уравнения» всегда опосредовано пониманием той реальности, что стоит за исходным означающим. Чтобы, переводя предложение: *«Корпорация заинтересована в содействии прибыльным и финансово надежным проектам, которые не наносят вреда экологии...»*, прийти к *«...eco-friendly/green projects...»*, нельзя просто сказать вначале: «А здесь я использую компрессию». Скорее, факт применения трансформации компресии фиксируется уже после того, как перевод осуществлён и признан удовлетворительным. Трансформации – это лишь отражение на поверхностном уровне, как пишет И.В. Зубанова, целенаправленных оптимизирующих процессов [Там же], благодаря которым смысл облекается в другую форму, удобную для адресата, привыкшего видеть мир через призму своего языка. Оптимизация ведётся за счёт тех избыточных элементов поверхностной структуры текста, что отсутствуют на глубинном семантическом уровне. Так в процессе перевода происходит познание реальности, описываемой в исходном тексте. Интерпретируя эту реальность в системе кода ПЯ с заботой об удобстве восприятия смысла получателем, переводчик нередко отсекает лишнее, очищает мысль от семантически пустых сущностей.

В заключение приведём пример, показывающий, что «бритвой Оккама» должны уметь пользоваться не только философы и переводчики:

Список литературы

1. Алексеев Б. Т. Знак // Научные универсалии. Общие понятия: Сборник статей. – СПб.: С.-Петербургское философское общество, 2010. – С. 116-125.
2. Гринев-Гриневиц С. В. Основы семиотики / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.
3. Зубанова, И. В. Ке фер? Фер-то ке? О механизмах смысловых и структурных преоб-

разований в процессе устного перевода / И. В. Зубанова // Мосты. Журнал переводчиков. №2 (46) / 2015. – С. 45–57.

4. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций / Н. Б. Мечковская. – М.: «Академия», 2008. – 432 с.

5. Пуанкаре А. О науке: Пер. с фр. / Под ред. Л. С. Понтрягина. – М.: Наука, 1990. – 736 с.

В. В. Карапец

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РОМАНЕ Г. ФЛОБЕРА «ГОСПОЖА БОВАРИ» И В ЕГО РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

SYNTACTIC VOLUME OF A SENTENCE IN TRANSLATIONS FROM FRENCH INTO RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF G. FLAUBERT'S NOVEL "MADAME BOVARY")

В работе рассматриваются предложения с прямой речью в романе Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» и их эквиваленты в восьми русских переводах. В частности, анализируются случаи отсутствия синтаксического изоморфизма на пунктуационном уровне в коротких простых предложениях, а также в сложных предложениях с бессоюзной и сочинительной видами связи.

The study focuses on direct speech phrases in G. Flaubert's novel «Madame Bovary» and on its equivalents in eight Russian translations. In particular, syntactic isomorphism absence in punctuation is analyzed at the example of short simple sentences and syndetic and asyndetic compound sentences.

Ключевые слова: предложения с прямой речью, синтаксический изоморфизм, пунктуация, сочинительная и бессоюзная связи, перевод.

Keywords: direct speech phrases, syntactic isomorphism, punctuation, syndetic and asyndetic coordination, translation.

Предложение (под которым в самом общем виде мы подразумеваем последовательность слов, ограниченных на письме точкой) может обладать различной длиной, т.е. содержать разное количество слов (речевых единиц, разделённых пробелами). При этом нормы, которая бы позволила охарактеризовать предложение как длинное или короткое, не существует: «En réalité, il n'y a pas une esthétique *a priori* attachée à la phrase courte ou à la phrase longue» [6. С. 250]. М. Креcco объясняет механизм построения таких предложений сле-

дующим образом: «Une suite de phrases courtes peut correspondre à une vision et à une intention de rendu fragmentaires ; la pensée s'y forme progressivement, les faits y défilent, dans l'ordre chronologique où ils arrivent à la conscience. <...> La phrase longue, au contraire, répond à une vision totale et complexe, et à une volonté de rendu synthétique... Le mouvement de la phrase sera en harmonie avec l'association des faits à leurs circonstances, qui n'est elle-même qu'un mouvement de la pensée...» [6. С. 250]. Стоит отметить, что эта характеристика применима и

к предложениям с прямой речью, с той оговоркой, что в них всегда прослеживается тенденция к лаконичности для облегчения слухового восприятия. Кроме того, средняя длина предложения в устной речи не только характеризует идиостиль говорящего, но и зависит от прагматики высказывания, от наличия зрительной опоры и пр.

В данной работе рассматриваются предложения с прямой речью в романе Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» и их эквиваленты в русских переводах с точки зрения пунктуации. В частности, анализируются случаи расхождения с авторской пунктуацией, т.е. случаи отсутствия синтаксического изоморфизма на пунктуационном уровне.

Исследование проведено на материале французского фрагмента третьей части романа (главы 1-7) и его восьми русских переводов. В хронологическом порядке переводы были выполнены в 1881 году анонимным переводчиком, Л. Г. (1895), А. Г. Горнфельдом (1896), неизвестным переводчиком (1913), А. Н. Чеботаревской (1911), А. И. Роммом (1935), неизвестным переводчиком (1938), Н. М. Любимовым (1956) (далее в примерах будет указываться первая буква фамилии переводчиков, а в анонимных переводах – год издания; перевод Л. Г. так и будет помечен инициалами).

Объём французского текста составляет 24500 слов, вместе с переводами корпус достигает примерно 195000 слов. Общее количество предложений с прямой речью – 627, из них мы рассмотрим 125. К ним относятся короткие предложения длиной 1-5 слов и предложения с точкой с запятой.

Длина рассматриваемых предложений варьируется между 1 и 25 словами. Так, следующий пассаж Эммы состоит из 8 коротких предложений длиной от 1 до 3 слов, где каждое отграничено восклицательным знаком (хотя и начинается со строчной буквы): – *Va ! essaye ! il le faut ! cours !... Oh ! tâche ! tâche ! je t'aimerai bien !* Лаконичность предложений отражает волнение и поспешность Эммы, которая срочно нуждается в деньгах и торопит Леона, прося его о помощи.

Но в корпусе присутствуют и более развёрнутые предложения с устной речью, свойственные в основном фармацевту Оме, который выражается многословно и цветисто: – *N'importe, comptez sur moi; un de ces jours, je tombe à Rouen et nous ferons sauter ensemble les monacos.* Данный пример представляет собой сложное предложение объёмом в 19 слов

с бессоюзной и сочинительной видами связи, где первая оформляется на письме с помощью точки с запятой.

Пунктуационный знак «точка с запятой», именуемый во французской традиции *point-virgule*, используется в тексте романа достаточно часто (см. [1]). Отметим, что в 25 случаях точка с запятой фигурирует внутри предложений с прямой речью (не считая случаев её постановки после слов автора, которые разрывают прямую речь: – *Volontiers! avait répondu M. Homais; il faut, d'ailleurs, que je me retrempe un peu, car je m'encroûte ici*). Таким образом, активное употребление точки с запятой может считаться приметой авторского стиля и полностью подтверждает замечание Жака Дрийона: «Il [le point-virgule] est un signe stylistique avant tout, et d'une puissance qui reste modérée» [7. С. 268].

Рассмотрим варианты неизоморфной синтаксической передачи французских предложений с прямой речью на русский язык.

1. Замена французской точки или восклицательного знака иным русским пунктуационным знаком

Основную массу примеров в этом разделе (около 70%) составляют короткие предложения длиной от 1 до 5 слов.

– *Mais, ma chère dame, j'y vais! j'y vais! – «Иду, иду, милая барыня!»* (Р., 1938, Л.). Этот пример иллюстрирует случай повтора последней части предыдущего предложения в последующем. В русском переводе повторяющийся элемент перенесён в начало предложения и перечисляется через запятую.

– *De grâce, restez! je vous aime! – Умоляю вас, останьтесь, я вас люблю.* (Г., 1913) / *Ради Бога, останьтесь, я люблю вас!* (Л. Г.) Два простых французских предложения переводятся одним сложным русским, в первом случае – с заменой восклицательных знаков на запятую и точку соответственно, во втором случае – с заменой первого восклицательного знака на запятую и с сохранением второго восклицательного знака.

Следующий пример является более развёрнутым:

Cependant elle soupira :— Ce qu'il y a de plus lamentable, n'est-ce pas ? c'est de traîner, comme moi, une existence inutile. – Наконец она сказала: -- Хуже всего это вести, как я, бесполезную жизнь (1881). / *Всего ужаснее, наконец вздохнула она, – это влачить существование бесполезное, как мое, например!..* (Л. Г.) / *Потом она вздохнула: -Но печальнее всего влачить бесполезное существование, как я, не правда ли?*

(Г., 1913) / *Наконец она вздохнула: – Но всего печальнее, не правда ли, влечить бесполезное существование, как я.* (Ч.) / *Но вот она вздохнула. – А все-таки, ведь правда, самое ужасное – это влечить бесполезное существование, как вот я.* (Р., 1938) / *Наконец она вздохнула. – А все же нет ничего печальнее моей участи: моя жизнь никому не нужна.* (Л.)

Французский выделительный оборот переводится на русский язык синтаксической конструкцией, где подлежащее выражено прилагательным в превосходной степени, а сказуемое – инфинитивом, следующим за словом «это», перед которым по правилам русской пунктуации ставится тире [2. С. 130] (отсутствующее у Горнфельда и авторов переводов 1881 и 1913 гг.). Только Любимов переосмысливает исходное предложение и предлагает антонимичный перевод, вводя пояснение после двоеточия.

Мы не будем рассматривать отдельно случаи объединения в переводе двух простых французских предложений, где в состав первого входит только междометие типа *Ah! Oh!* Например: *Ah! une correspondance! / Oh! non, là-bas, chez nous.* На них приходится около 10% случаев.

Таким образом, случаи объединения двух простых французских предложений в одно русское чаще всего встречаются (в порядке убывания) в переводах 1881 года, Горнфельда, 1913 года, Л.Г., Чеботаревской, Ромма, 1938 года и Любимова. Возможно, это обусловлено тем, что авторы переводов XIX века стремились к большей «литературности» своих текстов, в том числе при передаче устной речи, тогда как в переводах XX века прослеживается стремление к синтаксическому буквализму.

2. Замена французской точки с запятой иным русским пунктуационным знаком

Поскольку в данной работе мы рассматриваем исключительно случаи смещения синтаксической границы французского предложения при его переводе на русский язык, то в этом разделе мы не будем касаться случаев сохранения авторской точки с запятой. Отметим только, что чаще всего она присутствует в переводах Ромма и 1938 г. (около 40% случаев), у Чеботаревской (30%), реже у Горнфельда и в переводе 1913 г. (15%), на переводы 1881 г. и Л. Г. приходится примерно по 7%, а у Любимова изоморфное воспроизведение вовсе отсутствует.

Случаи замены авторской точки с запятой в переводах можно классифицировать следующим образом:

а. Замена французской точки с запятой в бессоюзном предложении иным русским пунктуационным знаком без добавления русского союза:

– *N'importe, comptez sur moi; un de ces jours, je tombe à Rouen et nous ferons sauter ensemble les monacos.* – Ну, всё равно, рассчитывайте на меня. На этих днях я буду в Руане, и мы там всё перевернём вверх дном (Г., 1913). / *Но все равно, можете на меня рассчитывать. На днях я нагряну в Руан, и мы с вами посорим мелочью* (Р., 1938).

В подавляющем большинстве случаев речь идёт об использовании в русском предложении точки, что ведёт к сегментации исходного сложного французского предложения на несколько русских. Подобная замена знака препинания в наибольшей степени характерна Любимову, Горнфельду, автору перевода 1913 г., Чеботаревской (около 25%).

б. Замена французской точки с запятой в бессоюзном предложении иным русским пунктуационным знаком с добавлением русского союза:

– *Ce n'est pas amusant, je le sais; personne, après tout, n'en est mort...* – Всё это не весело, – я отлично знаю. Но никто еще от этого не умирал... (Л. Г.) / *Конечно, это не весело, я понимаю. Но в конце концов никто от этого не умирал* (Л.).

В исходном французском предложении сочинительный союз формально отсутствует; тем не менее, идея противопоставления передаётся с помощью предложно-местоименного выражения *après tout*, которое переводится эквивалентным русским сочинительным союзом «но». Кроме того, переводчики прибегают к сегментации французского предложения при его переводе на русский, заменяя точку с запятой точкой.

Примечательно, что добавление союза более всего типично для переводов конца XIX века и перевода 1913 г. (примерно 25%).

с. Замена французской точки с запятой в предложении с сочинительной связью иным русским пунктуационным знаком с опущением эквивалентного русского союза:

– *Pourtant, il me semble que l'on pourrait peut-être à moins; car il y a des artistes sans réputation qui souvent valent mieux que les célébrités.* – Но, мне кажется, можно бы и подешевле. Есть такие музыканты без имени, которые учат еще лучше знаменитостей (Л. Г.). / *Кажется, однако, что можно бы и подешевле. Есть, ведь, музыканты без репутации, которые бы-*

вают почище знаменитостей (Г., 1913). / *А все-таки, по-моему, можно найти и дешевле. Иные малоизвестные музыканты не уступят знаменитостям* (Л.).

Во французском тексте сочинительному союзу *car* со значением причины предшествует точка с запятой, что является нечастым случаем её употребления во французских письменных текстах в целом и у Флобера в частности. Так, на всём протяжении третьей главы романа было зафиксировано всего 20 таких случаев. Тем не менее, во французских работах по пунктуации перечислены условия, требующие постановки точки с запятой перед *car* [5. С. 41]. В данном примере она отграничивает союз от остального предложения, содержащего придаточное. В русских текстах эквивалент союза *car* опущен (однако в приведённых выше переводах Горнфельда и 1913 г. союзу *car* соответствует частица «ведь», вводящая пояснение). Точка с запятой заменена точкой, в результате чего исходное французское предложение сегментируется.

Отметим, что чаще всего эквивалентный союз опускается в переводах Чеботаревской, 1938 г. (20%), а особенно у Ромма и Любимова (30%).

d. Замена французской точки с запятой в предложении с сочинительной связью иным русским пунктуационным знаком с сохранением эквивалентного русского союза:

<...> *Elle vient de sortir tout à l'heure; mais, à l'avenir, tranquillise-toi.* – *Она сейчас вышла, сказала Эмма. Но пожалуйста, на будущее время будь спокоен* (1881). / *...она только что ушла из дому. Но впредь, пожалуйста, не тревожься* (Л. Г.). / *...она только что ушла из дому. Но впредь, пожалуйста, будь покоен* (Г., 1913). / *Она только что ушла. Но впредь, пожалуйста, не беспокойся так* (Р., 1938).

В приведённых примерах исходная точка с запятой заменяется точкой, что приводит к сегментации, а сочинительный противительный союз *mais* переводится эквивалентным русским «но».

Интересно отметить, что все переводчики сохраняют эквивалентный союз примерно в четверти случаев.

Таким образом, исследование показывает, что в рассмотренных случаях синтаксические границы исходного французского предложения при переводе смещаются, что приводит соответственно к синтаксическому «неизоморфизму» на пунктуационном уровне.

В распределении результатов по переводам прослеживаются следующие тенденции:

при передаче коротких предложений степень «верности» оригиналу возрастает в хронологическом порядке следования переводов; при передаче длинных сложных предложений в переводах XIX века чаще происходит замена исходной точки с запятой на иной знак с добавлением русского союза, тогда как в переводах XX века при замене исходного знака чаще опускается эквивалентный французскому русский союз. В целом переводы XX века оказываются наиболее близкими оригиналу с пунктуационной точки зрения.

Итак, короткие предложения во французской прямой речи представляются вполне допустимыми. Но и наличие развёрнутых предложений с разными видами связи отвечает особенности французской нормы, которую Ю. С. Степанов, применяя кинематографическую лексику, охарактеризовал как «сцепление кадров» [3. С. 216]. В лингвистике это соответствует термину «грамматическое подчинение». Сегментация в русском языке также укладывается в норму, отражая такую её черту, как сочинение (см. пример с прямой речью, [3. С. 216]). Следовательно, отсутствие синтаксического подобия в переводе согласуется с русской нормой, в рамках которой предложения с прямой речью отличаются лаконичностью.

Кроме того, в отношении сложносочинённых предложений отсутствие подобия во многом связано со спецификой русской пунктуации, которая допускает употребление точки с запятой перед сочинительными союзами в случае, если части предложения «значительно распространены» и имеют внутри себя запятые (чего не наблюдалось в нашем корпусе) или если сочинительные союзы «соединяют два предложения, которые без них были бы разделены точкой» [2. С. 247]. Судя по всему, переводчики руководствовались последним и предпочли точку точке с запятой.

Однако отсутствие синтаксического изоморфизма на пунктуационном уровне, если он возможен, свидетельствует о нарушении особенностей авторского стиля в переводе и как следствие, приводит к искажению оригинала. Так, Антуан Берман пишет по этому поводу: «La déformation peut affecter considérablement la rythmique, par exemple en s'attaquant à la ponctuation. <...> Le morcellement de la phrase opérée "scientifiquement" par les auteurs rompt le rythme mimique de la phrase» [4. С. 61]. А сегментацию исходного французского предложения на несколько русских можно назвать в терминах А. Бермана «рационализацией»

(rationalisation) синтаксиса [4. С. 53].

Пунктуация в предложениях с прямой речью представляется особенно значимой, поскольку она отражает течение мысли говорящего, её связь с другими высказываниями, важность, которую говорящий приписывает своей мысли, его манеру говорить и пр. Кроме того, для Флобера, который читал свои тексты вслух (gueuloir) и судил о завершённости фразы, опираясь на её звучание, пунктуация играла важнейшую роль как в строительстве фразы, так и в её последующем воспроизведении и понимании. «Sur le plan graphique, c'est le point qui est chargé d'indiquer la note la plus basse et la pause marquant la fin d'une phrase, le point-virgule signalant une pause secondaire» [6. С. 256]. Таким образом, замена знаков при переводе не только нарушает стиль оригинала, но и приводит к смещению смысловых акцентов.

Список литературы

1. Карапец, В. В. Точка с запятой в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» и в его русских

переводах / В. В. Карапец // «Учёные записки Орловского государственного университета». – 2015. – № 69. – С. 140–147.

2. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация / Д. Э. Розенталь. 2-е изд., перераб. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. – 368 с.

3. Степанов, Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской) : Учебное пособие. Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 360 с.

4. Berman, A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. -Editions du Seuil, 1999. – 144 p.

5. Brun, J. La ponctuation et l'art d'écrire / Par J. Brun et A. Doppagne. – Bruxelles: Baude, Paris, 1957. – 240 p.

6. Cressot, M. Le style et ses techniques. Précis d'analyse stylistique. – Paris, Presses universitaires de France, 1947. – 253 p.

7. Drillon, J. Traité de la ponctuation française. – Paris, Gallimard, 1991. – 472 p.

Э. Р. Колеева

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

К ВОПРОСУ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ¹

TO THE ISSUE OF STUDENTS' INDEPENDENCE IN THE FOREIGN LANGUAGE LEARNING PROCESS

В статье поднимается вопрос самостоятельности студентов в процессе обучения иностранным языкам. Дается определение «самостоятельности», описываются виды, этапы развития, признаки, компоненты самостоятельности.

The article raises the question of students' independence by learning foreign languages. The article contains definition of "independence", its types, stages of development, features and components of independence.

Ключевые слова: самостоятельность, деятельность, познавательная деятельность, мотивация, индивид, личность.

Keywords: independence, activity, cognitive activity, motivation, individual, personality.

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда перспективных научных исследований Челябинского государственного университета (проект 2016 года)

В рамках современного высшего образования преподаватель должен по итогам обучения обеспечить овладение студентами способностью к межкультурной коммуникации в результате их собственной осознанной, ответственной деятельности. Потребности, интересы и личностные особенности обучающихся, при организации обучения иностранному языку, выходят на первый план. Студент становится полноправным участником процесса обучения, основанного на принципах сознательного партнерства и взаимодействия с преподавателем. При таком обучении у студентов развивается самостоятельность, повышается творческая активность и личная ответственность за результативность обучения. Результативность овладения иностранным языком обучающимися определяется их способностью использовать усвоенный языковой материал в новых ситуациях общения, и предполагает развитие самостоятельной продуктивной и репродуктивной деятельности обучающихся. Студенты, владеющие навыками самостоятельной работы, могут совершенствовать знания иностранного языка, что делает их более конкурентоспособными на рынке труда.

Идеи развития самостоятельности прямо или косвенно высказывались учёными, начиная с античности и далее на протяжении всего периода развития воспитания и обучения. Самостоятельность в познании имеет древнейшую онтологию.

Несмотря на разнообразие педагогических школ и подходов к обучению можно выделить две противоборствующие позиции – отстаивающие активность и пассивность обучающегося. С. М. Абрамов выделяет шесть этапов развития самостоятельности в соответствии с теорией инверсии: эпоха древности – время зарождения самостоятельности в деятельности; развитие идеи самостоятельности в обучение античности; эпоха Средневековья – уменьшение роли самостоятельности в обучении, самостоятельность рассматривается как индивидуальное невыразимо (*individuum est ineffabile*); эпоха Возрождения – возвращение педагогической мысли к идее самостоятельности в обучении; Новое время – снижение роли самостоятельности в учении; и современное состояние – утверждение идеи самостоятельности в обучении [3. С. 11]. Проблема самостоятельности личности в познании может быть рассмотрена в контексте изучения самостоятельности как психолого-педагогического явления, зависящего от предметного содержания деятельно-

сти, специфики иноязычного обучения в ситуациях группового взаимодействия, в ходе самостоятельной работы.

К. Г. Чикнаверова выделяет два основных направления к определению самостоятельности: личностное и деятельностное. Деятельностный подход к развитию личности и самостоятельности представлен в исследованиях Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна. С. Л. Рубинштейн выделяет в самостоятельности как в качестве личности такие проявления как сознательная мотивированность действий, их обоснованность, неподверженность влиянию и внушению, способность человека самому усматривать объективные основания для того, чтобы поступить так, а не иначе [4. С. 67]. С позиций личностного подхода самостоятельность чаще всего трактуется как интегратор личностных свойств индивида. Так, самостоятельность, по мнению Л. А. Ростовцевой, не является отдельной подструктурой личности, а выступает как «интегратор» психических процессов, характера и способностей, как обобщенная и закреплённая в личности совокупность генерализованных побуждений, мотивов. В группу побуждений и мотивов входит целая система качеств и свойств, которые определяют самосознание личности. [2. С. 83]. По мнению исследователя, самостоятельность личности выступает как единство самосознания и самоуправления, при наличии элементов управления личностью своими психическими процессами, создание ситуаций, максимально выявляющих ее возможности, и, таким образом, адекватно реализуется деятельностная сущность личности. Ядром самостоятельности как интегрального свойства личности выступает саморегуляция познавательных психических процессов, особенности саморегуляции интеллекта – самостоятельность мышления.

Будучи одной из ключевых проблем теории обучения, в большинстве исследований самостоятельность сводится к более узкой категории.

Так, выделяют: 1) *умственную самостоятельность* (А. В. Брушлинский, В. В. Давыдов); 2) *творческую самостоятельность* (М. Г. Гарунов), образовательную самостоятельность (С. М. Абрамов), 3) *научно-творческую самостоятельность* (Д. Л. Опрощенко); 4) *познавательную самостоятельность*, разработке которой посвящен основной массив психолого-педагогических исследований. [3. С. 49].

Для выявления сущности самостоятельности исследователи останавливаются на харак-

теристике признаков указанной категории. В большинстве работ самостоятельность представлена двумя группами признаков. Так, В. И. Орлов выделяет *внешние* и *внутренние* признаки самостоятельности, при этом исследователь рассматривает самостоятельность в двух взаимосвязанных аспектах: а) как характеристику деятельности обучающегося и б) как черту личности. *Внешними* признаками самостоятельности обучающихся выступают: планирование ими своей деятельности, выполнение заданий без непосредственного участия педагога, систематический контроль процесса и результата выполняемой работы, ее последующее корректирование и совершенствование. *Внутреннюю* сторону самостоятельности образует потребностно-мотивационная сфера, умственные, физические, нравственно-волевые усилия, направленные на достижение цели без посторонней помощи [2. С. 46].

Анализ современных теоретических работ позволяет определить *структуру* самостоятельности, характеризующуюся взаимоотношением функциональных, операционально-деятельностных, мотивационно-потребностных компонентов личности.

В качестве компонентов структуры самостоятельности выделяют самосознание, самопознание, саморегуляцию, самооценку, самоконтроль, самовосприятие, самоценность, самоуважение, самоактуализацию, самоэффективность; самоконтроль, рациональную самоорганизацию, планирование своего труда; профессиональные умения и навыки, позволяющие действовать в отрыве от участников образовательного процесса; морально-нравственные качества личности, среди которых главенствуют долг и ответственность за результаты обособленной деятельности.

Самостоятельность обучающегося в учебной деятельности имеет *внешние* проявления (учебные стратегии, действия) и *внутренние* – процессы осознания себя в деятельности, саморегуляции. При этом обучающийся выступает одновременно и объектом, и субъектом управления, планирующим, организующим и контролирующим свои исполнительские действия.

Самостоятельность включает стремление студента к познавательной деятельности и умение осуществлять познавательную деятельность самостоятельно. При этом учение опирается на трактовку самостоятельности как характеристику деятельности обучающегося в конкретной учебной ситуации, представляющую собой постоянно проявляемую им способ-

ность достигать цель деятельности без посторонней помощи. Способность достигать цели деятельности предполагает, с одной стороны, владение операционной стороной деятельности, а с другой – наличие волевых качеств, мотивации к достижению цели. [1. С. 16].

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что самостоятельность проявляется в мотивации, осознании потребностей учебной деятельности. В ней находит отражение положительное отношение к учению. Мотив понимается как осознанное побуждение, обуславливающее целенаправленную деятельность; важными составляющими мотива выступают познавательная потребность и интерес. При овладении системой знаний и способами деятельности обучающийся может проявлять познавательный интерес на разных уровнях: в виде любопытства, любознательности, эпизодического или осознанного стремления познавать новое, расширять знания, устойчивого стремления к систематической умственной деятельности. На основе потребностей, мотивов и интересов формируются внутренние (инициативные) цели которые ставятся самостоятельно в процессе учебной деятельности.

Помимо этого, самостоятельность отражает уровень развития эмоционально-волевой саморегуляции, самообладания, самооценивания. Важность волевой регуляции подчеркивается, в частности, в работах С. Л. Рубинштейна, согласно ученому, зачатки воли заключены уже в потребностях как исходных побуждениях человека [3. С. 45].

Самостоятельность проявляется через внешние теоретические и практические умения, среди которых можно выделить аналитические, поисковые, проектировочно-прогностические и рефлексивные. Аналитические умения включают умение рационально запоминать, логически осмысливать учебный материал, решать проблемно-познавательные задачи. Поисковые умения сводятся к умению осуществлять поиск, работать с разнообразными источниками информации. Проектировочно-прогностические умения создавать условия деятельности, применять и намечать задачи деятельности, рационально планировать деятельность, переносить знания в новую ситуацию. Анализ научно-теоретической литературы показывает, что самостоятельность определяют как свойство (Л. С. Выготский), черту личности, ее качество (С. Л. Рубинштейн, В. В. Давыдов), характеристику деятельности обучающихся, выраженную внешними и внутренними компонентами

(В. И. Орлов), интегратор психологических процессов, характера, способностей (Л. А. Ростовецкая). [3. С. 52].

Исходя из указанной дифференциации, под самостоятельностью понимается интегральное *качество личности студента, выраженное операционными характеристиками, которое активизируется параллельно овладению им иноязычной компетенцией* и состоит из мотивационного, оценочно-регуляционного, организационно-деятельностного компонентов. Изменения в степени интенсивности и регуляции учебной иноязычной деятельности обучающихся способствуют активизации самостоятельности.

Интеграция России в общеевропейское образовательное пространство предполагает переход программ вузов на систему «бакалавриат – магистратура». На ступени бакалавриата изучаются фундаментальные основы наук, методы и инструменты получения и анализа знаний, базовые курсы прикладной науки. В магистратуре предусмотрена более узкая специализация. Болонская система предполагает введение принципа системной научной работы. Для реализации данного требования необходима сформированность самостоятельности студентов в их научно-ориентированной профессиональной деятельности. Пронизывая все сферы жизнедеятельности общества (политику, экономику, искусство и т. д.), иностранный язык не только обеспечивает приобщение к иноязычной культуре, но и выступает в качестве инструмента самообразования, предоставляя возможности самореализации как свободной самоопределяющейся личности. [1. С. 12].

Таким образом, цели обучения иностранному языку определяют требования к выпускнику вуза, под которыми понимается готовность к эффективной профессиональной деятельности, владение профессиональными умениями и навыками, умениями использовать полученные знания при решении задач. Результаты обучения – это то, что студент будет знать, понимать и быть в состоянии продемонстрировать после завершения образования на соответствующем уровне.

В современном обществе постулируются принципы осознанного изучения иностранного языка, английского в качестве обязательного иностранного языка, и так называемого «присвоения» языка. Подчеркивается необходимость осознания важности поддержания и пополнения языковых компетенций в течении всей жизни, как в связи с необходимостью из-

учения различных аспектов и диалектов языка, так и по причине «беспредельности» и «неоднородности» иностранного языка.

Отчетливо обозначились тенденции дифференциации обучения, как возможности добиваться обозначенных целей разными способами, индивидуализации в обучении, применения принципов интегративного обучения. В связи с последними особую значимость приобретает язык для специальных целей. Для того чтобы быть конкурентным на рынке труда нельзя ограничиваться фундаментальными знаниями по иностранному языку. Глобализация образовательного пространства оказывает существенное влияние на развитие системы языкового образования в отечественных вузах, начиная от двухуровневой системы обучения до принципов прозрачности контроля, мотивации, модульного обучения, мобильности. В новой ситуации перед всеми высшими учебными заведениями поставлена задача – организовать на более высоком качественном уровне самостоятельную познавательную деятельность студентов.

Преподаватели иностранных языков всегда искали пути примирения коллективной природы обучения с индивидуальными аспектами изучения. Развитие самостоятельности студентов, или умения «взять контроль над собственным изучением», стало путем, при котором преподаватели попытались построить обучение более персонифицировано, и соединить аудиторные занятия с внеаудиторным использованием иностранного языка.

Список литературы

1. Бобыкина, И. А. Формирование культуры лингвосамообразования при обучении иностранному языку в высшей школе: концепция и методика : монография [Текст] / И. А. Бобыкина. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 272 с.
2. Ростовцева, П. П. Педагогическое обеспечение практической направленности иноязычной подготовки студентов неязыковых вузов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / П. П. Ростовцева – М., 2013. – 208 с.
3. Чикнаверова, К. Г. Теоретико-методологические основы развития самостоятельности у студентов в учебно-профессиональной деятельности: моногр. / К. Г. Чикнаверова. – Изд. 2 – Ижевск: УдГУ, 2012. – 112 с.
4. Чикнаверова, К. Г. Самостоятельность личности обучающегося как психолого-педагогическая проблема / К. Г. Чикнаверова // Акмеология. – М., 2011. – № 3. – С. 65–71.

Е. С. Краснопеева

*Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

INTRODUCING CORPUS-BASED TRANSLATION STUDIES TO TRANSLATOR TRAINING CURRICULUM

В статье рассматривается необходимость включения теоретико-методологической базы корпусного переводоведения в программы дисциплин бакалавриата и специалитета по направлению «Перевод и переводоведение». Дается краткая характеристика корпусного переводоведения как научного направления, описывается опыт автора по использованию данной базы в практике преподавания.

The article discusses Corpus-based Translation Studies as a potential component for course programmes of Bachelor and Specialist degree Translation Studies courses. CTS is described as a paradigm. A case study involving CTS introduction to classroom practice is illustrated.

Ключевые слова: *переводоведение, корпусная методология, преподавание перевода, корпусные инструменты, пользовательский корпус.*

Key words: *translation studies, corpus-based translation studies, translator training, corpora tools, DIY corpus.*

Работа выполнена в рамках проекта «Метаязык корпусного переводоведения: опыт систематизации терминологического аппарата», финансируемого Фондом поддержки молодых учёных ФГБОУ ВПО «ЧелГУ».

Availability of corpora tools has transformed practice of professional translators, translator trainers and scholars in the last decade. With Corpus-based Translation Studies (CTS) recognised as a major paradigm within Descriptive Translation Studies (DTS), introduction of its concepts and methods to classroom practice becomes essential. However, there is a clear demarcation line between DTS and applied branches of Translation Studies (TS). Toury defines TS as a primarily empirical discipline, allowing "...a possibility of drawing conclusions from theoretical reasoning, or scientific findings, to actual behaviour, be its orientation retrospective... or prospective (such as translator training or translation planning)... However, drawing conclusions is up to the practitioners, not the scholars" [8. P. 17]. Thus, the relationship between "pure" (theoretical and descriptive) branch of TS and its applied extension is unidirectional.

This paper focuses on two possibilities of CTS application in translator training and TS teaching. The first of the two is getting student translators acquainted with corpus linguistics and/or CTS methodology.

Constructing corpora (including employment of OCR, lemmatisation, PoS and other types of tagging, alignment, etc.) is itself a fruitful learning

activity. Especially, when the collaborative approach is employed (e.g. see [3] for references on the didactic principles of learner-centered translator training). Corpora treatment requires basic knowledge of automated text processing and its metalanguage, and serves as a perfect precursor for further introduction into machine translation, TM systems and CAT-tools.

Among essential for effective translation competence building, Gouadec discusses knowledge of basic hardware equipment, text processing and desktop publishing, web site editing/creation software, translator tools/tools for translation [4]. The said skill-set adds to technical competence of a translator trainee. Drawing on my own experience, with no prior basic knowledge of electronic text processing, student translators tend to treat machine translation systems and Web-based search engines as simply another form of easy-access bilingual dictionary. Needless to say, proper treatment of electronic dictionaries in translator practice also requires basic understanding of technology behind the interface. After the concepts of a keyword, a stop-list, a concordance, metadata, structured and non-structured data, semantic fields and a number of other ideas are discussed in classroom setting, the first thing one can notice is that students start to formulate search

queries on the Web more carefully and focus on relevant sources of information much quicker.

The second direction the paper aims to take a look at is introduction of the key ideas and findings of CTS to student research. At the moment, Translation Universals is a well-established area of CTS. Its essence is formulated by Baker as follows: “[O]ne of the main strands of corpus-based research in Translation Studies involves examining similarities and differences between translated and non-translated text, in an attempt to demonstrate that translations form a distinctive textual system within a target culture” [2]. The last two decades marked the emergence of a range of hypotheses discussing potentially uniform unique features of translations characterised as the universals of translation (e.g. simplification, explication, normalisation, see [1]). In search of these features, a variety of languages and language pairs are studied with the help of corpus-based methodology. CTS and potential universals theory are evolving alongside each other.

A vast body of publications detailing empirical case studies offer those willing to learn an array of opportunities. Reproducing the described research as rigorously as possible is the main goal at a student level, often however we justly complain about availability of potential corpus materials. CTS methodology presupposes both quantitative (comparing ST and TT word frequency, lexical density, sentence length, keywords, etc.) and qualitative methods (analysis of concordance lines of individual instances) (e.g. see [5]). This approach links CTS with “the study of the translation product and the interest in identifying typical features of translation where the combination of rapid access to the ‘big picture’ of quantitative data, supported with close critical analysis of the texts in their sociocultural environment, comprises an complementary interdisciplinary methodology that reveals patterns that may otherwise pass unnoticed” [6. P. 181].

In the case study described below, I attempted to introduce both CTS methodology and corpora tools to the curriculum of the 3rd and 4th year Bachelor and Specialist degree programmes. The aim of the project was to illustrate how a process of a DIY corpus compilation and its analysis can aid translator trainees’ competence building and learning.

During 2014-2015 academic year, as part of this project I worked with two groups of students, including three students whose course papers I supervised (Group R for *Research*), and a group of twenty students enrolled into IT for Translators

class (Group P for *Practice*). Although the project embraced a number of ongoing complementary segments, and many parts of the job were delegated to different contributors, in this paper I attempt to outline five main steps of the project, to trace the logic behind it.

Step 1. Group R were given a task to construct a small-scale corpus, containing a comparable subcorpus of translated and non-translated texts and a parallel one, which provided originals for the translated segment of the comparable subcorpus. Choice of a specific text type was motivated by the direction of one of the students’ course paper (on peculiarities of academic paper abstract translation), thus we sought paper abstracts belonging to various strands of Linguistics. Over 300 abstracts were collected and processed, including 100 non-translated abstracts in the English language, 100 translations from Russian into English and 100 Russian originals, corresponding to the translations. A specific set of parameters was used to chose abstracts for the corpora, resulting in a 20,000 token body of text. All the texts were borrowed from open sources, namely archives of Chelyabinsk State University library (URL: <http://www.lib.csu.ru/elbibl/vestnik.shtml>), Dublin City University (URL: <http://doras.dcu.ie/>) and Cornell University (URL: <http://arxiv.org/>) libraries. Despite the fact that the said data cannot provide any reliable evidence for research into intrinsic features of translated text, it proves to be a useful instrument for teaching students the basics of both CTS and automated tools usage in translation practice.

Step 2. Group R presented an overview of empirical data characteristics drawn from the initial comparison of subcorpora (within the framework of Translation Universals research) at a student conference [10], they also held a seminar for Group P detailing the process of creation and potential usage of the said corpus and other corpora tools in translator practice and research.

Step 3. A few years ago Zanettin argued, “... corpora and concordancing software could find a larger place in the translator computerised workstation, and that more corpus resources could and should be made more accessible to professional translators... Learning to use corpora as translation resources should also be part of the curriculum of future translators and become part of their professional competence” [9]. So, the third step was using the corpus to introduce various corpora management tools to Group P (e.g. AntConc and TenkaText corpus managers) to facilitate usage of automated tools when translating such specialised

texts as scholarly paper abstracts, in addition to traditional “human and dictionary” combination.

Step 4. Group R conducted an experiment using Think Aloud Protocols (TAP) method to record strategies used by Group P when translating an abstract into English using the DIY corpus [11]. All in all, 15 TAPs were analyzed and the following list of strategies identified (by all means, no generalizations should be made based on the provided data, since it is too scarce to interpret in terms of general tendencies, however sufficient for student research).

- The student translators use comparable corpora to see how the variant of their choice (suggestions based on linguistic intuition or found in bilingual dictionary) is being used in context.

- Given an opportunity to use any resource available to them (e.g. bilingual dictionary, Internet-based tools, machine translation, etc.), the student translators lean towards comparable and parallel reference corpora when translating paper abstracts.

- Parallel corpus is mostly used by the student translators to track strategies employed by Russian-English translators on lexical level; the student translators mostly rely on corpus of non-translations as a reference in decision making concerning sentence structure.

Step 5. I used the results of the project to refine the course and the teaching methods applied as part of IT for Translators programme. In 2015-2016 academic year, introduction to corpora tools was moved to the beginning part of the course, and another tier of theory added, namely introduction to what computer linguistics can offer translators and translation scholars.

Further development of this study may include transferring TAP audio files to text to see how actively the students employ CTS metalanguage.

This project supports Bowker’s results of a similar learner-centered study: “...the collaborative corpus building exercise prove[s] to be a worthwhile experience. The students demonstrated that they were eminently capable of working together to construct valuable translation resources, which they could then consult to identify relevant lexical, phraseological and stylistic information” [3. P. 32].

Based on a bibliometric analysis of data extracted from the Translation Studies Abstracts Online database, Fantinuoli and Zanettin conclude that “...in the last ten years or so about 1 out of 10 publications in the field has been concerned with or informed by corpus linguistics methods” [9. P. 8]. A different picture emerges if we analyse simple

keyword search output drawn from the Russian Science Citation Index (URL: <http://elibrary.ru>). Out of 14 799 Language and Linguistics abstracts containing *перевод**, only 0.8 percent have lexeme *корпус** in them. This pertains to the fact that DTS, and CTS in particular are, in fact, underrepresented, however gradually gaining popularity in the Russian Translation Studies community.

Bibliography

1. Baker, M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications / M. Baker // Text and Technology: In honour of John Sinclair. / Not in series, 64. – Amsterdam, Philadelphia : J. Benjamins, 1993. – P. 232-250.
2. Baker, M. Patterns of Idiomaticity in Translated vs Non-Translated Text / M. Baker // The Study of Language and Translation ; ed. W. Vandeweghe, S. Vandepitte, M. Van de Velde. – Amsterdam, Philadelphia : J. Benjamins, 2007. – P. 11-21.
3. Bowker, L. Working Together: A Collaborative Approach to DIY Corpora / L. Bowker // LREC Workshop #8 Language Resources for Translation Work and Research. – 2002. – P. 29-32. – URL : <http://www.academia.edu/277837>
4. Gouadec, D. Translation as a Profession / D. Gouadec / Amsterdam, New York: J. Benjamins Publishing Company, 2007. – 409 p.
5. Krasnopeyeva, Ye. Russian Translated Discourse Research: Patterns of Lexis Usage as Linguistic Indicator of Translation Universals Representation / Yekaterina Krasnopeyeva // International Journal of Russian Studies. – 2016. – No. 5(1). – P. 80-93.
6. Munday, J. Introducing Translation Studies: Theories and Applications / J. Munday. – London, New York : Routledge, 2008. – 236 p.
7. New Directions in Corpus-Based Translation Studies : Translation and Multilingual Natural Language Processing / ed. C. Fantinuoli, F. Zanettin. – Berlin : Language Science Press, 2015. – 167 p.
8. Toury, G. Descriptive Translation Studies – and beyond / G. Toury. – Amsterdam, New York : J. Benjamins Publishing Company, 1995. – 311 p.
9. Zanettin, F. Corpora in Translation Practice / F. Zanettin // LREC Workshop #8 Language Resources for Translation Work and Research. – 2002. – P. 10-14. – URL : <http://www.academia.edu/277837>
10. Бабуева, В. В. Особенности создания тестового сравнительного корпуса для переводо-

ведческого исследования (на материале корпуса текстов аннотаций к научным статьям) / В. В. Базуева, И. В. Потапова // Студент и научно-технический прогресс : тезисы докладов XXXVIII студенческой научной конференции. – Челябинск, 2015.

11. Кванталиани, М. В. Особенности использования лингвистического корпуса в процессе перевода (на материале русского и английского языков) : выпускная квалификационная работа / М. В. Кванталиани. – Челябинск, 2015. – 46 с. (Науч. рук.: Е.С. Краснопеева).

А. И. Криворучко

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)*

КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТА В АСПЕКТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПЕРЕВОДА

SUBJECT CATEGORY FROM THE PERSPECTIVE OF ACTIVITY-SYNERGETIC TRANSLATION PARADIGM

Статья посвящена рассмотрению категории субъекта в рамках деятельностно-синергетической парадигмы перевода, в основу которой положены мыследеятельностная концепция перевода Н. Л. Галеевой и синергетическая концепция переводческого пространства Л. В. Кушниной. Автор анализирует деятельность переводчика как субъекта межличностных, межсубъектных, межъязыковых, межкультурных отношений в сфере юридической коммуникации на примере письменного перевода доктринального дискурса. Теоретические положения иллюстрируются материалами лингвопереводческого эксперимента, участниками которого являются различные субъекты: практикующие переводчики, преподаватели перевода, студенты-переводчики.

The article focuses on the subject category studying within the activity-synergetic translation paradigm based on the thought-activity translation conception of N. L. Galeeva as on the synergetic translation space conception of L. V. Kushnina. The author analyzes the translator's activity that is represented as the subject of interpersonal, intersubjective, interlingual and intercultural relationship in the sphere of legal communication. The analysis is proved with the example of doctrinal discourse fragment translation. Theoretical positions are illustrated with the data of a lingvo-translation experiment that has been realized with the participation of different process subjects: practicing translators, the discipline «Professionally-Oriented Translation» teachers and some Translation and Language students.

Ключевые слова: категория субъекта, переводчик-субъект, деятельностно-синергетическая парадигма перевода, переводческое пространство, мыследеятельностная концепция перевода, доктринальный дискурс.

Keywords: subject category, translator-subject, activity-synergetic translation paradigm, translation space, thought-activity translation conception, doctrinal discourse.

Расширение круга интересов современной когнитивной лингвистики позволяет анализировать тексты в широком дискурсивном контексте. При этом важнейшей характеристикой дискурсивного контекста становится участие субъекта речевой деятельности.

Предметом рассмотрения данной статьи является дискурсивная деятельность переводчика-

субъекта в сфере юридической коммуникации. В связи с тем, что в своем исследовании мы опираемся, с одной стороны, на мыследеятельностную теорию перевода Н. Л. Галеевой, с другой стороны, на синергетическую теорию гармонизации переводческого пространства Л. В. Кушниной, мы определили избранную парадигму анализа как деятельностно-синергетическую.

Материалом исследования являются тексты/дискурсы, относящиеся к различным типам юридической коммуникации. Исходя из многообразия юридических текстов/дискурсов, функционирующих в различных лингвокультурах и выстраивающихся по различным типологическим признакам, мы выбрали классификацию, наиболее полно отвечающую задачам проводимого исследования. Так, нас заинтересовало исследование франкоязычного ученого Kira Peshkov, опубликованное в университете Экс-ан-Прованс, *Le discours juridique en russe et en français: une approche typologique* (2012). Среди дискурсов законодательных и административных текстов, судебных решений, договоров и иных юридических документов, ученый выделяет **доктринальный дискурс**. Его субъектами являются: юристы-исследователи и профессионалы в области права (преподаватели, студенты, журналисты, частные лица). Целью доктринального дискурса является изучение права и правотворчества. Среди наиболее распространенных типов текстов автор называет монографии и статьи [10].

В связи с тем, что исследователь не уточняет, о каких типах статей идет речь, мы обратились к работам отечественных ученых, представляющих Нижегородскую лингвистическую школу (Д. Н. Шлепнев, Ю. А. Пархаева). Эти авторы относят к юридическому переводческому дискурсу перевод публицистических статей на юридическую тематику [8].

Исходя из данных положений, мы изучаем профессиональные русскоязычные и франкоязычные научные статьи в сфере права и правотворчества, а также публицистические статьи на юридическую тематику, которые в совокупности представляют собой доктринальный дискурс.

Как мы уже отмечали, теоретической основой нашего анализа является концепция переводческого пространства, разработанная Л. В. Кушниковой [3; 4; 5]. Данная концепция представлена ученым в виде синергетической модели перевода, синтезирующей текстоцентрический и субъектоцентрический подходы к переводу, что отражено в смысловых полях переводческого пространства. В нем выделяются три поля, соответствующие субъектам переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента) и три текстовых поля (содержательное, энергетическое, фатическое). Интегральный смысл текста перевода представляет собой результат синергии смыслов всех полей с непрерывным приращением нового смысла, приемлемого в принимающей культуре.

Особый интерес представляет для нас фигура переводчика и все, что соотносится с ним в переводческом пространстве: подтекст, который порождает поле переводчика; индивидуально-образный смысл, формируемый на основе образа-гештальта текста; переводчик как языковая, речевая, коммуникативная элитарная личность; переводчик как субъект, деятельность которого протекает не только в текстовом и дискурсивном пространстве, но, главным образом, в междискурсивном пространстве, где происходит истинное взаимодействие всех участников коммуникации в ситуации перевода.

Решение этой исследовательской задачи становится возможным в результате установления соотношения между ключевыми понятиями, о которых речь шла выше. Важно выяснить место и роль категории субъекта в дискурсе и в переводе, т.е. в процессе взаимодействия дискурсивных речевых антропологических практик, относящихся к различным лингвокультурам.

Начнем анализ с дефиниции философского понятия *категория*: «...понятие, являющееся формой мышления и отражающее наиболее общие и существенные связи и отношения предметов и явлений в действительности» [7. С. 286]. Обратимся к толкованию *категории субъекта*, который является «носителем определенного рода деятельности, связанной со способностью человека выходить за пределы существующего...», который проявляет себя как «...рефлексирующий и предметно-деятельный» субъект, чья духовная деятельность «...реализуется в интеллектуальном или художественном творческом усилии» [7. С. 311]. Именно будучи субъектом деятельности, переводчик самореализуется как познающий, постигающий, осмысливающий и преобразующий действительность, организующий межличностные, межсубъектные, междискурсивные, межкультурные отношения.

Переходим к мыследеятельностной теории перевода Н. Л. Галеевой. Как известно, в основе современной теории деятельности перевода лежат труды Г. П. Щедровицкого, Г. И. Богина и других ученых, разработавших онтологию мыследеятельности – мышления, вплетенного в деятельность. В работах Г. И. Богина подчеркивается мысль о том, что понимание текста идет по определенной схеме – схеме мыследеятельности. Понимание художественного текста реализуется в три этапа: семантизирующее понимание, когнитивное понимание, распремечивающее понимание [1]. Важно отметить,

что распредмечивание означает перевод смыслов текста в состав смыслов реципиента. Эти идеи послужили основанием разработки деятельностиной теории перевода Н. Л. Галеевой.

По утверждению автора концепции, объектом деятельности переводчика является текст оригинала, понимание которого определяет трансляционную деятельность переводчика. Исследуя закономерности перевода художественного текста в рамках деятельностиной онтологии перевода, ученый допускает «культуроцелесообразное изменение материала» переводчиком [2. С. 14]. Алгоритм деятельности переводчика представляет собой многоступенчатое преобразование материала оригинала как свернутой мыследеятельности в непредметную форму – понимание, а затем – переход идеального понятого в новую предметность – текст на другом языке.

Для нас важно подчеркнуть, что деятельность переводчика-субъекта определяется через его мыследеятельность, в центре которой понимание смыслов текста и последующее культуроцелесообразное изменение текста.

Данная концепция согласуется с вышеописанной концепцией переводческого пространства. Мыследеятельность переводчика соотносится с постижением переводчиком подтекста, в результате чего в переводческом пространстве формируется поле переводчика. Операция со смыслами пронизывает деятельность переводчика на всех этапах, во всех полях. Но в концентрированном виде она представлена именно в поле переводчика. Здесь, на основе подтекста, в его сознании формируется образ-гештальт текста, порождается индивидуально-образный смысл. Этот смысл уникален для данного переводчика, в данный момент времени, в данной конфигурации переводческого пространства. Как показали результаты исследований Л. В. Кушпиной, в каждой новой переводческой ситуации возникает иной образ-гештальт, соответствующий ему индивидуально-образный смысл. Это означает, что в другой период времени тот же переводчик по-другому переведет текст. Это означает также, что другой переводчик создаст иной текст. И, наконец, это означает, что перевод одного и того же текста на другие языки создаст бесконечное множество текстов, спроектированных в соответствии с ожиданиями принимающих культур [5].

Переходим от рассмотрения деятельности субъекта к рассмотрению дискурсивной и междискурсивной деятельности.

Мы исходим из положений дискурс-анализа, сформулированных М. Л. Макаровым. Автор различает *внешний контекст дискурса* и *внутренний контекст дискурса*. В первом случае речь идет об обращенности дискурса «вовне», то есть «к ситуации или внутреннему контексту высказываний, типу деятельности в малой группе...» [6. С. 94]. Во втором случае дискурс обращен «вовнутрь», к ментальной сфере общающихся индивидов, включающей все многообразие мыслительных процессов и «движений души». Он направлен на когнитивные процессы и регулятивы, – которые актуализируются в процессе порождения и интерпретации текста. Речь идет о действиях участников языкового общения, об их взаимодействии, основанном на распознавании личностно обусловленных смыслов [6].

Эти положения имеют фундаментальное значение при анализе переводческой деятельности как разновидности мыследеятельности. В своем исследовании мы предположили, что в переводческом пространстве сосуществует несколько дискурсов, что определяется количеством взаимодействующих субъектов. С одной стороны, имеет место взаимодействие дискурсивных практик автора и переводчика, с другой стороны, возникает дискурсивное взаимодействие переводчика и реципиента, но, главное, устанавливается дискурсивное взаимодействие автора и реципиента. Этот процесс, организуемый, направляемый, создаваемый переводчиком, мы обозначили как междискурсивное взаимодействие, где происходит столкновение, постижение, динамика, синергия «лично обусловленных смыслов». Ясно, что переводчик как субъект играет в междискурсивном взаимодействии ведущую роль. Вместе с тем, переводческая деятельность, осуществляемая в переводческом пространстве, становится для него как субъекта предметом рефлексии, что способствует ее качественному совершенствованию.

Можно констатировать, что переводческое пространство, репрезентирующее процесс перевода текста с одного языка на другой, из одной культуры в другую, является для переводчика своего рода средой существования, неким объективным фактором, в котором разворачивается его субъектная деятельность. Но осуществление этой деятельности опирается на внешний и внутренний контексты дискурса, создавая особое междискурсивное пространство, включающее взаимодействующие тексты, дискурсы, культуры.

Изучив деятельностную концепцию Н. Л. Галеевой и основы синергетического перево- доведения, разрабатываемыми Л. В. Кушниковой и ее учениками, мы пришли к мысли об объ- единении их в *деятельностно-синергетиче- скую парадигму перевода*, ориентированную на достижение культуросообразного, куль- туроцелесообразного, то есть гармоничного текста перевода. Обе концепции служат ме- тодологическим основанием исследования, и характеризуются единым критерием и единой целью – естественное вхождение переводного текста в принимающую лингвокультуру.

В качестве апробации деятельностно-синер- гетической парадигмы перевода мы провели лингвопереводческий эксперимент, нацелен- ный на выявление роли переводчика-субъекта при переводе доктринального дискурса с фран- цузского языка на русский. Мы использовали текст *De l'esprit des lois à l'émotion judiciaire*, опубликованный в 2001г. в материалах Же- невской Международной конференции по проблемам юридического перевода [9], автор – Christine Durieux (Кайенский Университет, Франция). В качестве информантов лингво- переводческого эксперимента выступили сле- дующие группы субъектов: 1) практикующие переводчики (2 человека), 2) преподаватели дисциплины «Письменный профессиональ- но-ориентированный перевод» (1 человек), 3) студенты третьего курса переводческого от- деления гуманитарного факультета ПНИПУ (6 человек).

Информантам был предложен фрагмент письменного доктринального дискурса, науч- но-юридическая статья, на французском языке.

Представим фрагмент оригинала

Si le texte législatif ou réglementaire, ou encore le contrat, se prête à *une approche contrastive mettant en correspondance des stéréotypes*, pour tenter de *susciter une lecture identique* dans les différentes langues, <...>, la demande d'asile politique ou de droit de visite d'enfants légitimes en cas de divorce, ..., justifie *une démarche interprétative/adaptive* de nature à *déclencher chez le lecteur-utilisateur de la traduction la réaction voulue*» [9. P. 99].

Ниже представлены три варианта переводов, выполненных субъектами, относящимися к трем различным группам.

Субъект №1 (практикующий переводчик): «Тексты законодательного и нормативно- правового характера, также как и договорно- го типа, требуют *контрастивного подхода при переводе, что обеспечивает эквивалент-*

ность соответствий и идентичное поли- лингвальное восприятие текста, <...>; в то время как тексты, более частного характе- ра, например, запрос о политическом убежище или согласование о посещении детей в случае развода родителей, требуют от переводчика более осмысленного, адаптивного подхода с целью обеспечения желаемой эмоциональ- ной реакции на текст читателя, используя продукт переводческого акта».

В данном случае мы констатируем прояв- ление мыследеятельностной позиции пере- водчика, его стремление к интерлингвальному преобразованию текста при выполнении мен- тальных операций. При этом гармоничное впе- чатление данного перевода усиливается за счет порождения *новых смыслов*, вербализованных в понятии «*полилингвальное восприятие*». Практикующий переводчик – самостоятельная, мыслящая личность, активный субъект меж- культурной коммуникации. Можно сказать, что практикующий переводчик склоняется, с одной стороны, к деятельностной концепции перевода, с другой стороны, к синергетической концепции, что отражено в достижении пере- водческой гармонии. Следовательно, данный вариант соответствует выдвинутым нами по- ложениям о деятельностно-синергетической парадигме перевода.

Субъект № 2 (переводчик-преподаватель): «*Выбор переводчиком контрастивного под- хода к переводу нормативно – правовых тек- стов и текстов договоров обуславливает ис- пользование устойчивых соответствий между языками, что вызывает аналогичное восприятие текста перевода читателем. При переводе текстов, содержащих запрос о политическом убежище или о возможности встречи с законным ребенком в случае разво- да, необходимо использование адаптивно-ин- терпретативного подхода к переводу, что вызовет такое же воздействие на читате- ля перевода, какое мог бы оказать текст на родном языке*».

Данный вариант перевода акцентирует вни- мание на значимости переводчика как актив- ного субъекта, которому представлено право *выбора* переводческой стратегии, детермини- рующей успешный результат перевода. Кроме того, в поле зрения переводчика субъекта на- ходится реципиент-субъект, ради которого со- вершается перевод, что выражено в необходи- мости *воздействовать* равнозначным образом на читателей принимающей лингвокультуры. В данном случае преобладает, по нашему мне-

нию, идея синергетического подхода к переводу, согласно которой переводчик гармонизирует смыслы всех субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента.

Субъект № 3 (студент-переводчик): *«Например, для правовых, регламентирующих текстов, а также для соглашений, требуется сопоставительный подход, чтобы данные тексты соответствовали принятым языковым клише и были идентичны в любом языке, <...>; будь то требование политического убежища или законное посещение детей после развода, <...>, в любом случае, интерпретационный/адаптивный подход будет оправдан, если при этом создается перевод, создающий нужную реакцию между автором и читателем текста».*

Данный пример иллюстрирует слабо реализованную деятельностную программу переводчика. Вместе с тем, мы можем признать данный вариант перевода адекватным, т.к. переводчик не обнаружил смысловых искажений. В тексте перевода использованы те словарные соответствия, которые зафиксированы в словарях. Текст в целом понятен реципиенту. При этом как деятельностная, так и синергетическая парадигмы анализа не нашли в нем достаточного отражения.

Заключая, подчеркнем, что деятельностно-синергетическая парадигма перевода представляется нам перспективной при анализе доктринального дискурса. Проведение лингвопереводческих экспериментов, обращенных к выявлению роли различных переводческих личностей как субъектов дискурсивной монологической деятельности и междискурсивной двуязычной/бикультурной деятельности, позволит нам понять некоторые закономерности многогранной переводческой деятельности.

Список литературы

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. Тверь 2001. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf
2. Галеева Н. Л. Параметры художественного текста и перевод. Тверь ТГУ, 1999. 154 с.
3. Кушнина Л. В. Динамика переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2003. 232 с.
4. Кушнина, Л. В. Языки и культуры в переводческом пространстве. Пермь: Изд-во Перм. техн. гос. ун-та, 2004. 163 с.
5. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. техн. гос. ун-та, 2009. 196 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Новейший философский словарь: Ростов н/Д.: «Феникс», 2005 / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов. 672 с.
8. Шлевнев Д. Н., Пархаева Ю. А. Проблема подбора учебно-методических материалов по курсу юридического перевода/ Д. Н. Шлевнев, Ю. А. Пархаева // Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. «Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий», 28.05.2008 – 30.05.2008- URL: <http://www.france-jus.ru/upload/library/PчP PhP'P'P•PъPh.Pч.PJ.Pъ.pdf>
9. Durieux, Christine. De l'esprit des lois à l'émotion judiciaire/ Ch. Durieux // Actes du colloque international sur la traduction juridique, Les Actes, ETI-ASTTI. – 2001. – Geneve: Berne, pp. 99–110.
10. Peshkov, Kira. Le discours juridique en russe et en français: une approche typologique. Linguistics. Aix-Marseille Université, 2012. French. – URL:

Л. В. Кушнина, А. Н. Арекеева

Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет
(Пермь, Россия)

ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВА ПЕРЕВОДА: ОТ ПОВТОРНОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТА К ПЕРЕВОДЧЕСКОМУ ХРОНОТОПУ

TRANSLATION SPACE DYNAMICS, FROM RETRANSLATING TO TRANSLATION CHRONOTOPE

Статья посвящена феномену повторного перевода и содержит современные воззрения франкоязычных ученых на проблему повторного перевода, трактуемого как сосуществование различных вариантов перевода текста, созданных в разные социально-исторические периоды, совокупность которых порождает пространство перевода текста. Авторы рассматривают повторный перевод в свете концепции переводческого пространства, определяя его как функцию переводческого хронотопа, возникающего в процессе взаимодействия языков и культур.

The article is focused on the retranslating phenomenon studying and contains modern French scholars' opinions about the problem of retranslating interpreted as coexistence of different variants of source text translations created in different social-historical periods. The complex of these translations engenders text translation space. The authors consider retranslating from the perspective of the translation space conception defining retranslating as the function of translation chronotope that appears as the result of languages and cultures interaction.

Ключевые слова: переводческое пространство, переводческое время, темпоральные и пространственные смыслы, переводческий хронотон, повторный перевод, гармоничный перевод.

Keywords: translation space, translator's time, temporal and space senses, translation chronotope, retranslating, harmonic translation.

Представленная в литературе палитра отношений между текстом оригинала, текстом перевода и текстами повторных переводов в настоящее время не получила четкого определения. Исследовательской задачей данной статьи является обозначение места и роли повторного перевода в современном переводоведческом дискурсе. Основываясь на концепции переводческого пространства, разработанной одним из авторов статьи, а также на результатах исследований франкоязычных ученых, о которых речь пойдет ниже, мы предположили, что феномен повторного перевода может быть рассмотрен как функция переводческого хронотопа.

Поясним, что гипотеза переводческого хронотопа представлена в предыдущих работах как проявление межкультурного взаимодействия [5]. Данная гипотеза основывается на положениях М. М. Бахтина относительно взаимосвязей временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [2]. Если текст, по мнению М. М. Бахтина, отражает некоторое типовое время-пространство реальности, то текст перевода, по нашему мнению, призван вос-

создавать время-пространство, таким образом, чтобы оно было понятно в новой реальности, в новой лингвокультурной среде. С этой целью переводчик мысленно представляет особым образом организованное переводческое пространство, в которое попадает текст оригинала, и в котором формируется текст перевода. Переводческое пространство можно определить как совокупность смысловых полей, интегрирующих гетерогенные пространственные и темпоральные смыслы. Речь идет о полях субъектов переводческой коммуникации и текстовых полях. К первым мы относим поле автора, поле переводчика, поле реципиента. Ко вторым – содержательное поле, энергетическое поле, фатическое поле. При этом лишь в содержательном поле формируется эксплицитный смысл; все остальные смыслы имплицитны. Конфигурация переводческого пространства как самоорганизующейся, саморазвивающейся, синергетической системы зависит от многих факторов, но определяющим является личность переводчика, что является основанием неповторимости каждого текста перевода ввиду уникальности переводящей личности.

Именно этот фактор обуславливает возможность, а в некоторых случаях потребность в новых переводах, в повторных переводах, или, пользуясь калькой с французского языка – перепереводах (retraduction). Важно отметить, что неповторимость текста перевода, в лучшем смысле этого слова, т.е. качественного текста перевода, означает достижение переводчиком гармоничности – смысловой соразмерности оригинального и переводного текстов. Следовательно, гармония – высшая цель переводческой деятельности.

Поясним сказанное на примере.

Обратимся к роману современной французской писательницы М. Барбери «Элегантность ежика» (Muriel Barbery «L'élégance du hérisson»):

...Il faut se représenter que lorsqu'elle descend chez moi, à quatorze heures... [8. P. 29].

...Вот и представьте себе, что к двум часам дня, когда Мануэла спускается ко мне... [1. С. 31]

Сопоставляя перевод Н. Мавлевич с оригиналом отмечаем, что способы выражения темпоральных смыслов не совпадают. Если в оригинале *à quatorze heures* (букв. – *в четырнадцать часов*), то в переводе – *к двум часам дня*. Как видим, переводчик гармонизировал темпоральные смыслы, исходя из привычных для русского читателя способов выражения категории времени. Что касается сочетания «четырнадцать часов», оно является приемлемым в официальной, деловой коммуникации. Признавая, что темпоральные смыслы формируются в фатическом поле, как поле культуры, мы тем самым, рассматриваем их с позиций целостного пространственно-временного континуума, т.е. с позиций переводческого хронотопа.

А теперь перейдем к рассмотрению зарубежных концепций повторного перевода. В нашем распоряжении оказалась статья современного бразильского исследователя Т. Маттос (T. Mattos), посвященная данной проблеме. Автор статьи систематизирует результаты исследований многих ученых, но основное внимание уделяет работам А. Берман. Анализируемая нами статья посвящена проблеме определения понятия «переперевод» (retraduction) и его соотношению с другими понятиями. Обратимся к следующим рассуждениям автора: «Pour Berman, étant donné qu'elle introduit le texte dans un système d'arrivée, la première traduction est une traduction-acclimation, une traduction-introduction. La retraduction, par contre, est un

movement vers le texte-source. Ce geste de retour essaie de rétablir l'altérité et l'étrangeté que la première traduction, la traduction-introduction avait effacés. La retraduction met en relief la spécificité linguistique, stylistique, textuelle du texte-source; elle met en relief, finalement, sa singularité [10. P. 43]. («Для Берман, первый перевод способствует тому, что он вводит текст в систему принимающей культуры, при этом первый перевод – это перевод-адаптация, перевод-введение. Повторный перевод, напротив, это движение в сторону исходного текста. Это движение пытается восстановить инобытие текста, утраченное при первом переводе. Повторный перевод высвечивает лингвистические, стилистические, текстуальные особенности исходного текста; в конечном счете, он высвечивает его уникальность» – Л. К.).

Как видим, повторный перевод выполняет существенные познавательные, лингвистические, культурологические, исторические функции. Именно этот фактор позволяет прийти к выводу о том, что в результате сосуществования повторных переводов возникает так называемое «пространство перевода» («espace de traduction»), – термин А. Берман, которое, как нам представляется, обогащает принимающую культуру и ее носителей.

Феномен повторного перевода выполняет также функцию актуализации: повторные переводы необходимы, потому что первые переводы устаревают, поскольку приходят новые поколения читателей, живущих в другие эпохи, в других социально-исторических условиях.

Как отмечает автор статьи, если первый перевод характеризуется незавершенностью, то появление повторных переводов может привести к завершенности. В результате, в пространстве перевода текста, как пространстве сосуществования множества повторных переводов, может появиться «выдающийся перевод» («une grande traduction»), который мы обозначаем термином «гармоничный перевод».

Наличие повторных переводов ученые ассоциируют с новой постановкой спектакля или новой интерпретацией музыкального произведения, целесообразность которых ни у кого не вызывает сомнений.

Вместе с тем, если феномен повторного перевода известен и практикуется давно, то его теоретическое осмысление только начинается. Первые работы А. Берман появились в 1990 г. Позднее данной проблеме посвятили свои исследования такие франкоязычные ученые как

И. Гамбье, И. Мавроден, А. Мешонник, Ж. Р. Ладмираль, И. Шеврель и др.

Возвращаясь к заявленной выше проблеме переводческого хронотопа, подчеркнем, что наше знакомство с работами франкоязычных ученых позволило нам объединить полученные результаты и прийти к выводу, что повторный перевод можно рассматривать как функцию переводческого хронотопа [6]. Это означает, что рассмотрение повторного перевода с позиций переводческий хронотопа позволит выявить некоторые закономерности данного феномена.

Приведем несколько примеров перевода на французский названия сказки К. Чуковского «Тараканище», обозначающего ее главного героя. По наблюдениям французского переводчика Марион Граф, первые переводы данной номинации имели двусоставный характер: *un gros safard*, *un énorme safard*, *un safard malabar* [9]. Данные варианты обозначали «огромного таракана», но это не соответствовало духу оригинала. Другие повторные переводы имели латинские корни: *Safardissime*, *Safardissimo*, но переводчикам было трудно подобрать для них удачную рифму. Наконец, был найден вариант, соотносимый с известной англосаксонской номинацией «супермен» – «*superman*». Таким образом, был найден удачный перевод, который мы можем назвать гармоничным «*Supercsafard*». Данная номинация может рассматриваться как функция переводческого хронотопа, т.е. все предыдущие варианты перевода «устарели», и современные дети прекрасно понимающие, что такое «супермен», также легко поймут, что такое «*supercsafard*».

Сказка на французском языке заканчивается следующими словами:

Tout à coup au coin d'une rue

Un énorme Malabar

Affreux, roux et moustachu

Un cafard!

Un cafard, un cafard, un supercafard!

Как видим, в данном случае имеет место динамика повторных переводов, что привело к порождению качественного текста.

Как было отмечено выше, важнейшую роль в изучении переводческого хронотопа играют темпоральные смыслы. Данной проблемой мы занимались совместно с И. Н. Хайдаровой и Н. Ю. Георгиевой. Семантика темпоральных смыслов отражает категорию переводческого времени. Как показала в своем исследовании И. Н. Хайдарова, «темпоральный смысл есть актуальная, культурнообусловленная ценность времени для субъектов переводческой ком-

муникации, выраженная определенными языковыми средствами, результат своеобразной категоризации времени в русской и немецкой языковых картинах мира» [7. С. 7]. В работе Н. Ю. Георгиевой подтверждается мысль о том, что «при переводе англоязычного делового дискурса в русскоязычный деловой дискурс в результате синергии пространственных и темпоральных смыслов происходит порождение гармоничного текста/ дискурса перевода, что становится возможным в результате использования набора адаптивных стратегий трансляции темпоральных смыслов» [4. С. 7].

Таким образом, осознание переводчиком темпоральных смыслов способствует их успешной актуализации в процессе перевода путем выбора соответствующих адаптивных стратегий, что подчеркивает национальную и культурную ценность времени. Гармоничный перевод является результатом создания переводчиком такой картины мира, которая адекватно отражает ценность времени в определенной лингвокультуре, в определенное историческое и социальное время.

Для иллюстрации данного положения мы обратились к переводам и повторным переводам «Упражнений в стиле» Р. Кено. Созданные автором в сороковых годах прошлого века, на русский язык они были впервые переведены в 1992 году М. Голованивской, затем в 2001 г. В. Кисловым.

Нас заинтересовали именно повторные переводы, опубликованные в 2009 г. Особенность данной публикации обусловлена тем, что переводчики не только выполнили повторные переводы, но создали собственные тексты по аналогии с оригиналом. Уникальность и привлекательность текста оригинала состоит в том, что Р. Кено сочинил короткую историю в 13 строчек. Но рассказал ее 99 раз, используя существующие и несуществующие стили и жанры. Приведем названия некоторых из них: Удивления. Радуга. Анаграммы. Логический анализ. Восклициания. Вкусное. Эллинизмы. Верлибр. Гастрономическое. Портрет и т.д.

Приведем пример.

Vers libres

L'autobus

plein

le coeur

vide

le cou

long

le ruban

*tresse
les pieds
plats et aplatis
la place
vide
et l'inattendue rencontre près de la gare aux
mille feux éteints de ce coeur, de ce cou, de ce
ruban, de ces pieds, de cette place vide et de ce
bouton.*

Верлибр

*Автобус
заполнен
сердце
пусто
длинная
шея
плетеная
лента
плоские
ноги
плоские, сплюснутые
опустевшее место
и неожиданная новая встреча у вокзала ты-
сячи угасших огней этого сердца, и шеи, и этих
ног, и свободного места, и этой пуговицы [11].*

Представленный вариант перевода опубликован в 2009 г., т.е. он уже является повторным переводом. Мы не иллюстрируем данный пример на материале первого перевода текста. Но приводим два других примера, касающихся творчества переводчика, создавшего собственный текст, остроумно развивающий идеи автора оригинала.

Брахиколон

*Был день, был жар.
Плыл кэб не стар
В нем тип как шест
С ним ор и жест
Тот день был тих
Он тлел как трут
и тот же псих
он тут как тут.
Он был весь слух
Пред ним сам маг
А тот был глух*

Акростих-загадка

*Зачем, себя, украсив странной шляпой,
Автобус ты пустяшной сварой развлекал?
Зачем ты, выставив себя растяпой,
У привокзальных стен знакомого повстречал?
И рек про фрак [3].*

Мы привели два текста, сочиненные переводчиками по ассоциации с историей Р. Кено. Авторы-переводчики Т.Б. Бонч-Осмоловская и С. Н. Федин расширили пространство перевода текста, динамически развивающегося от повторного перевода как функции к переводческому хронотопу. Более того, само пространство перевода обрело статус творческого пространства, когда переводчик становится автором оригинального текста, и так до бесконечности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать эвристический потенциал изучения проблемы повторного перевода и следующего за ним переводческого творчества. Он состоит в возможности познания когнитивных, мыслительных механизмов процесса перевода, заложенных в сознании языковой личности переводчика. Но если нам удастся выявить некоторые закономерности, определяющие когнитивные механизмы перевода, мы сможем объяснить, как добиться качественного, гармоничного перевода текста, а, следовательно, взаимопонимания собеседников, обладающих различными лингвокультурами, различным видением пространства/времени в общечеловеческой картине мира.

Список литературы

1. Барбери М. Элегантность ежика. М., 2002. – 400 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Бонч-Осмоловская Т. Б., Федин С. Н., Орлов С.А. Занимательная риторика Раймона Кено. М., 2009. – 256 с.
4. Георгиева Н. Ю. Адаптивные стратегии трансляции темпоральных смыслов (на материале англоязычного и русскоязычного делового дискурса). автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2013. – 23 с.
5. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, 2009. – 196 с.
6. Кушнина Л. В. Повторный перевод как функция переводческого хронотопа // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3. С. 25–30.
7. Хайдарова И. Н. Исследование категории переводческого времени в сопоставительном аспекте (на материале русского и немецкого языков). автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. – 26 с.
8. Barbery M. L'élégance du hérisson. Paris: Gallimard, 2006.

9. Lequesne P. Supercafard // Translittérature, traduction, № 23, 2015. Editura Univesităţii din Suceava, Roumanie, p. 41–51.
10. Mattos Th. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent // Atelier de Paris: Gallimard, 1997.
11. Queneau Raymond. Exercices de style. Paris: Gallimard, 1997.

С. Ю. Ладыгина

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ТЕХНИЧЕСКИХ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ

TRANSLATION PECULIARITIES OF THE ENGLISH TECHNICAL MANY-COMPONENT TERMS

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей перевода английских технических терминов, состоящих из нескольких компонентов, и трудностей, связанных с точностью передачи их значения. В статье также определяются наиболее эффективные способы перевода таких терминов на русский язык.

The purpose of this article is in the detection of the translation peculiarities of the English technical terms consisting of several components, and difficulties connected with the accuracy of their meaning rendering. In the article the most effective translation ways of such terms into Russian are also determined.

Ключевые слова: адекватный перевод, многокомпонентный термин, технический термин, словосочетание, эквивалент.

Keywords: adequate translation, many-component term, technical term, word-combination, equivalent.

Технические термины, связанные с машиностроением, с устройством автомобиля, а также механизмов, которые используются в быту и на производстве, постоянно встречаются в нашей жизни. Поэтому растет количество технических инструкций и рекомендаций на английском языке по ремонту и уходу за автомобилем и по работе с другими механическими и электрическими устройствами. Таким образом, становится очень важной проблема перевода на русский язык текстов с разнообразными техническими терминами.

Но очень часто обычные способы перевода терминов становятся неэффективными для передачи смысла современных терминов, так как техническая терминология является постоянно изменяющимся и пополняющимся классом лексических единиц, благодаря развитию технического прогресса и появлению новых технологий. Однако, практика перевода пока-

зывает, что, если нет прямого эквивалента для данного английского термина, то это еще не значит, что его невозможно перевести на русский язык [1. С. 77].

Новые понятия чаще всего выражаются не просто отдельными терминами, а разными по степени сложности многокомпонентными терминологическими словосочетаниями [3. С. 4]. Многокомпонентные термины – это грамматическое явление, которое очень широко распространено в текстах большинства подязыков науки и техники. Под многокомпонентным термином понимается полилексемное устойчивое терминологическое сочетание, состоящее из нескольких (более двух) раздельно оформленных полнозначных компонентов [3. С. 8]. Многокомпонентные термины обычно состоят из сочетания существительного (как правило, в единственном числе) с другими частями речи, стоящими до или после него.

Смысловая связь между компонентами многокомпонентного термина может быть выражена: а) путем примыкания (*engine water jacket* – *водяная рубашка охлаждения двигателя*); б) с помощью предлога или наличия окончаний (*pair of nippers* – *кусачки*) [4. С. 9].

Многие лингвисты отмечают трудность эквивалентного перевода многокомпонентных терминов из-за сложности их структуры и многозначности компонентов, в результате чего очень сложно распознать их смысл. Особенно трудно перевести многокомпонентные словосочетания с затемненным, неясно мотивированным значением, со «скрытыми компонентами значения» и с «приращением значения» [6. С. 326].

Определить смысл многокомпонентного термина очень сложно в случае, если значение сложного словосочетания меняется по сравнению со значением его составляющих (*all-purpose type lubricant* – *универсальный смазочный материал*) [6. С. 327].

Далее рассмотрим многокомпонентные термины, состоящие из сложных атрибутивных композит с одним или несколькими компонентами, которые представляют собой аббревиатуру или усеченные слова. Хотя у многих сокращений есть либо эквивалент, либо регулярные соответствия в русском языке, но раскрыть их значение мешает слишком большой список сокращений и условных обозначений (*Y-yoke shoulder harness* – *вильчатый плечевой ремень безопасности*, где *Y-yoke* переводится как *вильчатый*) [6. С. 328].

Сложные многокомпонентные словосочетания с особым синтаксическим построением также характеризуются большой сложностью перевода на русский язык. Например, для адекватного перевода многокомпонентного термина *piston-to-rod seal* – *уплотнение между поршнем и штоком*, нужно не только правильно выбрать значения многозначных компонентов (*piston* – *поршень, плунжер*; *rod* – *стержень, шток, тяга, толкатель поршня*), но и понять определенные соотношения синтаксической связи между составляющими, в частности *piston-to-rod* означает *между поршнем и штоком* [6. С. 328].

В некоторых многокомпонентных терминах для достижения адекватного перевода необходимо переосмыслить значения всех компонентов, чтобы образовать цельную номинацию (*swirl-to-squish rating* – *отношение угловых скоростей горизонтального и вертикального вихрей*) [6. С. 328].

Адекватный перевод становится сложнее, если многокомпонентный термин состоит из цепочки определений, в которую входит сложный атрибут, например, *single-piston disk brake caliper* – *однорышневой суппорт дискового тормоза*. Здесь необходимо найти правильные связи между компонентами. Эквиваленты каждого из компонентов присутствуют в русском языке, но сложность состоит в том, чтобы расставить их в правильной последовательности [6. С. 328].

Чтобы перевести многокомпонентное сложное слово-термин, сначала нужно найти значение главного компонента. Затем в составе этого термина необходимо вычленив внутренние термины со словами, которые к ним относятся [3. С. 3]. В следующем примере показана последовательность перевода многокомпонентного термина: *off-highway truck capacity* – *грузоподъемность карьерного самосвала*, *capacity* – *грузоподъемность*, *truck* – *самосвал*, *off-highway truck* – *карьерный самосвал*.

Основными способами перевода многокомпонентных терминов на русский язык являются следующие: 1) калькирование (эквивалентный перевод) – дословное воспроизведение слов и выражений английского языка с помощью русских эквивалентов (*electronic rotary adjuster* – *электронный роторный регулятор*); 2) перевод с использованием родительного падежа (*bonnet release cable* – *тросик замка капота*); 3) перевод с помощью предлогов (*tyre pressure gage* – *измеритель давления в шинах*); 4) описательный перевод, представляющий собой передачу значения одного из компонентов термина с помощью дополнительного расширенного объяснения (*brake charging accumulator* – *зарядный аккумулятор тормозной системы*); 5) инверсия – изменение порядка перевода компонентов термина (*valve spring cage* – *коробка клапанной пружины*); 6) лексические добавления (генерализация) – введение в перевод термина дополняющих его смысл элементов, которые подразумеваются, но словесно не выражены в английском варианте термина (*engine performance data* – *свод технических параметров двигателя*); 7) конкретизация – использование при переводе термина на русский язык слова с более узким значением, чем в английском языке (*vacuum-hydraulic servosystem* – *вакуумный гидроусилитель*); 8) транслитерация – замена английских букв русскими (*sedan* – *седан*) [1. С. 78], [5. С. 62].

Существуют три требования для адекватно переведенного термина. Во-первых, он должен

точно и полно передавать понятие; во-вторых, он должен сохранять краткость оригинала; и, в-третьих, он не должен повторять уже существующий в русском языке термин [2. С. 56].

Перед тем, как приступить к переводу многокомпонентного термина, необходимо проанализировать его компоненты. Нужно определить, к каким частям речи относятся компоненты термина; выяснить, принадлежат ли они к словарям: общеупотребительной лексики или специальной (терминологической); выделить главные и зависимые компоненты; определить тип многокомпонентного термина.

Перевод многокомпонентного термина следует начинать с перевода существительного, являющегося главным компонентом, а затем последовательно переводить каждую смысловую группу, обычно справа налево.

Приведем некоторые примеры. *Final drive pinion* – трехкомпонентный термин, второй и третий компоненты которого являются терминами, представляющие в сочетании с первым компонентом терминологическую единицу. Перевод этого сложного термина подразделяется на два этапа. Во-первых, переводим словосочетание *final drive*. В данном случае используется калькирование как способ перевода, порядок слов оригинала сохраняется. Итак, *final drive* – *конечная передача*. Теперь переводим весь термин *final drive pinion*. Здесь идет замена порядка компонентов для соответствия системе русского языка и используется родительный падеж. Итак, *final drive pinion* – *шестерня конечной передачи*.

Double universal joint – трехкомпонентный термин, один из компонентов которого является термином. В этом термине оба определяющих слова относятся к главному компоненту. Способом перевода, который наиболее подходит для этого термина, является калькирование с сохранением порядка слов оригинала (*double universal joint* – *двойной универсальный шарнир*).

Таким образом, трудности эквивалентного перевода английских многокомпонентных терминов на русский язык можно объяснить следующими причинами: изменением общего значения сложного терминологического словосочетания по сравнению со значением его компонентов; многозначностью сокращений; особым синтаксическим построением сложных многокомпонентных терминологических словосочетаний; переосмыслением значения

сложного слова; изменением и расширением значения исходного компонента за счет значения второго компонента; многокомпонентным составом терминологических конструкций; приращением значения за счет неполнозначных морфем [6. С. 329].

В заключение хотелось бы отметить, что для адекватного перевода технических текстов по любому предмету нужно хорошо знать этот предмет и его терминологию на английском и на русском языке. Переводчик должен в совершенстве владеть английским языком и уметь грамотно излагать свои мысли на русском языке. Для перевода многокомпонентных терминов у переводчика должны быть достаточные фоновые знания. Только высококвалифицированный переводчик может выполнить качественный перевод терминов, полагаясь на интуицию и опыт.

Список литературы

1. Дуброва, Ю. Ю. Специфика перевода многокомпонентных военных терминов / Ю. Ю. Дуброва // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М. : Московский государственный лингвистический университет, 2011. – № 611. – С. 77–84.
2. Климзо, В. Н. Ремесло технического переводчика: Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / В. Н. Климзо. – М. : Р. Валет, 2006 – 508 с.
3. Кудинова, Т. А. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в подязыке биотехнологий (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Кудинова. – Орел, 2006. – 21 с.
4. Пронина, Р. Ф. Перевод английской научно-технической литературы / Р. Ф. Пронина. – М. : Высшая школа, 1986. – 175 с.
1. Судовцев, В. А. Научно-техническая информация и перевод / В. А. Судовцев. – М. : Высшая школа, 1989. – 232 с.
2. Трофимова, А. С. Особенности перевода английских многокомпонентных терминов со скрытыми компонентами их значения / А. С. Трофимова, Н. П. Томасевич, Г. Ф. Дьяченко // Труды Одесского политехнического университета. – Одесса: Одесский национальный политехнический университет, 2012. – № 1. – вып. 1 (38). – С. 326–329

О. П. Лазарева

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ
В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКАUSAGE OF ELECTRONIC RESOURCES IN THE WORK
OF A TRANSLATOR

В статье анализируются электронные ресурсы и их роль в работе переводчика, обосновывается тот факт, что переводческая деятельность, как и любая другая деятельность, невозможна без применения новых информационными технологий, использование которых диктуется временем. Автор подчеркивает, что в процессе изучения перевода в вузе необходимо обучать студентов правильно пользоваться всеми предоставляемыми электронными средствами и творчески применять свои знания в будущей деятельности, что в конечном итоге приведёт к успешному обеспечению взаимовыгодной коммуникации между представителями различных культур.

The article analyses electronic resources and their role in translation, it proves that the activity of a translator is impossible without usage of new Information Technologies, which is dictated by the time. The author underlines that students should be taught how to use modern electronic instruments and how to apply their creative knowledge to their future activity. That will lead to a successful mutual communication between representatives of different cultures.

Ключевые слова: электронные ресурсы, Интернет, перевод, письменный переводчик, электронные словари, информационные технологии.

Keywords: electronic resources, internet, translation, translator, electronic dictionaries, information technologies.

На современном этапе развития глобализации роль перевода значительно возрастает. Это связано с расширением и углублением международного сотрудничества во всех областях человеческой деятельности. Соответственно, переводчик превращается в одну из центральных фигур современного общества, а его «коммуникативная компетенция, показывающая умение выбирать правильную стратегию и осуществлять новый подход к профессиональному переводу, приобретает особую значимость» [4. С. 119].

Полноценный перевод должен точно и адекватно передавать смысловое и функционально-стилистическое содержание текста-оригинала. Этого можно достичь только путем воспроизведения особенностей формы исходного текста или создания функциональных соответствий этим особенностям. Как еще отметил Гёте: «При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык» [2].

Многолетняя работа со студентами-переводчиками показывает, что перевод текста всегда

представляет для них некоторые трудности. Студенты, особенно на начальном этапе, не всегда знают, как и где искать нужное слово или выражение, не всегда знакомятся с контекстом перед процессом перевода, не имеют даже общего представления о построении словарной статьи. В результате они часто не могут найти соответствующее значение, ограничиваясь первым в словаре, близким к тому, которое им уже знакомо. Ошибки такого рода ведут к потере смысла оригинального текста и неадекватности самого перевода.

На современном этапе развития транслатологии необходимо также учитывать и роль компьютеризации всех сфер жизнедеятельности человека, включая и сам процесс перевода. Ведь электронные и компьютерные технологии способствуют распространению информации в обществе и формированию единого информационного пространства, поэтому переводчик также попадает под влияние этих технологий, выполняя свою основную коммуникативную роль. Сейчас от представителей данной профессии требуется не только каче-

ственное, но и быстрое выполнение заказов, так как межкультурные и профессиональные контакты расширяются, возникают новые сферы совместной деятельности представителей различных культур, увеличивается объем необходимой информации. Применение современных информационных технологий намного ускоряет и облегчает задачу переводчика. Люди, занимающиеся переводом, могут использовать в своей работе такие средства, как словари (электронные, прежде всего), машинные переводчики, энциклопедии и справочники, которые можно найти в интернете, так как интернет, действительно, содержит огромное количество ресурсов, помогающих найти любую информацию в короткие сроки.

«Электроника – это вовсе не прихоть, не дань моде и не праздная игрушка в руках человека. Это веление времени и жизненная необходимость. Ведь сейчас практически невозможно представить профессионального переводчика, который в той или иной степени не задействует электронные средства, не владеет компьютером, сканером, принтером и не использует электронную почту и специальные, ориентированные на переводческие нужды программы» [9. С. 6].

Но, чтобы грамотно и эффективно использовать все электронные помощники в своей работе, необходимо этому учиться. В программу подготовки будущих переводчиков имеет смысл включать не только курсы по обучению студентов решать какие-либо языковые проблемы, работать с текстом и т.д., но и курсы по ознакомлению с электронными программами, нацеленными на выполнение различных задач перевода, и их правильным использованием.

Хотелось бы немного остановиться на самых применяемых в работе по передаче смысла основной информации средствах – электронных словарях. Существует огромное множество словарей, предлагаемых различными производителями, включая как онлайн, так и офлайн ресурсы. Основная проблема, стоящая перед переводчиком, – это выбор наиболее подходящего инструмента для комфортной и адекватной работы. В процессе обучения в вузе студентов надо познакомить с различными типами словарей, их основными задачами, работой со словарными статьями, выбором именно того эквивалента, который подходит к данному контексту, а также практическим использованием источника в своей работе.

Из наиболее известных онлайн словарей хотелось бы отметить такие словари, как Lingvo,

Мультитран, Мультиплекс, и др. Компания ABBYY Lingvo выпускает популярные офлайн словари. Если сравнивать их с печатными словарями, то можно отметить, что «преимуществом электронных источников является легкий доступ, удобство работы, высокая скорость поиска и обработки информации и возможность быстрой вставки переводных эквивалентов в текст перевода» [8. С. 60].

Таким образом, «языковое посредничество (осуществление переводов) требует наличия самых разных словарей и справочников. Без этого очень трудно добиться быстрого выполнения высококвалифицированных переводов» [5. С. 50]. Справочная литература должна занять почетное место в работе и жизни профессионала, целью которого является обеспечение взаимовыгодной коммуникации между представителями различных культур. Ведь из справочников мы можем узнать много нового о развитии общества, почерпнуть какие-либо неизвестные нам факты и нюансы употребления слов, терминов, имен собственных, названий книг и фильмов. Все это поможет в дальнейшем решить проблемы перевода и, в конечном итоге, будет служить источником для повышения компетенции и саморазвития.

Без словарей, конечно, не обойтись в переводе, прежде всего, когнитивной информации, содержащейся в технических, научных текстах, но даже здесь необходимо помнить о подводных камнях. «Все области знаний развиваются, меняется и терминологический аппарат их описания, а словари отстают» [1. С. 162]. К терминам, на наш взгляд, необходимо относиться не как к обособленным единицам, которые никак не связаны с окружающими их словами, а как к словам, имеющим определенное техническое значение, «которое может изменить свое содержание в зависимости от той отрасли, где эти термины применены» [7. С.10].

Переводчик должен уметь пользоваться другими поисковыми системами для «выбора подходящих синтаксических конструкций и проверки лексической сочетаемости» [10. С. 73]. Существует множество лексических единиц, переводные эквиваленты которых невозможно найти в словарях, в этом случае и помогают поисковые системы. С их помощью можно найти значения незнакомых слов и выражений, а также прибегнуть к новым словарям и другим источникам.

Поисковики в интернете помогают найти определенные группы слов, которых может не

быть даже в словарях, например, аббревиатуры, появляющиеся с развитием той или иной сферы деятельности. Очень часто вызывает затруднение написание имен собственных. Ведь они передаются на другие языки, в основном, при помощи транскрипции и поэтому часто имеют различный буквенный состав. Как утверждает Д. И. Ермолович, «принцип фонетического подобия должен быть в отдельных случаях подчинен принципу благозвучия и удобства произнесения имени собственного в принимающем языке» [3. С. 5]. При этом отмечается важность интернета как основного средства решения данной проблемы.

Если раньше считалось, что для того чтобы быть переводчиком, достаточно выучить язык, то сейчас никто не будет спорить, что от переводчика требуется гораздо больше, чем просто знание языка. Необходима специальная подготовка, определенные навыки и умения. Речь идет не только «о хорошем знании иностранного языка, но и об умении адекватного осмысления текста оригинала, его анализа с социокультурной точки зрения и соответствующей адаптации данного текста к пониманию на переводимом языке» [6. С. 104]

Нельзя не упомянуть и такое средство, как машинный перевод, который развивается наряду со словарями и программами и становится все лучше и лучше с каждым годом. Конечно, машинные переводчики помогают в подготовке чернового варианта текста, который должен обязательно редактироваться человеком, так как машины допускают ошибки в согласовании предложений, в падежах, в переводе слов, имеющих несколько значений.

Таким образом, в сложном процессе воссоздания мысли переводимого текста переводчику всегда нужны помощники (компьютер, интернет, электронные словари и справочники...). Без них невозможно адекватно передать мысль автора, соблюдая нормы языка перевода, используя наиболее подходящие эквиваленты, избегая употребления того значения слова, которое не применимо для данной ситуации. Но при этом необходимо помнить, что ни одно электронное средство не может заменить живой мысли человека, который умеет творчески применять данные, полученные из различных источников, в том числе электронных, и правильно извлекать информацию для кон-

кретного контекста. Именно творчество, применение этих знаний и умений в работе – основное качество хорошего переводчика. Этому необходимо учиться постоянно на протяжении всей жизни, а привить интерес и чувство необходимости в этом призваны преподаватели, работающие со студентами в вузе.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика : Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб. : Издательство «Союз», 2005. – 288 с.
2. Гёте, И. В. фон. Афоризмы // Философская школа: [http:// www.newacropol.ru/Alexandria/ aphorism/ gete](http://www.newacropol.ru/Alexandria/aphorism/gete)
3. Ермолович, Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с.
4. Косова, М. Д. Проблемы перевода в неязыковых вузах/ Международный журнал экспериментального образования № 8, 2011, С. 118–121
5. Крупнов, В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский: Учеб. пособие для вузов / В. Н. Крупнов. – М.: Высшая школа, 2005. – 279 с.
6. Лазарева, О. П. Переводческий анализ – основа качественного перевода (из опыта обучения в неязыковом вузе) / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45) Часть 3, С. 103–107.
7. Лазарева, О. П. Перевод терминологической лексики с английского языка на русский / Общественные науки в современном мире.- С-П, 2015, С. 7–10
8. Убин, И.И. Современные средства автоматизации перевода: надежды, разочарования и реальность / И. И. Убин // Перевод в современном мире. – М.: ВЦП, 2001. – С. 60–69.
9. Шевчук, В. Н. Электронные ресурсы переводчика: справ. Материалы для начинающего переводчика / В. Н. Шевчук. – М.: Либрайт, 2010. – 136 с.
10. Шовгенина Е. А., Новожилова А. А. Обучение студентов-переводчиков работе с электронными ресурсами как основа их будущей конкурентоспособности и успешности / Вестник ВолГУ. Серия 6. Вып. 14. 2013. С. 70–75.

М. Леонова

Георг-Август-университет
(Геттинген, Германия)

ПЕРЕВОД КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА СТАНИСЛАВА ЛЕМА «СОЛЯРИС»

TRANSLATION AS AN INTERPRETATION OF THE TEXT ON THE EXAMPLE OF STANISLAW LEM'S NOVEL "SOLARIS"

Статья посвящена связи между анализом текста, его интерпретацией и его адекватным переводом на другой язык. Основным аспектом рассмотрения является вопрос о необходимости многоуровневой интерпретации текста при переводе его на язык, отличный от языка оригинала. На примере переводов романа Лема «Солярис» на русский и немецкий языки показывается, насколько интерпретация переводчиком исходного текста, его выбор тех или иных значений в случае перевода полисемантических слов, а также изменение структуры высказывания определяют интерпретацию конечного текста читателем. В этой связи выдвигается тезис, что «внутренняя реальность» переводчика является не одним из многих, а основным фактором перевода литературного текста. Показывается опасность нарушения равновесия между анализом и свободной интерпретацией текста.

The article is dedicated to the relationship between text analysis, its interpretation and its adequate translation into another language. The main aspect of the review is the need for a multi-level text interpretation while translating it into a language different from the original language. It is shown on the example of the translation of Lem's novel "Solaris" into Russian and German, how the interpretation of the text by a translator, their choice of certain meanings in translation of polysemantic words, and changes in the structure of statements determine the final text interpretation by the reader. In this context, the thesis that "inner reality" of a translator is not one of many, but the main factor in the translation of a literary text. The dangers of imbalance between the analysis and the free interpretation of the text are shown.

Ключевые слова: перевод, интерпретация текста, анализ текста, знак и значение.

Keywords: translation, text interpretation, text analysis, signifier and meaning.

С проблемой связи между анализом текста, его интерпретацией и его адекватным переводом на другой язык сталкиваются как лингвисты и литературоведы, так и учёные, занимающиеся теорией и практикой перевода. Основным аспектом рассмотрения последних является вопрос о необходимости анализа текста источника при переводе его на язык, отличный от языка оригинала, и возможность представления подобного анализа как некоего алгоритма действий переводчика. В этой связи ставится вопрос о понимании текста переводчиком как основном шаге к адекватному переводу. Отмечая важность анализа текста на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровне, Вольфрам Вильсс подчёркивает интерпретацию текста как основу для его адекватного перевода. Интерпретация текста, согласно Вильссу, не поддаётся формализации и представляет собой его понимание не толь-

ко на языковом уровне, но на уровне образов и смыслов: «Особенностью языкового искусства является перевод "внутренних образов", "внутреннего говорящего" и "игры символов" в языковые конфигурации» [13. С. 127]. Пытаясь аналитически минимизировать субъективное понимание текста [3. С. 7], переводчик сталкивается с проблемой передачи его смысла. Эта проблема является актуальной как для более или менее сложных специальных [6; 7; 12], так и для литературных текстов [13. С. 101]. Более того, анализ текста в его схематической форме не проясняет смысла текста, а лишь эксплицирует уже понятое в нём [8. С. 273]. Переводчик вынужден строить гипотезы относительно переводимого текста, с одной стороны, и предлагаемого перевода в среде целевого языка, с другой [4]. «Мы начинаем интерпретировать тогда, когда мы сталкиваемся с невозможностью понять» [2. С. 24]. Не отрицая важности

анализа текста, Вильсс говорит о взаимодополняемости анализа и интерпретации текста, подчёркивая при этом значение «внутренней реальности» переводчика [13. С. 107].

Принимая во внимание всё вышесказанное, в этой статье мы хотели бы показать, насколько интерпретация переводчиком исходного текста, его выбор тех или иных значений в случае перевода полисемантических слов, а также изменение структуры высказывания определяют интерпретацию конечного текста читателем. Мы хотели бы показать, что «внутренняя реальность» переводчика является не одним из многих, а основным фактором перевода. С этой целью мы предлагаем рассмотреть несколько примеров перевода романа Станислава Лема «Солярис» на русский и немецкий языки.

Изменение информационной структуры

В свете передачи информационной структуры при переводе возникают две проблемы: 1) передача логических связей между частями предложения; 2) передача информационной структуры и связанного с ней порядка слов в предложении. Под информационной структурой понимается отношение между фокусом и топикиком, т.е. между новой и известной информацией для реципиента. Фокус выделяется логическим ударением предложения и чаще всего совпадает с концом предложения [5. С. 144]. Смена порядка слов в предложении влечёт за собой смещение акцента предложения и, как следствие, его фокуса.

Приведем пример: главный герой романа, Крис Кельвин, с целью знакомства с немногими обитателями станции направляется в лабораторию, где работает Сарториус:

“– Pan jest psychologiem, doktorze Kelvin? – Tak. A co? – Uczonym? – No tak. Jaki to ma związek... – Myślałem, że pan jest urzędnikiem kryminalnym lub policjante. Jest teraz druga czterdzieści, a pan, *zamiast starć się wciągnąć w tok prac prowadzonych na Stancji, co byloby ostatecznie zrozumiaŁe, mimo tej brutalnej próby wtargnięcia do laboratorium*, wypytuje mnie, jakbym co najmniej był podejrzanym” [10. С. 54].

«– Вы психолог, доктор Кельвин? – Да. А в чем дело? – Ученый? – Да. Какое это имеет отношение... – Я думал, что вы следователь или полицейский. Сейчас два часа сорок минут. *А вы пытаетесь насильно ворваться ко мне в лабораторию. Это было бы в конце концов понятно, если бы вы хотели ознакомиться с работами, ведущимися на Станции*. А вы допраши-

ваете меня, будто я по меньшей мере нахожусь под подозрением» [1. С. 41-42].

Выделенный в оригинале курсивом фрагмент переводится буквально следующим образом: «...вместо того, чтобы постараться ознакомиться с работами, ведущимися на станции, что было бы по меньшей мере понятно, помимо агрессивной попытки прорваться в лабораторию, допрашивает меня». «Ознакомление с работами, ведущимися на станции» стоит, таким образом, в начале придаточного предложения, и является информацией, известной и второстепенной, а говорящим фокусируется информация, связанная, в первую очередь, с поведением Криса, а именно – с его brutальным вторжением в лабораторию, что ввиду нежелания Сарториуса открывать Крису свои тайны и пускать его в лабораторию имеет особое значение как для понимания провинности Криса, за которую Сарториус требует извинений, так и для понимания всего сюжета романа. Сарториус рассматривает вторжение Криса в лабораторию как покушение на его личное пространство, на его интимную жизнь. Это покушение является для него недопустимым и определяет его отношение к Крису на протяжении всего романа. Значимость для говорящего эмоциональной оценки происходящего находит отражение в информационной структуре высказывания в виде фокуса.

При переводе на русский язык сложноподчинённое предложение оригинала разделяется на несколько предложений, причём части информационной структуры меняются местами. Следствием подобной перестановки является смещение фокуса с эмоциональной оценки действий Криса на «работы, ведущиеся на станции», что приводит, в свою очередь, к восприятию требования Сарториусом извинений как абсурдного или, по меньшей мере, необоснованного, а также к искажённому восприятию характера Сарториуса и причин его недоброжелательного отношения к Крису. Разделение предложения оригинала на несколько предложений с анафорическим повторением «А вы» в начале ведёт к изменению характера коммуникативного акта. Речь Сарториуса превращается из выражения его отношения к действиям Криса в поучение последнего, ставя Сарториуса в позицию поучающего, и, как следствие, к искажению его образа. Приведём два немецких перевода этого места в романе.

“Ich glaubte, Sie wären Kriminalbeamter oder Polizist. Es ist jetzt zwei Uhr vierzig, und Sie fragen mich, statt sich um einen Einblick in die laufenden

Arbeiten der Station zu bemühen, was trotz des brutalen Versuchs, ins Labor einzudringen, noch verständlich wäre – Sie fragen mich hier aus, als wäre ich zumindest verdächtig” [9. С. 55].

«Я полагал, вы следователь или полицейский. Сейчас два часа сорок, и вы вместо того, чтобы заботиться о получении представления о проводимых на станции работах, что, несмотря на вашу агрессивную попытку проникновения в лабораторию, ещё было бы понятно – вы допрашиваете меня, будто я нахожусь как минимум под подозрением».

Как видно, переводчик сохраняет порядок слов в предложении и его сложноподчинённый характер. Изменение запятой в оригинале на тире влечёт за собой смещение акцента высказывания на его последнюю часть. Фокус высказывания в предыдущем предложении смещается на «что ещё было бы понятно» и воспринимается читателем как оправдание Сарториусом поведения Кельвина. Извинения, требуемые Сарториусом, связываются с оптически выделенной частью высказывания, т.е. с попытками Криса допросить Сарториуса, что, в свою очередь, ведёт к интерпретации образа Сарториуса как человека скрытного и его негативного отношения к Крису как попытке что-то у него вывести.

В оригинале, как и во втором немецком переводе, ударение основного высказывания находится в середине высказывания на «агрессивной попытке», что подчёркивается новизной предлагаемой информации. Её нахождение в центре высказывания визуально отражает смысл провинности Криса – нарушение внутреннего пространства Другого.

“Ich dachte, Sie wären Kriminalbeamter oder Polizist. Jetzt ist es zwei Uhr vierzig, und Sie, anstatt sich um eine Einführung in den Gang der hier auf der Station betriebenen Arbeiten zu bemühen, was trotz dieser brutal versuchten Erstürmung des Laboratoriums letzten Endes verständlich wäre, fragen mich aus, als wäre ich mindestens verdächtig” [11. С. 51].

«Я думал, вы следователь или полицейский. Сейчас два часа сорок, и вы вместо того, чтобы заботиться о введении в процесс здесь на станции проводимых работ, что несмотря на вашу жестоко предпринятую попытку вторжения в лабораторию, еще было бы понятно, допрашиваете меня, будто я нахожусь как минимум под подозрением».

Сохраняя структуру предложения, переводчик, однако, изменяет характер слов в

предложении, делая из сочетания «прилагательное+существительное+ существительное» “brutalej próby wtargnięcia” (брутальной попытки вторжения) сочетание «наречие+прилагательное+существительное» “brutal versuchten Erstürmung” (агрессивно предпринятой попытки вторжения), что смещает фокус с «попытки» на «предпринятый» (versuchte) и характеризует не «вторжение» как «брутальное», а способ его осуществления, что, в свою очередь, изменяет интерпретацию предложенного фрагмента. Согласно этой интерпретации, Сарториус в принципе не против вторжения в свою интимную сферу, но только оно не должно быть таким агрессивным.

Таким образом, мы получили четыре различные интерпретации приведенной сцены, характера протагониста, а также его отношения к главному герою в зависимости от текста, лежащего в основе интерпретации. При этом напоминаем, что речь идёт об одном и том же романе «Солярис».

Значение или контекст

За исключением установки на многозначность, в языковой игре слова только потенциально являются полисемами. Контекст определяет значение слова, т.е. «моносемантизирует» его [5. С. 91]. При переводе полисемантических слов и, особенно, при подборе адекватного их перевода переводчику рекомендуется исходить прежде всего из контекста и ситуации их употребления, а также из характера текста, целевой его направленности и стилистической особенности [13]. Такой подход особенно актуален в случае многозначного коммуникативного акта, представляющего проблемы при переводе [5]. В этом случае интерпретация текста посредством контекста является ключом к правильному переводу смысла происходящего. Очевидно, что эта интерпретация напрямую связана с интерпретацией переводчиком всего текста, а также его пониманием структуры отношений как между отдельными сюжетными линиями, так и между отдельными протагонистами. В этой связи мы предлагаем рассмотреть случай перевода сцены встречи Криса с Хэри.

Утомлённый непонятными происшествиями на Станции, Крис засыпает в своей каюте, а проснувшись, видит его жену Хэри, покончившую жизнь самоубийством, как живую.

“– Skąd się tu wzięłaś? – spytałem. – Nie wiem – powiedziała – czy to źle? [...] To była zupełnie inna Harey: tama nie narzuciła się. Nigdy. –

Dziecko, to niemożliwe... [...] – *Polecimy?... ale ty także?* – dopytywała się, kiedy oboje już ubrani, opuszczaliśmy pokój. [...] kiedy kontrolki zapaliły się po włączeniu głównego obwodu, wylatłem z ciasnego wnętrza i wskazałem jej Harey, która stała u drabinki. Wejdz do środka. – A ty? – Wejść za tobą. Muszę zamknąć za nami kłapę” [10. С. 67-76].

«– Как ты сюда попала? – спросил я. – Не знаю, – сказала она. – *А ты не рад?*

[...] Это была совсем другая Хэри: та в таких случаях никогда не настаивала. Никогда. – *Маленькая моя*, это невозможно... [...] – Мы полетим? *Вместе?* – дopyтывалась она, когда мы уже одетые выходили из комнаты. [...] когда зажглись контрольные лампочки, я вылез из тесного отсека и обратился к Хэри, стоявшей у трапа: – Входи – А ты? – Я войду за тобой. Мне надо закрыть люк» [1. С. 51-58].

Мы хотели бы остановиться только на выделенных местах, переведённых переводчиком либо исключительно из контекста предложения, либо вообще не переведённых. К первому случаю относится перевод вопроса “*czy to źle?*”, буквально переводимого как «это плохо?» Хэри не знает, как она попала в каюту Криса и спрашивает, плохо ли это, что она этого не знает. Этот вопрос открывает тему болезни Хэри, которую мы встречаем в сцене её реакции на непродолжительное отсутствие Криса в эксплицитной форме: «Крис, может у меня эпилепсия?» [1. С. 86]. Именно болезнью Крис будет объяснять себе самоубийство Хэри, и это даст ему возможность с ним примириться. Очевидно, что при переводе вопроса переводчик основывался, прежде всего, на своем понимании структуры отношений между Хэри и Крисом. Фраза «А ты не рад?» показывает перекося в отношениях между протагонистами: Хэри любит Криса, а он не хочет её видеть, – а также подчёркивает подозрительность Хэри и её неуверенность в чувствах Криса, что искажает комплексную структуру отношений между обоими протагонистами и ведет к непониманию как отчаянья Криса после исчезновения Хэри, так и его решения остаться на Станции. Подобный перевод является отражением исключительно интерпретации переводчиком самоубийства Хэри и последующей попытки Криса от неё избавиться, что, в свою очередь, вследствие сложности и неоднозначности чувств Криса, ведёт не только к упрощению его образа, но к разрушению структуры образа: из расщепленной личности получается личность, однозначная в своих оценках и же-

ланиях. В этом случае контекст полностью вытесняет текст и ведет к неоправданной интерпретации произведения. Следующий пример предлагает перевод слова “*dziecko*”, буквально означающего «детка». Переводчик, переводя слово как «маленькая моя», передает прежде всего эмоциональную окраску сказанного. При этом значение слова играет здесь не меньшую роль, оно будет многократно повторено в романе, в частности, как опровержение Хэри – «я не ребёнок». Верный переводу переводчик вынужден взять в этом случае «я не маленькая». Разница семантических полей, открываемых словом «ребёнок» и «маленькая», очевидна: в случае ребёнка речь идет, прежде всего, о незрелости Хэри, в случае «маленькой» – о её маленьком росте и уже, во-вторых, о её возможной наивности. Таким образом, языковая игра теряет свой смысл, питаемый прежде всего поливалентностью слова «ребёнок» и его семантическим полем.

Последний пример, который мы хотели бы обсудить в этой статье, – это пример изменения субъекта и исключения местоимения. В оригинале Хэри в конце описываемой сцены спрашивает: “*Polecimy?... ale ty także?*” («Полетим? И ты тоже?»). Из этой фразы следует, что она сомневается, что Крис полетит с ней и предполагает, что он хочет остаться, отправив её одну. Чтобы рассеять её подозрения, Крис в последней фразе цитаты подтверждает: “*Muszę zamknąć za nami kłapę*” («Я должен закрыть за нами люк»). Это последнее «нами» и является тем импульсом, полностью усыпившим бдительность Хэри и побудившим её войти внутрь капсулы. Перевод в первом случае фразу как «Мы полетим вместе?», переводчик на передний план выводит надежду Хэри, а не её предчувствие, и, опуская в последней фразе «нами», делает поступок Хэри, а именно погружение в капсулу без Криса, которого она, по её же словам, «должна всегда видеть», непонятным. Таким образом, из Хэри предчувствующей и подозрительной появляется ничего не подозревающая, наивная Хэри, что в соединении с уже цитированными «маленькая» и «ты не рад» полностью искажает образ главной героини, упрощая его до наивной маленькой девочки, ничего не подозревающей и сомневающейся в любви Криса.

Выбор определённых значений слова уже является интерпретацией текста, тем более, если при переводе речь идёт не о выборе значений, а поиске эквивалентов, определяемом исключительно контекстом и его интерпрета-

цией переводчиком. Но нам хотелось бы заметить, что значение полисемантического слова определяется контекстом, но не исключается им и, следовательно, остаётся единственным пробным камнем удачного перевода. Соглашаясь со сказанным в начале этой статьи о необходимости интерпретации текста, хочется подчеркнуть такую же необходимость его анализа. Поверхностный анализ текста или превалирование интерпретации над анализом ведет не к многомерности смысла, а к его искажению, что мы имели возможность наблюдать на приведенных примерах.

Список литературы

1. Лем, С. Солярис / С. Лем // Собрание сочинений в десяти томах, т. 2. – Москва, 1992. – 399 с.
2. Biere, B. U. Verständlich-machen. Hermeneutische Tradition – Historische Praxis – Sprachtheoretische Begründung / B. U. Biere. – Tübingen, 1989. – 287 s.
3. Christmann, U. Modelle der textverarbeitung, Textbeschreibung als Textverstehen / U. Christmann. – Münster 1989. – 322 s.
4. Erdmann, R. Perspectives on pre-translational text analysis. / R. Erdmann. – Disburg, 1994. – 343 p.
5. Hönig, H. G. Kussmaul, P. Strategie der Übersetzung. Ein Lehr- und Arbeitsbuch / H. G. Hönig, P. Kussmaul – Tübingen, 1984. – 172 s.
6. Königs, F. G. Beim Übersetzen schreibt man ß übersetzt man auch beim Schreiben? Eine psycholinguistische orientierter Vergleich zweier Produktionsprozesse bei fortgeschrittenen deutschen Spanischlernern / F. G. Königs. – Frankfurt am Main, 1991. – 317 s.
7. Krings, H. P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern / H. P. Krings. – Tübingen, 1986. – 570 s.
8. Kurz, G. Hermeneutische Aspekte des Textlinguistik / G. Kurz // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. – 1977 – № 214 – С. 262–280.
9. Lem, S. Solaris. Roman. Aus dem Polnischen von Kurt Kelm / S. Lem. – Berlin, 1983. – 218 s.
10. Lem, S. Solaris / S. Lem Solaris „Niewyciężony“. – Kraków, 1968.
11. Lem, S. Solaris. Phantastischer Roman, Deutsch von Irmtraud Zimmermann-Göllheim / S. Lem. – Klagefurt, 1981. – 289 s.
12. Lörcher, W. Translation Performance, Translation Process and Translation Strategies / W. Lörcher. – Tübingen, 1991. – 307 p.
13. Wilss, W. Übersetzungsunterricht. Eine Einführung / W. Wilss. – Tübingen, 1996. – 229 s.

Г. М. Лесная

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва, Россия)*

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА С УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (КАК ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ)

SPECIFICITY OF TRANSLATION FROM THE UKRAINIAN LANGUAGE TO RUSSIAN (DIFFICULTIES IN TRANSLATION TEACHING FROM CLOSELY RELATED LANGUAGES)

В статье рассматривается специфика восприятия текста на близкородственном языке неподготовленной аудиторией, а также ставится вопрос о необходимости профессионального подхода к переводу такого текста. Наиболее сложным аспектом в процессе обучения переводу с близкородственных языков на русский автор считает межъязыковую омонимию и анализирует основные типы такой омонимии в русском и украинском языках.

The article touches upon the specificity of perception of a text in a closely related language by unprepared audience. Besides, it deals with the issue of a professional translation of such text. According to author's opinion, the most difficult aspect in the teaching process of translation from closely related languages is interlingual homonymy. The most frequent types of such homonymy in Russian and Ukrainian are analyzed in the work.

Ключевые слова: перевод близкородственных языков, перевод с украинского языка на русский, межъязыковая омонимия, преподавание украинского языка как иностранного.

Keywords: translation from closely related languages, translation from Ukrainian to Russian, interlingual homonymy, teaching Ukrainian as a foreign language.

В российских вузах программа изучения украинского языка в качестве иностранного строится с опорой на родной язык как систему, облегчающую усвоение другой грамматической системы и её лексического наполнения. Будучи основой восприятия мира, родной язык обучаемого используется преподавателем с целью построения ассоциативных связей в изучении иностранного языка. Этот поиск общего – неких «точек опоры» – и наведение между ними «мостов» помогают наиболее эффективно и максимально быстро усвоить материал.

Для русского и украинского языков такая общая основа, характерная в большей или меньшей степени для всех славянских языков, сложилась исторически и привела к наличию в них общих корней, которые варьируются фонетически и грамматически. Близость материальной базы корней, основ и аффиксов, набора грамматических категорий и частей речи, общность основных правил построения словосочетаний и предложений на начальном этапе обучения являются благоприятными факторами процесса изучения украинского языка.

Но самобытное историческое развитие русского и украинского языков породило их отличия на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Однако в течение некоторого времени в подходе к украинскому языку имела место установка только на близость (в бытовом обиходе она была особенно распространена). Такая установка создавала иллюзию частичного, а иногда и полного понимания украинского языка русскоязычной аудиторией и без предварительной подготовки. И хотя сейчас такой подход преодолевается, нередко в СМИ можно наблюдать, с какой легкостью журналисты пытаются справиться с тем видом работы, которую должен выполнять профессиональный переводчик.

В этом смысле «классическим примером» того, как не следует подходить к тексту близкородственного языка, стала строка из Т.

Шевченко «*Пішла луна гасм*», переведенная «Пошла луна лесом» (правильный перевод «В роще раздавалось эхо»). Межъязыковые омонимы *луна*, имеющие разное значение в русском и украинском языках, при неправильном переводе исказили первоначальный текст [1. С. 191], подтверждая свое второе меткое название «ложных друзей переводчика».

В преподавании украинского языка межъязыковая омонимия входит в число наиболее сложных явлений, обозначенных автором в качестве составляющих процесса его изучения [6]. Спецификой этого процесса является не просто усвоение категорий другого языка, но в определённом смысле противостояние влиянию форм родного языка, что нередко ведёт к обратному влиянию – украинского языка на русский. Эти факторы создают условия межъязыковой интерференции, преодолеть которую возможно только в процессе серьезной подготовки.

Конечно, явление интерференции наблюдается при изучении любого иностранного языка. Однако ему подвержены в первую очередь те языковые единицы, которые обладают частичным сходством, поскольку обучаемые отождествляют значения этих единиц и приводят их в полное соответствие. Близкие по форме, но различающиеся по значению и употреблению слова характерны для всех славянских языков. Поэтому семантическая характеристика таких слов, этимологически связанных, но развивших разные значения, является важным компонентом в изучении родственных славянских языков: русского и польского, белорусского и польского, украинского и польского и т.п.

На славянских отделениях филологических факультетов российских университетов студенты изучают по программе два славянских языка, поэтому неизбежно возникает ситуация сопоставления и «разведения» многих явлений этих языков не только в их соприкосновении друг с другом, но и с родственным родным языком, который также является славянским.

На отделениях международных отношений российских вузов, как правило, преобладает региональный принцип в подборе изучаемых иностранных языков. И здесь в последние годы преобладает параллельное изучение украинского и польского языков, что в течение довольно длительного времени практикуется и в МГИМО-Университете.

Однако изучение польского языка русскоговорящей аудиторией также сопряжено с рядом трудностей, среди которых межъязыковая омонимия занимает значительное место. Это отражено как в учебных программах, так и в базовом учебнике, по которому польский язык изучается в большинстве университетов нашей страны [2].

Но наиболее сложной является межъязыковая омонимия близкородственных языков. В данном случае она обусловлена обманчивой близостью русского и украинского языков, принадлежащих к одной языковой подгруппе восточнославянских языков. Ведь украинский и русский языки пользуются одной кириллической графикой, во многом совпадают по звуковому строю, набору корней и аффиксов, способу построения предложения и лексическому составу. В XX веке корпус терминологической лексики иноязычного происхождения в украинском языке формировался в значительной мере во взаимодействии с русским и польским языками. А на рубеже XX–XXI веков, из-за усиления мировых интеграционных процессов, наблюдается сходство словообразовательных процессов, происходящих во многих родственных языках, в том числе и в современных славянских. Ввиду широкого распространения английского языка англицизмы приходят в них, в том числе и в украинский язык, чаще всего как прямые заимствования, а не через языки-посредники [3. С. 165–166].

Изучающие близкородственные языки поначалу обращают внимание на знакомые им слова, а не на те тонкие грани и стилистические оттенки, которые принципиально важны при переводе. Существенные замечания по этому поводу оставил яркий поэт М. Рыльский, переводивший с многих славянских языков (его перу, в частности, принадлежит блестящий перевод на украинский язык «Евгения Онегина»). Во время своей работы над пушкинскими произведениями он писал: «Давно уже отмечена ошибочность мнения, будто бы переводить с близких языков легче, чем с языков далеких. Перевод на украинский язык, скажем, с русского или белорусского представ-

ляет специфические, не всегда преодолимые трудности, он таит в себе много опасностей. Одна из таких опасностей – существование в родственных языках слов, которые одинаково или почти одинаково звучат, но обозначают разные вещи» [7. С. 114].

Говоря о межъязыковой омонимии близкородственных языков, представляется важным воспринимать этот термин как рабочее название всего того комплекса языковых явлений, которые не всегда являются собственно омонимиями. Ведь нужно иметь в виду, что сюда входят не только полные (абсолютные) или частичные омонимы, а также простые или производные, но и омографы, а часто омоформы и омофоны и т.п.

Для того, чтобы различать в языке эти явления, необходимо усвоить основы его фонетической и грамматической системы и лексический минимум, и на таком фундаменте подходить к азам переводческой деятельности. В МГИМО программа по украинскому языку как иностранному, как и по другим языкам, построена в соответствии с Языковыми уровнями Совета Европы. А учебники, написанные автором, буквально с первого урока (на уровнях A1–A2) постепенно готовят студентов к тем сложностям, которые возникнут перед ними на этапе обучения переводу [4, 5].

Если на пороговом (B1) и пороговом продвинутом (B2) уровнях студенты уже различают омографы (графические омонимы) и омоформы (грамматические омонимы), то лексическая омонимия остается наиболее сложным явлением в процессе всего периода изучения языка.

Спецификой усвоения этого пласта лексики является не просто заучивание определенных слов и их значений, что важно для любого языка, но и понимание тех законов его функционирования, по которым все эти явления сосуществуют вместе и одновременно и находятся во взаимосвязи и взаимодействии.

Примечателен следующий пример. В рамках аспекта изучения языка «Домашнее чтение» студенты читают украинскую народную сказку, начинающуюся словами: «*В одному селі жила́ бідна вдовіця, що мала доньку – вродливу, як рожу*» [4. С. 221]. Неподготовленный читатель сделает следующий перевод: «В одном селе жила бедная вдова, у которой была дочь – уродливая, как роза» (что автору неоднократно приходилось слышать). Правильный перевод: «В одном селе жила бедная вдова, у которой была дочь – красивая, как роза». В данном примере наблюдаются два слова, в которых могут быть

сделаны интерференционные ошибки. Прежде всего, это полные межъязыковые омонимы *рожа*, имеющие в русском языке значение с ярко выраженной экспрессивной (негативной, иронической) окраской, а в украинском – нейтральное по значению название цветка «роза».

Ошибка во втором слове может быть основана на частичном (неполном) совпадении слов *уродливый* и *вродливий* (*уродлівий*) с разным ударением в двух языках и вариантами приставок в украинском языке. К тому же в украинском языке есть существительное *врóда*, имеющее значение «красота» (ср. польское *uroda* – красота). Совпадающие в корнях прилагательные (как и однокоренное украинское существительное *врóда*) являются антонимическими по значению в двух языках, а их частичная омонимичность основана на морфемно-словообразовательных соответствиях.

Данный пример наглядно показывает, что анализ межъязыковых омонимов в русском и украинском языках зависит от степени их совпадений и эквивалентности или расхождения их значений. Исходя из этого, следует говорить об обширных группах таких омонимов, и в первую очередь – семантических.

Значительными по объему являются полные или абсолютные омонимы, например: рус. *луна* (небесное светило) и укр. *луна* (эхо); рус. *баня* (место помывки) и укр. *баня* (купол, по преимуществу церкви); рус. *шар* (геометрическое тело и предметы, имеющие его форму) и укр. *шар* (слой, пласт чего-либо); рус. *ланка* (самка оленя) и укр. *ланка* (звено).

К ним примыкают частичные омонимы, одно или несколько значений которых совпадают, например: рус. *листопад* (опадание листьев осенью) и укр. *листопад* (1. ноябрь, одиннадцатый месяц календарного года; 2. опадание листьев осенью, также есть дублет *падолист*); рус. *шишка* (1. соцветие и плод хвойных растений; 2. утолщение округлой формы на конце какого-либо предмета; 3. *перен.* о значительном, важном человеке; 4. утолщение на теле от ушиба) и укр. *шишка* совпадает с русским в двух первых значениях (перевод следующих: 3. *цяця, цабє*; 4. *гуля*).

Многие из таких омонимов, совпадая в одном или нескольких значениях, могут отличаться ударением или расходиться в некоторых грамматических формах, например: рус. *ро́дина* (родной край) и укр. *роді́на* (семья); рус. *худоба́* (худощавость) и укр. *худóба* (скот); рус. *заса́да* (скрытое расположение кого-либо) употребляется в единственном числе и укр.

заса́да (основание, принцип) употребляется в единственном и множественном числе.

По опыту автора, наиболее сложными являются те лексические единицы, которые совпадают частично и изучению которых следует уделить особое внимание (например, рус. *оборо́на* и укр. *заборо́на* – запрет). Поэтому в процессе обучения материал нужно распределить так, чтобы однокоренные слова, постепенно появляясь в уроках, повторялись в разном контексте и образовывали словарные ряды, что помогает быстрее и легче усвоить такой материал (например: *заборо́на, заборони́ти, заборонений* и т.п.).

Список литературы

1. Кочерган, М. П. Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов («ложные друзья переводчика»). Словник російсько-українських міжмовних омонімів («фальшиві друзі перекладача») / М. П. Кочерган. – Київ: Академія, 1997. – 400 с.
2. Кротовская, Я. А. Практический курс польского языка. Базовый учебник. 3-е изд., перераб. / Я. А. Кротовская, Г. М. Лесная, Н. В. Селиванова. – М.: Астрель, 2013. – 574 с.
3. Лесная, Г. М. Старое и новое: некоторые особенности языковой номинации в украинском литературном языке на рубеже XX–XXI вв. / Г. М. Лесная // Цивилизационно-культурные связи России и Украины. Вторая конференция Российской ассоциации украинистов: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 1-3 декабря 2011 г. Украинская история, культура и национальная мысль в наследии Тараса Шевченко: опыт переосмысления от XIX века до наших дней. Третья конференция Российской ассоциации украинистов: Материалы науч.-практ. конф. Москва, 25 апреля 2014 г. / Отв. ред. Г. М. Лесная. – М., 2015. – С. 164–169.
4. Лесная, Г. М. Украинский язык для стран СНГ: Учебник / Г. М. Лесная. – М.: РГГУ, 2010. – 368 с.
5. Лесная, Г. М. Учебник украинского языка. Уровень А1 / Г. М. Лесная. – М.: МГИМО–Университет, 2010. – 120 с.
6. Лісна, Г. М. Українська мова як іноземна в Росії: до проблеми концепції викладання / Г. М. Лесная // Матеріали V Міжнародного конгресу україністів. Чернівці, 24-28 серпня 2002 р. Мовознавство: Збірник наукових статей Чернівці: Рута, 2003. – С. 130–134.
7. Рильський, М. Т. Ще про переклади / М. Т. Рильський // Письменники про свою роботу. – Київ, 1956.

М. Ю. Лукинова

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO TRANSLATION

Статья посвящена поиску оптимального междисциплинарного подхода к переводческой деятельности, объединив филологический, социально-философский и эстетический аспекты на базе гуманистической аксиологии с ориентиром на Идею блага древнегреческого мыслителя Платона. Существует ряд пробелов в осмыслении переводческой интерпретации: лингвистической, интерсемиотической и социально-философской. Рассматривается вопрос интерпретации классической художественной литературы как объективного фактора формирования мировосприятия индивида через взаимодействие: автора – произведения – переводчика – читателя. Материалом исследования служит творчество В. Шекспира.

The article is devoted to the search for the optimal interdisciplinary approach to translator's work, combining philological, social, philosophical and aesthetic aspects on the basis of humanistic axiology with a reference to the Idea of the Good of the ancient Greek philosopher Plato. There are a number of gaps in understanding of the translation as interpretation: linguistic, intersemiotic and socio-philosophical. The investigation raises the question of interpretation of classical literature as an objective factor in the formation of the individual perception of the world through interaction: the author – work – translator – reader. The material of the research is William Shakespeare's creative work.

Ключевые слова: мировосприятие, интерпретация, переводческая деятельность, Идея, идеология.

Keywords: world perception, interpretation, translation activity, idea, ideology.

Художественная литература – это объективный фактор формирования мировосприятия индивида любого социума в условиях любой исторической эпохи, ибо в литературном наследии закреплены разнообразные интеллектуальные, психологические, чувственные способы освоения жизни, определяются важные социокультурные проблемы общества и их решение. Жизнь художественных произведений продлевается с помощью интерпретационного пересоздания на другие иностранные языки и через язык других видов искусства и особая роль в этом процессе принадлежит переводческой деятельности, которая может быть добавлена в классическую триаду: автор – произведение – читатель. Переводчик обеспечивает трансляцию авторского художественного слова, выражающего авторскую идею с ее последующим переосмыслением в трактовке одного и того же художественного произведения через слово переводческое. Взаимодействие языков обеспечивает полилог культур и цивилизаций. Переводческая деятельность дает поистине неисчерпаемый материал для гуманитарных ис-

следований проблемы диалога культур, требуя метод компаративистики.

Однако, существует ряд пробелов в осмыслении интерпретации, основанной на переводческой деятельности: лингвистической, интерсемиотической и социально-философской. Объединяет эти подходы – общая парадигма толкования и понимания; аксиологии.

Лингвистический подход состоит в выявлении критериев адекватности/эквивалентности, переводческих стратегий, особенностей стиля переводчика как равноправного творца/соавтора, когнитивных аспектов переводческой деятельности, функциональной и культурной адаптации текста, диалога автора – переводчика – читателя. **С точки зрения социальной философии**, интерпретации отводится роль инструмента понимания, разумения и личностной формы творения процесса бытия. Таким образом, задается механизм предпонимания последующей эпохи. **Художественное толкование произведения средствами других искусств** (интерсемиотическая интерпретация), включает в себя процесс «вхождения»

литературного текста в иное историко-культурное пространство и само перевоплощение (пересоздание) первоначального текста в новый текст в новом виде искусства (кино, телевидение, театр, живопись). Исследования в этой сфере сфокусированы на особенностях передачи повествовательно-образной энергетики художественного текста, морфологии пересоздания как нового жанрового образования, особенностям режиссерского и актерского замысла.

При равном признанном существовании перечисленных подходов они существуют как бы параллельно. Так, например, при постановке в театре или экранизации зарубежных художественных произведений редко вспоминается, что они были основаны на переводном, пусть и адаптированном для сцены или кино тексте. При оценке качества литературного перевода, редко упоминается о социальной ответственности переводчика, который как читатель и транслятор непосредственно участвует в конструировании социальной действительности, закладывая определенные горизонты восприятия переводного текста.

Цель исследования – объединив филологический, социально-философский и эстетический аспекты на базе гуманистической аксиологии обеспечить поиск оптимального междисциплинарного подхода к переводческой деятельности. Заявленная цель обуславливает необходимость решить следующие **задачи**:

1. Сравнить возможности воссоздания классических произведений (на материале произведений В. Шекспира), учитывая наработанный опыт и нестандартную динамику сегодняшнего дня;
2. Исследовать восприятие классики с точки зрения идеологии прошлого и настоящего;
3. Актуализировать перспективу воссоздания литературного наследия.

Рассмотрение специфики переводческой деятельности с точки зрения ее идеализированного образа позволяет соотнести современную художественную интерпретацию с философскими практиками прошлого с ориентиром на Идею блага и любви древнегреческого мыслителя Платона. Идеализированный образ является своеобразной линией горизонта, обеспечивающей конкретику исследовательской практики, которая обусловлена гносеологией вчерашнего и сегодняшнего дня: от идеала в поисках общего – к единичному, чтобы извлечь неповторимое, особенное [3. С. 14–43]. Такой алгоритм может быть использован для нахождения ответов на извечный вопрос о

мере и критериях качества переводческой деятельности, меры ответственности переводчика за восприятие переводного текста и его обновление в массовой культуре.

Заявленные позиции представляют собой своеобразные реперные точки современного понимания классики как «ценностного основания литературной культуры, с одной стороны, и как нормативной совокупности образцовых достижений литературного прошлого – с другой» [2. С. 14]. Доминантной представляется позиция исследования восприятия классики с точки зрения Идеи, задающей вектор духовного развития общества.

Бытие общества имеет свои фазы становления, развития и результата, если его основу составляет Идея как смыслодержащая цель перспективы. В зависимости от исторических, политических и социальных факторов Идея является базовым основанием идеологии той общности людей, которая принимает на базе этой идеи систему координат общественного развития. Идея определяет механизм взаимодействия и взаимосвязи всех составляющих духовной жизни общества. Через проекцию духовной жизни общества можно выявить все дискурсы идеологии. Поэтому авторской целью является рассмотрение восприятия и влияния идеологии прошлого – настоящего в классической литературе на примере интерпретации творчества В. Шекспира, включая перевод и сценические версии.

Ныне существующее общество переходного периода заявляет о своей проблемности, которую можно решать, ориентируясь на опыт эпох Эллинизма и Ренессанса, являющихся обществами переходного периода и поэтому аналогами сегодняшнего дня. Возникновение Идеи «классики» началось в античные времена, как отмечает Б. Дубин, в условиях падения авторитетности трагедии, развитием риторики, философскими размышлениями над мифологической традицией. Классиками провозглашаются Софокл и Эврипид. Греческая словесность позже выступает образцом (идеалом, проектом) для римского общества. Во времена Ренессанса осуществляется «универсализация сакрального образа. Настоящее призвано открыть «христианский смысл» произведений «древних» и тем самым подготовить приход нового времени» [2. С. 16].

Становление идеи литературной классики в новоевропейской культуре связано с формированием универсалистских представлений о человеке и мире – понятий универсального

разума, всеобщей природы, всемирной истории. Отношения преемственности с идеальным прошлым устанавливаются для решения актуальных проблем современности через взаимодействие автора – произведения – переводчика – читателя.

Творчество В. Шекспира пережило границы своего времени и на многие столетия стало испытательным полигоном для апробации различных литературных методов и критических школ, каждые из которых руководствовались своей Идеей. Идея служила отправной точкой для создания критериев оценки творчества великого драматурга. Диапазон этих идей представлен британским исследователем Н. Парвини в книге «Шекспир и современная теория. Новый историзм и культурный материализм» (“Shakespeare and Contemporary Theory. New historicism and cultural materialism”). Так, основными точками отсчета в разное время были анализ персонажей, психоанализ на основе теории З. Фрейда, структурализм, формализм, исторический подход, заключающийся в том, что Шекспир поддерживал идеалы Елизаветинской Англии. Все они были отражали определенные результаты в развитии духовной жизни общества, продиктованные идеологией. Структуралистский метод, игнорировавший исторический контекст, был, например, удобен во времена Железного Занавеса, т.к. исключал риск того, что абстрактный московский критик нашел бы в «Макбете» сходство между шекспировским тираном и советским премьером. Начиная с 1985 г. появилась политическая подоплека в исследованиях творчества Шекспира. В контексте последних тенденций нового историзма и культурного материализма рассматривается, каким образом пьесы Шекспира могут успешно применяться для решения проблем современности [8. Р. 10–12]. Нерешенным остается вопрос: были ли пьесы Шекспира только продуктом своего времени и места, или они обладают трансцендентальными возможностями? Каждая эпоха знала своего Шекспира и оценивала его через призму собственных ценностей.

Литературное произведение может зажить своей жизнью только с помощью понимания как интерпретации. В интерпретации иноязычного произведения принимают участие переводчик и читатель. Проблема читателя как самостоятельная область изучения – сравнительная новая область современного литературоведения, прочно утвердившаяся в науке о литературе последних лет. За чтением призна-

ется конституирующая роль в формировании мира произведения, а перевод, как сказал Габриэль Гарсиа Маркес, самый глубокий способ чтения.

Эпоха Возрождения поставила акцент на учении о вдохновении, которое стало пониматься художником как воплощение своего внутреннего духовного мира. Природа воспринимается не как предмет для копирования, а как творческий стимул для созидания, под пером художника появляется новая реальность. Такой подход снимает проблему плагиата сюжетов, которым пользовались многие гениальные авторы. Художник сам создает мир, а не рассуждает о природе уже однажды созданного. Таким образом, закладывается природа многозначности творчества, дальнейшее прочтение и воспроизведение того, что получило впоследствии название классики. Возможно в этот же период закладывается и будущее явление интермедальности классических произведений, проявляющееся в толковании литературных произведений средствами других искусств.

Контекстом для понимания творчества В. Шекспира служит вторая половина XVI и начало XVII столетий в Англии – самая яркая и интересная эпоха в истории этой страны. Шекспир, будучи гениальной личностью, в исторических хрониках (Ричард II) во многом отражал озабоченность объективными проблемами правящей власти, основанными на: заявлении Елизаветы «Я Ричард II... разве вы не знаете этого?», дискуссиях о границах авторитета и полномочий королевской власти, факте восстания Эссекса в 1601 г., на срочной необходимости определения национального государства. Последующие за историческими хрониками, которые, вероятно, были заказными, комедии являются веселыми пьесами, в которых Шекспир, как бы устав от кровавых войн исторических хроник, наслаждается счастливой, беззаботной жизнью на лоне природы. К концу века оформляется трагическое мироощущение Шекспира. Если первые трагедии выражают трагедию индивидуальных судеб, то, начиная с «Гамлета», «прерывается связь времен». Ведущей идеей шекспировских трагедий является ход большого времени или даже разных времен, наслаивающихся и сталкивающихся между собой. Каждая из его трагедий – трагедия «своего времени», произошедшая из противоречий хода истории в эпоху Возрождения. На смену роковым трагедиям приходят сказки, и главный символический герой «Зимней сказ-

ки» Время, характеризует себя так: «Свидетель того, как наступали разные времена». Приходит время несколько скептического взгляда уже не в природу страстей и гениев, но в природу человеческую вообще и в частности в природу маленького человека.

С. Т. Колриджа восхищало «автобиографическое» отсутствие автора в произведениях, что не позволяло отождествлять героев с их создателем. Растворение шекспировского «я» в сонме характеров, порожденных его воображением, подтверждает органичность подлинно творческого акта: «... Шекспир спроецировал себя вовне своего собственного бытия и, пережив сам, заставил пережить других явления, никоим образом с ним самим не связанные, как только силой размышления той высокой способностью, властью которой великий ум становится предметом своего собственного созерцания» [7. Р. 59].

В. Шекспир как никто другой сумел проанализировать человека и общество во времени, причем во времени тяжелом, переломном, времени высочайшего напряжения личных и социальных сил. Понимание Шекспира как фигуры мирового масштаба складывалось из сочетания многих межнациональных усилий, предпринимаемых в разных странах. Магистральную линию в истолковании Шекспира определяли выдающиеся мыслители и писатели. Гете, Гегель, Стендаль, Пушкин, конечно, перетолковывали Шекспира по-своему, но именно через них осуществлялась глубинная, историческая и собственно творческая преемственность, идущая в литературе от Шекспира. Со временем в каждой стране, принявшей Шекспира на свою почву, складывается традиция национального шекспироведения.

Освоение русской классической литературой XVIII века художественных открытий Шекспира проявилось в двух основных тенденциях – «шекспиризации» и «культе Шекспира» [5. С. 132–141]. Для большинства русских писателей шекспиризация выразилась в подражании идеям гениального британца, прочно освоенных в русском литературном театре; для некоторых писателей увлечение Шекспиром («культ Шекспира») выразилось в переходе от шекспиризации к шекспиризму – развитию шекспировского мировидения. Восприятие и интерпретация творчества Шекспира в советский период во многом были подвержены влиянию марксистско-ленинской идеологии. К. Маркс и Ф. Энгельс были чрезвычайно высокого мнения о Шекспире как поэте

и драматурге и устанавливали прямую связь его творческого метода с методом нового революционного искусства. Это станет одним из главных принципов в оценке шекспировского наследия писателями и критиками, связавшими свое творчество с пролетарским освободительным движением [6].

Многие годы в советской литературе восприятие творчества В. Шекспира шло через переводы Т. Щепкиной-Куперник, М. Лозинского, Б. Пастернака, С. Маршака, ставшие своеобразными классическими образцами передачи авторской идеи, хотя и подчас весьма индивидуальными. Эти переводы становились основой для сценических версий, иногда, как в случае с переводом исторической хроники «Ричард III» М. Донского, переводчик работал вместе с театральной труппой, учитывая пожелания актеров. В. Левик подробно анализирует вклад М. Лозинского, Б. Пастернака и С. Маршака, творчество которых во многом определило современный уровень переводов.

М. Лозинский старался быть максимально точным, передать Шекспира слово в слово и даже графически воспроизвести положение слова в строке. Достигнуть этой пресловутой точности невозможно, поскольку английские слова вообще полисемичны, а поскольку Шекспир еще усугубляет это их свойство, то видимость (обманчивая) словесной точности перевода оборачивается «буквалистическими буераками» (определение В. Левика). Переводчик, поставивший целью абсолютный объективизм, решивший совершенно обезличиться и раствориться в Шекспире, тем самым обезличил его персонажей [4]. Опасна и противоположная тенденция, хотя она может привести к очень интересным достижениям, обретающим самостоятельную, уже независимую от оригинала жизнь. Речь идет о Б. Пастернаке, который пошел по совершенно иному пути. Здесь индивидуальность переводчика присутствует решительно всюду. Не только старый король Лир, не только юная Джульетта, но даже безграмотные могильщики из «Гамлета» заразились отдельными словечками и общим строем пастернаковской фразы. Несмотря на все достоинства переводов их нельзя считать последним словом. «Пастернак все сделал для того, чтобы снять у Шекспира эвфуизмы, условность, декламацию, чтобы приблизить бытовые характеристики персонажей к нашему пониманию и всемерно облегчить актерам задачу сценического воплощения образов Шекспира. Но ведь этим самым он изменил стиль Шекспира. Со-

всем иначе, но тоже по пути принципиального обеднения пошел и третий по-своему замечательный переводчик Шекспира – С. Маршак в переводах сонетов. Справедливо считая, что мысль – это едва ли не самое существенное, что есть в шекспировских сонетах, Маршак пошел по пути отвержения всего, что мешало ему в переводе выразить мысль. И поставленную задачу он разрешил с максимальным приближением к идеалу. Сентенции Шекспира предстают перед нами в облачении неукоснительной логики, ясности и простоты. Но, к сожалению, Шекспирова мысль утратила свой причудливый, иногда несообразный и дикий словесный наряд, она сбросила свою загадочную маску, и у нас не осталось места ни для каких предположений и догадок. Исчезла многоплановость и многослойность. Все вышло на поверхность, и тем самым изменился, местами почти до неузнаваемости, опять-таки самый стиль Шекспира» [4].

Несмотря на различие переводческих стратегий, их объединяет один принцип – передать предмет повествования, условно говоря, некое авторское ЧТО, не задумываясь над сохранением авторского КАК. Отчасти здесь наблюдается влияние на перевод как переводческой Идеи (установки), так и востребованной идеологии. Этот фактор имеет свои достоинства (приближает восприятие оригинала к задачам общества), так и свои недостатки (загоняет восприятие в определенные рамки). Каждая эпоха задаёт шекспировским текстам (как и любым другим произведениям классики) свои вопросы. От переводчика зависит, адаптирует ли он текст оригинала с учетом времени и своей меры освоения, чтобы переадресовать его читателям. Ответ на вопрос следует искать в рецептивной эстетике, получившей наибольшую разработку во французской и англо-американской критике второй половины 20 в. (Г. Р. Яусс, В. Изер и др.). Текст должен быть ориентирован на сходную реакцию читателей (рецепторов) оригинального и переводного текста, вызванной встречей с автором в пространстве художественного произведения. В переводческом плане наиболее этой задаче отвечает следованию принципу динамической эквивалентности, обеспечивающей выполнение на сегодняшний день главной функции перевода – полноценной коммуникативной замены текста оригинала. Универсальный читатель, коим является и переводчик, наполняет определенным значением поведение и поступки персонажей, исходя из психологических

теорий, которые он черпает из своего опыта, напрямую или через посредство своих представлений.

Специфика сегодняшнего восприятия и интерпретации творчества В. Шекспира подвержена влиянию современной идеологии, которая зачастую носит нигилистический характер. В эпоху разрушения и отрицания системы старых ценностей и отсутствия новой, действительность представляет синтез реального и виртуального, который пронизывает все сферы общества потребителей, живущему по принципу «здесь и сейчас», которое задает переводчику горизонт читательского/зрительского ожидания. В процессе формирования реальной взаимосвязи и взаимодействия ценностей и идеологии особая роль принадлежит переводческой деятельности как вида интерпретации, где интерпретация согласно разработанной О. Д. Агаповым социально-философской концепции есть личностная форма творения бытия в рамках становления человеческого рода [1]. Она обеспечивает трансляцию авторского художественного слова, выражающего авторскую идею с ее последующим переосмыслением в интерпретациях одного и того же художественного произведения через слово переводческое. Переводы, в свою очередь, становятся основой перевыражения художественных классических произведений средствами других искусств. Множественность смыслов взаимосвязана с идеологией. Так, в формате идеологии коммунистического вчера Шекспир прочитывался сквозь призму черно-белого, а сегодня, встречая 450-летний юбилей, больше внимания уделяется многоцветию с доминантой попытки раскрыть сюжеты через личностную психологию, в частности востребуя для современных сценических интерпретаций труды Ф. М. Достоевского и других представителей русской классики в поисках национальной Идеи. Таким образом, продлевается жизнь подлинника, и текст перевода как духовный продукт творчества обретает место в системе ключевых ценностей, не исключая, что следующее поколение будет «желать» своего Шекспира.

Проведенное исследование подтверждает актуальность заявленной темы. Переводческая деятельность должна рассматриваться в контексте влияния искусства слова на формирование интеллектуально-духовного потенциала общества, отталкиваясь от идеального авторского замысла и задавая ценностные ориентиры перевода как «высокого искусства слова»

и основы для последующих реинтерпретаций. Перспектива воссоздания классического литературного наследия представляется эффективной лишь с учетом междисциплинарного взаимодействия филологической, социально-философской, аксиологической и межсемиотической интерпретаций, где акцент ставится на адекватности восприятия.

Список литературы

1. Агапов О. Д. Интерпретация как личностная форма творения бытия: автореферат дис. ... докт. филос. наук / О. Д. Агапов. – Казань, 2011. – URL: <http://www.dissercat.com/content/interpretatsiya-kak-lichnostnaya-forma-tvorenitya-bytiya>.
2. Дубин Б. Классика после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре / Б. Дубин // М.: . Новое литературное обозрение, 2010. – 345 с.
3. Кальной И. И. Идеология Платона – горизонт исследовательской практики /

И.И.Кальной // Идеология: pro et contra. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 14–43.

4. Левик В. Нужны ли новые переводы Шекспира? / В. Левик. – URL: http://modernlib.ru/books/levik_v/nuzhni_li_novie_perevodi_shekspira/read_1.

5. Луков В., Захаров Н.В. Культ Шекспира / В. Луков, Н.В. Захаров // Знание. Понимание. Умение № 1, 2008. – С. 132–141.

6. Луначарский А. В. Шекспир: Социально-идеологическая характеристика/ А. В. Луначарский. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-6/sekspir-socialno-ideologiceskaa-harakteristika>.

7. Coleridge's Writings on Shakespeare \ Hawkes T. L., 1959. – P. 59.

8. Parvini Neema. Shakespeare and Contemporary Theory. New historicism and cultural materialism / N. Parvini. – Bloomsbury Academic, 2012. – 207 p.

И. Ю. Макурина

ВУНЦ ВВС «ВВА»

(Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ТЕКСТОВ ВОЕННОЙ (АВИАЦИОННОЙ) ТЕМАТИКИ

PECULIARITIES OF TEACHING TRANSLATION OF MILITARY TEXTS

Характерными чертами военных текстов являются высокая плотность материала, насыщенность специальной терминологией, наличие условных знаков и кодовых наименований. В данной статье анализируются особенности обучения переводу текстов по специальности курсантов военных учебных заведений.

Characteristic features of military materials are their high density, special terminology saturation, the presence of special symbols and code names. In given article the peculiarities of teaching translation of professionally oriented texts to the cadets of military institutes are analyzed.

Ключевые слова: военный термин, авиационный английский, обучение, перевод, контекстуальный анализ, трудности.

Keywords: military term, translation, teaching, Aviation English, contextual analysis, difficulties.

Совместные военные учения, международные научные конференции, участие в миротворческих операциях, партнёрство стран в подготовке военных кадров становятся неотъемлемыми явлениями в жизни офицера XXI

века. Современные специалисты Вооружённых сил должны обладать высоким уровнем сформированности умений профильного иноязычного чтения, оперативно ориентироваться в иностранных источниках информации, систе-

матизировать, интерпретировать информацию и использовать её для решения профессиональных проблем, в том числе и в нестандартных ситуациях.

Текст выступает источником профессионально значимой информации и основным средством организации образовательного процесса по иностранному языку в неязыковом вузе. Для того чтобы текст стал реальной и продуктивной основой обучения преподавателю необходимо ознакомить курсантов с особенностями построения военного текста и возможными трудностями при работе с ними. Вопросам исследования военных материалов посвящены работы В. В. Борисова, А. Б. Бушева, А. А. Васильченко, Л. Л. Нелюбина, Г. М. Стрелковского и др. учёных. Знания о военном деле, особенностях организации армий соответствующих иностранных государств, их стратегии, оперативном искусстве и тактике, вооружении и боевой технике требуют точности и ясности передачи, поэтому стиливыми чертами военно-информационных и военно-научных текстов являются информативность и сжатость, предметность и конкретность, точность и логичность изложения [5]. Военные материалы характеризуются использованием словесной и иллюстративной наглядности, условных знаков и кодовых наименований. Следовательно, точность перевода военных материалов зависит не только от корректной передачи его содержания, но и от сохранения структурной формы оригинала и последовательности изложения мысли, что имеет большую значимость для выполнения боевой задачи военным специалистом. Вслед за Л. Л. Нелюбиным считаем, что военный перевод представляет собой один из видов специального перевода с ярко выраженной военной коммуникативной функцией [4. С. 10].

Лингвистический анализ военных текстов, а также исследование особенностей иноязычного чтения, включённого в сферу военно-профессиональной деятельности, позволили определить, что особый интерес для военного специалиста представляют тексты информационного содержания, которые включают следующие жанры согласно классификации Г. М. Стрелковского: военно-научные, военно-технические, военно-информационные и военно-публицистические тексты. Их стиливые черты находят своё отражение в специфическом наборе лексических, грамматических и структурно-композиционных средств языка.

Характерной чертой военных (авиационных) материалов в плане лексики является

насыщенность специальной терминологией, представленной непосредственно военными терминами (*gunnery equipment* – пушечно-стрелковое вооружение; *warhead* – боеголовка; *operation center* – командный пункт); военнотехническими терминами (*elevator* – руль высоты; *carrying capacity* – грузоподъемность; *landing gear* – посадочное устройство); клише, относящимися к профессиональному сленгу (*top gun* – лётчик-ас; *Foxbat* – Летучая лисица (название самолета Миг-25); *free hunt* – «свободная охота» как вид воздушных боевых действий, *no joy* – цель не обнаружена). Корректный перевод военных терминов очень важен, т.к. именно они, в первую очередь, несут основную познавательную информацию.

Под терминами обычно понимается слово (или группа слов), имеющее в пределах данной отрасли конкретный и единственный смысл, исключающий всякую возможность иного, отличающегося от предусмотренного автором понимания или толкования [2]. Большое количество военных терминов известно не только военным специалистам, но и всякому носителю языка, так как область их применения выходит за рамки военного текста. Например, в русском языке: «управляемая ракета», «стратегический бомбардировщик», «боевая задача», «скорострельность», «лазерный прицел», «катапультное кресло», «лётчик-штурман» и др. Такая особенность характерна для современных сообществ, качество жизни которых во многом зависит от развития военно-промышленного комплекса, а лидирующее положение на политической арене защищено мощью военного комплекса государства.

Однако особую трудность для понимания вызывают термины, которые обозначают реалии иностранного военного дискурса. Согласно определению профессора Л. Л. Нелюбина, к реалиям относятся:

1) слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке;

2) разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие, как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке [3. С. 179]. Эти лексические единицы не имеют общепринятых русских эквивалентов и для правильного понимания требуют тщательного анализа всех компонентов, а также владения

информацией о тенденциях и особенностях развития военной промышленности и армий за рубежом. Например: *air-transported field artillery battalion* – дивизион полевой артиллерии, перебрасываемый по воздуху. Таким образом, пополнение терминологического военного словаря происходит за счет создания новых лексических единиц самим специалистом-переводчиком, т.к. именно военно-техническая область деятельности человека является самой быстроразвивающейся. Кроме того, в текстах военной (авиационной) тематики многие термины не являются краткими и однозначными. Ученые объясняют эту особенность тем, что в пределах военной науки находят свое развитие такие сферы знаний и деятельности как политология, производство, управление персоналом, социология, профессиональная культура и др. Перевод таких терминов зависит от глубокого изучения контекста, словообразовательного анализа терминологических единиц, применения специальных источников информации и, при необходимости, чтения литературы по специальности. Например: *unit* – единица; *tail unit* – хвостовое оперение самолета; *air cooling unit* – установка охлаждения воздуха; *brake unit* – тормоз; *unit thrust* – удельная тяга; *heating unit* – электропечь; *active unit* – регулярная войсковая часть; *aero-medical units* – санитарная авиация и т.д.

Говоря об авиационном английском, можно отметить и большое количество заимствований из латинского и французского языков, произношение и написание которых также вызывает трудность у обучающихся в неязыковых вузах. Например: *maneuverability* – маневренность; *aerial artillery observer* – воздушный артиллерийский корректировщик; *liaison* – льезон, соединение между двумя узлами сети передачи данных; *fuselage* – фюзеляж; *reconnaissance* – разведка, рекогносцировка; *aileron* – элерон, руль крена; *vulnerability* – уязвимость. Как видно из приведенных примеров, у некоторых заимствованных слов в русском языке параллельно существуют два варианта, образованных при помощи транскрипции, транслитерации и подбора соответствующего термина в русском языке.

С другой стороны, процесс перевода на родной язык облегчается присутствием в рассматриваемых нами текстах большого количества интернациональных слов. Данный пласт лексики представляет собой лексические единицы общего происхождения, существующие во многих языках с одним и тем же значением, но

оформленные в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами данного языка. Основную часть интернациональной лексики составляют термины из области науки и техники (geography, aviation, microphone, aerodrome, modification, apparatus, etc.); общественно-политической жизни (constitution, republic, social, leader, etc.); литературы и искусства (theatre, theater of operations, style, comedy, drama, etc.). К интернациональным словам относятся также слова, которые обычно в неизменном виде заимствуются многими языками из языка народа, создавшего их вместе с соответствующими предметами или явлениями. Например: *англ.* – sport – спорт; *forward* – нападающий, форвард; *русс.* – спутник – *sputnik*; *франц.* – *force majeure* – форс-мажор, непреодолимая сила (воен. – превосходящие силы).

Однако нужно помнить, что значения некоторых интернациональных слов разошлись в английском и русском языках. Слова, одинаковые по форме, но разные по смыслу называют псевдо интернациональными. Формальное сходство таких слов обманчиво и ведет к серьезным переводческим ошибкам. Поэтому их часто называют «ложными друзьями переводчика». Обучающиеся должны иметь представление и об этой возможной лексической трудности и сформировать умение различать две группы данной лексики.

1. Слова, сходные по форме, но абсолютно разные по значению.

Например. *Where is the service list?* (В английском языке – опись, список, ведомость, учёт, перечень и др.)

Где находится *паспорт* изделия?

2. Слова, имеющие общие элементы значения. В этом случае однозначная смысловая связь с аналогами другого языка образуется только в определенном контексте. В остальных ситуациях может возникнуть явление так называемой «ложной аналогии», которое ведет к нарушению речевых норм.

Например, *control*:

- 1) руководство;
- 2) управление;
- 3) регулирование;
- 4) контроль, проверка;
- 5) служба контроля.

The division headquarters provides command, control, and supervision of the tactical operations of the division.

Штаб дивизии обеспечивает командование и оперативное *управление* всеми боевыми операциями.

В современной научно-технической и военной литературе наблюдается тенденция роста количества сокращений, образованных от существующих сложных многокомпонентных лексических единиц, что является следствием информационной оптимизации. Из практики военных переводчиков известно, что сокращения являются одним из наиболее трудных для понимания и перевода элементов иностранных специальных текстов, полное понимание которых возможно лишь при отличном знании предмета, которому посвящен конкретный текст. По сфере применения сокращения, которые можно встретить в военных (авиационных) текстах, делятся на 4 группы: общеупотребительные, технические, военные и (профессиональные) авиационные сокращения. У большинства общеупотребительных и технических сокращений имеются русские эквиваленты, которые используются при переводе (*kmpH* – kilometers per hour – километров в час, *laser* – *light amplification by stimulated emission of radiation* – оптический квантовый генератор, лазер; *NATO* – НАТО, Североатлантический союз). Большая часть военных и авиационных сокращений зафиксирована в специальных словарях, но использование словарей сокращений и других справочных материалов не всегда помогают в работе переводчику. В новейшей литературе можно встретить немало сокращений, не нашедших еще отражения в существующих словарях, т.к. они относятся к самому подвижному пласту языка. В этом случае, необходимо прибегнуть к описательному переводу, объяснению и тщательному словообразовательному и контекстуальному анализу. Авторские сокращения, как правило, переводятся при сохранении авторского принципа их создания.

Для военного дискурса характерно использование кодовых наименований. Это система условных индексных обозначений, которая утверждается для всех видов вооруженных сил какой-либо страны. Данная система используется для маркировки управляемых, неуправляемых и исследовательских ракет, летательных

аппаратов тяжелее и легче воздуха, радиоэлектронного оборудования и различных видов боеприпасов, вооружения и боевой техники. Условные индексные обозначения и условные знаки могут быть как буквенными, так и цифровыми. Например, американское индексное обозначение *CH-47A* расшифровывается следующим образом: *C* – грузовой (*cargo*), *H* – вертолет (*helicopter*), *47* – номер конструкции, *A* – первая модификация (соответствует первой букве английского алфавита) [4. С. 20].

Таким образом, специалист, имеющий дело с иностранной военной литературой, должен иметь высокий уровень профессиональной компетентности в военных, военно-технических науках, владеть современными знаниями об особенностях организации армий иностранных государств, военном искусстве и видах боевой техники и вооружения. Качественный перевод иностранной литературы зависит от умения грамотно излагать свои мысли не только на иностранном, но и на родном языке, от знания особенностей построения военного текста и владения стратегиями перевода профессионально-ориентированных текстов по специальности.

Список литературы

1. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия / В. В. Борисов. – М. : Воениздат, 2004. – С. 132–135.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
3. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
4. Нелюбин, Л. Л. Учебник военного перевода / Л. Л. Нелюбин. – М. : Воениздат, 1981. – 379 с.
5. Ульянова, Н. В. Обучение профессионально-ориентированному иноязычному чтению специальных текстов при подготовке военных специалистов: дис. ... канд. пед. наук / Н. В. Ульянова. – Тула, 2010. – С. 61–83.

Е. Ю. Мамонова*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
(Пермь, Россия)***КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТИВНОГО В ПЕРЕВОДЕ: РОССИЙСКИЕ
И ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНЦЕПЦИИ****THE CATEGORY OF SUBJECTIVITY IN THE TRANSLATION:
RUSSIAN AND INTERNATIONAL CONCEPTS**

В статье проводится анализ категории субъективности в российской и зарубежной теории перевода. Рассматриваются лингвоцентрические и антропоцентрические концепции, исследующие дихотомию субъективности и объективности. Автор выявляет три возможных уровня анализа реализации категории субъективности в переводе: субъективность переводчика как любого говорящего человека, переводческие ошибки, связанные как с чрезмерной вольностью, так и с «механическим» переводом и переводческое творчество, являющееся выражением подлинной субъективности.

The article analyses the category of subjectivity in Russian and international translation theory. It considers the lingvocentric and anthropocentric concepts investigating the dichotomy of subjectivity and objectivity. The author ascertains three potential levels of the translation subjectivity analysis: translator's subjectivity as subjectivity of every speaker, translation errors related to the excessive liberty or to the "mechanic translation" and the translator's creativity which is the expression of the true subjectivity.

Ключевые слова: субъективность, объективность, дихотомия, переводческие ошибки, творчество переводчика.

Keywords: subjectivity, objectivity, dichotomy, translation errors, translator's creativity.

Профессор Женевского университета Л. Хьюсон в своей статье «Хвала субъективности» (*Éloge de la Subjectivité*, 2013 г.), называя субъективность «сердцем перевода» [9. С. 13], в то же время отмечает, что «традиционные определения перевода этого не отражают» [Там же]. В данной статье предпринимается попытка сопоставления существующих в российской и зарубежной теории подходов к субъективности перевода с целью установление тех уровней, на которых данный феномен может и должен быть исследован.

В самом деле, большинство классических концепций переводоведения середины XX века, в фокус рассмотрения которых попадает отношение объективного и субъективного, склоняются к «объективизации» процесса перевода, а любое проявление субъективности оценивают как фактор ухудшения качества при передаче оригинального текста средствами переводящего языка.

Так, например, А. В. Фёдоров (1953 г.) считает, что «практическая важность теории перевода определяется необходимостью в таких

объективных научно обоснованных принципах, которые исключали бы или сводили бы до минимума субъективный произвол переводчика и субъективность суждений критика и ссылки на "интуицию" как на оправдание этого произвола» [7. С. 20]. Субъективность в данном случае понимается как неоправданная вольность, в качестве примера которой приводятся переводы романов Ч. Диккенса и У. М. Теккерея, выполненные в середине XIX в. Иринархом Введенским: «По своему принципиальному стремлению передавать не букву, а «дух» подлинника он мог бы быть сопоставлен с некоторыми переводчиками-поэтами того же периода, если бы это стремление не переходило у него постоянно в субъективный произвол, даже в насилие над оригиналом. Он чрезвычайно свободно обращался с его текстом, переиначивая его на свой лад вплоть до прибавления целых фраз и абзацев от себя, но вместе с тем он понимал своеобразие Диккенса и Теккерея и по-своему передавал его, умея дать почувствовать читателю и эмоциональную окраску оригинала, и его ритм. Его переводы, сделан-

ные живым, свободным от всякой дословности языком, тем не менее часто грешат небрежностью оборотов, а иногда и простой безграмотностью отдельных словосочетаний (вроде: «облокотился головою» или «жестокосердные сердца») [Там же. С. 61].

Позднее эти же позиции будет отстаивать А. Д. Швейцер (1970 г.): «Для успешного применения метода сопоставительного анализа переводов необходимо поставить вопрос о соотношении субъективного и объективного в переводе. Существует мнение, что в отдельном переводе нет, или почти нет, ничего обязательного и объективного <...> Конечно, каждый перевод субъективен в том смысле, в каком субъективно любое речевое произведение, являющееся результатом акта речи отдельного лица. Правда и то, что степень инвариантности оригинала и перевода зависит от квалификации и индивидуальных способностей переводчика. Однако эта субъективность перевода весьма ограничена и не может служить препятствием для научного анализа, подобно тому, как субъективность речевых произведений не делает невозможным извлечение из них объективных фактов о системе того или иного языка» [8].

Немецкий лингвист О. Каде, диссертация которого носит «Субъективные и объективные факторы в процессе перевода» (1964 г.) О. Каде указывая, что «в двуязычной коммуникации и в переводе как ее составной части существуют три параметра, из которых могут быть выведены различные факторы, влияющие на процесс перевода: (1) языковые системы, (2) объективная действительность и ее отражение, (3) участники коммуникации, использующие знаки», делает вывод, что «объективные процессы перевода в первую очередь определяются факторами, вытекающими из особенностей языков, а остальные факторы носят более или менее случайный характер» [Цит. по: 3. С. 66]. Он признает правомерным «широкое варьирование переводчиком языковыми средствами для решения конкретных прагматических задач при условии, однако, что адаптация текста перевода вызывается объективными факторами коммуникативной ситуации» [Там же. С. 67].

В. Н. Комиссаров (1999), признавая субъективно-объективный, далёкий от механического характер перевода, в то же время также склоняется к тому, что «субъективность перевода ограничена необходимостью воспроизвести как можно полнее содержание текста оригинала, а возможность такого воспроизведения зависит от объективно существующих и не за-

висящих от переводчика отношений между системами и особенностями функционирования двух языков» [4. С. 38]. Исследователь говорит не о необходимости изучения субъективности перевода, а о том, что она «не является препятствием для объективного научного анализа, подобно тому как субъективность отрезков речи не препятствует извлечению из них объективных фактов о системе того или иного языка» [Там же]. При этом в качестве наиболее яркого примера субъективности приводятся переводческие ошибки: «В отдельных переводах могут встречаться ошибки, искажающие действительный характер переводческих отношений между соответствующими единицами оригинала и перевода, но при достаточном объеме исследуемого материала такие ошибки легко обнаруживаются и устраняются [Там же].

Можно заметить, что во всех концепциях, ориентированных на объективность перевода, наличие субъективного аспекта, так или иначе, признаётся. Учёные говорят о нём или как о рамочном условии, обусловленным субъективностью любого говорящего, в том числе и переводчика, т.е. общей субъективностью речи, или как о том, что связано с излишней «вольностью» или ошибочностью». При таком подходе в качестве объективных факторов, влияющих на перевод, выдвигаются языковая система и отражаемая в языке ситуация, вследствие чего данный подход можно назвать лингвоцентрическим.

И в российских, и в зарубежных исследованиях понятие субъективности перевода изучается, прежде всего, там, где на первый план выдвигается проблема личности переводчика. В зарубежной науке одним из самых первых на субъективный аспект перевода обращает внимание израильский учёный Г. Тури (1980), противопоставляя субъективный выбор переводчика объективной «норме перевода». По мнению Г. Тури «решения переводчика в процессе перевода могут обуславливаться тремя факторами: обязательными правилами, навязываемыми языковыми нормами, переводческими нормами — основными решениями переводчика, определяющими его стратегию и поведение; и субъективным выбором (идиосинкразиями)» [Цит. по: 3. С. 128].

В российской теории перевода принципиальный вопрос о субъективном факторе ставит Н. К. Гарбовский (2004 г.): «Не только объективные факторы влияют на переводческий выбор. В не меньшей степени этот выбор предопределен субъективными факторами, а именно

способностью конкретного индивида – переводчика расшифровать то, что зашифровано автором в тексте оригинала, т.е. расшифровать выбор автора; этот выбор простирается в трех сферах: реального (описываемые в тексте оригинала предметы реальной действительности в их взаимосвязях и с социально закрепленными прямыми и метафорическими значениями), идеального (представления автора текста о значениях этих предметов и их взаимосвязях, его впечатления о них, эмоции, связанные с ними; эти представления, впечатления и эмоции могут не иметь постоянного характера, они могут возникнуть лишь в какой-то момент [вдохновение?]) и не выводиться закономерно из всего творчества и мировоззрения автора) и знакового (речевые формы, избранные для отображения, но не реального, а идеального, т.е. формы текста, избранные автором исходя из индивидуального представления об их семиотической и эстетической значимости)» [2. С. 283–284].

Н. К. Гарбовский подчёркивает, что сфера реального, объективного, хорошо изучена, тогда как сфера идеального, в которой в большей степени и реализуется субъективное начало, остаётся мало исследованной: «Взгляд на перевод как на отражение идеального позволяет иначе взглянуть на многие извечные проблемы теории перевода, а именно на проблемы переводимости и адекватности, вольного и буквального в переводе, проблему реалий и многое другое. Но уяснение идеальной сущности, заключенной в тексте оригинала, представляется весьма затруднительным. Современная теория перевода не располагает сколько-нибудь эффективными методами для решения этой задачи» [Там же. С. 285].

В. Вилсс, один из ведущих теоретиков перевода Западной Германии, автор работы «Познание и перевод. К теории и практике человеческого и машинного перевода» (1988 г.) рассматривает переводческую проблематику с позиций когнитивной психологии, ориентируясь на личность переводчика. С его точки зрения «исследование перевода должно выявить, как внешний стимул, в качестве которого здесь выступает текст оригинала, активизирует структурированное знание в памяти переводчика и как это знание, наряду с другими психологическими факторами, позволяет решать проблемы и выполнять необходимые операции в процессе перевода» [Цит. по: 3. С. 86]. В. Вилсс считает, что теория перевода должна описывать процесс перевода в таких операционных

терминах, как «действие, поведение, решение проблемы, выбор, творчество, интуиция, стратегия перевода, метод перевода, техника перевода, стереотип перевода» [Там же].

Поскольку знания могут приобретаться человеком, как аналитическим, так и герменевтическим путём, т.е. субъективно-интуитивно, «при описании процесса перевода нельзя ограничиваться сознательным, объективным и закономерным, а надо уделять должное внимание и интуитивному, субъективному и единичному» [Там же]. Согласно логике весь процесс перевода – это «обдуманное действие, в ходе которых переводчик постоянно делает выбор, строит гипотезы о последствии того или иного выбора и принимает решения для достижения цели: вопрос должен идти, не почему принято это решение, а зачем оно было принято» [Там же. С. 87].

В. Вилсс интересуется творческий аспект перевода: «В области перевода особый характер творчества определяется тем, что оно представляет собой соединение понимания и изобретательности и в нем участвуют разум, понимание, интуиция и фантазия переводчика. Здесь необходимо также различать собственно творчество и творческое воспроизведение уже существующего» [Там же. С. 88]. Учёный допускает возможность переводческого творчества как в художественных, так и в технических типах текстов: «В художественных текстах нет предсказуемости отношения автор-переводчик, и творчество переводчика более субъективно и индивидуально. Я технических текстах многие свойства существуют независимо от автора и получателя, поэтому на первый план выступает аналитическое творчество переводчика, обнаруживающее эти свойства» [Там же].

В российском переводоведении проблема языковой личности переводчика раскрывается, в частности, в работах А. Б. Бушева (2010 г.), Л. В. Кушниковой и М. С. Силантьевой (2012 г.). А. Б. Бушев ставит в своей монографии вопросы о том, «как происходит взаимодействие языков и культур в языковом сознании переводчика, каковы его индивидуальные знания каковы его вербализованные и невербализованные личностные знания, преодолевающие дисъюнкцию между субъективным и объективным, каков индивидуальный лексикон – достояние языковой личности переводчика» [1. С. 4]. Учёный подчёркивает значимость субъективного аспекта при анализе языковой личности: «Многое в оценке языковой личности заклю-

чается в субъективном факторе – оценке уровня развития языковой способности, мышления. Так, например, для создания творческого жанра требуется понять и интерпретировать смысл, привлечь концептосистему или ее значительную часть: именно так с когнитивной точки зрения выглядит процесс понимания и интерпретации» [Там же. С. 68].

Л. В. Кушнина и М. С. Силантьева утверждают, что в «рамках синергетики перевода нельзя не признавать идею приращения смысла, что имеет место в любом качественном переводе» [5. С. 74]. С точки зрения исследователей «именно в этом заключается синергетический эффект процесса перевода, т.к. в переводческом пространстве в каждом из полей формируется и осознается свой смысл, а интегральный смысл не есть сумма всех смыслов, но их синергия, их новое качество» [Там же]. Доминантную роль здесь учёные отводят полю переводчика, «где формируется индивидуально-образный смысл на основе понимания переводчиком глубинного смысла текста, т.е. его подтекста» [Там же]. Л. В. Кушнина и М. С. Силантьева признают, что «каждый качественный перевод уникален и неповторим. Он не менее уникален, чем текст оригинала, а при переводе одного и того же текста на разные языки в каждом случае будут получены своеобразные тексты» [Там же]. Соответственно, «интерперсональная, интертекстуальная, интердискурсивная коммуникация в условиях перевода характеризуется активной позицией переводчика, влияющего на изменение текста, дискурса, личности» [Там же].

Ланс Хьюсон начинает свою статью «Хвала субъективности» также с рассуждений о личности переводчика, при этом отмечая значимость как субъективного, так и объективного начала: «Важно понимать, кем является переводчик, и что есть «мир перевода» [9. С. 13]. Отвергая современные формы перевода, в которых переводчик отсутствует как субъект (краудсорсинг), и подчёркивая такие связанные с субъективностью опасности, как «выдвижение субъективности переводчика на первый план в ущерб творческому началу оригинального текста» и «механическая субъективность», предполагающая небрежность переводчика [Там же. С. 23], Хьюсон говорит, что его «хвала субъективности относится исключительно к профессиональным работам, выполняемым в хороших условиях [Там же. С. 16]. Учёный отталкивается в своих рассуждениях от объективных ограничений субъективности переводческого действия – окружающих переводчика

«актантов», текста оригинала, его интерпретаций, исходного и переводящего языка. При этом он замечает, что данные «ограничения не являются уздой для творчества, а, напротив, становятся источником вдохновения, из которого переводчик черпает собственную субъективность» [Там же. С. 19]. Исходя из данной мысли, учёный так определяет богатства субъективности: «Творчество перевода, по-видимому, не соответствует глобальному состоянию: оно проявляет себя в точности выбора на уровне микротекстов. Таким образом, становится понятным, что критики, ожидающие от переводчика постоянных находок, ошибаются: богатство субъективности – это сфера деталей» [Там же. С. 23].

Данные, ориентированные на субъективные факторы концепциях перевода, всё же в значительной степени отстраиваются от категории объективности, будь то языковые нормы, аналитические знания, законы жанров, переводческое пространство, актанты, окружающие переводчика, текст оригинала или системы языков. Однако в центре внимания представителей перечисленных концепций находится личность переводчика, соответственно, мы можем определить подход указанных авторов как антропоцентрический. Особое место здесь занимает такое проявление субъективности как переводческое творчество, столкновения в сознании переводчика непереводаемого и переводаемого, которые Ю. М. Лотман сравнивал с «моментами взрыва»: «Соотношения переводаемого и непереводаемого настолько сложны, что создаются возможности прорыва в запретное пространство. Эту функцию также выполняют моменты взрыва, которые могут создавать как бы окна в семиотическом пласте» [6. С. 42].

Подводя итоги, нужно подчеркнуть, что категория субъективности перевода как при лингвоцентрическом, так и при антропоцентрическом подходах, как правило, исследуется в соотношении с категорией субъективности, вследствие чего можно говорить о дихотомии категорий субъективности и объективности перевода. Исходя из проведенного анализа, можно назвать три возможных уровня анализа реализации категории субъективности в переводе: субъективность переводчика как любого говорящего человека, переводческие ошибки, связанные как с чрезмерной вольностью, так и с «механическим» переводом и переводческое творчество, являющееся выражением подлинной субъективности.

Список литературы

1. Бушев, А. Б. Языковая личность профессионального переводчика: научное издание. Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. 265 с.
2. Гарбовский, Н. К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
3. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода. Учебное пособие. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
5. Кушникова, Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л. В. Кушникова, М. С. Силантьева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12), Изд-во Перм. гос. ун-та: Пермь, 2010. С. 71–75
6. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
7. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
8. Швейцер, А. Д. Возможна ли общая теория перевода? // Тетради переводчика. Вып. 7. М: Международные отношения, 1970. С. 40–41. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/translation66.shtml (Дата обращения: 24.02.2016)
9. Hewson L. Éloge de la subjectivité // Atelier de traduction numéro hors-série, Traduire la subjectivité : style et identité dans la traduction de la littérature française en roumain. Suceava, Editura Universităţii Suceava, 2013. P. 13–29.

Е. М. Масленникова

Тверской государственный университет
(Тверь, Россия)ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД
И ЯЗЫК ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ¹ETHNICALLY ORIENTED TRANSLATION
AND TARGET AUDIENCE

Понимание текста, Мира текста и Мира автора осуществляется через осознание тех представлений, стереотипов, ценностей, ролевых позиций, образов-эталонов, характерных для обыденного житейского сознания носителя другой культуры, кем переводчик собственно и является. Перевод как двуязычная специализированная текстовая коммуникация должен обеспечить «выход» на национально-культурные и национально-специфические признаки и параметры другого социума. Тип аудитории становится одним из типифицирующих переводческих факторов. В статье рассматривается «лингвоэтнический перевод» как особый вид перевода, ориентированный на языковую спецификацию целевой принимающей аудитории.

To understand the text and its textual worlds and the author's poetical world the reader should be aware of representations, stereotypes, values and role positions, images, standards what are specific to a common person from a different culture. The translator is regarded as a primary reader who then performs the function of the quasi co-writer. Translation as a bilingual specialized text communication should provide "exit" in the nationally and culturally specific characteristics and parameters of a particular society. The type of the audience becomes one of factors influencing the act and the final result of translating and interpreting. The article discusses ethnically oriented translations as focused on language specification of the target audience.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00554 («Русская литература в современном мире: перевод как восприятие и восприятие перевода»).

Ключевые слова: перевод, интерпретация, лингвоэтнический перевод, фактор адресата, целевая аудитория.

Keywords: translation, interpretation, ethnically-oriented translation, target audience.

Коммуникативная ситуация восприятия текста напрямую коррелирует с текстовыми средствами и приводит к их максимальной контекстуализации. Если «удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важнейших условий его эффективности» [1. С. 358], то для сохранения коммуникативного эффекта как коммуникативной функции оригинала переводчик должен с той или иной степенью точности «попадания» заранее предвидеть или предугадать установки, которые изначально имеет вторичный читатель из системы переводящего языка. Например, в главе 17 «Беспокойный день» из романа М.А. Булгакова (1891–1940) «Мастер и Маргарита» (1929–1940) служащие канцелярии Зрелищной комиссии, попав под воздействие нечистой силы, хором исполняют песню «Славное море – священный Байкал». В одной из строк песни упоминается *омулёвая бочка* (*Славен корабль, омулёвая бочка!*): *омуль* – это ‘морская рыба семейства лососёвых (водится также в озере Байкал), которая заходит в реки для метания икры’, но в переводах присутствуют названия разных пород рыб, начиная от *herring* ‘сельдь, селёдка’ и *salmon* ‘лосось европейский, сёмга’ до собственно *omul* ‘омуль’: *a herring barrel* (M. Ginsburg, 1967), *the barrel of salmon* (D. Burgin and K. Tiernan O’Connor, 1995), *an old salmon barrel* (M. Karpelson, 2011), *the omul barrel* (H. Aplin, 2008). Выбор варианта *herring* ‘сельдь, селёдка’ объясняется существованием в английском языке устойчивого выражения *packed as close as herrings in a barrel* ‘как сельди в бочке, битком набитый’. Появление рыбы *cisco* ‘сиг’ обусловлено ориентацией на принимающую американскую аудиторию: *a barrel of cisco* (R. Peaver and L. Volokhonsky, 1997). Таким образом, имеет место элиминирование переводчиком потенциально возможных текстовых лакун, поскольку «его» читатель может не справиться с выявлением видовых отличий в родовидовых отношениях.

Одним из первых переводчиков, кто ознакомил Англию с русской поэзией, стал сэр Дж. Бауринг (1792–1872), крупный чиновник, предприниматель и экономист, член палаты общин парламента Великобритании (1835), четвёртый губернатор Гонконга (1854), кавалер «Ордена Бани» 2-й степени (1854), опубли-

ковавший на собственные средства первый том антологии собственных переводов «Российская антология. Specimens of Russian poets, with preliminary remarks and biographical notices» (1821) после возвращения из путешествия по странам Европы, во время которого он посетил Испанию, Францию, Бельгию, Голландию, Россию и Швецию (1819–1820). Первой изданной в США антологией произведений русских авторов стала книга У. Льюиса (1792–1881) «The Bakchesarian Fountain, and Other Poems» (1849). Банкир У. Льюис выучил русский язык во время десятилетнего пребывания в России (1814–1824), где с 1810 года фирма его старшего брата «Lewis & Willing» имела торговое представительство в Санкт-Петербурге (URL: <https://journals.psu.edu/pmhb/article/view/42891/42612>). Внимание английского и американского переводчика привлекла «Песнь донскому воинству» (1812) Н.М. Шатрова (1765–1841), ставшая позднее известной как «Марш Донских казаков (Грянул внезапно гром над Москвой...)».

Передавая *аркан* ‘длинная верёвка с подвижной петлёй на конце для ловли лошадей и других животных’ [5] как *arkan*, американец У. Льюис объясняет реалию в сноске как ковбойское лассо (Lasso), т.е. через «свою» реалию.

Страшен аркан, сабля *Th’arkan is dreadful,*
ужасна... *the sword unsparing...*

Н.Н. Шатров. Песнь донскому воинству N. Shatrov. Ode to the Warriors of the Don. Written in 1812 (Translated by W.D. Lewis, 1849)

Lo! at thy slings and thy
sabres they tremble...

N. Shatrov. To the Army of the Don (Translated by J. Bowring, 1823)

Конечно, события наполеоновских войн были более актуальными для британской аудитории, где Наполеона I (1769–1821) долгое время называли презрительными прозвищами *Boney, the Corsican Orge, the Violet Corporal*, а его именем пугали маленьких детей. Преподобный Чарльз Томас Уилсон (ум. 1917) переводит для своей антологии русских поэтов

«Russian Lyrics in English Verse» (1887) басню «Лестница» А.Е. Измайлова (1779–1831), где на примере Наполеона показана судьба, уготовленная гордецам. Второй раз Наполеон отрёкся от престола 22 июня 1815 года, а басня «Лестница» датирована 19 июля 1815 года. Имена собственные обладают свойством единичной референции, но переводчики XIX века стараются по возможности не упоминать имени Наполеона, заменяя его на *enemy* ‘враг’, или указывая на индивидуальные признаки носителя имя как, например, *the French despot*.

Тщетны все козни На- *Yes! let thy enemy rage*
полеона, *– let him hector–*
He устрашит нас *Strong though he be, he*
множеством сил... *shall fly from the field...*

Грянули чада тихого *See! for our legions are*
Дона – *wildly advancing,*
Мир изумился, враг за- *Bonaparte flies from the*
дрожал; *Sons of the Don;*
Рушилась слава Напо- *Dull is the fame that so*
леона – *brightly was glancing –*
И побежал! *France is overthrown.*

Н.Н. Шатров. Песнь N. Shatrov. To the
донскому воинству Army of the Don
(Translated by J. Bowring, 1823)

Возьмём в пример На- *‘Tis thus with many,*
полеона: *who, on eminence high*
Как сатана с небес, *Upreared, feel proud;*
так он слетел со тро- *when, sudden, on their*
на. *face*

А.Е. Измайлова. Лест- *They fall, like the*
ница *French despot’s tyr-*
anny.

A. Izmailof. The Lad-
der
(Translated by Ch. Wil-
son, 1887)

Для американской аудитории XIX века негативные исторические реминисценции с образом Наполеона не являлись актуальными.

Vain are Napoleons skill, strength, and cunning,
Nor do his hosts fill us with despair...

Don, broad and mighty, poured forth her children,
The world was amazed, pale with affright,
Napoleon abandoned his fame, and sought
Safety in flight.

N. Shatrov. Ode to the Warriors of the Don.
Written in 1812 (Translated by W.D. Lewis,
1849)

В связи с всеобщей стандартизацией, глобализацией и тенденциями к культурной идентичности возникает понятие «культурный перевод» как культурной трансформации [6], предназначенного для понимания «otherness». Когда переводчик ориентируется на языковую спецификацию целевой аудитории, то возникает новый тип перевода – «лингвоэтнический перевод» [3]. Русскому слову квартира в британском английском соответствуют слова flat ‘

Benevolio Беневолио
See, where he comes: *А вот и он.*
so please you, step *Ступайте-ка домой,*
aside; *Быть может,*
I’ll know his *побазарит он со*
grievance, or be much *мною.*

denied. Монтекки
Montague *С меня простава,*
I would thou wert so *если всё пучком.*
happy by thy stay, *Поедем, мать,*
To hear true shrift. *проведаем наш дом.*
Come, madam, let’s Монтекки и
away. гражданка Монтекки

Exeunt Montague and уходят.
Lady Montague Входит Ромео.
Benevolio Беневолио
Good-morrow, cousin. *Братан, не спится*
Romeo *юному ковбою?*

Is the day so young? *На утреник*
W. Shakespeare. *собрался?*
Romeo and Juliet В. Шекспир. Ромео
и Джульетта:
Воронежские
страдания (Перевод
С. Жатина)

Цель переводчика – достичь формальную или динамическую эквивалентность [4]: перевод, построенный по принципу динамической эквивалентности, ориентирован на принимающую культуру, сложившиеся в сфере переводящего языка нормы, аудиторию перевода, а также на сохранение эмоциональной и стилистической окрашенности оригинала.

Книги писателя М. Бонда / M. Bond (p. 1926) предназначены детям, поэтому в переводе легкоузнаваемая рифмовка *жадина-говядина*, в основе которой экспрессивное словообразование по принципу «фокус-покус приёма» или «эхо-конструкции».

“Ten pence!” exclaimed Jonathan disgustedly.
“One measly ten-penny piece.” M. Bond. Trouble
at Number Thirty-Two ↔ – Пенни! – фыркнул

ему в спину Джонатан. – Жадина-говядина! М. Бонд. Белый медведь (Перевод А. Глебовской)

Переводчик в своей деятельности ориентируется на конкретного потребителя текста перевода – современного ему читателя, в том числе на социальный и языковой статус «своей» читательской аудитории, а также на имеющиеся у аудитории интересы, мотивы и потребности.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
2. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Дмитриева. – Волгоград, 2007. – 40 с.

3. Масленникова, Е. М. Ассимиляция как тенденция современного художественного перевода / Е. М. Масленникова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2014. – № 6 (335). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 88. – С. 22–25.

4. Найда, Ю. К науке переводить / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 114–137.

5. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984.

6. Morley D., Robins K. Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries / D. Morley, K. Robins. – London; New York : Routledge, 1996. – 257 p.

Д. А. Миронова, Е. О. Кульпина
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕДАЧИ ПРАВОСЛАВНЫХ ТЕРМИНОВ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК) ¹

VARIABILITY IN THE TRANSLATION OF RELIGIOUS VOCABULARY (STUDY OF ORTHODOX TERMS TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO ENGLISH)

В статье на примере передачи православных терминов с русского на английский язык рассматривается вариативность как одна из основных трудностей перевода религиозной лексики. В некоторых случаях вариативность может стать причиной ошибок в переводном тексте, одна из которых – использование католических аналогов в качестве эквивалентов для лексики Русской Православной Церкви.

The paper is devoted to one of the major difficulties of translating religious vocabulary, namely – terminological variability, as exemplified by the study of Orthodox terms translation from Russian into English. In some cases this phenomenon can cause mistakes in a target text, such as the usage of Catholic analogues as equivalents for the vocabulary of the Russian Orthodox Church.

Ключевые слова: религиозный дискурс, православный термин, терминологическая вариативность, католические аналоги.

Keywords: religious discourse, Orthodox term, terminological variability, Catholic analogues.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности», №15-04-00455.

В настоящее время наблюдается возрастание интереса англоязычного общества к православной культуре и традициям. Исторически этому способствовали такие причины, как отказ от марксистско-ленинской идеологии, падение железного занавеса. На фоне быстро текущих процессов глобализации более интенсивными становятся международные контакты Русской Православной Церкви [9. С. 3]. Всё более усиливается роль английского языка как языка-посредника в религиозной сфере, при этом отмечается недостаточная разработанность проблем, связанных с эффективностью межконфессиональной коммуникации [Там же. С. 4]. Отсюда возникает все большая потребность в более глубоком исследовании вопросов адекватного перевода православной лексики с русского на английский язык.

Кроме того, расширяется присутствие религиозного дискурса в медиапространстве. Стремительное развитие информационных технологий способствует активному пополнению кластера религиозных текстов православной тематики (в который входят, прежде всего, тексты Священного Писания и святоотеческие книги, составляющие основу вероучения) религиозными медиатекстами, христианскими проповедями и лекциями богословов, ученых-теологов и священников. По наблюдению В.А. Митягиной, религиозная литература в целом стала разнообразной, и роль публицистических и информационных текстов в религиозном дискурсе существенно выросла [10. С. 150]. Отсюда важность активного изучения религиозного дискурса не только в контексте перевода канонических текстов.

Проблемы взаимодействия языка и религии находились в центре внимания многих исследователей, что дало толчок к формированию такого раздела современного языкознания, как теолингвистика. В её развитие внесли вклад работы А.К. Гадомского, Е. Кухарской-Дрейсс и других известных ученых. Семантические, лексические, стилистические, синтаксические признаки и особенности религиозных текстов изучались С.В. Булавиной, А.Л. Голованевским, Р.И. Горюшиной, Л.М. Грановской, Т.Ф. Сапроновой, Н.М. Шанским и т.д.

Непосредственно религиозным дискурсом занимались такие ученые, как И.В. Бугаева, В. В. Иванов, А.А. Камчатнов, В.В. Колесов, Н.Г. Николаева, В.И. Постовалова, Ю.С. Степанов, С.М. Толстая, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Е.Б. Яковенко. Сформулировано определение религиозного дискурса как особого вида институ-

ционального общения, «целью которого является приобщение к вере или укрепление веры в Бога, и характеризуется следующими конститутивными признаками: 1) его содержанием являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы, 2) его участники – священнослужители и прихожане, 3) его типичный хронотоп – храмовое богослужение» [6. С. 4].

Что касается отдельных единиц религиозной лексики, то и они в многочисленных научных трудах именуется по-разному. Например, *макро- и микроконцепт* религиозного дискурса [5], *термин конфессионального характера* [7], *религионим* [11], *православный религионим* [12] и др. Как отмечает Алексеева М.О. «... церковно-религиозную специальную лексику можно, <...>, определить как отраслевую терминологию, представляющую собой единый корпус терминов конфессионального характера (религионимов), обслуживающих важную сферу общественной жизни и человеческой деятельности, так как ее языковые единицы функционируют в узкоспециальной сфере – церковном обиходе и религиозной практике» [3. С. 198]. Выделены такие специфические признаки религиозного языка, как архаичность, сакральность, моносемичность/узуальность, символичность, экспрессивность, эзотеричность [13. С. 130-133].

Учет особенностей религиозной лексики крайне важен в ходе перевода. Необходимо понимать, что религиозные тексты несут в себе миссионерскую и просветительскую функцию, определенную идею и прагматическую направленность, которые следует сохранить при переводе. В этой связи перевод религиозных текстов требует от переводчика особенной ответственности и понимания церковной традиции во избежание разночтений и какого-либо смыслового искажения.

Попытаемся кратко обозначить лишь некоторые вопросы при передаче православной лексики на английский язык.

Одна из проблем, с которой сталкивается переводчик при работе в лексикографических источниках – терминологическая вариативность. Во многих случаях это вполне обоснованно, поскольку православный термин может передаваться одновременно с помощью транслитерации и описательного оборота. Последний необходим в случае лакунарного характера переводимого понятия, вследствие чего возникает необходимость его толкования в определенной коммуникативной ситуации,

когда реципиент не располагает соответствующими фоновыми знаниями. К примеру, эквивалентами для *кануна* (панихидного столика) выступают как транслитерационные варианты *kanun*, *panikhidnik*, так и описательные варианты: *funeral (memorial) table*, *requiem stand*, *a small table for requiem services* [2]. В таком случае в описательный оборот интерполируется в текст путем так называемого «параллельного подключения» к транскрипционному соответствию [4. С. 53]. Другой пример – одно из важнейших православных богословских понятий *прелесть* (в аскетике: подмена духовного душевным, уход от святости к др. ценностям, означающий извращение духовной жизни и отказ человека идти по путям Божиим [2]), термин имеет варианты передачи как транслитерацией *prelest* [www.orthodoxwiki.org/Prelest], так и аналогом – *spiritual deception* [2].

Однако в некоторых случаях вариативность может стать причиной допущения ошибок в переводном тексте, одна из которых – использование католических аналогов при переводе лексики Русской Православной Церкви (РПЦ) на английский язык. Е.В. Белоглазова и В.В. Кабакчи отмечают: «Ввиду принципиального теологического противостояния РПЦ и Римской католической церкви (РКЦ) желательно избегать англоязычных терминов, которые преимущественно используются в приложении к РКЦ» [8. С. 218]. Антонова А.М. также указывает на необходимость четкого разграничения лексики западного и восточного христианства, поскольку она отражает догматический характер противоречий между церквями. «Использование католических аналогов ... крайне нежелательно. Это вызывает резкую критику со стороны духовных лиц и специалистов, для которых за каждым религиозным понятием стоит однозначный религиозный термин. Употребление католического аналога вызывает сдвиг в религиозном содержании, относит получателя религиозной информации в область спорных вопросов католической и православной церквей» [4. С. 73-74]. Отмечается, что в случае с аналогами можно говорить лишь о частичном совпадении значения. «Аналогия – это удобное средство пояснения значения ксенонима, но только в тексте, не требующем повышенной точности. Религия – это область повышенного внимания к слову, где за каждый оттенок значения теологии на родном языке боролись на протяжении столетий. В этих условиях ... подмена православной лексики католическими аналогами ... это изменение религиозного

содержания» [Там же. С. 152]. Действительно, использование католического именованья *The Assumption of the Birth-Giver of God* вместо *The Dormition of the Theotokos* в качестве эквивалента для православного праздника *Успения Пресвятой Богородицы*, было бы недопустимым. Также некорректным будет выбор в качестве переводного соответствия для православного праздника *Богоявление (Крещение)* термина *Three Kings Day* вместо принятого *Theophany*. По аналогичному принципу неприемлемым является термин *Extreme Unction* для перевода название *Таинства Елеосвящения* (иначе: Елеопомазание, или Соборование) вместо (*The Mystery / Sacrament of*) *Holy Unction*.

Ориентиром в дифференциации таких терминов, имеющих ярко выраженную конфессиональную маркировку, призваны быть лексикографические источники, однако они не всегда успешно справляются с данной ролью. Примером может служить анализ представленных в двуязычных словарях вариантов перевода православного термина «просфора» на английский язык.

Просфора (от греч. «приношение») – богослужебный литургический хлеб, употребляемый для Таинства Евхаристии в православной церкви. Просфора представляет собой круглый пшеничный белый хлеб, который состоит из двух круглых частей (верхней и нижней) в ознаменование двойного естества Христа. В Русской православной церкви на проскомидии используется пять служебных просфор. Из первой вынимается Агнец, Который потом перелagается в Тело Христово. Из остальных четырех просфор священник изымает частицы в память Пресвятой Богородицы, святых, в числе которых и составители Литургии, а также в память живых и умерших членов Церкви [www.pravoslavie.ru/1827.html].

Эквивалент для просфоры (просвиры), указанный в Русско-английском словаре под общим руководством проф. А.И. Смирницкого – это *communion bread* с пометой *in the Orthodox Church* [www.classes.ru/dictionary-russian-english-Smirnitsky-term-36723.htm]. Данное словосочетание по своей сути означает «евхаристический хлеб», или «богослужебный литургический хлеб» и не имеет исключительной связи ни с православной, ни с католической богослужебной практикой. Однако термин «просфора», действительно, имеет тесную ассоциативную связь именно с православной литургической традицией, поэтому в зависимости от коммуникативной ситуации перевода, общего

термина *communion bread* в качестве эквивалента может быть недостаточно для отражения специфики православного богослужения.

Русско-английский словарь общей лексики от компании АБВУ предлагает единственное соответствие: *Host* (с пометой *церк.*) [www.lingvo-online.ru]. Однако в Православном христианском русско-английском словаре переводчика М. Макарова, М. Воловича, К. Зоркого обнаруживается следующая словарная статья: *Host* [houst] n кат. (от лат. *hostia* – «жертва») – хлеб <святого> причастия; кат. гостия; облатка. Тело Христово, Жертва [www.azbyka.ru]. Действительно, *host* есть нечто иное, как евхаристический хлеб в католицизме латинского обряда и англиканстве. Гостия бывает освящённой и неосвящённой, существует большая гостия (которую священник возносит над алтарем при освящении и которой причащается сам) и малые гостии (которыми он причащает мирян) [www.catholic.ru].

В Multitran находим следующую словарную статью с рядом других вариантов передачи термина: *общ. Host, unleavened bread, altar bread, wafer; рел. altar-bread, prosphora (the communion bread); христ. communion bread, prosphoro, церк. prosphora, holy bread* [www.multitran.ru]. Обратим внимание на предлагаемое соответствие *unleavened bread*, досл. *пресный хлеб / опреснок*. Важно отметить, что пресный хлеб используется для приготовления гостии (хостии) в западной католической традиции в отличие от восточной традиции, где для таинства Евхаристии используется квасной (дрожжевой) хлеб (*leavened bread*). Таким образом, использование данного словосочетания в качестве эквивалента для просфоры будет ошибочным. Знаменитый Спор об опресноках (полемика о хлебе для Евхаристии) сыграл важную роль в истории взаимоотношений между западным и восточным христианством, став одной из формальных причин Великой схизмы 1054 г.

Если обозначенные в словарной статье *altar-bread*, наряду с вышеупомянутым *communion bread*, а также *holy bread* не имеет тесной связи ни с западной, ни с восточной традицией и в этом смысле «нейтральны», то в случае с *wafer* мы вновь сталкиваемся с явлением католической традиции. На это указывает тот факт, что в Большом англо-русском словаре религиозной лексики А.А. Азарова понятие *the (Eucharistic) wafer* имеет помету *катол.* [1]. На самом деле, *wafer* используется для обозначения малой гостии в виде круглой хлебной пластины, ко-

торой причащаются миряне в храме во время католической мессы.

Какое же соответствие является наиболее точным? В Русско-английском словаре религиозной лексики А.А. Азарова находим следующие варианты: *prosphora, prosfora* [2]. *Prosphora* встречается как единственное предлагаемое соответствие в энциклопедическом онлайн-ресурсе о православии на английском языке OrthodoxWiki [www.orthodoxwiki.org], а также в Merriam Webster Dictionary. Словарь даёт следующее толкование: *one of several loaves of bread each with special seals on the upper side used in the Eastern Church in the preparation of the Eucharistic elements* (подчёркивание наше – Д.М.) [www.merriam-webster.com]. Ключевым здесь является указание на связь термина с практикой восточно-христианской церкви.

На первый взгляд, кажется очевидным, что отраслевой словарь призван давать более детальную и достоверную информацию, однако *host* наряду с (*communion*) *bread* предлагаются в качестве эквивалентов для просфоры, в Русско-английском словаре Нового Завета С.А. Лукина [www.azbyka.ru]. Таким образом, в ряду предлагаемых соответствий предлагается католический аналог, не сопровождающийся указаниями на этот факт.

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать следующие выводы. Ряд терминов восточной и западной христианских традиций при кажущейся аналогичности кроют в себе расхождения, в том числе богословского характера, что является трудностью для переводчика, перед которым стоит задача адекватного и эквивалентного перевода. В исследованных двуязычных лексикографических ресурсах выявлены случаи использования в качестве соответствия понятия, принадлежащие как западной католической традиции, так и православной без соответствующих помет. При этом католические аналоги могут быть представлены либо как единственное соответствие, либо в составе ряда предлагаемых вариантов в словарной статье. Причем такая тенденция наблюдается не только в общих, но и отраслевых словарях. Терминологическая вариативность при недостатке фоновых знаний переводчика, ограниченности во времени и невозможности проводить тщательный анализ каждого из предлагаемых соответствий для осуществления осознанного выбора в процессе перевода может стать причиной потенциальной ошибки при передаче терминов Русской Православной

Церкви на английский язык. Видится важным при создании новых лексикографических ресурсов в помощь переводчику при работе с православной терминологией учитывать необходимость в минимизации неоправданной вариативности и в использовании конфессиональной маркировки при наличии католических аналогов в словарной статье.

Список литературы

1. Азаров, А. А. Большой англо-русский словарь религиозной лексики. Comprehensive English-Russian Dictionary of Religious Terminology / А. А. Азаров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 808 с.
2. Азаров, А. А. Русско-английский словарь религиозной лексики (с толкованиями) / А. А. Азаров. – М. : РУССО, 2002. – 768 с.
3. Алексеева, М. О. Когнитивные аспекты изучения терминологии русского православия / М. О. Алексеева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 119. – С. 197–202.
4. Антонова, А. М. Лексика русского православия в англоязычном тексте и словаре : дисс. ... канд. филол. наук / А. М. Антонова. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 212 с.
5. Баймуратова, У. С. Элементы религиозного дискурса в художественной картине мира: лексический аспект (на материале произведений И. Шмелёва и В. Бахревского): автореф. дисс. ...канд. филол. наук / У. С. Баймуратова. – Самара, 2009. – 20 с.
6. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография / Е. В. Бобырева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 465 с.
7. Горюшина, Р. И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых

конфессиональных и производных светских значений слов): автореф. дис... канд. филол. наук / Р. И. Горюшина. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2002. – 20 с.

8. Кабакчи, В. В. Введение в интерлингво-культурологию : учеб. пособие / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 252 с.

9. Колотовкин, Н. И. Презентация православной лексики в общих и специальных словарях: на материале английского и русского языков: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Колотовкин // – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова». – 2013. – 27 с.

10. Митягина, В. А. Тексты религиозного интернет-дискурса: проблемы перевода / В. А. Митягина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 9 (695). – С. 148–155.

11. Михайлова, Ю. Н. Религиозная православная лексика и её судьба (по данным толковых словарей русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Михайлова. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2004. – 20 с.

12. Четырина, А. М. Лексикографическое представление фрагмента языковой картины мира: православная лексика в «Словаре церковно-славянского и русского языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Четырина. – СПб, 2008. – 229 с.

13. Шамарова, С. И. К вопросу о природе религиозного и благочестивого языка / С. И. Шамарова // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. – № 33 (248). – С. 130–133.

Д. А. Миронова, Т. А. Мурзина
Челябинский государственный университет
г. Челябинск (Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА-РЕДАКТИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ¹

SOME ASPECTS OF TRANSEDITING IN THE MODERN MEDIASPACE

В статье рассматривается перевод-редактирование (transediting) как скопос-ориентированный перевод медиатекстов, распространение которого обусловлено глокализацией современного медианпространства.

The paper studies the notion of transediting as a skopos-driven translation of media texts, the emergence of which is explained by the glocalization of the modern mediaspace.

Ключевые слова: новостной перевод, медиатекст, перевод-редактирование, рерайтинг, глобализация, локализация, глокализация, скопос.

Keywords: news translation, media text, transediting, rewriting, globalization, localization, glocalization, scopos.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности», проект №15-04-00455.

На фоне усиления информационных потоков и всевозрастающей глобализации информационных технологий, когда ведущая роль в социуме переходит к средствам коммуникативно-компьютерного воздействия, медианпространство претерпевает значительные изменения. В этой связи обостряется необходимость изучения новых тенденций в переводе журналистских материалов как с иностранного на русский, так и с русского на иностранный.

Специфика интернет-СМИ в настоящее время бросает вызов традиционному пониманию публицистического перевода, заставляя расширить традиционный подход к пониманию сущности перевода *per se* (см. наблюдения L. Davier [18. Р. 537–548]). Отмечается, что вслед за сменой целевой аудитории происходит смена и социокультурного контекста, требующего реконтекстуализации (*recontextualization*) [19. Р. 219] или переосмысления (*reframing*) [17. Р. xii] информации в процессе перевода вплоть до значительного изменения смыслового наполнения исходного материала. Наблюдается расширение границ переводческой деятельности и формирование более гибкой позиции субъекта перевода к оригиналу.

Перевод публицистических материалов был предметом внимания исследователей-переводоведов с момента становления теории перевода в качестве самостоятельной дисциплины. Однако XXI в. поставил новые задачи в меж-

дународном информационном пространстве, обозначилась новая парадигма в изучении языка СМИ, вместе с этим обновилась и терминологическая база.

Начиная с 2005 г. благодаря работам Т. Г. Добросклонской [1], Я. Н. Засурского [2], Г. Я. Солганика [11] ключевым стало понятие медиалингвистики. Объект исследования медиалингвистики – медиатекст, коммуникационный продукт, ставший результатом конвергенции СМИ, а также особый текст массовой информации, обладающий свойством поликодовости. При этом, в духе знаменитого постулата Г. Н. Маклюэна *The medium is the message* («Средство коммуникации является сообщением»), новая коммуникационная среда Интернета придает уникальные функциональные свойства тексту СМИ (более подробно об интерактивности, мультимедийности, гипертекстuality и других сущностных свойствах медиатекстов см. [9. С. 17–21]). Новые особенности публицистического материала в онлайне обуславливают специфику его перевода, требующую всестороннего изучения.

В зарубежном переводоведении данный вопрос изучается более активно в рамках исследования «новостного перевода» (*news translation*), а также «журналистского перевода» (*journalistic translation*), интерес к которому возник в 2004–2006 гг. и не ослабевает по сей день, свидетельством чему являются рабо-

ты K. Conway [16], S. Bassnett [14], E. Bielsa & S. Bassnett [15], L. Davier [18], A. Orenge [22], R. A. Valdeón [26].

Отмечается, что в новостном дискурсе переводческая деятельность имеет тенденцию вступать в тесную взаимосвязь с журналистскими приёмами, что особенно ярко находит своё отражение в **переводе-редактировании**¹ (*transediting*). Он характеризуется как комбинация редактирования и перевода, с ориентацией в первую очередь на реципиентов. Приёмы перевода-редактирования влекут за собой преобразование содержания и структуры исходного текста, допуская устранение, добавление, изменение структуры и замещение фрагментов оригинала.

Термин *transediting* был впервые введён в 1989 г. K. Stetting, вызвав значительный интерес среди зарубежных исследователей (O. Aktan & A.-M. Nohl [13], S. Bassnett [14], [15], E. Bielsa [15], G.-h. Lu & Y.-m. Chen [20], I. Schrijver, L. Van Vaerenbergh & L. Van Waes [24]). Однако данный феномен практически не получил освещения в русскоязычном переводоведении (перевод термина был предложен в работе Мироновой Д. А. [10. Р. 10]).

Одна из знаковых черт перевода-редактирования – это тяготение к доместикации («одомашниванию» / аккультурации) исходных текстов для реципиента текста перевода с учетом их информационных ожиданий. Переводческая доместикация, описанная у L. Venuti, противопоставляет «форенизации» и коррелирует с понятиями «видимости» / «невидимости» переводчика (*translator's visibility / invisibility*) [27. Р. 1-43]. Доместикация, согласно подходу L. Venuti, делает переводчика «невидимым», обеспечивая легкость восприятия текста перевода. С помощью форенизации фигура переводчика становится «прозрачной»; культурные коды, существующие в языке перевода, подрываются, сохраняя «чуждость» оригинала [Ibid.]. Если для L. Venuti более предпочтительна стратегия форенизации как инструмент борьбы с этноцентричностью, то для S. Bassnett в новостном переводе аккультурация (*acculturation*) – безусловно основополагающая норма [14. Р. 123] (ср. с понятием «культурный перевод» (*cultural translation*) применительно к новостному дискурсу у K. Conway [16. Р. 188]).

¹ Данное явление исследуется зарубежными учёными на материале исключительно информационно-новостных текстов. Вопрос использования перевода-редактирования применительно к медиатекстам других жанров требует дальнейшего изучения.

При этом сам процесс перевода зачастую осуществляется журналистом (*translator / journalist*, по R. A. Valdeón [26. Р. 640], *transeditor*, по K. Stetting [цит. по: 15. Р. 64], или *journalator*, по L. van Doorlaer [цит. по: 26. Р. 642]). Профессиональным переводчиком нередко пренебрегают в пользу специалиста, обладающего знанием норм формирования журналистского материала, а также навыками адаптации иноязычного материала с учетом принятых традиций подачи новостных сообщений для целевой аудитории [14. Р. 124].

Следует отличать явление перевода-редактирования от так называемого рерайтинга² (от англ. *rewriting*, досл. «переписывание»), получившего особое распространение в онлайн-медиапространстве. Рерайтинг предполагает «уникализацию», или «разуподобление» текста на основе информации, заимствованной целиком или частично из одного или нескольких источников (в том числе иноязычных) часто для сокрытия факта вторичной переработки текстового материала (см. работы С. В. Ионовой [3], Е. В. Костенко [5], О. Р. Лашук [7]). «В отличие от авторских вторичных речевых произведений рерайт не несет в себе никакой новизны, не является чем-то концептуально новым, создаваемая уникальная форма содержит уже существующие мысли, идеи и знания автора перерабатываемого оригинала» [3. С. 30]. В зарубежной научной сфере *rewriting* понимается более широко как «металингвистический процесс, предполагающий реинтерпретацию текстов и манипуляцию ими по различным идейным мотивам»³ [25]. В такой трактовке новостной перевод – частный случай данного явления.

Изучение перевода-редактирования было бы ограниченным без обзора глобализационных процессов в современном онлайн-медиапространстве. Их отличительные черты – общедоступность и свободная циркуляция медиаконтента, пространственно-временная компрессия, интенсификация информационных

² В нашем исследовании особенностей перевода трансформированных прецедентных высказываний в заголовках онлайн-медиатекстов [10. С. 17] термин «рерайтинг» был использован для обозначения переводческой тактики, в рамках которой переводчик применяет вольный подход к исходной языковой игре. Он опускает её в переводе, свободно перефразирует, заменяет формально-содержательную основу оригинала, что может значительно модифицировать текст оригинала.

³ Здесь и по всему тексту перевод наш – Д.М., Т.М.

потоков и рост числа их транснациональных участников.

Другой ключевой тенденцией, обуславливающей современное развитие перевода медиатекстов, является локализация. Чаще всего авторы изучают локализацию в контексте перевода программного обеспечения, веб-сайтов, рекламных текстов. Однако в широком смысле это «процесс адаптации продукта в соответствии с социокультурными особенностями конкретной страны» [12. С. 167].

Говоря о соотношении явлений глобализации и локализации, А. Otengo отмечает, что эти противоположные на первый взгляд силы обнаруживают тесную взаимосвязь в новостном переводе [22. С. 169]. Данное взаимодействие находит отражение в таком понятии, как **глокализация** [4. С. 111], или глокальность [8. С. 66] (от англ. *global* – глобальный и *local* – локальный), суть которого заключена в следующем: «глобализация» аудитории сопряжена со стремлением удовлетворить информационные интересы отдельных «аудиторных ниш», сегментированных исходя из интересов, национальной принадлежности, социально-демографического портрета пользователя и т.д. [Ibid. С. 55-66]. Аналогичное наблюдение находим у А. Otengo: «Новостные тексты – это глобальный продукт, распространяемый через процесс локализации, который предполагает не только получение текста целевой аудиторией, но и одновременное создание различных версий одного новостного сообщения, а также создание нового целевого текста, при этом перевод является лишь частью процесса, а не конечной целью журналиста-переводчика» [22. Р. 168] (ср. с понятием *translation-mediated news reporting* у А. Darwish [17. Р. 91]).

В этой связи встаёт вопрос, насколько основательно относить такой вид языкового посредничества к переводу. Ответ кроется в подходе к определению перевода как такового. Согласно скопос-теории (Ch. Nord [21], K. Reiss [23]), главным мерилом адекватности перевода является его цель (*Der Primat des Zwecks*) [23. Р. 95]. Отношение переводного текста с оригинальным является второстепенным, на первый план выходит не исходный текст, а коммуникативная интенция перевода. При этом скопос-теория отводит субъекту перевода роль не посредника или промежуточного звена в межкультурной коммуникации, а его центральной фигуры. Предполагаем, что есть основания характеризовать перевод-редактирование как скопос-ориентированный перевод

медиатекстов, распространение которого обусловлено глокализацией современного медиaprостранства.

Несмотря на то, что в условиях глобализации медиaprостранства роль перевода становится особенно значимой, этот вопрос исследован чрезвычайно мало как в журналистике, так и теории перевода (на этот факт указывают Е. Bielsa [15. Р. 18], А. Darwish [17. Р. 176]). Представленный обзор, безусловно, не претендует на полноту и направлен скорее на привлечение внимания к явлению перевода-редактирования, комплексное изучение которого видится крайне необходимым и актуальным в современных информационных условиях.

Список литературы

1. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская // Монография. – М. : УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.
2. Засурский, Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции / Я. Н. Засурский // Язык современной публицистики : сб. ст. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – С. 7–12.
3. Ионова, С. В. Традиционные и новые формы лингвистической вторичности / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. – Волгоград, 2013. – Вып. № 3 (19). – С. 27–33.
4. Кожевников, Н. Н. Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты / Н. Н. Кожевников, Н. Л. Пашкевич // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2005. – Вып. 3, т. 2. – С. 111–115. – URL: <http://bit.ly/1NMePey>
5. Костенко, Е. В. Копирайтинг и рерайтинг в сетевых СМИ – новые виды журналистики? / Е. В. Костенко // Изв. Саратовского университета. – Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14, вып. 1. – С. 110–113. – URL: <http://bit.ly/1K1OhJ>
6. Лазарева, О. О. Проблема локализации кинофильмов / О. О. Лазарева // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики : сб. науч. трудов студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. доцента Е. П. Сосниной. – Ульяновск : УлГТУ, 2012. – С. 32–36.
7. Лащук, О. Р. Рерайтинг новостных интернет-сообщений в России : дис. ... доктора

филол. наук : 10.01.10 – журналистика / О. Р. Лашук. – Москва, 2014. – 307 с. – URL: <http://bit.ly/1SeKjjY>

8. Лукина М. М. СМИ в пространстве Интернета : Учебное пособие / М. М. Лукина, И. Д. Фомичева // М. : Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2005. – 87 с.

9. Миронова Д. А. Газетный медиатекст онлайн-формата как особый коммуникационный феномен / Д. А. Миронова // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Серия «Филологические науки». – Нижневартовск : Изд-во НГТУ, 2011. – №4. – С. 13–22.

10. Миронова, Д. А. Трансформация прецедентных высказываний в переводах заголовков медиатекстов онлайн-формата : автореф. дис. ... кандидата филол. наук / Д. А. Миронова. – Челябинск, 2013. – 24 с.

11. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г. Я. Солганик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.

12. Сухарева, Е. Е. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации / Е. Е. Сухарева, О. В. Шурлина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Вып. 1. – С. 166–169. – URL: <http://bit.ly/20oQtAR>

13. Aktan, O. International Trans-Editing : Typical Intercultural Communication Strategies at the BBC World Service Turkish Radio / O. Aktan, A.-M. Nohl // Journal of Intercultural Communication. – October 2010. – Is. 24. – URL: <http://www.immi.se/intercultural/nr24/nohl.htm>

14. Bassnett, S. Bringing the News Back Home : Strategies of Acculturation and Foreignisation / S. Bassnett // Language and Intercultural Communication. – 2005. – Vol. 5, is. 2. – P. 120–130.

15. Bielsa, E. Translation in Global News / E. Bielsa, S. Bassnett. – Routledge: London, New York, 2009. – 162 p.

16. Conway, K. News Translation and Cultural Resistance / K. Conway // Journal of International and Intercultural Communication. – 2010. – Vol. 3, is. 3. – P. 187–205.

17. Darwish, A. Translation and News Making : A Study of Contemporary Arabic Television : Aljazeera Case Study / A. Darwish // A Thesis Submitted in the Fulfilment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. – URL: http://eprints.qut.edu.au/30402/1/Ali_Darwish_Thesis.pdf

18. Davier, L. ‘Cultural translation’ in news agencies? A plea to broaden the definition of translation / L. Davier // Perspectives : Studies in Translatology. – 2015. – Vol. 23, is. 4. – P. 536–551.

19. Kang, J.-H. Recontextualization of News Discourse / J.-H. Kang // The Translator. – 2007. – Vol. 13, is. 2. – P. 219–242.

20. Lu, G.-h. The Mediation of Reader Involvement in Soft News Transediting / G.-h. Lu, Y.-m. Chen // Translation and Interpreting. – 2011. – Vol. 3, no. 2. – P. 48–66. – URL: <http://www.trans-int.org/index.php/transint/article/view/148>

21. Nord, Ch. Translation as a Purposeful Activity / Ch. Nord. – Manchester : St. Jerome, 1997. – 160 p.

22. Orenge, A. Localising News: Translation and the “Global-National” Dichotomy / A. Orenge // Language and Intercultural Communication. – 2005. – Vol. 5, is. 2. – P. 168–187.

23. Reiss, K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / K. Reiss, H. J. Vermeer. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1984. – 245 p.

24. Schrijver, I. Transediting in students’ translational processes / I. Schrijver, L. Van Vaerenbergh, L. Van Waes // Artesis VT working papers in translation studies. – 2011. – Is. 1. – P. 1–31. – URL: https://www.academia.edu/2883988/artesis_VT_working_papers

25. Ulrych, M. Traces of Mediation in Rewriting and Translation / M. Ulrych. – EDUCatt : Ente per il diritto allo studio universitario dell’Università Cattolica, 2014. – URL: <http://bit.ly/1NOAbYR>

26. Valdeón, R. A. Fifteen years of journalistic translation research and more / R. A. Valdeón // Perspectives : Studies in Translatology. – 2015. – Vol. 23, is. 4. – P. 634–662.

27. Venuti, L. The Translator’s Invisibility : a History of Translation / L. Venuti. – 2nd ed. – London ; New York : Routledge, 2008. – 366 p.

Е. М. Образцова*Южноукраинский национальный педагогический
университет имени К. Д. Ушинского
(Одесса, Украина)***СИНТАКСИС РЕЧИ ПЕРСОНАЖА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ:
АДЕКВАТНОСТЬ ВОССОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА****SYNTACTIC PECULIARITIES OF A FICTION TEXT CHARACTER
SPEECH BEHAVIOUR: ADEQUATELY RECREATING
AN ORIGINAL CHARACTER IMAGE IN TRANSLATION**

Статья, на примере анализа синтаксических особенностей реплик Холли Голайтли (Т. Капоте. «Завтрак у Тиффани») в оригинале и переводе, исследует степень адекватности воссоздания специфики речевой характеристики персонажа при переводе художественного произведения. Большинство выявленных расхождений в синтаксисе реплик обусловлены системными различиями английского и русского языков. Некоторые же несоответствия в воссоздании синтаксиса речи Холли несколько меняют образ героини в восприятии читателем перевода по сравнению с соответствующей интерпретацией образа читателем оригинала произведения.

The article analyzes “Breakfast at Tiffany’s” by T. Capote and its translation to reveal whether the syntactic peculiarities of Holly Golightly’s remarks in the translation are true to the original. Lack of respective correspondence in the heroine’s speech behaviour is found to be mostly caused by the difference in the English and Russian language systems. However, some divergence in the mode of recreating speech peculiarities do alter the character in a certain way, thus affecting the perception and interpretation of the respective character and the text at large by the target text reader as compared to the source text reader.

Ключевые слова: *речевая характеристика, синтаксические особенности речи, адекватность перевода.*

Keywords: *fiction text, character’s speech behavior, syntactic peculiarities of speech behavior, adequacy of translation.*

Сравнительный анализ оригинала и перевода текстов является незаменимой частью построения общей теории перевода и выработки принципов переводческих стратегий и тактик для успешной подготовки молодых специалистов-практиков. Тексты художественных произведений в этом плане оказываются наиболее продуктивными объектами исследования. Следует отметить, что в исследовательских и теоретических работах достаточно широко освещены общие вопросы адекватности перевода, проблематика воссоздания стилистических приемов, отдельных явлений грамматики, лексики и фразеологии. Исследование же речевых характеристик персонажей пока, насколько это известно автору, проводилось, главным образом, в литературоведческом (а не лингвистическом) ключе и на материале оригиналов произведений. Работ по сопоставительному анализу именно лингвистических особенностей речевых характеристик персо-

нажей в оригинале и переводе художественных произведений, несмотря на безусловную теоретическую и практическую значимость возможных результатов, явно недостаточно. Поэтому предпринимаемое исследование является актуальным.

Объектом исследования избрана речевая характеристика главной героини романа Т. Капоте «Завтрак у Тиффани» Холли Голайтли. Предметом – синтаксические особенности речи персонажа в оригинале произведения и адекватность их воссоздания в тексте перевода. Целью статьи является определение адекватности и причин и следствий возможных расхождений воссоздания специфики речевой характеристики персонажа при переводе художественного произведения. Для достижения заявленной цели необходимо решить ряд задач, в частности: – определить значимость речевой характеристики для создания художественного образа; обнаружить и систематизировать

ровать синтаксические параметры языковых средств создания такой характеристики героини произведения в оригинале, сопоставив их с соответствующими фрагментами перевода; выявить корреляцию или расхождение синтаксических параметров речевой характеристики персонажа в оригинале и в переводе произведения; определить причины и возможные последствия таких несоответствий.

Речевая характеристика героя является важным фактором создания образа персонажа художественного произведения как прямой источник информации для читателя: внешняя форма и смысловой подтекст реплик даже без авторского комментария помогают читателю сложить собственное представление о персонаже и особенностях его характера.

Речевая характеристика персонажа строится на основе закрепления за ним определенных экспрессивных форм языка. Как правило, особенное внимание исследователи уделяют именно лексическому составу реплик, который считается основным отличительным признаком персонажа, его «изюминой», подчеркивающей социальный статус и особенности воспитания или профессиональную принадлежность персонажа [1, 2, 5]. Относительно синтаксических характеристик речи персонажа отмечают лишь, что речь персонажа художественного произведения должна отражать основные особенности устной разговорной речи – эмоциональность, спонтанность, ситуационность, контактность. Основными чертами синтаксической характеристики речи персонажа считаются структура, длина и завершенность предложений. Бытовой разговор не очень образованных людей невысокого социального статуса обычно ассоциируют с короткими, часто неполными или незавершенными предложениями разного коммуникативного типа. Длинные и сверхдлинные, структурно сложные предложения, свидетельствующие об образованности и достаточно высоком социальном статусе героя, используются во внутренней речи персонажа, погруженного в размышления. Реплики, состоящие из простых или сложных предложений, часто незавершенных и не соединенных тематически, когда мысли переплетаются, дополняют, расширяют или отрицают друг друга, квалифицируются как поток сознания.

Для создания речевой характеристики главной героини романа «Завтрак у Тиффани» [7] – Холли Голайтли – Трумен Капоте использует различные языковые средства. Совокупность

типичных для данного персонажа определенных лексических единиц, морфологических форм и синтаксических конструкций создает свою стилистику, которая существенно влияет на восприятие образа героини и произведения в целом.

Образ Холли Голайтли автором строится на противопоставлении негативных оценок поступков и характера героини, данных разными персонажами, и положительно коннотированного авторского описания ее поступков. Постепенно складывается образ героини, с одной стороны, вульгарной, циничной и прагматичной, для которой важной является зажиточность, стабильность и праздность, а с другой, – монологи и реплики девушки выявляют целостность характера, собственный кодекс чести, искренность и открытость, умение распознавать сущность человека, стремление к образованности и истинным чувствам [4].

Последовательно от коротких отрывочных фраз до распространенных монологов развивается и речевая характеристика Холли. Реплики героини (776 предложения) составляют почти пятую часть текста романа. Их анализ выявил, что по количеству слов в предложении самыми распространенными являются короткие (до 10 слов) – 560 случаев, или 76,04%. Из них самые частотные – предложения из 3 (89) или 4 (82) слов (*I told you. I couldn't take it*). Такие показатели являются характерными для разговорной речи и подтверждают социальный статус героини, могут свидетельствовать о легкости и отсутствии глубины ее характера. В то же время 20,5% и 3,86%, соответственно, составляют предложения длинные (11-30) и сверхдлинные (свыше 30 слов). Самым длинным выявлено предложение длиной в 66 (!) слов.

Прямой зависимости между количеством слов в предложении и его структурной сложностью / простотой не наблюдается: *He doesn't, the lawyer does* (5 слов, предложение сложно-сочиненное из 2 простых); *I know you are. You think I'm lying?* (4 слова, сложноподчиненное предложение из 2 простых); *Think of all the people I know who know people* (10 слов – 3 простых предложения в составе сложноподчиненного). Поэтому вывод относительно интеллектуальности / необразованности героини делать преждевременно.

По синтаксической структуре предложения реплик Холли являются простыми (290–37,37%); сложными (198–25,51%); «неполными» – простыми с частичной или нулевой

предикацией¹ [5] (197–25,39%) или такими неполными и парцелированными (91–11,73%), структурно-синтаксический статус которых допускает трактовку их как сложных: отдельные структурно простые или сложные предложения в потоке речи воспринимаются как база и парцеллы сложного целого. Предложения сложные квалифицируются как сложноподчиненные (126–63,64%), сложносочиненные (19–9,59%), с сочинением и подчинением (53–26,77%), из которых половину представляют периоды (27 случаев).

По коммуникативному статусу все предложения являются повествовательными (680–87,63%), вопросительными (81–10,44%) и восклицательными (15–1,93%). Побудительные предложения, которые выражают просьбу или приказ, оформлены как повествовательные: *Quit stalling. Use your head. Listen. Remember, I'm his agent*, вопросительные (уважительная просьба): *Will you bring my friend a drink? Be an angel, would you, Fred?* или восклицательные: *I said beat it! I said fuck off!*

Незначительность количества предложений восклицательных и вопросов свидетельствуют о спокойном и неунывающем характере девушки, об уравновешенном восприятии ею действительности. Холли является скорее созерцателем, чем активным участником жизни, события и люди для нее – лишь дорожные эпизоды. Эмоциональность выявлена лишь в ситуации, когда Холи, отпустив кота, испугалась одиночества. В речи это подчеркнуто окликом и эмфатической конструкцией (выделено шрифтом), неполными предложениями (подчеркнуто) и парцелляцией (подчеркнуто и выделено шрифтом): *We just met by the river one day: that's all. Independents, both of us. We never made each other any promises. We never —You. Cat. Where are you? Here, cat. Oh, Jesus God. We did belong to each other. He was mine. But what about me? I'm very scared, Buster. Yes, at last. Because it could go on forever. Not knowing*

¹ К предложениям с частичной или нулевой предикацией отнесены все предложения, в которых структура предикации представлена лишь частично или вообще не представлена, – это предложения, которые традиционно считаются «односоставными» (*You can go at two, and I'd so much rather, but → Можно приходить и в два, мне так даже удобнее, но*), повелительными (с глаголом в повелительном наклонении). «Неполными» определены нами и предложения эллиптические и парцелированные, независимо от их статуса как простых или сложных предложений по их структуре [3].

what's yours until you've thrown it away. Тем не менее, и этот момент быстро прошел, девушка взяла себя в руки – ее ждут планы на будущее. Поэтому реплики короткие, как приказ: *Sorry, driver. Let's go.*

И в диалогах с другими персонажами речь Холли часто представляет собой продолжение внутреннего монолога, в котором даже разделенные пунктуационно, простые полные и неполные: эллиптические, односоставные (выделено шрифтом) и сложные предложения образуют непрерывный поток мыслей, а знаки пунктуации лишь сигнализируют о паузах и поворотах в направлении (показываем стрелками) мышления: *I don't want to own anything until I know I've found the place where me and things belong together. I'm not quite sure where that is just yet. But I know what it's like. It's like Tiffany's. → Not that I give a hoot about jewelry. **Diamonds, yes.** But it's tacky to wear diamonds before you're forty; and even that's risky. They only look right on the really old girls. **Maria Ouspenskaya. Wrinkles and bones, white hair and diamonds:** → I can't wait. → But that's not why I'm mad about Tiffany's. Такой поток сознания имеет рамочный характер: от основной темы (в вышеприведенном примере тема подчеркнута) героиня отвлекается, рассуждает на побочную тему, потом возвращается к основной теме диалога с рассказчиком. Такая диалогически-монологическая специфика речи Холли, большое количество употребленных ею сложных предложений с выраженной логикой связей между частями может свидетельствовать об ее умственных способностях, а также об определенном уровне образованности девушки. Привычка рассуждать сама с собой вслух говорит и о ее одиночестве и самостоятельности.*

Значительное число неполных, незаконченных, предложений, парентических включений подчеркивают внешнюю алогичность и непоследовательность поведения, речи и сбивчивый ход мыслей Холи. Парцелляция, разговорные клише (*Actually, I guess, that's all, But what about me? By the way*), включения, выражающие ее отношение к сообщаемому (*Not that I give a hoot about*), свидетельствуют и о не очень высоком уровне социального статуса девушки. А наличие ругательств (*not that I give a damn what he thinks, the hell with him*) говорит об отсутствии табу в ее речевом этикете, отсутствии воспитанности. Ее невысокий уровень образованности подтверждается имеющимися нарушениями грамматических норм, в частности, аппозитивными повторами, не-

употреблением глагола-связки (*That fat lawyer, O'Shaughnessy, O'Shaughnessy; The mean reds, they're; The fat woman, she; Independents, both of us, The fat woman, she nothing*).

Таким образом, синтаксические характеристики речи героини романа в полной мере коррелируют с особенностями образа, выявленными литературоведческим анализом.

Проследим, воссозданы ли названные синтаксические параметры характеристики речи Холли Голайтли в переводе [6]. Прежде всего, отметим, что количество предложений в репликах несколько уменьшено (ср.: в оригинале 776, в переводе – 767). В нескольких случаях при переводе не сохранено повторений предложений оригинала, например: *Go. Go. Go.* ↔ *Езжайте! Езжайте!* Или объединены в одно предложение те фразы, что в оригинале были отдельными предложениями, например: *Look at Mag Wildwood. Or Honey Tucker. Or Rose Ellen Ward* → *А посмотри на Мэг Уайлдвуд. Или на Хонни Такер, или на Роз Эллен Уорд.*

По коммуникативному статусу: восклицательных предложений в переводе вдвое больше, чем в оригинале, ср.: (15–1,93%) → (33–4,30%); количество вопросительных предложений увеличено на 3 единицы, ср.: (81–10,44%) → (84–10,95%), что, соответственно, уменьшает количество повествовательных предложений, ср.: (680–87,63%) → (650–84,76%). Такой даже незначительный сдвиг в коммуникативном статусе предложений создает большую эмоциональную напряженность речи, чем это присуще репликам девушки в оригинале произведения. А это может привести к тому, что у читателя перевода (сравнительно с интерпретацией текста читателем оригинала) может сложиться более эмоциональное отношение к героине: Холли будет казаться более женственной, пылкой и психологически ранимой, а это, в свою очередь вызовет большую симпатию к героине.

Относительно синтаксической структуры, предложения реплик Холли в сравнении с оригиналом произведения в переводе статистически обнаруживают такие показатели: простых полных (с полной структурой предикации – эксплицировано и подлежащее, и сказуемое) (290 случаев – 37,37%) → (139–18,12%), сложных (198–25,51%) → (153–19,95%), неполных (197–25,39%) → (475–61,93%). Если последние в оригинале представляли лишь (91–11,73%), то в переводе их количество выросло втрое → (261–34,12%). *That's not true! It can't be four-*

thirty! → Нем, не может быть! Неужели половина пятого? При этом ярко выраженная парцелляция предложений в оригинале значительно нивелируется, предложения уже не воспринимаются настолько связанными, как течение мыслей, ср.: *It's too gruesome. Nothing. Except that I can never remember when it's coming.* → *Нем, это ужасно. Ничего. Просто каждый раз забываю, что подходит четверг.* Получается, что Холи просто щебечет, как птичка – глупенькая, но приятная.

В распределении сложных предложений на сложносочиненные, сложноподчиненные, с сочинением и подчинением также наблюдаем определенные количественные изменения, ср.: сложноподчиненные (126–63,64%) → (101–66,01%), сложносочиненные (19–9,59%) → (21–13,73%), предложения с сочинением и подчинением (53–26,77%) → (20–13,07%), из которых периоды представляют (27–50,35%) → (11–55%), соответственно. Отметим, что эти изменения предопределены, прежде всего, типологическими особенностями систем языков: необязательностью сказуемого в русском языке по сравнению с английским, где наличие подлежащего и сказуемого в предложении является обязательным. Сравним: *Is that the end?* → *И это все?*; *Whiskey and apples go together.* → *Яблоки - неплохая закуска.* Кроме того, в переводе выявлено намного больше разговорных клише (слов, фраз), многие из которых соответствуют полным предложениям оригинала: *I wonder if the Army's generous with their peanut butter. Which reminds me, I'm starving.* → *Хотела бы я знать, хватает ли ему в армии арахиса. Кстати, я умираю с голоду.*

Следует также отметить определенное упрощение внутренних монологов героини в ее диалогах с рассказчиком. Так, распространенные предложения-периоды оригинала в переводе представлены рядами предложений упрощенной структуры. В следующем отрывке в оригинале реплика представлена 2 сложными предложениями-периодами, в переводе же им соответствуют 5 отдельных предложений разного статуса, ср.: *I'm so disorganized, I simply can't afford a maid; and really, dykes are wonderful home-makers, they love to do all the work, you never have to bother about brooms and defrosting and sending out the laundry. I had a roommate in Hollywood, she played in Westerns, they called her the Lone Ranger; but I'll say this for her, she was better than a man around the house.*

→ *Сама я растрепана, на прислугу у меня денег нет. А они – чудесные хозяйки. Они эту работу любят, с ними никаких забот не знаешь – ни с уборкой, ни с холодильником, ни с прачечной. В Голливуде со мной жила одна. Она играла в ковбойских фильмах, ее звали Бродяга, но точно вам говорю: в хозяйстве она была лучше мужчины.*

Наблюдаем и упрощение самой синтаксической структуры предложений: *I've got to stay awake, there isn't time to sleep, I'd look consumptive, I'd sag like a tenement, and that wouldn't be fair: a girl can't go to Sing Sing with a green face.*

→ *Мне нельзя спать, – я не выплусь и буду выглядеть как чахоточная, как развалина, а это нечестно: девушка не имеет права являться в Синг-Синг желтой, как лимон (ряд простых предложений в составе сложносочиненной части периода превращается в простое предложение с рядом однородных сказуемых (частей сказуемого)).*

Учитывая системные типологические расхождения английского и русского языков, отмечаем, в целом, адекватность передачи при переводе особенностей синтаксической организации реплик героини. Вместе с тем, очевидно, что значительное варьирование структурными типами предложений реплик в оригинале в переводе исчезло: разнообразие уступило место лексическому разнообразию неполных и односоставных предложений, характерных для разговорного стиля. Это тем более удивительно, что таксономия структурных типов предложения в русском языке гораздо богаче, чем в английском. «Говорящий синтаксис» реплик героини в оригинале упростился до неузнаваемости.

Полагаем, что выявленное нами упрощение синтаксической структуры и изменения статуса предложений реплик Холли в переводе произведения несколько изменяют интерпретацию образа читателем перевода в сравнении с восприятием этого образа читателем оригинала. Прежде всего, отметим возможность эффекта восприятия образа девушки как своего родного человека (идентификация), чему способствуют большая, чем в оригинале, эмоциональность реплик, их простота и лексическое наполнение. Поскольку, как только что показано, существенно синтаксические свойства реплик в переводе нивелируются, растворяются в их главной черте – воссоздании разговорного стиля речи, в таком виде синтаксис реплик уже меньше

индивидуализирует героиню, в результате лексическое их наполнение приобретает значительно большую значимость. В предыдущей публикации [4] нами показано, что сделанный переводчиком выбор лексических средств при переводе произведения в восприятии читателем неоригинала несколько искажает образ героини – упрощает его и одновременно значительно поэтизирует. Упрощение синтаксиса речевого портрета Холли еще больше усиливает этот эффект.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Речевая характеристика героя художественного произведения является одним из важнейших факторов создания и понимания образа персонажа. Синтаксические особенности реплик и их лексическое наполнение – равнозначимые характеристики речи персонажа. Полноценное воссоздание образа в переводе представляется невозможным без сохранения существенных особенностей речевого поведения персонажа, раскрывающих его характер. В отличие от объективно закономерных изменений структуры реплик, предопределенных алломорфностью категорий и характеристик соответствующих языков (оригинала и перевода), субъективное изменение существенных характеристик синтаксиса реплик персонажа может привести к изменениям самого образа и, соответственно, его искаженной интерпретации читателем перевода произведения в сравнении с восприятием образа читателем оригинала.

Перспективным является дальнейшее системное исследование произведений разных жанров в плане сопоставления оригинала и перевода / переводов для выявления, систематизации и описания синтаксических, лексико-семантических и стилистических особенностей реплик персонажей как средств создания соответствующих речевых характеристик и адекватности их воссоздания в переводе.

Список литературы

1. Владимирова Ю. И. Особенности речевого поведения персонажа художественного произведения и перевод / Ю. И. Владимирова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Вып. № 23. – Т. 5. – 2006. – С. 25–28. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rechevogo-povedeniya-personazha-hudozhestvennogo-proizvedeniya-i-perevod>

2. Клименко О. С. Специфіка перекладу сучасної прози / Клименко О. С., Климова Н. І., Сідоренко М. К. // Обрії сучасної лінгвістики. – Збірник наукових праць. – Вип. № 4. – 2013. – URL: <http://uk.xlibx.com/4filologiya/14089-1-obrii-suchasnoi-lingvistiki-zbirnik-naukovih-prac-vipusk-2013-zasnovano-lyutomu-2012-roku-svidoctvo-pro-re.php>

3. Образцова О. В. Висловлення з частковою або нульовою предикацією в системі сучасної англійської мови (на матеріалі художньої прози ХХІ століття) // О. В. Образцова, О. М. Образцова. – Монографія – Одеса: Освіта України, 2015. – 262 с. URL: www.academia.edu/11121176/ВИСЛОВЛЕННЯ_З_ЧАСТКОВОЮ_АБО_НУЛЬОВОЮ_ПРЕДИКАЦІЄЮ_В_СИСТЕМІ_СУЧАСНОЇ_АНГЛІЙСЬКОЇ_МОВИ_на_матеріалі_художньої_прози_ХХІ_століття_Obratsova_Olga_V._Obraztsova_Olena_M._Utterances_of_Partial_or_Zero_Predication_in_the_System_of_Modern_English

4. Образцова О. М. Мовленнєва характеристика персонажу художнього твору як перекладацька проблема / О. М. Образцова, О.

В. Образцова // Одеський лінгвістичний вісник – науково-практичний журнал. – Випуск 6. – Спеціальний випуск, присвячений ювілею д-р. ... філол. наук., проф. В. Я. Мизецької – Одеса: НУ ОЮА, 2015. – С. 84–89. www.oljournal.in.ua

5. Цовбун І. М. Роль словесного портрета в реалізації замысла Трумэна Капоте "Breakfast at Tiffany's" / Ирина Михайловна Цовбун, Александр Михайлович Царев // Научное сообщество студентов ХХІ столетия. – Гуманитарные науки: Электронный сборник статей по материалам ХVІІ студенческой международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. «СибАК». – 2014. – № 2 (17) / – С. 100–107. – URL: [http://www.sibac.info/archive/guman/2\(17\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/2(17).pdf)

6. Капоте Т. «Завтрак у Тиффани» / Капоте Т. – Санкт-Петербург: Азбука, 2012. – 159 с. – URL: <http://www.e-reading.mobi/book.php?book=25398>

7. Capote T. Breakfast at Tiffany's / Capote T. – England, New York: Penguin Books, 2012. – 158 с. – URL: <http://bookre.org/reader?file=41407>

Ю. К. Папулова

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ТЕКСТОВ И ИХ ПЕРЕВОДОВ)

INTERTEXTUAL MODEL OF LITERARY TRANSLATION (BASED ON THE POSTMODERN BRITISH NOVELS AND THEIR TRANSLATIONS)

В данной статье предлагается модель художественного перевода с позиции теории интертекстуальности и вторичности. Модель рассмотрена на материале романа современной английской писательницы А. Байетт «Детская книга» и его перевода на русский язык.

This paper proposes the intertextual model of literary translation from the perspective of the theory of intertextuality and secondarity. We illustrate the model analyzing the novel 'The Children's Book' by contemporary English postmodern writer A. Byatt and its translation into Russian.

Ключевые слова: интертекстуальные связи, интексты, вертикальный контекст, интертекстуальная модель, перевод, тип текста, метод перевода, личность переводчика.

Keywords: intertextual relations, references, vertical context, intertextual model, translation, type of text, method of translation, personality traits of translator.

К настоящему моменту появилось немало исследований, посвященных рассмотрению перевода в рамках теории интертекстуальности (Н. А. Кузьмина, И. С. Алексеева, Г. В. Денисова, В. Natim, I. Mason и пр.). Особый интерес представляет работа Н. М. Нестеровой «Вторичность как онтологическое свойство перевода», в которой исследовательница предлагает интертекстуальную модель перевода, основанную на постулатах постмодернизма: «ничего не существует вне текста» (Ж. Деррида) и «нет текста, кроме интертекста» (Ш. Грифель), из чего следует, что «дом нашего бытия» – «это многомерное интертекстовое пространство, в котором любой «новый» текст возникает как отклик (реплика) на другой текст. Это значит, что любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу своей взаимной соотношенности с другими текстами, находящимися в данном интертекстовом пространстве. Другое следствие названных постулатов – это погруженность автора в этот же всеобщий интертекст: автор всегда находится в окружении чужих текстов, которые он впитывает либо сознательно, либо бессознательно. Из этого же интертекста, т.е. памяти, и черпает автор составляющие своего текста [1. С. 89].

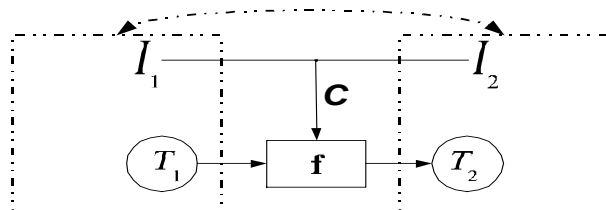

Рис. 1. Интертекстуальная модель перевода Н.М. Нестеровой

Согласно данной модели, мы имеем два межкультурных (межязыковых) пространства (I1 и I2), соответствующих исходной и принимающей культурам. Текст оригинала T1 рождается в интертекстуальном пространстве I1 и, соответственно, является его элементом. Будучи вплетенным в интертекст I1, он неразрывно связан с его смысловым универсумом, с другими текстами данного пространства как со своими предтекстами. Пространство, в которое тексту предстоит быть перенесенным, также имеет свой смысловой универсум, в который нужно вписать новый текст, построить новые интертекстуальные связи. Таким образом, переводчик, транслируя текст T1, воплощенный в «плоть» текста T2, в пространство I2, связывает эти два пространства. При этом переводчик

подвергается влиянию со стороны смысловых универсумов обоих пространств. Они могут быть различными по интенсивности, влияние одного может превосходить влияние другого, что также зависит от многих факторов, среди которых тип текста, метод перевода, личность самого переводчика, его творческое «его». Соответственно, один и тот же исходный текст по-разному вписывается в новое интертекстуальное пространство, в этом случае можно говорить о манипулятивной функции переводчика [1. С. 90].

Взяв предложенную Н. М. Нестеровой модель за основу, мы попытались построить комплексную модель перевода с учетом механизма порождения вторичного текста А. И. Новикова и Н. Л. Сунцовой и механизма порождения перевода как вторичного текста Н. М. Нестеровой, согласно которым механизмом порождения первичного текста является замысел, а вторичного – некое ментальное образование, «являющееся результатом осмысления и понимания первичного текста и отражающее в свернутом виде основное его содержание»: тема текста, ключевые слова, денотативная структура, смысловой комплекс [3]. Кроме того, наша модель частично опирается на модель художественного текста «Роза Лотмана», предложенную физиком и теоретиком искусства В. А. Копциком, исследовавшим проблему смысловой наполненности текста.

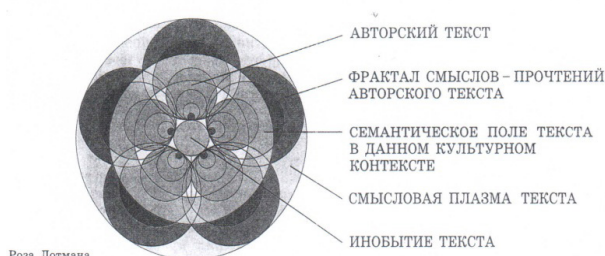

Рис. 2. Модель художественного текста «Роза Лотмана» В. А. Копцика

Как показано на рисунке 2, сердцевину цветка Лотмана представляет авторский текст, понимаемый в узком смысле как материально-знаковое воплощение авторской мысли. Авторский текст несет в себе некую совокупность смыслов, которые при прочтении могут оказаться глубже смыслов, вложенных автором. Лепестки Розы Лотмана символизируют отдельные компоненты авторского текста. Они выходят за границы сердцевинки, потому что воплощают идеи, которые привносит в текст сам читатель и его эпоха. Лепестки-смыслы

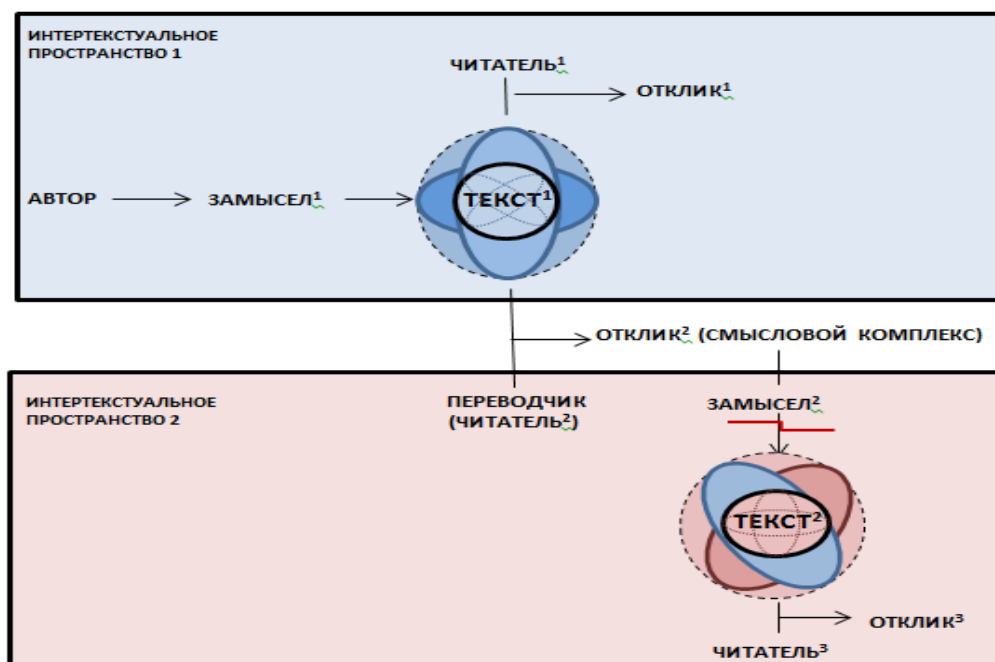

Рис. 3. Интертекстуальная модель перевода художественного текста

рождают вокруг цветка некую ауру, которую Ю.М. Лотман назвал семиосферой. Речь идет об интегральном смысле текста, построенном совместно автором, читателем и его эпохой.

Перенеся «Розу Лотмана» на интертекстуальную модель перевода Н. М. Нестеровой и дополнив данную модель положениями о порождении вторичного текста А. И. Новикова, Н. Л. Сунцовой и о порождении перевода как вторичного текста Н. М. Нестеровой, мы получили следующую интегрированную модель перевода.

Как видно из рисунка 3, вслед за Н. М. Нестеровой, мы выделяем два интертекстуальных пространства, соответствующих исходящей и принимающей культурам (на рис. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО¹ и ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО²). Текст оригинала (ТЕКСТ¹), его АВТОР, а также читатели, принадлежащие культуре автора и говорящие с ним на одном языке (ЧИТАТЕЛЬ¹), погружены в ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО¹. Данное пространство служит для автора источником предтекстов и интекстов. Из них он выбирает те, которые затем войдут в его произведение. На рисунке межтекстовые связи, а точнее создаваемый ими вертикальный или глубинный контекст (скрытая в тексте информация общекультурного плана) [5. С. 61], обозначены овалами, выходящими за представленный в виде круга поверхностный контекст ТЕКСТА¹ (термин С. Schaar) [8]. Как

видно из рисунка 5, межтекстовые связи расширяют смысловое пространство ТЕКСТА¹. Внутритекстовые связи обозначены пунктирными линиями внутри малого круга.

В рамках ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА¹ у автора рождается замысел (ЗАМЫСЕЛ¹), который затем находит свое воплощение в тексте (ТЕКСТ¹). Если автор и читатель принадлежат одному лингвокультурному пространству и говорят на одном языке, читатель способен достаточно полно воссоздать вертикальный контекст произведения (ОТКЛИК¹). Иначе дело обстоит в случае прочтения текста носителем иной культуры (ПЕРЕВОДЧИК (ЧИТАТЕЛЬ²)). Очевидно, что в таком случае читатель принадлежит иному национальному интертекстуальному пространству (ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО²). Однако его отклик на текст окажется как бы в межпространстве, поскольку, с одной стороны, читатель будет достаточно сильно ощущать на себе влияние текста оригинала и языка, на котором тот написан, с другой стороны, на восприятие читателем текста будут накладывать отпечаток его жизненный опыт и читательская компетентность, культурные ценности и установки, особенности родного языка, которые способны помешать читателю полностью восстановить вертикальный контекст произведения.

На основе отклика читателя-переводчика на текст или точнее на основе сформирован-

ного в сознании переводчика ментального образования при восприятии текста оригинала (ОТКЛИК²(СМЫСЛОВОЙ КОМПЛЕКС)) рождается замысел нового текста (ЗАМЫСЕЛ²), который затем находит воплощение в тексте перевода (ТЕКСТ²) [2. С. 143–145]. Таким образом, одна из причин смыслового расхождения между оригиналом и переводом заключается в том, что замысел переводчика (ЗАМЫСЕЛ²), который реализуется в тексте перевода (ТЕКСТ²), отличается от замысла автора (ЗАМЫСЛ¹), воплощенного в тексте оригинала. Другой причиной смыслового сдвига является трансформация межтекстовых и внутритекстовых связей переводимого текста. В процессе перевода текст переходит в новое интертекстуальное пространство (ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО²) и теряет связь с некоторыми текстами, принадлежащими ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ¹, но вместе с тем образует новые связи с текстами, принадлежащими ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ² (на рисунке трансформация внутритекстовых и межтекстовых отношений продемонстрирована с помощью изменения цвета и направления овалов, которыми обозначаются интертекстуальные связи). Трансформация интертекстуальных связей и, как следствие, вертикального контекста произведения в процессе перевода происходит в силу того, что читатель текста перевода (ЧИТАТЕЛЬ³), принадлежащий новому интертекстуальному пространству (ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО²), обладает иными фоновыми знаниями, нежели автор текста оригинала и читатели, принадлежащие ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ¹, что обнаруживается при сравнении откликов читателей перевода и читателей оригинала.

Задача переводчика заключается в том, чтобы помочь читателю увидеть все интертекстуальные связи произведения и восстановить его вертикальный контекст. На степень расхождения между текстом оригинала и текстом перевода, таким образом, влияют не только тип / жанр текста (художественный / нехудожественный текст), метод перевода (вольный / буквальный) и переводческое его [2], немаловажную роль также играет компетентность переводчика, его способность распознать и отразить в переводе интертекстуальные связи оригинала и стоящие за ними смыслы (на рисунке данные факторы обозначены в виде зигзагообразной линии – «барьера» на пути от ЗАМЫСЛА² к ТЕКСТУ²).

При этом стоит отметить, что переводчик, как и автор, может обращаться к предтекстам и идеям, воплощенным в них как намеренно, так и бессознательно, читатель, в свою очередь, может распознать или пропустить предтексты при прочтении, может увидеть аллюзии на новые тексты, которые не были заложены автором, таким образом, трансформировав вертикальный контекст произведения. Переводчик, вероятнее всего, идентифицирует и адекватно переведет универсальные предтексты, встречающиеся в тексте оригинала, поскольку такие тексты, как правило, достаточно узнаваемы, и для них в культуре и языке переводчика, скорее всего, уже существуют переводческие соотвещения. Подобным образом дело обстоит с широко известными национальными предтекстами. Если переводчик прекрасно осведомлен о творчестве автора текста оригинала, то наверняка он сможет обнаружить в тексте и авторские предтексты, хотя это будет сделать сложнее. Труднее всего переводчику будет распознать и перевести малоизвестные национальные предтексты. Обнаружить все, как правило, является непосильной задачей.

Сложным для восприятия и понимания, а значит и для перевода произведением, насыщенным множеством предтекстов и интекстов, а также разного рода реалий английской культуры, является постмодернистский роман английской писательницы А. Байетт «Детская книга», в котором описывается история нескольких связанных между собой семей, начиная с 1895 года и до конца Первой мировой войны [7]. Произведение изобилует разнообразными реалиями, терминами, жаргонизмами, характерными для той эпохи, которые мы классифицировали и проиллюстрировали с помощью примеров, приведенных в таблице ниже.

Таблица 1.

Реалии, термины, жаргонизмы, встречающиеся в романе А. Байетт «Детская книга»

бытовые реалии	десерт силлабаб, фасон «либерти», средневековый обычай шаривари, минтоновский фарфор и пр.
реалии государственного строя, общественной жизни	фарфоровый социализм, фабианское общество, Движение культур и ремесел, Совет Лондонского графства и пр.

названия административно-территориальных единиц, населенных пунктов	Лондонское графство, прозвище графства Кент «сады Англии», населенный пункт «Напрасный труд» и пр.
названия учреждений	прозвище Банка Англии «Старая дама», Южно-Кентсинтонский Музей, «Старая пинакотека» и пр.
названия газет и еженедельников	«Дейли-Телеграф», «Факел», «Желтая книга» и пр.
реалии студенческой жизни	система экзаменов трайпос, студент ренглер и пр.
военными реалиями	пушка Шнейдера, пулемет Виккерса, крест святого Георгия и пр.
термины гонимого дела	капсель, кожетвердое состояние, фриттование, грог
брокерские жаргонизмы	кафрский цирк, лорды Рэнда

Кроме того, согласно нашим подсчетам, в произведении встречаются имена 66 исторических и политических деятелей, 24 ученых, врачей, психологов, экономистов, журналистов, 17 деятелей культуры и искусства, упоминаются названия свыше 20 произведений искусства и научных трудов.

Таблица 2.

Имена известных исторических личностей, встречающиеся в романе А. Байетт «Детская книга»

имена исторических и политических деятелей	У. Черчилль, Вильгельм V, К. Маркс, А. Дрейфус, Дж. Чемберлен, Э. Пакхерс и пр.
имена ученых, врачей, психологов, экономистов, журналистов	П. Кюри, М. Кюри, М. Вебер, Ч. Дарвин, К. Юнг, З. Фрейд, О. Гросс, Г. Уоллес, У. Троттер и пр.
имена деятелей культуры и искусства	Р. Вагнер, А. Дункан, С. Дягилев, М. Рейнхардт и пр.
названия произведений искусства и научных трудов	«Врата ада» О. Роден, «Женщина, присевшая на корточки» А. Майоль, «Погоня за счастьем» Ж. Рошгросс, «Женщина в розовом» Г. Климт и пр.

Однако для нас данный роман представляет особый интерес в силу его интертекстуальности. Главная героиня Олив, прототипом ко-

торой послужили английский писатель Д. Г. Лоренс и героини его произведений, а также писательницы Э. Аттли, Э. Эсбит и Р. Уэст, пишет сказки для детей. Судьбы многих героев романа словно воспроизводят распространенные сюжеты фольклорных и литературных сказок, таких как «Золушка» или «Ослиная шкура». Герои романа также становятся зрителями постановок «Питер-Пен» Дж. Барри, «Песочный человек» Э. Гофмана, «Золушка» братьев Гримм, участникам постановки «Сна в летнюю ночь» У. Шекспира. В произведении упоминаются около 20 имен других писателей и поэтов английской и классической литературы, встречаются названия 80 художественных произведений. На страницах романа появляется около ста героев художественных произведений английской и мировой литературы, Библии, мифов Древней Греции, скандинавских мифов, легенд и сказок. В ткань произведения искусно вплетено свыше 30 цитат и аллюзий, отсылающие читателей к художественным произведениям различных авторов, Библии, скандинавским мифам и мифам Древней Греции.

Таблица 3.

Интертексты, встречающиеся в романе А. Байетт «Детская книга»

имена писателей и поэтов английской и классической литературы	У. Шекспир, Дж. Рескин, Дж. Свифт, У. Вордсворт, С. Кольридж, Дж. Китс и пр.
названия художественных произведений	«Доктор Фауст» И. Гете, «Дэвид Коперфильд» Ч. Диккенса, «Эмма» Дж. Остина и пр.
имена героев произведений английской и мировой литературы, Библии, мифов Древней Греции, скандинавских мифов, легенд, сказок	Миранда, принц Фердинанд, Джульетта, Оберон, малютка Бо-Пип, Джейн Эйр, Элизабет Беннет, Мегг Талливер, Панч и Джуди, Психея, дева Мэриан, Гарет и многие другие
художественные произведения, источниками цитат и аллюзий, встретившихся в романе	«Генрих V», «Крорль Лир», «Гамлет», Троил и Крессида», сонеты У. Шекспира, «Путь паломника» Дж. Беньян и пр.

Очевидно, что при создании данного произведения его автор ориентировался на эру-

дированного читателя, прекрасно знакомого с английской литературой и культурой (ЧИТАТЕЛЬ¹), на читателя, погруженного в интертекстуальное пространство автора текста (ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО¹). Отклик такого читателя на книгу (ОТКЛИК¹) будет, вероятней всего, соответствовать ожиданиям автора, его замыслу (ЗАМЫСЕЛ¹). Очевидно также то, что читатель, принадлежащий иной культуре (ЧИТАТЕЛЬ³), не в состоянии увидеть все интертекстуальные связи произведения и воспроизвести его вертикальный контекст без помощи переводчика (ЧИТАТЕЛЬ²).

Как видим, жанровые особенности произведения (намеренная интертекстуальность) обуславливают специфику его перевода, а также выбор метода перевода: в частности, процесс перевода постмодернистского текста, обладающего высокой степенью интертекстуальности, превращается в своего рода филологическое исследование, а сам текст перевода требует пояснений со стороны переводчика. Таким образом, тип / жанр текста является, на наш взгляд, доминирующим фактором, определяющим степень смыслового расхождения между оригиналом и его переводом. Однако, как уже говорилось при описании модели перевода, немаловажными факторами также являются метод перевода и личность переводчика, чье восприятие подлинника (ОТКЛИК²) и возникающий на его основе замысел текста перевода (ЗАМЫСЕЛ²) могут в значительной степени отличаться от авторской трактовки текста оригинала (ЗАМЫСЕЛ¹).

Переводчица романа Т. Боровикова попыталась максимально приблизить текст перевода к тексту оригинала, сохранить обнаруженные ею интертекстуальные связи подлинника при переводе и расшифровать его вертикальный контекст, используя при этом прием заполнения, предполагающий объяснение встретившихся в произведении интекстов (ЗАМЫСЕЛ²). Так, в официальной русскоязычной версии романа приведено 123 сноски с переводческим комментарием [1]. Любопытно, что русскоязычным читателям романа показалось, что сноска в тексте приведена недостаточно (ОТКЛИК³) [2]. По просьбам читателей переводчица романа Т. Боровикова выложила на своем сайте комментарий к произведению, содержащий 191 сноску, большинство из которых не вошли в официальное издание книги на русском языке [2]. При анализе произведения мы также обнаружили несколько цитат и аллюзий, которые

не были ранее прокомментированы в тексте перевода, и заметили неточности в некоторых именах и произведениях, упомянутых в тексте книги, что свидетельствует о том, что выявить и сохранить абсолютно все интертекстуальные связи произведения при его переводе и полностью воссоздать его вертикальный контекст является сложной и практически невыполнимой задачей.

Итак, в данной статье мы попытались представить процесс перевода в виде интертекстуальной модели перевода, которая демонстрирует следующие положения: 1) текст перевода, как и текст оригинала, является интертекстом и связан с другими текстами, принадлежащими исходящему и принимающему интертекстуальным пространствам; 2) текст перевода вторичен, но его вторичность (точность), как и его эквивалентность не абсолютна в силу трансформации вертикального контекста произведения в процессе его перевода, что обусловлено изменчивостью смысла произведения, который по-разному интерпретируется его автором и переводчиком, а также изменением интертекстуальных связей произведения при его переходе из одного интертекстуального пространства в другое. Немаловажным фактором также является метод перевода, в зависимости от которого переводимый текст либо адаптируется к новой лингвокультурной среде, либо сохраняет языковые и культурные черты подлинника. Однако доминирующим фактором, определяющим степень точности перевода, на наш взгляд, является тип/ жанр текста.

Как показал анализ постмодернистского произведения А. Байетт «Детская книга», процесс перевода постмодернистских произведений имеет свою специфику и свои трудности, связанные с особенностями постмодернистской литературы, основной чертой которой является намеренная интертекстуальность. Проблема перевода постмодернистских текстов связана с распознаванием и адекватной передачей различных интертекстуальных явлений и стоящих за ними интертекстуальных связей, создающих вертикальный контекст произведения. В случае перевода постмодернистских текстов переводческий комментарий является самым «действенным» способом воссоздания вертикального контекста.

Список литературы:

1. Байетт, А. Детская книга/ А. Байетт. – М.: Эксмо, 2012.

2. Боровикова, Т. Переводческий комментарий к роману А. Байетт «Детская книга» – URL: <https://oryx-and-crake.dreamwidth.org/tag/byatt>.

3. Нестерова, Н. М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм / Н. М. Нестерова. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т., 2005.

4. Нестерова, Н. М. О проблеме перевода заглавий / Н. М. Нестерова, Ю. К. Папулова // Вестник Московского государственного университета. Серия 22. Теория перевода. – 2014. – № 3. – С. 89–102.

5. Никитина, С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических

терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. – М., 1996. – 172 с.

6. Новиков, А. И. Концептуальная модель порождения вторичного текста / А. И. Новиков, Н. Л. Сунцова // Обработка текста и когнитивные технологии. – 1999. – № 3. – С. 158–166.

7. Byatt, A. S. The Children's Book / A. S. Byatt. – London: Vintage, 2010.

8. Schaar, C. Linear sequence, spatial structure, complex sign, and vertical context system / C. Schaar // Poetics. – Amsterdam – Vol. 7. – 1978. – № 4.

М. С. Пестова

Уральский гуманитарный институт
(Екатеринбург, Россия)

ПРОЕКТ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АНТОНИМОВ

PROJECT OF BILINGUAL PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF ANTONYMS

В работе рассматриваются особенности составления двуязычного фразеологического словаря антонимов. Затрагивается вопрос компонентов структуры словарной статьи, определяются основные проблемы, включающие в себя отбор представляемого в словаре материала и его репрезентации в словаре.

The paper studies the peculiarities of compiling a bilingual phraseological dictionary of antonyms. The issues under discussion are the structural components of dictionary entry and the main problems, which include the selection of antonymous idioms and their representation in the dictionary.

Ключевые слова: фразеологический антоним, словарная статья, фразеологический словарь, дефиниция, фразеологическая парадигматика.

Keywords: phraseological antonym, dictionary entry, phraseological dictionary, definition, phraseological paradigmatics.

Проблема формулирования общих принципов лексикографического описания фразеологических антонимов, а также и принципов составления словарей фразеологических антонимов, остается одной из интереснейших и мало изученных в отечественной лингвистике.

Цель составления словаря фразеологических антонимов может по праву считаться весьма неоднозначной, поскольку приводит к необходимости решения ряда задач. Важным представляется:

- осуществить отбор фразеологических антонимов;
- определить компоненты структуры словарной статьи;
- выявить наиболее полную и удобную форму фиксации заглавной фразеологической единицы (далее ФЕ);
- описать значение или, иными словами, дать определение, а также предоставить отражение коннотативных составляющих значения фразеологических антонимов в виде словарных помет;

- включить в состав словарной статьи эмотивные, стилистические пометы оценочно окрашенных фразеологических антонимов;

- предоставить перевод, отобразить в какие отношения эквивалентности вступают отобранные фразеологические антонимы, имеют ли эквиваленты на языке перевода вообще;

- определить в какие семантические системные связи вступают данные фразеологические единицы (полисемия, синонимия и пр.);

- отобразить фразеологические антонимы максимально точно с учетом всех вариантов, парадигматических свойств, лексической и грамматической валентности [1. С. 34];

- рассмотреть целесообразность включения в состав словарной статьи иллюстративного материала, определить его наиболее эффективную подачу;

- и пр.

Любой словарь призван быть полноценным источником актуальной предметной информации. Структура словарной статьи, в свою очередь, должна быть максимально прозрачной и понятной для использования. «Словарная статья любого словаря должна обеспечивать доступность восприятия содержащейся в ней информации, а также помогать пользователю быстро и легко находить эквивалент на необходимом языке, не прибегая к вынужденной необходимости перечитывать всю статью» [4. С. 252].

Работа по отбору материала для нашего проекта двуязычного переводного русско-английского и англо-русского словаря фразеологических антонимов осуществлялась на основе метода сплошной выборки из ряда фразеологических словарей (см. например, словари Е. Ф. Арсентьевой, А. В. Кунина [2, 5] и др.). При этом во внимание принимались признаки антонимичности ФЕ, типы классификаций фразеологических антонимов (семасеологическая, структурная, функциональная и др.).

Структура словарной статьи предлагаемого к рассмотрению проекта словаря фразеологических антонимов предполагает включение таких компонентов, как:

- заглавная пара фразеологических антонимов;

- дефиниция;

- перевод;

- синонимический ряд рассматриваемых ФЕ;

- иллюстративные примеры.

Рассмотрим, как это может быть представлено на практике (см. таблицу).

Фразеологическое значение известно своей многоаспектностью, усложненной информативностью, наличием дополнительной оценочной нагрузки. По сравнению с лексическим, фразеологическое значение довольно специфично, так как основывается на целом комплексе лексем, формирующем представления о предметах или явлениях окружающей действительности.

Тесная взаимосвязь макрокомпонентов фразеологического значения позволяет передавать обширный объем как ключевой, так и дополнительной информации. Фразеологическая семантика служит передаче субъективной информации об объекте номинации благодаря привлечению механизмов рационального и чувственного познания действительности.

«В лексикографическом источнике значение фразеологизма как объект описания представляет собой составную сущность, в первую очередь, это его содержательные, а во вторую – сочетаемостные характеристики. В фразеологических словарях общего типа традиционно акцент ставится на толковании ФЕ, с указанием стилистических, грамматических помет, дающих читателю ценную информацию об использовании идиомы в речи» [7. С. 1].

Проблема словарной дефиниции рассматривалась в трудах таких ученых, как Е. Ф. Арсентьева, Р. А. Аюпова, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, М. И. Умарходжаев и др. Внимание ученых к этому вопросу обоснованно, так как именно словарная дефиниция передает основную семантическую информацию о заглавной фразеологической единице.

Р. А. Аюпова полагает, что «термин «дефиниция» может быть применен и по отношению к средствам семантизации фразеологического значения (ФЗ) в двуязычных словарях, так как в них тоже происходит описание семантики заглавной ФЕ, с той только разницей, что в них это дается в другом языке и адресовано иноязычному пользователю» [3. С. 84]. Ученый выделяет пять основных структурных типов фразеологических дефиниций:

- «1) Описание при помощи свободного словосочетания или предложения;

- 2) Комбинированный тип дефиниции;

- 3) Описание при помощи развернутой структуры;

- 4) Дефиниция при помощи одной лексемы;

- 5) Дефиниция при помощи фразеологического эквивалента или синонима» [3. С. 85].

В нашем же случае, когда речь идет о заглавной паре фразеологических антонимов,

	СПУСТЯ РУКАВА	ЗАСУЧИВ РУКАВА
DEFINITION	(to do sth.) carelessly, haphazardly, without an honest attempt небрежно, кое-как (делать что-либо) небрежно, невнимательно, без усердия	(of a person) (to get to work, to work, etc.) diligently, energetically усердно, старательно, энергично (делать что-либо) засучить рукава, приготовиться (<i>к работе, борьбе и т.п.</i>)
TRANSLATION	any old way; in a slipshod manner; sloppily; halfheartedly; slapdash; lazily. Δ To be careless, inattentive, not diligent in what one does работать спустя рукава. To do slapdash (shoddy) work	X rolled up his sleeves and got down to work (to the job etc); X buckled (knuckled) down to work. Roll one's sleeves up (тож. Roll up one's sleeves)
SYNONYMS	делать что-л., относиться к делу спустя рукава	
CF	через пень колоду / <i>знач.</i> , с грехом пополам, не шатко не валко	
ILLUSTRATIVE EXAMPLES	Другие люди к работе относятся спустя рукава , лишь бы день до вечера, а Федоша... для него, понимаете, семья на втором месте, а на первом работа. Other people work any old way , just put in their time, but Fedosha... for him, you see, the family is second, work comes first (4a).	Ольга Васильевна сказала, что паники, собственно, нет, [Сергею] надо спокойно всё обдумать, учесть замечания, переделать, что необходимо и с чем ты внутренне согласен, – словом, взяться засучив рукава , но не поддаваться слабости (Трифонов3). Olga said that there was, in fact, no panic; what Sergei had to do was to think it all over calmly, to take note of the adverse comments, to revise whatever was necessary and whatever, in his own view, was genuinely in need of revision—in other words, to roll up his sleeves and get down to the job but not give way to weakness (3a).

предоставление единственно дефиниции недостаточно. Также мы не рассматриваем вариант предоставления дефиниции при помощи фразеологического эквивалента или синонима, а выделяем информацию о переводе и возможных синонимах отдельно. Полагаем, что это позволит переводчику добиться максимальной эквивалентности перевода при передаче содержания ФЕ на язык перевода.

Исследование семантики фразеологических единиц было и остается одной из наиболее важных и актуальных семасиологических проблем, тесно связанных с исследованием явлений фразеологической парадигматики. Так, перевод многозначных фразеологических антонимов представляет собой отдельную сложность. Трудность вызвана многоплановостью семантической структуры фразеологизмов,

построенных на образном переосмыслении, а также необходимостью выбора значения из ряда существующих.

В случае перевода монолингвальных полисемичных ФЕ (*термины монолингвальная и билингвальная полисемия ФЕ предложены С.В. Лескиной*) составитель словаря может столкнуться с отсутствием полных или частичных эквивалентов, либо с наличием эквивалента только одного из существующих значений исходной ФЕ. Билингвальная полисемия, по мнению С. В. Лескиной, находит свою реализацию в полных и частичных эквивалентах [6. С. 68].

Выделение синонимов важно, так как парадигматические связи, в которые вступают ФЕ, играют значительную роль в процессе семантизации заглавной ФЕ в словарной статье.

Однако это отнюдь не означает, что замена одного фразеологизма другим в контексте всегда возможна. Это объясняется тем, что каждый фразеологизм, входящий в синонимическое гнездо, ряд или группу, способен придать изначально заложенному смыслу абсолютно новый смысл или другую стилистическую окраску.

Иллюстрирующие примеры приведены отдельно для каждой ФЕ, что объясняется крайне редким использованием фразеологических антонимов в одном контексте.

Современная фразеография уделяет достаточно большое внимание изучению проблем структуры словарей, что является необходимым с позиции поиска наиболее релевантного способа описания фразеологических единиц. С позиции теоретической значимости реализация заявленного проекта внесет вклад в общую теорию сопоставительной фразеологии и фразеографии. Настоящий проект словаря не претендует на окончательное решение всех сложных вопросов, связанных с фразеологической парадигматикой, однако, призван привлечь внимание к необходимости определения основных компонентов словарной статьи двуязычного переводного русско-английского и англо-русского словаря фразеологических антонимов, что позволит соответствующим образом уточнить значение ФЕ, а также раскрыть парадигматические связи ФЕ.

Список литературы

1. Арсентьева, Е. Ф. Основные проблемы, возникающие при создании многоязычного фразеологического словаря // Современная

лексикография: глобальные проблемы и национальные решения: материалы VII Международ. шк.-семинара, Иваново, 12-14 сент. 2007 г. – Иваново: Иван. гос. Ун-т, 2007. – 303 с.

2. Арсентьева, Е. Ф. Русско-английский фразеологический словарь. Издательство «Хэтер», Казань, 1999. – 318 с.

3. Аюпова, Р. А. Фразеологическая дефиниция как основной элемент словарной статьи (на материале английского, русского и татарского языков). Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 2. – С. 83–89.

4. Белова, Е. П. Вопросы организации словарной статьи морского терминологического многоязычного словаря. // Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века: материалы IX Международной школы-семинара, Иваново, 8-10 сентября 2011 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – С. 251–255.

5. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц / А. В. Кунин. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.

6. Лескина, С. В. Виды фразеологической полисемии и способы ее проявления в компаративной лингвистике (на примере русского и английского языков) / Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. № 1. С. 68–71.

7. Макарова, О. С. О принципах составления словарной статьи в «Словаре сочетаемости фразеологизмов русского языка». Ученые записки Новгородского государственного университета. 2015. № 3 (3). – С. 1–3.

Е. Р. Поршнева

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)*

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В СВЕТЕ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

SPECIFICS OF IMPROVING THE LANGUAGE SKILLS OF FUTURE TRANSLATORS AND INTERPRETERS IN RELATION TO A NEW PARADIGM IN EDUCATION

Автор статьи рассматривает специфику языковой подготовки будущих переводчиков, которая заключается в обучении внутриязыковому переводу как виду речевой деятельности. Предлагается типология упражнений, подготавливающих студентов к овладению переводческой деятельностью.

This article deals with the specifics of improving the language skills of future translators and interpreters that involves teaching intralingual translation and interpretation as a type of speech activity. Typology of exercises that help to prepare students for translation and interpretation is given.

Ключевые слова: языковая подготовка, внутриязыковой перевод, профессиональная контекстуализация, компетенция.

Keywords: language skills, intralingual translation, contextualization, competence.

Об особом характере владения языками, необходимом для того, чтобы овладеть переводческой профессией специалисты перевода писали и пишут уже более полувека. Причем многие подчеркивают, что очень важно с самого начала выстраивать обучение будущих переводчиков иностранным языкам так, чтобы оно не отрывалось от родного языка и проходило в постоянном сопоставлении языковых понятийных систем [9, 7, 8, 6]. При этом все единодушно подчеркивают, что особенно важна предварительная работа «по активизации навыков родного языка», поскольку роль родного языка в становлении переводчика-профессионала не менее значительна, чем роль активного владения иностранными языками [1, 3].

Нужно сказать, что со времени моей первой публикации о профессиональной направленности языковой подготовки переводчиков ситуация несколько изменилась. ФГОС ВО по направлениям «Лингвистика» и «Перевод и переводоведение» регламентирует компетентностный интерактивный подход к организации профессиональной подготовки лингвистов-переводчиков, выстраиваемой с учетом перспективы развития профессии. Требования к профессиональной подготовленности специалиста менее декларативны, но их формулировки остаются в традициях знаниевой парадигмы (знать, уметь, владеть). Наметила профессиональная ориентация языковой подготовки, обозначены профессиональные компетенции, но, к сожалению, пока их описание не единообразно. Может быть, поэтому обучение будущих переводчиков родному языку все еще остается слишком теоретизированным и не отвечает современным требованиям к профессии. И в этом, как ни странно, часто бывают виноваты и преподаватели русского языка, уверенные в том, что выпускник лингвистического вуза должен в первую очередь иметь четкое представление о родном языке как системе, освоить его теоретически, знать правила грамматики, орфографии и пунктуации. С этим трудно не согласиться, но будущему переводчику этого недостаточно. Он нуждается в

особой языковой подготовке, практико-ориентированной, развивающей его способности извлекать и адекватно передавать прослушанную и прочитанную информацию с учетом восприятия и толкования данной информации представителем другой культуры.

Эффективность процесса языковой подготовки переводчика зависит от сформированности у преподавателей и обучающихся *во-первых*, целостного представления о профессиональной переводческой деятельности; *во-вторых*, целостного представления об особенностях владения родным и иностранным языками, востребованных для овладения переводческой профессией; *в-третьих*, четкого представления о том, как организовать свою лингвистическую подготовку к ней.

В связи с этим необходимо напомнить лингвopsихологическую работу И.А. Зимней, в котором исследуются виды речевой деятельности. Анализируя механизмы перевода как особого вида речевой деятельности, наряду с такими ее видами, как слушание, говорение, чтение, письмо, автор подчеркивает, что «владение основными видами речевой деятельности еще не обеспечивает владения переводом», что «переводу необходимо учить специально, учитывая психологические особенности этого сложного, специфического, вторичного вида речевой деятельности человека» [2. С. 134]. Традиционно данные слова воспринимаются как призыв к обучению профессиональному переводу отдельно от языковой подготовки. Пока, к сожалению, остается нерешенным вопрос о преемственности этапов на методологическом уровне, поскольку перед базовым языковым образованием не ставится задача – вооружить студентов стратегиями освоения иностранных языков, методологическими основами текстовой деятельности. А именно в этом и состоит особенность формирования профессионального владения языком, в отличие от обучения профессиональному языку. Традиционная языковая подготовка специалиста не создает достаточных условий для формирования целостного представления

о предстоящей профессиональной деятельности и о том, как организовать свою лингвистическую подготовку к ней, что свидетельствует об отсутствии у студентов готовности к овладению переводческой профессией. И здесь мне видится главная проблема неэффективности языковой подготовки переводчика. Опыт показывает, что осмысление перевода как речевой деятельности приходит лишь в процессе её осуществления, и только после этого у обучающегося возникает потребность в самообразовании. А поскольку формирование языковой личности будущего специалиста-переводчика вне профессионального контекста невозможно, то возникает задача перестройки учебного процесса, его профессиональной контекстуализации и, прежде всего, пересмотра его целевых установок. Профессиональная контекстуализация меняет привычную стратегию обучения языкам, концентрируя внимание на формировании профессиональной культуры будущих специалистов, на развитии познавательных и профессиональных мотивов, профессионально значимых компетенций, на умении самостоятельно обновлять и совершенствовать знания, развивать познавательную активность.

Многие авторы, пишущие о проблемах подготовки переводчиков, цитируют высказывание Р. Якобсона о трех видах перевода как способах интерпретации вербального знака (внутриязыковой, межъязыковой, межсемиотический) [5]. Для языковой подготовки особое значение приобретает внутриязыковой перевод, поскольку умение переформулировать, передать смысловое содержание чужого высказывания является основным показателем профессионального переводческого мышления. Очевидна необходимость обучения внутриязыковому переводу как особому виду речевой деятельности, введения его как отдельного аспекта при обучении родному и иностранному языкам. Раннее освоение фундаментальных механизмов переводческой деятельности закладывает фундамент профессионального освоения языков, способствует развитию интерпретативной компетенции на родном языке и формированию ее затем на иностранном языке. Кроме того, осознание механизмов внутриязыкового перевода помогает преодолеть ложное представление о переводе как замены слов одного языка на слова другого, затренированное при изучении иностранного языка в средней школе. Обычно преподаватели прибегают к педагогическому переводу, полагая, что дословный и буквальный переводы помогают выявить

специфику языкового явления, лучше понять грамматическую структуру, значение слова. При этом нельзя забывать, что данные упражнения выполняют сугубо лингвистическую функцию и предназначены только для контроля усвоения иноязычной лексики и грамматики. Выполнение многочисленных упражнений на дословный перевод непроизвольно внушает мысль об изоморфности родного и иностранного языков, о том, что каждому слову одного языка соответствует слово другого языка. Самое неприятное, что при этом появляется мнимая опора на родной язык, вырабатывается привычка строить иноязычное высказывание по модели родного языка (подменяя родные слова словарными «эквивалентами»), которая в дальнейшем искореняется с большим трудом. Подробно о том, как у обучающихся вырабатывается ложное представление о переводе написано в статье об использовании перевода на занятиях иностранным языком [4].

Упражнения на внутриязыковой перевод (развивающие и формирующие интерпретативную компетенцию) можно разделить на два типа: упражнения на внутриречевое и межречевое перефразирование. Переформулирование опирается на такие речемыслительные операции как оценивание/анализ лексики, сопоставление, противопоставление, выявление сходства, различий и т.д. Сразу оговоримся, что многие из этих упражнений используются при развитии речи на родном языке в младшей школе и при обучении иностранным языкам. При обучении переводчиков они должны осознаться как освоение речевой деятельности, наряду с чтением, аудированием, говорением и письмом. Рассмотрим эти упражнения подробнее.

1. Типология упражнений на внутриречевое переформулирование включает:

1. Упражнения на поверхностные трансформации

- категориально-морфологические (изменение частей речи: инфинитив заменить отглагольным существительным, наречие заменить словосочетанием и т.п.);
- лексические (замена не системными /словарными/, а контекстуальными эквивалентами), включающие как синонимические, антонимические, так и фразеологические замены, комбинирование гиперонимических и гипонимических отношений;
- синтаксические (переформулирование смысла разными синтаксическими структурами);

- самопереформулирование (речи самого говорящего), поиск наиболее лаконичного и точного словесного выражения, уточнение высказывания;
- составление дефиниции, объяснение понятий, предметов или явлений; передача содержания высказывания другими словами; и лексическими средствами: (редко в чистом виде, обычно комбинированные);
- схематизация текста для его последующего пересказа;
- микрореферирование (составление резюме).

Большую трудность у нынешних студентов вызывает передача на родном языке ключевой информации (компрессия) прочитанного или прослушанного текста, поэтому особую значимость приобретают упражнения на микрореферирование. Причем на русском языке целесообразно начинать с упражнений на микрореферирование устного, а затем письменного текста, а при изучении иностранного языка сначала учиться сокращать письменный текст, а позже переходить к микрореферированию в процессе аудирования.

2. Упражнения на глубинные трансформации

- перепланирование текста, описание ситуации с помощью иных деталей
- представление ситуации как описание действия, предполагаемого, совершаемого, или завершенного (инструкция, повествование)
- представление ситуации как результата действия (описание, рассуждение)
- представление ситуации через восприятие другого лица (описание, повествование, рассуждение), участвовавшего в действиях, участника события
- представление ситуации со слов участников события (передача информации, услышанной, прочитанной, рассказанной и т.п.)

Творческие упражнения на глубинные трансформации позволяют развивать умения по-разному представлять ситуации, решать задачи по отбору важных и второстепенных деталей, выявлять существенные элементы и признаки в зависимости от цели высказывания, адресата и условий представления (по радио, на телевидении, одному слушателю, публично, в знакомой или незнакомой обстановке). При этом используются такие приемы как конкретизация, генерализация /обобщение/, сжатие и расширение высказывания, де/идиоматизация, требующие применения всех видов поверхностных трансформаций.

Таким образом, упражнения на пересказ текста, демонстрирующие разное видение ситуации, становятся полифункциональными и очень эффективными: работает вся группа, совершенствуется владение типологией текстов, формируются профессионально значимые умения и навыки. Особенно важно в профессиональном плане привлекать слушающих в качестве экспертов по оценке полноты информации пересказа и соответствия заданным текстовым параметрам, поскольку в этом случае формируются и совершенствуются рефлексивные умения, способность оценивать и выявлять оптимальные содержательные и языковые трансформации.

II. Типология упражнений на межречевое переформулирование включает:

1. Упражнения на оперирование разными функционально-стилистическими регистрами;

- подбор разнорегистровых эквивалентов, соответствующих конкретной коммуникативной ситуации на РЯ (затем то же задание при обучении ИЯ);
- объяснение основных понятий текста с позиций межкультурной коммуникации;
- трансформация повествования в информационную заметку;
- преобразование бытового диалога в официально-деловой и т.п.;

2. Упражнения на трансформацию с одной формы изложения в другую

- преобразование устной формы в письменную;
- диалогической в монологическую, интервью в статью;
- развертывание тезисов; телеграммного текста;
- пересказ – адаптация сообщения, ориентированная на доступность информации конкретному слушателю/читателю;
- пересказ – объяснение;
- объяснение схемы, плана;
- описание картины.

Данные упражнения помогают студентам с самого начала обучения сориентироваться в различных функциональных стилях и сознательно использовать соответствующие им средства, а при построении высказывания исходить не из лексических средств, а из конкретной коммуникативной ситуации. При этом развиваются умения группировать речевой, культурологический и когнитивный уровни. Это умение зависит, прежде всего, от опыта текстовой деятельности обучающихся, уровня развития их дискурсивной памяти на родном языке.

Главное, чтобы в организации практических курсов иностранных и родного языков не возникало ощущения мозаичности профессиональной подготовки. Языковое образование должно быть сквозным; один вектор восприятия, скоординированная система анализа, общая система понимания, интерпретации и обработки текста – все эти составляющие являются залогом успеха в подготовке профессионального переводчика, уровень компетенций которого должен соответствовать требованиям современной информационной ситуации и быстро меняющегося рынка труда.

Список литературы

1. Алексеева, И.С. Профессиональный тренинг переводчика / И.С. Алексеева. СПб: Союз, 2001.
2. Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – URL: <http://psychlib.ru/mgppu/zlp/ZLP-001-.htm>.
3. Мирам, Г.Э. Профессия: переводчик / Г.Э. Мирам. Киев: Ника-Центр, 1999.
4. Поршнева, Е.Р. Использование перевода в процессе языковой подготовки будущих переводчиков / Е.Р. Поршнева // Вестник Ни-

жегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 29. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. С.136-150.

5. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: [Сб. статей: пер. с англ., нем., франц.] – М.: Международные отношения, 1978.

6. Draganova, E. Aspects académiques et aspects professionnels de la traduction, traduction pédagogique et traduction professionnelle à l'Université / E. Draganova // Développement de curricula et de méthodologie pour les cours de traduction et d'interprétation. Projet: 2.6.1. / Coordonnatrices A. Butasova, E. Draganova. Graz, 2000. Atelier №700

7. Gogenmos, T. Comment perfectionner son français «B» lors d'un séjour en France / T. Gogenmos. – Comment perfectionner ses connaissances linguistiques. Paris: l'Association des Amis de l'ESIT. 1998. P.101-104.

8. Lavault, E. Fonctions de la traduction en didactique des langues / E. Lavault. – Paris: Didier Erudition, 1998.

9. Seleskovitch, D. La compréhension de l'oral / D. Seleskovitch // Comment perfectionner ses connaissances linguistiques. Paris: l'Association des Amis de l'ESIT, 1984. P. 67-79

В. А. Разумовская

*Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)*

ТВОРЧЕСТВО В.П. АСТАФЬЕВА: ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СИБИРСКОГО ТЕКСТА

CREATIVE WORKS OF V.P. ASTAFYEV: LITEROCENTRIC TRADITION OF RUSSIAN LITERATURE AND THE PROBLEMS OF SIBERIAN TEXT TRANSLATION

Статья посвящена рассмотрению сибирского текста в литературоцентрическом и переводческом аспектах. Традиционный литературоцентризм русской и сибирской литературы определяет наличие в художественных текстах значимой культурной информации, представленной культуронимами. В ситуации художественного перевода культуронимы, отражающие сибирское культурное своеобразие, выступают регулярными единицами перевода. Материалом исследования послужили оригинальные тексты В. П. Астафьева и их иноязычные переводы. Лингвокультурные особенности астафьевских текстов обуславливают использование переводчиками культуроориентированных стратегий в различных комбинациях.

The article considers the Siberian text in literocentrism and translation aspects. The traditional literocentrism of Russian and Siberian literature determines the presence in texts of literature significant cultural information, which is presented by culturonyms. In the situation of literary translation the culturonyms, which reflect Siberian cultural identity, are the regular translation units. The original texts by V.P. Astafyev and their foreign language translations were used as the material of the study. The linguocultural peculiarities of the Astafyev's texts stipulate the use of culture orientated strategies in various combinations by translators.

Ключевые слова: русская литература, литературоцентризм, сибирский текст, Астафьев, культуроним, художественный перевод.

Keywords: Russian literature, literocentrism, Siberian text, Astafyev, cultuonym, literary translation.

Рассматривая культуру и, соответственно, культурную информацию как «совокупность результатов деятельности людей, создающих систему традиционных для человечества ценностей, как материального, так и духовного характера» [6. С. 9], исследователи априори признают литературные тексты (и, прежде всего, наиболее эстетически и культурно значимые тексты) важнейшей составляющей культурного пространства. В ряде культур мира именно литературные тексты формируют информационное ядро культур. Именно ядерные тексты несут основную информацию о данных культурах в ситуации межкультурного взаимодействия и культурного обмена, что и позволяет определить данные культуры как культуры литературоцентрические. Понятие литературоцентризма, впервые возникшее и сформулированное в предметном поле теории литературы, основывается на упорном тяготении культуры в целом к литературно-словесным формам самопрезентации [3], на понимании литературы как основного хранилища, а нередко и генератора базовых ценностей определенного культурного сообщества [4], на особом статусе литературных текстов в культурном пространстве. Литературоцентризм предполагает признание высокого статуса словесности в национальной культуре, непререкаемого приоритета художественного слова.

Ярчайшим примером литературоцентричной культуры является русская культура. Литературоцентризм традиционно определяется как метаисторичное свойство русской культуры: литературоцентрическая модель русской культуры была сформирована в особой информационной среде России, обусловленной специфическим типом русской ментальности, особенностями русского национального характера. Будучи уникальным явлением, литературоцентризм доминировал в русской культуре

на протяжении двух веков: с момента расцвета и господства литературоцентризма до его кризиса и заката (от Н. М. Карамзина до М. Горького). Литературные тексты традиционно служили и продолжают служить целям сохранения русского культурного своеобразия и осуществления межкультурного обмена между русской культурой и другими культурами мира. Именно через тексты А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. И. Солженицына и других русских классиков представители «других» культур имеют возможность постичь «загадочную русскую душу», понять специфику русского менталитета и русского характера, познакомиться с особенностями русского быта, явлениями русской культуры и событиями русской истории.

В пространстве художественных текстов, отражающих многомерную и многообразную (гетерогенную) русскую культуру, регулярно представлены произведения, передающие культурную информацию не только о русской культуре в целом, но и об отдельных регионах многонациональной и поликультурной России. Среди таких самобытных территорий особое место занимает Сибирь – огромное географическое пространство с историческими, природно-климатическими и демографическими особенностями, а также богатейшими запасами разнообразных полезных ископаемых, что определяет важнейшее значение региона в политической, экономической и, конечно, культурной жизни России.

Центральное место в сибиреведении, исследующем во временном и пространственном аспектах различные аспекты жизни Сибири и, прежде всего, культуру данного уникального российского региона, принадлежит сибирскому тексту, который понимается в широком значении как «текст о Сибири» [1. С. 3]. По мнению А. С. Янушкевича данный вид текста формировался в процессе постижения Сибири

как особой семиосферы и обладает особыми хронотопическими и полисемантическими характеристиками. Определяя сибирский текст как историософское и историко-культурное понятие, как историософскую и культурологическую дихотомию, исследователь отмечает, что в процессе осмысления данного понятия на пересечении как мифа и реальности, так и изнутри и извне сибирский текст обретает энергию идентификации и самосознания. Крайне важно, что сибирская литература и, соответственно, сибирская культура, никогда не развивались в отрыве от русской литературы и культуры. Так, эволюция сибирского текста и, соответственно, сибирской литературы за период с конца XVIII века до начала XX века позволяет А. С. Янушкевичу прийти к выводу, что взаимодействуя с сибирской литературой, русская литература постоянно обогащается новым текстовым материалом и значительно расширяет свое антропологическое пространство. Сибирская и русская литература неотделимы друг от друга. «Но не была ли вся сибирская литература такой же органической частью единого целого русской культуры? ... И впоследствии художественные открытия Вампилова и Шукшина, Астафьева и Распутина распространяются в тексте общерусского литературного процесса и уже определяют что-то очень существенное в его развитии» [9. С. 234].

Таким образом, литературное творчество сибирских авторов, как и вся русская литература в целом, неразрывно связано с культурным своеобразием Сибири и России, является его неотъемлемой частью и свидетельствует о бесспорном доминировании литературных текстов среди способов отражения культурного пространства России и её регионов.

Творчество В. П. Астафьева также неотделимо от русской культуры и посвящено сохранению и распространению традиционных культурных ценностей и, прежде всего, культурных ценностей родной для автора Сибири. И именно сибирские художественные тексты транслируют культурную информацию о России и Сибири представителям «других» культур, которые могут ознакомиться с данными текстами, как в их оригинальных версиях, так и, конечно, в версиях иноязычных переводов.

В обширном корпусе переводов сибирских художественных текстов значительная доля, бесспорно, принадлежит известным текстам сибирских мастеров художественного слова. Так, в статье, вышедшей почти 30 лет назад, отмечается, что книги С. Залыгина были

уже переведены на 15 иностранных языков, В. Шукшина – на 18, а В. Распутина – на 21 язык мира [2]. Указанные данные приводятся без учета переводов художественных текстов сибирских писателей на языки народов СССР, что может стать темой отдельного исследования. Примечательно, что за менее чем двадцать лет произведения В. Шукшина были переведены уже на 26 иностранных языков [5], что свидетельствует о значительном возрастании интереса к сибирскому тексту в мировом культурном пространстве.

Литературоведы и переводоведы единодушно отмечают, что наиболее известным в мире и, соответственно, переводимым сибирским писателем является В. П. Астафьев. Так, первым известным иноязычным переводом астафьевского текста стал польский перевод повести «Звездопад» (1960), опубликованный в 1961 году. К началу XXI века произведения писателя были переведены на 22 иностранных языка и изданы в 28 странах мира [7. С. 221]. Указатель произведений, опубликованный к семидесятипятилетнему юбилею писателя (в 1999 году), сообщает о существовании переводов астафьевских текстов на большинство европейских языков. Еще более точные и обширные данные о выполненных переводах произведений В.П. Астафьева на языки мира представлены во всемирной базе переводов, созданной ЮНЕСКО в 1932 году, – Index Translationum.

Переводчики сибирского текста (и астафьевского текста в частности) единодушны в признании того, что их основной задачей является сохранение во вторичном переводном тексте культурного своеобразия и особенностей художественного оригинала. У В.П. Астафьева художественные тексты неразрывно связаны с личностью автора, местом и временем их создания. В астафьевских текстах представлены точные и подробные картины уникальной природы Сибири, а также описаны взаимоотношения человека и окружающей его природы. Тематика и сюжетика произведений писателя-сибиряка обусловили использование многочисленных и разнообразных культуронимов. Так, культурно маркированные единицы представлены: культурными реалиями («бойе», «телогрейка», «чалдон»); именами собственными («Игнатъич», «Грохотало», «Тайка»); топонимами («Чуш», «Фрунзе», «Енисейск», «Опариха», «Заречье»); этнонимами («эвены», «селькупы», «нганасаны»); гидронимами («Енисей», «река Фетисова»). Особую группу единиц перевода составляет прямая речь героев художественных

текстов, которая является территориально и социально маркированной, отражает территориальные и социальные диалекты современного русского языка («опчество», «шешнацать», «мноко», «забусел», «ухарь»).

Примечательно, что сам В. П. Астафьев писал о трудностях перевода своих текстов следующее: «Думаю, что мои трудно переводимые названия книг и язык, изобилующий местной речью и истинно русскими словами, которые отчего-то сделались “редкими”, переводить буквально нельзя, какой-то сходный материал найдется в любом языке, при этом, конечно, многое потеряется, исчезнет “тень” и “полутень”, но тут уж ничего не поделаешь» [Цит. по: 8]. Интересными наблюдения за сложностями перевода произведений писателя делится красноярский литературовед Г. М. Шленская [8], которая пишет, что познакомившись с текстом «Царь-рыбы» в первый раз, чешские издатели единодушно решили, что перевод данного произведения на другой язык невозможен. Автор русского оригинала использует слишком много просторечных слов, диалектизмов и народных выражений, которые не имеют эквивалентов в чешском языке. И, тем не менее, чешский переводчик В. Михна, по свидетельству Г. М. Шленской, «обиделся за чешский язык и писателя Астафьева» и обратился к своим конспектам лекций студенческих лет по чешским диалектам, что дало ему возможность найти наиболее точные переводческие эквиваленты диалектизмов оригинала. Интересно отметить, что в оригинальном повествовании и речи героев «Царь-рыбы», события которого происходят в северных районах течения Енисея, автор использует диалектизмы южных районов Красноярского края. Не имея возможности восстановить диалектную специфику астафьевского текста в полном объеме, В. Михна сумел сохранить в чешском переводе диалектную окраску художественного текста.

Таким образом, успешность транслирования сибирской культуры в «чужие» культуры в ситуации межъязыкового перевода напрямую зависит от правильности и точности выделения потенциальных единиц перевода, а также выбора наиболее эффективных стратегий передачи культурно маркированных единиц перевода, предполагающих культурное опущение, сохранение или культурную замену. Особую трудность для переводчиков представляет передача средствами других языковых систем слов-экзотизмов, разнообразия имен собственных, идиостиля авторов текстов (например,

В. П. Астафьева), а также речевого своеобразия героев повествований. Признавая объективные и субъективные трудности перевода сибирских художественных текстов, необходимо отметить, что сибирский текст постоянно расширяет свое присутствие в мировом культурном и литературном пространстве и дает возможность представителям «других» культур познакомиться с сибирскими культурными особенностями.

Список литературы

1. Анисимов К. В. От редактора / Анисимов К. В. // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. – С. 3–6.
2. Зиновьева В. Л. Семантика диалектных слов, употребленных в языке современных сибирских писателей, и возможности их перевода на французский язык / В. Л. Зиновьева // Лексическая и фразеологическая семантика языков народов Сибири. – Новосибирск: ИИ-ФИФ СО АН СССР, 1987. – С. 100–115.
3. Кондаков И. В. Покушение на литературу (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре) / И. В. Кондаков // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. II. – С. 75–127.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – С. 14–285.
5. Марьин Д. В. Филологический метод представления перевода секвенции текстов. На материале сборника переводов рассказов В. М. Шукшина «V. Shukshin. Stories from a Siberian village»: дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Марьин. – Кемерово, 2004. – 255 с.
6. Миронов В. В. Современные трансформации в культуре / В. В. Миронов. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. – 208 с.
7. Робонен Е. В. Международные связи Астафьева В. П. / Робонен Е. В. // Феномен В. П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: сборник материалов I международной научной конференции, посвященной творчеству В. П. Астафьева. Красноярск, 7–9 сентября 2004 г. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2005. – С. 221–225.
8. Шленская Г. М. Взаболъ / Г. М. Шленская // Сибирские огни. – 2008. – № 2. – С. 177–190.
9. Янушкевич А. С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри / Янушкевич А. С. // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2004. – С. 227–235.

П. С. Романов

*Московский государственный областной технологический университет
(Королев, Россия)***РОЛЬ ЭКСТЕНСИВНОГО ЧТЕНИЯ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ****EXTENSIVE READING AS EFFECTIVE INSTRUMENT
FOR THE SECOND LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY**

В статье сделана попытка определить роль экстенсивного чтения и его некоторых вариантов, усиливающих положительный эффект чтения на результаты преподавания английского языка как второго языка для студентов неязыкового вуза. Экстенсивное чтение является разновидностью чтения в самом широком смысле этого термина. Чтение имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, и в статье делается упор на выявлении роли экстенсивного чтения в арсенале методических средств для преподавания иностранного языка. При этом универсальный характер этого подхода позволяет с успехом применять его для обучения студентов английскому языку в самых различных группах на различных этапах изучения языка (от начальной ступени до продвинутой).

The article identifies the importance of extensive reading and its approaches which effectively influence the results of English studying as second language. The case study of non-linguistic university is under investigation. The article reveals some tools for improving the motivation of students-learners of English as a second language. The most important practical conclusions from the review of the theoretical approaches, including the so-called extensive reading, the last can be used effectively to overcome language anxiety status and motivation of students in non-language universities. The method of extensive reading was a logical extension of the well-known theory of Stephen Krashen's five input hypothesis when learning a foreign language. Practical implementation of theoretical works listed scientists had found a place in many works of practitioners-teachers of a foreign language, mainly English, in many countries all over the world. The specific variants on formation of boundary conditions of this method application are listed here.

Ключевые слова: социология чтения, экстенсивное чтение, методика изучения иностранных языков, компьютерные средства обучения.

Keywords: sociology reading, extensive reading, methods of learning foreign languages, computer training, input hypothesis.

В своей деятельности преподаватели иностранных языков постоянно встречаются с рядом проблем и ограничений в применении той или иной методики преподавания английского языка. Например, они постоянно должны отыскивать пути мотивации студентов в изучении иностранного языка самым эффективным образом [5]. Преподаватели иностранных языков призваны постоянно, из урока в урок, находить пути решения сложнейшей задачи активизации речемыслительной деятельности студентов на занятиях по иностранному языку. Эта задача обусловлена необходимостью применения максимально эффективных подходов к обучению учащихся иностранным языкам, особенно в условиях неязыковых вузов, в условиях ограниченного количества учебных часов, выделя-

емых на освоение английского языка. В этом случае преподавателям необходим скрупулезный аналитический подход к выбору средств и методов преподавания иностранного языка. За последние пятнадцать лет в сообществе преподавателей иностранных языков во всем мире возникло устойчивое мнение о том, что одной из эффективных технологий изучения английского языка является метод чтения, и главным образом экстенсивного чтения [7]. Вместе с тем, появились противники данного метода, которые выдвигают свои веские обоснования данной точки зрения. Об этих особенностях метода экстенсивного чтения автор статьи неоднократно упоминал в своих работах, посвященных проблеме чтения в библиотечной и педагогической деятельности, в том числе и

по применению метода экстенсивного чтения [1–3]. Метод постоянно претерпевает изменения и дополнения по мере появления все новых и новых публикаций в международном и отечественном педагогическом сообществе. Наиболее изучаемым и привлекающим внимание преподавателей иностранного языка, безусловно, остается метод экстенсивного чтения. Причем он является актуальным для всех случаев преподавания английского языка как первого и как иностранного [11. р. 295–302].

Среди зарубежных специалистов по методике преподавания английского языка бытует два устойчивых термина процесс преподавания английского в вузах и школах: это английский как иностранный язык (аббревиатура EFL) и английский как второй язык (ESL). Выбор этих терминов и соответственно подходов обусловлен различными причинами изучения английского языка. Очевидно, что для российских условий термин EFL является единственно приемлемым. В данной статье мы не будем касаться вопросов принципиального различия в двух подходах и соответственно в двух терминах.

Следует вкратце, насколько это позволяют рамки данной публикации, остановиться на истории возникновения метода экстенсивного чтения, о работах первопроходцев этой темы в методике преподавания иностранных языков. Признанные авторитеты в области преподавания иностранных языков с применением экстенсивного чтения Day и Bamford [6] относят дату появления метода экстенсивного чтения к началу двадцатого века, упоминание о котором можно найти в трудах Harold E. Palmer (1921 г.), автора концепции прикладной альтернативной лингвистики. Последний определяет его как чтение большого массива источников, как быстрое чтение одной книги за другой, но обязательно в больших количествах. Он утверждал, что язык не является целью какого-то научного или другого текста, а всего лишь значащей характеристикой данного текста. В таком же ключе он объяснил и значение термина «интенсивное чтение», указав, что целью интенсивного чтения является значение прочитанного, его содержание. Например, студенты, изучающие английский язык в стенах неязыкового университета, при интенсивном подходе постоянно пользуются своими толковыми англо-русскими словарями по специальности с целью не только выучить новые слова и термины, но и сосредоточить свое внимание на новых грамматических феноменах, которые им встре-

чаются в учебных текстах. Более того, во время интенсивного чтения эти студенты сосредотачивают внимание на анализе слов и взаимосвязей между словами, на переводе отдельных слов, предложений и всего читаемого текста, в то время, как считает Palmer, студенты, занимающиеся экстенсивным чтением, сосредотачивают свое внимание главным образом на содержании текста, а не языковых особенностях [10. р. 111]. Можно, конечно, соглашаться или не соглашаться с мнением уважаемого лингвиста, коим, безусловно, являлся Harold Palmer, но один факт несомненен – уже в те годы (начало двадцатого века) проблеме экстенсивного чтения, вопросам, связанным с этим процессом, ученые-исследователи начинают уделять самое пристальное внимание.

Современные исследователи проблем экстенсивного чтения – преподаватель государственного университета на Гавайях Richard Day и преподаватель женского университета в Токио Julian Bamford – еще в 1998 году отметили, что одно из наиболее точных приемлемых определений экстенсивного чтения как методики изучения иностранного языка среди зарубежных специалистов принадлежит Michael West из Нью-Йорка. Он характеризовал экстенсивное чтение как дополнительное чтение. В такой интерпретации экстенсивному чтению отводится роль почти как развлекательному чтению, но в то же время чтению на изучаемом иностранном языке. Более того, применение подхода «экстенсивное чтение» позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого студента в процессе обучения иностранному языку и влиять на степень совершенства в чтении иностранной литературы [6]. Впоследствии другой зарубежный исследователь этой методики – Stephen Krashen – отметит, что в программе чтения на иностранном языке можно выделить три основных направления: это чтение «про себя»; чтение по выбору; экстенсивное чтение [8. р. 74]. Анализируя перечисленные три направления, Krashen выстраивает собственную концепцию изучения иностранного языка, в которой он утверждает, что студент в процессе учебы постигает иностранный язык только в одной форме: понимая послания или получая понятную входящую информацию в ситуации, в которой он не подвержен лингвистическому стрессу [8. р. 37]. При этом Krashen вводит в научный оборот выражение «свободное добровольное чтение» (free voluntary reading – FVR). В этом подходе студенты читают то, что им нравится, то, что

они хотят и выбирают самостоятельно; никаких отчетов о прочитанном материале студенты не делают; в конце каждой главы книги отсутствует перечень вопросов, призванных закрепить понимание студентом содержания прочитанного материала. Автор данной концепции считает, что именно такая модель экстенсивного чтения является наиболее эффективным подходом в изучении иностранного языка. Поэтому процесс обучения реализуется в такой учебной ситуации, когда уровень лингвистической тревожности студента имеет минимальные значения, поскольку отсутствуют факторы академических заданий, вызывающие состояние эмоционального напряжения у студентов. Более того, в данном подходе такой риск почти исключается, процесс обучения протекает при полной заинтересованности студентов. Все изложенные выше подходы к экстенсивному чтению оказали существенное влияние на современные методики преподавания иностранных языков и заставили под новым углом рассматривать процесс чтения литературы на иностранном языке.

Изложенные перспективы развития указанной методики заставили преподавателей внести некоторые коррективы в классические модели преподавания иностранных языков, которые традиционно содержат программы интенсивного чтения. Не вдаваясь в подробности различий между этими двумя подходами, отметим главные особенности именно экстенсивного подхода: свободный для студента выбор материала и получаемое от чтения удовольствие. Эту особенность выделяют многие современные зарубежные исследователи, например, Christine Nuttall [9] в известной монографии по вопросам преподавания иностранных языков через чтение, выпущенной в издательстве McMillan. При экстенсивном подходе студенты должны читать книги, от прочтения которых они получают удовольствие, и которые не представляют для них большую трудность ни в словарном, ни в грамматическом аспектах. Таким образом, формируется и закрепляется у студентов привычка к постоянному чтению художественной литературы. Этот исследователь также установила, что студенты, которые применяли подход экстенсивного чтения, по сравнению со студентами в контрольной группе демонстрировали лучшие результаты в освоении учебной программы, обладали повышенной скоростью чтения и выгодно отличались наличием устойчивой привычки чтения художественной литературы. Отдельные ис-

следователи считают, что свободный выбор литературы студентами следует ограничивать, допуская вмешательство преподавателя в этот процесс [4].

В своих работах ведущие зарубежные лингвисты [6. р. 7–8] выделяют перечень характеристик, которые на их взгляд являются обязательными для успешного освоения программы экстенсивного чтения. По их мнению, студенты должны читать как можно больше. Процесс чтения может, конечно, протекать и в учебной аудитории, но предпочтительнее и главным образом – вне ее. Студенты должны обладать правом свободного выбора литературы для экстенсивного чтения. Чтение должно доставлять удовольствие студенту, тексты должны быть достаточно информативными и не затруднять студентам понимание общего содержания. Роль преподавателя в процессе организации экстенсивного чтения должна сводиться в первую очередь в определении перечня тем, которые должны быть предложены студентам. Материал для чтения должен соответствовать уровню владения языком, должен обладать определенным словарным запасом, не препятствующим быстрому прочтению материала, а также не представлять серьезных затруднений в интерпретации грамматических феноменов. Преподаватель должен осуществлять постоянный контроль освоения прочитанного материала, объяснять методические вопросы, возникающие в процессе чтения у студентов, держать в поле внимания характер читаемого или выбранного для чтения материала, помочь студенту довести до логического завершения программу чтения. Преподаватель должен представлять собой ролевую модель чтения для студентов должен постоянно демонстрировать уровень своей квалификации как в лингвистическом, так и в филологическом аспектах. Экстенсивное чтение должно выступать в роли своеобразной награды студенту, тексты не должны сопровождаться какими-то специальными пост-текстовыми упражнениями. Режим чтения должен быть сугубо индивидуальным и «про себя». С последним утверждением упомянутых авторов согласиться трудно. На наш взгляд, такой режим должен время от времени нарушаться студентом, отдельные места в прочитанном материале, которые вызвали эмоциональные отклики у студента, следует зачитывать вслух. Добиваясь нормативного произношения, характерного для образованных носителей языка. Возможно даже заучивание наизусть определенных отрывков текста. Но все

это должно носить сопутствующий характер. Поскольку текст для экстенсивного прочтения не содержит в подавляющем большинстве случаев незнакомых для студента грамматических феноменов, лексических единиц, то скорость чтения существенно превышает среднюю скорость чтения студента. В своих работах Day и Bamford предлагают определенный перечень условий, выполнением которых сопровождаются реализация программы экстенсивного чтения. Например, объем текстов для чтения должен быть адекватным тому времени, которое отводится студенту на прочтение отобранного материала. Преподаватель оказывает студенту помощь в планировании времени на выполнение этого задания таким образом, чтобы этот вид подготовки не наносил ущерб другим учебным заданиям. Скорость чтения материала напрямую зависит от уровня лингвистической подготовленности студента. Процесс чтения следует предварить определением ориентиров чтения, то есть заданием определенного количества страниц книги или установлением времени, которое планируется затратить на экстенсивное чтение. На этот показатель будет оказывать влияние объем учебной программы. Оценка выполнения программы экстенсивного чтения может проводиться двумя способами: можно оценивать степень выполнения намеченной программы каждого студента в отдельности, либо применить общую оценку выполнения студентом запланированного материала в определенный период времени. Другими словами единицей измерения эффективности могут быть выбраны либо затраченные часы на экстенсивное чтение, либо объем прочитанной литературы, например, в страницах или печатных знаках. В целях контроля можно давать задание студентам вести дневники, в которых они бы отмечали объем прочитанного и количество затраченного времени. В таком дневнике помимо технических данных можно включать и пометки с мнением студента о прочитанном материале, о степени сложности прочитанного объема (в грамматическом и лексическом аспектах). При этом исследователи выразили мнение, что наиболее эффективным прохождением отобранного материала будет в том случае, когда количество незнакомых слов для читающего не превышает 5–10 слов на страницу [6].

Список литературы

1. Романов П. С. Оценка качества чтения как составная часть общей оценки эффективности

работы библиотеки за рубежом / П. С. Романов // Наука о книге: Традиции и инновации: к 50-летию сборника «Книга. Исследования и материалы»: материалы двенадцатой международной научной конференции по проблемам книговедения (Москва, 28-30 апреля 2009 г.): том 2 – М.: Наука, 2009. – С. 150–152.

2. Романов П.С. Чтение как важнейший компонент изучения английского языка: опыт преподавателей США и Канады // Труды МГУУ Правительства Москвы. – 2009. – вып.15. – С. 221–225.

3. Романов П.С. Экстенсивное чтение профессиональной литературы на английском языке и ресурсы Интернета в неязыковом вузе (доклад) // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 22-23 апреля 2010г. – Москва: РУДН, экономический факультет, кафедра иностранных языков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rudn.ru/file.php?id=1168>

4. Aebbersold, J. A., Field, M. L. From reader to reading teacher: Issues and strategies for second language classrooms. New York, NY: Cambridge University Press. – 1997.

5. Archer A.V. Analyzing the extensive reading approach: benefits and challenges in the Mexican context//HOW, a Columbian journal for teachers of English, 2012. – 19, December. – P. 169–184.

6. Day, R., Bamford, J. Extensive reading in the second language classroom. Cambridge, UK: Cambridge University Press. – 1998. – 240 p.

7. Grabe W., Stoller, F. Reading for academic purposes: Guidelines for the ESL/EFL Teacher. In M. Celce–Murcia (Ed.), Teaching English as a second or foreign language (3rd ed.) Boston, MA: Heinle & Heinle. – 2001. – P. 187–203.

8. Krashen, S. The power of reading: Insights from the research (2nd ed.). Portsmouth, NH: Heinemann. – 2004. – 199 p.

9. Nuttall, C. Teaching reading skills in a foreign language (3rd ed.). Oxford, UK: Macmillan. – 2005.

10. Palmer, H. E. The scientific study and teaching of languages. Oxford: Oxford University Press. – 1968. – 340 p.

11. Renandya, W. A., Jacobs, G. M. (2002). Extensive reading: Why aren't we all doing it? In J. Richards & W. A. Renandya (Eds.), Methodology in language teaching. An anthology of current practice (p. 295–302). New York, NY: Cambridge University Press. – 432 p.

М. В. Румянцева*Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова
(Костанай, Казахстан)***ПРОБЛЕМА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ АВТОРА
ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.В. ГОГОЛЯ)****PROBLEM OF REFRACTION OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF THE AUTHOR WHILE TRANSLATING METAPHORICAL
COMPARISONS (ON MATERIAL OF WORKS OF N.V. GOGOL)**

В статье рассматривается проблема преломления языкового сознания автора при переводе метафорических сравнений и описываются три варианта перевода метафорических сравнительных конструкций: перевод с сохранением образа, перевод с заменой образа и перевод с отказом от сохранения образности.

The article depicts the problem of reflection of language consciousness of an author when metaphorical comparisons translated. Three variants of translation of metaphorical comparatives translation are described: the are translation with preservation of an image, the translation with replacement of an image and the translation with refusal of figurativeness preservation.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая картина мира, перевод метафорического сравнения.

Keywords: language consciousness, language picture of the world, translation of metaphorical comparison.

Этническая языковая картина мира создается посредством различных механизмов вторичных ощущений, которые, «вплетаясь» в концептуальную систему отражения мира, «окрашивают» её в соответствии с национально-культурными традициями [3. С. 113-119]. В число вторичных наименований наряду с метафорами, символами и фразеологизмами входит и образное (метафорическое) сравнение. Метафорические сравнения интересны тем, что, создавая новое знание, они соизмеряют разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей.

«Вторичный мир» возникает в результате интерпретации познающим индивидом фактов в их отвлечении от предметной реальности. Но это отвлечение вновь конкретизируется через соизмерение с образным восприятием каких-то черт этого мира со стереотипами, функционирующими в данной культуре. Следовательно, метафорическое сравнение можно рассматривать как механизм, который приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние этноса, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме и сделать на-

глядной невидимую картину мира, то есть создать её языковую картину, воспринимаемую за счет вербально-образных ассоциаций составляющих её слов и выражений.

Таким образом, используемые в процессе познания сравнения способны выполнять как теоретико-познавательные функции, так и функции социокультурно-интерпретативные, связанные с объяснением тех или иных процессов, происходящих в обществе. Способ концептуализации действительности, свойственный определенному естественному языку, отчасти универсален, отчасти этнически специфичен, поэтому в разных языках картины мира имеют свои особенности. Средства компаративности актуализируют языковую картину мира того или иного народа, способствующую постижению человеком окружающего мира [2. С. 68-69].

В процессе перевода художественного произведения, изобилующего метафорическими сравнениями, в результате столкновения двух ЯКМ (автора и переводчика) возникает переводческая проблема сохранения метафорического образа или отказа от него. При анализе переводов произведения Н.В. Гоголя на английский язык наблюдаем три варианта перевода метафорических сравнительных конструкций:

1) *Перевод с сохранением образа* – в этом случае меняется грамматическое, синтаксическое, лексическое оформление метафорического сравнения, но в ПЯ сохраняется метафорический образ текста оригинала. Приведем пример с агентом сравнения *снег* из подгруппы «явления природы» (подробная классификация по агенту сравнения приведена в [4]), где признаком сравнения является цвет:

«У сотника была дочка, ясная панночка, **белая, как снег, как твое личико**». («Вечера на хуторе близ Диканьки: Майская ночь или Утопленница», Н.В. Гоголь)

«*Long ago there lived in that house an elderly man who had a beautiful daughter **white as snow, just like you***». (Claud Field) (Давным-давно в том доме жил престарелый мужчина, у которого была дочка, белая, как снег, прям как ты).

Переводчик использовал добавление «long ago», опущение «твое», логическое развитие «сотника», генерализацию «ясная» и «личико», конкретизацию «панночка», простое предложение стало сложным.

Еще один пример с агентом сравнения из подгруппы «растительный мир»:

«*Но вот послышался свист, от которого захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голосом тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сыпучею бранью...*». («Вечера на хуторе близ Диканьки: Вечер накануне Ивана Купала», Н.В. Гоголь),

Для сохранения образа переводчик использовал логическое развитие для передачи глагола «захолонуло», генерализацию «почудилось», антонимический перевод: «зашумела», добавление «little»:

«*But then a whistle was heard which made Peter's heart grow cold within him; and it seemed to him that the grass whispered, and the flowers began to talk among themselves in delicate voices, like little silver bells, while the trees rustled in murmuring contention...*» (Isabel F. Napgood) (Затем послышался свист, который заставил сердце Петра заледенеть внутри; и показалось ему, что трава шепталась, а цветы начали говорить между собою тоненьким голосом, как маленькие серебряные колокольчики, в то время как деревья зашелестели, перешептываясь, споря о чем-то.)

2) *Перевод с заменой образа* – это как раз тот случай, когда переводчик выражает мысль автора текста через образ, который свойственен культуре ПЯ, новый образ отличается от исход-

ного. Выбирается этот способ перевода, когда существует расхождение в метафорических картинах мира взаимодействующих языков.

Языковая картина мира – это зеркало культуры. Даже если автор и переводчик относятся к близким ЯКМ, при переводе может возникнуть полная или частичная замена образа, ведь каких-то реалий или явлений может просто не быть в ПЯ. Таких замен будет больше, если переводчик и автор принадлежат к далекому ЯКМ. Например, в русской ментальности особое значение придается воде. В ней, с одной стороны, видят средство очищения и источник силы, с другой стороны рассматривают ее как границу между миром живых и мертвых, т.е., как то место, где обитает нечистая сила и души умерших. Свидетельства о почитании водных источников древними славянами сохранились во многих памятниках письменности. Негативная символика воды характерна для толкований снов: мутная и грязная вода предвещает болезнь, смерть, грусть; а речная, чистая вода – слезы. У западных славян проточная вода часто использовалась в любовной магии: девушки ходили к воде, чтобы обеспечить себе успех у парней или для избавления от любовной тоски. В формулах-бращениях, адресованных воде, представлен ее персонифицированный женский образ, наделенный личными именами (Ульяна, Елена, Ердана), эпитетами и другими характеристиками (милая, чистая, быстрая, матушка – вода, Христова мати, Богова сестрица, водичка-орданичка, найстарша Царика и т.п.) [1].

Поэтому в языке возникает большое количество фразеологизмов и метафорических сравнений со словом «вода», например, «как в воду опущенный», «как в воду кануть» и т.д. Перефразируя последний фразеологизм, Н.В. Гоголь создает образ человека, которого невозможно найти:

«*Гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет*». («Вечера на хуторе близ Диканьки: Вечер накануне Ивана Купала», Н.В. Гоголь)

При переводе данного метафорического сравнения переводчик произвел замену на образ, характерный его языковой картине мира:

«*He prowled about, got drunk, and suddenly disappeared as if into the air, leaving no trace of his existence*». (Isabel F. Napgood) (Он гуляет, напивается, а потом растворяется в воздухе, не оставляя следов своего существования.)

Тем самым, в переводе был сохранен образ исчезновения, но утеряна ассоциация с водой. В английском языке прямым соответствием

для «кануть в воду» является «to disappear into the thin air». Для англичан понятнее будет, если человек «растворится в воздухе», а не пропадет в воде. Т.е. при переводе был использован прием целостного переосмысления для передачи ассоциативно не совпадающего метафорического образа в ИЯ и ПЯ.

Как в русском, так и в английском языке существует множество сравнений, связанных с животными, точнее их характеристиками. Самым распространенным в русском языке является сравнение с собакой:

«Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! а нашей братьи чиновников – как собак, один на другом сидит». («Записки сумасшедшего». Н.В. Гоголь)

В русском языке существует выражение: «как собак нерезаных». Есть несколько версий его происхождения. Самая достоверная из них восходит к временам татаро-монгольского ига. Известно, что русские называли неверных ордынцев «собаками». «Резаные»: после хорошей сечи (резни) численность монгольского войска резко уменьшалась. Отсюда: «как собак нерезаных» – о большом количестве народа. Сейчас выражение имеет то же значение. В английском языке, когда чего-то или кого-то чрезвычайно много, употребляется выражение «like herrings». Сельди всегда плавают большим косяком, их неимоверно много. Об этом знают все англичане, поэтому в английском переводе используется именно такая замена образа с использованием логического развития:

«What sort of people live there! How many cooks, how many bagmen! There are brother officials of mine also there packed on each other like herrings». (Claud Field) (Какого сорта люди тут живут! Сколько поваров, сколько приезжих! Мои братья-чиновники тоже запиханы друг на друга, как селетки.)

3) **Отказ от сохранения образа** – в этом случае переводчик переводит текст, не передавая смысл метафорического сравнения.

При переводе метафорических сравнений возникают такие ситуации, когда полное или частичное сохранение образа невозможно в силу употребления автором в качестве агента сравнения безэквивалентной лексики. Прием для перевода метафорических сравнений тогда служит логическое сравнение, т.к. автор отказывается от образности в ПЯ.

Приведем пример сравнения «родом из сказки»:

*«Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась **избушка**,*

как говорится, как избушка на курьих ножках». («Вечера на хуторе близ Диканьки: Вечер накануне Ивана Купала», Н.В. Гоголь)

Для создания образа пугающей и одновременно завораживающей избушки Н.В. Гоголь сравнивает ее с избушкой на курьих ножках. Этот образ появился в славянской языковой картине мира из сказок. Переводчик не мог найти соответствующей лексемы в английском языке для обозначения данного строения, поэтому отказался от сохранения образа, производя логическое развитие и конкретизировав слово «избушка» до «farmhouse», тем самым полностью потеряв образ загадочной избушки, которая бы могла внушить и страх:

«Then he parted the thorn-bushes with a knotty stick and before him stood a tiny farmhouse». (Isabel F. Napgood) (Затем он разделил куст терновника сучковатой палкой, и перед ним показался небольшой крестьянский домик.)

В русской ЯКМ избушка на курьих ножках стоит либо в болотистой, либо лесной местности. В переводе же, используя лексику «farmhouse», которая номинирует домик обычно в той местности, где занимаются сельским хозяйством, переводчик потерял смысл зловеще-сказочной атмосферы сюжета.

Интересны с точки зрения перевода и лексемы из подгруппы: «блюда и продукты питания», где часто встречается национально-специфичный компонент. Приведем пример, где агентом сравнения выступают галушки – одно из традиционных и любимых блюд у украинцев:

«Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. “Что он говорит?” – безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово». («Вечера на хуторе близ Диканьки: Ночь перед Рождеством», Н.В. Гоголь)

«Vakoola fixed his eyes upon him as if searching for the meaning of these words on his face. “What does he mean?” thought he, and opened his mouth as if to swallow his first word». (Constance Garnett) (Вакула уставился на него, будто пытаясь найти значение этих слов на его лице. “Что он имеет в виду?” – думал он, и открыл свой рот так, будто собирался проглотить его первое слово.)

В этом случае автор произвел опущение лексемы «как галушку», отказавшись от метафорического сравнения.

Таким образом, было замечено, что переводчик обращается к замене метафорического образа тогда, когда предполагает, что исполь-

зуемые в тексте сравнения не будут поняты представителями его ЯКМ. Ведь в метафорических сравнениях, как и во всех средствах образности, сосредоточены этнические представления о мире. Представители разных этносов видят и воспринимают мир по-разному. У них разные языковые картины мира. В некоторых случаях мотив отказа от сохранения образа не совсем понятен, возможно, переводчик просто не хочет углубляться в поиски эквивалентов. Однако, совершенно очевидно, что если переводчику не удастся сохранить исходный метафорический образ, языковое сознание автора преломляется, и произведение теряет этнический колорит, а читатель теряет возможность открыть для себя новую культуру, а также личность писателя с его неповторимым жизненным опытом и индивидуальным видением мира.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва: Индрик, 2005. – 1038 с.
2. Еримбетова А.М. Компаративный фрагмент семантического макрополя «человек» / А.М. Еримбетова // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 664-669.
3. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
4. Румянцева М.В. Отражение этнической картины мира в образах сравнения / М.В. Румянцева. – Костанай: ТОО «Центрум», 2015. – 251 с.

Ю. Н. Русина

Полесский государственный университет
г. Пинск (Беларусь)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И СПЕЦИФИКА ИХ ПЕРЕВОДА

STRUCTURAL AND SEMANTIC PROPERTIES OF ENGLISH ECONOMIC DISCOURSE TERMS AND PHRASEOLOGICAL UNITS AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION

Данная статья посвящена выявлению структурно-семантических особенностей и анализу специфики перевода терминов с компонентами цветообозначения и соматизмами и фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, используемых в англоязычном экономическом дискурсе. Делается вывод, что основными видами их перевода на русский язык являются полные или частичные эквиваленты и описательный перевод.

This article is devoted to the identification of the structural and semantic peculiarities and to the analysis of the problem of translation of English economic discourse terms with the components denoting colours and parts of human body and phraseological units with the component denoting animals. The conclusion is made that the main ways of their translation into Russian are total and partial equivalents and descriptive translation.

Ключевые слова: компонент-зооним, компонент цветообозначения, перевод, соматизм, термин, фразеологические единицы, экономический дискурс.

Keywords: component denoting animals, component denoting colours, translation, component denoting parts of body, term, phraseological units, economic discourse.

Целью данной работы является выявление семантических и структурных особенностей терминов и фразеологических единиц (ФЕ), используемых в англоязычном экономическом дискурсе, а также особенностей их перевода на русский язык.

Вопрос о специфике терминов и способах их перевода всегда занимал особое место в сопоставительном языкознании: его рассматривали в своих работах по теории перевода многие лингвисты. Этот вопрос является объектом все более пристального внимания современных ученых.

В жизни современного общества возрастает роль экономических отношений. В настоящее время экономическая терминология становится широкоупотребительной, что вызывает необходимость ее изучения. Как отмечает А.В. Пономаренко, бизнес оказывает все большее влияние на развитие международных отношений, что приводит к необходимости межнациональных контактов именно в этой области. В международной коммуникации на первый план ставится проблема взаимопонимания. Различия между языками, обусловленные различием культур, наиболее ярко проявляются в лексической системе языка, особенно во фразеологии [3, с. 3].

Объектом своего исследования мы выбрали терминологические выражения с компонентами цветообозначения и соматизмами, функционирующие в англоязычном экономическом дискурсе, и использующиеся в англоязычном экономическом дискурсе фразеологические единицы, имеющие в своем составе компоненты-зоонимы (зооним – наименование животного).

Сразу хотелось бы отметить, что к фразеологическим единицам мы относим и собственно идиомы, и фразеологические единства, и сочетания (по классификации В.В. Виноградова), и выражения (по классификации Н.М. Шанского). Вообще проблема классификации фразеологических единиц – предмет отдельной статьи, поэтому в данной работе мы не будем останавливаться на данном вопросе. Что касается отобранных нами терминологических выражений с компонентами цветообозначения и соматизмами, то единичные примеры из них также являются фразеологизмами, они зафиксированы во фразеологических словарях, но мы рассматриваем их в качестве терминов, поскольку наиболее часто они употребляются именно в определенной сфере – сфере экономики, именно в этой области они имеют рассматриваемое значение (выборка производи-

лась по словарям экономической лексики). В отличие от них отобранные нами для анализа фразеологические единицы с компонентом-зоонимом не имеют узкого специализированного значения, они представляют собой *общеупотребительные* ФЕ, которые могут функционировать в любой сфере, в том числе и экономическом дискурсе. Примеры таких идиоматических выражений можно найти в журнальных и газетных статьях, рассказывающих о деловом мире, жизни и деятельности принадлежащих этому миру людей, в реально звучащей речи бизнесменов.

Выбор указанного типа единиц связан с тем, что, во-первых, цвет является одним из важнейших перцептивных признаков объектов окружающего мира. Человеку свойственно видеть окружающий мир в цвете, цветовыми качествами люди наделяют даже абстрактные сущности, в результате чего часто возникают устойчивые сочетания слов, среди которых есть и терминологические единицы экономического подязыка. Во-вторых, соматизмы (наименования частей тела) всегда были объектом пристального внимания ученых, поэтому нам показалось интересным выявить, насколько употребительными они являются в экономическом дискурсе. В-третьих, что касается фразеологизмов с компонентом-зоонимом, они, по мнению многих исследователей, несут интересную информацию о культуре и особенностях восприятия картины мира того или иного народа.

Рассмотрим сначала терминологические выражения с компонентом цветообозначения.

В ходе исследования методом сплошной выборки из электронной версии словаря АБВУ Lingvo [4], который включает в себя несколько тематических словарей экономического профиля, было отобрано 53 терминологических выражения с компонентом цветообозначения. В состав рассматриваемых единиц входит 9 прилагательных-цветообозначений: *blue, black, brown, grey, orange, pink, red, white, yellow* (см. табл.1).

Рассмотрим данные термины с точки зрения семантики. Отобранные терминологические единицы могут использоваться как для номинации конкретных сущностей (видов акций, компаний, товаров: *blue chip, grey wave company, black goods*), так и для обозначения абстрактных сущностей – определенных временных периодов в развитии экономики (*Black Monday, Black Tuesday, Black Wednesday, Black Thursday, Black Friday*). Выявлено несколько

Таблица 1

Терминологические выражения с компонентом цветообозначения, функционирующие в сфере экономики

Компонент цветообозначения	Количество терминов	Примеры терминов
black	13	<i>black market, to be in the black, black ink, Black Monday, Black Friday, Black Thursday, Black Tuesday, Black Wednesday, black-coated workers, black goods, black candle, black economy, black knight</i>
Red	11	<i>(come / get / be) out of the red, be in the red, go into the red, pull oneself out of the red, red chips, red clause (letter of) credit, red goods, red hot economy, red (light) subsidy</i>
Grey	10	<i>grey area of economy, Grey Book, grey knight, grey market, grey market goods, grey market imports, grey marketing, grey money, grey-hair investment, grey wave (company)</i>
white	6	<i>white goods, white knight, white sale, white hot economy, white information, white squire</i>
Blue	5	<i>blue chip, blue chip stock, blue chip company, blue chip firm, blue chip rate</i>
yellow	5	<i>yellow dog, yellow dog contract, yellow goods, yellow (light) subsidy, yellow knight</i>
brown	1	<i>brown goods</i>
orange	1	<i>orange goods</i>
Pink	1	<i>pink form</i>

единиц, обозначающих физическое или юридическое лицо (*black knight, grey knight, yellow knight, white knight, white squire*).

Некоторые термины являются многозначными, например: *blue chip* – 1) голубая фишка – активно торгуемая первоклассная акция, риск снижения доходов по которой минимален: *Crucially, your purchase of blue chips is part of a broader investment strategy*; 2) голубая фишка – крупная компания, известная своей надежностью, качеством товаров и услуг и стабильной прибылью; как правило, акции таких компаний рассматриваются как очень привлекательное направление для инвестиций: *Since Ford is a blue chip, one might assume that it will behave the same as Bristol-Myers, another blue chip*.

Для нескольких терминов характерна синонимия: *blue chip 1 = blue chip stock, blue chip 2 = blue chip company, blue chip firm; grey market goods = grey market imports*. Наблюдаются также случаи синонимии терминологических выражений с разными компонентами цветообозначения: *grey money = black money, red hot economy = white hot economy*.

С точки зрения структурно-грамматических особенностей, подавляющее большинство терминологических единиц представляют собой сочетание прилагательного-цветообозначения и существительного: *black candle, red chips, white information* и т.п. Имеются также тер-

минологические единицы, состоящие из прилагательного и двух существительных, в этом случае сочетание прилагательного с первым существительным выполняет функцию определения ко второму существительному: *grey market goods, grey wave company, yellow dog contract*. Зафиксирован также один случай следующей структуры: компонент цветообозначения+существительное+предлог+существительное: *grey area of economy*.

Прилагательные *red* и *black* могут переходить в разряд существительных (явление субстантивации – характерная особенность английского языка), что находит отражение в сочетаниях, имеющих структуру глагол+предлог+существительное: *to be in the red, to be in the black*.

Рассмотрим особенности перевода терминологических единиц с компонентом цветообозначения, функционирующих в подязыке экономики. Многие терминологические выражения, имеющие структуру прилагательное + существительное, переводятся на русский язык дословно, сохраняя данную структуру и компонент цветообозначения: *black market* – черный рынок (рынок запрещенных к торговле товаров или рынок, на котором заключаются незаконные сделки); *Black Monday* – черный понедельник (понедельник, ознаменовавшийся крупным обвалом фондового рынка).

В некоторых сочетаниях при переводе сохраняется структура, но отсутствует компонент цветообозначения: *black economy* – теневая экономика; *grey money* = *black money* – грязные деньги, теневой капитал, *red hot economy* – перегретая экономика.

В то же время при переводе нескольких единиц с подобной структурой дословный перевод не допускается, компонент цветообозначения в русском языке не фиксируется: *black ink* – 1) а) прибыль, доход; б) излишек (напр., бюджетных средств); 2) положительное сальдо (баланса, финансового отчета).

Описательным способом переводятся следующие единицы: *grey area of economy* – юридически не вполне благополучная область экономики; *yellow dog contract* – трусливый контракт (незаконный контракт, заключаемый при найме между работодателем и работником, по которому последний обязуется не вступать в профсоюз, не участвовать в стачках и т. п.).

Устойчивые сочетания со структурой глагол + предлог + существительное при переводе на русский язык имеют структуру глагол + существительное, причем компонент цветообозначения отсутствует: *to be in the black* – иметь положительное сальдо (баланса), иметь прибыль; *to come / to be out of the red* – выпутаться из долгов, покрыть дефицит, начать давать прибыль.

Как видим, способы перевода терминологических единиц с компонентом цветообозначения на русский язык различаются в зависимости от структуры.

Что касается терминологических единиц с компонентом-соматизмом, то они, по данным нашего исследования, в экономическом дискурсе представлены менее широко. Из электронной версии словаря ABBYY Lingvo было отобрано всего лишь 26 терминологических выражений с соматизмами (мы не рассматривали те выражения, где соматизм является глаголом), причем среди них есть 5 пар синонимов: *face interest*=*face interest rate*, *face value*=*face amount*, *back contract*=*back month*, *back pay*=*back wages*, *back-ordered shortage*=*back-ordered unit*. В состав рассматриваемых единиц входит только 3 соматизма: *arm*, *back*, *face*.

Анализ перевода данных выражений показал, что во всех случаях соматизм теряет свое прямое значение, выполняя в рассматриваемых сочетаниях слов роль определения: *face interest rate* – номинальная процентная ставка; *face value* – номинальная, нарицательная стоимость (монеты, банкноты, акции); *back order* – невы-

полненный [задержанный] заказ; *back interest* – задержанный процент; *back rent* – задолженная рента; *arm's length relationship* – рыночные отношения; *arm's length price* – коммерческая [рыночная] цена; *arm's length transaction* – коммерческая сделка, сделка без заинтересованности (в последних трех терминах выражение *arm's length* получило свое значение «по рыночным принципам, без каких-либо личных отношений» от фразеологизма *at arm's length*).

Перейдем теперь к рассмотрению ФЕ с компонентом-зоонимом. Методом сплошной выборки из словаря Collins Cobuild Dictionary of Idioms [5] нами было отобрано 59 ФЕ, одним из компонентов которых являются зоонимы:

- млекопитающие (39 единиц): *to take the bull by the horns*; *to do the donkey work*; *the lion's share*; *a paper tiger* и др.;

- птицы (12 единиц + 1 единица, в которой используется наименование вымершей птицы: *dodo*): *chicken and egg situation*; *dead duck*; *a wild goose chase*; *as dead as a dodo* и др.;

- насекомые (3 единицы): *as busy as a bee*; *to strain at a gnat*; *a fly in the ointment*;

- рыбы (2 единицы): *a big fish [in a small pond]* (в данной ФЕ используется родовое понятие «рыба»; квадратные скобки означают, что ФЕ может употребляться без заключенного в них компонента); *a red herring*;

- пресмыкающиеся (1 единица): *to shed crocodile tears*;

- моллюски (1 единица): *[at a] snail's pace*.

В нескольких ФЕ зафиксировано по 2 компонента-зоонима: *to put the cat among the pigeons*, *to separate the sheep from the goats* и др. (при подсчете мы учитывали такие ФЕ только один раз).

Активность использования того или иного названия животного в отобранных фразеологизмах неодинакова. Наиболее частыми компонентами-зоонимами во ФЕ являются названия домашних животных и птиц. Среди отобранных фразеологизмов зафиксировано 42 единицы с зоонимами-названиями домашних животных: *dog* (8), *horse* (8), *cat* (5), *duck* (5), *chicken* (4), *goose* (2), *cow* (2), *donkey* (2), *sheep* (1), *pig* (1), *mutton* (1), *bull* (1), *rabbit* (1), *hen* (1). С зоонимами-названиями диких животных выявлено лишь 17 единиц. На наш взгляд, это вполне закономерно, т.к. поведение домашних животных люди могли наблюдать каждый день, могли подмечать их повадки и переносить эти свойства на человека, сравнивая поведение животных с поведением людей.

Приведем некоторые примеры использования ФЕ с компонентами-зоонимами в эко-

номическом дискурсе: *The company wanted the transition to be so gradual that it could milk its cash cow to the last drop. // The company has unbalanced inventories and executives who are as nervous as a cat on a hot tin roof. // The bank is poised to put the cat among the pigeons this morning by slashing the cost of borrowing. // The £70,000-a-year backing received from sponsors is chicken feed compared to the £20m budgets available to some of his rivals. // That would have meant leaving the Exchange Rate Mechanism and the ERM is the sacred cow of British politics. // The economy grew at a snail's pace in the first three months of this year* (все примеры взяты из [5]).

С целью рассмотрения семантических особенностей отобранных ФЕ мы принимаем за основу классификацию известного специалиста по фразеологии английского языка А.В. Кунина. Согласно этой классификации, выделяются следующие типы ФЕ: субстантивные, адъективные, адвербиальные, предложные, глагольные, междометные, модальные [2, с. 243-339]. Анализ отобранных нами ФЕ показал, что подавляющее большинство из них является субстантивными, адъективными и глагольными. Было выделено лишь 2 адвербиальных ФЕ: *right off the bat* – сразу, немедленно, тотчас же; с места в карьер; *at a snail's pace* – черепашиным шагом.

С семантической точки зрения, выделенные ФЕ носят либо антропоцентрический характер, т.е. относятся к человеку, или к тому, что с ним связано (*to call off the dogs*; *a sitting duck*; *to take to something like a duck to water*; *a big fish* и др.), либо употребляются для характеристики каких-то явлений, понятий сферы экономики (*a dog and pony show*; *dog-eat-dog*; *a sleeping dog*; *to go to the dogs*; *a white elephant*; *as rare as hen's teeth*; *to kill the golden goose*; *as dead as a dodo* и др.), либо могут использоваться в обоих случаях (*a dead duck*; *a lame duck*; *a fly in the ointment* и др.).

Приведем примеры, зафиксированные в словаре Collins Cobuild Dictionary of Idioms: *Lenders will be ordered to call off the dogs, especially for families struggling to pay their mortgage through unemployment. // The government is headed by a president who looks like a lame duck. // Few councils would today risk killing the golden goose by levying too onerous a local tax. // The foreign exchange market was as dead as a dodo* [5].

Что касается перевода ФЕ, то наиболее логичной нам представляется классификация А.В. Кунина, представленная в его фундаментальной работе «Англо-русский фразеологиче-

ский словарь». Из выделенных А.В. Куниным шести видов перевода ФЕ [1, с. 10-11], при переводе фразеологизмов с зоонимами были зафиксированы следующие:

1. эквивалент, т.е. имеющийся в русском языке адекватный фразеологический оборот, совпадающий с английским и по смыслу, и по образной основе: *to take the bull by the horns* – брать быка за рога; *to shed crocodile tears* – проливать крокодиловы слезы; *dark horse* – темная лошадка; *the lion's share* – львиная доля; *cash cow* – дойная корова и др. (перевод всех фразеологизмов здесь и далее приводится по словарю А.В. Кунина);

2. аналог, т.е. такой русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но полностью или частично отличается от него по образной основе: *a fly in the ointment* – ложка дегтя в бочке меда; *as busy as a bee* – как белка в колесе; *fat cat* – денежный мешок; *to see which way the cat jumps* – держать нос по ветру, выжидать, куда ветер подует; *dog in the manger* – собака на сене; *to take to something like a duck to water* – чувствовать себя, как рыба в воде; *a dead duck* – его песенка спета; *donkey's years* – целая вечность; *go to the dogs* – идти к чертям; *the goose that laid the golden eggs* – курица, несущая золотые яйца, и др.;

3. описательный перевод, т.е. перевод путем передачи смысла английского оборота свободным словосочетанием. Применяется тогда, когда в русском языке отсутствуют эквиваленты или аналоги: *lame duck* – разорившийся биржевой маклер, банкрот; *strain at a gnat* – быть мелочным, мелочиться; *paper tiger* – неопасный противник; *not a cat's chance* – никаких шансов; *dog-eat-dog* – беспощадный, ожесточенный (о конкуренции); *a sitting duck* – легкая добыча, удобная мишень; *a white elephant* – обременительное имущество, подарок, от которого не знаешь, как избавиться; *a red herring* – что-либо, сбивающее со следа, отвлекающий маневр и др.;

4. антонимический перевод, т.е. передача негативного значения с помощью утвердительной конструкции или наоборот (зафиксировано в одном случае): *not count your chickens* – цыплят по осени считают.

Как было показано выше, терминологические единицы с компонентом цветообозначения также переводятся первыми тремя способами.

Итак, проведенное исследование позволило выявить некоторые структурно-семантические особенности терминологических единиц с

компонентами цветообозначения и соматизмами и ФЕ с компонентом-зоонимом, функционирующих в экономическом дискурсе английского языка, а также особенности их перевода. На наш взгляд, умение правильно переводить данный пласт лексики будет, несомненно, способствовать успешной межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин; под ред. М. Д. Литвиновой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и

фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.

3. Пономаренко, В. А. Фразеологические единицы в деловом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. В. Пономаренко; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2007. – 23 с.

4. Электронная версия словаря ABBYY Lingvo x5.

5. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – reprinted. – London, Glasgow: HarperCollins Publishers, 1997. – 511 p.

З. Я. Садыков

Наманганский государственный университет
(Узбекистан)

ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА В ПЕРЕВОДЕ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ (НА ОСНОВЕ ПЕРЕВОДОВ «БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ» ЮСУФА БАЛАСАГУНСКОГО)

PROBLEMS OF THE RECONSTRUCTION OF HISTORICAL COLOUR IN TRANSLATION OF ANCIENT MONUMENTS (ON THE BASIS OF TRANSLATIONS OF YUSUF BALASAGUNI'S "WISDOM OF ROYAL GLORY")

Дидактическое произведение средневекового мыслителя Юсуфа Баласагунского (XI век) «Кутадгу билиг» (Благодатное знание) является первым художественным произведением тюркоязычной литературы. В нём использовано множество исторических реалий средневековья. В статье анализируются особенности переводов древних слов данного произведения на современный турецкий, немецкий и английский языки. Автор ссылается на труды видных русских и европейских исследователей в области теории перевода. В выводах статьи автор даёт конкретные предложения о переводческих способах древнетюркских реалий на современные языки.

Didactic work of the medieval thinker Yusuf Khas Khajib (XI century) Kutadgu Bilig (Wisdom of Royal Glory) is the first work of Turkic literature. Author used many historical culture-specific concepts. Features of the translations of ancient words of the work into modern Turkic, German and English languages were analyzed in the article. Author refers to works of prominent Russian and European researchers in the field of a translation theory. Author gives specific proposals about translation ways of the ancient Turkic culture-specific concepts in modern languages.

Ключевые слова Дословный перевод, интерпретация, транскрипция и транслитерация, переводческий способ, реалия и перевод, научный перевод художественного произведения.

Keywords Literal translation, interpretation, transcription and transliteration, translation way, culture-specific concept and translation, scientific translation of a work of art.

По проблемам перевода древних памятников на современные языки существует ряд исследований в мировом переводоведении. Здесь стоит особенно подчеркнуть мнения западноевропейских и русских учёных. Например, словацкий переводовед Антон Попович, исследуя такие переводы, подчеркивает следующие особенности:

1. Переводчик переводит произведение своего современника. Так возникает синхронный перевод.

2. Переводчик обращается к несовременному оригиналу. В таких случаях его можно уподобить автору исторического жанра. Как правило, он актуализирует прошлое, делая его доступным современникам. Историзация оправдана в том случае, если к ней прибегает автор; в противном случае она предстает как приём переводчика.

Немецкий переводовед А. Нойберт считает, что самая важная задача перевода древних памятников – это передача экстралингвистических особенностей подлинника [4]. Русский учёный А. В. Фёдоров подчеркивает принцип модернизации в переводе произведений, относящихся к далёкому прошлому [4]. В качестве примера он приводит русский перевод произведения западноевропейского писателя Гриммельсгаузена «Симплициусимус», написанного в XVII веке. Но вышеуказанные выводы (А. Нойберт, А. Фёдоров, А. Попович и др.) сделаны исходя из анализа переводов с русского на западноевропейские языки и наоборот. Итак, что же находится в центре внимания мировых учёных при изучении перевода древних памятников на современные языки? У А. Поповича – *перекодирование текста*, у А. Лиловой – *историзация*, у А. Нойберта – *экстралингвистические особенности*, у А. Фёдорова – *модернизация*, у Г. Салямова – *воссоздания индивидуального стиля автора*. Каждый по-своему прав. Этого не следует отрицать. Но больше всего надо придерживаться мнения воссоздания индивидуального стиля автора, который, по-нашему, даёт больше результатов в отношении двух языков (язык подлинника и язык перевода). К примеру, на материале немецких и английских переводов «Кутадгу билиг» можно показать, что каждое произведение, написанное в далеком прошлом, имеет свои лингвопоэтические и стилистические особенности. По нашему мнению, воссоздание индивидуального стиля автора в переводе подразумевает достаточно много проблем (текст и перевод, перевод национального и историче-

ского колорита и т. д.), которые могут всесторонне отвечать на вопросы, касающихся проблем перевода древних памятников на современные языки. Поэтому следует осуществить сравнительно-типологический анализ немецких и английских переводов этого произведения. И данная проблема исследуется в рамках анализа воссоздания исторического колорита в переводе.

Как известно, «Кутадгу билиг» является дидактическим произведением, основанным на исламской культуре Средневековья. В нём использовано множество религиозных реалий. На примере переводов исламских реалий *халол* и *харом* можно сделать определенный вывод о проблеме воссоздания религиозной лексики. Например, немецкий переводчик перевёл: *das Reine* – *чистый*, *das Unreine* – *не чистый*. А американский учёный Р. Денкофф перевёл – *forbidden* – *не дозволенный* и *suitable* – *дозволенный*. С первого взгляда можно сделать вывод, что переводчики поступили правильно. Потому что при филологическом переводе художественного произведения *дословность* является основным методом перевода. К сожалению, эти переводы не могут давать правильное понимание религиозных реалий подлинника. Только русский переводчик С. Иванов смог дать предоставить нужное толкование: «Дозволенное (*арабский* – *halal*) и запрещенное (*арабский* – *haram*). В данном случае имеется в виду дозволенными религиозными установлениями еда. Следует подчеркнуть, что в дальнейшем русский перевод С. Иванова [2] может быть хорошим переводческим пособием в переводе «Кутадгу билиг» на немецкий и английский языки.

Проблема перевода тюркского колорита «Кутадгу билиг» также является составной частью воссоздания исторического колорита. В произведении дается более ста названий тюркских реалий. Переводческий анализ осуществлен, в основном, в трех направлениях: 1) имена собственные, должность и звание; 2) пищи, напитков, одежда; 3) название профессий.

Юсуф Баласагунский упоминает в своем произведении имя одного из своих современников:

*Нэку тэр эшитгил Ыла атлыгы
Туз этмэк кэнүт эй киши кутлугы* [5]

В. Радлов:

*Hägü tär äjätgil hilä atlyқы,
Tus ätmäk kañ kördü kįжі құлұқы.*

Höre, wie da spricht der durch Schlaueheit Berühmte,

Der viel Salz und Brot gesehen hat, der Glückliche der Menschen. [7]

Дело в том, что В. Радлов неправильно транскрибировал это имя: *Ыла атлыгы* толковал как *hilä atlyқы* (человек знаменит коварством) и на этой основе перевёл на немецкий язык – *durch Schlaueheit Berühmte*. Только в 1947 году турецкий учёный Р. Арат исправил эту ошибку и дал правильную транскрипцию:

negü tir eşitgil ila atligi
tüz etmek kingüt ay kisi kutlуги [5]

Перевод Р. Денкоффа:

The Chief of Ili Valley has said: If fame and life are your desire, feed bread and salt. (Как сказал знаменитый вожак из долины Ила ...). [8]

В немецком переводе есть ещё множество таких случаев недопонимания. В некоторых местах В. Радлов даже дословно перевел названия имён вожаков племен: *Уч Ёрду хони (Хан Уч Орду)* – *der Fuerst der drei Ordu (Царь трех орду)*.

Дословный перевод недопустим при передаче имён собственных и географических местностей. Здесь надо обратить внимание на правильную транскрипцию и толкование на языке перевода.

Анализ перевода имён персонажей и исторических личностей в «Кутадгу билиг» является актуальной проблемой. В произведение даётся имя великого Александра Македонского в следующем виде:

Қаны ул Тугардын Батарқа тэги
Йуруб эл тутуглы бу дунйа йэги. [5]

Подстрочный перевод:

Где он ездил с Запада на Восток
Возглавил государства, хороший царь мира (Александр)

Перевод В. Радлова:

Wo ist der welcher vom Osten bis Westen
Gezogen ist? Der Reich regiert hat? Der Volksfuerst. [7]

Где он бродил с Востока на Запад?
Владел государством, народный царь

Немецкий переводчик упустил слова *йэг (хороший)* подлинника и в результате в переводе пропущено *хорошее качество* Александра Великого. Следует подчеркнуть, из-за этого неправильно истолковано положительное от-

ношение тюркских народов к личности великого Александра. К сожалению, турецкий переводчик Р. Арат не только упустил это слово, он толковал слова *йуруб (от глагола ходить, двигаться)*, как *yorip (рубить, вырубить)*. И этим он дал личности Александра завоевательскую оценку:

қани ол тогардин батарқа тегі
yorip il tutugli bu dūnya begi [5]

В результате американский учёный Р. Денкофф перевел следующим образом:

Where is one who went from east to west, the realm-destroyer and prince of the world (Alexander)? [8]

(Где он который двигался с Востока на Запад, разрушитель государств и царь мира (Александр)?)

Но даже многие учёные-историки в своих исследованиях подчеркивают положительное отношение местных тюрков центрально азиатского региона того времени. Например, профессор А. Байназаров пишет: «В отличие от других захватчиков, народы Средней Азии с уважением относились к личности Александра Македонского. По свидетельству многих древних рукописей, Александр положительно относился к культуре и истории этого региона. Он даже давал своим войскам специальный указ об обязательном изучении местного языка и традиций. Даже он сам надевал местный наряд» [1].

Выводы:

Время, дистанция, мировоззрение, научно-литературные традиции и переводческий потенциал языка оставили свой отпечаток в переводах «Кутадгу билиг». Естественно, это отразилось при воссоздании тюркского колорита на немецком и английском языках. Переводчики пользовались методами: *конкретизация, транскрипция и транслитерация и научное толкование*. Но во многих случаях они допустили ошибки при *транскрибировании* подлинника. И это ставит перед специалистами задачу создать полный, более совершенный, критический текст и транскрипцию «Кутадгу билиг» на латинице для осуществления новых переводов на русский, немецкий или английский языки.

Список литературы

1. Бойназаров Ф. А. Қадимги дунё тарихи. Т.: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти. 2004.

2. Баласагунский Ю. Благодатное знание. Пер. С. Иванова. М. – Просвещение, 1983.
3. Саломов Ф. Таржима назарияси асослари. – Тошкент : Ўқитувчи, 1983. – 220 б.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы. Изд. 4-е. Москва. «Высшая школа». 1983.
5. Kutadgu Bilig I: Metin. Istanbul.: 1947. Note also Arat's translation into modern Turkish: Kutadgu Bilig II" Tercime. Ankara.: 1959. Second Edition: Civiri. Ankara, 1979. – 278 S.
6. Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung. Leipzig. 1968.
7. Radloff W. Kutadku Bilik. Facsimile der uigurischen Handschrift der K. K. Hofbibliothek in Wien (St.Petersburg, 1890); W.Radloff, Das Kutadku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Balasagun. Teil 1: Der Text in Transkription. Teil 2: Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo (St. Petersburg, 1891, 1910).
8. Yusuf Khass Hajib, Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes, translated, with an introduction and notes, by Robert Dankoff. – Chicago-London: University of Chicago Press, 1983. – 281 p.

В. В. Сдобников

*Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД VS УЧЕБНЫЙ ПЕРЕВОД: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА

PROFESSIONAL TRANSLATION VS ACADEMIC TRANSLATION: TQA PROBLEM

Профессиональный перевод и учебный перевод различаются с точки зрения цели осуществления перевода. Другое важное различие заключается в том, что в учебной деятельности сам процесс перевода важнее его результата, поскольку именно в процессе обеспечивается формирование профессиональных переводческих компетенций. Вместе с тем общей для этих видов переводческой деятельности является ориентированность на потребности предполагаемого получателя перевода в рамках его предметной деятельности. Соответственно, оценка качества профессионального и учебного перевода предполагает учет этих потребностей наряду с критериями точности передачи коммуникативно релевантных элементов информации и особенностей формы.

Professional translation and academic translation are performed with different goals in mind. Another essential difference is that in academic translation the process is more important than the result since professional translation competencies are formed in the translation process. However, both translation types are united by their focus on the TT recipient's needs and requirements that originate from his/her substantive activity. Accordingly, translation quality assessment in both professional and academic translation should take into account the recipient's needs and requirements together with communicatively relevant information and linguistic peculiarities of the text.

Ключевые слова: профессиональный перевод, учебный перевод, оценка качества перевода, переводческая компетенция, предметная деятельность, стратегия перевода, переводческие ошибки.

Keywords: professional translation, academic translation, translation quality assessment, translator's competence, substantive activity, translation strategy, translation errors.

Как следует из названия настоящей статьи, мы проводим четкое разграничение двух видов перевода – профессионального и учебного. Более того, речь идет о разграничении двух ситуаций, в которых осуществляется перевод – ситуации профессионального перевода и ситуации учебного перевода. При этом под профессиональным переводом мы понимаем перевод, осуществляемый в любой сфере профессиональной деятельности, причем не обязательно переводчиком-профессионалом, но обязательно в интересах предметной деятельности коммуникантов (субъектов предметной деятельности) и инициатора перевода. В данном случае мы расходимся во мнениях с В. А. Митягиной, которая под профессиональным переводом понимает «перевод, выполненный специалистом-переводчиком, а не владеющим определенным набором умений и навыков инженером, рекламщиком, журналистом, IT-специалистом и другими специалистами» [2. С. 10].

В настоящее время мысль о том, что выполнение перевода студентами в аудитории и выполнение перевода специалистами в реальной жизни осуществляются в разных коммуникативных ситуациях, еще не овладела умами преподавателей, которые, как и прежде, учат студентов «переводу вообще», а не осуществлению перевода в определенных коммуникативных ситуациях. Попутно заметим, что коммуникативную ситуацию мы определяем как «фрагмент реальной действительности, представляющий собой системную совокупность экстралингвистических условий осуществления предметных деятельностей коммуникантов, координируемых и согласуемых посредством их речевой деятельности, в ходе которой создается материальный продукт – речевое сообщение» [5. С. 64]. Между тем мы абсолютно убеждены в том, что разграничение ситуаций учебного и профессионального перевода абсолютно необходимо уже потому, что в рамках этих ситуаций преследуются разные цели и решаются не совсем одинаковые задачи, то есть сами по себе эти ситуации существенно различаются своими первичными параметрами (к числу которых мы относим цель коммуникации, характер отношений между коммуникантами, условия осуществления предметной деятельности, то есть само коммуникативное событие) [5. С. 68]. Различие в целях осуществления перевода – это, пожалуй, именно то, чем прежде всего отличается одна ситуация от другой. Цель осуществления профессионального перевода – обеспечить коммуника-

цию между разноязычными субъектами общей предметной деятельности, а в широком смысле – обеспечить саму возможность осуществления предметной деятельности. Цель учебного перевода – обеспечить развитие профессиональных переводческих компетенций будущих переводчиков. Различие в целеполагании, а также сами условия осуществления предметной деятельности студентов и педагога определяют прочие специфические черты ситуации учебного перевода. К ним можно отнести следующие факторы. Во-первых, сам перевод не является инструментом коммуникации в аудитории, ибо студенты и преподаватель общаются на общем для них языке (чаще всего родном). Во-вторых, в ситуации учебного перевода создание конечного продукта – текста на языке перевода – не есть самое важное, и не должно рассматриваться в качестве основного результата аудиторной, то есть учебной, работы. Это утверждение может показаться несколько странным или, по крайней мере, спорным для многих преподавателей и практически для всех студентов, которые привыкли рассматривать деятельность в аудитории как движение к созданию некоего «эталонного» варианта перевода. Мы же считаем, что задача преподавателя заключается прежде всего в том, чтобы научить студентов видеть переводческие проблемы с учетом особенностей той ситуации, в которой данный текст мог бы переводиться в реальной жизни, то есть с учетом всех возможных экстралингвистических факторов, осознавать потребности и ожидания возможных получателей перевода, в широком смысле задача заключается в выработке у студентов профессионального переводческого мышления. Эта задача не может быть решена посредством «эталонных» примеров перевода, к которым пришел сам преподаватель: «А вот так на самом деле это должно быть переведено». Студент должен сам пройти весь тот путь, который проходит переводчик в реальной жизни, создавая текст перевода, осознать, какие трудности он преодолел на этом пути, понять природу возникших переводческих проблем и усвоить типовые способы решения этих проблем. Разумеется, под руководством преподавателя, который выступает в качестве проводника, своего рода гида на этом пути. Исходя из этого, представляется, что в ситуации учебного перевода *процесс важнее результата*, если под результатом понимать текст перевода. И в этом заключается еще одно отличие учебного перевода от перевода профессионального, где результат перевода – это главное.

Здравый смысл подсказывает, что поскольку профессиональный и учебный перевод осуществляются в разных коммуникативных ситуациях и – самое главное – с разными целями, при оценке качества перевода следует руководствоваться разными подходами и использовать разные системы критериев. Так как в реальной жизни для получателя (читай – потребителя) продукт переводческой деятельности есть инструмент осуществления его предметной деятельности, он, то есть потребитель, и оценивает его с точки зрения того, насколько данный продукт удовлетворяет потребности его предметной деятельности, соответствует его ожиданиям. Соответственно, и *адекватность* перевода мы определяем как такое качество, которое позволяет успешно использовать ПТ (переводной текст) с той целью, с которой он был создан, в рамках определенной предметной деятельности участников акта межкультурной коммуникации и инициатора перевода, осуществляемой в соответствующей коммуникативной ситуации [6. С. 66]. Здесь мы намеренно не ввергаем читателя в подробное обсуждение вопроса о том, кто выступает в качестве субъекта оценки качества перевода в реальной жизни. Вполне очевидно, что оценивает перевод именно тот, кто этим переводом пользуется, то есть, прежде всего, получатель перевода, а в некоторых коммуникативных ситуациях, помимо получателя, еще и критик перевода и инициатор (заказчик) переводческой деятельности (подробно об этом см. [6]).

Разумеется, степень осознания получателем перевода тех характеристик ПТ, которые свидетельствуют о его определенном качестве, может быть разной в разных коммуникативных ситуациях. Она варьируется от смутных ощущений неправильности способов использования языка в переводе, от некоторого удивления по поводу описанных в переводе ситуаций, их нелогичности и неестественности, до четкого представления о том, каким именно критериям не соответствует перевод и насколько эти несоответствия влияют на общее качество переводного текста. По сути, речь идет о полярных ситуациях оценивания качества перевода. В первом случае субъект оценки (получатель ПТ) испытывает определенный дискомфорт, сталкиваясь с трудностями в восприятии текста из-за нарушений узуса («Мы так не говорим») или логики повествования. В некоторых случаях дискомфорт вызывает неестественность представленной в тексте ситуации («Так не бывает»). Понятно, что подобно-

го рода негативные ощущения могут возникнуть при ознакомлении как с художественным переводным текстом, так и со специальным. Во втором случае получатель перевода, чаще всего – переводческая компания, выступающая в качестве заказчика перевода, руководствуется неким перечнем критериев оценки, определенной классификацией ошибок, каждой из которых присваивается соответствующий «вес». Не случайно в последние годы переводческие компании стали создавать собственные метрические системы определения качества перевода. Мы можем сослаться на сайт компании Aliquantum, на котором как раз и проводится подобная метрическая система [8].

Между этими полюсами располагаются и своего рода промежуточные ситуации, в которых субъекты оценки качества перевода руководствуются четкими, самостоятельно разработанными, критериями оценки, ориентированными, однако, не на все случаи перевода, а лишь на отдельные коммуникативные ситуации, в которых осуществляется перевод текстов определенных типов. Чаще всего к таким субъектам относятся представители опять же переводческих компаний, специализирующихся на переводе текстов определенной тематической направленности, либо представители производственных корпораций. В качестве примера можно привести перечень критериев, предложенных М. А. Орлом, представителем одного из московских переводческих агентств. М. А. Орёл указывает, что параметры качественного, имиджевого перевода включают:

- полное функционально-коммуникативное и смысловое соответствие оригиналу – вплоть до мельчайших нюансов и расстановки всех тончайших смысловых акцентов;
- абсолютная верность и точность употребляемой терминологии, недопустимость описательного перевода терминов, имеющих устойчивые соответствия – у специалиста-отраслевика при чтении такого перевода не должно возникать ощущения, что текст написан «чужеродным» для отрасли языком (речь не о профессиональных жаргонизмах – см. следующий буллит);
- стилистическое соответствие данной разновидности текстов в языке перевода и полная стилистическая выверенность элементов текста;
- отсутствие, помимо орфографических, пунктуационных ошибок и опечаток, прочих недочетов корректорского характера (например, там, где должен стоять неразрывный пробел, обычный недопустим);

- сохранение форматирования исходного текста и, при необходимости, его доработка [3. С. 118].

Определенная жесткость приведенных критериев оценки может быть объяснена только тем, что данная переводческая компания ориентирована на работу со специальными текстами, предназначенными для широкой презентации и для печати, а не для личного пользования. В других ситуациях получатель перевода, видя в тексте определенные недочеты (не тот термин, не так сказано, сложное построение предложений), вполне может простить их переводчику, поскольку для него, получателя, «в принципе все понятно, а язык – это не самое главное».

Следует отметить, что наиболее «продвинутые», ответственные переводческие компании придерживаются коммуникативно-функционального подхода к переводу, который предполагает наделение текста перевода той функцией, в которой текст способен выступать в качестве инструмента осуществления предметной деятельности заказчиков / получателей, а также учет потребностей и ожиданий заказчиков. Уже упоминавшаяся нами компания Aliquantum заявляет на своем сайте: «Качество предполагает постоянное и последовательное удовлетворение потребностей и ожиданий клиента или получателя перевода» (перевод мой. – В. С.) [8]. Та же мысль звучит и в интервью В. В. Закина, сотрудника переводческой компании «Трансконтакт» (Нижний Новгород): «...если вы ответственно подходите к своей работе, вы должны представлять, для чего именно будет использоваться переводимый вами текст: скажем, для ознакомления с ситуацией на рынке транспортных средств в конкретном регионе, для заключения контракта, для совещания, для установки оборудования, для шеф-монтажа и т.п. Кстати, некоторые заказчики сами пишут, для каких целей предполагается использовать документ» [4. С. 64]. Таким образом, ориентация на потребности получателя перевода, учет специфики его предметной деятельности есть, пожалуй, основное условие оптимального качества перевода на рынке переводческих услуг, а соответствие перевода ожиданиям получателей есть основной критерий оценки его качества.

По сравнению с оценкой профессионального перевода оценка качества учебного перевода отличается сугубой определенностью субъекта оценки и большей четкостью критериев. Субъект оценки, то есть преподаватель, всегда

знает (или уверен, что знает), каким именно критериям должен соответствовать ПТ. Сам перечень критериев определяется целью осуществления перевода, а точнее, целью осуществления учебной деятельности – помочь студентам развить профессиональные переводческие компетенции. Этот перечень может быть сформирован с большей или меньшей степенью детализированности. Наименее детализированный список критериев оценки включает требование воспроизвести общий смысл текста, обеспечить полную и точную передачу содержания ИТ, сохранить логику построения текста, воспроизвести стилистические особенности текста, соблюсти правила нормы и узуса ПЯ, правильно оформить текст. В соответствии с этими требованиями формируется и список видов переводческих ошибок, каждому из которых присваивается определенный «вес»: смысловые ошибки, содержательные ошибки, логические ошибки, искажение стиля текста, нарушения нормы и узуса ПЯ, орфографические и пунктуационные ошибки (см., например, [7. С. 44]). Некоторые авторы, вовлеченные в учебную деятельность, предлагают и более детализированные перечни переводческих ошибок [1]. Другими словами, преподаватель, на основе сопоставления студенческого перевода с оригиналом (обычно на уровне отдельных сегментов текста), оценивает степень соответствия ПТ всем указанным критериям и отмечает обнаруженные в переводе ошибки разных видов. Общая оценка качества учебного перевода выводится в зависимости от количества расхождений ПТ с текстом оригинала в содержательном и формальном отношении и количества отступлений от нормы и узуса ПЯ. Предполагается, что обсуждение допущенных ошибок позволяет студентам осознать их природу и характер и усвоить универсальные способы избежать подобных ошибок впредь. Попутно в рамках учебной деятельности могут решаться и другие задачи, не связанные напрямую с обучением технологии перевода, как то: обучение переводческому анализу текста (как бы ни трактовалось его содержание и алгоритм), обучение постпереводческому редактированию, обучение реферированию и аннотированию, обучение использованию информационных технологий, в частности, поисковых систем, а применительно к устному переводу – обучение тому, как правильно готовиться к переводу на мероприятии и как грамотно, выразительно представлять свой перевод (то, что по-английски называется *delivery*).

Казалось бы, о чем еще можно мечтать?! Само содержание учебного процесса само собой обеспечивает формирование всех необходимых переводчику компетенций. Однако мы не считаем подобный оптимизм оправданным, ибо в самом содержании обучения переводу не хватает одной важной составляющей. Следует помнить, что нынешние студенты в будущем будут работать в реальных ситуациях, в рамках которых требования к переводу, равно как и ожидания получателей перевода в отношении ПТ, будут различаться. Следовательно, студентов следует учить не только передавать все смысловые и формальные нюансы исходного текста, но и анализировать потребности получателей перевода, возникающие в рамках их предметной деятельности, то есть как бы помещать переводческий акт в рамки определенной коммуникативной ситуации, а затем создавать такой текст на ПЯ, который мог бы успешно выступать в качестве инструмента осуществления предметной деятельности получателей ПТ и инициатора перевода. Разумеется, мы должны научить студентов видеть и передавать все самые тонкие смысловые и формальные нюансы исходного текста. Но мы также должны научить студентов видеть, в какой именно ситуации данный текст мог бы переводиться, с какой целью он переводится и как в результате может выглядеть текст перевода. И вот тогда-то соответствующим образом обученный студент обнаружит, что далеко не все элементы содержания или стилистические особенности текста коммуникативно релевантны, а значит, могут быть проигнорированы. С другой стороны, оказывается, что для предполагаемого получателя перевода наиболее значимыми оказываются элементы содержания, которые вроде бы и не выделяются на фоне прочих информационных элементов. (Объем статьи не дает нам возможности привести соответствующие примеры). Переводческий анализ не только самого переводимого текста, но и предполагаемой ситуации, в которой текст мог бы переводиться, позволит студенту создать текст, соответствующий тем требованиям, которые могут быть предъявлены к ПТ в конкретной коммуникативной ситуации.

Неизбежно возникает вопрос: насколько меняются подходы к оценке качества учебного перевода в этом случае? Мы можем предположить две возможные ситуации. В одной ситуации студентам дается установка создать текст, соответствующий ожиданиям получате-

лей перевода в конкретной коммуникативной ситуации. В этом случае критерии оценки качества перевода будут обязательно включать требование исчерпывающего воспроизведения той информации, которая релевантна для получателей в рамках их предметной деятельности, причем именно в такой форме, которая обеспечивает незатрудненное восприятие этой информации получателями. Понятно, что опущение прочих видов информации, то есть информации нерелевантной, не рассматривается в качестве ошибки, а может даже рассматриваться в качестве достоинства перевода. Искажение нерелевантной информации, соответственно, не следует рассматривать в качестве серьезной переводческой ошибки. Другими словами, основное требование в этой ситуации – создание текста, выполняющего определенную функцию в определенной ситуации. При этом функция ПТ может не совпадать с функцией ИТ. В другой ситуации студентам задается текст, который должен быть переведен с использованием стратегии коммуникативно-равноценного перевода (см. [5]), предполагающей создание функционального аналога оригинала, то есть текста, воспроизводящего *все* значимые особенности формы и содержания ИТ и производящего тот же коммуникативный эффект, что и оригинал. Использование стратегии коммуникативно-равноценного перевода может предварительно даже не оговариваться, а задается как бы по умолчанию. В этом случае применяются традиционные критерии оценки качества перевода. Однако студенты все равно должны осознавать, что выполненные ими переводы возможны лишь в коммуникативных ситуациях определенных видов и не будут рассматриваться как абсолютно удовлетворяющие потребностям получателей в ситуациях других видов.

Таким образом, при всех отмеченных нами расхождениях в функциях, целях и задачах профессионального и учебного переводов есть нечто, что сближает эти виды перевода, а именно ориентированность на потребности предполагаемых получателей и инициаторов перевода в реальной жизни. Такая ориентированность и должна быть обеспечена, прежде всего, в учебной деятельности, направленной на подготовку будущих переводчиков, из чего следует, что оценка качества учебного перевода должна осуществляться с позиций предполагаемых получателей ПТ.

Список литературы

1. Бузаджи, Д. М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев. – М. : ВЦП, 2009. – 120 с.
2. Митягина, В. А. Лингвистическое обеспечение, языковые услуги и профессиональный перевод: развитие отрасли в условиях глобальной экономики / В. А. Митягина // Номо Loquens (Вопросы лингвистики и транслятологии): сборник статей. – 2012. – Вып. 5. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 3–12.
3. Орёл, М. А. Передача терминологии как основа качества экономического перевода / М. А. Орёл // Проблемы перевода, лингвистики и литературы: сборник статей. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». – 2012. – Вып. 15. – Т.1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2012. – С. 116–130.
4. Отвечает Валерий Валерьевич Закин / В. В. Закин // Мосты. Журнал переводчиков. – 2015. – № 4 (48). – М. : Р. Валент, 2015. – С. 63–66.
5. Сдобников, В. В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография / В. В. Сдобников. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 464 с.
6. Сдобников, В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): монография / В. В. Сдобников. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 112 с.
7. Успенский, Ю. Л. О профилактике типичных ошибок в письменном переводе и критерии оценки его качества / Ю. Л. Успенский // Проблемы обучения переводу в языковом вузе: Тезисы докладов Первой междунар. науч.-практ. конф-ции. 16-17 апреля 2002 г. – М. : МГЛУ, 2002. – С. 42–45.
8. Aliquantum – URL : <http://www.aliquantum.biz/downloads.htm> (дата обращения 29.11.2015).

К. О. Согикян, Н. А. Гишян

Ереванский государственный университет языков и социальных наук
имени В. Я. Брюсова
(Ереван, Армения)

A GLIMPSE OF KEY PROBLEMS IN MULTIMEDIA TRANSLATION

As a powerful vehicle of communication, multimedia translation requires a number of objectives, related not only with the linguistic, but also technical aspects. The analysis of linguistic and technical characteristics of one of the major types of cinematic translation-subtitling, has been carried out on the material of dialogues, extracted from Russian-language cartoon and its respective English translation. The study revealed that due to the cultural nuances of Russian language idiomatic expressions and words, the information was quite often condensed, although semantically and technically the ideas could be easily rendered into English.

Как один из мощных средств коммуникации, мультимедийный перевод выдвигает ряд задач, связанных не только с лингвистическими, но и техническими аспектами. Анализ лингвистических и технических характеристик одного из основных видов кинематографического перевода – субтитров, был рассмотрен на примерах русского народного мультфильма и их перевода на английский. Анализ переводов с субтитрами показал, что на структурном уровне исходя из культурных нюансов русских идиоматических выражений и слов, информация зачастую сжата, хотя на семантическом и техническом уровнях идеи можно легко перевести на английский язык.

Ключевые слова: исходный/целевой язык, мультимедийный (аудиовизуальный) перевод, кинематографический дискурс, субтитры, расчет времени/синхронизация.

Keywords: Source/target language, multimedia (audiovisual) translation, cinematic discourse, subtitling, timing/synchronization.

In the new era of media, and particularly multimedia, cinematography, along with other formats, acts as a powerful vehicle of culture and arts, as well as a tool of communication. Due to the thriving movie industry the cinematographic product, available in different languages, is huge in volume and quantity.

The need to bring this multimedia content to audiences that do not speak the language of the original entails a number of tasks and objectives, relating to various aspects of translation. Hereby, not only the linguistic aspect comes afore as a major task to tackle with, but also the technical aspects should be given serious consideration.

A number of theorists (Meckel, González) claim that multimedia (also known as «Audiovisual translation») refers to the combination of separate types of information presented in the form of multimedia texts – films, scripts, videos, pictures, web pages and so on) [8. P. 300, 4. P. 13].

Although the film industry has a large audience and multimedia translation is one of the most popular forms of translation, film translation has not been thoroughly studied yet.

As Vöge states it: «Translated films, as mass media, through regular distribution probably reach a larger audience than any other form of translation. Yet hardly any systematic research has been done on the subject of translated films» [12. P. 120].

Although this statement was made in the 20th century, screen translation still remains one of the spheres of translation to be largely examined.

Speaking of the transfer of the audiovisual text, film connotations are conveyed not only through the interaction of the images, sounds, gestures but also through the music and technical resources, which are in chronological order.

According to Negroponte: «When various modes, such as language, image, music, colour and perspective are combined together in different forms of media, with the major role attributed to the screen, audiovisual text can be described as multimedial» [9. P. 68].

When speaking of the difficulties the translator may face in the process of multimedia translation the cinematic discourse of this or that country should be taken into account, too.

Nazmutdinova defines cinematic discourse as a semantically complicated, a dynamic process of interaction between the author and the film recipient, proceeding in international and intercultural space by means of film language with the syntactical, verbal and visual elements, intertextual and contextual meaning, iconic accuracy, synthetical character [1. C. 18].

Multimedia translation is more frequently connected with the spoken language and therefore the translator deals with colloquial texts. The film script is full of idiomatic expressions, aphorisms, realias, vulgarisms peculiar to the source language culture. Here comes the need of not only equivalent translation which is the central issue of every type of translation but also the technical aspects.

According to Serban, audiovisual translation (AVT) can be classified into inter-lingual translation (subtitling, dubbing, voice-over), intra-lingual translation, audio description for the blind, live subtitling (e.g. news broadcasts), subtitling for the opera and the theatre. [10]

Since we are concerned with cinematic translation in this article we will deal with one of the types of inter-lingual translation – subtitling, which can be traced back to the silent film era.

According to Gottlieb, subtitles can be defined as «transcriptions of film or TV dialogue, presented simultaneously on the screen» [6. P. 224].

Luyken gives a broader definition of subtitling: «Subtitling is condensed written translations of original dialogues which appear as lines of text, usually positioned towards the foot to the screen. Subtitles appear and disappear to coincide in time with the corresponding portion of the original dialogue and are almost always added to the screen image at a later date as a post-production activity» [7. P. 31].

First of all subtitling is effective as the original text can be heard and at the same time the source language subtitles on the screen can give the idea of the text. Subtitling is considered the most neutral, minimally mediated method that involves the least interference with the original [11].

However, at the same time, subtitles can distract the attention of the target language audience from the images and sound effects of the film. Usually the attention of the target language audience is split between the images, sound effects and subtitles.

Apart from trying to find equivalent in the target language culture, spotting and timing can be another serious problem for a translator/subtitler, who should control not only the valid translation but also deal with the periods at which the subtitles are to appear and disappear.

Subtitles considerably reduce the actual dialogue simply because viewers need the time to read them without running the risk of missing any of the action on screen [3. P. 213].

Usually a line of subtitle contains 35-40 characters, if the number exceeds than comes the need of breaking them into parts. The attention

should be given to the right break of the line in order not to affect the meaning of the text.

In order to find equivalent translation and satisfy technical needs the following strategies by Gottlieb can be applied:

- *Extension*,
- *Paraphrase*,
- *Transfer*,
- *Imitation*,
- *Transcription*,
- *Dislocation*,
- *Condensation*,
- *Decimation*,
- *Deletion*,
- *Resignation*.

Extension is the adequate rendering which needs explanation of cultural nuances, while in case of *paraphrase* the content is adequate but altered. *Transfer* is the full and accurate translation of the source text. *Imitation* applies identical expression of the forms, typically with names of people and places. *Transcription* is used when a term is unusual even in the source text, while in case of *Dislocation* the source language applies some sort of special effect. *Condensation* is the shortening of the text, while using the *Decimation* strategy the content is reduced. *Deletion* is the omission of expression or the absence of the verbal content, and *Resignation* applies distorted content [5. P. 161–170].

For the analysis we have taken a twelve-minute long Russian cartoon based on the Bashkir folk tale “An Orphan Fox” [2]. Examples extracted from the cartoon will give us the opportunity to analyze and single out linguistic and technical issues of the current cartoon subtitling.

1. «Однажды ненастной ночью, *когда хороший хозяин собаку из дому не выгонит...*» (0:09 м.)

«One day, a dark stormy night...»

In the first example the idiomatic expression «хороший хозяин собаку из дому не выгонит» peculiar to Russian culture means that the weather is so severe and terrible that even an animal cannot survive outside. This part is completely omitted. From the perspective of timing, the subtitles can be on the screen for 10 seconds, while the narration itself is only 6 seconds, which is quite enough for the target language viewer to get the idea. As this expression is used at the beginning of the cartoon and nothing special happens, the audience can read the subtitles without missing any action on the screen. In this example the translator has used *deletion* strategy totally eliminating part of a text. This strategy is normal in case of a fast-paced

speech, but not in the above mentioned example. Taking into account the possibility of translating the expression, we suggest two variants for it: «*it's not fit outside for man or beast*», which expresses the idea of the Russian expression through the use of *transfer* strategy. The second version is «*...that not even the dog was allowed outside*», where we adequately render the content by using *paraphrase* strategy, since this cannot be considered an accurate equivalent, because of the cultural information contained in the Russian expression.

2. «Ну и погода, одним словом – дождище». (0:26 м.)

«Да это ещё что! Вот придет зима, совсем пропадём».

«А давай держаться друг за друга. *Вот мы с зайцем двести лет вместе...*»

«*Не разлей вода*»

«*Terrible weather. Terrible rain.*»

«When winter comes, it will be worse».

«Let's keep together... *We alone with the hare...*»

«*Inseparable friends!*»

In the above mentioned example the following exclamation «Ну и погода, одним словом – дождище» is transferred into English «*Terrible weather. Terrible rain.*» Here the translator has used the *decimation* strategy reducing some of the content and slightly changing it, which is typical of fast-paced speech. Taking into account the pace of the dialogue and that the English version has the same impact on the audience, we find this translation appropriate. However, we suggest our variant: «*What terrible weather, pouring like hell*» which, from the linguistic point of view, expresses the same idea as the source language sentence, making the description of heavy rain more realistic, and, from the point of view of timing, the expression is not lengthy and can be quickly read by the target language audience.

In the next example «*Вот мы с зайцем двести лет вместе...*» «*Не разлей вода*» is transferred into English «*We alone with the hare...*» «*Inseparable friends*», which does not fully render the meaning of the source text. In the first part, the idea of being 200 years together, which is an exaggeration, is omitted in the target language. Applying *deletion* strategy, the translator has eliminated an important part of the dialogue. In the following sentence we see a case of *paraphrase*, as the expression of the source language is not transferred through equivalent translation. This expression can be translated by the *transfer* strategy, using the equivalent idiomatic

expression: «*we are thick as thieves*» instead of «*Inseparable friends*», which means very close-knit; inseparable ties and accurately transfers the source language idea.

3. «А может знаешь как дом построить?» (1:33 м.)

«Дом? Легче легкого. *Это просто, как яйцо*»

«Do you know how to build a house?»

«Of course I know! Very simple. *Like an egg*».

In the current example we come across an idiomatic expression «*Это просто, как яйцо*», which means very easy. The translator has tried to transfer the given expression though *transfer* strategy, but the rendering is not adequate as in the target language no such expression, «*Simple like an egg*», exists. Instead, we suggest to use «*Simple/ easy like a,b,c*», which expresses the same meaning and style. From the technical point of view, the characters of the target language expression correspond to the number of characters of the source language expression.

4. «Эй, Лиса-сирота дома?» (5:38 м.)

«Дома-дома. Она, это, щас вернется».

«Скажите ей, чтобы шла к барсукам на *именины* придумывать имя детёнышу».

(Fox distorted voice) «Hey, the fox is now at home?»

«Yes! She is at home, she will be back soon».

(Fox distorted voice) «Tell her to come to the Badgers on *the birthday party*, to come up with the name for their babies».

In this example we come across the word «*именины*», which is rendered into English through *paraphrase* strategy as «*birthday party*», which slightly distorts the meaning of the source language word. Here the translator/subtitler has used *resignation* for the distorted content. In Russian Orthodox tradition «*именины*» is the baptism day when a child is given a name of a saint. The idea is quite different from that of the birthday, and we suggest using «*name-day*» which is an equivalent translation and here we will use the *transfer* strategy.

Hence, although subtitling demands a number of translation techniques, at first sight it may seem the simplest, time and money consuming, as well as the most effective way of film translation. In the process of analyzing the examples, the most frequently used strategy was deletion. The frequent use of condensed information is due to the cultural

nuances of words and idiomatic expressions, although these expressions and words have their equivalence in the target language – English, and transfer strategy can be applied instead.

Список литературы

1. Назмутдинова, С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень. – 2008. – с. 18
2. Электронный ресурс: «An orphan fox» based on the Bashkir folk tale, Russia. – 2004. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pAK9FhrCPmM&list=PLKkDjgBOPjWENObIgvYlnGXj3-GW5DN5U&index=9>
3. Antonini, R. The perception of subtitled humor in Italy: An empirical study. In D. Chiaro (Ed.), *Humor: International journal of humor research* (Special issue). *Humor and Translation*. – 2005. – 18 (2). – p. 213.
4. González, L. P. Audiovisual Translation”, in Baker, Mona and Gabriela Saldanha (eds.), *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*, London. – 2009. – p. 13.
5. Gottlieb, H. Subtitling: A new university discipline. In C. Dollerup, et al. (Eds.), *Teaching translation and interpreting*. Amsterdam: John Benjamins. – 1992. – p. 161–70.
6. Gottlieb, H. Subtitling. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Ed. Mona Baker. 1998. London: Routledge. – 2001. – p. 244.
7. Luyken, G. M. Overcoming Language Barriers in Television. *Dubbing and Subtitling for the European Audience* (Media Monographs 13). Manchester: The European Institute for the Media. – 1991. – p. 31.
8. Meckel, M. Die vernetzte Welt. In Meckel, M. & Kriener, M. (eds). – 1996. – p. 300.
9. Negroponte, N. Multimedia [Interview]. *Hightech*. – 1991. – p. 68.
10. Serban, A. Introduction to Audiovisual Translation. University of Leeds. – 8 April. – 2004
11. Szarkowska, Agnieszka. The Power of Film Translation. – 2005. – Vol. 9. URL: <http://translationjournal.net/journal/32film.htm>
12. Voge, H. The Translation of Films: Subtitling Versus Dubbing, *Babel*, 23/3. – 1977 – p. 120.

К. О. Согокян, А.А. Шахбазян*Ереванский государственный университет языков и
социальных наук имени В. Я. Брюсова
(Ереван, Армения)*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЭНТЕЗИ КАК ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

INTERPRETATION OF FANTASY AS A PRE-TRANSLATION ACTIVITY

Данная статья посвящена изучению интерпретации фэнтези в качестве важной предпереводческой деятельности. В статье обсуждаются проблемы перевода жанра фэнтези и предлагается предпереводческий анализ текста в качестве эффективного инструмента для решения этих задач. Исследуются проблемы, которые могут возникнуть у переводчика в процессе перевода популярного романа жанра фэнтези, «Гарри Поттер», а также указывается на важность предпереводческой интерпретации текста для точного перевода романа.

The present article is devoted to the study of interpretation of fantasy as an important pre-translation activity. It discusses the challenges of fantasy genre translation and offers pre-translation text analysis as an effective tool for facing these challenges. It studies the problematic issues that the translator may have in the process of translating a popular fantasy genre novel, the "Harry Potter" series, and shows the importance of pre-translation interpretation for the adequate translation of this work.

Ключевые слова: интерпретация фантастики, фантастический жанр, литературный перевод, предпереводческая деятельность, предпереводческий анализ текста.

Keywords: interpretation of fantasy, fantasy genre, literary translation, pre-translation activity, pre-translation text analysis.

Translation may be defined as a complicated process of parallel decoding and encoding of the author's message into a new code. Though the final and utmost aim of the translation is the successful reproduction of the text into the target language, one should never underestimate the importance of the adequate interpretation of the writer's message for revealing the intention of the latter. The translator performs the role of a mediator, one who is responsible for transferring to the reader the same effect that was originally created by the author of the text and for the adequate transference, the translator needs to carefully decode the source text and what is actually meant by the writer.

As one of the most challenging genres for translation, the literary genre strictly requires the interpretation of the author's intention by the translator. The latter always has to bear in mind the important fact that the literary text is a product of literature, which belongs to a certain culture, and as such, makes the translation process even more complicated and problematic. As no other type of text, the literary text is to a very high extent embedded with culture-specific concepts and images, the transference of which into the target language is of

crucial importance for the preservation of the value of the original text. Moreover, in case of fantasy fiction, the translator's task is to reveal and recreate in the target language the culture that is specific to the unreal, imaginary world, created by the writer.

Fantasy genre is one of the most popular literary genres, which always strikes the reader with its unusual characters, supernatural settings and all its magic elements. Most often, the plot of the fantasy genre literary work develops in an unusual world, a supernatural space, which has nothing to do with the real world. In her book "Unraveling the Real," Cynthia Duncan, for example, defines the genre of literary fantasy in the following way: "Although there is no single definition of the fantastic that stands out as absolute and final, almost all critics agree that it incorporates something into the narrative that may strike readers as supernatural or otherworldly, inexplicable or impossible, something that unsettles readers and makes them hesitate or doubt the nature of what they are reading" [3. P. 2]. This is truly what makes the elements of the literary fiction genre even more imaginary and unreal than in any other piece of fiction.

Fantasy genre makes use of a specific layer of the language to depict and describe the imaginary world with all its elements. Considering the fact that fantasy stories and novels show a world, which is far from being real, it is quite natural that the language that describes this world is also specific, is also sometimes complicated and unusual for the reader. Yet, at the same time the linguistic elements, mostly author's neologisms, need to be motivated enough to ensure effective communication between the writer and the readers. Thus, the writer very often uses concepts that are new and unknown to the reader, concepts that are specific to the unknown, fantastic world and that exist in that world and context solely, resorting to the material either inherent to the language or via allusions, to make the newly-introduced realia and concepts recognizable and understandable for the reader.

Django Wexler describes a fantasy novel as "... a delicate balancing act between the fantastic elements, which amaze and intrigue the reader, and the mundane elements which help him understand and provide verisimilitude" [9], and identifies some of the terms of fantasy, problematic for the reader, such as anachronisms, "words or phrases that refer to things that are beyond the fantasy world's level of technology," or words that represent "things which are named for particular historic figures, gods, or heroes, but which are nonetheless used in everyday conversation."

All these factors considered, fantasy genre translation is a challenge for a translator, who deals with the specific language used by the writer to describe the specific fantastic world and all the elements it comprises. Li Hong-man considers the translation of fantasy to be quite different from the general literary translation, although these two have much in common. According to him, "...the translation of fantasy literature is a complicated process regarding the style, the readership, the culture background, so on. As fantasy is one of the most important criteria in evaluating the translation of fantasy literature, the key issue lies in how to reproduce the fantasy in the target text as much as possible and make the translated version readable and acceptable as well" [6. P. 20]. Therefore, in the course of translation of this literary genre, a translator has to deeply penetrate into the work, to observe closely what is being translated. The problematic, from the translational point of view, nature of fantasy texts drives us to the statement that text interpretation as a pre-translation activity is the most important stage in fantasy translation, and only through this stage can translators ensure a further adequate translation of the respective work.

Text interpretation in case of fantasy genre translation, particularly, and in translation of any type of text, generally, is the initial and one of the crucial stages in translation. According to Elena Tareva, "It is difficult to overestimate the role of pre-translation analysis of the text, which precedes the creation of the translated text. The main aim of this phase of translation is to identify the major landmarks of the translation to ensure its adequacy." She relies on Brandes and Provotorov's statement on pre-translation analysis, which is as follows: "The general principles of pre-translation analysis allow us to make the text (in terms of its structure and language) more observable, outline the contours of communicative, i.e. semantic organization of the text, help to understand that the main difficulty of translation is the transfer of the entire meaning" [8. P. 1476-1477].

Text interpretation or analysis as a pre-translation activity starts with the close reading and observation of the text, adaptation to the latter, identification of the problematic points for translation, in a word, the translator's total immersion into the source text. Then it continues at the sentence level and goes on in other smaller units. Through this process, the translator manages to interpret the context in his mind.

The issue of pre-translation text analysis and its stages is discussed by various theorists, all of them suggesting different activities to the translator. Clifford Landers, for example, offers his own typology of steps through which a translation passes in the pre-translation stage such as reading the entire work once or twice, "An unaware translation is ipso facto a bad translation, and 'unaware' means failing to have a firm grasp on the meaning of the work, both at the surface level (words, phrases, idioms, culture) and at the underlying level of deeper significance," determining the authorial voice, "This will affect virtually every choice in the thousands of words to be translated" and several other steps [5. P. 45].

Roza Ayupova synthesizes the theories of Russian and western scholars and comes up with a more specific model of pre-translation activities, "Viewing from different angles most of them suggest that PTA should consist of mainly the following activities: 1) considering factors external to the linguistic text; 2) establishing the style and genre of the text; 3) designating the type of the information represented in the text. Different scholars arrange the succession of these stages differently and include different number of various questions into them. All the existing models of PTA illustrate 1) textocentric (linguistic); 2)

functional; 3) communicative approaches to this process" [1. P. 214].

When interpreting the text, it is important for a translator to reveal the intention of the writer in order to be able to translate that intention to the potential reader. According to Newmark, "In reading, you search for the intention of the text, you cannot isolate this from understanding it, they go together and the title may be remote from the content as well as the intention" [7. P. 12]. In literary translation, in general, and particularly in the translation of fantasy the translator faces the importance of the interpretation of the writer's intention. However, for adequate translation it is more challenging to interpret that intention objectively. Various translators may offer different subjective interpretations of the author's purpose in the interpretative phase of translation. Safia Boushaba touches upon this problem, stating, "Contrary to a scientific and a technical text, a literary text does not consist of objective facts. It rather offers subjective views and concepts of life that can be interpreted differently from one reader to another. This implies that the author's intention in a literary text cannot be determined easily and might be interpreted subjectively by the translator. The latter is a reader first of all and has his own parameters of reading the message" [2. P. 46-47].

The translation of the fantasy genre would never be adequate unless the translator started with sufficient interpretation of the text, its context and the writer's intention. J. K. Rowling's series of "Harry Potter" novels, which are one of the most popular pieces of fantastic literature and which have been translated into more than sixty languages around the world are a vivid example of the challenging language, culture-specific and genre-specific elements for translation.

In "Harry Potter" series, the author develops the plot in a magic world, a reality which, certainly, bearing some elements of the real non-magical world, is also abundant in new, made-up objects, magic words, spells, and so on. Reading the book, we feel and notice that the writer's choice of names, concepts that are specific to the magic world of the novel is never accidental. Moreover, all these words have certain connotations. It is undeniable, however, that the original version of the book is meant for the English reader, the one who belongs to that culture, because, besides the fact that all the concepts are fantastic and describe the magic world created by the writer, they also represent cultural connotations, which raise certain associations in the native reader.

Considering the fact that the novels have been translated into so many languages, questions arise: "How have the translators dealt with and overcome the challenges of translation?", "How have they managed to pass to the reader of the non-original, translated version of the book all the associations and connotations that have been meant for the reader of the original version?" Carmen Valero Garcés discusses this issue referring to Christiane Nord's "skopos" model, "...the 'skopos' model claims that the target text receiver should understand the text world of the translation the same way as the source receivers understand the text world of the original. Following this basic rule is a way of bridging the cultural gap between the original text and the translation" [4. P. 122-123].

One thing is, however, clear: the translator of "Harry Potter" series undoubtedly needs to pass through a pre-translation stage of the fantasy text interpretation through deep context penetration and immersion into the modeled world. When examining what type of terms and what concepts, particularly, the translator needs to interpret for their adequate, more or less equivalent and the best possible translation, the first noticeable feature of the novel is the abundance in proper nouns, including names of people and places, which are made up by the writer and which raise certain associations in the readers of the original version.

One of the good characters in the novel is *Albus Dumbledore*, the headmaster of Hogwarts wizarding schools and one of Harry Potter's favorite teachers. The quick analysis of the etymology of the proper name reveals that the word *Albus* comes from Latin, meaning "white," which stands for the white hair and beard of the character and symbolizes the wisdom characteristic of him. At the same time, the name *Dumbledore* comes from a Hampshire dialect and means a bumblebee. This name is, therefore, likely to represent the enthusiasm, the vigor peculiar to the character.

However, besides the semantically motivated names of good characters, due to meaning interpretation, associative meanings are revealed in the names of negative and evil characters as well. The fans of "Harry Potter" books are well familiar with one of the most evil characters of the novel, *Severus Snape*. Snape is Harry Potter's teacher at Hogwarts, who dislikes Harry from the very beginning. Snape may be described as a cold, serious-looking character, who is also very strict. All these associations are raised by the name *Severus*, which probably originates from the English word *severe*. Moreover, the last name of the professor *Snape* may also be interpreted as

meant to be associated with the word *snake*, since the overall image of the character reminds of a snake.

The other character, whose name is also likely to possess certain semantic motivation, is *Professor Lockhart*. Although the surname *Lockhart* actually exists, the reader associates it with *locked heart*, and that may be the effect the writer has tried to produce. Analyzing the character of the professor, we see that his heart is really locked for others, and he is rather boastful, self-centered and critical towards others.

Another group of proper names in “Harry Potter” that also require pre-translation interpretation are the names of places. The word *Apothecary*, for example, is the name of a store, which is located at Dragon Alley, the shopping area. Apothecary is the place where different herbs, feathers and other potion ingredients are sold. It is notable that the word is of Greek origin and means a *storehouse*.

It is clear that all these names offer certain connotations and possess a pragmatic value, since they are the carriers of the author’s intention to create the image of a character or a place. The challenge is in their translation. Here, the translator faces an important choice: either to translate them just the way they sound, according to the spelling of the words or to do meaning translation, that is, think of equivalents in the target language that will successfully raise the same associations in the readers of the target language. The choice belongs to the translator or it may depend on the case. The same translator may at times choose to preserve the phonological equivalent and sometimes feel the need to recreate the image created by the author. Whatever the translator decides, it is beyond doubt that the pre-translation interpretation should be the first activity the translator undertakes.

Another problematic type of terms covers the so-called neologisms (although the above-mentioned category is also words which are newly coined by the writer). By these, we mean the new words that the writer has created to refer to objects that exist in this magic world solely. It is interesting to examine what interpretations can be offered for the meanings they are used to carry.

J. K. Rowling uses the word *Remembrall* to refer to a small ball, which was filled with red smoke when the person to whom it belonged forgot something. Then as soon as the same person remembered what he had forgotten, the smoke disappeared. The author called this object Remembrall, directly referring to its magic power.

The word *Pensieve* is also used by Rowling to represent a magical object. It stands for a metal

basin, into which one could pour his memories and thoughts, which could be reviewed later. The word is the homonym of the English adjective *pensive*, which means *thoughtful*. This example also shows the intention of the writer to raise the proper association in the reader.

Another form of neologisms describes magic spells, which are frequent in the novel and which represent a challenge for the translator. Here again the translator faces the choice, either to keep them as they are or to replace them with equivalents which will give the reader the sense and the taste created by the author. An example of this is *Petrificus Totalus*. The etymological analysis of the spell shows that the word *Petrificus* comes from the Greek word *petra*, which means *stone*. This spell turns one into stone, paralyses them. The other element of the spell, the word *Totalus* is made up from the English word *total*, to which the writer has simply attached a Latin suffix. Thus, the interpretation of the separate elements of the magic spell reveals the motivated coinage of the author’s neologism to effectively communicate its meaning to the reader.

All the various forms of charms, spells and curses in the book have certain semantic motivation, and their close observation immediately helps to identify their etymology. The spell *Accio* was used to “call” an object, to make it fly into one’s hands. The word is of Latin origin and has the meaning of calling and summoning.

Thus, the study of some of the fantasy elements in the “Harry Potter” series and the words used to represent them shows that they carry in themselves the author’s message to the reader and are used to create a certain image in the mind of the reader and need to be carefully interpreted and analyzed by any translator, irrespective of the language they are being translated into. The most challenging terms for the translator in fantasy genre and in “Harry Potter” novels, particularly, are the proper names created by the author, names made up to refer to certain objects and the names of the spells and curses. Different translators can give different interpretations to the terms used by the author. So, for the utmost objective interpretation of the author’s intention, a translator needs to run a careful pre-translation analysis and focus on a close observation of the text, since the translator’s task is to transfer to the reader the effect created by the author and to preserve the inherent semantics of the original version.

References

1. Ayupova, R. Pretranslation text analysis as a part of translation process / R. Ayupova // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 136. – P. 213–216. – URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042814037975>
2. Boushaba, S. An analytical study of some problems of literary translation: a study of two Arabic translations of K. Gibran's *The Prophet*: PhD thesis / S. Boushaba. – University of Salford, 1988. – 203 p.
3. Duncan, S. *Unraveling the real* / S. Duncan. – Philadelphia, Pennsylvania : Temple University Press, 2010 – P. 264.
4. Garcés, C. V. Translating the imaginary world in the Harry Potter series or how Muggles, Quaffles, Snitches, and Nickles travel to other cultures / C. V. Garcés // *Quaderns. Revista de traducció*. – 2003. – № 9. – P. 121-134.
5. Landers, C. *Literary translation : A practical guide* / C. Landers. – Multilingual Matters, 2001 – P. 224.
6. Li, H. Fantasy in translation: a study of two Chinese versions of the lord of the rings / H. Li // *Cross-Cultural Communication*. – 2010. – Vol. 6, is. 4 – P. 20-27. – URL: http://www.cscanada.net/index.php/cc/article/view/j.ccc.1923_670020100604.011/1018.2016.01.10
7. Newmark, P. *A textbook of translation* / P. Newmark. – Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 1988 – P. 292
8. Tareva, E. Cross-cultural interpretation as the strategy for pre-translation text analysis / E. Tareva // *Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences*. – 2011. – № 4(10). – P. 1473-1480.
9. Wexler, D. The fantasy language problem / D. Wexler // *Fantasy Faction*, 24 Jan, 2014. – URL: <http://fantasy-faction.com/2014/the-fantasy-language-problem>

О. А. Сорокина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ
ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУSTUDENT-CENTERED LEARNING IN TEACHING
THE SECOND FOREIGN LANGUAGE

В данной статье представлено обоснование необходимости применения личностно-ориентированного обучения при изучении второго иностранного языка, особая роль отводится принципам успешного функционирования данного подхода, а также факторам отбора комплекса упражнений.

This article deals with one of the most essential approaches in teaching the second foreign language to students specializing in intercultural communication. This method is aimed at cutting the process of teaching considering the student's abilities and interests.

Ключевые слова: обучение, личностно-ориентированное обучение, принципы, функции, оптимизация, личность, мотивация.

Keywords: motivation, learner-centered education, principles, functions, interests, abilities, skills, individuality.

Знание одного иностранного языка не является достаточным критерием для профессионального роста выпускника вуза и не удовлет-

воряет запросам современного общества, которое характеризуется постоянным расширением международных контактов в сфере экономики,

политики, науки. Таким образом, возникает необходимость в обучении будущих специалистов всё большему количеству иностранных языков, что позволяет постоянно совершенствовать изученные языки и в дальнейшем самостоятельно изучать новые иностранные языки. Все это диктует необходимость оптимизации процесса обучения из-за роста требований к уровню формируемых профессиональных компетенций студентов вузов.

Обучение – это специально организованный, целеполагаемый и управляемый процесс взаимодействия обучающегося и обучающего, направленный на усвоение знаний, умений, навыков, формирование мировоззрения, развитие потенциальных возможностей обучающихся, закрепление навыков самообразования, в соответствии с поставленными целями [2. С. 40]. Личностно-ориентированное обучение, как одно из разновидностей развивающего обучения, является одним из ключевых факторов при обучении иностранных языков, особенно при изучении второго иностранного языка.

Целью личностно-ориентированного обучения является не формирование личности с заданными характеристиками, а создание необходимых условий (социальных, педагогических) для полноценного раскрытия и последующего целенаправленного развития индивидуально-личностных черт обучающегося, превращение их в социально-значимые формы поведения, соответствующие выработанным обществом социокультурным нормам [8. С. 56]. Суть личностно-ориентированного обучения заключается в том, что личность обучающегося, его неповторимая индивидуальность составляют главную и приоритетную ценность, от которой проектируются все остальные звенья образовательного процесса. Эффективное функционирование данного процесса обучения при обучении иностранному языку базируется на ряде принципов, которые представляют собой методологическое выражение законов и закономерностей, позволяющих использовать их в качестве регулятивных норм практики [1. С. 35].

Дадим краткую характеристику этих принципов.

1) Принцип культурной целесообразности: процесс обучения иностранному языку строится на диалоге культур, когда студенты, взаимодействуя с материальными и духовными ценностями родной и иноязычной культуры, в реальных ситуациях межкультурной коммуникации обогащают свое сознание за счет при-

общения к новой картине мира, приобретают опыт общения с чужой культурой.

2) Принцип коммуникативности и диалогичности: обучение осуществляется в процессе упорядоченного, систематизированного и взаимосотнесенного обучения иностранному языку как средству межкультурного общения в условиях моделируемой на учебных занятиях иноязычной речевой деятельности и доброжелательного взаимодействия субъектов коммуникации, установление гармонии в процессе диалога.

3) Принцип доступности: обучение строится от известного к неизвестному; доступность определяется ролью преподавателя как консультанта организации познавательной деятельности студентов на занятиях по иностранному языку, дифференцируя меру помощи обучающимся.

4) Принцип динамичности: переход с уровня на уровень происходит на основе одновременного совершенствования элементов обучения, при этом каждый предыдущий уровень выступает предпосылкой последующего.

5) Принцип фасилитации: это открытая форма демонстрации ценностей в действии, это позиция преподавателя-фасилитатора, управляющего деятельностью группы, побуждающего студента к деятельности. Реализация помогает развить самооценку от работы в группе, удовлетворить потребность в общении на иностранном языке. Преподаватель, руководствующийся принципом фасилитации, становится посредником между обучающимся и содержанием образования.

6) Принцип организации среды обучения: это создание синергетического поля образовательной среды, готовность к работе с другими членами группы, обладающими уникальностью субъектного опыта (не только опыта познания, но и общения, продуктивной деятельности, творчества) [6. С. 50].

Личностно-ориентированное обучение не занимается формированием личности с заданными свойствами, а создает условия для полноценного проявления и, соответственно, развития личностных функций образовательного процесса, которые, и реализуют социальный заказ быть личностью. В. В. Сериков в качестве таких функций выделяет: мотивации, опосредования, коллизии, рефлексии, ориентации, творчества, самореализации [4. С. 164]. Полнота этих функций, представленная в деятельности субъектов учебного процесса, может свидетельствовать о том, что образова-

тельный процесс достиг личностного уровня своего функционирования.

В нашей статье мы более подробно остановимся на одной из главных личностных функций образовательного процесса, основой которого является личностно-ориентированное обучение – функции мотивации, т.к. мотивация характеризует отношение человека к действительности и связана с возникновением потребности к познанию. Мотив это побудительная причина действий и поступков человека. Согласно С. Л. Рубинштейну, в основе мотивации лежит значимое именно то, что особенно значимо для человека, выступает в конечном счете в качестве мотивов и целей его деятельности и определяет подлинный стержень личности, и поэтому учебный процесс нужно рассматривать не сам по себе, а его отношение к потребностям студентов, их целям, установкам [3. С. 88].

Явления значимости, личностной ценности возникают у человека в условиях противоречия между желаемым и действительным, и это противоречие оказывается движущей силой активной деятельности как формы его разрешения. Противоречивое единство наличного и желаемого составляет основную структурную особенность побуждения как единства мотивационной системы. Вторым мотивационным противоречием является противоречие между наличными тенденциями к активности, деятельности и объективными возможностями ее реализации. Процесс формирования и развития личности характеризуется взаимным влиянием деятельности на мотивацию и мотивации на деятельность, т.е. под влиянием изменения сферы и условий деятельности происходит постепенное изменение мотивов человека. В психологической литературе существует мнение, что потребности и мотивы тесно взаимосвязаны, но нельзя мотивы деятельности сводить только к потребности субъекта. Б. М. Теплов считает, что потребности являются исходными, но не единственными и не основными мотивами человеческой деятельности [7. С. 164]. Несомненно, что в качестве мотивов деятельности могут выступать чувства, интересы, убеждения, но только в том случае, если каждое из них превращается в потребность. П. В. Симонов считает, что мотивация без лежащей в ее основе потребности не существует [5. С. 98]. Потребности, будучи источником активности личности, лежат в основе мотивов и детерминируются ими. На занятиях по иностранному языку студенты проявляют ярко

выраженную положительную мотивацию на стремление в углубленном познании родной и иноязычной культуры с точки зрения специалиста межкультурной коммуникации, стремление к самореализации и самосовершенствованию в качестве высоко – профессионального специалиста.

Изучение второго иностранного языка, как правило, начинается во втором, пятом семестре, и поэтому нет возможности сформировать группы по уровню владения языком, особенно это касается английского языка, т.к. некоторые студенты уже изучали основы английского языка в школе, на курсах, некоторые сдавали ЕГЭ по английскому языку. В данном случае преподаватель сталкивается с разноуровневой группой не только по уровню познания, но по опыту общения, продуктивной деятельности, жизненного опыта. Личностно-ориентированное обучение является той основой, которая позволяет преподавателю для успешной реализации цели урока включить студентов в выполнение различных по качеству и объему комплекса упражнений, необходимых для успешного развития требуемых программой компетенций, в соответствии с уровнем сформированных навыков и умений, а также с учетом личностных особенностей обучающегося. Процесс овладения иностранным языком становится процессом постепенного осознанного продвижения к цели. Учащиеся получают более реалистичное представление о том, чего они могут достичь, осознают собственную важную роль в учебном процессе, и формирование адекватной самооценки становится более достижимым.

Британские исследователи Д. Нанан и Дж. Бриндлей [9. Р. 42], предлагают учитывать при отборе комплекса упражнений факторы двух видов: факторы, связанные с обучаемыми, и факторы, связанные с характером заданий.

Факторы, связанные с обучаемыми:

- в какой мере упражнение создает, поддерживает мотивацию студента. Одни и те же задания вызывают энтузиазм со стороны одних и полное неприятие со стороны других студентов;

- позволяют ли имеющиеся у студента учебные умения, выполнить задание. Успешность выполнения некоторых заданий связана с наличием вполне определенных учебных умений;

- какое количество учебных материалов учащийся может усвоить в единицу времени. Известно, что скорость усвоения материала у

учащихся различна, поэтому важно заботиться о том, чтобы студенту была удобна разбивка учебного материала;

- в какой степени обучающийся владеет тем или иным речевым умением. Какого уровня владения языком, по оценке преподавателя, можно ожидать от данного студента;

- нужны ли обучающемуся специфические лингвокультурные знания для выполнения задания. Можно ли ожидать таких знаний от каждого студента;

- насколько глубоки лингвистические знания и умения студента. Какие лингвистические знания требуются для выполнения данного задания;

- в какой мере студент обладает уверенности в собственной правоте, состоятельности.

Факторы, связанные с характером задания:

- является ли задание уместным и личностно значимым для обучающегося.

- сколько этапов включает в себя данное задание. Какие познавательные усилия потребуются со стороны студента, сколько информации ему необходимо осмыслить, чтобы справиться с заданием;

- какой объем практических знаний, понимания ситуации или культурного контекста необходим для выполнения задания, какая подготовительная работа позволит студенту справиться с заданием;

- какая помощь от преподавателя, других студентов, собеседника, справочных средств необходима для выполнения задания;

- какую степень безошибочности высказывания предполагает данное задание, какое требуется воздействие на собеседника (ожидает ли данный собеседник безошибочного высказывания).

- сколько времени потребуется студенту для выполнения задания, ограничение времени выполнения задания – важный фактор, создающий условие для практического применения навыков и умений, близкий к реальным.

Таким образом, личностно-ориентированное обучение при преподавании второго иностранного языка предполагает решение проблем, связанных с отличием обучающихся друг от друга, предполагает учет целого ряда факторов, которые во многом базируются на знании субъектного опыта каждого студента.

Список литературы

1. Загвязинский, В. И. Теория обучения. Современная интерпретация / В. И. Загвязинский. – М. : Academia, 2004. – 187 с.
2. Пидкастистный, П. И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении / П. И. Пидкастистный. – М. : Педагогика, 1990. – 265 с.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – 328 с.
4. Сериков, Г. И. Педагогические системы обучения / Г. И. Сериков ; под ред. Н. А. Томина. – Челябинск : Изд-во ЧПИ, 1980. – 241 с.
5. Симонов, П. В. Высшая нервная деятельность мотивационно-эмоциональные аспекты / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1975. – 175 с.
6. Сорокина, О. А. Формирование профессиональной направленности будущих переводчиков в системе высшего образования: дис. ... пед. наук / О. А. Сорокина. – Челябинск, 2008. – 169 с.
7. Теплов, Б. М. Психология / Б. М. Теплов. – М. : Госполитиздат, 1946. – 243 с.
8. Якиманская, И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе / И. С. Якиманская. – М. : Педагогика–Пресс, 2000. – 111 с.
9. Brindley, Jane E., & Paul, R. (2008). The role of learner support in institutional transformation. 26015 Olderburg BIS-Verlagder <http://www.bis-verlag.de>.

Г. В. Стойкович*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
(Самара, Россия)***Л. Ю. Стойкович***Самарский государственный экономический университет
(Самара, Россия)***КАТЕГОРИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ
И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК****CATEGORY OF INTERROGATION IN ENGLISH MASS MEDIA
AND ITS REFLECTION IN ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION**

В статье рассматривается категория вопросительности в английском языке на материале текстов газетных статей и их переводов на русский язык. Устанавливаются наиболее характерные типы вопросов для языка СМИ, выявляются способы их перевода, предпочтительные переводческие трансформации, отмечаются тенденции в передаче вопросительности в языке СМИ, делается попытка объяснения описываемых явлений. Основное внимание уделяется синтаксическим соответствиям вопросительности между языками, анализируется корректность перевода.

The article considers the category of interrogation in English mass media texts and their translations into Russian. The authors describe the most frequent types of questions used in English mass media texts and different ways of their translation, reveal and justify most frequent transformations of questions between languages. Particular attention is paid to the syntactic correlation of interrogation in English and in Russian, and the correctness of the translation is also analyzed.

Ключевые слова: *вопросительность, вопросы, перевод, язык СМИ, синтаксические переводные трансформации.*

Keywords: *interrogation, questions, translation, mass media language, syntactic translation transformations.*

Одной из основных категорий коммуникативного взаимодействия является категория вопросительности, составляющими компонентами которой выступают вопросительные предложения, по своему разнообразию ничем не уступающие другим типам предложений.

В настоящей статье мы кратко опишем особенности категории вопросительности в языке английских СМИ и способы её перевода на русский язык. Материалом для сопоставительного анализа вопросительных предложений в английском и русском языках послужили 57 информационных статей, опубликованных в различных англоязычных интернет-изданиях, таких как "The Guardian", "The Times", "BBC", "CNN", "The Washington Post" и др. и соответствующие переводы статей на информационном интернет-портале «ИноСМИ» (<http://inosmi.ru>). Количество отобранных примеров составило 214.

К проблеме вопросительных предложений в разные годы обращались такие ученые, как

Г. Г. Почепцов, Н. И. Жинкин, И. П. Иванова, Л. С. Бархударов, Пospelова А. Г. и многие другие [9; 5; 6; 3; 10]. По определению О. С. Ахмановой вопрос – это «высказывание, имеющее целью побудить слушающего сообщить нечто неизвестное говорящему или представляемое говорящим как требующее выяснения» [2. С. 65]. Вопросом также называют предложение, направленное на получение языковой реакции слушающего. Большая часть вопросов (за исключением риторических) предполагает немедленную реакцию со стороны собеседника и ориентирована на момент речи.

В своей работе «Вопрос и вопросительное предложение» Н. И. Жинкин рассматривает способность вопросительных предложений выполнять различные функции. В ней автор показал, что речевой акт вопроса – это разновидность речевого действия, а вопросительное предложение – это «форма фиксации мысли» [5. С. 29]. При помощи вопросительного предложения может передаваться запрос на полу-

чение информации, а также могут выражаться речевые действия, такие как утверждение, предположение или просьба. Таким образом, Н. И. Жинкин впервые провел границу между речевым актом вопроса и вопросительным предложением.

Рассматриваемый нами материал принадлежит к текстам газетно-публицистического стиля. Основными характерными чертами данного стиля являются тенденции к стандартизованности и к экспрессивности. Они обусловлены основными функциями, которые выполняет газетно-публицистический стиль, а именно информационно-содержательной функцией и функцией эмоционального воздействия на читателя. Синтаксис газетно-публицистического стиля речи отличается активным употреблением эмоционально и экспрессивно окрашенных конструкций, таких как восклицательные предложения различного значения, вопросительные предложения, предложения с обращением, риторические вопросы, повторы, расчлененные конструкции и др. В текстах проанализированных нами информационных статей СМИ вопросительные предложения весьма часто выполняют функцию эмоционального воздействия на читателя, особенно риторические и косвенные вопросы. Примечательно также, что вопросительность часто заложена уже в заголовке.

Эти факторы, безусловно, влияют на перевод разных типов вопросов и требуют изучения и учёта в переводческой деятельности. Перевод общепризнанно является сложным процессом, вызывающим противоречивые мнения и трактовки. В ходе анализа механизма перевода и процессов, происходящих в сознании человека при переводе с одного языка на другой, многие ученые пришли к выводу о том, что полноценный перевод невозможен. Существуют противоположные позиции относительно перевода – от признания абсолютной переводимости (философия языка эпохи Просвещения Декарта, Лейбница) до полной непереводимости. В этой связи интересно мнение Ж. Мунэна, который в ходе своего рассуждения на тему переводческой деятельности называет существование перевода «возмутительным фактом в современной лингвистике», рассмотрение которого «всегда отодвигалось на задний план или им пренебрегали». Следует отметить, что в конце своей статьи, посвященной переводческой деятельности, Ж. Мунэн приходит к следующему выводу: «правильность <...> переводов не оспаривается социальной практикой, в то

время как в теоретическом плане лингвистика склонна отрицать эту правильность» [8. С. 36].

Действительно, утверждение Ж. Мунэна о том, что с теоретической точки зрения перевод с одного языка на другой невозможно считать полностью правильным и логичным. Однако, как показывает практика, достижение коммуникативной цели при переводе все же имеет место быть. При этом стоит отметить, что передача грамматической структуры в языке перевода не является задачей переводчика, его основная задача – передача смысла содержания высказывания (за исключением тех случаев, когда целью переводчика становится передача стилистического средства с помощью определенной грамматической структуры) [8].

Как утверждает Л. С. Бархударов, специфика английской грамматики в сравнении с грамматикой русского языка заключается в ее аналитическом характере, что, как следствие, определяет многие ее особенности. Но, несмотря на то, что грамматические системы языков могут значительно отличаться друг от друга, они зачастую имеют некоторые сходные черты [3]. При анализе текстов СМИ и трактовке переводческих решений мы также исходили из теоретических положений, разработанных И. С. Алексеевой [1], Е. В. Бреусом [4], В. Н. Комиссаровым [7], Я. И. Рецкером [11].

На этапе исследования коммуникативных и семантических особенностей вопросительных предложений в текстах статей СМИ было обнаружено, что основную их часть составляют риторические вопросы (75%); прямые вопросы составляют 9% от общего объема изученных нами вопросительных предложений, а косвенные – 14%. При этом каждый из трех коммуникативных типов вопроса имеет свои отличительные черты.

В ходе сопоставительно-переводческого анализа вопросительных предложений в текстах статей, опубликованных в СМИ, нам удалось выяснить, что при переводе исследуемых нами типов предложений используется множество разнообразных переводческих трансформаций. Обширный объем материала исследования позволил получить интересную картину разнообразных способов и приёмов перевода вопросительных предложений с английского языка на русский, а также отражение категории вопросительности в ПЯ. В связи с ограниченным объёмом настоящей статьи нами будут изложены основные выводы, к которым мы пришли в процессе сопоставительно-перевод-

ческого анализа вопросов, и продемонстрированы отдельные аспекты исследования.

Согласно статистическому анализу соотношения употребительности переводческих трансформаций при переводе английских вопросительных предложений в публицистических текстах на русский язык было установлено, что наибольшей частотностью обладают такие виды грамматических переводческих трансформаций, как добавления (22%) и опущения (23%). Частотность использования добавлений, на наш взгляд, обусловлена расхождением в грамматических структурах двух языков, стремлением переводчиков к соответствию норме русского языка и при этом достижению большей выразительности, а частотность опущений – стремлением публицистического стиля речи в русском языке к лаконичности. Приведем пример добавления: *So what did kill off the Neanderthals? (TG) – Так что же на самом деле убило неандертальцев?*

Здесь видно, что прием добавления используется не только для соответствия текста перевода норме русского языка при отсутствии в русском языке грамматического усилителя, но и в стилистических целях.

Что касается опущений, неверное их применение может привести к семантическим потерям: *Is the Islamic State Exterminating the Language of Jesus? (FP) – Язык Иисуса?*

В данном случае опущена большая часть предложения, при этом тема статьи раскрывается, но не полностью, происходит значительная семантическая потеря. Стоит отметить, что подобные явления чаще всего встречаются в заголовках.

Кроме этого, регулярно используется переводческий приём замены: синтаксическая замена в строе предложения (14%), замена членов предложения (15%) и перестановки (16%), уподобление (12%). Остановимся немного подробнее на синтаксических заменах, которые при переводе вопросительных предложений весьма разнообразны. Замены обусловлены главным образом различиями в синтаксических строях языков. Наблюдаются замены простых предложений на сложные:

So could a conjunction of different ideas within language pedagogy be the secret to learning and teaching? (TG) – Так, может быть, секрет изучения и преподавания языков – в том, чтобы объединять различные методы языковой педагогики?;

сложных на простые: *But is there any proof that he was involved? (TG) – Но есть ли хоть*

какие-то доказательства причастности Солеймани?;

сложносочиненных на сложноподчиненные (*Is there any way to learn a language in a week or two, and those ads on the internet promise? (io9) – Есть ли способ выучить язык за неделю или две – как обещает реклама в интернете?;*

и наоборот: *What about another alternative, where women were simply different from men? (M) – А как насчет еще одной альтернативы: женщины просто отличаются от мужчин?*

Кроме того, при переводе вопросов в форме сложноподчиненных предложений часто меняется тип придаточного предложения, например, придаточные определительные меняются на придаточные дополнительные:

And are there instances where women are faring better than their Arab counterparts elsewhere; and why is that? (NPR) – Правда ли, что положение женщин в некоторых арабских странах лучше, чем в других, и если да, то с чем это связано?;

придаточные определительные на придаточные причины:

Will the company agree to end any exploration and development of unconventional reserves (for example, in the Arctic and much of the Canadian oil sands) that science has shown to be inconsistent with the 2° limit? (PS) – Согласится ли компания завершить любую разведку и разработку нетрадиционных месторождений (например, в Арктике и на большей части Канадских нефтяных песков), потому что наука показала, что это несовместимо с лимитом в 2°?.

Стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев вопросительность сохраняется как на семантическом, так и на синтаксическом уровне. Вместе с тем отмечено, что риторические вопросы могут переводиться утвердительными восклицательными предложениями, а прямые вопросы – утвердительными без каких-либо серьезных потерь или искажений.

Статистический анализ показывает, что при переводе с английского языка на русский в текстах статей СМИ сложные вопросительные предложения трансформируются в простые чаще, чем наоборот, сложные синтаксические конструкции имеют склонность к упрощению, при этом в русском языке предложения часто осложняются причастным или деепричастным оборотом.

Также в ходе исследования нам удалось выявить тенденцию к упрощению синтаксической структуры предложения при переводе заголовков, что подтверждается частотностью приме-

нения при их переводе опущений, синтаксических замен и членения:

Can you learn even complex languages quickly? (BBC) – Как быстро выучить иностранный язык?;

The new cold war: are we going back to the bad old days? (TG) – На пороге новой холодной войны;

Is internet surveillance really 'Orwellian'? (D) – Слежка в интернете – все как в книге Оруэлла?

В целом по сравнению с английским языком для русского характерно использование более простых синтаксических конструкций, а также большая лаконичность высказываний.

Главным, безусловно, является то, что в результате всех замен происходит адекватная передача смысла вопросительного предложения, его коммуникативной направленности. Однако замечены некоторые неточности или ошибки, к которым иногда приводят переводческие трансформации. Прежде всего, это опущение, которое может способствовать семантической потере; объединение и замена части речи могут привести к потере стилистической окраски, а неграмотная перестановка – к искажению смысла всего предложения.

Таким образом, выявленные нами ошибки при переводах различных статей показывают, что даже опытные переводчики не застрахованы от них, и подтверждают актуальность данного исследования. Полученный материал и сделанные выводы являются ценными для использования на занятиях по практическому переводу, для совершенствования процесса перевода, так как в ходе исследования нам удалось выявить некоторые тенденции при переводе вопросительных предложений в текстах статей, опубликованных в СМИ. Перспективой исследования является более подробное изучение перевода разных типов вопросов, влияние его на общее содержание переводного варианта статьи, а также изучение семантических и стилистических соответствий / несоответствий между вопросительностью оригинального и переводного текстов СМИ.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб.: Академия, 2004. – 352 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
4. Бреус, Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е. В. Бреус. – М.: 2001. – 208 с.
5. Жинкин, Н. И. Вопрос и вопросительное предложение / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания № 3, 1955. – С. 22-34.
6. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высш. школа, 1981. – 285 с.
7. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
8. Мунэн, Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт / Ж. Мунэн // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 36-41
9. Почепцов, Г. Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании. / Г. Г. Почепцов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Сб. научных трудов. Калинин, 1985. – С.12-18.
10. Пospelова, А. Г. Косвенные высказывания / А. Г. Пospelова // Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. – Гл. 2. – С.141-152.
11. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер // Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – 2-е изд., стереотип. – М.: «Р. Валент», 2006. – 240 с.

А. Е. Котовская*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)***Г. А. Токарева***Камчатский государственный технический университет
(Петропавловск-Камчатский, Россия)***ПЕРЕВОД ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ:
ДИАЛОГИ ПЕРЕВОДЧИКОВ****LYRICAL TEXT'S SEMANTIC INTEGRITY IN TRANSLATION:
TRANSLATOR'S DIALOGUE**

В статье на материале стихотворения американского поэта Р. Фроста рассматривается проблема сохранения смысловой целостности лирического текста как необходимого условия адекватности перевода. Диалогическая форма исследования способствует выявлению различных способов перевода семантически значимых образов и позволяет на практическом материале доказательно представить возможности различных приемов перевода при передаче ключевых смыслов лирического произведения. В исследовании использованы как переводоведческие, так и литературоведческие подходы в осмыслении заявленной проблемы, что является, с точки зрения авторов, максимально продуктивной методологией в условиях актуализации принципа междисциплинарности в современной филологии.

The article contemplates the problem of texts's integrity, as a necessary factor of translational adequacy on the material of the American poet R. Frost's lyrics. The dialogic form of the research promotes the revelation of different techniques used for translation of semantically-important images allows to demonstrate on the particular examples the values of various methods of translation in rendering relevant key images of lyrical creations. The research involves both translational and literary approaches to the conceptualization of the studied problem. This approximation, from the authors' eyesight, is the most productive amid updating of interdisciplinarity in contemporary philology.

Ключевые слова: целостность текста, адекватность перевода, лирика, ключевые образы, междисциплинарность.

Keywords: texts's integrity, translational adequacy, lyrics, key images, interdisciplinarity.

Традиционно теория художественного перевода разводит процесс работы с иноязычным текстом на два этапа: понимание и собственно перевод. «Понимание, – пишет А. А. Потебня, – есть повторение процесса творчества в измененном порядке» [5. С. 151]. Таким образом, уже на этапе понимания переводчик становится активным интерпретатором переводимого текста. Современные герменевтические методологии, идущие от дильтеевского принципа герменевтического круга, делают акцент на восприятии текста как целого через его часть и возвратном процессе от части к этому целому. Наша задача – показать на материале конкретного перевода принцип семантической целостности переводного лирического текста как единственно возможный путь к постижению его эстетической сущности. Не случайно материалом для наших рассуждений стало сти-

хотворение «Смех Демиурга» Р. Фроста – автора энигматического, «многослойного», поэзия которого наполнена имплицитными смыслами. Только в этом случае есть смысл говорить о «семантическом целом».

Поскольку мы взяли для анализа текст с ярко выраженной имплицитностью, то психогерменевтический подход, представленный в отечественном переводоведении именами В. С. Виноградова, А. Н. Крюкова, Ю. А. Сорокина, Н. Л. Галеевой, М. П. Брандеса, будет для нас наиболее актуальным.

Не станем раскрывать аксиоматические вещи, связанные с различными подходами к переводу художественного текста, но констатируем некоторые общеизвестные факты как актуальные для нашего исследования. Теорию о двух типах перевода, выдвинутую еще основателем герменевтики Ф. Шлейермахером [9.

С. 132–133], можно выразить в двух терминах, появившихся в многочисленных работах его последователей: перевод бывает доместицирующий (буквально, «одомашнивающий»), и фореенизирующий, то есть, отчуждающий. Вторая общеизвестная вещь, которую нам необходимо повторить: основным критерием оценки качества художественного перевода является адекватность эстетического воздействия перевода на читателя-реципиента. Эта идея впервые была обоснована американским лингвистом и доктором богословия Ю. Найдой в книге «К науке переводить» (1964). Помня об этих базовых постулатах теории перевода, вернёмся к заявленной теме сохранения семантического единства имплицитно нагруженного текста при переводе.

По мнению С.Ф. Гончаренко, «всякий художественный текст содержит в себе помимо поверхностной фактуальной информации еще и глубинную концептуальную смысловую информацию... Эта информация всегда имплицитна по своей природе» [4. С. 108]. Переводчик – первый из интерпретаторов скрытого смысла текста в бесконечной цепочке читательских интерпретаций, поэтому его миссия столь важна.

Опираясь на избранную нами герменевтическую методологию, мы вправе трактовать перевод как «деятельность по заранее определенной программе, которая формируется, исходя из понимания переводчиком смысла высказывания, предназначенного для передачи на другом языке. Смысл высказывания не равен сумме значений входящих в него языковых единиц» [1].

Учитывая, что в лирике содержание и форма связаны особенно тесно, попробуем в переводе лирического произведения с явно выраженным подтекстом выявить те ключевые слова-образы, на которых держится весь смысл произведения. Следует отметить, что неверно понятое (лингвистический уровень) или истолкованное (интерпретационный уровень) при переводе такое ключевое слово приводило к столь концептуальным ошибкам, что менялся весь смысл переводимого текста. Проиллюстрируем эту мысль одним весьма показательным примером (мы намеренно не приводим имена переводчиков, дабы не ставить одного из них в неловкое положение).

Вариант 1

Дж. Трамбл Стикни

Черепкам, найденным на берегу

В телесной скорлупе, скрипучей тесной
Мой голос жив, хоть дни мои тускнеют,
И, как волна отлива, все слабее
Поток, что с губ струился чистой песней.
Все глуше гул воды. Прилив редее,
И пурпур дня погас. Но к дням чудесным
Взываю я, когда сиял небесно
Мир, и бурлила кровь стократ сильнее.
О, кто вернет иссохшей глине влагу,
Которая иссякла? Иль навечно
Умрет мечты в ней дерзкая отвага?
Сосуду ветхому разбиться – только благо.
Бросай, топчи осколки бессердечно,
В пыль преврати божественную сагу.

Вариант 2

Дж. Трамбл Стикни

Раковинам, найденным на суше

В моих ракушках слышу тихий ропот
И шум прибоя среди серых дней.
Их бросила волна морская, с ней
Унёс надежду шелковистый локон.
Исчез роскошный пенистый поток
В палящий полдень! На горячей глине
Ракушки умирают и отныне
Им снится рёв, взрывающий песок.
Никто их в море больше не вернёт?
Им плакать в одиночестве украдкой
И уносить с собою мир красот?
Так будьте милосердными, разбить
Их помогите, разотрите пяткой
В земле, чтоб в пыль молитву превратить!

На языке оригинала название стихотворения звучит “On some shells found inland”, и роковой ошибкой одного из переводчиков стало то, что он неправильно понял смысл многозначного слова *shell*, что привело к семантическому казусу. Парадоксальность ситуации заключается в том, что оба перевода представляют собой, тем не менее, вполне приемлемое эстетическое целое.

Особую актуальность приобретает перевод-интерпретация символического текста, в котором ключевые образы обладают многочисленными культурологическими коннотациями. Авторская интерпретация ключевых слов-образов вполне способна радикально изменить смысл текста или его частей.

Дальнейшее размышление о проблеме семантического целостности перевода текста с имплицитными смыслами мы построим в форме диалога и возьмем за основу достаточно сложное для понимания стихотворение Р. Фроста «Смех Демиурга». Автор диссертации по

творчеству Р. Фроста Д. А. Прияткин отмечает: «Одной из основных трудностей исследования поэзии Фроста и одной из отличительных ее особенностей является как раз заложенная в стихотворениях возможность множественного их понимания, равная допустимость взаимоисключающих точек зрения и их равная неполнота... Фрост позволяет читателю увидеть в стихотворении то, что сам читатель хочет в нем увидеть» [6. С. 20]. Добавим, что такая полисеманτικότητα – одно из главных препятствий и при переводе. Она искусительна, так как перевод символического образа рискует превратить в интерпретацию *одного из* символических смыслов. С некоторым трепетом обращаясь к очень непростому тексту Фроста.

The Demiurge's Laugh

It was far in the sameness of the wood;
I was running with joy on the Demon's trail,
Though I knew what I hunted was no true god.
It was just as the light was beginning to fail
That I suddenly heard—all I needed to hear:
It has lasted me many and many a year.
The sound was behind me instead of before,
A sleepy sound, but mocking half,
As of one who utterly couldn't care.
The Demon arose from his wallow to laugh,
Brushing the dirt from his eye as he went;
And well I knew what the Demon meant.
I shall not forget how his laugh rang out.
I felt as a fool to have been so caught,
And checked my steps to make pretence
It was something among the leaves I sought
(Though doubtful whether he stayed to see).
Thereafter I sat me against a tree [10.C. 54].

Котовская А. Е. Уважаемый коллега, это стихотворение привлекло меня своей многозначностью, которую придает ему ключевой образ Демиурга, не случайно это значимое слово вынесено в заглавие. Действительно, от трактовки этого центрального образа зависит выстраивание целостной концепции стихотворения. Надо ли говорить, что от герменевтического произвола не застрахована ни одна интерпретация. Поэтому читатель-переводчик непременно должен проводить серьезную аналитическую работу, предваряющую сам перевод. Мне импонирует ваше предложение рассматривать оригинальный и переводной тексты как «семантическое целое». Более того, такой подход представляется единственным возможным в случае перевода лирики. Подчиня-

ясь гравитации лирического текста, каждое слово обретает в нём новое измерение, особый семантический вес. Очевидно, что при переводческой перекодировке важно этот баланс не нарушить. Семантический вес отдельного слова заметно увеличивается при его вынесении в заглавие. В данном случае в такой сильной позиции оказались два слова “Demiurge's Laugh”. Действительно, как же следует трактовать центральный образ Демиурга? Думаю, что здесь будет нелишним задуматься о богатой традиции толкования этого мифологического и философского понятия. Обычно образ Демиурга связывают с философской традицией платонизма, где под ним понимается Творец и Отец видимого космоса, стремящийся приблизить мир к его Идее. Причём, ни Идея, ни Материя напрямую от Демиурга не зависят, его дело – только соединять, преодолевая сопротивление (см. диалог Платона «Тимей»). Важно, что платонический Демиург благ. Такого Демиурга в стихотворении Фроста нет.

С моей точки зрения, фростовский образ Демиурга ближе представлениям гностиков, согласно которым происхождение тварного мира является следствием ошибки. Демиург творит, не обладая знанием. «Православная энциклопедия» приводит частое для гностических текстов наименование Демиурга «Сакла» (от араб. – глупец) [3]. По окончании творения мира Демиург гордится сотворённым, превозносится и отпадает от действительного бесстрастного Бога. Далее стоит напомнить о гностической антропологии, в которой тело человека (как, впрочем, и вся материя) также является делом рук Демиурга. В эту сотворённую Демиургом оболочку «забрасывается» душа. Именно она делает человека выше Демиурга и в то же время дает ему возможность спасения из царства материи, пробуждая «знание» о человеческом превосходстве над силами, создавшими тварный мир. Отсюда, очевидно, и произрастает замечание лирического героя Фроста: “Though I knew what I hunted was no true god” (дословно: «но я знал, что тот, за кем я охотился, не был настоящим Богом»). А мотив поиска истинного Бога становится одним из ведущих. Согласны ли Вы с такой интерпретацией ключевого образа?

Токарева Г. А. Мой друг, идя от Платона в трактовке понятия «демиург», мы неизбежно повышаем онтологический статус персонажа и заведомо снижаем его, если берем за основу гностическую интерпретацию понятия. Какова

позиция Фроста? Приведенная Вами цитата из текста со всей очевидностью указывает на то, что благим творцом, пусть даже простым мастером, а не теургом, персонаж автора не является. Это ложный, подмененный Бог, каковым и видели его гностики. Еретически трактуя трехипостасность Бога как некое противоречивое единство, где Бог-отец и Бог-сын становятся антагонистами (несомненный атавизм язычества с его антитезой старого и нового – отца и сына), гностики отказывали Демиургу в статусе *благой* творческой силы. Мне важно подчеркнуть в переводе момент принятия героем рокового решения: в поисках Бога-творца он ступает на ложный путь, и его Бог превращается в демона. Принципиально ошибается в трактовке ключевого образа В. Топоров:

То было в густой первозданности леса.
Я знал, что не богом она создана [8].

Переакцентировка смыслов приводит к устранению самой ситуации выбора, а именно она составляет суть философской идеи стихотворения.

«Бог становится таким, каковы мы сами», – утверждал английский романтик Блейк [2. С. 97], испытывший сильнейшее влияние идей гностицизма. Герой стихотворения создает собственного бога, ступив на ложный путь, и этот Бог оказывается злым демоном, который подчиняет героя своей власти (не случайно “the sound was behind me instead of before” – «голос преследовал меня, а не вел»). Избрав путь демона, герой теперь вынужден спастись от его преследования, потому что этот демон – отражение собственной сущности героя, порожденный его собственным разумом и воображением монстр. Достаточно точен в передаче основного смысла образа Р. Дубровкин:

Я по следу бежал за неведомым духом,
Не был подлинным богом лесной этот бес [7].

Однако создается ощущение, что герой заведомо знает о неистинности пути, а не совершает трагическую ошибку. У Фроста он «радостно бежит» (running with joy) – и тем трагичнее осознание последствий этого опрометчиво сделанного выбора.

В моем переводе строки звучат оценочно нейтрально:

В час закатный меня поманил за собой
Бес лесной – но не тот, кого я так искал.

Котовская А. Е. В моём переводе первые четыре строки выглядят иначе:

Я один в беспросветной чаще лесной,
Полный счастья, тропой Демиурга бежал.
Знал, что это не Бог, но опасной тропой
Шёл, как будто и вправду здесь Бога искал.

В данном случае, мне представляется важным сохранить «субъектную активность» лирического героя Фроста: “Though I knew what I hunted was no true god” («но я знал, что тот, за кем я охотился, не был настоящим Богом»). Лирический герой Фроста именно «знал», но своим знанием пренебрёг и оказался в западне. Здесь надо сказать несколько слов о самом лирическом герое. Стихотворение “The Demiurge’s Laugh” («Смех Демиурга») является частью первого фростовского сборника “A boy’s will” («Воля мальчика»), где раскрывается сознание сквозного лирического героя-юноши, находящегося в процессе становления. Стихотворение “The Demiurge’s Laugh” замыкает вторую часть сборника и отражает тот этап в процессе становления мальчика, когда юность бросает вызов миру и самой себе, пренебрегая знанием, опытом, традициями. Получается, что юноша Фроста сознательно ищет не столько Бога, сколько его опровержение, и находит его в лице Демиурга. Здесь встаёт другой переводческий вопрос. Как переводить многозначное фростовское “Demon”, употреблённое поэтом как второе имя лесного божества? В. Топоров предлагает вариант «бес», под которым автоматически понимается злой дух, мелкое демоническое существо. Р. Дубровкин переводит “Demon” как «бес» и «злбный призрак». Однако вряд ли антагонистом истинного Бога может выступать языческое лесное существо, рядовой злой дух. Ведь английское “Demon” может обозначать и дьявола. Поэтому при переводе я старалась не вдаваться в конкретизацию: «Полный счастья, тропой Демиурга бежал». И далее «Demon» переведён мной как «смеющийся Демон». А какие соображения по этому поводу есть у вас?

Токарева Г. А. Вам удалось более акцентировано выразить ту мысль, которую я сформулировала как смыслообразующую: выбор героя был роковой ошибкой, но он сам ступил на тропу Демона. Это вполне в духе фростовского

лирического героя. В своем знаменитом стихотворении «Неизбранная дорога» (“The Road Not Taken”) поэт как раз говорит о стремлении пройти *нетопорным* путем.

Two roads diverged in a wood, and I --
I took the *one less travelled by*,
And that has made all the difference.

Теперь обратимся к трактовке образа «подмененного» Демиурга – беса, или демона. Он предстает абсолютно хтоническим существом: буквально вырастает из земли, в земном углублении, яме (*wallow*) – его *лежбище*, что придает ему некую бестиальность, монстрообразность. Он никоим образом не ассоциируется с евангельским Сатаной – это лесной языческий Бог, который невольно представляется в виде обросшего мохом, заплетенного ветвями существа наподобие Пана или Лешего. В нашем переводе образ лесного демона вызывает еще и ассоциации со славянским мифологическим существом Вием за счет образа «залепленных» глаз. Крайне важным, с нашей точки зрения, было передать эту угрожающую бестиальность через агрессивную лексику: «глумливый», «безжалостный», «дразнил», «хохотал» (не смеялся!). Именно здесь, в характере трактовки подмененного Бога и формируется главный смысл текста: кто он, этот Демон? Гностический искаженный Бог-демиург? Языческий леший, заманивающий путника в губительную чащобу? Веселый бес, морочающий героя? В зависимости от этой трактовки будет складываться и семантическая модель переводного текста, осуществляться подбор эмоционально-оценочной лексики. Наша позиция: подмененный Бог тесно связан с земным, тварным миром, он символ отступничества героя от пути духовного, некое возмездие за его собственную слабость, и поэтому его образ должен быть грубым, отчасти звероподобным, грубо-пугающим. Лирический герой, как нам кажется, испытывает животный ужас, когда прячется от смертельно опасного взгляда беса. Возможно и стремление к «опровержению» истинного Бога имеет место в тексте, но поиск этой альтернативы приводит лирического героя к осознанию своей *ошибки*. Мы подошли к главному вопросу: как и над чем смеется Демиург? Даже так: *какой* Демиург смеется: истинный Бог гомерическим смехом всезнания и презрения или подмененный Бог-демон смехом торжествующего победителя? Ваше мнение, коллега?

Котовская А.Е. Пожалуй, мы подошли к самому непростому пункту интерпретации. Я также склонна полагать, что над юношей смеётся подменённый Бог. Однако сначала голос Демиурга кажется «равнодушным», «издевающимся», и он не открывает своё бестиальное лицо: “The sound was behind me instead of before, / A sleepy sound, but mocking half, / As of one who utterly couldn’t care” (Звук был за мной, а не впереди, / Сонный и полуиздевающийся, / Совершенно неспособный проявлять сочувствие). Поэтому в плане выбора лексики я более сдержанна:

Голос этот не вёл. Голос шёл по пятам,
Был тягучим, как сон, равнодушьем пугал.
В нём издёвка была... И увидел я сам,
Как из грязи смеющийся Демон вставал.

Здесь уместно задаться вопросом: мыслится ли автором Демиург как реальное существо? Или он является проекцией воображения, материализацией страхов и сомнений? Последняя строфа даёт нам полное право об этом спрашивать: “I felt as a fool to have been so caught, / And checked my steps to make pretence / It was something among the leaves I sought / (Though doubtful whether he stayed to see). / Thereafter I sat me against a tree” (Я чувствовал себя как дурак, который попался, / Выверял каждый свой шаг, пытаюсь притвориться, что что-то ищу в листве (Я ли выискивал демона, или он на самом деле глядел на меня). Конструкция, заключённая в скобки, усиливает неуверенность в реальности происходящего. Перевод В. Топорова, к слову, эту неуверенность не передает. “Though doubtful whether he stayed to see” переводится им как: «Мол, что-то ищу (не его!) меж ветвей» [8]. Это, с нашей точки зрения, концептуально неверно. Ведь ситуация встречи с Демиургом, в конечном итоге, обнажила кризис «доверия к себе» лирического героя Фроста (вспомним Р. Эмерсона и американских романтиков-трансценденталистов, этот принцип провозгласивших). В каком-то смысле стихотворение Фроста можно рассматривать как полемику с романтической традицией. Спасаясь от Демона, юноша вынужден «выверять каждый шаг», притворяться, сознательно отказываться от права быть собой: “And checked my steps to make pretence” («Я выверял мои шаги, притворялся»). Мы позволили себе усилить эту концептуальную строчку: «Каждый шаг выверяю: “Невидимым быть / Я бы очень хотел” – я себе говорю». Финал стихотворения иронически

окрашен, что создаёт дополнительные трудности для переводчика. Немаловажно отметить, что эта ироническая линия ведётся отнюдь не лирическим героем, чьё основное состояние можно охарактеризовать как соединение страха и неуверенности. Ироническая оценочность не возникает собственно на уровне текста, а как бы надстраивается над ним. Перед переводчиком стоит архитрудная задача – учесть то, что непосредственно не эксплицируется в переводимом стихотворении. В. Топоров намеренно «обнажает» приём: «Ловец стал добычей – вот бесу потеха. / Я прынул – ему показать поскорей, / Мол, что-то ищущ (не его!) меж ветвей, / А он меня принял за тень или эхо – / И пал я, пристыженный, возле корней». Переводчик весьма неудачно, на наш взгляд, использует возвышенную лексику, добиваясь практически комического эффекта («прынул», «пал»). Для лирического героя Фроста принципиально важно, что всё очень серьёзно. Вспомним, что в первоначальном варианте издания книги “*A boy’s will*” Р. Фрост снабжал все стихотворения сборника ироническими комментариями, где намеренно обнажал авторский голос, подчёркнуто демонстрируя его несовпадение с инстанцией лирического героя. Любопытно, что текст “*The Demiurge’s Laugh*” помечается в издании 1915 года комментарием “*about science*” (о науке). Что имеет в виду Фрост? Возможно, кризис человеческого знания как такового, ведь человек по-настоящему не знает даже самого себя. Иронической ревизии здесь подвергается сама человеческая самонадеянность и неспособность в принципе что-то знать. На мой взгляд, этот иронический поворот следует иметь в виду при переводе. А как полагаете Вы?

Токарева Г. А. Прежде всего, мой друг, я не согласна с Вашей трактовкой строчки “*A sleepy sound, but mocking half, / As of one who utterly couldn’t care*”. Голос был одновременно и усыпляющим, и дразнящим, издевательским. Я не склонна понимать вторую часть строчки как изображение равнодушия, напротив, “*who utterly couldn’t care*” означает не ситуативное состояние демона, а его принципиальную неспособность проявлять гуманное отношение к кому-либо вообще (*care*). Поэтому мой демон получается изначально коварным и бездушным. Мой вариант перевода:

Этот голос не вел, а в чащобу манил,
Был невнятным, глумливым – меня он пугал.
Словно кто-то безжалостный звал и дразнил,
В чаще леса проснулся и вслед хохотал.

Со второй Вашей мыслью я, безусловно, согласна. Демон – порождение сознания героя, поэтому мы и не находим признаков его материального пребывания: его присутствие подвергнуто сомнению (“*Though doubtful whether he stayed to see*”). Он «чудится» герою, герой «выискивает» его среди ветвей. Эта трактовка полностью соответствует заявленной мною ранее мысли о порожденности Демона субъективным сознанием и о его фантомности. Абсолютно точно Вы уловили и авторскую самоиронию в столь трудном для перевода финале: герою не дано знание, и, похоже, даже отказано в самопознании, поэтому он и смиряется с непостижимостью и необоримостью порожденного его собственным воображением монстра. Вспомним иронический финал его знаменитого стихотворения «Войди» (“*Come in*”) – “*I meant not even if asked, / And I hadn’t been*” («Мой ответ – нет, если меня спросят / Но никто меня и не спросил»). В «Демиирге» Демон проходит мимо, не найдя героя, однако учитывая то, что лесной бес – порождение воображения самого персонажа, это избавление от несуществующего преследования вызывает усмешку автора (но не героя, как Вы точно отметили). Я думаю, Вы абсолютно верно трактуете подзаголовок стихотворения – “*about science*”. Демон смеется над бессилием человека, стремящегося бежать от своей судьбы, но, прежде всего, он смеется над безуспешной попыткой человеческого разума постичь сущность метафизического явления.

Дорогой друг, мы шли с Вами сходными путями в переводе столь непростого произведения, и совершенно очевидно, что семантической адекватности перевода мы добились только благодаря тому, что глубинный смысл текста был нами прочитан с учетом концепционного видения всего творчества Фроста в целом и необходимого обращения к конкретному историко-литературному контексту. Незначительные смысловые расхождения не влияют на несомненный эффект консолидированности всех художественных средств в передаче ключевого смысла текста. Таким образом, единственно возможным выходом из интерпретационного «капкана», с нашей точки зрения, является адекватность перевода, основанная на глубоком постижении творчества автора в целом, концептуальном понимании его мировоззрения, знании, в конце концов, индивидуального художественного кода поэта, который активно пользуется символической образно-

стью или прибегает к различным формам лирического подтекста.

Котовская А. Е. Уважаемый коллега, мне кажется, что наше пусть и близкое, но отнюдь не тождественное выстраивание концепции не менее показательно, чем явные концептуальные расхождения. Это ещё раз доказывает, что читательская рецепция субъективна. Она не защищена от герменевтического произвола, тогда как перевод художественного текста по понятным причинам не терпит значительных интерпретационных вольностей. Сам же Роберт Фрост любил говорить, что поэзия теряется при переводе. Перевод лирики Фроста – всегда вызов и кропотливая аналитическая работа. Теперь позвольте несколько финальных соображений. Полагаю, что для соблюдения полной «концептуальной честности» необходимо сопровождать переводные стихотворения сборника «A boy's will» авторскими комментариями. Это позволяет не только корректно надстроить иронический ярус, но и избежать нарочитой экспликации, нивелирующей очарование фростовской лирики, сформированной англоязычной культурой недосказанности. К слову, такой подход к Фросту до сих пор не реализовывался. Также необходимо помнить, что художественный перевод – тонкое ремесло, которое носит агональный характер. Пусть же нашим возможным опровержением станут другие, более совершенные переводы. Диалог переводчиков – процесс нескончаемый.

В заключение приведем оба перевода текста.

Р. Фрост

Смех Демиурга (*о науке*)

В монотонной, унылой чаще лесной
Демон леса мне эту тропу указал.
В час закатный меня поманил за собой
Бес лесной – но не тот, кого я так искал.
Я услышал его, потому что желал.
И с тех пор он во мне непрестанно звучал.
Этот голос не вел, а в чаще манил,
Был невнятным, глумливым – меня он пугал.
Словно кто-то безжалостный звал и дразнил,
В чаще леса проснулся и вслед хохотал.
Встал из ямы, и веки свои разлепил,
И тогда я смекнул, чей же голос то был.
Никогда не забуду, как смех тот звучал.
Я глупец, я в ловушке, во власти чужой.
Каждый шаг я свой, прячась в лесу, выверял.
Кто-то чудился мне за густою листвою.

(Впрочем, был ли тот взгляд, что за мною следил?)

Сел под деревом я совершенно без сил.

Перевод Г. А. Токаревой

Р. Фрост

Смех Демиурга (*о науке*)

Я один в беспросветной чаще лесной,
Полный счастья, тропой Демиурга бежал.
Знал, что это не Бог, но опасной тропой
Шёл, как будто и вправду здесь Бога искал.
День катился к закату. Я слышал тогда
Голос тот, что остался со мной на года.
Голос этот не вёл. Голос шёл по пятам,
Был тягучим, как сон, равнодушьем пугал.
В нём издёвка была... И увидел я сам,
Как из грязи смеющийся Демон вставал.
Он глаза разлеплял. Как теперь не понять,
Кто манил меня в лес? Я пустился бежать.
Смех гремел, и его мне уже не забыть.
Как дурак, я попался в его западню.
Каждый шаг выверяю: «Невидимым быть
Я бы очень хотел» – я себе говорю.
(Я ль выискал демона в гуще листвы,
Или он на меня между листьев глядел...)
Одуроченный, я на ковёр из травы
Сам себя усадил. Перед деревом сел.

Перевод А. Е. Котовской

Список литературы

1. Богатырева, Е. Д. Художественный перевод как интерпретация / Е. Д. Богатырева: дис. ... канд. филол. наук – Москва, 2007. – 277 с. URL: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennyy-perevod-kak-interpretatsiya#ixzz3cnYxFeda>
2. Блейк, У. Видения Страшного суда / Под ред. В. Чухно / У. Блейк – М.: Эксмо-пресс, 2002. – 384 с.
3. Гностицизм. Православная энциклопедия: электронная версия. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/165189.html>
4. Гончаренко, С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика. – М., 1999. – Вып. 24. – С. 107 – 122.
5. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика. / А. А. Потебня. – М., 1976. – 368 с.
6. Прияткин Д. А. Социально-философские аспекты поэзии Р. Фроста: дис. ... канд. филол. наук // Д. А. Прияткин – Ленинград, 1984. – 204 с.
7. Фрост, Р. Неизбранная дорога / Р. Фрост – URL: <http://romanbook.ru> » Книги

8. Фрост, Р. Стихотворения / Р.Фрост – университета. – Сер. 9. Филология. – 2000. – URL:<http://Поэзия>FROST/stihi.txt> (Топоров) № 2. – С. 132 – 133.
9. Шлейермахер, Ф. О разных методах перевода. Лекция, прочитанная 24 июня 1813 года // Ф. Шлейермахер // Вестник Московского
10. Frost, R. A boy's will / R. Frost – New York : Henry Holt and company [reprint], 1915.

Н. Р. Уварова

*Шадринский государственный педагогический институт
(Шадринск, Россия)*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНТЕКСТОВ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ

SOME PARTICULARITIES OF INTERPRETING AND TRANSLATING FICTION TEXTS WITH PRECEDENT-RELATED PHENOMENA)

В статье рассматриваются некоторые общетеоретические проблемы интерпретации и перевода прецедентных феноменов, встречающихся в художественных текстах. Приводятся примеры комментирования прецедентных явлений средствами русского языка. Анализируются способы передачи прецедентных феноменов, относящихся к английской лингвокультуре, на русский язык. Исследование проведено главным образом на материале романа С. Моэма "The Painted Veil", комментария к нему, а также русского перевода романа М. Лорье "Узорный покров".

The article considers some general theoretical problems of interpreting and translating precedent-related phenomena appearing in fiction. Samples of commenting precedent-related phenomena by means of the Russian language have been introduced, ways of rendering precedent-related phenomena belonging to the English language and culture into Russian have been searched. The research was carried out mostly on the example of the novel "The Painted Veil" written by S. Maugham, the commentary to it and the Russian translation of the novel by M. Lorye "Uzorny pokrov".

Ключевые слова: прецедентные феномены, перевод, художественный текст.

Keywords: precedent-related phenomena, translation, fiction.

Для наиболее полного воздействия на читателя авторы художественных текстов часто используют прецедентные феномены. По мнению В.В. Красных, прецедентные – это феномены 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [2. С. 58]. Кроме прямого языкового значения прецедентные феномены «обладают большим культурным смыслом, то есть они характеризуются определенным набором ассоциаций, детерми-

рованных национальной культурой. При минимуме формы прецедентные явления обеспечивают максимальное содержание, поэтому их можно считать своеобразным эффективным каналом связи, по которому до читателя доносится смысл, закладываемый автором в текст» [5. С. 149].

Прецедентные феномены нередко занимают сильные позиции, выступают как средство организации и объединения текста, отражают его авторство и адресность, интертекстуальные связи, способствуют приобщению читателя к другой национальной культуре в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей. Прецедентные феномены,

используемые в литературных произведениях, разнообразны по составу, источнику происхождения, характеру прецедентности.

Как отмечает В.В. Красных, прецедентные феномены могут быть социумно-прецедентными, национально-прецедентными и универсально-прецедентными [3. С. 173]. Вместе с тем она признает, что последний тип носит на сегодняшний день гипотетический характер [3. С. 174]. Представляется более корректным говорить о кросскультурных или межнациональных прецедентных явлениях, известных среди носителей двух и более лингвокультур.

«Структура прецедентных феноменов всех типов в большей или меньшей степени включает ассоциативный слой, детерминированный национально-культурной спецификой. Степень ассоциативного воздействия прецедентным феноменом определяется тем, насколько он известен в данной лингвокультуре. Так, прецедентное имя или высказывание, известное среднему представителю англоамериканской лингвокультуры, может быть совершенно неизвестно представителям русской лингвокультуры, поэтому даже точный его перевод на русский язык не обеспечит необходимых ассоциаций. Следовательно, авторская интенция не будет реализована» [5. С. 149]. Для полноты реализации авторской интенции при переводе данного текста необходим определенный комментарий. С.Г. Тер-Минасова называет такой комментарий социокультурным и указывает, что его цель – обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог [8. С. 90].

М.В. Моисеев на основании сопоставления и анализа типологий различных авторов выделяет следующие виды комментария при переводе художественного текста на русский язык: словарный, уточняющий, дополняющий, поясняющий и критический. Для пояснения различных видов прецедентных феноменов следует использовать разные типы комментария, соответствующие их природе и структуре. Словарный комментарий к прецедентным феноменам, входящим в сферу другой лингвокультуры, применяться не может [5].

Приемы передачи прецедентных феноменов на другой язык во многом определяются установкой переводчика, выбранной им стратегией. Текст перевода является по своей сути фрагментом иной культуры. С одной стороны, переводной текст сохраняет ряд особенностей текста-источника, с другой стороны, попадая

в сферу интертекстуальности, принимающей культуры, оказывается «экспроприированной этой другой культурой» [7. С. 66].

В.Н. Комиссаров отмечает, что при переводе художественных произведений прагматическая адекватность возможна с существенными ограничениями. Для достижения цели сохранения коммуникативного эффекта переводчик часто использует следующие виды прагматической адаптации.

В первом случае переводчик учитывает, что сообщение вполне понятное читателям оригинала, может быть непонятным читателям перевода вследствие отсутствия у них необходимых фоновых знаний [1. С. 140].

Во втором случае переводчику необходимо добиться правильного восприятия содержания оригинала, донести до рецептора перевода эмоциональное воздействие исходного текста. Переводчик прибегает к функциональной замене, подбирая другие явления и объекты, которые вызвали бы у рецепторов те же ассоциации что и у читателей оригинала, таким образом, сохраняя коммуникативный эффект [1. С. 143].

Перевод прецедентных феноменов относится ко второму типу переводческих адаптаций. Использование прецедентного явления способствует созданию определенного коммуникативного воздействия на читателя. Это воздействие осуществляется при помощи ассоциаций, которые прецедентный феномен пробуждает у читателя. Переводчик прибегает к функциональной замене с целью создания текста перевода, наиболее точно соответствующего оригиналу. Неизбежная при этом замена образа ведет к искажению содержания текста оригинала, хотя и позволяет сохранить его коммуникативный эффект.

Третий случай использования прагматической адаптации подразумевает, что переводчик ориентируется не на усредненного, а на конкретного рецептора и на конкретную ситуацию общения, стремясь обеспечить желаемое воздействие. Подобная адаптация связана со значительным отклонением от исходного сообщения. В конкретной ситуации переводчик находит целесообразным передать не сказанное, а подразумеваемое или, когда переводчик для достижения желаемого воздействия на данного рецептора считает, что необходимы иные средства, нежели те, которые использованы в оригинале [1. С. 146]. Прагматическая адаптация этого типа нередко встречается при переводе названий литературных произведений

Например, заглавие романа С. Ахерн "Where Rainbows End" содержит в себе прецедентный феномен. Автор использует усеченную английскую поговорку «there is the pot of gold at the end of the rainbow» (там, где кончается радуга, есть горшочек с золотом). Под «горшочком с золотом» каждый человек понимает то, что ему дорого, то, что кажется таким желанным и одновременно недостижимым. Для главной героини романа – Розы Дюнн – такими «горшочками» оказались ее друг Алекс, с которым они всегда были рядом, но боялись признаться, что любят друг друга, а также небольшой частный отель, в который Роза превратила свой дом [10].

«Прецедентное заглавие занимает в тексте сильную позицию и играет важную роль в структурно-смысловой организации текста. Однако в связи с употреблением прецедентных заголовков-цитат возникает проблема их адекватного восприятия и перевода. Если адресату доступно только буквальное восприятие текста, содержащего прецедентное высказывание, то можно говорить о неадекватной интерпретации им текста, поскольку суть прецедентного высказывания заключена в ассоциациях, которое оно должно вызвать, и отнюдь не является простой суммой значений употребленных в заголовке слов» [10. С. 197].

Характерно, что русский перевод заглавия «Не верю. Не надеюсь. Люблю» не воспроизводит английской поговорки, так как она содержит информацию, ограниченную для восприятия лишь одной национальной культуры.

Проиллюстрируем далее некоторые способы и приемы передачи прецедентных феноменов при переводе на материале анализа романа С. Мозма "The Painted Veil", комментария к нему Э.М. Медниковой, а также русского перевода романа М. Лорие "Узорный покров".

Большая роль в выдвигании темы церкви принадлежит библейским аллюзиям. Благодаря использованию в ткани текста библейских локальных аллюзий и имен собственных оживляются ассоциации с библейским сюжетом – первичным контекстом, откуда эти имена заимствованы. Библейские аллюзии не ограничены рамками национальной культуры. «Библейские имена собственные сохраняются при переводе, так как они известны во всех христианских культурах, это имена-символы, они общепризнаны, образуют норму. Знание библейского сюжета входит в объем так называемых фоновых знаний большой читательской аудитории. Следовательно, декодирование смысла авторского послания вряд ли будет

представлять трудность. Хотя интерпретация библейских имен допускает вариативность» [9. С. 210]. Так, например, the two Marys – обе Марии – в следующем контексте:

The chapel was no more than a low room with white-washed walls and rows of deal benches; at the end was the altar ... Behind it was a picture in oils of the Crucifixion with the two Marys at the foot of the Cross in extravagant attitudes of grief [11. С. 119].

Согласно одной версии здесь имеются в виду мать Иисуса Христа Мария и Мария Магдалина, из которой Христос изгнал бесов, согласно библейской легенде, они обе стояли рядом с крестом во время распятия (Евангелие от Иоанна, 19:25), по другой версии, две Марии – это Мария Магдалина и Мария – мать Иакова (Евангелие от Марка, 15:40). То есть наблюдается референтная отнесенность имени к двум разным прецедентным текстам.

Библейские цитаты в устах персонажей в романе могут приобретать ироническое звучание, так как прецедентные тексты, взаимодействуя с контекстом рецептирующего, несколько меняются и сами: они обогащаются дополнительными ситуативными значениями, которые трудно понять без поясняющего комментария. Обратимся к примеру. – «Are you a Catholic?» His malicious eyes twinkled and his funny little face was puckered with laughter. «Can any good come out of Galilee? No, I am not a Catholic. I describe myself as a member of the Church of England, which I suppose is an inoffensive of saying that you don't believe in anything very much ...» [11. С. 110].

В комментарии к роману Э.М. Медникова поясняет, что здесь собеседник иронизирует над Китти, когда она с подозрением спрашивает его, не католик ли он; он искажает библейскую цитату, согласно которой Нафанаил, ученик Христа, сомневаясь, спросил апостола Филиппа: can anything, good come out of Nazareth? – из Назарета может ли быть что доброе? (Евангелие от Иоанна, 1:46) Назарет – город в Галилее на севере Израиля, место, где согласно библейской легенде, Иисус Христос провел свое детство [4. С. 243].

Как уже было отмечено выше, при передаче прецедентного феномена переводчик часто прибегает к функциональной замене. Обратимся к примеру. В романе показано, с какой легкостью неискушенная героиня изменяет мужу, влюбившись в помощника губернатора Гонконга Чарли Таунсенда [9]. В следующем текстовом фрагменте при помощи аллюзии

Arcadian melodies автор характеризует мечты Китти о том, что они с Чарли поженились и будут счастливы, как идиллические, нереальные:

It was all very simple and everything could be managed without scandal or ill-feeling. And then she and Charlie could marry. ...They would be very happy. ...

But through all the these day-dreams ran a current of apprehension: it was as though the wood and the Strings of the orchestra play Arcadian melodies and in the bass the drums, softly but with foreboding, beat a grim tattoo [11. С. 49].

Референтом локальной аллюзии Arcadian является горный район Аркадия на полуострове Пелопонез в Греции – место действия многих произведений греческих поэтов, восхваляющих пастушеский труд и прелести сельской жизни. Arcadian melodies – простенькие (в русском переводе – пасторальные) мелодии:

«... за всеми этими радужными мечтами таилось предчувствие беды, как будто в оркестре духовые и струнные выводят пасторальные мелодии, а в басах тихо, но зловеще отбивают такт барабаны» [6. С. 240].

Следует заметить, что переводчик может заменить одно прецедентное имя другим или опустить его при переводе, если считает, что данный прецедентный феномен не входит в когнитивное сознание русского лингвокультурного общества. Так, развивая сюжетную линию, С Моэм использует аллюзию Hobson's choice – выбор Гобсона. Аллюзия используется в ситуациях вынужденного выбора, выбора по неволе, отсутствия выбора [9. С. 211].

В нижеприведенном фрагменте текста Китти сообщает Ч. Таунсенду о решении мужа, узнавшего о ее измене, уехать в китайский городок, где свирепствует холера. Уолтер Фейн берет с собой жену в расчете на то, что само провидение так или иначе разрешит мучительное и безвыходное положение, в которое оба они попали из-за любви Китти к Таунсенду:

«He's given me my choice. I must either go to Meitan-fu or else he'll bring an action. ...»

«Do you want me to go?»

«It's Hobson's choice, isn't it?»

«Is it?»

«It's only fair to you to tell you that if your husband brought an action for divorce and won it I should not be in a position to marry you» [11. С. 82].

В русском переводе имя Гобсон отсутствует:

– Значит ты хочешь, чтобы я уехала?

– Выбора-то у нас нет [6. С. 264].

«Имя Гобсон не входит в когнитивную базу

русского лингвокультурного сообщества. За этим именем не стоит образ-представление, знакомый подавляющему числу членов этого сообщества. Тогда как в Британии Гобсон – прецедентное имя, обладающее денотацией, сигнификацией и коннотацией» [9. С. 211].

Гобсон – содержатель платной конюшни в Кембридже (XVI в.), который обязывал своих клиентов брать только ближайшую к выходу лошадь.

«The reference is to Thomas Hobson (d. 1631), a carrier from Cambridge. When he hired out horses, he obliged the customer to take the horse next to the stable door. A play of the same name was written by Harrold Brighouse (1915)» [10. С. 125].

Переводчик в процессе воссоздания текста-источника на языке перевода интерпретирует данный текст в соответствии со своим индивидуально-личностным пониманием, а также в соответствии с нормами принимающей культуры и, в частности, с действующими в данной культуре нормами перевода. В процессе интерпретации данного текста в культуре перевода происходит дальнейшая экспроприация текста перевода принимающей культурой [7].

Так возникает, по выражению С.Л. Пшеницына «парадокс перевода: переводной текст носит имя оригинального автора и рассматривается в принимающей культуре как эквивалент оригинала, несмотря на то, что по сравнению с оригиналом он является, по сути дела, принципиально иным текстом, и поскольку это текст, воссозданный другим автором на другом языке, и поскольку переводной текст по сравнению с текстом оригинала оказывается включенным в иную сферу интертекстуальности [7. С. 66].

Задача переводчика заключается в том, чтобы объективно донести до читателя зашифрованную в прецедентных феноменах информацию. Для избежания смысловых потерь целесообразно снабжать перевод отрезка текста, содержащего прецедентные явления, подробным переводческим комментарием в сноске либо в конце произведения.

Список литературы

1. Комиссаров, В.Н. Современное перево- доведение / В.Н. Комиссаров. – М.: «ЭТС». – 2011. – 421 с.
2. Красных, В.В. Когнитивные базы и пре- цедентные феномены в системе других единиц в коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков,

- И.В. Захаренко, Д.Б. Багаева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 50-58.
3. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Медникова, Э.М. Комментарий к роману У.С. Моэма «Разрисованный занавес»./ Э.М. Медникова // Разрисованный занавес. – М.: Междунар. отношения, 1981. – С. 239-247.
5. Моисеев, М.В. Критерии отражения прецедентных феноменов в комментарии к переводу художественных и публицистических текстов / М.В. Моисеев // Омский научный вестник. – 2012. – № 2 (106) – С. 149-152.
6. Моэм, У.С. Узорный покров / У.С. Моэм // Избранные произведения в 2-х томах. Том I. Романы. – М.: Радуга, 1985.
7. Пшеницын, С.Л. Интертекстуальность текста перевода как фактор интерпретации / С.Л. Пшеницын // Актуальные проблемы стилистики декодирования, теории интертекстуальности, семантики слова и высказывания. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С. 60-66.
8. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
9. Уварова, Н.Р. Межтекстовые (интертекстуальные) связи в романе С. Моэма «Узорный покров» / Н.Р. Уварова // Жанр. Стил. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвузовский сборник статей. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – С. 206-212.
10. Уварова, Н.Р. Прецедентные феномены в романе С. Ахерн «Where Rainbows End» / Н.Р. Уварова, А.И. Бомштейн // Современные вопросы языкознания и переводоведения: сб. науч. ст. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 196-202.
11. Maugham, W.S. The Painted Veil / W.S. Maugham – M.: Progress Publishers, 1981. – 248 p.
12. Rodney, S. And now for something completely different. Dictionary of Allusions in British / S. Rodney, S. Colin – München, 2002. – 344 p.

А. О. Ушакова

*Пермский национальный исследовательский политехнический институт
(Пермь, Россия)*

НАУЧНЫЙ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ / НАУЧНЫЙ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXT / SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION

В статье обосновывается необходимость разграничения понятий научного, технического, научно-технического текстов, что, в свою очередь, детерминирует соответствующие переводческие стратегии. Если в обозначенных типах текстов и их переводах объектом анализа являются результаты деятельности ученых-исследователей, то информационное содержание и лингвистические способы его выражения существенно различаются, что необходимо учитывать переводчику. В связи с тем, что в настоящее время наименее исследованным является технический тип текста и особенности его перевода, фокус исследовательского интереса данной статьи сосредоточен на поиске параметров принятия переводческого решения при работе с техническим текстом с целью создания технически грамотного перевода.

In the article the focus is made on necessity to distinguish notions of scientific, technical and scientific-technical texts what determine corresponding translator's strategies. Taking into account the fact that technical type of text and features of its translation are not deeply studied, the researcher's interest concentrates on finding parameters of translator's decision making working with technical text in order to create quality translation.

Ключевые слова: научный текст, технический текст, научный перевод, технический перевод, переводческая стратегия, переводческое решение.

Keywords: scientific text, technical text, scientific translation, technical translation, translator's strategy, translator's decision.

Аккумуляция знаний в разных областях науки, развитие техники и создание больших объемов текстов, основанных на этих данных, является обычным явлением современного информационного мирового сообщества. С одной стороны, доступность и разнообразие информации способствуют упрощению работы переводчика. С другой стороны, именно они создают наибольшую трудность – как ориентироваться в терабайтах разнородных данных?

Так, например, в настоящее время остается дискуссионным вопрос разграничения научно-технического, научного и технического текста, как в плане их создания, так и в плане их перевода. Во многих работах научно-технический текст отождествляется с научным или техническим текстом, то же происходит на уровне перевода. Иногда данные понятия используются как взаимозаменяемые. Однако, на наш взгляд, технический, научный и научно-технический тексты, а также их перевод, имеют существенные различия, хотя связь между данными видами перевода очевидна – их объектом являются результаты деятельности ученых-исследователей. И научные, и технические, и научно-технические тексты содержат информацию, относящуюся к различным профессиональным сферам, оперируют инструментами специальных языков, создают собственные терминологические системы.

О. А. Крапивкина и А. А. Мусохранова предлагают развести данные понятия, обратившись к этимологии слов *научный* и *технический*. «Лексема *научный* предполагает связь с наукой, которая определяется в словаре Чемберса, как «знания, полученные в ходе наблюдений и экспериментов, критически проанализированные, систематизированные и подчиненные общим принципам. *Технический* связан с технологией, которая определяется Кратким оксфордским английским словарем, как «применение научных знаний с практической целью. Таким образом, можно утверждать, что перевод научных текстов связан с чистой наукой во всех ее теоретических, эзотерических и интеллектуальных проявлениях, в то время как перевод технических текстов связан с тем, каким образом научное знание используется в практических целях» [5]. Не зря Эдвард Теллер

замечает, что «то, что сегодня наука, завтра – техника».

Научно-технический текст в широком смысле представляет собой текст, обладающий совокупными характеристиками научного и технического функциональных стилей. Так, можно привести пример функционального разграничения применения трех видов текста, рассмотрев разработку электронного словаря научных терминов. Научный текст будет представлен научным докладом, где рассматривается понятие переводного словаря, описываются лингвистические принципы отбора и анализа данных для словаря. Научно-технический текст будет представлен научной статьей, раскрывающей технические возможности работы программы с учетом лингвистических потребностей пользователя, описывающей параметры инструмента, возможности будущих доработок словаря. Собственно техническим текстом будет инструкция по работе со словарем, дающая подробное описание настройки и возможных опций.

Таким образом, одной из характеристик, позволяющей разграничить научный и технические тексты, является излагаемая информация и способ ее представления. В цели данной статьи не входит подробный анализ лингвистических особенностей научного и технического текстов, мы лишь обозначим некоторые из них.

Определяя научный текст, И. В. Грелина отмечает, что «отражая интеллектуальную деятельность, научная информация характеризуется логичностью и объективностью. Функция научной прозы – последовательное, систематичное и аргументированное изложение научных концепций и теорий» [2. С. 3]. По мнению автора, это «порождает тенденцию к традиционности и унификации языковых средств, поэтому научный текст отличается от других типов текстов большей регламентированностью» [там же]. Л. В. Алексеева также выделяет функцию упорядочения результатов познания и дополняет ее «творческим характером данного типа текста, который выражает индивидуальное интеллектуальное усилие» [1. С. 25]. Это делает научный текст достаточно противоречивым явлением. В работе М. П. Котуровой и Е. А. Баженовой «Культура Научной речи.

Текст и его редактирование» используется следующее определение научного текста: «Научный текст – это форма представления научного знания» [4. С. 10]. Затем авторы предлагают метафорическое объяснение научного знания – «это продукт познавательной деятельности социума, представленный в виде линейной развертки авторского замысла» [там же].

Что касается определений собственно технического текста, их не так много, при этом часто происходит ассимиляция понятий «технический» и «научно-технический текст». Мы солидарны с дефиницией, на которую ссылается Л.С.Тихомирова: «Научно-технические тексты можно дифференцировать на тексты, посвященные описанию объекта, предмета и его свойств, и тексты, посвященные описанию технического процесса, явления (Гвенадзе 1986, Пешкова 2002, цит. по Л. С. Тихомировой) [6. С.10].

Приведем некоторые определения франкоязычных исследователей. Ф.Брей (Francesca Bray) в своей статье «Qu'est-ce qu'un texte technique?» отмечает, что технический текст представляет собой «la transmission des savoirs techniques par le moyen de l'écriture» («передачу технических знаний при помощи письма» – перевод наш – А. Уш.) [7]. Д.Пети (Dominique Petit), практикующий технический переводчик в области железных дорог, подчеркивает, что «pour situer l'exercice de la traduction dite "technique", appelée également "spécialisée" ou "professionnelle", il est suffisant en première analyse de rappeler qu'il répond à l'attente pragmatique d'utilisateurs – ingénieurs, techniciens, etc. où coexistent spécifications, appels d'offre, notices techniques, logiciels pour ne citer que quelques exemples» («чтобы определить, что есть так называемый «технический» перевод, также называемый «специальный» или «профессиональный», для начала достаточно напомнить тот факт, что он отвечает прагматическому ожиданию пользователей – инженеров, механиков и т.д., где сосуществуют спецификации, коммерческие предложения, технические инструкции, программное обеспечение – и это лишь несколько примеров» – перевод наш – А. Уш.) [8].

Рассмотрев научно-технический, научный и технический тексты, мы можем перейти к анализу ситуации с научным и техническим переводом.

Данные типы перевода входят в рамки исследования теорий специального перевода. Как справедливо отмечает Л. В. Алексеева, «в

отечественных лингвистических теориях XX века отдельного понятия *научного перевода* не разрабатывалось» [1. С. 23]. Сеем предположить, что отдельного понятия *технического перевода* также не рассматривалось. Внимание исследователей было обращено к *научно-техническому переводу* (Комиссаров 1982; Стрелковский, Латышев 1980; Латышев 2000 и т.д.). Так, В. Н. Комиссаров говорит о конвенциональности и прозрачности научно-технических текстов. Ученый также отмечает важность «хорошего знания переводчиком предмета, о котором идет речь в оригинале» [3]. Основные требования, которые предъявлялись к переводчику научно-технических текстов, заключались в обязательном выполнении ряда правил и норм структурных соответствий в исходном и переводном языках, выработанных многолетней переводческой практикой. Вследствие этого «...исходный текст виделся переводчику не в единой целостности, а лишь только в свете того, что уже было заложено в нем как материале перевода. Все это давало представление о научно-техническом переводе как достаточно жестком виде деятельности в аспекте практических потребностей и установок» [1. С. 23].

Таким образом, перевод специальных текстов рассматривается как набор определенных лингвистических операций по преобразованию единиц исходного текста в текст перевода. С позиции лингвистических теорий данные тексты диаметрально противоположны художественным текстам, которые требуют от переводчика выполнения определенных мыслительных операций. Но это противоречит мысли о том, что текст отражает способ моделирования мира. Художественный текст является моделью видения мира писателя, научный текст – это модель мира исследователя в определенной области знаний, а технический текст представляет сосредоточие технических знаний специалиста в определенной области. Очевидно, рассмотрение формальных характеристик научного и технического текстов является недостаточным. На данном этапе возникает необходимость в более глубоком изучении данного типа текстов, т.к. переводчик становится медиатором при передаче специальных знаний с одного языка на другой.

Этот факт вызывает трудности, особенно у переводчиков-лингвистов. Данную мысль применительно к переводу научного текста четко выразила Л. М. Алексеева: «Спецификой переводческой деятельности в сфере научной коммуникации является то, что переводчику трудно ассоциировать себя с членами иной со-

циальной группы (учеными), для которой он делает перевод. В этой ситуации переводчик научного текста сталкивается с противоречием: что он стремится достичь и что получается достичь. Будучи неспециалистом, переводчик каждый раз осознает тот факт, что выполненный им перевод специального текста объективно оказывается ущербным» [1. С. 51]. С подобным диссонансом сталкивается и переводчик технических текстов. «Le plus souvent cet artisanat mobilisera une culture technique préalable (pensons à l'ingénieur devenu traducteur) ou acquise au fil de l'eau grâce à une curiosité personnelle aiguillonnée par la volonté de bien traduire en comprenant tenants et abatissants» («Чаше всего данная профессия заставляет активировать предварительные технические знания (например, инженер, который стал переводчиком) или их постепенное приобретение, благодаря сильному личному любопытству, в связи с желанием выполнить перевод хорошо, поняв все нюансы» – перевод наш – А. Уш.) [8].

В связи с этим, современные переводчики технических текстов, сталкиваясь с трудностями трансляции специальных знаний в определенной технической сфере в другую лингвокультуру, прибегают к одной из двух стратегий перевода: буквальный перевод или технически-грамотный перевод (термин наш, основан на термине «инженерно-грамотный перевод», введенный И. Шалытом, практикующим техническим переводчиком). Д.Пети также обращает внимание на данную особенность: «Chacun sait que les textes dits techniques contiennent souvent des unités de sens, tels des « boîtes noires » face auxquelles deux attitudes sont possibles : celle d'un simple déménageur qui transporte sans interrogation un contenant, laissant le soin au destinataire de l'ouvrir, ou bien l'attitude critique légitimement attendue d'un traducteur soucieux de voir ce qui se passe derrière l'apparence» («Все знают, что тексты, называемые «техническими» содержат определенные смысловые отрезки, определенные «черные ящики», по отношению к которым возможны две манеры поведения: одна – простого перевозчика, выполняющего перевозку не задаваясь вопросами о содержимом, предоставляя получателю возможность открыть посылку, вторая – критичное отношение, ожидание от переводчика, который стремится увидеть, что скрывается за оболочкой» – перевод наш – А. Уш.) [8].

Заключая, подчеркнем, что задачей переводчика технического текста является принятие

решения о том, какую стратегию следует избрать, чтобы создать качественный, технически-грамотный текст перевода. Изучение научно-технического, научного и технического текстов показало, что каждый из них обладает определенной информационной нагруженностью и заданными лингвистическими характеристиками. Знание особенностей каждого типа текста важно для работы переводчика, так как оно влечет за собой определенные действия и решения, характерные для той или иной специальной коммуникации. В связи с тем, что технический тип текста, а также специфика его перевода является наименее исследованным аспектом, перспективы работы видятся в разработке соответствующего алгоритма принятия переводческого решения, отвечающего требованиям принимающего лингвокультурного сообщества.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Типология перевода / Л.М. Алексеева, Н. В. Шутёмова. – Пермь, 2012. – 198 с.
2. Гредина И. В. Перевод в научно-технической деятельности: учебное пособие / И. В. Гредина. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 118 с.
3. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубеж. ученых: учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999. – 133 с.
4. Котюрова М. П. Культура научной речи: текст и его редактирование : учебное пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – М., Флинта, Наука, 2008. – 279 с.
5. Крапивкина О. А. Лингво-прагматические аспекты перевода научно-технических текстов / О. А. Крапивкина, А. А. Мусохранова // Электронный научно-практический журнал : Гуманитарные научные исследования. – URL: <http://human.snauka.ru/2014/08/7629>.
6. Тихомирова Л. С. Алгоритм репрезентации оценки научного знания в тексте / Л. С. Тихомирова // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 17. – Пермь, 2003. С. 45 – 50.
7. Bray, F. Qu'est ce qu'un texte technique? / F. Bray / Techniques et Cultures. – 2010. – URL : <http://tc.revues.org/4997>.
8. Petit, D. Quid de la traduction technique ? Une expérience personnelle de traducteur face à la singularité du secteur ferroviaire international / Traduire. – 2013. – URL : <http://traduire.revues.org/522>.

Е. Б. Хромова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
(Пермь, Россия)

ВКЛАД ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE CONTRIBUTION OF TRANSLATION INTO THE FORMATION OF THE RUSSIAN PHILOSOPHIC LANGUAGE: HISTORICAL ASPECT

Статья рассматривает в историческом плане важнейшие этапы развития русской культуры, приводит имена известных деятелей русской культуры, чья роль и чья деятельность внесли вклад в создание и развитие русского философского языка.

The article examines in historical perspective the most important stages of development of the Russian culture, gives names of famous figures of Russian culture, whose role and whose activity have contributed to the creation and development of the Russian philosophical language.

Ключевые слова: концептуальный язык, переводческая деятельность, словари философских терминов, метафизический язык, осмысление переведённого.

Keywords: conceptual language, activity of translation, dictionaries of philosophical terms, metaphysical language, comprehension of the translated.

История русской культуры полна ценных сведений о культурных и познавательных практиках перевода. Вопрос о переводе возникает в национальной культуре чаще всего в те кризисные моменты, когда нация сталкивается с необходимостью самоопределения. А таких моментов в российской истории достаточно.

Концептуальные языки всегда создавались и обогащались переводами. Хоть философский язык и является частью общенационального языка, ему присуща своя специфика, поскольку «философский язык сам по себе не вырабатывается: для его выработки нужна осознанная работа – перевод, расшифровка, истолкование» [1], работа, которая позволит поднять на новую высоту задачу формирования общенационального языка мысли, передачи культурного и концептуального опыта.

В отечественной традиции изначально языком мышления и формирования понятий стал церковно-славянский, сохранивший собственное своё значение для православного богослужения до наших дней. Именно он оставался до XVIII в. языком богословской и философской мысли. По свидетельству академика А. И. Соболевского, большая часть переводов XVII в. (это труды Альберта Великого, Михаила Скотта, Раймунда Люлла) была сделана с латинского языка. А латинский, как известно, был в то время языком науки в Польше и Западной Европе. За латинским языком можно поставить польский; им владело большинство наших переводчиков, и на нём часто писали южно-рус-

ские и западно-русские учёные. А в самом конце можно поставить немецкий, белорусский и голландский языки. Переводы с других европейских языков в это время пока не известны, хотя в числе приказных переводчиков были люди, владевшие французским и английским языками. Что касается трудов римских классиков, других средневековых и современных авторов немецкого, французского, английского, испанского происхождения, то они появлялись чаще всего при польском посредничестве, т.е. в польских переводах [9. С. 49]. По мысли М. В. Ломоносова, богатство «речений и выражений разума» было приобретено, благодаря переводам церковных книг с греческого языка на славянский для «славословия божия». Подчёркивая «отменную красоту, изобилие, важность и силу эллинского слова», Ломоносов отмечает и самодостаточность русского слова, «которое собственным своим достатком велико...» [6. С. 473].

В эпоху Московской Руси среди наиболее ярких имен можно выделить Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Артемия Троицкого, Зиновия Отенского. Выдающимся мыслителем XVI в. был Максим Грек, филолог, философ, богослов и переводчик в одном лице, принесший высокую византийскую учёность и возрожденческую лингвистическую подготовку на русскую почву. Он четко разделял православную богодухновенную философию и латинскую традицию, базировавшуюся на аристотелевской силлогистике, подчеркивая

сущностную глубину первой и ограниченный практицизм второй, критикуя схоластический метод в философии и богословии [5]. Главным его трудом можно считать перевод Толковой псалтыри, одной из наиболее сложных и содержательных книг европейского средневековья. Он стремился сделать перевод предельно верным и понятным [4. С. 35]. Также большой интерес представляют его переводы из византийского энциклопедического сборника X века «Суда» (Суидас), являвшимся чем-то средним между толковым, грамматическим, этимологическим словарями. Первое печатное издание «Суды» Максим Грек привёз с собой в Москву и выбрал для перевода статьи лексикографического, исторического, мифологического и философского содержания, например, «Повесть об Оригене», «Сказание о сивиллах», «Похвала Адаму первозданному» и другие статьи. Именно из «Суды» почерпнуты содержащиеся в сочинениях Грека представления о философах, учениях мыслителей прошлого [4. С. 66]. Творчество М. Грека повлияло на создание отечественных толковых словарей энциклопедического характера, объяснявших непонятные слова греческого, латинского, древнееврейского и других языков, содержащих важные категории абстрактного мышления. Будучи энциклопедически образованным, Максим объясняет термины, их этимологию, приводя примеры из разных областей знания. Он растолковывает неправильно понимаемые русскими переводчиками греческие понятия *technikos* – искусный, *sophos* – мудрый, *gnostikos* – познавательный и др. [4. С. 68].

Петровские реформы, невероятно расширившие контакты России с зарубежными странами, не могли не сказаться и на переводческой деятельности. Переводы с польского становятся всё малочисленнее, но зато усиливается перевод прямо с оригиналов литературы Западной Европы. Переводчикам Петровского времени пришлось приложить немало усилий для создания работ, в полной мере соответствующих специальному указу Петра о переводах, требующего «внятной», «понятной» передачи переводимого содержания.

Философам Славяно-греко-латинской академии, приехавшим по приглашению Петра I из Малороссии, удалось поднять на высокий уровень вопрос о возможностях человеческого разума. Иосиф Турбойский в своём философском курсе, названном «Аристотелевским органом, или золотым ключом от дверей в рациональную философию», пишет о первом

действии интеллекта (о терминах), о втором действии интеллекта (дефиниции и подразделения), об аргументации, о материи силлогизмов, о природе логики и т.п. [11. С. 91–92]

Замечательным деятелем русского просвещения является В.К. Тредиаковский (1703–1768). Являясь профессиональным переводчиком и литератором, автором собственных философских произведений, Тредиаковский систематично вёл активную работу по созданию русского философского языка. Он изобрёл русские эквиваленты для таких, к примеру, фундаментальных философских понятий как «бытие» (*existentia*), «сущность» (*essential*), «разум» (*intellectus purus*) и др. В своих работах Тредиаковский подчёркивал такое важнейшее качество рода человеческого, как «умствование» [10. С. 284] и систематически доказывал это своей активной деятельностью по созданию и развитию русского философского языка.

Для правильного истолкования иностранных терминологических заимствований самими переводчиками создаются словари, среди которых наиболее обширными стали Азбуконики, составлявшиеся как лексикографические справочники энциклопедического плана. С их помощью в русский язык вошли такие термины, как «базис», «генезис», «материя», «софистика» многие другие [5].

Считается, что в России 1-й Словарь философских терминов был составлен в 1751 году русским философом-энциклопедистом, переводчиком и государственным деятелем Г. Н. Тепловым. Он объяснил значение 27 философских терминов на русском, латинском и французском языках. Хотя, по мнению А.В. Панибратцева, приоритет в создании первого философского словаря в России, по всей видимости, нужно отдать Феофилакту Лопатинскому, одному из наиболее заметных профессоров Московской Академии 1 четверти XVIII века. Его «Диалектика» содержит в себе специальный словарь философских терминов, «чей смысл с трудом уяснялся обучающимся юношеством» [7. С. 238]. В словаре Лопатинского объясняется 141 термин, важнейших для философского образования: например, «материя», «форма», «абстрактный», «конкретный», «категория», «сущность», «объектный», «субъектный».

«Героями и предшественниками на ниве словесно-терминологической» для современных исследователей считает Н.С. Автономова создателей Словаря российской Академии (вышедшего в конце XVIII в.), составленного по модели Словаря французской Академии. В

этом Словаре впервые в русской культуре было проведено научное требование – вырабатывать русскоязычную терминологию в различных областях знания. Так, например, география именуется «землеописанием», астрономия – «звездословием», библиотека – «книгохранилищем», обсерватория – «наблюдалищем» и др. И хотя впоследствии подобные слова были заменены словами с иностранными корнями, сама установка на развитие родного языка при умеренном заимствовании иностранных слов весьма поучительна и для всех дальнейших периодов русской культуры, включая настоящий [2. С. 514–515].

Победа над Наполеоном, революционные события в Европе повлияли на судьбу и преподавание философии в России. Если в Европе потребность в формировании осознанной мысли связана с научной деятельностью, то в России средством мысли традиционно была литература. В это время российский читатель знакомится с произведениями европейского романтизма, благодаря гениальным переводам Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского. Но под воздействием французского, немецкого, английского романтизма в России возникала своя, национальная литература. Впитывание чужой культуры привело к необходимости её понять и усвоить, но, усваивая иностранные влияния, «нужно было отдельно учиться применить их к решению своей проблемы» [12. С. 317]. «Именно литература, выступавшая как нечто самодостаточное, заведомо неутилитарное, как цель в себе, фактически подталкивала философию на путь самостоятельности и самоопределения» [2. С. 518]. Как видим, данная проблематика не нова для русской культуры. Ведь необходимость выработки собственного концептуального языка, так называемого «метафизического» языка, осознавали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, В. Г. Белинский и другие лучшие умы русской культуры. «Когда-нибудь должно вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас ещё в диком состоянии» [8]. В письмах Пушкина Вяземскому содержится целая программа развития русского языка как языка мысли; предлагается развивать русский язык на основе сопоставления с другими языками. В. Г. Белинский, как литературный критик, защищавший самобытность и народность русской литературы, также считал распространение переводов необходимым средством совершенствования мысли, выражаемой на русском языке. Только посредством переводов, по его мнению, можно превратить наш язык в такой орган, «на коем бы можно было разыгрывать

все неисчислимые и разнообразные вариации человеческой мысли» [3. С. 38].

Не секрет, что в годы господства марксистской философии проработка «немарксистской» западной философской мысли была сильно ограничена. Несмотря на прекрасные переводы философской классики, сделанные в конце XIX и в XX веке, философия в советской России по объективным причинам развивалась в отрыве от естественных процессов постижения и переосмысления философской классики в XX веке. Тем заметней ощущается необходимость в ликвидации лакун русского концептуального языка в постсоветский период. И хотя в настоящее время эта ситуация успешно преодолевается за счёт появления огромного количества переводов научной и философской литературы, задача осмысления переведённого остаётся очень актуальной. Пути решения этой задачи рассматриваются, например, в замечательной книге Н. С. Автономовой «Познание и перевод» [2]. Н. С. Автономова – филолог и философ, переводчик многих текстов французских философов (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Деррида), которых она открыла российскому читателю, продемонстрировав новые области мысли и одновременно внося вклад в копилку русского философского языка.

Предъявляя всегда самые высокие требования к качеству собственных переводов, Н. С. Автономова совершенно справедливо критикует порой безответственное отношение некоторых переводчиков к качеству русского терминологического языка. Приводится пример из книги под названием «Французская психоаналитическая школа», где сосюровское *langage* (языковая деятельность, языковая способность – из знаменитой триады *langue – langage – parole*) переводится как «языкование» (!), *signifiant* (означающее – из оппозиции «означаемое-означающее») – как «означатель», *le Réel* (реальное – из лакановской концептуальной тройки реальное – воображаемое – символическое) как «реалия» [2. С. 465–466]. Поэтому автор поднимает вопрос о необходимости дискуссий переводчиков, которые должны стать правилом и необходимым этапом работы в деле формирования единой научной терминологии. Отмечается и слишком явная тенденция русского терминологического языка «латинизировать» любые научные термины. Такие слова, как «ургентный», «перверсный» и многие другие русский язык предпочитает калькировать, относя их, таким образом, в разряд научных терминов. Но

всякий, кто переводит на русский язык, просто обязан, – напоминает Н.С. Автономова, – в первую очередь рассмотреть русскоязычные варианты и лишь во вторую очередь, в случае необходимости, прибегнуть к иностранным [2. С. 467–468]. Это правило, сформулированное ещё княгиней Дашковой, президентом Российской академии наук, издавна провозглашалось в русской культуре и сохранило свою актуальность по сей день.

Работа по переводу с целью формирования русского философского языка должна активно продолжаться. Ведь переводческая работа всегда выступает мощной лабораторией создания и апробирования философского языка. Конечно, ведь сам опыт перевода и само переведённое становятся национальным достоянием, обретшим форму и содержание с участием опыта других культур.

Список литературы

1. Автономова, Н. С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы / Н. С. Автономова // Вопросы философии. – 1999. – № 11.
2. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н. С. Автономова // М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с.
3. Белинский В. Г. «Изгнанник, исторический роман...». Соч. Богемуса. Пер. с нем. (1836) / В. Г. Белинский // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. – С. 37–38.

4. Громов М. Н. Максим Грек / М. Н. Громов // М.: Мысль, 1983. – 199 с.

5. Куценко Н. А. К вопросу о формировании русской философской лексики в I половине XVIII века / Н. А. Куценко – URL: <http://iph.gas.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp14/8.pdf> (дата обращения: 02.12.2015).

6. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М.В. Ломоносов // Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 552 с. – С. 473–478.

7. Панибратцев А. В. Просвещение разума. Становление академической науки в России / А. В. Панибратцев. – СПб.: РХГИ, 2002. – 624 с.

8. Пушкин А. С. Письмо Вяземскому П. А. от 13 июля 1825 г. из Михайловского в Царское Село / А. С. Пушкин – URL: <http://www.as-pushkin.net/pushkin/pisma/140.htm> (дата обращения: 02.01.2016).

9. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков / А. И. Соболевский – СПб., 1903.

10. Тредиаковский В. К. Слово о мудрости, благоразумии и добродетели / В. К. Тредиаковский // Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. – СПб.: Наука, 2009. – 668 с.

11. Чёрная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени / Л. А. Чёрная – М.: Яз.рус. культ., 1999. – 228 с.

12. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии / Г. Г. Шпет // Избранные произведения. – М.: РОССПЭН, 2010. – 856 с. – С. 33–368.

Чжао Хун

*Сианьский университет иностранных языков
(Сиань, Китай)*

О. В. Дубкова

*Новосибирское высшее военное командное училище
(Новосибирск, Россия)*

КУЛЬТУРЕМЫ В КИТАЙСКО-РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ¹

CULTUREM in SINO-RUSSIAN TRANSLATION OF TOURIST TEXTS

В статье проводится анализ переводов китайских туристических текстов на русский язык, выделяются основные приёмы перевода китайских культурем, отражающих географические,

¹ Статья выполнена в рамках проекта Фонда социальных наук провинции Шэньси «Исследование литературного перевода в рамках стилистики» 12K149 на 2013-15 гг., руководитель проекта – Чжао Хун (陕西省社科基金项目‘修辞学视野下的文学翻译研究’).

исторические и этнографические уникалии когнитивного опыта китайского народа. Как показывает переводческая практика, именно тексты, связанные с туристической сферой, содержат большое число культурем, что требует использования различных переводческих приёмов, а также проведения историко-культурологического анализа исходного текста с использованием различных информационных ресурсов. Основное содержание исходного текста в процессе перевода подвергается различным трансформациям, однако актуальным для перевода туристических текстов является передача культурной информации средствами русского языка, что предполагает одновременное использование двух-трёх приёмов перевода лексики, наиболее частотными из которых являются транскрипция с элементами транслитерации и различные виды вставок и комментариев, содержащих историко-культурную информацию.

The article analyzes the translation of Chinese tourist texts in Russian, the author highlights the basic techniques of translation of Chinese culture, reflecting the geographical, historical and ethnographic unique cognitive experience of the Chinese people. Such texts contain a large number of culturemes, that requires use of different methods of translation, historical and cultural analysis of the source text. The main content of the original text in the translation process is subject to various transformations, the most frequent of which are transcriptions with elements of transliteration and different types of inserts and comments containing historical and cultural information.

Ключевые слова: китайско-русский перевод, культурема, приёмы перевода, туристический текст, историко-культурологический анализ.

Keywords: Sino-Russian translation, cultureme, translation techniques, tourist text, historical and cultural analysis.

Как показывает практика перевода с китайского языка на русский, в китайских текстах содержится информация об исторических событиях, деятелях, особенностях климата, природных условиях, быте и традициях китайского народа. В силу различий в историческом развитии китайской и русской цивилизаций возникают коммуникативные провалы, связанные с различиями внеязыковой действительности и способах их репрезентации в китайском и русском языках. Для обозначения данных явлений в российской филологической традиции существуют разные обозначения (безэквивалентная лексика, культурема, лингвокультурема, лакуна, лексика с национально-культурным компонентом семантики, логоэпистема, чужая реалья и т.д.), все это позволяет анализировать языковые явления с разных сторон и выделять уникальные языковые явления.

В настоящее время в лингвокультурологии сложились разные подходы к определению культуремы, но при анализе переводов целесообразным является использование представленного в работах В. Г. Гака понятия культуремы, рассматривая её как определённый знак культуры, имеющий в том числе языковое выражение, при этом языковой знак является обозначающим, а реалья – обозначаемым [1. С. 142]. Под реальями в данном случае понимается все относящееся к культуре: предметы,

функции, обычаи, факты поведения и т.п. Само понятие культуремы, по мнению В. Г. Гака, требует существенного уточнения [1. С. 145]. Как показывает переводческая практика, китайские тексты, связанные с туристической сферой, содержат большое число культурем, отражающих географические, исторические и этнографические уникалии когнитивного опыта китайского народа. В силу того, что представленный в туристических текстах когнитивный опыт существенно различается, необходимо вырабатывать новые подходы к переводу таких текстов, чтобы сделать их понятными и доступными реципиентов, соблюдая принципы эквивалентности и адекватности перевода.

В настоящее время в Китае начинают формироваться различные школы перевода, которые опираются на исследования зарубежных авторов, в том числе на труды Бархударова, Комиссарова, Латышева, Фёдорова и др. К числу наиболее важных работ в области перевода с китайского на русский следует отнести исследования Ань Синькуя, Ху Гумина, Хуа Ли, Сюй Маньбинь, Цун Япина, Чжу Дацю и др. В данных исследованиях рассматриваются проблемы перевода реалий в текстах различных типов, как особый раздел теории перевода туристический перевод не выделяется. Так, Сюй Маньбинь особое внимание обращает на энциклопедические знания переводчика, кото-

рые включают политику, образование, обычаи и др., однако автор обращает внимание, что нельзя одновременно быть специалистом во всех сферах перевода [4. С. 17].

В туристических текстах нами выделено несколько различных типов культурем. Как отмечают А. А. Кретов, Н. А. Фененко: «Реалии в одном языке всегда соответствует лакуна в другом» [2. С. 10]. Так как в китайской традиции необходимо максимально использовать классические образцы, отсылающие уже ко всем известным в Китае источникам и фактам, то это приводит к формированию особого языкового поля, в котором одновременно существуют и древние, и современные языковые явления. Все это в целом требует использования различных информационных ресурсов, включая китайскую электронную энциклопедию «Байду», которые позволяют создать адекватный и эквивалентный перевод туристических текстов.

В ходе практической работы по переводу книги «Путешествие по Сианю» возникает проблема выбора наиболее адекватного и эквивалентного варианта перевода культурем, поэтому нами использовано несколько основных приёмов перевода таких единиц туристического текста. Наиболее важным является приём транскрипции с элементами транслитерации. Общеизвестно, что китайские имена и названия не несут русскоязычным реципиентам информации о существующих реалиях, в силу этого данный приём должен сочетаться с приёмами калькирования, лексического добавления и экспликации. Последовательно рассмотрим несколько примеров.

Именования единичных объектов – гор, рек, водоёмов, строений – в китайском языке содержат корневую морфему, указывающую на тематическую группу, при использовании приёма транскрипции необходимо вербализовать данный компонент, что приводит к сочетанию данного приёма перевода с приёмом лексических добавлений. Например:

华清池, 又名华清宫, 南依骊山, 北临渭水。Горячие источники Хуацзинчи, которые также называются дворцом Хуацзингун, на юге примыкают к горе Лишань, на севере – к реке Вэйхэ [3. С. 25].

大明宫国家遗址公园被誉为“世界遗址保护典范”。Парк национальных реликвий дворца Дамингун известен как «Всемирный классический образец охраны реликвий» [3. С. 31].

汉城湖, 原为古漕运明渠。Озеро Ханьчэнху изначально являлось древним открытым ка-

налом для перевозки грузов водным путём [3. С. 34].

Имена исторических деятелей, фактов и событий представляют собой особую группу культурем, в которых содержится информация о многотысячелетней истории Китая. При их переводе необходимо использовать различные типы вставок, что, с одной стороны, значительно увеличивает объём перевода, с другой, позволяет глубже понять и узнать историю другой страны. Так, культурема «Саньцин» отсылает к историческим событиям, имевшим место более 2 тыс. лет назад, когда произошёл раздел территории княжества Цинь между тремя сложившимися оружие циньскими полководцами. В тексте перевода в таких случаях помимо транскрипции обязательно использовать вставки:

三秦故土, 八百里秦川, 古老的文明从这里发源。Древние земли Саньцин, разделённые в III веке до н. э. между циньскими полководцами, 400-километровая Северная Китайская равнина Циньчуань стали местом зарождения древней цивилизации [3. С. 2–3].

Аналогично: 大汉王朝, 光华流转, “汉”作为一个民族、一种文化的标志性符号, 已烙入国人的血脉中影响至今。Слава и блеск первого императора династии Хань Лю Бана (256 г. до н. э. – 195 г. до н. э.) вошли в плоть и кровь каждого жителя Поднебесной и воплощаются по сегодняшний день, а слово «хань» стало символическим знаком ханьского народа и особой ханьской культуры [3. С. 2–3].

西安钟楼, 始建于明洪武十七年 (公元1384年), 距今已有600余年。Сианьская Колокольная башня (Чжунлоу) основана в 17-й год правления (1384 г.) первого императора и основателя династии Мин Хун-у (другое имя – Чжу Юаньчжан, годы жизни: 1328 – 1398 гг.). До настоящего времени её история насчитывает более 600 лет [3. С. 13].

Вставки могут быть короткими и указывать на годы жизни, исторические периоды и т.д. Например:

著名作家贾平凹说: “整个西安城, 充溢着中国历史的古意, 表现的是一种东方的神秘, 囫囵是一个旧文物, 又鲜活活是一个新的象征。” Известный китайский писатель Цзя Пинва (род. 1952 г.) сказал: «Весь Сиань переполнен очарованием и колоритом древней китайской истории, воплощая чарующую тайну восточной цивилизации, сам по себе являясь символом и древнего наследия, и красочной новизны» [3. С. 2–3].

Эта Китайская история на самом раннем этапе строительства началась в Западной, через Qin, Han, Sui, основан, развит, в Тан достиг

到中国古代建筑的巅峰时期。Это самая древняя китайская столица, основанная в период Западная Чжоу (1046 – 771 гг. до н.э.), город рос и развивался в период династий Цинь, Хань и Суй и достиг своего небывалого расцвета в период династии Тан [3. С. 6–7].

Приём калькирования для перевода китайских культурем на русский язык может использоваться автономно (碑林是中国书法艺术的宝库,享有“书法艺术故乡”的美誉。Лес стел является сокровищницей китайской каллиграфии и китайского искусства, славится как «Родина искусства и каллиграфии» [3. С. 21].) или в сочетании с другими приёмами. Для примера приведём несколько отрывков из текстов.

楼上原有巨鼓一面,每日击鼓报时,故称“鼓楼”。На Башне расположен огромный барабан, на котором каждый день отбивали время, и древнее название «Гулоу» буквально переводится как «высокий дом с барабаном» [3. С. 15].

自古城门有四:东曰长乐,西曰安定,南曰永宁,北曰安远,寓意:长安永安。С древности сохранились ворота Дунъюэчанлэ (букв. Восточные ворота вечной радости), Сяньюэундин (букв. Западные ворота успокоения), Наньюэуннин (букв. Южные ворота вечного спокойствия) и Бэйюэаньюань (букв. Северные ворота дальнего спокойствия). Сокращённо все эти ворота называют «Вечное спокойствие Чанъаня» Дунъюэчанлэ [3. С. 16–17].

园内有石门子、月宫潭、石船子、黄羊坝、桦林湾五大景区近百个景点。В парке более 100 пейзажных мест, расположенных в 5 ландшафтных районах: Шимэньцзы (букв. Каменные ворота), Юэгунтань (букв. Заводь лунных чертогов), Шичуаньцзы (букв. Каменная лодка), Хуаньянба (букв. Плотина дзерена) и Хуалинвань (букв. Бухта восточных берёз) [3. С. 79].

中国古代的堪輿家们认为这座山脉气势磅礴,有“九州之险”,“君山龙脉正结于此”,因此秦岭又被誉为“中华龙脉”。Древнекитайские геоманты полагали, что горная цепь Циньлин имеет грандиозный размах и величественную силу, о которых говорят: «Оплот девяти земель», «Подземные магнетические токи главной горы правильно собирают это место»; поэтому хребет Циньлин также прославился как «Источник энергии китайской цивилизации» или «Кровеносные сосуды китайского дракона» [3. С. 65].

Быт и традиции китайского народа в туристических текстах представлены в именовании блюд, праздников, традиций и т.д. Такие

единицы обычно также переводятся приёмом калькирования, в некоторых случаях целесообразно использовать приём транскрипции или описания. Несколько типичных случаев:

著名的“牛羊肉泡馍”、锅盔、肉夹馍,几乎都源于“战粮”,制作简单、就地取材,吃了顶饱。Известные суп из говядины или баранины с кусочками пресной лепёшки, жареные лепёшки из пшеничной муки и лепёшки с рубленым мясом (жоуцзямо) восходят к «военной пище», которая готовилась для военных походов. Эти блюда из муки не только просто готовить, но и для них легко найти продукты, а также ими легко насытиться [3. С. 96–97].

拴马桩,农民画,脸谱马勺,民俗物件,藏满故事……记载着三秦百姓生活的点点滴滴。Каменные коновязи, народная живопись, красочные маски из дерева, народная утварь, старые нравы... Всё это хранит крупницы народной жизни этих мест [3. С. 106–107].

Особого внимания в переводе туристических текстов требуют заимствованные культуремы. Так, Ху Гумин отмечает, что при переводе имён собственных следует переводить не с китайского языка, а использовать исходный язык, в котором существует данное имя [5. С. 43]. В переводе необходимо использовать язык-посредник, которым может быть английский, арабский, хинди, корейский, уйгурский, фарси, японский и др.

唐长安城,人口超过百万,是当时世界上最大的都城,与开罗、雅典、罗马并誉为“世界四大文明古都”。Танский Чанъань с населением более миллиона человек был самым крупным городом в мире и наряду с Каиром, Афинами и Римом является одной из четырёх сохранившихся столиц древних цивилизаций [3. С. 2–3].

中国佛教八大宗派中的六大宗派起源或创立于西安,保留了众多祖庭寺院,有三论宗祖庭草堂寺,法相宗祖庭大慈恩寺和兴教寺,律宗祖庭净业寺,净土宗祖庭香积寺,华严宗祖庭华严寺和至相寺,密宗祖庭大兴善寺和青龙寺,以及唐玄奘翻译最大一部经典《大般若经》并圆寂于此的玉华寺等。Среди 8 школ китайского буддизма 6 берут своё начало или были созданы в Сиане. Здесь сохранилось великое множество храмов и монастырей основателей буддийских школ, это монастырь Цаотансы, в котором жил и работал основатель школы Трёх Трактатов (Саньлунь цзун); монастыри Дацзыньсы и Синцзяосы, в которых жил и работал основатель китайской школы йогачары (Фасян цзун) Сюаньцзан; храм Сянцисы основателя школы Чистой земли (Цзинту цзун); монастыри Хуаянсы и Чжисянсы осно-

вателя школы Хуаян цзун; монастыри Дасиншаньсы и Цинлунсы основателя школы Тайного учения (Ми цзун); а также Тан Сюаньцзан перевёл самый большой канон буддизма «Махапраджня парамита-сутра» (кит. «Да божэ цзин») и ушёл в паринирвану в монастыре Юйхуасы [3. С. 40–41].

五大佛经翻译家中的四位——鸠摩罗什、玄奘、义净、不空，都长期在西安地区译经。Четыре из пяти крупнейших переводчиков буддийских канонов на китайский язык – Кумараджива, Сюаньцзан, Ицзин, Амогхаваджра (Букун) – работали над переводами именно в Сиане [3. С. 40–41].

Нельзя не отметить, что использование комплекса приёмов для перевода китайских туристических текстов приводит к увеличению количества слов, при этом культуремы исходного текста в большинстве случаев перестают восприниматься как одна единица. Например, в нижеследующем примере «初唐四家» является культуремой, обозначающей четырёх великих каллиграфов, живших в начальный период династии Тан, использование калькирования и описательного приёма при переводе на русский язык значительно увеличивает исходный текст.

馆内荟萃了晋之二王、初唐四家、颠张狂素、颜柳欧赵、苏黄米蔡等书法大家的传世神品，著名的“唐昭陵六骏”其中四骏就存于馆内。В музее собраны передающиеся из поколения в поколение гениальные произведения двух знаменитых каллиграфов IV в. Ван Сичжи и его сына Ван Сяньчжи, четырёх знаменитых каллиграфов раннетанской эпохи Сюэ Цзи, Чу Суйлана, Оуян Сюня и Юй Шинаня, танских каллиграфов Чжан Сюя и Хуай Су, четырёх великих каллиграфов уставного письма «кайшу» Оуян Сюня, Янь Чжэньцина, Лю Гунцюаня, Чжао Мэнфу, четырёх великих каллиграфов сунского периода Су Ши, Хуан Тинцзяна, Ми Фу и Цай Сяна. Здесь также хранится 4 из 6 барельефов шести скакунов из гробницы Чжаолин династии Тан [3. С. 21].

Из приведённых немногочисленных примеров перевода с китайского языка на русский

становится ясно, что перевод туристических текстов является особым разделом теории перевода, требует детального изучения и разработки основного понятийного аппарата, а также анализа целесообразности использования различных приёмов перевода. В целом, основное содержание исходного туристического текста в процессе перевода подвергается различным трансформациям. Актуальной для туристического перевода является передача культурной информации средствами русского языка, что предполагает одновременное использование двух-трёх приёмов перевода лексики, наиболее частотными из которых являются транскрипция с элементами транслитерации или калькирование и различные виды вставок и комментариев, содержащих историко-культурную информацию.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998 – 768 с.
2. Кретов, А. А., Фененко, Н. А. Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 7–13.
3. Путешествие по Сианю / пер. О. В. Дубкова, Чжао Хун. Сиань: Сианьское управление по делам туризма, 2015. – 172 с. 西安之旅/杜布阔娃，赵红翻译。—西安市旅游部，2015.
4. Сюй, Маньбинь. Практический курс устного перевода. Русский язык / Сю Маньбинь, Хуа Ли, Чжу Дацю. – Пекин: Изд-во преподавания и изучения иностранных языков, 2015. – 261 с. 实战俄语口译 / 徐曼彬，华莉，朱达秋编著。北京：外语教学与研究出版社，2015.
5. Ху, Гумин. Пособие по переводу с китайского языка на русский / Ху Гумин. – Шанхай: Шанхайское изд-во «Преподавание иностранных языков», 2013. – 411 с. 汉俄翻译教程/胡谷明主编；蒋勇敏等编。—上海：上海外国语教育出版社，2013.

Д. А. Шалыга

Институт иностранной филологии ТА КФУ им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

THE PROBLEMS OF COMIC EFFECT TRANSLATION (BASED ON WORKS OF CONTEMPORARY GERMAN LITERATURE)

На материале переводов произведений современной немецкоязычной литературы рассматривается проблема передачи стилистических фигур игры слов и зевгмы и воссоздания комического эффекта оригинала. Подчеркивается важность в освоении профессии переводчика изучения «технологий» создания комического эффекта в произведениях художественной литературы.

The author considers the problem of translation of play on words and zeugma and recreation of a comic effect. A special attention is paid to the importance in the translating profession study techniques for creating a comic effect in literature.

Ключевые слова: перевод, комическое, игра слов, каламбур, зевгма, силлепсис.

Keywords: translation, comic, play on words, pun, zeugma, syllepsis.

В произведениях художественной литературы комическое принимает такие формы как юмор, ирония, сатира, сарказм. Согласно «Словарю литературоведческих терминов» юмор заключается в добродушной насмешке над каким-либо частным явлением, в то время как сатира обличает и высмеивает явления общего порядка [1; 4]. Ирония выражается в употреблении лексических единиц в смысле, противоположном их прямому значению, с целью открытой насмешки [1; 4]. Сарказм определяют как высшую степень иронии, злую и едкую насмешку [1; 4].

Сохранение комизма литературного произведения в переводе представляет собой первостепенную и одновременно чрезвычайно сложную задачу. Очевидно, что создание комического эффекта должно рассматриваться переводчиком как часть замысла автора и, следовательно, как доминанта перевода, то есть наиболее важный элемент, позволяющий максимально приблизить перевод к оригиналу и избежать «потерь» [8]. В данном случае потеря функциональных. Я. И. Рецкер в определении задачи переводчика подчеркивает сохранение стилистических и экспрессивных особенностей оригинала [9. С. 10]. В.В. Сдобников и О.В. Петрова также видят задачу переводчика художественного произведения «в выявлении содержания во всей его полноте (или выявлении всех функций формы) и воссоздании их

в новой форме» [10. С. 373]. Следуя такому принципу, переводчик отходит от перевода каждой лексической единицы, стремится передать функции языковой формы.

Проиллюстрировать такой подход к переводу поможет короткий юмористический текст «Herr Weiß aus Schwarz», известный изучающим немецкий язык из учебника «Themen aktuell» [11. С. 20]. Его небольшой объем позволяет рассмотреть со студентами на занятиях по практическому курсу перевода разные переводческие стратегии и сравнить результаты работы над целым текстом. Комизм диалога немецкого чиновника и его посетителя находит воплощение в игре слов или, уточняя обозначение, каламбуре, обыгрывании значений слов-омонимов [3. С. 227]. Автор несколько раз повторяет субстантивированные прилагательные «Weiß» (белый) и «Schwarz» (черный), используя их то как антропонимы, то как топонимы. В конце текста появляются созвучные личные формы глаголов «schwarzarbeiten» и «wissen»: «B: ...Aber ich arbeite – schwarz. A: Das ist verboten. B: Ich weiß» [11. С. 20]. Когда сначала студентам предлагаешь перевести текст, намеренно не обращая их внимания на каламбур, они, как правило, транскрибируют фамилии и названия населенных пунктов и буквально переводят представленную выше заключительную часть диалога: «Б: ...Но я работаю – нелегально. А: Это запрещено. Б: Я

знаю». Такой перевод был бы уместен, если бы студенты на занятии по практическому курсу немецкого языка на примере этого текста познакомились с новыми лексическими единицами. Он правильный с точки зрения семантического соответствия отдельных элементов текста, но он не соответствует тексту оригинала в целом. Для достижения этой цели переводчик следует другому принципу и пытается сохранить каламбур. Для этого, в свою очередь, придется перевести имена собственные, хотя при этом текст потеряет национальный колорит. Ситуацию, воссозданную в диалоге, можно наблюдать не только в немецкоязычной стране, в данном случае действие без большого ущерба для воплощения замысла автора можно перенести «на другую почву». Переводчику приходится поступиться сохранением национального колорита в пользу целостности передачи содержания подлинника и задуманного автором эффекта. Перевод имен собственных здесь обусловлен двумя факторами: наличием в тексте антитезы «белое – черное» и подбором в языке перевода возможных созвучных глаголов, близких по значению к использованным в оригинале. В качестве вариантов перевода можно предложить фамилии Яснoв/а и Мутнoв/а, названия населенных пунктов Ясноe и Мутноe, заключительные фразы диалога: «Б: ...Да так мутим потихоньку. А: Это запрещено. Б: Ну, ясно». В другом варианте фамилии Weiß и Schwarz заменяются на Яснoв/а и Серый/ая, названия населенных пунктов – на Ясноe и Серoвo, а конец диалога принимает следующий вид: «Б: ... Зарплату получаю серым налом. А: Это запрещено. Б: Ясноe дело».

Случай, когда в языке перевода – имеется в виду русский язык – невозможно найти созвучное соответствие, выраженное той же частью речи, встречается, например, в коротком рассказе Рафика Шами «Горе чиновника Мюллера» (Rafik Schami, «Der Kummer des Beamten Müller») [12. С. 78–81]. Намеренное искажение чиновником имени одного из его посетителей принимает разные, но всегда созвучные формы: Herr Al Tachtal, Muchamed Achmed Al Achtal, Achchmed Machchmed, Herr Achtmal. К концу ряда степень насмешки возрастает. Проблему для переводчика представляет последний вариант, поскольку признак созвучия не позволяет ему перевести соединенные автором компоненты «господин Восемь-раз». Подобрать в русском языке созвучное числительное не представляется возможным. Как вариант перевода можно предложить «господин Ах-ты-длинное-имечко».

Умения подобрать в языке перевода сочетание соответствий требует и такой стилистический прием, как зевгма. В научной литературе распространено определение Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман. Согласно этому определению, комический эффект достигается неожиданным сочетанием с одним глаголом двух и более однородных дополнений, при этом сталкиваются прямое и переносное значение глагола [7. С. 124]. Аналогичную дефиницию зевгмы дает Э. Ризель в своем написанном на немецком, основополагающем труде «Очерки по стилистике немецкого языка», подчеркивая нелогичность и неожиданность несовместимого сочетания двух существительных [13. С. 209]. В. К. Ланчиков считает такой стилистический прием только частным случаем зевгмы, рассматривая его как силлепсис [6. С. 5]. Автор, вслед за О. Н. Лагутой, понимает под зевгмой разновидность эллиптической конструкции, в которой общий член предложения употребляется только один раз [5. С. 19; 6. С. 5]. Такая эллиптическая конструкция характерна не только для английского языка, но и часто используется в разных немецкоязычных текстах. Она позволяет избежать, например, повтора служебного глагола. Предложение приобретает более лаконичную форму, но речь при этом не идет о комическом эффекте. Силлепсисом же В.К. Ланчиков обозначает «сочетание семантически разнородных лексических единиц, соединенных как однородные члены и относящихся к одному общему члену» [6. С. 5]. Сложности перевода силлепсиса исследователи связывают с отличными нормами сочетаемости в разных языках, несовпадением прямых и переносных значений глаголов, отличием лексических элементов фразеологизмов [7. С. 125]. Примеры силлепсиса можно встретить в коротких рассказах Эриха Кестнера: «Der Gastgeber weiß immerhin, wer ins Haus und was auf den Tisch kommen wird» (Erich Kästner, «Ein reizender Abend») [2. С. 155]. «Хозяин, по крайней мере, знает, кто появится в доме и что – на столе». Другой вариант перевода в большей мере приближается к каламбуру: «Хозяин, по крайней мере, знает, кто придет в дом, и что пойдет на стол». Еще один пример из этого же произведения: «... denn schon sprang die Dogge, ..., mit einem einzigen Satze quer durchs Zimmer und landete auf Frau Thorn und dem Sofa, dass beide in allen Nähten krachten» (Erich Kästner, «Ein reizender Abend») [2. С. 155]. «... поскольку, преодолев комнату одним прыжком, дог, ..., приземлился на госпожу Торн и диван так, что

они затрещали по швам».

По тому же принципу неожиданного сочетания, что и в силлесписе, автор строит параллельные конструкции: «Wir waren pünktlich. Der Martini war so trocken, wie ein Getränk nur sein kann» (Erich Kästner, «Ein reizender Abend») [2. С. 155]. «Мы были точны. Мартини был такой сухой, каким только мог быть напиток». В данном случае, несмотря на возможность перевода первого предложения как «Мы пришли вовремя», необходимо сохранить параллелизм сказуемого.

Если наиболее сложными случаями достижения комического эффекта в переводческой практике являются стилистические приемы, основанные на созвучии, переносе значения и неожиданном сочетании лексических единиц, то менее сложным для перевода представляется воссоздание комичной ситуации. Комизм здесь не находит воплощения в специальных лингвостилистических средствах. Комична сама ситуация. Комизм ситуации часто заключается в неожиданном соединении культурных концептов «высокое» и «низменное» как, например, в упомянутом выше рассказе Эриха Кестнера. Такое развитие получает ситуация, когда собака не выпускает из туалетной комнаты рассказчика: «Und ich? Ich gab nicht einmal eine Antwort. Sondern begann ein Sonett zu dichten. Einen Bleistift habe ich immer bei mir. Papier war auch da» (Erich Kästner. Ein reizender Abend) [2. С. 156]. «А я? Я даже не ответил. Я начал сочинять сонет. Карандаш у меня всегда с собой. Бумага здесь тоже была».

Рассмотренные выше примеры подчеркивают важность в освоении профессии переводчика изучения «технологий» создания комического эффекта в произведениях художественной литературы. Таковые можно разделить на лингвостилистические приемы выражения комического и комические ситуации. Первые представляют для переводчика особенно сложную задачу. Воссоздание комизма оригинала в переводе в таком случае возможно только при отказе от дословности и передачи функции языковой формы.

Список литературы

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова // АКАДЕМИК. – URL: http://literary_criticism.academic.ru

2. Іваненко С. М. Карпусь. А. К. Лінгвостилістична інтерпретація тексту (для факультетів іноземних мов і педагогічних вищих закладів освіти): Підр. / С. М. Іваненко, А. К. Карпусь. – Київ: КДЛУ, 1998. – 176 с.

3. Иванов С. С. Игра слов и способы ее создания: смысловая и звуко-смысловая игра слов / С. С. Иванов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – №6 (2). – с. 227–231.

4. Книгин И. А. Словарь литературоведческих терминов / И. А. Книгин // Словарь литературных терминов. – URL: <http://litterms.ru>

5. Лагута О. Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Часть 1. Учебно-методическое пособие / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. – 71 с.

6. Ланчиков В. К. Зевгма как переводческая проблема / В. К. Ланчиков // Думать вслух. – URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/lan-zeugma.pdf>

7. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Проблемы перевода / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М.: Междунар. отношения, 1976. – 208 с.

8. Попёлышева Е. В. Сущность понятия «доминанта перевода» / Е. В. Попёлышева // STUDY-ENGLISH.INFO Теория перевода. – URL: <http://study-english.info>

9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича / Я. И. Рецкер. – М.: «Р. Валент», 2007. – 244 с.

10. Сдобников В. В. Теория перевода [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков] / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – 448 с.

11. Aufderstraße H. Themen 1 aktuell. Kursbuch / H. Aufderstraße, H. Bock, M. Gerdes, Ju. Müller. – Ismaning: Max Hueber Verlag, 2007. – 159 S.

12. Schami R. Der Kummer des Beamten Müller / R. Schami // Lesebuch: UNESCO-Welttag des Buches 23. April. – Frankfurt am Main: Börsenverein des Dt. Buchhandels, 1998. – S. 78–81.

13. Riesel E. Abriss der deutschen Stilistik / E. Riesel. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1954. – 404 S.

Е. А. Юхмина

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЗАГЛАВИЙ
В КОМПЬЮТЕРНЫХ ЖУРНАЛАХTHE PECULIARITIES OF THE TRANSLATION
OF THE COMPUTER MAGAZINE HEADINGS

В статье рассматриваются основные проблемы, возникающие при переводе заглавий компьютерно-журнального текста с английского языка на русский на различных языковых уровнях. На материале англоязычных изданий описываются специфические черты заголовка компьютерно-журнального текста, рассматриваются механизмы перевода указанных лексических единиц на русский язык.

The article studies the key problems that arise when we translate the titles of the computer magazines from English into Russian on different linguistic levels. There are figured out some specific features of the computer magazine titles and viewed the mechanisms of the translation of the given items.

Ключевые слова: заглавие компьютерно-журнального текста, проблемы перевода, механизмы перевода, процесс коммуникации.

Keywords: title of the computer magazine, translation problems, translation mechanisms, communication process.

Сегодня имеется огромное количество печатных и электронных изданий по компьютерам и компьютерным технологиям. Компьютерно-журнальный текст для многих пользователей ПК является первоисточником новостей о последних модификациях компьютера, различных мобильных устройств, гаджетов, программ и обновлений. Поэтому именно компьютерно-журнальный текст представляется особенно интересным для перевода на русский язык. Иллюстративный материал отобран из ряда популярных англоязычных изданий за декабрь 2015 года – январь 2016 года *Edge*, *Computeractive*, *PC Gamer*, *PC Magazine*, *CHIP*, *Game Informer*, *Linux Journal*.

Заголовки журнального текста стилистически маркированы и выразительны: «*Квантовый реализм*», «*Не лечением единым*», *Skype Without a User Account*, *Chromebookify Your Laptop Now!*, *A New Canyon is Forming*. Как правило, они ярко и броско выделены графически, сопровождаются фотографиями или иллюстрациями. Они обладают жанровым синкретизмом и выполняют целый ряд функций: рекламно-экспрессивную, репрезентативную, номинативно-информативную, текстообразующую, эстетическую и другие. Для усиления воздействия на читателя в заголовках используются различные *формальные* и *семантические*

средства: особые синтаксические конструкции, «игра слов», тропы, цитаты из художественных произведений, кинофильмов, пословицы и поговорки, что создает дополнительные трудности при переводе. Также одним из распространенных приемов построения заглавий журнальных статей является интертекстуальная ссылка. Узнаваемые интертекстуальные вкрапления обогащают тексты дополнительными прагматическими смыслами, которые внимательный читатель может легко декодировать. Например, заглавие статьи *The Greek Gift* (Данайский дар) отсылает нас к древнегреческой мифологии (слова древнегреческого поэта Виргилия «*Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes!*»). Образное выражение означает «коварные дары, несущие гибель для тех, кто их получает». Возникло из греческих сказаний о Троянской войне (дар в данном случае – огромный деревянный конь, из-за которого пала Троя). Заголовок – это не только рекламный элемент, который предваряет текст статьи, он также содержит ключ к интерпретации ее содержания. Опираясь на знание мифологии, заинтересованный читатель может предположить, что речь в статье пойдет о чем-то, связанном с коварством и предательством.

Каждый язык обладает неповторимой формальной и смысловой структурой, а значит

необходимо обеспечить такую межкультурную коммуникацию, при которой вновь создаваемый переводчиком заголовок мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены подлинника и соответствовать всем нормам и правилам языка-реципиента. Таким образом, перед переводчиком стоит задача не просто передать информацию, но и донести до читателя все эмоции, заключенные в оригинале. Применительно к процессу перевода модель процесса коммуникации можно представить так: кодирование, оригинал, лингвокультурологический контекст принимаемого языка, декодирование, лингвокультурологический контекст принимающего языка, переводчик, текст перевода, адресат. Все эти компоненты по-разному участвуют в формировании передаваемого сообщения, по-разному воздействуют на него [1. С. 11].

Перевод заглавий компьютерных журналов с английского языка на русский имеет ряд особенностей. Английский и русский языки являются неблизкородственными языками с разной структурой и несхожими грамматическими типами. Английский язык является по степени синтеза – аналитическим, по своему грамматическому типу – агглютинативным, по генетическому происхождению относится к германской группе западногерманской подгруппы. Русский язык входит в славянскую группу, восточнославянскую подгруппу, является синтетическим, флективным. В связи с изложенным, при переводе не всегда представляется возможным добиться абсолютного межкультурного соответствия на всех языковых уровнях.

На синтаксическом уровне при переводе заглавий с английского языка на русский происходят следующие трансформации: изменение порядка слов: *The Virtual Reality FAQ* (Самые часто задаваемые вопросы о виртуальной реальности); изменение структуры предложения (полное и частичное): *Unleash Your Inner Fury* (Выпусти пар); *Make Windows better* (Оптимизируй Windows); замена частей речи и членов предложения: *A new Age of Gaming* (Новая эра игр) – замена причастия *gaming* на существительное *игра*, дополнения или опущения частей речи: *Into The Great Unknown* (Окупись в неизведанное) – в английском языке мы видим безглагольное предложение, которое в русский язык переводится с использованием глагольной императивной конструкции.

Компьютерно-журнальные заголовки лаконичны по форме и содержанию. Ведь чем короче текст, тем его проще понять и тем сильнее

воздействие на читателей. Они представлены сжатыми фразами, в которых опущены все семантически и грамматически лишние элементы: *Best* (отсутствует предлог *the*, который ставится перед прилагательными в превосходной степени) *Free Software* (Лучшее бесплатное программное обеспечение). Императивные конструкции наиболее часто встречаются в компьютерно-журнальных заголовках. Их цель – побудить адресата к действию, заинтересовать его: *Play Now* (Играй сейчас), *Discover The Legend Within* (Раскрой легенду). На русский язык императивные конструкции переводятся предложениями в повелительном наклонении. Также нередки и вопросно-ответные конструкции: *Is Less More?* (Меньше – больше?), *What's new* (Что нового?), *You've got questions?* (У вас есть вопросы?), *We've got Jeremy Garcia* (У нас есть Джереми Гарсия), параллельные конструкции: *Always Reachable, Always Under Stress* (Всегда на связи, всегда в напряжении), *Smart Clothes, Imperfect Fit* (Умная одежда, неидеальная фигура), и противопоставление (антитеза): *New Keyboards Vs Old Hands* (Новые клавиатуры против старых рук), *More E-Books, But Fewer Readers* (Больше электронных книг, но меньше читателей). Среди односоставных предложений – особое место занимают номинативные синтаксические структуры: *Music to the Ears* (Музыка для ушей), *P For Power* (П – Питание), *Your Most Popular Programs of 2015* (Самые популярные программы 2015), *Course and Effect* (Причина и следствие), а также эллиптические конструкции: *Overkill* (пропущен вспомогательный глагол, который используется в перфекте – *has*) *Done Right* (Перебор не был лишним), *Lumia 950 And 950XL* (пропущен вспомогательный глагол *is*) *Now Available* (Lumia 950 и 950XL – уже в продаже).

В заголовках англоязычных компьютерных журналов чаще всего используются неперфектные времена: *NVIDIA Brings Virtual Reality To Sea* (NVIDIA распространяет виртуальную реальность до моря), *This Usb Stick Kills Your Computer* (Эта флэш-карта убивает Ваш компьютер). Настоящее время в заголовках дает читателю возможность почувствовать себя участником описываемых событий, делает презентуемую информацию актуальной и свежей. На русский язык такие предложения, как правило, переводятся с сохранением настоящего времени. Однако если описываемые в статье события уже произошли, то логичнее в переводе использовать прошедшее время: *Apple Has To Pay 234 Million US Dollars* (Компания Apple

вынуждена была заплатить 234 миллиона долларов). Часто будущее время в англоязычных заголовках обозначается инфинитивом: *AMD To Come Out Strong In 2016* (Компания AMD решительно выступает в 2016 году). На русский язык подобные предложения переводят либо двусоставным предложением с глаголом в настоящем времени с выражением будущности либо безглагольным предложением.

На *лексическом уровне* в процессе декодирования исходного текста заглавий происходят существенные преобразования семантики оригинала согласно правилам системы перефразирования. Полученные в результате переводческих трансформаций семантические эквиваленты по отношению к исходным языковым единицам являются их вариантами [1. С. 15]. Особенностью английского языка является *полисемия*. В зависимости от контекста и лексического окружения большинство слов общеупотребительной лексики английского языка могут менять свое значение. Встречаются лексемы, у которых имеются до 20 и более значений. Задача переводчика – выбрать наиболее подходящий для конкретной ситуации вариант: *Even Cybercriminals Can be Thrifty* (Даже киберпреступники могут быть экономными). В статье идет речь о том, что сегодня киберпреступники вынуждены экономить, так как создание вредоносного программного обеспечения требует больших капиталовложений. У английской лексики *thrifty* – 12 общеупотребительных значений, одно из которых «экономный, бережливый» – ближе всех к замыслу автора статьи. В заглавии компьютерно-журнального текста потенциально могут быть заложено несколько интерпретаций. Реализация той или иной возможности обусловлена личным опытом читателя и переводчика, каждый из которых воспринимает оригинал через призму своей культуры. Так, заглавие *TUF As Nails* для англоязычного читателя имеет двойной смысл. В сфере компьютерных технологий TUF – это название линии клавиатур компании ASUS. Опираясь на звуковую память слов (**TUF** созвучно со словом **tough**), иностранный читатель увидит скрытый смысл образного выражения *tough as nails* – «крепкий орешек, упрямый», заложенный дополнительно автором статьи в заглавии. В переводе такая игра слов уже теряется.

Созданию адекватного перевода мешает отсутствие полных эквивалентов ряда лексем в принимающем языке. Из практики перевода известны определенные механизмы перевода безэквивалентной лексики:

Калькирование (loan-translation) у Д. С. Лоте (фр. *calque* – слово или выражение, построенное по образцу соответствующих единиц чужого языка): *virtual reality* – *виртуальная реальность* [3. С. 9]. При калькировании сохраняется значение или структура лексической единицы. Здесь можно выделить следующие подвиды: 1) словообразовательное калькирование, при котором переводимое слово строится из соответствующих элементов русского языка с сохранением структуры слова английского языка, например, *киберпреступники* от модели *cybercriminals*, 2) семантическое (смысловое) калькирование, при котором у национального слова появляется значение, которое есть у соответствующего иностранного слова, например, появление у слова *приставка* (< station) дополнительного значения «специализированное электронное устройство, предназначенное для видеоигр». Трансплантация (transplantation) – механический перенос графем лексической единицы из одного языка в другой без изменения написания. Трансплантацией часто передаются названия игр, программ, интерфейсов: *Make Windows Better* (Обнови **Windows**), *Wi-fi, Meet LiFi* (Wi-fi встречается с LiFi). Транслитерация (transliteration) – передача буквенного образа слова из одного языка в другой с помощью эквивалентных графических средств языка-реципиента: *The Most Valuable Startups in the World* (Самые ценные **стартап**-компании в мире), *Supermarionation* (супермарионация).

Практическая транскрипция (transcription) или, в терминологии С. В. Гринева, **трансфонация** – передача звуковой последовательности заимствуемого слова языка-источника с помощью графических средств языка-реципиента: *Send Massive Files [ˈfaɪlz] For Free* (Отправляйте тяжелые **файлы** бесплатно) [2. С. 5].

Журнальные заголовки богаты различными сокращениями и аббревиатурами. Все сокращения в процессе перевода расшифровываются в соответствии с общепринятыми сокращениями. В случае, когда расшифровка невозможна, сокращения остаются в переводе в написании оригинала (названия компаний, моделей телефонов, компьютерных устройств и программ: *BlackBerry PRIV*, *LEAGOO*). Мы выделили некоторые типы сокращений, которые наиболее часто встречаются в заголовках компьютерно-журнальных текстов: буквенные сокращения (алфаветизмы): **FAQ** – *frequently asked questions* (часто задаваемые вопросы), **Usb** – *Universal Serial Bus* (универсальная по-

следовательная шина), **3D** – *three-dimensional* (трехмерный); акронимы: **TUF** (стр. туф) – *Transient Usage Factor* (переменный коэффициент использования), которые по своей графической и фонетической оформленности совпадают с общелитературными словами; буквенно-слоговые сокращения: **CISC** – *Computer Instruction Set Computing* (список команд для компьютера); усеченные образования, типа **e-book** (*Electronic + book*) – электронная книга, **e-car** (*Electric + car*) – электрическая машина, **e-money** (*Electronic + money*) – электронные деньги; контаминаты, т.е. слова, образовавшиеся в результате слияния структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости: **Internet** (всемирная сеть) = *Inter-* (= «в», «внутри») + *network* (= «сеть»).

Итак, перевод заглавий компьютерных журналов – кропотливый процесс, который требует знаний определенных приемов и механизмов перевода и влечет за собой множество переводческих трансформаций на различных языковых уровнях. Ведь чтобы получить *адекватный, точный и полноценный* перевод заголовка компьютерно-журнального текста необходимо учитывать лингвокультурологический контекст принимаемого и принимающего языков, стилистические, структурные особенно-

сти переводимого заголовка, его функциональную направленность и связь с последующим текстом.

Список литературы

1. Горбачевский, А.А. Семантика и прагматика в поэтическом переводе / А.А. Горбачевский. – Челябинск: Цицеро, 2013. – 318 с.
2. Гринев, С.В., Лейчик, В.М. К истории отечественного терминоведения / С.В. Гринев, В.М. Лейчик // НТИ. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. – М.: РАН ВИНТИ, 1999. – С. 1 – 13.
3. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
4. Chip – январь 2016. – URL: <http://www.chip.com.my>.
5. Computeractive – январь 2016. – URL: <http://www.getcomputeractive.co.uk>.
6. Edge – 2015. – декабрь № 287.
7. Game Informer – 2016. – январь №1.
8. Linux – декабрь 2016. – URL: <http://www.linuxjournal.com>.
9. PC Magazine – январь 2016. – URL: <http://www.pcmag.com>.

О. Н. Ярошенко

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДАННОГО ПРОЦЕССА

THE IMPLEMENTATION OF THE METHODOLOGY OF FUTURE INTERPRETERS' PROFESSIONAL COMPETENCE, METHODOLOGICAL AND SCIENTIFIC SUPPORT OF THIS PROCESS

В статье приводится апробация методики развития профессиональной компетентности будущих переводчиков, которая осуществлялась в рамках традиционных аспектов основ иноязычной подготовки переводчиков на основе рабочих программ по курсам «Культура речевого общения», «Практика и теория перевода», «Межкультурная коммуникация» и «Новые информационные технологии», путем введения дополнительного комплекса заданий, методов, приемов и средств обучения, направленного на развитие профессиональной компетентности.

The article runs about the implementation of the methodology of future interpreters' professional competence. It was realized during the educational courses such as "The culture of speech interaction",

“The theory and practice of translation”, “Intercultural communication”, “New IT”. The additional complex of tasks, methods, means and approach was used to develop the future interpreters’ professional competence.

Ключевые слова: методика развития профессиональной компетентности будущих переводчиков, комплекс заданий, методов, приемов и средств обучения.

Keywords: methodology of future interpreters’ professional competence; complex of tasks, methods, means and approach.

Апробация методики развития профессиональной компетентности осуществлялась в естественных условиях, так как протекала в реальном образовательном процессе высшей школы. С целью сравнительного анализа результатов экспериментального обучения были уравновешены следующие условия: число учебных занятий, продолжительность обучения, количество обучаемых в контрольной и экспериментальных группах, условия проведения нулевого и итоговых срезов. Таким образом, уравнивались все компоненты подготовки, за исключением варьируемых педагогических условий которые позволили значительно повысить уровень профессиональной компетентности студентов. Первая группа (КГ) обучалась в естественных условиях без внедрения интерактивной технологии развития профессиональной компетентности будущих переводчиков. Во второй группе (ЭГ1) реализовывалась интерактивная технология развития профессиональной компетентности с первым условием – формирование мотивационно-ценностного отношения у студентов к овладению профессиональной компетентностью. В третьей группе (ЭГ2) реализовывалась данная технология с двумя условиями – формирование мотивационно-ценностного отношения у студентов к овладению профессиональной компетентностью и построение содержания профессиональной подготовки переводчиков на основе межкультурного подхода. В четвертой группе (ЭГ3) реализовывалась технология с тремя условиями – формирование мотивационно-ценностного отношения у студентов к овладению профессиональной компетентностью; построение содержания профессиональной подготовки переводчиков на основе межкультурного подхода и использование аудиовизуальных средств как методико-технологического инструмента развития профессиональной компетентности будущих переводчиков.

Цель формирующего эксперимента состояла в апробации эффективности методики развития профессиональной компетентности

будущих переводчиков и проверке необходимости и достаточности предложенных нами педагогических условий.

Мы полностью разделяем точку зрения И. И. Халеевой о подготовке будущих переводчиков в области не только языковой, но и межкультурной коммуникации, т.к. «специфика переводческой деятельности состоит в роли посредника между разноязычными и разнотрудовыми представителями» [1. С. 65]. Совершенно очевидно, что эффективная подготовка будущих переводчиков должна базироваться на методической платформе, способности творчески усваивать последние достижения развивающихся смежных наук. В соответствии с логикой построения технологии, нами разработана методика развития профессиональной компетентности, которая осуществлялась в рамках традиционных аспектов основ иноязычной подготовки переводчиков на основе рабочих программ по курсам «Культура речевого общения», «Практика и теория перевода», «Межкультурная коммуникация» и «Новые информационные технологии», путем введения дополнительного комплекса заданий, методов, приемов и средств обучения, направленного на развитие профессиональной компетентности.

Нами были выделены следующие этапы организации и проведения формирующего эксперимента: 1 этап (подготовительный) – III курс; 2 этап (основной) – IV курс; 3 этап (заключительный) – V курс.

Раскроем более детально опытно-экспериментальную работу на каждом из выделенных этапов.

Первый этап (**подготовительный**) приходился на III курс и явился переходной ступенью между вводно-коррективным и основным курсом в изучении иностранного языка. Данный выбор не случаен. К третьему курсу обучения в вузе студенты владеют лингвистическими знаниями и отдельными коммуникативными умениями говорения в виде описания, повествования, рассуждения, сообщения и доклада,

аудирования, чтения и письма во всех видах речевой деятельности, связанной с восприятием и порождением дискурса, диалогическим общением, навыками перевода и интерпретации текстов. Однако в традиционной подготовке переводчиков развитию профессиональной компетентности не уделяется должного внимания. Данный этап экспериментальной работы нацелен на развитие профессиональных знаний и отдельных умений на третьем курсе через лекции, семинары и практические занятия.

Подготовка будущих переводчиков строилась с учетом следующих методов обучения: *обучение в сотрудничестве, метод проектов, видеометод, коммуникативное обучение, игровой метод вовлечения в творческую деятельность, использование заданий проблемно-творческого характера.*

На втором (**основном**) этапе в курсе «**Практика и теория перевода**» происходило развитие профессиональных знаний, умений *через комплекс упражнений по устному переводу, игровой метод, деловые игры, конференции, тренинги, круглые столы.* Остановимся более подробно на некоторых из них.

Опираясь на представление о переводе как о сложной речевой деятельности, мы полагаем, что особую роль занимает комплекс упражнений по устному переводу, направленных на развитие как иноязычной информации, так и субъектов межкультурной коммуникации. Однако только этих упражнений недостаточно для комплексного развития профессиональной компетентности переводчика, неотъемлемой частью комплекса являются упражнения на преодоление социально-психологических барьеров, развитие у будущих переводчиков умений активного слушания и понимания партнера.

В дополнение к комплексу упражнений проводимые деловые игры, многоязычные конференции на восприятие и взаимопонимание помогали не только узнать что-то новое о людях, но и понять их позицию, открыть для себя некоторые причины их поведения.

Для развития перцептивных умений широко использовались профессиональные тренинги переводчика, в которых заложена перцептивная сторона общения. Примечательно, что в группе переводческого тренинга обратные связи исходят от нескольких или всех членов группы, и это выступает существенной предпосылкой принятия информации. Многократно отражаясь в других участниках, каждый тем самым решает для себя задачу самодиаг-

ности (диагностики своего типа восприятия, своего стиля общения и т. п.) и таким образом продвигается в развитии перцептивно-коммуникативных умений и качеств.

Применительно к личности переводчика результатом общения в группе тренинга явилось возросшее понимание мотивов, интенций, фрустраций, «стратегий поведения», осознание возможностей в межличностном общении как своих собственных, так и партнеров по общению, налаженная система специфической обратной связи, осмысление групповых процессов, возможных помех взаимопонимания, освоение определенных форм обратной связи и сформированность таких умений, как переводческие, аналитические, прогностические, проективные, рефлексивные, мобилизационные, информационные, перцептивные, коммуникативные.

Помимо аутентичных материалов для реализации нашей технологии на этом этапе очень важным являлось использование аудио- и видеозаписей, что позволяло студентам переводить людей с различными голосами, манерами, произношением. В этих целях использовался *лингфонный кабинет аудио активного типа.* Лингфон обеспечивает работу как в пассивном (студенты слушают информацию), так и в активном режиме (работа преподавателя со студентами, запись их на магнитофонную ленту, парная работа). В лингфонном режиме осуществлялась автоматизация таких действий, как переключение с языка на язык, выполнение перевода с листа, абзацно-фразового и двустороннего перевода. Таким образом, особая обстановка лингфонного кабинета, разговор через наушники с преподавателем или студентами в диалоговом режиме, возможность дифференцировать задания, интересная игровая ситуация способствовали развитию перцептивно-коммуникативных умений и отдельных личностных качеств.

Курс «Основы теории межкультурной коммуникации» ставил своей целью ознакомить студентов с современными представлениями об особенностях коммуникации, теории деятельности, видами коммуникации, понятиями «культура», «межкультурная коммуникация» и др. Курс предполагал развитие у студентов умения пользоваться соответствующим понятийным аппаратом, методиками анализа основных структурных единиц, умения применять полученные теоретические знания на практике. Важной задачей курса являлось развитие у студентов умения работать с научной литера-

турой, аналитически осмысливать и обобщать теоретические положения.

Перцептивно-коммуникативная направленность обучения будущих переводчиков предполагает раскрытие области применения приобретаемых по иностранному языку знаний в будущей профессиональной деятельности. В связи с этим на семинарских занятиях по «Межкультурной коммуникации» типы учебных заданий увязывались с предстоящей профессионально-практической деятельностью. Создавались условия, вызывающие потребность научиться определённым видам работы с литературой по специальности при устной мотивировки педагогом всех видов деятельности (объяснение важности, значимости и необходимости овладения теми или иными видами учебных операций для предстоящей работы. В связи с этим мы использовали такие методы обучения, ориентированные на развитие перцептивно-коммуникативных умений и качеств как *аудиовизуальный метод обучения, исследовательский метод (самостоятельное изучение различных аутентичных источников: книг, справочников, газет, журналов), проблемный метод, обучение в сотрудничестве*.

На наш взгляд, данные методы способствовали развитию перцептивно-коммуникативных умений и одновременно подготовили к более сложным видам переводческой деятельности.

Третий (**заключительный**) этап обучения представлял наиболее благоприятные возможности для использования методов обучения, учитывающих динамику работоспособности студентов, диалоговый характер обучения, оптимальное сочетание индивидуальной и групповой работы. Методы *проблемного (проблемное изложение, частично-поисковый, исследовательский) и интенсивного обучения (деловые игры, диспуты, дискуссии, модульно деловые игры, конференции)* являлись оптимальными для формирования готовности в (лингвистическом, профессиональном, социокультурном плане) реализовать профессиональную переводческую деятельность.

Курс «Новые информационные технологии» строился с учетом специфики переводческой деятельности, интегрировал перцептивно-коммуникативные знания, умения, сформированные на III, IV курсах и реализовывался в процессе реального межкультурного общения. Принцип межкультурной направленности процесса обучения переводчиков предусматривает такой процесс овладения перцептивно-коммуникативной компетентностью, при котором

центральной фигурой является потенциальный партнер реальной межкультурной коммуникации. Поэтому особое внимание уделялось аудиовизуальному методу обучения (интернет-проект, видеометод, спутниковое телевидение, дистанционное обучение) для моделирования элементов межкультурной коммуникации.

Проводимые на заключительном этапе обучения *деловые игры*, позволили закрепить приобретенные профессиональные черты и «примерить» роль переводчика, моделировать ситуации перевода и использовать свои профессиональные умения в условиях максимально приближенных к реальным.

Существенная роль на заключительном этапе принадлежала обучению с помощью новейших технологий (*электронных средств, аудиосредств, метода интернет-проектов, видеоконференций*), которые позволили раздвинуть стены аудитории и вывести студентов на межкультурное общение с носителями языка.

Так, помимо традиционного домашнего чтения на иностранном языке использовалась *программа прослушивания аутентичных (в режиме on-line) телевизионных передач* различных жанров (новости, репортажи, ток-шоу), что явилось важным средством формирования профессиональной компетентности, так как нацелено на создание эмоциональной среды, на решение перцептивно-коммуникативных задач.

Интернет-проекты несомненно, явились также дополнительным источником мотивации (коммуникация значительно облегчается и ускоряется, информация становится доступна, актуальна и аутентична, а публикация в Интернете имеет неизмеримо более широкую аудиторию, чем в журнале или статье). Преимущество Интернета перед традиционными средствами обучения заключается в доступности и актуальности аутентичных материалов, а также в облегчении и ускорении межкультурной коммуникации.

Международные интернет-проекты были уникальны для развития профессиональной компетентности, так как они позволили создать реальную языковую среду. Участники работы над проектом погрузились не только в исследуемую проблему, но и в саму иноязычную деятельность, в другую культуру. Важно, что при работе над проектом были задействованы разнообразные возможности и интернет-ресурсы. Поиск нужной информации приводил участников проекта в виртуальные библиотеки, базы данных, виртуальные кафе и музеи, на

различные информационные и образовательные серверы.

Через процесс формирования готовности к сотрудничеству на заключительном этапе, проходило развитие перцептивно-коммуникативных качеств будущих переводчиков, так как возникновение и успешное развитие межличностного общения возможно лишь в том случае, если между его участниками существует взаимопонимание. Использование аудиовизуальных средств позволило развить следующие перцептивно-коммуникативные качества:

- рефлексивные качества, позволяющие развести профессиональные, возрастные, этнические и другие предубеждения и установки и реальные основания поведения субъектов межкультурной коммуникации;

- эмпатийные качества (навыки самоанализа, развития сензитивности, способности к эмпатическому вниманию), позволяющие отойти от эгоцентрической позиции в оценке действий партнеров. Эмпатийность в отношениях с клиентами рассматривается как одно из наиболее важных профессиональных качеств переводчика;

- идентификационные качества (уподобление себя другому, попытка понять состояние, настроение человека, его отношение к миру и себе), позволяющие переводчику поставить себя на место клиента, слившись с его «Я», усвоить нормы, ценности, поведение.

Таким образом, использование активных методов обучения, учитывающих динамику работоспособности студентов, диалоговый характер обучения, оптимальное сочетание индивидуальной и групповой работы с обязательным использованием аудиовизуальных средств обучения (Лингафонный кабинет аудиоактивного типа, интернет-проект, видеометод, аутентичные программы в режиме онлайн, спутниковое телевидение, дистантное обучение) следует применять в качестве методикотехнологического инструмента на всех этапах подготовки с целью воссоздания элементов межкультурной коммуникации.

Источником получения информации об уровне развития профессиональной компетентности будущих переводчиков служат результаты тестирования, ролевых и деловых игр, многоязычных конференций, социально-психологических и переводческих тренингов, интернет-проектов, а также наблюдения, анкетирования, бесед.

Список литературы

1. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) / И. И. Халеева // М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Секция «Языковая картина мира и взаимодействие культур»

Адамия Зоя Константиновна – профессор, доктор филологии, руководитель службы международных связей и отношений Учебного университета им. Эвтиме Такаишвили (Рустави, Грузия).

e-mail: a.zoia777@gmail.com

Азначеева Елена Николаевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: aznacheeva.elena@yandex.ru

Андросова Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)

e-mail: androsova_s@bsu.edu.ru

Антипова Оксана Олеговна – ассистент кафедры зарубежной лингвистики Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: oksanacherevichki@gmail.com

Арзамасцева Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка для иностранных граждан Курского государственного университета (Курск, Россия).

e-mail: n__arz@mail.ru

Бекасова Елена Николаевна – доцент, доктор филологических наук, профессор языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия).

e-mail: bekasova@mail.ru

Березовская Ядвига Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: yadviga_sk@mail.ru

Богданова Людмила Ивановна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

e-mail: libogdanova1@mail.ru

Бороздина Ирина Сергеевна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Курского государственного университета (Курск, Россия).

e-mail: Borozdina-ira@mail.ru

Вдовиченко Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Сургутского государственного университета (Сургут, Россия).

e-mail: vdovichw@rambler.ru

Воронцова Татьяна Александровна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: voron@yandex.ru

Габдуллина Светлана Рафаэлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

e-mail: s.gabdullina@yahoo.com

Гампер Елена Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета (Магнитогорск, Россия).

e-mail: gamper@yandex.ru

Гвоздева Ирина Викторовна – преподаватель кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: irinkachina@mail.ru

Гейм Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: meinheim@mail.ru

Герман Наталья Феликсовна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: NatalyaGerman28@yandex.ru

Гладких Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: sakhnova82@yahoo.com

Глушкова Надежда Маматкуловна – лаборант кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: glushkova_nm@mail.ru

Гордеева Ксения Олеговна – старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: ksenija1982@yandex.ru

Горпенникова Юлия Геннадьевна – аспирант кафедры немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: mustavina05@rambler.ru

Григорьева Оксана Викторовна – преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: solmarplaya@mail.ru

Григорянова Татьяна – доцент Университета св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словацкая Республика).

e-mail: tatiana.grigorjanova@gmail.com

Грицкевич Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного Псковского государственного университета (Псков, Россия).

e-mail: grickevich68@yandex.ru

Добашина Юлия Дмитриевна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: julia.dobashina95@gmail.com

Добрикова Ксения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: xenia.dobrikova@gmail.com

Елистратов Алексей Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: asha91@rambler.ru

Еренская Анна Геннадьевна – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: anaer@rambler.ru

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Забайкальского государственного университета (Чита, Россия).

e-mail: rebecca_zab@mail.ru

Зайнуллина Саида Радиковна – аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия).

e-mail: s.r.zajnullina@gmail.com

Зубенко Яна Валериевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Костанайского государственного педагогического института (Костанай, Казахстан).

e-mail: janaz75@rambler.ru

Идельсон Елена Викторовна – тьютор Государственного колледжа Сиэтла (Сиэтл, США).

e-mail: evkam2000@yahoo.com

Иванова Динара Нургалиевна – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: Dina0901@yandex.ru

Кавунова Анастасия Валерьевна – ассистент кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: in.sights@yandex.ru

Кагилева Алиса Олеговна – преподаватель кафедры иностранных языков Института естественных наук Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия).

e-mail: akagileva@inbox.ru

Килина Лилия Фаатовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия).

e-mail: kilin_74@mail.ru

Кондорский Борис Михайлович – кандидат биологических наук, начальник отдела НПФ «Синбиас» (Донецк, Украина).

e-mail: bmkbox@yandex.ru

Копачева Александра Романовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: koral2020@rambler.ru

Короткова Мария Олеговна – ассистент Института иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: Mariya_HappyM@mail.ru

Косоногова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: mari_m57@mail.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: nkoshka@rambler.ru

Краева Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: kraeva.svatlana@gmail.com

Крылова Светлана – магистрант научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

e-mail: s_krilova@inbox.lv

Кузнецова Наталья Юрьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: nkusnezowa@csu.ru

Кушнерук Светлана Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Челябинского государственного педагогического университета (Челябинск, Россия).

e-mail: Svetlana_kush@mail.ru

Ланская Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, учитель МБОУ СОШ № 14 (Липецк, Россия).

e-mail: o.vlad.lanskaja@rambler.ru

Ларина Татьяна Викторовна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

e-mail: tatiana@larina.tv

Лобанова Лидия Петровна – доцент, кандидат филологических наук, доцент зав кафедрой иностранных языков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

e-mail: lydia.lobanova@mail.ru

Лукоянова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета (Астрахань, Россия).

e-mail: lukoyanova_tanya@mail.ru

Лукьянова Светлана Викторовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного Псковского государственного университета (Псков, Россия).

e-mail: svetlanaluk@mail.ru

Лучкина Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой №1 Ростовского государственного медицинского университета (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: luchkina7@mail.ru

Лызлов Алексей Игоревич – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия).

e-mail: aleksej-lyzov@yandex.ru

Маджаева Санья Ибрагимовна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета (Астрахань, Россия).

e-mail: sanya-madzhaeva@yandex.ru

Малашенко Марина Валентиновна – профессор, доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: mari_m57@mail.ru

Малинина Диана Арсеновна – преподаватель кафедрой русского языка №1 Ростовского государственного медицинского университета (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: diana-yukhanaeva@rambler.ru

Манатина Марина Марьяновна – старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинска, Россия).

e-mail: tanmatv@mail.ru

Масгутова Марина Фаритовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинска, Россия).

e-mail: marina_masgutova@mail.ru

Матвеева Татьяна Михайловна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинска, Россия).

e-mail: tanmatv@mail.ru

Мацура Татьяна Анатольевна – специалист по учебно-методической работе Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (Челябинска, Россия).

e-mail: Tanja-macura@yandex.ru

Мерзликина Ольга Викторовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанской и итальянской филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Киев, Украина).

e-mail: o.merzlikina@rambler.ru

Миронова Александра Анатольевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета (Челябинск, Россия).

e-mail: amiron_rus@mail.ru

Михайлова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков Белорусской государственной академии музыки (Минск, Республика Беларусь).
e-mail: ev2mikhailova@mail.ru

Монгилёва Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Казахстан, Костанай).
e-mail: natmong@rambler.ru

Мухина Ирина Константиновна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
e-mail: golst@el.ru

Нефёдова Лилия Амирянвна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинска, Россия).
e-mail: lan2@mail.ru

Нин Хуай Ин – магистрант педагогических наук, доцент Тяньцзиньского университета иностранных языков (Тяньцзинь, КНР).
e-mail: ninghy2005@126.com

Носкова Анна Ильинична – старший преподаватель кафедры романской филологии Казанского федерального университета (Казань, Россия).
e-mail: anastrella@mail.ru

Обвинцева Надежда Валерьевна – кандидат филологических наук кафедры иностранных языков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Челябинск).
e-mail: obna79@yandex.ru

Пашкеева Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского научного исследовательского технологического университета (Казань, Россия).
e-mail: irinpash@yandex.ru

Пешкова Наталья Петровна – профессор, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).
e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Питина Светлана Анатольевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета (Челябинска, Россия).
e-mail: sap.pitina@rambler.ru

Плотникова Анна Михайловна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
e-mail: annamp@yandex.ru

Полякова Дарья Николаевна – кандидат филологических наук, специалист отдела международного сотрудничества Нижневартковского государственного университета (Нижневартковск, Россия).
e-mail: yashperitsa@yahoo.com

Протасов Тимофей Андреевич – аспирант Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).
e-mail: tim-protasov@ya.ru

Попкова Лариса Михайловна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русского языка как иностранного Псковского государственного университета (Псков, Россия).
e-mail: popkova.larisa@mail.ru

Пушкарёва Наталия Викторовна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского госуниверситета (Санкт-Петербург, Россия).
e-mail: pushkarevanata@gmail.com

Рянская Эльвира Михайловна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного университета (Нижневартковск, Россия).
e-mail: elohka2210@yandex.ru

Салахова Аделина Гюль-Балаевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: adelina-salakhova@yandex.ru

Северын Агнешка Мария – магистр, докторант кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Ягеллонского университета (Краков, Польша).
e-mail: aga.seweryn@gmail.com

Серебряков Анатолий Алексеевич – доцент, доктор филологических наук, заведующий кафедрой отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия).
e-mail: aasereb@mail.ru

Серебрякова Светлана Васильевна – профессор, доктор филологических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия).
e-mail: svetla.na@mail.ru

Синельников Юрий Григорьевич – доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).
e-mail: sinelnikov@bsu.edu.ru

Синельникова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).
e-mail: sinelnikova@bsu.edu.ru

Сибиряков Игорь Васильевич – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Челябинского государственного университета физической культуры (Челябинск, Россия).
e-mail: iv.sibiryakov@mail.ru

Сироткина Татьяна Александровна – доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия).
e-mail: sirotkina71@mail.ru

Соловьева Наталья Сергеевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия).

e-mail: nisanasol@yandex.ru

Сомова Марина Викторовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (Рязань, Россия).

e-mail: m.somova@rsu.edu.ru

Сорокина Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: sorokinateacher@mail.ru

Сычева Екатерина Игоревна – ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: ekaterina.levushkina@yandex.ru

Туктангулова Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия).

e-mail: tuctangulova@gmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир, Россия).

e-mail: fedulenkova@list.ru

Хабибулина Зилия Зарифовна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: zilyahabibulina@mail.ru

Харченко Елена Владимировна – профессор, доктор филологических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (Челябинск, Россия).

e-mail: Ev-kharchenko@yandex.ru

Чабашвили Михаил – протоиерей, руководитель службы международных связей и отношений Учебного университета им. Эквтиме Такашвили (Рустави, Грузия).

e-mail: a.zoia777@gmail.com

Чиронов Сергей Владимирович – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков Московского государственного института международных отношений (Москва, Россия).

e-mail: chironov@yandex.ru

Шаповалова Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: megarchelishe@mail.ru

Шевель Валерия Геннадьевна – преподаватель Института иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: shevel.valeriya@gmail.com

Шевчук-Черногогорова Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Института иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
e-mail: marushechka@i.ua

Южакова Юлия Александровна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С.А.Есенина (Рязань, Россия).
e-mail: yu.yuzhakova@rsu.edu.ru

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).
e-mail: mr.koloboque@rambler.ru

Яровая Лариса Егоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и иностранных языков Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия).
e-mail: Yarovaya_larisa@mail.ru

Ustinova Irina – Dr. Professor Southeast Missouri State University (Cape Girardeau, Missouri, United States).
e-mail: iustinova@semo.edu

**Секция «Актуальные проблемы перевода, переводоведения
и методики преподавания перевода»**

Абдрахманова Ольга Рамильевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: aorrabota@mail.ru

Андросова Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).
e-mail: androsova_s@bsu.edu.ru

Байчурина Альбина Шамильевна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: alb.74@mail.ru

Большакова Наталья Фридриховна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).
e-mail: natalyabolshakov@yandex.ru

Бубнова Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).
e-mail: frenjar@yandex.ru

Валькова Юлия Евгеньевна – соискатель, преподаватель кафедры делового иностранного языка Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).
e-mail: mutlulukcik@rambler.ru

Волкова Татьяна Александровна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: tatia.volkova@gmail.com

Гаврилова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: e.vl.gavrilova@yandex.ru

Генералов Владимир Александрович – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: gen-vladimir@list.ru

Герте Наталия Александровна – аспирант Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: gerte_nata@mail.ru

Гишян Нарине – магистр, преподаватель кафедры коммуникации и перевода английского языка Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова (Ереван, Армения).

e-mail: narinegishyan@yahoo.com

Горшкова Вера Евгеньевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Евразийского лингвистического института (Иркутск, Россия).

e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

Дмитриева Марина Юрьевна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: reload2001@mail.ru

Дубкова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Новосибирского высшего военного командного училища (Новосибирск, Россия).

e-mail: linuan12@mail.ru

Зеленцова Милена Геннадьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: poisk0808@list.ru

Зиязова Ирина Римовна – преподаватель кафедры лингвистики и перевода Нижневартовского государственного университета (Нижневартовск, Россия).

e-mail: irina_cloud@mail.ru

Калинин Кирилл Евгеньевич – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: kirill_kalinin@mail.ru

Карапец Валентина Валерьевна – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

e-mail: valentinakarapec@yandex.ru

Котовская Александра Евгеньевна – магистрант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

e-mail: tga41@yandex.ru

Краснопеева Екатерина Сергеевна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: Ye.kr121csu@gmail.com

Криворучко Анна Игоревна – аспирант, преподаватель кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: annaigor08@mail.ru

Кульпина Евгения Олеговна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: eugenia.kul10@gmail.com

Ладыгина Светлана Юрьевна – преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия)

e-mail: sladygina@bk.ru

Лазарева Оксана Петровна – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации экономико-правовых направлений Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

e-mail: opl-tyumen@mail.ru

Леонова Марианна – доцент, доктор Гёттингенского университета им. Георга-Августа (Гёттинген, Германия).

e-mail: Marianna.Leonova-1@phil.uni-goettingen.de

Лесная Галина Мирославовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

e-mail: glesnaya@mail.ru

Лукинова Марина Юрьевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент института иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: mlukinova@gmail.com

Макурина Ирина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков филиала военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Челябинск, Россия).

e-mail: Mairine@yandex.ru

Мамонова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: mamonovael@mail.ru

Масленникова Евгения Михайловна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета (Тверь, Россия).

e-mail: e-maslennikova@inbox.ru; arakin2grammar@mail.ru

Миронова Дарья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: daria28@mail.ru

Мурзина Татьяна Анатольевна – бакалавр лингвистики Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: fattara@bk.ru

Образцова Елена Михайловна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и теоретической и прикладной лингвистики Южноукраинского национального педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Одесса, Украина).

e-mail: mgu_ohelen@ukr.net

Папулова Юлия Константиновна – аспирант Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: juliapopova12@yandex.ru

Пестова Мария Сергеевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Уральского гуманитарного института (Екатеринбург, Россия).

e-mail: pestova_m@bk.ru

Поршнева Елена Рафаэлевна – профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики французского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: eporshneva@gmail.com

Разумовская Вероника Адольфовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры делового иностранного языка Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Романов Петр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного областного технологического университета (Королев, Россия).

e-mail: rom-peter@yandex.ru

Румянцева Марина Васильевна – кандидат филологических наук, заместитель директора Центра языковой подготовки Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Костанай, Казахстан).

e-mail: m.rumjanzewa@rambler.ru

Русина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Полесского государственного университета (Пинск, Беларусь).

e-mail: jrusina@mail.ru

Садыков Зоҳид Яқубжанович – доцент, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Намаганского государственного университета (Намаган, Узбекистан).

e-mail: sadikov.zohid@mail.ru

Сдобников Вадим Витальевич – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

e-mail: artist232@rambler.ru

Синельников Юрий Григорьевич – доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).

e-mail: sinelnikov@bsu.edu.ru

Синельникова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).

e-mail: sinelnikova@bsu.edu.ru

Согибян Кристине Оганесовна – доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой перевода и коммуникаций английского языка Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова (Ереван, Армения).

e-mail: ksoghikyan@yahoo.com

Сорокина Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: sorokinaolga53@rambler.ru

Сухова Анна Викторовна – преподаватель кафедры иностранных языков Костанайского государственного педагогического института (Костанай, Казахстан).

e-mail: sukhova.anya@mail.ru

Токарева Галина Альбертовна – доцент, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Камчатского государственного технического университета (Петропавловск-Камчатский, Россия).

e-mail: tga41@yandex.ru

Уварова Надежда Романовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Шадринского государственного педагогического института (Шадринск, Россия).

e-mail: uvarlap@yandex.ru

Ушакова Анна Олеговна – аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия)

e-mail: a.o.ushakova@gmail.com

Хромова Елена Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и связи с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: khromovalena@mail.ru

Чжао Хун – доктор филологических наук, профессор Сианьского университета иностранных языков, директор Института русского языка (Сиань, Китай).

e-mail: xwzhaohong@163.com

Шалыга Диана Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии Таврической Академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

e-mail: d.shalyga@rambler.ru

Шахбазян Анна Артуровна – магистр, преподаватель Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова (Ереван, Армения).

e-mail: annashahbazyan91@gmail.com

Юхмина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: alen_vitamin@mail.ru

Ярошенко Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: onyarosh@csu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Языковая картина мира и взаимодействие культур»

<i>N. F. German (Челябинск, Россия).</i> Cultural identity as the basis for stereotyping, prejudice, discrimination and racism	3
<i>I. Ustinova (Cape Girardeau, Missouri, United States).</i> Linguistic image of Russian cultural identity	7
<i>Е. Н. Азначеева (Челябинск, Россия).</i> Языковая репрезентация профессиональной оценки (на материале форумов и интервью в сфере музыкального исполнительского искусства)	11
<i>С. А. Андросова, Ю. Г. Синельников, И. И. Синельникова (Белгород, Россия).</i> Особенности символизации в структуре колоративных характерологических фразеологизмов французского аргю	15
<i>О. О. Антипова (Нижний Новгород, Россия).</i> Антропоморфные зоометафоры с инвективной интенцией	19
<i>Н. Ю. Арзамасцева (Курск, Россия).</i> Доминантные особенности языка современной немецкой молодежи (экспериментальное исследование)	22
<i>Е. Н. Бекасова (Оренбург, Россия), Т. Grigorjapová (Трнава, Словацкая Республика)</i> Слово как «доминантная святыня»	25
<i>Я. Л. Березовская (Челябинск, Россия).</i> Система китайских имен и фамилий в русском языковом сознании	28
<i>Л. И. Богданова (Москва, Россия).</i> Культурные ценности в языковом отражении	31
<i>И. С. Бороздина (Курск, Россия), Е. В. Идельсон (Сиэтл, США).</i> Концепт «пространство» / «space» в билингвальном сознании	35
<i>Л. В. Вдовиченко (Сургут, Россия).</i> Идеологема «order» в современной американской языковой картине мира	40
<i>Т. А. Воронцова (Челябинск, Россия).</i> Комплимент в российской коммуникативной культуре	43
<i>С. Р. Габдуллина (Москва, Россия).</i> К истокам космополитизма М. Цветаевой. «Европейское» и «немецкое» в раннем творчестве	46
<i>Е. Э. Гампер (Магнитогорск, Россия).</i> Политическая «некорректность» в рекламном дискурсе (на примере англоязычных рекламных текстов)	50
<i>И. В. Гвоздева (Челябинск, Россия).</i> Сопоставительный анализ формул обращений в китайской и русской коммуникативных культурах	53
<i>Е. А. Гейм (Челябинск, Россия).</i> Фразеологические выражения с анималистическим компонентом в итальянском языке: лингвокультурологический аспект	56
<i>О. И. Гладких (Симферополь, Россия).</i> О ценностных доминантах канадской лингвокультуры	59
<i>К. О. Гордеева (Челябинск, Россия).</i> Особенности словообразования цветообозначений-композигов в современном немецком языке	63
<i>Ю. Г. Горпенникова (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Культурная вариативность извинения в немецком речевом общении	66
<i>О. В. Григорьева (Челябинск, Россия).</i> Источники формирования лексики лесной и деревообрабатывающей промышленности (на материале итальянского и русского языков)	70
<i>Ю. Н. Грицкевич, С. В. Лукьянова, Л. М. Попкова (Псков, Россия).</i> Языковая картина мира иностранца в ее обусловленности культурным пространством региона	74
<i>Ю. Д. Добашина (Челябинск, Россия).</i> Сравнительный анализ предмета похвалы в английском и русском коммуникативном поведении (на материалах телешоу «The Voice UK» и «Голос»)	79
<i>К. А. Добрикова (Челябинск, Россия).</i> Основные факторы аккультурации. Сопутствующее явление культурного шока	82

<i>А. А. Елистратов (Челябинск, Россия).</i> О географической вариативности спортивного жаргона (на материале английского и русского языков)	85
<i>А. Г. Еренская (Челябинск, Россия).</i> Категория времени во фразеологических единицах английского языка	90
<i>Р. Г. Жамсаранова (Чита, Россия).</i> Концептуальная метафора в этнонимно-генонимных названиях	92
<i>С. Р. Зайнуллина (Ижевск, Россия).</i> Традиционные формулы как средство репрезентации древнерусской языковой картины мира (на материале «Повести временных лет» по лаврентьевскому списку)	96
<i>Я. В. Зубенко (Костанай, Казахстан).</i> Прецедентное имя как элемент когнитивной базы	99
<i>Д. Н. Иванова (Ростов-на-Дону, Россия),</i> <i>Л. Е. Яровая (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Особенности лексических новообразований в современном английском языке	102
<i>А. В. Кавунова, А. М. Плотникова (Екатеринбург, Россия).</i> Иностранный акцент как объект метаязыковой рефлексии в художественном тексте	106
<i>А. О. Кагилева (Екатеринбург, Россия).</i> Семантические изменения: причины образования эвфемизмов	109
<i>Л. Ф. Килина (Ижевск, Россия).</i> Некрологи русским князьям как культурно-лингвистический феномен (на материале «Повести временных лет»)	112
<i>Б. М. Кондорский (Донецк, Украина).</i> Роль социально-исторического фактора в развитии языка (в период древности)	117
<i>А. Р. Копачева (Челябинск, Россия).</i> Лингвостилистические средства актуализации языковой личности автора в художественной картине мира французского символизма	123
<i>М. О. Короткова (Симферополь, Россия).</i> Языковая ситуация в Канаде в аспекте билингвизма	126
<i>Н. Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия).</i> «Разговоры в зеркале» социальной и культурной идентичности: стратегии и тактики обсуждения проблем современности в одноименной книге	130
<i>С. С. Краева (Челябинск, Россия).</i> Влияние бенефактивного действия на выбор средств объективации речевого жанра благодарность	133
<i>С. Крылова (Рига, Латвия).</i> Отражение понятия «секта» в публицистике постсоветского пространства (на примере центральных СМИ России и Латвии 1990–2000 г.)	137
<i>Н. Ю. Кузнецова (Челябинск, Россия).</i> Характеристика наименований лиц по профессиям на материале немецких сказок	140
<i>С. Л. Кушнерук (Челябинск, Россия).</i> Исследования ментальных пространств в лингвистике: текстовый мир в кругу смежных понятий	143
<i>О. В. Ланская (Липецк, Россия).</i> Концепт «дом» в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей»	146
<i>Т. В. Ларина (Москва, Россия).</i> Вежливость как регулятор коммуникативного поведения	149
<i>Л. П. Лобанова (Москва, Россия).</i> Языковой прием в энергетическом описании языковой картины мира Л. Вайсгерберга	155
<i>Т. В. Лукоянова (Астрахань, Россия).</i> Эпонимия как одна из форм вариативности в предметной области медицины «хирургический инструментарий»	159
<i>Н. В. Лучкина, Д. А. Малинина (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Особенности описания предметного мира в русской прозе	163
<i>А. И. Лызлов (Смоленск, Россия).</i> Об отрицательной оценке поспешных действий в паремиях английского языка	167
<i>С. И. Маджаева (Астрахань, Россия).</i> Особенности общения «врач-пациент»	171
<i>М. В. Малащенко, О. В. Косоногова (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Взаимодействие и взаимопроникновение лингвокультур в XX–XI вв.	174
<i>М. М. Манатина (Челябинск, Россия).</i> Особенности испанского языка стран Латинской Америки	177

М. Ф. Масгутова (Челябинск, Россия). Концептуальное представление «дружба» в коммуникативной парадигме (на примере немецкого языка)	182
Т. М. Матвеева (Челябинск, Россия). Метафора как один из аналогово-когнитивных механизмов лингвокреативной деятельности дегустаторов (на материале немецкого языка)	186
Т. А. Мацура (Челябинск, Россия). Типы ошибок иностранных студентов в процессе межкультурной коммуникации при обучении в вузе	189
О. В. Мерзликина (Киев, Украина). Гендерная асимметрия испанской инвективы	192
А. А. Миронова (Челябинск, Россия). Языковая личность писца в церковно-приходских летописях XIX века	196
Е. В. Михайлова (Минск, Республика Беларусь). Отражение особенностей языковой картины мира А. А. Блока в стихотворениях, использованных в вокально-инструментальной сюите Д.Д. Шостаковича	201
Н. В. Монгилева (Костанай, Казахстан). Когнитивный анализ устных высказываний «расскажите о своей семье»	206
И. К. Мухина (Екатеринбург, Россия). Лексический состав денотативной сферы «нации» в идеографических словарях	210
Л. А. Нефёдова, Н. М. Глушкова (Челябинск, Россия). Роль невербальных средств в идентификации языковой личности	214
А. И. Носкова (Казань, Россия). Венесуализмы как проявление национально-культурной семантики венесуэльского варианта испанского языка	218
Н. В. Обвинцева (Екатеринбург, Россия). Репрезентация концепта «отношение» в русском языке на основе материала национального корпуса	222
И. Ю. Пашкеева (Казань, Россия). Образность индейского предложения на примере эпоса «Валламолум»	226
Н. П. Пешкова (Уфа, Россия). Социокультурные аспекты понимания в условиях полиэтнической среды (на материале текстов различных типов)	230
С. А. Питина (Челябинск, Россия). Английские и русские топонимы в сопоставительном аспекте	234
Д. Н. Полякова (Нижегород, Россия). Розовый цвет в контексте современной западной культуры: новый взгляд сквозь «розовые очки»	237
Т. А. Протасов (Тюмень, Россия). Многомирие «человека в высоком замке» (Man in the high castle) Филиппа К. Дика	241
Н. В. Пушкарёва (Санкт-Петербург, Россия). Картина мира сквозь призму пунктуации	245
Э. М. Рянская (Нижегород, Россия). Потенциал частей речи в выражении аспектуально-временных значений	249
А. Г.-Б. Салахова (Челябинск, Россия). Рационализация иррационального в процессе познания конфессиональной языковой личности	253
А. М. Северын (Краков, Польша). Когда каждое слово имеет особенный смысл. Как перевести язык Ивана Вырыпаева?	257
С. В. Серебрякова, А. А. Серебряков (Ставрополь, Россия). Особенности лексико-семантической сочетаемости в сфере номинации немецкого и русского языков	262
И. В. Сибириков (Челябинск, Россия). Феноменологическая сущность языковой игры	266
Т. А. Сироткина (Сургут, Россия). Эргономия в культурно-языковом пространстве города	270
Н. С. Соловьёва (Магнитогорск, Россия). Эвфемизмы как средство выражения коммерческой коррекции в английском и русском языках	273
М. В. Сомова (Рязань, Россия). Представление русской природы в сказках А.С. Пушкина	277
Ю. В. Сорокина (Челябинск, Россия). Дискурсивная аутентичность лекции на английском языке	281
Е. И. Сычева (Екатеринбург, Россия). Языковая и этническая идентичность билингва (на материале автобиографии В. Познера «Прощание с иллюзиями»)	284
Е. В. Туктангулова (Ижевск, Россия). Художественный концепт «жизнь» в идиостиле Н. А. Заболоцкого	287

Т. Н. Федуленкова (Владимир, Россия). Лексический вариант как динамический компонент в структуре фразеологической единицы (на материале английской, немецкой и шведской фразеологии)	291
З. З. Хабибулина (Челябинск, Россия). Профессиограмма как эталонная модель менеджера	294
Е. В. Харченко (Челябинск, Россия), Нин Хуай Ин (Тяньцзинь, КНР). Этикетные формулы в межкультурной бизнес-коммуникации	298
Протоиерей М. Чабашвили, З. К. Адамия (Рустави, Грузия). К вопросу о роли и положении женщины в грузинском обществе второй половины XIX века	302
С. В. Чиронов (Москва, Россия). Иллокутивные глаголы (не)согласия в японском языке	305
Е. О. Шаповалова (Челябинск, Россия). Специфика использования авторских преобразований во фразеологизмах с именами собственными (на материале российской и итальянской прессы)	311
В. Г. Шевель (Симферополь, Россия). Определением лексических особенностей социолекта бьюти-блогеров Калифорнии	314
М. А. Шевчук-Черногородова (Симферополь, Россия). Цвет в языковых картинах мира французского и русского народов (на примере фразеологии)	318
Ю. А. Южакова (Рязань, Россия). Способы выражения тождества в стилистическом аспекте	323
А. А. Яковлев (Красноярск, Россия). К сопоставительному изучению языковой картины мира студента	326

Секция «Актуальные проблемы перевода, переводоведения и методики преподавания перевода»

О. Р. Абдрахманова, А. В. Сухова (Челябинск, Россия). Трудности перевода заголовков новостных онлайн-статей (на примере переводной французской и российской онлайн-прессы)	332
С. А. Андросова, Ю. Г. Синельников, И. И. Синельникова (Белгород, Россия). Способы достижения эквивалентности перевода французских арготических фразеологизмов на русский язык	336
А. Ш. Байчурина (Челябинск, Россия). Использование дистанционных технологий в обучении иностранному языку студентов заочного отделения неязыковых специальностей	340
Н. Ф. Большакова (Пермь, Россия). О переводе атрибутивных многокомпонентных сочетаний с английского языка на русский	343
А. С. Бубнова (Нижний Новгород, Россия). Культурно-обусловленные особенности межличностного взаимодействия в ситуации делового общения (на примере японской и русской версий фильма Л. Бессона «Taxi»)	346
Ю. Е. Валькова (Красноярск, Россия). Остранение в ситуации перевода	350
Т. А. Волкова (Челябинск, Россия). Типология и дидактический потенциал моделей перевода	353
Е. В. Гаврилова (Нижний Новгород, Россия). Методика исследования синтаксических изотопий в процессе перевода (на примере материалов французских СМИ)	358
В. А. Генералов (Челябинск, Россия). «Игры разума»: особенности перевода англоязычных названий кинофильмов и литературных произведений	363
Н. А. Герте (Пермь, Россия). Применение методики денотативного картирования при реферативном переводе	367
В. Е. Горшкова (Иркутск, Россия). Единство и борьба противоположностей в аудиовизуальном переводе	370
И. В. Денисова, И. В. Телешева (Челябинск, Россия). The gender peculiarities in literary translation	373

М. Ю. Дмитриева (Челябинск, Россия). Бельгийский национальный вариант французского языка: трудности перевода бельгизмов	376
М. Г. Зеленцова (Симферополь, Республика Крым). Когнитивные основы экономического перевода (на материале текстов терминосистемы менеджмента)	380
И. Р. Зиязова (Нижегород, Россия). Субзнаки как дополнительные смыслообразующие элементы в субтитрах	384
Н. В. Иноземцева, И. В. Вержинская (Оренбург, Россия). Особенности фразеологизмов с компонентом «животные»	387
К. Е. Калинин (Нижегород, Россия). Перевод как «брита Оккама»	390
В. В. Карапец (Москва, Россия). Синтаксическая граница предложения в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» и в его русских переводах	393
Э. Р. Колеева (Челябинск, Россия). К вопросу самостоятельности студентов в процессе обучения иностранным языкам	397
Е. С. Краснопеева (Челябинск, Россия). Introducing corpus-based translation studies to translator training curriculum	401
А. И. Криворучко (Пермь, Россия). Категория субъекта в аспекте деятельностно-синергетической парадигмы перевода	404
Л. В. Кушнина, А. Н. Арекеева (Пермь, Россия). Динамика пространства перевода: от повторного перевода текста к переводческому хронотопу	409
С. Ю. Ладыгина (Челябинск, Россия). Особенности перевода английских технических многокомпонентных терминов	413
О. П. Лазарева (Тюмень, Россия). Использование электронных ресурсов в работе переводчика	416
М. Леонова (Геттинген, Германия). Перевод как интерпретация текста на примере романа Станислава Лема «Солярис»	419
Г. М. Лесная (Москва, Россия). Специфика перевода с украинского языка на русский (как проблема обучения переводу близкородственных языков)	423
М. Ю. Лукинова (Симферополь, Россия). Междисциплинарный подход к переводческой деятельности	427
И. Ю. Макурина (Челябинск, Россия). Особенности обучения переводу текстов военной (авиационной) тематики	432
Е. Ю. Мамонова (Пермь, Россия). Категория субъективного в переводе: российские и зарубежные концепции	436
Е. М. Масленникова (Тверь, Россия). Лингвоэтнический перевод и язык целевой аудитории	440
Д. А. Миронова, Е. О. Кульпина (Челябинск, Россия). Вариативность в переводе религиозной лексики (на примере передачи православных терминов с русского на английский язык)	443
Д. А. Миронова, Т. А. Мурзина (Челябинск, Россия). Некоторые аспекты перевода-редактирования в современном медиaprостранстве	448
Е. М. Образцова (Одесса, Украина). Синтаксис речи персонажа в оригинале и переводе: адекватность воссоздания художественного образа	452
Ю. К. Папулова (Пермь, Россия). Интертекстуальная модель художественного перевода (на материале постмодернистских текстов и их переводов)	457
М. С. Пестова (Екатеринбург, Россия). Проект двуязычного словаря фразеологических антонимов	463
Е. Р. Поршнева (Нижегород, Россия). Специфика языковой подготовки будущих переводчиков в свете новой образовательной парадигмы	466
В. А. Разумовская (Красноярск, Россия). Творчество В. П. Астафьева: литературоцентрическая традиция русской литературы и проблемы перевода сибирского текста	470
П. С. Романов (Королев, Россия). Роль экстенсивного чтения в методике преподавания иностранных языков	474

М. В. Румянцева (Костанай, Казахстан). Проблема преломления языкового сознания автора при переводе метафорических сравнений (на материале произведений Н. В. Гоголя)	478
Ю. Н. Русина (Пинск, Беларусь). Структурно-семантические особенности терминов и фразеологических единиц англоязычного экономического дискурса и специфика их перевода	481
З. Я. Садыков (Узбекистан). Проблемы воссоздания исторического колорита в переводе древних памятников (на основе переводов «Благодатное знание» Юсуфа Баласагунского)	486
В. В. Сдобников (Нижний Новгород, Россия). Профессиональный перевод VS учебный перевод: проблема оценки качества	489
К. О. Созилян, Н. А. Гишян (Ереван, Армения). A glimpse of key problems in multimedia translation	494
К. О. Созилян, А.А. Шахбазян (Ереван, Армения). Интерпретация фэнтези как предпереводческая деятельность	498
О. А. Сорокина (Челябинск, Россия). К вопросу об использовании личностно-ориентированного обучения второму иностранному языку	502
Г. В. Стойкович, Л. Ю. Стойкович (Самара, Россия). Категория вопросительности в англоязычных СМИ и её отражение при переводе на русский язык	506
А. Е. Котовская (Санкт-Петербург, Россия), Г. А. Токарева (Петропавловск-Камчатский, Россия). Перевод лирического текста как семантическое целое: диалоги переводчиков	510
Н. Р. Уварова (Шадринск, Россия). Некоторые особенности интерпретации и перевода художественных контекстов с прецедентными феноменами	517
А. О. Ушакова (Пермь, Россия). Научный и технический текст / научный и технический перевод	521
Е. Б. Хромова (Пермь, Россия). Вклад перевода в формирование русского философского языка: исторический аспект	525
Чжао Хун (Сиань, Китай), О. В. Дубкова (Новосибирск, Россия). Культуремы в китайско-русском переводе туристических текстов	528
Д. А. Шалыга (Симферополь, Россия). Проблема передачи комического (на материале переводов произведений современной немецкоязычной литературы)	533
Е. А. Юхмина (Челябинск, Россия). Специфика перевода заглавий в компьютерных журналах	536
О. Н. Ярошенко (Челябинск, Россия). Апробация методики развития профессиональной компетентности будущих переводчиков и научно-методическое обеспечение данного процесса	539
Сведения об авторах	544

Научное издание

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Материалы
VIII Международной научной конференции

*Челябинск
20-22 апреля 2016 года*

Верстка *А. А. Селютин*

*Подписано в печать 06.04.16.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 70,4,. Уч.-изд. л. 68,7.
Тираж 500 экз. Заказ 341*

Издательство «Энциклопедия».
454084, Челябинск, проспект Победы, 160.

Отпечатано в типографии
«Два комсомольца» с готового макета.
Челябинск, 454084, Комсомольский пр., 2.